ПЕСНИ

СОБРАННЫЕ ПИСАТЕЛЯМИ

МАТЕРИАЛЫ
ИЗ АРХИВА
П. В. КИРЕЕВСКОГО

Литературное
наследство

В настоящем томе печатаются открытые П. Д. Уховым в конце 1950-х годов, неизвестные ранее исследователям, русские народные песни из знаменитого Собрания П. В. Киреевского — классики фольклора.

В публикации входят те из вновь открытых материалов, которые относятся к теме «литература и фольклор». Это песни, собранные для П. В. Киреевского писателями.

Публикации открываются песнями в записи А. С. Пушкина, стоявшего у колыбели этого великого памятника русской народной культуры. Печатаются все известные в настоящее время песни, записанные поэтом или другим путем им собранные.

Вслед за пушкинскими записями следуют украинские песни и думы из коллекции Н. В. Гоголя — небольшое, но очень ценное собрание произведений исторического эпоса украинского народа.

Роль и значение Собрания П. В. Киреевского в развитии русской литературы особенно наглядно раскрывает участие в нем А. В. Кольцова. Песни, записанные им, впервые помещаются здесь полностью.

В книге публикуются также песни, записанные или добытые от собирателей писателями: Н. М. Языковым (удалые, казачьи и др. песни), П. И. Якушкиным, Н. А. Костровым, В. И. Далем (полное описание свадебного обряда с текстами песен и песня о Пугачеве), А. М. Тургеневым, А. Х. Востоковым, С. П. Шевыревым, Д. П. Ознобишиным (ранние записи исторических песен), К. Д. Кавелиным, А. В. Марковичем, Ю. В. Жадовской, А. Ф. Писемским, П. И. Мельниковым (А. Печерским) и самим П. В. Киреевским.

Публикации материалов каждой коллекции сопутствуют краткие предисловия и примечания. Разделу публикаций предшествуют три вводные статьи, в которых также содержится много ранее не печатавшихся документальных материалов.

В книге — 152 иллюстрации.

Для получения книги почтой заказы направлять по адресу: Москва — Центр, Б. Черкасский пер., 2/10, контора «Академкнига», или в ближайший магазин «Академкнига».

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ПЕСНИ, СОБРАННЫЕ ПИСАТЕЛЯМИ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ АРХИВА П. В. КИРЕЕВСКОГО

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. А. М. ГОРЬКОГО

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ТОМ СЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТЫЙ

РЕДАКЦИЯ
Д. Д. БЛАГОЙ, А. С. БУШМИН, В. В. ВИНОГРАДОВ,
А. Н. ДУБОВИКОВ, И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН, С. А. МАКАШИН,
К. Д. МУРАТОВА, Р. М. САМАРИН, Л. И. ТИМОФЕЕВ,
Н. А. ТРИФОНОВ, М. Б. ХРАПЧЕНКО,
В. Р. ЩЕРБИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 6 · 8

ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО - ВОВСЕ НЕ ЗНАЧИТ ЕЩЕ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ

ЛЕНИН

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ПЕСНИ, СОБРАННЫЕ ПИСАТЕЛЯМИ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ АРХИВА П. В. КИРЕЕВСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 6 · 8

ЭТУ КНИГУ «ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО» ПОСВЯЩАЕТ VI МЕЖДУНАРОДНОМУ СЪЕЗДУ СЛАВИСТОВ В ПРАГЕ

ГОД ИЗДАНИЯ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

7—2—2
166—68 (1 полуг.)

П. В. КИРЕЕВСКИЙ

Фотография с дагерротипа 1840-х годов

Центральный Государственный архив литературы и искусства, Москва

ОТ РЕДАКЦИИ

В этом томе печатаются открытые П. Д. Уховым в конце 1950-х годов, неизвестные ранее исследователям, материалы из знаменитого Собрания народных песен П. В. Киреевского — классики русского фольклора.

Полная публикация всех неизданных текстов из вновь найденных частей архива П. В. Киреевского — более трех тысяч песен — потребовала бы не одного, а многих томов. Это дело будущего, и это одна из крупных эдиционно-текстологических задач советской фольклористики. «Литературное наследство», исходя из своих литературоведческих интересов, помещает в настоящем томе лишь те материалы Собрания, которые непосредственно относятся к теме литература и фольклор и имеют существенное значение для научной разработки этой темы. Такими материалами являются песни, собранные для П. В. Киреевского писателями.

Печатаются песни не по сюжетам, а по коллекциям собирателей. За исключением записей Пушкина, Гоголя, Кольцова, а также Писемского и Мельникова-Печерского, материалы писательских коллекций представлены выборочно. В публикацию входят наиболее ценные в научном и художественно-идейном отношении произведения. Всего в томе помещено 504 песни и некоторых других фольклорных текстов и документов.

Публикации открываются песнями в записи Пушкина, стоявшего у истоков самого замысла Собрания П. В. Киреевского — этого великого памятника русской народной культуры. Печатаются все известные в настоящее время песни, записанные поэтом или собранные им другим путем. Ранее публиковавшиеся тексты заново сверены с рукописями поэта и копиями Киреевского, что позволило устранить ряд неточностей, имевших место в предшествующих изданиях.

Вслед за пушкинскими записями следуют украинские песни и думы из коллекции Гоголя, сохранившиеся в архиве художника А. А. Иванова. Это небольшое, но очень ценное собрание произведений исторического эпоса украинского народа, особенно привлекавших внимание Гоголя как писателя и историка.

Среди писателей пушкинской эпохи, внесших наиболее значительный вклад в Собрание Киреевского, были Н. М. Языков и В. И. Даль. Из коллекции Н. М. Языкова, чья собирательская работа происходила в основном в Симбирской и Оренбургской губ., публикуются преимущественно удалые и казачьи песни и несколько исторических, сохранивших характерные черты местной традиции. Из коллекции В. И. Даля для настоящего издания отобраны полное описание свадебного обряда с текстами песен и песня о Пугачеве, записанная, по-видимому, в Оренбургском крае, где Даль встречался с Пушкиным, приезжавшим туда для собирания материалов к «Истории Пугачева». Публикуемый свадебный обряд, записанный на горных заводах Урала, имеет большую научную ценность благодаря оригинальности текстов и хорошему качеству записей.

Интерес полной новизны представляют материалы — они разысканы покойной С. И. Минц — коллекции Д. П. Ознобишина, поэта пушкинской поры. Публикуются лирические песни и песни исторические; последние особенно важны потому, что относятся к ранним записям этого жанра народной поэзии. К ранним записям относятся также материалы из небольших коллекций А. Х. Востокова и С. П. Шевырева.

Роль и значение Собрания песен Киреевского в развитии русской литературы особенно наглядно раскрывает участие в нем А. В. Кольцова. Вместе с тем песни, им записанные,— они впервые публикуются здесь полностью,— образуют важную страницу в изучении творчества поэта.

Новым этапом в развитии русской литературы явилось формирование «натуральной школы» и появление этнографической и очерковой литературы. Публикуемые записи песен из коллекции П. И. Якушкина и Н. А. Кострова, а также более молодых собирателей, П. И. Мельникова (А. Печерского) и А. Ф. Писемского, свидетельствуют, что Собрание Киреевского продолжало и в 40—50-е годы занимать важное место в творческих интересах и работе писателей этого периода. Если

первые два автора были уже ранее широко известны как собиратели фольклора, то материалы П. И. Мельникова (А. Печерского) и А. Ф. Писемского должны послужить началом изучения собирательской деятельности этих писателей.

Раздел документальных публикаций завершается материалами небольшой коллекции песен, записанных самим Киреевским. Материалы эти показывают, насколько органически сочеталась его собирательская работа с фольклористической деятельностью русских писателей.

Публикации материалов каждой коллекции сопутствуют вводные статьи и комментарии, написанные И. Я. Айзенштоком, А. И. Баландиным, З. И. Власовой, Т. Г. Динесман, И. М. Колесницкой, Н. П. Колпаковой, С. И. Минц, В. В. Митрофановой, М. Е. Роговской, А. Д. Соймоновым, П. Д. Уховым и Г. Г. Шаповаловой.

В статьях сообщаются основные сведения о фольклористических интересах и деятельности данного писателя, о значении для его творчества народной песенной традиции; в конце каждого раздела дается текстологический и фольклорный комментарий к помещенным песням.

Более широкие исследовательские задачи ставят перед собою три вводные статьи, предшествующие разделу публикаций. Том открывается содержащей множество неизвестных архивных документов статьей Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова «П. В. Киреевский и собранные им песни». Статья характеризует литературные связи Киреевского, формирование его философского и эстетического мировоззрения, круг проблем, определивший участие собирателя в общественной и литературной жизни. Сюда относятся, в частности, философские заметки Киреевского, набросок задуманной им статьи о Сен-Симоне (одно из ранних свидетельств распространения сен-симонизма в России) и переписка, связанная с разными сторонами его деятельности.

Борьба вокруг наследия Киреевского после его смерти раскрыта в статье А. И. Баландина и П. Д. Ухова «Судьба песен, собранных П. В. Киреевским (история публикации)», в которой приводится ряд новых материалов, относящихся к сложной истории издания этого памятника. В статье А. Д. Соймонова «Фольклорное собрание П. В. Киреевского и русские писатели» дан общий аналитический обзор документов, характеризующий вклад литераторов в создание крупнейшего в мировой фольклористике Собрания. Здесь же исследуются работа Киреевского с материалами Собрания и отношение к Собранию славянофилов.

Все статьи, будучи связанными между собой, показывают деятельность Киреевского и его сотрудников по Собранию в конкретно-исторической обстановке борьбы различных общественных сил и литературных направлений первой половины XIX в. вокруг проблемы народности.

Редакция «Литературного наследства» полагает, что документальные публикации и основанные на них исследовательские статьи настоящего тома внесут немало нового в историко-литературное изучение Собрания Киреевского и существенно расширят документальную базу разработки общей проблемы о взаимоотношениях литературы и фольклора.

* * *

Замысел настоящего тома возник в редакции «Литературного наследства» еще в 1958 г., после того как автор открытия неизвестных частей Собрания Киреевского П. Д. Ухов сделал об этом ряд публичных сообщений, в том числе и в докладе на IV Международном съезде славистов в Москве. Предполагалось, что П. Д. Ухов сам осуществит бо́льшую часть всех публикаций тома. Однако болезнь и смерть исследователя (1961 г.) прервали его работу на этапе, еще очень далеком от конца. Для ее завершения редакции пришлось обратиться к помощи близких П. Д. Ухову лиц и его коллег по изучению Собрания Киреевского. Большую работу по комплектованию материалов публикации и первичной сверке их с рукописными набросками П. Д. Ухова осуществила его вдова Л. С. Ухова. Научное руководство подготовкой публикаций принял на себя по просьбе редакции А. Д. Соймонов. Контрольную текстологическую редактуру публикуемых песен (за исключением текстов из коллекций Пушкина, Гоголя и Ознобишина) осуществил по первоисточникам А. И. Баландин. Диалектологическое редактирование текстов провели А. П. Евгеньева и И. А. Оссовецкий. Все нотные примеры подготовил Б. М. Добровольский. Иллюстрации подобраны и подписи к ним составлены Т. Г. Динесман и Н. Д. Эфрос.

Редакторы тома: С. А. Макашин, А. Д. Соймонов и К. П. Богаевская.

СТАТЬИ

П. В. КИРЕЕВСКИЙ И СОБРАННЫЕ ИМ ПЕСНИ

Статья Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова

Посвящать свою жизнь собиранию народных песен — прекрасный подвиг.

Н. Г. Чернышевский

Историками русской литературы и фольклористики осуществлена большая исследовательская работа, освещающая жизнь и деятельность многих выдающихся представителей литературного движения XIX в., внесших свой вклад в науку о народном творчестве. Двухтомный обобщающий труд проф. М. К. Азадовского по истории русской фольклористики и изучение советскими историографами отдельных этапов истории науки, в особенности ее прогрессивных традиций, явились важнейшим завоеванием в этой области. Однако не все стороны историко-литературного процесса, не все этапы в развитии фольклористики XIX в. и ее виднейшие представители получили достаточно полное освещение в научной литературе. Так, осталось недостаточно изученным богатейшее рукописное наследие выдающегося знатока и собирателя русских народных песен Петра Васильевича Киреевского. М. К. Азадовский, более других исследователей занимавшийся изучением наследия Киреевского и опубликовавший очень ценные для науки письма его к Н. М. Языкову, в последней своей работе, изданной в 1958 г., вынужден был признать, что «целый ряд вопросов биографии Киреевского нуждается в дальнейшей разработке»[1]. При отсутствии научной биографии Киреевского и неудовлетворительности, а также тенденциозности описания его жизненного пути в дореволюционной литературе, выяснение указанных вопросов является первостепенной задачей, которую помогают решить обнаруженные архивные материалы.

Документы, использованные в настоящей работе, рассматриваются в хронологической последовательности. Для характеристики литературной среды, в которой рос и воспитывался Киреевский, привлекается переписка его матери с В. А. Жуковским. Жуковский и А. П. Киреевская были духовными наставниками будущего собирателя песен. Приведены новые документы из архива братьев Языковых. Они помогают выяснить обстоятельства, послужившие причиной того, что Собрание Киреевского не было издано при его жизни. В работе использована также неопубликованная переписка самого Киреевского, его родных и корреспондентов — собирателей фольклора. Здесь особенный интерес представляют письма В. И. Даля, М. А. Максимовича и некоторые другие. Все письма корреспондентов Киреевского мы не имеем возможности опубликовать в данной статье за неимением места.

Для изучения рукописного наследия Киреевского нами обследованы архивы Москвы, Ленинграда, Тулы, Калуги и Орла. Была совершена поездка по местам, связанным с жизнью и деятельностью Киреевского, что дало возможность уточнить ряд существенных вопросов его биографии.

Собранные материалы показывают литературные интересы Киреевского, его близкое общение с Пушкиным и другими писателями, принимавшими большое участие в записи народных песен. Это дает возможность шире осветить роль и значение песенного Собрания Киреевского в историко-литературном процессе.

1

Петр Васильевчч Киреевский родился 11 февраля 1808 г. в с. Долбине Лихвинского уезда Калужской губ. Детство, отрочество и юность Киреевского протекали в годы исторических сдвигов и потрясений, которые были вызваны Отечественной войной 1812 г., подъемом национально-освободительного движения в России и славянских странах и восстанием декабристов. Эти события оказали большое влияние не только на историческое развитие страны и ее общественной мысли. Они определили судьбу многих культурных семей. К числу таких семей принадлежали Киреевские.

П. В. Киреевский уже с детства находился в центре происходивших событий и в кругу многих замечательных людей, оказавших самое благотворное воздействие на его развитие и последующую деятельность. Незаурядным человеком был и его отец Василий Иванович Киреевский (1773—1812). О нем сохранились интересные воспоминания и некоторые документы, частично появившиеся в печати, частично оставшиеся неопубликованными.

Отец Петра Васильевича был типичным представителем просвещенного дворянства начала прошлого века. Он получил хорошее образование, знал пять языков, пробовал заниматься литературной деятельностью, переводами, увлекался естественными науками: химией, медициной; лечил крестьян в своих деревнях. По характеру Василий Иванович был человеком своевольным и как богатый помещик, имевший свыше тысячи душ крепостных, мало считался с местным начальством, о чем сохранились рассказы и анекдоты в воспоминаниях современников.

В 1805 г. В. И. Киреевский женился на Авдотье Петровне Юшковой (1789—1877), ставшей матерью Петра Васильевича. А. П. Юшкова принадлежала также к одной из родовитых и культурных семей тульского дворянства. О Юшковых известен ряд документов, находящихся в Тульском областном архиве. Подробные сведения о них были собраны К. К. Зейдлицем и другими биографами Жуковского.

Пятнадцати лет Авдотья Петровна, лишившись отца, осталась на попечении бабушки — М. Г. Буниной, жены А. И. Бунина — отца Жуковского. Через год бабушка решила выдать 16-летнюю внучку замуж за В. И. Киреевского, который был вдвое старше своей будущей жены.

Супруги Киреевские прожили вместе недолго. События Отечественной войны 1812 г., развернувшиеся в непосредственной близости к их поместью, сделали В. И. Киреевского участником войны. В 1807 г. он вступает в ополчение, но вскоре возвращается домой в связи с заключением Тильзитского мира. В 1812 г., во время наступления наполеоновских армий на Москву, В. И. Киреевский перевозит свою семью из Долбина в орловское имение, а сам, по собственному почину и на свои средства, устраивает в Орле госпиталь для раненых. Здесь он заболевает тифом и вскоре умирает. Петр Киреевский осиротел, когда ему не было и пяти лет, но память об отце, его литературных занятиях, как и весь семейный уклад, сложившийся в Долбине, оказали на него известное влияние.

В 1814 г., прожив после смерти мужа некоторое время у тетки (Е. А. Протасовой), Киреевская с тремя детьми — Иваном, Петром и Марией вернулась в Долбино. Вместе с ней приехал туда и Жуковский, чтобы помочь Авдотье Петровне в управлении имениями и в воспитании детей. Долбино было типичным барским поместьем начала XIX в.: «огромный на высоком

П. В. КИРЕЕВСКИЙ

Литография с портрета неизвестного художника, 1830-е годы

Центральный архив литературы и искусства, Москва

фундаменте дом, с мраморной внутренней облицовкой стен, с множеством надворных строений, окруженных великолепным садом»[2].

О жизни в Долбине в годы детства и отрочества П. В. Киреевского известно по воспоминаниям современников, а также из «долбинских» стихов Жуковского. Для биографии Киреевского, как будущего собирателя фольклора, интересны некоторые страницы воспоминаний А. Петерсона. Здесь говорится о народных обычаях и играх, которыми увлекались в Долбине взрослые и дети.

В то время, вспоминает Петерсон, профессиональных сказочников и сказочниц, шутов и шутих (еще сохранившихся в соседнем имении Мишенском у М. Г. Буниной) в Долбине уже не было. Но все же оставались многие из народных увеселений, типичных для помещичьего быта того времени. Был там и гуслист. «Гуслист настраивал фортепианы и игрывал по святочным вечерам, на которые в барскую залу собирались наряженные из дворовых (кто петухом, простым или индейским, журавлем, медведем с поводырем балагурным, всадником на коне, бабой-ягой в ступе с пестом и помелом и пр.) ⟨...⟩ В летнее время двор барский оглашался хоровыми песнями, под которые многочисленная дворня девок, сенных девушек, кружевниц и швей водила хороводы и разные игры: в коршуны, горелки, „заплетися, плетень, заплетися, ты завейся, труба золотая“, или „а мы просо сеяли“, „я поеду во Китай-город гуляти, привезу ли молодой жене покупку“ и др.; а нянюшки, мамушки, сидя на крыльце, любовались и внушали чинность и приличие. В известные праздники все бабы и дворовые собирались на игрища то на лугу, то в роще крестить кукушек, завивать венки, пускать их на воду и пр.»[3]

Представляет несомненный интерес факт, что у местного населения сохранились до наших дней воспоминания о народных праздниках в Долбине. Во время поездки туда, летом 1959 г., нам показали рощу и луг, где при Киреевских проводились народные гуляния, а теперь устраиваются праздники песен весной и после сбора урожая. Услышанные нами легенды и предания дополняют воспоминания Петерсона. В них говорится о том, что Киреевские выписывали цыган из Бессарабии, собирали крестьян с окрестных деревень и устраивали песенные состязания на долбинском лугу. Сохранились предания о знаменитых исполнительницах песен: о крепостной девушке Ольшанке, о цыганке, заточенной в подвале долбинского дома, и др.

Все это свидетельствует о богатейшей народно-поэтической традиции, которую в свое время, несомненно, поддерживали Киреевские, что также не прошло бесследно для воспитания и духовного развития будущего знатока и собирателя русских народных песен.

Таким образом, среда, окружавшая Киреевского в годы его детства, отрочества и юности, в известном отношении была типичной для сельского помещичьего быта того времени, когда культура наиболее просвещенного и передового дворянства находила определенные точки соприкосновения с народной культурой, обогащавшей ее. Не случайно, что именно в этой среде и в этих местах, в Долбине и Мишенском, зародилась и расцвела поэзия Жуковского, одного из первых русских поэтов XIX в., указавших на народное творчество как на богатейший источник национальной культуры.

В существующих биографиях Жуковского далеко не полно и недостаточно показано его близкое знакомство и литературное общение с сестрами Юшковыми и в особенности с Авдотьей Петровной. Известно, что А. П. Киреевская была деятельным помощником Жуковского и ценителем его поэзии. Однако многие материалы, раскрывающие эти стороны их взаимоотношений, остались не опубликованными, а что касается фольклорных занятий — не изученными. В то же время личные и литературные связи Киреевской и Жуковского имели очень большое значение для воспитания ее детей, формирования личности и мировоззрения Петра Киреевского.

Рано лишившись отца, П. В. Киреевский остался целиком на попечении матери, которая при участии Жуковского следила за его воспитанием. Через Жуковского и Авдотью Петровну братья Киреевские впервые приобщаются к литературной жизни, воспринимают идеи раннего русского романтизма, оказавшие впоследствии несомненное влияние на развитие их литературных интересов.

Авторитет матери, широко образованной, талантливой женщины, оставался для Петра Киреевского непоколебимым в течение всей его жизни, тем более что он подкреплялся авторитетом Жуковского, литературного наставника братьев Киреевских.

В этой связи считаем необходимым остановиться на неопубликованных материалах — письмах А. П. Киреевской-Елагиной к Жуковскому, имеющих большое историко-литературное значение. Здесь и ниже приводим лишь некоторые выдержки из них, характеризующие близость Жуковского к семье Киреевских, его участие в воспитании детей, а также литературные и фольклорные связи.

22 апреля ⟨1813 г.⟩ Авдотья Петровна в шутливом тоне обращается к Жуковскому:

«Dolbino — c'est le nom de la campagne que j'habite et que j'ai l'honneur de recommander au très cher cousin, dont la mémoire me parait en effet un peu sujette à caution. Je crois que j'ai eu le bonheur de vous entendre nommer plus de 20 fois Dolbino par son véritable nom qui lui a été donné depuis une

vingtaine de siècles,— et maintenant*, кто же бы мне сказал, что вы забудете даже имя той деревни, где все вас так без памяти любят. Господи помилуй! И батюшки светы, худо мне жить на свете! — Нет, сударь! не только *Долбино* зовут мою резиденцию, но и самый холодный край на свете называется *Долбино*; столица галиматьи называется *Долбино*; одушевленный беспорядок в порядке: *Долбино*! Вечная дремота: *Долбино*!—и пр., и пр., и пр., и пр., и пр., и пр., и пр., и пр., и пр., и пр. Неужели вы и после этого забудете Долбино?»[4]

Из следующего письма, не датированного, но относящегося к тому же времени, мы узнаем об отношениях Киреевской и Жуковского. Письмо носит интимный характер: оно касается чувства Жуковского к М. А. Протасовой и представляет интерес для биографии поэта. Письмо начинается так: «Жукачка, я давно к вам не писала, и это очень дурно! а ежели бы вы знали причину, от которой молчала, то сказали бы: это еще хуже! — Теперь так много накопилось на сердце, что если приняться за письмо, не расстанешься с ним целый день, а мне этого не хочется, и в стиле Алексея Сергеевича[5] доложу просто вашему высокоблагородию, что мы все живем по-прежнему, в четырех стенах: ездим из Мишенского в Долбино, из Долбина в Мишенское, из Мишенского в Игнатьево, из Игнатьева в Мишенское, из Долбина в Володьково, из Володькова в Долбино, из Долбина в Чернь, из Черни домой и прочие подобные неистовства[6], что мы точно так же носились на тех же ногах, на которых и при вас носились только (par parenthese**), не совсем с теми же головами. Что, одним словом, постороннему взору и приметить перемены какой-нибудь невозможно, — сердцу друга надобно бы взглянуть на внутрь,— но — это милое сердце, может статься, само имеет нужду в утешении, а на сегодня все бессмертные посетители спрятались в туман, гремят одни цепи и не пускают к милому краю родины, итак — courage et persévérance!*** — будущее, и настоящее все, сердцу неизменного друга,— и позвольте помолчать, пока хочется *квакать* — т. е. жаловаться или быть недовольной. У меня новых синонимов тьма, Жуковский! — все ваши альбомчики записались! А счетных книг довольно и старых! В приходе хорошего мало, *итого* с тех пор, как мы расстались, редко подводится, разве под расходом счастия! Ну ежели эта тоска перед радостью? — Ну ежели вы скажете: — Ура, поймал! — Скорей сказывайте мне, что там с вами делается, признаюсь, порядочно наши с вами души мучаются.

Mais le Purgatoire laisse du moins un Paradis à espérer, si vous me parlez de votre bonheur, me voilà tout de suite aux Elysées.— Du reste, c'est pour me tromper moi-même que je fais semblant de prendre mon agitation pour le préssentiment du bonheur,— cher ami, je n'espère rien! — ni les têtes courronnées, ni les cœurs amis, ni les persuasions raisonnables ne peuvent rien quand il s'agit de conscience! Vous ne voudrez pour vous-même d'un bonheur qui lui coûterait son repos, et qui par là même ne serait plus un bien pour aucun de vous.— Pour vous avouer franchement, je suis fâchée même de ces nouveaux efforts, de ces nouvelles espérances, qui ne servirent qu'à tourmenter votre cœur,— combien de fois faudra-t-il renoncer, se désespérer, revenir à se contenter de la simple belle vertu et puis se jeter de nouveau à corps perdu dans tous les orages d'une mer agitée, dont toutefois les vagues bienfaisantes vous portent contre votre gré sur le rivage? Pardon, mon cher ami, que Dieu nous garde ce que nous avons, qu'il vous conserve

* Долбино — название деревни, где я живу и которую имею честь рекомендовать дражайшему кузену, память которого, по-видимому, действительно ненадежна. Мне кажется, я более двадцати раз имела счастье слышать, как вы называли Долбино его настоящим именем, данным ему столетий двадцать тому назад,— и теперь (франц.).

** в скобках (франц.).

*** храбрость и отвага! (франц.).

votre amie charmante, vos vertus, et qu'il remplisse votre cœur de tout le bonheur de son amour.— Abandon! et foi! — et aimons sans mesure! à Dieu! *»[7]

Ожидая возвращения Жуковского в Долбино, Киреевская писала 23 ноября 1815 г.:

«Милый брат! Милый друг! Бесценное письмо ваше оживило меня, хотя в нем нет ничего *оживительного*, те же желания не того, что у нас есть, та же непривязанность к настоящему, та же пустота, скука, которые до вашей милой души не должны бы сметь дотронуться,— но этот почерк, этот голос дружбы, который слышен и в скуке, и в пустоте, и в шуме, и возможность счастья невольно воскресла! Авось! милый Жуковский! ведь это слово не ветреной надежды, а спокойного доверия! Доверенности к доброму промыслу, к сердцу друзей, к святыне недосягаемой! Бросьте все, милый брат! приезжайте сюда, ваше место здесь свято! Готовить нечего, оно всегда первое! Ваши рощи, ваша милая Поэзия, ваша прелестная свобода, тишина, вдохновение и верные сердца ваших друзей, здесь все цело, все живет, все *вечно*! Что это за *состояние*, для которого вам надобно служить? Что это значит: *чем жить*? Это и глупо и обидно! Забыли вы, что я хотела все свое продать, бросить, чтобы с вами в 14 году ехать в Швейцарию? Разве вы не знаете, что у нас, слава богу, есть чем жить, и больше нежели для *житья* надобно, что и тогда бы было, когда б я сама для жизни своими руками работала, и тогда бы вы могли жить со всеми прихотьми, каких бы вам угодно было! А когда бы вы здесь были с нами, я была бы вашим богатством богата; милый, милый друг, неужели мне сказывать вам, что такое для меня любить вас?..»[8]

Дополнительный материал к этим письмам можно найти в переписке Жуковского, опубликованной в «Уткинском сборнике»[9]. Но не все из его писем сохранились, и поэтому многое, в частности упомянутая выше несостоявшаяся поездка в Швейцарию, является совершенно новыми данными для биографии поэта.

Киреевская была Жуковскому верным другом, разделявшим его поэтические замыслы. Это видно из следующего письма, начало которого посвящено получению ею известного портрета Жуковского работы О. А. Кипренского:

10 июля ⟨1815 г.⟩ Долбино.

«Ванюша заплакал от радости, получа ваш милый портрет, да, признаюсь, поплакала над ним и я. Сначала от радости, а потом и не от радости. Когда же эта милая рожица будет выражать счастие! С тех пор как я его получила, мне очень грустно, и от этого сходства, от задумчивого этого взгляда, и от доброй, выражающей всю прелестную душу вашу, но несносно горестной улыбки, и от вашего письма. Милый друг! Когда ж глупые мысли перестанут гнездиться в душе вашей? Я очень вижу, каким манером завел их туда „Владимир“ со всеми своими дурацкими предсказаниями; как все окружающее вас усиливает их то надеждами, то обманами и как вы, по свойст-

* Но чистилище по крайней мере оставляет надежду на рай, если вы говорите мне о вашем счастье — вот я и в Елисейских полях. Впрочем, это, чтобы обмануть самое себя, я принимаю свое волнение за предчувствие счастья, дорогой друг, я ни на что не надеюсь! Ни коронованные особы, ни дружеские сердца, ни уговоры разума не могут ничего в делах совести! Вы сами не захотите счастья, которое будет стоить ей покоя и которое уже поэтому не будет благом ни для кого из вас. Признаться откровенно, я даже недовольна этими новыми усилиями, этими новыми надеждами, которые только измучили ваше сердце — сколько раз еще надо будет отказываться, отчаиваться и опять довольствоваться простой и прекрасной добродетелью, а потом снова бросаться очертя голову во все бури взбаламученного моря, благодатные волны которого помимо вашей воли выносят вас на берег? Простите, мой дорогой друг, да сохранит нам бог то, что мы имеем, сохранит вам вашу милую подругу, ваши добродетели и наполнит ваше сердце всем счастием ее любви. Отдадимся течению! и будем верить! И любить без меры! С богом! (франц.).

венной нам общей рассудительности, принимаете все за *предчувствие* и за пророчества. Помните, как вы писали „Послание к царю"? Как уверены были, что не удастся его кончить? Помните ли Эльвину и Эдвина? Каким она нас страхом поразила? Вас как изобретателя, а меня за вами. Как мы не смели сообщить друг другу своей боязни и как долго уже спустя посмеялись над тем страхом, который из доброй воли *насочинили* себе сами? Помните ли Валленштейна? Помните Шиллерову историю о 30-летней войне и как суд неба, произнесенный над Густавом Адольфом, поразил вас? Милый друг! сколько раз мы делали себе химеры счастья и несчастья; сколько раз плакали и радовались над мечтами нашего воображения, а счастье и несчастье и будущее со своими мечтами приходили, совсем не спрашиваясь с нашими ожиданиями, и заменяли их новыми горестями и новыми бреднями. Вам много еще осталось в жизни, Владимир не один должен оставить след этой милой жизни...»[10]

Письмо в основном посвящено замыслу Жуковского написать «Вадима» (Владимира), о котором сам Жуковский, очевидно, неоднократно сообщал Киреевской, как видно из материалов «Уткинского сборника». Но оно интересно воспоминанием о работе поэта над предшествующими произведениями. Письмо указывает также и на роль Авдотьи Петровны в жизни Жуковского.

Киреевская вполне разделяла поэтическое кредо Жуковского и ранних русских романтиков. В ее письмах неоднократно цитируются стихи Жуковского и дается их разбор с этих позиций. Она резко осуждает и критикует сторонников классицизма, иронизирует по поводу стихов А. Ф. Мерзлякова и приветствует друзей Жуковского, подробно расспрашивая о них. «Что Батюшков? — пишет она в одном из писем.— Не можете ли вы прислать, что есть новое, неизвестное. Рад ли он вам и кто вам больше всего рад? И кому вы больше рады?»

Имя Батюшкова постоянно встречается в ее письмах этого периода, и его поэзию она всегда одобряет. Есть ряд писем, содержащих сведения о поэтических замыслах Жуковского. Вот, например, одно из более поздних писем, касающееся замысла «Ундины»:

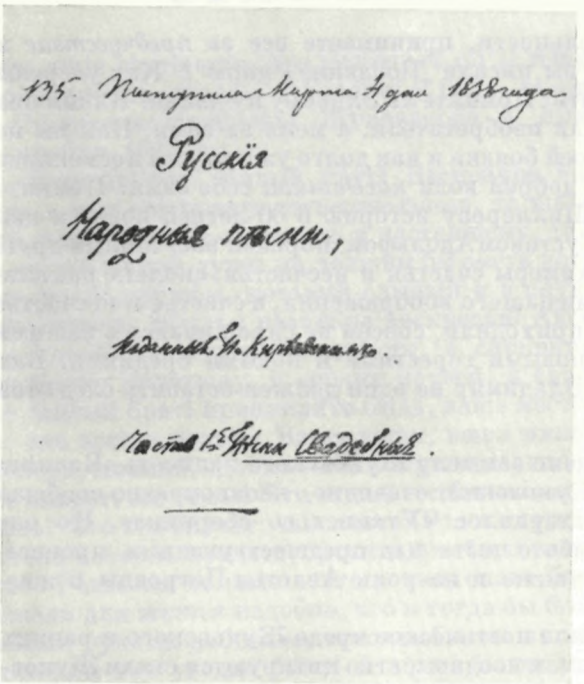
⟨26 июля 1819 г.⟩

«... Что ваша русская Ундина? Жаль, если вы эту мысль бросили. Саша говорила мне о плане трагедии: что же? Но я трагедии буду бояться, пока ничто сильно не действует на вас, вышедши прямо из грамматики, нельзя броситься в деятельные и сильные стихи. Творить одним умом и воображением вы, конечно, привыкнуть не можете, ваш каждый стих *вы сами*, потому-то они и не терпят критики. Напишите пока Ундину или что-нибудь такое же, где много неопределенного, тайного, неизвестного, горестного, мечтательного, похожего вместе и на душу и на жизнь...»[11]

Трудно более выразительно передать характер поэзии Жуковского того времени. Здесь отчетливо выражены эстетические нормы русского романтизма, столь близкие кругу и семье, в которой рос Петр Киреевский.

Чрезвычайно важным является то обстоятельство, что в 1816 г. Жуковский предлагает Авдотье Петровне и ее сестре Анне Петровне (впоследствии Зонтаг, известной детской писательнице), которая жила с ней в Долбине, заняться собиранием фольклора и, в частности, сказок. Интерес к фольклору, и в особенности к преданиям и сказкам, составлял один из важнейших элементов поэтики романтизма. Приводим здесь письмо Жуковского из Дерпта, датируемое предположительно зимой 1816/17 г.:

«Я давно придумал для вас всех работу, которая может быть для меня со временем полезна. Не можете ли вы собирать для меня русские сказки и русские предания: это значит заставлять себе рассказывать деревенских


135. Пропущено Мнутра 4 дня 1838 года
Русскія
Народныя пѣсни,
собранныя П. В. Киреевскимъ.
Постоянная Цензурная Комитета.

СБОРНИК ПЕСЕН, ПОДГОТОВЛЕННЫЙ П. В. КИРЕЕВСКИМ К ПЕЧАТИ (первая «Зеленая тетрадь»), 1838
Титульный лист цензурного экземпляра—автограф Киреевского
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Сборник в свет не вышел

наших рассказчиков и записывать их россказни. Не смейтесь. Это национальная поэзия, которая у нас пропадает, потому что никто не обращает на нее внимания: в сказках заключаются народные мнения; суеверные предания дают понятия о нравах их и степени просвещения и о старине. Я бы желал, чтобы вы, Анета, Дуняша и Като завели каждая по две белых книги, в одну записывать сказки (и, сколько можно, теми словами, какими они будут рассказаны), а в другую всякую всячину: суеверия, предания и тому подобное. Работа и не трудна и не скучна. Писать не нужно с старанием; записывать просто содержание. Все это привесть со временем в порядок мое дело. Как вы думаете?..»[12]

Так впервые под влиянием Жуковского Киреевская и сестры Юшковы втягиваются в собирание фольклора. Отметим, что задуманное предприятие по собиранию сказок не окончилось на этом. Из последующей переписки Жуковского с Авдотьей Петровной и ее сестрой известно, что они собирались издавать антологию народных сказок. Часть рукописи, подготовленная ими, сохранилась в ИРЛИ. Впоследствии записи народных сказок имелись и в Собрании Киреевского, откуда были переданы А. Н. Афанасьеву, который использовал их в своем знаменитом издании «Народных русских сказок». Таким образом, цитируемое выше письмо приводит нас к истокам русской фольклористики XIX в.

В заключение необходимо сказать об участии поэта в воспитании и образовании детей Авдотьи Петровны. В переписке они называют их «наши дети». В одном из писем Жуковский беспокоится: «Ведь для наших ребятишек нужен учитель»[13]. Уже будучи во втором браке — за А. А. Елагиным, Авдотья Петровна, опасаясь за благополучный исход родов, обращается к Жуковскому:

«Смерть, может быть, передумывает мои милые мечтания! — Брат, я так нездорова, что мне ее не мудрено ждать. Смотрите же, не забудьте тогда детей моих! Ежели я после родин не выздоровлю, то, прошу вас, займитесь тотчас моими большими мальчишками. Они оба славные ребята, и ум

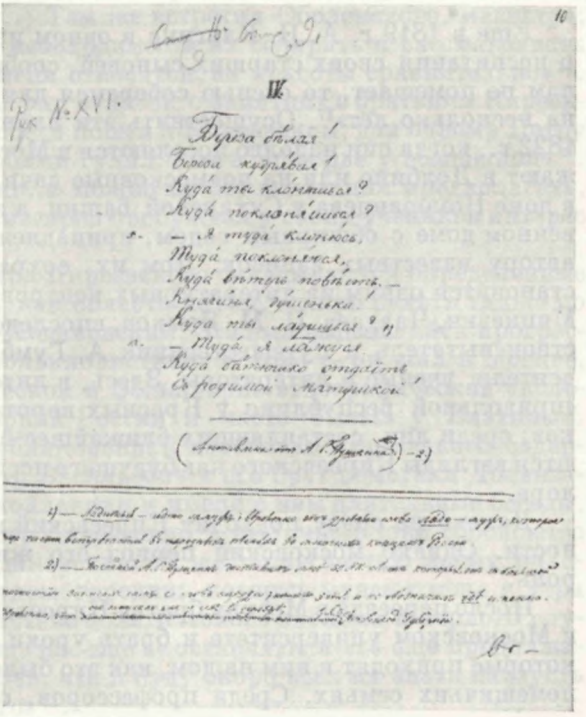
и характер прекрасные, но необходимо нужен им теперь пример и поощрение»[14].

«Большие мальчишки» это — Иван и Петр Киреевские. Жуковский действительно очень заботился об их воспитании. Из его писем, опубликованных в «Уткинском сборнике», видно, как он подыскивал им воспитателей, обдумывал вместе с матерью планы их занятий. А Жуковский, как известно, был опытный наставник, и, несомненно, благодаря ему и матери, Петр Киреевский получил прекрасное образование и знал семь языков.

О домашнем образовании Киреевских дает представление листок с заданием на три месяца, сохранившийся в дневнике Маши Киреевской, младшей сестры Ивана и Петра. Запись на этом листке относится к 1820-м годам, но она, конечно, характеризует систему и метод обучения не одной только Маши; источники, по которым М. В. Киреевская изучала основы наук, несомненно, были знакомы и ее старшим братьям. Обращает на себя внимание объем задания и круг чтения пятнадцатилетней девочки.

«Франц.: Перевести Сократа, грамматику и прочесть трагедию Вольтера. Немец.: Грамматика, прочесть 1 том истории Нидерландов, перевести Ундину. Англ.: Прочесть Лалла Рук. Русск.: перевести Фенелона Educ des Fillis, выучить 100 стр. стихов, всякий день по 3 страницы. Прочесть 5 томов Карамзина хорошенько и 4 тома Сисмонди. Кроме других пиес, выучить концерт Риса наизусть.

Франц. 1 раз в неделю в понедельник по 6 стр. пер⟨еводить⟩ от 11 до 1. Немецк. 3 раза в неделю, вторник, четверг, суббота. Каждый раз 10 стр. перевести и 25 прочесть, утро до 1 ⟨часа⟩. Англ. 1 раз в понедельник вечером. Русск. 2 раза в неделю: среда, пятница по 15 стр. за раз; каждый раз по 9 стр. стихов.— 3 раза в неделю читать Карамзина от 5 до 7 после обеда. 2 раза в неделю Сисмонди от 9 до 11»[15]. Этот документ, свидетельствующий, каким было домашнее образование молодой дворянской интеллигенции, мы вправе считать относящимся и к Петру Киреевскому.



Рукописный № XVI.

Береза белая!
Боярин кудрявый!
Куда ты клонилася?
Куда поклонилася?
— Я туда клонюсь,
Туда поклонюсь,
Куда ветер повеет.—
Красная девушка!
Куда ты ладилася?
— Туда я ладилася
Куда батюшко отдаст
Из родимой сторонушки!

(Записано от А. Ф. Фомина) — 2)

1) — Боярин — [illegible]

2) — Записано А. Ф. Фомина [illegible]

СБОРНИК ПЕСЕН, ПОДГОТОВЛЕННЫЙ П. В. КИРЕЕВСКИМ К ПЕЧАТИ (первая «Зеленая тетрадь»), 1838

Песня «Береза белая!.»

Помета: «Доставлена от А. С. Пушкина» и примечания—рукой Киреевского

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

В 1817 г. Авдотья Петровна выходит замуж за А. А. Елагина, который внес свою долю в воспитание и формирование мировоззрения Киреевских. Елагин был участником Отечественной войны 1812 г., которую он закончил, находясь в рядах русских войск во Франции. Он принадлежал к дворянской интеллигенции, увлекавшейся философией, в особенности немецкой — Кантом и Шеллингом,— и стал известен в литературе как переводчик «Писем о воспитании» Шеллинга. С появлением Елагина в семье Киреевских идеи немецкого романтизма, как и занятия философией вообще, становятся важнейшим элементом в их воспитании. Известно, что под руководством отчима братья Киреевские начинают заниматься философией и политической экономией, причем среди первых книг, прочитанных ими, были произведения Локка и Гельвеция.

Через Елагина Петр Киреевский и его брат знакомятся с представителями передовой русской интеллигенции той эпохи. Близким другом Елагина был декабрист Г. С. Батеньков. Об отношении самого Елагина к декабристскому движению пока ничего не известно, но вся семья Киреевских — Елагиных имела довольно широкие знакомства среди декабристов и принимала горячее участие в их судьбе[16].

Приведенные выше материалы дают представление о той среде, в которой прошли детские и юношеские годы Петра Киреевского. Он вырос в семье, которая оказалась в центре общественной и литературной жизни своего времени.

Ранний русский романтизм с его широкими литературными связями с общеевропейской культурой и национально-освободительные идеи, порожденные Отечественной войной 1812 г., явились благодатной почвой, взрастившей будущего знатока, ценителя и собирателя русского фольклора. Впоследствии в Москве, куда переезжает на постоянное жительство семья Киреевских — Елагиных, Петр Киреевский вступает на литературное поприще, стремясь воплотить эти идеи в своей деятельности.

* * *

Еще в 1819 г. А. П. Елагина в одном из писем к Жуковскому, говоря о воспитании своих старших сыновей, сообщала: «Если ничто нашим планам не помешает, то осенью соберемся для них в Москву и, может быть, на несколько лет»[17]. Осуществить эти планы Елагиным удается только к 1822 г., когда они надолго поселяются в Москве, откуда лишь на лето выезжают в Долбино или на подмосковные дачи. В Москве они сначала живут в доме Померанцева у Сухаревой башни, а затем у Красных ворот в собственном доме с обширным садом, принадлежавшем ранее Д. Б. Мертваго, автору известных записок. Дом их, сохранившийся до нашего времени, становится одним из литературных центров Москвы, где бывают Пушкин, Мицкевич, Чаадаев, Н. М. Языков, впоследствии Герцен, знаменитый естествоиспытатель и путешественник А. Гумбольдт и многие общественные деятели, ученые и литераторы. Здесь, в литературном салоне Елагиных, в «привольной республике у Красных ворот», как называл его Н. М. Языков, среди лиц, составлявших ближайшее окружение Пушкина, формируются взгляды Киреевского как будущего исследователя и собирателя фольклора.

Далеко не сразу подходит Киреевский к фольклористической деятельности. Однако московский период его жизни сыграл в этом большую роль.

После переезда в Москву братья Киреевские начинают посещать лекции в Московском университете и брать уроки у профессоров университета, которые приходят к ним на дом, как это было принято в то время в богатых помещичьих семьях. Среди профессоров, обучавших Киреевских, были:

математик Ф. И. Чумаков, видный ученый и юрист Л. А. Цветаев, известный поэт А. Ф. Мерзляков и И. М. Снегирев — фольклорист, составитель сборников пословиц, автор книг о простонародных праздниках, суевериях, лубочных картинках.

Для будущей деятельности Киреевского особое значение имели его занятия у Мерзлякова и Снегирева. К Мерзлякову, как к поэту и теоретику русского классицизма, в кругу Елагиных относились отрицательно, не упуская случая высказать критические замечания по его адресу. Елагина в одном из писем к Жуковскому писала: «Не могу утерпеть, чтобы не сказать вам Мерзлякова чудесного ⟨*нрзбр.*⟩, который вам покажет, как можно самую поэтическую прекрасную мысль перевернуть в Полишинеля.

Смотри на пышное Востока украшенье
И жизнью веселись,
Когда же страждешь ты и нужно утешенье,
На Запад обернись.

Лучше бы просто: перевернись цук, цук, цук, цук...» [18].

Таких замечаний по поводу стихов Мерзлякова можно найти немало в переписке Елагиных. Однако нельзя не отметить, что Мерзляков был одним из тех классиков, которые уделяли большое внимание фольклору. В 1822 г. вышла в свет его работа «Краткое напутствование теории изящной словесности», которая, вероятно, служила пособием в занятиях с Киреевским и где видное место отводилось «народным мнениям», т. е. эстетическим воззрениям народа и их значению для литературы.

Не проходят бесследно для развития фольклорных интересов Киреевского и его занятия со Снегиревым, ставшим впоследствии участником Собрания песен Киреевского и цензором его первого сборника, подготовленного к печати, но не вышедшего в свет. Из дневника Снегирева известно, что в годы, когда он бывал у Киреевских, его очень занимала мысль о собирании русских народных песен. Так, 13 января 1824 г. Снегирев записывает: «Поутру ездил к Погодину ⟨...⟩ Там же встретил Оболенского, магистра; говорили о песнях русских, о необходимости их собирать и рассматривать их содержание, к какому времени относятся, их красоты сравнительно» [19]. В том же дневнике мы находим ряд записей о занятиях с братьями Киреевскими. 12 мая 1823 г.: «После обеда пошел к Киреевским, дал одному Петру Васильевичу урок, потом с обоими гулял, был в подворье у всенощной» [20]. Такого рода записей несколько, и можно не без основания предполагать, что во время занятий и бесед Снегирев пробуждал у своих учеников интерес к народной поэзии.

О том, что в эти годы у Петра Киреевского складываются определенные воззрения на фольклористику как область науки, можно судить также по его занятиям с З. Я. Доленга-Ходаковским. Это был выдающийся прогрессивный деятель славянской фольклористики. В 1823 г. он жил в Москве, возвратившись из археологической и фольклорно-этнографической экспедиции по ряду северных губерний России, и часто бывал у Елагиных. В дневнике Снегирева и неопубликованной переписке Киреевского содержатся указания на то, что Петр Васильевич и его брат помогали Доленга-Ходаковскому в разборе его коллекции и имели с ним длительные беседы. В одном из писем к отчиму Петр Киреевский в шуточном тоне сообщает о своих занятиях с Доленга-Ходаковским: «Я же, по несчастию моему, нахожусь теперь под ужасным спудом городищ, которые мучают меня с утра до вечера, и, несмотря на отсутствие политического эконома и верного слушателя Ходаковского, городища нас еще не оставляют и все еще продолжают частые свои визиты. Я уверен, что я буду скоро всех их знать наизусть не хуже самого Ходаковского» [21].

А. П. КИРЕЕВСКАЯ
(по второму браку ЕЛАГИНА)

Миниатюра неизвестного художника, 1812

Местонахождение оригинала неизвестно.
Воспроизводится с репродукции в книге: «Уткинский сборник». М. 1904

Материалы о городищах составляли результаты последней экспедиции Доленга-Ходаковского. «Политический эконом», упомянутый в письме, вероятно, брат Петра — Иван, который увлекался в эти годы политической экономией и так же, как и Петр, много занимался с Доленга-Ходаковским.

К середине 1820-х годов Петр Киреевский, завершая свое образование у профессоров Московского университета, получает определенную подготовку и в области фольклора. Отметим, что эта подготовка не преследовала, однако, специальных целей: она носила общефилологический характер, а вопросы фольклора могли интересовать Киреевского в плане развития русской национальной литературы. Именно с этой точки зрения подходили к изучению фольклора в первой половине XIX в., когда фольклористика не имела еще четких и определенных границ. Вместе с тем понимание значения фольклора в связи с постановкой проблемы народности литературы было тогда поднято на принципиальную высоту.

Н. П. Колюпанов в известной биографии А. И. Кошелева, учившегося вместе с братьями Киреевскими, отметил, что интерес к народной песне у Петра Киреевского возник под влиянием В. К. Кюхельбекера, его известной статьи «О направлении нашей поэзии, особенно лирической в последнее десятилетие» [22].

Мы не располагаем материалами, подтверждающими эти слова Колюпанова, но в том, что Киреевский знал указанную статью, явившуюся литературным событием того времени, не может быть сомнения. А слова Кюхельбекера о народных песнях как об одном из источников отечественной словесности, конечно, привлекли внимание Петра Киреевского. В своей статье Кюхельбекер писал также: «Будем благодарны Жуковскому, что он освободил нас из-под ига французской словесности ⟨...⟩, но не позволим ни ему, ни кому другому, если бы он владел и вдесятеро большим перед ним дарованием, наложить на нас оковы немецкого или английского владычества! — Всего лучше иметь поэзию народную» [23].

Высокая оценка Жуковского, который так был чтим в семье Киреевского, и мысль о народности поэзии в этой статье, безусловно, импонировали Киреевскому. Однако в понимании фольклора он отошел от поэзии Жуковского, от идей раннего русского романтизма к Пушкину, с которым он

впервые знакомится в Москве в 1826 году. Вскоре Пушкин и Киреевский сближаются на почве изучения русской песни. Но, как увидим ниже, взгляды декабристов на фольклор были усвоены Киреевским так же, как и романтическое понимание народной поэзии.

В самом начале литературной деятельности, еще юношей, Киреевский, очевидно, под влиянием матери, прекрасной переводчицы, занялся также переводами. Одними из ранних его переводов, появившихся в печати, были «Вампир» Байрона, «Трудно стеречь дом о двух дверях» Кальдерона, и, наконец, он занялся переводами Шекспира[24], что было характерно для развития его литературных интересов.

Еще с юношеских лет для Киреевского была совершенно неприемлема так называемая псевдонародность, свойственная эпигонам русского классицизма. Киреевский был совершенно чужд такого рода понимания народности. Он хорошо знал народную поэзию, ее образную систему и любил шутить и иронизировать над ее литературной интерпретацией. Это можно видеть уже в его самых ранних письмах, написанных, как правило, в шутливом тоне и характерных для будущего знатока фольклора. В качестве примера приводим два письма Киреевского к сестре Марии и брату Ивану, в которых он пародирует богатырскую поэму и сказку.

17 мая ⟨1823 г.⟩ четверг.

«Милая Маша!

Пишу к тебе сегодня для того, чтобы в субботу опять не отговариваться словом: некогда; к тому же надобно сдержать слово и написать письмо шпанское, т. е. крупное.

Шпанские письма разделяются на две части: первая часть состоит из вступления, а вступление гласит тако: мы, слава богу, здоровы и вам кланяемся; вторая часть воспевает великие подвиги знаменитых витязей.

Часть 1

Мы, слава богу, здоровы и вам кланяемся.

Часть 2

Эпиграф. | Смутно в возду́хе,
Суетно в ухе.

Тредьяковский. Часть 187, стр. 1794.

Что является взорам моим? Какой внезапный гром произвел в моем слухе суету великую?!.. То шаги богатыря могучего; они раздаются по чертогам долбинским подобно грому, катящемуся по заоблачным горам. Он идет как столп вихря, несящийся через поля, очи его сверкают, как огнь в закуренной трубке, стройный стан подобен чубуку черешневому; раздувшиеся ноздри его испускают звук, подобный отдаленному водопаду. Он остановился... узнаю тебя, могучий!.. то Борис Премудрый, славный богатырь долбинский.

Но что знаменует его пришествие? Десница его разверзла двери, он очутился среди стен небесного цвета и стал перед витязем в белой одежде, сидящим на белоснежном троне и клубами испускающим дым из своей крюкообразной трубки. Загремел глас Бориса Премудрого — Лошадь оседлана!— и воспрянул витязь в белой одежде.— Они идут... идут... и вышли из чертогов,

Кто на статном соловом коне,
Грозный хлыст держа в одной руке,
А в другой узду ременную,
Едет по лесу кудрявому?
То могучий богатырь Дон Петрухо...»[25]

Все письмо выдержано в таком тоне. Оно было послано из Долбина, куда на лето уезжал обычно Елагин, бравший с собой одного из пасынков, чтобы обучать их ведению хозяйства. Второе такое же шуточное письмо послано из Москвы к брату Ивану, имевшему в то время прозвище «Юсупов политический» и жившему это лето в Долбине. Датируется оно на основе одного из писем Елагиной, которая просила Жуковского выслать упомянутую в письме историю Робертсона из Петербурга, поскольку ее не удалось найти в Москве:

⟨Москва. Июль 1824 г.⟩

«О Юсупов политический! Вот какое происшествие у нас подпритчилось: ты пишешь: Купите, дескать, мне Историйцу Робертсонца. А маменька говорит: И подлинно что купить приходит⟨ся⟩. А я говорю: Видно что так! — А ты говоришь: да купите-де у Урбена, мне-де мерещится, аль не у него есть такие аглицкие книжицы! — А я-то говорю: Ну, ну, хорошо; куплю, батюшка, куплю. Ну, только... потом... после того, ну вот видишь... Вот как я сказал это. Ну, думаю, что делать? Ведь приходит, что покупать!

Ну вот, и пошел я наконец за тридевять земель в тридесятое царство. Шел, шел, шел, шел, шел, шел, шел, шел, шел, шел, шел, шел и вот пришел наконец на один необитаемый остров. За морем-за океаном стоит там избушка на курьих ножках; и в той избушке живет колдун и чернокнижник; и тот чернокнижник прозывается Урбеном. Ну... вот и вошел я к этому Урбену.— Ну, говорю, батюшка, милосердый чернокнижник, есть-де у тебя такая какая историйца, которая была бы написана на языке аглицком и называлась бы та книжица Робертсоном?

Ну нет, сударь! не тут-то было!»[26]

В этом письме речь идет, очевидно, о книге Вильяма Робертсона «History of America» (London, 1777), судя по тому, что именно эта книга упоминается в других письмах Елагиных того времени, и о владельце книжного магазина в Москве Урбене. Так в письмах Петра Киреевского своеобразно пародировались фольклорно-литературные традиции. Литературные шутки в форме писем, как и просто рассказывание сказок, практиковались в семье Елагиных.

К середине 1820-х годов круг знакомых П. В. Киреевского значительно расширяется. Этому способствует более тесное общение обоих братьев с литературной молодежью и возникновение салона Елагиных, сыгравшего большую роль в общественной и литературной жизни Москвы.

История салона Елагиных достаточно освещена в литературоведении, и поэтому нет надобности на ней останавливаться. Здесь читались произведения, запрещенные цензурой, бывали участники декабристского движения и опальный поэт Адам Мицкевич.

Приведем некоторые новые материалы, относящиеся к знакомству Елагиных с Мицкевичем, не прошедшему бесследно для духовного развития Киреевского.

Мицкевич, живя во второй половине 1820-х годов в Москве, довольно близко сходится с братьями Киреевскими. Знакомство это продолжается и за границей, когда поэт живет в Италии, а Киреевские в Мюнхене, как видно из их опубликованной переписки. Находясь в России, Мицкевич, как известно, не скрывал своих взглядов и убеждений в близком для него кругу, к которому мы можем отнести и Елагиных. Оба брата принимают горячее участие в проводах Мицкевича, на поднесенном ему золотом кубке значатся и их имена. Впоследствии в одном из писем к брату Ивану Петр Киреевский писал: «Силу живого слова я видел в полном величии при провожании Мицкевича...»[27] Когда Мицкевич уезжал в Петербург, Елагина

дала ему письмо к Жуковскому. В этом письме, также неопубликованном и представляющем несомненный интерес для биографии польского поэта, она писала:

⟨30 ноября 1827 г.⟩

«Г. Мицкевич отдаст вам мой фонарь*, бесценный друг. Вам не мудрено покажется, что первый поэт Польши хочет покороче узнать Жуковского, а мне весело, что он отвезет вам *весть о родине* с воспоминанием об вашей сестре. Вы непременно полюбите это привлекательное создание; хоть его *гидра воспоминаний* ближе к земному существу растерзанного сердца, нежели ваша *небесная сладость прошедшего*, но вас непременно соединит то, что у вас есть общего: возвышенная простота души поэтической» [28].

Надо отдать должное Елагиной за ее меткое сравнение поэзии Мицкевича и Жуковского и за то, что она уже в то время называет Мицкевича «первым поэтом Польши». Это говорит о глубоком понимании поэзии Мицкевича в кругу его московских друзей. Как известно, П. В. Киреевский был первым переводчиком послания Мицкевича «Русским друзьям».

В заключение обзора материалов биографии Киреевского, относящихся к московскому периоду его жизни, обратимся еще к одному документу, который в свое время готовил к печати, но не успел опубликовать М. О. Гершензон. Это «Ежедневные записки», или дневник, М. В. Киреевской[29]. Дневник велся с 1825 г., когда Киреевской было 15 лет. И хотя она не была еще участницей литературных собраний у Елагиных, все же в ее «Записках» встречаются факты и имена, упоминавшиеся выше, а также зарисовки жизни семьи. С этой точки зрения приведенные нами выдержки из дневника очень интересны:

1825 год. Генваря 4. ⟨...⟩ Я заметила, что мне надобно стараться убегать шутки, потому что сегодня за обедом Батеньков у меня спрашивал, какой я нации, и я отвечала в шутку — никакой, он принял это за серьезное и подумал, что я не знаю, какой я нации.

1826 год. 17 марта. ⟨...⟩ У нас сегодня обедал Одоевский, он прекрасно играет на фортепиано и кажется довольно любезным. Мне он очень жалок. У него имение очень расстроено, а старый и богатый его дядя ничего ему не дает.

22 марта. ⟨...⟩ В вечеру ⟨...⟩ пришли Яниш и Соболевский.

27 марта. ⟨...⟩ В 7 часов пришел Максимович и приехали Арбеньевы П. А. и А. П. ⟨...⟩ Во весь вечер у нас был один Максимович.

28 марта. В 7 часов Петенька и Ванюша уехали к Полевому. К нам приехали Яниш и Гагарина ⟨...⟩ говорили об истории, которую до смерти бы хотелось, чтобы поскорее кончили, то есть всех освободили и простили.

⟨Здесь, несомненно, идет речь о декабристах, судьба которых волновала и заботила всю семью Киреевских — Елагиных.⟩

5 апреля. ⟨...⟩ Вечером были Яниши.

4 мая. ⟨...⟩ Часу в восьмом вечера приехал Ляпунов с женой, я сидела до конца и долго вслушивалась в ее разговор с маменькой, всё говорили о нарядах. Таков почти всегда дамский разговор, и у меня нету другого. Надо больше учиться.

Потом приехали Норов и Титов. Норов читал свое сочинение «Очарованный узник», мне оно очень понравилось.

1827 год. 1 генваря. ⟨...⟩ До 9 часов вечера играла на фортепиано. Остальной вечер сидела у маменьки; у нас были Погодин и Яниш.

---

* Письмо запечатано сургучной печатью, на которой выгравирован фонарь, символизировавший «Фонарь Диогена». Елагина не все письма запечатывала этой печатью. Чаще ее печать изображала лиру. — *Г. П.* и *А. С.*

7 марта. ⟨...⟩ Переводила с русского на немецкий с Петрушей, потом записала то, что перевела. Тут было уже три часа. Вечером читала с Петрушей.

8 марта. ⟨...⟩ До часу перевела 8 страниц с французского на русский. Потом читала и переводила с Петрушей до 4 часов.

21 сентября. ⟨...⟩ Приехал Мельгунов, весь день рисовала, и вечером играли на фортепианах.

1828 год. 11 генваря. ⟨...⟩ За обедом было очень скучно. Разговор Азбукина и Воейкова совсем не занимателен. После обеда, в то время как они играли в карты, я все говорила с Петрушей. Он научил меня, что такое ямбы и хореи. Потом приехали Кошелев и Офросимов с женами.

3 февраля. ⟨...⟩ После чаю Ванюша хвалил Тика, а маменька и Рожалин нашли его странным.

19 февраля. ⟨...⟩ Вечером мне было весело. У нас были Мицкевич и Матюшкин. Они оба интересно и хорошо говорят. Мицкевич много говорил о Польше, как это должно быть ему тяжело, бедный изгнанный.

1 марта. ⟨...⟩ Вечером танцевали. Каролина Яниш выдумывала смешные фигуры. Шевырев был очень любезен.

5 марта. ⟨...⟩ После ужина говорили о Geisterseher, что это человек, в котором все страсти перекипели и следы только оставили на лице. Он покорил все страсти. Вокруг него какое-то тихое величие, и он для всех непостижим, потому что выше всех.

10 марта. Сегодня все, что делала, было прилежно. Вечером приехали Погодин и Шевырев.

6 августа. ⟨...⟩ У нас был Шевырев, Фон⟨визин⟩, Погодин, Максимович. Очень было весело.

18 августа. ⟨...⟩ Возвратясь, нашли дома Погодина, и Ванюша читал свою сказку.

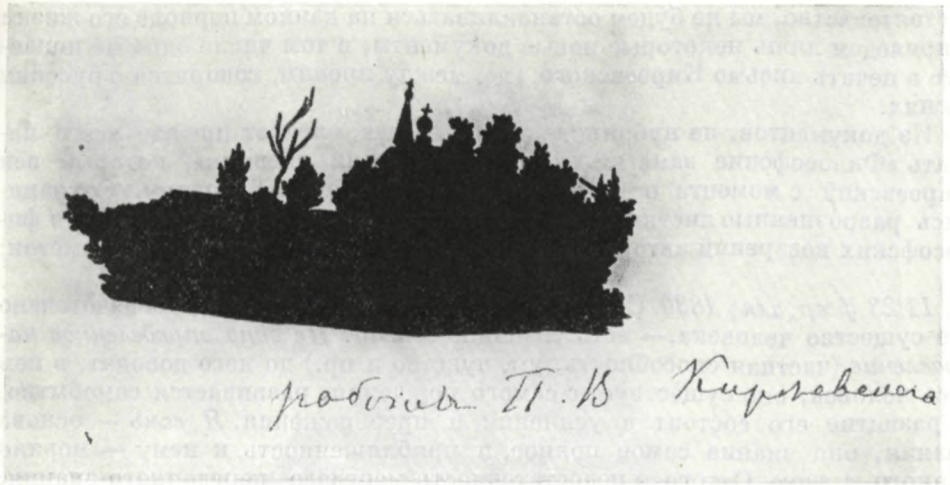
1829 год. 25 июня. ⟨...⟩ Боже мой, как трудно иметь над собой власть! Провожаем Языкова, как жаль, что он едет! Братьям и Петерсону так с ним было весело! Что будет, когда поедет Петруша, мне даже подумать об этом горько. Как я люблю этого доброго Пьера; он совсем не кажется таким чувствительным, каким он есть в самом деле.

26 июня. Весь день работала, а вечером ничего не делала. Опять не перевела этих трех страниц. Чем больше откладывать, тем хуже. Ах, как мне хочется учиться и образовать себя как только можно лучше. Когда все кончу для Пьера, примусь за ученье. Сильная воля наконец возьмет верх над ленью [30].

Запись от 25 июня посвящена сборам за границу Петра Киреевского, который уезжал туда летом 1829 г. За границей Киреевский завершает свое образование, поэтому некоторые выводы, относящиеся к этому периоду его жизни, и будут сделаны ниже.

* * *

В конце 1825 г. у Киреевского возникло желание поступить на военную службу. Но семья возражала против этого. В цитированном выше дневнике Маши Киреевской сохранилась такая запись от 4 марта 1826 г.: «Ванюша уговаривал Петрушу не идти в военную службу, подобно Сократу, очень умно»[31]. Впоследствии Петр Киреевский упорно добивался разрешения принять участие в русско-турецкой войне, приведшей к освобождению Греции от турецкого ига, и недаром его первая литературная работа была посвящена греческому восстанию Ипсиланти. Однако его упорное стремление уйти в армию, в чем ему хотел помочь Жуковский, натолкнулось на решительное сопротивление матери. В конце концов, уступив ей, Киреевский согла-



СЕЛЬСКИЙ ПЕЙЗАЖ
Апликация (бумага) работы П. В. Киреевского, 1830-е годы
Из альбома Елагиных
Литературный музей, Москва

сился ехать в Мюнхен, где он при содействии матери находит поддержку Ф. И. Тютчева, служившего там в дипломатической миссии. Письмо А. П. Елагиной к Жуковскому излагает историю этой поездки:

5 июня ⟨1829 г.⟩

«Друг мой Жуковский! Дней через 8 или 10 Петруша едет в Мюнхен! Чувствуете ли вы, что вам надо благословить его родительским благословением, сердечным, теплым, для того чтобы мне было отраднее? Знаю, что немецкий университет будет для него полезен, и Мюнхен выбрала потому, что там живет Тютчев, женатый молодой человек, очень хороший,— он там при посольстве; а я с отцом его и со всею семьею коротко знакома, следовательно, могу во всяком случае на него положиться — и несмотря на то, мне так эта разлука горька и тяжка, что трудно понять. Бедный мой Пьер такой еще бестолковый ребенок! не только людей не знает, но от большой застенчивости боится их. Надеюсь, что одиночество и нужда все это исправят, тяжело однако ж на это осуждать его. Благословите его, душа моя, мне утешительно будет знать, что вы его поход одобряете. Этим Мюнхеном мы точно заменили военную службу, за которую вы с такою горячею дружбою хотели приняться. Он не запишется студентом, а будет проходить курс вольным слушателем. До Бреслау с ним едет один довольно знакомый нам немец, а там один. Если бы Рожалин мог к нему присоединиться, я была бы совсем счастлива, но для этого нужно еще три тысячи, которых, по расстроенному состоянию и по необходимым издержкам на остальную большую мою семью, не могу, к сокрушению моему, дать...»[32].

Дальше в письме речь идет о Рожалине, который впоследствии жил с Киреевским в Мюнхене. В конце письма рукою Петра Киреевского приписано: «Позвольте мне самому просить вашего благословения: доброе желание ваше должно принести добра. Всем сердцем вас почитающий

П. Киреевский»

О жизни Киреевского за границей довольно подробно рассказано в существующих биографиях и статьях, основанных на его обширной переписке того времени, которая почти полностью опубликована. Учитывая это

обстоятельство, мы не будем останавливаться на данном периоде его жизни и приведем лишь некоторые новые документы, в том числе одно не попавшее в печать письмо Киреевского, где, между прочим, говорится о русских песнях.

Из документов, не публиковавшихся ранее, следует прежде всего назвать «Философские заметки, или Философский дневник», который вел Киреевский с момента отъезда и до возвращения на родину. Сохранились разрозненные листки этого дневника; они очень показательны для философских воззрений автора. Приводим здесь некоторые из этих заметок:

11/23 февр⟨аля⟩ 1830. Самое полное сознание, в котором сосредоточено все существо человека,— есть сознание *жизни. Не одно определенное направление* (частная способность, ум, чувство и пр.) до него доводят, в нем весь человек, оно существует с самого рождения, развивается самобытно, и развитие его состоит в усилении и преображении. *Я есмь* — основа знания, оно знание самое полное, и приближенность к нему — мерило всякого *я знаю.* Оттого и недостаточность мертвого, переданного знания, не целым человеком проникнутого, оттого сомнение и сила личного опыта, слабость одностороннего вывода и могущество вдохновения. На единстве человеческой природы основывается объективность истины; на тожестве полного сознания и жизни, на несходстве направления и на бесчисленном различии степеней жизни — раздел убеждений и форм выражения.

12/24 ф⟨евраля⟩. Первое условие могущественного действия и самобытности — есть твердость убеждения или непоколебимая вера в свое мнение.

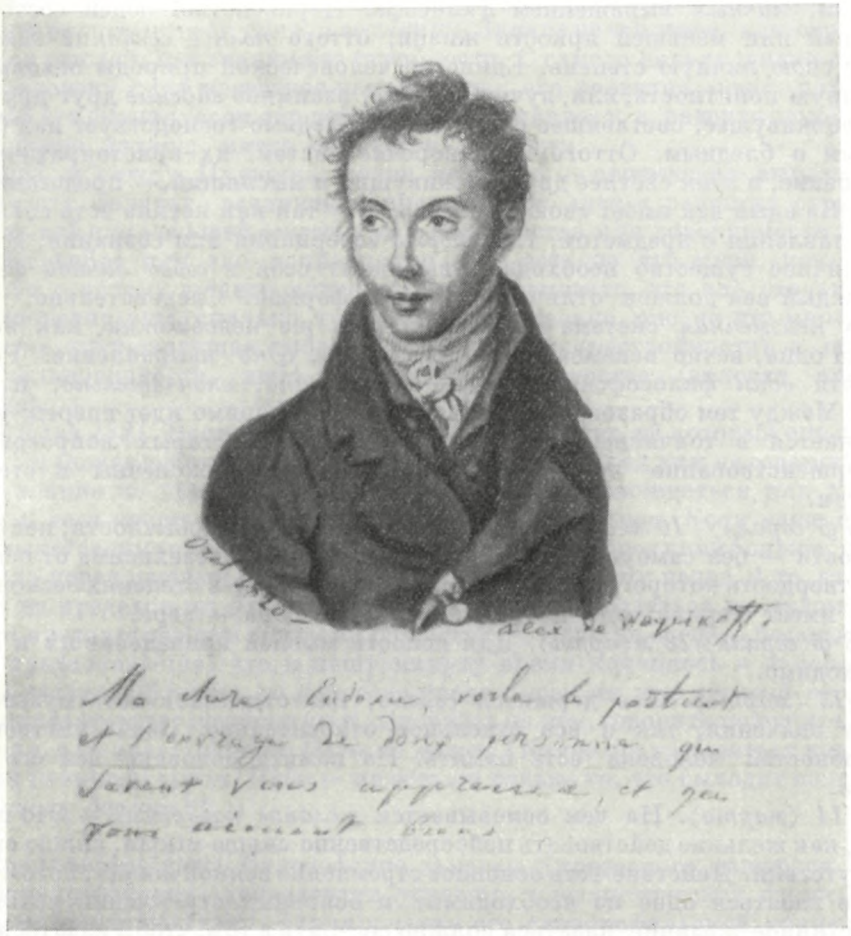
13/25 ф⟨евраля⟩. Всё вместе причина и действие; конечная причина смыкается с конечным действием. Потому всякая истина относительна, но относительность не противоречит действительности. Каждая истина *отдельная* — отдельная нота; одно сочетание звуков составляет существо музыки. Магнетическое действие одного человека на другого, которое он перевешивает духовною силой, повторяется ежедневно; и убеждающий действует на убеждаемого не объективным достоинством отдельных мыслей, но личным могуществом, стройностью системы.

14/26 ⟨февраля⟩. Нет середины: либо быть силою, либо орудием. Вера в собственные силы есть Архимедова твердая точка. Чем тверже можно опереться на эту основу, тем сильнее действие. Но в истине этой веры столько же различия, сколько в большем или меньшем совершенстве религий. *Одна* истина существует ⟨...⟩

15/27 ф⟨евраля⟩. Ни на одну минуту жизни не должно смотреть как на средство; каждая должна быть вместе и сама себе целью.— Сколько людей, которые целую жизнь готовятся, и, может быть, когда уже будет поздно, некоторые из них спросят себя: когда же придет время действий и наслаждений? — но для большей части эта мысль, стоящая вечности мучений, не выплывает из однообразно колеблющихся волн привычки, самые бесплодные и бесцветные поля пройденной жизни, мертвый обман получают прелесть в таинственном тумане отдаления. Счастливы, для кого обман воспоминания закроет обман надежды.

17 ф⟨евраля⟩/1 м⟨арта⟩. Если бы все позволили себе действовать *единственно* по убеждению, по закону *общему*, объективному, отстраняя все побуждения к действию, основанные на *личности*, *верно*, *никто* бы не действовал.

18 ф⟨евраля⟩/2 м⟨арта⟩. Стремление *сделаться*, пересоздать себя, борется с стремлением *знать* себя. Результат того и другого будет один, если то и другое стремления не остановятся на цели конечной, если каждое твердым шагом будет идти *вперед*.



В. А. ЖУКОВСКИЙ

Акварель А. А. Воейковой, Орел, 1820, с дарственной надписью художницы адресованной А. П. Елагиной(?) на французском языке: «Моя дорогая Евдокси, вот портрет и творение двух людей, которые умеют ценить вас и которые горячо вас любят!»

Литературный музей, Москва

В нерешительной борьбе того и другого заключается посредственность. В совершенном равновесии или совершенном перевесе одного — прямая и быстрая дорога к совершенству.

19 ф⟨евраля⟩/3 м⟨арта⟩. Сила воли есть сила жизни; самобытная воля — судьба.

20 ⟨февраля⟩/4 ма⟨рта⟩. Силу действия одного человека на другого и его авторитет не столько определяет отчетливость и ясность его мыслей, сколько самоуверенность и догматизм ума.

21 ф⟨евраля⟩/5 м⟨арта⟩. Если истина есть согласие представления с предметом, в чем может состоять объективность истины, если не в форме выражения? Философия искони была одна и та же, но формы ее менялись с каждой эпохой и должны меняться до бесконечности.

Может ли существовать объективность истины: иначе как в отношении к одной эпохе?

23 ф⟨евраля⟩/7 м⟨арта⟩. Главное, основное достоинство системы — безыскусственность, всесторонность; потому она должна быть необходимо

полным, *личным* выражением философа. Неравенство людей состоит в большей или меньшей яркости жизни; оттого *полное сознание* каждого имеет свою личную степень. Единство человеческой природы основывает взаимную понятность, или, лучше сказать, взаимное *ви́дение* друг друга, и полнее живущее, светлейшее существо необходимо господствует над более слабым и бледным. Оттого противоречие систем, их аристократическое отношение, и *один* светлее других, живущий и мыслящий,— представитель века. Каждый век имеет свою *личность*, и — так как истина есть согласие представления с предметом, т. е. *форма* созерцания или сознания, а каждое личное существо необходимо выражает себя в *своей личной* форме, — каждый век должен отличаться своею формой. Следовательно, одна вечно *неизменная* система философии так же невозможна, как невозможна одна, вечно неизменная форма жизни, *одно* направление. Решен ли хотя *один* философский вопрос *единодушно*, *окончательно*, на все века? Между тем образование человечества неоспоримо идет вперед; успех отражается в тончайшем, яснейшем объяснении старых вопросов. Но усовершенствование человечества бесконечно — бесконечны и степени ясности.

26 ф⟨евраля⟩ / 10 м⟨арта⟩. Нет действия — без самобытности; нет самобытности — без самоуверенности. Самоуверенность независима от основания, твердость которого всегда относительна, потому в степенях бесконечна и не имеет мерила; она не есть убеждение; она — вера.

28 ф⟨евраля⟩/12 м⟨арта⟩. Для ясности мыслей приведение их в *слова* необходимо.

1/13 ⟨марта⟩. Все держится *связью*; как отдельная нота музыки не имеет значения, так и все отдельное относительно. Связь умственных способностей человека есть память. На памяти основана вся его *личность*.

2/14 ⟨марта⟩. На чем основывается *желание казаться*? — Это не что иное, как желание действовать непосредственно силою мысли, силою своего присутствия. Действие есть основное стремление всякой жизни, потому желание казаться одно из необходимых и основных стремлений человека. Но истинное желание казаться должно состоять в том, чтобы казаться тем, что я *есмь*; желание вполне выразиться, желание отражаться в других как в верном зеркале. Иначе — будет не желание выразиться, но лицемерие.

3/15 м⟨арта⟩. Привычка мешает началу дела, привычка и окончанию.

4/16 ⟨марта⟩. Главное свойство, предохраняющее систему от односторонности, есть ее *естественность*; естественная система есть та, которая обнажает всю *личность* человека. Высшая личность есть высшая всеобщность.

5/17 ⟨марта⟩. В знании столько же важна стройность, сколько в выражении или *бытие*.

6/18 ⟨марта⟩. *Сказанное* слово необходимо имеет действие уже потому только, что оно сказано. Ни один звук, ни одно движение не пропадает даром.

7/19 м⟨арта⟩. Одно из важнейших условий яснейшего самопонимания есть независимость от чужого мнения; она же есть главное условие и действования на других.

8/20 м⟨арта⟩. Счастлив, кто никогда не сомневался в верности своего мнения, когда ему что-нибудь кажется смешным или глупым. Кто имеет одно, неизменное мерило всего внутреннего и внешнего.

9/21 ⟨марта⟩. Горизонт понятий каждого относителен. Есть, однако же, круг, общий народу и веку; все, что выходит из этого круга, либо *велико*, *возвышающе*, либо *несообразно*, *страшно*. Борение — основное условие и самое существо жизни. Чем живее борец чувствует присутствие силы,

тем бодрее он борется, и успех борьбы не столько зависит от силы, сколько от уверенности в своей силе, в ее *знании*. *Знание* не что иное, как стройная система мыслей, нет знания без стройности. С самого начала жизни судьба дает человеку одно известное направление; его развитие *лично*, потому и система его знания (если оно действительно знание, т. е. развито самобытно) необходимо должна иметь отпечаток личности.

10/22 м⟨арта⟩. Пружина жизни человека — стремление выразиться; от средств зависит различие направлений и *личное* развитие страстей; от большей или меньшей *ясности* ума или чувства или совокупности обоих зависит добро или зло направления. Зло есть не что иное, как тьма, неясное, а потому ложное ви́дение. Можно доказать, что зло столько же противоречит уму, сколько чувству; следовательно, оно не что иное, как *слабость*, происходящая либо от темномыслия (нестройности), а потому и недальновидности, либо от недостатка чувства (вялости чувства вообще).

11 июня 1831. Всякая сила предполагает предмет, на который она действует. Ум может действовать только над *данными*, перед ним находящимися. Если знание не неподвижно, если оно может увеличиваться или уменьшаться, то и число данных неопределенно и изменчиво. Если наше время идет *вперед* своим знанием, то и число данных теперь перед нами больше, нежели было перед нашими предками несколько веков тому назад. А то, что выходит из пределов *их данных*, не должно ли было казаться им чудом или чем-то противоречащим *здравому рассудку*? — Если не сделать бессмысленного предположения, что в нашу минуту время кончилось и замерло на одной недвижной точке, то какое же право имеем мы *наш здравый рассудок* принимать за точку недвижную и, основаясь на нем, говорить положительно: *это так, а не иначе, и иначе, быть не может?* Какое право смеяться над тем, что мы называем *чудом? Чудо* — не есть ли только то, что выходит из предела *наших данных?*[33]

Приведенные здесь философские заметки Киреевского являются в известном отношении показателем усвоения идеалистической философии, которая подготавливает формирование его славянофильской концепции. Но было бы неверно искать здесь эту концепцию. Более того, в некоторых из этих заметок выражены прогрессивные идеи своего времени, например, мысли о борьбе как существе жизни, об историчности развития знания, о чуде как области непознанного. Наряду с этим в них полностью отсутствуют высказывания о боге и божественном провидении. Противоречивость взглядов Киреевского этого периода очень характерна, но тенденция их развития совершенно определенна.

Из переписки Киреевского этих лет, которая, как уже отмечалось, почти полностью опубликована, мы приводим здесь только одно письмо к сестре, в котором упомянуты русские песни. То, что к этому времени Киреевский стал знатоком и любителем русских народных песен, можно сказать совершенно твердо. Он принадлежал к тем русским людям, которых, как говорил Гоголь, песни сопровождали от рождения до могилы. Мы видели, что в Долбине песенная культура была важнейшим элементом крестьянского и помещичьего быта. Очень любила песни его мать. И в письмах Петра Киреевского из-за границы видна эта любовь к песне. Еще с дороги 26 июля/7 августа 1829 г. он пишет: «Вот я и в Варшаве, за 1200 верст от вас ⟨...⟩ с самых границ Смоленской губернии я уже нигде не слыхал песней, которые еще слышны по красивым смоленским деревням», а 5/17 января 1830 г. просит: «Скажите Максимовичу, что Тютчев обещает дать пиес семь для Альманаха. Я очень ему благодарен за присылку песен»[34]. Речь идет, очевидно, о сборнике песен, изданных Максимовичем, или, может быть, о новых записях песен, которые он продолжал в эти годы собирать.

В нижеследующем письме к сестре Киреевский говорит и о Паганини, игрой которого восхищен, о вариациях Вебера на русскую песню «Ехали казаки» и о русских песнях, исполняемых им на фортепьяно. Приведенные выдержки из письма свидетельствуют также о близкой дружбе с сестрой, которая вскоре становится его верной помощницей в подготовке издания песен.

⟨Мюнхен.⟩ 25 марта/6 апреля ⟨1830 г.⟩

«Милая Маша!

Давно уже, давно от тебя нет ни строчки! — Несколько раз я начинал писать тебе, всякий раз хотел побраниться за твое молчание, но всякий раз было не браню, перечтя твои милые письма! Как, однако же, не браниться? Помнишь ли ты, когда ты в последний раз ко мне писала? Это было от *12 ноября!!* а теперь уже 25 марта! следовательно, больше четырех месяцев с тех пор прошло! — Если бы ты знала, какую радость мне делает каждое твое слово, ты бы всякую неделю писала мне хотя по нескольку строчек и потом бы каждое первое число отправляла большой пакет! — Вот уже больше семи месяцев как мы розно ⟨...⟩ вообрази, что я вдруг возвратился, что я выдумал воздушный дилижанс и прилетел в Москву: сколько бы нам было рассказать друг другу об этом времени! Пиши мне как можно больше о том, что ты делаешь, что читаешь, что тебя больше всего занимает; что играешь на фортепьянах. Теперь уж ты, верно, играешь славно! — У меня здесь есть фортепьяно, но я играю редко. Разбирал Веберовы вариации на «Ехали казаки» и вариации на арию Паганини: «O mamma, mamma, cara», которую я тебе послал; последние, однако же, не хороши, и не те, которые играл Паганини; вариации Вебера мне очень нравятся. Чаще всего наигрываю русские песни или барабаню те вальсы, под которые у нас было столько танцовано и которые так живо меня переносят в Москву! Ноты на русские песни, которые ты обещала прислать, я жду.

Теперь уже у нас здесь больше месяца весна, и еще 14 февраля по нашему счету я сидел целый день с открытым окном, потому что было не меньше 15 градусов тепла; трава уже начинает зеленеться, однако деревья еще не распустились ⟨...⟩ Покуда в ясные дни я выхожу еще только в здешний английский сад, единственное красивое место в Мюнхене и около Мюнхена; но думаю, как скоро весна яснее обозначится, подробно осмотреть все мюнхенские окрестности; между тем поджидаю брата и Рожалина, и мы, может быть, если еще успеем до лекций, пустимся подальше, например в Зальцбург, который, говорят, есть самое прекрасное место в Германии, а может быть — хотя немножко — за границы итальянские! — То, что я до сих пор видел за границей и что мне всего больше хотелось бы показать тебе,— Дрезденская галерея и Саксонская Швейцария; что я слышал и что мне всего больше хотелось бы, чтоб ты послушала,— концерт Паганини! *Что* это такое — сказать невозможно ⟨...⟩

Обними за меня покрепче маменьку; теперь не успею писать к ней особенно, но 1 апреля буду писать много. Да попроси ее, чтобы она мне прислала твой портрет, хотя бы очерк; так странно вообразить тебя в буклях» [35].

В письмах к Шевыреву, жившему в Италии, Киреевский жаловался, что вокруг него нет ни «итальянского неба, ни музыкальной природы, ни живой поэзии народного быта»[36]. Но зато как он восхищался, когда в Германии находил эту поэзию (см. его ранее опубликованные письма к матери, содержащие подробные и живые описания народных обрядов и праздников, которые он наблюдал в Мюнхене). Наконец, встретившись за границей с С. А. Соболевским и узнав, что тот вместе с Пушкиным готовит собрание песен, Киреевский поручает своему слуге Родиону за-

писать песни, сохранившиеся в его памяти. Песни Родиона впоследствии пропали, тем не менее именно к 1830 году Киреевский относит начало своей собирательской деятельности.

Таковы некоторые стороны жизни Киреевского за границей, на которые хотелось бы обратить внимание, учитывая его последующие занятия народной поэзией. Осенью 1830 г. он покидает Германию из-за эпидемии холеры, начавшейся в России, и желания быть в это время вместе с семьей. Отчасти этот внезапный отъезд был связан с отъездом брата, который жил с ним в Мюнхене, но, узнав об эпидемии холеры, поторопился выехать домой, опасаясь за жизнь своей невесты Натальи Арбеневой. Возможно, что на срочный отъезд Киреевских повлияло также готовящееся восстание в Польше, о котором, живя за границей и имея связи с польскими кругами, в том числе с Мицкевичем, они могли кое-что знать. Во всяком случае, Петр Киреевский, возвращавшийся домой, когда восстание уже начиналось, был задержан в Киеве как подозрительная личность и только в результате проявленной им выдержки в беседе с губернатором был отпущен на родину.

В заключение приведем два официальных документа:

⟨I⟩

SUB AUSPICIIS GLORIOSISSIMIS
AUGUSTISSIMI AC POTENTISSIMI PRINCIPIS
AC
DOMINI DOMINI
LUDOVICI,
BAVARIAE REGIS REL.
CORAM
ALMAE ET REGIAE HUJUS UNIVERSITATIS
RECTORE MAGNIFICO

sancte et jurisjurandi loco pollicitus est D. Petrus de Kiréefsky, Moscaviensis, Phil. Cand.

I. Se Rectori Magnifico atque Senatui academico, Magistratui suo legitimo, fidem, obedientiam et reverentiam debitam praestiturum;

II. Pietatem veram, sobrios et compositos mores, vestitum honestum, et quidquid in omni vita ingenuum ac liberalem hominem decet, sedulo sectaturum;

III. Secretas societates, cujuscunque nominis sint, aversaturum;

IV. Se legibus et statutis Academiae Ludovico-Maximilianeae conditis et condendis in omnibus fore obsequentem.

Quo pacto, data etiam dextra, in numerum Civium almae et regiae hujus Academiae redactus est, et hasce literas, ejus rei testes, sigillo Universitatis munitas, manuque Rectoris Magnifici subscriptas accepit.

Monachii, die 26. mensis Octobris anno 1829. N 130.

Dr. Fridericus Thiersch h. l.
Rector*.

---

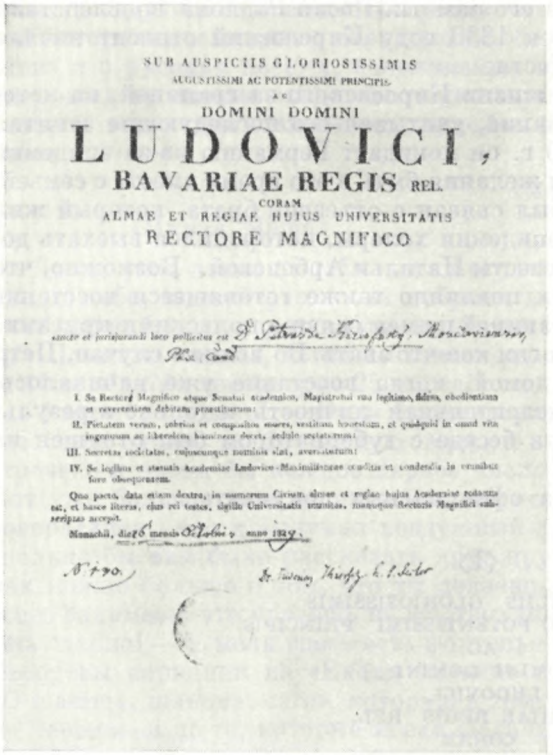
* Под достославным покровительством августейшего и владетельного государя и повелителя Людовика, благоверного короля Баварии, в присутствии его превосходительства ректора сего отечественного и королевского университета

дал священное и клятвенное обещание г-н Петр Киреевский, москвитянин, кандидат философии, в том, что он:

I. Будет проявлять верность, послушание и должное почтение его превосходительству ректору и академическому сенату как законному своему начальству;

II. Будет строго соблюдать истинное благочестие, трезвое и спокойное поведение, пристойность в одежде и все, что присуще во всей жизни человеку свободнорожденному и благородному;

III. Не будет вступать в тайные общества, какое бы наименование они ни носили;



SUB AUSPICIIS GLORIOSISSIMIS
AUGUSTISSIMI AC POTENTISSIMI PRINCIPIS
AC
DOMINI DOMINI
LUDOVICI,
BAVARIAE REGIS REI.
CORAM
ALMAE ET REGIAE HUIUS UNIVERSITATIS
RECTORE MAGNIFICO

«КЛЯТВЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ», ДАННОЕ П. В. КИРЕЕВСКИМ ПРИ ПОСТУПЛЕНИИ В МЮНХЕНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, 26 ОКТЯБРЯ 1829 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

⟨II⟩

Dem Studiosus Philosophiae, Hrn Peter v. Kireefsky aus Moskau, wird bei seinem Abgange von der hiesigen Kgl. Universität hinmit bezeugt, dass sich derselbe vom 26 October 1829 bis jetzt des Studierens wegen dahier aufgehalten, während dieser Zeit ein klagefreies, den Sätzungen entsprechendes, Betragen beobachtet, und in Ansehung verbotener Verbindungen sich nichts Nachtheiliges habe zu Schulden kommen lassen.

München den 28 October 1830.

Königl. Universitäts-Rectorat

Dr. Allioli d. z.
Rector [37] *

Таковы некоторые новые материалы о пребывании Киреевского в начале 1830-х годов за границей.

IV. Будет подчиняться всем установленным и имеющим быть установленными законам и положениям Людовико-Максимилиановой академии.

Дав такое обязательство и собственноручно его подписав, он был принят в число граждан сей отечественной и королевской академии и получил сию, свидетельствующую об этом грамоту, скрепленную печатью университета и подписанную рукою его превосходительства ректора.

Мюнхен 26 октября 1829 года. № 130.

Др. Фридерик Тирш, ректор (лат.).

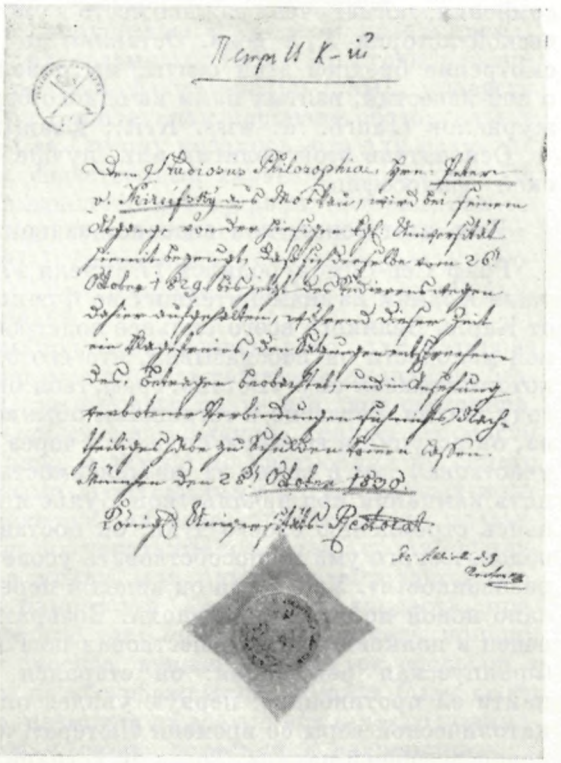
* Дано сие удостоверение студенту философии г-ну Петру Киреевскому из Москвы, при оставлении им здешнего Королевского университета, в том, что, находясь в оном для обучения с 26 октября 1829 года по настоящее время, он в течение всего указанного срока обнаружил безупречное, соответствующее установлениям поведение и ни в чем предосудительном в смысле запретных связей замечен не был.

Мюнхен 28 октября 1830 г.

Ректорат Королевского университета,
Др. Аллиоли, ректор (нем).

СВИДЕТЕЛЬСТВО, ВЫДАННОЕ П. В. КИРЕЕВСКОМУ ПРИ ОСТАВЛЕНИИ ИМ МЮНХЕНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 28 ОКТЯБРЯ 1830 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва



* * *

В заключение настоящей главы необходимо остановиться на литературных работах Киреевского изучаемого периода, из которых далеко не все опубликовано. Это даст возможность полнее, чем в существующих биографиях, воссоздать его духовный облик и вместе с тем подвести некоторые итоги всему сказанному выше.

Чрезвычайно интересной и важной из неизданных работ Киреевского, сохранившихся в его архиве, является статья об утопическом социализме Сен-Симона, написанная в начале 1830-х годов. Она представляет собой ценный документ для истории русской общественной мысли как свидетельство раннего этапа распространения идей утопического социализма в России. Статья дает право говорить о Киреевском как о представителе передовой интеллигенции того времени. Она интересна и для последующего перехода его на славянофильские позиции.

Рукопись статьи не озаглавлена и, к сожалению, сохранилась не полностью. Та часть, которая дошла до нас, написана на восьми полулистах бумаги, имеющей водяной знак «1820». Начинается она кратким вступлением, в котором названы источники; выражение «бредни этой секты», содержащееся во вступлении, наводит на мысль, что статья предназначалась для печати. Однако текст вступления перечеркнут продольной чертой наискось. В последующем тексте поправки, сделанные Киреевским, касаются, главным образом, стиля изложения, поэтому в данной публикации они опущены. Первоначально статья начиналась так:

С некоторого времени совершенно новая система нравственных наук, облеченная в форму религиозного исповедания, начала так быстро распространяться во Франции и некоторых с нею смежных государствах, что, без

сомнения, займет очень важное место в умственной, а может быть, и политической истории XIX века. Оставляя до другого времени подробное рассмотрение бредней этой секты, мы довольствуемся сообщением кратких о ней известий, взятых нами из одного берлинского и одного лондонского журналов (Jahrb. d. wiss. Krit.; Examiner).

Основатель этой религии или, лучше сказать, этой школы политической философии...

Весь этот текст, как сказано, зачеркнут, а далее следует:

Граф Сен-Симон родился 17 апреля 1760 года. Его фамилия принадлежала к одним из знаменитейших во Франции, и мнимое ее происхождение от Карла Великого всего сильнее подстрекало его честолюбие. Еще в ранней молодости он рассказывал, что его однажды поутру разбудил голос, который сказал ему: «Встань, граф, тебя ожидают „дела великие“». На 17-м году жизни, согласно с тогдашним обыкновением французского дворянства, он вступил в военную службу и через два года отправился в Америку; участвовал там в войне за независимость Соединенных Штатов и сделал пять кампаний под начальством Булье и Вашингтона. Уже тогда, предаваясь стремлению своего духа, он поставил себе целью «исследовать ход человеческого ума и способствовать усовершенствованию гражданской образованности». Уже тогда он видел в переворотах Северной Америки начало новой политической эпохи. Возвратясь во Францию, он был произведен в полковники; путешествовал по Голландии и Испании. Вспыхнула Французская революция; он старался дать себе отчет в ее причине и найти ей противоядие: первую увидел он в «постепенном упадке римско-католической веры со времени Лютера», а второе единственно «в создании новой всеобщей науки». Тогда он устранился от участия в перевороте все разрушающем и обратил все свои усилия на образование новой науки, имеющей целью всеобщее соединение. Чтобы обеспечить свою будущую жизнь, он в 1790 году соединился с графом фон Редем в торговом предприятии, и обороты их пошли так благоприятно, что в 1797, когда они разделились, Сен-Симон остался господином довольно значительного имения, которое он решился посвятить вполне своим давним замыслам. Итак, он еще ревностнее предался наукам, стараясь приобрести общий на них взгляд. Он нанял в Париже квартиру против Политехнической школы и в продолжение трех лет коротко познакомился с многими профессорами, жившими подле него. Из разговора с ними он собрал много сведений по части математики и естественных наук, первым основаниям которых он еще в начале своего воспитания научился от Д'Аламберта. Исполнив свое намерение, он переселился в соседство медицинской школы и от ее учителей получил нужные ему физиологические сведения. Скоро после, по заключении Амьенского мира, он путешествовал по Англии, Швейцарии и Германии, «чтобы составить себе полное понятие о философском богатстве Европы». Но Англия, по словам его, «не дала ему ни одной основной мысли, которая была бы нова», а в Германии «всеобщая наука была в детстве», там «она еще опиралась на началах мистических». В то время Наполеон предложил Институту задачу: «показать ход наук с 1789 года, современное их состояние и средства к ускорению их хода». Недовольный ответом, данным на этот вопрос, Сен-Симон старался удовлетворительнее разрешить его в своем, не ранее, однако же, 1808 года изданном «Предварительном исследовании хода наук в XIX веке». В этом сочинении, так же как и в другом, позднее изданном под заглавием «Lettres au Bureau des Longitudes», он упрекал, особенно ученых своего времени, в недостатке *всеобщей философии* и *единства*, связывающего разнородные науки; потому он сравнивал их с Декартом, который дал науке форму монархическую, между тем как Ньютон дал ей форму республиканскую, т. е. анархическую. Он побуждал их к

новому преобразованию Европы посредством *всеобщей теории*, могущей возобновить то единство, которое разрушилось с упадком католицизма. Он старался во многих сочинениях, издаваемых от 1808—1814 года, особенно же в своем «Prospectus d'une nouvelle Encyclopédie» (1810), провести главные черты такой теории. Скоро решительная перемена обстоятельств возвратила прежнюю династию, и Сен-Симону казалось, что для развития промышленности необходимо дать общественный характер и порядок. Он старался объяснить сословию промышленников ту роль, которая, как он думал, им назначена. С этой целью написаны были его сочинения: «Sur la réorganisation de la société Européenne»; «L'Industrie»; «L'Organisateur»; «La Politique»; «Le Système Industriel»; «Le Catéchlsme des Industrieux», кроме других, не так значительных сочинений.

Но многочисленные свои труды над совершением дела, для которого он себя чувствовал призванным, он уже по большей части окончил в бедности и нужде. Преследуя науки, он истощил почти все свое состояние, и жизнь его начала зависеть от слабых вспоможений, какими его могли поддерживать родственники. Но даже и тех он не употреблял на самого себя; довольствовался только самыми необходимыми потребностями жизни, питался хлебом и водою, не употреблял огня, продавал свое платье, чтобы только сохранить что-нибудь на печатание и раздачу своих сочинений. Он отказался даже от образа жизни, приличного своему состоянию, и от независимости, с детства ему привычной. Холодность, гордость, презрение, ожидающие человека, который часто принужден искать помощи своих знакомых,— все было ему сноснее, нежели недостаток способов к распространению науки, которая, по его убеждению, должна была вести человечество к высшему благу. Но, несмотря на все его усилия, его понимали мало, противники его теснили, а скоро оставили и защитники.

Тогда ему жизнь стала несносна, надежда его оставила, он поднял руку на самого себя,— но выстрел не был смертелен. Наконец Сен-Симон в собственной душе нашел щит против пренебрежения света. Он издал последнее свое сочинение «Le Nouveau Christianisme» и скоро после, 19 мая 1825 года, умер в нищете и забвении. Последние его слова, сказанные немногим окружавшим его ученикам, были: «La poire est mûre, vous la cueillerez»*.

Несмотря на то, что общее мнение тогда не было благоприятно учению Сен-Симона, что его побудительные причины были либо не поняты, либо выставляемы с ложной стороны, а религиозный энтузиазм к принятым началам почитался за бредни сумасшедшего, осталось, однако же, небольшое число учеников, привязанных к нему и его правилам, наследовавших после него тот же энтузиазм, который привязал ⟨?⟩ его собственную душу. Едва он исчез из их круга, ревность их обнаружилась в неутомимых усилиях распространить науку своего учителя, которого они выставляли больше как основателя новой религии, нежели новой системы политической философии.

Первым открытым шагом сен-симонистов было издание с помощью нескольких банкиров еженедельного журнала: «Le Producteur», назначенного на изложение существенных начал новой науки. Сначала, чтобы привлечь больше читателей, помещались в нем и посторонние предметы; после он исключительно посвящен был распространению Сен-Симоновой системы и выходил ежемесячными книжками. Скоро, однако же, недостаток денежных средств совершенно остановил его, а вышедшие из печати книжки едва составляют четыре тома.

Немногие, которые таким образом получили понятия о новой науке, которые либо спорили против нее доказательствами, либо сражались самым обыкновенным оружием, какое употребляется против всего нового,— шут-

* Груша созрела, вы ее сорвете (франц.).

ками и насмешками,— считали прекращение этого журнала за несомненный знак, что приверженцы новой школы либо увидели свое заблуждение, либо узнали, что невозможно убедить других в том, чему сами верили. Оба предположения были далеки от истины. Ревность нимало не ослабела в последователях новой веры. Около них собрались толпы людей теперь такие многочисленные, «которым наскучила духовная и общественная наука гостиных, которым настоящее тесно, которые пренебрегают прошедшим и вздыхают по будущему, хоть им не известному, но подающ⟨ему?⟩ надежду на развязку великих задач, встречающихся при современных успехах человеческого рода». Раздавали сочинения Сен-Симона и нумера журнала «Producteur», завели постоянные переписки, собирания на беседы, и таким образом составилось общество, которое всеми силами стремилось к одной цели: «довершать назначение человечества, возвысить нравственность, дух и умы будущих поколений». «Producteur» занимался почти исключительно развитием исторических событий, имевших непосредственное влияние на промышленность и науки. Оставалось еще заняться изящными искусствами как выражением человеческой симпатии и антипатии, показать влияние, какое они имеют на образование человека; также обратиться к самой *истории гражданственности и философии* и направить любимую в нашем веке *критику* против того самого века, в который люди осмелились восстать против всего. С этой целью началось в 1830 году издание ежедневного журнала «L'Organisateur» (и теперь выходящего), а в сочинении «Doctrine de Saint-Simon» (1829) изложена сущность лекций, читанных в Париже в 1829 году. Уже в марте 1830 года сен-симонисты усилились до такой степени, что открыли публичные заседания, где начали публично преподавать свои правила. Число слушателей беспрестанно увеличивалось; беспрестанно присоединялись люди всякого сословия, однако же всего больше люди высших сословий. Подобные лекции открыты и во многих других значительнейших городах: в Бордо, Тулузе и т. п.

На революцию 1830 года так же немало имело влияния распространение новой школы. Учение свое, кроме помянутого журнала «L'Organisateur», новая школа начала преподавать в известной французской газете «Le Globe», который присоединил к своему заглавию, что он «Journal de la doctrine de Saint-Simon».

Главные положения системы Сен-Симона заключались в том, что состояние человеческого рода бесконечно может усовершенствоваться; что люди идут, шли и всегда будут идти к полному совершенству. Что касается до одного будущего совершенства, то это учение не совсем ново, но система Сен-Симона отличается утверждением, что будущее стремление к такому состоянию необходимо и неизбежно и что это свидетельствует опыт прошедших веков. Он смотрел на все человечество как на одно совокупное тело, подверженное постоянным законам, которые правят им так же неизменно и однообразно, как и миром естественным. А так как в естественных науках из множества наблюдений над отдельными фактами видно, что они всегда следовали одни за другими в постоянном и однообразном порядке, то из этого можно справедливо заключить, что тот же самый порядок или тот же закон, под которым они до сих пор находились, будут и впредь ими править. Так как история учит, что человечество постоянно стремилось к совершенству, то справедливо можно заметить, что тот же самый закон, который до сих пор им правил, будет и впредь продолжать то же влияние.

Состояние совершенства, к которому человечество постепенно приближалось и к которому всегда будет стремиться, заключается в сочетании и единстве личных выгод. Сен-симонисты не допускают, однако же, чтобы это стремление до сих пор продолжалось непрерывно и однообразно. Напротив того, раскрыв великую книгу дееписания, они видят, что общество всегда

П. В. КИРЕЕВСКИЙ

Фототипия с портрета неизвестного художника, 1830-е годы

Литературный музей, Москва

выражалось в двух различных сферах, что оно в ходе своем всегда делилось на две великие эпохи, обнимающие все человечество, и что две эпохи следовали одна за другой таким образом, что всегда после периода *организующего* наступал период *критический*. Во время организующего периода люди чувствуют, что их существование имеет верную цель и определенное назначение, и в применении к этой цели сосредотачиваются все усилия: воспитание, законодательство и все другие пружины гражданского механизма. Характер такой эпохи — вполне религиозный. Эпоха критическая, напротив того, непостоянна и нерелигиозна, своекорыстие разделяет общество, организм его стремится к разрушению и прокладывает дорогу новой эпохе. Так как прежде всегда после времени безначалия, своекорыстия, безбожия наступало время иерархии, освящения, веры, так и после нашей *критической* эпохи мы можем ожидать подобных действий. До этого заключения сен-симонисты доходят следующим соображением: то время, когда многобожие расцвело во всей своей силе, было эпохой организующею, а вслед за тем наступивший век философии был периодом критическим, готовившим человечество к новому организующему периоду, который явился в образе христианства. Со времени Лютера общество опять вступило в период критический; а явления, видимые теперь, кажется, предвещают, что уже наступила или, по крайней мере, приближается новая организующая эпоха. Из наблюдений над законами, которые до сих пор правили организующими эпохами, Сен-Симон заключает, что они постоянно приближают человечество к совершенному братству и совершенному единству, что периоды раздробления и разъединения (antagonisme) постоянно ослабевали или, что все равно, дух братства всякий раз соединял людей теснее, — так что, заключенный сначала в истинном кругу отдельных семейств, он беспрестанно распространялся постепенным соединением семейств в селения, нескольких селений в города, нескольких городов в области и нескольких областей в государство. Отдельные государства, хотя и не соединялися под властью одного светского правления, соединялись исповеданием одной веры и под-

чиненностью одному духовному владыке. Потому вражда и ссоры между народами постепенно будут слабеть, покуда совершенно не исчезнут, так что весь мир составит некогда одно общество, правящее одними законами, исповедующее одну веру в совершенном и полном согласии чувств и выгод. Ум и сила всегда будут стремиться к своему источнику, к любви, чтобы вместе с нею возгласить благодарственную песнь и получить от нее творческую силу вдохновения.

Но такое усовершенствование человечества может быть достигнуто только тогда, когда все покорится тому закону единства или братства, который теперь соединяет города и государства под властью одного правления. Должно всему человечеству в совокупности дать такой вид, чтобы все препятствия дальнейшим его успехам были устранены; должно достигнуть того, чтобы один человек не жил на счет другого, или, говоря языком сен-симонистов, должно уничтожить всякое exploitation de l'homme par l'homme*, должно великим законом общества признать правило, которое сен-симонисты выражают таким образом: «Каждому человеку да будет по его способностям, каждой способности по его делам» (A chaque homme selon ses capacités, à chaque capacité selon ses œuvres). История показывает, что не одна вражда, но и непосредственная сила, которую имел один человек жить на счет другого, постоянно клонилась к падению. Так, например, в первобытном и несовершеннейшем состоянии общества пленника либо пожирали, либо, по крайней мере, лишали жизни. Когда этот обычай заменился рабством пленных, то это уже было великим шагом к совершенству. Дальнейшим улучшением человеческой участи было введение умеренного рабства, как в средних веках. Теперь у образованнейших европейских народов уже нет другой непосредственной власти одного человека над другим, кроме той, которая рождается от разнообразных условий между господином и слугою, одним словом, от неравного разделения богатства. Потому необходимым шагом к установлению лучшего общественного механизма, к установлению прав достоинства вместо права завладения и наследства должно быть, по их мнению...[38]

На этих словах рукопись статьи обрывается. Из приведенной части ее видно, что Киреевский достаточно подробно излагает биографию Сен-Симона (иногда цитируя его автобиографию) и сущность его учения. Изучение Киреевским теории утопического социализма и обстоятельное знание этой теории, к которой он относится достаточно объективно, возможно, разделяя некоторые ее положения, очень показательно. Важно подчеркнуть, что обращение Киреевского к изложению учения сен-симонизма было проявлением его интереса к проблемам социального переустройства, необходимость которого глубоко осознавалась в то время передовой частью русского общества. Судьбы родины и народа, оценка исторического прошлого, о котором с таким безнадежным отчаянием писал Чаадаев, бросая вызов николаевской реакции, глубоко волновали Киреевского, как и всю мыслящую дворянскую молодежь того времени.

Особенно же волновали Киреевского проблемы национально-освободительного движения, которые сыграли важную роль в формировании его фольклоризма в первый период деятельности. Интерес к нему сказался на других его работах начала 1830-х годов. Первая из них: «Изложение курса новогреческой литературы...» Ризоса Нерулоса посвящена освободительной борьбе греческого народа[39]. Ризос Якобс *Нерулос* (1778—1800) был видным участником национально-освободительного движения в Греции, и выбор его труда Киреевским был не случайным. Не менее характерной для Киреевского этого периода была статья «Современное состояние Испа-

* эксплуатацию человека человеком (франц.).

нии», посвященная борьбе испанского народа с реакционным режимом Фердинанда, укрепившего свою власть при помощи французских войск и Священного союза[40]. Обе эти работы ярко характеризуют идейные позиции их автора, безусловно симпатизирующего национально-освободительному движению и смело обличающего реакцию. Статья об Испании напечатана в 1832 г., т. е. в период, когда развертывается деятельность Киреевского как собирателя фольклора. Таким образом, интерес к фольклору у Киреевского пробуждается одновременно с его глубоким интересом к национально-освободительной борьбе в Греции, в Испании и, конечно, к социальной и политической освободительной борьбе в России, связанной не только с событиями Отечественной войны 1812 г., но и с восстанием декабристов. Это очень важно подчеркнуть потому, что на основе изучения национально-освободительного движения, которым Киреевский занимался почти всю жизнь, определяются его взгляды на фольклор. В этом отношении его деятельность как фольклориста в 1830-х годах протекала в общем русле развития передовой русской фольклористики.

2

Материалы, приведенные в предыдущей главе, показывают, что жизнь Киреевского с самого раннего возраста проходила в условиях, которые чрезвычайно способствовали развитию его литературного дарования и интересов.

История Собрания песен Киреевского далеко не полностью освещена в фольклористике. Разработка ее предполагает всестороннее изучение всех материалов, относящихся к деятельности Киреевского по записи песен и подготовке их к публикации. Обследование архивов дало возможность выявить целый ряд новых документов, характеризующих основные этапы истории его Собрания. Систематически записывать песни Киреевский начал летом 1831 г., живя вместе с Елагиными на даче в Ильинском, под Москвой. Первое свидетельство об этом встречаем в письме А. П. Елагиной к мужу от 8 июня 1831 г., посланном из Ильинского. В нем есть такая приписка Киреевского: «Эти несколько строк происходят теперь не оттого, что я поздно встал или опоздал на почту, а оттого, что пишу русские песни, сказываемые мне одной из здешних сельских юных дев»[41]. Тогда же песни начинает записывать Н. М. Языков, которого Елагины пригласили к себе на дачу в Ильинское. До этого времени у Киреевского была лишь небольшая коллекция песен (150 номеров), которые предназначались для собрания Пушкина[42]. В 1833 г. Пушкин передает все свои материалы Киреевскому. Происходит это, по-видимому, 26 августа 1833 г., когда Пушкин, С. А. Соболевский и С. П. Шевырев, также принимавшие участие в Собрании песен, встречаются с Киреевским в Москве, в доме Елагиных у Красных ворот[43]. Киреевский становится во главе задуманного Пушкиным собрания песен, получает также песенные материалы Языкова и готовит их к печати. Работа его проходила в трудных условиях, потому что осенью 1833 г. у него начинается тяжелое заболевание печени, от которого он не мог избавиться всю жизнь.

Об этом периоде в жизни Киреевского сохранились свидетельства в переписке Елагиных и в его собственных письмах. 14 ноября 1833 г. А. П. Елагина писала Жуковскому: «Петр уже три месяца не встает с постели. Мучительную и опасную болезнь переносит он с какой-то ненынешней твердостью ⟨...⟩ Когда ему лучше, он роется в преданиях, составляет, выправляет легенды, нынешним летом собранные у нищих, песни русские и пр.».

В другом письме, от 23 ноября, она сообщает о том же: «Иван другой месяц болен и уныл, Петр уже три. Он перевел „Отелло“, „Венецианского купца“,

теперь занят изданием русских песен и легенд; у него собрано тех и других большое количество, и дело будет важное и полезное. Будет ли, впрочем? Как угодно судьбе! Мы все живем давно sur le qui vive* и смотрим в двери: кто постучится?..»[44]

Работая над подготовкой сборника песен, Киреевский одновременно занимается переводами Шекспира. Это очень показательно, учитывая и интерес Пушкина к Шекспиру в начале 1830-х годов и одновременные занятия Пушкина и Киреевского народными песнями.

К зиме 1833/34 г. значительная часть материалов, несмотря на болезнь Киреевского, была подготовлена для издания. Зная, что вскоре ему нужно будет сопровождать мать в поездке за границу, где он предполагал пройти курс лечения, Киреевский торопится с публикацией песен. 24 февраля 1834 г., будучи очень занят работой над песнями, он писал отчиму:

«Не возгневайтесь и т. д., пожалуйста, что я до сих пор вам не писал! В среду у меня уже и бумага была на столе, да и тут нашлись помехи, которые помешали: стольких хлопот, я думаю, давно уж ни у кого на сем свете не бывало. Деньги я получил аккуратно и весьма чувствительно вам благодарен за их скорое прислание; но увы! они истекают из рук моих, аки потоки весенние с крутизны горной, и, вероятно, вскоре после вашего возвращения я опять *пойду на вас*. Издание, хоть и не подверженное по всем человеческим расчетам никакой опасности убытка, будет, однако же, стоить довольно значительных сумм, и особенно вначале; тем больше, что надобно будет печатать в *пяти* типографиях вдруг и, следовательно, бумагу заготовить разом на все издание, что одно уже составит около 1000. Нынче же еду забирать подробнейшие справки в типографиях; а покуда выходят, по нашим расчетам, следующие результаты: издание будет состоять из пяти больших томов, листов в 20 каждый; напечатать их станет около 4000, и если пустить по 20 р. асс. экземпляр, то 300 экземпляров уже совершенно покрывают издание. Риску, кажется, нет. А печатать в *пяти* типографиях разом (разумеется, приискавши одинакий шрифт) необходимо для того, что в одной типографии больше 4-х листов в неделю тискать невозможно, а в таком случае печатание продлилось бы год и остановило бы мой отъезд. К тому же это предохранит и от воровства типографий. Но об этом мы будем подробнее беседовать с вами после вашего возвращения, а между тем я короче (подробнее) узнаю все подробности и обстоятельства»[45].

Итак, из письма следует, что в начале 1834 г. подготовка издания Собрания русских народных песен идет полным ходом. Продуманы затраты на издание, его рентабельность, ведутся переговоры с типографией. Что же в таком случае побудило приостановить работу? Причина оказалась на первый взгляд неожиданной. Киреевский, вместо того чтобы завершить подготовку сборника, 5 мая того же года уезжает для записи песен в Новгород. Никем из исследователей не ставился вопрос, почему Киреевский, располагая уже громадной коллекцией песен (на пять томов, по 20 авторских листов каждый), приостанавливает работу и уезжает за песнями именно в Новгород. Казалось бы, проще собрать недостающий материал в своих имениях Калужской или Орловской губ. или записать песни под Москвой, где он только в деревне Воронки собрал около 300 текстов.

Совершенно ясно, что поездка Киреевского в Новгород в самый разгар работы над сборником была не случайной. Весьма вероятно, что по замыслу Пушкина, Киреевского, Языкова, Соболевского Собрание русских народных песен не могло появиться без материалов, записанных от потомков новгородской вольницы, без песен о Господине Великом Новгороде. Этого

* находясь начеку (франц.).

требовала декабристская фольклористика, уделявшая особое внимание республиканским традициям древнего Пскова и Великого Новгорода. Поездка Киреевского помогает раскрыть идейный замысел составителя сборника.

Надежды Киреевского не оправдались. По письмам из Осташкова и Новгорода видно, что собиратель глубоко разочарован: ни в Осташкове, ни в Новгороде он не услышал песен о новгородской старине. К тому же поездка осложнилась преследованиями местных властей, которые чинили ему препятствия.

Все же Киреевский собрал довольно много песен (главным образом свадебных) в окрестностях Осташкова и один из первых записал новгородские песни. Часть осташковских песен получил он от Снегирева, уроженца этих мест.

Поездка Киреевского в Новгород состоялась вслед за поездкой Пушкина осенью 1833 г. в район восстания Пугачева и после упомянутой встречи их, в результате которой Киреевский окончательно становится во главе издания.

Осташковско-новгородское путешествие Киреевского интересно как первая в русской науке специально фольклорная экспедиция, преследующая определенную цель: запись песен в заранее намеченном районе. Характер экспедиции, маршрут, результаты ее известны по имеющимся изданиям песен и публикациям писем Киреевского. Вместе с тем хочется обратить внимание на условия этой поездки, ставшие впоследствии столь характерными для многих фольклорных экспедиций дореволюционных лет.

Во-первых, подозрительность и преследования местной администрации, которые испытал на себе Киреевский. Он был вынужден заявить, что болен, и пройти медицинское освидетельствование только с той целью, чтобы его не выслали из Осташкова. Недавно опубликованы новые материалы, содержащие секретную переписку тверского губернатора А. П. Толстого с осташковским городничим и Москвою по поводу собирательской деятельности Киреевского [46].

Во-вторых, просветительская работа, которая велась Киреевским наряду с записью фольклора, что стало типичным для последующих фольклорных экспедиций вплоть до нашего времени. Об этой стороне деятельности Киреевского мы узнаем из писем, обнаруженных нами в архиве собирателя. Поскольку они представляют несомненный интерес для характеристики облика Киреевского, приводим одно из них:

«Милостивый государь
Петр Васильевич!

В почтенном письме вашем прошлого года в июле месяце вам угодно было удостоить Осташковскую гражданскую библиотеку для чтения лестным одобрением с пожеланием принять участие в существенном составе оной и пожертвовать в пользу кассы общества библиотеки сумму вашего залога. Ныне же вторично библиотека удостоена новым даром вашим 13 числа сего месяца, а почтою получены от вас 14 томов книг, самими гг. сочинителями и издателями оных назначенные. Общество членов Гражданской библиотеки примерное сие внимание ваше к приумножению предметов в состав оной и редкое усердие сделать библиотеку нашу по возможности более известною, рекомендуя таким особам, труды коих по частям ученой и литературной давно уже стяжают им достойную славу, и самое пожертвование ваше, знаменующее любовь к просвещению, приняв с особенным уважением, представило нам, избранным для управления делами оной, свидетельствовать сим от Общества членов полную вам признательность и покорнейше просить передать равномерную благодарность нашу гг. Погодину, Хомякову,

Павлову и] Лихонину и тем из гг. сочинителей и переводчиков, коим не угодно было означить свои фамилии.

Исполняя с удовольствием приятный для нас долг сей, имеем честь быть с совершенным почтением ваши милостивого государя покорнейшие слуги

Попечитель Стефан Савин
Товарищ попечителя Николай Девятов
Библиотекарь Алексей Серебрянников

Осташков
22 июля 1835 года [47]

Осенью 1834 г. о Собрании песен Киреевского становится известно в литературных кругах. Этому способствует публикация Киреевским нескольких песен в альманахе «Денница», который издавал М. А. Максимович [48]. Здесь была напечатана очень редкая песня об обороне Пскова от Стефана Батория и четыре песни балладного характера. Состав публикации, в которую вошли и песня-жалоба на жизнь в чужой стороне, и песня-баллада о солдате, вернувшемся в родной дом и не узнанном женой, и другие тексты, соответствовал подлинному духу народной поэзии. На это сразу обратили внимание современники. Н. В. Станкевич писал: «Какое драгоценное собрание! Несколько песен будет напечатано в „Деннице". Я видел некоторые листки ее — эти песни чудесны. Вот еще достоинство: они, кажется, без всяких поправок, в оригинальной грубости»[49]. Из приведенных строк видно, как отчетливо осознавалась тогда потребность в подлинных, а не приблизительных или откорректированных записях песенной поэзии. По выходе альманаха в свет на публикацию Киреевского немедленно откликнулся Н. А. Полевой[50]. Он оспаривал некоторые положения, высказанные в комментарии к песне об обороне Пскова, но в целом приветствовал появление их в «Деннице».

В ноябре того же года Киреевского принимают в Общество любителей российской словесности при Московском университете, о чем сохранился следующий документ:

«Милостивый государь, Петр Васильевич!

Общество любителей российской словесности при императорском Московском университете, отдавая должное справедливым трудам вашим на поприще отечественного слова, избрало вас в заседании октября 30 дня 1834 года действительным своим членом — диплом на сие звание вместе с высочайше утвержденным уставом Общества доставлены будут к вам немедленно.

Уведомляя вас о таковом избрании, с совершенным почтением имею честь пребыть, милостивый государь, вашим покорнейшим слугою

Михаил Погодин,
секретарь общества

№ 22
1834 года. Ноября 24
Его благородию П. В. Киреевскому» [51]

Принятие Киреевского в Общество любителей российской словесности было связано с попыткой Погодина возродить деятельность этого Общества, в то время почти прекратившего свое существование. Известно, что тогда же Погодин послал письмо Пушкину с предложением принять участие в работе Общества. Пушкин дал отрицательный ответ, напомнив об оскорбительном для него избрании в Общество в один день с Булгариным в 1829 г. Киреевский никакого участия в работе Общества не принял. Но после смерти собирателя, в силу сложившихся обстоятельств, вся его коллекция попала в Общество, которое издавало его песни в течение 70 лет, так и не издав полностью.

ДОМ КИРЕЕВСКИХ—ЕЛАГИНЫХ В ХОРОМНОМ ТУПИКЕ У КРАСНЫХ ВОРОТ В МОСКВЕ

Вид со двора

Фотография А. Д. Соймонова, 1966

В начале лета 1835 г. Киреевский оставляет службу в Московском архиве Министерства иностранных дел, куда он поступил при содействии Жуковского в 1831 г. Сохранился ряд документов о его службе в архиве, а также неопубликованная переписка А. П. Елагиной, Н. М. Языкова и других близких Киреевскому лиц, содержащая некоторые данные по этому вопросу. Из документов мы узнаем, что Киреевский долго добивался должности актуариуса, сдавал соответствующий экзамен для этого, причем ему помогло знание иностранных языков. Первоначально он получил возможность работать над древними рукописями и старопечатными изданиями. Но в дальнейшем ему предложили заниматься служебной перепиской, оформлением паспортов, виз, и он предпочел уйти из архива.

В мае 1835 г. Киреевский отправился с матерью за границу. Решено было ехать морем через Петербург. Здесь он задержался для получения разрешения на выезд, жил у Жуковского, и в это время произошла его последняя встреча с Пушкиным. М. А. Цявловский, опираясь на материалы П. И. Бартенева, утверждал, что эта встреча произошла на даче у Пушкина на Черной речке. У Бартенева же находим интересное сообщение: «Пушкин с великою радостью смотрел на труды Киреевского, перебирал с ним его собрание, много читал из собранных им песен и обнаруживал самое близкое знакомство с этим предметом»[52].

У нас нет дополнительных материалов о содержании их беседы, но зато имеется документальное подтверждение того, что эта встреча действительно состоялась. 31 мая 1835 г. Киреевский пишет брату:

«Обнимаю тебя от всего сердца, друже брат! а пишу теперь покуда опять только несколько строк. Я, как ты видел из моего последнего письма, с маменькою отправиться не успел; думал догнать ее в Гамбурге, если бы удалось выехать 1 июня, но и этого не удалось, потому что объявление обо мне в газетах продержали в типографии четыре дня лишних. Итак, мне отправиться не прежде будет возможно, как 12; следовательно, я маменьку найду уже в Карлсбаде. Между тем посмотрю Петербург. Виделся я здесь только с Жуковским, Одоевским, Титовым, Веневитиновым, Комовским, Вяземским, Пушкиным и Соболевским, и весело мне было видеть, что они истинно любят тебя, по тому дружескому привету, с которым они меня встречали...»[53]

В письме упоминаются лица, которые принимали особое участие в делах И. В. Киреевского. Для нас важно, что здесь названы имена Пушкина и Соболевского, а это дает полное основание предположить, что в беседах с ними Киреевский обсуждал также и состояние работы над сборником песен. Возможно, что он смотрел с Пушкиным и какие-то материалы из тех, которые мог захватить с собой за границу.

Годы 1835—1837 были довольно трудными в жизни Киреевского. Вернувшись из-за границы, он должен был взять на себя раздел имения, что заняло очень много времени в течение всего 1836 и начала 1837 г. и доставило ему немало неприятностей. Однако работу над песнями и в эти годы Киреевский не прекращал, о чем известно из его переписки. В письме к родным из Франценбурга от 6/18 августа 1835 г. встречается следующая приписка: «Не делал покуда ровно ничего; но думаю, однако, что сумею хоть сколько-нибудь позаняться моими песнями»[54].

В письме А. П. Елагиной, посланном из-за границы А. М. Языкову 17/29 октября 1835 г., имеется сообщение о работе Киреевского: «В декабре явится к вам Петр Киреевский, который в Праге вполне насладился словарями и грамматиками славянскими. Сербы, чехи, болгары, венгры покорили совершенно весь ум его и сердце, а профессор Юнгман, который все собрал в одном словаре, удовлетворил всем мечтам пылкого воображения»[55].

Это сообщение Авдотьи Петровны важно как свидетельство установления Киреевским тесных связей с учеными славянских стран, что впоследствии имело немалое значение в его работе над песнями. Особенно интересно упоминание о его встрече с И. Юнгманом, который в эти годы начал издавать свой знаменитый «Slownik česko-nèmecký» (Praga, 1835—1839). Юнгман был выдающимся деятелем чешского национального возрождения, филологом, поэтом, одним из создателей чешского литературного языка. Вместе с тем он был виднейшим знатоком чешского, русского, как и вообще славянского, фольклора. Поэтому встреча с ним не могла пройти бесследно для Киреевского так же, как и состоявшееся в то время его знакомство с П. Шафариком и В. Ганкой.

В переписке 1836 и начала 1837 г., заполненной главным образом хозяйственными и семейными делами, имеются некоторые упоминания о работе над песнями. В письме Киреевского к брату Ивану Васильевичу от ⟨29⟩ июля 1836 г. из Долбина читаем: «Так как мне надо будет печатать песни в Москве, то нельзя ли нам будет нанять дом вместе...» В другом письме к брату от 11 июля того же года он жалуется на отчима, который отказался участвовать в разделе имения: «Если бы он сказал это в начале зимы, то, может быть, дело уже давно было бы кончено, и я успел бы съездить к Языкову, и даже песни мои уже были напечатаны!»[56]

К началу 1837 г. дела по разделу имения, которые вел Киреевский, заканчиваются, но разлад в семье, вызванный этим, продолжался. Надо отдать должное Петру Васильевичу в том, что он всячески старался уладить возникшие раздоры, и не случайно ему, как лицу наименее заин-

тересованному, не имевшему семьи и наследников, было поручено вести эти дела. В результате раздела имения он получил в Орловской губ. с. Рубча со 179 крепостными и деревню Киреевская Слободка в 7-ми верстах от Орла со 106 крестьянами. В Киреевскую Слободку в качестве хозяина он приехал впервые в январе 1837 г. и писал оттуда: «Здесь у меня очень порядочная просторная комната, в которой я завел диван, вольтеровское кресло, шесть стульев и гитару ⟨...⟩ В хозяйство надеюсь вникнуть, хоть на первый случай очень трудно сообразить при совершенном недостатке прежних бумаг и счетов»[57].

К осени 1837 г. Киреевский выстроил здесь новый дом и прожил в нем с недолгими отлучками девятнадцать лет до самой смерти.

Уже в первый приезд, в январе 1837 г., он начал записывать здесь песни.

В неопубликованных письмах Киреевского к матери встречаются упоминания о песнях. Так, 17 марта 1837 г. из Москвы он сообщает: «Я еще покуда дел своих не кончил; впрочем, обещаюсь скоро, и тогда авось-либо можно будет приняться наконец-то за песни. Лишь бы только никакие душевные заботы не мешали мне предаться этому». В письме от 14 апреля 1837 г. он, советуя ей забыть семейные раздоры, пишет: «Только дай бог, чтобы ваша память поступила с прошедшим так же, как память русского народа с эпохою Ивана Грозного, о которой в песнях поется только одно великое и светлое»[58].

Все эти, по существу случайные, замечания в письмах важны для нас потому, что они являются свидетельством непрекращавшейся фольклористической деятельности Киреевского.

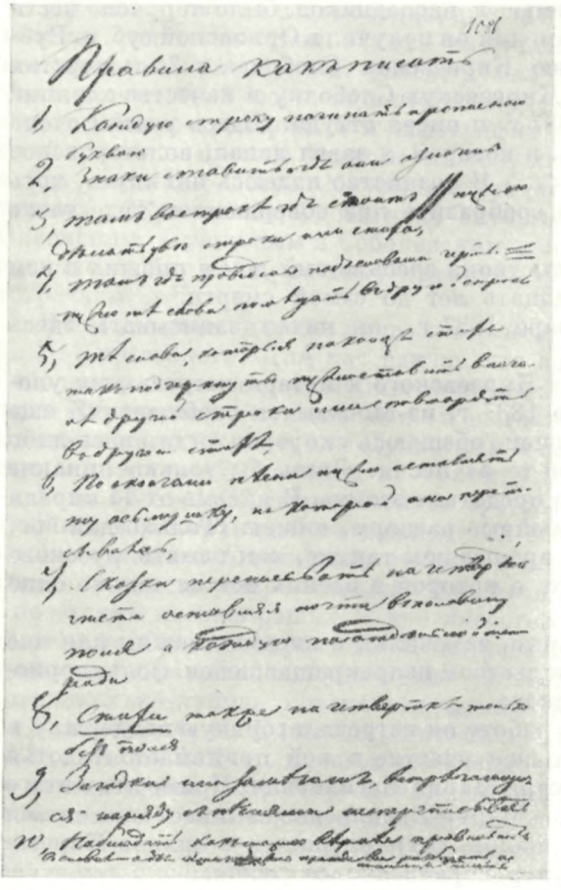
Следует отметить, что в этой работе он встречает горячую поддержку и сочувствие своих близких. Большое участие в ней принимает Авдотья Петровна и в особенности его сестра Мария Васильевна. Примерно с этого времени и даже несколько раньше Мария Васильевна начинает заниматься перепиской песен, и среди материалов, сохранившихся в архиве Киреевского, большое количество текстов переписано ее рукой.

В одном из писем Киреевского к сестре, посланном после переезда в Киреевскую Слободку, упоминается и об этом:

1 декабря 1837. К. Слободка.

«У нас тут выпал снежок, хотя еще и небольшой; как-то у вас? Напишите, пожалуйста, поаккуратнее, что у вас делается? Посылаю к тебе мужика с бумагою для песен; но песни тут, между нами будь сказано, больше взяты предлогом, а ты не торопись их писать, потому что они мне еще будут нужны не очень скоро; а если скоро сбираетесь, то и совсем не пиши, а передай нашим долбинским. Между тем надеюсь, что поспею вас проводить. Пуще всего хочется знать, что у вас делается, а через почту вести идут слишком долго, и я до сих пор еще ничего не получал. Этому мужику приказано проехать в Долбино, но нигде долго не прохлаждаться, а сейчас же возвращаться ко мне с вестями. Поэтому ты пиши с ним ко мне как можно побольше; но писание письма не откладывай, а пиши скорее. Взад и вперед 180 верст — не безделица! Это расстояние несносно скучно...»[59]

В приведенном отрывке письма сказано о том, что Мария Васильевна может сама не переписывать песни, а передать «нашим долбинским». Кто эти долбинские? По переписке Елагиных — Киреевских удалось установить, что еще в 1820-х годах, а может быть и раньше, в Долбине была создана школа из крепостных крестьян, очевидно, юношей и девушек, которых обучали читать и писать, чтобы использовать их в качестве писарей. Вероятно, именно эти люди переписывали литературные работы самих Елагиных, а также многие другие, в том числе и художественные произведения.



«ПРАВИЛА КАК ПИСАТЬ»
Были разработаны П. В. Киреевским для записей песен, 1830-е годы
Автограф неустановленного лица в архиве Киреевского
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Еще в 1826 г. Киреевский писал об этом матери: «Университет долбинский здравствует и благоденствует, в нем теперь находится около пятнадцати человек студентов мужского и женского пола, которые все уже пишут очень порядочно и хорошо. Но метóда долбинского Сократа незавидная, потому что немногие еще складывать умеют, хотя хорошо пишут. Папенька намерен дать ему некоторые наставления в этом отношении и по следующей почте прислать вам несколько автографов долбинских каллиграфов»[60] («Сократ» — очевидно, Иван Васильевич Киреевский).

В архиве Киреевского сохранилась также инструкция о том, как надо переписывать песни. Вот ее текст:

Правила как писать:

1. Каждую строку начинать прописною буквою.
2. Знаки ставить, где они означены.
3. Там в строке, где стоит //, нужно делать две строки или стиха.
4. Там, где проведены под словами черты ≡, нужно те слова помещать в другой строке.
5. Те слова, которые на конце стиха так подчеркнуты, нужно ставить в начале другой строки или повторять в другом стихе.
6. По окончании песни нужно оставлять ту осьмушку, на которой она переписывалась.

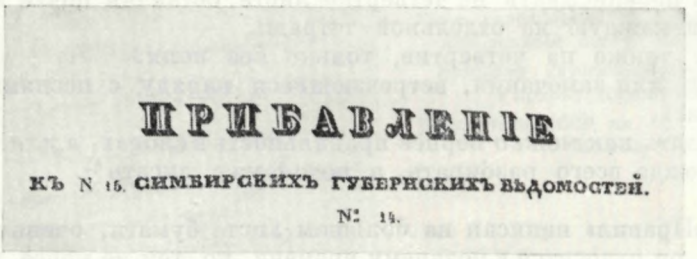
7. Сказки переписывать на четвертке листа, оставляя почти в половину поля и каждую на отдельной тетради.
8. *Стихи* также на четвертке, только без поля.
9. Загадки или замечания, встречающиеся наряду с песнями, не переписывать.
10. Наблюдать как можно вернее правильность в словах, а для этого нужно прежде всего разбирать, а потом уже писать[61].

Текст «Правил» написан на большом листе бумаги, очень небрежно. Возможно, он относится к позднему времени, но тем не менее крайне интересен для изучения песен из Собрания Киреевского, которые сохранились в нескольких списках.

К началу 1838 г. Киреевский подготавливает к печати одну из частей сборника, задуманного еще по плану, разработанному при участии Пушкина. Это «Песни свадебные», которые переписаны для печати в так называемые «Зеленые тетради»[62]. Первая из этих тетрадей была процензурована Снегиревым 5 марта 1838 г. В этой тетради почти нет записей, доставленных Языковым. Получив от Языкова огромное количество песен, Киреевский берет только пять текстов, которые, судя по месту записи (Оренбургская и Симбирская губ.), можно отнести к этой коллекции. В первой из «Зеленых тетрадей», одобренной к печати цензурой, подбор песен сделан преимущественно из материалов собрания Пушкина, Соболевского и самого Киреевского. Около половины песен взято из печатных источников, над которыми работал Соболевский, а затем Киреевский по указаниям Пушкина. Вторая часть состоит из записей Пушкина и главным образом из материалов, собранных Киреевским в Московской, Тверской, Новгородской губ., и некоторых других, полученных им, очевидно, через родственников. Мы можем вполне определенно сказать, что первая «Зеленая тетрадь», имеющая заглавие «Русские народные песни, изданные П. Киреевским. Часть 1. Песни свадебные» и пометку цензора Снегирева от 5 марта 1838 г., является одной из частей того сборника, который был задуман Пушкиным и Соболевским.

Вторая «Зеленая тетрадь», сохраненная Марией Киреевской, не закончена. Отдельные листки из нее в настоящее время разбросаны по самым разным папкам огромной коллекции Киреевского, поэтому судить об этой тетради довольно трудно. Ясно только, что, несмотря на разрешение цензуры, работа над изданием была приостановлена. Исследователи до сих пор не могут найти удовлетворительного объяснения этому факту. Изучение архивных документов проливает свет на этот вопрос, хотя и не решает его окончательно. В самый разгар работы, когда уже все было подготовлено и отпечатаны пробные листы, Киреевский вынужден был прервать ее для того, чтобы сопровождать за границу больного Н. М. Языкова. А. М. Языков сообщает своему приятелю В. Д. Комовскому в письме, отосланном 1 июля 1838 г. из Симбирска: «Вам уже известно, что брат Н. М. уехал в М⟨оскву⟩ лечиться; тамошний лекарь предложил ему ехать за границу. Через неделю он отправляется с П. В. Киреевским и лекарем на Петербург, Ригу и т. д. в Берлин и далее»[63]. Поездка за границу послужила непосредственной причиной того, что издание песен было отложено. Немаловажно и то, что Киреевский истратил на путешествие бóльшую часть своих средств, предназначенных для публикации песен. Вернувшись домой весной 1839 г., Киреевский, казалось бы, должен был возобновить работу над изданием первого тома; однако он ничего не предпринимает для этого.

Еще до отъезда за границу Киреевский собирался одновременно с первым томом песен издавать духовные стихи (см. ниже письмо А. М. Языкова к Комовскому от 20 марта 1838 г.). Живя с Языковым за рубежом, Киреевский, как мы увидим далее, расширяет свои фольклорные связи и



ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ N 15. СИМБИРСКИХЪ ГУБЕРНСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

№ 15.

ПРИБАВЛЕНИЕ К № 15 СИМБИРСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ», 1838

Заголовок

В этом номере «Прибавлений» была впервые опубликована «песенная прокламация» П. В. Киреевского, Н. М. Языкова и А. С. Хомякова

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

продолжает работать над песнями. Весьма вероятно, что там он приходит к выводу о необходимости заново пересмотреть план публикации всего Собрания.

О том, какие планы были у Киреевского ранее, известно из его переписки с Н. М. Языковым, относящейся к 30-м годам и опубликованной М. К. Азадовским. В одном из писем Киреевского — от 21 февраля ⟨1834 г.⟩ — читаем: «Я думал было сначала начать печатание со стихов и песен исторических, потом приступить к балладическим, и т. д., но теперь, мне кажется, лучше начать обратно, т. е. с *элегий*, как легче других обходящихся без примечаний, чтобы хоть несколько выиграть времени для труднейших. Разряды я разобрал следующие, для которых еще, впрочем, не приискал приличных названий: в этом ты мне помоги. 1) Элегии любовные. 2) Романсы. 3) Баллады. 4) Свадебные, хороводные и вообще обрядные. 5) Воинственные, разбойничьи и солдатские. 6) Исторические и наконец 7) Стихи религиозные»[64].

Подготавливая названный выше сборник песен («Зеленые тетради»), Киреевский в основном следовал этому плану, начав осуществлять его с четвертого раздела (свадебные песни), в чем помогал ему С. А. Соболевский.

Но в конце 30-х годов, когда Собрание Киреевского значительно пополнилось духовными стихами и историческими песнями, прежде всего за счет коллекции Языковых, Киреевский вновь возвратился к мысли начать издание с духовных стихов. Предполагая в них наличие пережитков языческих верований, он относил духовные стихи к наиболее древним памятникам народной поэзии. Возможно, что на это ориентировал его в свое время и Пушкин, ценивший поэтические достоинства духовных стихов, или, как он их называл, «легенд». В «Путешествии из Москвы в Петербург» Пушкин писал, что следовало бы поговорить «о наших народных легендах, которые до сих пор еще не напечатаны и которые заключают в себе столь много истинной поэзии. Н. М. Языков и П. В. Киреевский собрали их несколько etc., etc.»[65]. В то время, когда были написаны эти строки (1833—1834 гг.), Киреевский обладал еще сравнительно небольшой коллекцией духовных стихов и, как видим из его письма к Н. М. Языкову, не располагал временем для подготовки к публикации «труднейших», по его словам, произведений народного творчества.

Теперь же, в конце 30-х годов, сосредоточив в своих руках большое количество фольклорных материалов, имея опыт работы над ними, Киреевский решил провести в своем издании последовательно исторический

принцип, разумеется, так, как он его понимал, т. е. начать печатание с духовных стихов, былин и исторических песен.

Публикации духовных стихов предшествовали годы жизни и деятельности Киреевского, недостаточно полно освещенные в литературе о нем. Для устранения этого пробела обратимся к архивным данным, в частности, к переписке братьев Языковых — Петра, Александра и Николая.

После смерти Пушкина Киреевский особенно близко сходится с Николаем Языковым, как самым верным помощником в деле собирания песен. Зимой 1837/38 г., окончив подготовку первого тома свадебных песен к печати и отослав их в цензуру, он едет в Симбирск для того, чтобы на месте познакомиться с собирательской работой Языковых, а затем вместе с Н. М. Языковым вернуться в Москву, где тот должен был лечиться и одновременно помогать своему другу в издании песен. Приехав в Симбирск, Киреевский знакомится с материалами, собранными Языковыми, записывает песни сам, пишет вместе с Н. М. Языковым «Песенную прокламацию», которую они публикуют в «Симбирских губернских ведомостях»[66], занимается изучением архивов симбирских помещиков. Он находит в них ряд ценных исторических документов и задумывает издание «Синбирского

32

кины прибавилось, или колосья при четырех-кратномъ старнованіи, почти всѣ отдѣляются отъ соломы, и наконецъ ржаная солома, оставаясь въ прядкахъ или горстяхъ крупною и прямою, сдѣлалась лучше и прочнѣе для крышъ.—

Орловскій помѣщикъ А. Бурнашевъ.

II. ЧАСТНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

О собираніи Русскихъ народныхъ Пѣсенъ и Стиховъ.

Желая сохранить остатки нашей народной Поэзіи, особенно Пѣсни и такъ называемые Стихи, мы собрали въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и приготовили къ печати большое ихъ количество. Опытъ намъ показалъ: что необходимо спѣшить собираніемъ этихъ драгоцѣнныхъ остатковъ старины, примѣтно исчезающихъ изъ памяти народа съ перемѣною его нравовъ и обычаевъ; что важно и въ этомъ дѣлѣ общее участіе всѣхъ дорожащихъ спасеніемъ нашей своенародной словесности отъ конечнаго ея истребленія и что для полнаго изданія Пѣсенъ и Стиховъ необходимо, чтобы они были записаны вездѣ, гдѣ это возможно.

При записываніи Пѣсенъ особливо могутъ быть полезны люди престарѣлые; они болѣе дорожатъ вѣрностію дошедшихъ до нихъ Пѣсенъ и менѣе подвергались нововведеніямъ. Записывать должно сначала со словъ потомъ повѣрять съ голоса; ибо люди привыкшіе пѣть Пѣсни, обыкновенно лучше вспоминаютъ ихъ, когда поютъ, нежели когда сказываютъ.

Пѣсни, которыя поются въ народѣ, должны быть записываемы слово въ слово, всѣ безъ изъятія и разбора, не обращая вниманія на ихъ содержаніе, кратность, несладкость и даже важущееся безсмысліе: иногда поющій смѣшиваетъ части нѣсколькихъ Пѣсенъ въ одну и настоящая пѣсня открывается токмо при сличеніи многихъ списковъ, собранныхъ въ различныхъ мѣстахъ.

Стихи, какъ: *о Ѣлорѣ Удаломъ, объ Алексѣѣ Божьемъ Человѣкѣ, о Страшномъ Судѣ, о Борисѣ и Глѣбѣ* и проч. поются нищими, особенно слѣпыми, (всего чаще на ярмаркахъ) и вообще простолюдинами во время постовъ. Записывать ихъ также удобнѣе сперва со словъ, а потомъ повѣрять съ голоса. Они заслуживаютъ особенное вниманіе потому, что никогда издаваемы не были, хотя заключаютъ въ себѣ высокую поэзію предмета и выраженія.

Надѣясь, что соотечественники наши примутъ участіе въ этомъ общественномъ дѣлѣ, мы покорнѣйше просимъ доставлять *Стихи и Пѣсни* въ Г. Симбирскъ на имя Г. Гиттенфервальтера Петра Михайловича Языкова.

П. Киреевскій.
Н. Языковъ.
А. Хомяковъ.

«О СОБИРАНИИ РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН И СТИХОВ»
«Песенная прокламация» П. В. Киреевского, Н. М. Языкова и А. С. Хомякова
«Прибавление к № 15 Симбирских губернских ведомостей», 1838
Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

сборника», которое и было осуществлено в 1845 г. в Москве при участии П. М. Языкова, В. А. Елагина и Д. А. Валуева[67].

Из письма А. М. Языкова, посланного Комовскому 20 марта 1838 г., мы узнаем о планах Киреевского публиковать фольклорные материалы: «Я уже писал вам о приезде сюда П. В. Киреевского; он зазимовал здесь по причине распутицы и теперь разбирает наши семейные архивы: рукописей свезли ему множество, и, кажется, поездка его в С⟨имбирск⟩ будет полезна и в историческом отношении. Все, что соберет в С⟨имбирске⟩, будет издано под названием С⟨имбирского⟩ сборника. Интересного открывается много. Видя такое археографическое радушие нашей публики, он полагает съездить сюда еще раз и осмотреть городские и церковные архивы; для этого можно будет выпросить ему полномочие свыше. Я уведомлю вас обо всем, что он откроет.

Песен 1-й том уже возвратился из цензуры и поступит в печать в мае. Всего набирается томов 10 на первый случай. Вместе с 1-м томом песен хочет он печатать стихи; но не знает, позволят ли: в них народная фантазия часто отступает от исторической истины и рассказывает на свой лад; он особенно опасается за легенды духовного содержания. Не можете ли вы сделать нам одолжение: узнать стороною, основательны ли опасения Петра Васильевича и каким путем вернее достигнуть позволения? Без духовной цензуры, вероятно, не обойдется!

Приезд Киреевского оживил собирание песен; многие дремавшие деятели снова очнулись и сделали зависящие от них распоряжения»[68].

В мае 1838 г. Киреевский возвращается вместе с Н. М. Языковым в Москву и вскоре уезжает с ним за границу. Об этом периоде жизни Киреевского мы находим интересные данные в переписке братьев Языковых с В. Д. Комовским.

В. Д. Комовский (1803—1851) известен в литературе как переводчик «Истории древней и новой литературы» Фр. В. Шлегеля (2 ч., СПб., 1829) и как видный чиновник, занимавший посты в Цензурном комитете, в Главном управлении цензуры, а с конца 30-х годов — пост директора канцелярии Министерства народного просвещения. Языковы очень ценили дружеские отношения с Комовским, который был хорошо осведомлен в литературной жизни столицы и оказывал помощь в продвижении в печать произведений Н. М. Языкова.

Признавая заслуги Киреевского, Языковы выражают нетерпение по поводу затянувшегося издания песен. Видимо, не понимая до конца научных планов и интересов Киреевского, его метода работы над текстами, А. М. Языков пишет Комовскому 4 мая того же года:

«Киреевский чрезвычайно копоток; Сахаров начал уже печатать собрание песен, а он все копается; собрание Киреевского, конечно, больше, у него уже набрано томов на 10, по его счету, но всё Сахарова собрание ему помешает много. В археографическую к⟨омиссию⟩ Киреевского ничем нельзя заманить—он всякой службы боится как огня. Здесь мы с ним отрыли много интересных книг (напр., разрядную) и бумаги; список вам скоро доставлю. В Москву с ним мы ничего не отпустили — пусть прежде напечатает хотя 1-й том песен, который был уже в цензуре. Стихи он обещался переписать и доставить вам для описанного вами поступления; мы будем его понукать — иначе он просидит, а какой-нибудь пустозвон напечатает два стиха и все дело испортит. В Муром и Карачарово он думает съездить, и когда соберется, то попросит вас о приказе от Сергея Семеновича: Киреевского очень обрадовало ваше старание и готовность Уварова пособить ему»[69].

В этом письме любопытно известие о намерении Киреевского съездить на родину Ильи Муромца (в Муром и Карачарово) — еще один штрих

для характеристики Киреевского-фольклориста. Представляет интерес и следующее письмо А. М. Языкова к Комовскому:

1 июня 1838 г. Симбирск.

«... Песни Киреевского опять останутся до поры до времени; у него их всё прибывает: Сахарова собрание перед его — ничто. Жаль только, что теперь путешествие опять мешает ему печатать, а то 1-й том у него готов. Он вам покажет и объяснит при свидании в Петербурге, он делатель званый и каких у нас на Руси мало; с полною любовью к своему делу, с полным самоотвержением и преданностью. Он живет больше в прошлом и вовсе не думает о волнующем настоящем»[70].

О пребывании Киреевского за границей и о характере его работы над Собранием песен мы узнаем также из писем А. М. Языкова Комовскому:

9 октября 1838 г.

«По словам П. В. Киреевского, можно надеяться, что сия поездка в Неметчину будет иметь счастливый конец, к величайшему удовольствию нашему и всей читающей публики вообще. Киреевский и там приводит в порядок и соображает свои песни с песнями прочих певучих народов; он скупил себе все, что относится к его части. Странно, что в Гриммовом собрании немецких сказок есть почти все русские и „Ж⟨ар⟩-П⟨тица⟩“ не вовсе-де такая, как наша, но все-таки та же самая; брат намерен ею воспользоваться при пересмотре и поправлении»[71].

1 февраля 1839 г.

«П. В. Киреевский выехал из Г⟨анау⟩ на Прагу, Киев и т. д., ему хочется еще раз повидаться со славянами; в Германии он запасся всеми собраниями песен других народов и все это будет сличать и соображать дома на досуге»[72].

Итак, Киреевский после поездки за границу начинает заниматься сравнительным изучением песен. В его архиве сохранился большой список книг по фольклору, привезенных из-за границы и находившихся ранее в его библиотеке. Здесь можно увидеть почти все новейшие издания фольклорных материалов: английские, шведские, испанские, датские, немецкие, польские и другие. Часть его библиотеки сохранилась в Государственном музее И. С. Тургенева в Орле, но бóльшая часть книг пропала.

В одном из последних писем А. М. Языкова к Комовскому говорится о возвращении Киреевского на родину и его намерении издавать сборник песен.

9 апреля 1839 г. Станишное.

«... П. В. Киреевский еще при нас возвратился в Москву; он объездил всех славян и хотел скоро приступить к печатанию 1-го тома песен; о стихах он будет сноситься с вами и воспользуется счастливым положением, в котором вы находитесь»[73].

Пока Киреевский был в отъезде, Языковы, и в особенности Петр Михайлович, проводят большую работу по собиранию песен. Об этом пишет А. М. Языков к Н. М. Языкову 13 августа 1838 г. из Станишного: «Старик Петр Михайлович в Головине записал множество стихов, совершенно новых, и песен, небывалых под пером собирателей; заглавия стихов и счет песен он сам доставит: это его заслуга; его добро! Петр Васильевич может быть покоен, важное дело и во время его отсутствия идет успешно. Верно, он и за границей занимается подготовкой и по возвращении приведет в движение многие станки типографические. Петру Михайловичу доставил

еще некто Минаев несколько песен удивительных, особенно одна из них привела в исступление всю симбирскую публику; губ⟨ернатор⟩ просил позволения доставить ее Блудову с эстафетою; брат, разумеется, не дал! — это следствие объявления в „Симбирских ведомостях“ »[74].

Языковы постоянно информировали Киреевского о своей собирательской работе, надеясь, что он поживет за границей и там будет готовить песни к публикации. Но Киреевский спешил на родину и с нетерпением ждал П. М. Языкова, который должен был заменить его и остаться у больного брата. 14 декабря 1838 г. Киреевский писал матери из Ганау: «С нетерпением жду Петра Михайловича и, при всей моей благодарности за его песни и столбцы, не погружусь в них и поеду назад. Только боюсь, чтобы он не замешкался где-нибудь на дороге; особливо в Петербурге»[75].

Вернувшись в Россию, Киреевский ненадолго задерживается в Москве и затем едет в Киреевскую Слободку.

Друзья Киреевского стараются ему помочь в издании песен, о чем свидетельствуют письма А. М. и Е. М. Языковых к Н. М. Языкову 1839—1840 годов.

1 апреля 1839 г. Станишное.

«... Петр Васильевич обещал скоро начать печатать песни, известий еще нет, он, верно, еще разбирается; я предлагал ему денежное пособие на первый том, он сказал, что едва ли будет нужно»[76].

23 апреля 1839 г. Станишное.

«... Мария Васильевна пишет, что Петр Васильевич слабо приступает к печатанию песен, и советует прислать ему денег. Я узнáю, сколько нужно, можно нам общими силами поддержать дело почти общее»[77].

От денежной помощи Киреевский отказался, но друзья его всё еще не теряют надежды на издание им песен, и в письмах А. М. Языкова к брату находим еще упоминания о песнях:

21 декабря 1840 г. Симбирск.

«... П. Киреевский обещает скоро прислать 1-й том песен, у него-де все томы готовы к печати»[78].

Последнее письмо как будто свидетельствует о возобновлении работы Киреевского по подготовке издания. Но вот что пишет А. П. Елагина Ивану Киреевскому 21 апреля 1841 г.: «Петр был сам, своей персоной у тебя в Долбине, милый Иван, и ты, надеюсь, успокоился насчет его великолепного молчания. Когда десять лет лежат перед ним песни, которые издать необходимо для собственного спокойствия, когда полтора года куплена для них бумага, три года пропущены цензурой — и он все сбирается, то можно же простить ему несколько лет пропущенных»[79].

Приведенный выше отрывок из письма Авдотьи Петровны достаточно ясно характеризует состояние работы Киреевского над Собранием песен. Он фактически отказывается от издания подготовленных к печати свадебных песен, о которых пишет А. П. Елагина, и проявляет в данном случае упорство и настойчивость в осуществлении выработанного им плана начать издание с духовных стихов и исторических песен и лишь в завершение всего обратиться к публикации песен лирических и свадебных.

Собрание песен Киреевского к этому времени приобретает всё бóльшую и бóльшую известность. К нему продолжают стекаться всё новые и новые материалы от друзей, знакомых, а часто и неизвестных ему собирателей. В подтверждение приведем здесь отрывок из письма К. Д. Кавелина, старого друга Елагиных, который сообщает В. А. Елагину:

26 июля 1840 г. Иваново.

«... Недавно открыл я, что по соседству от меня поются старинные песни. Ты можешь себе представить, что я не мог пропустить такого благоприятного случая и собранные песни посылаю Петру Васильевичу, которому они, наверно, понравятся и будут полезны. С собою привезу гораздо больше» [80].

Имя Киреевского как собирателя песен стало широко известно. Старые друзья просят его прислать песни для публикации в периодических изданиях и пользуются его услугами для посылки за границу имеющихся в России песенных изданий. Очень интересно в этом отношении одно из писем Максимовича, который в свое время впервые напечатал песни из Собрания Киреевского. Письмо послано после встречи с Киреевским в Киеве, состоявшейся по возвращении его из-за границы:

«Любезный друг Петр Васильевич! В ожидании обещанного тобою письма, я, давно желавши писать к тебе, молчал, тем более что не знаю и теперь даже, где найдет тебя эта страничка. Она, во-первых, известит тебя, что начало болезни, с которой ты видел меня, сильно развилось во время поста и лета, так что я полгода целые не выходил почти, но при этом и дома не мог ничего работать..... и кое-как только смог дотянуть тиснение первой части моей истории. Узнавши твой адрес, я доставлю тебе ее вместе с твоими книжонками червоннорусскими. За присланные книги благодарю тебя: из них, однако, я Снегирева и Сахарова отправил Шафарику; Чулкова, если нет у тебя лишнего, мне и не присылай; ибо я Абевегу имею. Пришли лучше мне для предпринятого мною „Киевского альманаха", кн. 8, несколько народных песен, какие, по-твоему, особенно хороши и любопытны в эстетическом отношении и вместе историческом. Если бы можно, то я просил бы у тебя стих о Голубиной книге или Страшном суде... Впрочем, ты сам лучше знаешь, что лучше будет; и если не поленишься, то приложи и свое замечание, как ты это сделал в тех, кои помещены были в „Деннице". Не оставь, пожалуйста, безответным моего прошения сего и отзовись скорее.

Что делаешь ты с собою, с своим изданием — мне любопытно будет знать, извести также, что делается с нашим Языковым?.. Если есть у тебя, или можно тебе достать его стихов, то, сделай одолжение, порадей ими для моего альманаха, для которого имею уже в основании стиховной части четыре стихотворения Бенедиктова. Без Языкова стихов не будет полнозвучен он. Попроси брата и от себя, чтобы он мне прислал что-нибудь своего, и если будет возможность, достаньте что-либо от Хомякова и Баратынского. Тебя я просил о песнях; но если бы ты захотел, то мог бы удружить мне и собственным писанием. Засим прошу тебя еще передать мой душевный поклон Машеньке-сестрице и не забывай преданного тебе

Максимовича.

Кланяется тебе сестра моя.

30 августа 1839. Киев» [81]

Приведем еще одно письмо тех же лет украинского фольклориста И. И. Берецкого, в котором он благодарит Киреевского за присылку сборника песен Сахарова:

«Высокочтений господине!

Вже давно желав я под'яковати вам за присланиі мені до Львова книжки, але николи не було способності, аж тепер будучи в Кракове маю честь написати вам кілька букв под'яки за учинений нам подарок. Маю я тепер зобраных дуже пісень, розмаитой основи: розкажет господине а що оно потреба, пришлю абы тільки знав, як? Зготовили мы пісні руські, але

нема капиталу на печатання. Если бы можно Сахарова ще дещо красно просив быть. Часть 1 и 2-у а 3-оі тільки 2-гу книгу, з вашої ласки маю.

Поручаючися вашої пам'яти зістаю вашим

униженим слугою
Иван Ив. Берецкий

Краков 15/27 серпня 840.

NB Сли бы сте рачили даколи до мене писали, прошу адресовати на брата мойого ⟨...⟩

Так письмо до мене дійде»[82].

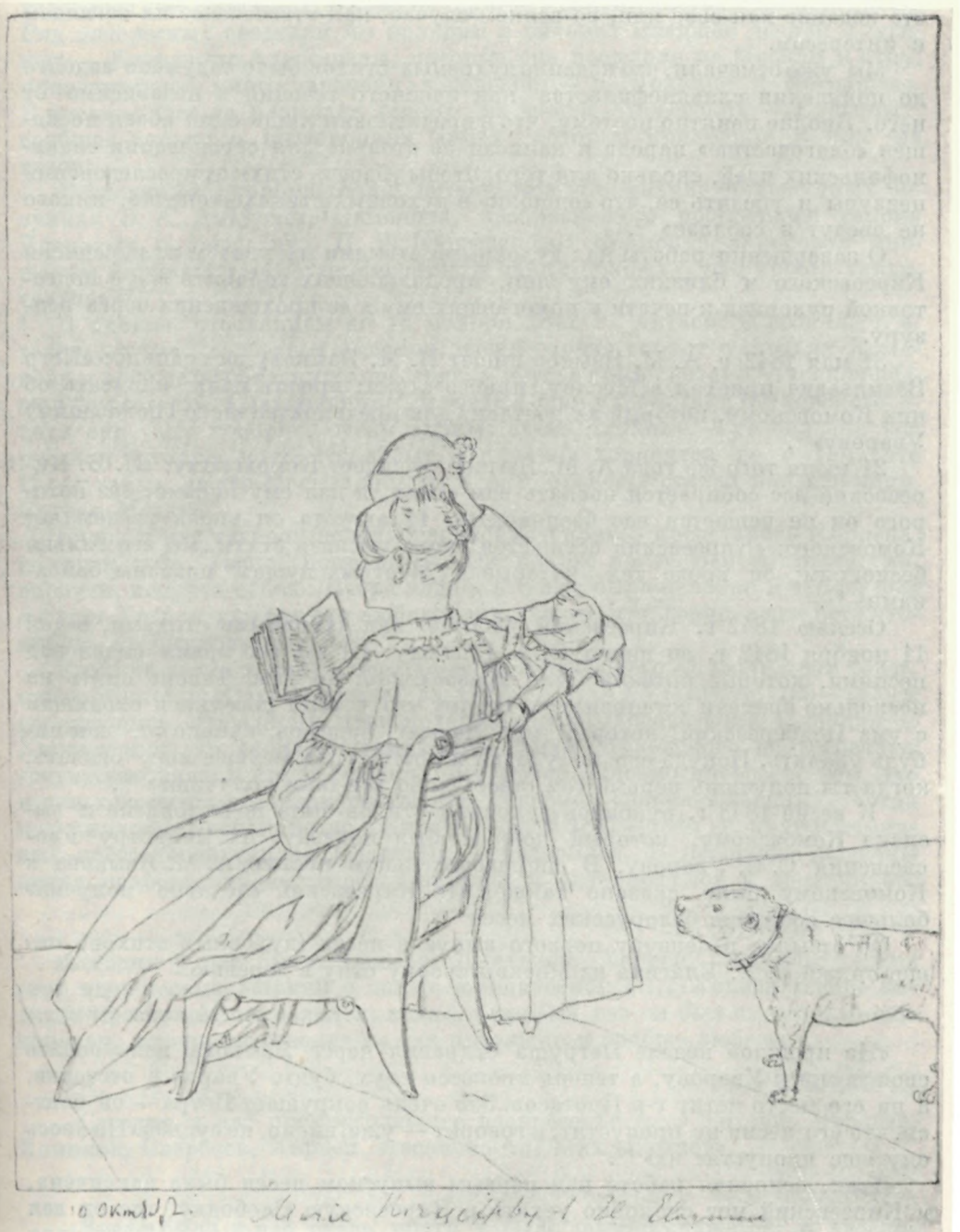
Из писем Максимовича и Берецкого видно, что Киреевский поддерживал связи с украинскими фольклористами, стараясь оказать помощь в их работе.

* * *

40-е годы были наиболее трудным периодом в жизни и деятельности Киреевского. В эти годы происходит его сближение со славянофильскими кругами. В истории русской фольклористики славянофильству Киреевского посвящено немало страниц, что избавляет нас от необходимости повторять уже известные факты. Отметим лишь, что приверженность Киреевского славянофильским идеям нельзя отождествлять со взглядами сторонников официальной народности. Разграничение между ними очень четко провел М. К. Азадовский, который указывал, что «Киреевский отнюдь не был реакционером или выразителем идей официальной народности. Он относился отрицательно к николаевскому режиму, ненавидел всякий абсолютизм и всякие формы угнетения, но он противопоставлял этому строю не прогрессивные идеи, которые в разных формах были уже освоены русским обществом, но идеалы, опиравшиеся на прошлое»[83].

Насколько эти идеалы отразились в деятельности Киреевского как фольклориста? Ответить на этот вопрос довольно трудно, потому что Киреевский никогда не выступал в качестве теоретика славянофильской фольклористики, подобно К. С. Аксакову или А. С. Хомякову. Он не написал ни одной работы, где бы отстаивал взгляды славянофилов на фольклор. Более того, его единственная прижизненная публикация песен в славянофильском издании («Московский сборник 1852 года») сопровождалась статьей Хомякова и лишь небольшой заметкой самого Киреевского, содержащей главным образом фактические данные о песнях. Некоторое отражение славянофильских идей можно обнаружить порой в его переписке, но там же мы встречаем и противоположные славянофилам взгляды, например, отношение к фольклору как к «живой народной литературе». Стоит вдуматься в это меткое определение и сравнить его с другими (например, с более поздним — «живая старина»), чтобы оценить по достоинству взгляды собирателя на поэтическую культуру народа.

Известное влияние славянофильства можно усматривать в стремлении издать духовные стихи, в частности в предисловии к ним, написанном Киреевским. Подчеркивая исключительное значение песен в жизни русского народа, Киреевский вместе с тем выдвигает в качестве основного критерия эстетической ценности произведений народной поэзии их древность. Сожалея о том, что «вся их красота — уже старина» и «эта старина уже не возрождается», собиратель пишет о губительном влиянии на народную песню городов и «промышленной деятельности», о «нравственной порче», которой подвергается прекрасная русская песня[84].



М. В. КИРЕЕВСКАЯ и Е. А. ЕЛАГИНА

Рисунок пером В. А. Жуковского, 1839

Исторический музей, Москва

Эти мысли, несомненно, импонировали славянофилам, рассматривавшим это издание как свое или, во всяком случае, как отвечающее их взглядам и интересам.

Мы уже отмечали, что издание духовных стихов было задумано задолго до появления славянофильства как идейного течения и независимо от него. Вполне понятно поэтому, что в предисловии лишь один абзац посвящен «благочестию» народа и написан не столько для обоснования славянофильских идей, сколько для того, чтобы уберечь стихи от преследований цензуры и убедить ее, что «ошибки» в духовных стихах «конечно, никого не введут в соблазн» [85].

О завершении работы над духовными стихами мы узнаем из переписки Киреевского и близких ему лиц, продолжавших торопить его с подготовкой рукописи к печати и помогавших ему в ее прохождении через цензуру.

31 мая 1842 г. А. М. Языков пишет Н. М. Языкову за границу: «Петр Васильевич приехал в Москву, привез стихи: просит меня написать об них Комовскому, который их доставит для предварительного ⟨показания⟩ Уварову»[86].

21 июня того же года А. М. Языков сообщает Комовскому: «П. В. Киреевский все собирается послать вам стихи, я дал ему письмо, без которого он не решается вас беспокоить». 11 августа он вновь уведомляет Комовского: «Киреевский обещается скоро выслать стихи, мы его сильно беспокоим; он вроде тех, которые в „Мертвых душах“ названы байбаками» [87].

Осенью 1842 г. Киреевский работает над духовными стихами, о чем 11 ноября 1842 г. он пишет В. А. Елагину: «Я все это время сидел над песнями, которые потекли было превосходно; но увы! Теперь опять на несколько времени остановились, потому что у меня поселился сходящий с ума Подберезский, который мне мешает, надеюсь, однако ж, как-нибудь уладить. Покуда еще не уладил и поэтому тем меньше могу сказать, когда ты получишь первый том, авось-либо все-таки получишь» [88].

К весне 1843 г. рукопись духовных стихов была подготовлена и выслана Комовскому, который должен был показать их министру просвещения С. С. Уварову. В сопроводительном письме А. М. Языкова к Комовскому было сказано также, что Киреевский «недавно получил» большое собрание белорусских песен [89].

Об отсылке в цензуру первого выпуска песен (духовных стихов) пишет также Е. А. Елагина из Москвы своему отцу в деревню:

20 июня ⟨1843 г.⟩

«На прошлой неделе Петруша отправил через Языкова цензуровать свои песни к Уварову, а теперь пронесся слух, будто Уваров в отставке, а на его место метит г-н Протасов. Это очень сокрушает Петра — он боится, что его песни не пропустят, и говорит — уже, видно, не судьба. Но авось ему еще пропустят их» [90].

Итак, основная работа над первым выпуском песен была закончена, и Киреевский мог спокойно уехать в Киреевскую Слободку, где он вел хозяйство в своем небольшом имении, возвращаясь на зиму в Москву для литературных занятий.

Московские зимы Киреевского 1840—1844 гг. были заполнены оживленными спорами и дискуссиями между западниками и славянофилами, развернувшимися в литературных салонах Москвы. «В понедельник собирались у Чаадаева, в пятницу у Свербеевых, в воскресенье у А. П. Елагиной»,— вспоминает Герцен в «Былом и думах» [91]. К этому можно добавить еще среды у И. В. Киреевского и с осени 1843 г. вторники у Н. М. Языкова, где собирался примерно тот же круг лиц, хотя в меньшем составе,

но с участием и Герцена и Киреевских. Центром же этих литературных вечеров был дом Елагиных, о чем сохранились свидетельства в их переписке. Ряд интересных сведений мы находим в письмах младшей дочери Елагиных — Елизаветы Алексеевны, которые она посылала из Москвы к отцу, проводившему много времени в деревне, — в Долбине и Петрищеве. В письмах она не называет никого из семьи Киреевских — Елагиных, сообщая только о посторонних лицах, которые приходили к ним на вечера.

В письме от 2 ноября 1842 г. встречается упоминание об известных рисунках Э. А. Дмитриева-Мамонова, изобразившего посетителей салона Елагиных и среди них П. В. Киреевского: «Мамонов нарисовал множество карикатур — таких смешных и таких похожих, что просто удивительно» [92].

В письме, отосланном до 18 ноября 1842 г., читаем: «Сегодня, т. е. теперь, у нас Свербеев и Аксаков, очень горячо спорят о статьях Хомякова и вообще об обязанных крестьянах и что с ними связано. Аксаков обещал нам достать „Современника", и тогда я спишу тебе стихи Жуковского — хотя они, как говорят, очень дурны, очень длинные. Тут описана вся русская история, но 12 год забыт, а Аксаков горячится не о том, что 12 год забыт, но что Москва забыта, т. е. о Москве в стихах нет и помину. Бедная Москва!

Вчера у нас вечером сидел Грановский и привез представить Херцена, который тебе, верно, понравится. Он похож на А. Веневитинова, но, впрочем, недурен собою. Вчера видно, что ему было неловко и что он был смешон. Грановский так его любит и так хвалит, что, верно, в нем есть что-нибудь необыкновенное» [93].

Елагина имеет в виду стихотворение Жуковского «1 июля 1842 года», напечатанное в «Современнике» за 1842 г. (т. XXVIII, стр. 105—113) и посвященное очередному празднованию дня бракосочетания Николая I. Характерно, что верноподданнические стихи Жуковского не встречают сочувствия даже в кругу близких ему людей. Письмо интересно тем, что в нем говорится о первом посещении Герценом салона Елагиных. Тогда и состоялось его знакомство с Киреевским. В 1842—1844 гг. круг постоянных посетителей салона Елагиных определился. В переписке названы имена наиболее видных представителей и славянофилов и западников.

⟨22 ноября 1842 г.⟩

«Сегодня у нас были Чаадаев, Дмитриев, Херцен, Свербеев, теперь спор идет весьма жаркий о чем-то юридическом ⟨...⟩ Херцен теперь гораздо мне лучше понравился, видно, в первый раз он был смешон, инжинирован, теперь он говорит не так протяжно и вообще любезен».

⟨Без даты. 1842 г.⟩

«Сегодня у нас премноголюдное воскресенье ⟨...⟩ Титовы, Чаадаев, Хомяков, Свербеев, Херцен, Аксаков, Ал. Мих. Языков».

22 февраля 1843 г.

«Вчера было у нас очень много и было шумно, кажется, и весело, несмотря на то, что не было Хомякова ⟨...⟩ Вот кто был у нас вчера — первую надо назвать m-me Херцен как незнакомое для тебя лицо и первый раз бывающее у нас. Она недурна собой и очень миленькая. Она всем понравилась очень, даже Свербееву, который очень взыскателен. Потом были Херцен, Галахов, Грановский, Кетчер, Бабарыкин, Аксаков, Языков, Свербеев и Ванюша; Грановский привез восемь новых чудных пиэс Лермонтова, которые Кетчер прочел нам вслух, и потом мы успели переписать — однако их не посылаю, потому что ты сам будешь скоро».

19 марта ⟨1843 г.⟩

«Вчера было у нас совсем не блистательное воскресенье — только четыре персоны: Свербеев, Хомяков, Херцен, который все время сидел в задумчивости, что было очень неприятно, ибо это было неловко, но за ужином он, кажется, повеселел немного»[94].

23 ноября 1843 г.

«Вчера у нас было немного: Свербеев, Крюков, Галахов и Аксаков. Петруша с Крюковым ⟨и Галаховым⟩ всё спорили о развитии. Аксаков туда же совался с Москвою. Спор этот теперь преобладает над другими, иного спора и нет: развитие да развитие».

Следующая выдержка из письма 1843 г., точно не датированного:

«Вот кто у нас был: два Титова, Тургенев, Хомяков, Херцен, Аксаков. Сначала говорили о бенефисе Щепкина и об Гоголе, а потом перешло в Гегеля. Крик был ужасный, Херцен и Аксаков горячились, а Хомяков их поддразнивал...»[95]

Обратимся к Н. М. Языкову, который, вернувшись в августе 1843 г. в Москву, вскоре сыграл неблаговидную роль в полемике между славянофилами и западниками. Письма Языкова адресованы в Симбирск к его братьям.

6 августа 1843 г.

«...Я познакомился с К. Аксаковым, пылким рыцарем Москвы и Руси! Авдотья Петровна бывает у меня ежедневно. Ни Ивана, ни Петра Киреевских еще нет в Москве. Петр будет в конце августа. Песни он, дескать, послал к Комовскому».

14 октября 1843 г.

«...Получены достоверные известия, что П. В. Киреевский выехал из своей слободки на своих по тракту в Москву: итак, общее ожидание усилилось теперь крайне и превратилось в надежду уверенную в непременно скором своем событии!! Между тем Белинский и Петра Васильевича задел бранью в „Отечественных записках". Хомякова и меня он решительно в каждой книжке поругивает; уж это бы пусть: и Хомяков и я писали стихи и наши имена печатались, а ведь П. В. Киреевский никогда не выходил на сцену — он собирал песни келейно, следовательно имя его не подлежит публичному нареканию»[96]. Письмо написано в самый разгар борьбы славянофилов со своими противниками.

В следующих письмах говорится о литературных вечерах, которые устраивал у себя Языков, и об участии в них Киреевского. Так, 27 октября 1843 г. Н. М. Языков пишет родным: «...Петр Васильевич посещает меня хорошо, постоянно; на будущей неделе, во вторник, открываются у меня вечеринки, чтобы неближайших знакомых принимать однажды в неделю и не всякий день сидеть начеку, ожидая, что кто-нибудь придет,— это несносно, скучно и наводит даже грусть и досаду нашему брату, нервическому терпеливцу!»[97]

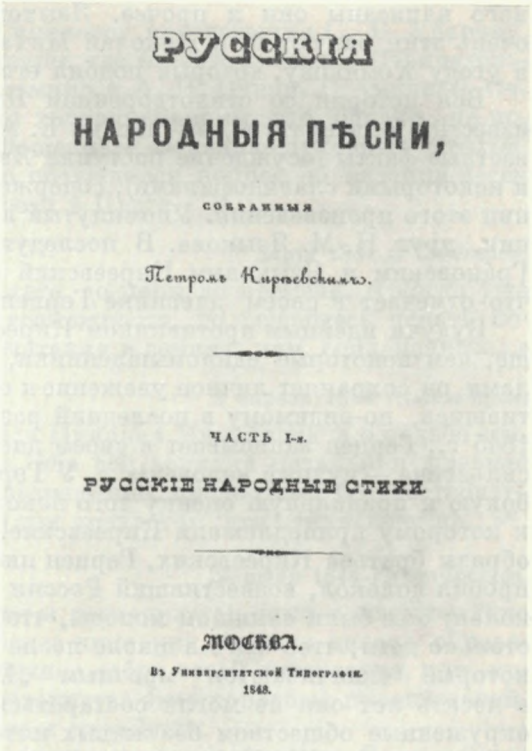
Первый из литературных вечеров описан в письме, посланном между 12 и 24 ноября 1843 г.:

«Отвечаю на твое письмо от 24 октября. Вечера мои, вторники, так сказать, начались сего ноября 2 дня — и довольно благополучно, для меня по крайней мере: я устал не более обыкновенного; но это, конечно, оттого, что гостей было немного: Крюков, Герцен, Аксаков и Бабарыкин; П. В. Киреевского я считаю своим, а отнюдь не гостем. Споров было мало, шуму и крику вовсе не было; впредь, разумеется, дело пойдет иначе, своим порядком, когда число голосов умножится и когда оные вечера, так сказать, созреют: теперь еще рано. Впрочем, я беру свои меры, чтобы мне во вред не были подобные долгие беседы и многолюдство, ухожу в особую комнату отдыхать и отлеживаться от долгослушания и долгосидения. Это

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ «РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН», СОБРАННЫХ П. В. КИРЕЕВСКИМ (М., 1848)

Часть I. «Русские народные стихи»

Титульный лист



РУССКІЯ

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ,

собранныя

Петромъ Кирѣевскимъ.

ЧАСТЬ I-я.

РУССКІЕ НАРОДНЫЕ СТИХИ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1848.

делать мне тем удобнее и сподручнее, что Петр Васильевич остается вместо меня с посетителями — и всем безобидно. Я, кажется, писал уже тебе, что пищи на вечерах покуда не требуется. Зимой, дескать, другое дело, а теперь и чая довольно.

С Васильем Дмитриевичем ⟨Комовским⟩ я снесусь о стихах Киреевского, когда соберусь с духом, а теперь я как-то все еще даже не в своей тарелке, мучимый мазями и притираниями и проч. Петр Васильевич и о песнях помышляет, говоря, что нынешней зимою не только их вовсе подготовит, но и выставит к изданию вполне»[98].

Не имея возможности приводить здесь всю переписку, освещающую литературную жизнь салона Елагиных, где постоянно бывал Киреевский, так же, как и переписку Языкова, процитируем еще только письма Е. А. Елагиной, относящиеся ко времени разрыва западников со славянофилами. Поводом к нему, как известно, послужило стихотворение Языкова «К не нашим». Вот что сообщает об этом Елагина:

11 декабря ⟨1844 г.⟩

«На этих днях Языков написал стихи „К не нашим“, говорят, презлые. Тут есть на всех: на Чаадаева, Херцена, Грановского, Тургенева А. И. Когда достанем эти стихи, я их спишу и пришлю тебе».

15 декабря ⟨1844 г.⟩

«Милый друг папа! Посылаю тебе стихи Языкова, которые произвели много эффекту. Зачем пишет Языков такие стихи? Все очень на него сердились, тем больше, что они везде были распространены Вигелем, которому дал их Хрипков, не сказавши, что стихи Языкова, а сказавши, будто написал их какой-то студент первого курса. Вигель везде распространил их: у Павловых, Глинок, Дмитриева — и везде с комментариями, на

кого написаны они и прочее. Языковы, особливо Петр Михайлович, очень этим радуются, и Николай Михайлович собирается написать еще в угоду Хомякову, который подбил его написать и первое» [99].

Вся история со стихотворением Языкова «К не нашим» достаточно известна в литературе, но письма Е. А. Елагиной, подтверждая уже известные факты (осуждение поступка Языкова не только западниками, но и некоторыми славянофилами), содержат новые сведения о распространении этого произведения. Упомянутый в письме А. Д. Хрипков — художник, друг Н. М. Языкова. В последующем затем столкновении между Грановским и Языковым Киреевский становится на сторону Языкова, что отмечает в своем дневнике Герцен [100].

Будучи идейным противником Киреевского, Герцен понимал его лучше, чем некоторые единомышленники, и, порывая со всеми славянофилами, он сохраняет личное уважение к обоим братьям Киреевским. Встретившись, по-видимому в последний раз, с П. В. Киреевским 23 февраля 1845 г., Герцен записывает в своем дневнике: «Сегодня видел Петра Васильевича — чудный человек!»[101]. У Герцена мы находим и наиболее глубокую и правильную оценку того поколения дворянской интеллигенции, к которому принадлежали Киреевские. В «Былом и думах», воссоздавая образы братьев Киреевских, Герцен писал: «Им раннее совершеннолетие пробил колокол, возвестивший России казнь Пестеля и коронацию Николая; они были слишком молоды, чтоб участвовать в заговоре, и не настолько дети, чтоб быть в школе после него. Их встретили те десять лет, которые оканчиваются мрачным „Письмом“ Чаадаева. Разумеется, в десять лет они не могли состареться, но они сломились, затянулись, окруженные обществом без живых интересов, жалким, струсившим, подобострастным»[102]. Именно в этой гнетущей обстановке николаевской реакции, в этой сломленности видел Герцен истоки славянофильства Киреевского. В приверженности Киреевского славянофильским идеям он находил «трагическую грандиозность». «Он жертва, на которую пал гром за его народ», — писал Герцен о Киреевском в 1844 г.[103] Эти слова оказались пророческими. Дальнейшее развитие событий предрешило судьбу Киреевского и его Собрания песен.

Документы, приведенные ниже, показывают, насколько бесплодными были попытки провести первый выпуск песен через цензуру. Большое участие в этом приняли братья Н. М. и А. М. Языковы, использовавшие свои связи с Комовским, как можно судить по их переписке с ним в 1844—1845 гг.

В письме от 22 января 1844 г. из Москвы Н. М. Языков спрашивает Комовского: «Нет ли отрадных сведений об участи стихов; сообщите их нам, и да вострепещут радостью наши народностью бьющиеся сердца. Киреевский ожидает со страхом и трепетом.

В здешних так называемых литературных обществах теперь в большом ходу разговоры о нашей народности, о возможности восстановить прошедшее, о необходимости настоящего и будущего, более сообразных с прошедшим и существенно русским. Мысли сии живут и все более и более развиваются, принимаются и укореняются в Москве. Сам Чаадаев сказал: „Ваша партия меня ославила западным, а я русский более, нежели кто-нибудь“. Вот успех!» [104]

Из письма видно, что Языков тесно связывает издание духовных стихов с проблемой народности, которая так волновала славянофилов. Замечательны слова Чаадаева, цитируемые в письме. Отношение к ним Языкова показывает, что он не понял Чаадаева.

В нижеследующих письмах А. М. Языкова к Комовскому излагается дальнейшая история цензурных мытарств рукописи Киреевского. Ру-

копись была передана Комовским министру просвещения С. С. Уварову, а затем в Главное управление цензуры, где была запрещена. Отрицательные отзывы дали о ней А. В. Никитенко и А. Н. Очкин. С Амплием Очкиным Комовский и Языковы были хорошо знакомы, что, однако, не повлияло на его отрицательное отношение к изданию духовных стихов. По письмам можно заключить, что обсуждался вопрос об издании песен Киреевского за границей, в частности в Праге.

1 марта 1844 г. Симбирск.

«Стихи П. В. Киреевского храните до поры до времени, и когда уже убедитесь в возможности или невозможности, то решайтесь искать позволения или возвратите для напечатания в землях, нам соплеменных...»

8 апреля 1844 г. Симбирск.

«Потрудитесь уведомить меня или Николая Михайловича о судьбе стихов, собранных П. В. Киреевским, ибо сей великий печальник древней Руси, опираясь на ожидаемое им разрешение, продолжает бездействовать и не касается собранных песен под тем предлогом, что Стихи еще не...»*.

24 июня 1844 г. Станишное.

«Жаль, что Амплий заупрямился и поступил так дико и неприветливо с нашими *Стихами*; тут виделся более чиновник, нежели ценсор образованный и желающий сделать возможное добро своей литературе, или, может быть, он вовсе не признаёт достоинства этих народных произведений, и тогда является еще страннейшим и дичайшим.

Мне кажется, ему и опасаться было нечего, зная мнение Сергея Семеновича и соблюдя все формы, в затруднительных случаях употребляемые. Он назовет это характером и независимостью, а это просто упрямство и глупость! Придется отправить в Прагу для напечатания; но позволят ли их ввозить сюда? Вероятно, позволят!» [105]

Осенью 1844 г. рукопись духовных стихов вновь была послана в Петербург через Н. М. Языкова, который прибегает к помощи Шевырева. Киреевский узнает о хлопотах Шевырева и в письме от 23 сентября 1844 г. просит мать: «Скажите, пожалуйста, Шевыреву мое усерднейшее спасибо за песни. Авось-либо хоть нынешнюю зиму удастся их тиснуть» [106].

В письме от 30 декабря 1844 г. Н. М. Языков высказывает сожаление, что Киреевский не написал предисловия к изданию стихов. Отсюда можно сделать вывод, что известное предисловие Киреевского было написано после 1844 г. и, очевидно, не ранее 1846 г., когда рукопись вновь вернулась от Комовского:

30 декабря 1844 г. Москва.

«...П. В. Киреевский, знаменитый собиратель русских песен, сделал непростительную ошибку тем, что к изданию *народных стихов* не приложил ни малейшего предисловия. Предисловие смягчило бы и успокоило бы ценсорское на них воззрение и укрепило бы руку, сомневающуюся написать на них: печатать позволяется» [107].

Несколько позже пишет Комовскому А. М. Языков:

20 января 1845 г. Симбирск.

«Брат Николай Михайлович очень благодарен вам за скорое и неприкосновенное пропущение нового собрания его стихов; честь и слава при этом и Амплию Николаевичу, пощадившему их. Странно, что сей доблестный

---

* Так в подлиннике.— *Ред.*

цензор и муж литературный так долго не разрешает великий вопрос о стихах, собранных П. В. Киреевским, вопрос, с разрешением которого многое связано и от которого многое зависит при ожидаемой победе народности над прочими кромешными направлениями...»[108]

Об отказе пропустить рукопись Киреевского мы узнаём из следующего письма А. М. Языкова к Комовскому:

11 марта 1845 г. Симбирск.

«Я получил ваше письмо от 20 февраля. Теперь мы видим, как трудно провести невредимо через цензуру творение наших рапсодов и каких хлопот мы вам наделали. Кажется, и мини⟨стры⟩ вам не помогут при этом упорстве всех властей предержащих и при этом кривом понимании дела. Лучше будет обратиться к начальной и более надежной мысли — издать стихи у соплеменных нам народов. Вы сделали всё, что могли и были должны по сердечному расположению вашему к просвещению и народности: видно, судьбе неугодно, или для нас не пришло еще время разумения и на нас не сошла еще ясной мысли благодать! Пусть будет так! но все это вредит успехам и поступлению вперед, особливо П. В. Киреевскому, ко всему придирающемуся для ожидания и бездействия»[109].

Наконец, в письме Комовского к Н. М. Языкову рассказывается о последнем усилии Комовского провести через цензуру это издание:

19 марта 1845 г. Петербург.

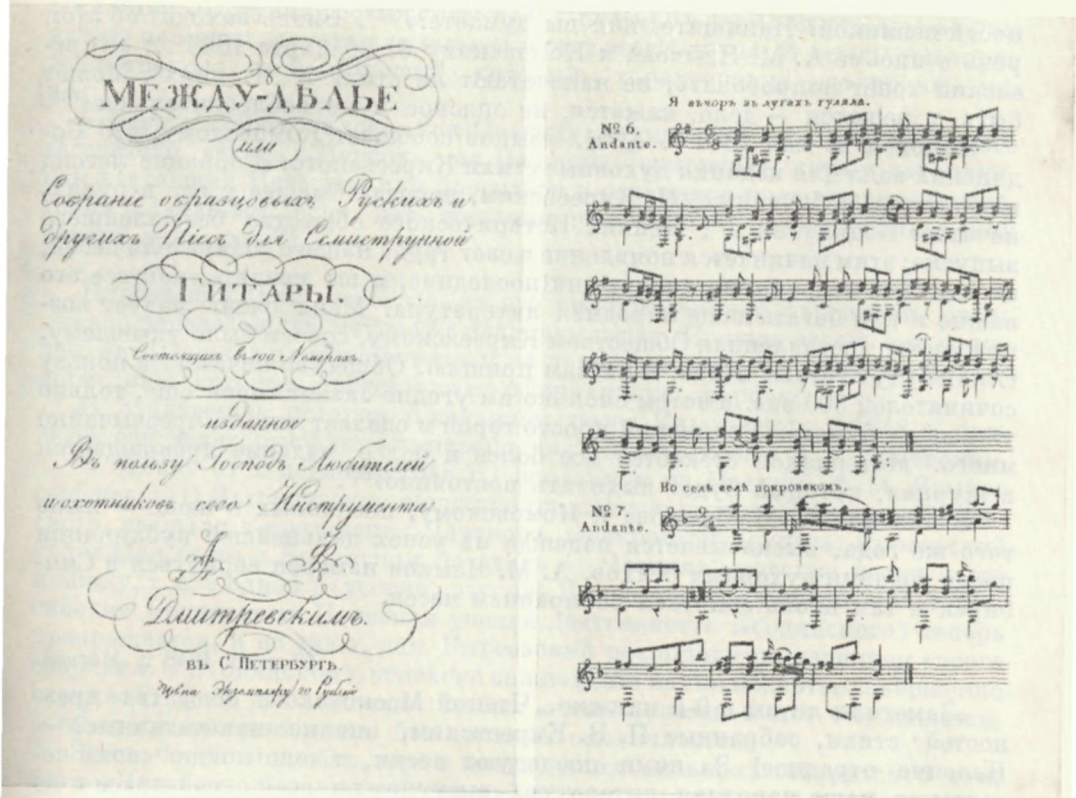
«Очень жаль, что Шевырев не приехал сюда; я поджидал его, чтоб соединить наши силы на пользу народных стихов. Короче, они не подвигаются вперед, и я решительно не знаю, к чему еще прибегнуть, чтобы спасти их — хотелось бы сдать, да не удается никак. Не обвиняйте меня; что могу, все делаю — тщетно. Еще одно, последнее усилие, по духовному ведомству — безнадежное и крайнее»[110].

Духовная цензура не разрешила издания духовных стихов. Рукопись вновь вернулась обратно. Все старания Языковых, Комовского и даже как будто бы поддержка Уварова не помогли. Этот запрет явился большим уроном для отечественной науки. Вслед за духовными стихами, которые представляют самостоятельную ценность, Киреевский предполагал издать все остальное Собрание песен. Выход в свет духовных стихов рассматривался и Киреевским и братьями Языковыми как начало издания. Так николаевская реакция наложила свою руку на замечательное Собрание песен Киреевского, задуманное им еще совместно с Пушкиным и претерпевшее за эти годы столько мытарств.

На этом завершились хлопоты Языковых об издании песен Киреевского. В 1846 г. умер Н. М. Языков, так и не дождавшийся их публикации. Казалось, уже никто и ничто не могло помочь Языковым и Киреевскому в издании песен.

Наступил 1848 год; революционные события, охватившие всю Европу, всколыхнули и передовые круги русской интеллигенции, вселили надежду на ослабление реакции. В такой обстановке была сделана еще одна, последняя, попытка напечатать народные песни, собранные Киреевским. Поддержку в этом деле составитель получил от выдающегося русского слависта О. М. Бодянского, который в то время был секретарем Общества истории и древностей российских при Московском университете и редактором периодического издания Общества («Чтения Общества...»), пользовавшегося «свободной цензурой».

Вскоре после февральских событий во Франции, которые с восторгом были встречены в среде передового студенчества и преподавателей Московского университета, Бодянский предполагает расширить деятельность Общества и превратить «Чтения...» в ежемесячный журнал, объявив на



«МЕЖДУДЕЛЬЕ» (СПб., б. г.). ЭКЗЕМПЛЯР, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ П. В. КИРЕЕВСКОМУ
Титульный лист и страница сборника с переложением для гитары песен:
«Я вечор в лугах гуляла...» и «Во селе, селе Покровском...»
Музей И. С. Тургенева, Орел

него открытую подписку. Наряду с этим он задумывает и публикацию в «Чтениях...» песен Киреевского с тем, что впоследствии они выйдут отдельным изданием. В подготовке публикации песен принимают участие и Языковы, которые выясняют через Комовского, будет ли этому препятствовать Управление цензуры. Вопрос решается как будто положительно. Бодянский, пользуясь правом «свободной цензуры», данным в свое время такому специальному изданию, как «Чтения...», берет на себя ответственность за публикацию песен. В июне 1848 г. в очередном номере «Чтений в Обществе истории и древностей российских...» (кн. 9) в качестве отдельного раздела, с самостоятельным титульным листом, был напечатан первый выпуск народных песен, собранных Киреевским («Русские народные песни, собранные Петром Киреевским. Часть 1-я. Русские народные стихи»).

Историю издания духовных стихов в «Чтениях...» можно проследить по переписке Языковых. 3 марта 1848 г. А. М. Языков пишет Комовскому: «...П. Киреевский прибыл сюда. Общество древностей предлагает ему издать на свой счет песни, им собранные, и по этому случаю возник вопрос, подлежащий и вашему разрешению: можно ли будет напечатать в „Чтениях“ стихи, не говоря, что духовная цензура уже не дозволила печатание оных? Представляли ли вы их в цензуру явно и гласно или только домашним и частным собранием, так что нападения с духовной стороны может и не быть при издании стихов в ученом журнале как древ-

ности невинной? Напишите, как вы думаете?» [111]. Вновь заходит об этом речь в письме А. М. Языкова к Комовскому от 20 марта 1848 г.: «Киреевский хочет попробовать, не напечатают ли стихи в „Чтениях". Может быть, и решатся — дело, кажется, не опасное и не соблазнительное»[112].

Наконец 15 мая 1848 г. А. М. Языков сообщает Комовскому, что Бодянский взял для издания духовные стихи Киреевского: «Собрание легенд или стихов, собр⟨анных⟩ П. Киреевским, некогда бывшее у вас в руках, печатает Бодянский в „Чтениях Исторического общества" без малейшего выпуска; этим начинается появление в свет труда нашего собирателя песен; за стихами непрерывно пойдут сии последние, и вы увидите, как все это важно и как богата наша народная литература. Меня очень радует возможность, доставленная Обществом Киреевскому, совсем было унывшему. Стихи будут готовы в мае, я их вам пришлю. Общество печатает в пользу сочинителей 300 экз. и потом сколько им угодно экземпляров еще, только уже на их бумаге. Бодянский просто герой и сделает много, чрезвычайно много. Материалов стекается все более и более, издание превращается в журнал, который будет выходить постоянно»[113].

В письмах А. М. Языкова к Комовскому, посланных в июне — июле того же года, высказывается надежда на успех дальнейшей публикации после издания духовных стихов. А. М. Языков намерен вернуться в Симбирск и там вновь заняться собиранием песен.

19 июня 1848 г. Москва.

«Заметили ли вы в 9-й книжке „Чтений Московского общества древностей" стихи, собранные П. В. Киреевским, вполне напечатанные? — Явление отрадное! За ними последуют песни, и дело пойдет своим чередом, и наша народная литература выступит во всей своей красе и во всем своем обилии. Стихи отдельно я вам доставлю от собирателя».

23 июля 1848 г.

«...„Общество истории и древностей" сделает много, если пойдет этим шагом и если бог даст здоровье Бодянскому; он просто герой и неустрашимый воитель. Полезно и то, что Стр⟨оев⟩ остался председателем. Го⟨рский⟩ ограничил бы эту свободную цензуру! Вы увидите со временем, какое множество песен собрано Киреевским и какое это сокровище литературное! Главное дело, что в них сохранился народный дух и язык, не подверженный моде и временным обстоятельствам: т. е. различным ветрам, на Русь дующим и ее в разные стороны шатающим и мотающим. Нет ли у вас на примете Стихов, кроме напечатанных в „Чтениях", и нет ли возможности предать тиснению в них же 55 скопческих? Теперь уже легко собирать дальнейшие, и я, возвратясь в Симбирск, опять займусь великим делом собирания песен; кажется, можно еще много отрыть, и у меня есть новые источники в виду и под руками. Напишите мне, что вам нужно из изданий Общества, я могу все тотчас доставить. Заметили ли вы, что „Чтения" будут выходить уже журналом»[114].

Надежды Киреевского и Языковых не оправдались. В 1848 г. начинается новое наступление реакции. Царское правительство, напуганное революционными событиями, развернувшимися на Западе, учреждает секретный комитет по делам печати под председательством Д. П. Бутурлина, который учиняет расправу даже над такими изданиями, как «Чтения в Обществе истории и древностей российских». Издание было закрыто в связи с публикацией в нем сочинения Флетчера о России; Бодянский был освобожден от секретарских обязанностей и отстранен от преподавания в Московском университете. Таким образом, третья попытка Киреевского издать Собрание русских народных песен потерпела неудачу. В мрачное

семилетие, наступившее после 1848 г., ни Киреевский, ни его друзья уже ничего не могли сделать для выхода в свет этого труда. И здесь невольно вспоминаются слова Герцена, который, характеризуя это время, писал:

«Поневоле приходилось, как Онегину, завидовать параличу тульского заседателя, уехать в Персию, как Печорин Лермонтова, идти в католики, как настоящий Печёрин, или броситься в отчаянное православие, в неистовый славянизм, если нет желания пить запоем, сечь мужиков или играть в карты» [115].

Киреевский, как известно из его опубликованной переписки, очень тяжело перенес новую неудачу с изданием песен. Но надо отдать ему должное: он выдержал и это испытание и не пошел по пути тех деятелей фольклористики, которые представляли официальную народность.

В заключение истории с изданием песен Киреевского в 1848 г. приведем еще некоторые факты из переписки А. М. Языкова с В. Д. Комовским.

В письме от 1 декабря 1848 г., посланном из Москвы, А. М. Языков сообщает: «В Историческом обществе, по случаю выхода Строева и Бодянского, выбрали в президенты Черткова, в секретари Беляева. Киреевский условился было с Бодянским печатать в „Чтениях“ русские песни через книжку, т. е. в одной р⟨усские⟩ п⟨есни⟩ Киреевского, в другой — малороссийские Бодянского. Полезная ученая деятельность Б⟨одянского⟩ теперь прекращается, и не знаю, как Киреевский распорядится изданием своего собрания. О Б⟨одянском⟩, человеке важном для науки и жертве совершенно невинной, здесь все сожалеют: он был очень полезен и мог бы, кажется, оставаться на своем месте без дальних околичностей» [116].

Здесь более подробно, чем в предыдущих письмах, говорится о том, что в «Чтениях...» должны были публиковаться, наряду с русскими песнями Киреевского, также украинские песни. Необходимо отметить, что работа Киреевского над Собранием русских песен в течение всего времени проходила в тесном контакте с деятельностью украинских фольклористов. Связи с украинскими фольклористами устанавливаются у Киреевского еще в начале 1830-х годов благодаря близкому знакомству с Максимовичем. В дальнейшем они расширяются, Собрание Киреевского пополняется записями украинских песен. Среди них были и записи из собрания песен Гоголя.

Из следующего письма А. М. Языкова Комовскому узнаем, что Киреевский и при создавшихся условиях не теряет надежды на публикацию своих материалов: «...П. В. Киреевский здесь; он собирается печатать варианты к Стихам и новые Стихи, им открытые; поспешите прислать мне те, о которых вы говорили,— их можно будет тут же пустить. Даль передал сему почтенному мужу все свое собрание песен. Идут сношения с Историческим обществом о том, станет ли оно печатать в своих „Чтениях“ русские и малороссийские песни, как предполагал Бодянский, или нет? Дело в том, что Киреевскому Бодянский обещал печатать даром по 300 экз. от Общества и еще сколько ему угодно на его собственной бумаге: это очень облегчало издание. Проделкою с Историческим обществом ваш М⟨уравьев⟩, кажется, не заслужил благословения потомства и хвалу любителей просвещения!» [117]

Чрезвычайно интересно письмо Киреевского к Е. И. Елагиной, посланное с нарочным из Москвы 7 апреля 1850 г. В нем содержатся некоторые сведения об издании песен, а главное — удивительно меткое определение жизни дворянской интеллигенции в период николаевского безвременья. Его слова о царящем в Москве оцепенении, убивающем любую живую мысль, о Хомякове и Аксакове, которые «теперь играют в карты!!»— перекликаются с приведенным выше высказыванием Герцена:

«В Москве не происходит ничего особенного, кроме особенного оцепенения, от которого не только ничего не делается, но даже ничего и не говорится живого; даже и Хомяков с Аксаковым теперь играют в карты!! Выручка напечатанных песен нейдет ни из короба, ни в короб, потому что типография ссылается на Историческое общество, а Общество на типографию; и не знаю, как с этим быть; зато Соловьев берется исхлопотать в Обществе продолжение печатания. А этому я был бы очень рад.

За сон твой также тебе очень спасибо. Потому что он мне показывает, какое ты обо мне имеешь высокое понятие, что можешь видеть такие сны; а в самом-то деле — увышечки! Я борец плохой... А твое понятие обо мне, хоть мне пристыдительно, а все-таки ж приятно!» [118]

О содержании сна Е. И. Елагиной можно только догадываться, так как письмо ее пока не обнаружено. Но здесь важнее ответ Киреевского и вырвавшееся у него грустное признание: «Я борец плохой».

Однако он не падал духом, ему помогали друзья, его поддерживало признание таких же, как он, энтузиастов — собирателей русской песни.

В предыдущем письме А. М. Языкова к Комовскому упоминается о передаче Далем своей коллекции песен Киреевскому. Приведем здесь письмо Даля Киреевскому, не датированное, но, судя по содержанию, относящееся к 1849 или началу 1850 г.:

Многоуважаемый Петр Васильевич!

Говорят — москвичи не охотники до писем,— говорят также, что и ты в особенности не любишь приниматься за перо; прошу не взыскать за назойливость, а я за отпиской: Погодин не отвечает, вы и не думаете написать, а я бы желал знать: получены ли вами наконец песни мои, целая стопа, или нет? Прилагаю еще кое-что, а от вас жду, если отыщутся, сказочек, пословиц, поговорок и слов. Но, пожалуйста, известите, получили ль посылку через Погодина и есть ли что годное?

С большим вниманием и радостным участием прочитал в «Трудах» первую книгу песен. Дай бог вам продолжать так: дай бог также, чтобы все было шито и крыто, чтоб не ударили в набат.

Разборка пословиц и поговорок идет у меня помаленьку — но медленно. Вы знаете, что я их располагаю не по азбучному порядку, а по смыслу и значению; в день не могу я разобрать более *одного* его раздела, а их 150! Теперь начать бы и подумать печатать пословицы без *поправок*, но моя надежда на Бодянского, хочу начать там, где и ваши; может быть, пройдет... Искажать не стану, ни холостить, ни стричь; лучше отложить вовсе до лучших времен.

В стихах ваших я нашел, однако же, для словаря немного, слов 20. Говорят, что песни ваши можно будет получить отдельно; так ли это? Вероятно, когда всё выйдет?

Простите, любезный Петр Васильевич, не поленитесь, соберитесь с духом да напишите — хоть одно словечко: *получил*!

Ваш В. Даль

Вл. Ив. Д⟨аль⟩, в доме
Г. Мр. В. И. Даль [119]

Письмо Даля крайне интересно для истории науки. Во-первых, из него видно, какие трудности приходилось испытывать Далю при подготовке и публикации пословиц. Сопоставляя его слова («искажать не стану» и т. д.) с цензурными мытарствами, которые испытал Киреевский, нетрудно представить себе, какого мужества и преданности любимому делу требовала от фольклористов их работа в условиях правительственной реак-

В. И. ДАЛЬ В ХИВИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В. А. ПЕРОВСКОГО

Раскрашенная литография с рисунка неизвестного художника, *1839—1840* годы

Слева направо: В. А. Перовский, генерал М. Циолковский, полковник Кузьминский, неизвестный офицер, этнограф Н. В. Ханыков, В. И. Даль

Литературный музей, Москва

ции. Во-вторых, письмо Даля содержит ценный материал о творческом общении с Киреевским по вопросам фольклористики. Важны наблюдения Даля над языком духовных стихов, из которых он смог отобрать для своего словаря не более 20 слов. И, наконец, главное, что заключает письмо Даля,— это свидетельство об отсылке им песен Киреевскому.

Надо отметить, что Даль посылал Киреевскому не только свои записи, но и записи своих многочисленных корреспондентов. Очевидно, он делал это и раньше, судя по тому, что в Собрании Киреевского находится ряд ценнейших материалов, полученных в разное время от корреспондентов Даля. Среди них коллекции адмирала Кузьмищева с записями былин из Архангельской губ. и другие.

Любопытна и просьба Даля присылать сказки, пословицы слова. Весьма вероятно, что она была удовлетворена Киреевским, и, таким образом, можно установить, каким путем впоследствии сказки попали в собрание А. Н. Афанасьева. Не останавливаясь подробно на деятельности помощников и корреспондентов Киреевского, отметим лишь, что, начиная с 1840-х годов, количество песен, поступающих в его Собрание, не только не убывало, но, наоборот, все более и более возрастало. Приток их продолжался и после его смерти, когда Собрание перешло в ведение Общества любителей российской словесности при Московском университете. Это говорит о всеобщем признании и поддержке деятельности Киреевского, несмотря на то, что его Собрание не было издано.

Последнее десятилетие жизни Киреевский проводит в Москве, где он имел дом на Остоженке, и в Киреевской Слободке.

Неопубликованная переписка Киреевского этих лет содержит некоторые историко-литературные документы, а также довольно частые, хотя и очень беглые, упоминания о работе над Собранием.

Так, 23 декабря 1850 г. он сообщает Е. И. Елагиной: «Занимался же я почти все время ⟨...⟩ приведением своих песен хоть в некоторый порядок и пробую дать их Маше» [120].

М. В. Киреевская была первой помощницей брата и в эти годы, а после его смерти подготовила по разработанному им плану рукопись первых трех выпусков песен, изданных Обществом любителей российской словесности. Так же, как и брат, она очень любила русские песни.

В одном из писем к Петру Васильевичу, 10 июля 1850 г., Мария Васильевна писала: «Ехавши из Долбина, мы заехали в Мишенское, вечер был чудесный, мужики пели песни далеко за полночь и хорошо так пели, хором — мы думали о тебе и что тебе бы это было большое наслаждение, как и нам» [121].

Посылая песни для переписки сестре, Киреевский очень заботился об их сохранности. 5 февраля 1851 г. он пишет матери: «Машу прошу усердно беречь мои песни. Взять их с собою в Москву, но поступать с ними не как с какой-то другой поклажей, а помнить, что в этом чемодане ни больше ни меньше как моя судьба» [122]. Эти слова показывают, что Киреевский хорошо понимал значение своего Собрания песен, которому он отдал столько лет жизни.

1 февраля 1853 г. Киреевский, собираясь в Москву, пишет Н. А. Елагину: «Я, слава богу, здоров и сижу за *стихами*, которые стараюсь закончить к отъезду; да еще сам не знаю, удастся ли. А в Москву собираюсь 24-го». 3 июля того же года он сообщает ему же: «В занятиях перехожу от песен к переводу...»[123].

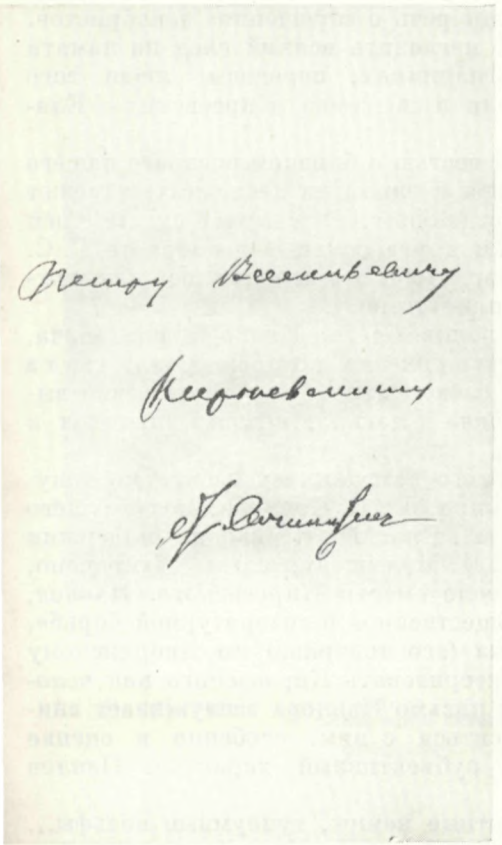
В письмах этого же года Киреевский неоднократно упоминает имя И. С. Тургенева, который был хорошо знаком с обоими братьями. Сосланный в Спасское-Лутовиново, Тургенев навещает Киреевского в его имении, о чем 6 марта 1853 г. пишет С. Т. Аксакову: «На днях я был в Орле и оттуда ездил к П. В. Киреевскому — и провел у него часа три. Это человек хрустальной чистоты и прозрачности — его нельзя не полюбить» [124].

Обращаясь к Аксакову с просьбой написать свое мнение о рассказе «Постоялый двор», Тургенев продолжает: «Я просил также Киреевского сказать мне, что́ он об этом думает». Отзыв Киреевского о «Постоялом дворе», к сожалению, неизвестен. Весьма возможно, что он был сообщен Тургеневу в личной беседе, так как 3 июля 1853 г. Петр Васильевич пишет брату Николаю: «Киреевские зовут меня к 20-му в Бунино на концерт, однако же я не поеду, а съезжу после, между тем собираюсь съездить к Ивану Сергеевичу Тургеневу, к которому и тебе заглянуть не худо было бы» [125].

По разным причинам поездка в Спасское-Лутовиново неоднократно откладывалась, и, как видно из письма Тургенева к С. Т. Аксакову, Киреевский побывал у автора «Записок охотника» только осенью.

«На днях, — сообщает Тургенев 6 октября 1853 г., — мы много говорили обо всех вас с П. В. Киреевским, который приезжал ко мне из своей орловской деревни. Что за милый и чистый человек!» [126] Через несколько лет, узнав о смерти братьев Киреевских, Тургенев пишет Аксакову: «Как мне жаль обоих Киреевских — передать вам не могу» [127].

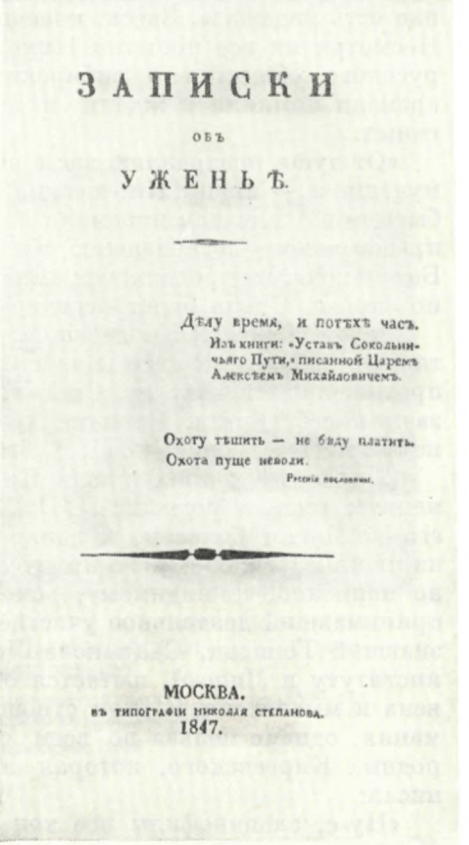
Но вернемся к письмам Киреевского. 1856 год начинается для него, по-видимому, обычно: чтение, переводы и продолжающаяся кропотливая работа над песнями. О них идет речь в письме, адресованном Е. И. Елагиной, очевидно предложившей Киреевскому свою помощь в переписке песен. 14 января 1856 г. он отвечает ей: «Спасибо тебе, друг Катя, за твое предложение о песнях. Я его принимаю с великой благодарностью и при случае тебе это доставлю, только с тем условием, чтобы ты себя ими не слишком замучивала и не принуждала себя дописывать, если будет слишком скучно» [128].



Петру Васильевичу

Киреевскому

С. Аксаковъ



ЗАПИСКИ

объ

УЖЕНЬѢ.

Дѣлу время, и потѣхъ часъ.

Изъ книги: «Уставъ Сокольничьяго Пути,» писанной Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ.

Охоту тѣшить — не бѣду платить.
Охота пуще неволи.

Русскія послѣговицы.

МОСКВА.
въ типографіи Николая Степанова.
1847.

«ЗАПИСКИ ОБ УЖЕНЬЕ» С. Т. АКСАКОВА (М., 1847) С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ:
«Петру Васильевичу Киреевскому от сочинителя»
Титульный лист и форзац
Музей И. С. Тургенева, Орел

Видимо, надежда издать Собрание не покидает Киреевского, а, может быть, даже возрождается в связи со смертью Николая I и некоторыми цензурными послаблениями, характерными для начала царствования Александра II. Так, в этом же письме Петр Васильевич сообщает Е. И. Елагиной: «Хомяков и все прочие получили разрешение писать, и Смирнова ⟨вероятно, А. О. Смирнова-Россет.— *П.*, *С.*⟩ звала его в Петербург, чтобы он приезжал небритый, немытый и нечесанный и все-таки будет представлен императрице. Теперь он там и, говорят, надеется возвратиться с правом носить русское платье»[129].

До конца своих дней, несмотря на участившиеся приступы болезни, Киреевский много работает и живет напряженной духовной жизнью. Деля свое время между песнями, переводами и занятиями историей, он по-прежнему интересуется наиболее острыми проблемами русской жизни того времени. Будучи врагом крепостного права, Киреевский в одном из писем к матери с удовлетворением сообщает о том, что ходят «слухи об эмансипации». Считая освобождение крестьян «самой вопиющей потребностью», он собирается «подать на выборах голос в эту сторону»[130].

Заслуживает внимания и краткое сообщение Киреевского в цитированном выше письме к Е. И. Елагиной о том, что «Мяколушка», то есть Н. А. Елагин, «был⟨...⟩ у Нарышкина, который уверен, что на проще-

ние есть надежда». Здесь, конечно, идет речь о «прощении» декабристов. Несмотря на все попытки Николая I изгладить всякий след из памяти русского общества о сибирских изгнанниках, передовые люди того времени помнили и ждали их. Ждали и в семье Киреевских— Елагиных.

«От души поздравляю вас с доброй вестью о близком возврате нашего мученика»,— пишет Киреевский матери в одном из последних, а может быть, и в последнем письме от 16 августа 1856 г. [131] Радуясь вместе с ней предстоящему возвращению из ссылки друга семьи — декабриста Г. С. Батенькова, он продолжает: «Дай-то бог, чтобы это исполнилось как можно скорее. Очень будет отрадно его присутствие».

Летом 1856 г. Киреевский, похоронив брата, Ивана Васильевича, тяжело заболел. У него начался приступ болезни, которая мучила его на протяжении многих лет. Опасаясь за свою жизнь, Петр Васильевич вызвал к себе брата, Василия Алексеевича Елагина, который приехал к нему вместе с женой, Е. И. Елагиной.

О последних днях жизни Киреевского сохранилось несколько документов: письма родных, П. И. Якушкина, И. В. Павлова, посещавшего его во время болезни, и записки В. А. Елагина. Приводим выдержки из письма Павлова к его приятелю А. И. Малышеву; оно не датировано, но написано, по-видимому, вскоре после смерти Киреевского. Павлов, принимавший деятельное участие в общественной и литературной борьбе, знавший Герцена, Салтыкова-Щедрина (его товарища по Дворянскому институту и Лицею), пытается охарактеризовать Киреевского как человека и мыслителя. В этом отношении письмо Павлова заслуживает внимания, однако нельзя во всем согласиться с ним, особенно в оценке родных Киреевского, которая носит субъективный характер. Павлов писал:

«Ну-с, славянофилы все консеквентные немцы, тупоумные вольфы... Лейбницем же был у них человек необыкновенный, малоизвестный в печати... человек, который был моим другом и наставником... Октября 26 дня его не стало! Уходила его, в моих глазах, уходила его отвратительная славянофильская семья... Ты, конечно, догадываешься, что я говорю о Петре Васильевиче Киреевском. Знаешь, Андрюша, каково я чадушко? И что значит иметь на меня влияние?.. И на меня — мужа развитого и укоренившегося — Петр Васильевич имел страшное влияние! Нравственное обаяние этого человека было неописанно... Пятна не было на душе его. Несмотря на его великую ученость, он был *непритворно* скромен, как красная девка. Зла в живом человеке он решительно понимать не мог. Всякий дурак мог его надуть наглейшим образом! Ненависть в нем только была к принципам и к правительству. Несмотря на свой глубокий, можно сказать, артистически тонкий ум, он был совершенное дитя. А что любви, что правды было в этом человеке!⟨...⟩

У него есть старуха мать, умнеющая баба, какую я когда-либо видал... Это Авдотья Петровна Елагина, о которой ты, конечно, слыхал от Грановского. Но женщина она без сердца и крайне несимпатичная. Была еще при нем сестра, бестолковая богомолка, два брата Елагиных, добрые и умные ребята, но совершенные дети, особенно старший Василий, женатый на немке... „О старец! Гроб передо мною!“ Как я ненавижу эту поганую тварь!.. Она, вот видишь, Эмеранс (Помнишь, Эмеранс Шанте ле Сарафан в повести Тургенева „Два приятеля“?). Пленительная, услужливая Эмеранс, которая в семействе разыгрывает и Марфу и Марию... Она-то ходила за больным, и ей-то по детской доброте он вверился всесовершенно! Приглашен был здешний немец, инспектор управы, добрый, хотя и надутый, дурак. Приехал я, вижу, страшная чепуха. Говорю откровенно. Немка страшно обижается, подпущает мне колкости. Ей

ВИД С ХОЛМА, НА КОТОРОМ НАХОДИЛАСЬ «КИРЕЕВСКАЯ СЛОБОДКА» — УСАДЬБА П. В. КИРЕЕВСКОГО

В этой усадьбе, расположенной близ Орла, Киреевский жил с 1837 по 1856 год до самой своей смерти. Усадьба не сохранилась

Фотография А. Д. Соймонова, 1956

все верят. Я к немцу-инспектору. Говорю, вот и вот, что надо делать. Он соглашается. Но назначенное мной лекарство дают через два дня и в *десять раз меньшей дозе* (à la lettre *). Вскоре печальный исход и был очевиден... Я братьям предсказываю смерть. Обижаются, потому что немец обнадежил. Неприятности. Я перестаю ездить. Дикий Якушкин — ты помнишь его? — он страстно любил Петра Васильевича. Приезжает к ним от меня и начинает ругаться! „Павлов-де вот что говорит, вы его морите". Марфа-Мария, несмотря на свою немецкую глупость, хитра. Она-то умела Якушкину на меня наговорить, что он на меня разъярился и, как резиновый мячик, отскочил от немки прямо ко мне... Чуть на дуэль меня не вызывает... Я ему сказал дурака и объяснил в чем дело. По личному желанию больного я опять к нему стал ездить. Эмеранс пустилась было в объяснения. Много мне стоило труда, чтобы ее не оттаскать... Через несколько дней больной умер. Медицинских советов я уже не давал, но умолял братьев дать ему подписать духовную, чего он страстно желал и по временам метался и кричал на весь дом: „Сжальтесь, дайте подписать духовную!" Эмеранс всех уверила, что это его расстроит, так и не дали. Они по нем не наследники: у Ивана Васильевича остались сыновья; тут своекорыстия не было — одна глупость и немецкий патриотизм. Нужно тебе сказать, что за год до этого у Петра Васильевича умер управляющий, которого он очень любил, после управляющего осталась жена. Она была полной и очень распорядительной хозяйкой. Петр Ва-

* буквально (франц.).

сильевич ни во что не вмешивался, кроме лесоводства, в котором был великий знаток. Он уважал эту женщину и хотел ее обеспечить. Эмеранс за это ее возненавидела! Мало того, что не дала подписать духовную, где бедной женщине оставлялся кусок хлеба; она ее гнала, на каждом шагу попрекала ее приживальством, делала ей тысячи неприятностей... и — что всего ужасней — все это делалось так, что Петр Васильевич все слышал, все знал — и мучился! Прогнать Эмеранс он не мог, а духовной подписать ему не давали... Можно ли придумать более страшную пытку для умирающего человека, который весь был доброта и деликатность?..» [132]

Либерально настроенному Павлову, будущему редактору «Московского вестника», претила среда, окружавшая Киреевского. Елагины — Киреевские были типичными представителями той части дворянства с его патриархальным укладом, которая доживала свой век. Особенно характерно отношение Павлова к А. П. Елагиной, занявшей в эти годы враждебную позицию к передовому общественному движению. Именно она сыграла немалую роль в том, что после смерти Киреевского его Собрание песен было взято у фольклориста-демократа П. И. Якушкина и передано в руки Погодина и Бессонова, принадлежавших к наиболее реакционным кругам официальной народности.

Многие обвинения Павлова, высказанные им в адрес родственников Киреевского, в особенности касающиеся методов лечения больного, теперь невозможно проверить. Но письмо интересно тем, что в какой-то мере воссоздает напряженную обстановку последних месяцев жизни Киреевского.

Чтобы составить более полное представление о том, что происходило тогда в Киреевской Слободке, приводим выдержки из письма В. А. Елагина к И. С. Аксакову, а также из его записок, которые он вел во время пребывания с больным.

В письме к Аксакову Елагин сообщал о Киреевском: «В ночь на 20 августа он вдруг почувствовал страшную боль в печени. 20-го написал имена людей, которых ради бога просил освободить, хотел было послать за мною именно для того, чтобы сделать меня душеприказчиком и написать завещание. Но не хотел испугать, сам написал письмо к моей жене, в котором просил прислать меня, когда я съезжу на именины к брату Николаю, чтобы я мог читать ему громко, потому что „сам он опять несколько расклеился“. Рука была такая ужасная, что жена отправила нарочного осведомиться и между тем собралась бросить больного сына и скакать в Слободку на дрожках (лошадей для большого экипажа пока не было). Судьба так устроила, чтобы именно в этот день я уехал в Петрищево еще за два дня до именин брата. Между тем больной бегал по комнате от боли, не мог даже сидеть, пока не выбился из сил и не упал на постель, где спал. 24 августа вечером, воротившись в 11 часов ночи в Бунино, я не нашел дома жены, насилу отыскал к часу ночи свежих лошадей и от темноты поспел в Слободку только к 5 часам утра, *ровно за два месяца* до его последнего часа. Я нашел его в маленьком кабинете, узнал, что в ночь ему приставили 20 пиявок и что боль утихла немного, по крайней мере, позволила лежать. Я нашел его желтым, как лимон» [133].

Дневник В. А. Елагина сохранился в виде нескольких черновых записей и начала беловой рукописи, озаглавленной: «Воспоминания о последних днях жизни П. В. Киреевского». Первая запись относится к приезду В. А. Елагина в Киреевскую Слободку.

25 августа. Я приехал в субботу в пятом часу утра. После обеда был Майдель [134], а когда он уехал, Петр в первый раз сказал мне, что ему нужно сделать завещание, что он начал о нем думать после смерти брата Ива-

на, что меня назначает душеприказчиком, чтобы я этого вовсе не пугался, что это только долгая речь, что будем говорить, пожалуй, целый год и все устраивается только из предосторожности, на всякий случай. «Эту болезнь я не считаю смертельною...». Меня это, однако, встревожило, а вышедши от него, я узнал, что он меня ждал нетерпеливо, что для этого посылал за мною в Бунино. Вечером он еще говорил о духовном завещании и Кате и, между прочим, просил ее меня успокоить. «Завещание не имеет связи с теперешнею моею болезнью. Я начал о нем думать с самой смерти брата». Ему только нужно поговорить о нем со мною. Разговора этого я старался, однако ж, не возобновлять. Целые 22 дня видел я его беспрестанно и часто был с ним наедине целые часы. Сам он не начинал речи, хотя было ясно, что его что-то очень заботит: «Задорные мысли не дали заснуть», — говорил он иногда. «Теперь у меня свежа голова; пожалуйста, не опоздайте. Мне нужно многим распорядиться». Доктор обещал как христианин предупредить его, когда будет нужно, когда будет опасность.

7 сентября. Воскресенье. Поутру он опять попросил читать ему громко Маколея, начиная с того места, где он остановился: «Как это любопытно!» Много говорил о книгах, о переводах, о своих планах. «Книги, книги! Как они меня занимали и теперь как еще занимают!» Вдруг перед обедом припадок глухоты прервал чтение, смертельно огорчил его. Лихорадки не было, но слабость заметно увеличилась от горя.

⟨...⟩ В половине сентября ему стало гораздо хуже. 21-го Павлов объявил, что он опасен. 22-го Майдель требовал консультации, сказал об этом самому больному.

23 сентября Иван Филиппович приехал вечером и сказал нам: «Напрасно вы не даете ему высказаться. Это его успокоит, а если начнет он сам, поддержите разговор о завещании. Ведь и без того о нем думает, и это ему мучительно. Теперь он не в состоянии распорядиться ничем, но это пройдет, ему будет лучше, и *тогда* говорите с ним о завещании и кончите это дело».

⟨...⟩ Получен был ответ из Оптина[135], о чем я тогда же сказал ему. До среды 26-го мы не решались прочесть самого письма, боялись все, кроме Маши, что приготовления к *последней* исповеди его истощат. Майдель говорил, что он боится, однако, совершенного падения сил. Лучше не было. В среду 26-го рано поутру Маша начала говорить об оптинском письме и завещании, я прочел его Петру. Он сказал: «Готов последовать совету старцев». Заметно было, что он огорчился, понявши опасность. Я просил доктора успокоить его.

Майдель долго молчал, сидел перед ним с унылым лицом и потом сказал: «Петр Васильевич. Я обещал наперед сказать вам, когда вам *нужно* будет заняться вашими делами. Теперь время настало. Кончите это дело, чтобы быть покойным». Петр понял все, пожал ему руку, благодарил за исполнение обещания и сказал, что ему это очень нужно, а мне прибавил: «Времени у меня мало для разговора, *а на душе куда как много*».

⟨...⟩ Тогда же он мне сказал: «Вся сила моего движимого имения в моих бумагах и книгах. Я их завещаю тебе»[136].

Умер Киреевский 25 октября 1856 г. и был похоронен рядом с братом Иваном на кладбище Оптинского монастыря, недалеко от г. Козельска. Имущество и имение его было завещано семье брата Ивана Васильевича. Часть крепостных перед смертью Киреевский отпустил на волю.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Азадовский. История русской фольклористики, т. I, стр. 328.
[2] Толычова. Рассказы и анекдоты.— «Русский архив», 1877, № 7, стр. 361.
[3] А. Петерсон. Черты старинного дворянского быта.— «Русский архив», 1877, № 8, стр. 479—480. Автором этих воспоминаний является Александр Петерсон, побочный сын П. Н. Юшкова — отца А. П. Киреевской.
[4] ЛБ, архив В. А. Жуковского, ф. 104, к. VII, ед. хр. 13.
[5] *Алексей Сергеевич* — очевидно, А. С. Бунин.
[6] *Мишенское* — имение Жуковского; *Володьково* — имение Черкасовых; *Чернь* — имение Плещеевых.
[7] ЛБ, ф. 104, к. VII, ед. хр. 16.
[8] Там же, ед. хр. 17.
[9] «Уткинский сборник. I. Письма В. А. Жуковского, М. А. Мойер и Е. А. Протасовой». Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1904.
[10] ЛБ, ф. 104, к. VII, ед. хр. 17.
[11] Там же, ед. хр. 20.
[12] «Подлинные черты из жизни В. А. Жуковского».— «Русский архив», 1864, № 4, стр. 468—469.
[13] «Уткинский сборник», стр. 19.
[14] ЛБ, ф. 104, к. VII, ед. хр. 20.
[15] ЦГАЛИ, ф. 236, оп. 1, ед. хр. 495.
[16] См. об этом Соймонов, стр. 143—153.
[17] ЛБ, ф. 104, к. VII, ед. хр. 20.
[18] ЦГАЛИ, ф. 138, оп. 1, ед. хр. 107. Копия, машинопись.— Елагина цитирует четверостишие Мерзлякова, по-видимому, на память. В публикациях оно читается несколько иначе (А. Ф. Мерзляков. Стихотворения. М., 1867, стр. 597).
[19] Дневник Ивана Михайловича Снегирева. I. 1822—1852. С предисл. А. А. Титова. М., 1904, стр. 54.
[20] Там же, стр. 13.
[21] ЛБ, ф. 99, п. 8, ед. хр. 9.
[22] ⟨Н. П. Колюпанов.⟩ Биография А. И. Кошелева, т. I, кн. 2. М., 1889, стр. 28—29.
[23] В. К. Кюхельбекер. О направлении нашей поэзии, особенно лирической в последнее десятилетие.— «Мнемозина», 1824, ч. II, стр. 40.
[24] Байрон. Вампир. Перевод П. Киреевского. М., 1828. Кальдерон. Трудно стеречь дом о двух дверях. День первый. Перевод П. В. Киреевского.— «Московский вестник», 1828, № 19-20, стр. 233—270. Переводы Шекспира остались не опубликованными, рукопись утрачена.
[25] ЛБ, ф. 99, п. 8, ед. хр. 15.
[26] Там же, ед. хр. 17
[27] «Русские Пропилеи», т. I. М., 1915, стр. 160.
[28] ЛБ, ф. 104, к. VII, ед. хр. 29, л. 76.
[29] ЦГАЛИ, ф. 236, оп. 1, ед. хр. 495.
[30] Там же.
[31] Там же.
[32] ЛБ, ф. 104, к. VII, ед. хр. 31.
[33] Там же, ф. 99, к. 11, ед. хр. 19.
[34] «Русский архив», 1905, № 5, стр. 114—115, 131.
[35] ЛБ, ф. 99, к. 8, ед. хр. 15.
[36] «Голос минувшего», 1914, № 7, стр. 216.
[37] ЛБ, ф. 99, к. 21, ед. хр. 54—55.
[38] ЦГАЛИ, ф. 236, оп. 1, ед. хр. 478.
[39] П. В. Киреевский. ⟨Изложение курса ново-греческой литературы, изданного по-французски в Женеве в 1827 году Ризо Нерулосом⟩.— «Московский вестник», 1827, № 13, стр. 85—103; № 15, стр. 284—304.
[40] П. В. Киреевский. Современное состояние Испании.— «Европеец», 1832, № 2, стр. 221—227.
[41] ЛБ, ф. 99, п. 1, ед. хр. 16.
[42] Соймонов, стр. 149.
[43] Там же, стр. 150.
[44] ЛБ, ф. 104, к. VII, ед. хр. 35.
[45] Там же, ф. 99, п. 8, ед. хр. 9.
[46] Н. П. Павлов. Русские писатели в нашем крае. Калинин, 1956, стр. 31—34.
[47] ЛБ, ф. 99, п. 9, ед. хр. 19.
[48] «Денница». М., 1834, стр. 153—167.
[49] Переписка Н. В. Станкевича. 1830—1840. Ред. и изд. А. Станкевича. М., 1914, стр. 268 (из письма к Я. М. Неверову от 15 декабря 1833 г.).
[50] «Московский телеграф», 1834, № 2, стр. 335—338.
[51] ЛБ, ф. 125, п. 50, л. 1711.

[52] Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1851—1860 годах. Вступ. статья и прим. М. Цявловского. М., 1925, стр. 52—53.
[53] ЦГАЛИ, ф. 236, оп. 1, ед. хр. 80.
[54] ЛБ, ф. 99, п. 7, ед. хр. 60.
[55] ИРЛИ, архив Языковых, ф. 348, 19.4.53.
[56] ЦГАЛИ, ф. 236, оп. 1, ед. хр. 80.
[57] Там же.— Имение Киреевского не сохранилось, осталось несколько старых лип, посаженных им. Деревня Киреевская Слободка была перенесена наследниками Киреевского в другое место. Об этом существуют предания среди местных жителей.
[58] ЛБ, ф. 99, п. 7, ед. хр. 62.
[59] Там же, п. 8, ед. хр. 16.
[60] Там же, п. 7, ед. хр. 58.
[61] Там же, ф. 125, п. 44.
[62] Там же, п. 26 и 27.
[63] ИРЛИ, ф. 348, 19.4.104, № 134.
[64] Письма Киреевского к Языкову, стр. 64.
[65] Пушкин, т. XI, стр. 258.— В сочинениях и переписке Пушкина неоднократно встречается упоминание стиха «Об Алексее божьем человеке», который он называет то стихом, то народной песнью, то легендой (см. Пушкин, т. XI, стр. 234; т. XII, стр. 37; т. XVI, стр. 105, 122).
[66] «Симбирские губ. ведомости», 1838, 14 апреля, Прибавления, № 14. Частные извещения.
[67] «Синбирский сборник», т. I. М., 1845.
[68] ИРЛИ, ф. 348, 19.4.104, № 131.
[69] Там же, № 133.
[70] Там же, № 134.
[71] Там же, № 136.
[72] Там же, № 139.
[73] Там же, № 140.
[74] Там же, 19.4.92.
[75] ЛБ, ф. 99, п. 8, ед. хр. 16.
[76] ИРЛИ, ф. 348, 19.4.92.
[77] Там же.
[78] Там же.
[79] ЦГАЛИ, ф. 236, оп. 1, ед. хр. 67.
[80] ЛБ, ф. 99, п. 8, ед. хр. 11.
[81] Там же, ед. хр. 59.— «*Абевега русских суеверий*» — книга Чулкова (1786).
[82] Там же.
[83] Азадовский. История русской фольклористики, т. II, стр. 330—331.
[84] «Чтения», стр. II—III.
[85] Там же, стр. VII.
[86] ИРЛИ, ф. 348, 19.4.92.
[87] Там же, 19.4.104, № 153.
[88] ЛБ, ф. 99, п. 8, ед. хр. 11.

Следует иметь в виду, что во времена Киреевского не было современного четкого жанрового деления произведений народного творчества. Термином «песни» часто обозначали не только лирические и обрядовые песни, но и исторические песни и духовные стихи. См. также прим. 65.

[89] ИРЛИ, ф. 348, 19.4.104, № 161.
[90] ЛБ, ф. 99, п. 119-б, ед. хр. 121.
[91] Герцен, т. IX, стр. 156.
[92] ЛБ, ф. 99, п. 15, ед. хр. 40.
[93] Там же.
[94] Там же.
[95] Там же, ед. хр. 169.
[96] ИРЛИ, ф. 348, 19.4.24.
[97] Там же.
[98] Там же.
[99] ЛБ, ф. 99, п. 15, ед. хр. 202—203.
[100] Герцен, т. II, стр. 403.
[101] Там же, стр. 406.
[102] Герцен, т. IX, стр. 161—162.
[103] Герцен, т. II, стр. 397.
[104] ИРЛИ, ф. 348, 19.4.104, № 168.
[105] Там же, № 169—171.
[106] ЛБ, ф. 99, п. 10, ед. хр. 3.
[107] ИРЛИ, ф. 348, 19.4.28.
[108] Там же, 19.4.104, № 175.
[109] Там же.
[110] Там же, 19.4.122, № 175.

[111] ИРЛИ, ф. 348, 19.4.104, № 203.
[112] Там же, № 204.
[113] Там же, № 208.
[114] Там же, № 210, 212.
[115] Герцен, т. IX, стр. 162.
[116] ИРЛИ, ф. 348, 19.4.104, № 217.
[117] Там же, № 218.
[118] ЛБ, ф. 99, п. 8, ед. хр. 14.
[119] Там же, п. 4, ед. хр. 21.
[120] Там же, п. 8, ед. хр. 14.
[121] Там же, п. 7, ед. хр. 9.
[122] Там же, п. 8, ед. хр. 3.
[123] Там же, ед. хр. 13.
[124] И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. Письма, т. II. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 130—131.
[125] ЛБ, ф. 99, п. 8, ед. хр. 13.
[126] И. С. Тургенев. Указ. изд., т. II, стр. 185.
[127] И. С. Тургенев. Указ. изд., т. III, стр. 69 (письмо из Парижа от 27 декабря 1856/8 января 185' г.).
[128] ЛБ, ф. 99, п. 8, ед. хр. 8.
[129] Там же.
[130] Там же, ед. хр. 6.
[131] Там же.
[132] ЛБ, М. 8223/8, лл. 19—21. —Дата смерти Киреевского указана не точно.
[133] Там же, ф. 99, п. 4, ед. хр. 51.
[134] *Майдель* — врач, лечивший Киреевского.
[135] Речь идет о Козельской Оптиной пустыни.
[136] ЛБ, ф. 99, п. 13, ед. хр. 30.

СУДЬБА ПЕСЕН, СОБРАННЫХ П. В. КИРЕЕВСКИМ
(история публикации)

Статья А. И. Баландина и П. Д. Ухова*

I

По завещанию П. В. Киреевского все его наследство после смерти перешло к детям брата, Ивана Васильевича, опекунами которых были назначены их мать — Н. П. Киреевская и В. А. Елагин. Сохранился любопытный документ — письмо А. П. Елагиной к некоему Льву Николаевичу об установлении опеки над малолетними наследниками. «После сына моего, орловского помещика Петра Васильевича Киреевского, — писала А. П. Елагина, — остались наследниками малолетние дети брата его, старшего моего сына Ивана Васильевича Киреевского, которым нужна опека. По общему согласию всей семьи мы избрали опекуном родного брата покойных, сына моего Василия Алексеевича Елагина, вместе с матерью малолетних внуков моих Натальей Петровной Киреевской, потому прошу вас, милостивый государь, учредить над имением опеку и назначить их опекунами» [1].

Собрание песен Киреевского, таким образом, оказалось в руках В. А. Елагина, человека, который, по его собственным словам, в песнях ничего не понимал и не интересовался ими [2]. Отношение Елагиных к Собранию Киреевского характеризует и письмо Е. И. Елагиной к В. С. Аксаковой от 26 декабря 1856 г.: «Василию завещал он ⟨Киреевский. — *А. Б.*⟩ свой труд, дай бог ему силы исполнить это завещание честно, во всяком случае, приняться за него уже будет развлечение» [3].

В последние годы жизни судьба Собрания, разумеется, волновала Киреевского. Он прекрасно понимал, что завершить начатое им дело сможет лишь человек, обладающий, во-первых, достаточной филологической подготовкой, а во-вторых, хорошо знакомый с материалами Собрания и его принципами издания фольклорных текстов. Этими качествами в то время, как никто другой, обладал П. И. Якушкин. Вот почему Киреевский «перед смертью выразил желание, чтобы подбор собранных им песен и окончательная редакция проведены были по всем правилам и в силу глубокого знания П. И. Якушкиным» [4]

---

* Статья, посвященная эдиционно-текстологическому анализу «Старой» и «Новой» серий издания песен из Собрания Киреевского и рассказу о том, как были открыты обширные неизвестные части знаменитого Собрания, должна была быть написана автором этого замечательного научного открытия — П. Д. Уховым. Смерть прервала начатую исследователем работу. В его бумагах оказались лишь предварительные наброски статьи и заготовки материала для нее. Редакция «Литературного наследства» поручила А. И. Баландину написать новую статью. В ней использованы все упомянутые выше наброски и заготовки П. Д. Ухова, а также другие его выступления, устные и в печати, относящиеся к истории его открытия.—*Ред.*

На подготовку к изданию песен, собранных Киреевским, Якушкин действительно имел все права. Многие годы странствовал он по России, передавая Киреевскому собранные материалы. Его личный вклад в Собрание был весьма велик (см. об этом ниже, стр. 375—388). Хорошо знал он и принципы издания, выработанные Киреевским.

Якушкин сразу же приступил к работе. Позднее в статье «Кое-что об изданиях г. Бессоновым народных стихов и песен» (1863) он рассказывал: «Когда мне было поручено приготовить к изданию песни Петра Васильевича, в то время В. А. и Н. А. Елагины, М. А. Стахович и я составили опись, в двух экземплярах, всем песням и в том порядке, в каком они остались после смерти собирателя, и все четверо подписались под обоими экземплярами[5]. Думая, что издавать придется мне и не надеясь издать надлежащим образом, я поставил в непременное условие, что по окончании работ, кем бы то ни было произведенных, рукописи все должны для проверки поступить или в Публичную петербургскую библиотеку, или в библиотеку Московского университета. Затем я немедленно приступил к работе»[6].

Трудности встретились на первом же шагу: далеко не все песни, собранные Киреевским, были приведены хотя бы в относительный порядок и систематизированы, значительная часть их оказалась вообще утраченной. «При самой передаче мне песен В. А. Елагиным, — пишет Якушкин в той же статье, — я заметил страшный недочет в бумагах: по крайней мере, двух или трех стоп бумаги, исписанной песнями, *не оказалось*; потом я узнал, что сверх этой страшной потери пропало еще множество бумаг покойного Петра Васильевича, оставленных им в Москве»[7].

Все это настолько мешало подготовке Собрания к печати, что В. А. Елагин вынужден был начать переговоры с издателями «Русской беседы» о специальном объявлении, в котором лицам, взявшим у Киреевского песни, был указан адрес нового владельца Собрания, В. А. Елагина. В одном из писем к А. И. Кошелеву (начало 1857 г.) он сообщал: «У многих знакомых покойного остались песни, принадлежащие к его собранию. Не узнав официально, *кому* поручена забота об этом собрании, они не могут переслать их мне. Короткое объявление с моим адресом о том, что *по воле покойного мне поручено это собрание*; что оно по тому самому находится у меня и приготовляется к изданию Павлом Ивановичем Якушкиным, не может быть отложено до мая месяца, таким образом на долгое время замедлится и весьма увеличится труд Якушкина. Он должен иметь под руками все варианты, а пересланы они будут нам только после печатного объявления. Вы говорили Якушкину, что, переделавши все неприличное, напечатаете извещение в 1 № „Беседы"; оно, кажется, даже было у вас готово; не знаю, почему отложено ваше это намерение. Вычеркнувши, переделавши все, что вам угодно, покорнейше прошу вас, почтеннейший Александр Иванович, послать хоть кому-нибудь известие о том, что порученное мне братом собрание находится у меня и приготовляется к печати г. Якушкиным.

Если бы месяц тому назад я сумел напечатать что-нибудь ясно, определительно (и прилично), я не сомневаюсь, что все бравшие у Петра на прочтение части его собрания давно бы успели возвратить их в контору издания. Отложить это до мая — значило бы отложить до осени надежду собрать все, что необходимо для издания и даже для приготовительных трудов»[8].

Переговоры с редакцией «Русской беседы» затягивались, поэтому объявление об издании песен Киреевского было дано в еженедельной литературной газете «Молва». Текст этого объявления хорошо известен[9]. В наиболее существенной части его говорилось следующее: «Обстоятельства, может быть, слишком строгая отчетливость и, наконец, рановременная

П. В. КИРЕЕВСКИЙ

Портрет маслом работы Э. А. Дмитриева-Мамонова, 1840-е годы

Всесоюзный музей А. С. Пушкина, г. Пушкин

кончина собирателя были причиною того, что песни досель не изданы. Ныне все собрание, по завещанию покойного Киреевского, перешло к брату его (по матери) Василию Алексеевичу Елагину, живущему близ города Орла, в селе Бунине. Там занимается разбором песен и приготовлением их к изданию один из усерднейших помощников Киреевского в собирании их — *Павел Иванович Якушкин*. Все собрание простирается от 10 до 15 тысяч. Одних исторических песен, или былин, более 200. Песни свадебные, в числе 100, приготовлены совсем к изданию самим Киреевским. Кто сколько-нибудь знаком с приемами издания народных произведений, тому понятно, какие, часто неожиданные, трудности представляются в этой работе. Есть, однако, надежда, что в скором времени песни будут изданы. Покойный Киреевский многим сообщал для просмотра свои тетради и листки. Они теперь необходимы для дополнений и проверок, и потому все, у кого есть песни Киреевского, приглашаются возвратить их в общее собрание, адресуя посылки в *Орел для доставления в село Бунино, Василию Алексеевичу Елагину*»[10].

В научных и литературных кругах известие о предстоящем издании песен Киреевского было воспринято с одобрением. А. А. Котляревский в статье «Два вопроса исторической науки» писал: «... известие о сборнике покойного П. В. Киреевского, приготовляемом к скорому выходу в свет г. Якушкиным, пробудило много дорогих надежд, много светлых верований в великую будущность русской исторической науки»[11]. Установить, пополнилось ли Собрание Киреевского ранее утерянными песнями, до сих пор не удалось. По-видимому, они так и не были возвращены в «контору издания»: Якушкин впоследствии энергично хлопотал о привлечении в сборник Киреевского новых песенных текстов.

Якушкину предстояло не только разобраться в архиве Киреевского и систематизировать весьма разнородный материал Собрания. Главное — нужно было выработать научные принципы будущего издания и разработать его общий план.

Исследователи довольно рано обратили внимание на то, что методы работы Киреевского над вариантами народных песен, вошедших в его Собрание, существенно отличались от принятых в научной практике того времени методов подготовки к изданию фольклорных текстов. «Русская беседа», например, сообщая читателям о том, что песни, собранные Киреевским, «приготовляются к изданию П. И. Якушкиным», писала: «Обыкновенный способ издания состоит в том, что принимается в основу лучший вариант, все же остальные, сколько-нибудь замечательные, означаются в выносках. Покойный Киреевский действовал несколько иначе, не удовлетворяясь таким, конечно, сподручным и, так сказать, механическим способом. Он также выбирал основным текстом лучший вариант, но чутким слухом, приобыкшим к красотам народной речи, тотчас замечал слово или стих искаженные, позднейшие, и вставлял на их место другие из остальных вариантов»[12]. Приемы работы Киреевского над текстами народных песен, записанных в нескольких вариантах, впервые были раскрыты Якушкиным в предисловии к его собственной публикации песен, помещенной в «Отечественных записках» (1860), и в уже упоминавшейся статье «Кое-что об изданиях г. Бессоновым народных стихов и песен».

Киреевский рассматривал варианты многих народных песен как искаженные куски некогда существовавшего идеального текста. Он ставил перед собой задачу восстановить этот воображаемый текст или, по крайней мере, хотя бы приблизиться к нему. Выбирая из множества вариантов, с его точки зрения, наиболее ценный, Киреевский руководствовался прежде всего критерием древности текста. В предисловии к «Русским народным стихам» он писал: «Несмотря на то, что песни имеют такое значение в жизни русского народа, нельзя не признать мрачной истины,

в которой убедило меня многолетнее занятие этим предметом: что вся их красота, все, что составляет существенное достоинство их характера, — уже старина, и что эта старина уже не возрождается в новых, себе подобных отраслях, как было в продолжение стольких веков» (стр. II — III). Сохранность текстов с этой точки зрения была неодинакова. В одних песнях, например, сохранялся древний сюжет, но оказывался разрушенным народно-поэтический стиль, в других, наоборот, лучше сохранялась художественная образность. Поэтому Киреевский, выбирая за основу лучший текст, в процессе работы, по словам Якушкина, «составлял песню из различных вариантов, относя разности в примечания и таким образом сохраняя варианты и вместе выводя из них существенное содержание»[13].

Якушкин впоследствии писал, что Киреевский «так составлял, что никто не нашел не только стиха, но ни одного даже слова, которое бы показалось не народным». «Под словом *составлял*, — пояснял далее Якушкин, — надо разуметь „воссоздавал", т. е. Петр Васильевич Киреевский брал несколько вариантов одной и той же песни и выбирал из каждого варианта тот стих, который показался ему лучше. При этом он указывал добросовестно именно на тот вариант, которым он пользовался»[14]. Изучая приемы работы Киреевского над текстами народных песен, к этому же выводу пришел и М. Н. Сперанский: «Киреевский, обрабатывая песню, дорожил всякой ее чертой и вносил мелкие изменения лишь в случае крайне необходимом, по его мнению; давая реконструированную ⟨...⟩ песню, он давал налицо и весь материал этой реконструкции: таким образом ни одна записанная из уст народа песня, ни ее отдельное выражение не пропадали» [15]. Киреевский «руководствовался только имеющимся у него материалом и никогда не изобретал ничего сам», — писал уже в наше время М. К. Азадовский[16].

«Воссозданные», или сводные, тексты вошли, например, в сборник Киреевского «Русские народные стихи». Правда, публикация оказалась лишенной самой элементарной паспортизации: не указаны не только строки, взятые из того или иного варианта, но вообще не упоминаются даже и те варианты, на основе которых составлен сводный текст. Но это объясняется, по-видимому, тем, что сборник народных стихов в свое время не был полностью напечатан. Есть основания полагать, что необходимые варианты и примечания к ним должны были появиться в последующих выпусках. Так, издатели «Русской беседы», сообщая читателям о работе Якушкина над Собранием Киреевского, авторитетно заявляли, что варианты к народным стихам «приготовлены и сохранились в бумагах» Киреевского[17]. Позднее Бессонов утверждал, что значительная часть народных стихов, подготовленных Киреевским к печати, «затеряна и до сих пор не отыскана» [18].

При подготовке сборника свадебных песен Киреевский иногда пользовался этим же методом свода. Укажем, например, на песню «В сыром бору на клену», составленную из двух вариантов, записанных Пушкиным[19]. В отличие от сборника народных стихов, в этом сборнике варианты и примечания к ним даны под каждым текстом. Например, к стиху «В этом тереме ходит-гуляет» пушкинской песни Киреевский дает примечание: «С этого стиха до конца песня пополнена из другого ее варианта, также записанного Пушкиным» [20].

Метод Киреевского для того времени имел положительное значение, поскольку его предшественники (отечественные и западноевропейские) считали себя вправе изменять народные песни в соответствии со своими вкусами и понятиями. Они свободно сокращали их, иногда решительно перерабатывали. Ничего этого Киреевский себе не позволял. Вот почему современники так высоко оценивали его работу. И все же сводный текст уже не был подлинным народным произведением. При такой обработке

широта содержания произведений сводилась к некоему образцу, совершенно утрачивалось своеобразие мастерства сказителей (певцов), нивелировался под образец язык песен и разрушалась местная песенная традиция. Поэтому Якушкин, слышавший песни в их живом бытовании, отказался от этого метода и выбрал иной: печатать наиболее ценный, как ему казалось, текст, а все варианты выносить в примечания. В предисловии к своему сборнику песен он писал: «... я же, не принимая на себя такой смелой задачи ⟨речь идет о «воссоздании» песенного текста.— *А. Б.*⟩, только подвожу варианты, думая, что они должны быть сохраняемы» [21].

В самый разгар работы Якушкина над Собранием Киреевского «Русская беседа», учитывая огромный интерес к принципам будущего издания, поместила «для примера две песни, одну в том виде, как приготовил е к изданию П. В. Киреевский, и другую, приготовленную П. И. Якушкиным» [22]. Якушкин впоследствии перепечатал эти примеры в предисловии к своему сборнику песен: они подтверждали его выводы о значении песенного варианта и свидетельствовали о действительном отличии его принципов издания от принципов Киреевского.

Приведем начало песни, подготовленной к печати Якушкиным в процессе его работы над Собранием Киреевского:

Не кулик по болотам куликает, [1]
Молодой князь Голицын по лугам гуляет; [2]
Не один князь гуляет — с разными полками,
С донскими казаками, еще с егерями... [3]

Якушкину было известно восемь вариантов этой песни. Все они в примечаниях обозначены арабскими цифрами и перечислены: «Восемь вариантов: 1) Воронки Моск. губ. 2) Тульск. г. (пел солдат). 3) Калуж. г. Лихв. у., имение г. Полтова. 4) Орлов. губ. Малоарх. у., с. Сабурово. 5) Мал. у. 6) Тульск. губ. 7) Орлов. г. и у. 8) Москов. г., с. Ильинское». Вариант первый, записанный в с. Воронки Московской губ., Якушкин принимает за текст и печатает его целиком. Уже к первому стиху песни он дает сноску, в которой указывает на разночтения в остальных вариантах. Выглядит это так: «[1] 2) *этого стиха нет*, 3) У нас только во болоте кулик куликает, 4), 6) Что ни кулик куликает, 5) Эх, да ни кулик-ат, братцы, во чистом поле куликает, 7) Ни куличинька по болоту куликает». В восьмом варианте этой песни, записанном в Московской губ., первый стих точно такой же, как и в первом, поэтому Якушкин его и не приводит. Далее идут разночтения второго стиха: «[2] 2) Во лужках-то князь Голицын гуляет, 3) Вот наш да князь Голицын сы полком гуляе, 4), 6) Ни молоденький князь... 5) Ально молодой... 7) Князь Голицын по лужечку гуляет, 8) По лужкам князь Голицын гуляет». Третий стих сноски не имеет: во всех восьми вариантах он одинаков. Четвертый стих имеет разночтения, которые Якушкин и приводит. И так — вся песня [23].

Как видим, вопрос о песенных вариантах был решен Якушкиным довольно удачно. Примечания к песне дают возможность без особого труда восстановить все изменения текста, отмеченные собирателями. Эти изменения не затрагивают существа содержания, поэтому Якушкин и выносит их в примечания к основному тексту песни.

Принцип издания исторических песен, записанных в нескольких вариантах, предложенный Якушкиным, выгодно отличается от принципа издания, выработанного Киреевским. Перед нами налицо все варианты песни. Исследователю остается изучать их, сравнивать и делать соответствующие выводы. Киреевский же давал сводный текст, вряд ли когда-либо существовавший. Давая разночтения песни, он вынужден был иные сти-

хи приводить дважды: в основном тексте и в соответствующем варианте. Так, в примечании к подготовленной им песне «Что при вéчере вечéрничке», помещенной в той же «Русской беседе», читаем: «С 22-го стиха окончание взято из вар. В)... и дополнено 25-м стихом из Г)» [24]. (Вариант В был доставлен Пушкиным, вариант Г — записан в Малоархангельскому. Орловской губ.). Все это усложняло справочный аппарат издания.

Песни в Собрании Киреевского в жанровом отношении не были однородны. В Собрании были представлены духовные стихи, былины, исторические песни, обрядовая поэзия, лирические песни и т. д. Якушкину предстояло разработать общий план их издания. В свое время усиленно работал над таким планом сам Киреевский. Следы этой работы сохранились, например, в его письме к Н. М. Языкову от 21 февраля 1834 г. [25] Своими мыслями Киреевский, по-видимому, делился и с Якушкиным. Во всяком случае, план издания, разработанный Якушкиным, в общих чертах повторяет план Киреевского. В предисловии к собственному сборнику песен Якушкин писал: «Хотя в настоящее время казалось бы рано подводить песни под различные отделы, и хотя другая обязанность собирателя состоит еще в том, чтоб не мудрствовать лукаво и пока не извлекать из них теорий в пользу того или иного другого исторического и нравственного взгляда; но, для удобства употребления, необходимо подвести их под какие-нибудь рубрики. В этом отношении, сколько я мог убедиться при рассматривании бывших у меня под руками материалов П. В. Киреевского, песни могут быть безопасно разделены на следующие отделы: I) Стихи духовного содержания; II) Песни исторические, с которыми могут быть соединены и солдатские; III) Песни лирические, из которых некоторые, по своему содержанию несколько эпическому, принадлежат к области баллад, другие к ряду элегий. Впрочем, баллада так легко переходит в элегию и, наоборот, элегия в балладу, что строго разграничить их невозможно, по крайней мере, до времени, и наконец IV) Песни обрядные, т. е. a) свадебные, b) величальные, c) подблюдные, d) хороводные и e) праздничные» [26].

При всей условности этой классификации она сохраняет свое значение как своеобразный документ, свидетельствующий об уровне фольклористической науки того времени. Как видим, на первом месте в плане Якушкина стоят духовные стихи, однако в процессе работы он изменил свой план, сосредоточил основное внимание на былинах и исторических песнях.

Собрание Киреевского находилось в орловском имении В. А. Елагина Бунине, поэтому Якушкин на время переехал туда. Елагин позднее писал П. А. Бессонову: Якушкин «работал в моей комнате и в самом деле *работал* целое лето» [27]. Елагин, по-видимому, уже тогда снабжал Якушкина деньгами: издание обещало принести немалый доход. Сохранился любопытный документ — расписка Якушкина в получении денег (от 2 апреля 1857 г.): «Взял у Василия Алексеевича Елагина сорок шесть рублей в счет суммы, сделанной мне по условии за приготовление песен к изданию» [28].

Поражает колоссальная работоспособность Якушкина: сборник исторических песен был подготовлен им уже к лету 1857 г. Об этом, в частности, свидетельствует его письмо к М. А. Стаховичу от 12 мая 1857 г. Якушкин писал: «Узнавал я по твоему письму, любезный Михайло Александрович, о твоем приезде в канцелярию губернатора — по тому делу (о помещиках) ты не скоро будешь вызван; а мне ты нужен донельзя; сделай одолжение приезжай в Бунино: ты, верно, не откажешься поработать недели две, а скоро будет поздно: я непременно хочу ехать в июне или, по крайней мере, в начале июля в Москву, отдам в цензуру исторические песни, взявши их оттуда, отдам в печать, другой отдел будет готов без цензуры, может

быть к генварю все будет издано. И мне бы очень хотелось тебе показать» [29].

Якушкин выехал в Москву, вероятно, в августе 1857 г. Он решает показать сборник видным ученым — фольклористам и знатокам народного творчества. В его статье «Кое-что об изданиях г. Бессоновым народных стихов и песен» читаем: «Приготовив исторические песни к изданию и не доверяя себе, я из Орловской губернии, где производились работы, отправился в Москву с единственною целью воспользоваться советами тамошних ученых; и как издание песен, по моему мнению, в чем верно согласятся и многие, должно быть исполнено под влиянием не одной какой-нибудь партии, а всех партий, то я и обратился за советом ко всем. Я показывал исторические песни П. А. Бессонову, И. Д. и И. В. Беляевым, К. С. Аксакову, Ф. И. Буслаеву, И. Е. Забелину, Т. И. Филиппову, А. Н. Островскому, В. М. Ундольскому, А. С. Хомякову, И. В. Павлову, и — представьте мое великое удивление: ни от одного из этих господ я не слыхал ничего, кроме похвал, ни одного замечания!.. Другими словами, все они одобрили мои работы по изданию русских песен» [30].

Между тем В. А. Елагин не спешил отдавать сборник Якушкина в цензуру: он хотел лично заручиться одобрением К. С. Аксакова. Его жена, Е. И. Елагина, 12 августа 1857 г. писала В. С. Аксаковой: «Мой муж теперь в Москве с сестрой Машей, они поехали говеть, Василий желает показать Константину Сергеевичу исторический отдел песен, приготовленный Якушкиным к печати, если ваш брат одобрит труд этот, то скоро можно будет приступить к печатанию. Жаль будет мне, если муж не застанет семьи вашей в Москве. Хомяков, вероятно, уже уехал в деревню...» [31].

Не застав семью Аксаковых в Москве, В. А. Елагин увез сборник Якушкина опять в Бунино. Сборник этот, как известно, не был издан. До последнего времени он считался вообще утраченным, разыскать его удалось лишь сравнительно недавно [32].

В архиве Киреевского обращают на себя внимание отдельные листы формата в $^1/_4$, исписанные рукою Якушкина. Это оказались копии исторических песен и былин с оригиналов нескольких собирателей. Листы разбросаны по различным единицам хранения как в фонде Киреевского, хранящемся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, так и в фонде П. А. Бессонова, находящемся в Государственном историческом музее. При тщательном разборе листов оказалось, что это и есть сборник исторических песен Киреевского, подготовленный к печати Якушкиным.

Этот сборник Якушкина состоит из отдельных тетрадочек, исписанных аккуратно чернилами с обеих сторон (полевые записи Якушкин вел обычно карандашом и крайне торопливо). Аккуратный почерк свидетельствует о том, что эти листы предназначались для набора. Листы имеют тройную пагинацию. Римскими цифрами обозначены номера сюжетов песен, арабскими — их варианты. Арабскими же цифрами помечены и номера тетрадочек. Если какой-нибудь сюжет не помещался в одной тетради, то следующую тетрадочку Якушкин обозначал той же цифрой — дробью. В числителе указывался порядковый номер тетради, в знаменателе —номер тетради данного сюжета. Так, например, сюжет исторической песни о девице-полонянке обозначается № XXV. Первые два варианта этой песни помещены в тетради № 41/1. Третий и четвертый варианты — в следующей тетради, которая имеет тот же порядковый номер и обозначена 41/2. К сожалению, римская пагинация проставлялась только перед первым вариантом и больше не повторялась. Поскольку сейчас найдены не все листы сборника, то иногда невозможно определить место данной песни в сборнике.

Многие исторические песни и былины сохранились (например, былины об Алеше Поповиче, Дюке Степановиче, Василии Буслаеве, Садко, князе Романе, песни о московском пожаре, Степане Разине, Петре I, Шереме-

ве, Лопухине и др.), но ввиду того, что римской пагинации на них нет (утеряны первые варианты этих произведений), определить место их в сборнике довольно трудно.

Якушкин придерживается хронологического принципа в расположении материала, четко разграничивая сюжеты былин и исторических песен. Мысль о расположении песен в их исторической последовательности принадлежит, надо полагать, самому Киреевскому. Об этом в свое время заявлял и Якушкин[33]. Эта мысль для того времени была смелой и оригинальной. Практическое ее осуществление принадлежит, несомненно, Якушкину.

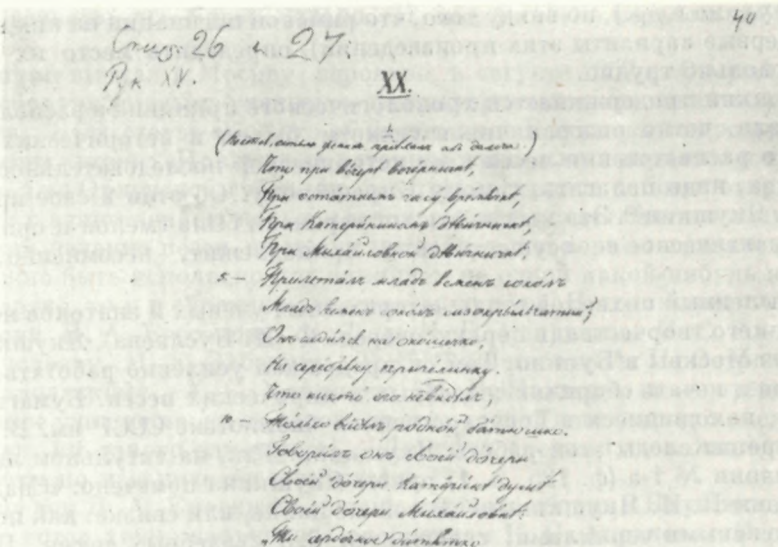
Окрыленный похвалой столь авторитетных ученых и знатоков народного песенного творчества (в первую очередь Ф. И. Буслаева), Якушкин вернулся из Москвы в Бунино. Там он продолжал усиленно работать, подготавливая к печати сборники свадебных и лирических песен. Бумаги Киреевского, находящиеся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, хранят следы этой работы Якушкина. Так, на титульном листе беловой папки № 1-а (ф. 125, п. 1) рукою Якушкина помечено: «Свадебные. Подобраны П. И. Якушкиным». В той же папке, или связке, как помечено ниже красными чернилами, содержится 525 свадебных песен. Пометка «Свадебные. Подобраны П. И. Якушкиным» встречается на титульных листах ряда папок. Все песни имеют сплошную нумерацию (1—4366). Они были пронумерованы, правда, значительно позднее А. В. Марковым (см. ниже). Любопытно отметить, что папка 4-я (№ песен 611—840) содержит классификацию обрядовых песен, принадлежащую, по-видимому, Киреевскому: «Обрядовые: 1. Свадебные. 2. Святочные. 3. Троицкие. 4. Хороводные. 5. Игорные». Классификация Якушкина, как мы уже видели, несколько отличается от этой классификации.

Работа над Собранием Киреевского шла настолько успешно, что, по словам Якушкина, «к осени 1857 г. сборник песен был почти готов» [34]. «Надобно быть в этом деле определительнее в своих словах,— писал впоследствии Якушкин, — мне оставалось, без усиленного труда, работы еще недели на две, на три, и притом такой не важной, что я легко мог исполнить ее при держании корректур» [35].

Однако вскоре случилось нечто невероятное: в конце февраля 1858 г. Якушкин был отстранен от издания песен Киреевского, и в феврале 1860 г. Собрание было передано в Общество любителей российской словесности при Московском университете. Там была создана специальная комиссия по изданию песен Киреевского, в состав которой вошли П. А. Бессонов, К. С. Аксаков, В. И. Даль, С. А. Соболевский и Н. П. Гиляров-Платонов. В дальнейшем Собрание перешло в бесконтрольное ведение Бессонова, который и осуществил издание былин и исторических песен в 1860—1874 гг. («Старая серия»). Целиком же, как говорилось выше, Собрание Киреевского не издано до сих пор.

II

Причины внезапного отстранения Якушкина от издания песен Киреевского до последнего времени не были известны, хотя попытки объяснить случившееся предпринимались неоднократно. Историограф Погодина Н. П. Барсуков, например, объяснял все чистым недоразумением [36]. М. Н. Сперанский же полагал, что «здесь имело место нечто вроде соперничества между П. И. Якушкиным и П. А. Бессоновым» [37]. На первый взгляд эта точка зрения не лишена некоторого основания: полемика Якушкина с Бессоновым по поводу издания песен Киреевского занимает в этой истории не последнее место. Но следует иметь в виду, что эта полемика развернулась позднее, чем произошло отстранение Якушкина от издания



Свадебная песня «Что при вечере вечерничке...» и комментарии к ней П. В. Киреевского

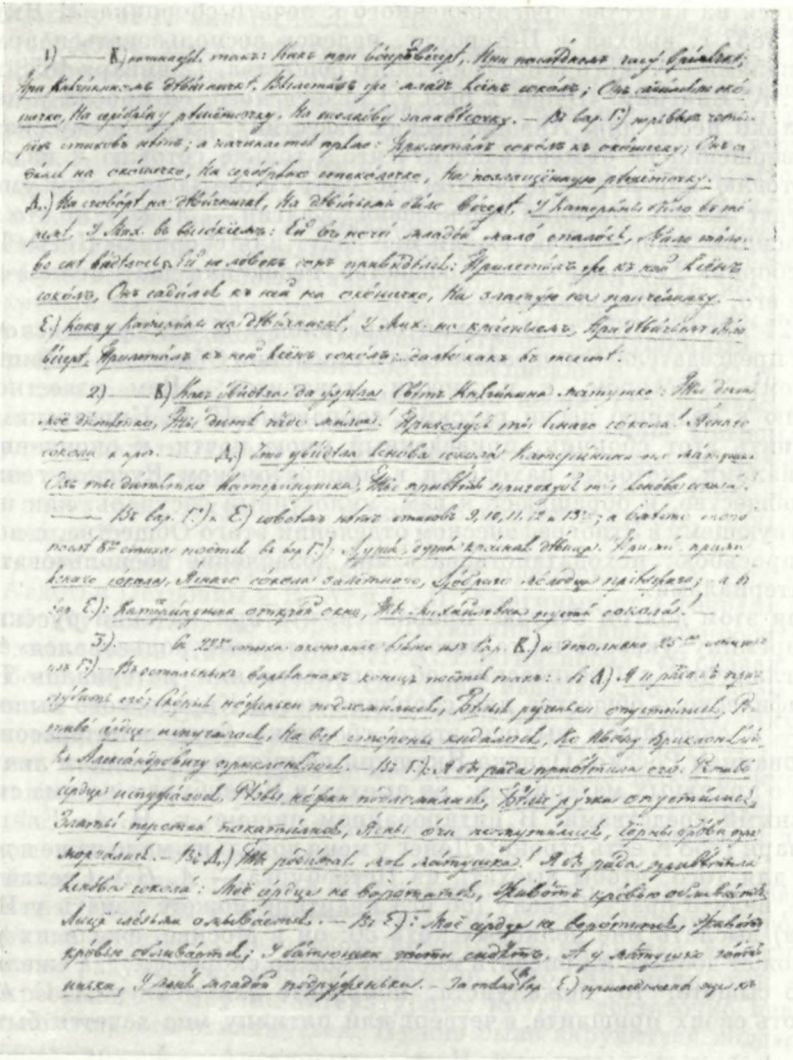
Первая «Зеленая тетрадь», 1838

Автограф П. В. Киреевского

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

песен. К тому же формально Бессонов в то время не имел никакого права на издание и «соперничать» с Якушкиным он просто не мог.

Упрощенно подходят к объяснению этой истории некоторые современные исследователи. Так, Л. М. Землянова, например, утверждает, что здесь имела место борьба демократа Якушкина с реакционерами-славянофилами. Елагиным-де был чужд демократизм Якушкина, вот они и отстранили его от издания. В статье «О роли фольклора в литературной деятельности П. И. Якушкина» Л. М. Землянова пишет: «Глубокое сочувствие народу, страдающему под гнетом самодержавия, стремление облегчить его судьбу обусловили и бережное отношение Якушкина к народному творчеству. Славянофилы, когда Якушкин приготовил к изданию сборник песен, зная его желание печатать материалы без искажений, поспешили отстранить



КОММЕНТАРИИ П. В. КИРЕЕВСКОГО К СВАДЕБНОЙ ПЕСНЕ «ЧТО ПРИ ВЕЧЕРЕ ВЕЧЕРНИЧКЕ...»

Первая «Зеленая тетрадь», 1838

Автограф П. В. Киреевского

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

его от издания, боясь нежелательных им результатов» [38]. Эти утверждения, как увидим ниже, далеки от действительного положения дел. Как свидетельствуют документальные материалы, история отстранения Якушкина от издания песен Киреевского была вызвана совершенно другими причинами. Славянофилы же лишь воспользовались этой историей, пытаясь взять издание в свои руки.

Выше было сказано, что Якушкин, приступая к работе над Собранием Киреевского, обнаружил большой недочет в его бумагах. На месте не оказалось многих, по-видимому, весьма ценных песен: по настоянию Якушкина В. А. Елагин вынужден был предпринять усиленные хлопоты по их розыску. Но песен, вероятно, не удалось найти, что, разумеется, не могло не

сказаться на качестве подготовленного к печати сборника. И Якушкин в конце 1857 г. выехал в Петербург, надеясь воспользоваться архивными материалами Русского географического общества. 12 января 1858 г. он писал Н. А. Елагину: «Вчера я был у Срезневского: он просил у меня хоть несколько песен для „Академических известий"; на что я ему сказал, что это совершенно не от меня зависит и что я только готовлю к изданию, но приготовлю или нет — то об этом рассудят умные люди, а этих умных людей будет искать Василий Алексеевич ⟨Елагин.— *А. Б.*⟩; но что я попрошу Василия Алексеевича, ежели мне дадут для сборника Петра Васильевича сборник Географического общества, песню или две в полное распоряжение его, т. е. Срезневского» [39].

А 21 января 1858 г. Якушкин обратился к И. И. Срезневскому, в то время председателю Этнографического отделения Общества, с официальным письмом, в котором, в частности, говорится: «Вам известно, что я готовлю к изданию песни русские, собранные П. В. Киреевским; желая пополнить этот сборник, приведенный мною почти к окончанию, теми материалами, которые находятся в императорском Русском географическом обществе, я обращаюсь к вам, милостивый государь, как председательствующему в Этнографическом отделении этого Общества, с покорнейшею просьбою: исходатайствовать мне дозволение воспользоваться этими материалами.

При этом долгом считаю прибавить, что при издании русских песен я не премину указать на те источники, которыми пользовался» [40].

Соглашение с Срезневским об использовании материалов Русского географического общества для сборника песен Киреевского было достигнуто — в скорейшем выходе этого сборника была заинтересована вся образованная Россия. Однако Якушкин не имел возможности лично снять копии с архивных материалов: он выехал в Петербург с весьма скудными денежными средствами. В цитированном письме к Н. А. Елагину от 12 января 1858 г. есть строки: «Денег у меня довольно мало даже и для этого ⟨т. е. для того, чтобы выехать из Петербурга.— *А. Б.*⟩. Сделайте одолжение, велите брату Семену (об его квартире можете узнать у И. С. Аксакова) выслать мне целковых хоть 30: он в Москве, ежели их у него и нет, может достать и прислать мне как можно скорее ⟨...⟩, а ежели не скоро его сыщете, то, пожалуйста, попросите для меня у И. С. Аксакова или хоть своих пришлите, в четверг или пятницу мне хочется быть в Москве» [41].

Перед отъездом в Москву Якушкин договорился с К. Д. Кавелиным, что тот вышлет в Бунино архивные материалы Русского географического общества. В Москве в доме Елагиных Якушкина ждал довольно странный прием: после бурного объяснения с Авдотьей Петровной двери ее дома оказались для него закрытыми навсегда.

Что же произошло в старинном московском особняке?

Авдотья Петровна Елагина играла видную роль в общественно-литературном движении первой половины XIX в. К. Д. Кавелин справедливо писал о ней: «Авдотья Петровна не была писательницей, но участвовала в движении и развитии русской литературы и русской мысли более, чем многие писатели и ученые по ремеслу» [42].

А. П. Елагина ревниво следила за подготовкой к печати песен, собранных ее сыном. В письмах к В. А. Елагину она постоянно справляется о работе Якушкина, просит информировать ее о всех подробностях будущего издания. Известие о том, что Якушкин в Петербурге ведет переговоры с Срезневским о включении в сборник Киреевского материалов Русского географического общества, не на шутку рассердило Елагину: сборник, по ее мнению, должен содержать в себе «только Петрушины труды». К тому же Якушкин, как следовало из его письма к

Н. А. Елагину от 12 января 1858 г., готов отдать за материалы Географического общества часть Собрания в «Академические известия» Срезневского. Елагиной показалось, что высказываемые ею и раньше подозрения о том, что «сумасшедший» Якушкин распродаст все Собрание по журналам, подтверждаются. Встреча с ним в Москве лишь убедила ее в этом. В ее письме к В. А. и Е. А. Елагиным от 1 февраля 1858 г. читаем: «На Якушкина я сама бешусь. Знаете, что он сделал? выпросил Кавелина прислать к вам в с. Бунино песни, находящиеся в Географическом обществе⟨...⟩ Пиши, Вася, немедля к Кавелину, чтоб он этого не делал, что Якушкин был к нему прислан не тобою (Кавелин принял его как друга, ибо от тебя), что ты хочешь издать одни песни, собранные Петром. Досадно, что связались с этим сумасшедшим» [43]. О своем разговоре с Якушкиным Елагина вспоминала и позднее. 21 апреля 1858 г. она писала В. А. и Е. И. Елагиным: «Я сказала этому четвероглазому, что песни Географического общества и другие не могут входить в издание, *собранное* Петром, и что Вася будет издавать *только* Петрушины труды, а вовсе не может быть издателем *всех* народных песен. Он на это сказал, что если Вася не смыслит, то знает он, Якушкин, и должно издавать вместе. А я сказала нет, он один» [44].

Исключительный интерес представляет приписка Н. А. Елагина на письме Авдотьи Петровны к В. А. и Е. И. Елагиным от 4 февраля 1858 г. Советуя брату все-таки не огорчать Якушкина, а лишь «попросить оставить» издание песен Киреевского, Н. А. Елагин писал: «Я сказал и просил не беспокоиться; что чужих собраний издавать под именем Петра Васильевича не следует, что довольно того, что есть, и проч. Якушкин: „А если выйдет скоро и лучше собрание?“ — Помогай бог! — „Еще хочу просить вашего разрешения поместить несколько песен в журналах (верно запродал) из собрания Петра Васильевича“ [45]. — Откуда они у вас? — „Те, которые я пою, с голоса запишу“. — Я разрешения дать не могу (хотя и запретить не могу).

Кончился разговор так-таки 10 рублями. Впредь приказал говорить, что дома нет. Если бы и вам как-нибудь отделаться от него, хорошо бы было. Нет сил видеться с человеком, который что ни сказал, то солгал» [46].

Елагины, разумеется, хорошо понимали, что Якушкин как знаток песен Киреевского в научно-литературных кругах достаточно известен, чтобы от него просто отмахнуться. Нужно было заручиться поддержкой влиятельных друзей — Аксаковых, А. И. Кошелева, А. С. Хомякова, Соболевского и других — и убедить их в необходимости заменить Якушкина; наконец нужно было найти человека, которому можно было бы доверить подготовку издания. Иначе может разразиться крупный скандал, а слабовольный и трусливый В. А. Елагин, в руках которого находилось Собрание, вряд ли согласится отстранить Якушкина. И Елагиным удалось это сделать. Ближайшие друзья А. П. Елагиной — Аксаковы, Хомяков, Кошелев — с одобрением восприняли ее решение отстранить Якушкина от издания песен Киреевского. Правда, при этом они меньше всего разделяли ее честолюбивые соображения; многим из них, и прежде всего Соболевскому, было известно, что Киреевский вначале предполагал включить в свой сборник даже печатные материалы. Аксаковы, Хомяков, Кошелев потому и поддержали Елагиных, что рассчитывали в будущем воспользоваться изданием песен Киреевского в своих целях. В пропаганде славянофильских идей фольклор, как известно, занимал далеко не последнее место. И было бы, разумеется, странно, если бы славянофилы отказались использовать такую трибуну, какой являлось издание песен Киреевского. Якушкин же, несмотря на довольно продолжительные связи с семействами Киреевских и Аксаковых, был для них «чужой».

Человек, которому можно было бы «доверить» издание песен Киреевского, вскоре нашелся: Петр Алексеевич Бессонов, сотрудник «Москвитянина» и «Русской беседы», издатель сборника болгарских песен [47]. Теоретический уровень его работ был весьма невысок, однако славянофилы ценили Бессонова и охотно печатали.

В московском доме Елагиных Якушкину было объявлено, что он отстраняется от издания песен Киреевского и что издание будет передано Бессонову. Для Якушкина, уже подготовившего сборник песен к печати, это был настолько жестокий удар, что он отказался верить. В доме Аксаковых, куда он пришел рассказать о нелепом решении А. П. Елагиной, его ждал не менее странный прием. Аксаковы вдруг начали усиленно советовать ему оставить дело с изданием песен Киреевского. Оставалось последнее — выяснить отношение к случившемуся В. А. Елагина. И Якушкин пишет ему следующее письмо:

22 февраля ⟨1858 г.⟩ Москва.

Мое положение довольно странное, Василий Алексеевич, я думал, что я что-нибудь да значу в издании песен Петра Васильевича, а вышло, что нуль. Вы мне сказали, что *без меня* не будут издаваться песни, а мне говорят, что я совершенно посторонний человек в этом деле. И. С. Аксаков мне советует оставить *совершенно* это дело — на что я тоже *совершенно* не согласен. Сами согласитесь, что, приступая к этой работе (т. е. к обработке Д. П. [48]), я знал, за что берусь, и потому от вас требовал показать мою работу всем; теперь не то. Я согласен был быть помощником Бессонова, но не навозом для кого бы то ни было, а потому позвольте вас просить сказать мне, во-первых: кто имеет право на издание песен, а во-вторых: мое отношение к этому изданию.

Душой вас любящий и, несмотря на все невзгоды, навсегда вам преданный даже против вашего желания

Павел Якушкин

Ко мне писать:

Ивану Васильевичу Раевскому, против немецкого клуба, в дом Раевского, с передачею мне в *Москву*.

Сделайте одолжение — поклонитесь усердно от меня Катерине Ивановне и скажите ей, что я никогда не забуду ее приветливости [49].

Ответ В. А. Елагина на письмо Якушкина неизвестен, однако о его содержании нетрудно догадаться: он был подготовлен приведенными выше письмами А. П. и Н. А. Елагиных. Якушкин же, по-видимому, так и не понял того, что за Елагиными стояла влиятельная группа славянофилов, без поддержки которой они вряд ли бы решились отстранить его от издания песен Киреевского. Так, в письме И. С. Аксакова к Е. И. Елагиной от 17 июня 1859 г. читаем: «Нынче он ⟨т. е. Якушкин. — *А. Б.*⟩ был у меня и рассказывал свой разговор — знаете с кем? — с графом Строгановым! И между прочим об вас, т. е. о Василии Алексеевиче и о ваших. Граф Строганов предлагает Елагиным денег на издание песен П. В. Киреевского. Якушкин отверг предложение, объяснив причину непечатания песен семейными обстоятельствами, в которые, впрочем, он не вмешивается»[50].

После отстранения Якушкина от издания песен Киреевского славянофилы предпринимают усиленные хлопоты о дальнейшей судьбе Собрания. Аксаковы торопят В. А. Елагина с приездом в Москву: Собрание все еще находилось в орловском имении Бунино. И. С. Аксаков писал Е. И. Елагиной 7 апреля 1858 г.: «Ему бы ⟨В. А. Елагину. — *А. Б.*⟩ очень нужно приехать в Москву хоть для устройства судьбы песен Петра Васильевича. А то как раз выйдут другие сборники. Надобно нам это дело поторопить»[51]. Кошелев предлагает деньги на издание песен [52], Хомяков, в то время пред-

седатель Общества любителей российской словесности, усиленно советует В. А. Елагину передать Собрание песен Киреевского Обществу. Позднее В. А. Елагин писал об этом: «...почтенный председатель Общества покойный Хомяков[53] настоятельно убеждал меня положиться на специальные сведения по этому делу наших членов, а именно К. С. Аксакова, В. И. Даля, С. А. Соболевского, Н. П. Гилярова, П. А. Бессонова» [54].

По-видимому, договоренность Хомякова с В. А. Елагиным о передаче песен Киреевского Обществу любителей российской словесности была достигнута еще в 1858 г.: перечисленные выше лица были приняты в Общество 10 ноября этого года (Даль, правда, был принят 4 марта 1859 г.). Уже М. Н. Сперанский по этому поводу заметил: «Может быть, и это массовое избрание стоит в связи с делом о подарке Обществу песен П. В. Киреевского?»[55] Предположение Сперанского, очевидно, соответствует действительности.

Передача песен Киреевского Обществу была ускорена возникшими слухами о том, что Якушкин намерен выпустить собственный сборник песен. Так, в письме А. П. Елагиной к В. А. и Е. И. Елагиным от 21 апреля 1858 г. читаем: «Якушкин рассердился на меня и хочет издать *свой* сборник песен, выписанных из Географического общества и выписываемых братом его в Петербургской публичной библиотеке. Это совсем уронит будущее издание песен Петра, но что же мне делать?» И дальше: «... он ⟨Якушкин. — *А. Б.*⟩ всюду на меня жалуется и из *благодарности* к Петру хочет подорвать его издание. Все это передал мне Иван Аксаков»[56].

Передача песен Киреевского Обществу любителей российской словесности, через посредство К. С. Аксакова, состоялась в конце февраля 1860 г. [57] В. А. Елагин позднее писал: «Единственною моею целью при передаче песен было желание исполнить последнюю волю моего брата, но право литературной собственности на это собрание и на денежную выручку от издания не могло быть мною никому уступлено, потому что право это вполне принадлежит племянникам собирателя, детям И. В. Киреевского...» [58]. Эти строки взяты из письма В. А. Елагина в Общество (1861 г.). Бывший владелец Собрания торговался с Обществом о литературном гонораре за издание, представляя дело так, будто Киреевский завещал ему передать свое Собрание Обществу. 29 февраля 1860 г. Общество утвердило особую комиссию по изданию песен, собранных Киреевским, в которую вошли К. С. Аксаков, Бессонов и Даль. Участвовать в работе комиссии «изъявил желание» и В. А. Елагин, принятый в Общество 23 февраля. 11 марта в состав комиссии были избраны Н. П. Гиляров-Платонов и Соболевский. Якушкин же, почти подготовивший сборник песен к печати, не только не был допущен к изданию, но даже не включен в комиссию.

III

14 марта 1860 г. состоялось первое заседание комиссии, на котором Бессонов выступил с общим планом издания. Уже на следующий день К. С. Аксаков сделал доклад на заседании Общества любителей российской словесности о работе над Собранием Киреевского. Доклад Аксакова хорошо известен: основные положения его вошли в так называемое «Предуведомление» к первому выпуску «Песен, собранных П. В. Киреевским» [59]. Вопрос о составе будущего издания занимает в нем центральное место. «...комиссия полагает, — говорил Аксаков,— что издание, предпринятое Обществом, не есть издание Собрания русских песен П. В. Киреевского в тесном смысле, но собрание русских песен в том смысле, какой придавал ему сам почтенный собиратель». А это означало:

«При издании не ограничиваться только наличным Собранием песен П. В. Киреевского, но дополнить оное, по возможности, всеми песнями, доселе изданными». Далее Аксаков пояснял: «П. В. Киреевский сам вносил в свое собрание и напечатанные песни, пользуясь разными песенными сборниками, — и таким образом, очевидно, предназначал быть этому собранию не собранием, им собственно собранных, но собранием, по возможности, всех русских песен, какие только могут быть известны» [60]. Итак, по мнению членов комиссии, сборник Киреевского должен содержать в себе все известные народные песни. Бессонов же пошел еще дальше. В «Предуведомлении» к первому выпуску он заявил: «По мысли, руководившей постоянно Петром Васильевичем Киреевским, комиссия, издающая ныне сборник его песен, не ограничивается тем, что нашла в бумагах покойного, но присоединяет сюда в пополнение и другие песни ⟨...⟩ а где нужно, в приложениях к выпуску, помещает сказки, исторические показания...» [61]. Якушкин впоследствии решительно выступил против этих домыслов Бессонова. Он не без основания полагал, что будущие издатели сборника Киреевского должны следовать указаниям и планам знаменитого собирателя. Обращение Якушкина к материалам Русского географического общества отнюдь не нарушало эти указания и планы. Выработанные им принципы издания требовали огромного *дополнительного* материала, а его-то, как мы теперь знаем, и не хватало. Якушкин стремился дать подробный комментарий к каждому сохранившемуся тексту Собрания, поэтому привлечение новых материалов лишь обогатило бы сборник, сделало бы справочный аппарат издания более содержательным. Напомним, что именно этими обстоятельствами было вызвано решение Елагиных отстранить Якушкина от издания песен Киреевского. Нынешние члены комиссии в то время единодушно поддержали Елагиных. Но вот прошло два года, и В. А. Елагин дает согласие на «добавления» Бессонова к сборнику Киреевского. О том, что издавать следует «*только* Петрушины труды», в доме Елагиных очень скоро забыли.

По разработанному комиссией плану сборник песен, собранных Киреевским, должен был состоять из четырех отделов. В докладе К. С. Аксакова об этом читаем:

«Комиссия приняла следующие главные отделы песен.

I. Песни духовные, или Стихи.

II. Песни былевые (или исторические). В этот том входят песни т. н. богатырские и т. н. собственно исторические. Они будут делиться по временам: Владимир, Иоанн Грозный и пр. Сюда же относятся песни, по замечанию г. Бессонова, о разных витязях и молодцах, где заключаются отрывочные о них сказания, появляются образы юношей и витязей без имени, песни безыменные, в которых выражается отчасти то же богатырство и вообще та же жизнь витязя. (Эти песни могли бы даже называться песни безыменные.) Сюда же принадлежат, по замечанию г-на Бессонова, и песни молодецкие, разумея под ними и песни разбойничьи, в которых выражается та же боевая удаль.

III. Песни бытовые. Сюда относятся песни обрядные, свадебные... ⟨*нрзбр.*⟩ и, наконец, как особый самостоятельный отдел, песни хороводные.

IV. Песни житейские. Здесь разумеются все остальные песни, в которых высказываются все частные помышления и ощущения, отношения и случаи» [62].

Комиссия решила начать издание со второго отдела, т. е. с былин и исторических песен, ибо духовных стихов в Собрании Киреевского не оказалось [63]. Было решено издавать песни отдельными выпусками по мере их подготовки к изданию. В мае 1860 г. первый выпуск сборника был уже готов, и летом началось его печатание [64]. К этому времени относится объяв-

ление о дневниках Якушкина, написанное В. А. Елагиным и предназначавшееся, по-видимому, для печати. Текст объявления гласит: «Все дневники П. И. Якушкина, которые найдутся, просят доставить в д. Бунино В. А. Елагину, не передавая г. Якушкину, потому что дневники его принадлежат г. Краевскому, а его песни все проданы П. В. Киреевскому и потому должны все без исключения войти в собрание П. В. Киреевского» [65]. Объявление было вызвано распространившимися слухами о том, что у Якушкина остались какие-то записи народных песен, ранее проданные Киреевскому, и что он намерен опубликовать их в своем сборнике (сборник Якушкина начал печататься в журнале А. А. Краевского «Отечественные записки» с апреля 1860 г.). Слухи эти особенно беспокоили Бессонова, который после выхода в свет первого выпуска песен Киреевского почувствовал себя бесконтрольным хозяином всего Собрания. В. А. Елагин в одном из писем, относящихся к тому времени, успокаивал его: «Я знаю, что он ⟨Якушкин.— *А. Б.*⟩ все свои песни продавал покойному Петру Васильевичу, но думаю, что его поступок не стоит внимания, тем более что он сам где-то напечатал (в 1858 г.), что собранные им песни им проданы Петру Васильевичу [66]. Этими выходками удальца надобно пренебрегать. (Копии он мог хранить у себя с давнего времени, у меня же он работал в моей комнате и в самом деле *работал* целое лето)» [67].

Первый выпуск «Песен, собранных П. В. Киреевским» вышел в сентябре 1860 г. В конце января 1861 г. вышел второй выпуск, в апреле 1861 г.— третий. В столь короткий срок человеку, не знакомому с архивом Киреевского, было бы трудно просто разобраться в нем и ознакомиться с материалом. Естественно, что уже тогда возникли вопросы, в соответствии ли с планами и указаниями Киреевского издает Бессонов его сборник, не преувеличивает ли он, увлекшись своей ролью редактора, трудности издания, характеризуя Собрание Киреевского как «кучу с тысячью листков и сотнею тетрадей, большей частью разнородных рук», где только он, Бессонов, по памяти его бесед с Киреевским, «в состоянии отличить места и лиц, где и кем что-либо записано» [68]. Многочисленные рецензии, появившиеся в газетах и журналах после выхода в свет первых выпусков, не давали ответа на все эти вопросы [69]. Да иначе и быть не могло. Принципы издания, выработанные Киреевским, его планы рецензенты так же плохо знали, как и общее состояние его архива. Ответ был дан Якушкиным, который в 1863 г. выступил со статьей «Кое-что об изданиях г. Бессоновым народных стихов и песен» [70]. Рассказав о своей работе над Собранием Киреевского, Якушкин весьма определенно заявил о том, что Бессонов при подготовке к печати первых трех выпусков воспользовался его трудами. «Комиссия, издававшая эти три выпуска,— писал Якушкин,— прибавила несколько песен из разных сборников к песням, собранным Петром Васильевичем и приведенным мною в порядок, по плану самого собирателя» [71].

После того как сборник исторических песен, подготовленный к печати Якушкиным, был наконец найден и описан П. Д. Уховым, справедливость этих слов становится вполне очевидной. Сопоставив, например содержание первого выпуска «Песен, собранных П. В. Киреевским» с соответствующими материалами Якушкина, получаем следующую картину (все, что добавлено Бессоновым, набрано курсивом):

I

1. Исцеление Ильи Муромца.

2.
3. } Выезд Ильи. Встреча с татарином.
4.

5. *Илья Муромец и Сокольник* (Бориска) в записи С. И. Гуляева (из «Прибавлений» Известий Академии наук).

6. *Илья Муромец и Сокольник* (Збут. Борис Королевич) из сборника Кирши Данилова.

II

1.
2.
3.
4. } Илья и разбойники (станишники).

5.
6. } *Илья и разбойники* из сборника П. В. Шейна.

7. Илья на «Соколе-корабле» (свод четырех вариантов).
8. *Илья и разбойники* из сборника Кирши Данилова.

III

1. Илья и Соловей-разбойник.
2. Илья и Соловей-разбойник (отрывок).

3.
4.
5.
6. } *Илья и Соловей-разбойник* из сборников П. В. Шейна, Кирши Данилова, «Прибавлений» и др.

IV

1. Богатырская застава (Илья и Сокольник).
2. *Илья и Сокольник* (из «Прибавлений»).
3. *Илья и Тугарин* (Идолище из «Прибавлений»).

V

1.
2.
3. } *Илья и Калин* (Мамай; из печатных источников).

VI

1. *Илья и Соловей-разбойник* (из «Москвитянина»).
2. *Три поездки Ильи* (из «Прибавлений»).

VII

1.
2. } Илья Муромец на Дону.
3. Илья Муромец и турецкий хан.
4. Илья и девица (баллада о сестре и братьях-разбойниках).
5. *Илья и Турок* (из «Прибавлений»).

В таком же соотношении находятся и все другие выпуски «Песен». Бессонов воспользовался уже готовым материалом. Вся его работа свелась главным образом к наполнению книги текстами, взятыми из печатных источников. Заметим, что и эту работу Бессонов провел не сам, а с помощью Соболевского, который еще для Киреевского доставлял песни из старинных печатных и рукописных сборников. Соболевский продолжал эту работу и после смерти знаменитого собирателя [72].

Объем материала, не связанного с Собранием Киреевского и включенного Бессоновым во все десять выпусков «Старой серии», довольно велик. Бессонов перепечатал из различных сборников и журнальных публикаций множество текстов, записанных разными лицами [73].

В. А. ЕЛАГИН
Акварель К. А. Горбунова, 1839
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Нельзя, однако, не заметить случайного отбора материала. В Собрание Киреевского попадали не только записи лиц, с ним никак не связанных, но и записи 70-х годов, например, из сборника А. Ф. Гильфердинга «Онежские былины» (см. 2-е изд. второго выпуска, стр. 61—63). Но если вызывает возражение самый принцип отбора песен Бессоновым, то размещение их поражает крайней бессистемностью. Так, непонятно, например, почему былины об Илье и Сокольнике в первом выпуске оказались в двух разных отделах — I и IV. В разных отделах (III и VI) оказались и былины об Илье и Соловье-разбойнике. А былина «Илья на Соколе-корабле» помещена в одном отделе с былиной об Илье и разбойниках.

Первые три выпуска «Песен, собранных П. В. Киреевским» все же оказались более стройными, нежели последующие. Дело в том, что Бессонов в первые годы своей работы в архиве не ознакомился с его составом и печатал материал, подготовленный Якушкиным. В дальнейшем же он обнаруживал в архиве всё новые и новые песни и считал необходимым издавать их. Так появился, например, четвертый выпуск, названный «дополнительный» (1862). В него вошли былины об Илье Муромце в записях А. Харитонова (эти записи Якушкину, очевидно, не были известны), затем не печатавшиеся ранее сюжеты былин из сборника Кирши Данилова и духовный стих об Анике-воине. В качестве «Приложения» к выпуску Бессонов поместил объемистую «заметку» (146 стр.), в которую включил украинскую думу на Черном море в записи М. А. Стаховича и былину о Суровце-Суздальце, доставленную В. И. Ламанским. Вызывает возражение последовательность расположения песен и в пятом выпуске (1863), куда вошли новгородские былины и «песни княжеские» (по современной терминологии — былины-баллады и песни-баллады). Так, песни о Румянцеве, о Ваньке-ключнике, о казаках и т. п. помещены перед исторической

песней о Щелкане Дудентьевиче, повествующей о событиях XIV в. Шестой выпуск (1864), посвященный песням времен Ивана Грозного, в основном является перепечаткой материалов Якушкина и поэтому оказался наиболее стройным и последовательным.

После выхода в свет шестого выпуска в издании песен Киреевского наступает длительный перерыв. Это было вызвано, надо полагать, отъездом Бессонова в Вильно, где он пробыл до 1867 г., занимая там должности заведующего виленским музеем и публичной библиотекой, директора гимназии и других местных учебных заведений. Перед отъездом Бессонов передал архив Киреевского В. А. Елагину и Соболевскому, последний же все полученные бумаги сдал на хранение в Румянцевский музей [74]. Между тем издание песен, собранных Киреевским, надо было продолжать. Общество любителей российской словесности после отъезда Бессонова обратилось к А. Н. Афанасьеву с предложением подготовить и издать седьмой выпуск песен. Книга была подготовлена Афанасьевым и напечатана. Но вскоре Общество любителей российской словесности вновь привлекло Бессонова (по-видимому, уже вернувшегося в Москву) к изданию песен Киреевского. В письме председателя Общества Н. В. Калачева к Бессонову, помеченном «15 октября», читаем: «Общество любителей российской словесности от 13 января определило просить вас, милостивый государь, взять на себя труд дополнить напечатанный уже действительным членом А. Н. Афанасьевым текст 7-го выпуска песен Киреевского и дополнить оный вашими примечаниями. В заседании своем 9 марта Общество постановило также: ввиду малого количества оставшихся экземпляров 1-го выпуска тех же песен приготовить новое издание выпуска песен и просить вас взять на себя труд по сему изданию, перепечатав оный без всяких изменений...» [75]. В ответном письме от 19 октября Бессонов заявил, что он «по-прежнему готов взять на себя издание песен собрания П. В. Киреевского» [76].

Седьмой выпуск (1868), подготовленный А. Н. Афанасьевым, Бессонов дополнил «прибавлениями», в которые включил три варианта «Гостя Терентия» и пять вариантов песен о татарском полоне. Не ограничившись «прибавлениями», он допечатал в новой пагинации (стр. 1—214) «Приложения к 7-му выпуску» и «Дополнения к первым двум частям песен былевых и исторических», где поместил былины об Илье, Добрыне, Ваське Буслаеве, Садко, былины-баллады, казачьи песни, песни об Иване Грозном, песни времен Смуты, 15 песен о Степане Разине. Замыкают же «Приложения», нарушая всякую хронологию, «Авдотья Рязаночка» и песни о татарском полоне. Восьмой выпуск — песни времени Петра I — (1870) также снабжен «Дополнениями к прежним выпускам» и «Приложениями к VIII выпуску». Многие тексты, помещенные в «Дополнениях» и «Приложениях», взяты Бессоновым из печатных источников XVIII в. (из сборника М. Д. Чулкова и песенника И. И. Дмитриева). Они с таким же основанием могли быть помещены в подобных «Добавлениях» прежних выпусков. Значит, у Бессонова никогда не было своего плана, а набиралось то, что попадалось под руку. Девятый и десятый выпуски (1872, 1874) отличаются обилием книжных материалов, не имеющих никакого отношения к народному творчеству. Фольклорные же тексты в этих выпусках буквально затерялись.

Таким образом, Бессонов не только не улучшил плана Якушкина, но, напротив, ухудшил его. Пополнение Собрания текстами из печатных источников разрушало самую идею сборника. Из конкретно-исторического документа эпохи он превращался в груду случайно собранных материалов.

Рассмотрим «Старую серию» песен Киреевского с точки зрения подачи самих фольклорных текстов. Приступая к ее изданию, Бессонов, как уже

говорилось, имел под руками готовый сборник Якушкина, и перед ним, естественно, стоял выбор: или печатать песни так, как они были подготовлены Якушкиным, или же, пользуясь правом редактора, заново готовить песни, пересоздавая их по-своему. Бессонов решился на первое. Киреевский и Якушкин понимали, что никакое вмешательство в народный текст недопустимо, и поэтому стремились напечатать песни в том виде, в каком они были зарегистрированы собирателями. Киреевский, например, в присланных ему текстах сохранял все особенности записей собирателей (исключения он делал только в отношении неграмотных записей, которые правил в соответствии с языковыми нормами своего времени). Будучи не в состоянии лично обработать все записанные им самим и присылаемые ему песни, Киреевский, как известно, широко пользовался помощью своих родных, друзей и, должно быть, платных переписчиков (наибольшее количество текстов было переписано М. В. Киреевской, Е. И. Мойер-Киреевской, П. И. Бартеневым и др.). Для переписчиков он даже выработал целую инструкцию, озаглавив ее «Правила как писать» (т. е. переписывать)[77]. Сохранение фонетических особенностей в записях Киреевский особо не подчеркивает, однако указывает на то, что переписывать нужно «как можно вернее». Очевидно, в начале своей деятельности фонетическим записям песен он не придавал значения, поэтому среди переписанных текстов встречаются как тексты, сохраняющие все особенности подлинника, так и тексты выправленные. Надо полагать, в конце своей деятельности Киреевский понял ценность фонетических записей и переписку песен поручал более подготовленным для этого дела лицам, например Бартеневу.

Готовя сборник Киреевского к печати, Якушкин следовал этим же указаниям собирателя. Поэтому и вмешательство Бессонова здесь оказалось ничтожным. Обычно он стремился к тому, чтобы печатание производилось с подлинного текста собирателя. Если такие тексты были переписаны четко и разборчиво, то он, даже не переписывая их, отправлял прямо в типографию, размечая только, каким шрифтом набирать. Если подлинные тексты собирателей были утеряны или записаны крайне небрежно, то Бессонов пользовался переписанными копиями их. Причем если в копиях находились ошибки, то Бессонов исправлял их. Лишь в исключительных случаях Бессонов позволял себе сокращения текста (правда, такие случаи он оговаривал в примечаниях). Так, например, поступил он с песней «По палатушкам царица ходила». Вторую часть ее он обрывает, поясняя: «Доселе начало древней былины, а отселе переход в позднейшую женскую песню» (в. 6, стр. 204).

Таким образом, с текстологической точки зрения «Старая серия» песен Киреевского является, пожалуй, первым научным изданием былин и исторических песен. Она не заслуживает тех несправедливых упреков, которые в этом отношении ей неоднократно предъявлялись (указывалось, например, на то, что тексты подправлялись, изменялись, даже фальсифицировались).

И в издании Бессонова, и в сборнике Якушкина известное место занимают сводные тексты. По сохранившимся в архиве материалам можно предположить, что все они были подготовлены лично Киреевским. Ни Якушкин, ни Бессонов их не делали. Якушкин, повседневно слышавший песни в живом бытовании, одним из первых в истории науки понял значение вариантов. Вот поэтому, очевидно, он не пытался составлять своды песен. Ненужность этого была ясна и Бессонову. В предисловии к первому выпуску «Калек перехожих» он заявлял: «Сводить один стих из нескольких отдельных, притом не приводя сих последних и с притязанием, что такой должен быть подлинный вид известного стиха, каков он по происхождению или каков он должен быть в народе, я считаю делом совершенно противным здравому смыслу и требованиям науки»[78]. Якушкин сразу же понял, что

эта тирада — резкий выпад против методики Киреевского. В известной статье об изданиях Бессонова он ответил: «Можно ли так говорить о деятельности Петра Васильевича? Я совершенно уверен, что у Киреевского не было здравого смысла для приобретения каких-нибудь житейских выгод; у г. Бессонова их гораздо, гораздо больше; но скажите, пожалуйста, неужели не возмущают вас эти бессовестные, безобразные строки?» [79] Конечно, Якушкина возмутил грубый выпад Бессонова. Однако по существу вопроса Бессонов был прав, хотя он и понял, что перехватил в критике Киреевского, и поэтому в своем ответе Якушкину постарался смягчить свою резкость. «Я учился у Петра Васильевича,— писал он,— а продолжение его дела считал и считаю своим призванием. Я признаю, что *особый способ*, им принятый для свода ⟨...⟩, есть способ наилучший, самый разумный и законный. Но я в то же время совершенно убежден, что этим *особым способом* мог действовать только *один* П. В. Киреевский, при его глубоком изучении народных памятников, при том ясном его взгляде, который выработался долгим опытом и предохранял собирателя от всякой ошибки, легко возможной другому. Для другого подобный прием был бы посягательством и даже святотатством» [80]. Однако Бессонов не был последовательным, и все своды песен, подготовленные Киреевским, не задумываясь включал в свое издание, «забывая» при этом указать на автора свода.

Для более полной характеристики «Старой серии» песен Киреевского остановимся еще на одном вопросе, а именно паспортизации включенного в нее песенного материала. Киреевский с самого начала своей деятельности понимал необходимость паспортизации песен. Так, уже в записях 1831 г. под текстом каждой песни он непременно указывал следующие сведения: место, где записана песня, время записи, а иногда и имя певца, от которого она записана. Правда, поскольку все песни он считал общенародными и личным привнесениям певцов в тексты не придавал значения, то имена певцов он сохранял не всюду, а если и указывал их, то ограничивался лаконичными замечаниями: Фекла, Никитушка, Татьяна Андреевна, старуха, московская мещанка, мещане Рогожской части, мальчики-нищие, извозчик, солдат и т. п. Для того времени такая паспортизация была необычайным новшеством. В полном согласии со словами Якушкина мы должны признать, что Киреевский действительно был «первым и по времени и по способностям собирателем поэзии русского народа»[81].

Подобную паспортизацию всюду и последовательно сохранял и Якушкин при подготовке своего сборника. Сохранил ее и Бессонов в первых выпусках. Но в дальнейшем, начиная с V выпуска, он подошел к вопросу паспортизации с полным пренебрежением. Собственно, если на листках Якушкина или на листках, переписанных другими лицами, стояли паспортные сведения, то их Бессонов сохранял. Если же на листках их не было, то он, как правило, не устанавливал их и печатал тексты без паспортных данных. Так в «Старой серии» появилось обилие непаспортизированных текстов. А между тем в руках Бессонова были подлинные записи собирателей (они частично сохранились до сих пор). Но он предпочитал работать не с ними, а использовал их копии. Под текстами этих копий (независимо от того, кем они переписаны) Киреевский лично проставлял паспортные данные. Однако на всех копиях он этого сделать не успел. Бессонов же не сверял копии с оригиналом. Так, например, цикл песен о Ваньке-ключнике он открывает безымянным вариантом (в. 5, стр. 128), а между тем по подлиннику не трудно было установить, что этот вариант записан Кольцовым (тетради Кольцова, кстати, были у Бессонова в руках). Таких примеров можно привести множество.

Некоторые подлинные записи собирателей исчезли, как можно предполагать, еще до поступления архива в распоряжение Общества любите-

лей российской словесности, но на сохранившихся копиях всех песен Собрания имелись особые паспорта-индексы, дававшие ключ к паспортизации любого песенного текста. К сожалению, Бессонов в смысле этих паспортов-индексов не разобрался. В подготовленной к печати монографии П. Д. Ухова «Вопросы атрибуции русских народных песен» система паспортов-индексов описана довольно подробно, поэтому ограничимся здесь лишь краткими замечаниями.

На копиях песен, хранящихся в архиве Киреевского, как правило, кроме нумерации песен и листов, проставлены (чаще всего карандашом) пометы типа: 1-б (или 1-Б, т. е. индекс со строчной или прописной буквой), 2-б, 3-б, 4-б, 5-б и т. д. до 136-б. Чьи же это пометы? Бессонова? Его карандашных помет на рукописях действительно очень много: «Чернов.», «Детск.», «Улица», «В дополн.», «Напечатано» и т. п. Обращает на себя внимание то, что цифры-индексы написаны более темным карандашом. Значит, Бессонов различные пометы на рукописях производил не одновременно? Однако дальнейшее сличение показало, что цифры-индексы написаны более крупно и размашисто, в то время как Бессонов цифры писал более мелко и округло. После длительного изучения П. Д. Ухов пришел к выводу, что цифры-индексы и есть краткий паспорт текста. Эту титаническую работу по паспортизации всего архива выполнил Якушкин.

Киреевский, как уже было сказано, не успел проставить паспортные данные на всех копиях песен. Так, среди гомельских записей З. Я. Ходаковского лишь одна песня (беловая папка 1-а, № 246) имеет паспорт: «Записана Могилевской губ. в городе Гомеле З. Я. Ходаковским. Доставлена мне М. П. Погодиным». Остальные песни (их всего десять номеров) паспорта не имеют. Постороннему человеку было бы невозможно разобраться в архиве Киреевского. Якушкин же хорошо знал материалы Собрания. Производя опись архива после смерти Киреевского, он составил для удобства в работе черновую, так называемую «рабочую», паспортизацию всего Собрания, проставив соответствующие описи обозначения на каждом песенном тексте (в частности, почти на всех копиях). Так, например, если под № 1 описи значится: «1. Чернские и Ефрем. Якуш.» (т. е. песни, записанные Якушкиным в Чернском и Ефремовском уездах), то в рукописях (в том числе и на копиях) он сокращенно обозначал: «1-б». Буква «б» рядом с цифрой ставилась для того, чтобы отличить индекс паспорта песни от других многочисленных цифр, стоящих на тексте (порядковый номер в коллекции собирателя, номер песни в коллекции Киреевского и т. д.). Поскольку один и тот же текст оказывался переписанным несколько раз и хранился в разных папках, то можно себе представить, какого труда стоило это дело Якушкину! Буква «б» в индексе-паспорте означает «Бунино» — место, где Якушкин работал над Собранием Киреевского; нередко встречаются песни (например, в беловой папке 1-б), в индексах которых вместо «б» значится «Бун» или «Бунино» (ф. 125, п. 2).

При просмотре черновой описи бросается в глаза странная последовательность в нумерации отдельных собраний. Так, рукописи Якушкина значатся под № 1, 31, 38, 54, 71, 74, 88, 89, 90, 91, 95, 96, 97, 98, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 109, 110, 114, 123. Так же в беспорядке значатся в описи песни Киреевского и других собирателей. Под многими номерами (8, 9, 10, 17, 18, 22, 27, 28, 34, 35, 36, 42) в описи фамилии собирателей не указаны. Все это объясняется тем, что нумерация черновой описи соответствует той последовательности, в какой сохранились рукописи после смерти Киреевского.

Значение черновой описи Якушкина исключительно велико. Это ключ к паспортизации всех песен (как изданных, так и неизданных) Собрания Киреевского. Ни один исследователь, занимающийся этим Собранием, мимо нее не пройдет. В свое время ее опубликовал М. Н. Сперанский во

второй части второго выпуска «Новой серии» (стр. IX—X), однако при публикации были допущены некоторые неточности.

Работа по паспортизации песен проведена весьма тщательно, и какие-либо ошибки в описи — случаи исключительные. Недостаток ее состоит в том, что цифры-паспорта проставлены обычно лишь на оригиналах песен (а оригиналы часто не имеют титульного листа, а если и имеют, то нередко необходимые сведения в рукописи отсутствуют) и на основных копиях (иногда, как говорилось выше, с одного текста снималось две, три и больше копий). Поскольку утеряны многие оригиналы и многие копии (и те, в частности, на которых проставлен индекс-паспорт), то в некоторых случаях определить паспортные данные оказывается крайне трудно. Особенно трудно паспортизировать песни, именуемые как «многие», «сборные», «разные», «переписанные» и вообще не имеющие отметок. Тем не менее, пользуясь описью и другими сохранившимися в архиве документами, подавляющее большинство песен может быть паспортизировано. Приведем пример того, как могла бы помочь Бессонову опись для паспортизации текстов. Так, в пятом выпуске им напечатано 23 текста песни о Ваньке-ключнике. Добрая половина их (12 из 23) — без каких-либо пометок. Даже если только обратиться к тем рукописям, которые послужили оригиналами для печатания этого выпуска (ЛБ, ф. 125, п. 31), то, пользуясь описью и пометами Якушкина, получаем следующие сведения.

№ 1 (отд. I, стр. 128—130). На копии, сделанной рукою М. В. Киреевской (п. 31, лл. 67—68), стоит помета «37-б», что согласно описи означает: текст записан в Воронеже Кольцовым.

№ 3 (отд. I, стр. 132—133). На копии, с которой печатался текст (п. 31, л. 71), проставлено: «79-б», что согласно описи означает: «доставлен Н. М. Языковым» (кстати, в п. 43, л. 1046, находится другая копия этого текста, на которой также проставлен индекс-паспорт «79-б»).

№ 4 (отд. I, стр. 133—134). На копии, с которой печатался текст (п. 31, л. 73), проставлен индекс-паспорт «19-б», что означает: записан А. В. Марковичем в Орловской губ.

№ 5 (отд. I, стр. 134 — 136). Копия, с которой печатался текст, сделана рукою Бартенева (п. 31, л. 74), индекс-паспорт «5-б», что значит: песня записана Якушкиным в Данковском уезде.

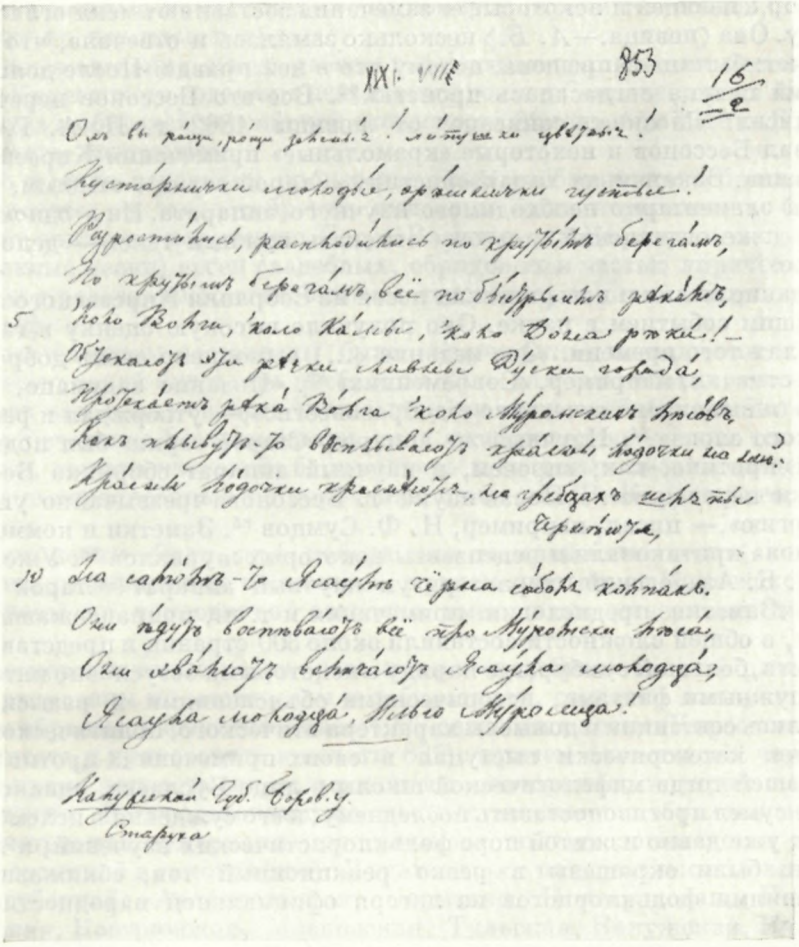
№ 6 (отд. I, стр. 136—137). Копия, с которой печатался текст (п. 31, л. 76), имеет помету «115-б»; следовательно, песня записана Н. А. Костровым в Орловской губ.

№ 1 (отд. II, стр. 140—141). Копия, с которой печатался текст (п. 31, л. 80), помет не имеет. Однако на другой копии (п. 43, л. 1047) стоит «54-б», что означает: текст записан Якушкиным в Лихвинском у. Калужской губ.

№ 1 (отд. III, стр. 141—143). На копии, с которой печатался текст (п. 31, лл. 81—82), стоит помета «105-б». Согласно описи, песня записана Якушкиным в д. Колине Малоархангельского у. Орловской губ. На другой же копии (п. 43, лл. 1049—1050) стоит иная, казалось бы противоречащая первой, помета «60-б», что, согласно описи, значит: песня записана Якушкиным и Н. А. Костровым (некоторые записи они производили совместно) в Малоархангельском уезде. Но противоречия здесь нет. Якушкин, хорошо знавший свои материалы, уточнил, что данный текст — не результат их совместной записи, а его личная запись.

№ 3 (отд. III, стр. 144—145). Помета на копии «16-б» (п. 43, лл. 1051—1052) означает, что текст записан П. М. Перевлесским в с. Заикино Орловской губ.

№ 1 (отд. IV, стр. 154—156). На копии, с которой печатался текст (п. 31, лл. 94—95), индекса-паспорта нет, но он имеется на другой копии (п. 43, лл. 1055—1057) — «101-б»; значит, текст был записан Якушкиным в с. Андроновке Лихвинского у. Калужской губ.



«ОЙ ВЫ РОЩИ, РОЩИ ЗЕЛЕНЫЕ!..»
ЗАПИСЬ П. В. КИРЕЕВСКОГО

Автограф

Внизу помета Киреевского — где им была сделана запись и от кого он слышал песню

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Таким образом, только с помощью описи можно было паспортизировать большинство безымянных текстов.

Следует отметить, что в «Старой серии» есть не только большое количество непаспортизированных текстов, но и едва ли не меньшее их количество, на которых паспортные данные указаны ошибочно. Это в особенности относится к последним выпускам песен (V—X). Опись Якушкина позволяет уточнить паспортизацию и этих песен.

Укажем, наконец, что Бессонов нередко сокращал весьма ценные примечания собирателей к их записям. Так, П. А. Гильтебрандт, приславший Бессонову текст песни о Ваньке-ключнике, сопроводил его таким примечанием: «В прошлое воскресенье, 16 декабря ⟨1862 г.— *А. Б.*⟩, здесь, в Москве, мне удалось услышать пятую былину о „Ваньке-ключнике". Весьма важное разноречие, трагическое окончание которого не находится в сборнике П. Н. Рыбникова (см. ч. I, стр. 401—410), и, наконец, мой

разговор с певицей и некоторые ее замечания заставляют меня огласить эту былину. Она ⟨певица.—*А. Б.*⟩ несколько замялась и отвечала, что петь ее не может: былина запрещена, потому что в ней правда. После долгих увещеваний певица согласилась пропеть» [82]. Все это Бессонов перечеркнул и написал: «Москва, записано от певицы 1862 г. П. А. Г.» Перечеркивал Бессонов и некоторые «крамольные» примечания Киреевского и Якушкина. Заканчивая характеристику «Старой серии», отметим, что она лишена элементарно необходимого научного аппарата. Ни в одном выпуске нет даже оглавлений, поэтому отыскать нужный текст — дело весьма трудное.

Издание былин и исторических песен из Собрания Киреевского явилось настоящим событием в науке. Оно получило высокую оценку в газетах и журналах того времени. «Это издание ⟨...⟩ выполнено очень добросовестно»,— отмечал, например, «Современник» [83]. «Издание задумано, распределено и выполнено отчетливо и добросовестно»,— утверждал и рецензент «Русского слова» [84]. Научный же аппарат «Старой серии» был подвергнут резкой критике, как, впрочем, и научный аппарат сборника Бессонова «Калеки перехожие». «„Новая наука“ г. Бессонова чрезвычайно упрощает филологию»,— писал, например, Н. Ф. Сумцов [85]. Заметки и комментарии Бессонова критиковали и рецензенты некоторых журналов [86]. Уже в наши дни М. К. Азадовский, характеризуя научный аппарат «Старой серии», писал: «Заметки, предисловия, примечания и т. п., принадлежавшие Бессонову, в общей сложности составили около 300 страниц и представляют, в сущности, большой сумбур, где наряду с некоторыми безусловно интересными и нужными фактами, историческими объяснениями и разысканиями сочетались сентенции и домыслы характера этического, политического и пр. Бессонов категорически выступал в своих примечаниях против господствовавшей тогда мифологической школы в лице Буслаева, однако он ничего не сумел противопоставить последнему, и его суждения в целом возвращали к уже давно изжитой поре фольклористических изучений; к тому же все они были окрашены в резко реакционный тон, сближавший их с писаниями фольклористов из лагеря официальной народности» [87].

IV

После выхода последнего, десятого, выпуска «Старой серии» (1874) о Собрании песен Киреевского надолго забыли, пока во второй половине 1890-х годов им не заинтересовался В. Ф. Миллер. В Румянцевском музее он разыскал шкаф с рукописями собирателя и его корреспондентов. Обследование архива показало, что значительная часть неизданных записей народных лирических песен сохранилась. В. Ф. Миллер получил согласие председателя Общества любителей российской словесности Н. И. Стороженко на издание этих материалов и поручил своим ученикам А. В. Маркову, В. В. Пасхалову и другим переписать все сохранившиеся в Собрании песни. Между тем издание затягивалось, пока во главе Общества не стал энергичный А. Е. Грузинский. В конце 1908 г. начались подготовительные работы к изданию (изучение рукописей, их переписка и т. п.). Под председательством В. Ф. Миллера была создана песенная комиссия, в которую вошли А. Е. Грузинский, М. Н. Сперанский, С. О. Долгов, А. В. Марков, В. В. Каллаш, Е. Н. Елеонская и В. В. Пасхалов. На первых же заседаниях комиссии был установлен географический принцип публикации материала (по губерниям, уездам и селам, начиная с Севера); было решено печатать все тексты без каких-либо существенных изменений, отмечая внизу текста внесенные Киреевским поправки; наконец, комиссия решила исключить варианты из песенных сводов Киреевского и

печатать каждый из них под своим номером (кроме тех сводов, варианты которых не нашлись в архиве).

Ценные сведения о ходе работы над изданием лирических песен из Собрания Киреевского содержит неизданный доклад Сперанского на заседании Общества любителей российской словесности 25 сентября 1910 г. В докладе говорилось следующее:

«До начала печатания произведен был разбор всего собрания песен Киреевского; из этого собрания выделены были черновики и беловики (переписанные по поручению Петра Васильевича Киреевского и им пересмотренные песни) песен свадебных, обрядовых и частью лирические, оказавшиеся раздельно со свадебными в текстах черновиков (напр., тетрадях, письмах).

К этим песням составлены были инвентари: а) к черновикам свадебных песен; такой инвентарь необходим был для разработки песен чистовых, так как ввиду свойств чистовых песен комиссией решено было производить печатание по черновикам, если эти последние давали тексты правильнее, нежели чистовой; б) инвентарь к чистовым песням свадебным — в объеме переписанных по поручению самого П. В. Киреевского; в) к остальным.

Переписаны были для набора все те свадебные песни, которых в переписанном виде еще не имелось, причем „чистовые“ Киреевского были дополнены из черновиков, согласно имеющимся указаниям на черновиках.

Все переписанные песни (речь пока о свадебных только) разобраны и рассортированы по местностям и собирателям, согласно плану комиссии. Таким образом, насчитано более 1000 свадебных песен (Киреевский успел переписать и приготовить к печати 839), причем внесены из черновиков упомянутые выше песни и исключены повторения, которых набралось достаточно. Распределенных по местностям песен набралось около 700 (окончательная нумерация проставляется по подготовке песен к печати перед отсылкой в типографию). В этих песнях представлены 14 великорусских губерний: Архангельская, Пермская, Новгородская, Псковская, Тверская, Костромская, Московская, Тульская, Калужская, Казанская, Тамбовская, Орловская, Воронежская и Симбирская. Затем выделена следующая группа песен, переписанных Киреевским для своего издания из ученых изданий; таких песен немного — около 40; они уже сверены с оригиналом.

Следующая обширная группа — приблизительно до 250 №№, взятых Киреевским из старинных песенников; эти частью уже сверены и расположены в порядке песенников; затем образовалась группа — около 60 песен, происхождение коих ни по местности, ни по другим признакам осталось неопределенным; наконец, под названием „мелочи“ осталось около 10 песен единичных из разных местностей, далеко лежащих от района, охватываемого основным фондом. Все это, с добавлением некоторых других обрядовых песен (несколько десятков) и свадебных обрядов, разысканных в черновиках к песням, подготовленным самим Киреевским, должно составить 1-й том, теперь печатаемый.

К тому, согласно плану, выработанному комиссией, приложены будут: а) краткое предисловие редактора издания В. Ф. Миллера; б) биография П. В. Киреевского, которую согласился приготовить (и, сколько мне известно, уже готовит) М. О. Гершензон; в) описание собрания рукописей Киреевского с заметкой о Петре Васильевиче как собирателе и издателе песен; то и другое постепенно подготовляется мною попутно с корректурой песен и г) портрет П. В. Киреевского: он еще не сделан и не выбран; мне известен карандашный рисунок Е. Мамонова в известном Беэровском альбоме (см. № 4), до сих пор не изданный; д) указатель

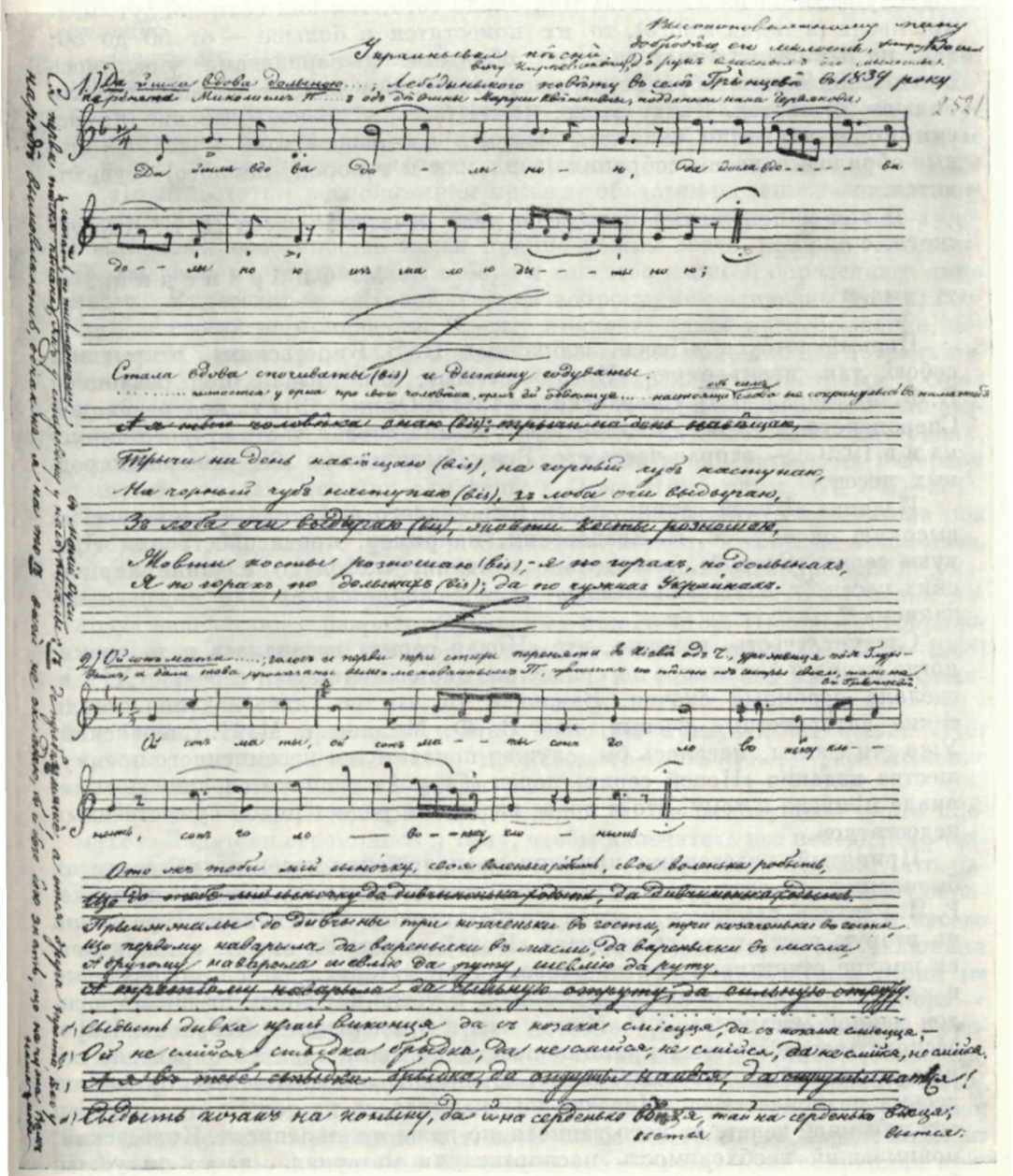
к песням по начальным строкам; указатель не составлен, но материал к нему уже готов: это упомянутые выше указатели к собранию, которые по окончании печатания песен легко превратить в указатель к тому, заменивши цифры рукописных песен печатными их №№ в томе.

Переписанные и рассортированные песни постепенно подготовлялись к печати и отдавались в типографию. Набор начат был в январе настоящего года, причем выработанный тип издания в виде пробного первого листа, после исправлений, одобрен комиссией. По образцу этого первого листа продолжался набор. До начала лета было отпечатано $2^1/_2$ листа. Вина в такой медлительности работы падает не на типографию, энергично и аккуратно исполняющую заказ, а, с одной стороны, на членов комиссии, принимавших более деятельное участие в исполнении поручения Общества, Е. Н. Елеонскую, меня, А. В. Маркова. Занятые другими делами, мы не могли и не можем уделять много времени хлопотам по изданию, главная вина в этом отношении падает на меня: на меня возложена комиссией подготовка оригинала к изданию и сверка корректурных гранок. Но вина комиссии и исполнителей ее поручения в значительной степени ослабляется крайне неблагоприятными условиями пользования рукописями Киреевского: несмотря на предпринятые комиссией и ее председателем В. Ф. Миллером Обществом старания получить в распоряжение Общества бумаги Киреевского, хлопоты не увенчались успехом; поэтому пришлось и приходится довольствоваться временем с 11 до 3-х часов, в течение которых открыто рукописное отделение Румянцевского музея, где хранятся рукописи; часы и сами по себе неудобные для людей, как раз в эти часы менее всего располагающих досугом. На лето пришлось, ввиду того, что все работники по изданию разъехались, остановить печатание и подготовление оригинала, поскольку это последнее связано с занятиями над подлинными рукописями собрания Киреевского. Работы по печатанию возобновились в конце августа, и относительно свободное время в конце августа и начале сентября дало возможность вести работу быстрее: до настоящего дня сдано в набор более 500 песен, из них уже набрано в гранках и сверстанном виде 259. Есть надежда, что печатание пойдет энергичнее, нежели весной, так как значительная часть техники издания уже выработана.

Порядок чтения корректур принят нами такой: гранки оттискиваются в трех экземплярах: один экземпляр отсылается В. Ф. Миллеру, который следит главным образом за правильностью разделения текста, проставляет знаки препинания, дает руководящие замечания, следит за недостатками набора и оригинала, мною подготовляемого; второй экземпляр направляется в Румянцевский музей вместе с оригиналом набора, где обычно Е. Н. Елеонской и мною выправляется по подлинникам; затем мной делается на третьем экземпляре гранок сводка поправок, после чего этот экземпляр гранок идет в верстку. Последняя (3-я) корректура еще раз перед подписью сличается с подлинниками. К печати подписываю листы я.

Расположение материала в листах идет согласно плану, выработанному комиссией: образец представляю здесь.

Несколько соображений технического свойства: до сих пор в напечатанные листы и сверстанные вошло в $4^1/_2$ листа 223 песни, причем самая сложная часть набора, занимающая сравнительно много места, именно обряд и песни с вариантами в значительной степени уже прошли в набор; в несверстанной части песен осталась меньшая половина таких песен, а в подготовляемых к печати (около 400—500 песен) таких песен почти вовсе нет. При таком расчете остается уместить в листах около 700 песен; в листе песен без вариантов и без обряда, как показали первые листы, входит круглым счетом 40—50, таким образом, на остальные песни,



УКРАИНСКИЕ ПЕСНИ ИЗ АРХИВА П. В. КИРЕЕВСКОГО

Автограф неизвестного лица, 1839

Лист с записью двух песен и дарственной надписью собирателя: «Высокоповажному пану добродею, его мылосты Петру Васильевичу Киреевскому, до рук власных его мылосты»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

кроме подверстанных, потребуется около 18 листов; стало быть, весь текст песен уместится на 22 листах или около того, так как если пойдут мелкие песни (а таких много), то их поместится и больше — от 50 до 60; так, на 4-х сверстанных да еще с обрядами и вариантами уместилось около 200. Таким образом, думаю, что скорее выйдет меньше, нежели больше 22 листов. Ввиду этого, может быть, условное решение комиссии поместить, если окажется место, в настоящем томе и все остальные обрядовые песни собрания (а их, как я говорил, немного) осуществится.

В таком положении находится дело печатания песен П. В. Киреевского.

М. Сперанский

25.IX.10»[88]

Первый выпуск «Песен, собранных П. В. Киреевским», открывший собою так называемую «Новую серию», был издан под редакцией В. Ф. Миллера и М. Н. Сперанского в 1911 г. Осенью 1917 г. под редакцией Сперанского (в 1913 г. Миллер умер) вышла первая часть второго выпуска и в 1929 г.— вторая часть его. Всего было издано 2988 номеров народных песен.

Издание «Новой серии» песен Киреевского получило в науке весьма высокую оценку. М. К. Азадовский, например, противопоставляя «Новую» серию «Старой», решительно заявлял: «...только издание лирических песен ⟨т. е. «Новая серия».— *А. Б.*⟩ является вполне научным изданием»[89].

Следует учесть, конечно, что «Новая серия» издавалась в то время, когда наука о фольклоре по сравнению с ее состоянием в середине XIX в. сделала огромный скачок. Важно и то, что во главе издания стояли такие авторитетные ученые, как В. Ф. Миллер и М. Н. Сперанский. Уже эти факты, казалось бы, служат показателем несомненного преимущества издания «Новой серии» перед «Старой». Однако сложность материала привела к тому, что и новое издание страдает рядом существенных недостатков.

Принятый издателями принцип расположения песен по областям их бытования в свое время получил положительную оценку в критике. В. И. Резанов, например, считал его «безусловно объективным». В рецензии на вторую часть второго выпуска «Новой серии» он писал: «...получается вполне отчетливая картина того, какой материал дается для изучения и характеристики бытовой лирической и устно-народной поэзии по каждой данной местности...»[90] Между тем в применении к Собранию Киреевского географический принцип печатания песен едва ли оправдан, так как дошедший до нас материал Собрания в отношении паспортизации весьма разнокачествен. Нередко не указывалось не только где записан тот или иной текст, от кого записан, но даже и кем записан. Киреевский, понимавший необходимость паспортизации материала, часто вынужден был ограничиваться лишь указанием на то, кем он доставлен. Так, например, Погодин сам записывал мало, а песен, доставленных им, большое количество. Определить в таком случае место записи невозможно. Вот почему в обоих выпусках «Новой серии» появились разделы «Песен, не определенных по местностям». Но и в том случае, если собиратель был известен, то место его жительства еще ничего не говорит о месте записи песен. Так, все песни Кольцова в описи значатся как воронежские. На самом же деле, как можно судить из примечаний поэта, записи им производились в ряде областей России, в том числе и в Москве. То же можно сказать о записях большинства других собирателей. Даже и тогда, когда место записи известно, нельзя прямолинейно те или иные песни связы-

вать с той областной традицией, где производилась запись. Так, например, Киреевский в 1834 г. в Новгороде записал много песен от солдата-туляка.

Издатели «Новой серии», как и сам Киреевский, понимали, что причислить эти песни к новгородским нет оснований. Они отнесли их к тульским, но и в этом случае совершили ошибку. Очевидно, что солдат-туляк во время службы воспринял песни и других областей страны, которые к тульским не имеют никакого отношения.

Но недостатки расположения песен по областям их записи заключаются не только в трудности их локализации. Для выяснения идейно-художественных особенностей песен крайне важно знать, кем они записаны. В конечном итоге принципы отбора и качество записей определяют лицо песен. Издатели же «Новой серии» вопросу, кем записаны песни, особого значения не придавали. К чему приводит такое пренебрежение, покажем на одном примере. В архиве Киреевского сохранилась тетрадь песен (ЛБ, ф. 125, п. 47, лл. 1377—1402), записанных Никитиным в Орле и доставленных в Собрание Якушкиным. В тетради содержатся песни различного характера. Следуя своему принципу расположения материала, издатели выбрали из тетради свадебные песни и напечатали их в первом выпуске, указав, что они записаны в Орле Никитиным (№ 547—551). Другая часть свадебных песен, очевидно по недосмотру, напечатана под рубрикой «Мценского уезда д. Занкина» (кстати, нужно не «Занкина», а «Заикино») под № 540—546. В этом случае фамилия собирателя не указана, хотя издателям она была известна. Песня же «Ох, с похмелья молоду» напечатана в разряде хороводных под № 1139. Наконец, необрядовые песни напечатаны во второй части второго выпуска (№ 1935—1968) под рубрикой песен, записанных в Орле, но также без указания фамилии собирателя.

Аналогичных примеров можно было бы привести множество. Нет нужды говорить, что такое произвольно-хаотическое расположение материала может создать новые ошибки.

Что же касается отбора материала, то и здесь допущено много промахов. Издатели стремились к тому, чтобы напечатать все неизданные тексты, собранные группой Киреевского. Они обоснованно считали, что ранее напечатанные тексты, для того чтобы не разрушать единства Собрания, включать в «Новую серию» не нужно. Однако практически своего намерения они не выполнили. Часть печатного материала они включили совершенно сознательно. Так, в первом выпуске напечатаны песни из «Ученых записок Московского университета», из песенников Чулкова — Новикова, «Веселой Эраты», Прача — Львова, из Глазуновского и Гурьяновского песенников, из «Московского сборника» и др. Много (более ста) печатных текстов включено и во второй выпуск — из «Северной пчелы», «Денницы», «Русской беседы», из «Быта русского народа» А. Терещенко, из «Сочинений» Якушкина и т. п. В особенности много перепечаток из «Старой серии». В этом был бы смысл, если бы издатели сохраняли коллекции собирателей, но они этого не делали, а, наоборот, сами разрушали их. Какой, например, был смысл перепечатывать из «Старой серии» уральские песни, доставленные Далем (№ 2520—2530), бо́льшая половина которых (шесть из девяти) была уже напечатана?

Значительное количество печатных текстов включено в «Новую серию» по недосмотру издателей (в особенности их много во второй части второго выпуска). Укажем на некоторые из них. Песня «Ах, далече, далече в чистом поле» (№ 2653) напечатана в сборнике Чулкова — Новикова и перепечатана в своде «Великорусских песен» А. И. Соболевского (т. VI, № 320). «Ах, талан ли мой, талан такой» (№ 2655) перепечатана из Чулкова — Новикова (см. Соб., т. VI, № 223). «Во лесочке комарочков много уроди-

лось» (№ 2672)— из сборника Львова — Прача (см. Соб., т. IV, № 569). «Во саду было во вишенье» (№ 2679) — из сборника Чулкова — Новикова (см. Соб., т. II, № 310). «Грушица, грушица моя» (№ 2694) — из того же сборника (см. Соб., т. V, № 4). «Заплетися, плетень, заплетися» (№ 2716) — из песенника 1773 — 1778 гг. (см. Соб., т. VII, № 670). «Как у ласточки у касаточки» (№ 2737) — из сборника Чулкова — Новикова (см. Соб., т. VI, № 56). «По реке, по реке да по реченьке» (№ 2805) — из того же сборника (см. Соб., т. VIII, № 194). «Сторона ль моя, сторонушка» (2831) — тоже (см. Соб., т. VI, № 175) и т. д. и т. п. Все эти тексты никак не оговорены и выдаются за собранные группой Киреевского.

Хотя по сравнению со «Старой серией» в «Новой серии» песен, не принадлежащих Собранию Киреевского, значительно меньше, все же по отбору материала она не является единой, и пользоваться ею нужно с крайней осторожностью. Отметим, что и в «Новую серию» попало известное количество материалов, собранных во второй половине XIX в., не связанных с Собранием Киреевского.

Если же обратиться к паспортизации текстов в «Новой серии», то со всей решительностью нужно заявить, что она сделана крайне небрежно, гораздо хуже, чем в «Старой серии». Все в ней перепутано. Укажем на некоторые ошибки в паспортизации текстов в «Новой серии».

1. Не указаны собиратели песен. Так, не отмечено, что песни № 67—93 (в. I) записаны Н. Карнауховым, хотя они взяты из той же рукописи, что и песни № 94—108, под которыми фамилия Карнаухова проставлена. Непонятно, почему песня № 109 из той же коллекции исключена из карнауховских. Под песнями № 114—122 означено, что они записаны от некоей Феклы 9—11 сентября 1834 г. в Новгороде, но фамилия записавшего (Киреевского) не проставлена. Фамилия Киреевского не проставлена и под песнями № 170—198, 268—271, 294—350. Под текстами № 450—472 не указана фамилия Якушкина, а под № 477 — К. Д. Кавелина. К песням № 731—861 сделано примечание: «Следующие далее песни свадебные, обозначенные этой рубрикой, составляют отдельную группу: местности, где они записаны, точно не определяются на основании материалов, собранных П. В. Киреевским» (стр. 204). Между тем материалы Собрания дают возможность паспортизации и этих текстов. Не отмечено, что песни № 1185—1276 записаны Г. Портововым, хотя свадебные песни из той же коллекции (№ 9—32) подписаны его именем. Не указана фамилия собирателя — Н. Борисова — под песнями № 1277—1328, хотя они печатались с оригинала, на котором есть подпись собирателя. То же самое относится и к песням № 1612—1623, записанным П. А. Улыбышевой. Под песнями № 1632—1661 фамилия собирателя — К.Д.Кавелина—указана предположительно, хотя в архиве сохранился оригинал с его автографом. Тексты № 1815—1816 записаны Якушкиным, но фамилия его не проставлена. Не отмечено под текстами песен № 1845—1849 имя Кавелина, под текстами № 1935—1963 — имя Никитина, под текстами № 2357—2367 — имя Киреевского, под текстами № 2531 — 2532 — имя Н. М. Языкова. Лишены всякой паспортизации песни № 2583 — 2878 (почти триста текстов!), хотя на основании сохранившихся материалов сделать это было не трудно.

2. Фамилии собирателей иногда пишутся искаженно, указываются неверно их инициалы. Так, Николай Борисов обозначен А. Борисовым (в. I, стр. 21), Н. А. Костров назван П. А. Костровым (в. II, ч. I, стр. 72), К. Д. Кавелин именуется Д. А. Кавелиным (в. II, ч. II, стр. 19), П. И. Перевлесский назван И. И. Перевлесским (в. II, ч. II, стр. 81) и т. д.

3. Путаются названия населенных мест. Так, д. Заикино названа д. Занкино (в. I, стр. 150); с. Языково — Злыково (в. II, ч. II, стр. 209), д. Воронки переименована в Воронеж (в. II, ч. II, стр. 240) и т. д.

4. Песни одних собирателей приписываются другим. Так, указано, что песни № 57—65 доставлены из Архангельска Далем, а между тем они записаны Ржевицким в Симбирской губ. Песни № 1819—1828 значатся записанными Кавелиным, на самом деле автографа его нет и нет никаких оснований числить за ним эти песни. Песня № 1998 отнесена к Орлу и включена в число песен, доставленных Якушкиным. В действительности же она записана не в Орле, а в Киреевской Слободке неизвестным собирателем (скорее всего «Никитушкой»). Песни № 1971—1976, как указывается, записаны самим Киреевским от некоего Никитушки. Черновой же автограф не Киреевского, а неизвестного лица; вероятно, Никитушка — один из близких Киреевского — был не певцом, а собирателем.

5. Довольно часто искажаются места записей песен. Так, заявляется, что песни № 540—546 записаны в д. Заикино Мценского у., тогда как они записаны в Орле. Тексты песен № 1859—1874 отнесены к Ряжскому у., в действительности же они записаны в Рязанском у. Песня № 2409 отнесена к самарским, а в действительности она симбирская, песни же № 2518—2519 названы орловскими, в то время как они были записаны в Симбирской губ. На основании пометы «Улыбышева» издатели «Новой серии», пользуясь географическим справочником Семенова, отнесли песни № 2560—2564 к Владимирской губ. На самом же деле они записаны в Тульской губ., а «Улыбышева» не деревня, а известная собирательница песен П. А. Улыбышева.

6. Иногда не указывается время записи (там, где оно известно), опускаются примечания собирателей, а нередко примечания собирателей выдаются за примечания Киреевского и т. п.

Более тщательно подошли издатели «Новой серии» к печатанию самих текстов песен. Как правило, тексты печатались с подлинных оригиналов собирателей, со всеми их особенностями. Основной недостаток текстологической работы издателей заключается в том, что они не отмечали случаев сомнительного прочтения слов и фраз, а таких случаев довольно много. Укажем на некоторые случаи такого неверного чтения издателями текстов песен.

Например, начало песни № 2357 напечатано так:

Вылета*л* *сокол из* долины,
Выронял сизо перушко в долину;
Тяжко лежать сизу перушку в долине,—
Тошно жить *не* ⟨*на*⟩ *родине* — на чужбине.

В рукописи же (ЛБ, ф. 125, п. 49, л. 1686):

Вылетала *соколина по* долине,
Выроняла сизо перушко в долину;
Тяжко лежать сизу перушку в долине,—
Тошно жить *сиротине* на чужбине.

В песне № 1098 ст.: «Покумимся, ку*ш*ушка» должен читаться: «Покумимся, ку*м*ушка». Ст. «Гри*д*итесь, ребятушки, на сторо*ну* на свою» (№ 2117) должен читаться: «Гри*б*итесь, ребятушки, на сторо*нку* на свою». Ст. «Ах, как нет в свете не*нуж*нее меня» (№ 2590) в рукописи читается: «Ах, как нет в свете не*счаст*нее меня».

Иногда в песнях пропускаются целые строки. Так, песня № 2391 напечатана:

Мимо леса, мимо темного,
Мимо садику зеленого
Пролегала тут дорожинька;
Никто по ней не прохаживал.
По ней шли только два молодца удалые,
Два рекрута новобранные;
Они, идучи, возгаркнули,
Возгаркнувши, горько всплакнули...

Эта же песня в подлиннике:

Мимо лесу, мимо темнова,
Мимо садику зеленова
Пролегала тут дорожинька;
Нехто по ней не прохаживал,
По ней только шли два молотца удалыя,
Два рекрута новобранные;
Оне, идучи, возгаркнули,
Возгаркнувши, горько всплакнули,
Свою сторону вспомянули

Как видим, в печатном тексте не только опущена одна строка, но и снята фонетическая форма записи. Это значит, что песня печаталась не с оригинала, а с копии. Случаев печатания песен с копий очень много, и, как правило, диалектная форма записей снимается. Так, например, почти все тексты из раздела нелокализованных песен изданы с копий. Впрочем, много песен и из других разделов печаталось также с копий.

В редких случаях, по недосмотру, две песни объединяются в одну и печатаются под одним номером. Так, под № 1295 напечатаны две песни. Первая оканчивается строкой «Не во дальную да во Московску», другая же начинается строкой «Гуси-лебеди летели». Бывает и наоборот, когда одна песня делится на две. Так, один текст разбит на две песни и напечатан под № 1670 и 1671.

Итак, «Новая серия» содержит довольно много текстологических погрешностей (здесь приведены только отдельные примеры), поэтому пользоваться ею нужно с известной осторожностью. Большим недостатком издания является отсутствие самых элементарных текстологических и источниковедческих комментариев к песням. Главный же и основной недостаток «Новой серии» состоит в том, что она далеко не исчерпала весь находившийся в архиве материал.

«Заканчивая» печатание архива Киреевского, П. Н. Сакулин, председатель Общества любителей российской словесности, во вступлении ко второй части второго выпуска заявил: «Лишь теперь оказалось возможным довести издание до *полного* конца и дать науке весь известный нам материал, собранный П. В. Киреевским и его усердными сотрудниками» [91]. То же самое подтвердил и Сперанский, редактор издания, сказав, что в «Новую серию» не включены «только несколько „нехороших“ (по терминологии П. В. Киреевского) песен, совершенно неудобных для печати» [92]. Издатели «Новой серии», поставив перед собой задачу исчерпать весь материал архива, считали, что они выполнили ее до конца.

Научный авторитет издателей был весьма высок, вот почему исследователи до последнего времени верили им и не считали нужным обращаться к самому архиву. Но даже при довольно беглом знакомстве с историей издания песен Киреевского становилось очевидным, что опубликовано

далеко не все, имеющееся в архиве. Было известно, например, что сборником «Русских народных стихов» Киреевского и шестью томами (выпусками) «Калек перехожих» Бессонова все запасы не были исчерпаны. В производстве находились еще три выпуска [93], и, как уверял Бессонов, всего должно было выйти двенадцать томов стихов [94]. В эти двенадцать томов, впрочем, не предполагалось включение религиозных песен различных сектантов; подобные песни довольно широко представлены в Собрании Киреевского и сохранились до нашего времени.

Не исчерпали всех материалов Собрания и изданные Бессоновым десять выпусков исторических песен и былин. Многие тексты в «Старой серии» печатались не полностью, а приводились лишь указания на «разночтения» вариантов. Так, например, из пяти текстов былины «Илья Муромец на Соколе-корабле» напечатан только один (в. I, стр. 22—23); не напечатана былина о Василии Казимировиче в записи А. Харитонова (в. II, стр. 83—89); в разночтениях приведены и четыре варианта песни о пожаре Москвы (в. VII, стр. 31); из тринадцати текстов эпической песни о сынке Степана Разина двенадцать даны в разночтениях (в. VII, стр. 34—40) и т. д. и т. п. Некоторые былины и исторические песни не попали в издание по недосмотру самого Бессонова (они частично были напечатаны Сперанским в «Новой серии»). Известная же часть их не была опубликована, очевидно, по цензурным соображениям.

В Собрании Киреевского значительное место занимали произведения детского фольклора, которые и были использованы Бессоновым при издании популярной книги «Детские песни» (М., 1868). Но, как видно из сохранившихся материалов, Бессонов использовал для этого издания лишь незначительную часть. По его собственному признанию, им готовились к печати еще два-три тома детского фольклора, но он не мог их издать из-за недостатка денежных средств [95].

Кроме собственно великорусских песен, Киреевский стремился приобрести в свое Собрание песни и других славянских народов — белорусов и украинцев. С целью собирания песен и привлечения новых собирателей он совершил поездку в Белоруссию. Неизвестно, удалось ли что-нибудь ему самому записать там, но связи были налажены, и результаты не замедлили сказаться. Еще в предисловии к «Русским народным стихам» Киреевский указал на то, что Ю. П. Гудвилович предоставил ему весьма замечательное собрание песен Минской губ. (стр. V). Издание белорусского материала намеревался осуществить Бессонов, напечатавший один выпуск «Белорусских песен» (М., 1861), в который вошли произведения обрядового фольклора белорусов. Поскольку на вышедшей книге стояло «выпуск I», следовательно, в распоряжении Бессонова были и другие материалы, которые он предполагал издать. Позднее Бессонов заявил, что в Харькове он намеревался осуществить издание еще двух томов белорусских песен [96].

Каков был объем украинского фольклора в распоряжении Киреевского, не ясно: известно только, что при издании «Русских народных стихов» он из украинских собирателей назвал лишь Гоголя и М. А. Максимовича. Из украинских материалов увидели свет только песни, собранные Гоголем [97]. Было ли это все, что передал великий писатель прославленному собирателю, сейчас сказать трудно. То, что в архиве были материалы и других украинских собирателей, свидетельствует Бессонов. По его утверждению, украинские песни из Собрания Киреевского вместе с его приобретениями могли бы составить целый том [98]. О сохранности украинских песен в архиве говорил и Сперанский. При описании архива Киреевского он указал на следующие листы — записи украинских песен:

«131—178, 179—183. Песни малорусские и великорусские неизвестного происхождения ⟨...⟩

401—424. Малорусские песни — автограф Н. В. Гоголя (кроме двух из 46 песен) ⟨...⟩

441—447. Малорусские песни, числом 5 ⟨...⟩

1095—1098. Три малорусские песни без приурочения ⟨...⟩

1440. Четыре песни (одна малорусская) неграмотного письма без обозначения...» [99]

Все эти материалы до сих пор не изданы.

Сколько лирических песен было в архиве Киреевского, мы не знаем: Бессонов назвал этот материал «наиболее обильным...», но цифры не назвал.

Уже эти факты свидетельствуют о том, что Собрание песен Киреевского было издано далеко не полностью. Это подтвердилось и специальными архивными разысканиями П. Д. Ухова.

V

Занимаясь изучением типических мест (loci communes) в былинах, П. Д. Ухов в конце 1950-х годов поставил перед собой задачу паспортизировать тексты «Старой серии» песен Киреевского. Для этого исследователю потребовались какие-то отправные точки, например, заявлял он, «необходимо было выяснить, кем записан тот или иной текст» [100]. Подобного указателя Бессонов в свое время не сделал, и П. Д. Ухову пришлось затратить немало труда на его составление. Им же был составлен и алфавитный указатель ко всем текстам «Старой серии» [101]. Многое открыв, этот труд еще больше поставил вопросов и загадок. П. Д. Ухов, например, обратил внимание на то, что материалы Кольцова значились напечатанными, в то время как их не было ни в одном выпуске. Для выяснения подобных вопросов исследователь обратился к архиву Киреевского.

Уже первые дни работы в архиве дали неожиданные результаты. Были обнаружены собственноручные записи былин П. Н. Рыбникова, считавшиеся утерянными [102], неизданные тексты лирических песен в записях самого Киреевского и его корреспондентов. Количество находок росло с каждым днем. Становилось ясно, что заявления Сперанского и Сакулина не соответствуют истинному положению дел. Естественно, возникал вопрос: как же это могло случиться? Ведь ненапечатанными оказались не только песни, которых издатели не видели, но и те песни, которые были ими описаны. Вопрос этот до сих пор недостаточно ясен, но главное, кажется, заключается в самой сложности материалов Собрания. Для его изучения требовались годы систематического труда в архиве [103].

Сложность, хаотичность материала заключается главным образом в том, что одни и те же песни встречаются во многих вариантах, разбросанных не только по различным единицам хранения, но и по разным хранилищам. Приведем несколько примеров. Так, песня «Юж ты, степь моя, степь Моздовская», записанная Якушкиным (НС № 1761), сохранилась в пяти списках, причем четыре списка находятся в ЛБ. Первый список помещается в картоне 48 (л. 1459). Здесь песня в числе других входит в тетрадь (лл. 1449—1472), на которой помечено: «Лихвинск. у. с. Андроновское». Почерк в тетради — не Якушкина. Второй список — в картоне 47 (л. 1301), песня находится в первой тетради «Русских народных песен, собранных летом 1843 года». Почерк в тетради — тоже не Якушкина. Третий список — в картоне 12 (л. 3008) на отдельном листке в $^1/_8$ — копия рукою М. В. Киреевской. Четвертый список—в картоне 8 (л. 2354)— на отдельном листке в $^1/_8$ — копия рукою Е. И. Мойер. Пятый список находится в ГИМе (ф. 56, п. 44-а, л. 150), тетрадь — автограф Якушкина. Все тетради, содержащие эту песню, не являются идентичными, а

включают разные песни (некоторые песни повторяются во всех тетрадях). Иногда одни и те же песни встречаются в автографах разных собирателей. Так, песни № 1829—1837, напечатанные во второй части второго выпуска, в оригинале находятся у двух собирателей. В картоне они включены в тетрадь — автограф Д. Г. Воздвиженского, который доставлял песни из Костромской губ. В картоне 48 они в тетради — автограф А. Н. Попова, доставлявшего их из Рязанской губ. В печати они значатся рязанскими. Некоторые собиратели наряду с оригинальными, ими записанными песнями присылали и песни, списанные из печатных источников. Так, например, поступал Н. С. Селивановский, и часть его печатных песен была опубликована Сперанским в качестве оригинальных. Разобраться в архиве оказалось трудным делом. Вот почему Сперанский, глубоко не вникнув в состояние архива, часто печатал тексты из первого попавшегося под руки источника.

Если известная часть песен оказалась ненапечатанной вследствие того, что издатели не изучили материалов архива, то другая часть их не была напечатана сознательно. Так, в ЛБ, ф. 125, в последнем по порядку картоне (он должен был значиться под № 61, но официально не нумерован) на одном из листов — листы этого картона пагинации не имеют — сохранилась следующая запись переписчицы (ее рукой переписаны все тексты «Новой серии»): «Несколько не народных не переписаны». О каких конкретно песнях идет речь, не ясно, но очевидно, что переписчице было дано право самой решать судьбу песен. Субъективные же вкусы при оценке качества народных песен приводили к тому, что ценный материал оказывался вне печати.

Насколько можно доверяться переписчице при оценке народных песен, видно по следующему тексту, который напечатан издателями под № 2663:

Вдруг с полночи
У нас зашумело:
Роговая музыка
Гремела,
Чтобы все вставали,
Время не теряли
Бум-бум-бум! *2*
Удалой под метой пожимается,
Тебя, милый друг, дожидается.
Понофидин! Вставай,
Умывайся — утирай рожу!
Бум-бум-бум! *2*

Включено в издание и много «нехороших» песен, о которых говорил Сперанский (см., например, № 1413, 1443 и мн. др.). И, напротив, многие записи Якушкина (в том числе и рабочие песни) остались неизданными.

О плохом знании архива Сперанским свидетельствует и такой факт. Специально занимаясь песнями Пушкина, находящимися в Собрании Киреевского, Сперанский заявил, что оригиналов этих песен, напечатанных Бессоновым в V и X выпусках, в архиве не найдено. Так в науку вошла версия об исчезновении этих оригиналов. Но эти оригиналы (вернее, копии Киреевского с песен, записанных Пушкиным) не пропадали. Они хранятся в бумагах соответствующих выпусков «Старой серии».

«Новая серия», как это видно из сказанного, далеко не исчерпала материал Собрания. Разумеется, повинны в этом не столько промахи издателей, сколько состояние архива, дошедшего до нас после Бессонова.

Основная часть материалов находится в фонде Киреевского (ф. 125) в Отделе рукописей ЛБ. Это те материалы, которые были сданы на хране-

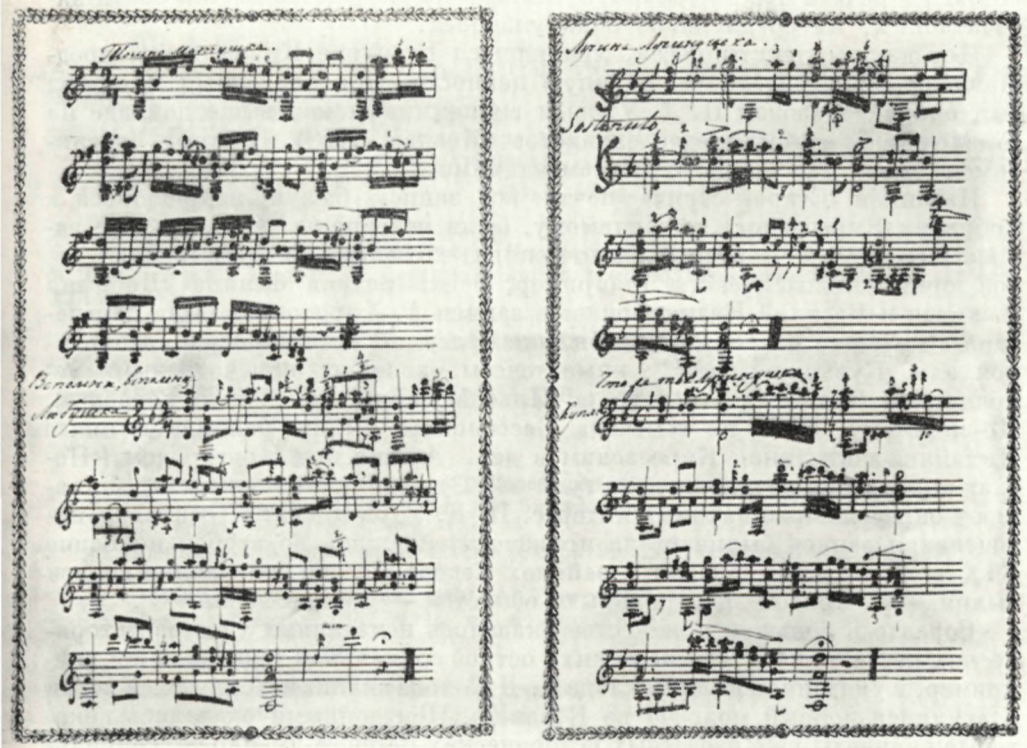
ние в Румянцевский музей Обществом любителей российской словесности [104]. С этой части материалов в основном и печаталась «Новая серия». Другая часть их оказалась в Отделе письменных источников ГИМа. Как она попала туда?

После смерти Бессонова в 1898 г. в Харькове его архивом заинтересовался П. И. Щукин. Он приобрел бессоновские бумаги, которые и поступили в музей. Можно думать, что Бессонов в свое время взял себе материалы из Собрания Киреевского. После того как архив Киреевского был сдан на хранение в Румянцевский музей, Бессонов продолжал пользоваться материалами Собрания, теперь уже давая расписки в их получении. Сам он заявлял об этом: «...бумаги Киреевского сданы в Румянцевский музей на хранение, с распискою ревностного хранителя А. Е. Викторова; отсюда же порою брал с распискою (и возвращал) Бессонов для продолжающегося издания (до 1879 года)» [105]. Однако в том, что Бессонов *всегда* возвращал взятые в музее материалы, сомневался уже Сперанский. Он писал: «Одна из таких расписок (именно: на просьбе Н. В. Калачева, председателя Общества, выдавать П. А. Бессонову из Румянцевского музея отдельные пачки) сохранилась; здесь возвращаемое зачеркивалось; последняя пачка осталась не зачеркнутой (не возвращена?). Просьба Н. В. Калачева 18 ноября 1867 г., первая получка Бессонова была 29 декабря того же года, последние (не отмеченные, как возвращенные) 1873 г. в марте и апреле» [106]. У Бессонова оказались многие из тех песен, которые были описаны Якушкиным, М. А. Стаховичем и Елагиными (например, собрание песен Кольцова и др.). Эта часть архива Киреевского издателям «Новой серии» была известна не полностью. По-видимому, они были знакомы лишь со связкой, в которой хранятся копии этих песен.

Некоторое количество песен находится в фонде Киреевских — Елагиных в ЦГАЛИ, в частности, некоторые копии Бессонова с белорусских песен из периодической печати (в основном из губернских ведомостей) первой половины XIX в. и др. Как попали в этот фонд материалы из Собрания Киреевского, неизвестно. Еще более трудно выяснить, как попали материалы из Собрания Киреевского в фонд Ф. Н. Глинки (ф. 141), где обнаружены подлинные записи песен К. Д. Кавелина, собранные им в с. Иванове Белевского у., с пометами Киреевского и Бессонова. Здесь же подлинные записи песен С. П. Кораблева, и различные бумаги Бессонова (так называемые «Хронологические тетради»), и черновая рукопись «Духа русской поэзии» Н. А. Цертелева (беловая рукопись находится в ГИМе в ф. Бессонова — Щукина) и т. д.

Два любопытных документа обнаружены в фонде Е. В. Барсова в ГИМе. Это — переплетенная тетрадь в $^1/_4$ в 119 листов, озаглавленная «Песни народа червонорусского». Эти песни были собраны И. Б. Паулем (ф. 444, ед. хр. 772). На л. 1 тетради рукою Киреевского помечено: «Куплено мною у М. П. Погодина в 1838 г. П. К.» На обороте того же листа рукою О. М. Бодянского: «Получ. от П. В. Киреевского 18 сентября 1848 г. О. Бодянский». Второй документ — так же переплетенная тетрадь в $^1/_8$ в 19 листов, озаглавленная «Вирши и песни». На последнем листе рукою Киреевского написано: «Доставлены от Г. Васильевича. П. К.» Ниже рукою Бодянского: «Получено от П. В. Киреевского 18 сент. 1848 г. Москва. О. Бодянский». Оба эти документа — свидетельство интереса Киреевского к поэзии украинского народа.

Всего из Собрания Киреевского было опубликовано более 4500 песен. Около 1000 текстов — песни из печатных источников, около 500 текстов — дублеты (различные копии, снятые с оригиналов). Всего же было выявлено более 3000 песенных текстов. При сознательно преувеличенном подсчете до нас дошло около 9000 песен. Если иметь в виду,



ТЕТРАДЬ ИЗ АРХИВА П. В. КИРЕЕВСКОГО С ОБРАБОТКАМИ МЕЛОДИЙ НАРОДНЫХ ПЕСЕН ДЛЯ ГИТАРЫ

Автограф неизвестного лица, б. г.
Листы первый и второй
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

что в Собрании Киреевского находилось несколько десятков тысяч песенных текстов, то можно себе представить, какого количества их все еще недостает.

Песни начали исчезать еще при жизни Киреевского. Выше приводились свидетельства Якушкина и В. А. Елагина о том, что многие песни, взятые друзьями Киреевского для прочтения, не были потом возвращены. «Эти пропавшие драгоценности,— писал Якушкин,— известны многим ⟨...⟩ А мне, занимавшемуся у Петра Васильевича более двадцати лет по части собирания песен, слишком хорошо известны эти рукописи»[107]. Действительно, в упоминавшейся черновой описи Якушкина не названы рукописи многих собирателей, которым Киреевский в предисловии к «Русским народным стихам» выразил благодарность за доставленные ему материалы. В описи не значатся, например, материалы Пушкина, И. М. Снегирева, С. П. Шевырева, Н. М. Рожалина, А. Ф. Вельтмана, И. М. Клементьева, Ю. П. Гудвиловича, М. А. Максимовича и др. Не обнаружены их собрания и в архиве (частично сохранились лишь копии песен этих собирателей). Немало материалов пропало во время печатания «Старой серии». Исчезли, например, некоторые материалы, числившиеся в черновой описи Якушкина. Так, до сих пор не обнаружены записи Журавлева, Ржевицкого и др. О пропаже песен во время печатания «Старой серии» свидетельствует и следующий факт. В фонде Бессонова, хранящемся в ГИМе, находится опись солдатских песен, составленная Якушкиным, очевидно, при под-

готовке к печати своего сборника. Многих из этих песен нет ни среди напечатанных, ни среди вновь обнаруженных.

Неизданные тексты песен, хранящиеся в архиве Киреевского, представляют исключительную научную ценность. Новонайденный материал был охарактеризован П. Д. Уховым в упоминавшемся выше докладе на IV Международном съезде славистов (Москва, 1958). Поэтому ограничимся здесь лишь краткими замечаниями.

Изданием «Старой серии» почти все записи былин, находящиеся в Собрании Киреевского, по-видимому, были исчерпаны [108]. Некоторые записи Бессонов напечатал в разночтениях, хотя они и представляют собой оригинальные тексты (например, очень редкая былина «Добрыня Никитич и Василий Казимирович» в записи А. Харитонова была напечатана в качестве разночтения к былине «Василий Казимирович», записанной адм. Кузьмищевым) [109]; иные тексты оказались напечатанными неполностью (например, былина об Илье Муромце на «Соколе-корабле»). По-видимому, была не замечена Бессоновым былина-баллада о князе Михайле, записанная Киреевским в дер. Аркше под Новгородом («Поехал королюшка во зелены луга гулять»). Эти единичные тексты представляют определенный научный интерес. П. Д. Ухов писал: «Поскольку интенсивная запись былин стала производиться лишь во второй половине XIX в. и главным образом в районах Севера России, то ранние записи былин — и притом центральных областей — крайне важны» [110].

Гораздо в большем количестве оказалось неизданных текстов исторических песен, причем многие из них с острой социальной тематикой (см., например, в указанном выше докладе П. Д. Ухова анализ исторической песни «Загулялся добрый молодец во Казани»). Неизданными оказались некоторые варианты уже известных исторических песен, а именно те, социальная направленность которых выражена особенно ярко (например, «Ты взойди, взойди, солнце красное»). Часть песен была издана Бессоновым неполностью (например, «По палатушкам царица ходила») [111]. Среди неизданных особенно много лирических песен, самых различных по своему характеру (обрядовых, семейно-бытовых, любовных, хороводных, игровых, рабочих, солдатских, ямщицких, детских и т. п.). Записи рабочих песен (их около двадцати) являются наиболее ценными [112], причем сюжеты некоторых рабочих песен до сих пор не были известны в науке (см., например, в докладе П. Д. Ухова песню работных людей начала XIX в. «Полноте, старые бродяги», обнаруженную во многих вариантах). Несомненный интерес представляют песни литературного происхождения (народные переделки стихов и песен Ломоносова, Карамзина, Нелединского-Мелецкого, Мерзлякова и др.), а также богатейшее собрание белорусских песен (около 300 текстов). Сохранились в архиве, помимо песенных жанров, записи пословиц, поговорок и загадок.

Неизданные материалы дошли до нас или в копиях, снятых Киреевским и его помощниками при подготовке песен к изданию (таких большинство), или в виде подлинных собственноручных записей собирателей. В копиях Киреевского дошли до нас, например, две неизданные песни, записанные Пушкиным. Лишь 49 из 364 песен, записанных самим Киреевским, сохранились в черновых автографах собирателя (остальные — в копиях). В архиве сохранились автографы Гоголя, Кольцова, Якушкина, П. И. Мельникова-Печерского, Д. А. Валуева, Н. А. Цертелева, К. Д. Кавелина, А. Ф. Вельтмана и др.

Полная публикация неизданной части архива Киреевского представляет исключительный научный интерес. Но это дело будущего. В настоящем же томе «Литературного наследства» в соответствии с задачами, стоящими перед этим изданием, печатаются лишь песни собирателей-литераторов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ЛБ, ф. 99, п. 2, ед. хр. 13.
[2] См., например, письма В. А. Елагина к П. А. Бессонову, хранящиеся в ГИМе (ф. 56, ед. хр. 139).
[3] ЦГАЛИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 121.
[4] Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. X. СПб., 1896, стр. 27.
[5] Эта опись до сих пор не разыскана.
[6] Якушкин, стр. 463.
[7] Там же, стр. 462—463.
[8] ЛБ, ф. 99, к. 4, ед. хр. 80.
[9] Объявление об издании песен Киреевского перепеч., например, в статье: М. Н. Сперанский. П. В. Киреевский и его собрание песен.— *НС*, в. 1, стр. XLIV.
[10] «Молва», 1857, № 3, 24 апреля, стр. 36.
[11] «Молва», 1857, № 4, 4 мая, стр. 44; ср.: Сочинения А. А. Котляревского, т. I. СПб., 1889, стр. 76.
[12] «Русская беседа», 1857, т. II, кн. 6, стр. 24—25.
[13] «Отечественные записки», 1860, № 4, стр. 4.
[14] Якушкин, стр. 462.
[15] *НС*, в. 1, стр. LVII.
[16] Азадовский. История русской фольклористики, т. I, стр. 339.
[17] «Русская беседа», 1857, т. II, кн. 6, стр. 25.
[18] «Заметка».— *СС*, в. 8, стр. L.
[19] Впервые опубликована: Миллер, стр. 190. См. также настоящ. том, стр. 206.
[20] Там же.
[21] «Отечественные записки», 1860, № 4, стр. 8.
[22] «Русская беседа», 1857, т. II, кн. 6, стр. 25.
[23] Там же, стр. 26—27.
[24] Там же, стр. 26.
[25] Письма Киреевского к Языкову, стр. 64.
[26] «Отечественные записки», 1860, № 4, стр. 3—4.
[27] ГИМ, ф. 56, ед. хр. 139.
[28] ЛБ, ф. 99, п. 10, ед. хр. 84.
[29] ЦГАЛИ, ф. 1293, оп. 1, ед. хр. 13.
[30] Якушкин, стр. 463.
[31] ЦГАЛИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 121.
[32] П. Д. Ухов. П. И. Якушкин и А. Н. Афанасьев — издатели «Старой серии» песен П. В. Киреевского.— «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1959, № 4, стр. 170—173.
[33] Якушкин, стр. 464.
[34] Там же, стр. 463.
[35] Там же.— Об этом же свидетельствует и письмо М. А. Маркович (Марко Вовчок) к А. В. Марковичу от 17 сентября 1857 г. (Марко Вовчок. Твори в шести томах, т. 6. Київ, 1956, стр. 361).
[36] Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. X, стр. 28.
[37] М. Н. Сперанский. П. В. Киреевский и его собрание песен.— *НС*, в. 1, стр. LX.
[38] «Русский фольклор. Материалы и исследования», III. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 188—189.
[39] ЛБ, ф. 99, п. 10, ед. хр. 85.
[40] Архив АН СССР, ф. 216, оп. 5, ед. хр. 690.
[41] ЛБ, ф. 99, п. 10, ед. хр. 85.
[42] «Авдотья Петровна Елагина».— К. Д. Кавелин. Собр. соч., т. III. СПб., 1899, стр. 1125.
[43] ЛБ, ф. 99, п. 1, ед. хр. 40.
[44] Там же.
[45] По-видимому, имеются в виду те песни, которые Якушкин обещал передать И. И. Срезневскому в обмен на архивные материалы Русского географического общества (см. письмо Якушкина к Н. А. Елагину от 12 января 1858 г.).
[46] ЛБ, ф. 99, к. 1, ед. хр. 40.
[47] «Болгарские песни из сборников Ю. И. Венелина, Н. Д. Катранова и других болгар. Издал Петр Бессонов». М., 1855.
[48] Вероятно, описка, следует читать: «И. П.», т. е. «Исторических песен».
[49] ЛБ, ф. 99, п. 10, ед. хр. 84.
[50] ЦГАЛИ, ф. 193, оп. 1, ед. хр. 21.
[51] Там же.
[52] ⟨Н. П. Колюпанов.⟩ Биография Александра Ивановича Кошелева, т, I, кн. 2. М., 1889, стр. 50.

[53] А. С. Хомяков умер 23 сентября 1860 г.

[54] ЛБ, ф. 99, п. 2, ед. хр. 59, л. 1 об.

[55] *НС*, в. 1, стр. LX (сноска).

[56] ЛБ, ф. 99, п. 1, ед. хр. 40.

[57] 16 января 1860 г. К. С. Аксаков выступил на заседании Общества любителей российской словесности с сообщением о согласии В. А. Елагина предоставить Обществу право на издание песен, собранных Киреевским. На следующем заседании (23 февраля) он заявлял, что дело о передаче песен приведено к окончанию, а 29 февраля К. С. Аксаков представил Обществу самое Собрание.

[58] ЛБ, ф. 99, п. 2, ед. хр. 59, л. 2.

[59] Доклад К. С. Аксакова с незначительными сокращениями опубликован в статье А. Д. Соймонова «Записи былин первой половины XIX века в собрании П. В. Киреевского. (К истории собирания и издания)».— «Русский фольклор. Материалы и исследования», V. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 367—381; текст доклада — стр. 371—373.

[60] Там же, стр. 371—372.

[61] *СС*, в. 1, стр. 1.

[62] «Русский фольклор. Материалы и исследования», V, стр. 372.

[63] О коллекции духовных стихов в Собрании Киреевского — см. ниже.

[64] Богатый фактический материал о работе комиссии, готовившей первый выпуск «Песен, собранных П. В. Киреевским», содержит «Записка о занятиях комиссии, составленная Бессоновым» («Русский фольклор. Материалы и исследования», V, стр. 373—374).

[65] ЛБ, ф. 99, п. 15, ед. хр. 16.

[66] Где было напечатно такое объявление, установить не удалось.

[67] ГИМ, ф. 56, ед. хр. 139.

[68] «Заметка».— *СС*, в. 8, стр. L.

[69] См., например: «Известия Академии наук по Отделению русского языка и словесности», 1860, т. IX, в. III, стр. 173—174; «Отечественные записки», 1860, № 11, стр. 37—50; 1861, № 2, 6, 7; «Русское слово», 1860, № 11, стр. 33—41; «Время», 1861, т. II, № 4, стр. 163—181; «Журнал Министерства народного просвещения», 1861, № 7, стр. 1—44; «Современник», 1861, № 6, стр. 349—366; «Русский инвалид», 1860, № 253 и др.

[70] Статья Якушкина впервые была опубликована в «Библиотеке для чтения» (1863, № 10) и перепеч. в его Сочинениях (стр. 462—480).

[71] Якушкин, стр. 464.

[72] В «Черновых материалах занятий Комиссии при издании 1-го выпуска песен П. В. Киреевского» (ЛБ, ф. 125, п. 32) хранятся печатные вырезки из книг с пометами Соболевского. Эти вырезки Бессонов, даже не перепечатывая, включил в первый выпуск.

[73] А именно: И. Верещагиным, А. Ф. Гильфердингом, А. А. Григорьевым, С. И. Гуляевым, Н. И. Костомаровым, Н. С. Кохановской, С. В. Максимовым, А. Н. Мордовцевой (Пасхаловой), Н. А. Полевым, П. Н. Рыбниковым, П. И. Савваитовым, Д. П. Соколовым, Ф. Д. Студитским, Е. Фаворским, Н. А. Цертелевым, П. В. Шейном. Далее Бессонов напечатал несколько текстов, записанных М. П. Лисицыным (в. 5, стр. 162; в. 8, стр. 49; в. 9, прилож., стр. 111; в. 10, стр. 11, 473), заявляя, что они были доставлены лично ему. Среди корреспондентов Киреевского имя Лисицына действительно не встречается. Включать его записи в Собрание не было необходимости.

[74] Сперанский полагал, что архив Киреевского был сдан в Румянцевский музей в конце 1860-х годов. В доказательство он ссылался на заявление Бессонова, который в «Заметке» к восьмому выпуску писал: «Знакомый для всех „желтый чемодан“, который Киреевский возил всюду с собой и который так же точно долго после сопровождал всюду наши поездки, пока недавно С. А. Соболевский сделал для того прекрасный шкаф и поместил его уже в Московском Публичном музее» (стр. L). Восьмой выпуск вышел в 1870 г., следовательно, «недавно» — это и есть конец 1860-х годов. Выходит, что Бессонов, уезжая из Москвы, захватил с собой и архив Киреевского, чего не могло быть, как увидим ниже, так как седьмой выпуск «Песен, собранных П. В. Киреевским» в отсутствие Бессонова был подготовлен А. Н. Афанасьевым.

[75] Впервые опубликовано в статье П. Д. Ухова «П. И. Якушкин и А. Н. Афанасьев—издатели „Старой серии“ песен П. В. Киреевского», стр. 173. П. Д. Ухов датировал это письмо 1865—1867 гг. Но, как видим, его следует датировать 1867 г. П. Д. Ухов полагал также, что подготовка Афанасьевым седьмого выпуска была вызвана отстранением Бессонова от издания песен Киреевского. «Нелепость, бестолковость изданий Бессонова была очевидна всем,— писал он.— Общество вынуждено было отстранить Бессонова от дальнейшей работы по изданию песен. В науке, если не ошибаюсь, не было известно об этом факте» (стр. 172—173). Но Бессонова от издания песен никто не отстранял. Наоборот, стоило ему появиться в Москве в 1867 г., как его сразу же привлекли к изданию.

[76] Там же, стр. 173.

[77] См. выше, стр. 46—47.
[78] П. А. Бессонов. Калеки перехожие, в. 1. М., 1861, стр. IV.
[79] Якушкин, стр. 271.
[80] П. А. Бессонов. Объяснения на статью г. Якушкина. М., 1864.
[81] Якушкин, стр. 462.
[82] ЛБ, ф. 125, п. 25, л. 108.
[83] «Современник», 1861, № 6, стр. 351.
[84] «Русское слово», 1860, № 11, стр. 41.
[85] Н. Ф. Сумцов. Новая наука г. Бессонова. Киев, 1897, стр. 5 (отд. оттиск из журн. «Киевская старина»).
[86] См., например, «Отечественные записки», 1861, № 2, стр. 110; «Современник», 1861, № 6, стр. 349—366 и др.
[87] Азадовский. История русской фольклористики, т. I, стр. 343.
[88] ЛБ, ф. 207, п. 2, ед. хр. 4.
[89] Азадовский. История русской фольклористики, т. I, стр. 342, 90.
[90] «Известия по русскому языку и словесности АН СССР», 1930, т. III, ч. 1, стр. 329.
[91] *НС*, в. 2, ч. II, стр. VI.
[92] Там же, стр. VII.
[93] П. Бессонов. К вопросу о собирании и издании памятников «народного песнетворчества». М., 1896, стр. 16.
[94] Там же, стр. 17.
[95] Там же, стр. 35.
[96] Там же, стр. 38.
[97] М. Н. Сперанский. К истории собирания песен Гоголя. Нежин, 1912.
[98] П. Бессонов. К вопросу о собирании..., стр. 42.
[99] *НС*, в. 1, стр. LXIII и след.

[100] П. Д. Ухов. Неизвестные материалы из собрания П. В. Киреевского. — «Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике. Доклады советских ученых на IV Международном съезде славистов». М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 326.

[101] Алфавитный указатель к «Старой серии» сохранился в архиве П. Д. Ухова. Заслуживает внимания методика его составления. Многие тексты былин и исторических песен, весьма не сходные по своему содержанию, могут начинаться с одного и того же зачина или запева. Поэтому П. Д. Ухов включал в указатель не только первую строку текста, но и последнюю. Работая в архиве, П. Д. Ухов впоследствии безошибочно определял, напечатан ли данный текст или же его вариант.

[102] О находке этих рукописей П. Д. Ухов сделал сообщение на Всесоюзном совещании по эпосу угро-финских народов в Петрозаводске в октябре 1957 г. См. также его статью «Об издании „Песен" П. Н. Рыбникова П. А. Бессоновым и А. Е. Грузинским» («Русский фольклор. Материалы и исследования», IV. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1959).

[103] П. Д. Ухов предполагал, что Сперанский систематически в архиве не работал (см. его неизданную монографию «Вопросы атрибуции русских народных песен»). П. Д. Ухов ссылался на следующее заявление Сперанского: «Собрание и теперь далеко не так хаотично, как представлял его П. А. Бессонов» (*НС*, в. II, ч. II, стр. LXI), что действительно не соответствует истинному положению дел. П. Д. Ухов обосновывал свое предположение тем, что в архиве сохранилось несколько пустых конвертов с надписью: «Для М. Н. Сперанского». Это, полагал П. Д. Ухов, те конверты, в которых посылались редактору материалы архива и в них же они возвращались обратно. Из публикуемого в данной статье доклада Сперанского на заседании Общества любителей российской словесности 25 сентября 1910 г. видно, что материалы архива из Румянцевского музея ни Сперанскому, ни другим членам комиссии по изданию песен Киреевского на дом не выдавались. Сперанский в архиве работал, но работал мало, поэтому полного представления обо всех материалах у него не было.

[104] См. прим. 74.
[105] П. Бессонов. К вопросу о собирании..., стр. 72.
[106] М. Сперанский. П. В. Киреевский и его собрание песен.— *НС*, в. 1, стр. LXI (сноска).
[107] Якушкин, стр. 463.

[108] П. Д. Ухов в докладе на IV Международном съезде славистов говорил: «Хотя П. А. Бессонов работал по изданию эпического материала П. В. Киреевского в течение десятков лет, однако по недосмотру, а иногда и сознательно он не напечатал довольно много былин» («Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике. Доклады советских ученых на IV Международном съезде славистов», стр. 330). Это не соответствует действительности. Не изданными, как увидим ниже, оказались лишь единичные записи былин.

[109] *СС*, в. II, изд. 2-е, стр. 83—89.— Сопоставив эти записи, П. Д. Ухов пришел к выводу, что обе былины были записаны от одного сказителя. В то время повторные записи почти не производились, поэтому научное значение их весьма велико. Следует,

по-видимому, согласиться с П. Д. Уховым в том, что Бессонов «не понимал значения повторных записей и обычно не печатал их, ограничиваясь разночтениями (во многих случаях неполными и неточными)» (Указ. доклад, стр. 331).

[110] П. Д. Ухов. Указ. доклад, стр. 331.

[111] В докладе П. Д. Ухова на IV Международном съезде славистов об этой песне читаем: «Некоторые песни (их сравнительно немного) были изданы П. А. Бессоновым нарочито искаженно и с пропуском больших частей. Такова, например, песня „По палатушкам царица ходила", которую Бессонов относит ко времени Ивана Грозного. Царица, находящаяся в заточении, обращается к своим слугам с просьбой проехать по Москве для того, чтобы царь обратил на них внимание, вспомнил о ней и простил ее. Царица жалуется на то, что муж ее „старчище" не пускает ее, молодую, на игрища. На этих словах Бессонов и оборвал песню, завявляя: „Доселе начало древней былины, а отселе переход в позднейшую мелкую женскую песню" (сноска: „Песни, собранные П. В. Киреевским". Вып. VI, стр. 204). Между тем вторая часть песни важна для понимания причины заточения царицы — она тайком от царя ходила на гулянья» (П. Д. Ухов. Указ. доклад, стр. 333).

[112] Ценность их заключается, по словам П. Д. Ухова, в том что «их собирание и публикация в первой половине XIX в. были весьма редкими», поэтому «каждый найденный текст приобретает несомненную научную ценность. Песни рабочих интересны не только как материал, позволяющий судить об общественных отношениях эпохи, но и с точки зрения общей эволюции народного поэтического творчества» (там же).

ФОЛЬКЛОРНОЕ СОБРАНИЕ П. В. КИРЕЕВСКОГО И РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ

Статья А. Д. Соймонова

Среди замечательных памятников народной поэзии, вошедших в золотой фонд мировой культуры, видное место занимает Собрание народных песен П. В. Киреевского. По количеству и разнообразию материала, охватывающего все жанры русской песенной поэзии, песни украинские и белорусские, оно является крупнейшим в мировой науке. Подобно собраниям Якоба и Вильгельма Гриммов, Вука Стефана Караджича, Оскара Кольберга и Элиаса Лёнрота, оно составило эпоху в истории фольклористики, а деятельность Киреевского как собирателя и исследователя фольклора имела историческое значение. Она отражала передовые идеи и устремления периода развития славянских наций и национальных культур, способствовала могучему росту русской литературы и искусства.

Собрание Киреевского создавалось на первом этапе освободительного движения в России: с середины 20-х до конца 50-х годов XIX в. Это был период разложения и гибели феодально-крепостнической системы, когда в обстановке вызревания новых общественных отношений русская национальная культура вступала в полосу своего расцвета. Именно в этот период среди основных проблем русской литературы центральное место заняла проблема народности, побуждая писателей обращаться к фольклору. Для литературы своего времени Собрание было основным источником познания народного художественного творчества. Оно обогащало литературу элементами той демократической, народной идеологии, о которой писал В. И. Ленин, указывая на существование двух культур в каждой национальной культуре прошлого [1].

Собрание Киреевского родилось в ходе историко-литературного процесса. Инициатором и основоположником его был А. С. Пушкин, начавший записывать народные песни в середине 20-х годов прошлого века. С 1833 г. во главе собирательской работы становится Киреевский, продолжавший ее вместе с Н. М. Языковым. В течение последующих лет в собирании песен участвуют уже многие образованные русские люди, прежде всего писатели, что придает этому делу общенациональное значение. К середине 30-х годов в руках Киреевского сосредоточиваются тысячи песенных текстов, и он, при участии Пушкина, начинает готовить их издание.

Вряд ли можно сомневаться, что преждевременная смерть Пушкина явилась одной из причин того, что этот замысел не был в то время осуществлен или, по крайней мере, не начат осуществлением. А в 40-е и в первую половину 50-х годов обострение идейной борьбы вокруг проблемы народности, усиление политической и общественной реакции, особенно в последнее «моровое семилетие» (Герцен) царствования Николая I и, наконец,

некоторые неблагоприятные обстоятельства личной биографии Киреевского — житейской и духовной — встали новыми препятствиями на пути реализации его широких замыслов. Ему удалось обнародовать, преимущественно в повременных изданиях, лишь малую долю материалов Собрания, но оно продолжало расти, и к началу 50-х годов насчитывало уже свыше десяти тысяч текстов. И, несмотря на то что Собрание продолжало оставаться неизданным в подавляющей части материала, оно стало важным явлением литературной жизни, о котором было широко известно не только в России, но и за рубежом. О Собрании песен Киреевского знали в славянских странах, им интересовались в Германии братья Гриммы, о нем писал Проспер Мериме, запрашивая через С. А. Соболевского материалы Киреевского, оно привлекало внимание и других писателей и ученых Европы [2].

А когда в 60-х годах, то есть уже после смерти Киреевского (умер в 1856 г.), вышел первый десятитомник Собрания («Старая серия»), то, несмотря на неполноту этого издания, подготовленного представителем реакционных кругов П. А. Бессоновым, русская и мировая пресса отметила его огромное научное значение [3]. Последующие публикации («Новая серия» и настоящий том) подтвердили и подтверждают выдающееся историческое значение Собрания.

Давно назрела необходимость во всестороннем освещении деятельности Киреевского и «жизни» его Собрания в истории русской культуры. Но выполнение этой задачи возможно лишь в рамках обширной работы монографического характера. В данной статье, в соответствии с задачами и характером публикации настоящего тома «Литературного наследства», мы остановимся на освещении лишь некоторых проблем изучения Собрания, а именно: его связи с литературой своего времени, в том числе вопроса об участии в нем русских писателей и проблемы определения места Собрания по отношению к славянофилам и славянофильской фольклористике. Рассмотрение этих вопросов необходимо начать с кратких напоминаний о тех важных сдвигах в русской эстетической мысли, которые создали принципиальные предпосылки для возникновения самой идеи Собрания и пафоса его инициаторов и участников.

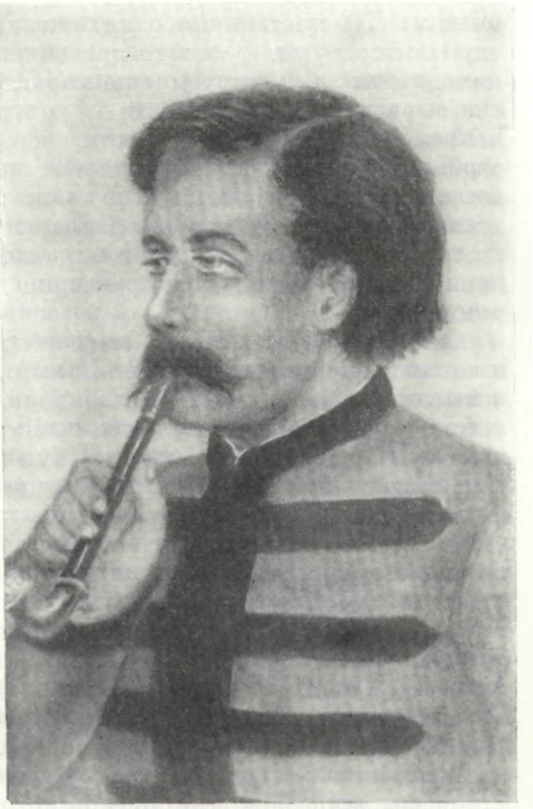
1

Начало прошлого столетия в истории общеевропейской культуры ознаменовалось преодолением эстетических норм классицизма, провозглашением свободы художественного творчества и его самобытности, опору для которой стали искать в национальных народных традициях. Эти идеи и эти поиски, составившие одну из существенных сторон теории романтизма, необычайно способствовали пробуждению интереса к художественному творчеству народа. Романтики как представители нового, идейно-художественного направления впервые сформулировали *принцип народности* литературы, который основывался на мысли о том, что именно народ и его художественная культура являются носителями и выразителями «национального духа», подлинно патриотических чувств и самобытно-отечественных традиций. Характерной особенностью фольклоризма романтиков был своеобразный историзм, который, с одной стороны, выражался в стремлении разыскать и собрать древнейшие памятники народного творчества, а с другой — допускал свободное обращение с ними во имя тех же идеалов воссоздания национальной старины, как она представлялась писателям различных течений внутри самого романтизма. Но это противоречие, оправданное начальным этапом изучения народной поэзии, преодолевалось в ходе разработки научных методов собирания и изучения произведений фольклора. А фольклор от-

П. В. КИРЕЕВСКИЙ

Акварель неизвестного художника, 1840-е годы

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград



ражал не только историческое прошлое, но и современную жизнь народа, включая, разумеется, и его освободительную борьбу. Открытый романтизмом путь к фольклору вел к тому, что живая народная поэзия начинала оказывать непосредственное влияние на литературу: на развитие ее жанров, художественных образов, поэтических средств, на обогащение литературного языка. Эта тенденция, определившая творческое освоение народных традиций в литературе разных народов, крепла в процессе борьбы революционного романтизма с романтиками консервативного лагеря.

В России интерес к фольклору в связи с проблемой народности и самобытности литературы (и национальной культуры в целом) пробуждается уже в первые десятилетия прошлого века. Об этом можно судить, обратившись к представителям раннего русского романтизма, к творчеству В. А. Жуковского, воспитателя и идейного руководителя молодого Киреевского, к деятельности литературных объединений, наконец, к первым исследованиям памятников национальной старины: «Слова о полку Игореве» и «Древних русских стихотворений» Кирши Данилова.

Показателем все возрастающего внимания к фольклору и нового отношения к нему являются декларации и выступления участников литературных обществ начала века. Так, на заседании Дружеского литературного общества в речи Андрея Тургенева, произнесенной в 1801 г., русская литература подвергается резкой критике за отсутствие оригинальности, за подражательность и мелочность. Литература, по мнению Андрея Тургенева, должна отражать «„дух народа“, но что можешь ты узнать о русском народе, читая Ломоносова, Сумарокова, Державина, Хераскова, Карамзина?» [4]. Пути преобразования литературы Андрей Тургенев видит прежде всего в обращении к народной поэзии, в особенности к

песням: «Теперь только в одних сказках и песнях находим мы остатки русской литературы. В сих-то драгоценных остатках, а особливо в песнях, находим мы и чувствуем еще характер нашего народа. Они так сильны, так выразительны, в веселом ли то или в печальном роде, что над всяким непременно должны произвести свое действие. В большей части из них, особливо в печальных, встречается такая пленящая унылость, такие красоты чувства, которых тщетно стали бы искать мы в новейших подражательных произведениях нашей литературы» [5]. Перед нами высокая оценка народной песенной поэзии и противопоставление ее достоинств современной литературе, что характерно для фольклористических концепций романтиков.

От общих деклараций, отмечающих преимущества народной поэзии и ее значение для отечественной литературы, русские писатели приходят к мысли о необходимости ее собирания и изучения. С обширной программой собирания народных песен выступает в 1810 г. в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств А. Х. Востоков. Он предлагает создать большое, критически проверенное собрание русских народных песен и других памятников фольклора. Он предпринимает практические шаги в этом направлении и начинает не только отбирать народные песни из рукописных сборников XVIII в., но и записывать их, стараясь привлечь к этому занятию других членов Общества. И хотя работа Востокова не была завершена, некоторые из его материалов через С. А. Соболевского попали в руки Пушкина и Киреевского, как это видно из публикаций в настоящем томе (см. ниже). Изучение Востоковым народных песен отразилось в его известной работе «Опыт русского стихосложения», которую высоко ценил Пушкин.

У истоков фольклористической деятельности Киреевского и его Собрания мы встречаем имя Жуковского. Белинский называл Жуковского литературным Колумбом Руси, открывшим ей Америку романтизма [6]. В творчестве Жуковского были сделаны первые решительные шаги сближения новой русской литературы с фольклорными традициями. Поэт настойчиво прокладывал пути освоения жанра баллады, песни, сказки, традиционных для фольклора и получивших признание в литературе. Баллады и песни Жуковского появились в ответ на идейно-эстетические запросы русской литературы начала века. Обращение поэта к западноевропейской художественной традиции при создании баллад было одним из показателей того, что отечественные фольклорные источники оставались еще неосвоенными. Русская литература не располагала тогда Собранием Киреевского, но творчество Жуковского подготавливало почву для его создания. Вместе с другими писателями, создававшими жанр «русской баллады», Жуковский сумел придать своим произведениям национальные черты. Такова его «Светлана» — произведение, замечательное использованием в нем русских поверий, песен, гаданий, народным строем стиха с его постоянными эпитетами, уменьшительно-ласкательными формами и другими поэтическими особенностями, характерными для русской народной песни. Работая над балладой, поэт использовал сборники М. Д. Чулкова и собственные фольклорно-этнографические наблюдения, почерпнутые во время жизни на родине Киреевского — в Долбине и в Мишенском [7].

К народным художественным традициям все ближе идеологически и творчески подходили многие поэты начала века. Серьезным интересом к устной поэзии и песне отмечено творчество П. А. Катенина, К. Н. Батюшкова, А. Ф. Мерзлякова, обучавшего Киреевского русской словесности, и будущего помощника Киреевского в деле собирания песен — Н. М. Языкова. Каждый из названных поэтов приходит своим путем к восприятию народных песенных традиций. Батюшкова увлекают опыты

Жуковского в области исторических стихотворных жанров. Он не забывает о народных традициях и в своих литературных занятиях. Романтически интерпретируя поэзию Тассо, Батюшков утверждает, что «описание нравов народных и обрядов веры есть лучшая принадлежность эпопеи» [8]. Поэт высоко ценил и русскую песенную поэзию. Он писал: «Мы, русские, имеем народные песни: в них дышит нежность, красноречие сердца, в них видна сия задумчивость, тихая и глубокая, которая дает неизъяснимую прелесть и самым грубым произведениям северной музы» [9].

Известны многочисленные призывы русских писателей и поэтов того времени обращаться к народным традициям, и в особенности к песенной поэзии. Эти призывы исходили от писателей различного круга и иногда перерастали в научные занятия фольклором, осуществляемые с различных идеологических и творческих позиций. Так, например, предполагал составить свой песенный сборник Н. М. Карамзин, но занималась народными песнями и «Беседа» А. С. Шишкова, видя в них один из источников литературного языка. Словом, в первые десятилетия XIX в. в развитии русской общественной мысли и литературы наблюдается все возрастающий интерес к устной народной словесности, и в особенности к песне.

Однако, несмотря на широкое признание значения народной поэзии в истории национальной культуры и литературы, одного его было недостаточно для развертывания работы по собиранию и изучению поэзии крепостного крестьянства с той направленностью и в тех масштабах, как это было предпринято на следующем историческом этапе Киреевским. Для того чтобы его замысел, у колыбели которого стоял Пушкин, мог возникнуть, а затем претворяться в жизнь, должны были произойти более глубокие сдвиги в сознании передовых сил русского общества. Начало им было положено Отечественной войной 1812 г., показавшей и могущество русского народа, и то бесправное положение, в котором он находился в самодержавно-крепостническом государстве. Социально-экономические противоречия, назревавшие внутри страны, были чреваты взрывом против крепостнического режима. В новых исторических условиях, в условиях наступления первого этапа освободительного движения в России, в обстановке нарастания крестьянских волнений, идея народности литературы начинает все больше восприниматься как идея борьбы с крепостничеством. Самыми выдающимися деятелями этого периода в истории России явились декабристы и А. И. Герцен. Декабристское движение оказывает большое влияние на развитие всей русской культуры, науки и литературы, в том числе и фольклористики. Именно в кругу декабристов борьба за народность и национальную самобытность литературы приобретает революционные черты.

Литературная деятельность декабристов воплотила в себе идеи революционного романтизма. Декабристы вплотную подошли к раскрытию исторического содержания народной поэзии и определению ее ведущей роли в развитии отечественной литературы. «Вера праотцев, нравы отечественные, летописи, песни и сказания народные — лучшие, чистейшие, важнейшие источники для нашей словесности»,— писал В. К. Кюхельбекер [10]. В литературно-критической деятельности идеологов декабристского движения — К. Ф. Рылеева, В. К. Кюхельбекера, А. А. Бестужева и литераторов, находившихся в сфере декабристских идей — П. А. Вяземского, О. М. Сомова, Н. И. Гнедича и других,— проблема народности и обращение к песенной поэзии занимают центральное место. В духе идей революционного романтизма декабристы пытались найти в песнях воплощение свободолюбия народа, утерянного, по их мнению, за долгие века крепостничества. Они стремились возродить поэтическое искусство свободных славян. Так возникли «Думы» Рылеева, представляющие

яркий пример романтической поэзии, искавшей себе опоры в народной поэтической традиции. «„Дума“, старинное наследие от южных братьев наших, наше русское, родное изобретение ⟨...⟩,— писал Рылеев.— Еще до сих пор украинцы поют думы о героях своих: Дорошенке, Нечае, Сагайдашном, Палее, и самому Мазепе приписывается сочинение одной из них»[11]. Об этом же писал А. А. Бестужев, который, защищая думы от нападок критики, относил их к разряду чисто романтической поэзии, возникшей на почве устной традиции[12]. И хотя в действительности никакой прямой связи в содержании дум Рылеева с народной поэзией не было, некоторые образы их оказались поразительно близки ей. Это подтверждает дума о Ермаке, которая превратилась в популярную народную песню, широко известную и в наше время («Ревела буря, дождь шумел...»)[13].

В творчестве декабристов-литераторов впервые определяются пути идейного сближения литературы и фольклора. Об этом говорят известные агитационные, антикрепостнические песни Рылеева и Бестужева, созданные на основе народной песенной поэзии. Обращаясь к фольклору, декабристы стремились раскрыть его социально-историческую основу. Предшественником их в этом отношении может быть назван только А. Н. Радищев, увидевший в устной поэзии отражение судеб крепостного крестьянства. Но декабристы пошли дальше Радищева. Они стали заниматься историей устной народной словесности, разыскивать и изучать произведения об историческом прошлом народа, освободительных войнах, крестьянских восстаниях. С этой целью Н. Н. Раевский в годы пребывания на юге начал собирать песни о Степане Разине, намереваясь написать исследование о крестьянской войне XVII в. Одним из первых русских фольклористов, занявшихся изучением песен казачьей вольницы, был декабрист В. Д. Сухоруков. Его отношение к песенной поэзии выражало передовые идеи своего времени. Он считал, что в песнях «излита душа народа с резкими чертами его физиономии», что они представляют собою зеркало, «в котором отражаются и являются в истинных образах все стихии народного духа, вся внутренняя жизнь народа»[14]. Сухоруков опубликовал некоторые из собранных им песен в альманахе А. О. Корниловича «Русская старина» (1825). Среди его публикаций есть тексты, представляющие большой научный интерес и являющиеся вариантами к некоторым позднейшим, в том числе пушкинским, записям[15].

Постановка проблемы народности литературы, изучение и собирание произведений устной поэзии декабристами создали идейные предпосылки для обращения к народной поэзии писателей, ставших участниками Собрания Киреевского. Воздействие декабристской идеологии не могло не отразиться на взглядах и мировоззрении самого Киреевского. Он не был посторонним наблюдателем трагедии декабристов. В годы юности Киреевского его мать А. П. Елагина принимала участие в судьбе семей видных деятелей декабристского движения М. А. Фонвизина и И. Д. Якушкина[16]. На протяжении многих лет Киреевский сохранил связь с декабристом Г. С. Батеньковым и не потерял ее после возвращения Батенькова из ссылки. Вместе с другими представителями передовой общественной и научной мысли своего времени Киреевский выступает противником крепостного права, этой, по его словам, «глубокой и страшной язвы нашего общественного быта»[17]. Он не менял своих убеждений в течение всей жизни, что отразилось в его известной полемике с Погодиным, который пытался доказывать, что «чувство покорности составляет основную черту русского национального характера»[18]. По мнению Киреевского, покорность, смирение, равнодушие вообще не свойственны народу какой бы то ни было национальности, и если бы такой народ существовал, то «это был бы народ, лишенный всякой духовной силы, всякого человеческого достоинства...»[19].

Движение декабристов явилось переломным этапом в развитии русской общественной мысли. Оно предвещало неизбежную гибель феодально-крепостнической монархии. Но декабристы, выступая против абсолютизма, были далеки от народа, они не могли возглавить его борьбу с крепостничеством и повести за собой. Поражение восстания декабристов с особенной остротой показало всей мыслящей России существующие различия между идеологией и культурой народных масс и господствующих классов общества. Собрание песен Киреевского начало создаваться после восстания декабристов, когда передовые русские люди обратились к своему народу, чтобы узнать его духовную жизнь во всех ее проявлениях. Выражая мысли своего поколения, Герцен писал: «Не зная народа, можно притеснять народ, кабалить его, завоевывать, *но освобождать нельзя*» [20].

В этих исторических условиях народность и фольклор сливаются с представлениями о повседневной жизни крепостного крестьянства. Перед русской литературой возникает задача создать правдивое, реальное изображение народной жизни. Обращение к художественному и языковому творчеству крепостного крестьянства способствует решению этой задачи.

Новое понимание фольклора, в особенности песни, в литературу того времени вносит Герцен. Для Герцена и Огарева, как справедливо отмечал М. К. Азадовский, именно песня «являлась наиболее существенной частью русского народного творчества, в которой с наибольшей яркостью и полнотой отразились, по их мнению, и сущность русского фольклора в целом, и сущность русского народного характера, и исторический путь, пройденный русским народом» [21]. Но прежде всего Герцен увидел в народной песне жизнь русского крестьянина. Он писал: «Все поэтические начала, бродившие в душе русского народа, находили себе выход в необычайно мелодичных песнях 〈...〉 Русский крестьянин только песнями и облегчал свои страдания. Он постоянно поет: и когда работает, и когда правит лошадьми, и когда отдыхает на пороге избы. Отличает его песни от песен других славян, и даже малороссов, глубокая грусть 〈...〉. Эта грусть — не страстный порыв к чему-то идеальному, в ней нет ничего романтического, ничего похожего на болезненные монашеские грезы 〈...〉 это скорбь сломленной роком личности, это упрек судьбе, „судьбе-мачехе, горькой долюшке“, это подавляемое желание, не смеющее заявить о себе иным образом, это песня женщины, угнетаемой мужем, и мужа, угнетаемого своим отцом, деревенским старостой, наконец — всех угнетаемых помещиком или царем; это глубокая любовь, страстная, несчастливая, но земная и реальная» [22].

Такова социально-историческая характеристика народных песен, данная Герценом. Обращает внимание стремление снять романтическое покрывало, в которое искусно окутывала устную поэзию фольклористика начала века, подчеркнуть связь художественной культуры народа с его повседневной жизнью. Все это побуждало к изучению творчества крепостного крестьянства, что и осуществлялось в русской науке и литературе.

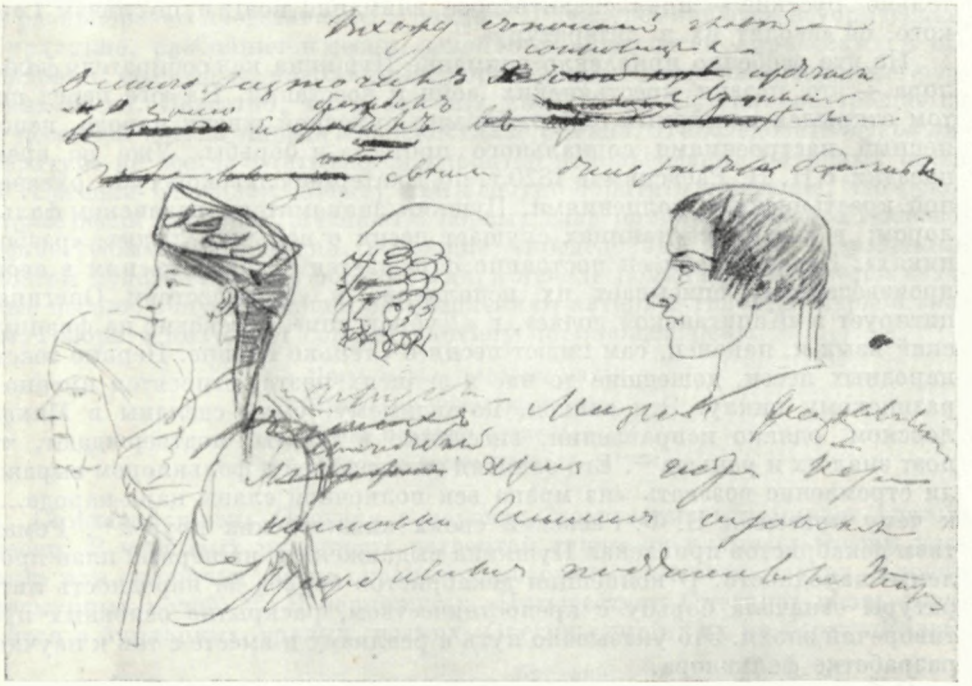
Отношение Киреевского к народной поэзии и песням в 30-е годы было очень близко к тому пониманию песенной поэзии народа, о котором писал Герцен. Киреевский увидел в песне, по его собственному выражению, «*живую народную литературу*» [23]. Он считал, что в условиях крепостного права «единственным достоянием крестьянина, куда спрятались все его нравственно-человеческие думы и стремления, и памятью о другой, более счастливой поре была его проникнутая грустным оттенком песня» [24]. Исходя из этих убеждений, Киреевский начинает свою деятельность, не останавливаясь перед препятствиями, которые возникали в его работе в условиях николаевского режима. Вопреки господствующей идеологии

«официальной народности», ставившей собирателей фольклора перед преградами избирательного принципа в их работе, Киреевский выдвигает научные, для того времени подлинно новаторские методы этой работы. Указание Киреевского, что «песни, которые поются в народе, должны быть записаны без изъятия и разбора, не обращая внимания на их содержание, краткость, нескладность и даже кажущееся бессмыслие» [25], имело важное теоретическое и практическое значение. Подобный метод означал требование записывать все виды песенного творчества, следовательно и такие, как антикрепостническая поэзия, песни крестьянских войн и восстаний, а также произведения современной устной поэзии: песни об Отечественной войне 1812 г. (и Киреевский собрал их больше, чем какой-либо другой собиратель), песни рекрутские, солдатские, антибарские (о разорении крепостной деревни) и т. п. Нельзя не отметить, что в разработке методов собирания фольклора Киреевский ушел значительно дальше своих предшественников и современников, в том числе в Западной Европе. Как пишет М. К. Азадовский в «Истории русской фольклористики», Киреевский, занимаясь изучением песен, «руководствовался не литературным вкусом своего времени, как Перси, не „свободным творческим переживанием“, как Брентано, не чувством народного стиля, как В. Гримм, но фактическим материалом народных текстов и совершенно был чужд какому бы то ни было собственному изобретательству» [26]. Научные методы Киреевского, стремившегося правдиво, исторически достоверно показать художественную культуру народа, соответствовали требованиям, которые выдвигали при освоении этой культуры писатели реалистического направления.

Но внедрение научных методов собирания песен в фольклористике, так же как и освоение художественных традиций народной поэзии реалистической литературой, процесс сложный и длительный. Собрание Киреевского и вся его деятельность были связаны с борьбой различных направлений в истории русской общественной мысли и литературы. Романтическое восприятие фольклора не теряло своего значения для таких выдающихся участников этого собрания, как Н. В. Гоголь периода «Вечеров на хуторе близ Диканьки» или Н. М. Языков, ставший среди писателей одним из основных вкладчиков в это Собрание. При этом нельзя не учитывать различную идейную направленность творчества Гоголя и Языкова, что сказалось в их отношении к фольклору. Все это вызывает необходимость обратиться к конкретным материалам публикаций настоящего тома, к творчеству и фольклористической деятельности писателей — участников Собрания.

2

Пушкин был первым выдающимся собирателем фольклора среди русских писателей. Именно ему, как сказано выше, принадлежит идея и практический почин создания грандиозного собрания народных песен, воплощенная в жизнь Киреевским в сотрудничестве со многими его помощниками. Собирание фольклора для Пушкина имело принципиальное значение, что далеко не всегда учитывалось исследователями, переоценивавшими роль печатных фольклорных источников в творчестве поэта. Несомненно, Пушкин пользовался известными в его время фольклорными собраниями, например сборником песен М. Д. Чулкова, сказками бр. Гриммов и другими. Однако главная задача, которая стояла перед ним, как и перед всей русской литературой этого периода, заключалась не в том, чтобы брать готовые или заимствованные «чужие сюжеты» [27], а в том, чтобы разыскать подлинно оригинальные произведения русской народной поэзии. Это не только способствовало формированию фонда национальной художественной культуры, чему Пушкин придавал



П. В. КИРЕЕВСКИЙ

Рисунок А. С. Пушкина на листе черновой рукописи «Полтавы», октябрь 1828 г.
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

большое значение, но и помогало поэту непосредственно узнать жизнь и поэзию родного народа.

Поэтому, говоря об интересе Пушкина к фольклору, следует прежде всего выделить тот период, когда его увлекает живая фольклорная стихия, с которой он особенно близко столкнулся во время южной ссылки, находясь в окружении деятелей декабристского движения. Несомненно, общение с декабристами, радикально настроенными участниками Южного общества, сыграло большую роль в пробуждении и развитии интереса поэта к проблеме народности и национальной самобытности русской литературы. «Не решу, какой словесности отдать предпочтение, — пишет он в 1822 г., — но есть у нас свой язык; смелее! — обычаи, история, песни, сказки...» [28] Восклицание «смелее!» звучит как призыв обратиться к поэтической культуре своего народа. В то время это означало главным образом слушать и записывать произведения народной поэзии, так как книжных источников ее было мало и они требовали проверки, что уже было известно Пушкину.

В научной литературе широко освещены занятия Пушкина фольклором этих лет. Уже П. В. Анненков писал, что в период южной ссылки «Пушкин принялся за собирание народных песен, легенд, этнографических документов, за обширные выписки прочитанных сочинений» [29]. К сожалению, из фольклорных записей поэта того времени сохранился только набросок сказки о царе Салтане. Но песни, которые слушал и записывал Пушкин, органически вошли в его произведения; некоторые из них («Братья разбойники», «Узник») сохраняли такую близость к народной поэзии, что становились полностью или частично достоянием устной традиции [30]. Отметим, что именно с этого времени песни — и не

только русские — привлекают особое внимание поэта и, по словам Горького, он «вводит их в литературу» [31].

Но что особенно привлекло внимание Пушкина как собирателя фольклора — это поэзия крестьянских войн и восстаний. На юге перед поэтом открылся неведомый ему ранее мир духовной жизни народа, исполненный настроениями социального протеста и борьбы. Уже во время поездки с Н. Н. Раевским в 1820 г. по Екатеринославской губ., охваченной крестьянскими волнениями, Пушкин знакомится с разинским фольклором; в казачьих станицах слушает песни о вольных людях, «разбойниках». Впоследствии он постоянно обращается к таким песням в своих произведениях, описывает их исполнение в «Путешествии Онегина», цитирует в «Капитанской дочке», в «Дубровском», переводит на французский язык и, наконец, сам пишет песни о Стеньке Разине. Первые тексты народных песен, дошедшие до нас в записях поэта, относятся именно к разинскому циклу. Эти записи, по-видимому, были сделаны в Михайловском, однако исправления, внесенные в тексты, подтверждают, что поэт знал их и раньше [32]. Его занятия этнографией и фольклором выражали стремление воззвать «из мрака век полночной славы царя-народа...», к чему призывал В. Ф. Раевский своих кишиневских друзей [33]. Романтизм декабристов привлекал Пушкина выдвижением на первый план проблемы народности. В концепции декабристов борьба за народность литературы означала борьбу с крепостничеством, раскрытие основных противоречий эпохи. Это указывало путь к реализму и вместе с тем к научной разработке фольклора.

Собирание народных песен не было для Пушкина временным увлечением. С 20-х годов оно входит в круг его постоянных занятий, преследующих творческие и научные цели. Он ищет реально-историческую основу песенной поэзии: в историческом эпосе выделяет прежде всего песни крестьянских войн, в бытовой лирике — песни, отразившие патриархальный уклад крестьянской семьи и крестьянские обряды, в особенности свадебные.

Исходя из убеждения, что песенная поэзия глубоко и правдиво передает сущность изображаемых явлений, их внутренний смысл, черты национального характера, Пушкин, творчески воспринимая эту поэзию, создает произведения, в которых стремится выразить народные воззрения на поступки и характер героев. Высшим проявлением идеи народности, вдохновлявшей в те годы Пушкина, явился его роман в стихах «Евгений Онегин».

Белинский считал, что подлинная народность заключается в народной манере понимать вещи, т. е. явления действительности. «Разговор Татьяны с нянею,— писал он,— чудо художественного совершенства! Это целая драма, проникнутая глубокою истиною» [34]. Приведя полностью этот эпизод романа, насыщенный песенными мотивами, Белинский продолжал: «Вот как пишет истинно народный, истинно национальный поэт! В словах няни, простых и народных, без тривиальности и пошлости, заключается полная и яркая картина внутренней домашней жизни народа, его взгляд на отношения полов, на любовь, на брак...» [35] Дальнейшее исследование творческой истории романа показало его органическую близость к поэтической культуре народа. Это дало повод Г. А. Гуковскому, изучавшему становление пушкинского реализма, сделать смелый и верный вывод: «Народность и фольклор, переместившись из абстрактной древности в деревенскую современность, не потеряли для Пушкина значения нормы и критерия и по отношению к культуре и морали русской дворянской интеллигенции» [36].

Народные песни, собиранием которых в это время занимался Пушкин, как видно из его записей, публикуемых в настоящем томе, очень богато

и разнообразно представлены в романе. В нем упоминаются исторические, бурлацкие, разбойничьи песни, различные виды песен лирических и обрядовых: свадебные, подблюдные, хороводные — подлинное собрание русских песен. Известно, что в той или иной связи Пушкин возвращается к песенной поэзии народа в каждой главе романа. В исследовательской литературе не всегда учитывается характер использования народных песен в «Евгении Онегине». Между тем следует обратить внимание, что некоторые песни проходят, начиная с первых глав романа, через все произведение. Обычно это песни, вносящие определенные черты в созданные поэтом художественные образы. Так, в начале романа упоминаются «удалые песни», сопутствующие размышлениям автора и героя. В первой главе, говоря о них, поэт создает картину дремлющей реки:

Лишь лодка, веслами махая,
Плыла по дремлющей реке;
И нас пленяли вдалеке
Рожок и песня удалая... [37]

Описывая жизнь Онегина в деревне, поэт вновь вспоминает удалые песни. В черновых рукописях четвертой главы он называет «песни удалые» или «ямщичьи песни удалые», которые слышатся «средь хладно пасмурных ночей» [38]. В черновиках «Путешествия Онегина» вновь говорится о бурлацких удалых песнях. Онегин слышит их на берегу Волги:

. . . . . .бурлаки,
Опершись на багры стальные,
Унылым голосом поют —
Про ⟨тот⟩ разбойничий приют —
Про те разъезды удалые,
Как Стенька Разин в старину
Кровавил волжскую волну —

Поют про тех гостей незваных
Что жгли да резали... [39]

Эти строки о песнях крестьянских войн, суровые и возвышенные, далекие от романтического пафоса, вносят существенные черты в облик героя.

Начиная со второй главы романа, имеющей эпиграф «O rus!.. Hor. О Русь!», Пушкин вводит читателя в обстановку повседневной деревенской жизни с ее богатой поэтической культурой. Песенной поэзией овеян образ Татьяны. Связывая уже с самим именем героини романа «воспоминанье старины иль девичьей» [40], поэт подчеркивает этим народный колорит произведения. Песенный фольклор способствует изображению широкого круга жизненных явлений, и в особенности духовного мира героини романа.

Татьяна верила преданьям
Простонародной старины... [41]

Эти и последующие строки в начале пятой главы романа раскрывают душевные переживания Татьяны, ее самые заветные мысли. В описании святок, подблюдных песен, наконец, сна Татьяны воплощены существенные черты народности, что помогает поэту создать классический образ русской женщины, типичный для своей эпохи. В этом отношении вне фольклорной песенной поэзии, заполнившей почти всю центральную главу романа, образ героини не мог быть создан. Особое значение имеет сон Татьяны. В нем в народной манере раскрыта трагедия русской женщины, отданной в рабство в чужую, ненавистную ей семью. Взятый

целиком из свадебной поэзии, по замыслу, структуре и характеру образов сон Татьяны воспроизводит сон невесты в свадебных причитаниях; поиски других источников принципиально ничего нового не могут дать. В духе традиционной свадебной поэзии охарактеризованы гости Лариных, съехавшиеся на бал [42]. Все, что было взято из народной поэзии, подтверждалось собственными наблюдениями.

Работа с народными песнями при создании «Евгения Онегина» не составляла исключения в творчестве Пушкина. Много раз он возвращался в своих произведениях к образу русской женщины, к тяжелой женской доле как центральной теме русской народной лирики. Очень близки к народной песенной поэзии баллада «Жених», драма «Русалка», где цитируются свадебные песни, записанные им в Михайловском. Указывая на наиболее поэтические сцены этой драмы, Белинский особо отмечает реалистическое описание свадебного обряда, не подозревая, что Пушкин использует здесь собственную запись народной свадебной песни. «Мы на свадьбе, картина которой с удивительною верностью передана поэтом во всем ее простодушии старинных русских нравов. Хор девушек — прелесть...

Сватушка, сватушка,
Бестолковый сватушка!
По невесту ехали —
В огород заехали...» [43]

Приведя всю песню, записанную Пушкиным и включенную в текст «Русалки», критик продолжает цитировать особенно понравившиеся ему стихи, также навеянные народной песней:

По камешкам, по желтому песочку
Пробегала быстрая речка [44].

Заканчивая анализ драмы и отмечая ее народность и реализм, Белинский писал: «„Русалка“ в особенности обнаруживает необыкновенную зрелость таланта Пушкина: великий талант только в эпоху полного своего развития может в фантастической сказке высказать столько общечеловеческого, действительного, реального, что, читая ее, думаешь читать совсем не сказку, а высокую трагедию...»[45]

В том, что и «Борис Годунов» явился именно такой «высокой трагедией», немалую роль сыграло творческое восприятие и использование Пушкиным народной поэзии. Это же в значительной мере помогло писателю создать и такие произведения, как реалистический, историко-социальный роман «Капитанская дочка» и «История села Горюхина». Обращение Пушкина к песенной поэзии народа выражало определенную закономерность в развитии русской литературы.

Деятельность Пушкина как собирателя песен имела большое значение и для фольклористики. Задумав издавать научное собрание песен, он признал необходимым и начал осуществлять критический отбор песенных материалов из печатных и рукописных сборников и песенников. Как известно из истории его замысла, эту работу по его указанию делал С. А. Соболевский. После отбора материала и записи новых текстов Пушкин собирался провести «сличение ⟨...⟩ вариантов», чем вскоре и занялся Киреевский [46]. Наконец, в его работе выкристаллизовывались принципы и научная методика записи фольклора. Пушкин один из первых обратил внимание на необходимость учитывать все особенности исполнительского мастерства народных певцов; при записи лирических песен, в частности свадебных,— показать их связь с обрядом. В ряде текстов он добивался сохранения характерных особенностей народной речи. Некоторые тексты записаны были им очень бегло, очевидно во время их исполнения. Но

С. А. СОБОЛЕВСКИЙ

Рисунок карандашом С. А. Соймоновой, 1830-е годы

Исторический музей, Москва

Портрет обнаружен и определен М. Ю. Барановской

и при этом поэт старался учитывать диалектные выражения и слова. Так, записывая балладу о братьях разбойниках и сестре, он прибегает к условному обозначению повторяющихся строк, заменяет числительные обозначением цифровым, но, встретив новое, диалектное слово, специально на нем останавливается. Например, шестая строка названной баллады записана им так: «Поили, кормили, пелегали — лелеяли»[47]. Диалектное слово «пелегали» он подчеркивает и, получив объяснение, рядом через тире пишет «лелеяли». Дальше в этой же балладе встречается строка: «Нарубили огонечек малешенек». Против слова «нарубили» сбоку написано «развели». Ниже еще строка: «Меня, молодца, не примолвили». Слово «примолвили» подчеркнуто, сбоку написано его объяснение — «пригласить» и т. п. Это внимание не только к содержанию песен, но и к народной речи очень характерно для Пушкина-фольклориста, считавшего, что «изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка»[48].

Пушкин заложил основы фольклоризма новой русской литературы. Это обусловило широкое развитие деятельности собирателей фольклора,

в которой видная роль принадлежит русским писателям. Уже в начале работы Пушкина над собранием песен в ней начинают принимать участие С. П. Шевырев и А. Х. Востоков, а когда собрание переходит к Киреевскому, в числе его участников оказываются десятки помощников и корреспондентов. Среди них с начала 1830-х годов был Гоголь.

Белинский писал: «Пушкин имел сильное влияние на Гоголя — не как образец, которому бы Гоголь мог подражать, а как художник, сильно двинувший вперед искусство и не только для себя, но и для других художников, открывший в сфере искусства новые пути. Главное влияние Пушкина на Гоголя заключалось в той народности, которая, по словам самого Гоголя, „состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа“» [49]. В русской литературе нет писателя, который полнее, чем Гоголь, передал в прозаических произведениях дух, стиль, характер, язык песенной поэзии народа. Лирические сцены в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» или описание героических подвигов казачества в «Тарасе Бульбе» читаются как песня, и это не удивительно, так как известно, что именно песня действительно явилась непосредственным источником гоголевской прозы.

Гоголь внес в русскую литературу стихию украинской народной поэзии. В его произведениях и теоретических высказываниях содержится обширная программа творческого освоения и изучения песенной поэзии народа. Важнейшие теоретические положения, которым следовал писатель в начале 1830-х годов, были высказаны им в статье «О малороссийских песнях». В истории русской фольклористики эта статья рассматривается обычно как выражение идей украинского романтизма [50]. Между тем значение ее несравненно шире. Романтическая идеализация песен казачества как поэзии вольных людей, бежавших в свое время на окраины Московского государства от крепостнического гнета, запечатлела демократические, свободолюбивые идеи. В этой поэзии Гоголь стремился найти реальную основу, когда писал: «Песни малороссийские могут вполне назваться историческими, потому что они не отрываются ни на миг от жизни и всегда верны тогдашней минуте и тогдашнему состоянию чувств» [51]. Главным героем песен, независимо от их содержания, Гоголь всегда видел народ. Это дало ему возможность определить их историческую и художественную специфику, намного предвосхищая развитие фольклористической мысли: «Историк не должен искать в них показания дня и числа битвы или точного объяснения места, верной реляции: в этом отношении немногие песни помогут ему. Но когда он захочет узнать верный быт, стихии характера, все изгибы и оттенки чувств, волнений, страданий, веселий изображаемого народа, когда захочет выпытать дух минувшего века, общий характер всего целого и порознь каждого частного, тогда он будет удовлетворен вполне; история народа разоблачится перед ним в ясном величии» [52].

Насколько прогрессивными и научно обоснованными были эти суждения Гоголя, можно убедиться, сравнивая их с позднейшими концепциями, в том числе «исторической школы» В. Ф. Миллера и его последователей. Представители этой школы, пренебрегая художественной спецификой народной поэзии, пытались найти в песнях точное описание исторических событий, изображение деяний князей, царей, полководцев.

Статья Гоголя, написанная вслед за «Вечерами на хуторе близ Диканьки», содержит всестороннюю эстетическую оценку народной лирики. Сравнивая лирические песни с военно-историческими, он отмечает: «Там одни козаки, одна военная, бивачная и суровая жизнь; здесь, напротив, один женский мир, нежный, тоскливый, дышащий любовию». Далее в статье говорится о драматизме народных песен как признаке «развития народного духа и деятельной, беспокойной жизни, долго обнимавшей народ» [53]. Наконец, он особо указывает на песни, выражающие народное горе, стра-

дания, звуки которых с болью касаются сердца. Писатель не мог в этой статье прямо говорить о крепостном праве, оставившем мрачный след в песенной поэзии. Но из следующих строк видно, что он хотел сказать именно об этом: «Ничто не может быть сильнее народной музыки, если только народ имел поэтическое расположение, разнообразие и деятельность жизни; если натиски насилий и непреодолимых вечных препятствий не давали ему ни на минуту уснуть и вынуждали из него жалобы и если эти жалобы не могли иначе и нигде выразиться, как только в его песнях» [54]. Напрашивается сопоставление этой мысли Гоголя со словами Герцена о том, что «русский крестьянин только песнями и облегчал свои страдания» [55].

Статья Гоголя появилась в 1834 г. в «Отечественных записках» и была воспринята как призыв к собиранию фольклора. К тому времени все более широкий круг людей втягивается в эту работу, считая ее выполнение национальным долгом. Для Гоголя обращение к песенному фольклору было жизненной необходимостью, и так же, как Пушкин, он не ограничивался только записью песен. В настоящее время трудно установить полностью объем, характер и последовательность занятий писателя русскими и украинскими народными песнями. Этому препятствует отсутствие научных публикаций и исследований всех собранных им материалов. Но не подлежит сомнению, что творчество Гоголя развивается на основе освоения народных традиций, что его занятия песнями проходят параллельно с созданием первых крупнейших произведений писателя. Ко времени появления «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Гоголь обладает опытом собирательской работы, глубокими знаниями песенного фольклора и большой коллекцией текстов. Уже в начале 1834 г., по его собственному заявлению, у него насчитывалось около тысячи песенных текстов [56]. В это число входили собственные записи, пополненные в особенности в 1832 г., во время поездки домой на Украину, материалы, полученные от родных, и, наконец, песни, отобранные писателем из рукописных и печатных сборников. Необходимо учитывать, что критический отбор текстов из сборников и сличение вариантов рассматривалось тогда как обязательный элемент исследовательской и собирательской работы. По предложению Пушкина этим, как сказано уже, занимались Соболевский и Киреевский, и, возможно, не без влияния Пушкина начал систематически проводить такую работу Гоголь. Перед ним также стояла задача публикации наиболее полных и сверенных текстов украинских песен, которые особенно интересовали его и как писателя и как историка украинского народа.

Первая публикация записей песен Гоголя состоялась при жизни писателя в сборнике М. А. Максимовича, представляющем одно из ранних научных изданий украинского фольклора. Отношения Гоголя с Максимовичем, сложившиеся на этой почве, могут быть сопоставлены с отношениями Пушкина и Киреевского. Принимая самое деятельное участие в работе Максимовича, Гоголь пишет ему: «Песни нам нужно издать непременно в Киеве. Соединившись вместе, мы такое удерем издание, какого еще никогда ни у кого не было» [57]. По словам Гоголя, он передал Максимовичу около 150 песен, часть их вошла в издание «Украинских народных песен» 1834 г. [58] В научной литературе неоднократно высказывалось предположение, что в связи с изданием Максимовича была написана статья Гоголя «О малороссийских песнях», хотя в последнее время эту точку зрения оспаривали [59]. Но, во всяком случае, роль Гоголя в становлении украинской фольклористики очень значительна, и дальнейшие исследования раскроют ее еще глубже.

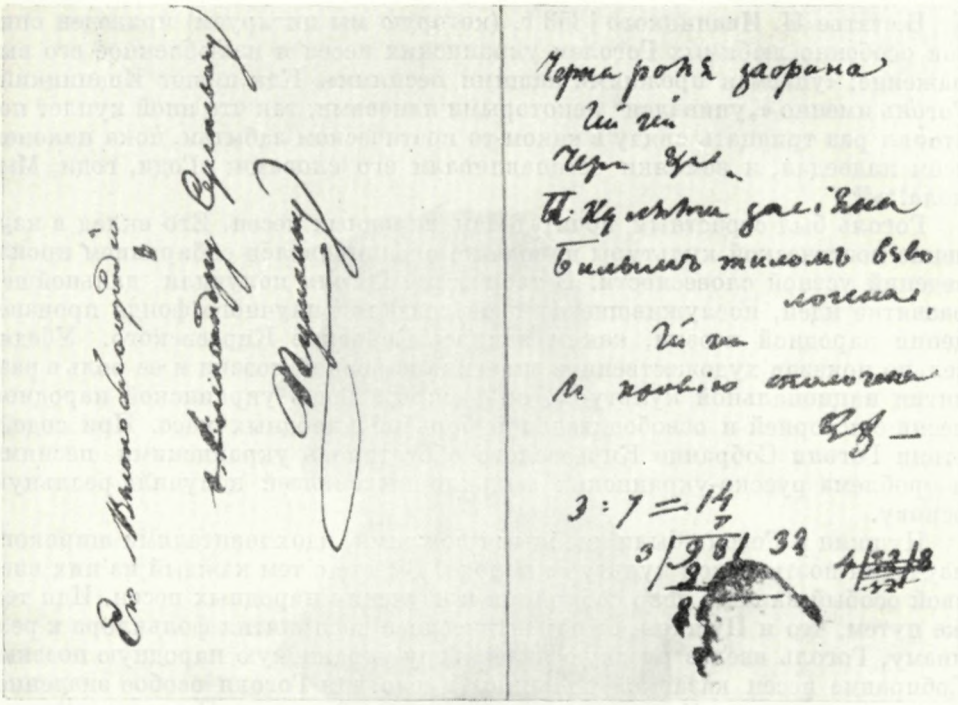
Необычайно прочны связи творчества писателя с украинским фольклором. Художественный гений Гоголя выпестовала украинская народная песня. Песни служили для него источником познания исторического

прошлого. Украинские думы и исторические песни вдохновили писателя на создание «Тараса Бульбы», заслужившего высокую оценку Белинского: «Если говорят, что в „Илиаде“ отражается вся жизнь греческая в ее героический период,— писал критик,— то разве одни пиитики и риторики прошлого века запретят сказать то же самое и о „Тарасе Бульбе“ в отношении к Малороссии XVI века?» [60] Сравнение, которое проводит Белинский между повестью Гоголя и эпопеей, теперь может быть подкреплено новыми материалами. Изучение песен и дум из тетради Гоголя, впервые публикуемых полностью в настоящем томе, показывает, что именно народный исторический эпос послужил писателю основой его повести. Работа над этими песнями и повестью составляла нечто единое для Гоголя, подобно тому как и работа Пушкина над песней при создании его произведений. В результате художественные образы народных песен и воплощенные в них эстетические идеалы органически входили в литературу. Это давало основание Гоголю писать о том, что «теперь воздвигается огромное здание чисто русской поэзии, страшные граниты положены в фундамент...»[61]

В период, когда формировалась фольклористическая концепция Гоголя и он особенно много и усиленно занимался собиранием народных песен, состоялось его знакомство с Киреевским. Влияние Гоголя на Киреевского было очевидным. Гоголь не только передал часть своих материалов Киреевскому, но и помог ему глубже понять и осмыслить значение народной песни в истории русской культуры. Среди немногих сохранившихся высказываний Киреевского о песнях можно указать такие, в которых ощущается прямое воздействие идей и мыслей Гоголя[62].

Первая встреча Киреевского с Гоголем состоялась, по-видимому, в 1832 г., когда по пути на родину писатель останавливался в Москве и знакомился с московскими литераторами: Погодиным, Аксаковыми, Загоскиным и другими. В последующие годы эти связи крепнут, и, возможно, в свою очередь не без влияния Киреевского, Гоголь начал заниматься собиранием не только украинских, но и русских песен. Киреевский позже писал, что Гоголь передал ему «тетрадь песен, собранных в разных местах России» [63]. Где мог собирать эти песни писатель, не выяснено, так как в архиве Киреевского разыскана только тетрадь украинских песен и несколько духовных стихов, полученных от Гоголя. Но в архиве Гоголя были найдены русские песни, изданные впоследствии Г. П. Георгиевским [64]. Как теперь установлено, они обнаруживают близость к материалам сборника И. П. Сахарова. Это дает основание предполагать или наличие общего источника у Гоголя и Сахарова, например, рукописного сборника, или (что вероятнее) использование писателем сборника Сахарова, подобно тому как ранее, отбирая украинские песни, он использовал публикации В. Залесского, П. А. Лукашевича и др. Как уже отмечалось, такой отбор текстов был не только естественным, но и обязательным элементом в собирательской работе того времени. Лишь детальное изучение всех этих материалов даст возможность установить, в каком направлении шел отбор текстов, что́ было сделано Гоголем в результате этого отбора и какие конкретные цели он преследовал.

Пока остается неоспоримым, что эта работа была определенным этапом фольклористических занятий Гоголя. Она имела для него очень большое значение, так как давала возможность шире представить себе общую картину развития и состояния песенной поэзии не только на Украине, но и у великоруссов. «Покажите мне народ, у которого бы больше было песен,— писал Гоголь.— Наша Украйна звенит песнями. На Волге, от верховья до моря, на всей веренице влекущихся барок заливаются бурлацкие песни. Под песни рубятся из сосновых бревен избы по всей Руси. Под песни мечутся из рук в руки кирпичи и, как грибы, вырастают



УКРАИНСКАЯ ПЕСНЯ «ЧЕРНА РОЛЯ ЗАОРАНА...», ЗАПИСАННАЯ А. С. ПУШКИНЫМ НА ОБОРОТЕ ПИСЬМА К НЕМУ Н. В. ГОГОЛЯ (май 1834 г.)

Адрес письма рукою Гоголя

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

города. Под песни баб пеленается, женится и хоронится русский человек. Всё дорожное: дворянство и недворянство — летит под песни ямщиков. У Черного моря безбородый, смуглый, с смолистыми усами козак, заряжая пищаль свою, поет старинную песню; а там, на другом конце, верхом на плывущей льдине, русский промышленник бьет острогой кита, затягивая песню»[65].

В этой живописной поэтической картине народ изображен созидателем жизни и поэзии. Безграничные просторы родной земли, чувства и переживания трудового народа составляют существо песенной стихии, как воспринимал ее Гоголь-художник. Для него, как и для Пушкина, песня была не только предметом исследования, она составляла частицу его духовной жизни, отсюда — творческое отношение к песенной поэзии. Киреевский вспоминает, что Пушкин, передавая ему свои записи песен, сказал: «Когда-нибудь от нечего делать разберитесь-ка, которые поет народ, а которые сочинил я сам...»[66] По-видимому, подобными опытами с народной песней занимался и Гоголь. Об этом можно судить и по публикации в настоящем томе, где встречаются искусно контаминированные тексты, а также песни, которые, как считают исследователи, писатель восстанавливал по памяти, т. е. воспроизводил заново. Известно, что Гоголь очень любил слушать и петь народные песни, особенно когда собирались его земляки-украинцы. Вместе с ними он вспоминал тексты и мелодии песен, «в последующие музыкальные вечера пели уже только те песни, которые всеми ими признаны были за лучшие, и притом в восстановленном виде»[67].

В статье Н. Иваницкого 1853 г. (которую мы цитируем) приведен список особенно любимых Гоголем украинских песен и излюбленное его выражение: «упьемся прежними нашими песнями». Как пишет Иваницкий, Гоголь именно «„упивался“ некоторыми напевами, так что иной куплет повторял раз тридцать сряду в каком-то поэтическом забытьи, пока наконец всем надоедал, и земляки останавливали его словами: „Годи, годи, Мыкола!“»[68]

Гоголь был страстным почитателем народных песен. Его вклад в изучение поэтической культуры народа не ограничивался собиранием произведений устной словесности. В творчестве Гоголя получили дальнейшее развитие идеи, послужившие основой создания научного фонда произведений народной поэзии, каким явилось Собрание Киреевского. Убедительно показав художественное значение народной поэзии и ее роль в развитии национальной культуры, он раскрыл связь украинской народной песни с историей и освободительной борьбой народных масс. При содействии Гоголя Собрание Киреевского обогатилось украинскими песнями и проблема русско-украинских фольклорных связей получила реальную основу.

Пушкин и Гоголь были идейными вождями, вдохновителями широкого изучения поэтической культуры народа. Вместе с тем каждый из них внес свой особый вклад в дело собирания и изучения народных песен. Идя тем же путем, что и Пушкин, от романтического восприятия фольклора к реализму, Гоголь ввел в русскую литературу украинскую народную поэзию. Собирание песен казацкой вольницы имело для Гоголя особое значение, такое же, как для Пушкина запись песен о Разине и Пугачеве. Гоголь видел в казацких песнях воплощение свободолюбивых идей русского и украинского народов; он обратил внимание и на связь песенной поэзии народа с его повседневной трудовой жизнью. Это видно из приведенных выше высказываний писателя о песнях и отобранных им материалов русской народной поэзии (см. ниже, стр. 231—236). Пропаганда Гоголем народной песни необычайно способствовала тому, что их собиранием начал заниматься все более широкий круг русских писателей самых различных направлений. Это в свою очередь способствовало дальнейшей демократизации литературы, сближению ее с художественной культурой народа, которая завоевывала все более широкое признание.

Процессы, происходившие в этот период в литературе, наблюдались и в других областях искусства. Русское национальное искусство создавалось на основе творческого освоения народных традиций. Одновременно с Пушкиным и Гоголем к народной песне обращается родоначальник русской классической музыки М. И. Глинка. Пушкин и Глинка были единомышленниками в освоении художественных традиций народного творчества. В конце 20-х годов, когда Пушкин начинает работать над собранием русских песен, он часто встречается с композитором. Живое участие в этих встречах принимает Соболевский, товарищ Глинки по Благородному пансиону, приятель Пушкина и Киреевского. В начале 1830-х годов Глинка уезжает в Италию, там он находит Соболевского, который, пользуясь библиотекой Воронцовых, живших в Италии, занимается подбором русских народных песен из старых сборников[69]. Дружба Глинки и Соболевского, их общие занятия народной поэзией и музыкой способствовали развитию замысла композитора — создать национальную оперу. Уезжая на родину, Глинка писал Соболевскому: «Сверх того собрал и приготовил богатые материалы для нескольких пьес, особенно в роде отечественной музыки»[70]. В числе их были так называемые «Попурри на темы русских песен». С того времени изучение «духа русской музыки» становится для композитора «idée fixe», как он писал об этом в своей Биографической заметке»[71]. Результатом увлечения русской народной

Н. В. ГОГОЛЬ

Силуэт работы неизвестного художника, 1840-е годы

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

музыкой, ее глубокого творческого освоения явилась опера «Иван Сусанин», мелодический материал которой пронизан народными песнями.

Глинка был замечательным знатоком не только русской, но и украинской песни. Нельзя не отметить, что интерес к украинскому фольклору у него развивается также в окружении Пушкина в конце 1820-х годов. Сохранились воспоминания А. П. Керн о том, как Глинка в присутствии Пушкина импровизировал на темы украинских песен [72]. Музыкальные вечера у Керн, где постоянно бывал Глинка, дружба с Н. А. Маркевичем, знакомство с О. М. Сомовым, занимавшимся русскими и украинскими песнями, не прошли бесследно для занятий композитора украинским музыкальным фольклором. Укреплению этих интересов способствовали его поездки на Украину и, наконец, знакомство с Гоголем. Не случайно, что из всех произведений Гоголя Глинка выбрал «Тараса Бульбу», предполагая написать оперу, основанную на народных песенных мотивах. Теперь, с появлением в настоящем томе публикации украинских песен и дум, которыми воспользовался Гоголь при создании «Тараса Бульбы», становится более понятным интерес Глинки к этому произведению. Композитор не мог не заметить близость гоголевской прозы к песенной поэзии народа. Волновал его и героический образ Тараса, который был близок по духу к русскому патриоту-крестьянину Сусанину и эпическому богатырю Руслану.

Народные песенные мотивы, использованные при создании этих образов, роднили произведения национальной литературы и музыки. Обращение Пушкина, Гоголя, Глинки к народной песне, начало собирательской деятельности Киреевского ознаменовали четко очерченный период в истории русской культуры.

Народность и фольклоризм русской литературы на новом этапе ее развития ярче всего представлены в творчестве и фольклористических занятиях А. В. Кольцова — также участника Собрания Киреевского. «По совершенной самобытности Кольцов может быть сравнен только с Гоголем»,— утверждал Чернышевский [73]. Пушкиным и Гоголем была создана идейная атмосфера, сформирована традиция, на основе которой могло развиваться творчество Кольцова. Герцен писал о произведениях Кольцова: «...то были песни простого молодого воронежского прасола, который, проезжая верхом по степям со своими стадами, пел с грустью и тоской о жизни народа и своих собственных страданиях. ⟨...⟩ Это была забытая Россия, Россия бедняков, крестьян, подавшая наконец голос» [74].

В начале своего нелегкого творческого пути Кольцов приложил немало усилий, чтобы избавиться от псевдонародного стиля, господствовавшего в то время в книжной песенной поэзии. Среди его современников были такие же, как и он, поэты-самоучки из мещан и крестьян. Но они оказались бессильными в борьбе с псевдонародными тенденциями, насаждавшимися теоретиками «официальной народности». Овладеть истинной народностью в поэзии Кольцову помогли его непосредственная близость человека и художника к народному быту, к народной песенной традиции и воздействие взглядов Белинского на фольклор.

Кольцов глубоко ощущал и понял органическую связь песен с повседневной жизнью и настроениями народа. В неурожайный 1839 год поэт писал из Воронежа Белинскому: «Какая резкая перемена во всем! Например: и теперь поют русские песни те же люди, что пели прежде, те же песни, так же поют; напев один, а какая в них, не говоря уж грусть — они все грустны,— а какая-то болезнь, слабость, бездушье. А та разгульная энергия, сила, могучесть будто в них никогда не бывали. Я думаю, в той же душе, на том же инструменте, на котором народ выражался широко и сильно, при других обстоятельствах может выражаться слабо и бездушно. Особенно в песне это заметно; в ней, кроме ее собственной души, есть еще душа народа в его настоящем моменте жизни» [75]. Это очень тонкое наблюдение над исполнением песен могло быть сделано только человеком, хорошо знавшим и народ, и его поэзию.

Собирать народные песни Кольцов начал в 1837 г. у себя на родине, в Воронеже [76]. К этим занятиям он был подготовлен всей своей творческой деятельностью, общением с Белинским и с Н. В. Станкевичем, познакомившимся в те годы с материалами Киреевского и давшим им высокую оценку. Благотворно влияли на развитие этих интересов встреча в Воронеже с Жуковским, а также общее внимание к собиранию народных песен в литературных кругах того времени.

Первые записи песен Кольцов послал Краевскому, который в своей издательской деятельности много места уделял пропаганде устной словесности. В «Отечественных записках» Краевского была помещена программа для собирателей фольклора, публиковались записи П. И. Якушкина, а несколько песен из коллекции братьев Языковых привели в восхищение Кольцова, приписавшего сначала их авторство Лермонтову[77]. В 1841 г. в статье Белинского, напечатанной в XIX томе «Отечественных записок», впервые была опубликована песня из собрания Кольцова (в настоящ. томе № 16).

Народные песни, собранные Кольцовым, в идейном и художественном отношении можно рассматривать как составную часть его поэти-

ческого творчества. Поэт «был сыном народа в полном значении этого слова,— писал Белинский.— ⟨...⟩ Мотив многих его песен составляет то нужда и бедность, то борьба из копейки, то прожитое счастье, то жалобы на судьбу-мачеху» [78]. Таково было и содержание многих народных песен, записанных Кольцовым. Будучи разнообразны по своему составу, они характеризуют песенную поэзию народа эпохи крепостничества. Белинский обратил на это внимание; опубликовав записанную Кольцовым песню «Во сыром-то бору//Брала Маша ягодки» [79], он писал о ней: «В нашей народной поэзии бездна трагических элементов, свидетельствующих о глубине и страшной силе русского духа, который, попавшись в противоречие, мстил и себе самому, и всему окружающему...»[80] Эти слова могут быть отнесены к многочисленной группе песен, запечатлевших трагические коллизии быта крепостной деревни.

Кольцов глубоко чувствовал поэтические достоинства народного творчества. Среди его записей немало текстов, отличающихся богатством и своеобразием художественных образов и поэтических средств. К ним относятся баллады, песни о вольных людях, образы которых близки творчеству поэта. В таких произведениях Кольцова, как «Хуторок», «Стенька Разин», «Деревенская беда», «Бегство», созданных в 1838—1839-х годах, безусловно, сказывается прямое влияние народных песен, им записанных. Центральное место среди них занимают лирические и хороводные песни. Содержание их: трудовая деятельность народа, семейно-бытовые отношения крепостной деревни, борьба за свободу личности. Весь художественный строй этих песен органически связан с творчеством поэта, что дало основание Белинскому отметить: «Кроме песен, созданных самим народом и потому называющихся „народными“, до Кольцова у нас не было художественных народных песен...»[81]

Основным принципом работы Кольцова по собиранию песен была достоверность записей. Один из первых, он обратил внимание на необходимость сохранять распевы и другие элементы исполнения. В письме к Краевскому от 28 июля 1837 г. поэт специально останавливается на этом вопросе, анализируя свою запись песни «Ты стой, моя роща» (в настоящ. томе № 33). Начало песни в записи Кольцова, с сохранением распева, выглядит следующим образом:

Иоой Ты стой, моя роща,
Оой Ты стой, моя роща,
Стой, не расцветай,
Стой, не расцветай.
Ой Стой, мил хороводец.
Ой Стой, мил хороводец.
Стой, не расходись,
Стой, не расходись.

Весь текст содержит 127 строк, тогда как в обычной записи он насчитывает не более 10—15. Для своего времени это был интересный опыт. Полностью осуществить замысел Кольцова фольклористика смогла только в наши дни с применением механической записи, позволяющей точно фиксировать не только слова, но и мелодию и распев песни.

Кольцов правильно оценил и роль контакта с исполнителями. В письме к Краевскому от 16 июля 1837 г. он сообщал: «С этими людьми, ребятами, сначала надобно сидеть, балясничать, потом поить их водкой и пить с ними самому зачеред: потом начать самому им пропеть песни две. А я петь большой мастак! Если бы кто послушал, нахохотался бы досыта, по горлышко. Потом они затянут, ты с ними же, пишешь и поёшь!»[82] Это коротенькое описание характеризует не только обстановку и среду, в которой собирал песни Кольцов, но и его как знатока песен.

До сих пор не установлено, когда и каким путем записи Кольцова попали в Собрание Киреевского. Неизвестно даже, был ли Кольцов знаком с Киреевским, хотя возможность их личного знакомства весьма вероятна, так как Киреевский был связан с тем же кругом московских литераторов, в котором бывал и Кольцов. Существует предположение, что Киреевский мог получить записи Кольцова через Белинского, но скорее всего их передал ему Краевский. В предисловии к изданию первого выпуска песен 1848 г. Киреевский называет Кольцова среди лиц, от которых он получил песни,— следовательно, передача их состоялась в конце 1830-х — начале 1840-х годов.

Приведенные выше материалы показывают, что Собрание Киреевского, заложившее основы научной фольклористики в России, создавалось в период становления и развития русской реалистической литературы. Для литературы критического реализма народная песня являлась элементом действительности, поэзией, которая сопутствует русскому человеку от колыбели до могилы. Этим в значительной степени определялись характер творческой работы писателей с песнями и принципы, которыми они руководствовались при их собирании. Принципы романтической эстетики, допускавшей произвольное обращение с произведениями фольклора, преодолевались. Укреплялась идейная близость народной поэзии и литературы. Однако были писатели, у которых интерес к фольклору ограничивался только или преимущественно собиранием народных песен, получая малое и одностороннее отражение в их творчестве.

В начале 1830-х годов под воздействием общественного интереса к проблеме народности и не без влияния Пушкина собиранием народных песен начинает заниматься Н. М. Языков. Анализ творческой деятельности Языкова показывает, что занятия эти не явились для него чем-то неожиданным и случайным. Еще в 1820-е годы, борясь за национальную самобытность русской литературы, поэт естественно ищет ее истоки в русском фольклоре. Начав собирать песни вместе с Киреевским в 1831 г. в Подмосковье, Языков придает очень большое значение этой работе. Он считает, что в результате ее литература обогатится неоценимыми сокровищами, что всему просвещенному миру будет дано «золотое зеркало всего русского»[83]. Но, представляя себе это зеркало очень туманно, Языков ограничивается собиранием народной поэзии. Он солидарен был в этом отношении с Е. А. Баратынским, который, осуждая фольклоризм пушкинских сказок, писал: «Оставим материалы народной поэзии в их первобытном виде или соберем их в одно полное целое, которое настолько бы их превосходило, насколько хорошая история превосходит современные записки»[84]. Других задач не ставил перед собой и Языков. В 1830-е годы определились консервативные позиции в его творчестве. Идеи реакционного романтизма, которым он следовал, все более отдаляли его от понимания склада и образа мыслей народа. Теперь поэт не стремится воспеть крестьянскую вольницу, как в прошлом, когда, вспоминая народные песни, слышанные в родном Поволжье, он собирался писать поэтическую повесть «Разбойники». В песенной поэзии народа его интересуют прежде всего духовные стихи, и, работая с Киреевским, он очень заботится об их издании. Именно в духовных стихах Языков стремился в первую очередь найти «золотое зеркало всего русского», но и они не оставляют заметного следа в его поэзии. Фольклор как источник и материал для творчества остается чуждым поэту, который все более замыкается в личную интимную лирику, ограниченную жанром элегий и посланий, обращенную к узкому кругу близких людей.

Отношение Языкова к народной поэзии в этот период очень ярко характеризуют две сказки, созданные им и объединенные впоследствии в одну под названием «Жар-птица» (1836). Написанное, по-видимому,

в противовес пушкинским сказкам, это произведение не имеет ничего общего с народной традицией. По жанровым признакам оно скорее может быть отнесено к бурлескной поэзии. Используя сказку как канву, Языков, по справедливому замечанию М. К. Азадовского, излагает здесь свои «политические и исторические убеждения» [85]. За ними стоит будущий автор известного стихотворения «К ненашим», направленного против Герцена и всего лагеря тогдашней русской демократии.

Но, оставаясь далеким от народной поэзии в собственном своем творчестве, Языков сделал очень много для организации записи народных песен. Сам он, по-видимому, записывал песни только в 1831 г., когда жил с Киреевским на даче в с. Ильинском под Москвою. На родине, в Симбирской губ., он почти не записывал песни. Однако Языков выступает замечательным организатором собирательской работы. Он привлекает к собиранию песен всех своих родственников и знакомых, помогает Киреевскому разрабатывать методику записи песен и подписывает известную «Песенную прокламацию» [86]. Общим и главным итогом собирательской работы Языкова явилось создание ценнейшей коллекции песен Поволжья, вошедшей в Собрание Киреевского.

Как считают некоторые исследователи, не без влияния Языкова занимался собиранием народных песен и другой поэт пушкинской поры — Д. П. Ознобишин [87]. Следует, однако, заметить, что теоретический интерес к устной словесности пробуждается у Ознобишина значительно раньше, в период его близкого общения с участниками литературных кружков Д. В. Веневитинова, С. Е. Раича, в которых он сам состоял и где бывали также братья Киреевские. Характерно, что в изданном Ознобишиным и Раичем альманахе «Северная лира на 1827 год» содержится публикация украинских песен. Интерес Ознобишина к народным песням впоследствии становится постоянным и глубоким, как об этом можно судить по материалам, публикуемым в настоящем томе, которые в свое время он подготавливал к печати. Издание это не осуществилось, но самый замысел его и работа над его воплощением отражают определенным образом развитие фольклоризма русской литературы пушкинской эпохи.

3

К началу 1840-х годов, когда проблема народности заняла одно из центральных мест в развитии русской общественной мысли и в историко-литературном процессе, к народной песенной поэзии обращается все более широкий круг писателей. Творческая работа Пушкина и Гоголя над песнями, призыв готовить их научное издание встречают повсеместную поддержку, а собирание устной народной поэзии рассматривается как общенациональное дело. Подлинные записи народных песен начинают все чаще появляться в периодической печати, на страницах журналов, альманахов, становятся предметом критического разбора. К народным песням, сказкам, пословицам и поговоркам относятся с таким же вниманием и интересом, как к произведениям отечественной литературы. В такой обстановке борьба вокруг идейного и художественного наследия народной поэзии усиливается. Это нашло отражение и в фольклористической концепции Белинского, выступившего в 1841 г. в «Отечественных записках» с полемическими статьями о народной поэзии.

Белинский, который принимал большое участие в фольклористической деятельности Кольцова, поддерживал в этом же В. И. Даля, хорошо понимал значение песен в жизни народа и, как многие современники, с нетерпением ожидал выхода в свет Собрания Киреевского. В 1839 г. он писал: «Что у нашего народа есть не только обыкновенная способность —

воображение, эта память чувственных предметов и образов, но и высшая, творческая способность — фантазия и глубокое эстетическое чувство,— это доказывают русские народные песни, то заунывные и тоскливые, то трогательные и нежные, то разгульные и буйные, но всегда бесконечно могучие, всегда выражающие широкий размах богатырской души» [88]. Такое отношение к народным песням, развивавшее взгляды на фольклор декабристов и Пушкина, помогло Белинскому дать глубокий исторический анализ многих произведений песенной поэзии, в особенности народной лирики.

Однако в 1840-е годы перед Белинским стояли и другие задачи. Главная из них заключалась в борьбе с теорией «официальной народности» и славянофилами. Попытки этих направлений использовать народную поэзию для утверждения идеи покорности, смирения, верности христианской религии вызывали решительный протест критика-демократа. Критические высказывания Белинского по их адресу не противоречили высокой оценке песенной поэзии народа в его работах, потому что речь в них шла о той «народности», под которой понималась идеализация патриархальной старины и крепостничества.

В. И. Ленин в одном из писем к М. Горькому (в ноябре 1913 г.), объясняя реакционную сущность идеализации «народных» представлений о боге, писал: «„Народное“ понятие о боге и божецком есть „народная“ тупость, забитость, темнота, совершенно такая же, как „народное представление“ о царе, о лешем, о таскании жен за волосы» [89]. Первым, кто в русской литературе начал непримиримую борьбу с реакционными элементами в народности — был Белинский. Это имело большое значение для русской фольклористики и получило дальнейшее развитие в работах Чернышевского, Добролюбова и в творчестве Некрасова и Салтыкова-Щедрина.

В 1840-е годы получают первую известность имена двух писателей, для которых деятельность по собиранию фольклора становится не менее, а более важным занятием, чем их собственное литературное творчество,— В. И. Даля и П. И. Якушкина. Оба они вносят богатый вклад в Собрание Киреевского.

Путь Даля как писателя, фольклориста и этнографа оказался сложным и противоречивым. Его первые опыты в области освоения народной сказочной традиции были горячо поддержаны еще Пушкиным. Сказовые формы ранних произведений Даля, обогащавшие литературный язык, этнографизм его очерков из народного быта встретили затем сочувственные отзывы Белинского. Но консерватизм мировоззрения Даля — не только писателя, но и законопослушного чиновника на ответственных постах в центральном аппарате самодержавия — существенно затруднял, а порою и преграждал ему продвижение по тому пути понимания фольклора, о котором Белинский писал: «Но, чтобы изобразить жизнь мужиков, надо уловить, как мы уже сказали, идею этой жизни, и тогда в ней не будет ничего грубого, пошлого, плоского, глупого» [90].

Высказывая сочувствие крепостным крестьянам, Даль вместе с тем враждебно относился к освободительной борьбе народа, представляя себе в идеале образ послушного религиозного селянина, преданного царю и православной церкви. Попытка в этом духе трактовать песенную поэзию сделана Далем в рассказе «Где потеряешь, не чаешь, где найдешь, не знаешь». Писатель придал нравоучительный характер своему произведению, предпослав ему такой подзаголовок: «Ключ, лад и строй народной песни» [91]. В рассказе он пытается использовать народные песни, чтобы доказать, что всякий протест, самовольный уход от помещика, разбой грозит несчастьем, тогда как покорность приведет к благополучному исходу. Баллада о братьях разбойниках и сестре и песня о татарском полоне, которые цитируются Далем, записаны в Оренбургской губ., по-ви-

димому, самим писателем. Эти произведения представлены красочно, эмоционально, но они вовсе не подтверждают главной мысли автора и, по существу, не связаны с основным повествованием. Их историческая основа и идейно-художественное содержание не раскрыты.

С иных идейных позиций подходит к трактовке темы о проявлении народного протеста против крепостничества, в связи с разбойничьими песнями, писатель-фольклорист П. И. Якушкин. Фольклористическая и литературная деятельность Якушкина начинается в 1840-е годы и до середины 1850-х годов протекает в близком содружестве с Киреевским, который направил его на собирание народных песен. В своей писательской работе Якушкин, как и Даль, во многом опирается на фольклорные традиции. Подобно Далю, он цитирует в своих очерках из народного быта песни, иногда пересказывает их содержание, пользуется поэтическими и языковыми приемами фольклора. Но Якушкин несравненно глубже понимал и чувствовал социальный смысл песенной поэзии. Так в «Путевых письмах из Орловской губернии», разбирая песни и легенды о разбойниках, он дифференцирует их, указывает среди них на такие, в которых, по его словам, «есть *одно*: это защита слабых от сильных, бедных от богатых, и в особенности господских крестьян от злых помещиков» [92].

Наиболее ярким примером использования народной песни в творчестве Якушкина может служить его очерк «Прежняя рекрутчина и солдатская жизнь», имевший подзаголовок «По песням» [93]. Очерк появился в печати в 1864 г. и был настолько урезан цензурой, что, когда Якушкина похвалили за правду, он с раздражением сказал: «Тут половина вымарана 〈...〉 Плевать на такую правду!»[94] И все же, несмотря на цензурные купюры, Якушкину удалось первому охарактеризовать рекрутские и солдатские песни как песни социального протеста. «На солдатство,— пишет он, — народ смотрел как на несчастье, на беду, которая может разогнать, разорить какую угодно семью». И приводит рекрутскую песню:

Никогда у меня, раздоброго молодца,
Такого горя не бывало,
А вот нынешний день, братцы, день-денечек,
Тоска-горе меня обуяла!
Что куют-то, куют меня, раздоброго молодца,
Куют во железы,
Что везут-то, везут меня, разудалого молодца,
Везут во солдаты.

Здесь же Якушкин писал: «От этой тоски-горя бежали тогда кто куда мог; кто в леса, кто в монастырь к знакомым старцам и монахиням, переждать набор, но нигде раздобрый молодец не был безопасен:

Обижают его, сиротинушку, злые люди,
Что и ловят его, сиротинушку, ловят во солдаты» [95].

Рекрутские песни, приведенные Якушкиным, обнаруживают связь с разбойничьими песнями. В своих очерках Якушкин, уловив характер мужицкой жизни, несравненно ближе, чем Даль, подошел к раскрытию подлинного идейно-художественного содержания народной песенной поэзии.

И Даль и Якушкин внесли очень большой вклад в Собрание Киреевского, передав ему сотни текстов песен. Даль был замечательным организатором собирательской работы; песни, как и другие произведения устной словесности, он собирал, пользуясь услугами своих многочисленных корреспондентов. Кроме того, им был накоплен большой и разнообразный материал о песенной поэзии, который он использовал в «Толко-

вом словаре живого великорусского языка» и в «Пословицах русского народа». Как собиратель Даль отличался исключительной добросовестностью и стремился к тому, чтобы его публикации наиболее полно и точно воспроизводили все, что было записано.

В «Толковом словаре» под словом «петь», «песня» приводятся настолько обширные сведения, что они могут стать предметом специального исследования. В рубрике «русские песни» перечислены все жанровые разновидности песенной поэзии народа, известные в то время. Подобрано большое количество пословиц о песнях, причем встречаются очень редкие, мало известные в литературе, социально заостренные: «Бедный песни поет, а богатый только слушает»; «Слышно, как песни поем; не слышно, как волком воем!»; «И за песней плачется»; «Хоть песенки пой, хоть волком вой»; «За эту песню и по боку свистнут»; «Чем с плачем жить, так лучше с песнями умереть» [96].

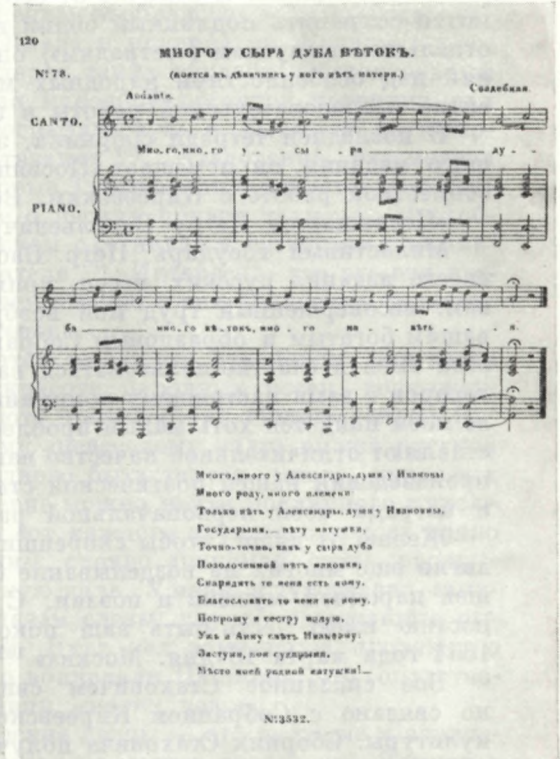
Этих пословиц, кроме первой, нет в сборнике «Пословицы русского народа», хотя и в нем Даль создал особый раздел: «Сказки и песни». Повидимому, не имея возможности опубликовать все пословицы в своем сборнике, Даль многие из них, особенно социально острые, спрятал в словаре, где они меньше привлекали внимание. Но и в сборнике есть интересные и поучительные пословицы о песне: «Сказка — складка, а песня — быль»; «Сказка — ложь, а песня — правда»; «Сказка складом, а песня ладом»; «Поется там, где и воля, и холя, и доля»; «Петь было еще, да в животе тощо»; «Весело поется, весело и прядется» и др.[97] Интересен также раздел «Припевы», где Далем приведено пятнадцать различных припевок, некоторые с пояснениями, например: «Ой, дидо-ладо!» (затем следует повторение последнего в стихе слова), то же «Ой, жги, говори» и т. п.[98]

Все эти материалы вносят новые штрихи в портрет Даля — собирателя песен — и представляют большую ценность для изучения песенной культуры народа.

Богатый и оригинальный материал о песнях содержится в «Путевых письмах» Якушкина, а также среди его записей, как опубликованных, так и впервые публикуемых в настоящем томе. Якушкин был верным помощником Киреевского, и в его обширном собрании есть не только тексты песен, но и многочисленные наблюдения над песенной традицией народа. Многое сделано им и для разработки методики записи песен, сохранения в них диалектных особенностей различных губерний России.

В деятельности Якушкина определилась и еще одна характерная черта — он получил признание как исполнитель народных песен. Некоторые песни, записанные от него, вошли в сборник К. Вильбоа; в предисловии к этой книге Ап. Григорьев и Вильбоа выразили благодарность Якушкину за участие в работе [99]. Напевы исполняемых им песен были известны М. А. Стаховичу, к ним обращались М. А. Балакирев и Н. А. Римский-Корсаков. В «Летописи моей музыкальной жизни» Римский-Корсаков писал: «Я принялся за работу, взяв в основание русскую тему „Про татарский полон“, данную мне Балакиревым, а ему сообщенную Якушкиным» [100]. Тема этой песни получила симфоническую разработку в знаменитой «Сече при Керженце» из оперы «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии».

Исполнительское дарование Якушкина развивалось на благоприятной почве. В 1840-е годы в кругу Киреевского начали серьезно заниматься народной музыкой. После того как в творчестве Глинки русская музыка обрела подлинную народность, изучение песни не могло уже ограничиваться только ее словесной стороной. Развитие русской музыки проходило в тесном взаимодействии с развитием литературы и фольклористики. Сам Киреевский был прекрасным музыкантом и любил исполнять народные песни под аккомпанемент гитары. В его библиотеке было много му-



СБОРНИК РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН, СОСТАВЛЕННЫЙ К. П. ВИЛЬБОА (СПб., 1860)
Обложка и страница со свадебной песней «Много у сыра дуба веток...»
В собрании Киреевского эта песня (в варианте) сохранилась среди доставленных А. С. Пушкиным
Некоторые песни, вошедшие в сборник, были записаны составителем от П. И. Якушкина

зыкальных сборников, некоторые из них сохранились до нашего времени[101]. Однако, будучи очень требователен к своей работе, он не считал себя достаточно подготовленным, чтобы записывать народные песни с мелодиями. В середине 1840-х годов вокруг Киреевского образуется небольшой кружок любителей народной музыки, куда входил Якушкин и душой которого стал писатель и музыковед М. А. Стахович.

Роль Стаховича в Собрании Киреевского совершенно недооценивалась в истории науки, подобно тому как долго не принималось во внимание участие в этом Собрании С. А. Соболевского. Между тем Стахович был не только писателем — собирателем народных песен; работая с Киреевским, он внес ценнейший вклад в музыкальную фольклористику, оставив заметный след в развитии русской музыки.

В библиотеке фонограмм-архива Пушкинского Дома можно увидеть редкую книгу, имеющую на обложке две дарственные надписи. Первая из них, адресованная известному русскому актеру, гласит: «П. М. Садовскому усердн⟨о⟩ посвящает автор», вторая, более поздняя: «Приношу это, крайне редкое собрание русских нар⟨одных⟩ песен в дар библиотеке Росс⟨ийской⟩ Академии наук проф. С. Булич. 1/IX 1920». Книга с этими надписями представляет собой четыре переплетенные вместе тетради «Собрания русских народных песен» Михаила Стаховича. СПб.— М., 1851—1854 гг. Сборник Стаховича вошел в историю русской музыки как первое издание музыкального фольклора, основанное на на-

учных принципах. В отличие от своих предшественников Стахович стремится сохранить подлинный облик народных напевов. В предисловии к отдельным выпускам («тетрадям») он сообщает ряд ценнейших наблюдений над особенностями народных мелодий, определяя дальнейшее развитие исследовательской работы в этой области.

В последней тетради сборника, задуманного как первая часть большого издания, он помещает «Посвящение», в котором говорит о своей совместной работе с Киреевским. Вот его текст:

«Посвящается Петру Васильевичу Киреевскому.

Милостивый государь Петр Васильевич. Оканчивая первую часть своего издания русских песен, приятным долгом считаю посвятить их вам: несовершенный труд мой возбужден примером вашего подвига — вашим богатым и образцовым Собранием русских песен. Почти сызмальства имел я счастие пользоваться вашею опытностью, научаться из разговоров с вами настоящему пониманию этого дела; и если в слабом труде моем найдется хоть малый проблеск той ясности и жизни, которые составляют отличительное качество вашего взгляда на все художественные произведения нашей поэтической старины, то это будет лучшая похвала и награда моей первоначальной работе.

Желаю от души, чтобы скорейшим изданием вашего Собрания вы подвигли еще многих на возделывание богатой, почти не початой почвы нашей народной музыки и поэзии. С совершенным почтением и преданностию имею честь быть ваш покорный слуга Михаил Стахович. 1854 года марта 10 дня. Москва» [102].

Все сказанное Стаховичем свидетельствует о том, насколько тесно связано с Собранием Киреевского развитие русской музыкальной культуры. Сборник Стаховича получил признание в науке и имел большой успех, а напевы песен, вошедшие в него, сразу привлекли внимание композиторов. Ими воспользовался М. А. Балакирев во Второй симфонии, в «Увертюре на темы трех русских песен»; Н. А. Римский-Корсаков в опере «Снегурочка» (тема Мизгиря, пляска скоморохов, оркестровое вступление сцены свадебного обряда в первом действии), в операх «Сказка о царе Салтане» и «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии», в «Симфонии на русские темы». К ним неоднократно обращался П. И. Чайковский — в опере «Опричник», в музыке к весенней сказке А. Н. Островского «Снегурочка»; они звучат у Чайковского и в финале «Серенады для струнного оркестра», служат темой одной из пьес «Детского альбома». Можно назвать имена и других композиторов, в том числе А. С. Аренского, А. Т. Гречанинова, располагавших многочисленными фольклорными сборниками и все же заимствовавших мелодии песен для своих произведений у Стаховича.

В 1840-х — начале 1850-х годов творчество народа продолжает привлекать все более пристальное внимание русской общественной мысли и литературы. С наибольшей художественной силой преломлялись эти явления в «Записках охотника» Тургенева. Народной песенной поэзией проникнуты многие рассказы этой знаменитой книги, начиная с «Хоря и Калиныча». Песня у Тургенева уже не только элемент народного быта; она вплетена в ткань повествования и способствует раскрытию человеческих отношений и образов героев. Беспрестанно напевает вполголоса Калиныч, поет Ермолай, встречаясь с мельничихой; мастерица петь песни крепостная девушка Матрена в рассказе «Петр Петрович Каратаев»; полно глубокого трагизма пение умирающей Лукерьи. В песне раскрывается красота ее души и ее мужество, которое не сломила страшная болезнь.

С удивительным мастерством показан духовный мир героев в «Певцах». Тургенев предельно лаконичен в характеристике самих певцов, однако читатель получает полное представление о них благодаря рассказу об

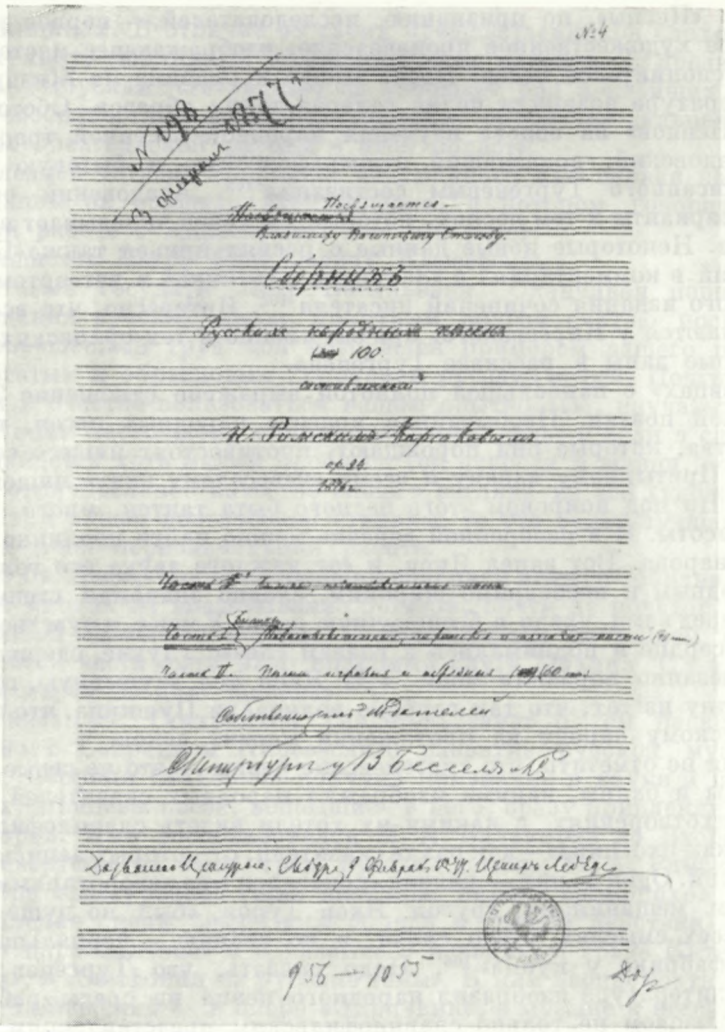
их пении. «Певцы», по признанию исследователей,— первое в русской литературе художественное произведение, изображающее мастерство народных исполнителей песен. После Якова и рядчика из Жиздры в русской литературе возникла целая галерея таких образов. Обстоятельный анализ «Певцов» на основе изучения народной песенной традиции дал М. К. Азадовский, доказавший этнографическую и бытовую достоверность описанного Тургеневым состязания [103]. Азадовский рассмотрел также и варианты к тем песням, которые Тургенев вкладывает в уста своих героев. Некоторые новые данные о песнях привел также Б. М. Добровольский в комментариях к «Запискам охотника» в четвертом томе академического издания сочинений писателя [104]. Интересно, что все эти песни встречаются у Киреевского, причем именно в тех орловских редакциях, которые даны в рассказе Тургенева.

В «Певцах» с наибольшей полнотой выражено отношение Тургенева к народной поэзии. Необычайная красота народных песен, возвышенные чувства, которые они порождают, противостоят нищете сельца Колотовки, Притынному кабаку и всему «невеселому виду» нищей русской деревни. Но под покровом этого бедного быта таится много духовных сил и красоты. И в разоренной деревне можно найти подлинного художника из народа. Вот запел Яков, и «от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широким, словно знакомая степь раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль. У меня, я чувствовал, закипали на сердце и поднимались к глазам слезы: глухие, сдержанные рыданья внезапно поразили меня...»[105] Яков пел заунывную, протяжную песню, одну из тех, что так глубоко волновали Пушкина, что сопутствовали русскому народу на протяжении многих веков.

Нельзя не отметить, что тургеневские певцы — это не седые и величавые барды и баяны, какими изображал народных сказителей Языков в своих стихотворениях и какими их хотели видеть славянофилы. Певцы в «Записках охотника»—как раз те сказители, от которых записывал песни Киреевский. Один из них — рядчик «показался мне изворотливым и бойким городским мещанином», другой, Яков Турок, «был по душе — художник во всех смыслах этого слова, а по званию — черпальщик на бумажной фабрике у купца» [106]. Надо сказать, что Тургенев первый в русской литературе изобразил народного певца из среды рабочих. Это явилось вызовом не только славянофильским представлениям о хранителях народных песен, но и всем последующим теоретикам того же толка, видевшим в фольклоре только старину. Реальность образов Тургенева подкрепляется записями Киреевского и его многочисленных корреспондентов.

В «Записках охотника» Тургенева мы встречаем главным образом лирические народные песни: «Во лузях», «Дороженька», «Распашу я, молода молоденька» и др. Здесь нет удалых, разбойничьих песен, которые в 1840-е годы были запрещены цензурой. Тургенев пытается передать образы разбойничьих легенд и песен в «Бежином луге», в рассказе Кости о Тришке-антихристе. Однако легенда о Тришке была немедленно вычеркнута цензурой. Надо также отметить, что перед Тургеневым стояла совершенно определенная задача — показать современную ему жизнь крепостного крестьянства. Поэтому писатель обращается к бытовой, лирической песне.

К тому времени, когда Тургенев писал «Записки охотника», в русской науке, и прежде всего у Киреевского, были накоплены огромные богатства песенной поэзии, сотни и тысячи текстов. Но это обстоятельство не мешало дальнейшему обогащению Собрания новыми песнями, в том числе, добытыми писателями. Остановимся здесь на публикуемых в настоящем томе записях А. Ф. Писемского и П. И. Мельникова-Печерского, относящихся, по-видимому, к концу 1840-х и к 1850-м годам.


№4

Сборникъ

Русскихъ народныхъ песенъ

№ 100.

Н. Римскаго-Корсакова

ор. 24

1876

Собственность Н. Римскаго-Корсакова

Петербургъ у В. Бесселя и К°

956—1055

«СБОРНИК РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН», СОСТАВЛЕННЫЙ Н. А. РИМСКИМ-КОРСАКОВЫМ

Заглавный лист цензурного экземпляра. Автограф, 1876

Музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки, Москва

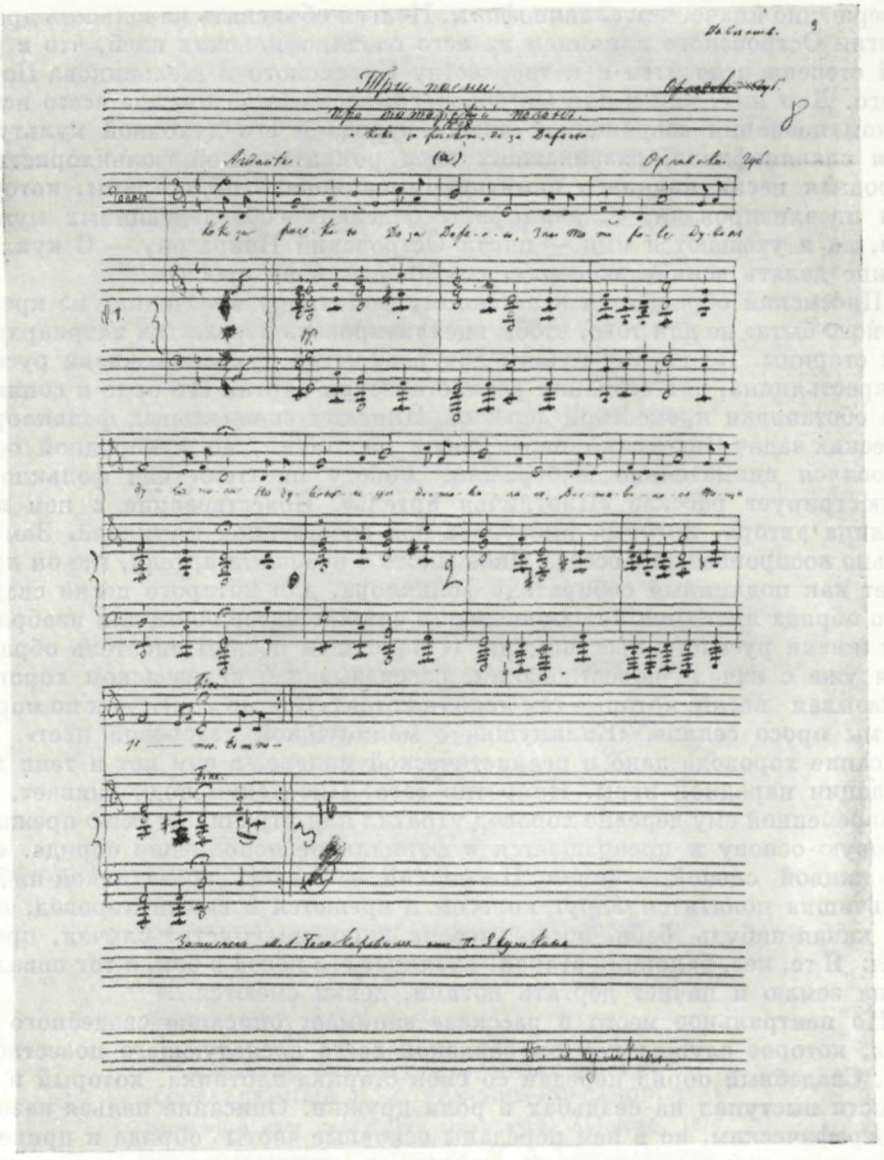
В литературе нередко можно встретить утверждение, что оба писателя занялись фольклором, испытав влияние славянофильских идей, будучи связаны с «молодой редакцией» «Москвитянина». Действительно, кружок, группировавшийся вокруг «Москвитянина», в который входили такие знатоки и любители песен, как А. Н. Островский, Тертий Филиппов, Аполлон Григорьев, М. А. Стахович, создавал подлинный культ народной поэзии, в особенности песни. Но, как известно, состав этого кружка был не однороден, на что обращалось внимание и в истории фольклористики. Никак нельзя, например, отнести к славянофилам демократа и будущего участника революционного движения М. Л. Михайлова — деятельного сотрудника журнала в этот период; были далеки от славянофильских доктрин также А. А. Потехин и Писемский, входившие в кружок. Но самое главное заключалось в том, что писатели, развивавшие реалистические традиции русской литературы, относились к фольклору

совершенно иначе, чем славянофилы. Нельзя объяснять народность драматургии Островского влиянием на него славянофильских идей, что в равной степени относится и к творчеству Писемского и Мельникова-Печерского. Для них, как и для Островского, песня была прежде всего источником познания современной жизни народа и его духовной культуры. Для славянофилов, развивавших идеи романтической фольклористики, народная песня являлась памятником национальной старины, которую они идеализировали. «Славянофилы наделали себе деревянных мужичков, да и утешаются ими,— писал Островский Некрасову.— С куклами можно делать всякие эксперименты, они есть не просят» [107].

Писемский обращается к песенному фольклору в «Очерках из крестьянского быта» не для того, чтобы идеализировать пережитки патриархальной старины. Песни ему нужны для раскрытия духовной жизни русского крестьянина, для создания реалистических картин его быта и социальной обстановки крепостной деревни. Никаких специальных фольклористических задач Писемский перед собой не ставил, но к народной песне относился внимательно и бережно. Работу писателя над фольклором иллюстрирует рассказ «Плотничья артель». Повествование в нем идет от лица автора, который выступает под собственной фамилией. Замечательно воспроизведена беседа Писемского с рабочими артели, где он предстает как подлинный собиратель фольклора, для которого песни свадебного обряда являются не самоцелью, а служат материалом для изображения жизни русского крестьянина. К народным песням писатель обращается уже с начала повествования, рассказывая о деревенском хороводе и называя песни, которые там исполняются: «Как по морю, как по морю», «А мы просо сеяли», «Калинушка с малинушкой лазоревой цвет». Все описание хоровода дано в реалистической манере, в нем нет и тени идеализации народной игры. Напротив того, Писемский подчеркивает, что в современной ему деревне хоровод утратил или утрачивает свою прежнюю бытовую основу и превращается в формальное исполнение обряда. «Самой живой сценой,— пишет Писемский,— бывает, когда какой-нибудь мальчишка покатится вдруг колесом и врежется в самый хоровод, причем какая-нибудь баба, посердитее на лицо, не упустит случая, проговоря: „Я те, пес, баловник этакой!“, толкнет его ногой в бок, а тот повалится на землю и начнет дергать ногами, девки смеются...»[108]

Но центральное место в рассказе занимает описание свадебного обряда, которое служит как бы завязкой всего последующего повествования. Свадебный обряд передан со слов старика плотника, который в молодости выступал на свадьбах в роли дружки. Описание нельзя назвать этнографическим, но в нем переданы основные черты обряда и приведен отрывок свадебного причитания невесты, в котором она оплакивает свою горькую судьбу. Дальнейшее повествование изображает эту горькую долю как положительных персонажей рассказа (Катерина и ее муж Петр), так и отрицательных (Федосья). И кроткая Катерина, и обозленная, пытавшаяся мстить всем окружающим Федосья равно бессильны перед крепостническим укладом дореформенной деревни, закабалившим их жизнь.

Целую галерею подобных образов создает Мельников-Печерский, который с особенным мастерством использует народные песни. Об этом можно судить не только по известным романам Мельникова, написанным в более поздний период, где песня является важнейшим элементом создания образов героев, но и по его первым произведениям. Уже один из ранних рассказов Мельникова «Гриша из раскольничьего быта», написанный в реалистическом стиле, насквозь пронизан народной песней. Мельников как писатель-фольклорист идет здесь дальше многих своих современников. Он использует для своего произведения обличительные, социально заостренные песни. В рассказе обращают на себя внимание ред-



ТРИ ПЕСНИ «ПРО ТАТАРСКИЙ ПОЛОН» ИЗ «СБОРНИКА РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН», СОСТАВЛЕННОГО Н. А. РИМСКИМ-КОРСАКОВЫМ

Песня первая. Автограф, 1876

Внизу на листе помета Римского-Корсакова: «Записана М. А. Балакиревым от П. Якушкина»

Музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки, Москва

Мелодия использована композитором в опере «Сказание о граде Китеже...»

кие, почти не встречающиеся в сборниках антиклерикальные песни, обличающие монахов и монашество. Это как нельзя лучше показывает, что в своих фольклорных занятиях Мельников, подобно Писемскому, исходил отнюдь не из славянофильских доктрин.

Интерес к народной песне возникает у Мельникова рано, еще в годы пребывания в Казанском университете. Из воспоминаний писателя известно, что он обязан этим Г. С. Суровцеву, преподававшему в университете эстетику и литературу. Суровцев, по словам писателя, прекрас-знал «народный язык и создания народного творчества, песни, сказ-

ки, пословицы...» [109]. После окончания университета Мельников стал преподавателем гимназии в Перми и занялся этнографией Пермского края, изъездив с этой целью все Приуралье. В 1840-е годы он продолжал эту работу в Нижнем Новгороде. Став редактором неофициальной части «Нижегородских губернских ведомостей», он помещал там собранные и открытые им исторические, этнографические и фольклорные материалы. К этому времени относятся и записи народных песен. Как известно из писем Мельникова к Погодину, уже в начале 50-х годов у него было несколько сот песен, которые он намеревался передать Киреевскому [110].

В судьбе Мельникова как писателя и фольклориста большое участие принял Даль, высоко оценивший его деятельность и увидевший в нем подлинного знатока устной народной поэзии. Влияние Даля сказалось и в художественном творчестве Мельникова начала 50-х годов. Так определилась преемственность в литературной и фольклористической деятельности писателей двух поколений. Но эта преемственность не была простым повторением пройденного пути. Различие заключалось не только в том, что у Мельникова был свой жизненный и творческий опыт. Высокое мастерство Мельникова, сумевшего по-новому подойти к народной песне в своих романах, соответствовало новому этапу в развитии русской реалистической литературы.

Собрание Киреевского, как наиболее замечательный памятник народной поэзии эпохи крепостничества, привлекает внимание революционно-демократической критики в 50-е годы. Чернышевский упоминает о песнях из этого Собрания, помещенных в «Русской беседе» [111], а также обращает внимание на фольклорные записи Пушкина, которые поэт передал Киреевскому [112]. Чернышевский считал, что «посвящать свою жизнь собиранию народных песен — прекрасный подвиг» [113]. Добролюбов писал об обширном Собрании Киреевского, выражая сожаление о безвременной кончине собирателя, который не успел завершить свое дело [114].

Во второй половине 50-х годов к материалам Киреевского, а именно к изданному им в 1848 г. сборнику, обратился при возобновлении своей литературной деятельности, прерванной вятской ссылкой, Салтыков-Щедрин. Интерес его к такому специфическому жанру народной поэзии, как духовные стихи, находившемуся в центре внимания славянофильской фольклористики, был не случайным. Известно заявление Салтыкова, относящееся к августу 1857 г.: «Признаюсь, я сильно гну в сторону славянофилов и нахожу, что в наши дни трудно держаться иного направления» [115]. Однако симпатии Салтыкова к славянофилам были весьма кратковременными и имели ограниченный характер. Они были вызваны пристальным интересом писателя не к общей теоретической доктрине славянофилов, а к конкретной разработке ими целого комплекса вопросов, относящихся к изучению русского человека с его прошедшим и настоящим, с его экономическими и этнографическими условиями [116]. Вопросы эти, по мнению Салтыкова, изложенному в его программной статье 1856 г. «О Кольцове», были первоочередными и основополагающими также и для литературного развития [117]. В изучении «народности» и «самобытности» Салтыкова прежде всего интересует духовный мир «простого русского человека». В поисках проникновения в эту «загадочную сферу» Салтыков ставит перед собой задачу установить «степень и образ проявления религиозного чувства» и «религиозного сознания» в разных слоях народа. Он пишет об этом С. Т. Аксакову в том же августе 1857 г. и посвящает ему (в журнальной публикации «Русского вестника») тот раздел в «Губернских очерках» — «Богомольцы, странники и проезжие»,— который посвящен разработке этой задачи. Но хотя формулировка задачи, как указывает С. А. Макашин, была подсказана Салтыкову славянофилами, «реальное содержание ее не имело ничего общего с основами их монархи-

ческой и православной идеологии». «Под религиозно-церковным покровом некоторых исторически сложившихся явлений в жизни русского народа, таких, например, как хождение на богомолье или странничество, Салтыков ищет исконную народную мечту о правде, справедливости, свободе, ищет практических носителей „душевного подвига" во имя этой мечты» [118]. Как художник-реалист, Салтыков и обращается с этой целью к духовным стихам из Собрания Киреевского как к одному из видов духовной пищи народа, ставшему уже, впрочем, преимущественно достоянием богомольцев, нищих и сектантов. В таком именно качестве Салтыков использует в «Общей картине» — первом рассказе раздела «Богомольцы, странники и проезжие» — духовный стих «Об Антихристе», напечатанный Киреевским. По поводу этого рассказа Добролюбов писал, цитируя строки из названного стиха, что в рассказе «народ является как есть, со своими недостатками, грубостью, неразвитостью. Тут и горе, и бедность, и лохмотья, и голод являются на сцену, тут и песни о том, что пришло время антихристово, потому что:

Власы, бороды стали брити,
Латынскую одежду носити» [119].

Салтыков противопоставляет реально существующие верования народа в их неподдельной искренности лицемерию и лжи господствующих классов. На это также обращает внимание Добролюбов. «В „Богомольцах" его,— пишет критик,— великолепен контраст между простодушной верой, живыми, свежими чувствами простолюдинов и надменной пустотой генеральши Дарьи Михайловны или гадостным фанфаронством откупщика Хрептюгина» [120]. Противопоставление народа эксплуататорским классам и чиновничьей бюрократии достигает в «Губернских очерках» необычайной остроты и может быть сравнимо только с изображением народа в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева. Имея в виду обращение обоих писателей к народной поэзии, это сравнение можно продолжить. Первый человек из народа, которому Салтыков-Щедрин посвящает отдельный рассказ в разделе «Богомольцы, странники и проезжие»,— отставной солдат Пименов удивительно напоминает аналогичный образ отставного солдата из главы «Клин» в «Путешествии» Радищева. Совпадает даже завязка, или, говоря языком народных певцов, «зачин» обоих повествований, описание обстоятельств встречи автора с героем. Радищев, процитировав духовный стих, пишет: «Поющий сию народную песню, называемую „Алексеем божьим человеком", был слепой старик, сидящий у ворот почтового двора...» [121] Салтыков-Щедрин, рассуждавший во вступительном очерке о духовных стихах, начинает рассказ почти теми же словами: «На завалинке, у самого почтового двора расположился небольшого роста старичок в военном сюртуке, запыленном и вытертом до крайности» [122]. Благоговейное отношение обоих писателей к русскому воину, высокая моральная чистота роднят эти образы.

Салтыков-Щедрин создает ряд образов простых людей из народа в «Губернских очерках», почти всюду пользуясь отдельными художественными средствами духовных стихов. В том же разделе «Богомольцы, странники и проезжие» вслед за «Отставным солдатом Пименовым» он помещает очерк-сказ «Пахомовна», в котором показывает угнетенную, изможденную трудом крестьянскую женщину, ищущую утешение в религии. Появление такого образа в литературе было знаменательным для своего времени. В одном из позднейших произведений Салтыков-Щедрин писал: «История отметила много видов геройства и самоотверженности, но забыла об одном: о геройстве и самоотверженности русской крестьянской женщины» [123]. Жизнь русской крестьянки представлялась писателю как никогда не прекращающийся подвиг. Рассказ о Пахомовне заключает

в себе внутреннюю полемику с традиционным взглядом на женщину, который в особенности поддерживала церковь. Анализируя в другом произведении того же времени религиозное, аскетическое воззрение, наложившее отпечаток на духовные стихи, Салтыков отмечал: «Более всего пострадала от этого воззрения бедная женщина, которая вообще в памятниках нашей старины изображается как начало злое, скверное и *язычное* ⟨...⟩ Иногда даже вообще говорится о женщине как о пагубе для души, как, например: „Некто плакал по жене, приговаривая: не об этой плачу, а о том, что будет другая“»[124].

В противовес этому традиционному для духовных стихов изображению русской женщины Салтыков создает совершенно иной образ, пользуется сказовой формой тех же духовных стихов. Его «Пахомовна» — иконописное изображение простой крестьянской женщины, возвеличенной до высшего предела святости. Ее можно сравнивать с написанными великими мастерами древней Руси ликами святых, в которых отчетливо проступают черты земного, реального человека: «нет у Пахомовны ни хлебца, ни грошика», тело ее «худое, постом истощенное, трудом изможденное», «но не возьмет она чужого сладкого яства и медвяного пойла», «не соблазнят ее груды смарагдов, яхонтов самоцветных, злата-серебра»[125]. Образ Пахомовны взят из реального мира, но облечен религиозной фантастикой.

В конце «Губернских очерков» в рассказе «Аринушка» писатель вновь возвращается к образу женщины из народа, для того чтобы из мира фантастических представлений вернуть его к реальной жизни. Судьба Аринушки, крепостной крестьянки, замученной барыней-управительницей, поистине трагична. Трагичны и обстоятельства смерти Аринушки, принесшей несчастье в семью, которая ее приютила. Картины жизни патриархального крестьянства, угнетаемого помещиками и царскими чиновниками, забитого и темного, искавшего утешения в религии, переданы с потрясающей силой. И не удивительно, что Салтыков-Щедрин, обращаясь и здесь к сказовой форме духовных стихов, использует эту форму для совершенно иной, чем славянофильская, интерпретации народной жизни.

К тому времени (лето 1857 г.), когда Салтыков писал своих «Богомольцев, странников и проезжих», относится и его работа над большой статьей, посвященной «Сказанию о странствии и путешествии... инока Парфения». В этой статье Салтыков вновь обращается к духовным стихам из Собрания Киреевского. Но если в «Губернских очерках» они были использованы в художественных целях как один из поэтических элементов для воссоздания объективной картины духовной жизни народа, то нечто иное мы видим в статье о «Сказании... инока Парфения», где Салтыков выступает как критик и аналитик. Здесь, особенно во второй редакции статьи, духовные стихи рассматриваются в идеологическом плане как носители «аскетических воззрений древней Руси», критикуемых и отвергаемых писателем. Салтыков привлекает внимание к тем духовным стихам, в которых особенно проявляется религиозный фанатизм. Он приводит стих «Об Иосифе Прекрасном», публикуя собственный список, сделанный с какого-то письменного источника в одном из старообрядческих скитов Нижегородской губернии. Он также цитирует уже из материалов Киреевского стихи «О нонешнем веке и будущем», «Прощание души с телом» и некоторые другие. Для просветительских взглядов писателя особенно неприемлемо выраженное в духовных стихах отношение к женщине, и он специально останавливается на этом, разбирая «Стих о грешной матери» из Собрания Киреевского. Таким образом, Салтыков не оставляет и следа от ореола «благодати», который славянофилы создавали вокруг духовных стихов. Завершая разбор их в статье «Сказание... инока Парфения», он приходит к выводу о «невозможности применения начал древней

русской жизни к будущему развитию нашего молодого, но крепкого, исполненного жизни общества» [126].

Но Салтыкова интересовали не только духовные стихи, он знал и песенную поэзию народа, как видно из его произведений и критических статей середины 50-х — начала 60-х и последующих годов. Некоторые из этих работ касались писателей — участников Собрания Киреевского — и вошли в историю фольклористики. Таковы статья о творчестве Кольцова, увидевшая свет в своей главной части лишь в наши дни, такова же рецензия на повести Н. С. Кохановской. Несмотря на различный характер этих работ, мысли о народных песнях, высказанные в них, очень близки между собой и так же, как статья о «Сказании... инока Парфения», направлены против концепции славянофилов.

Резко отрицательно относясь к славянофильству Кохановской, Салтыков вместе с тем выделял лучшие, реалистические произведения писательницы и всячески поощрял ее интерес к народным песням. В повести Кохановской «После обеда в гостях» Салтыкову особенно понравился рассказ о народном певце Черном. Процитировав отрывок из повести, посвященный Черному, он писал: «Признаемся, мы никогда не могли прочесть это место без сильного внутреннего волнения 〈...〉 Черный, этот один из множества неведомых творцов русской песни, представляет собой создание в высшей степени поэтическое...»[127]

Кохановская не только в своих произведениях обращалась к народной песне. Она принимала участие в их собирании и записи свои опубликовала в двух номерах «Русской беседы» за 1860 г. Показательно, что К. С. Аксаков, А. И. Кошелев и А. С. Хомяков, дав согласие на эту публикацию, провели ее через «славянофильскую цензуру» и потребовали от собирательницы изъятия и сокращения ряда текстов. Кохановская упорно отстаивала право сохранить народные песни в их подлинном виде. Спор, длившийся довольно долго, закончился компромиссным решением, но последующую публикацию песен Кохановская подготовила уже целиком в духе славянофильских идей[128]. Факт этот очень примечателен не только для судьбы записей песен Кохановской, но и для Собрания Киреевского, которое, как будет показано ниже, по своему составу не могло удовлетворить теоретиков славянофильства. Салтыков, давший положительную оценку реалистическим произведениям Кохановской, поддержал ее интерес к народной песенной поэзии, исключающий славянофильскую тенденциозность.

4

Участие многих писателей, начиная с Пушкина, в Собрании Киреевского показывает, что оно возникло и создавалось в русле развития русской литературы первой половины XIX в. Этот объективный факт дает основание подойти к истории Собрания с новых позиций. До сих пор оно рассматривалось главным образом в узких рамках изучения славянофильских интересов к фольклору. Между тем новые материалы, привлеченные советскими исследователями, свидетельствуют, что состав Собрания, история его создания и деятельность самого Киреевского выходят далеко за пределы славянофильства. Отсюда возникает необходимость в пересмотре некоторых традиционных взглядов и, во всяком случае, в постановке ряда вопросов, давно назревших в науке и требующих решения. Прежде всего возникает вопрос, следует ли относить Собрание Киреевского к заслугам славянофилов, когда известно, что замысел и основной костяк его сложились в пушкинскую эпоху, в конце 20-х — 30-х годов XIX века? Некоторые исследователи оставляют этот вопрос открытым; другие, развивая традиционную точку зрения, пытаются связать его с истоками сла-

вянофильства. Так, например, М. К. Азадовский пишет: «Правда, в начале 30-х годов славянофильство еще не оформилось как особое идейное течение, но уже существовал определенный круг идей, составивший позже основу и сущность славянофильства. Носителем этих идей в начале 30-х годов и был П. Киреевский» [129]. В другой, более обстоятельной работе по истории фольклористики Азадовский, развивая эти мысли, указывает, что уже с начала своей деятельности Киреевский «был очень сильно вооружен политически. Он понял боевое значение фольклорного материала и повел широкую борьбу на избранном им участке общего фронта». Далее Азадовский утверждает, что занятия Киреевского народной поэзией преследовали «определенные политические задачи. Его авторитет в этой области был сразу признан его современниками, и очень скоро к Киреевскому стали стекаться фольклорные материалы с разных частей страны. Одним из первых передал ему свои записи Пушкин» [130]. Таким образом, молодой, только что окончивший университет Киреевский уже в 30-е годы выступает идеологом славянофильства, ставит политические задачи, а его идеи настолько популярны, что все, начиная с Пушкина, посылают ему фольклорные материалы. Хотя славянофильство впоследствии и сыграло определенную роль в истории Собрания Киреевского, подобная трактовка вопроса не может быть признана соответствующей истине. Азадовский, не располагавший здесь достаточными материалами, изложил сложившуюся ранее концепцию. В дореволюционное время ее сформулировал и наиболее последовательно отстаивал М. О. Гершензон, написавший биографию Киреевского для издания «Новой серии» его песен. Гершензон утверждал, что знаменитому собирателю песен от рождения суждено было стать славянофилом, что «ни образование, ни внешние влияния, которым в молодости подвергался П. В. Киреевский, по существу, ничего не изменили в нем», он «остался неизменным от рождения до могилы»[131]. Отсюда естественно следовало, что Собрание песен, которому Киреевский посвятил всю свою жизнь, было исконно славянофильским делом. Эта концепция восходит к самим славянофилам. Впервые она изложена в печати Н. А. Елагиным в «Материалах для биографии И. В. Киреевского» [132]. Но и до него такая концепция вынашивалась в славянофильских кругах, а впоследствии была принята как аксиома, не подлежащая пересмотру.

Однако, как это уже было показано выше, изучение истории Собрания, фольклористической деятельности Киреевского и его помощников, среди которых были выдающиеся люди той эпохи, наконец — самих материалов, записанных ими, устанавливает ошибочность таких взглядов.

К тому, что было сказано по данному вопросу в ходе предыдущего изложения, добавим еще ряд наблюдений и соображений.

Если считать Собрание Киреевского делом славянофильской фольклористики, то возникает вопрос, почему, помимо него самого, никто из ведущих деятелей славянофильства ни в 30-е, ни в последующие годы не принимал в нем сколько-нибудь деятельного участия? Песни записывали Пушкин, Гоголь, Кольцов и многие другие писатели и собиратели фольклора, но в Собрании Киреевского нет записей ни поэта Хомякова, ни братьев Константина и Ивана Аксаковых, ни Кошелева, ни Самарина, ни даже Ивана Киреевского, который, казалось бы, должен был разделять взгляды и труды своего брата. К единомышленникам славянофилов, участвовавшим в этом Собрании, могут быть отнесены только Н. М. Языков и привлеченный им молодой Д. А. Валуев. Однако фольклоризм Языкова как поэта-романтика сформировался независимо от славянофильства и имел свои особые черты. Что же касается Валуева, то он никак не мог представлять славянофильскую фольклористику в 30-е годы. Позднее, в 40-е годы, когда славянофильство сформировалось как течение

общественной мысли, его представители действительно пытались использовать фольклор, в том числе материалы Киреевского, в борьбе со своими противниками. Но и тогда никто из видных идеологов славянофильства не занимался собиранием народных песен.

Это не означает, конечно, что появились основания оспаривать общеизвестный интерес славянофилов к фольклору. Некоторые исследователи, даже мало расположенные к славянофилам, например А. Н. Пыпин, склонны были утверждать, что обращение к фольклору составляло чуть ли не краеугольный камень славянофильской доктрины, что «славянофильское понимание народа было заслугой ⟨...⟩ смелым делом...»[133] и т. п. Однако ученые, разделявшие подобную точку зрения, оставляли порою в стороне вопрос о том, *какой* фольклор интересовал славянофилов и *что́* они искали в фольклоре. Фольклор привлекал славянофилов как памятник национальной старины, как выражение идеологии патриархального крестьянства, веровавшего во всемогущество царя, искавшего утешения в религии, не способного к борьбе с самодержавно-помещичьим строем. Именно консервативно-реакционные элементы крестьянской идеологии, поскольку они отражались в некоторых памятниках фольклора, импонировали учению славянофилов. Но не эти отрицательные стороны сознания народных масс были главными и определяющими для устного творчества, в особенности песен. Как относились славянофилы к песням, противостоящим их представлениям о народной жизни, видно из публикации ими материалов Кохановской, о чем говорилось выше. Еще более показательным явилось их отношение к изданию песен Киреевского. Всего лишь несколько текстов из его Собрания было помещено в славянофильских изданиях—в «Московском сборнике» 1852 г. и в «Русской беседе» 1856—1857 гг. (последняя публикация появилась после смерти собирателя). Но, кроме этих небольших публикаций, славянофилы не напечатали ничего из материалов Собрания. Все заботы о продвижении собранных песен в печать легли на плечи одного Киреевского и братьев Языковых, которые хотя и безрезультатно, но боролись за их издание. А когда после смерти Киреевского Собрание поступило под опеку Хомякова, К. Аксакова и их последователей, они так и не смогли осуществить его полного издания. Какова была роль славянофилов в последующей истории Собрания, показано в статье А. И. Баландина и П. Д. Ухова, помещенной в настоящем томе (стр. 85—93).

Принято рассматривать как славянофильское издание первый и единственный прижизненный выпуск Собрания (1848), подготовленный Киреевским и посвященный духовным стихам. Однако следует иметь в виду, что отношение Киреевского к духовным стихам в то время, когда он начал собирать их, было иное, чем у теоретиков славянофильства. Если К. С. Аксаков в работе о древнем быте славян стремился доказать, что язычество чуждо русскому народу, а Хомяков писал, что у славян заметно «глубокое отвращение от древнего своего язычества» [134], то Киреевский в духовных стихах видел как раз пережитки язычества. Он писал о них: «Кроме их филологической и поэтической важности, из них, вероятно, много объяснится и наша прежняя мифология. Точно так же как многие из храмов древнего мира уцелели от разрушения, приняв на кровлю свою христианский крест, многие из наших языческих преданий сохранились, примкнув к песням о святых, либо по сходству имени, либо по сходству своего напева» [135]. Именно эти древние, языческие, но отнюдь не христианские образы прежде всего интересовали собирателя. И если обратиться к его изданию, то на первом месте там помещены сводные тексты больших эпических произведений, которые, по мнению составителя, должны были подтвердить его гипотезу. Это стихи «О Федоре Тироне», «О Егории храбром», «О Елисавете Прекрасной», «О Дмитрии Со-

лунском» и другие. Если так обстоит дело с духовными стихами, то весь остальной состав Собрания Киреевского тем более противостоял собственно славянофильским интересам по отношению к фольклору. На это уже неоднократно обращалось внимание в научной литературе, хотя специальных работ, посвященных данной проблеме, не появлялось.

Собрание Киреевского, насчитывавшее около пятнадцати тысяч текстов, включало в себя все виды песенного фольклора (исключая частушки, которые тогда не были известны в устной традиции). Центральное место в Собрании занимали песни исторические и лирические (по современной терминологии — семейно-бытовые), а среди исторических песен — произведения, отразившие борьбу народных масс с крепостничеством. Это поэзия вольных людей, песни крестьянских войн и восстаний. Представители передовой общественной мысли всегда обращали особое внимание на эти песни, запечатлевшие, по их мнению, глубокие социальные сдвиги в истории народа. «Уход в монастырь, в казаки, в шайку разбойников — был единственным средством обрести свободу в России,— писал Герцен.— ⟨...⟩. Обычай разбойничества ⟨...⟩ своим широким распространением он обязан именно глухой борьбе, начатой крестьянами, протестовавшими против закрепощения. Известно, что в песнях разбойнику отводится благородная роль, что все симпатии обращены к нему, а не к его жертвам; с тайной радостью превозносятся его подвиги и его удаль. Народный певец, казалось, понимал, что самый большой его враг — не этот разбойник»[136]. Выступления народных масс против феодально-крепостнического режима получили широкое отражение в песнях о крестьянской войне под руководством Степана Разина. Песни этого цикла органически связаны с казачьим фольклором, с песнями о вольных людях, удалых «разбойниках». Собрание Киреевского давало первый в русской науке свод этих песен, содержащих новые, неизвестные ранее сюжеты, такие, как песня о сынке Разина. Несомненно, этот бунтарский фольклор не привлекал славянофилов, искавших в народном творчестве подтверждения совсем других черт национального характера русского человека.

Старейший слой в Собрании представляют исторические песни XVI — XVII вв., но не меньшее место занимают исторические песни XVIII — начала XIX в.— фольклор почти современный для времени возникновения Собрания. Такое соотношение хронологических пластов в исторических песнях Собрания уже противостояло концепции славянофилов, утверждавших, что в послепетровский период исторический эпос народа угасает. Однако ничто так не опровергает подобные взгляды, как именно материалы Киреевского, свидетельствующие и об активности народного творчества позднейших эпох, и об интересе Киреевского и его сотрудников к собиранию фольклора этого времени.

В наброске плана предполагавшегося издания песен, разработанном Киреевским и Якушкиным, есть такая рубрика: «Русь новая, Петр I». Среди исторического эпоса позднейших эпох песен Петровского времени особенно много: только в «Старой серии» их опубликовано около девяноста, причем двадцать три записаны самим Киреевским. Если же принять во внимание вновь найденные записи, часть которых публикуется в настоящем томе, то их количество еще более возрастает. Все это говорит о том, что Киреевский, следуя за Пушкиным, собирал и изучал фольклор начала XVIII в.

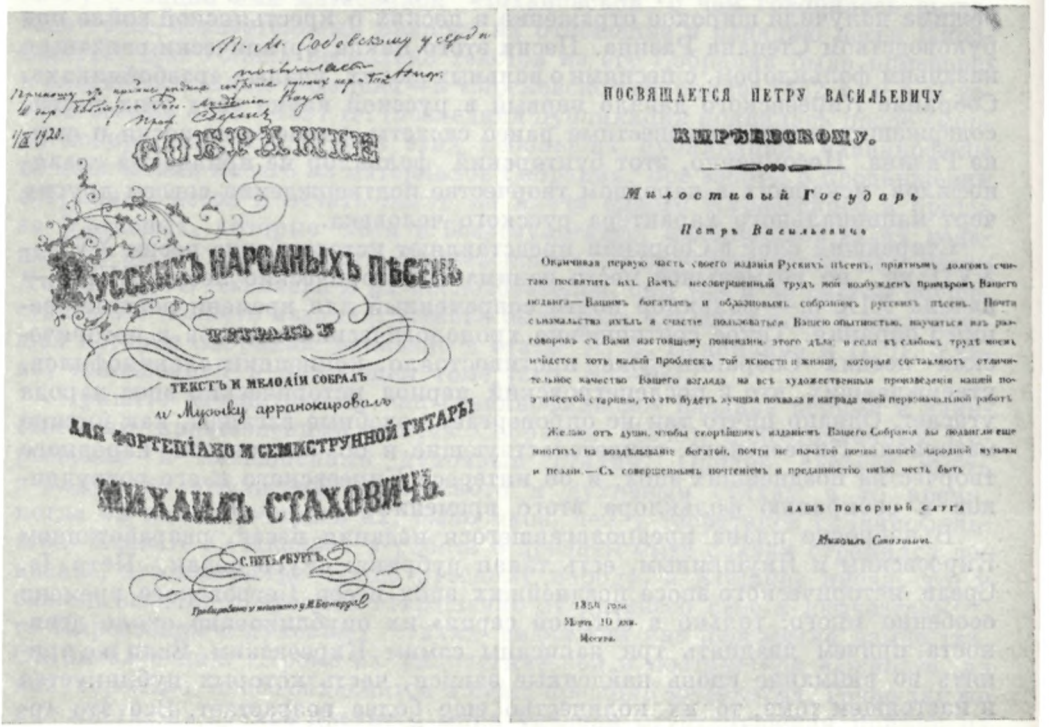
Вместе с тем с Собранием Киреевского вошло в научный обиход большое количество песен послепетровского времени. В этом состоит заслуга собирателя, который первым начал изучать их в историческом плане. В число таких произведений, представленных в Собрании, входят: песни о Семилетней войне, о Суворове, о крестьянской войне под руководством Пугачева, безымянные рекрутские и солдатские песни о тяготах

службы, муштровке, изнуряющих походах, палочной дисциплине. В них отчетливо выступают противоречия крепостнического строя, протест солдатской массы, жалобы не только на командиров, но и на царя.

Таким образом, исторические песни Собрания Киреевского представляли не полумифическую «Святую Русь» славянофилов, а реально-историческую действительность такой, какой она запечатлелась в художественном сознании крепостного крестьянства. Естественно, что славянофилы не могли «освоить» материалы Собрания, потому что они не укладывались в представления и схемы их доктрины.

Не менее показательным было отношение славянофильской фольклористики к лирическим и семейно-бытовым песням, составлявшим бо́льшую часть Собрания Киреевского. Огромная коллекция этих песен была забыта, и только в 1911 г., по прошествии более полустолетия, они появляются в «Новой серии», выходившей с большими перерывами до 1929 г. Но и эта серия не исчерпала всех материалов, о чем свидетельствуют публикации настоящего тома «Литературного наследства».

Для славянофилов народная семейно-бытовая лирика представляла интерес главным образом с точки зрения сохранения в современности прошлого, а именно патриархального уклада со всей его обрядовостью, который они неизменно идеализировали. Но песни как раз «снимают» эту идеализацию и воспроизводят в суровых, реалистических красках картину прошлого. Об этом писал Белинский, который считал, что вся



СОБРАНІЕ РУССКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ
ТЕТРАДЬ 3
ТЕКСТЪ И МЕЛОДІИ СОБРАЛЪ
и Музыку арранжировалъ
ДЛЯ ФОРТЕПІАНО И СЕМИСТРУННОЙ ГИТАРЫ
МИХАИЛЪ СТАХОВИЧЪ.
С. ПЕТЕРБУРГЪ

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПЕТРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ
КИРѢЕВСКОМУ.

Милостивый Государь
Петръ Васильевичъ

Оканчивая первую часть своего изданія Русскихъ пѣсенъ, пріятнымъ долгомъ считаю посвятить ихъ. Вачъ несовершенный трудъ мой возбужденъ примѣромъ Вашего подвига—Вашимъ богатымъ и образцовымъ собраніемъ русскихъ пѣсенъ. Почти сызмальства пылъ я счастіе пользоваться Вашею опытностью, научаться изъ разговоровъ съ Вами настоящему пониманію этого дѣла; и если въ слабомъ трудѣ моемъ найдется хоть малый проблескъ той живости и жизни, которыя составляютъ отличительное качество Вашего взгляда на всѣ художественныя произведенія нашей поэтической старины, то это будетъ лучшая похвала и награда моей первоначальной работѣ.

Желаю отъ души, чтобы скорѣйшимъ изданіемъ Вашего Собранія вы подвигли еще многихъ на воздѣлываніе богатой, почти не початой нивы нашей народной музыки и пѣсни.—Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть

вашъ покорный слуга
Михаилъ Стаховичъ.

1854 года
Марта 10 дня.
Москва.

СБОРНИК «РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН», СОСТАВЛЕННЫЙ М. А. СТАХОВИЧЕМ И ПОСВЯЩЕННЫЙ П. В. КИРЕЕВСКОМУ (СПб., 1854)

Обложка и страница с посвящением

На обложке дарственная надпись составителя П. М. Садовскому и помета С. К. Булича о передаче книги в библиотеку Академии наук

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

М. А. СТАХОВИЧ

Рисунок карандашом Э. А. Дмитриева-Мамонова, 1840-е годы

Третьяковская галерея, Москва

народная лирика вырастает из семейного уклада крепостного крестьянства, что она порождена им и «потому она так грустна, так заунывна и нередко дышит таким сокрушительным чувством отчаяния и ожесточения»[137]. Эти слова Белинского можно поставить в качестве эпиграфа ко всему циклу семейно-бытовой лирики — настолько справедливо и верно они передают ее историческую специфику.

Более конкретно о принципиально ином подходе к народной лирике славянофилов можно судить по их взглядам на свадебную поэзию, которая особенно богато представлена в Собрании Киреевского. Первым, кто дал правдивую картину крестьянской свадьбы, был Радищев, который в «Путешествии из Петербурга в Москву» писал: «Проезжала тут свадьба ⟨...⟩ зрелись на челе определенных вступать в супружество печаль и уныние. Они друг друга ненавидят и, властию господина своего, влекутся на казнь ⟨...⟩ О! горестная участь многих миллионов!»[138] Вторя Радищеву, писал о свадебных песнях Пушкин: «Вообще несчастие жизни семейственной есть отличительная черта во нравах русского народа. Шлюсь на русские песни: обыкновенное их содержание — или жалобы красавицы, выданной замуж насильно; или упреки молодого мужа постылой жене»[139]. Об этом же много писали Белинский, Гоголь, Герцен, революционно-демократическая критика 1860-х годов. Особенно обращалось внимание на горькую долю женщины-крестьянки, закрепощенной в «неволю великую», как поется в самих песнях.

Напротив того, славянофилы создавали на материале свадебного обряда идиллические картины быта славян и пытались этот быт перенести в современность. Вот что писал К. С. Аксаков в статье «Быт русского народа по его обычаям, поверьям и песням»: «При глубоком уважении к женщине у славянских народов девушка была наиболее уважаемое, лелеемое существо ⟨...⟩ При таком значении девушки в жизни славянской вспомним еще тот важный и глубокий взгляд, который был на брак у славян, вспомним древние повествования о целомудрии их жен, наконец,

святое значение веры, освятившее брак, возвестившее его как таинство ⟨...⟩ И точно, брак носит у нас название суда божьего» [140]. Трудно сказать, на какие источники опирался Аксаков, характеризуя таким образом свадебные обычаи, поверья и песни, но, во всяком случае, не на материалы Киреевского. На песни, вошедшие в это Собрание, у него нет и не могло быть ссылок.

С какой бы стороны мы ни подошли к фольклорным материалам Киреевского, они никак не укладываются в концепции славянофилов, напротив того — самым решительным образом противостоят им.

Но если Собрание песен Киреевского противостоит фольклористике славянофилов, то каковы же были роль и место самого Киреевского в кругу виднейших деятелей славянофильства 1840-х годов, с которыми он был тесно связан не только чисто личными отношениями? Ответить на этот вопрос можно, если с исторических позиций подойти к фольклористическим занятиям Киреевского, учитывая эволюцию его взглядов и имея в виду весь жизненный путь собирателя. Освещение этих вопросов читатель найдет в другой работе настоящего тома — «П. В. Киреевский и собранные им песни». В заключение же настоящей статьи еще раз сформулируем те основные и общие выводы, которые вытекают из приведенных выше материалов.

Собрание народных песен Киреевского нельзя рассматривать как результат деятельности одного человека и даже группы людей, представляющих одно какое-то направление общественной мысли. «Песни, собранные П. В. Киреевским» — общенациональное дело, которое было задумано и осуществлялось при непосредственном участии Пушкина и вокруг которого впоследствии сосредоточились представители различных общественных сил. Именно поэтому оно приобрело такое большое значение в развитии русской культуры и литературы в особенности. «Без „Песен" Киреевского невозможен ⟨...⟩ широкий охват всего процесса литературной жизни за период, возглавляемый Пушкиным»,— писал П. Н. Сакулин [141]. Теперь, располагая значительно бо́льшими материалами, мы можем сказать, что это касается и всего периода формирования новой русской литературы вплоть до Некрасова.

Собрание Киреевского сыграло не меньшую роль в истории фольклористики, чем другие фольклорные собрания виднейших деятелей славянского Возрождения. Но судьба его оказалась сложнее и превратнее, потому что создавалось оно в царской России в эпоху жесточайшей реакции. «Народные песни, предлагаемые к печати, должны быть подвергнуты столь же осмотрительной цензуре, как и все другие произведения словесности»,— говорилось в правительственном распоряжении того времени[142]. И это относилось уже не к песням, выражавшим социальный протест, которые и так были запрещены, но преимущественно к народной лирике. «Полиция гораздо строже смотрит на песни, чем на грабежи»,— заметил в своем дневнике знаток и любитель народных песен А. Н. Островский [143]. Мог ли Киреевский в политической обстановке николаевской России довести до конца свое огромное дело, которому отдался вначале с таким энтузиазмом? Участь его, подобно участи многих его современников, была предопределена. Герцен писал о братьях Киреевских: «Сломанность этих людей, заеденных николаевским временем, была очевидна» [144]. Киреевский умер, не завершив труда всей своей жизни. А после его смерти Собрание оказалось в руках реакционных представителей официальной народности — Погодина и Бессонова. Предпринятое ими издание песен — «Старая серия» — далеко не исчерпало всех материалов Собрания. Большая часть материалов Киреевского осталась в различных архивах и не избежала расхищения. Издание «Новой серии» также далеко не исчерпало богатейших материалов Собрания. Задача советской науки—восстановить

подлинный облик этого выдающегося памятника народной поэзии — классики русского фольклора.

Собрание народных песен Киреевского создавалось замечательными людьми России, видевшими в песенной поэзии воплощение народной мудрости, правды и справедливости. Этим определяется выдающееся значение Собрания в истории русской литературы и его роль в творчестве писателей, для которых оно служит неисчерпаемым источником познания духовной жизни народа.

ПРИМЕЧАНИЯ[1]

[1] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 119—122.

[2] О Собрании песен Киреевского хорошо знали ученые западнославянских стран. Еще в 1836 г. П. Шафарик писал М. П. Погодину: «Что делает П. В. Киреевский с своим собранием русских песен? ⟨...⟩ Если бы теперь, при сочинении моих „Древностей“ ⟨имеется в виду известный труд Шафарика «Славянские древности».— *А. С.*⟩, были бы у меня эти песни, в каком ином виде появились бы некоторые части их» (Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. IV. СПб., 1891, стр. 422; ср. «Письма к Погодину из славянских земель», т. II. М., 1880, стр. 163). Как стало известно из переписки бр. Языковых, публикуемой в настоящ. томе (см. стр. 61), Киреевский, столкнувшись с цензурным запретом при публикации песен, собирался издавать их в Праге, прибегнув к помощи Вацлава Ганки. О личном знакомстве Киреевского с учеными славянских стран, в том числе с И. Юнгманом — см. настоящ. том, стр. 44. После выхода в свет первого выпуска песен Киреевского, посвященного духовным стихам (1848), Проспер Мериме писал Соболевскому: «Мне говорили об одном замечательном сборнике простонародных стихов. Когда вы поедете из Чужи в Отчизну, пришлите мне стихи ваших крестьян» (письмо от 31 августа 1849 г.— А. К. Виноградов. Мериме в письмах к Соболевскому. М., 1928, стр. 100—101).

[3] Все рецензии на это издание, появившиеся в русской периодической печати, учтены в библиографиях С. А. Венгерова, В. И. Межова, А. В. Мезьер; отметим здесь малоизвестные рецензии представителей революционно-демократической критики: М. Л. Михайлова в «Русском слове»,1860, № 11, отд. II, стр. 33—41, а также И. А. Худякова в «Московских ведомостях», 1861, № 44, стр. 357. Научная оценка издания показала несостоятельность работы Бессонова над материалами Киреевского, что, однако, не умаляет значения самих материалов. Подробнее об этом — см. в статье А. И. Баландина и П. Д. Ухова, помещенной в настоящ. томе, стр. 93. Отзывы в иностранной прессе учтены Бессоновым (*СС*, в. 8, «Заметка», стр. III, примечания).

[4] А. Фомин. Андрей Иванович Тургенев и Андрей Сергеевич Кайсаров.— «Русский библиофил», 1912, январь, стр. 24—25.

[5] Там же.

[6] Белинский, т. VI, стр. 460.

[7] Р. В. Иезуитова. Из истории русской баллады 1790 — первой половины 1820-х годов (Жуковский и Пушкин). Автореферат дисс. на соискание ученой степени кандидата филолог. наук. Л., 1966, стр. 16 (АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом)), а также настоящ. том, стр. 15—16.

[8] К. Н. Батюшков. Сочинения, т. II. СПб., 1885, стр. 156.

[9] Там же, стр. 232.

[10] «Мнемозина», 1824, ч. II, стр. 42.

[11] К. Ф. Рылеев. Стихотворения. Статьи. Очерки. Докладные записки. Письма. Ред., подготовка текста и прим. Ю. Г. Оксмана. М., ГИХЛ, 1956, стр. 71.

[12] «Сын отечества», 1823, № 4, стр. 181—190.

[13] «Песни и романсы русских поэтов». Вступ. статья, подготовка текста и примеч. В. Е. Гусева. М.— Л., 1965, стр. 323 («Б-ка поэта». Большая серия).

[14] В. Д. Сухоруков. ⟨Рецензия на «Историю Донского войска» В. Броневского⟩.— «Донской вестник», 1867, № 27-29. Цит. по кн.: А. Линин. А. С. Пушкин на Дону. Ростов н/Д., 1941, стр. 106.

[15] См. настоящ. том, стр. 175 и 222.

[16] Соймонов, стр. 143—145.

[17] «Русский архив», 1873, № 8, стлб. 1345 (письмо Киреевского к А. И. Кошелеву).

[18] М. П. Погодин. Параллель русской истории с историей западных европейских государств.— «Москвитянин», 1845, кн. I, стр. 16.

[19] П. В. Киреевский. О древней русской истории.— «Москвитянин», 1845, кн. III, стр. 14.

[20] Герцен, т. XVI, стр. 77.

[21] М. К. Азадовский. Статьи о литературе и фольклоре. М.— Л., Гослитиздат, 1960, стр. 305.

[22] Герцен, т. VII, стр. 185—186.
[23] Письма Киреевского к Языкову, стр. 48.— Курсив мой.
[24] ‹Н. П. Колюпанов.› Биография А. И. Кошелева. М., 1889, т. I, ч. 2, стр. 48.
[25] А. Д. Соймонов. «Песенная прокламация» П. В. Киреевского.— «Советская этнография», 1960, № 4, стр. 148.
[26] Азадовский. История русской фольклористики, т. I, стр. 339.
[27] М. К. Азадовский. Литература и фольклор. Л., ГИХЛ, 1938, стр. 54.
[28] Пушкин, т. XII, стр. 192.
[29] П. В. Анненков. Александр Сергеевич Пушкин в александровскую эпоху. СПб., 1874, стр. 155.
[30] Произведения Пушкина начали входить в устную традицию через песенники. Уже в песенниках 1830-х годов встречаются многие его произведения: «Романс» («Под вечер, осенью ненастной...»), «Черная шаль», «Талисман», «Зимний вечер», «Ночной зефир...», «Девицы-красавицы...» и др. «Узник» попадает в песенники только с 1870-х годов, но это произведение до сих пор очень популярно в устной традиции, его варианты много раз записывались как дореволюционными, так и советскими собирателями. Некоторые стихи из «Братьев разбойников» вошли в народную драму «Лодка» (В. М. Сидельников. Фольклоризация произведений Пушкина.— «Пушкин на юге. Труды Пушкинской конференции Одессы и Кишинева», т. II. Кишинев, 1961, стр. 15—29).
[31] М. Горький. История русской литературы. М., ГИХЛ, 1939, стр. 98.— Об использовании Пушкиным цыганских и молдавских песен — см. Г. Ф. Богач. Пушкин и молдавский фольклор. Кишинев, 1963.
[32] См. песни, записанные Пушкиным, настоящ. том, № 1—2.
[33] В. Раевский. Стихотворения. Л., 1952, стр. 149.
[34] Белинский, т. VII, стр. 490.
[35] Там же, стр. 491.
[36] Г. А. Гуковский. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., Гослитиздат, 1957, стр. 166.
[37] Пушкин, т. VI, стр. 25.
[38] Там же, стр. 361.
[39] Там же, стр. 480.
[40] Там же, стр. 42.
[41] Там же, стр. 99.
[42] См. Д. Д. Благой. Социология творчества Пушкина. Этюды. Изд. 2-е, доп. М., 1931, стр. 133.
[43] Белинский, т. VII, стр. 565.
[44] Там же, стр. 566.
[45] Там же, стр. 569.
[46] См. настоящ. том, стр. 226—230.
[47] Там же, стр. 186.
[48] Пушкин, т. XI, стр. 147.
[49] Белинский, т. VIII, стр. 79—80.
[50] Азадовский. История русской фольклористики, т. I, стр. 288—293.
[51] Гоголь, т. VIII, стр. 91.
[52] Там же.
[53] Там же, стр. 92, 94.
[54] Там же, стр. 97.
[55] Герцен, т. VII, стр. 185.
[56] Письмо к М. А. Максимовичу от 12 февраля 1834 г.— Гоголь, т. X, стр. 297—298.
[57] Письмо к М. А. Максимовичу от 12 марта 1834 г.— Там же, стр. 302.
[58] Письмо к И. И. Срезневскому от 6 марта 1834 г.— Там же, стр. 300.
[59] Г. С. Сухобрус. Украинско-русские фольклорные связи в освещении отечественной науки XIX в. Автореферат на соискание ученой степени доктора филолог. наук. Киев, 1965, стр. 36 (АН УССР, Отдел литературы, языка и искусствоведения).
[60] Белинский, т. I, стр. 304.
[61] Письмо к В. А. Жуковскому от 10 сентября 1831 г.— Гоголь, т. X, стр. 207.
[62] Ср., например, «Мысли Киреевского о русских песнях» в записи А. И. Кошелева (I, стр. XXXI) с тем, что писал Гоголь о песнях в «Петербургских записках».
[63] «Чтения», стр. V.
[64] Г. П. Георгиевский. Песни, собранные Н. В. Гоголем. СПб., 1908.
[65] «Петербургские записки 1836 года».— Гоголь, т. VIII, стр. 184.
[66] Ф. И. Буслаев. Мои воспоминания. — «Вестник Европы», 1891, № 10, стр. 637.
[67] Николай Иваницкий. Выправка некоторых биографических известий о Гоголе.— «Отечественные записки», 1853, кн. II, Смесь, стр. 112.
[68] Там же, стр. 113.
[69] Соймонов, стр. 148—149.

[70] М. И. Глинка. Литературное наследие, т. II. Письма и документы. Под ред. В. Богданова-Березовского. М., Музгиз, 1953, стр. 80.

[71] Там же, т. I, 1952, стр. 299.

[72] А. П. Керн. Воспоминания. Вступ. статья, ред. и прим. Ю. Н. Верховского. Л., «Academia», 1929, стр. 296.

[73] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III. М., ГИХЛ, 1948, стр. 515.

[74] Герцен, т. XIII, стр. 164 и 175—176.

[75] Письмо от 28 сентября 1839 г.— А. В. Кольцов. Сочинения в двух томах. М., «Советская Россия», 1961, стр. 94 (ниже ссылки на это издание).

[76] Об этом он писал Краевскому 12 февраля 1837 г.— Там же, стр. 33—36.

[77] А. В. Кольцов. Сочинения, т. II, стр. 95.

[78] Белинский, т. IX, стр. 532—534.

[79] См. настоящ. том, стр. 282.

[80] Белинский, т. V, стр. 446.

[81] Белинский, т. IX, стр. 531.

[82] А. В. Кольцов. Сочинения, т. II, стр. 33—34.

[83] ИРЛИ, архив Языковых, ф. 348, 19.4.11, л. 2.

[84] «Татевский сборник». СПб., 1899, стр. 49.

[85] Н. М. Языков. Полн. собр. стих. Ред., вступ. статья и коммент. М. К. Азадовского. М.— Л., «Academia», 1934, стр. 71.

[86] См. настоящ. том, стр. 342—343.

[87] Азадовский. История русской фольклористики, т. I, стр. 365; настоящ. том, стр. 516.

[88] Белинский, т. III, стр. 221.— Задержка с изданием Собрания песен Киреевского раздражала Белинского, как видно из следующей его реплики: «Вот, например, г. Киреевский: он уж лет десять (так говорят московские слухи) собирается издать богатое собрание русских народных песен. Может быть, он и не успеет издать их при жизни своей — что ж? — они издадутся после его смерти, и если не мы, то наши дети будут читать их» (Белинский, т. VII, стр. 636). Это ироническое замечание оказалось более чем пророческим.

[89] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 232—233.

[90] Белинский, т. V, стр. 303.

[91] В. И. Даль. Полн. собр. соч., т. I. СПб., изд. М. О. Вольфа, 1897, стр. 180—208.

[92] Якушкин, стр. 298.

[93] Там же, стр. 142—152.

[94] Там же, стр. LXVII.

[95] Там же, стр. 142—144.

[96] В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. III. М., ГИИНС, 1955, стр. 551.

[97] В. И. Даль. Пословицы русского народа. М., ГИХЛ, 1957, стр. 972—973.

[98] Там же.

[99] Русские народные песни, записанные с народного напева и аранжированные для одного голоса с аккомпанементом фортепиано К. Вильбоа. СПб., 1860.

[100] Н. А. Римский-Корсаков. Летопись моей музыкальной жизни. М., Музгиз, 1935, стр. 49.

[101] Сохранилась опись библиотеки Киреевского в архиве Елагиных (ЛБ, ф. 125); некоторые книги из этой библиотеки находятся в Гос. музее И. С. Тургенева в Орле.

[102] «Собрание русских народных песен. Текст и мелодии собрал и музыку аранжировал для фортепиано и семиструнной гитары Михаил Стахович». СПб.— М., 1851—1854.

[103] М. К. Азадовский. Статьи о литературе и фольклоре. М.— Л., Гослитиздат, 1960, стр. 395—437.

[104] И. С. Тургенев. Полн. собр. сочинений и писем. Сочинения, т. IV. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 534—611.

[105] Там же, стр. 241.

[106] Там же, стр. 236.

[107] А. Н. Островский. Полн. собр. соч., т. XIII. М., Гослитиздат, 1952, стр. 219.

[108] А. Ф. Писемский. Сочинения в трех томах, т. 2. М., ГИХЛ, 1956, стр. 293—294.

[109] П. С. Усов. П. И. Мельников (Андрей Печерский). Его жизнь и литературная деятельность.— Собр. соч. П. И. Мельникова. СПб., изд. М. О. Вольфа, 1898, стр. 56.

[110] Сборник памяти П. И. Мельникова. Н. Новгород, 1910, стр. 158.

[111] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III, стр. 661.

[112] Н. Г. Чернышевский, т. II, стр. 431.

[113] Там же, стр. 315.

[114] Н. А. Добролюбов. Собр. сочинений в трех томах, т. I. М., ГИХЛ, 1950, стр. 127.

[115] Письмо к И. В. Павлову от 23 августа 1857 г.—«Лит. наследство», т. 67, 1959, стр. 458.— В предваряющей публикацию статье С. А. Макашин подробно анализирует отношение Салтыкова к славянофилам.

[116] М. Е. Салтыков-Щедрин. Собр. соч., т. 5. М., «Художественная литература», 1966 (коментарий С. А. Макашина).

[117] Статья «Кольцов» в программной своей части была запрещена цензурой и полностью увидела свет лишь в наши дни. См. «Лит. наследство», т. 67, 1959, стр. 281—314.

[118] С. А. Макашин. Комментарии к «Губернским очеркам».— М. Е. Салтыков-Щедрин. Собр. соч., т. 2, 1965, стр. 495.

[119] Н. А. Добролюбов. Собр. сочинений в трех томах, т. I, стр. 173.

[120] Там же, стр. 272.

[121] А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. I. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1938, стр. 373.

[122] М. Е. Салтыков-Щедрин. Собр. соч., т. 2, 1965, стр. 124.

[123] М. Е. Салтыков-Щедрин. Полн. собр. соч., т. XIII. Л., ГИХЛ, 1936, стр. 355—356.

[124] М. Е. Салтыков-Щедрин. Полн. собр. соч., т. V. М., 1937, стр. 51.

[125] М. Е. Салтыков-Щедрин. Собр. соч., т. 2, стр. 133—138.

[126] М. Е. Салтыков-Щедрин. Полн. собр. соч., т. V, стр. 72.

[127] Там же, стр. 322—323.

[128] Н. Н. Платонова. Кохановская (Н. С. Соханская). Библиографический очерк. СПб., 1909, стр. 120—121.— Влияние славянофильских идей сказалось особенно сильно на публикации Соханской так называемых «боярских песен» («Русская беседа», т. II, 1860, отд. «Изящная словесность», стр. 71—142).

[129] Русское народное поэтическое творчество. Пособие для вузов. Под общ. ред. П. Г. Богатырева. Изд. 2-е. М., Учпедгиз, 1956, стр. 78.

[130] Азадовский. История русской фольклористики, т. I, стр. 334.

[131] *НС*, в. I, стр. VII.

[132] И. В. Киреевский. Полн. собр. соч. Под ред. М. О. Гершензона, т. I. М., 1911, стр. 3—82.

[133] А. Н. Пыпин. Характеристика литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. Изд. 2-е. СПб., 1890, стр. 334.

[134] А. С. Хомяков. Полн. собр. соч. Изд. 3-е, т. I. М., 1909, стр. 231.

[135] Письма Киреевского к Языкову, стр. 23.

[136] Герцен, т. VII, стр. 186—187.

[137] Белинский, т. V, стр. 441—442.

[138] А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. I, стр. 379.

[139] Пушкин, т. XI, стр. 255.

[140] К. С. Аксаков. Полн. собр. соч., т. I. М., 1861, стр. 317—318.

[141] *НС*, в. II, ч. 2, стр. V.

[142] М. К. Лемке. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1909, стр. 222—223.

[143] А. Н. Островский. Полн. собр. соч., т. XIII. М., Гослитиздат, 1952, стр. 219.

[144] Герцен, т. IX, стр. 159.

ПУБЛИКАЦИИ

ПРИНЦИПЫ ПУБЛИКАЦИИ ТЕКСТОВ ПЕСЕН, ПРИНЯТЫЕ В НАСТОЯЩЕМ ТОМЕ

Текстологическая справка А. П. Евгеньевой

Принципы подготовки текстов к печати в данном томе определяются основной и общей задачей его: показать на материалах вновь найденной части Собрания П. В. Киреевского роль русских писателей в этом большом деле, имевшем общенациональное значение; раскрыть взгляды писателей на устное творчество народа, определив, что в нем их привлекает, а также какими принципами они руководствовались, собирая и записывая произведения устной поэзии.

Одним из неизбежных и обязательных вопросов, которые возникают перед собирателем в момент записи произведения, а позднее — перед издателем при публикации, является вопрос о передаче особенностей языка произведения, т. е. о фонетических, морфологических и иных чертах того народного говора, в области которого бытует и записано данное произведение. Этот вопрос решается всегда в зависимости от принципиальной позиции, занимаемой собирателем, а для издателя определяется основными задачами, преследуемыми тем или иным изданием.

В данном случае решение могло быть только одно: сохранить все особенности записей, потому что в отдельных деталях часто раскрываются принципиальные положения собирателя, а, кроме того, эти детали имеют общее значение для истории языка, для диалектологии.

Осуществление этого решения потребовало учета различных обстоятельств, обусловленных характером и историей Собрания Киреевского.

Записи делались более ста лет тому назад и велись с середины 20-х до середины 50-х годов разными и многими лицами (Пушкин начал свои записи с середины 20-х годов).

На протяжении более чем двадцати пяти лет собирания устных произведений менялись не только корреспонденты и соратники Киреевского (появлялись новые лица, отходили старые), менялись и принципы ведения записей. Изменения были неизбежны не только потому, что записи велись разными лицами, но также и потому, что выдвигались новые точки зрения, ставились новые задачи.

Записи, сделанные писателями для Собрания Киреевского, далеко не всегда сохранились в автографах, во многих случаях они представлены в перебеленном виде, в таких копиях, которые предназначались для издания. Следовательно, не всегда оказывалось возможным воспроизвести работу писателя в том виде, в каком она была им выполнена и в каком поступила к Киреевскому.

Материалы из ранее известных частей Собрания Киреевского публиковались несколько раз, причем издатели подходили к своим задачам совершенно различно. Большая работа была выполнена комиссией, которая готовила к изданию так называемую «Новую серию». Эту работу нельзя было не учитывать и в настоящем издании.

Писатели, как и все другие соратники и корреспонденты Киреевского, вопрос о характере и принципах записей решали различно: одни из них вели записи, снимая все особенности произношения и грамматических форм, другие спорадически отмечали те диалектные черты, которые им представлялись существенными для исполнения (или звучания) произведения, третьи — последовательно отражали (или стремились отражать) в своих записях черты народного говора.

Автографы Пушкина (см. песни № 1—10) свидетельствуют о том, что он обращал внимание на диалектные особенности и часто фиксировал их в своих записях. Так, в песне № 2 он записал «отоман», а не «атаман», в песне № 8 — «черкешучка» (черкесочка), «белинька березанька», в № 7 — «брамши», «заблудимши», в песнях № 1 и № 2 — «с городу», «из городу», «во Астрахане» и т. д.

Очень внимателен к диалектным особенностям Кольцов, который стремится воспроизвести в записи и распев, и произношение, и все особенности исполняемой песни.

Обращают внимание на особенности произношения и грамматических форм Д. П. Ознобишин и некоторые другие.

Особый интерес представляют записи Н. А. Кострова и П. И. Якушкина, для которых фиксация живого звучания при исполнении была принципом записи.

В некоторых текстах песен собиратели ставили ударения, однако делали это изредка, нерегулярно и, вероятно, в тех случаях, когда ударение расходилось с литературным, обычным. Имеются ударения и в копиях, сделанных Киреевским. Все случаи расстановки ударений воспроизводятся в нашем томе.

Записи публикуются по автографу писателя, если он сохранился в Собрании Киреевского, в противном случае — по той копии, которая была сделана самим Киреевским или кем-либо из его помощников.

Поскольку в публикуемых записях написание подчинялось двум принципам: а) орфографическим нормам середины XIX в. и б) в ряде случаев передавало диалектные особенности произношения, при печатании в данном томе приняты следующие правила:

а) Орфография XIX в. переведена на современную орфографию; б) сняты также написания, не отражающие произношения, например: снят *ь* в суффиксах *-чк-*, *-нч-* и т. п. (печатается: уздечка, ночка, а не уздечька, ночька, как в рукописи); в) однако все случаи, когда собиратель отмечал особенности произношения (даже в тех случаях, когда он делал это лишь спорадически, изредка), сохраняются, чтобы охарактеризовать отношение писателя к народному языку, а также дать материал для фольклориста, диалектолога, историка языка и т. п.

Трудным вопросом при публикации записей всегда является и вопрос о знаках препинания, причем по двум причинам. Первой из них является то обстоятельство, что на знаки препинания собиратели обычно не обращают внимания и не ставят их или ставят редко, от случая к случаю (записи, публикуемые в данном томе, не представляют исключения). Вторая причина заключается в том, что словесный текст песни, записываемой во время исполнения, подчиняется распеву, мелодии, которые определяют не только многочисленные и разнообразные повторения отдельных слов, синтагм, а также инверсии, вставки и т. п., но и порядок слов в предложении и самые структуры предложений. Поэтому правила пунктуации, действующие в письменной речи, не могут полностью удовлетворить разнообразные формы, которые характеризуют песенную речь.

При подготовке записей к печати для настоящего тома пунктуация в текстах дана в соответствии с современными нормами, но с учетом имеющихся в первоисточниках знаков препинания, поставленных собирателями. В тех случаях, когда текст песни требовал членения, а следовательно и знаков препинания иного рода, чем в письменной речи, это было сделано на основе тех общих положений, которыми руководствуются собиратели при расстановке знаков препинания в современных записях устных произведений.

А. С. ПУШКИН

Публикация А. Д. Соймонова

Вступительная статья и комментарии А. Д. Соймонова

Имя первого поэта России уже давно встречается в научной литературе, посвященной русской народной песне. Пушкину всегда были близки художественные образы и интонации песенной поэзии народа; песня являлась одним из элементов его творчества и вместе с тем интересовала его как исследователя и собирателя фольклора. Важнейшим этапом работы Пушкина над фольклором можно считать подготовку им «Собрания русских песен», о котором, однако, очень немногое известно в науке.

Наиболее ранние сведения о фольклорных записях Пушкина были собраны первыми биографами поэта, располагавшими его литературным наследием и свидетельствами современников. П. И. Бартенев привел среди своих материалов воспоминания Киреевского о встречах с Пушкиным, во время которых велись беседы о русских народных песнях [1]. Ценнейшие данные, относящиеся к фольклористической деятельности Пушкина, сообщил П. В. Анненков. Располагая рукописями поэта, в том числе некоторыми его фольклорными записями, Анненков впервые указал на научный характер этнографических занятий Пушкина и собирания им произведений устной словесности. Основываясь на имевшихся в его распоряжении материалах и свидетельствах современников, он писал: «Если не ошибаемся, начало предприятия П. В. Киреевского должно отнести к 1830 году. Пушкин в это время уже владел значительным количеством памятников народного языка, добытых собственным трудом»[2]. Этот совершенно правильный вывод не получил, однако, достаточного подтверждения в изданиях Анненкова. В собрании сочинений Пушкина он опубликовал лишь одну записанную поэтом песню и только много лет спустя, в 1881 г., еще несколько текстов [3]. Но, вернувшись к этой проблеме в своей книге «Пушкин в Александровскую эпоху», Анненков опять заострил внимание на научном характере пушкинских занятий фольклором. Он подчеркивал, что нельзя объяснять интерес поэта к народной словесности влиянием на него Арины Родионовны. «Это одно из недоразумений,— писал он,— которые отходят в область „биографических предрассудков“ ⟨...⟩ тут были указатели другого рода и порядка» [4].

Доводы Анненкова были правильны и получили развитие в современной науке. Но нельзя не отметить, что, преодолев один «биографический предрассудок», Анненков способствовал распространению другого предрассудка, а именно поисков зарождения фольклоризма Пушкина в западноевропейской науке и литературе. Стремясь обосновать свою мысль, Анненков утверждал, что пробуждение глубокого интереса Пушкина к народной поэзии было связано с его увлечением драматургией Шекспира.

Для либерально настроенного исследователя, выступавшего против теории официальной народности, такой взгляд был понятен. В период становления пушкинского реализма обращение поэта к творчеству Шекспира, так же как и к отечественному фольклору, было закономерным. Но причину этого следовало искать в эволюции его творческого метода, но отнюдь не в тех или иных влияниях, что имело второстепенное значение. Между тем изучение истоков фольклоризма Пушкина ограничи-

валось зачастую поисками таких влияний. В результате связь Пушкина с отечественной наукой о фольклоре оставалась нераскрытой, а его разнообразные занятия народной поэзией, в частности собиранием народных песен, не изученными. В этом, понятно, повинен не столько Анненков, сколько общее направление в изучении фольклоризма Пушкина, в том числе и среди прогрессивно настроенных ученых прошлого. Стремясь провести резкую грань между фольклоризмом Пушкина и теорией официальной народности, а также славянофилами, исследователи фактически оставили в стороне вопрос об участии Пушкина в Собрании народных песен Киреевского. Этим в значительной степени объясняется, что в течение более полувека никто не интересовался судьбой пушкинского собрания песен, переданного им Киреевскому, несмотря на свидетельства самого Киреевского, П. И. Бартенева, Ф. И. Буслаева и других лиц [5]. После смерти Киреевского все его материалы попали в руки П. А. Бессонова, проявившего полное безразличие к фольклорным материалам, собранным Пушкиным, равно как и к записям А. В. Кольцова, которые также публикуются в настоящем томе. Но если коллекция песен Кольцова сохранилась, и даже в автографах поэта, то иная участь постигла записи Пушкина.

Впервые разысканием в архиве Киреевского песен, записанных Пушкиным, занялись только в конце XIX в. в связи с подготовкой празднования столетия со дня рождения поэта. Пушкинский юбилей 1899 г. проходил в обстановке революционного подъема и напряженной общественно-политической борьбы. В этих условиях большое значение приобретало освещение проблемы народности в творчестве Пушкина. Среди исследований, касающихся этой проблемы, прямое отношение к изучению фольклорных записей Пушкина имеет работа В. Ф. Миллера «Пушкин как поэт-этнограф». В этой работе впервые сделана попытка рассмотреть фольклоризм Пушкина на широком фоне литературной жизни его времени. В приложении Миллер опубликовал одиннадцать неизвестных ранее записей Пушкина из Собрания Киреевского [6]. Миллер первый среди фольклористов обратился к архиву Киреевского. В разысканиях Миллеру помогали его ученик А. В. Марков и библиотекарь Румянцевского музея С. О. Долгов, которым была обнаружена одна песня («Не белинька березанька к земле клонится») в автографе поэта.

Разыскания песен, записанных Пушкиным, и сопоставление их с народной песенной традицией определили на ближайшие годы направление и характер изучения пушкинских записей в фольклористике. Наиболее значительным этапом этого изучения явилось издание «Новой серии» песен, собранных Киреевским, начатое в 1911 г. под редакцией В. Ф. Миллера и М. Н. Сперанского. В «Новую серию» вошли почти все сохранившиеся в архиве Киреевского копии пушкинских записей, они же публиковались и отдельно Н. О. Лернером и редактором издания Сперанским [7].

После разыскания Миллера пушкинскими материалами из архива Киреевского заинтересовалась комиссия по изданию сочинений Пушкина при Отделении языка и литературы Академии наук. Все новые материалы Пушкинская комиссия публиковала в своих изданиях [8]. Но, несмотря на самые тщательные поиски, автографы Пушкина в архиве Киреевского не были обнаружены. Все песни, найденные у Киреевского, за исключением одного текста, сохранились в копиях. Последняя известная находка автографа Пушкина (песня «Как у нас было на улице») поступила в Румянцевский музей в 1880-х годах, но появилась в печати лишь в предреволюционные годы благодаря публикации М. А. Цявловского.

По мере отыскания оригиналов и копий они тщательно изучались и должны были войти в академическое издание сочинений Пушкина. Но том, в котором их предполагалось поместить, не вышел, и наиболее полно пушкинские записи народных песен были представлены в издании сочинений Пушкина под редакцией С. А. Венгерова. Им сопутствовала обстоятельная и интересная по материалу статья Н. Н. Трубицына, который также занимался разысканием пушкинских записей. Этим изданием и серией названных выше статей завершается изучение фольклорного наследия Пушкина в дореволюционной науке. Вопрос о собрании народных песен Пушкина тогда не мог быть еще поставлен. Недостаточно ясными оставались отношения его с Киреевским. Основные усилия были направлены на разыскание фольклорных записей.

А. С. ПУШКИН

Портрет маслом работы В. А. Тропинина, 1827

Всесоюзный музей А. С. Пушкина, г. Пушкин

Этот портрет был подарен Пушкиным С. А. Соболевскому, который, уезжая за границу (1828), оставил его у Киреевских — Елагиных; длительное время портрет висел в их московском доме.

С новых методологических позиций подошли к этим проблемам советские ученые. Преодолевая узкий биографизм, поиски «источников» и «заимствований», они значительно расширили и углубили изучение народности творчества поэта. Стало очевидным, что обращение Пушкина к фольклору было не просто увлечением, вызванным теми или иными привходящими обстоятельствами, но составляло необходимый элемент его творческого метода. Отсюда возникла настоятельная необходимость обратиться к изучению замыслов Пушкина в области фольклора и рассмотреть собранные им материалы в связи с общими проблемами творчества. Так был поставлен вопрос в работах крупнейших советских пушкиноведов. Результаты этого не замедлили сказаться на широком освещении фольклоризма Пушкина в исследованиях, статьях, публикациях. Все это способствовало дальнейшему изучению записей народных песен Пушкина и участия его в Собрании песен Киреевского. Советскими исследователями были открыты новые тексты, напечатанные в последнем выпуске «Новой серии» песен, собранных Киреевским, вышедшем в 1929 г. Расшифрована черновая рукопись Пушкина, оказавшаяся планом статьи о русских народных песнях (см. Приложение). Все пушкинские фольклорные записи и другие материалы, относящиеся к ним, были объединены Т. Г. Зенгер-Цявловской в книге «Рукою Пушкина» (1935). Дальнейшая работа и последующие публикации основывались на этом издании. Но вскоре стали появляться новые материалы, а затем и тексты.

Для истории собрания песен Пушкина ценные данные содержит переписка П. В Киреевского с Н. М. Языковым, опубликованная М. К. Азадовским [9], и его же работа «Пушкин и фольклор», в которой раскрыто отношение Пушкина к переводу Н. И. Гнедичем новогреческих песен Фориэля [10]. Большое значение имеют труды советских музыковедов, посвященные Пушкину и народным песням, в особенности его записям русских песен [11]. За последние годы расширился круг фольклористических исследований в этой области [12]. Если еще сравнительно недавно М. К. Азадовский писал, что о замысле Пушкина издать собрание народных песен «можно судить только по некоторым намекам и скудным упоминаниям в письмах и мемуарах того времени» [13], то теперь в основу исследования могут быть положены фольклорные записи поэта. В настоящем томе они представлены наиболее полно, сверены с подлинниками и копиями и сопоставлены с вариантами песен в других сборниках.

* * *

Начало фольклористической деятельности Пушкина, преследовавшей научные цели — создание сборника народных песен,— относится к периоду михайловской ссылки 1824—1826 гг. В литературе высказывались различные точки зрения на то, в каком году и от кого Пушкин начал записывать песни. Так, М. А. Цявловский считал, что первые записи были сделаны в ноябре 1824 г. от Арины Родионовны [14]. С. А. Бугославский, занимавшийся изучением свадебных песен, предполагал, что они собраны в Михайловском, но не от Арины Родионовны, являвшейся, по его мнению, представительницей иной песенной традиции [15]. Оба эти суждения, хотя и подводят определенный итог предшествующим изучениям, не лишены крайностей. В переписке, на которую ссылается М. А. Цявловский, Пушкин впервые упоминает о песнях в письме к П. А. Вяземскому от 25 января 1825 г. Однако можно предполагать, что разинскими песнями он заинтересовался и раньше, судя по его письму к брату [16]. Что касается суждений Бугославского об Арине Родионовне, то следует иметь в виду, что она жила в Михайловском с 1810 г. и могла усвоить местные песни. Кроме того, петербургская (суйдовская) свадебная поэзия, которую Арина Родионовна знала с детства, мало чем отличалась от соседней, псковской. В то же время действительно Пушкин слушал песни крестьян, бывал на ярмарках в одежде простолюдина, собирая вокруг себя нищих, слепцов, которые пели ему стихи. Об этом известно со слов Киреевского и из других источников [17]. «Хождение в народ» в соответствующей одежде породило определенную традицию среди собирателей фольклора. Киреевский, отправившись в 1834 г. в Новгород за песнями, также ходил по ярмаркам в простой одежде, вызвав подозрение полиции. Но в особенности этим пользовался П. И. Якушкин в своих знаменитых стран-

ствованиях за песнями. Насколько удавалось Пушкину входить в доверие исполнителей песен, можно судить по записи им редких и запрещенных песен: о Разине, Аракчееве, кн. Волконском и Ваньке-ключнике и других.

Собирание песен, начатое в Михайловском, Пушкин продолжал в Москве, когда для этого у него появлялась возможность [18], в Болдине и во время поездки в Оренбург и Уральск. О записи Пушкиным народных песен в Болдине сохранилось косвенное свидетельство Киреевского. Киреевский в письме к Н. М. Языкову от 14 октября 1833 г., подсчитывая количество имеющихся у него песен, замечает: «Я не считаю еще тех, которые привезет из деревни Пушкин...» [19] Пушкин был в это время в Болдине и, по-видимому, записывал там песни для сборника. Этим, в частности, объясняется полнота ряда текстов, которые можно отнести к Болдину. Наконец, именно в Болдине Пушкин дает глубокую оценку социальной значимости народной песни в созданных здесь произведениях: «Истории села Горюхина», «Домике в Коломне» и др. Мысли поэта о народных песнях продолжали радищевские традиции и были связаны с его фольклорными занятиями.

Некоторые исследователи к Болдину относят значительную группу песен из собрания Пушкина. Так поступает, например, Н. О. Лернер, утверждавший, что бо́льшая часть необрядовых песен, сохранившихся в копиях Киреевского, записана в Болдине [20]. Для того чтобы согласиться с этим, надо располагать данными по каждой песне. Безусловно, к Болдину относится песня «Как у нас было на улице», о которой имеются сведения, что она записана от соседки Пушкина по болдинскому имению П. П. Кротковой [21]. С известной оговоркой сюда можно отнести песню об Аракчееве, близкий вариант которой встречается в нижегородских записях; балладу «На зоре-то было, на зорюшке», где упомянут г. Алатырь, расположенный у границ Нижегородской губ., игровую песню «Калина, малина!», упоминающую мордвина́, татарина и девицу, которая мыла фату «на бо́лдинском на плоту» и др. Эти тексты документально подтверждают, что Пушкин не прекращал собирательской работы.

Возникает вопрос, когда Пушкин мог записывать песни в Болдине? Обычно принято считать, что он занимался этим в одну из болдинских осеней (сентябрь — ноябрь 1830 г.; октябрь — первая половина ноября 1833 г. и сентябрь — первая половина октября 1834 г.). М. А. Цявловский, например, считает, что, вероятнее всего, записи были сделаны осенью 1833 г. [22] Основанием для этого служит указанное выше письмо Киреевского. Но существуют и другие свидетельства, подтверждающие занятия Пушкина народными песнями в течение всего предшествующего времени. Так, Н. М. Языков, встретивший Пушкина в 1830 г. вскоре после возвращения из Болдина, писал брату: «Пушкин говорит, что он сличил все доныне напечатанные русские песни и привел их в порядок и сообразность, зане ведь они издавались без всякого толку, но он, кажется, хвастает» [23]. Если даже согласиться с Языковым, что Пушкин «хвастает», то и тогда становится очевидным, что Пушкин все эти годы работал над песнями, и, коль скоро записывал их от Ушаковой в Москве, то собирал их и в Болдине. Но Пушкин не «хвастал», и следы большой работы, проделанной им и его помощниками, мы находим теперь в Собрании Киреевского.

Последние из известных нам записей Пушкина сделаны, по-видимому, не позднее 1834 г. Отдельно должны быть выделены фольклорные материалы, привезенные из поездки в Оренбургскую губ. в сентябре 1833 г. О намерении Пушкина записывать песни во время этой поездки известно из письма Киреевского к Н. М. Языкову [24]. Будучи ограничен временем, Пушкин не смог реализовать эти планы, однако он положил начало собиранию фольклора о Пугачеве и записал несколько песен о нем. Среди них — оренбургский вариант казачьей песни о молодце, известной ранее по публикации А. О. Корниловича в «Русской старине на 1825 год» (см. № 8).

* * *

Собрание песен Пушкина, дошедшее до нашего времени, по своему составу делится на три основные жанрово-тематические группы: к первой из них относятся песни исторические, баллады, солдатские; ко второй — лирические, преимущественно семей-

ные; к третьей — свадебные песни. Историческими песнями, известными в устной традиции, Пушкин заинтересовался еще во время южной ссылки, когда Н. Н. Раевский познакомил его с разинским фольклором. Но осмысление этих песен как народного исторического эпоса было связано с формированием новых идейно-эстетических позиций Пушкина периода создания «Бориса Годунова» и «Полтавы». Изображая народ как движущую силу истории, Пушкин обращается к народным историческим песням, в которых он видел отражение деяний народа.

Пушкин и вслед за ним Киреевский вводят в науку самый термин «историческая песня». Впервые он встречается в наброске плана статьи Пушкина о песнях. Под этим термином поэт объединяет исторические песни начиная с эпохи Ивана IV до Суворова. По-видимому, в его собрание входило значительно больше исторических песен, чем сохранилось до нашего времени. Кроме того, он изучал исторический эпос русского, а также украинского народов, обращаясь к материалам Киреевского и М. А. Максимовича. Напомним рассказ Максимовича об одной из бесед с Пушкиным: «В 1829 году, когда Пушкин возвратился в Москву из своего закавказского странствования, я застал его в одно утро за письменным столом; перед ним были развернуты малороссийские песни моего издания 1827 года. „А я это обкрадываю ваши песни“,— сказал он и, взяв со стола прерванное моим приходом письмо, прочел из него выразительно:

Мне с жинкой не возиться;
А тютюн да люлька
Казаку в дорози
Знадобится!..

„А я привез вам только что полученную мною из Украины народную песню о Мазепе“,— сказал я. Еще в детстве моем я слышал эту песню от слепой старухи в хуторе Самусеевке (Хорольского уезда), а тут довелось мне услышать ее из уст творца „Полтавы“, который прочел ее дважды по моему списку, а потом повторил уже наизусть следующий куплет:

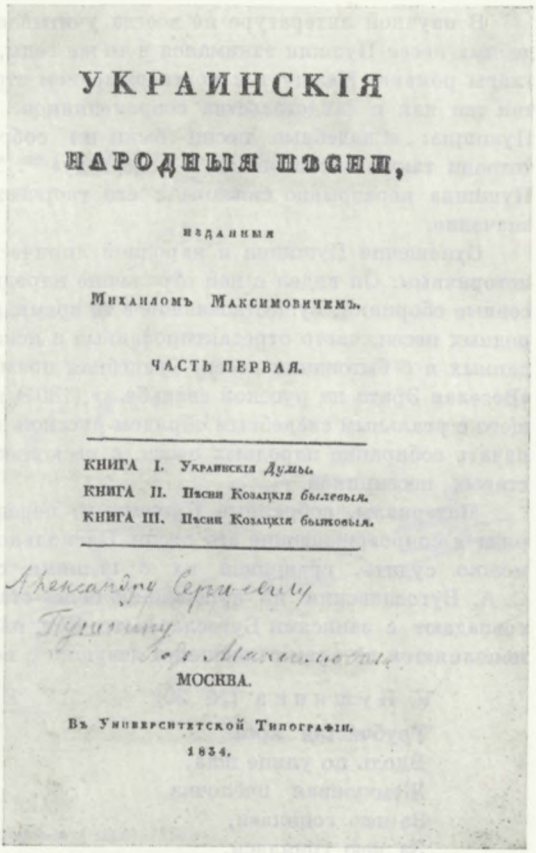
У Кіева на Подоли
Порубаны груши;
Погубыв же пес Мазепа
Невинныи души...» [25]

С творческими планами поэта связаны запись песен о Разине и поиски песенного фольклора о крестьянской войне под руководством Пугачева. Разинский фольклор был хорошо известен Пушкину, как видно из его переводов разинских песен для Лёве-Веймара и собственных записей. Но он стремился собрать новые тексты, мало известные в литературе. К ним относится его запись песни о сынке Разина. Представляет интерес работа поэта с этим текстом, попытка восстановить его первоначальную редакцию (замена губернатора — воеводой, штабов, офицеров — боярами государевыми — см. № 1).

Но Пушкина интересовала не только седая история: кроме исторических песен XVII в., им была записана песня об Аракчееве, казачья и солдатские песни. Последние были очень популярны в 1830-х годах; в них изображались тяготы солдатской жизни, которая в одной из публикуемых песен уподобляется реке из слез и крови.

Непосредственно к историческим песням примыкают записанные Пушкиным песни-баллады. По времени возникновения наиболее ранней среди них является эпическая песня балладного характера о братьях разбойниках и сестре (№ 3). Она была популярна во времена Пушкина и встречается в ряде сборников, находившихся в его собственной библиотеке. Записывая, Пушкин, по-видимому, хорошо знал сюжет баллады, чем объясняются пропуски повторов в его тексте и в то же время внимание к отдельным местным выражениям и словам (например, «пелегали» и др.). Не менее популярной была запрещенная в то время для публикации баллада о князе Волконском и Ваньке-ключнике, возникшая, как предполагают, в начале XVIII в. Она привлекла внимание демократической интеллигенции в 30-х годах. Эту балладу записал также Кольцов, и его текст Белинский безуспешно пытался опубликовать в «Отечественных записках» [26]. Последняя из баллад, встречающаяся в собрании Пушкина,

«УКРАИНСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ», ИЗДАННЫЕ М. А. МАКСИМОВИЧЕМ (М., 1834)
С дарственной надписью издателя А. С. Пушкину: «Александру Сергеевичу Пушкину от Максимовича»
Титульный лист
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград



УКРАИНСКІЯ
НАРОДНЫЯ ПѢСНИ,
ИЗДАННЫЯ
МИХАИЛОМЪ МАКСИМОВИЧЕМЪ.
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КНИГА I. Украинскія *Думы.*
КНИГА II. Пѣсни Козацкія *былевыя.*
КНИГА III. Пѣсни Козацкія *бытовыя.*

Александру Сергеевичу Пушкину от Максимовича

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1834.

позднего происхождения, типичная для волжской традиции XVIII— начала XIX в. (№ 12). Русская народная баллада должна была интересовать поэта в связи со спорами, которые велись тогда вокруг этого жанра в литературе.

Центральное место среди фольклорных записей Пушкина занимают песни лирические и свадебные. О русских народных лирических песнях поэт писал много, видя в них отражение жизни, семейного и бытового уклада народных масс, прежде всего крепостного крестьянства. Именно социально-историческая обстановка определяла, по мнению Пушкина, содержание и характер народной песенной поэзии. И не только народной поэзии, но и литературы:

Фигурно иль буквально: всей семьей,
От ямщика до первого поэта,
Мы все поем уныло. Грустный вой
Песнь русская...
(«Домик в Коломне»)

С тех же позиций Пушкин характеризует народные лирические песни в «Путешествии из Москвы в Петербург», завершая эту характеристику словами: «Свадебные песни наши унылы, как вой похоронный» [27].

Лирическая, и в особенности обрядовая, свадебная поэзия несла в себе черты подлинной народности, о которой Пушкин писал: «Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу» [28].

Такое понимание народности определило отношение поэта к фольклору, использование его в своих произведениях. К народной песенной поэзии обращается Пушкин и при создании «Евгения Онегина».

В научной литературе не всегда учитывается, что собиранием и изучением свадебных песен Пушкин занимался в те же годы, когда им были написаны центральные главы романа. Между тем подтверждением этого являются его фольклорные записи, так же как и свидетельства современников. М. П. Погодин писал об этой работе Пушкина: «Свадебные песни были им собраны и очищены. Некоторые из своей тетради также читал он мне в 1828 году» [29]. Таким образом, фольклорные занятия Пушкина неразрывно связаны с его творчеством. Но они имели и самостоятельное значение.

Отношение Пушкина к народной лирической и свадебной поэзии было глубоко историчным. Он видел в ней отражение народной жизни. Однако многочисленные песенные сборники, существовавшие в то время, включали лишь немногие варианты народных песен, часто отредактированные и искаженные издателями. Не было никаких данных и о бытовании песен. Свадебная поэзия была представлена сборниками типа «Веселая Эрата на русской свадьбе...» (1801) и подобными, имевшими очень мало общего с реальным свадебным обрядом русской деревни. Все это привело поэта к мысли начать собирание народных песен, а несколько позже он приступает к отбору их из старых песенников.

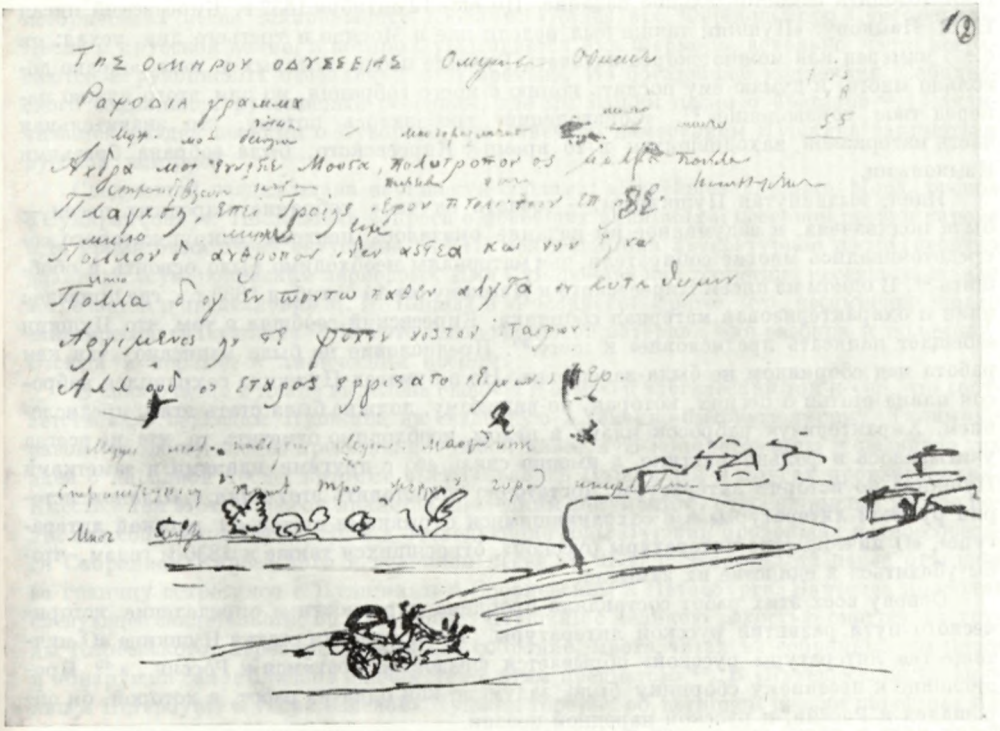
Материалы, собранные Пушкиным, передают основные моменты свадебного обряда и сопровождающие его песни. Насколько его записи были типичны для обряда, можно судить, сравнивая их с песнями, собранными в районе Михайловского С. А. Бугославским по прошествии более ста лет. Некоторые тексты почти дословно совпадают с записями Бугославского. Вот, например, зачин свадебной песни, которая исполняется во время прощания девушки с волей, красой:

У Пушкина (№ 30)	В записи Бугославского
Трубчáстая коса	Трубцистая коса
Вдоль по улице шла,	Вдоль по улушке пошла.
Жемчужная пчёлочка	Замцужная пчёлушка
За нею гонялася,	За ею гонялася,
За нею гонялася,	За косу хваталася [30].
За косу хваталася...	

Бугославский приводит еще четыре песни, имеющие текстуальное совпадение с записанными Пушкиным. Это подтверждает принадлежность пушкинских записей псковской песенной традиции. Но если обратиться к фольклорным записям из других областей, то и там найдем варианты, близкие к пушкинским текстам. Все это говорит о том, что у Пушкина отобраны характерные для русского свадебного обряда песни различного содержания. Среди них отметим плач и песни невесты-сироты, привлекавшие внимание поэта, судя по тому, что одну из них он приводит в качестве эпиграфа в «Капитанской дочке» к главе «Сирота».

Свадебные песни Пушкин рассматривал в неразрывной связи с семейно-бытовой лирикой. Он видел в них поэзию, отразившую семейно-бытовой уклад крепостной деревни, характерное для нее «несчастие жизни семейственной» [31]. Подобное отношение к этим жанрам народной поэзии было присуще всей демократической литературе. Белинский писал, что свадебные песни «выражают одно чувство — страх невесты к будущему ⟨...⟩ И все песни, в которых изображается картина замужества, суть оправдание этих зловещих предчувствий...» [32]. Среди записей Пушкина есть немало песен, посвященных неравному браку. Они развивают и дополняют тематику свадебной поэзии.

В научной литературе неоднократно обращалось внимание на опыты Пушкина в области народного стиха [33]. Однако до сих пор не обобщены все материалы, относящиеся к этим опытам, и не раскрыта их последовательность. В особенности это касается его работы над лирической песней. Публикуемые ниже материалы дают возможность поставить эту проблему в специальном исследовании. Совершенно очевидно, что ряд народных лирических песен, переданных Пушкиным Киреевскому, несет на себе следы его обработки. Отличить такие песни от остальных необычайно трудно.



ПЕЙЗАЖ

Рисунок А. С. Пушкина (перо), 1833

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

В умении создать новый вариант народной песни и выражено в данном случае мастерство поэта; Пушкин предстает здесь подлинно народным сказителем. Не оставляет сомнений, что Киреевский учитывал опыт Пушкина при создании сводных песенных текстов. К этому вели их совместные занятия народными песнями [34].

* * *

К концу 1820-х годов Пушкин, располагая значительным количеством фольклорных записей и имея опыт собирательской работы, решает готовить сборник народных песен. Мысль об этом у него могла возникнуть и раньше. Но непосредственным поводом послужил, вероятно, выход в свет в 1827 г. сборника «Малороссийские песни» М. А. Максимовича, в издании которого принимал участие приятель Пушкина С. А. Соболевский. Именно к Соболевскому в 1828 г. Пушкин обратился с предложением готовить собрание народных песен. По его замыслу, оно должно было включать в себя не только новые записи, но и отобранные из старых публикаций. Этим и начал заниматься Соболевский, коллекционировавший редкие книги, в том числе песенники. В 1829 г. Соболевский уехал в Италию, где продолжил начатую работу. 15 декабря 1831 г. он писал С. П. Шевыреву: «Кстати об поэзии; имею до тебя весьма нужную просьбу: я, сидя здесь, собрал из своих и воронцовских книг до 700 русских песен: у Рожалина в Мюнхене их должно быть до 150, написанных на память Киреевского Санхопансою Родивоном, которые большей частию неизвестны. Я же и до отъезда задумал издать с Пушкиным „Собрание русских песен". Итак, пришли мне те, кои ты в Саратове заграбастал, чем крайне меня одолжишь. Переписывай их понемножку, а я тебе дам знать, куда их выслать» [35]. Из этого письма и других материалов становится ясно, что в собирании песен принимают участие: Шевырев, Н. М. Рожалин и Киреевский [36]. Вскоре к Киреевскому присоединяются братья Языковы, которые, однако, предпола-

гают готовить самостоятельное издание. Но еще 12 октября 1832 г. Киреевский писал Н. М. Языкову: «Пушкин также был недели две в Москве и третьего дня уехал; он ⟨...⟩ намерен как можно скорее издавать Русские песни, которых у него собрано довольно много; я думаю ему послать копию с моего собрания, но для этого нужно наперед твое соизволение» [37]. «Соизволение» требовалось потому, что значительная часть материалов, находившихся в то время у Киреевского, была собрана братьями Языковыми.

Идея, выдвинутая Пушкиным, — создать научное собрание народных песен — была подхвачена, и задуманное им издание оказалось центром, вокруг которого сосредоточивались многие собиратели, чьи материалы необходимо было освоить и обобщить [38]. В одном из писем Киреевского к Языкову (от 14 октября 1833 г.), где приведен план и охарактеризован материал сборника, Киреевский сообщал о том, что Пушкин «обещает написать предисловие» к нему [39]. Предисловие не было написано, так как работа над сборником не была завершена. Но в бумагах Пушкина сохранился набросок плана статьи о песнях, которая, по-видимому, должна была стать этим предисловием. Характеризуя набросок плана в целом, необходимо отметить то, что не всегда учитывалось в фольклористике, а именно связь его с другими планами и заметками Пушкина по истории литературы. Достаточно сопоставить этот план с «Планом истории русской литературы» и с сохранившимися отрывками статей «О русской литературе», «О ничтожестве литературы русской», относящихся также к 1830-м годам, чтобы убедиться в единстве их замысла.

Основу всех этих работ составляла проблема народности и определение исторического пути развития русской литературы. Неоконченная статья Пушкина «О ничтожестве литературы русской» обрывается фразой: «Обратимся к России...» [40] Предисловие к песенному сборнику было задумано как одна из работ, в которой он обращался к России, к русской народной поэзии.

План предисловия делится на три части: вступление, исторические песни, свадебные и семейно-бытовые. Перед Пушкиным стояла задача выделить и охарактеризовать основные особенности русской песенной поэзии, указать на ее оригинальность. Вопрос о самостоятельном пути развития русской поэтической культуры и ее традициях более всего волновал поэта. Вслед за проблемой народности этот вопрос являлся центральным во всех его историко-литературных работах. Но решить его было не просто. Научных публикаций произведений народного творчества почти не было. Можно было опираться на сборник Кирши Данилова, но народность и достоверность текстов этого сборника признавались далеко не всеми. В связи с этим нельзя согласиться с М. К. Азадовским, который, разбирая указанный план, утверждал, что у Пушкина не было необходимости доказывать оригинальность русских, в особенности исторических, песен, представленных у Кирши Данилова [41]. Как раз наоборот. Работа Пушкина — запись народных песен, критический отбор их из старых песенников — была направлена на то, чтобы установить исторический путь развития народной поэзии, раскрыть ее своеобразие.

Основная часть плана посвящена историческим песням, которые помогли Пушкину воссоздать события отечественной истории так, как они сохранились в памяти народной. Это было связано и с его работами по русской истории. Исторические воззрения поэта получили определенное отражение и в плане. Пушкин считал, что рубежом в истории России являлось «время Иоаннов»; с Ивана IV и начинается раздел исторических песен. Переходя к XVII в., Пушкин выделяет цикл песен о Степане Разине. Если иметь в виду и зачеркнутые строки плана, то, оказывается, он разделял песни о Разине на исторические и неисторические. Большой раздел посвящен эпохе Петра I. Вначале названо имя стрелецкого полковника Цыклера, участвовавшего в заговоре против Петра, о чем поэт писал в «Истории Петра». Некоторые исследователи считали, что Пушкин ошибся, упомянув это имя, неизвестное народной поэтической традиции. Однако в данном случае он мог иметь в виду не песни о Цыклере, а сам факт заговора и стрелецкие песни о начале царствования Петра. Дальше Пушкин называет имена Петра, Шереметева, Меншикова. Все это, включая и Цыклера, относится в основном к тем материалам, которые из старых песенников отбирал Соболевский. Одну из песен о

Меншикове из сборника Чулкова Пушкин перевел для Лёве-Веймара. Весь раздел исторических песен заканчивается словами: «Далее про Фермора, про Сув⟨орова⟩». Песни о прусской войне, в которых упоминается имя Фермора, довольно часто встречаются в рукописных песенниках того времени. Из богатейшей коллекции Соболевского сохранился рукописный песенник, где мы нашли песни о Ферморе [42]. Заканчивается раздел песнями о Суворове, что отвечало намерениям Пушкина заниматься русской историей.

Следующий раздел плана начинается словами: «Новейшее влияние. Мера, рифмы с Сумарок⟨ова⟩». Постановка вопроса о новейших влияниях в песенной поэзии народа в то время была очень актуальна. XVIII век в истории литературной песни нередко называют «сумароковским периодом». Имя Сумарокова как теоретика песенного жанра встречается в предисловии М. И. Попова в «Российской Эрате», что, несомненно, могло заинтересовать Пушкина [43]. Все это давало большой материал для разбора и полемики. Отсюда и переход к лирическим песням.

В заключение в плане выделена свадьба и отмечен элегический тон песен, что соответствовало взглядам Пушкина на свадебную и семейно-бытовую лирику. Таким образом, набросок плана представляет собой известную конкретизацию и развитие тех идей о народной песне, которые высказывались Пушкиным в других произведениях. Вместе с тем этот набросок является последним документом, относящимся к работе поэта над сборником песен. Но и в последующие годы Пушкин продолжал интересоваться Собранием Киреевского и изданием песен. В 1835 г. Киреевский перед отъездом за границу встретился с Пушкиным и Соболевским в Петербурге. Бартенев приводит следующее свидетельство об их встрече: «Пушкин с великою радостью смотрел на труды Киреевского, перебирал с ним его собрание, много читал из собранных им песен и обнаружил самое близкое знакомство с этим предметом» [44]. В «Путешествии из Москвы в Петербург» в главе «Слепой» Пушкин говорит об истинной поэзии народных легенд, высказывает сожаление, что они не издаются, и называет в связи с этим имена Н. М. Языкова и П. В. Киреевского, которые «собрали их несколько» [45]. Наконец, очень ценное свидетельство дает список статей и рецензий, намеченных Пушкиным для помещения в «Современнике». Список составлен в 1836 г., и те статьи, которые были подготовлены и для которых собран материал, отмечены крестом. В списке стоит: «Путеш⟨ествие⟩ Рад⟨ищева⟩» со знаком креста, а вслед за этим, ниже, «Собрание Р⟨усских⟩ песен» — без знака [46]. Следовательно, до конца жизни Пушкин не оставлял мысли подготовить статью о песнях, а может быть, публиковать и самые песни в своем журнале.

При жизни Пушкина «Собрание русских песен» не было издано, и впоследствии многие из его материалов, в том числе ценнейшие автографы поэта, были утеряны. Однако идея Пушкина получила воплощение в деятельности Киреевского, составившей эпоху в истории русской фольклористики.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1851—1860 годах. Вступ. статья и прим. М. Цявловского. М., 1925, стр. 52—53.

[2] Сочинения Пушкина. Изд. П. В. Анненкова, т. I. СПб., 1855, стр. 151.

[3] Газ. «Порядок», 1881, № 11, 12 января.

[4] П. В. Анненков. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. 1799—1826 гг. СПб., 1874, стр. 300.

[5] ⟨П. И. Бартенев.⟩ Рассказы о Пушкине, стр. 52—53; Ф. И. Буслаев. Мои воспоминания. М., 1897, стр. 293. Обзор других источников. — см. Соймонов, стр. 143—153.

[6] В. Ф. Миллер. Пушкин как поэт-этнограф, с приложением неизданных народных песен, записанных А. С. Пушкиным. М., 1899.

[7] *НС*, в. I. М., 1911, стр. 54—60; в. II, ч. 2,1929, стр. 231—235. О других публикациях — см. в комментариях.

[8] *ПС*, в. I—II, 1903—1904.

[9] Письма Киреевского к Языкову (1935); см. также: Из неизданной переписки Н. М. Языкова.— «Лит. наследство», т. 19-21, 1935, стр. 33—104.

[10] М. К. Азадовский. Литература и фольклор. Л., ГИХЛ, 1938, стр. 5—64.

[11] Бугославский, стр. 183—210. См. также: И. Р. Эйгес. Музыка в жизни и творчестве Пушкина. М., 1937; В. В. Яковлев. Пушкин и музыка. М.— Л., 1949; 2-е изд. — М., 1957; А. Н. Глумов. Музыкальный мир Пушкина. М.— Л., 1950.

[12] В. К. Архангельская. План статьи Пушкина о русских песнях.— «Учен. зап. Саратовского гос. ун-та», т. XXXIII, в. филолог., 1953, стр. 3—20; Т. М. Акимова. Пушкин о народных лирических песнях.— Там же, стр. 21—77.

[13] Азадовский. История русской фольклористики, т. I, стр. 250.

[14] РП, стр. 459.

[15] Бугославский, стр. 189.

[16] См. комментарии, стр. 219.

[17] Рассказ К. А. Тимофеева о поездке в Михайловское в 1859 году.— «Русская старина», 1899, № 5, стр. 272; М. И. Семевский. Прогулка в Тригорское.— В кн.: А. Н. Вульф. Рассказы о Пушкине. Дневники. М., 1929, стр. 38—39, 52—53.

[18] По свидетельству Л. Н. Майкова, Пушкин, находясь в Москве в 1826—1827 гг., бывал в доме Ушаковых и просил старуху Ушакову «диктовать ему известные ей русские народные песни и повторять их напевы» (Л. Н. Майков. Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899, стр. 362).

[19] Письма Киреевского к Языкову, стр. 49.

[20] Н. О. Лернер. О Пушкине. Новооткрытые записи народных песен Пушкина.— «Русская старина», 1912, № 4, стр. 105—106.

[21] М. А. Цявловский. Два автографа Пушкина. М., 1914, стр. 14—16.

[22] РП, стр. 462.

[23] «Исторический вестник», 1883, № 12, стр. 533—534.

[24] Письмо от 17 января 1834 г. (Письма Киреевского к Языкову, стр. 59). Впоследствии Киреевский получил несколько уральских записей Пушкина: в его бумагах был найден пушкинский автограф одной из них.

[25] М. А. Максимович. Оборона украинских повестей Гоголя.— «Литературный вестник», 1902, т. III, кн. 1, стр. 113. В бумагах Пушкина обнаружена еще одна запись украинской песни (ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 704, л. 2 об.). Вот ее текст:

Черна роля заорана
Гей гей
Чер. etc.
[Б] И кулями засіяна
Билым тилом взволочена
Гей гей
И кровію сполочена
etc. etc.—

Запись сделана на обороте письма Гоголя к Пушкину, начинающегося словами: «Я вчера был у Уварова», датируемого маем 1834 г. (Гоголь, т. X, стр. 317). Полный текст этой песни есть в сборнике Максимовича, подаренном Пушкину и сохранившемся в библиотеке поэта (Украинские народные песни, изданные Михаилом Максимовичем. М., 1834, стр. 154—156). М. А. Цявловский высказал предположение, что строки песни записаны Пушкиным со слов Гоголя (РП, стр. 554).

[26] См. стр. 282 настоящ. тома.

[27] Пушкин, т. XI, стр. 255.

[28] ‹О народности в литературе›.— Там же, стр. 40.

[29] М. А. Цявловский. Заметки о Пушкине.— «Звенья», VI, М.—Л., 1936, стр. 153.

[30] Бугославский, стр. 185.

[31] Пушкин, т. XI, стр. 255.

[32] Белинский, т. V, стр. 442—443.

[33] Б. В. Томашевский. О стихе. Л., «Прибой», 1929, стр. 63—76.

[34] В конце 1830-х годов Киреевский готовил сборник свадебных песен, куда входили почти все записи свадебных песен Пушкина. В этом же сборнике Киреевским впервые был применен метод подготовки сводных текстов. Следы этой работы сохранились в так называемых «Зеленых тетрадях» Киреевского (ЛБ, ф. 125).

[35] «Выдержки из заграничных писем С. А. Соболевского к С. П. Шевыреву (1829—1833)».— «Русский архив», 1909, № 7, стр. 502—503.

[36] См. Соймонов, стр. 143—148.

[37] Письма Киреевского к Языкову, стр. 24—25.

[38] Соймонов, стр. 150.

[39] Письма Киреевского к Языкову, стр. 50.

[40] Пушкин, т. XI, стр. 272.

[41] М. К. Азадовский. Литература и фольклор, стр. 37.

[42] ГПБ, Q XIV, № 86, 87. См. «Труды IV Археологического съезда в России», т. II. Казань, 1894, стр. 162—192.

[43] «Российская Эрата». Предисловие, стр. XI—XIV.

[44] Рассказы о Пушкине, стр. 52—53.

[45] Пушкин, т. XI, стр. 258.

[46] РП, стр. 281.

ЗАПИСИ ПЕСЕН, СОХРАНИВШИЕСЯ В АВТОГРАФАХ ПУШКИНА

№ 1

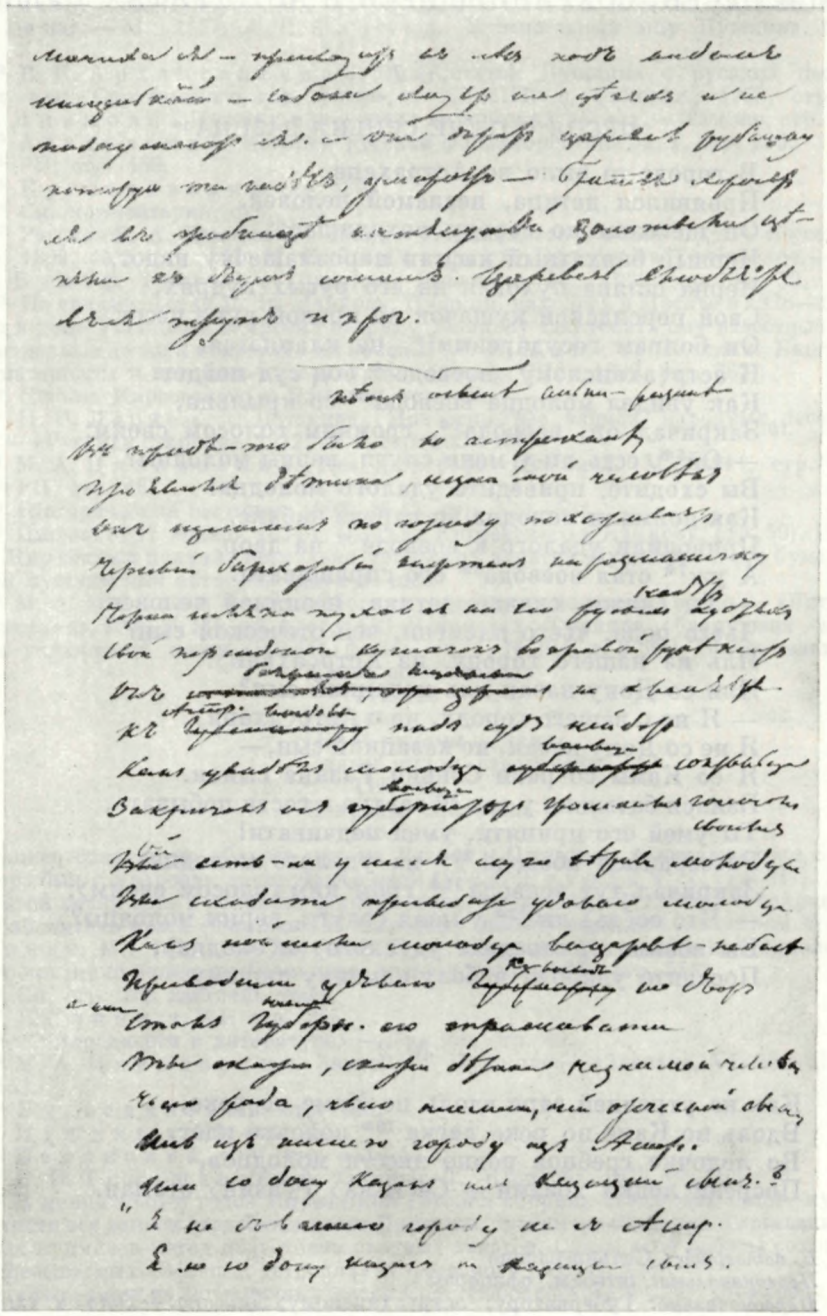
ПЕСНЯ О СЫНЕ СЕНЬКИ РАЗИНА[1*]

В городе-то было во Астрахане,
Проявился детина, незна́мой человек.
Он щеголем по городу похаживает:
Черный бархатный кафтан нарозмашечку надет,
Черна шляпа пуховая на его русых кудрях,
Свой персидской кушачок во правой руке несет.
Он боярам государевым[2*] не кланяется,
К астр⟨аханскому⟩ воеводе[3*] под суд нейдет.
Как увидел молодца воевода[4*] со крыльца,
Закричал он, воевода[4*], громким голосом своим:
— Ой[5*], есть ли у меня слуги, верны молодцы?
Вы сходите, приведите удалого молодца!
Как поймали молодца во цареве кабаке,
Приводили удалого к воеводе[6*] на двор.
А уж[7*] стал воевода[8*] его спрашивати:
— Ты скажи, скажи, детина, незна́мой человек,
Чьего рода, чьего племени, чей отеческой сын?
Иль из нашего городу, из Астр⟨ахани⟩?
Или со Дону казак иль казацкий сын?
— Я не с вашего городу, не с Астр⟨ахани⟩,
Я не со Дону казак, не казацкий сын,—
Я со Камы со реки Сеньки Разина сынок.
Взялся батюшка у вас [9*] завтра в гости побывать,
Ты умей его приняти, умей подчивати!
Рассердился воевода [10*] на удалого молодца,
Закричал тут воевода [11*] гром⟨ким голосом своим⟩:
— Что ес⟨ть⟩ ли [12*] у меня ⟨слуги, верны молодцы?⟩
Вы возьмите, отведите уд⟨алого⟩ м⟨олодца⟩,
Посадите удалова в белу-каменну тюрьму.

№ 2

Как на утренней заре вдоль по Каме по реке,
Вдоль по Каме по реке легка [13*] лодочка идет,
Во лодочке гребцов ровно двести молодцов,
Посреди лодки хозяин — Се⟨нька⟩ Р⟨азин⟩ отоман.

1* *В автографе:* Сеньки-разине
2* *Первоначально:* штабам, офицерам
3* *Первоначально:* Губернатору; астр⟨аханскому⟩ *вписано.* — *Эта и следующие замены «губернатора» на «воеводу», не доведенные до конца, сделаны более темными чернилами, чем основной текст. Исправления теми же чернилами не оговариваются.*
4* *Первоначально:* губернатор
5* *Первоначально:* Вы
6* *Первоначально*: Губернатору
7* А уж *вписано чернилами, видимо, позднее.*
8* *Первоначально*: Губерн⟨атор⟩
9* у вас *вписано карандашом.*
10* *В автографе*: Губерн⟨атор⟩
11* *В автографе* Губ⟨ернатор⟩
12* *В автографе*: если
13* легка *вписано.*



«ПЕСНЯ О СЫНЕ СЕНЬКИ РАЗИНА», ЗАПИСАННАЯ А. С. ПУШКИНЫМ

Автограф, Михайловское, конец 1824 — начало 1825 года

Верхние строки до черты — текст «Сказки о мертвой царевне»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

ДВЕ ПЕСНИ, ЗАПИСАННЫЕ А. С. ПУШКИНЫМ: «ПЕСНЯ О СЫНЕ СЕНЬКИ РАЗИНА» И «КАК НА УТРЕННЕЙ ЗАРЕ...»

Автограф. Михайловское, конец 1824 — начало 1825 года

Верхние строки до черты — окончание первой песни

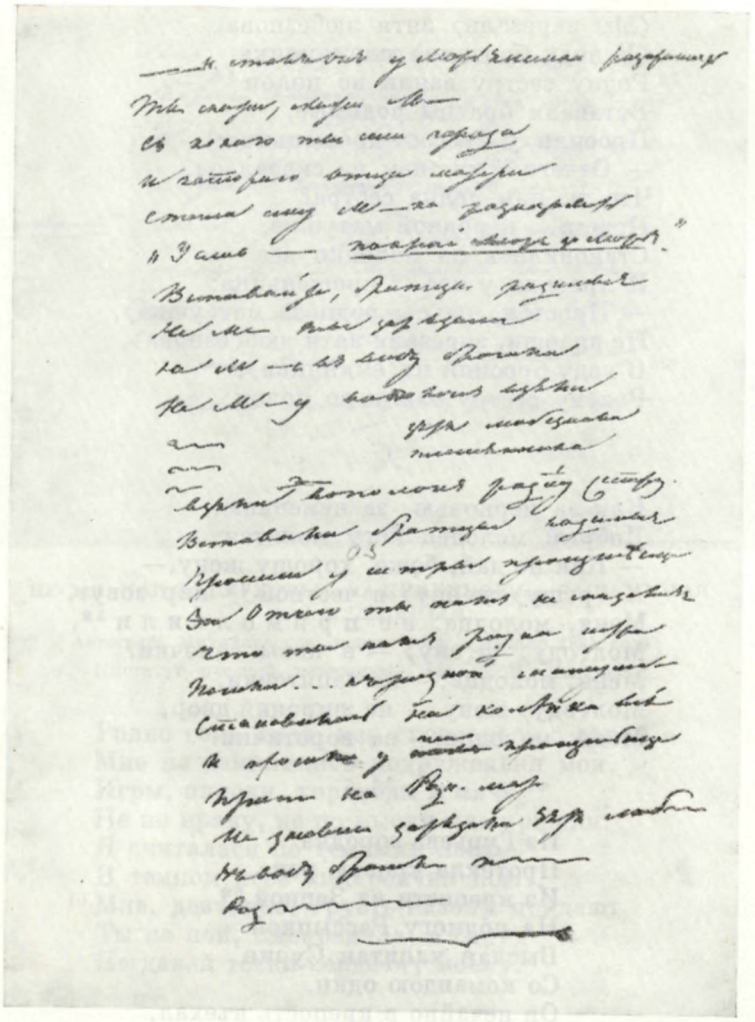
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Закричал тут х⟨озяин Сенька Разин отоман⟩:
— А мы счерпнемте воды изо Камы со реки.
Мы [1*] исчерпнули воды изо Камы со реки.
Припечалился [2*] хоз⟨яин⟩[3*] С⟨енька⟩ Р⟨азин⟩ А⟨таман⟩:
— Знать-то, знать [4*], что мой сыночик во неволюшке сидит,
Во невол⟨юшке⟩ сидит [5*] в белокаменной тюрьме.
— Не печалься, наш хозяин, С⟨енька⟩ Р⟨азин⟩ Ата⟨ман⟩:
Белу каменну тюрьму по кирпичику разберем,
Твоего милого [6*] сыночка из неволи уведем,
Астр⟨аханского⟩ воеводу [7*] под суд возьмем.

№ 3

Во славном городе во ⟨Киеве⟩
У славного царя у Владимира
Жила-была молода вдова.
У вдовушки было девять сынов,
Десятая дочь любезная:
Поили-кормили, н е л е г а л и [8*] —
Девять сынов под разбой пошли,
Десятую дочь замуж выдали
По край моря за Морьянина.
Они прижили малого детища [9*].
Она год живет и другой живет,
На третий год стосковалася.
Стала она Морьянина в гости звать:
— Пойдем, Морьянин-свет,
Ты к тещи, а я к матушки,
Ты к шурьям, я к милым братьям.
Они [10*] день идут и другой идут,
На третий день становилися.
Нарубили [11*] огонечек малёшенек,
Пустили дымочик тонешеник.
Напали воры-разбойники,
Они Морьянина зарезали,
Морьянинка в воду бросили,
М⟨орьянин⟩ку во полон взяли.
Как все-то разбойнички стали пить и есть,
Один-то разбойничек ни пьет, ни ест,
Ни п⟨ьет⟩, н⟨и⟩ ес⟨т⟩, богу молится.
Все разбойнички спать легли,
Один-то разбойничек ни спит, ни лежит,
Г⟨осподу⟩ богу молится.
И стал он у Морьянинки расспрашивать:
— Ты скажи-скажи, М⟨орьянинка⟩,
С какого ты села-города

1* *Первоначально:* И мы
2* *Первоначально:* Как наш хозяин припечалился
3* хоз⟨яин⟩ *вписано.*
4* то знать *вписано позднее.*
5* Во невол⟨юшке⟩ сидит *вписано.*
6* милого *вписано позднее.*
7* *В автографе, вероятно, по ошибке осталось:* губ⟨ернатора⟩
8* лелеяли. ⟨*Прим. Пушкина.*⟩
9* *В автографе:* детищаго. — *Первоначально 10 — 11 ст. шли в обратном порядке*
10* *Первоначально:* Пе⟨рвый⟩
11* развели. ⟨*Прим. Пушкина.*⟩



ПЕСНЯ «ВО СЛАВНОМ ГОРОДЕ ВО КИЕВЕ...», ЗАПИСАННАЯ А. С. ПУШКИНЫМ

Автограф. Михайловское, конец 1824 — начало 1825 года

Заключительные стихи

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

И которого отца-матери?
Стала ему М⟨орьянин⟩ка рассказывать:
— У слав⟨ного царя у Владимира
Жила-была молода вдова.
У вдовушки было девять сынов,
Десятая дочь любезная:
Поили-кормили, пелегали.
Девять сынов под разбой пошли,
Десятую дочь замуж выдали⟩
По край моря за Морья⟨нина⟩.
— Вставайте, братцы родимые!
Не М⟨орьянина⟩ мы зарезали,
Не М⟨орьянинк⟩а в воду бросили,
Не М⟨орьянинк⟩у во полон взяли:

⟨Мы зарезали⟩ зятя любезнова,
⟨В воду бросили⟩ племянника,
Родну сестру взяли во полон [1*].—
Вставали братцы родимые,
Просили у сестры прощеньица:
— Отчего [2*] ты нам не сказалася,
Что ты нам родна сестра?
Пошли... к родной матушке,
Становились на коленки все
И просили у нее [3*] прощеньица:
— Прост⟨и⟩ на⟨с⟩, родн⟨а⟩ мат⟨ушка⟩,
Не знавши, зарезали зятя люб⟨езнова⟩,
В воду бросили пл⟨емянника⟩,
Род⟨ну сестру взяли во полон⟩.

№ 4

Как за церковью, за немецкою,
Добрый молодец богу молится:
— Как не дай, боже, хорошу жену,—
Хо⟨рошу⟩ ж⟨ену⟩ в честной [4*] пир зовут,
Меня, молодца, не примолвили [5*],
Мол⟨оду⟩ ж⟨ену⟩ — в новы саночки,
Меня, молодца,— на запяточки.
Мол⟨оду⟩ жену — на широкий двор,
Меня, молодца,— за воротички.

№ 5

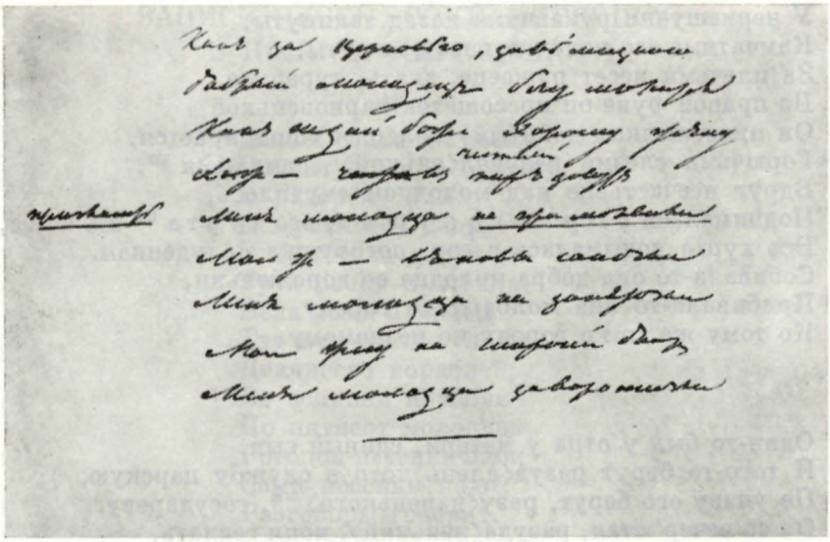
Из Гурьева городка
Протекла кровью река.
Из крепости из Зерной [6*]
На подмогу Рассыпной
Выслан капитан Сурин
Со командою один.
Он нечайно в крепость въехал,
Начальников перевешал,
Атаманов — до пяти,
Рядовых — сот до шести.

Ур⟨альски⟩ казаки
Были дураки,
Генерала убили
Госуд.

№ 6

Друг мой милый, красно солнышко мое,
Сокол ясный, сизокрылый мой орел,
Уж неделю не видалась я с тобой,

1* *Первоначально:* Взяли во полон родну сестру.
2* *Первоначально:* За⟨чем⟩ ⟨?⟩
3* *Первоначально:* них
4* *Первоначально:* часто в
5* пригласить. ⟨*Прим. Пушкина.*⟩
6* *Первоначально:* Озерной



ПЕСНЯ «КАК ЗА ЦЕРКОВЬЮ, ЗА НЕМЕЦКОЮ...», ЗАПИСАННАЯ А. С. ПУШКИНЫМ

Автограф. Михайловское, конец 1824 — начало 1825 года

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Ровно семь дней, как спозналась с горем я.
Мне не взмилились подруженьки мои,
Игры, пляски, хороводы и мячи [1*]
Не по нраву, не по мысли мне пришли.
Я скиталася по темным лесам,
В темном лесе кинареички поют,
Мне, девчонке, грусть-назолу придают.
Ты не пой, кинареичка, в саду,
Не давай тоски сердечку моему.

№ 7

Во лесах во дремучиих
Тут брала девка ягоды,
Брамши-то она в лесу заблудилася,
Заблудимши она приаукнулась:
— Ты ау, ау, мой любезный друг,
Мой любезный друг, жизнь душа моя!
— Уж я рад бы тебе откликнулся,
За мной ходят трое сторожей:
Первый сторож — родн⟨ой⟩ б⟨атюшка⟩,
Втор⟨ой⟩ сто⟨рож⟩ — мил⟨а⟩ м⟨атушка⟩,
А тр⟨етий⟩ ст⟨орож⟩ — молода жена!

№ 8

Не белинька березанька к земле клонится,
Не камыш-трава во чистом поле расшаталася,—
Зашатался-загулялся добрый молодец
В одной тоненькой кармазиновой черкешучке.

1* *В автографе*: мечи

У черкешучки рукавчики назад закинуты,
Камчатные его полочки назад загнуты,
За плечьми несет ружееце, знать, турецкое,
Во правой руке он пресошечек карновенькой,
Он присошечком добр⟨ый⟩ мол⟨одец⟩ подпирается,
10 Горючьми слезми разудал⟨енький⟩ заливается [1*].
Вдруг несчастьеце над молодцом случилось,
Поднималася с гор п о г о р у ш к а, все х у р т а [2*]-в ь ю г а,
Все хурта подымалась с гор, погорушка полуденная.
Собивала-то она добра молодца со дороженьки,
Прибивала-то она молодца ко городу,
Ко тому же то ко городу ко незнамому.

№ 9

Один-то был у отца у матери, единый сын,
И того-то берут разуд⟨алень⟩кого в службу царскую,
По указу его берут, разу⟨даленького⟩ [3*], государеву.
Он со вечер стал, разуда⟨ленький⟩, коня седлать,
Ко полуночи стал, ра⟨зудаленький⟩, с двора съезжать.
Отец-то и мать его, разудаленького, провожать пошли,
Провожали его, разудаленького, весь и род-пл⟨емя⟩,
Позади-то его идет горюшинька мол⟨ода⟩ жена.
Молод⟨у⟩ жену, белую лебедушку, уговаривает:
10 — Воротись ты, жена, воротись, душа-лебед⟨ь⟩ белая,
Впереди-то у нас все огни горят, огни неугасимые.
— Разудал⟨енький⟩ добр⟨ый⟩ моло⟨дец⟩, меня не обманывай,
Горит у тебя, у молодца, ретиво сердце.

№ 10

Как у нас было на улице,
У нас на широкой:

*

Красны девки разыгрались,
Молодушки расплясались.

*

Одна девка лучше всех,
На ней лента шире всех.

*

Девка парню говорила
И всю правду объявила:

*

— Послушай-ка, мой милой,
10 Сердце-радость дорогой,

*

Мой батюшка не лихой,
Тебе будет не чужой.

1* *Первоначально:* ра⟨зливается⟩ ⟨?⟩
2* *Первоначально:* кто ⟨?⟩
3* *Вписано.*

ЗАПИСИ ПЕСЕН, СОХРАНИВШИЕСЯ В КОПИЯХ КИРЕЕВСКОГО

№ 11

Бежит речка по песку
Во матушку во Москву,
В разорёну улицу,
К Аракчееву двору.
У Ракчеева двора
Тута речка протекла,
Бела рыба пущена;
Тут и плавали-гуляли
Девяносто кораблей;
Во всякием корабле
По пяти́сот молодцов,
Гребцов-пе́сенничков;
Сами песенки поют,
Разговоры говорят,
Все Ракчеева бранят

СЕЛЬСКИЙ ПЕЙЗАЖ
Картина Т. А. Васильева (масло), 1820
Третьяковская галерея, Москва

— Ты, Ракчеев господин,
Всю Россию разорил,
Бедных людей прослезил,
Солдат гладом поморил,
Доро́женьки проторил,
Он канавушки прорыл,
Берёзками усадил,
Бедных людей прослезил!

№ 12

Туто жил-поживал господин Волконский князь,
У этого у князя жил Ванюша ключничек.
Ваня год живёт, другой живёт,
На третий год князь доведался;
Закричал князь Волконский своим громким голосом:
— Как есть ли у меня слуги верные при мне?
Вы подите приведите вора Ваньку ключника! —
Как ведут Ванюшу широким двором,
Как у Ванюшки головка вся проломана,
Коленкоровая рубашка на нем изорвана,
Сафьянные сапожки кровью принаполнены.
Закричал-та господин Волконский князь громким голосом
— Вы подите-ка, вы выройте две ямы глубокиих,
Вы поставьте-ка два столбика дубовыих,
Положите перекладец сосновый,
Повесьте две петли шелко́вые:
Пускай Ваня покачается,
Молодая-то княгиня попечалится!

№ 13

На зоре-то было, на зорюшке,
На зоре-то было вечернией:
Высоко́ звезда восходила —
Выше лесу, выше тёмнова,
Выше садику зелёнова.
Как во городе во Ала́тыре
Случилося несчастьице,
Как несчастьице немалое:
Жена мужа поте́ряла,
Вострым ножичком зарезала,
Вынимала сердце с пе́ченью.
На ноже сердце встрепехнулось,
Она, шельма, рассмехнулась,
Рассмехнувшись, она ужаснулась.
Взяла его за черны́ кудри,
Ударила об сыру́ землю,
Во холодный ле́дник спрятала,
Дубово́й доской она закрыла,
Золотым перстнём запечатала;
Сама пошла в нову́ горницу,
Закричала громким голосом:
— Ты талан ли мой, талан лихой
Или участь моя горькая!
На роду ль мне так написано?
Прилетели к ней два со́кола,

КРЕСТЬЯНИН

Рисунок П. П. Свиньина (?) (цветной карандаш), 1815
Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

Два Ивана, два Иваныча:
— Ты, сноха наша, невестушка,
Где наш братец Иванушка?
— Ваш братец — охотничек,
30 Уехал в лес за охотою,
За куницами, за лисицами.
— Не обманывай нас, невестушка!
Вон шелкóв кушак на стене висит,
Перчаточки с шапочкой на пóлочке лежат.

№ 14

Бежит речушка слезовáя,
На ней струюшка кровавáя;
По бéрежку растет част осинничек,
Во тем осинничке куст рябинушки;
Она áленькими цветочками она расцветала.
На цвету́ сидит кукушечка,
Горемы́чная куковала,
Жалобнёхонько, горемы́чная, причитáла,
Всем солдатушкам назóлушку давала.
10 Не кукуй-ко ты, кукушечка, жалобнéнько,

Не одной-то тебе, кукушечка, жить тошно,
И нам-то, солдатушкам, жить не сладко!
На что матушка нас, сударыня, породила?

№ 15

Девушка крапивушку жала,
Красная немного нажала;
Кажется, ни с кем не стояла,
Только я с милым говорила:
— Ах ты, мой сердечный, милый друг!
Я слышала несчастье про тебя:
Идешь в поход. Возьми меня с собой,
Назови меня родной сестрой
Или душенькой молодой женой.
— Нельзя, нельзя мне взять тебя с собой,
Что все в полку полковнички знают,
Что нет у меня родной сестры,
Ни душеньки молодой жены,
Что есть у меня одна матушка,
И та живет в деревне в печали*.

№ 16

Долина, долинушка,
Раздолье широкое!
На той на долинушке
Ничто не роди́лося:
Ни грибки, ни ягодки,
Ни чёрна смородина,
Только уродилася
Ро́щица зелёная.
Из-за той ли рощицы
Заря занималася,
Заря занималася,
Солнце выкатàлося.
Греет-греет солнушко
Зимой не по-летнему;
Любит-любит миленький,
Любит не по-прежнему.
Любил, всё обманывал,
Другу́ подговаривал:
— Поди-поди, дѐвица,
За меня замуж,
За меня, за молодца,
За парня холо́стова.
— Нейду-нейду девица,
Нейду, не подумаю.
Кого же мне, девице,
Полюбить будет?
Полюбить холо́стова,—
Хо́лост скоро женится;
Полюбить женатого,—
Жена-то рассердится.

* Поется также: Да и та старенька.

Полюблю я, девушка,
Солдата гвардейского:
Солдат во поход пойдет,
Девицу с собой возьмет.

№ 17

Я вечор, вечор, добрый молодец,
Вечор загулялся,
Я со любушкой, со своей сударушкой,
Долго застоялся,
Я тайного ла́скова словечка
От ней дожидался.
Ничего-то, моя сударушка,
Она мне не сказала,
Только сказала моя сударушка
Грубое словечко:
— Ты отстань-отстань, добрый мо̀лодец,
Отстань по охоте;
Не отстанешь ты по охотушке,—
Отстань по неволе.
Тосковал-то я, добрый мо́лодец,
Ровно три годочка,
Что никто, никто по добром мо́лодце,
Никто не потужит:
Что ни батюшка, ни матушка,
Ни жена молодая;
Что потужит ли, погорюет ли
Красная деви́ца,
Что назва̀ная моя прежняя
Милая сестрица!

№ 18

Уродился я несчастлив, бесталанлив:
Приневолили меня, малёшенька, женили;
Молода была жена, я глупенек,
Стал я мо́лодцем — жена стала старенька.
Полюбилась мне молодка молодая,
Иссушила мое сердце ретиво́е.
Как вечор меня молодка огорчила,
Мне несносную насмешку насмеяла:
— Отступися,— мне сказала,— отвяжися,
У тебя своя жена, с ней и целуйся!—
Во бору ли во сыро́м ли стук-треск:
Бурлачки сосну подрубливают,
Подрубливают, поваливают;
Из сыра бора по лугу́ волокут,
По крутому бережку покатывают,
Середь лодочки устанавливают,
Тонкий парус навешивают,
Уплывают вниз по Волге по реке.
— Вы постойте, добры мо́лодцы, погодите,
Вы с собой меня возьмите, посадите,
Разлучи́те с опостылой со женою.

№ 19

Ах ты, молодость, моя молодость,
Не видал я тебя, когда ты прошла,
Когда ты прошла, когда миновалася!
Живучи с женой не с корыстною,
Не продать мне жену, не променять ее
Что ни братцу, ни товарищу.
Я пойду ли сам крутым бережком,
Я найму ль себе новых плотничков,
Новых плотничков, корабельщиков.
10 Я сострою нов тесов корабль
О двенадцати тонких парусах,
Тонких, белых, полотняныих.
Я спущу ли корабль на сине море,
Посажу ли жену свою, барыню,
Отпущу ли жену в свою сторону;
А я сам пойду на круту гору,
Посмотрю ли я на сине море.
А уж корабль бежит, как сокол летит,
А жена-то сидит, точно барыня.
20 Уж я вскрикну ли громким голосом:
— Воротись, жена, моя барыня,
А мы будем жить лучше прежнего,
А я буду любить лучше старого!
— Не обманывай ты, распостылый муж,
Что не греть солнцу зимой против летнего,
Не светить месяцу летом против зимнего,
Не любить тебе меня пуще прежнего!

№ 20

Беседа моя, беседушка, беседа смирна!
Во той во беседушке девицы сидят,
Де́вицы сидят, речи говорят *:
— Лучина-лучинушка березовая!
Что же ты, лучинушка, не ясно горишь,
Не ясно горишь, не вспыхиваешь?
Али ты, лучинушка, в печи́ не была?**
— Я была в печи́ вчерашней ночи́,
Лихая свекровушка воду пролила,
10 Воду пролила, меня залила.
— Сестрицы голубушки, ложитеся спать:
Ложитеся спать, вам не́кого ждать!
А мне, красной девице, всю ночку не спать:
Кровать убирать, мила́ дружка ждать;
Убравши кроватушку, сама лягу спать.
Первый сон уснула — без ми́ленького;
Второй сон уснула — без сердечного;
Третий сон уснула — зоря белый день.
Из-под белой зорюшки мой милый идёт,
20 Собольею шубочкой пошумливает,
Пухо́вою шляпочкой помахивает,

---

* Первых трех стихов обыкновенно не поют.
** Прибавляется также: В печи не была, не высушена.

Сафьянны сапо́жки поскрыпывают*:
— Что ж ты, добрый мо́лодец, давно не пришел?
— Душа красна де́вица, позамешкался:
С угрюмой женой побранка была,
Журила-бранила тебя и меня.
Тебя, мою душеньку, курвой назвала́;
А я ее бил, бил, чуть живу пустил.
— Не бей, не бей, мо́лодец, угрюмой жены:
С угрюмой женою тебе век вековать,
Со мной, красной де́вицей, ночку ночевать.

№ 21

Вдоль по улице по Шведской
В Слободе было Немецкой
Генерал-от немец ходит,
За собою девку водит.
Водил девку, водил немку,
Молодую иноземку.
Девка немцу говорила:
— Говори, радость, со мною,
Мы одни теперь с тобою,
Еще третий — высо́к те́рем.
Как поедешь, мой любезный,
Во царскую службу,
Заезжай, моя надёжа,
В калинову рощу;
Ты сорви, мой друг, покушай
Горьку ягоду калину:
Какова́ горька калина —
Таково́ житье за старцем.

Иногда прибавляется:

Каково́ житье́ за ро́внем?
Какова сладка малина,
Таково́ житье за ро́внем.

№ 22

Как по селам спят, по дере́вням спят,
О полу́ночи петухи поют,
Добрый мо́лодец домой идет,
Он в окошечко посматривает,
Посматривает, поговаривает:
— Аль спит жена, аль не спит жена?

---

* В новейших песенниках:
Натуральной тросточкой постукивает.
И песня кончается этим стихом. Остальные же внесены в другую песню:
Сказали про мо́лодца, будто бе́з вести пропал,
Сказали — уда́ленький в синем море утонул;
А нонéче молодец по улице прошел,
Любимую песенку шибко-громко просвистал.
Насви́сточку свищет, голос в терем подает:
Услышала б девица удало́го молодца,
Горела б у девицы воску ярого свеча,
Ждала б красна девица удало́го молодца.
— А что ж, добрый молодец, давно не пришел?
— Душа красна девица... — и проч.

ПЛАЧУЩАЯ КРЕСТЬЯНКА
Рисунок А. П. Лосенко (карандаш) вторая половина XVIII в.
Частное собрание, Москва

Меня мо́лодца дожидается,
Журить-бранить собирается:
— А долго ли тебе по ночам не спать,
По ночам не спать, до зори гулять,
По чужим дворам, да чужим жена́м?
Али я тебе опосты́лела,
Опостылела-опроти́вела?
Али мало тебе своей жены?
Уж видать ли мне, чтоб поймали тебя,
Чтоб поймали, притаскали, приговаривали:
Не ходи, ⟨...⟩, по чужим жена́м!
У тебя, ⟨...⟩, своя жена!

№ 23

Калина, малина!
На заднием порядке
Под горою три солдатки:
Одна Настька, друга́ Машка,
Как третия Наташка.
Повадилась Наташка
Во царев кабак ходить,
Зелено́е вино пить,
Целовальника любить:
— Целовальник молодой,
Проводи меня домой
По улице мостовой,
По дорожке столбовой
До кроватки тесово́й,
До перинки пухово́й!
На перине де́вица,

Лежит она, нежится,
Лицо разгорелося.
Чего захотелося?
— Не надо мне, матушка,
Ни меду, ни сахару,
Ни сладкиих яблочков,
Ни медовых пряничков,—
Приведи-ка, матушка,
Татарина с скрыпкою,
Мордвина́ с волынкою,
Холосто́ва с дудками!
На бо́лдинском на плоту
Мыла де́вица фату,
Она мыла, полоскала,
Фату в воду опускала.
Милый фаточку ловил,
Кафтан с шубою сронил.
Она губушки надула,
Пошла к старосте на думу
И к бурмистру на рассуду:
Как что староста-та скажет
И бурмистр-от что прикажет?
— Ты поставься-ка в попы!
Как и что это за попок:
В сарафане без порток?

РУССКАЯ ПЛЯСКА

Цветная гравюра И. Когерета с рисунка Е. Карнеева

Из книги: «Les peuples de la Russie ou description des moeurs, usages et costumes des diverses nations de L' Empire de Russie...». Paris, 1812

№ 24

Авдотья вдовина
По бережку ходила,
Правой рукой махала:
— А свет моя сторона, сторона,
Никольская слобода,
На ней тебе не бывать, не живать,
Пивца, винца не пивать,
Калачиков не едать!
Злодей Ванька вор, победна голова,
Кличет Дуньку из ворот в огород:
— Сорвём, Дунька, лопушок
Под самый корешок;
Сошьем Дуньке сарафан
Китаичный голубой:
Снурочик-ат — повили́чная трава,
А ниточки — ковылок, ковылок,
А пуговки — репеёк, репеёк.
Где ни́ взялся таракан,
Проел Дуньке сарафан
Над самою над дырой.
А, дядюшка Митрофан,
Зашей Дуньке сарафан
Китаичный голубой!

№ 25

Не летай, мой соловей,
Поздно ве́чером один!
Парень девушку любил,
Колечушком подарил:
Колечушко, сердечушко,
Твой золо́тный перстенёк.
Далеко́ милой живет
Во матушке во Москве,
Во Покровской улице.
Как пошли наши ребята
В большу́ улицу гулять,
Красных девок забавлять;
Ах, все девки хороши,
Разлапушки пригожи!
Одна девка лучше всех:
В косе лента шире всех,
А другая голубая —
Идет славушка худая,
А третия со кистьми,—
Бежит Дуня со вестьми.
Как взял Дуню задор:
Подняла в губы подол,
Мимо окон, мимо стёкол,
Мимо каменных палат
К целовальнику в кабак:
— Целовальник молодой,
Отпирай новый кабак,
Пущай малых ребят!

«ПРАЗДНЕСТВО СВАДЕБНОГО ДОГОВОРА»
Картина М. Шибанова (масло), 1777
Третьяковская галерея, Москва

№ 26

Уж как нóнешние люди
Они мóлоды, лукавы,
С измалéнька вороваты;
Не видавши — много видят,
Не слыхавши — много слышат.
Как сказали про девúцу
Напраснýю небылицу:
Будто я, красна девица,
Во всю тёмну ночь не спáла,
В зеленóм саду гуляла,
Сладко вишенье щипала;
(Показалось девке мало,—)
Виноградом ⟨до⟩бавляла,
На белóе блюдо клáла,
В итальянский плат вязала,
За ворóты выходила,
Извозчичка нанимала,
Извозчичка молодóго,
Неженатого — холостóго:
— Вези меня поскорее,
Чтобы люди не видали,

Соседушки не слыхали *,
Мому́ батюшке не сказали **.
Мой батюшка очень гро́зен,—
Посадил меня в темницу,
Ни дверей нет, ни окошек,
Одна труба, да мала́я.
Ах ты, батюшка родимый!
30 Проруби ты мне окошко
На праву́ю на сторонку,
Куда милый гулять ходит,
Добра коня поить водит.

№ 27

ПЛЯСОВАЯ

Как но́нече куры
Поют петухами,
Ах, люшеньки, ай, люли! и т. д.
Как но́нешни жёны
Владеют мужьями.
Я возьму мужа за ручку,
Брошу на постелю:
— Лежи, муже, ту́та,
Поколь схожу — кну́та ***,
10 Поколь схожу кну́та,
Железного пру́та.

СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ

№ 28

Девушек созывают к невесте. Первая песня их:

Боже, благослови, Христос,
Игру заигрывати;
Игру весёлую,
Свадьбу хорошую!

№ 29

Береза белая,
Береза кудрявая,
Куда ты клонишься?
Куда поклоняешься?
— Я туда клонюсь,
Туда поклоняюся,

---

* Поется также: не спознали.

** В некоторых песенниках:

Отцу, матери не сказали.
Мой батюшка очень гро́зен,
Грозней того моя матушка:
Не велит мне на улицу ходить,
С холостыми речи говорить.

Очевидно, из другой песни.

*** т. е. схожу взять кнута.

Куда ветер повеет.
— Княгиня душенька,
Куда ты ла́дишься?
10 — Туда я ла́жуся,
Куда батюшко отдаёт,
С родимой матушкой.

№ 30

Дни за два перед девичником кладут на блюдо ленты из косы невестиной. Брат ее или ближний родственник носит его по улице. Это называют: *красу носить*. Между тем поют:

Трубчи́стая коса
Вдоль по улице шла,
Жемчужная пчёлочка
За нею гонялася,
За нею гонялася,
За́ косу хваталася:
— Коса ты, ко́сынька!
Уже́ли ты моя?
— Я тогда буду твоя,
10 Как в божью церковь вступлю,
Золотой венец приму́!

№ 31

Невесту ведут в баню; в девичник, накануне свадьбы:

Затопися, ба́ненька,
Раскалися, ка́менка!
Расплачься, княгиня душа,
По своей сторонушке,
По родимой матушке,
По родимому батюшке, и проч.

№ 32

В бане девушки, моя невесту, поют и пляшут, пьют и пивом поддают. Невеста между тем плачет голосом, приговаривая:

Как-то мне будет в чужие люди итти?
Что как будет назвать свёкра батюшкой?
А как будет назвать свекровь матушкой? *
Бог тебе судья, свет мой, родимый батюшко!
Али я тебе, молодёшенька, принаскучила? и пр.

Из бани пришед, девушки чешут ей голову, оденут, посадят за стол. Жених приезжает со своими холостыми товарищами. Они друг друга дарят.

В день свадьбы девушки с пеньем одевают ее; потом сажают одну за стол перед блюдом, куда все кладут деньги, за что она молча кланяется. Потом отец ее и мать выводят ее посередь комнаты и начинают благословлять, после чего идет невеста, крестясь, садится, чтоб ехать к венцу. Все девушки за нею; также крестятся.

№ 33

Собрала невеста подружек,
Посадила подружек высо́ко,
А сама села выше всех,

* т. е. стыдно

Наклонила головушку ниже всех,
Думает думушку крепче всех:
— Что долго нет Ивана?
Мне посла послать — нéкого,
Мне самой иттить — нéкогда.
Я хотя пойду,— не дойду,
Я хотя дойду,—не найду,
Я хотя найду его,—
Позвать к себе не смею.

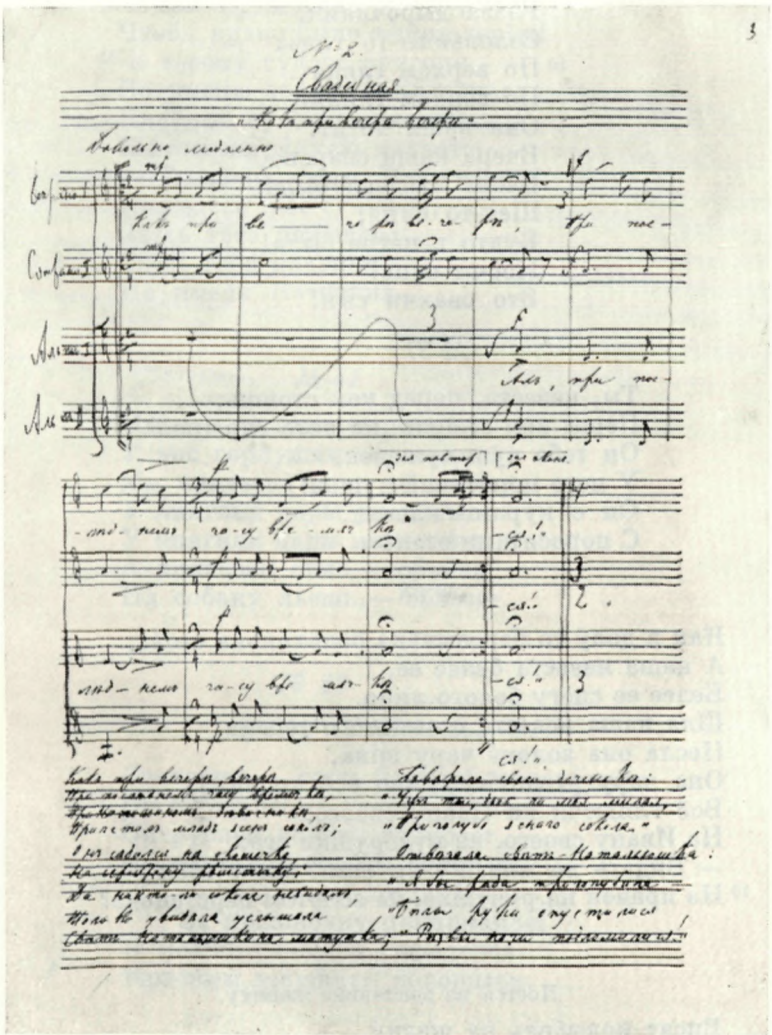
№ 34

Поется, если жених приехал издалеча:

Как при вечере, вечере,
При последнем часу́-времячке,
При княгинином девичнике
Вылетал же млад ясён сокóл;
Он садился на окошечко,
На серебряну решоточку,
На шелкóву занавесочку.
Как увидела да у́зрела
Свет княгинина матушка:
— Ты дитя мое, дитятко,
Ты дитя, чадо милое!
Приголубь ты ясного сóкола,
Ясного сóкола залётного,
Доброго мóлодца заезжего!
— Я бы рада приголубить его —
Скóры ножки подломилися,
Белы руки опустилися,
Красота с лица сменилася.

№ 35

Мимо дворика батюшкина,
Мимо тéрема матушкина,
Пролегала тут дорóженька,
Пробегал тут добрый конь,
За конём бежит добрый мóлодец,
У ворот стои́т красна девица.
Как возгóворит добрый мóлодец:
— Перейми коня, красна девица!
— Мне нельзя перенять коня:
У меня травой ноги спутаны,
Росой глаза замóчены.
Возгóворит добрый молодец:
— Не приманывай, красна девица:
Не травой ноги спутаны,
Не росой глаза замóчены,—
Ноги спутаны кручинушкой,
Глаза замóчены горючьми́ слезми́!



СВАДЕБНАЯ ПЕСНЯ «КАК ПРИ ВЕЧЕРЕ, ВЕЧЕРЕ...»

Обработка Н. А. Римского-Корсакова для женского хора

Автограф

Музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки, Москва

Опубликована в сборнике: «Русские народные песни, переложенные на народный лад для женского, мужского и смешанного хора без сопровождения». М., 1879

Текст песни, использованный композитором, приближается к пушкинской записи

№ 36

Про жениха, как взойдёт к невесте.

Как сказали-то, Иванушко хорош да хорош! —
Чёрт у него, не хоро́шество!
Сам шесто́м,
Голова песто́м,
Уши ножницами,
Руки гра́бельками,
Ноги вилочками,

Глаза дырочками.
Соловьи́ны-то глаза
По верха́м глядят,
По верха́м глядят,
Они каши хотят.
Вчера каша сварена́,
Вчера съе́дена была.
Шея-то синя́,
Будто в пе́тле была!
Нос-от синь,—
Это свахин сын!

№ 37

Ты, невеста, перед кем стоишь,
Перед кем стоишь, на кого глядишь?
Он тебе чуж чуженек,
У него поросячий душок!
Он с ку́рами клевал,
С поросятами едал!

№ 38

Как в долу́-то берёзынька белёхонька стои́т,
А наша невеста белее ее,
Белее ее снегу белого лицо.
Шла наша невеста с высоко́го терема,
Несла она золоту́ чару вина,
Она чару расшибла, вино всё пролила́,
Всё глядючи на Ивану своего́,
На Ивану своего, на куде́рушки его;
— Видать ли мне, куде́рушки, вас у себя
На правой на ру́чушке, на золо́том перстеньке?

№ 39

Поется на девичнике жениху.

Висит колыбель на шелку́,
В колыбелке лежит князь молодой;
Вскачните колыбель высоко́,
Вы столь высоко — выше клёну,
Чтоб был виден тестев двор,
Тестев двор, тёщин терём.
В этом терему́ ходит-гуляет,
Ходит-гуляет княгиня душа,
Шёлковым платком помахивает:
— Ты сюда, сюда, молодой князь!
Здесь твоя су́женая, твоя ряженая!

№ 40

Во сыро́м бору́ на клену́
Висит колыбель на шелку́,
В колыбели лежит Иванушко,
Перед ним стоят бояры:
— Вскачните колыбель высоко́!
Столь высо́ко,— выше клёну стоячего,
Ниже облака ходячего,

Чтобы видно было тестев двор,
Чтобы видно было тёщин терём!
10 В терему гуляет княгиня,
По именю зовут её Катерина;
Калёные орешки считает,
Ши́тою шири́нкою махает:
— Ты сюды, сюды, Иван князь!
Как здесь твое су́женое,
Здесь твое ряженое,
Здесь твоя княгиня
По имени Катерина.

№ 41

Мы все песенки перепели,
У нас горлушки пересохли!
Мы князьева пива не пива́ли,
У княгини дары увида́ли,
У княгини дары миткали́ны,
А князьево пиво — обли́ва,
На собаку льешь,— обле́зет.

№ 42

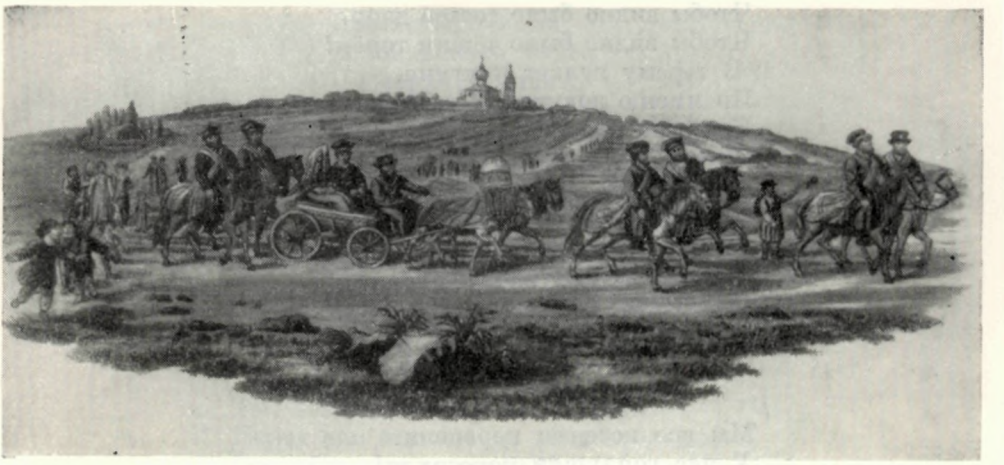
Поется на девичнике.

Сватушка — гость богатый, торова́тый,
Он с гривны на гривну ступает,
Он рублем воро́ты запирает,
Он полтиной воро́ты отпирает.
— Сва́тушко, догадайся!
За мошоночку принимайся!
В мошне денежка шевелится,
Красным девушкам норови́тся.

№ 43

На девичнике свата корят.

Все песни перепели,
Го́рлушки пересохли!
А сва́тушко рыжий
По берегу рыщет,
Хочет удавиться,
Хочет утопиться
От красных девок,
От белых лебёдок.
Дари, дари девок!
10 Дари лебёдок!
Не станешь дарити —
Мы пуще корити!
—Сватушко, догадайся!
За мошоночку принимайся!
В мошне денежка шевелится,
Красным девушкам норовится.



ВОЗВРАЩЕНИЕ НОВОБРАЧНЫХ ИЗ ЦЕРКВИ

Цветная гравюра К. Будеуса

Из альбома: «Volksgemälde und Charakter-Köpfe des russischen Volks». Leipzig, 1820

№ 44

Бестолковый сватушко!
По невесту ехали,
В огород заехали,
Пива бочку про́лили,
Всю капусту по́лили.
Верее молилися:
— Верея, вере́юшка!
Укажи доро́женьку
По невесту ехати!
— Сватушко, догадайся!
За мошоночку принимайся!
В мошне денежки шевелятся,
Они к девушкам норовятся,
А копейка ребром станови́тся,
Она к девушкам норовится!

№ 45

А у свата сводника
Лихорадка с бо́лестью,
Она с черной не́мочью,
На печи́ — под шубою,
На дворе — нагишкою!
По морозу — босиком,
Покрове * — нагишом!
Ему чирий в го́лову,
А другой в бо́роду,
Третий в ру́чушку,
Четвертый в но́женьку!
У сватушки кудри

* Вероятно, речь идет о позднем осеннем празднике — Покрове.— *Ред.*

На четыре грани,
Его черти драли,
Шу́ты полыска́ли,
По кучам таскали,
Братом называли.
Ты, сватушко, братец!
Дари, дари девок,
Дари, дари красных!
Станешь дарити —
Не станут корити!

№ 46

Сват, сват молодой!
Не бывать тебе у нас,
Не еда́ть киселя!
Не бежать тебе луго́м,
Не дристать тебе гужом!

№ 47

Не стыдно ли вам, бояры,
Перед нами, девками, стояти,
В руках ша́почки держати?

№ 48

Поется сироте.

Ты река ли моя, реченька,
Ты река ли моя быстрая!
Течешь, речка, не колы́хнешься,
На крутой берег не взо́льешься,
Желтым песком не возму́тишься!
— Отчего же мне возмути́тися?

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕВУШКИ НА КАЧЕЛЯХ

Цветная гравюра К. Будеуса

Из альбома: «Volksgemälde und Charakter-Köpfe des russischen Volks». Leipzig, 1820

Ни дождя нету, ни ви́хорю:
— Ах ты, умная де́вица
(Такая-то)
10 Что сидишь ты, не улы́бнешься,
Говоришь речи, не усме́хнешься?
— Что чему же мне смеятися,
На что глядя, радоватися?
Полон двор у нас подвод стоит,
Полна горница гостей сидит.
Уж как все гости собра́лися,
Одного́-то гостя нет как нет;
Уж как нет гостя милого,
Мого́ батюшки родимого *.
20 Снарядить-то меня есть кому,
Бла́словить-то меня не́кому;
Что снарядит меня родная мать,
Бла́словит меня чужой отец.

№ 49

Много, много у сыра́ дуба́
Много ветвей и по́ветвей,
Только нету у сыра́ дуба́
Золотыя вершиночки;
Много, много у княгини души
Много роду, много племени,
Только нету у княгини души
Нету ее родной матушки:
Благословить есть кому
10 Снарядить не́кому **.

№ 50

Эту песню поют девушки, гуляя по улице, ведя под руки покровенную невесту.

Уже ве́чер на дворе, вечереется,
Уж красное солнушко за́ лес ко́тится,
Что частыя-то звездочки высыпаются,
У меня ли, молодёшеньки, некрасованой
С моими ла́стушки-сестрицы, милыми подружки.
Я пойду ли спрошусь у родимой матушки:
— Ты, сударыня, родимая матушка!
Не гулять у тебя прошуся, не красоватися,
Я развеить свою кручинушку великую.
10 Я пойду ль, молодёшенька, во чисто́ поле,
Я ударюсь, молодёшенька, о сыру́ землю;
А мы вскрикнемте, сестрицы, громким голосом:
— Ты раздайся ли, мать-сыра́ земля!
Ах, ты встань, ты встань, родной батюшко! ***

---

* Если ж молодая сирота круглая, то поется:

Уж как нет гостей милых:
Моего батюшки родимого,
Моей матушки родимой.

** Благословляет обыкновенно отец, снаряжает мать.

*** Если невеста не сирота, то, разумеется, выпускаются стихи, обращенные к покойному отцу, или заменяются другими, импровизированными.

Ты приди ко мне, горюше молодёшеньке,
На мою ли на смиренную на беседушку!
Снарядить-то меня, горюшу, есть кому,
А благословить-то меня нéкому.
Мы взойдём-ка ли, сестрицы, в новые сени,
Мы воскрикнемте, сестрицы, громким голосом:
— Не шатитесь, не ломитесь, сени новые!
Неужли́ ж я, молодёшенька, тяжелёшенька
С моим ластушкам-сестрицам, милым подружкам?—
Тяжела моя великая кручинушка!
Государыня, родимая матушка!
Отвори-тка свой высóк терём,
Не зноби меня, горюшу молодёшеньку,—
Я и так, молодёшенька, назяблася.
Я сяду, молодёшенька, под окошечком;
Не летит ли мой кормилец батюшко?
Мы пойдёмте-тка, сестрицы, вдоль по улице;
Вы кладите-тка следочки частёхонько,
Уливайте следочки горючьми слезьми.
Опослé пойдёт родимая матушка:
— Не княгиня тут гуляла, не боярыня,
Тут ходила, тут гуляла чадо милое!

№ 51

О горе, горе!
То невестино!
О горе, горе!
Ты, невестушка,
О горе, горе!
Ты, лáстушка!
О горе, горе!
Оглянись-ко ты назад,
О горе, горе!
Что подружек-то стоят!
О горе, горе!
Что подружки говорят,
О горе, горе!
Что наказывают,
О горе, горе!
Что приказывают:
О горе, горе!
— Ты спихни́-ко худякá,
О горе, горе!
Ты с кроватушки долой!
О горе, горе!
— Вы, лебедушки,
О горе, горе!
Вы, подруженьки!
О горе, горе!
Мне нельзя спихнуть:
О горе, горе!
В головах-то у него,
О горе, горе!
Плетка шелковая,
О горе, горе!

Она об осьми хвостов,
О горе, горе!
Она больно бьет,
О горе, горе!
Приговаривает:
О горе, горе!
— Не зови-ко худяко́м,
О горе, горе!
40 Зови добрым молодцом!

№ 52

Между гор по ка́менью
Серебром ручей бежит.
По тому по ру́чейку
Ходила-гуляла княгиня душа,
Искала княгиня душа
Самоцветна ка́мушка.
Нашла-нашла камушек,
Нашла самоцветненький;
Разломила камушек
10 Его на́ три гра́ночки:
Первую гра́ночку —
Ее родну батюшке,
Вторую гра́ночку —
Родной ее матушке,
А третью гра́ночку —
Ладу милому.

№ 53

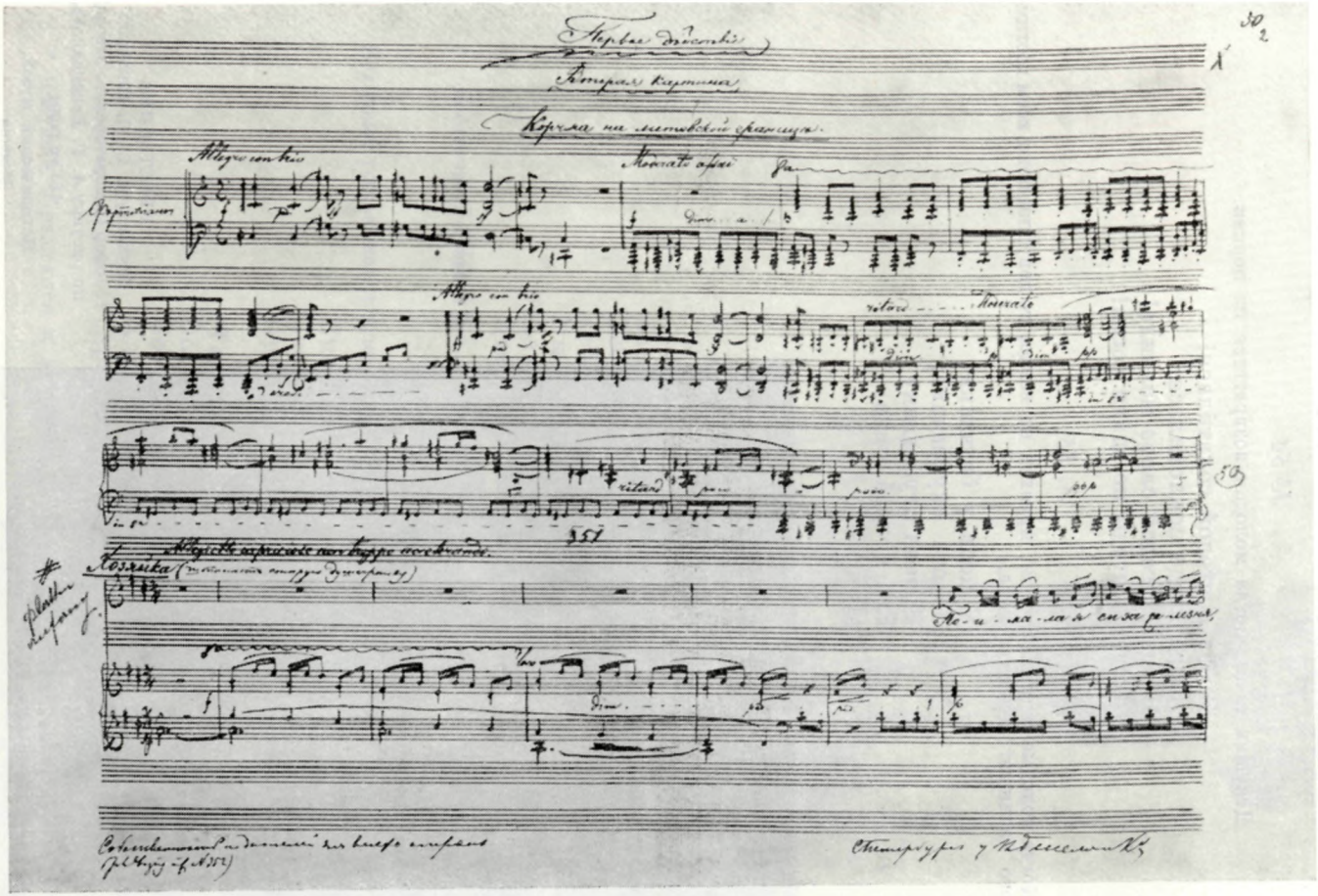
Поется, когда едут за невестой к венцу.

Как у нашего князя
Невесёлые ко́ни стоят;
Они чуют путь-доро́женьку
По невесту ехати.
— Ах вы, девушки подруженьки!
Уливайте * гору кру́тую,
Чтобы моему разлучнику
Ни взойтить-бы, ни въехати!
— Не грози, княгиня душа! **
10 На круту́ю гору пеш взойду,
Добра́ коня в поводу́ сведу.
— Ах вы, девушки подруженьки!
Запирайте вы воро́течки,
Что тремя замка́ми немецкими!
— Не печалься, княгиня душа!

---

* Или: «укатайте», смотря по времени года.
** Поется также:

Не печалься, княгиня душа!
Поведем мы коней в кузницу,
Подкуем коней подковами,
Подковами-то булатными.



М. П. МУСОРГСКИЙ.
ОПЕРА «БОРИС ГОДУНОВ».
СЦЕНА В КОРЧМЕ

Клавир. Автограф, 1874

Вступление и песня хозяйки корчмы: «Поймала я сиза селезня»

Музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки, Москва

Приведу я с собой слéсаря:
Отопрет замки немецкие.
— Ах вы, девушки подруженьки!
Заплетайте косу русую,
20 Чтобы моему разлучнику
Не расплесть, не расчесать ее!
— Не печалься, княгиня душа!
Привезу с собою свáхыньку:
Расплетёт она косу русую,
Увезем тебя с собой, душеньку!

№ 54

Девушки поют, когда молодая возвратится из церкви.

Ягода с ягодой сокатúлася!
Ягода ягоде поклонилася!
Ягода с ягодой слово молвила!
Ягода от ягоды не вдали росла!

№ 55

Когда молодые сидят за столом, приехав от венца, то девушки поют всем гостям; первого начинают величать попа.

У попа у батюшки
Золотá скуфéюшка;
Низала скуфеюшку
Его молодá жена
(Такая-то)

КРЕСТЬЯНКА
Скульптура С. С. Пименова (фарфор Императорского завода) по рисунку А. Г. Венецианова, 1830-е годы
Исторический музей, Москва

КРЕСТЬЯНИН
Скульптура
(фарфор завода Гарднера),
1820-е годы
Исторический музей,
Москва

Слышишь ли, батюшка?
Тебе песню поем,
Тебе честь воздаем.
Мы хотим с тебя даров,
10 Даров великиих,—
Две гривны зóлотом!

А поп отвечает: «Нáте, суки, возьмите в руки, не корите попа».

№ 56

Величают гостью как девушку, так и замужнюю.

Княгиня-душенька! *
Скажи, пожалуй, нам
Про свою гóстейку!
— У меня свет гóстейка,
(Такая-то)
Во любви пóзвана,
Во честú посóжена,
Хорошо снаря́жена:
Сережки — яхонты,

* Девушки обращаются к молодой.

10 Лицо разгорелося,
Монисты зóлоты
Шею огрýзили!
Слышишь ли, гóстейка?
Тебе песню поём,
Тебе честь воздаём.
Мы хотим с тебя даров,
Даров великиих,—
Две гривны золотом!

№ 57

Величают холостого.

Князёк молоденький,
Лебедёк наш беленький! *
Скажи, пожалуй, нам
Про своего гостя нам!
— У меня свет гость дорогóй,
(Такой-то)
Во любви он пóзваный,
Во честú посóженый
За дубовыим столóм,
10 За браной скатертью,
Неженатый Иванушка,
Холостой Михайлович,
Холостой, завистливый,
Его глаз урóчливый.
— Выйди, холóстенький,
Выдь к нам за зáвесу! **
Выбери, холóстенький,
Кто тебе покажется!
Слышишь ли, гость дорогой?
20 Мы тебе песню поём,
Тебе честь воздаём.
Мы хотим с тебя даров,
Даров великиих,—
Две гривны золотом!

№ 58

Им подают деньги в стакане пива, приговаривая:

— Вот вам, красные девушки!
Малое примите,
На большом не судите!
Денежки принимайте,
Пол поровняйте! ***

№ 59

Поется вдове.

Княгиня душенька!
Скажи, пожалуй, нам
Про свою гóстейку!

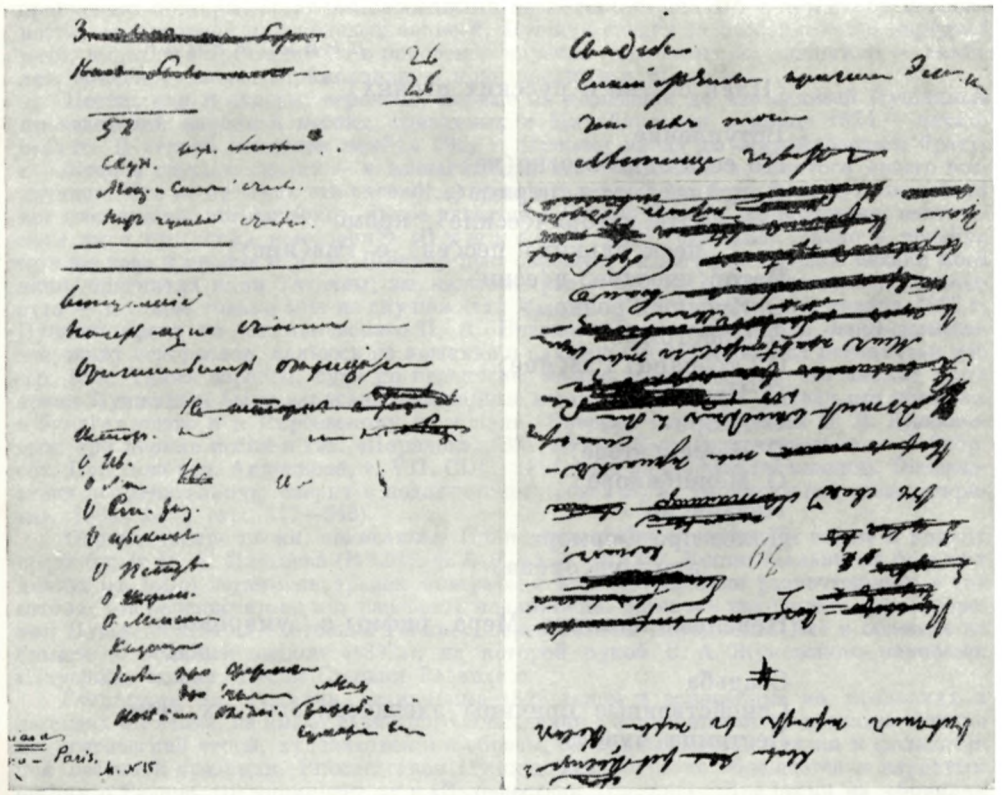
---

* Девушки обращаются к молодому.
** Девушки сидят за занавесом, продернутым через всю избу.
*** т. е. попляшите.

— У меня свет го́стейка,
Молодая вдовушка,
Вдова моло́дая,
Вдова богомольная:
Всем святым святителям
Богомолилася
10 О своих о детушках.
Слышишь ли, вдовушка?
Тебе песню поём,
Тебе честь воздаём.
Мы хотим с тебя даров,
Даров великиих,—
Две гривны золотом!

№ 60

По́ меду-мёду по па́точному
Плавала ча́рочка сере́бряная.
Кто эту чарочку пе́ренял?



ПЛАН СТАТЬИ А. С. ПУШКИНА О РУССКИХ ПЕСНЯХ, ПРЕДНАЗНАЧАВШЕЙСЯ ДЛЯ СБОРНИКА ПЕСЕН П. В. КИРЕЕВСКОГО

Автограф, 1833

Набросан среди перечня произведений и черновых строф «Путешествия Онегина»

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Пе́ренял-пе́ренял князь государь,
Подносил-подносил госпоже княжне:
— Выкушай-выкушай, душа госпожа!
Я тебе, княгиня, про свой сон расскажу:
Будто у нас середь широ́ка двора
Будто у нас расстилалась трава,
10 По травке гуляет па́вынька,
Па́вынька-па́вынька княгиня душа.

№ 61

Тёща про зятюшку сдо́бничала,
Сдо́бничала да пирожничала;
Испекла пирог в двенадсять рублёв:
Со́лоду, муки на четыре рубли,
Ягодов, изюму на́ восемь рублей.
Тёща по горенке похаживала,
Косо на зятюшку поглядывала:
— Как тебя, зятюшку, не ро́зорвало?
Как тебя, зятюшку, не пе́рервало?

ПРИЛОЖЕНИЕ

⟨План статьи о русских песнях⟩

Вступление
Но есть одно в осно⟨ве⟩
Оригинальность отрица⟨...⟩
[Не историч⟨еские⟩, кроме
неск⟨ольких⟩ пес⟨ен⟩ о Раз⟨ине⟩]
Истор⟨ические⟩ п⟨есни⟩
О Ив⟨ане Грозном⟩
О Мас⟨трюке⟩
О Ст⟨епане⟩ Раз⟨ине⟩
О Цыклере
О Петре
О Шерем⟨етеве⟩
О Менш⟨икове⟩
Казацк⟨ие⟩
Далее про Фермора
про Сув⟨орова⟩

Новейшее влияние. Мера, рифмы с Сумарокова
etc.
Свадьба
Семейственные причины элегическ⟨ого⟩ их тона
Лестница чувств.

Народные песни, записанные Пушкиным, сохранились в автографах и в списках, обнаруженных среди бумаг Киреевского в разное время разными лицами. Автографы находятся в ИРЛИ, ф. 244; списки — в ЛБ, ф. 125, и в ГИМе, ф. 56. Все записи сверены заново с первоисточниками, дополнены вновь найденными текстами и прокомментированы. Тексты песен, сохранившиеся в автографах Пушкина, сверены Р. Е. Теребениной; ее наблюдения над разночтениями в текстах внесены в примечания.

ЗАПИСИ ПЕСЕН, СОХРАНИВШИЕСЯ В АВТОГРАФАХ ПУШКИНА

Впервые объединены М. А. Цявловскимв РП, стр. 453—459 (тексты к печати подготовлены Т. Г. Зенгер-Цявловской). В Полное собрание сочинений Пушкина (Изд-во АН СССР) не вошли; в Полн. собр. соч. в десяти томах под ред. Б. В. Томашевского (изд. 2-е, АН СССР, М., 1957, т. III, стр. 409—415) помещены *№ 1—9*.

В РП всвязи с печатанием вместе пушкинского и восстановленного текста песен оказались невоспроизведенными, полностью или частично, некоторые характерные особенности записей поэта — пунктуация, прочерки при сокращениях, неправильное написание отдельных слов с большой или маленькой буквы и т. п. В настоящей публикации мы стремились к возможно более точной передаче записей. При переводе восстановленного текста песен в соответствие с современными орфографическими правилами сохранены некоторые орфоэпические особенности пушкинских записей, характерные для народной речи (-ой, -ова и др.).

№ 1—4. ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 836, лл. 51 об.— 49 об. Рабочая тетрадь 1824—1827 гг. (третья масонская), начата с двух концов. Первые четырнадцать страниц с одного конца заполнены записью сказок, на стр. 15, вслед за окончанием «Сказки о мертвой царевне» начата песня о сынке Разина (см. факсимиле в настоящ. томе на стр. 184). Все записи сделаны, по-видимому, вслед за исполнителем, чернилами, наскоро. Этим объясняется, что начало каждой песни Пушкин успевает записывать почти полностью, потом сокращает слова, имена, числительные заменяет цифрами, сокращает стихи, пропускает повторы, оставляя свободными несколько строк. Но и при такой поспешности, характерной для полевых записей, Пушкин следит за особенностями народной речи, выделяя встречающиеся в псковском наречии диалектизмы: «пелегали — лелеяли», объясняет слова: «примолвили — пригласили» и т. п.

Песни, как и сказки, вероятно, первые из дошедших до нас записей Пушкиным произведений народной поэзии, сделанных в Михайловском в конце 1824 — начале 1825 гг. В первой половине ноября 1824 г. Пушкин писал из Михайловского брату: «... вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма! Ах! боже мой, чуть не забыл! вот тебе задача: историческое, сухое известие о Сеньке Разине, единственном поэтическом лице рус⟨ской⟩ ист ⟨ории⟩» (Пушкин, т. XIII, стр. 121). Около 9 декабря того же года в письме к Д. М. Шварцу поэт сообщал: «...вечером слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны; вы, кажется, раз ее видели, она единственная моя подруга — и с нею только мне не скучно» (там же, стр. 129). Наконец, 25 января 1825 г. Пушкин писал из Михайловского П. А. Вяземскому: «...покамест я один-одинешенек; живу недорослем, валяюсь на лежанке и слушаю старые сказки да песни» (там же, стр. 135). Таким образом, судя по переписке, можно предположить, что именно в это время Пушкиным были записаны слышанные им сказки и песни. Записи эти остались в бумагах поэта и к Киреевскому не попали. Впервые опубликованы П. В. Анненковым: три первые песни в газ. «Порядок», 1881, № 11, 12 января, четвертая — в Собр. соч. Пушкина изд. Анненкова, т. VII. СПб., 1857, стр. 93 (первая пагинация). Впоследствии дополнительную сверку с подлинником провел В. Е. Якушкин («Русская старина», 1884, № 6, стр. 547—548).

Первые четыре песни, записанные Пушкиным, были обнаружены также в копиях среди бумаг П. А. Плетнева (ИРЛИ, ф. 244, оп. 4, № 120). Копии сделаны на больших листах (in folio) четким писарским почерком с незначительными разночтениями в тех местах, где переписчик не мог разобрать подлинника. Здесь же находились стихотворения Пушкина «Песни о Стеньке Разине», переписанные Погодиным. Все в обложке из бумаги (с водяным знаком «1832»), на которой рукой В. А. Жуковского написано: «Народные сказки. Песня Стеньки Разин⟨а⟩».

Стихотворения Пушкина, датируемые 1826 годом и основанные на преданиях и легендах о Разине, не имеют сюжетного совпадения с записанными им песнями. Однако их поэтический строй, художественные образы, словарный состав близки к фольклорной песенной традиции. Впоследствии Пушкин неоднократно обращается к народным песням о Разине. Он упоминает их в «Путешествии Онегина». Две песни из сборника Новикова переводит на французский язык для Лёве-Веймара (см. В. К. Архангельская. Источники русских народных песен, переведенных Пушкиным на французский язык.— «Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 340—343), отводит им место в планах по истории русской литературы. Наряду с летописями, «Словом о полку Игореве» и сказками, в наброске плана предисловия к сборнику песен Пушкин впервые относит песни о Разине к историческим, отделяя вместе с тем разинские песни не исторического содержания (см. приложение).

№ 1—2. Записи первых двух песен сделаны одним пером и чернилами, по-видимому, одновременно. Часть поправок сделана теми же чернилами, что и основной текст, часть — другими, более темными, позднее; две поправки сделаны карандашом.

В текстах записей исправлены отдельные погрешности предшествующих изданий: «Проявился» (вм. «Появился» в 10-томнике), восстановлено ударение в слове «незна́мой», «нарозмашечку» (вм. «наразмашечку»; написание, возможно, отражает особенности сев.-зап. говора); «персидской» (вм. «персидский») и др.

Во всех публикациях в песне о сынке Разина в ст. 7 зачеркнутые Пушкиным слова читались «штабным офицерам», между тем в автографе ясно написано «штабам, офицерам». Наличие запятой исключает возможность описки и первоначального прочтения, введенного книжной традицией (вероятно, писцом при переписке — см. ИРЛИ, ф. 244, оп. 4, № 120). Слово «штаб», «штабы» (а не «штабной офицер») встречается в других вар. песни (см. Исторические песни XVII века. М.— Л., изд. «Наука», 1966, стр. 160, 161, 166, 167 и др.). Поправка Пушкина в ст. 15 первой песни прочтена в РП — «А как стал воевода его спрашивати», Б. В. Томашевский в 10-томнике впервые ввел «А уж...». Графически последнее прочтение нам кажется более правильным.

Во второй песне исправлено написание ст. 8 — в РП слово «припечалился» напечатано с большой буквы, и не указано, что «хоз⟨яин⟩»— вставка. Получилось, что Пушкин вначале написал «Как наш хозяин», потом зачеркнул это и начал снова: «Припечалился хозяин». Между тем Пушкин вначале написал: «Как наш хозяин припечалился», потом зачеркнул первые три слова и только тогда после «припечалился» сверху вписал «хоз.» В РП и в ряде других публикаций начало ст. 10 второй песни — «Во неволюшке сидит» воспроизведено как отдельный ст. В 10-томнике восстановлено правильное чтение ст., которое приводится и здесь. В ст. 12 той же песни исправлено написание слов «Белу каменну тюрьму». У Пушкина оба прилагательные написаны отдельно, с окончанием на *у*. В РП напечатано «Белукаменну», в 10-томнике — «Белокаменну».

Поправки Пушкина, связанные с восстановлением первоначального чтения песен (замена губернатора на воеводу; штабов, офицеров на бояр государевых), не доведены до конца. Как и в 10-томнике, в восстановленном тексте мы везде даем исправленное чтение.

Песня о сынке Разина, записанная Пушкиным, принадлежит к одной из ранних среди известных в науке. Она разделена у него на две песни, отмеченные в рукописи чертой. О возможности бытования каждой из этих частей песни в отдельности свидетельствуют позднейшие записи, в том числе усвоение второго пушкинского текста (очевидно, книжным путем) оренбургскими казаками (см. Мякутин, стр. 18). Во времена Пушкина песня о сынке Разина не встречалась в сборниках, хотя другие песни разинского цикла были опубликованы у Чулкова, Новикова, Трутовского, Кашина. Однако позднейшие записи показали, что эта песня является самой распространенной из разинского цикла. В настоящее время насчитывается свыше 120 вар. ее, записанных по всей территории России и в некоторых областях Украины. Текст, записанный Пушкиным, обнаруживает большую близость к северным и верхневолжским вар., в которых чаще встречается измененное имя Разина: «Сенька» и чаще упоминается Кама-река (вм. Волги), как у Пушкина.

Песни *№ 3* и *4* написаны более темными чернилами и более тонким пером, чем предыдущие, очевидно, в другое время, позднее. Поправки в третьей песне сделаны одновременно с записью основного текста, поправка в четвертой песне — поздняя.

В третьей песне устранены неточности в передаче полевой записи в РП и ряде публикаций: ст. 15 — «Ты к тёщи», «я к матушки» (было — «к тёще», «к матери»); ст. 24 — «во полон взяли» (было «в полон»); в РП пропущен ст. 32 — «Ты скажи, скажи М⟨орьянинка⟩»; 16-й ст. песни публиковался с ошибкой — «а я к милым братьям», у Пушкина *а* нет.

В РП, в 10-томнике и в ряде других публикаций первое слово в 6 и 8 ст. песни *№ 4* читается как «*Мою* жену». Между тем пушкинское написание больше похоже на сокращенное слово «*мол* ⟨оду⟩ жену» (начертание последней буквы в этом слове отличается от буквы *ю* в словах «за церковью, за немецкою» в ст. 1 песни). Словосочетание «молода жена» характерно для народной поэзии; Пушкин потому и не дописал слова, что оно было традиционным, понятным. В этой же песне восстановлено пушкинское написание слова «за воротички» в последнем ст. (везде — «за вороточки»).

Запись песни *№ 3* сделана бегло, текст был, очевидно, хорошо известен Пушкину, так как он встречается во многих песенниках того времени, в том числе имевшихся в его библиотеке (№ 421) — Чулков, I, № 135; (№ 73) — «Весельчак на досуге, или Собрание новейших песен». М., 1797, ч. I, № 170. Поздние записи подтверждают популярность баллады, в особенности на Севере Европейской России (только в сборнике А. Д. Григорьева приведено 11 вар.). Встречается и в других областях, на Украине и в Белоруссии. Обзор вар. по публикациям до 1937 г. дан у Астаховой «Былины Севера», стр. 553—555. Современные записи из Псковской обл. рассмотрены в работе: В. В. Шмидт. Новая запись песни «Разбойники и сестра».— Сб. «Пушкин. Исследования и материалы», т. I. М.— Л., Изд-во АН СССР, стр. 238—243. Дополнительно — Котикова (№ 17, 18). Чернышеву был известен вар., записанный в Болдине Нижегородской губ. (стр. 385). Содержание баллады обычно устойчиво, меняются лишь детали и заключительная часть. Вар. Пушкина один из ранних, относится к северной традиции, имеет характерные для нее зачин и концовку.

Последняя песня тетради *№ 4* — лирическая, семейная. Пушкин цитирует ее в письме к жене около 30 сентября 1832 г.: «Знаешь русскую песню: „Не дай бог хорошей жены, Хорошу жену часто в пир зовут...“» (Пушкин, т. XV, стр. 33). Близких вар. не было найдено, что дало повод Чернышеву утверждать, что песня сочинена Пушкиным (Чернышев. Slavia, стр. 590—593). Однако в народной традиции можно указать параллели к этой песне (*НС* № 1596). Кроме того, характер самой записи (объяснение слова «примолвили») и место ее в тетради Пушкина, как отмечает Цявловский (РП, стр. 460), лишает оснований гипотезу Чернышева.

№ 5. ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 544, л. 4. Запись сделана карандашом в записной книжке, которую Пушкин брал с собой во время поездки в августе — ноябре 1833 г. на Урал. По предположению Цявловского, Пушкин мог слышать эту песню во второй половине сентября во время пребывания в Оренбургской губ. В «Истории Пугачева» (гл. II), рассказывая о движении войск Пугачева, Пушкин цитирует третий — шестой ст. песни в примечании к следующему тексту: «Из Рассыпной Пугачев пошел в Нижне-Озерную. На дороге встретил он капитана Сурина, высланного на помощь Веловскому комендантом Нижне-Озерной, маиором Харловым. Пугачев его повесил, а рота пристала к мятежникам» (Пушкин, т. IX, кн. 1, стр. 18). К этому тексту дано примечание: «Нижне-Озерная находится в 19 верстах от Рассыпной и в 82 от Оренбурга. Она выстроена на высоком берегу Яика.— Память капитана Сурина сохранилась в солдатской песне:

Из крепости из Зерной,
На подмогу Рассыпной,
Вышел капитан Сурин
Со командою один, и проч.»

(Там же.)

Таким образом, Пушкин дает жанровое определение песни и раскрывает ее историческую основу.

В РП опущена интересная пушкинская поправка в песне *№ 5*. В ст. 3 Пушкин вначале написал «Из крепости Озерной», т. е. привел правильное название крепости, очевидно не расслышав ее своеобразной народной огласовки «из зерной» (выпадение «о» между «з» в процессе бытования песни); потом, стремясь к точности записи, зачеркнул «О», сверху вписал «из», а маленькое «з» на большое не исправил.

Первые 10 ст. впервые опубликованы И. А. Бычковым в «Отчете имп. Публичной библиотеки за 1889 г.» СПб., 1893, прилож., стр. 37 (Описание бумаг Краевского). Последние четыре ст. опубликовал Н. О. Лернер в газ. «Речь», 1910, 15 февраля, № 45. Новейшие исследования: Н. В. Измайлов. Оренбургские материалы Пушкина для Истории Пугачева» и «Капитанской дочки».— Сб. «Пушкин. Исследования и материалы. Труды третьей Всесоюзной пушкинской конференции». М.— Л., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 266—297; см. также: «Пугачев в среднем Поволжье и Заволжье». Составила А. Н. Лозанова. Под ред. М. Н. Мартынова. Куйбышев, Облгиз, 1947. Кроме записи Пушкина, известны еще три вар.: из собр. П. М. Языкова (*СС*, в. 9, стр. 245—246), Даля (настоящ. том, стр. 449) и И. И. Железнова (Уральцы. Очерки быта уральских казаков.— Полн. собр. соч. И. И. Железнова, т. III. Изд. 3-е. СПб., 1910, стр. 166—168).

№ 6, 7, 8, 9. ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 842, лл. 155 об., 154 об. Рабочая тетрадь 1830—1833 гг. Записи сделаны с обратного конца тетради, верхом вниз, между копиями стихотворений Мицкевича и переводом его баллады «Дозор» (у Пушкина «Воевода»). Один лист из тетради с песней «Не белинька березонька к земле клонится» (*№ 8*) вырезан и впоследствии был обнаружен среди бумаг Киреевского (там же, № 1609, л. 1). Все записи сделаны одними чернилами и одним пером, одновременно. Почерк быстрый, небрежный; есть случаи недописки отдельных букв внутри слов. В текстах песен исправлены отдельные неточности — «кинареички» (в РП — «канареички»); «ружееце» (в РП — «ружеец», в 10-томнике «ружьецо»), «горюшинька» (в РП и 10-томн. «горюшенька») и др.

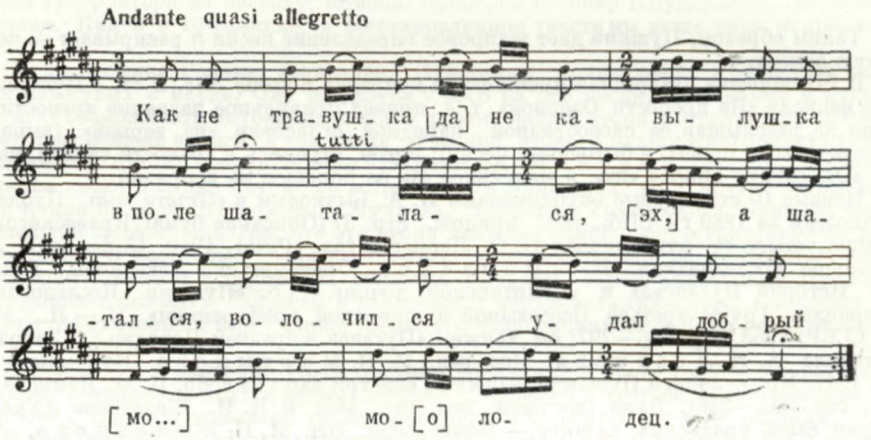
По предположению Цявловского, записи сделаны Пушкиным во время путешествия на Волгу и в Оренбургскую губ., а по возвращении переписаны в эту тетрадь осенью 1833 г. в Болдине (РП, стр. 461). 17 января 1834 г. Киреевский писал Н. М. Языкову о Пушкине: «Уральских песен, обещанных перед отъездом туда, он, кажется, ни одной не привез; по крайней мере мне не присылал» (Письма Киреевского к Языкову, стр. 59). Возможно, что эти песни и предназначались для Киреевского, чем и объясняется, что одна из них, по содержанию близкая к историческим песням, которыми в особенности дорожил Киреевский, оказалась в его бумагах. Впервые опубликованы: песня *№ 7* — Анненковым в газ. «Порядок», 1881, 12 января, № 11; песни *№ 6* и *9* — В. Е. Якушкиным— «Русская старина», 1884, № 8, стр. 328—329; песня *№ 8* была обнаружена среди бумаг Киреевского С. О. Долговым и напечатана в Собр. соч. Пушкина. Под ред. С. А. Венгерова, т. IV. СПб., 1910, стр. 76.

№ 6. Отрывок романса литературного происхождения, входившего в песенники первой половины XIX в. Наиболее ранняя публикация в «Новейшем песеннике». М.,

1810. В «Новейшем туалетном песеннике для девиц...». Орел, 1821, к тексту дано такое примечание: «Песня новая. На голос: „Я не думала ни о чем в свете тужить“». Обзор источников см.: Чернышев. Slavia, стр. 593—595.

№ 7. Распространенная народная песня из цикла семейных (Соб., т. III, № 484—490; *НС* № 1508; Шейн, в. 1, № 778—780; Истомин — Ляпунов, стр. 255 и др.). Вар. Пушкина, в котором первым сторожем назван родной батюшка, вторым — родная матушка, законченный. Но существуют более распространенная мужская и женская редакции песни, где герой или героиня молят тучу грозную убить громом-молнией сторожей: тестя и тещу или, соответственно, свекра и свекровь. С молодой женой милый друг обещает сам расправиться: кручинушкой иссушить ее, а девицу (обычно Машу) замуж взять. Песня типична для эпохи крепостничества, когда насильственные браки были обычным явлением, на что обращал внимание Пушкин (Пушкин, т. XI, стр. 255).

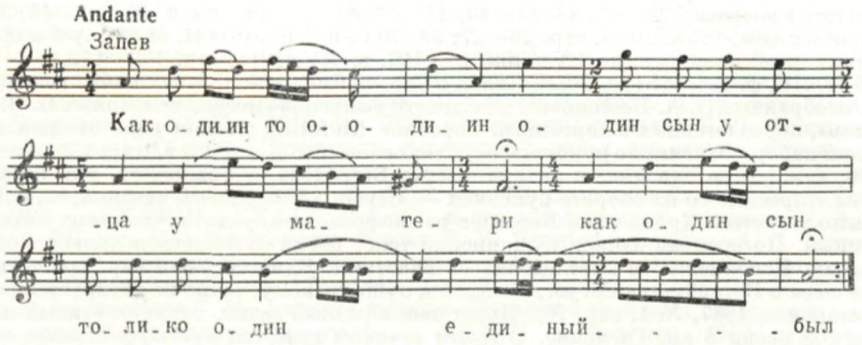
№ 8. Имеет распространенный зачин «Не белая береза к земле клонится», встречающийся в лирических, а также в солдатских и казачьих песнях, как в данном вар. В центре песни образ заблудившегося или оставленного молодца, изображенного очень рельефно, в черкеске с закинутыми назад рукавами, загнутыми полами, с турецким ружьем за плечами и посошком в руках. Пушкин внимательно записывал песню, обращая внимание на диалектные особенности произношения отдельных слов, подчеркивая, например, «погорушка» (вм. погодушка), «хурта вьюга» и т. п. При записи он мог вспомнить известный ему по публикации А. О. Корниловича донской вариант этой песни («Русская старина на 1825 г.» СПб., 1824, стр. 272, № 2; приложены ноты), встречающийся также в песенниках («Новейший избранный песенник...». М., 1830, № 34). Ниже приводим самую раннюю публикацию напева по записи Кольбе:



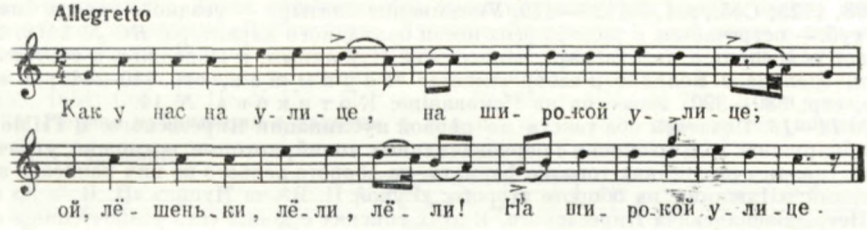
Текст Пушкина ближе к уральским вар. (см. Сборник уральских казачьих песен. Собрал и издал Н. Г. Мякушин. СПб., 1890, стр. 184; Соб., т. VI, № 328). Разночтения в обоих текстах незначительные, вар. Мякушина полнее только на три ст. Заключительные ст. в уральском сборнике читаются так:

Поднималась вдруг погодушка, с гор хурта-вьюга,
Заносила у добра молодца путь-дороженьку,
И сбивала-то добра молодца со дороженьки,
Прибивала-то добра молодца ко городу,
К тому ко городу незнакомому,
К незнакомому ко городу ко Яицкому.

Близость текста Пушкина к данному вар. подтверждает предположение о том, что он мог записать песню во время поездки 1833 г. на Урал. Тогда же, возможно, записана и следующая песня, *№ 9*, особенно популярная в 1830-х годах, когда были введены ежегодные рекрутские наборы — одна из самых тяжелых повинностей. Близкие вар. встречаются также среди уральских записей в указанном выше сборнике Мякушина, у Железнова, в материалах Небольсина (Соб., т. VI, № 131—132), с незначительными разночтениями у Сахарова (Сказания, т. I, стр. 248, № 33). Ниже приводим напев уральского вар. (Железнов, стр. 73), с многочисленными текстуальными совпадениями:



№ 10. ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 1610, л. 1. Песня написана карандашом на листке почтовой бумаги с одной стороны. Листок вложен в двойной лист белой бумаги, на котором рукою П. Д. Голохвастова, передавшего рукопись в 1880 г. в Румянцевский музей, написано: «Автограф Александра Сергеевича Пушкина. Написано (сочинено или записано?) у соседки его по селу Болдину Прасковьи Петровны Кротковой, рожденной Новосильцовой». Впервые опубликовано (текст и факсимиле) М. А. Цявловским в его брошюре «Два автографа Пушкина». М., 1914, стр. 14—16. Зачин очень характерен для хороводных, плясовых песен, близкий вар.— в сборнике Кашина в разделе «Песни плясовые и скорые». Текст Пушкина выгодно отличается от публикации Кашина, где он подвергся редактированию. Приводим напев по записи Кашина № 78.



ЗАПИСИ ПЕСЕН, СОХРАНИВШИЕСЯ В КОПИЯХ КИРЕЕВСКОГО

В предисловии к первой части «Русских народных песен», изданной в 1848 г., Киреевский писал: «А. С. Пушкин, еще в самом почти начале моего предприятия, доставил мне замечательную тетрадь песен, собранных им в Псковской губернии» («Чтения», стр. V). Впоследствии со слов Киреевского об этом же сообщал Бартенев, который, кроме того, утверждал, что песни переписаны в тетради «частью собственною рукою Пушкина, частью другой рукою» и что Пушкин говорил Киреевскому: «там есть одна моя, угадайте!» (Рассказы о Пушкине. М., 1925, стр. 52—53).

Об этом же рассказывает в своих воспоминаниях Ф. И. Буслаев, называя, однако, не тетрадь, а «пачку» песен, полученных Киреевским, и отмечая, что тот не мог решить загадки Пушкина («Вестник Европы», 1891, №10, стр. 637). Передача песен Киреевскому состоялась не позднее 1833 г., о чем известно из письма Соболевского к А. Х. Востокову от 7 сентября этого года, в котором сказано, что Киреевский подслушал сам или получил от Языкова, Шевырева и Пушкина более тысячи повестей, песен и так называемых стихов (Соймонов, стр. 180). Песни, полученные Киреевским от Пушкина, были скопированы на отдельных листах в 8-ю долю листа (писчего) с пометкой на обороте каждого листа «Пушк.», т. е. Пушкин. Кроме того, тринадцать свадебных песен переписаны были, очевидно, с этих листов в так называемые «Зеленые тетради» (названные так по цвету переплета), представляющие рукопись сборника свадебных песен, подготовленного Киреевским к печати. До сих пор записи Пушкина из архива Киреевского печатались, начиная со свадебных песен; данная публикация начинается историческими песнями и завершается свадебными. Такой порядок соответствует расположению песен, сделанному самим Пушкиным в наброске плана предисловия к сборнику песен (Приложение) и публикации текстов, сохранившихся в автографах поэта, также начатой с исторических песен.

Песни впервые опубликованы: *11* — *СС*, в. 10, № 3; *12* — там же, в. 5, № 7; *13*, *20*, *21*, *25* — М. Н. Сперанский. К истории песен, собранных А. С. Пушкиным. М., 1913, стр. 5—8; *14*, *15*, *27*, *32*, *36*, *37*, *41—50*, *54—60* — *НС* №144, 153—169, 2556—2559, песня 46 без номера — в. 1, стр. LXXII; *16—19*, *23*, *24*, *26* — Н. О. Лернер. Новооткрытые пушкинские записи народных песен.— «Речь», 1912, № 28, 29 января; *22* — П. Д. Ухов. Загадка Пушкина.— «Москва», 1961, № 1, стр. 213—214; *28* —

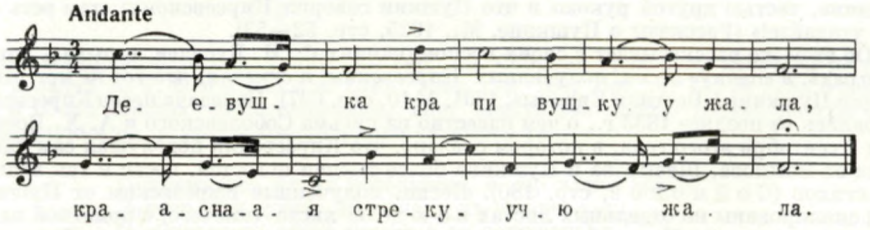
публикуется впервые; *29—31*, *33*, *38—40*, *51—53*, *61* — Миллер, № 1, 3—12; *34* — «Русская беседа», 1857, кн. 6, стр. 26—27; *35*, *60* (2-я копия) — Н. Н. Трубицын. Народные песни, записанные Пушкиным.— ПС, в. XV, 1911, стр. 139—142.

№ 11. ЛБ, ф. 125, п. 51, л. 2050. Копия в 1/8 д. л. была обнаружена нами среди рукописей, отобранных П. А. Бессоновым для десяти выпусков «Песен, собранных П. В. Киреевским», переплетенных в картонный переплет (in folio); в таком виде прошла типографский набор. Факсимиле рукописи опубликовано (Соймонов, стр. 152, вклейки № 2, 3), там же ее описание и анализ правки Бессонова, готовившего это издание. Пометка Киреевского на обороте рукописи — «Пушк.» Бессоновым зачеркнута, однако она легко читается. Кроме того, Бессонов расшифровал ее, указав, что песня записана Пушкиным. По времени записи пушкинский текст песни об Аракчееве является одним из первых. Исполнение ее преследовалось властями. Единственный вар., записанный в те же годы в Петербургской губ., близкий к пушкинскому, точно не датируется («Русская старина», 1887, № 1, стр. 76). Имеет своеобразный зачин, заимствованный из исторической песни о кн. Гагарине. С таким зачином известна преимущественно в Поволжье. Это дает основание предполагать, что Пушкин записал ее в Болдине в 1830—1834 гг.

№ 12. ЛБ, ф. 125, п. 5, л. 78 (по первоначальной нумерации — 111). Так же, как и предыдущая, была обнаружена нами в папке «Старой серии», подробно описанной выше (*СС*, в. 5, стр. 128—163). Наиболее полное собрание вар.: Соб., т. I, № 25—45, 47. Текст Пушкина является одной из ранних записей, исполнение баллады преследовалось, публикация была запрещена. См. об этом прим. к тексту, записанному Кольцовым (настоящ. том, № 1); Чернышев, № 38—41; Балашов, стр. 153—154; Elsa Mahler, № 137.

№ 13. ЛБ, ф. 125, п. 5, л. 1703. Поздняя баллада, встречается в песенниках конца XVIII — начала XIX в. Наиболее близкие вар. из Средней России и Поволжья: *НС* № 1698, 1725; Соб., т. I, № 126—129. Упоминание Алатыря — уездного города Симбирской губ.— встречается в ряде других песен балладного характера: *НС* № 2418, 2422, что дает основание относить вар., записанный Пушкиным, к Поволжью и считать, что запись сделана в Болдине. Разбор сюжета: Чернышев, стр. 440—441; Балашов, стр. 389—390. Известна на Псковщине: Котикова, № 14.

№ 14—15. Печатаем оба текста по первой публикации Киреевского. В ГИМе удалось обнаружить только списки с первоначальных копий, которые, возможно, утрачены. Списки сделаны на листках того же формата, на обороте первого из них написано внизу чернилами: «Пушкин»; на обороте второго: «Рукой П. В—ча Пушк.» «П. В —ча» означает Петра Васильевича Киреевского. В этих списках с копий есть разночтения в сравнении с первой публикацией, принятой нами за основной текст. В *№ 14*, ст. 10, в списке «жалобнехонько» вм. «жалобненько»; в *№ 15* первое слово в первом ст.: «Ивушка» вм. «Девушка», что, несомненно, описка. Песня *№ 14* отличается социальной заостренностью, яркими художественными образами, отразившими тяготы солдатской службы в николаевской армии, а потому была запрещена к публикации. Песня *№ 15* в данной редакции — бытовая солдатская, встречается в песенниках того времени, например, у Кашина, кн. II, № 9. Вар.: Соб., т. IV, № 805—813. Приводим напев по записи Кашина:



№ 16. ЛБ, ф. 125, п. 19, л. 4778. Ранняя публикация: Кашин, кн. II, № 7, Соб., т. I, № 5—9; *НС* № 1256, 1811, 1880. Обзор вар. «Песни Пинежья», т. II, № 68. Бугославский указывает близкий вар. позднейших записей: Колотилова, № 34; Котикова, № 75, 76.

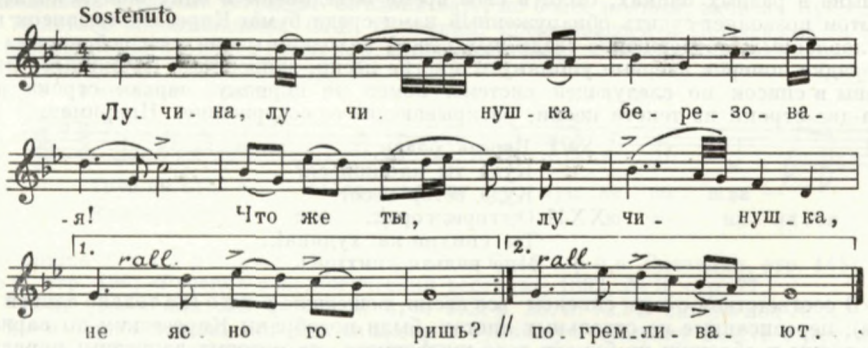
№ 17—19. ЛБ, ф. 125, п. 10, лл. 2756, 2772, 2773. Песни лирические, семейные, отнесены Киреевским в раздел «Элегии», куда он отбирал песни о несчастной любви, о неладах семейной жизни, порожденных насильственным и неравным браком. Такие песни привлекали внимание Пушкина, который в наброске плана статьи отметил «семейственные причины элегического их тона» (Прилож.). В «Истории села Горюхина» Пушкин писал: «Мужчины женивались обыкновенно на 13-м году на девицах 20-летних. Жены били своих мужей в течении четырех или пяти лет. После чего мужья уже начинали бить жен; и таким образом оба пола имели свое время власти, и равновесие было соблюдено» (Пушкин, т. VIII, кн. 1, стр. 136). Как видим, описание быта горюхинцев может служить комментарием к песням № 18—19. Эта же тема получила отражение в сти-

хотворениях «Соловей» («Песни западных славян»), «Уродился я, бедный недоносок...» Произведения очень близки к народной песне, текстуально совпадающей с ними.

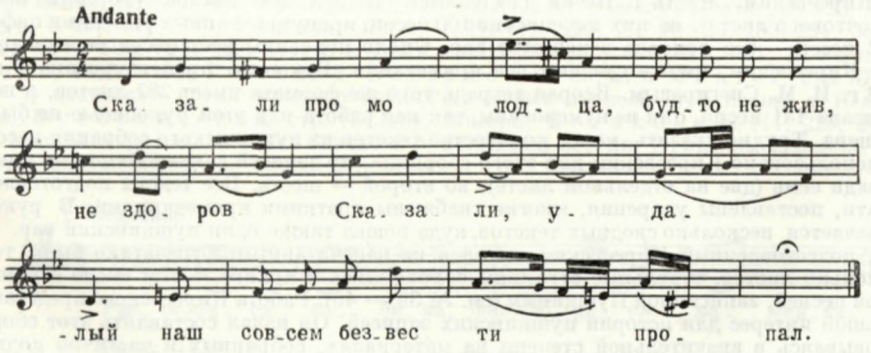
Песня *№ 18* носит на себе следы литературной обработки отдельных строф, что послужило предметом для дискуссии о ее происхождении. Н. О. Лернер относил ее к оригинальным произведениям Пушкина (Пушкин. Полн. собр. соч. Под ред. С. А. Венгерова, т. VI. Пг., 1915, стр. 242). Его взгляды разделял Б. В. Томашевский, который в статье «Генезис „Песен западных славян“» писал, что «десять первых стихов записи и три последних — результат литературной обработки народной песни» (Б. Томашевский. О стихе. Л., 1929, стр. 87). Возражал Лернеру М. Н. Сперанский (ПС, в. XXXVIII—XXXIX, стр. 97), и его аргументацию разделял М. А. Цявловский (РП, стр. 451). Вар. к песне указал В. И. Чернышев в статье «А. С. Пушкин и сербские и русские народные песни» («Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. VII, в. 2, 1948, стр. 159—164). Материалы, приведенные у Чернышева, рассмотрела и дополнила Т. М. Акимова в статье «Пушкин о народных лирических песнях» («Учен. зап. Саратовского гос. ун-та», т. XXXIII, в. филолог., 1953, стр. 50—55). Сопоставляя найденные вар. (Чулков, ч. III, № 114; Соб., т. III, № 553—567; Шейн, в. 1, № 858—864; *НС* № 1763) с песней и фрагментом стихотворения «Уродился я, бедный недоносок...», Акимова приходит к выводу, что песня «производит впечатление дальнейшей обработки народно-песенной темы, привлекшей внимание Пушкина, в то время как „фрагмент стихотворения“ — скорее можно признать записью народной песни, а не самостоятельным творчеством поэта» (стр. 54).

Песня *№ 19* не вызывает сомнения в ее принадлежности к народной традиции. Вар.: Соб., т. III, № 516—522, наиболее близкий псковский вар.— № 518, что дает основание относить запись песни к Михайловскому. Песня *№ 17* встречается сравнительно редко, вар.: *НС* № 2666.

№ 20. ЛБ, ф. 125, п. 6, л. 1944. Переписана рукой Киреевского; ему же принадлежат все примечания. Текст оригинальный, кроме первых строк начала песни, широко известной под названием «Лучинушка». Пушкин обращается к этой песне в неоконченном стихотворении «В поле чистом серебрится...» (Пушкин, т. III, кн. 1, стр. 307). Как и предыдущие, посвящена семейным отношениям в крепостной деревне. Вар.: *НС* № 1453, 1654; Соб., т. II, № 557—559; т. III, № 588; т. VII, № 760; Линева, в. 2, стр. 30. Первая публикация с напевом — Кашин, № 18,— приводится ниже:



Обычно сюжет завершается появлением молодца. В пушкинском тексте дан логический финал-диалог, после которого идет новая песня с таким же окончанием, как и «Лучинушка». Песня «Сказали про молодца, будто не жив, не здоров» напечатана у Кашина (№ 53) с добавлением финала из другой песни о девице-обманщице, напев которой приводим:



№ 21. ЛБ, ф. 125, п. 7, л. 2079. Переписана рукой Киреевского, его же примечание, из которого видно, что тематически песня относится к тому же циклу, что и предыдущие. Сперанским указаны вар. и опубликован наиболее полный и ранний из них, обнаруженный в рукописном сборнике середины XVIII в. (ПС, в. XXXVIII-XXXIX, стр. 99). Другие вар.: Терещенко, т. VII, стр. 204; Соб., т. II, № 365—370; Шейн, в. 1, № 410—411, последний, записанный в Тульской губ., наиболее близкий к пушкинскому.

№ 22. ГИМ, ф. 56, п. 112-б, л. 627, почерк Киреевского; л. 628 — вторая копия неизвестной рукой. В обеих копиях на обороте «Пушк.». Найдена П. Д. Уховым, который высказал предположение, что песня могла быть написана Пушкиным. Однако он же указал отдаленный вар. к песне среди записей П. И. Якушкина («Москва», 1961, № 1, стр. 213—214).

№ 23—24. ЛБ, ф. 125, п. 6, лл. 2045, 1988; *№ 25.* Там же, п. 7, л. 2119; *№ 26.* Там же, п. 19, л. 4777; *№ 27.* ГИМ, ф. 56. В первых и последующих публикациях наблюдаются незначительные отступления от копий, с которых они публикуются.

Песни шуточные, плясовые записаны, по-видимому, в Болдине. *№ 23* встречается в песенниках, в том числе имевшихся в библиотеке Пушкина (№ 81): «Всеобщий российский песенник, или Новое собрание лучших всякого рода песен...», ч. I. СПб., тип. Ив. Глазунова, 1810, стр. 97, № 92. Обычное начало песни: «Из-под дуба, из-под вяза» с припевом: «Ой, калина, ой, малина!» (Соб., т. IV, № 638—644). Текст значительно варьируется; данный вар. имеет локальную приуроченность, как видно из следующей строки «На болдинском на плоту...» и упоминания «татарина с скрыпкою», «мордвина с волынкою», что характерно для поволжской традиции. К местной традиции относятся две следующие песни *№ 24, 25,* хотя они известны в общерусском репертуаре (Соб., т. VII, № 260—270; *НС* № 1595). Песня *№ 26* часто встречается в песенниках первой половины XIX в., в том числе в указанном выше глазуновском песеннике, находившемся в библиотеке Пушкина. Однако, как и во всех других случаях, запись Пушкина сохраняет следы устного бытования песни (Соб., т. II, № 95, 96).

СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ

Свадебные песни, записанные Пушкиным, скопированные на 1/8 д. л., находящиеся ныне в разных папках, были в свое время объединены в одну общую коллекцию. Об этом позволяет судить обнаруженный нами среди бумаг Киреевского список песен, озаглавленных: «Содержание свадебных песен, находящихся в моем собрании». Здесь в порядке номеров впервые упомянуты многие песни, записанные Пушкиным. Они занесены в список по следующей системе: номер по порядку, первая строка песни, одна-две строки из текста песни, раскрывающие ее содержание. Например:

XVI Береза белая,...
Куда ты клонишься?
Куда ветер несет
XXII О, горе, горе!..
Ты спихни-ка худяка!..
Мне нельзя спихнуть...—

В соответствии с этим списком все песни, вошедшие в него (не только записи Пушкина), переписанные на отдельных листах, были подобраны Киреевским по вариантам и вложены в обложки из бумаги того же формата, на которых записаны: порядковые номера и соответствующие строки песни, как в списке. Подбирая по этой системе варианты, Киреевский занимался сличением их и подготовкой сводных текстов.

Иначе представлены пушкинские записи в «Зеленых тетрадях» (ЛБ, ф. 125, п. 26, 27). Эти тетради являются сборником свадебных песен, подготовленным Киреевским к печати. Первая тетрадь имеет титульный лист: «Русские народные песни, изданные П. Киреевским. Часть I. Песни свадебные». В ней 200 листов (формата большого почтового листа), на них переписано 100 песен, пронумерованных римскими цифрами и 12 песен — без номеров в качестве вар. Около половины всех песен переписаны самим Киреевским, им же сделаны все примечания. Рукопись процензурована 5 марта 1838 г. И. М. Снегиревым. Вторая тетрадь того же формата имеет 287 листов, в нее переписана 141 песня, они не нумерованы, так как работа над этой рукописью не была завершена. Трудно указать, какое количество текстов из пушкинского собрания песен было использовано Киреевским для этого сборника, но записей самого Пушкина в первой тетради семь (две на отдельном листе), во второй — шесть. Все тексты подготовлены к печати, поставлены ударения, многие снабжены краткими примечаниями. В рукописи встречается несколько сводных текстов, куда вошел также один пушкинский вар. Сборник, подготовленный Киреевским, остался не напечатанным. Отпечатано было только несколько листов, отдельные страницы сохранились в архиве, в том числе страница с одной песней, записанной Пушкиным (см. № 39 — 40). Работа Киреевского представляет большой интерес для истории пушкинских записей. Он начал составлять этот сборник, основываясь в значительной степени на материалах, собранных и частично подготовленных Пушкиным и С. А. Соболевским.

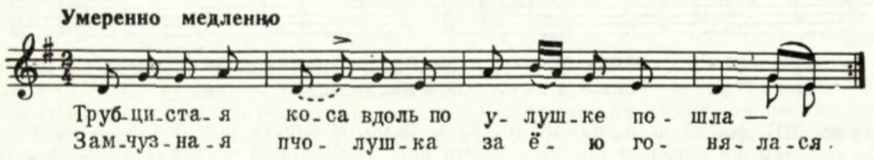
№ 28. ЛБ, ф. 125, п. 4, л. 611. Публикуется впервые. Обнаружена П. Д. Уховым. В копии явная описка: «ижу» вместо — «игру». С таким началом известны песни-заклинания, оберегающие свадьбу от нечистой силы. См. *НС* № 125, 496; Шейн, в. 1, № 1748, 1788, 1825, 1827; Котикова, № 117. Первый из указанных вар. записан Д. П. Ознобишиным в Торопецком у. Псковской губ. Киреевский, вероятно, не собирался публиковать этот небольшой текст, поэтому его нет ни в списке свадебных песен, ни в «Зеленых тетрадях».

№ 29. ЛБ, ф. 125, п. 4, л. 637, и п. 26, л. 10. В списке под № XVI; то же на обложке, куда вложена первая копия, где она названа «Сватебная». Публикуется этот текст. В первой «Зеленой тетради», № 4, читается так:

Берёза белая!
Берёза кудря́вая!
Куда́ ты кло́нишься?
Куда́ поклоня́ешься...

В ст. 4 снизу к слову «ладишься» сделано примечание: «Ладиться — идти замуж; вероятно, от древнего слова *ладо* — муж, которое еще часто встречается в народных песнях во многих концах России». В конце текста в скобках написано: «Доставлена от А. С. Пушкина». К этому дано такое примечание: «Покойный А. С. Пушкин доставил мне 50 №№ песен, которые он с большой точностию записал сам со слов народа, хотя и не обозначил, *где* именно. Вероятно, что [эти песни записаны им в его имении] он записал их у себя в деревне, в Псковской губернии». Слова, поставленные в скобки, были зачеркнуты, вместо них то, что написано дальше.

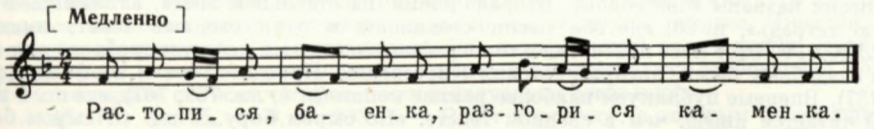
№ 30. ЛБ, ф. 125, п. 4, л. 780, и п. 27, л. 27. В списке под № CXI, тоже на обложке, куда вложена первая копия, которая публикуется. Во второй — «Зеленой тетради» (п. 27), переписана Киреевским, им же расставлены ударения, как в предыдущей песне, в ст. 7 слово «косынька» исправлено: «косонька», в пояснительном тексте вм. слов «носит его» — «носит блюдо» и вм. «называют» — «называется». К тексту сделана сноска: «1. Примечание А. С. Пушкина», и в конце в скобках: «Доставлена от А. С. Пушкина». Указание на то, что примечание принадлежит Пушкину, очень ценно, так как это, очевидно, может быть отнесено к примечаниям, которые сопровождают другие песни, не вошедшие в «Зеленые тетради». Близкий вар., но более полный, записан Бугославским от 76-летней сказительницы С. Е. Кучерики, проживающей в Петровском (в трех км от Михайловского), напев этого вар. приводим ниже:



См. также Сахаров, т. VII, стр. 460; Сахаров. Сказания, стр. 145; Дашков, стр. 196; «Русский филологический вестник», 1892, № 3, стр. 77.

№ 31. Две копии: ЛБ, ф. 125, п. 4, л. 672; п. 26, л. 72. В списке под № XXXIII-В, то же в первой копии, которая вложена в бумажную обложку вместе с другим вар., записанным Киреевским в 1833 г. в дер. Воронки Звенигородского у. Московской губ. (*НС* № 338). В первой «Зеленой тетради» переписан вар. Киреевского, и к нему в качестве дополнения текст Пушкина со следующим примечанием: «В отрывке, доставленном мне от А. С. Пушкина, вместо первых четырех ст. поется следующее: „Затопися, ба́ненька"...» Далее следует весь пушкинский текст, кроме последних слов: «и проч.». Широко распространенная песня, этим и объясняется, очевидно, что Пушкин не дописал ее до конца. Встречается в песенниках начала XIX в.: «Веселая Эрата», № 123; Сахаров, т. III, стр. 510; Терещенко, т. II, стр. 199; *НС* № 128, 283, 291, 358, 397, 419, 517, 600, 692, 829, 877; Якушкин. Русские песни, стр. 231; Шейн, в. 1, № 1721, 1856, 2170; Римский-Корсаков, № 89; Elsa Mahler, стр. 37, № 16.

В настоящее время известно несколько новых записей этой песни: в Псковской обл.: Бугославский, стр. 188, дер. Зимари; Котикова № 111, 225, 242, 246. Во всех записях начало очень близко к пушкинской версии. Приводим напев по записи Бугославского, наиболее близкий по тексту:



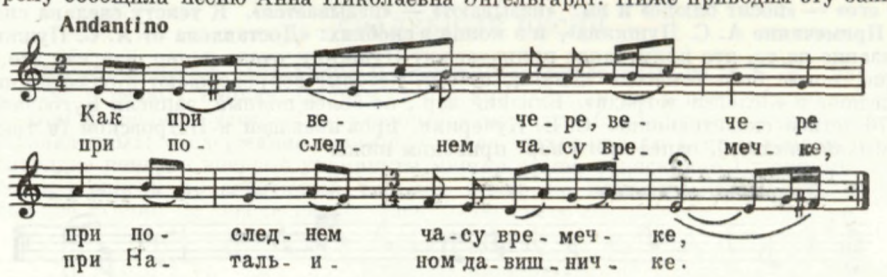
№ 32. ЛБ, ф. 125, п. 4, л. 777. Переписано в строку рукой Киреевского, стихотворный текст подчеркнут. Свадебное причитание, отрывок.

№ 33. ЛБ, ф. 125, п. 4, л. 738; п. 27, л. 72 об. Обе копии переписаны Киреевским. В «Зеленой тетради» его примечание: «Доставлена от А. С. Пушкина. Сходство с №... заставляет думать, что здесь две смешанные песни». У Миллера подбор вар., сделанный А. В. Марковым, из них наиболее близкий в «Этнографическом сборнике», I, 1853, стр. 357. Встречается в песенниках XVIII — XIX вв., см. «Российская Эрата», кн. V, № 229. Бугославский обращает внимание на близость первых шести ст. к северным вар. (Дашков, стр. 21; Рыбников, стр. 388—389) и указывает, что песню знала 70-летняя крестьянка М. Е. Иванова, но записать от нее не удалось.

№ 34. ЛБ, ф. 125, п. 4, л. 636; п. 26, лл. 40—41 — дана в сводном тексте, сначала в разночтениях, а с 13 ст. в качестве основного. Нами публикуется первая копия как основная в отличие от публикаций: Миллер, № 2; РП, стр. 421; Пушкин. Полн. собр. соч. в десяти томах, т. III, изд. 2-е, стр. 417—418, № 6, где 15—17 ст. взяты из сводного текста. Принадлежит к песням, к которым обращался Пушкин при создании «Русалки». В ранней редакции сцены «Светлица» (Пушкин, т. VII, стр. 335) есть строки, которые можно сопоставить не только с песней, записанной Пушкиным, но и с другими текстами корреспондентов Киреевского, например, П. И. Якушкина:

Запись Пушкина	Запись Якушкина	«Русалка»
Как увидела да узрела	Дитя ль мое, дитятко,	Княгиня, княгинюшка,
Светкнягинина матушка:	Дитя, чадо милое!	Дитя мое милое,
Ты дитя мое, дитятко,	Что ходишь невесело,	Что сидишь невесело,
Ты дитя, чадо милое!..	Головку повесило.	Головку повесила?

Марков указывает 14 вар. по публикациям до 1895 г. (Миллер, стр. 62); Бугославский называет наиболее близкие вар.; у Римского-Корсакова, № 72, и Пальчикова, стр. 198. Наибольшие текстологические совпадения дает запись Римского-Корсакова, которому сообщила песню Анна Николаевна Энгельгардт. Ниже приводим эту запись:



№ 35. ЛБ, ф. 125, п. 4, л. 748; п. 27, л. 38 об. В списке под № CX, вложена в обложку под тем же номером вместе с тремя вар. В «Зеленой тетради» в сводном тексте вместе с вар. из Симбирской губ. имеется следующее примечание Киреевского: «Два варианта: А) Доставлен от А. С. Пушкина, В) Записан в Симбирской губ. Первый принят за текст». До сих пор публиковался текст из «Зеленой тетради»; впервые Трубицыным — *ПС*, в. XV, стр. 133—140. Мы публикуем первую копию, переписанную рукой Киреевского, идентичную копию из сводного текста. Вар., подобранные самим Киреевским, опубликованы: *НС* № 145 в разночтениях, а также № 122, 986. Бугославский отмечает, что песня была известна в районе Михайловского, но исполнительница не могла припомнить текст.

№ 36. ЛБ, ф. 125, п. 3, л. 582 «Свадебная XLI». Принадлежит к песням, в которых девушки корят жениха, желая получить от него подарки: *НС* № 181; Шейн, в. 1, № 2291, 2348. Бугославский отмечает популярность песни на Севере европейской России, см. Колотилова, стр. 48—49.

№ 37. ЛБ, ф. 125, п. 3, л. 581. В списке под № XL, вложена в обложку с тем же номером «Сватебная». Принадлежит к той же группе песен, высмеивающих жениха, что и предыдущая.

№ 38. ЛБ, ф. 125, п. 4, л. 796, в обложке с № CLIX «Сватебная»; п. 27, стр. 113, с примечанием: «Доставлена от А. С. Пушкина». Величальная жениху.

№ 39—40. ЛБ, ф. 125, п. 4, лл. 706, 707. Первая песня вложена в обложку с цифрой «LXXXVII» и ниже 5, что означало, по-видимому, пять вар., которые не сохранились. Обе песни названы «Сватебная». Вторая копия на отдельном листе, вложенном в «Зеленую тетрадь», п. 26, где обе песни соединены в один сводный текст, имеющий №CLXXXIV. Этот лист напечатан в типографии, очевидно, в качестве пробного для сборника свадебных песен, который готовил Киреевский. Находится в том же фонде (п. 50, л. 1737). Впервые публикуем наиболее ранние копии (п. 4, лл. 706, 707), где ст. 1 песни № 40 читается иначе, чем в сводном тексте: «Во сыром бору...» вм. «В сыром бору». Копии по сводному тексту у Миллера, № 11—12 (прим.) и Трубицына, давшего анализ текста, стр. 142—144. Вар. подобраны у Миллера Марковым, стр. 63; разбор песни у А. А. Потебни («Объяснения малорусских и сродных народных песен». Варшава,

1883, стр. 201; близкие вар. с напевами в сб. Прокунина — Чайковского (№ 15, 16).

№ 41. ЛБ, ф. 125, п. 3, л. 579, «Сватебная. XXXVIII». Начало этой песни, совпадающее с началом песни № 43, использовано в «Русалке», в сцене «Княжеский терем» в словах свата: «Али все песенки перепели? Аль горлышки от пенья пересохли?»

№ 42 — 45, 47. ЛБ, ф. 125, п. 3, лл. 596—599, 608. В списке и на обложках №№ LIV—LVII, LVI. «Сватебные». Группа корильных песен; приурочение первых двух к девичнику условно (на девичнике свата не бывает). К этой же группе относится *№ 46*, п. 11, л. 2926, помещенная Киреевским из-за нецензурного слова в папку «Лакейские и нехорошие». Песня *№ 44* цитируется в «Русалке» в сцене «Княжеский терем» — хор девушек. Варьируется лишь конец песни, и в середине есть ст., очевидно пропущенный в копии Киреевского. Читается так: «Всю капусту полили, Тыну поклонилися, Верее молилися...» Четыре последних ст. в *№ 42—43* совпадают дословно, песня *№ 44* несколько варьирует те же ст.; варьируются они и в тексте, приведенном в «Русалке». Очевидно, все эти записи были сделаны Пушкиным от одной исполнительницы, хорошо знавшей обряд. Ранние публикации аналогичных песен: Сахаров, т. III, стр. 289—294. Вар. у Бугославского (неполные) от разных исполнительниц, стр. 185.

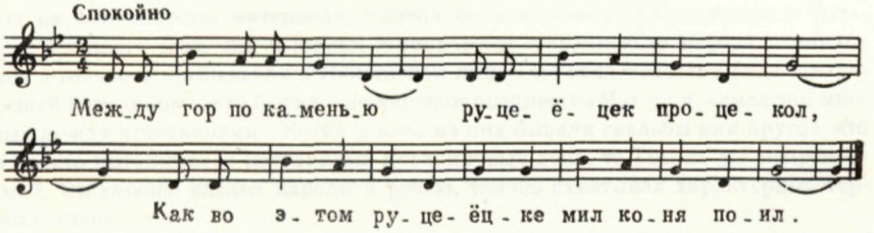
№ 48—50. ЛБ, ф. 125, п. 3, лл. 550, 553, 555 с номерами на обложке: CL — CLB. Первая публикация Киреевского, как и последующие, сделанные с нее, не воспроизводит всех языковых особенностей текста. Например, песня *№ 48*.

	В рукописи	Напечатано
Ст. 19	Мого́ батюшки	Моего батюшки
Песня *№ 49*:		
Ст. 2	ветвей и по́ветвей	ветви паветвей

Все три произведения объединены общей темой — сиротство невесты. Пушкин приводит отрывок подобной песни в «Капитанской дочке» в гл. XII «Сирота» в качестве эпиграфа. В этой песне, как и в публикуемых записях, общим местом являются следующие строки: «Снарядить-то ее некому, Благословить-то ее некому». *№ 48* является свадебным причитанием, текст которого, как видно из примечания к 19 ст., может варьироваться, стихи заменяются и другими, импровизированными. Отрывок такого причитания, близкий к пушкинскому тексту, см. Бугославский, № 49. Распространенная песня, вар.: *НС* № 302, 346, 409, 414, 466, 585, 898; Рыбников, стр. 363; Лядов, № 12; Шейн, в. 1, № 1711, 1864. Встречается также в свадебных причитаниях: Русские плачи, стр. 236; вар. *НС* № 8, 28, 353; Дашков, стр. 210.

№ 51. ЛБ, ф. 125, п. 4, л. 670; п. 26, л. 78. В списке № XXXII, вложена в обложку с тем же номером «Сватебная»; в «Зеленой тетради» № XXXIX примечание: «Доставлена от А. С. Пушкина». Копии идентичны, но во второй — всюду проставлены ударения («О го́ре, го́ре! То неве́стино...» и т. д.). Лирическая свадебная песня, которую исполняют девушки, посвящена будущей жизни с нелюбимым мужем. Близких вар. пока не обнаружено.

№ 52—54. ЛБ, ф. 125, п. 4, лл. 797, 694, 795. Переписаны рукой Киреевского, первый и третий тексты имеют номера: CLXII и CLIX. Все три текста в «Зеленых тетрадях»: п. 27, лл. 201, 173; п. 26, л. 127. Под каждым текстом рукой Киреевского написано: «Доставлена от А. С. Пушкина», им же сделаны примечания к песне *№ 53*. Бугославский записал близкий вар. к началу песни *№ 52* (стр. 187) с напевом:



№ 55—57, 59. ЛБ, ф. 125, п. 3, лл. 609, 602, 603, 604. Каждая песня названа «Сватебная», первая № LXVII, три остальных и в списке и на листах под № LX—LXII. Во всех текстах, где стоит: «(такой-то)», «(такая-то)», эти слова зачеркнуты и сбоку карандашом написаны имена и отчества; сделано это, очевидно, позднее. Имеются незначительные разночтения с публикациями. Все четыре песни величальные, свадебные, обращенные к разным лицам, начиная с попа, и заканчиваются требованием подарка, причем последние ст. всех четырех песен текстуально совпадают.

№ 58. ЛБ, ф. 125, п. 3, л. 603 об.— Ответ холостого, с которым он обращается к девушкам, поднося им подарки. Начиная с первой публикации (*НС* № 157), этот текст выделен особо. Бугославский записал величальные песни, но приводит только начальные ст. (стр. 189).

№ 60. ЛБ, ф. 125, п. 3, л. 548. В списке и на обложке, в которой находится копия вместе с другой аналогичной песней, поставлен № CLXVI. Вар.: *НС* № 348; Истомин — Ляпунов, стр. 122.

№ 61. ГИМ, ф. 56; ЛБ, ф. 125, п. 27, лл. 263—264. Между первой и второй копиями есть разночтения. В «Зеленой тетради» (п. 27) запись Пушкина вошла в сводный текст, состоящий из шести вар. После выделения ее из сводного текста у Трубицына ст. 2 читается так: «Сдобничала и пирог пекла». До сих пор публиковалась в числе «необрядовых», но поскольку Киреевскому она была известна как свадебная и поэтому переписана в «Зеленую тетрадь», мы помещаем ее среди свадебных. В народной традиции известна и как свадебная (Elsa Mahler, № 20), и как хороводная (*НС* № 2868, 2877).

ПРИЛОЖЕНИЕ

⟨План статьи о русских песнях⟩

ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 168, л. 2—2 об. План набросан на четвертке согнутой пополам писчей бумаги среди перечня произведений и черновых строф «Путешествия Онегина». Н. К. Козмин, подготовивший первую публикацию, не смог полностью разобрать его, озаглавив «План статьи о русской литературе, с очерком французской» («Неизданный Пушкин. Собрание А. Ф. Онегина. Труды Пушкинского Дома при Российской академии наук». Пб., 1922, стр. 183). Рукопись была прочтена Ю. Г. Оксманом, назвавшим так «План издания русских исторических песен и статьи о них» и датировавшим 1831—1832 гг. (А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в шести томах. Прилож. к журналу «Красная нива», т. V. М.—Л., 1931, стр. 357—358). Расшифровка всей рукописи как плана статьи о русских песнях, предназначенной для сборника песен Киреевского, впервые дана в *РП* (транскрипция Л. Б. Модзалевского), стр. 437. Цявловский, написав комментарии к ней, датировал ее 1833 г. Обзор литературы и анализ плана — см. в статье В. К. Архангельской «План статьи Пушкина о русских песнях» («Учен. зап. Саратовского гос. ун-та», т. XXXIII, в. филолог., 1953, стр. 3—20). Мы отказались от реконструкции третьей строки плана, которая читается или как «Оригинальность отрицат⟨ельных сравнений⟩» (Пушкин, т. XII, стр. 208; предложена М. К. Азадовским — см. М. Азадовский. Литература и фольклор. Л., 1938, стр. 37), или как «оригинальность отрица⟨ния⟩», «оригинальность отрица⟨ется⟩» — чтение, принятое во всех предшествующих публикациях, исключая *РП*, где эта строка осталась до конца непрочтенной. В четвертой строке снизу, перед именем Сумарокова, нами прочтена буква с («с Сумарокова»), что позволяет уточнить этот пункт плана.

Н. В. ГОГОЛЬ

Публикация И. Я. Айзенштока и П. Д. Ухова

Вступительная статья И. Я. Айзенштока

Комментарии И. Я. Айзенштока и В. В. Митрофановой

Интерес Гоголя к народному творчеству, связь его произведений с фольклором общеизвестны и не раз были предметом внимания исследователей [1]. Сказки, предания, легенды, народные рассказы и анекдоты используются в ряде произведений писателя. Песни и думы во многом формировали стиль не только его наиболее «песенной» повести «Тарас Бульба», но также повестей, входящих в состав «Вечеров на хуторе близ Диканьки», и «Мертвых душ». Интерес писателя к фольклору, ярко проявившийся в первые годы литературной деятельности Гоголя, не ослабевал до конца его дней

Зарождение интереса Гоголя к народной жизни — быту, фольклору — справедливо относится исследователями к годам его детства и юности, в доме родителей и в Нежинском лицее. В доме Гоголей часто звучали народные песни. Сестра матери писателя, Екатерина Ивановна Ходаревская, знала их великое множество; об этом Гоголь не раз вспоминал впоследствии в письмах к матери и к А. С. Данилевскому. Приходилось ему наблюдать и народную жизнь, обычаи, обряды, хотя конечно, так сказать, с «панского» крыльца, без достаточно пристального внимания, без каких бы то ни было попыток осмыслить увиденное и услышанное.

Следует полагать, что Гоголь был знаком и со скудной литературой того времени об украинском народе и фольклоре, с немногими произведениями молодой украинской литературы; с соответствующими изданиями он мог познакомиться в библиотеке родственника и «покровителя» семейства Гоголя Д. П. Трощинского, которому посвятил свой сборник украинских исторических песен и дум,— первый печатный сборник этого жанра, — его составитель Н. А. Цертелев. Не малое значение в пробуждении и формировании интереса Гоголя к народу и к его творчеству имел, видимо, отец писателя Василий Афанасьевич, автор нескольких комедий на украинском языке, основанных на фольклорном материале, с довольно широким показом народного быта.

Интерес будущего писателя к жизни и творчеству украинского народа усилился и углубился в годы его пребывания в Нежинском лицее: по свидетельству ряда школьных товарищей Гоголя, он часто бывал в нежинском предместье Магерки, «имел там много знакомых между крестьянами. Когда у кого из них бывали свадьбы или другое что или когда просто выгадывался погодливый праздничный день, то Гоголь уж непременно был там» [2]. Он хорошо владел народной речью, удачно схватывал характерные черты народных типов.

В 1826 г. в Нежине Гоголь заводит рукописную «Книгу всякой всячины», куда, наряду со сведениями о мерах весов, музыкальных инструментах древних греков и прочим, вносит также выписки и заметки исторического и этнографического характера. Как ни затруднительна и приблизительна во многих случаях датировка отдельных записей «Книги», несомненно, что значительная их часть сделана Гоголем еще на школьной скамье,— в том числе некоторые записи украинских пословиц, народных песен, выписки из «Энеиды» Котляревского и т. д. По-видимому, еще в Нежине начал Гоголь записывать и украинские слова с русским переводом, заведя для них в «Книге» раздел «Лексикон малороссийский»; для последнего одним из основных источников, а возможно, и образцом послужили словарные материалы В. А. Гоголя[3].

Попав в Петербург двадцатилетним юношей, Гоголь увидел, что «здесь ⟨...⟩ занимает всех все малороссийское» [4]; это, а также возникшие и большею частью осуществленные творческие замыслы («Вечер накануне Ивана Купала», «Майская ночь», может быть, «Ночь перед Рождеством») побудили его приняться за дальнейшее расширение и упорядочение собственных фольклорно-этнографических познаний. В письмах к матери он просит сообщить ему то «описание полного наряда сельского дьячка, от верхнего платья до самых сапогов, с поименованием, как все это называлось у самых закоренелых, самых древних, самых наименее переменившихся малороссиян», то «названия платья, носимого нашими крестьянскими девками, до последней ленты», то «описание свадьбы, не упуская ни малейших подробностей»; «Еще несколько слов о колядках, об Иване Купале, о русалках. Если есть, кроме того, какие-либо духи или домовые, то о них подробнее, с их названиями и делами» и т. д. [5]

Из писем Гоголя, из отдельных записей «Книги всякой всячины» известно, что просьбы его не оставались без ответа; то и дело он приносит матери «чувствительнейшую и невыразимую благодарность за ⟨...⟩ драгоценные известия о малороссиянах», просит «убедительно не оставлять и впредь таковыми письмами» [6]. Кроме самой М. И. Гоголь, к собиранию материалов были привлечены всевозможные родственники (тетки, сестры писателя), приживалки, знакомые, даже священник ближней церкви, сообщивший Гоголю просимое описание одежды дьячка; посылались ему и записи народных песен, и описания игр, и сведения об одеждах, о некоторых народных обычаях и обрядах и т. д.

Вскоре Гоголь был оценен новыми петербургскими знакомыми как отличный знаток Украины и ее фольклора. Один из этих новых знакомых, О. М. Сомов, в 1830 г. писал М. А. Максимовичу о Гоголе: «Он человек с отличными дарованиями и знает Малороссию как пять пальцев». Или в другом письме, 1831 г.: «У Гоголя есть много малороссийских песен, побасенок, сказок и пр., коих я еще ни от кого не слыхивал» [7]. То обстоятельство, что это писал Сомов, сам автор повестей с украинской тематикой, не порывавший связи с Украиной и являвшийся в эти годы своего рода центром притяжения украинской колонии в Петербурге, придает особую цену подобной рекомендации.

Интересны письма Сомова и еще в одном отношении: они свидетельствуют, что ко времени выхода первой части «Вечеров» Гоголь был обладателем целого собрания фольклорных материалов, в значительной мере новых для лиц, общавшихся с молодым писателем. Это собрание и тот интерес, какой они вызывали у окружающих, еще усилил в писателе жажду собирательства. Первый биограф Гоголя, имевший возможность опираться на живые свидетельства современников, отмечал, что «главным делом Гоголя в эту пору ⟨начало 1830-х годов. — *И. А.*⟩ было собирание украинских народных песен, в которое он одно время вдался было усиленно, относясь к этому занятию с горячим увлечением внезапно возгоревшейся страсти» [8].

Это увлечение Гоголя песенным фольклором достигло своего апогея после поездки летом 1832 г. на родину. Во время поездки Гоголь значительно увеличил количество записей песен; затем он привлек себе в помощь ряд лиц, завязал личные знакомства с М. П. Погодиным, Максимовичем, не только побуждавшими его к дальнейшему собирательству, но также подсказавшими ему возможные пути использования собранного, помимо художественно-литературной его интерпретации.

Не без влияния новых знакомых у Гоголя возникают планы широкой научной деятельности в основывавшемся Киевском университете. «Я восхищаюсь заранее, — писал он Пушкину, — когда воображу как закипят труды мои в Киеве. Там я выгружу из-под спуда многие вещи, из которых я не все еще читал вам. Там кончу я историю Украины и юга России и напишу всеобщую историю, которой в настоящем виде ее до сих пор, к сожалению, не только на Руси, но даже и в Европе, нет. А сколько соберу там преданий, поверьев, песен и проч.» [9]

Такое соединение фольклорных увлечений с историческими занятиями было для Гоголя совершенно органичным. Публикуя в «Северной пчеле» обращение «к просвещенным соотечественникам» «Об издании истории малороссийских казаков», Гоголь просит присылать ему летописи, записки, деловые бумаги, записи песен и повестей бандуристов [10]. А в одновременно написанной статье «О мало-

Н. В. ГОГОЛЬ
Рисунок Э. А. Дмитриева-Мамонова, 1839
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

российских песнях» он излагает целую программу исторического изучения украинского фольклора. «Это народная история, живая, яркая, исполненная красок, истины, обнажающая всю жизнь народа», — пишет он и несколько дальше продолжает: «... песни для Малороссии — всё: и поэзия, и история, и отцовская могила. Кто не проникнул в них глубоко, тот ничего не узнает о протекшем быте этой цветущей части России. Историк не должен искать в них показания дня и числа битвы или точного объяснения места, верной реляции: в этом отношении немногие песни помогут ему. Но когда он захочет узнать верный быт, стихии характера, все изгибы и оттенки чувств, волнений, страданий, веселий изображаемого народа, когда захочет выпытать дух минувшего века, общий характер всего целого и порознь каждого частного, тогда он будет удовлетворен вполне; история народа разоблачится перед ним в ясном величии» [11] (ср. в письме к И. И. Срезневскому от 6 марта 1834 г.: «Я к нашим летописям охладел, напрасно силясь в них отыскать то, что хотел бы отыскать». Зато «каждый звук песни мне говорит живее о протекшем, нежели наши вялые и короткие летописи». И дальше: «Если бы наш край не имел такого богатства

песен — я бы никогда не писал Истории его, потому что я не постигнул бы и не имел понятия о прошедшем, или История моя была бы совершенно не то, что я думаю с нею сделать теперь» [12]).

В 1833 г., возможно не без воздействия Максимовича и под живым впечатлением от знакомства с его песенным собранием, Гоголь принимается за упорядочение и систематическое расширение своей коллекции. Следуя примеру Максимовича, Гоголь наряду с новыми записями украинских песен, собственными или сделанными другими лицами по его поручению, широко использует печатные материалы: сборники самого Максимовича («Малороссийские песни», 1827; «Украинские народные песни», 1834), П. А. Лукашевича («Малороссийские и червонорусские народные думы и песни», 1836), Вацлава Залеского («Pieśni polskie i ruskie ludu galicyskiego», 1833), делает много выписок из присланного ему Максимовичем рукописного сборника Зориана Доленги-Ходаковского, куда в свою очередь вписывает несколько песен.

Таким образом составилось у Гоголя громадное собрание украинских народных песен. 12 февраля 1834 г. Гоголь писал о нем Максимовичу: «Песен я тебе с большою охотою прислал ⟨бы⟩, но у меня их ужасная путаница. Незнакомых тебе, может быть, будет не более ста ⟨черновой вариант: будет более ста.— *И. А.*⟩, зато известных, верно, около тысячи, из которых большую часть мне теперь нельзя посылать. Если бы ты прислал свой список с находящихся у тебя, тогда бы я знал, какие тебе нужны, и прочие бы выправил с моими списками и послал бы тебе» [13].

Данное письмо убедительно свидетельствует как о весьма значительных размерах собрания, так и об его далеко не систематизированном, возможно, хаотическом состоянии. Упоминание же об «известных» и «незнакомых» Максимовичу песнях, по-видимому, объясняется желанием Гоголя с помощью приятеля установить размеры собственного вклада в собирание украинского песенного фольклора.

Материалами своего собрания Гоголь охотно делился с другими собирателями и издателями фольклорных текстов. Так, в 1833 г. он «отдал» Максимовичу около ста пятидесяти песен, «совершенно ему неизвестных» (письмо к И. И. Срезневскому от 6 марта 1834 г. [14]); в первой половине 1830-х годов он сообщил ряд песен помещику-фольклористу Н. Д. Белозерскому, от которого позднее тексты песен попали к А. Л. Метлинскому и были им опубликованы в сборнике «Народные южнорусские песни» (Киев, 1854). Несколько десятков украинских песен были переданы Гоголем Киреевскому, в свод русских народных песен которого предположительно должны были войти украинские и белорусские песни.

К предприятию Киреевского Гоголь проявлял особенный интерес. Он записал для Киреевского по памяти рождественскую песню, которую сам певал в детстве. Как сообщал Киреевский, Гоголь передал ему тетрадь песен, «собранных в различных местах России»: по-видимому, речь шла о сорока шести украинских песнях, опубликованных впоследствии М. Н. Сперанским, однако не исключено, что Гоголем была передана еще одна тетрадь, до сих пор остающаяся неразысканной.

В середине 1830-х годов, как сказано, Гоголь принимается за упорядочение собранных песен — украинских и русских; работу эту он продолжает в 1839—1840 гг. в Вене. Все песни переписываются в нескольких самодельных тетрадях, частью лично писателем, частью переписчиком. До недавнего времени были известны три таких тетради (две посвященные украинским песням, одна — русским); недавно к ним прибавилась еще одна тетрадь с записями украинских исторических песен и дум, обнаруженная среди бумаг художника А. А. Иванова. Тексты этой последней тетради публикуются ниже.

Причины, побудившие Гоголя переписать свое собрание песен, могут быть установлены лишь предположительно, хотя, кажется, с большой долей вероятности. Очевидно, первоначальный вид гоголевского собрания был весьма хаотичен: письма родных и знакомых с записями песен перемежались выписками самого Гоголя из печатных и рукописных источников, собственными его записями и т. д. При известной неупорядоченности быта писателя, при его привычке вести свое «письмовое хозяйство» в тетрадях, переписка песенного собрания, можно сказать, подсказывалась самою жизнью.

«ГОЛОСА УКРАИНСКИХ ПЕСЕН». СБОРНИК, ИЗДАННЫЙ М. А. МАКСИМОВИЧЕМ (М., 1834)
Титульный лист с эпиграфом из статьи Н. В. Гоголя «О малороссийских песнях»

ГОЛОСА

УКРАИНСКИХЪ ПѢСЕНЪ,

ИЗДАННЫЕ

МИХАИЛОМЪ МАКСИМОВИЧЕМЪ.

Ни что не можетъ быть выше народной музыки, если только народъ имѣлъ поэтическое расположеніе, разнообразіе и дѣятельность жизни.
Н. Гоголь, *о Малорос. пѣсняхъ.*

Тетрадь первая.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1834.

Характерно, что при переписке Гоголь сознательно избегал какой бы то ни было классификации песен; обоснование этого было дано им в письме к Максимовичу 26 марта 1834 г.: «...зачем ты делишь свое собрание на гулливые, козацкие и любовные? *Разве козацкие не гулливые, и гулливые не все ли козацкие.* ⟨...⟩ *Разве нет таких* песней, у которых одна половина любовная, а другая гулливая. По мне, разделения не нужно в песнях. Чем больше разнообразия, тем лучше. Я люблю вдруг возле одной песни встретить другую, совершенно противного содержания. ⟨...⟩ Впрочем, как бы то ни было, разделение вещь последняя» [15].

Подобные чисто эстетические задачи ставил себе Гоголь и при упорядочении песенного своего собрания. Переписывая тексты песен, он часто сближал их по контрасту содержания либо, наоборот, группировал несколько песен однородного содержания, тут же рядом помещая совсем иные по настроению. В публикуемой ниже тетради отчетливо выделяется тематическая группа, близко и непосредственно связанная с работой писателя над «Тарасом Бульбой». Это исторические песни и думы, частью подлинные, частью поддельные (из сборника И. И. Срезневского «Запорожская старина», 1833—1836) о судьбе изменников родины, перешедших на сторону врага и погибших от рук бывших своих товарищей. Именно к данной группе песен скорее всего можно отнести признания писателя в письмах к друзьям о той помощи, какую оказывают ему в работе народные песни. «Малоросси⟨йские⟩ песни со мною,— пишет он, например, 3/15 августа 1839 г. Погодину из Мариенбада.— Запасаюсь и тщусь сколько возможно надышаться стариной» [16]. Или в письме к С. П. Шевыреву от 13/25 августа 1839 г.: «Передо мною выясниваются и проходят поэтическим строем времена казачества ⟨...⟩ Малороссийские ли песни, которые теперь у меня под рукою, навеяли их, или на душу мою нашло само собою ясновидение прошедшего, только я чую много того, что ныне редко случается» [17].

В настоящее время записи самого Гоголя в его тетрадях не могут быть выделены особо, хотя работами ряда литературоведов и фольклористов, особенно советских, установлены многие песни, извлеченные писателем из печатных и рукописных сборников. Можно предполагать, в частности, что Гоголю принадлежат все записи коротких песенных отрывков, рассыпанных в тетрадях; по ним в будущем научном издании гоголевского песенного собрания (в таком издании давно уже ощущается необходимость) возможно будет воспроизвести реконструкцию многих песен, которые знал писатель. Однако и после этого окажется значительное число песен с невыясненной атрибуцией.

Во всяком случае, даже сравнительно скромная доля записанных самим Гоголем и его корреспондентами песен не лишает его собрание значения одного из наиболее обширных собраний украинских народных песен в первой половине XIX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Из работ на эту тему заслуживают быть упомянутыми: Н. И. Петров. Южнорусский элемент в ранних произведениях Гоголя.— «Памяти Гоголя. Научно-литературный сборник, изданный Историческим обществом Нестора Летописца». Киев, 1902, стр. 53—74; В. В. Данилов. Влияние бытовой и литературной среды на «Вечера на хуторе близ Диканьки».— «Сборник, изданный Новороссийским университетом по случаю столетия со дня рождения Н. В. Гоголя». Одесса, 1909; Борис Соколов. Гоголь-этнограф. (Интересы и занятия Н. В. Гоголя этнографией). — «Этнографическое обозрение», 1909, № 2-3, стр. 59—119; М. Н. Сперанский. К истории собирания песен Гоголя. Нежин, 1912.— В советское время этим вопросом занимались: С. А. Красильников. Источники собрания украинских песен Н. В. Гоголя.— «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования». Под ред. В. В. Гиппиуса, т. 2. Л., 1936, стр. 377—406; І. АйзенштоК. Гоголь і фольклор.—«Літературна критика», 1939, № 7, стор. 40—64; В. В. Гиппиус. «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя. — «Труды Отдела новой русской литературы Института литературы Академии наук СССР», кн. 1. Л., 1948, стр. 9—38; Г. Л. Абрамович. Народная мысль в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя.— Учен. зап. Моск. обл. пед. института им. Н. К. Крупской. Труды кафедры русской литературы, т. 13, в. 1, 1949, стр. 3—53; Ф. Полищук. Гоголь и украинская народная песня.— «Советская Украина», 1952, № 2, стр. 99—107; В. К. Соколова. Этнографические и фольклорные материалы у Гоголя.— «Советская этнография», 1952, № 2, стр. 114—128; О. А. Державина. Мотивы народного творчества в украинских повестях и рассказах Н. В. Гоголя.— Учен. зап. Моск. гор. пед. института им. В. П. Потемкина. Кафедра русской литературы, т. 34, в. 3, 1954, стр. 17—45; А. Карпенко. Народные истоки эпического стиля исторических повестей Н. В. Гоголя. Черновцы, 1961 (последняя работа выполнена уже с учетом публикуемых нами песен; литературу о них см. ниже во вступлении к примечаниям).

[2] Виталий Пашков. Черты из жизни Гоголя. Рассказ современника и соученика Гоголя.— «Берег», 1880, № 268, 18 декабря.

[3] А. А. Назаревский. Из архива Головни.— «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования». Под ред. В. В. Гиппиуса, т. 1. М.— Л., 1936, стр. 326—327.

[4] Гоголь, т. X, стр. 142.

[5] Гоголь, т. IX, стр. 141.

[6] Гоголь, т. X, стр. 150.

[7] «Русский архив», 1908, № 10, стр. 266.

[8] Николай М. ‹П. А. Кулиш›. Записки о жизни Гоголя, т. 2. СПб., 1856, стр. 158.

[9] Гоголь, т. X, стр. 290—291.

[10] Гоголь, т. IX, стр. 76—77.

[11] Гоголь, т. VIII, стр. 90—91.

[12] Гоголь, т. X, стр. 298, 299.

[13] Там же, стр. 297—298.

[14] Там же, стр. 300.

[15] Там же, стр. 306.

[16] Гоголь, т. XI, стр. 240—241.

[17] Там же, стр. 241.

№ 1—2

Про гетьмана Свирговського

1

Ой, з волохами турчин дереться,
А з татарами волох б'ється.
І ті і сі у Волощину йдуть,
А волохи козаків до себе звуть.
Ой, волохи козаків до себе звуть,
До козаків такі речі ведуть:
— Від моря і від Царя-города вітри гудуть,
Турки і татари у Волощину йдуть.
Ой, вже Волошські землі руйнують,
10 Руйнують, пліндрують, не милують.
Ой, ідіть, панове, нам поможіть,
Свою славу козацьку спом'яніть!
Тоді-то панове козаки виступали,
До Волощини дорожку топтали.
А ішли із їми чотири гетьмани,
Всі чотири хоробриї атамани.
Що один — то пан пишний Свирговський,
А що другий — то пан Зборовський,
А що третій — то пан Морозенко,
20 А що чвертий — то пан Горленко.
А старший над їми Свирговський пан,
Хоробрий запорожський гетьман.
Як же йшов він до Волощини здому,
На коню не вигравав, недобреє чув.
Не то батенько сина прощав,
Шаблю та зброю давав;
А то матінка сина випровожала,
Що слізьми опрощенье давала,
Ой, слізьми опрощенье давала,
30 На горе собі його вигодовала.
Ой, пішли ж козаки та пішли,
А всіх було три тисячі.
У Волощині здобич набрали;
Здобич набрали, додому вертали,
Додому йдучи, пісню співали,
Що гетьмана свого оплакали:
— Ой, іржали коні, під гору йдучи,
Голосили турки, до Кілії йдучи.
Як же пан гетьман до Кілії прибував,
40 Усіх козаків поради питав:
— Десь-то мені, браття, сподітися,
Десь-то про мене вам оглядітися,
Сподінувся пан гетьман у могилі,
Як його турки в Кілії забили.
Плакала стара баба Грициха,
Мов перепелиха, мов перепелиха.
Молода сестра сон-траву ірвала,
Стару бабу Грициху питала:
— Чи той сон-трава — козацькая сила,
50 Чи той сон-трава козакові могила?

— Ой, той сон-трава, доню, виріс у полі,
Та дала ж то недоля його моїй доні.
Будем з тобою, доню, сумовати,
Що нашого Йвана у могилі шукати.
Що нашого Йвана турки забили,
Турки забили, козаки зхоронили,
Біля Кілії на турецькій лінії.

2

Як того пана Йвана,
Що Свирговського гетьмана,
Та як бусурмени піймали,
Та голову йому рубали,
Ой, голову йому рубали,
Та на бунчук вішали,
Та у сурми вигравали,
З його глумовали.
А із низу хмара стягала,
Що воронів ключа набігала,
По Україні тумани клала,
А Україна сумовала.
Ой, Україна сумовала,
Свого гетьмана оплакала.
Тоді буйні вітри завивали:
— Де ж ви нашого гетьмана сподівали?—
Тоді кречети налітали:
— Де ж ви нашого гетьмана жалкували?—
Тоді орли загомоніли:
— Де ж ви нашого гетьмана зхоронили? —
Тоді жайворонки повилися:
— Де ж ви із нашим гетьманом простилися?
У глибокій у могилі
Біля города біля Кілії
На турецькій лінії.

№ 3

Про атамана Байду

Ой, в містечку славнім Берестечку
Ой, п'є Байда мед та[1]* горілочку.
Ой, п'є Байда та не день, не два,
Та не одну нічку, тай не годиночку.
Цар турецький к йому присилає,
Байду к собі підмовляє:
— Ой, ти, Байда, та славнесенький,
Будь мені лицар та вірнесенький!
Возьми в мене царівночку,
Будь паном на всю Україночку!
— Твоя, царю, віра проклятая,
Твоя, царю, дочка поганая.

1* *Сначала было:* да, *исправлено на:* та.— *Ред.*

СЛЕПОЙ КОБЗАРЬ

Рисунок И. П. Трутнева (акварель, карандаш), 1860-е годы
Третьяковская галерея, Москва

Ой, у Києві та на риночку,
Там п'єть Байда горілочку.
Ой, п'є ж він та[1*] підпиває,
А цар турецький на його похваляє
Ой, кликнув цар на свої гайдуки:
— Та візьміть Байду в добрії руки!
Та візьміть Байду та зв'яжіте,
Та на гак ребром почепіте! —
Ой, узяли Байду, і зв'язали,
На гак ребром почепляли.
Ой, висить Байда не день, не два,
Та й не одну неділечку.
Ой, висить Байда та й гадає,
Та на свого хлопця споглядає,
Та на свого хлопця молодого
І на свого коня вороного:
— Ой, ти, чуро молодесенький!
Подай ти лучок та тугесенький!
Подай мені лучок та стрілок пучок:
Та забачив я трьох голубочок.
Нехай же я уб'ю царю
Та на славную вечерю.
Як ударить царя да посередь чола,
А царицю у потилицю, а царівночку у головочку.
— Оце тобі, царю, та за твою кару,

1* *Сначала было:* да, *исправлено на:* та.— *Ред.*

Та за твою дочку за погану!
Було тобі знати, як Байду карати.
40 Було Байді голову ізтяти, його тіло поховати.

№ 4—5

Про гетмана Наливайка

1

Ой, у городі Могилеві димом потягнуло,
Як то військо запорожське з гармат та ревнуло.
Ой, у городі Могилеві та сталося пусто,
Як повіяли козаки з самопалів густо.
Ой, у городі Могилеві орли та гадюки
Ляшським тілом годуються, ляшську тілу радуються.
Ой, у городі Могилеві що пні та колоди,
Прилучилося, бач, лихо ляшській породі.
Не такоє іще б лихо, як тая позора,
10 Що ходить та по білу світу з двора та до двора.
Не так тая позора, як козакам порада,
Що, кравчину шануючи, ляхам далась зрада.
Далась ляхам зрада із самого рана,
Від гетьмана Наливайка, шановного пана.

2

Славна стала та кравчина, як на Польщу стала,
Вовкулакам католикам мстючи зраду дала.
Тую зраду, тую зраду, що в мури, в темниці
З Наливайка позичала, як з бідной вдовиці.
Вдовин сину, вдовин сину! є ще в тебе браття.
А в братів твоїх козаків багацько завзяття.
Сходилися всі козаки, раду положили,
Та на раді на поляків поход присудили.
Розходилися козаки із сьоєї ради,
10 Вибирали з-під каміннів великії клади.
Клади продавали, самопали куповали;
Куповали самопали, в поход виступали.
А попереду всіх Голий-сокол літає,
На конику вороному жахом вигравае.
Привертали козаченьки порану до Случі,
Та з гармати густовали католиків звучи.
А ляхи й почули, ув отвіт ревнули.
Бодай же їм тяжко-важко, що вони ревнули.
Що вони ревнули, біду провіщали...
20 А козаки-гайдамаки думали-гадали,
Думали й гадали, думали й гадали;
Тяжко-важко за гетьманом своїм сумовали.
А в Варшаві та на раді та судді судили;
Та в волу спалити Наливайка присудили.
Присудили Наливайка та ляхи спалити;
Присудили козаченьки ляхам відомстити.

про Гетмана Наливайка.

Н. В. ГОГОЛЬ * ОТД. РУКОП. * МГПИ

I.

Ой, у городі Могилеві дзвоновь потягнуло,
Якъ то військо Запорожське въ гадяцкъ та ревнуло.
Ой, у городі Могилеві та сталося пусто,
Якъ побіли козаки зъ самопалівъ густо.
Ой, у городі Могилеві орлы та гадюки;
Ляшенькимъ тікомъ гадуютьвся, Ляшеньку тілу радуються.
Ой, у городі Могилеві що пни та колоды,
Прилетилося, бачь, лихо Ляшевій породі.
Не дивуйсь ніщо-бъ лихо, якъ тая погоня,
Що ходить та по білу світу зъ двора та до двора.
Не такъ тая погоня, якъ козацькъ порада,
Що кравчину мануючи ляхамъ дасась зрада.
Дасась ляхамъ зрада изъ самого рана,
Відъ сотьника Наливайка, пановного пана.

II.

Славна брама та кравчина якъ на площу брала,
Вовкулакамъ каторжникамъ листочи зраду дала.
Тую зраду, тую зраду, що въ нуй, въ темницу
Зъ Наливайка позичала, якъ зъ бідної вдовиці.
Вдовиньську, вдовиньську! Єнуть въ тебе братьця
А въ братівъ твоїхъ козаківъ богацько завязуть.

ДВЕ ПЕСНИ ПРО ГЕТМАНА НАЛИВАЙКА, ЗАПИСАННЫЕ Н. В. ГОГОЛЕМ

Автограф неустановленного лица. Заголовок рукою Гоголя, 1836—1842 гг.

Песня первая и зачин второй

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

№ 6—7

Про асаула Тетеренка

1

Ой, по горі вітер віє, віє-завиває,
А в долині храбре військо в поход виступає.
В поход виступає та на бусурмана,
Коней знаряжає, молить атамана:
— Пане атамане, хоробрий Тетерю!
Веди ж нас на бусурмана! — Не була б потеря!
— Не так тая потеря, як то, щоб подратьcя!
Вже ж не вічно під Каневим нам тут зоставаться! —
Ой, по горі вітер віє, а в долині женці жнуть,
А по шляху по Серпягу Тетерю везуть.
Та й везуть же його, а він ні до чого!
Чи ж він хворий, чи хмельний Тетеря старий?
Ой, везуть же його, а він ні до чого.
Везуть із Тетерею сина молодого.
— Батько мій старий! Що то буде з нами?
— Вже не що, що ляхи везуть до Варшави.
А в Варшаві та на раді судді собі рядять.
Привезуть нас до Варшави, у яму засадять,
У яму засадять, хлібця не дадуть,
Води не дадуть, винця не дадуть.
А дадуть нам сиру землю: їж, хоч подавися;
Тілько на світ божий дивись — не дивися.—
Ой, по горі вітер віє, а все поле гуц-гуц!
А Тетерю то із сином у Варшаву везуть.
А на річці на Вислянці судять-рядять та поляці:
Чи Тетерю вбити, чи у яму засадити.
Засадили Тетерю із сином у яму;
То й зрядились та продати його бусурману.
Ой, по горі вітер віє, а в Бендерах димно;
Там Тетеря то із сином б'є поляків дивно.
Ой, по горі вітер віє, віє до Керману;
Там Тетеря та із сином б'є вже й бусурмана.
Ой, по горі вітер віє, а все поле чкив, чкив;
Там Тетеря то із сином частує ляхів.
Частує-частує, то й не начастує,
Бо Тетеря вже й без сина ходить ⟨та сумує⟩.
Сумує-сумує, та й не перестане:
— Прощай, синку, серце моє, серденько кохане!—
А рибалка по бережку, як ластівка в'ється;
А батенько та по синку тяжко, тяжко рветься.
Плач-плач, Тетерю, по коханім синку!
— Вже із Польщі, із Варшави не вернешся, синку!
Ой, не дай же, боже, у Польщі умерти!
Ніхто не посумує о твоїй смерті.
Тілько ж ворон, ворон прилетить до тебе,
Та й сядить на тебе, та поклює тебе.
Ой, поклює тебе, та й перестане,
Прилетить зозуленька та плакати стане.
Тілько ж ворон та зозуля й будуть тебе знати.
Тілько ж одна зозуленька й буде сумовати.
Жаль-жаль тебе, синку, коханий жовніру,
Що проміняв свою віру на чужую віру.

2

Славна стала, славна стала та Чигринська рада,
Що всієї України далася порада.
Славна стала, славна стала та Чигринська січа,
Що побито католиків з Подолля, з Поріччя.
Славна стала, славна стала та Чигринська хмара,
Що кравчина католикам похмілля задала.
Не такого похмілля, як козакам з весілля,
Не такої поради, як полякам примир'я.
Тілько то й горе, що Тетеренко з ляхами здружився,
10 Руйновати церкву божу та й не устидився.
Стали глуми, стали глуми, стали й наговори;
То козаки та сходились у раду поволі.
А у раді присудили Тетеренка ськати,
А піймавши, Тетеренкові голову здіймати.
Як на теє обізвався Случай той моривий.
Каже: — Я його піймаю, голову зрубаю,
Та й у всіх вас, гайдамаків, проситися мушу,
Подаруйте Случаєві шельмованця душу.—
Пійшов Случай та блукати, Тетеренка шукати;
20 Ось і став він до Варшави конем привертати,
От як став він до Варшави конем провертати,
Став з ляхами Тетеренко з лісу вихожати.
— Здоров, здоров, Тетеренко! Як ще маєш жити?
Приказали гайдамаки тебе ізловити.—
Тоді стали на Случая ляхи наступати,
А Случай став гайдамаків бити та рубати.
Усіх побив, усіх зрубив, Тетеренка пов'язав,
До коняки прив'язав, той заполовав.
Случай, Случай половує, а Тетеренко б'ється.
30 Молить, просить Случаєві...— Лихо — ка — минеться.
Минулося лихо, як степи минули,
То до Січі до великої хутко привернули.

* № 8

Про асаула Чурая

Орлику, сизий орлику, молодий Чураю!
Ой, забили ж тебе ляхи та у своїм краю.
Що забили тебе ляхи із твоїм гетьманом,
Із твоїм гетьманом що паном Степаном.
Орлику, сизий орлику! Орлів братів маєш!
Що старії й молодії — сам їх добре знаєш.
Що старії й молодії — всі в тебе вдалися,
Відомстити та за тебе усі поклялися.
Що старії й молодії — усі голіннії,
10 А в їх коні воронії швидкії, бистрії.
Швидкії, бистрії, як орли літають,
На ляшськії городи хмарою набігають,
А в їх списи булатнії з довгими кінцями,
Всі гострі, як голочки, з довгими ключами.
А в їх шаблі булатнії на обидва боки,
Ляхи зраду сиплють по всі вічні роки.

№ 9—10

Про Саву Чалого

⟨1⟩

Ой, був у Січі старий козак прозванієм Чалий,
Вигодував сина Саву козакам на славу.
Ой, не схотів та пан Сава козакам служити:
Він пійшов до ляшеньків слави залучити.
Він пійшов до ляшеньків служби відправляти,
Із ляхами православну церков руйновати.
Ой, був Сава, та їв сало, та все паляниці;
Не кохав Сава молодих дівчат, та все молодиці.
Не кохав Сава панів козаків, та все католики:
Загубив Сава, протесав Сава свою віру навіки.
От і зібралися запоріжці, всі у раду зхожали;
За походи туди-сюди промеж себе рахували,
Усі прийшли, усі прийшли, одного нема...
— Ой, чом же тебе, батьку Чалий, у раді нема? –
— Ой, чого ж та мені, панове, у раду ходити?
Що хочете мого сина Саву навіки згубити.
Хоч він став собі до ляхів, та вже ж синку милий,
Чому ти став та до нас такий став спесивий? —
Ой, спесивий, не спесивий,— пани кажуть,— Сава;
Та недобра, зуривочна стала його слава.
Що не тілько що пан Сава церков та руйнує;
Із бісами став за право й барзо знахорює.—
Як на те обізветься Голий, каже: — Добре знаю!
Я того пана Саву у руки піймаю.—
От і стали ті панове, раду розсучали;
Коней посідлали, в поход виступали...
Ой, п'є Сава в Немирові, в ляхів на обіді;
Та й не думає й не відає о своїй горькій біді.
Ой, п'є Сава й гуляє, ляхом вирубає;
А до його що до Сави гонець приїзжає.
— А що ти тут, Хомку? Чи все гаразд дома? —
— Протоптана, пане, стежка до вашого двору.
Та все гаразд, та все гаразд, усе хорошенько;
Виглядають ⟨гайдамаки⟩ [1*] з-за гори частенько.
— Ото лихо! виглядають! Я ж їх не боюся.
Хіба ж нема в мене війська? Я не забарюся...
Подай, хлопку, подай, Хомку, свого [2*] вороного,
Собі сідлай, собі чухрай старого гнідого.—
Поїхав Сава з Немирова на воронім коню,
А приїхавши, гадає та про свою долю.
— Ой, ти ж, доле! — каже Сава,— щербатая доле!
Питається челядоньки: чи все гаразд дома?
— Гаразд, гаразд, пане Саво, ще лучче з тобою,
Як тебе та побачимо та на воронім коню.
Гаразд, гаразд, пане Саво, усе хорошенько,
Виглядають із-за гори козаки частенько.—
Ой, сів Сава в конці стола, все листоньки пише,
А Савиха молодая дитину колише.

[1*] *Пропуск в рукописи.— Ред.*
[2*] *Ошибка переписчика; по смыслу следует:* мого

СТАРИК-УКРАИНЕЦ
Этюд В. А. Тропинина (масло), 1820-е годы
Третьяковская галерея, Москва

Сава листи пише, Сава думку дбає.
От вже Сава та пан Сава гадку замишляє:
— Та пійди, хлопку, до пивниці та вточи горілки,
Нехай же ми нап'ємося за здравіє жінки.
Та пійди, хлопку, до півниці та й уточи пива:
Нехай же ми нап'ємося за здравіє сина.
Та пійди, хлопку, до пивниці, та уточи меду...
Чомусь мені трудно-нудно... головки не зведу.—
Сидить Сава в кінці стола, все листи читає,
А Савиха молодая все дума й гадає.
Сидить Сава в кінці стола, хлопця визиває,
А Савиха молодая плаче та ридає.
Та й не вспів же хлопець з стіни ключі зняти;
Став Ігнат Голий з кравчиною ворота ломати.
Як відсуне та пан Сава віконце від ринку,
А вже тії гайдамаки блукають по сінку.
Та й не вспів же хлопець на ногу ступати,
Став Ігнат Голий у хаті двері відчиняти.
Іде Ігнат Голий у хату, двері відчиняє,
Двері відчиняє, Саві чолом оддаває:
— Та здоров, здоров, пане Саво! Як ти себе маєш?
Що здалека гостей маєш, чим їх привітаєш?
Ой, чи медом, ой, чи пивом, чи горілкою?
Та прощайся ж з своїм сином та із жінкою!
—Ой, чим мені вас, панове, чим вас привітати?
Даровав мені господь сина: буду в куми брати.
Та дав би я вам меду-вина, не зхочете пити,
Що ви мене, молодого, хочете згубити?
— Та ми не того до тебе й прийшли, щоб в тебе медувати,
А ми з того до тебе прийшли, щоб тебе розчитати.

Ой, веди ж нас, пане Саво, у нову комору,
80 Та оддавай нам, пане Саво, козацькую зброю.
Та оддавай нам, пане Саво, сукні, єдамашки,
Що ти нажив, вражий сину, з козацької ласки.
Ой, ми не того до тебе прийшли, щоб в тебе кумовати;
А ми з того до тебе прийшли, щоб головку ізняти.
Ой, було б тобі, пане Саво, гард не руйновати,
Коли ти хотів запорожців у куми собі брати.
Беріть же його, панове, за невірну руку,
Зв'яжіть його, католика, зв'яжіть його, падлюку! —
Ой, кинувся та пан Сава до ясного меча...
90 Взяли його на три списи із правого плеча.
Ой, кинувся та пан Сава за ясную зброю...
Та підняли гайдамаки на три списи в гору.
— Оце ж тобі, пане Саво, сукні, єдамашки,
Що ти нажив, вражий сину, з козацької ласки! —
Шатається, мотається і з жінкою прощається,
На всі чотири сторони панам покланяється:
— Ой, дайте ж мені, панове, із жінкою попрощатися!
Ой, дайте ж мені, панове, із силою собратися...
Ой, не вспів же та пан Сава на коліна впасти,
100 У кайдани заковали, стали на віз класти.
Тоді-то пан Сава Чалий до козаків укланяє,
Хрести на себе покладає, слізно промовляє:
— Ой, панове запорожці! Хіба ж то вам слава,
Що в кайдани та залитий лежить у вас Сава?
Якби ви його об волю з кайданів пустили,
Славу б собі найбільшую оцим залучили.
Якби ви його об волю між себе прийняли,
Славу б собі найбільшую оцим дарували.—
Шатається, мотається і з жінкою прощається.
110 На всі чотири сторони панам покланяється.
А Савиха молодая вікном утікала,
На молоду челядоньку спильно поглядала:
— Хапай, хапай, челядоньки, малую дитину,
Будеш жити-панувати, коли я не згину!
— Ой, нічого, пані Савиха, дитину хапати:
А лучче, пані Савиха, пана Саву не кидати.
Що бачиш, твій пан Сава хоче на том хрест цілувати,
Що буде заодно з нами на ляхів наступати.—
Ой, і дали волю Саві, в поход виступали,
120 Та богатирю Саві барзо дяковали.
Що не вспів же та пан Сава свого конюха[1*] стрясти.
Та й став ляхів, та й став ляхів як снопики класти.
Ой, не вспів же та пан Сава на коника сісти;
Було ляхів сорок тисяч, зосталося двісті.
Ой, як гляне та пан Сава на праву⟨ю⟩ руку:
— Ой, вискочи, коню, коню, та з ляшського трупу!
Ой, як гляне та пан Сава на правеє плече,—
Позад його, поперед його кровавая річка тече.
Не боїться козаченько ні грому, ні тучі:
130 Хорошенько в кобзу грає, до Савихи йдучи.

1* *Ошибка переписчика вм.:* коника

БОГДАН ХМЕЛЬНИЦКИЙ
Гравюра Пауля Фюрста, 1650-е годы.
Внизу помета неустановленного лица о месте и времени приобретения гравюры
Исторический музей, Москва

⟨2⟩ Вариант

Ой, був в Січі старий сідий, на прозванье Чалий,
Вигодовав сина Саву козакам на славу.
— Та чи бачиш ти, старий Чалий, що син Сава робить,
Де піймає запорозця, то в кайданах водить.
Ще ж не вспів сину Саві трьох слів ісказати,
Ой, не могли б сина Саву усі в руки взяти...
Ой, збув Сава в Немирові в пана на обіді,
Не знав Сава й не відав своєї тяжкої біди.
Ой, як крикне так пан Сава на хлопця малого:
— Сідлай, хлопку, сідлай, малий, коня вороного!
Сідлай мені вороного, а собі другого,
Поїдемо оглядімо ми дому нового.—
Ой, приїздить та пан Сава до нового двора,
Питається челядина, чи все гаразд дома.
— Та гаразд, гаразд, пане Саво, тілько одно страшно:
Виглядають гайдамаки із-за гори часто.
Гаразд, гаразд, батьку Саво, та щось по нас буде,
Що у наших нових домах сизий голуб гуде.
Ой, як гляну на Січ нову, то ввесь іздрогнуся.—
Ой, сів Сава на ліжечку, та тяжко вздихає.
А Савиха в новій ложі дитину витає.
Ой, сів Сава в кінці стола, розкинув ворожки:
Ой, жеж биде козак Гнатко чорної дорожки⟨?⟩:
— Піди, хлопку, піди, малий, та уточи пива,

Ой, вип'ємо за здоров'є і за мого сина,
Піди, хлопку, до пивниці, та вточи горілки,
Ой, вип'ємо за здоров'є і моєї жінки.
Та піди, хлопку, до пивниці та уточи меду,
Ой, щось мені трудно-нудно на моєму серденьку.—
Ой, ще хлопець і ще малий не звернувсь з пивниці,
Шатається козак Гнатко по новій світлиці.
— Та здоров, здоров, пане Саво! Ой, як собі знаєш?
Іздалека гостей маєш, чим їх привітаєш? —
— Ой, чим я вас, пани молодці, вже буду вітати?
Ой, дав мені господь сина, буду в куми брати.—
— Та коли хотів, пане Саво, нас в куми брати,
Не іти було гей до гарду церкви руйновати.—
— Привітаю, вас, пани молодці, вже буду вітати.—
— Попрощайся, пане Саво, з дітьми і з жінкою.—
Ой, кинувся та пан Сава до ясного меча,
Взяли Саву на три списи спід правого плеча.
Ой, кинувся та пан Сава до своєї зброї,
Взяли Саву на три списи та підняли вгору.
— Та коли хотів, пане Саво, довго пановати,
Не йти б було із ляхами нас не здоровати.

(Доставлено от В. В. Пассека)

№ 11—12

Про гетьмана Серпягу

1

Ой, у городі у Львові зашуміли верби,
Козак-бурлак вбитий лежить, Серпяга то мертвий.
Ой, у городі у Львові задзвонили дзвони,
Козак-бурлак вбитий лежить, правлять похорони
А у городі у Каневі та й заголосили,
Що Серпягу у могилу тихо положили.
Ой, Серпягу положили та і заховали,
Та по усій по Україні помин відправляли.

2

Ой, і сила, сила, сила силу подоліла:
Серпягові та у Львові споділась могила.
Споділась могила, як волохам люба:
Притинали та Серпягу до сухого дуба.
Ой, волохи, ой, волохи! З чого ж його звали?
Що козакам-запорожцям та ізраду дали?
Ой, ізраду дали господарю свому!
Ой, гетьманові Серпягові добре було й дома!
Поминайте ж лихом господаря свого:
Чи він добрий, чи він злюка — ой, що вам до то о!
Хоч він добрий, хоч і злюка, аби не падлюка,
Притинайте та Серпягу до сухого сука!
А Серпяга, що Серпяга брата Жаха має,
Та від брата, та від Жаха помин сподіває.

№ 13—15

Про поход під Пиляву

1

Ой, з города що з Полтави виїзжали козаки,
Усіх було три табори та всі три еднаки.
Що в первому у таборі, то все лейстровії;
А в другому таборі, то все хорунжії;
А в третьому таборі, то все курінніі.
А що первий табор до Пиляви ладить, із їм Морозенко;
А з другим Гайчура, пан пишний Харченко;
А третім то вадить Вовгуря Лисенко.
Ой, третім табором вадить Лисенко Вовгуря.
10 Коником вигляє, себе забавляє,
Коником вигляє, такі слова промовляє:
— Ой, панове молодці! буде нам до роботи;
Що у городі у Пиляві багацько охоти.—
То йдуть вони день, ніч, у неділю станом стали;
По Яцькому рогу станом стали, гінця піджидали.
То у ніч гонець під'їзжає, Лисенка питає,
Та до його укланяє, такі речі промовляє:
— Пан гетьман Хмельницький здоров тобі бути казав.
Під Пилявой з Морозенком вже він станом став.
20 Та йще тебе з кравчиною під Пиляву прохав.
Тоді-то Вовгуря Лисенко кожух натягає,
З станку вихожає, козаків іззиває:
— Ой, панове молодці! Чиніть мою волю!
Рубіть мені дороженьку по Пилявському полю.
Рубіть мені дороженьку до Пилявського гаю:
Ой, нас гетьман Богданко до себе піджидає.—
То тоді ті козаки дорожку рубили:
Під город під Пиляву станом виходили.
Що з-під Роски, та з-під Соби гайчурівські грайці.
30 А з-під вольного Тешлика вольні коротайці.
А з-під Лисої гори степовничі гайчури;
А з-під річки, з-під Самари самарськії лугарі.
То всі тії молодці по тим боці Буга...

2

Ой, Сьомуха волоцюга в Немиров ступає,
У Немирові молодців своїх ізбирає.
А молодці немировські у сурми сурмують,
На кониках вороних голосне гобзують.
То у ніч гонець під'їзжає, такі слова промовляє:
— Гею, гею, немировці молодці! Та вже ляхи по сім боці.
По сім боці Случи, по сім боці Случи:
До Пиляви підступають, козаченьків звучи.
Немировці молодці, спішніше спішіть,
10 До гетьмана Хмельницького під Случ веселіть.—
Ото тії молодці під Случ поспішали:
До города, до Пиляви швидко привертали.

3

— Ой, чи довго вам, панове, під Пилявой стояти?
— Ой, чи не врем'я вам, молодці, табор рушати?

— Ой, врем'я, Морозенку, табор рушати!
Ой, врем'я, врем'я до Горині, до вишневців поспішати!
Тії вишневці, добрі молодці, добре ⟨Вкраїну⟩[1*] плюндрують;
Добрим часом, добрим часом православну віру руйнують.
— Ой, не спішіть!—каже Біда слово.—Ще буде час погинути!
Ще буде час ляхів звеселити, головки у полі зложити!
— Ой, не спішіть! — каже Біда слово.— Вишневці до нас схаменулись!
Біжить гонець: — Гею, молодці! Що вже вишневці та по сім боці.
Ой, по сім боці станом стали, козаченьків звучи.—
Пристав Максим Рокитнянський порану до Случи.
Тоді тії ляхи як стояли, так і пропали,
Тілько одні козаченьки у сурми сурмовали.
Ой, у сурми сурмовали, пана Йвана Біду оплакали,
Ой, пана Біду оплакали, похорон йому відправляли.
Ой, у сурми сурмовали, пана Біду оплакали,
На думці ж вони мали, що ляхам зраду дали.

*№ 16

Про Ясси

Ой ви, Ясси, Ясси, Ясси, були колись барзо ясні;
А тепер вже не такі, як злинулись козаки.
Ой, злинулись козаки! Ой, злинулись ляхи,
Тай втікали із Сочави на чотири шляхи.
Ой, злинулись козаки, ой, злинулись волохи,
Тай втікали із Сочави на чотири роки.

№ 17

Про полковника Перебійноса

Ой, лугами та берегами та зеленії віти,
Та засідають ляхи, та засідають пани Перебійноса вбити.
А Перебійнос того й не гадає, та мед-вино попиває...
Ой, не дали Перебійносу та вечеряти сісти,
Ой, прийшли Перебійносу немудрії вісті:
— Стережися, Перебійносу, ти сі чорні гати.
Ой, іде ляхів сорок тисяч, хотять тебе взяти.—
Ой, крикне пан Перебійнос на хлопця малого:
— Обігай, хлопче, обігай, малий, од хати до хати,
Ой, дай же ти, малий, всім козаченькам знати.—
Ой, одсунув пан Перебійнос покутню кватирку,
Аж гуляють ляхи, аж гуляють пани та по його ринку.
Ой, крикнув Перебійнос на хлопця малого:
— Осідлай, хлопче, осідлай, малий, коня вороного;
А собі, хлопче, а собі, малий, хоч полового.—
Ой, не дали та Перебійносу на кониченька сісти —
Як узяв ляхів, як узяв панів, як снопики, класти.
Ой, не дали та Перебійносу на кониченька сісти,
Як узяв ляхів, як узяв панів на капусту сікти.
Ой, гляне пан Перебійнос на лівую руку,
Та не вискочить його конь вороний із лядського трупу.
Ой, гляне пан Перебійнос на правеє плече,

[1*] *Пропуск в рукописи. — Ред.*

Аж із ляхів, аж із панів кровавая річка тече.
То пан Перебійнос добре думав-гадав-замишляв:
Ляхів побив, панів згубив, Україну до себе єднав.

*№ 18

Про гетмана Хмельниченка

Ой, пане Хмельниченку, Юроньку Юру!
Зав'ялив головоньку, цвітку понурий!
Чи то тобі турещина так знати далася?
Чи то тобі гетьманщина отак піддалася?
Ой, Юру Хмельниченку, молодець прекрасний!
Всім ти добрий козак, всім ти барзо ясний!
Ізломилися шабельки та на твому боці!
Затягнули жупанчик козаки охочі.
Ой, Юру Хмельниченку! найясний козаче!
10 Така твоя доля, що шабелька плаче!
Таке твоє щастя: жупан розв'язавсь,
Козакам у здобич, мов хурко, доставсь.

№ 19—20

Про полковника Пушкаря

1

Не день, не два Виговський гетьман до Полтави сучив
У самого сорок тисяч, та ще й ляхів вів.
Ой, куди-то пресучий Виговський ляхів вів?
Ой, вів він ляхів супротив козаків.
Ой, вів він ляхів супротив Пушкаря,
Що стоїть він за віру православну та за білого царя.
Ой, царю, білий царю! Врем'я з тобою щитати!
Ой, будете, царю та Мартине Пушкарю, знати, як мене прозивати.
Ой, будете знати, як мене поважати, як Вкраїну до себе єднати.
10 Що будете знати, як по лісах уганяти.
То Виговський гетьман до Полтави дорогу верстав:
Поверставши дороженьку, по Голтві станом став;
А ставши собі станом, Пушкаря окликав:
— Мартине, Мартине, сучий ти сине!
Іди ізо мною мед-горілку пити, козаків лічити.
Которії голіннії, тії до мене перейдуть,
Которії ледащі, тії ізо мною биться зачнуть.
От надійшов Пушкар Мартин, по сій бік став,
З гармат та з рушниць по гетьману стріляти почав.
20 — Ой, Мартине, Мартине, сучий ти сине! що ти задумав-загадав?
Що Виговського гетьмана рушати зачав?
Що в тебе, сучий сине, лятвою лятва,
А в мене й ляхи, й козаки, й татарська орда...
— А ну, пане Стефане! Як ти себе маєш?
Ти коні маєш, гармати маєш, чом Пушкаря не оступаєш?—
— Я ж би його враз оступив, та йому білий цар помагає;
А в мене що й коней і гармат, що й вірної душі немає.
— А ну, пане Трофиме! Як ти себе маєш?
Ти ж військо хоробре й вірну душу маєш, чом Пушкаря не оступаєш?—
30 — Я ж би його враз оступив, та йому білий цар помагає,
А в мене що й військо, що й коней, що й вірної душі немає. —

Ото Пушкар по березі по Голстві на коню виступає;
До гетьмана Виговського такі слова промовляє:
— Ой, пане гетьмане! Що ж ти думаєш-гадаєш?
Що мене своїм військом ти не оступаєш?—
То Виговський мед-вино п'є, волосся скубе;
Що він недоброє чує, недолю собі жде.
Тоді-то стали пушкарівці на ляхів наступати;
Стали ляхів середом-передом бити-побивати.
40 То Виговський на коня сідав, у Чигрин-дуброву втікав;
Самого Стефана Омельченка на Голтві зоставляв.
А той пан Стефан добре думає-гадає;
Мартина Пушкаря озиває, такі слова промовляє:
— Прийми мене до себе! буду тобі вірно служити;
Буду віру православну щитити, царя білого чтити.—
То Виговський на коня сідав, у Січ Тешлицьку втікав;
Самого одного Трофима Сороку на Голтві зоставляв.
А той пан Трофим добре думає-гадає;
Мартина Пушкаря озиває, такі слова промовляє:
50 — Прийми мене до себе! буду тобі вірно служити!
Буду віру православну щитити, царя білого чтити!—
То тоді добре Пушкар знав, що білого царя шанував:
Що ляхів розбивав, Виговського прогнав, сам у мирі став

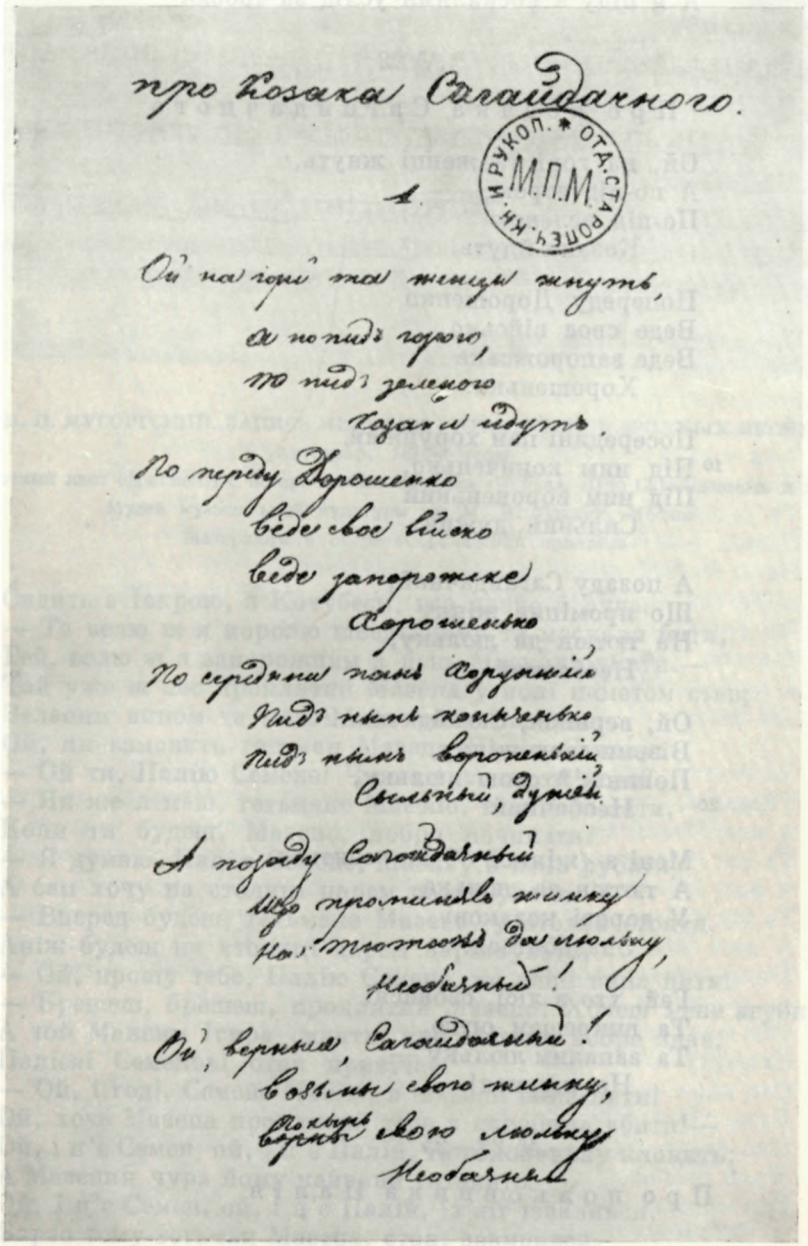
2

Тече річка невеличка, Ворсклом називають.
Про ту річку невеличку старці й діти знають.
Вміють про ту річку пісню співати,
Люблять про ту річку й думку гадати.
Думонько ти, думо! Що б сталося сумно!
Думонько ти, думо! Не сталося б шумно!
А де ж ви, панове, козаки молодці?
Кістки у могилі, а шаблі в болотці.
Де ж ти, Пушкарю, хоробрий козаче?
10 Що по тобі, друже, Україна плаче?
Кістки у могилі, сам в господа бога!
Ой, плач, Україна, сирото небога!
Твою ясну долю розшарпав Виговський,
Що серце, мов камінь, а розум бісовський.

* № 21

Про атамана Гордієнка

Запорожці небожата! Пшениця нежата;
Ой, підіте, оглядіте, пшеницю зажніте.
— Ой, хоть підем оглядати, не будемо жати!
Хвалилися запорожці Полтави достати.
Ще Полтави не достали, а вже швед іздався;
На бідную головоньку кошовий зостався.
Ой, умерла в кошового старенькая мати,
Тай нікому кошовому порадоньки дати.
Восточний цар на Вкраїні недоймає віри,



про козака Сагайдачного.

1.

Ой на горі та жниці жнуть,
а по під горою,
то під зеленою
козаки йдуть.
По переду Дорошенко
веде своє військо
веде запорожське
Дорошенько
По середині пана Дорошенка
Під ним конченько
під ним вороненький
Сильний, дужий.
А позаду Сагайдачний
що промінець жовтий
на тютюнник до люльки
необачний!
Ой, вернися, Сагайдачний!
возьми свого тютюну,
покури свою люльку
необачний

М.П.М. РУКОП. КН. ОТД. СТАРОПЕЧ.

ПЕСНЯ «ПРО КОЗАКА САГАЙДАЧНОГО», ЗАПИСАННАЯ Н. В. ГОГОЛЕМ

Автограф, 1836—1842 годы

Начало песни

Библиотека СССР им. В И. Ленина, Москва

10 Посилає Голицина, щоб не було зміни:
— Ой, іди ж ти, Голицину, іди ж ти горою,
А я піду з москалями услід за тобою.

*№ 22

Про козака Сагайдачного

Ой, на горі та женці жнуть,
А по-під горою,
По-під зеленою
Козаки йдуть.

Попереду Дорошенко
Веде своє військо,
Веде запорожське
Хорошенько.

Посередині пан хорунжий,
10 Під ним кониченько,
Під ним вороненький
Сильний, дужий.

А позаду Сагайдачний,
Що проміняв жінку
На тютюн да люльку,
Необачний!

Ой, вернися, Сагайдачний!
Візьми свою жінку,
Покинь [1*] свою люльку,
20 Необачний!

Мені з ⟨жінкой⟩[2*] не возиться
А тютюн да люлька
У дорозі козакові
Знадобиться.

Гей, хто в лісі, озовися!
Та викрешем огню,
Та запалим люльку —
Не журися!

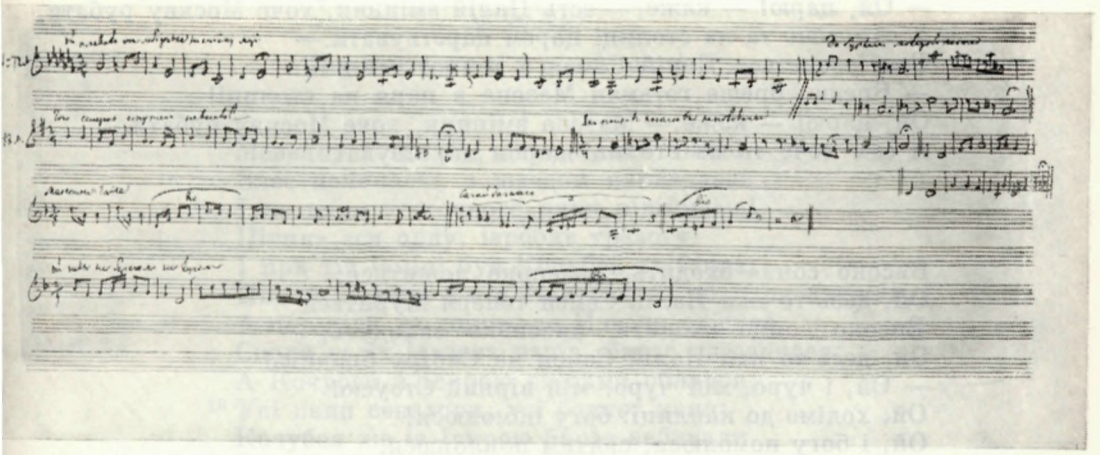
№ 23—25

Про полковника Палія

1

Ой, ти гадаєш, пане Мазепо, гадаєш зміняти,
Хочеш царя оступати, в пень Москву рубати,
Та не тілько що царя оступати, в пень Москву рубати,
Ще й сам хочеш на столиці царем царствувати!
Ой, у городі у Полтаві Мазепа гуляє.

1* *Слово* покинь *надписано над зачеркнутым* верни.— *Ред.*
2* *В рукописи ошибочно написано*: з люлькой.— *Ред.*



М. П. МУСОРГСКИЙ. ЗАПИСЬ МЕЛОДИИ УКРАИНСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН
Автограф, 1870-е годы
Нотный лист (фрагмент) с историческими песнями «Чайка», «Про Сагайдачного» и др.
Музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки, Москва
Материалы к опере «Сорочинская ярмарка»

Сидить з Іскрою, з Кочубеєм, все плаче й ридає:
— Та велю ж я королю шведському та москаля бити,
Гей, велю ж я запорожцям в пень Москву рубити.—
Тай уже ж пес проклятий Мазепа у полі наметом став;
Зеленим вином та медом солодким подчував.
Ой, як взмовить гетьман Мазепа Палію Семену:
— Ой ти, Палію Семене! Чи не зрадиш ти мене?
— Як же я маю, гетьмане Мазепо, тебе ізражати,
Коли ти будеш, Мазепо, добро починати?
— Я думаю, Палію Семене, Москву в пень рубати,
А сам хочу на столиці царем царствувати.
— Вперед будеш, гетьмане Мазепо, у стовпа стояти,
Аніж будеш на столиці царем царствувати!
— Ой, прошу тебе, Палію Семене, по чаші вина пити!
— Брешеш, брешеш, проклятий Мазепо! Хочеш мене згубити!
А той Максим Іскра сидить, про Мазепу добре знає,
Палієві Семенові отак привічає:
— Ой, і годі, Семене Палію, в Мазепи вина пити!
Ой, хоче Мазепа проклятий тебе з карабина вбити!—
Ой, і п'є Семен, ой, і п'є Палій, та головоньку клонить;
А Мазепин чура йому кайдани готовить.
Ой, і п'є Семен, ой, і п'є Палій, із ніг ізвалився,
Барзо тому гетьман Мазепа, стоя, задивився.
От і крикнув пан гетьман Мазепа та на свої гайдуки:
— Гей, озьміть Палія Семена за кріпкенькі руки!—
От і крикнув пан гетьман Мазепа та на свої янчари:
— Гей, озьміть, Палія Семена, та залійте у кайдани!—
От і крикнув пан гетьман Мазепа та на свої мисливці:
— Гей, озьміть Палія Семена та засадіть в стрільниці!—
Не дав Палію гетьман Мазепа ні пити, ні їсти,
Доки не вислав проклятий на столицю листи.
А як же вислав гетьман Мазепа листи на столицю,
Велів закинуть Палія у темну темницю.

— Ой, царю! — каже, — єсть Палій змінник, хоче Москву рубати,
40 А сам хоче та на столиці царем царствувати.—
Тоді озоветься Палій Семен з темної темниці:
— Бреше, бреше гетьман Мазепа в царя на столиці!
Ой, царю! — каже,— Мазепа змінник, хоче Москву рубати.
А сам хоче та на столиці царем царствувати.

2

Високо сонце сходить, низенько ложиться;
Ой, десь-то пан Палій Семен теперя журиться.
Високо сонце сходить, низенько заходить,
Ой, десь-то пан Палій Семен на Сибіру бродить!
— Ой, і чуро, мій чуро, мій вірний Стоусю!
Ой, ходімо до каплиці: богу помолюся!
Ой, і богу помолюся, святим поклонюся.
Зледащав я понурий, стареньким здаюся.
Стареньким здаюся, молитися мушу,
10 Хай помилує милостивий мою грішну душу.—
Натягнув йому чура та сірую свиту,
Та дав йому у руку яловую віту.
Пішов пан Семен Палій богові молиться,
Не то богові молиться, а не то журиться.
А як прийшов пан Палій додому та й сів на поміті,
На бандурці вигравае: — Лихо жити в світі!
Що той, душу заклавши, свиту, бач, гаптує,
А той по Сибіру, мов у лузі, дубує.

3

Та ще хмілю, хмілю та ще зелененький на тичину не звівся,
А вже Палій під Полтавою із шведом побився.
Та ще хмілю, хмілю та ще зелененький головок не схилив,
А вже Палій під Полтавою тай шведів побив.
Та ще хмілю, хмілю та ще зелененький козаків не згубив,
А вже Палій з-під Полтави тай шведів одбив.
Тоді крикне-крикне ясний король шведський, на гарматі стоя:
— Утікаймо, Мазепо, з Полтавського поля!
Ото вони тоді шибко утікали з Полтавського поля,
10 Схаменулась, звеселилась козацькая доля.
Ото вони тоді хутко утікали та не шляхом, стежкой;
Була війську порада та й Палію з Гречкой.
Ото вони тоді швидко утікали та не шляхом, лугом;
Була війську порада, та й Палію з другом.
Ото обізвався пан Семен Палій: — Де ти, вірний друже!
— Ой, нема вже твого друга! — обізвався луже.
Ото обізвався пан Семен Палій, та й погнавсь за шведом.
Чим його він подчував, чи вином, чи медом!
Тоді швидко-швидко шведи утікали, дорожку взнавали;
20 Та й ще тую дороженьку до Бендер держали.
Тоді швидко-швидко шведи утікали лугом та тернами.
Бодай вони не діждались биться з козаками.

№ 26—27

Про гетьмана Мазепу

1

Мазепо, гетьмане, ізрадливий пане!
Злеє починаєш, з шведом накладаєш,
І на царя восточного руки підіймаєш!
Підняв єси орду, ізробив тревогу!
І при тій ізміні був Кочубей та Іскра;
Пішли ж вони з-під Полтави та до царя знишка.
А цар віри не доняв, до Мазепи одіслав.
Скоро ж їх Мазепа взрів, барзо звеселився;
А Кочубей з Іскрою слезами облився.
10 Усі пани сенатори, усі бенкет мали;
Кочубея же із Іскрою барзо забували.
Тільки ти їх не забув, миргородський пане,
Що Кочубей з Іскрою за Вкраїну стали!
У Києві на Подолі порубали груші,
Погубив же пес Мазепа невиннії душі.
Ой, вигорів весь Батурин,— зосталася хата;
Та вже твоя то, Мазепо, і душа проклята.
Був у тебе, пес Мазепо, один хлопець німець...
Пішло ж твоє, пес Мазепо, усе добро ⟨на⟩ нівець.

2

Ой, трапилось проклятому Мазепі та коржики їсти;
А то ще й потрапилось проклятому Мазепі під Полтавой сісти.
Та не довго католики під Полтавой станом стояли,
Казав цар Московський: ура, хлопці! — то як пух розімчали.
А де ти, вражий сину, Мазепа проклятий, теперя усівся?
А де ти з сердюками-вовчатами, вовче, вгораздився?
Кажуть люди, у городі у Бендері чогось смутно стало;
Чи то того, що Йвана Мазепу лихо доканало?
Ой, то того, що Йвана Мазепу лихо доканало.
10 Ой, то того, що Мазепина слава марно пропала,
Як його тіло бусурманське у Бендері земля приймала.

* *№ 28*

Про козака Швачку

Зажурилася Украйна, що нігде прожити,
Витоптала Орда кіньми маленькії діти.
Та не так вона витоптала, як вирубала,
Котрих не рубала, тих в полон забрала.
Ой, не єсть то козак Швачка, що загнав ляхів
В Білу Церков в стійло.
Ступив ляшок на порожок, шабельку стискає;
Козак ляшка не боїться, шапки не знімає.
Кинувсь ляшок до канчука, а козак до дрюка;
10 О це тобі, сину вражий, з душою розлука!

№ 29

Про поход на Лінію

У Глухові у городі у всі дзвони дзвонють;
Та вже наших козаченьків на Лінію гонють.

У Глухові у городі стрільнули з гармати,
Не по однім козаченьку заплакала мати.
У Глухові у городі стрільнули з рушниці,
Не по однім козаченьку плакали сестриці.
У Глухові у городі поплетені сітки,
Не по однім козаченьку заплакали дітки.
На бистрому на озері геть плавала качка,
10 Не по однім козаченьку плакала козачка.
У Грицькові огні горять, а в Пілтаві димно,
На могилі гетьман сидить: геть там його видно!
— Допевняйся ж, наш гетьмане, допевняйся плати,
Як не будеш допевняти, будемо втікати.
— Ой, ідіть же ви, панове, до Петра до свата,
Ой, там буде вам, панове, велика заплата:
По заступу у рученьки та ще і лопата...—
Сидить козак на могилі, сорочку латає,
Ой, кинувся до черешка — копійки немає.
20 Сидить пугач на убогу, на вітер надувся,
Іде козак в Україну, на лихо здобувся.
Ішов козак на лінію, та й вельми надувся,
Ішов козак із лінії — як лихо зогнувся.

* № 30

Про козака Жадченка

Ой, хто в Криму не бував, той і дива не видав;
А ми в Криму бували, ми там диво видали.
Перекопський комендант запорожцям дає знать:
— Ой, годі ж вам, запорожці, в калантаї пробувать.
Ой, ходімо на Яли, козаченьків рятовать.—
Запорожці як пійшли, вперед голову найшли,
А в Жадченка Степана облуплена голова,
В московського капитана спина обідрана,
Лежать наші козаки, як біленькі смички,
10 А в Жадченка у Степана по-за ногтями спички.

№ 31—36

Про козака Морозенка

1

Ой, з-за гори, з-за кручі риплять вози ідучи,
Попереду Морозенко курить люльку йдучи.
— Годі ж тобі, Морозенку, люлечки курити;
Іди з нами, з козаками, горілочку пити.
— Ні! Вже мені, милі братці, горілка не п'ється,
Що над моєй Україной превелика орда в'ється.—
Ой, з-за гори, з-за кручі горде військо виступає,
Попереду Морозенко сивим конем вигравае.
Ой, прихилив головоньку к сивому коню до гривоньки.
10 Ой, розпустив чорні кудрі к сивому коню до копита.
— Іди, іди, сивий коню, тихою тупою.
Зострінемся з Ордою, з бистрою рікою.—
Ой, з-за гори, з-за кручі товариші козаки йдуть.
То ж не вітри гудуть, то з Морозенком вони річі ведуть:
— Ой, пане Морозенку! Годі вже тобі журиться.
Що час уже тобі раду озивати, на турків наступати.

СВАДЬБА В КУКАВКЕ
Картина В. А. Тропинина (масло), 1810-е годы
Третьяковская галерея, Москва

— Ой, панове молодці! Дайте мені помолитися!
Бідна моя головонька! Се чужая сторононька!
А в чужій стороні чужих людей много,
Що до серденька не пригортаються, думоньки цураються.
Ой, панове молодці! Коли йти, то ідіть,
Тілько мене лихом, Морозенка, та не спом'яніть.
Ой, не спом'яніть мене лихом, як припаде нам біда,
Що то моя лиха доля, а не татарська Орда.—
Отак же той Морозенко як під турків йшов,
Біду собі віщував, хрести богові покладав,
Своїй лихій долі віри не діймав.
Ой, хто своїй долі віри не діймає, того біда знахожає.
Серед поля, серед моря лихом оступає,
Не відхреститися, не відмолитися, як поконати має.

2

Ой під городом Бендером покопані шанці.
Та й піймали Морозенка не ввечері, вранці.
Взяли ж його, Морозенка, та під пишні боки,
Посадили Морозенка у глибці глибокій,
Посадили Морозенка на тисовім стольці,

Зняли з Морозенка з черешів червонці.
Посадили Морозенка на дубовій лавці,
Зняли з Морозенка кармазин, сап'янці.
Посадили Морозенка на білім ряденці,
У кайдани заковали: — Сиди, моє серце! —
В неділеньку ранесенько, та ще на схід сонця,
Ой, плакала Морозиха, сидя у віконця:
— Морозенко, козаченько, як мак розпускався,
Морозенко, козаченько, в неволю попався.
Ой, Морозе, Морозенку, та преславний ти козаче!
Що по тобі, по Морозенку, вся Украйна плаче.
Не так тая Україна, як гордеє військо.—
Заплакала Морозиха, та йдучи на місто,
Та й зустріла Морозиха трьох козаків з полку.
— Та якая ж ти старая! чорт ма в тебе товку?!
Не плач, не плач, Морозиха! ще твій син не журився;
Іди з нами, з козаками, вина й меду напийся!
— Ой, чомусь мені, паренята, вино й мед не п'ється·
Ой, десь то мій син, Морозенко, у неволі б'ється.
— Продавай же, матусенько, корови та воли,
Та викупляй свого сина з тяжкої неволі.
Продавай же, матусенько, бики та телиці,
Та викупай свого сина з сирої темниці.—
Продавала Морозиха корови та воли,
Викупала Морозенка з тяжкої неволі.
Продавала Морозиха бики та телиці,
Викупала Морозенка з сирої темниці...
— Не лай мене, матусенько, грозними словами,
Схаменешся й обіллешся дрібними сльозами.

3

Ляхи кажуть, турки кажуть: Україна плаче,
А Вкраїна та й не плаче, з Морозенком скаче.
Скаче Україна, радується рада,
Побив ляхів Морозенко: ото їх порада.
Як приїхав Морозенко в свою Україну:
— Будуть знати малі діти, як її покину.
Будуть знати малі діти, будуть і дівчата,
Ой, дівчата-небожата, яка їм заплата.
Така їм заплата, яке в мене військо.
Що пізнали турки й ляхи, як втікати нишком.
Що скрипонька від весіллечка, а струни із рути,
Як заграє Морозенко, по всім світі чути.
Як заграє Морозенко, турчин озоветься,
Як поїде до Бендеря, тоді й схаменеться.
Як заграє Морозенко, ляхи заспівають,
Що вони, бач, Морозенка ще й по Жванцю знають.

4

Ой, з-за гори та з-за кручі горде військо виступає,
Посамперед Морозенко сивим конем вигравае.
Склонив вже він головоньку свому коню на гривоньку·
— Бідна ж моя головонька! Се чужая сторононька!—
За річкою, за лиманом покопані шанці...
Взяли-взяли Морозенка в неділеньку вранці.

Посадили Морозенка на тесовім стольці,
Зняли-зняли з Морозенка з черешів червонці.
Посадили Морозенка на дубовій лавці,
10 Зняли-зняли з Морозенка кармазин, сап'янці.
Посадили Морозенка на жовтім пісочку,
Зняли-зняли з Морозенка кроваву сорочку.
Посадили Морозенка на білім ряденці,
Та й вийняли з Морозенка кровавое серце.
Лежить-лежить Морозенко в глибокій могилі...
— Подивись лиш, Морозенку, та на свою Украйну!
— Дивись, не дивись, не побачу, в могилі заплачу!
Буде те, що буде, на долю козачу!
Буде те, що буде, й Україна знати,
Як мене, небогу, не лихом, добром поминати.
Який по мені, небозі, помин відправляти.
Осідлайте коня мого, пов'яжіть козацьку зброю,
Нехай біжить в Україну та до свого дому.

5

Ой, з-за гори та з-за кручі чорна хмарка виступає,
Попереду Морозенко сивим конем вигравае.
Годі ж тобі, Морозенку, сивим конем вигравати,
Та ну з нами, з козаками, ходімо гуляти.
Став Морозенко гуляти, пісню співати;
Стали тоді ляхи й турки Морозенка оступати.
Оступали Морозенка кругом з шаблюками,
Та вискочив Морозенко по-під рученьками.
Та й взорили Морозенка з-під гріми з полиці,
10 Оплакали Морозенка брати й рідні сестриці.
Та й вдарили Морозенка з-під гріми з палати,
Оплакали Морозенка отець, рідна мати.
Та й повели Морозенка на круту могилу:
— Подивися ж, Морозенку, на свою Украйну.
— Не поможе, милий боже, своя Україна!
Чи поможе, милий боже, чужа Україна?—
Та й підвели Морозенка під високу грушу,
Тай вийняли з Морозенка невинную душу.
Ой, у того Морозенка та у петлі стежка,
20 Куди несли Морозенка — кровавая стежка.
Ой, у того Морозенка та у петлі стрічка,
Куди несли Морозенка — кровавая річка.
Прощай, прощай, Морозенку, найславний козаче!
Ой, по тобі, по Морозенку, вся Украйна плаче.

6

Ой, Морозе-Морозенку! найславний козак!
Ой, прибувай до нас на громадоньку!
Ой, у нас на громаді усі козаченьки,
Усі козаченьки пріч атамана.
Атамане наш! чи ти покинув нас?
Ой летіли усі голуби до Дніпра та і за Дніпр,
Проквиляли та за ними усі горлички.
Тілько одна горличка не проквиляла,
Тілько одна горличка не жалкувала,

10 Опрощання ні з ким не мала.
Ой, летіли усі ворони до Дніпра та і за Дніпр,
Проквиляли та за ними усі зозулечки.
Тілько одна зозуля не ковала,
Одна не ковала, мовчки мовчала,
Опрощання ні з ким не мала.
Атамане наш! чи ти покинув нас?

№ 37

Про полковника Лободу

Ой, у городі у Батурині дзвони задзвонили:
То козаки-гайдамаки у раді рядили.
Ой, у раді та рядили, як на Польщу стати,
Та на раді присудили Вкраїну єднати.
От і вийшли гайдамаки, хоч тисяча й двісті,
Та багацько та за їми зведеться користі!
А попереду пан Сулима, атаман кошовий...
Чого ж жаху завдавати, що він чорнобровий!
Пан Сулима, пан Сулима козаків збирає,
10 Та й усім тим гайдамакам отак промовляє:
— Товариші гайдамаки! Чиніть мою волю,
Що нам треба відплатити вкраїнську недолю,
Хоч нас, пани гайдамаки, і тисяча й двісті,
Та багацько та за нами зведеться користі.
Ой, багацько та користі зведеться за нами,
Коли схочете побиться бучно із ляхами.
Як на теє обізвався Лободівський чура,
До козаків уклоняє, отак промовляє:
— Ой, панове гайдамаки! добре себе майте,
20 Що за мого пана Йвана ляхам відомщайте.
Ой, мій пане, пане Йване! Десь-то ти зобгався,
Що на ляхів став завперте, тай не сподівався.
Ой, мій пане, пане Йване, Наливайків друже!
Що задав з ним зраду ляхам, задав та й байдуже
Ой, мій пане, пане Йване! Десь то ти сподівся,
Що у мурі, у темниці ляхам знадобився.
Ой, панове гайдамаки! Пана Йвана вспом'яніте,
Та за мого пана Йвана ляхам відомстіте!
Коли хочете Украйну до себе єднати,
30 То вам треба пана Йвана добром поминати.
Як Вкраїну тії ляхи до себе єднали,
Тоді наші з паном Йваном в поход виступали.
Як Украйну тії ляхи плюндровали, руйновали,
Тоді наші з паном Йваном ляхів воювали.
Ой, і ляхів воювали, як по Бугу стали,
То гетьмана Потоцького двічі заганяли.
Ой, і ляхів воювали, як по Пруту стали,
Того було, що й Цоцору добре плюндровали.
Добро було, добро було, та сталася й зрада,
40 Що забито пана Йвана у неділю зрана.
Добро було, добро було, біда прилучилась,
По дубовому помосту головка зкотилась.
Зкотилась головка з Лободиных плеч,
А Украйна сумовала, такі річі промовляла:

— Горе-біда, горе-біда! Хто нам поможе!
Ляхи не милують, змилуйся, боже!
Ляхи не милують, церкви руйнують,
У городах, у селах рублять, плюндрують.
Лободу поховали, іншого немає:
Біда Україні, що вона погибає.
Ой, не дай же, боже, загинути кравчині:
Як згине кравчина, й Україна згине!

№ 38—39

Про гетьмана Богданка

1

Ой, у городі у Терехтемирьовому дзвони дзвонили,
А панове козаки у раді рядили.
То ж вони рядили, що їм робити,
Чи дома сидіти, чи в поход виступати.
Виступали ж вони, у поход виступали,
На чайках, на дубах Дніпром рушали.
У сурми вигравали, пісні співали,
А которії найстаршії, такі річі казали:
— Пливемо ми Дніпром за чужим добром,
А своє добро зоставляємо ляхам з Стецьком.
Хоча ж той Стецько і шанує нас,
Подавав нам привілеї у добрий час;
Але як обмане, то лиха наберемось,
Що самі усі голісінькі зостанемось.
З чого він нам привілеї не вдавав,
Коли не з того, щоб усе повіднімав.
Вернітеся, панове! Чи не провідаємо що!—
То козаки то й вертали, усі мовчки мовчали,
До берега привертали, піші в город ступали.
Аж ляхи вже у городі як пани панували,
Срібло-злото лічили, між собою ділили.
То козаки то тоді на ляхів наступили,
Усіх було три тисячі, усіх і побили...
А тоді до короля листи писали,
Що хоча вони від його лиха не очекали,
Але від його ляхів лиха діждали.
То король тоді одвітні листи писав,
Що добре вони зробили, що ляхів тих побили.
То тоді то козаки королеві барзо дяковали.
І з гетьманом Богданком в поход виступали.

2

Ой, Богдане, Богдане, запорожський гетьмане!
Да чому ж в чорнім ходиш, да в чорнім оксамиті?
— Гей, були ж в мене гості да гості татарове:
Одну ніч ночовали, стару неньку зарубали, а миленьку собі взяли.
Гей, сідлай, хлопче, коня, коня вороного,
Татар швидко доганяти, миленьку одбивати.—
Гей, у чистім полі там татаре ночують і вечерю готують.
Татарин по табору ходить, миленьку за ручку водить.
— Гей, одсунься, миленька, нехай заб'ю татаренка!

10 — Чи заб'єш, чи не заб'єш, тільки мене з ума зведеш.
Чи влучиш, чи не влучиш, тільки мішкання розлучиш.
Ой, сідлай, милий, коня: ти ж не мій, я не твоя!
Гей, коли жива буду, то я тебе не забуду.

(Из Украин<ских> нар<одных> пес<ен> М. Максимовича, М. 1834, стр. 77)

№ 40—46

Про гетьмана Хмельницького

1

Чи не той то хміль, що коло тичин в'ється?
Гей, то той Хмельницький, що з ляхами б'ється.
Гей, поїхав Хмельницький і к Жовтому броду:
Гей, не один лях лежить головою в воду.
— Не пий, Хмельницький, дуже тої жовтої води.
Йде ляхів сорок тисяч хорошої вроди.
— А я ляхів не боюся і гадки не маю,
За собою потугу великую знаю.
Іще й Орду за собою веду,
10 І все, вражі ляхи, на вашу біду! —
Утікали ляхи, погубили шуби!
Гей, не один лях лежить, вищеривши зуби.
Становили ляхи дубовії хати,
Прийдеться ляшенькам у Польщу втікати.
Утікали ляхів деякії повки,
Ляхів їли собаки та сірії вовки.
Гей, там поле, поле, а по полю цвіти,
Не по однім ляху заплакали діти.
Гей, там річка, річка, через річку глиця,
20 Не по однім ляху зосталась вдовиця.

2

Ой, кому ж тоє, кому ж тоє знати, що треба починати?
Ой, Хмельницькому гетьману тоє знати, що треба, що треба починати.
Ой, кому ж тоє, кому ж тоє діяти, щоб козакам славу заручати?
Ой, Хмельницькому гетьману тоє діяти, щоб козакам славу заручати.
Ой, у городі, то у городі Бендері вернивода, вернивода з ручі,
Ізбиралися усі запорожці, бусурманів звучи.
— Гею, гею! бусурманці злії! Не пригоже вам супротив козаків стояти,
А пригоже вам, бусурманці, Польщу під себе єднати.
Гею, гею! бусурманці злії! Не пригоже вам з ляхами заєдино бути,
10 А пригоже вам, бусурманці, свою долю спом'янути.
Гею, гею! бусурманці злії! Не пригоже вам з волохами мириться,
А пригоже вам, бусурманці, з козаками биться! —
Тоді-то на чотири поля турки виходили, з самопалів, з гармат стріляли,
Тоді-то козаки-молодці турків насмерть рубили,
А порубавши, Бендер добували, гетьмана Хмельницького прохали:
— Ой, гетьмане Хмельницький! Порадуй нас! — такі річі казали.
Тоді-то понад Бендерю орли, сизі орли налітали,
Козакам-молодцям добич казали, козакам славу казали.
Тоді-то ляхи з Бендери втікали, турків і волохів зоставляли,
20 Козакам-молодцям добич казали, козакам славу казали.
Тоді-то козаки тую Бендер руйновали, слави набрали,
Із гетьманом Хмельницьким додому привертали.

ДЕВУШКА-УКРАИНКА
Картина М. В. Брянского (масло), 1850-е годы
Фототека Третьяковской галереи, Москва
Местонахождение оригинала неизвестно

3

Ой, з города, з Немирова хмара вихожала,
А кравчина запорожська до Хотії поспішала.
А в Хотії добрі люди самі себе знали,
Та польського пана Яна до себе єднали.
То не тілько що поляків до себе єднали,
Ще й супротив Хмельницького ув одно з їми стали
Ув одно з їми стали, ув одно з їми стали,
Пана Болощина під Жванці прохали.
Ой, кого вже не прохали, ой, кого вже не прохали,
Як супротив Хмельницького бучно вихожали.
Ой, кого вже не молили, ой, кого вже не молили,
Як товариші-молодці ув одно їх били.
Слава ж, слава, слава, повічная слава!
Дали себе знати козаки, що бог їх застава!
Слава ж, слава, слава, на всі літа многа!
Дали себе знати козаки, що Хмельницький їм підмога!

4

Ой, будеш, будеш, пане гетьмане, та нас шанувати,
Будеш землю волошську добром поминати!
Ой, будеш, будеш, пане гетьмане, то тоє знати,
Як землю Мултянську до себе єднати.

Ой, будеш, будеш, пане гетьмане, то тоє чтити,
Як Студеньку брати, сина щитити.
Ой, будеш, будеш, пане гетьмане, за тоє молиться,
Як під ⟨тими⟩ Студенцями станом становиться.
Виходь, виходь, пане гетьмане, у Жванськеє поле,—
Чи то наша буде Вкраїна, чи твоє Подоллє?
Виходь, виходь, пане гетьмане, до Жванського гая,
Чи то наша буде Вкраїна, чи твоя, святая?
Виходь, виходь, пане гетьмане, до Жванського луга,
Чи то наша буде Вкраїна, чи твоя Яруга?
Повій, повій, пане гетьмане, як той вітер віє,
Чи то наша буде Вкраїна, чи твоя Хотія?—
Вийшов пан Хмельницький під Жванці з кравчиной:
— Ой, прощайся, ляше, та із Волощиной!—
Вийшов пан Хмельницький під Жванці і з ханом:
— Ой, лядуй же, ляше, хто буде з нас паном?—
Вийшов пан Хмельницький по Жванському полю;
Запекли хлівоньку ляхи та тому Подоллю.
Вийшов пан Хмельницький до Святого гаю:
— Ой, покликни пана Яна, друже мій Нечаю!—
Ой, покликнув Нечай ляхів, де той вітер віє,
Ой, спізнали тоді ляхи, де їм станом стати,
Як гетьмана Хмельницького до себе єднати.

5

Ой, став пугач на могилі, та й крикнув він: пугу!
Чи не дасть бог козаченькам хоть тепер потугу.
Що день, що ніч дождемо, поживи не маєм.
Давно була! Хмельницького уже не згадаєм,
Ой, колись ми воювали, та більше не будем,
Того щастя, тої долі повік не забудем.
Та же шаблі заржавіли, мушкети без курків,
А ще серце козацькеє не боїться турків.

6

Ой, степом, степом буйний вітер віє, сонце хмара вкрила,
Що нашому пану Хмельницькому, гетьману Богдану, лихая година
Яка ж би то лихая година вельможному пану?
Хай на поміч іззиває хоч усю Украйну!
Ой, Украйна, Україна! Така твоя доля!
Що ковиллю порозмітана твоя вольна воля.
А твоя тая воля в татарського хана,
А твоя вольна воля в ляшського пана.
З'їзжайтеся всі козаки та раду чиніть,
Тоє кламство католицьке по-лицарську відомстили.
З'їзжалися всі козаки та раду чинили,
Та й під тою, що під Берестечком ляхів побідили.

7

Ой, у городі, то у городі у Бендері вернивода, вернивода з кручі,
Ізбиралися усі запорожці бусурманів звучи:
Ой, не так-то, ой, не так-то бусурманів запорожці звали,
Як самі ті бусурмани голосно проквиляли.

Ой, то ж воли, ой, то ж воли голосно проквиляли, біду собі нарікали,
Самі ж воли то й не знали, що то робити мали.
Що поки з найславним гетьманом Хмельницьким Богданом у дружбі пробували,
То і з військом запорожським у мирі пробували, богату здобич мали.
Як же того найславного гетьмана Хмельницького Богдана не стало на сім світі ставати,
Стала на їх, бусурманів, злая недоля бідой настигати.
Отак було, що не тілько військо найславного гетьмана Хмельницького Богдана оплакало,
Але й татарськеє людство по йому, по найславно́му трощитися мало.
Отак було, що хоч найславного гетьмана Хмельницького Богдана у могилі поховали,
Але його славу найкращу у пам'яті на вічні роки задержали!

№ 47—48

Про Гриця

1

Та встань, батьку, та встань, Грицю, кличуть тебе люди:
— Ой, як підеш на столицю, по-старому буде.
Ой, як підеш на столицю, попросиш царицю,
Чи не отда⟨с⟩ть наших земель, клейноти не верне...
— Не на теє, милі браття, Січ атаковала,
Щоб цариця наші землі, клейноти вертала.—
Тече річка невеличка, підмиває кручі,
Ой, заплакав пан кошовий, від цариці йдучи.
У суботу із вечора москаль наступає,
А в неділю під обід лагер розбиває.
Ходить москаль по куреню, запас одбирає,
Брали сребро, брали злато, восковії свічі.
— Оставайся, пан кошовий, з писарем на Січі.
— Благослови, отамане, на гаубвахті стати:
Москаль стане з шаблями, а ми з кулаками,
Нехай наша слава буде проміж козаками.

(Из малор⟨оссийских⟩ песен. 1836, стр. 55—56)

2

Велик світ наша мати, що нас породила,
Славно військо запорозьке тай занапастила.
Ой, став москаль куренями запас одбирати,
Московськії генерали церкви грабувати.
Беруть сребро, беруть злато, восковії свічі,
Зостається пан кошовий з писарями в Січі.
— Благослови, атамане, нам на башні стати.
Стидно ж буде білому цареві з пліч голову зняти.
— Ой, не велю з палачами, велю з кулагами,
Нехай наша слава іде поміж козаками.

(Доставлено В. В. Пассеком)

№ 49

Про полубітковську недолю

У неділю рано-порану
По затонах козаків порубано.
Та хоч би вже усіх порубано,
А то ще й у полон побрано.
А скілько їх порубано?
Три тисячі й триста на мало.
А скілько їх у полон побрано?
Три тисячі й триста на мало.

№ 50

Виїзжали пани полонці не ввечері, вранці,
Споминайте, панове, козацькії танці!
Виїзжали пани полонці у неділю свята,
Споминайте, панове, московського свата!
Виїзжали пани полонці ранком у неділю,
Споминайте, панове, московську постілю.
Виїзжали пани полонці по Красному місту,
Споминайте, панове, московську невісту.
Виїзжали пани полонці з Полубітком паном,
Прощайтесь, панове, з своїм паном гетьманом.
А в пана гетьмана у пазусі рильце,
Покотиться до Сибіру товстеньке барильце.

** № 51*

Пісня, яку співали тії запорожці, що відойшли до турка

Ой, прощай, прощай, світ біла Росія, тобі вольность зоставляем.
Ой, тим же тобі вольность зоставляем, що в себе батька не маем.
Ой, розсердився наш рідний батько, не признає нас за сина,
Отепер же ми, милі браття, ходім служить до вітчима.
Ой, вітчим же наш чоловік добрий, а рідний батько нічого.
Дасть нам поміч весевишній творець, що терпіли много.
Йому будемо служити всею правдою, він буде батько рідний,
Іще творець поможе вишній достать наш степ прирідний.

** № 52*

Ой, боже наш, боже милостивий,
Вродились ми в світі нещастливі,
Служили ми у полі і на морі,
А тепер зостались і босі і голі.
Старались ми землю заслужити,
Щоб в вільності нам віку дожити.
Гей, дав землю од Дністра до Бога,
Границею по Бендерську дорогу

№ 53

На послідне поруйнування Січі

В одно врем'я під Єлисаветом много орлів ізліталось,
В Москві-городі в засіданнім місті сенатори собирались.
Ой, собравшися вони в одно місто, стали способ собирати,
Як би з війська запорозького всі вольності одібрати.
— Ой, коли б же нам, пани сенатори, у них вольность одібрати,
То будем ми і потомки, як в отчизні поживати.
Ой, ізбрали вони собі способ добрий, запорозьцям волю дати,
Приказали вони по всій їх землі слободи заселяти.
Когда була з турком война, патретами поогиряли,
10 А запорозьці, люди добрії, їх ласкательства не знали,
Та тим сенаторам, як правдивим людям, во всім віри донимали
Ой, як дознали тії сенатори, а що запорозьці їм вірять,
Та й приказали запорозьку землю всю кругом мірять.
А розмірявши запорозьку землю, й на плани знімали,
А щоб запорозьці того не дознали, казани їм в Січ прислали;
Ой, як прислали на всі курені лішні міднії казани,
А за тії казани запорозькі всі пани були з Січі позабирані.
Ой, оце ж тобі, пане кошовий, за вірні твої служби,
Ой, як підеш в город, у столицю, наберешся нужди.
20 Ой, як привезли запорозьких панів в Москву-город спішно,
Ой, як посадили їх у неволю, стало сенаторам втішно.
Ой, утішались пани сенатори і меньшії генерали,
Що одібрали в запорожців землі, та й влодіють сами.

(Получено от В. В. Пассека)

ПРОВОДЫ РЕКРУТОВ
Картина И. И. Соколова (масло), 1851
Музей украинского искусства, Киев

Материалов, связанных с фольклором, среди бумаг Гоголя довольно много *. Они хранятся в разных архивах, многие из них опубликованы. Характер их, как и внешнее оформление, разные. Прежде всего следует отметить тетради, в которых записаны песни. Три из них (одна с записями русских и две — украинских песен) были обнаружены и опубликованы Г. П. Георгиевским («Песни, собранные Н. В. Гоголем». СПб., 1908, стр. 35—412) и одна М. Н. Сперанским («К истории собирания песен Гоголя». Нежин, 1912, стр. 23—44). Последняя тетрадь хранится в ЛБ, ф. 125, п. 40, лл. 401—424, среди бумаг Киреевского. Тетрадь впервые обнаружена при подготовке «Новой серии» (в. I, стр. LXIV). Публикаторы, особенно Георгиевский, считали, что в основной своей части записи Гоголя не зависят от печатных источников. Но дальнейшие исследования показали, что это не так (см. вступительную заметку к настоящей публикации и исследование С. А. Красильникова в сб. «Н. В. Гоголь», в. 2. М.— Л., 1936, стр. 377—406).

Песни, записанные Гоголем, встречаются также на отдельных листках, страницах писем и т. д. Песня «Наварыла сечевицы», неоднократно упоминавшаяся Гоголем в письмах, была опубликована В. И. Шенроком (Н. В. Гоголь. Письма, т. I. СПб., 1901, стр. 269), а затем вторично по автографу М. Н. Сперанским (Указ. изд., стр. 43—44). Отрывок песни «Черна роля заорана» записан в письме к Пушкину (Гоголь, т. X, стр. 317). Перевод украинской песни и несколько отрывков помещены в статье Гоголя «О малороссийских песнях» (Гоголь, т. VIII, стр. 91—93). Две украинских песни (колыбельная и «Рассердился мой милесенький»), хранящиеся в архиве ИРЛИ, опубликованы И. Я. Айзенштоком («Звезда», 1959, № 4, стр. 218—219). Запись песни «У сосида хата била» воспроизведена в сб. «Н. В. Гоголь», в. 2. М.— Л., 1936. Песни, возможно, из материалов, присланных Гоголю из дому, а также выписанные из печатных источников, записаны им в «Книге всякой всячины»; там же — украинские пословицы, игры, загадки, предания, обычаи и обряды (Гоголь, т. IX, стр. 495—538; коммент.— стр. 653—657).

В записных книжках Гоголя вообще много фольклорно-этнографических материалов. В записной книжке 1841—1844 гг.— записи по этнографии и фольклору Симбирской губ., сделанные со слов П. М. Языкова, о том, как строится изба, как называются ее части, описание быта и труда, обычаев и обрядов крестьян, диалектные слова и специальные названия. Иногда, чтобы пояснить слово, Гоголь приводит отрывок из песни, пословицу, загадку (воспроизведение книжки по автографу — см. Гоголь, т.VII, стр. 317—358; коммент. к ней — стр. 425—427). В записной книжке 1842—1844 гг., среди других записей, встречается описание одежды, поговорки, меткие выражения (Гоголь, т. IX, стр. 537—539; коммент.— стр. 657—659). В записной книжке 1846—1851 гг.— записи о праздниках и обрядах, выписки из «Русских простонародных праздников...» И. М. Снегирева (Гоголь, т. VII, стр. 359—390; коммент.— стр. 427—428).

Выписок из книги Снегирева у Гоголя было значительно больше, чем в указанной записной книжке. Три больших конспекта опубликованы в 1936 г. Г. С. Виноградовым («Н. В. Гоголь», в. 1. М.— Л., 1936, стр. 13—21, 41—45; то же: Гоголь, т. IX, стр. 420—427, 644—646). В отдельных тетрадях имеются также выписки из книги Сахарова «Сказания русского народа» (т. II, кн. 7. СПб., 1849) и заметки, основанные на собственных наблюдениях и беседах со знакомыми (Гоголь, т. IX, стр. 415—434; коммент.— стр. 644—646). Все эти записи связаны с работой писателя над «Мертвыми душами». Сюда же относятся и выписки из статьи А. Борисова «Село Лопуховка», напечатанной в «Саратовских губернских ведомостях» (1846, № 17, 27 апреля). Выписки эти, как и некоторые названные выше материалы, впервые опубликованы Г. П. Георгиевским в сб. «Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя», в. III. СПб., 1909.

Выше впервые публикуется тетрадь с записью украинских исторических песен и дум. ЛБ, ф. 74, к. 3, ед. хр. 4. Тетрадь описана Л. М. Ивановой («Записки Отдела рукописей» Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, в. 19. М., 1957, стр. 42—46) и П. Д. Уховым («Н. В. Гоголь — собиратель дум и украинских исторических песен».— «Известия Отделения литературы и языка», 1959, т. XVIII, в. 1, стр. 27—39). Две песни из тетради (№ 1—2 по нумерации настоящ. тома) опубликовал О. С. Романец («Народна творчість та етнографія», 1964, № 4, стор. 79—82).

Рукопись представляет собою тетрадь из 77 несшитых листов. Сплошной нумерации листов нет. Пронумерованы в верхнем углу листа чернилами те листы, на которых записаны песни (есть еще нумерация карандашом). Нумерованных листов 45. Песни переписаны несколькими почерками, в том числе Гоголем (№ 8, 16, 18, 21, 22, 28, 30, 51, 52). Песни, списанные рукою Гоголя, отмечены нами у порядкового номера звездочкой. Все заголовки также вписаны Гоголем (нами выделены разрядкой). Песни расположены в хронологическом порядке и сгруппированы вокруг главных героев или событий (подробно об этом см. в описаниях Л. М. Ивановой и П. Д. Ухова). Каждая группа песен, относящихся к одному герою, имеет заглавие и свою нумерацию.

П. Д. Ухов датирует рукопись 1836—1842 гг. (год выхода в свет сборника П. Лукашевича,— см. о нем далее,— на который в рукописи есть ссылка, и год смерти

* Преамбула к комментариям написана В. В. Митрофановой; комментарии к отдельным песням — И. Я. Айзенштоком.

В. В. Пассека, от которого получены некоторые песни). Эти даты можно было бы несколько раздвинуть, если учесть, что песни могли заноситься в рукопись не в один год, а от В. В. Пассека Гоголь мог получить песни не лично, а через кого-нибудь из общих знакомых.

Источники песен указаны Гоголем в рукописи только в пяти случаях: № 10, 48 и 53 получены от В. В. Пассека; № 39 — «из Украинских народных песен М. Максимовича. М. 1834, стр. 77»; № 47 — «из Малорос. песен 1836, стр. 55—56». Но, кроме этих песен, многие имеют соответствия с песнями, опубликованными в сборниках, известных в то время. Ниже, для удобства читателей, приведена таблица этих соответствий по сборникам: Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем. М., 1827 (Максимович, 1827); И. Срезневский. Запорожская старина. Харьков, 1833—1835 (Срезневский); Украинские народные песни, изданные Михаилом Максимовичем. М., 1834 (Максимович, 1834); Малороссийские и червонорусские народные думы и песни. СПб., 1836 (Лукашевич). Звездочкой отмечены песни, совпадающие частично.

Гоголь	Максимович, 1827	Срезневский	Максимович, 1834	Лукашевич
№ 1	—	—	—	—
№ 2	—	ч. I, в. 1, стр. 31	стр. 71	—
№ 3	—	—	—	стр. 11*
№ 4	—	ч. I, в. 1, стр. 36—38	стр. 85	—
№ 5	—	ч. I, в. 1, стр. 38—42	стр. 86—87	—
№ 6		ч. I, в. 1, стр. 42		
№ 7		ч. I, в. 1, стр. 49		
№ 8		ч. I, в. 1, стр. 74	стр. 95	
№ 9		ч. I, в. 1, стр. 60*	стр. 90*	
№ 10				
№ 11		ч. I, в. 1, стр. 33		
№ 12		ч. I, в. 1, стр. 34	стр. 78	
№ 13		ч. II, в. 4, стр. 20		
№ 14		ч. II, в. 4, стр. 24		
№ 15		ч. II, в. 4, стр. 26—27		
№ 16		ч. II, в. 4, стр. 32		
№ 17			стр. 101*	стр. 32*
№ 18		ч. II, в. 4, стр. 57		
№ 19		ч. II, в. 4, стр. 47		
№ 20		ч. II, в. 4, стр. 54		
№ 21		ч. II, в. 4, стр. 71	стр. 109	
№ 22	стр. 18, № 13	ч. I, в. 1, стр. 58		
№ 23		ч. II, в. 4, стр. 62		
№ 24		ч. II, в. 4, стр. 68		
№ 25		ч. II, в. 4, стр. 76		
№ 26		ч. II, в. 4, стр. 79	стр. 110	
№ 27		ч. II, в. 4, стр. 81		
№ 28				стр. 47
№ 29	стр. 26, № 18	ч. III, стр. 27*	стр. 111	
№ 30			стр. 114	
№ 31		ч. II, в. 4, стр. 14*		
№ 32		ч. II, в. 4, стр. 15*		
№ 33		ч. II, в. 4, стр. 18		
№ 34		ч. II, в. 4, стр. 58*		
№ 35		ч. II, в. 4, стр. 59		
№ 36				

Продолжение

Гоголь	Максимович, 1827	Срезневский	Максимович, 1834	Лукашевич
№ 37		ч. I, в. 1, стр. 53*		
№ 38				
№ 39			стр. 77	
№ 40		ч. II, в. 4, стр. 12	стр. 96	
№ 41				
№ 42		ч. II, в. 4, стр. 35		
№ 43		ч. II, в. 4, стр. 36		
№ 44		ч. II, в. 4, стр. 46	стр. 129	
№ 45				
№ 46		ч. II, в. 4, стр. 33*		стр. 55
№ 47				
№ 48				
№ 49				
№ 50		ч. III, стр. 11		
№ 51		ч. III, стр. 12		
№ 52				
№ 53				

Как видно из этой таблицы, наибольшее количество соответствий обнаруживается с публикациями «Запорожской старины» Срезневского. Совпадения, не отмеченные звездочками, дословные. Различия заключаются в буквах, правописании, очень редко в словах. Подобная близость может быть только при списывании. От Гоголя Срезневский текстов не получал, следовательно, в тетрадь Гоголя тексты попали из «Запорожской старины», которую он высоко ценил (см. Гоголь, т. X, стр. 298, 300, 321, 368).

Некоторые песни совпадают с вариантами «Запорожской старины» и «Песен», изданных в 1834 г. Максимовичем (№ 2, 4, 5, 8, 12, 21, 26, 29, 40, 44). П. Д. Ухов (стр. 37) относительно этих песен высказал предположение, что это могут быть те варианты, которые Гоголь передал Максимовичу, а из сборника Максимовича они попали к Срезневскому. О песне № 2 О. С. Романец также говорит, что она была передана Гоголем Максимовичу. С этим мнением нельзя согласиться. Песни № 2, 4, 8 в публикации Максимовича имеют примечание, что они взяты из «Запорожской старины». Кроме того, в. 1 «Запорожской старины» вышел в 1833 г., а «Песни» Максимовича, для которых мог собирать материал Гоголь,— в 1834. Предположение П. Д. Ухова может быть отнесено только к песням № 21, 26, 40, 44, имеющим соответствия во второй части «Запорожской старины», где уже есть заимствования из «Песен» Максимовича. Слишком большая близость текстов Гоголя к изданию Срезневского, а не Максимовича ставит под сомнение гипотезу о пути песен от Гоголя — к Максимовичу — к Срезневскому.

П. Д. Ухов отмечал, что Гоголь «считал возможным из нескольких вариантов составлять один» (стр. 38). Утверждение это, в общем, очевидно, правильное, проиллюстрировано неудачным примером двух песен (№ 44—45), принятых за одну. В рукописи действительно эти песни записаны как одна, без отступа. Но переписчик, заметив ошибку, поставил между концом песни № 44 и началом песни № 45 цифру 6. Это действительно шестая песня в цикле о Хмельницком. Разночтения песни № 45 Гоголя с вариантами из сборника Максимовича, отмеченные П. Д. Уховым, устраняются сопоставлением с этой же песней из «Запорожской старины»; это еще раз свидетельствует о том, что источником для Гоголя были не издания Максимовича, а Срезневского. Но у Гоголя все же были компиляции, может быть, он дописывал по памяти, может быть, пользовался печатными источниками. Во всяком случае, в некоторых песнях (№ 3, 9, 17, 31, 32, 37, 42, 46) отмечается совпадение отдельных частей их с публикациями Срезневского, Лукашевича, Максимовича. Особенно интересны песни № 9, 32, 37, 42. В песнях 42 и 37 начало полностью совпадает с публикацией Срезневского. Но песни Гоголя значительно длиннее. Предположить самостоятельную запись при таком дословном совпадении больших кусков текста трудно, скорее это компиляция. В песнях 9, 32 при общем совпадении с вариантами Срезневского дополнительные куски включены в середину текста.

Вопрос о назначении рукописи, цели, для которой Гоголь записывал песни, может быть решен только предположительно. Одинаково правомочны два решения: собирание

для подготовки сборника исторических песен и подбор материалов для какой-то очередной работы писателя. В пользу первого решения П. Д. Ухов (стр. 35) отмечал одинаковость бумаги, на которой написаны песни, тщательность переписки, в то время как заметки, необходимые для творческих целей, Гоголь писал более небрежно и на разной бумаге. Наличие чистых листов после песен о каждом герое, по мнению П. Д. Ухова, тоже свидетельствует о подготовке к печати, здесь должен был быть вписан справочный материал. Но, во-первых, никаких заготовок для справочного материала нет, даже нет сведений об источниках. Кроме того, чистые листы могли быть оставлены для записи новых песен о тех же героях. Тщательность переписки не может служить доводом. В рукописном отделе ИРЛИ хранится тетрадь, принадлежавшая Гоголю, с выписками из творений отцов церкви. Они тоже сделаны очень тщательно, но явно не для печати. Скорее всего, песни нужны были Гоголю для работы над его художественными произведениями и прежде всего над второй редакцией «Тараса Бульбы». За это говорит и время составления сборника (1836—1842), и переписка писателя, отражающая упорный интерес к историческим песням в этот период. Связь второй редакции «Тараса Бульбы» с украинскими историческими песнями и думами неоднократно отмечалась в науке (см. Гоголь, т. II, стр. 708—724, а также: А. Карпенко. Народные истоки эпического стиля исторических повестей Н. В. Гоголя. Черновцы, 1961; там же свод библиографии по вопросу). Карпенко убедительно показал зависимость стиля исторических повестей Гоголя от песен про Саву Чалого, Перебийноса, Хмельницкого, Морозенку, Наливайко, Тетеренко, казака Жадченко, т. е. от песен про тех героев, о которых записаны песни в рукописи Гоголя, и именно в этих вариантах.

№ 1. Источник текста не установлен; отчасти текст перекликается с *ЗС*, в. 1, стр. 27—31; *М.* 1834, стр. 73. Публикацию (О. С. Романца) этой и следующей песен — см. «Народна творчість та етнографія», 1964, № 4, стор. 79—82. Там же подробно разбирается (хотя не решается) остающийся до сих пор спорным вопрос о поддельности всего цикла песен о Свирговском, либо, по крайней мере, отдельных записей, восходящих к *ЗС*; ср. Вл. Антонович и М. Драгоманов. Исторические песни малорусского народа, т. I. Киев, 1874, стр. 162—163.

Упоминаемый в песне Иван *Свирговский* в действительности звался Сверчовским; он не был казачьим гетманом, а, как указывают Антонович и Драгоманов, «начальником разнокалиберной милиции, навербованной молдавским господарем Ивонею ‹Иоанном Армянином.— *И. А.*› на помощь против турок» (указ. соч., стр. 163). В 1574 г. войско Сверчовского одержало несколько побед над турками, но было окружено и пленено в устье Дуная. Попал в плен также Сверчовский; позднее он был выкуплен из неволи родственниками. См. о нем также *ЗС*, в. 2, стр. 89—98.

№ 2. ЗС, в. 1, стр. 31—33 («Вторая надгробная песнь Свирговскому»); *М.* 1834, стр. 71—72.

№ 3. М. 1834, стр. 106—107, с вар. — *Байда* — легендарный герой украинского народного эпоса (XVI в.). Максимович называет песню о нем «полубаснословной». Очень рано, с конца XVI в., образ Байды обычно отождествлялся с личностью Дмитрия Вишневецкого (ум. в 1563 г.), возглавлявшего борьбу казацких отрядов с турками и крымскими татарами. См. М. Г. Халанский. Малорусская дума про Байду. Харьков, 1905; Іван Франко. Студії над українськими народними піснями, т. I. Львів, 1913, стор. 94—95.

№ 4. ЗС, в. 1, стр. 36—38 («Сожжение Могилева»); *М.* 1834, стр. 85.— Северин *Наливайко* (ум. в 1597 г.; в народной памяти и в исторических хрониках он иногда называется Павлом) — популярный предводитель широкого казацко-крестьянского восстания против Речи Посполитой. После поражения восстания он вместе с некоторыми другими предводителями был выдан шляхетским войскам, отвезен в Варшаву и казнен. Историческое событие, упоминаемое в песне, не может быть установлено с достоверностью и неоднократно подвергалось сомнению. Об этом Срезневский упоминал в одном из следующих выпусков своего собрания. «Мне говорят,— писал он,— что сия песнь ‹...› сочинена гораздо позднее, может быть, в конце XVIII века, и что имя Наливайко попалось в нее случайно. Очень хорошо, но где же доказательства? Пока не буду иметь об них сведений, не могу и отстать от прежнего мнения своего, которое притом утверждается хоть на небольших доказательствах» (*ЗС*, в. 3, стр. 81—82). *Кравчина*, по объяснению Максимовича, «так называло себя запорожское войско при Наливайко — не потому ли, что сей любимый их вождь сначала занимался шитьем кожухов (тулупов), был кравець (портной)? Это обращалось ему в укор и насмешку от противников, что и могло заставить запорожцев гордиться этим и нарочно принять себе это имя» (*М.* 1834, стр. 66). С этим объяснением согласился и Срезневский (*ЗС*, в. 3, стр. 83—86), первоначально выдвигавший иное объяснение слова.

№ 5. ЗС, в. 1, стр. 38—42 («Убиение Наливайка»); *М.* 1834, стр. 86—87. Комментируя эту песню, Срезневский ссылался на свидетельства украинских и польских историков-летописцев (*ЗС*, в. 3, стр. 84—91). Советская филологическая наука склонна считать обе песни про Наливайко фальсификациями Срезневского, источником которых оказались соответствующие эпизоды «Истории Руссов» (А. Шамрай. Харківські поети 30—40 років XIX століття. Харківська школа романтиків. Харків, 1930, стор. 38—39).

№ 6. ЗС, в. 1, стр. 42—48 («Отступник Тетеренко»). Об исторической основе этой и следующей песен Срезневский писал так: «Федор Тетеренко был есаул Каневского куреня и защищал Каневские казачьи поселения. ⟨...⟩ В сем деле помогал ему, вероятно, отец его, Тетеря, кошевой атаман. ⟨...⟩ Отец с сыном, как говорит песнь ⟨...⟩, взяты в плен, отвезены в Варшаву и посажены в тюрьму, однако имели случай уйти и разбить поляков у города Бендер и татар у Аккермана. Неизвестно, какой случай заставил Тетеренко перейти на сторону поляков, принять унию, сделаться отступником от веры предков. Может быть, он был одним из первых отступников между казаками» (*ЗС*, в. 3, стр. 95—96). Н. И. Костомаров среди фольклорных фальсификаций Срезневского назвал также две песни о Тетеренко, заметив, впрочем, что они «представляют менее явных черт, обличающих ненародное происхождение» (Н. Костомаров. Историческая поэзия и новые ее материалы.— «Вестник Европы», 1874, № 12; «Етнографічні писання Костомарова». ДВУ, 1930, стор. 331).

№ 7. ЗС, в. 1, стр. 49—53 («Убиение Тетеренка»).

№ 8. ЗС, в. 1, стр. 74—76 («Надгробная песнь Чураю»); *М*. 1834, стр. 95. В комментарии Максимович сообщал, что «храбрый Чурай, полковой асаул, захваченный в битве близ Старицы, замучен в Варшаве в 1638 г., вместе с гетьманом Степаном Остраницею и другими». Срезневский, комментируя песню, сослался на «Историю Руссов» (*ЗС*, в. 3, стр. 145—146), а Костомаров подчеркнул, что весь эпизод с мучительной казнью Остраницы и его сподвижников «есть чистый вымысел, и самое имя Чурая, как и прочие имена ⟨...⟩ сотоварищей Остряницы, очевидно, вымышлены» («Етнографічні писання Костомарова», стор. 331).

№ 9. ЗС, в. 1, стр. 60—73 («Подвиги Савы Чалого»); *М*. 1834, стр. 90—94. По замечанию Срезневского, «Сава Чалый — один из любимцев памяти народной: бандуристы поют о нем много песен — очень любопытных; в них описана вся жизнь его довольно подробно» (*ЗС*, в. 3, стр. 122). Максимович также называет песню «весьма любимой в народе» и отмечает, что данный ее текст «составлен г. Срезневским из многих», а также что «последние четыре куплета принадлежат к песне о Нечае».

№ 10. Текст этой песни, как равно песен № 48, 53, «доставлен от В. В. Пассека», т. е. Вадима Васильевича Пассека (1808—1842), статистика, этнографа, фольклориста. На упоминания Гоголя о Пассеке обратил внимание П. Д. Ухов, отметив их «загадочность», поскольку нигде в известных материалах имена Гоголя и Пассека не объединяются в какой бы то ни было связи («Как и когда он ⟨Пассек⟩ свои записи передал Н. В. Гоголю — неизвестно».— «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», 1959, т. XVIII, в. 1, стр. 36). Думается, личное знакомство Гоголя с Пассеком можно предположительно, но с большой долей вероятия, датировать *октябрем 1839 г.* 26 сентября с. с. 1839 г. Гоголь приехал из-за границы в Москву и поселился у М. П. Погодина. 1 октября того же года в Москву приехал Срезневский, направлявшийся в длительную поездку по славянским землям. Здесь при содействии Погодина состоялось личное его знакомство с Гоголем (заочно они познакомились и вступили в переписку за несколько лет перед тем); о впечатлениях этого знакомства Срезневский подробно рассказал в письмах к матери («Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель. 1839—1842». СПб., 1895, стр. 15, 16, 20). Тогда же в Москву приехал В. В. Пассек; с ним Срезневский виделся еще по пути в Москву, в Туле, затем встретил его в Москве 9 октября и до своего отъезда в Петербург 17 октября встречался почти ежедневно (там же, стр. 5, 9, 17, 20, 22). Через Срезневского Пассек мог передать несколько своих песенных записей Гоголю,— на это как будто намекает формула «доставлено от В. В. Пассека». Впрочем, отнюдь не исключено и личное их знакомство.

№ 11. ЗС, в. 1, стр. 33—34 («Убиение Серпяги»). Максимович, со ссылкой на Срезневского, отметил, что «Иван Серпяга ⟨...⟩ есть народное имя гетьмана, столь известного в истории под именем Гана Подковы. ⟨...⟩ Серпяга был приглашен на Молдавское господарство, но изменнически убит во Львове в 1578 г. и похоронен в Каневе товарищем и другом своим гетьманом Шахом или Жахом» (см. песню № 12; *М*. 1834, стр. 78). Антонович и Драгоманов (т. I, стр. XXII—XXIII) отнесли к «категории поддельных» песен весь цикл (одна дума и четыре песни) о Серпяге, допустив, однако, исключение для настоящей песни: «Может быть, безымянная казацкая песня, подправленная». Дополнительную аргументацию изложил Костомаров («Етнографічні писання Костомарова», стор. 323—324; ср. Катерина Грушевська. Українські народні думи, т. I. ДВУ, 1927, стор. XXXVII—XXXVIII).

№ 12. ЗС, в. 1, стр. 34—36 («Надгробная песнь Серпяге»); *М*. 1834, стр. 78—79.

№ 13. ЗС, в. 4, стр. 20—24 («Поход под Пиляву»).— *Пилява* — местечко на Подолии. Здесь 6 августа 1648 г. казацкие отряды под общим командованием Богдана Хмельницкого наголову разбили и обратили в бегство польские войска, захватив богатую военную добычу (см. *ЗС*, в. 5, стр. 26—31). О мифическом «гетмане Богданке» упоминается в «Истории Руссов»; сводку сведений о нем дает Срезневский (*ЗС*, в. 2, стр. 98—104; ср. также стр. 135—136, где он именуется «гетманом запорожским Богданком Ружным»).

№ 14. ЗС, в. 4, стр. 24—25 («Поход под Пиляву»).— «*По сім боці Случи*». — Река Случь по Зборовскому трактату была объявлена государственной границей между Польшей и Украиной.

№ 15. ЗС, в. 4, стр. 26—27 («Битва Слуцкая»).

№ 16. ЗС, в. 4, стр. 32 («Яссы»). Первые два ст. повторяются (в двух вар.) в опубликованной Срезневским думе «Поход в Молдавию», на основе которой он реконструировал исторические события, отрицаемые хронистами, т. е. участие Богдана Хмельницкого в молдавском походе (*ЗС*, в. 4, стр. 28—32; ср. также в. 5, стр. 167—173). Комментируя последний ст. песни,— о том, что «волохи» убежали из Сочавы «на четыре года»,— Срезневский пояснил: «На четыре года, т. е. до того времени, как, по смерти Тимофея Хмельницкого, этот город вновь достался молдавцам» (стр. 171).

№ 17. Текст является контаминацией отрывка: *М.* 1834, стр. 101, и Лукашевич, стр. 32—33. Оба автора указывают, что Перебийнос песни есть «храбрый Максим Кривонос», «один из первых сподвижников Хмельницкого в начале восстания южной России против Польши». Лукашевич, кроме того, сообщает, что Перебийнос-Кривонос «прославился взятием Полонного и Бары, но, будучи разбитый под Пилявою, был взят в плен и казнен» (1648). См. также Антонович и Драгоманов, т. II, стр. 46—48.

№ 18. ЗС, в. 4, стр. 57—58 («Юрий Хмельниченко»).— Юрий *Хмельниченко* (1641—1685) — младший сын Богдана Хмельницкого. В 1657 г., после смерти отца, был избран гетманом (первое время номинально; фактическим гетманом был Выговский), пытался вести «антимосковскую» политику, служа попеременно то польскому королю, то татарскому хану и турецкому султану. Несколько раз он отрешался от гетманства, был даже пострижен в монахи и заточен в монастырь. В конце концов, за измену, стяжательство и жестокость был осужден и задушен. В другом месте Срезневский дал этой песне название «Песня на пострижение Юрия в монахи». Название это он объяснял следующим образом: «Может быть, и слишком смело я дал такое название песне ⟨...⟩; но думаю, что она должна относиться именно к 1662 году, когда Юрий Хмельницкий, пытаемый неудачами, решился проститься с миром и под клобуком монашеским искать утешения в горе». Приведя затем русский перевод песни, Срезневский снова настаивал на предложенном им заглавии: «Тут только слова „монах" не случилось, а понять нетрудно, что дело идет о перемене казацкого жупана и сабли на рясу и клобук» (*ЗС*, в. 6, стр. 126—127). Рассказу о судьбе Юрия Хмельницкого, «осрамившего память своего отца, столько же разорившего Украину, сколько отец ее любил, столько же презренного памятью народной, сколько отец для нас драгоценен», Срезневский посвятил статью «Юрий Хмельницкий. 1658—1680» (*ЗС*, в. 6, стр. 25—51).

№ 19. ЗС, в. 4, стр. 47—53 («Пушкарь и Выговский»).— После смерти Богдана Хмельницкого генеральный войсковой писарь Иван *Выговский* (ум. в 1664 г.), воспользовавшись крайней молодостью Юрия Хмельницкого, добился его устранения и, при поддержке Речи Посполитой, был провозглашен гетманом (1657—1659). Его политика, направленная на отрыв Украины от Московского государства, на ее подчинение Речи Посполитой, на фактическое закрепощение казачества, вызвала широкое недовольство народных масс; во главе недовольных стал полтавский полковник Мартын *Пушкарь* (ум. в 1659 г.). См. статью И. Срезневского «Выговский и Пушкарь. 1657—1658» (*ЗС*, в. 6, стр. 1—24). Упоминаемые в песне имена Стефана *Омельченко* и Трофима *Сороки*, о которых «летописи молчат», Срезневский предположительно объяснил следующим образом: «Был *один* только Стефан из всех лиц, действовавших во время Выговского, Стефан Сулима ⟨...⟩ Он мог прозываться и Омельченком, как Адамович назывался Волочаем, Джеджелей, Чичаем и т. п. ⟨...⟩ Об этом Стефане Сулиме читаем у Рогелевского, что он был прежде на стороне Пушкаря, но потом отстал от него. В песне говорится напротив; но почему не мог он перейти на сторону Выговского опять, после события, упоминаемого в песне? Полагаю, что Стефан Омельченко есть не кто другой, как *Сулима Стефан*» (там же, стр. 115). Относительно Трофима Сороки Срезневский указывает на следующее: «Три Трофима принимали участие в борьбе Выговского с Пушкарем: один Трофим Жученко ⟨...⟩, другой — Небаба, сотник Кальницкий, третий Гуляницкий, брат Григория, полковника Нежинского, судья того же полка и потом, если не в то же время, атаман некоторой части низовых казаков. Жученки были всегда на стороне Пушкаря; Небаба был не более как сотник, а следовательно, Трофимом Сорокою мог быть один Гуляницкий» (стр. 115—116). Исходя из этих соображений, Срезневский высказывает ряд догадок о «битве голтвянской» (стр. 117—118).

№ 20. ЗС, в. 4, стр. 54—55 («Пушкарь и Выговский»).

№ 21. ЗС, в. 4, стр. 71—72 («Гордиенко»); *М.* 1834, стр. 109—110 («Песня о Гордиенко»).— Константин *Гордиенко* (ум. в 1733 г.) — кошевой атаман Запорожской Сечи, сперва тайный, потом явный сторонник Мазепы. В марте 1709 г. открыто перешел на сторону Карла XII, получив от него щедрые денежные подачки. Измена Гордиенко вызвала на Сечи восстание, во главе которого оказались тайные агенты Мазепы; они пытались придать восстанию антирусский характер. Это вызвало ответные меры русского командования: 14 марта 1709 г. русские войска заняли Сечь, почти покинутую к этому времени запорожцами. Упоминание в песне имени Голицына — анахронизм: Василий Васильевич *Голицын* (1643—1714) в 1680-х годах содействовал окончательному освобождению Киева и Украины от польских притязаний. В 1687 г. украинские

казацкие полки приняли участие в возглавлявшемся Голицыным неудачном походе в Крым. Позднее Голицын был сослан на Север и умер в ссылке.

№ 22. ЗС, в. 1, стр. 58—60 («Поход Сагайдачного»), с ссылкой (стр. 119) на *М.* 1827, стр. 18—19. Это — одна из популярнейших украинских народных песен: ранние ее записи относятся к первой половине XVIII в. (В. Н. Перетц. Заметки и материалы для истории песни в России. I—VIII. СПб., 1901, стр. 31). По традиции считается, что в песне идет речь о каком-то походе казаков (м. б., походе 1621 г. против турок?), возглавлявшемся гетманом украинских реестровых казаков в 1625—1628 гг. Михайлом *Дорошенко* и гетманом малороссийским Петром *Конашевичем-Сагайдачным* (ум. в 1622 г.). Противоречит такому предположению то, что политическая карьера Дорошенко утвердилась уже после смерти Сагайдачного. Поэтому, например, Максимович считал, что «под именем Сагайдачного должно разуметь какого-нибудь из числа чиновников куреня, а не того славного, неустрашимого гетьмана Конашевича-Сагайдачного, который был и действовал лет за 60 до предприимчивого Дорошенко» (*М.* 1827, стр. 214; ср. «Телескоп», 1834, № 6, стр. 92). Возражая Максимовичу, Срезневский писал: «Может быть, и правда, но доказательства? И почему же о спутнике Дорошенко народ, сколько мне известно, не знает ничего, как между тем гетман Сагайдачный упоминается и в сказках, хотя жил и прежде Дорошенко? Помня Дорошенко, народ, конечно, помнил бы и его спутника, если сложил о нем песню» (*ЗС*, в. 3, стр. 108). Чтобы еще подкрепить свои возражения Максимовичу, Срезневский высказывал следующее предположение: «В то время, к которому относится песня, он ⟨Дорошенко⟩ был, вероятно, еще бунчужным, который, по обычаю казацкому, с бунчуком гетьманским всегда шел перед войском, сопровождаемый славной дружиной казаков реестровых» (там же, стр. 107—108).

№ 23. ЗС, в. 4, стр. 62—68 («Палий в темнице»).— Семен *Палий* (ум. в 1710 г.) — казацкий полковник, один из руководителей освободительной борьбы украинских крестьян и казаков с польской шляхтой на Левобережной Украине (конец XVII и начало XVIII вв.), убежденный сторонник «московской» (русской) ориентации и потому столь же убежденный противник гетмана Ивана Мазепы. В 1704 г. по ложному доносу Мазепы был сослан Петром I в Сибирь; в 1708 г. освобожден. По словам Срезневского, «Палий — один из немногих лиц старины, заслуживших особенную любовь памяти народной. Несмотря на то что в Украине все более и более забывают дела давно минувших дней, — Палий еще памятен, и мне случалось иногда слушать о нем народные рассказы, особенно от бандуристов. В этих рассказах много нелепостей, нет никакого историцизма, никаких намеков на события, но они заслуживают внимания тем, что выражают собою понятия народные о лице замечательном и по делам, и по любви к нему народа» (*ЗС*, в. 6, стр. 162—163; ср. также стр. 86—109, 141—148, 164). Иван (а не Максим, как он назван в песне) *Искра*, полтавский полковник; вместе с другом своим Василием Кочубеем, одним из высших чинов в украинской администрации (генеральный писарь, генеральный судья), пытался раскрыть Петру I изменнические планы Мазепы, но был выдан последнему и казнен (1708).

№ 24. ЗС, в. 4, стр. 68—70 («Палий в Сибири»).

№ 25. ЗС, в. 4, стр. 76—78 («Палий под Полтавой»).

№ 26. ЗС, в. 4, стр. 79—80 («Мазепа»), с ссылкой (стр. 84) на *М.* 1834, стр. 110—111. Как отмечает Максимович, «песня сия ⟨...⟩ сложена около 1710 года, вскоре после того, как окончились вероломные замыслы Мазепы и признана невинность погибших от него Кочубея и Искры». Срезневский высказал предположение, что «под „миргородским паном“ в песне, вероятно, разумеется полковник миргородский Данила Апостол, 1654—1734, сначала бывший на стороне Мазепы, но потом отставший и, наконец, удостоенный звания гетмана 1727—1734» (*ЗС*, в. 6, стр. 161).

№ 27. ЗС, в. 4, стр. 81—82 («Смерть Мазепы»).— Иван *Мазепа* (1644—1709) после поражения шведских войск под Полтавой бежал вместе с Карлом XII в Турцию и там вскоре умер. Комментируя эту песню, Срезневский заметил о Мазепе: «Проклятие, наложенное на его имя, слишком сильно впечатлелось в умах украинцев,— и до сих пор это проклятие преследует имя Мазепы, которое сделалось самым поносным ругательным именем» (*ЗС*, в. 6, стр. 158).

№ 28. Лукашевич, стр. 47—48. Публикацию песни Лукашевич сопроводил коротким замечанием: «... о „рыцаре“ этой думы ⟨...⟩ мы ничего не знаем». Возможно, оговорка была продиктована цензурными соображениями: казак Микита *Швачка* был одним из местных руководителей крестьянского восстания на Украине 1768—1769 гг., получившего название гайдаматчины, или колиивщины. Отряды Швачки действовали в районах Белой Церкви, Василькова, Фастова. В июле 1768 г. повстанцы Швачки были разгромлены, а сам он схвачен и сослан в Сибирь; однако и позже многие повстанцы в разных местах Украины принимали имя Швачки. Это отчасти объясняет количественную значительность и вместе с тем большую пестроту посвященного Швачке народно-песенного цикла.

№ 29. М. 1834, стр. 111—112 («Песня о выходе на Линию»); *ЗС*, в. 7, стр. 27—28 («Поход на Линию»), без заключительных 13 ст., которые, по мнению Срезневского, «принадлежат к другой песне» (стр. 34); *М.* 1827, стр. 26—28. Комментируя песню,

Максимович приурочил ее к 1716 г. (у него напечатано 1761, но это очевидная опечатка), когда «20 000 казаков и 10 000 малороссийских крестьян были посланы для делания пограничной укрепленной линии между Днепром и Донцом». Строительство «линии», производившееся по указу Петра I, вызывалось необходимостью укрепить южные границы государства от вооруженного нападения врагов (турок, крымских татар). Упоминаемый в песне «гетьман» — Иван *Скоропадский* (1708—1722). В Глухове при Скоропадском была гетманская резиденция.

№ 30. М. 1834, стр. 114 («Песня о Степане Жадченке»). По предположению Максимовича, «может быть, относится к 1736 г.»; основание такой датировки неизвестно.

№ 31. Текст представляет собою контаминацию первой песни «Морозенко» в *ЗС*, в. 4, стр. 14—15 (ст. 1—6) с песней, источник которой не установлен. С именем «казака Морозенко» связано значительное число народных песен, тематически охватывавших события нескольких десятилетий: борьбу украинского народа второй половины XVII в.— с татарами, турками, поляками. Срезневский попробовал дать обобщенную, основанную почти исключительно на пересказе песенного материала, характеристику Морозенко,— храброго сердцем и чистого душою казацкого «рыцаря», любимца и вождя казацкой массы; эта суммарная характеристика сопоставляется с характеристикой «случайного счастливца», пронырливого, умевшего всегда устраивать собственные делишки, гетмана Брюховецкого («Бруховецкий и Морозенко. 1668» — *ЗС*, в. 6, стр. 52—63). В другом месте Срезневский был вынужден, однако, признать, что «до сих пор трудно сказать что-нибудь положительное о характере действий этого героя ‹Морозенко›, любимца народной памяти», так как «разбросанные упоминания летописцев ни к чему не ведут, а народная память сохранила немногие события» (там же, стр. 128).

№ 32. ЗС, в. 4, стр. 15—18 («Морозенко»); в текст песни вкраплены два отрывка (ст. 7—14, 33—34) из неустановленного источника.

№ 33. ЗС, в. 4, стр. 18—20 («Морозенко»). Упоминание о том, что поляки Морозенко «ще й по Жванцю знають», намекает на участие героя в Жванецкой битве (1653), в которой казацкими отрядами Богдана Хмельницкого и войском крымского хана Ислам-Гирея был осажден главный польский военный лагерь. Полякам удалось склонить на свою сторону Ислам-Гирея и таким образом, хотя и с большими потерями, уйти от сдачи на милость победителей.

№ 34. Источник текста не установлен; лишь ст. 1—4 соответствуют начальным двум куплетам первой песни «Смерть Морозенка» в *ЗС*, в. 4, стр. 58—59.

№ 35. ЗС, в. 4, стр. 59—62 («Смерть Морозенка»).

№ 36. Источник текста не установлен.

№ 37. ЗС, в. 1, стр. 53—58 («Подвиги Лободы»); *М.* 1834, стр. 88—90 («Песня о Лободе»). Гоголевский текст содержит ряд вар.; наиболее значительные — в ст. 33—34, 41—52. И Срезневский и Максимович в комментариях характеризуют полковника Ивана Лободу главным образом по «Истории Руссов». Так, Максимович сообщает, что Лобода «еще при Косинском ходил под Белград (1593), сжег Цецору и разграбил Яссы (1594); потом он был другом и главнейшим сподвижником Наливайка, с коим вместе и погиб в Варшаве». Замечания Срезневского, основанные на тех же фактических данных, без малейших попыток их проверки, характеризуются вместе с тем откровенной полемичностью в отношении «летописцев», незаслуженно позабывших «первого героя запорожского, осмелившегося противостать полякам». «Невольно подосадуешь на невежество летописцев наших,— пишет он,— в памяти народной все касательно сего далекого времени покрыто непроницаемым туманом, а на письме одни намеки... Может быть, Лобода был человек великий, человек, которому Украина обязана первою мыслию об отторжении от власти польской. Может быть, он в истории Украины был то же в отношении к Хмельницкому, что Иоанн III в отношении к Петру» (*ЗС*, в. 3, стр. 94—95).

Костомарову принадлежит указание на ненародность происхождения песни о Лободе. Эта песня,— пишет он,— «скомпонована под влиянием псевдоистории Конисского ‹„История Руссов“›: слагатель ее был уверен в справедливости сказания, найденного им в этом сочинении, будто бы Лобода вместе с Наливайко был взят поляками и казнен сожжением в медном воле. Из достоверных источников, напротив, оказывается, что Лобода был не друг, а соперник Наливайка и был умерщвлен не поляками, а своими же казаками. Если нам возразят, что народные песни и сказки, подчиняясь вымыслам, часто не сходятся с исторической правдою, то мы, признавая справедливость такого возражения в его принципе, скажем, что народные песни и предания, однако, не слагаются по позднейшим историческим фальсификациям, которых народ не знает» («Етнографічні писання Костомарова», стор. 330). Обращает также Костомаров внимание на то, «как в этой песни, так и в других, относимых по своему содержанию к эпохе Наливайка, казаки называются „гайдамаками“, между тем как прозвище это связывается с более поздним периодом» (стор. 330—331).

Об упоминаемом в песне кошевом атамане Сулиме Срезневский и Максимович утверждают, что он возглавлял поход на поляков в 1633 г. Максимович называет его в числе казацких атаманов, четвертованных в Варшаве (1635), между тем как Срезневский утверждает, что «Павлюк и Сулима производили свои нападения и опустошения, удаляясь от больших сражений до 1636 г.» (*ЗС*, в. 3, стр. 59; ср. стр. 58—59).

№ 38. Источник песни не установлен. О «гетмане Богданке» — см. выше, прим. к № 13.— Упоминаемый в песне «Стецько» — очевидно, Стефан *Баторий* (1533—1586) — воевода семиградский, в 1576—1586 гг.— король польский.

№ 39. М. 1834, стр. 77 («Песня о Богданке»). Комментируя песню, Максимович писал: «Можно думать, что сия песня (из собр⟨ания⟩ Ходак⟨овского⟩) относится ко времени похода в Крым (1575) Богданка Ружного, столь прославившегося своими подвигами, прошедшего с войском своим Малую Азию, грабившего Царьград и проч.».

№ 40. ЗС, в. 4, стр. 12—14 («Битва на Желтых водах»); *М.* 1834, стр. 96, с пояснением, что «здесь воспета первая Богданова победа (1648 г., 5 апреля) над ляхами при помощи крымцев, при Желтых водах (в Екатеринославской губернии)». Срезневский добавляет: «Едва ли эта песня современна событию» (*ЗС*, в. 5, стр. 151).

№ 41. ЗС, в. 4, стр. 33—35 («Взятие Бендер»), с добавлением ст. 1—4 из неустановленного источника. В историческом комментарии к песне Срезневский подчеркивал: «1, что бендерские турки и татары ⟨...⟩ были защитниками Василия Лупулы ⟨точнее, Василия Лупу, молдавского князя, 1634—1654.— *И. А.*⟩; 2, что казаки ограбили Бендеры в отмщение за это; 3, что Хмельницкий был и при взятии Бендер; 4, что Хмельницкий не всегда позволял казакам грабить города, иначе бы и в этом случае казаки не просили его порадовать их». «Обо всем этом,— добавляет Срезневский,— летописи молчат» (*ЗС*, в. 5, стр. 173).

№ 42. ЗС, в. 4, стр. 35—36 («Битва Жванецкая»), с добавлением ст. 9—16 из неустановленного источника. О Жванецкой битве — см. прим. к № 33. Срезневский, публикуя в отрывках две песни об этом событии, счел нужным оговорить, что «отрывки эти довольно непонятны. Они ведут ко многим заключениям, но едва ли всегда справедливым» (*ЗС*, в. 5, стр. 176). Ср. в этой связи объяснения Антоновича и Драгоманова (т. II, стр. 51—52) о Веремие Волошине и о том, что «в то время ⟨...⟩ у поляков служило много волохов».

№ 43. ЗС, в. 4, стр. 36—40 («Битва Жванецкая»). Комментируя песню, Срезневский отметил следующее: «С королем польским под Жванцем были молдавцы. Их-то бандурист заставляет говорить Хмельницкому рацею угроз. Из нее узнаем, 1) что Хмельницкий имел намерение завоевать Молдавию ⟨...⟩, отмщая за смерть сына Тимофея; 2) что до сражения Жванецкого занял Подолье, Студеницу, Сороку (святую, как называли запорожцы), Яругу и намерен был от Жванца идти к Хотину, брать его. ⟨...⟩ Хмельницкий разбил ляхов, и молдаване бежали в Хотин: вот, вероятно, к чему относится выражение песни, что за Днестром, за горою блестит Хотин. Сравни статью проф. Шармуа в „Журнале Министерства народного просвещения“, 1834, IV, 1—23» (*ЗС*, в. 5, стр. 177).

№ 44. ЗС, в. 4, стр. 46—47 («Пугач»); *М.* 1834, стр. 129 («Пугач»). Срезневский замечает, что этой песней «народ поминает славу Хмельницкого» (*ЗС*, в. 5, стр. 184).

№ 45. Источник текста не установлен. В песне упоминается битва под Берестечком 18—20 июня 1651 г. между войском Богдана Хмельницкого и войсками Речи Посполитой во главе с польским королем Яном Казимиром. Вслед за наметившимся в первые дни битвы успехом казаков последовала измена союзника Хмельницкого, крымского хана Ислам-Гирея III. Измена эта позволила польской армии окружить казацкий лагерь. Ценою потери обоза и части артиллерии казакам удалось выйти из окружения и отступить к Киеву, где уже формировались новые отряды.

№ 46. Источник текста не установлен; отдельные ст. напоминают публикацию Срезневского: *ЗС*, в. 4, стр. 33—35 («Взятие Бендер»). См. выше, прим. к песне № 41.

№ 47. Лукашевич, стр. 55—56.— Песня связана с событиями 5 июня 1775 г., когда генерал Петр Абрамович *Текелли* (или Текелий, 1720—1793), возвращавшийся в Россию после русско-турецкой войны, по приказу Екатерины II занял Запорожскую Сечь; два месяца спустя был опубликован манифест Екатерины об уничтожении Сечи и запорожского войска. Возможно, что *Гриць*, к которому обращается песня, это — Г. А. Потемкин: о нем ходили предания, будто он благоволит к запорожцам и является противником их расформирования. В действительности ликвидация Сечи была связана с осуществлением желаний Потемкина. *Кошевой* — Петро Калнышевский (1705—1803), после ликвидации Сечи был отправлен в Петербург, а затем «определен» на «вечное заточение» в Соловецкий монастырь.

№ 48. Московський генерал — П. А. Текелли; см. о нем прим. к песне № 47.

№ 49. ЗС, в. 7, стр. 11—12 («Пленение казаков»).— Песня имеет в виду события 1722—1723 гг., когда Павел Леонтьевич *Полуботок* (1660—1724), черниговский полковник, а с 1722 г. наказной гетман (т. е. назначенный царским указом, а не избранный на эту должность казацкою «радою»), неоднократно приносивший Петру I жалобы на попытки царских генералов и военачальников (бригадира Вельяминова и др.) ограничить его и генеральной старшины власть, был вызван в Петербург. Здесь он выступил с рядом претензий якобы от всей массы казачества, а на самом деле отражавших интересы казацкой старшины, недовольной отменой ее «исконных прав». В процессе начавшегося следствия Полуботок был заключен в Петропавловскую крепость, где вскоре и умер. Настойчивыми усилиями казацкой старшины и таких казацко-автономитстких памятников, как «История Руссов», вокруг личности Полуботка был создан ореол «народного гетмана», защитника прав и чаяний народных.

№ 50. ЗС, в. 7, стр. 12—13 («Пленение казаков»).

№ 51. Источник текста не установлен. После ликвидации Запорожской Сечи войсками генерала Текелли (см. прим. к № 47) часть запорожцев, недовольная переводом их на положение крестьян, выселилась из России и в турецких владениях, на Дунае, образовала так называемую Задунайскую Сечь. Песня выражает настроения этой части казачества, мечтавшей о возвращении в родные земли.

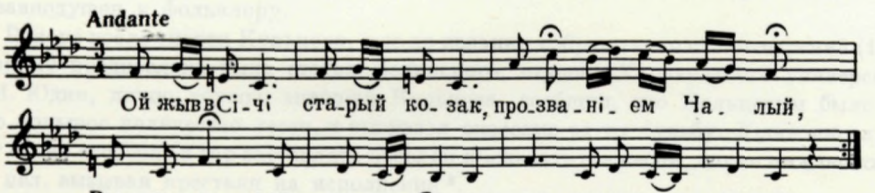
№ 52. Источник текста не установлен. По содержанию своему песня близка к предыдущей и, по-видимому, также связана с переселением части запорожских казаков на Дунай, в турецкие владения.

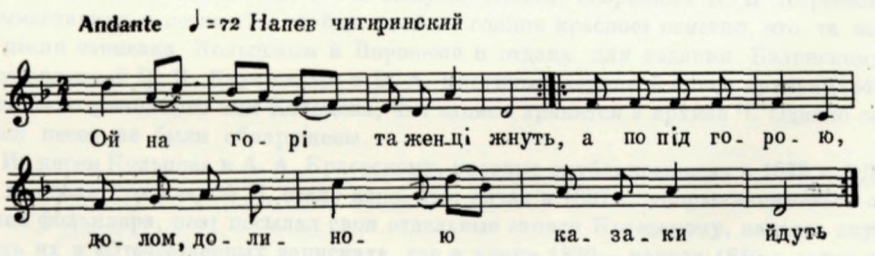
№ 53. Исторический комментарий к песне — см. прим. к № 47.

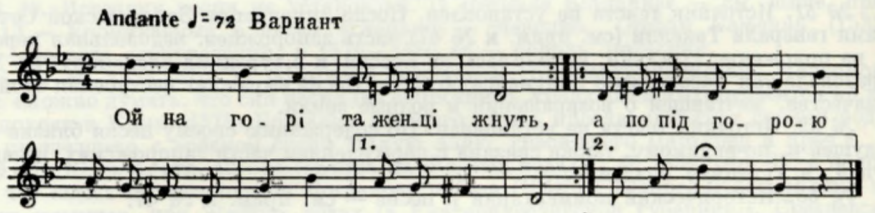
ПРИЛОЖЕНИЕ

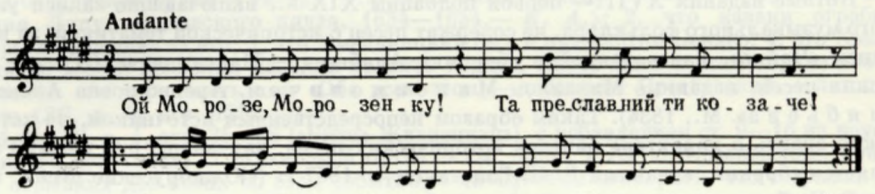
Нотные издания XVIII— первой половины XIX в., включающие записи украинского музыкального фольклора, не содержат песен с исторической тематикой, за исключением «Чайки», напечатанной в сборнике Алябьева — Максимовича («Голоса украинских песен, изданные Михаилом Максимовичем. Аранжировка Александра Алябьева». М., 1834). Таким образом непосредственным источником, по которому можно судить о характере напевов исторических песен, звучавших при жизни Гоголя, является сборник, изданный Г. П. Галаганом в 1857 г. («Южнорусские песни, изданные Г. П. Галаганом», т. I, Киев). Этот сборник был составлен по записям Николая Андреевича Маркевича — поэта, этнографа и историка, современника Гоголя (1804—1860). Материалы Маркевича интересны не только наличием трех исторических песен с параллельными гоголевской коллекции текстами, но также и тем, что среди них находятся семь песен, певшихся, по свидетельству Н. И. Иваницкого, Гоголем. Вероятно, в семье Маркевича сохранились сведения о том, что именно интересовало Гоголя из песен украинского фольклора, так как записи, сделанные сыном Маркевича — Андреем (изданные также в 1857 г.), тоже содержат песни из гоголевского репертуара («Малороссийские песни, положенные на ноты для пения и фортепиано А. Н. Маркевичем. Тетрадь первая».— В кн.: «Записки о Южной Руси». Издал П. Кулиш, т. 2. СПб., 1857).

В настоящем томе приводятся напевы трех песен из сборника Маркевича — Галагана: про Саву Чалого — текст которой во многих местах дословно совпадает с *№ 9* и *10* коллекции Гоголя; про Сагайдачного — дословно повторяющую *№ 22* (даются оба вар. Маркевича) и Морозенка — совпадающую в отдельных стихах с записью *№ 32*. Напевы к другим песням с параллельными текстами более поздних записей — см. в изд.: «Історичні пісні». Київ, 1961.






Andante ♩= 72 Вариант
Ой на го - рі та жен - ці жнуть, а по під го - ро - ю
1.
2.
до - лом до - ли - но - ю ка - за - ки йдуть.// ка - за - ки йдуть.


Andante
Ой Мо - ро - зе, Мо - ро - зен - ку! Та пре - славний ти ко - за - че!
Що по то - бі, Мо - ро - зо - нку, у - ся У - кра - й - на пла - че!

А. В. КОЛЬЦОВ

Публикация П. Д. Ухова

Вступительная статья И. М. Колесницкой

Комментарии И. М. Колесницкой и А. Д. Соймонова

Тема «Кольцов и народная поэзия» привлекала внимание многих исследователей творчества поэта и фольклористов. Решалась она обычно в двух аспектах: во-первых, ученых интересовала степень близости к народной песне собственных песен и стихотворений поэта; во-вторых, деятельность Кольцова как собирателя произведений фольклора.

При чтении всей этой, довольно обширной литературы поражает противоречивость суждений, высказанных разными авторами. Одни из них, начиная с Белинского, утверждали тесную связь поэзии Кольцова с народной песней [1]. О ней писали в статьях о Кольцове и Добролюбов, и Салтыков, и В. И. Водовозов, в исследованиях советского времени эту связь изучали В. М. Сидельников, В. А. Тонков, П. Д. Ухов [2].

С другой стороны, некоторые авторы, начиная с работы М. Ф. де Пуле [3], отрицали непосредственную связь Кольцова с живой народной традицией (В. В. Данилов) [4] или говорили об ограниченности этой связи, утверждая, что источники его творчества кроются в русской литературе первой половины XIX в., в сентиментально-романтической поэзии этого периода (А. И. Некрасов)[5]. В пору утверждения вульгарно-социологического метода в литературоведении П. М. Соболев вообще противопоставлял Кольцова народному творчеству, считая поэта выразителем идеологии мещанства [6].

Документальные материалы и объективные факты решительно опровергают все эти ошибочные или тенденциозные утверждения о том, что Кольцов будто бы оставался равнодушен к фольклору.

Вскоре после смерти Кольцова, еще до издания собрания его стихотворений (1846), которому предпослана была статья Белинского, студент Харьковского университета А. М. Юдин, лично хорошо знавший Кольцова, сообщил, что Кольцовым было собрано большое количество песен, и высказал опасение за их судьбу. Юдин писал, что поэт «имел особенный дар заставлять поселян высказать все песни, какие им известны»[7], сам пел, вызывая крестьян на исполнение [8].

Через два года после этой статьи Киреевский в числе лиц, доставивших ему песни, назвал Кольцова, приславшего ему песни из Воронежской губернии [9].

В 1868 г. П. А. Бессонов, в 7-м выпуске «Песен, собранных П. В. Киреевским», в комментариях к песне «Ты взойди, взойди, солнце красное» отметил, что та же самая песня записана Кольцовым в Воронеже и отдана для издания Белинскому [10]. В составленной П. И. Якушкиным и В. А. Елагиным черновой описи архива (1848 г.) также было упомянуто имя Кольцова, чьи записи хранятся в архиве [11]. Однако самые записи песен не были обнаружены.

Из писем Кольцова к А. А. Краевскому, впервые опубликованных в 1879 г. («Древняя и новая Россия», № 3), стало ясно, что, начав в 1837 г. упорно заниматься собиранием фольклора, поэт посылал свои отдельные записи Краевскому, надеясь опубликовать их в «Отечественных записках», где в конце 1830— начале 1840-х годов печатались многие фольклорные материалы. Поэт обращался к редактору журнала с воп-

росами, надеясь получить совет и помощь в новом и трудном для него деле. «Я собрал несколько пословиц, но не знаю, какие мне именно записывать: какие попало или каких нет у Богдановича и Снегирева»,— писал он 12 февраля 1837 г. 16 июля того же года Кольцов сообщал своему корреспонденту, что принялся собирать народные песни, а 28 июля упрекал его за то, что тот не откликнулся на посланную песню: «Ответ мне ваш нужен в теперешнее время потому более, что я, как вам уже писал, принялся собирать русские народные песни пристально. Но, может быть,они вам или не понравятся, или нет, какие бы нужно собирать; следственно, труд мой будет в таком случае совершенно напрасен; а их собирать и копотко и трудно, притом мне, без ваших наставлений, самому потрафить трудно» [12].

Очевидно, собирание увлекло Кольцова, и ему хотелось выполнить начатое дело как можно лучше, на уровне требований времени, которые ему не вполне хорошо были известны. Впрочем, как это явствует из других писем поэта (Краевскому, А. Н. Черткову, Белинскому), он внимательно знакомился с выходившими сборниками произведений народной поэзии, знал не только сборник пословиц Снегирева, но и его «Русские простонародные праздники», сборники И. П. Сахарова, интересовался сочинениями казака Луганского (В. И. Даля) и др. [13], высказывал свои суждения о публикациях фольклора, одобрял сведения, приведенные Снегиревым [14], восхищался песнями, опубликованными в «Отечественных записках» 1839 г. [15] Не получив желаемого ответа и руководства от Краевского, Кольцов, по-видимому, в следующем, 1838 г. послал тетрадь собранных им песен Белинскому. Песни опубликованы не были, и это дало основание Кольцову — предположить в письме к Белинскому от 15 августа 1840 г. [16], что Белинский потерял посланную ему тетрадь, а позднейшим исследователям творчества Кольцова — обвинять Краевского и Белинского в невнимании и в том, что они были причиною безвозвратной утраты сборника песен, составленного Кольцовым. «Его собрание пропало — и вряд ли можно теперь надеяться, чтобы собранные им песни оказались не погибшими и благодаря какой-либо случайности нашлись»,— писал в 1907 г. Н. А. Янчук [17]. Дальнейшие архивные разыскания опровергли эти обвинения.

Среди бумаг Краевского, хранящихся в ГПБ, в папке копий, была обнаружена рукопись Белинского «Народные песни (из сборника русских народных песен, собираемых А. В. Кольцовым)», описанная И. А. Бычковым без указания имени переписчика [18]. Рукопись заключала тексты пяти песен. Из них только «Две народные песни» были опубликованы в 1911 г. А. И. Лященко, подготавливавшим юбилейное академическое Полное собрание сочинений Кольцова. Это были песни: 1) «Ты стой, моя роща, стой, не расцветай!» и 2) «Как у князя было, князя, у князя Волконского» (в этом же издании были опубликованы «Русские пословицы, поговорки, приречья и присловья, собираемые Алексеем Кольцовым». Воронеж, 1836) [19]. Другими сведениями о собранных Кольцовым песнях дореволюционное литературоведение не располагало. Лишь в конце 1940-х годов к этому материалу (списки пяти песен, сделанные Белинским) обратилась Р. Б. Заборова [20]. Она опубликовала тексты песен, переписанных Белинским из собрания Кольцова: «Как у князя было, князя, у князя Волконского», «Во сыром-та бору брала Маша ягодки», «Ты взойди, ты взойди, красно солнушко», «Никому так не досталось», «По лужочку гуляла» (в настоящ. томе № 1, 16, 7, 10, 11). Эти песни раскрывали различные стороны общественной и семейной жизни народа и отличались художественностью, свидетельствуя о высокой требовательности и вкусе как поэта-собирателя, так и Белинского, отобравшего именно эти песни для публикации в «Отечественных записках».

Дальнейшие наблюдения сделаны были П. Д. Уховым, нашедшим в архиве Киреевского пять тетрадей публикуемых в настоящем томе песен, записанных Кольцовым (о своих разысканиях П. Д. Ухов сообщил в статье «А. Кольцов — собиратель народных песен».— «Подъем» (Воронеж), 1958, № 6, стр. 93).

Исследуя вновь открытый материал записей Кольцова, Ухов подчеркнул своеобразие его как собирателя, противостоявшего славянофильскому лагерю, где идеализировались архаические стороны народного быта и с любовью собирались древнейшие памятники фольклора. «Кольцов первым заметил рождение песен нового обще-

А. В. КОЛЬЦОВ

Литография Д. В. Трунова с рисунка А. Н. Мокрицкого; Петербург, 1836

«Древняя и новая Россия», т. I, 1878

ственного класса — рабочих». Песня «Как у славнова заводчика» (№ 36 настоящ. тома), которую Кольцов снабдил примечанием: «В Москве поют на фабрике фабричные на семик», по мнению Ухова, «едва ли не единственная известная науке запись фольклора рабочих первой трети XIX века». Песня «Поп ты чудила, поп буян» (№ 18) — образец антипоповской песни, которая в записях первой половины XIX в. встречается редко. Есть среди записей Кольцова солдатская песня «Зимовая стужа нам, солдатушкам, служба» (№ 46). Одна казачья «Что за диво за такое», также с ярко выраженным социальным элементом: речь идет о том, как казак «плеткою стегнул» офицера, приговаривая: «Не боярска, сударь, честь в окно к девушке лезть» (№ 31), две песни «удалых», отобранные Белинским для «Отечественных записок» и процитированные им в четвертой статье «О народной поэзии»: «Ты взойди, ты взойди, красно солнушко» (№ 7) и «Никому так не досталось» (№ 10), упомянутая уже выше баллада о Ваньке-ключнике и князе Волконском (№ 1). С удалыми песнями перекликается ответ героя губернатору в песне «Ох ли пропала пропажа». Своими товарищами он называет темную ночь, булатный нож, доброго коня и востру саблю (№ 45). Песня «Как и я, молода» (№ 32) призывает женщину привыкать «ко чужой ко семье» и рассказывает о свекоре, свекрови, деверьях, золовках, т. е. относится к группе семейных. Большая часть песен относится к уличным хороводным-игровым, по тематике это песни любовные, повествующие о различных оттенках любовного чувства: о любви, сушащей героя или героиню (№ 21, 23, 37), о выборе в хороводе суженой или суженого (№ 27—29, 33, 34, 38, 40), о разлуке и измене (№ 22, 24, 26), о неровне или ревнивом муже (№ 3) и др.

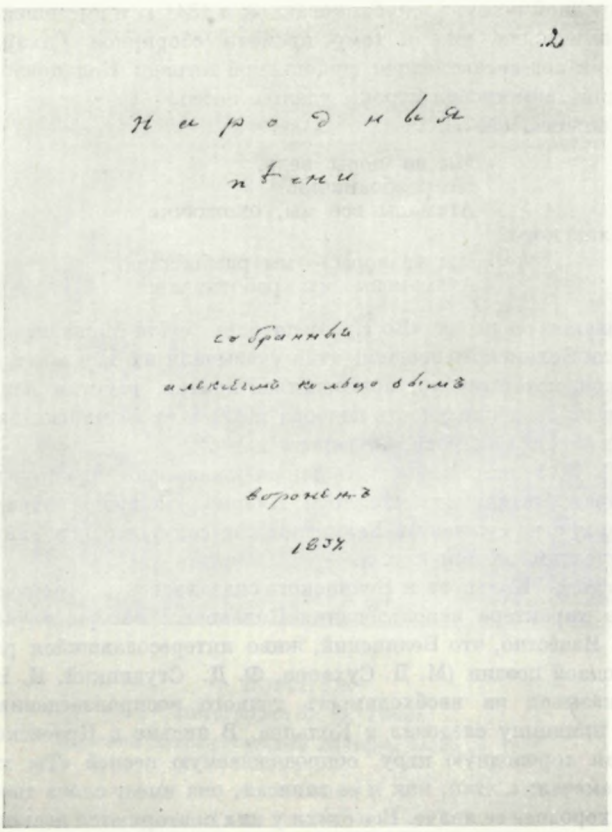
Записи Кольцова представляли самые различные стороны жизни народа, к чему, по-видимому, и стремился поэт. Самое это стремление, отличавшее Кольцова от собирателей-славянофилов, сближало его с Белинским, статьи которого о народной поэзии 1841 г. полемически заострены были против идеализации архаических сторон народного быта и творчества и также характеризовались глубоко дифференцированным отношением к народной поэзии.

Критик видел в народном творчестве отражение как грубых сторон патриархального быта древней Руси (оценка им ряда мотивов в былинах), так и героических черт народного характера (Новгородские былины), молодецкой удали (песни «удалые»), сильного и грациозного чувства любви (песня «На горе стоит елочка») и порожденной условиями жизни народа грусти «души крепкой, мощной, несокрушимой» [21]. Эта близость взглядов на народную поэзию Белинского и Кольцова не была случайным совпадением. Ее следует считать закономерным следствием тесного дружеского общения критика и поэта, начавшегося с их первого знакомства в 1831 г. и особенно укрепившегося в последующие приезды Кольцова в Москву и в Петербург (1836 и 1840 гг.) и отразившегося в их переписке.

Белинский считал 1831 год переломным в творчестве Кольцова, когда от ранних стихотворных опытов в духе подражаний он «решительно обратился к русским песням». По-видимому, перелом этот произошел не без влияния Белинского, открывшего юноше его истинное призвание, его «настоящий род — русскую песню», которой до того Кольцов чуждался, считая этот род поэзии чем-то «простонародным, грубым и вульгарным». Но, по словам Белинского, песня и «очаровывала его в устах простого народа» [22].

Можно думать, что беседы об этом новом, истинном направлении поэзии Кольцова, указанном поэту Белинским, переходили и в рассуждения о самой народной поэзии, ее светлых и темных сторонах. Беседы эти помогали Кольцову, хорошо и всесторонне знавшему фольклор, осмыслить его значение, определить, что в народной поэзии могло послужить основой его собственного творчества. «Не на словах, а на деле сочувствовал он простому народу в его горестях, радостях и наслаждениях. Он знал его быт, его нужды, горе и радость, прозу и поэзию его жизни», — писал Белинский о Кольцове [23].

Это знание и помогло Кольцову отобрать в свое собрание песен разнообразный и в то же время типичный материал, отразивший народный быт и характеры. Откликнувшись на призыв Краевского собирать фольклор, Кольцов в то же время



ПЕСНИ, СОБРАННЫЕ А. В. КОЛЬЦОВЫМ
Тетрадь I. Автограф, 1837
Титульный лист
Исторический музей, Москва

намеренно старался развеять то одностороннее, романтическое отношение к народной поэзии, которое присуще было не только славянофилам, но в 1830-е годы охватило многих деятелей литературы, не принадлежавших к славянофильскому лагерю, которому не чужд, вероятно, был и Краевский. «А песни, какие и волочатся, то просто все беспутные, из них посылаю вам посмеяться при сем»,— писал он Краевскому 12 февраля 1837 г., а в письме от 16 июля Кольцов снова замечает: «Присказками-то я вас уже употчивал, чай, не захотите в другой раз: больно солоно! Что вы до сих пор не сказали об них ни слова? Да, кажется, никогда не скажете ничего» [24]. В бумагах Краевского сохранились три присланных Кольцовым произведения, носящие сатирический характер и примыкающие к антиклерикальному фольклору. Это народные анекдоты «К абединьки хлешшут» (о колокольном звоне), «Цыган и поп» (о торге цыгана с жадным попом) и балагурная песня «Гаврила». Естественно, что ни эти тексты, ни песни, подобные балладе «Как у князя было» и на сюжеты удалых песен, Краевский не опубликовал.

Изучение найденного П. Д. Уховым материала показывает, что, отбирая из пятидесяти записанных текстов песни для Белинского и переписывая их в особую тетрадь, Кольцов делал это, прекрасно представляя себе (очевидно, по личным встречам и беседам предыдущих лет), чтó особенно могло заинтересовать его друга в фольклоре. Характерно, что именно эти темы народных песен выделены Белинским в его четвер-

той статье «О народной поэзии» опубликованной в 1841 г. и писавшейся не только под впечатлением вышедших уже к тому времени сборников Сахарова и собирателей XVIII в., но и под впечатлением рукописной тетради Кольцова. Именно из этой тетради Белинский заимствовал строки удалых песен.

В записи Кольцова (№ 7):

Мы не воры ведь,
Не разбойнички,
Атаманы все мы, охотнички.

В статье Белинского:

Мы не воры,— мы разбойнички,
Атамановы мы работнички.

Из нее же извлек он песню «Во сыром-та бору брала Маша ягодки» [25].

Исследователи Белинского неоднократно указывали на ограниченный круг фольклорных источников, которыми мог пользоваться критик, работая над статьями о народной поэзии, и на тенденциозность подбора материала во многих из них (труды собирателей 1830-х годов Сахарова, Снегирева и др.).

Найденные П. Д. Уховым тетради Кольцова показывают, что круг этих источников был шире, чем предполагали исследователи. Именно рукописное собрание песен Кольцова подтвердило многие суждения Белинского: высокую оценку, данную им удалым, любовным, лирическим песням и т. д.

Близость взглядов Кольцова и Белинского сказалась и в отношении их к работе собирателя, и в характере использования Кольцовым материала народной поэзии в его творчестве. Известно, что Белинский, живо интересовавшийся работой молодых собирателей народной поэзии (М. Д. Суханов, Ф. Д. Студицкий, И. Нефедьев и др.), неоднократно указывал на необходимость точного воспроизведения фольклорного текста [26]. Этому принципу следовал и Кольцов. В письме к Краевскому от 28 июля 1837 г., описывая хороводную игру, сопровождаемую песней «Ты стой, моя роща» (№ 33—34), он замечал: «...так, как я ее записал, она имеет слова точные, из слова в слово; но поют в хороводе ее иначе. Все стихи у них повторяются несколько раз и большею частию перемешиваются; и есть при других стихах прибавление из гласных букв, частицы к стихам, например: о, ай, оой, аой, ай-ой. У меня есть она и этак списана, и очень верно. Буде угодно, я вам пришлю. Эта песня удивительно как хороша нá голос; жаль, что я не умею положить голоса» [27]. Из этого следует, что Кольцов записывал песни не только под диктовку, но проверял запись с голоса, отмечая, как преображался текст в живом исполнении.

П. Д. Ухов сопоставил текст собирателя 1830-х годов П. И. Перевлесского, записавшего под диктовку песню «Ай, ай Дунюшка Хомина по бережку ходила», и запись Кольцова «Ай Дуняшка Фомина, Фомина по бережку ходила, ходила» (№ 35), сделанную, видимо, с голоса при исполнении хором [28]. Текст Кольцова оказался точнее, сохранив характерные для исполнения «на голос» повторы, припевы и т. д.

Важны были для поэта и условия бытования песни, характер ее исполнения. Посылая Краевскому песню «Ты стой, моя роща», Кольцов сообщал в письме: «Эту песню поют в Серпуховском уезде, в волости Хатунской, весною, в хороводе, с следующим порядком.

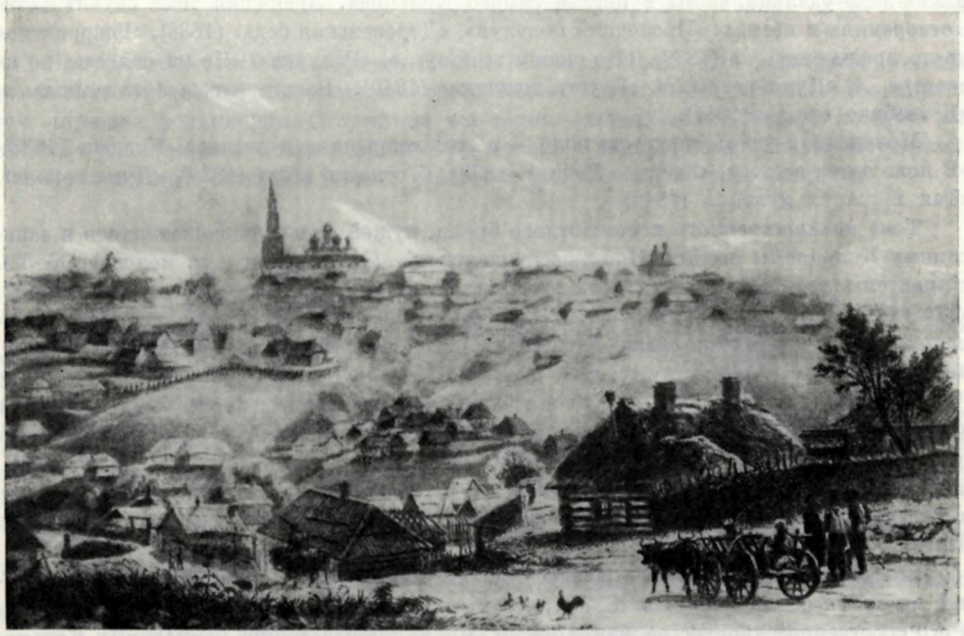
Хоровод становится в круг; берут друг друга за руки девушки и молодцы; в середине хоровода один парень становится в венке, расхаживает, поет и пляшет:

Сронил я веночек, —

здесь он снимает с себя венок и бросает наземь. Он над ним стоит; хоровод ходит, поет до „Ты стой, моя роща“. Здесь он поднимает венок, надевает на голову, вновь ходит, пляшет и поет; и во второй раз повторение делают так же. В третий раз сначала тоже:

Девушка идет,
Красная идет,
Веночек несет,—

хоровод становится, поет; одна девушка из него выходит, поднимает венок, надевает на молодца или, как она говорит, на „хороводчика“, целует его. И конец игре!» [29]



ВОРОНЕЖ
Литография В. Ф. Тимма
«Русский художественный листок», 1853, № 18

Обстоятельными примечаниями, содержащими описание игры, сопровождаются в рукописи также песни № 25 и 38.

Близость поэзии Кольцова к народной песне очевидна, что неоднократно отмечалось.

Однако текстуальных совпадений песен Кольцова с какими-либо определенными фольклорными источниками исследователям установить не удалось.

А. И. Некрасов в статье «Кольцов и народная лирика» произвел скрупулезное сопоставление стихов Кольцова, написанных в духе народной песни, с текстами русских песен по собранию А. И. Соболевского и пришел к следующим выводам: «В формах и оборотах речи, в стихотворном размере, в художественных образах мы слышим отзвуки народной лирики. Но нельзя сказать, чтобы народные художественные формы целиком, без обработки, были внесены Кольцовым в его поэзию ⟨...⟩ Темы многих песен Кольцова сходны с темами народных песен, но разработка Кольцова всегда своеобразна» [30].

Некрасов выделил в творчестве Кольцова 63 песни, которые разделил по тематике на несколько групп. Среди них:

1) песни, где изображается судьба молодца (жалоба на судьбу, горе, одиночество, тоска по юности, проявление молодецкой удали);

2) песни, где говорится о любви молодца и девицы, отражено ожидание встречи, прощание молодца и девицы, их разлука, измена, воспоминания друг о друге и т. д.;

3) песни о крестьянском труде и хлебе;

4) «Лес».

Первые две группы песен имеют множество параллелей (отдельные мотивы, образы, но не сюжет в целом) в народной традиции.

Сопоставление текстов песен, записанных из уст народа самим Кольцовым, с его собственными произведениями приводит нас к аналогичным выводам.

Темы записанных Кольцовым песен, из которых большую часть составляют перечисленные выше любовные, повествующие о встречах любящих, о выборе суженой, о разлуке, измене и гневе обиженной, о силе страсти, тоске по милой, равно как и тема

разбойника-удальца, часты в поэзии самого Кольцова. Любовная тема звучит в стихотворениях и песнях: «Последний поцелуй», «Деревенская беда» (1838), «Говорил мне друг, прощаючись...» (1839), «Не скажу никому...», «Разлука», «Не на радость, не на счастье...», «Дуют ветры...», «Грусть девушки» (1840), «Расступитесь, леса темные...», «Я любила его...» (1841).

Молодецкая удаль, тоска по воле — в стихотворениях и песнях: «Удалец» (1833), «В поле ветер веет...», «Стенька Разин» (1838), «Тоска по воле» (1839), «Дума сокола», «Так и рвется душа...» (1840).

Тема насильственного и несчастного брака, чужой семьи, развивающаяся в записанных Кольцовым песнях «Попляшите, девушки» (№ 3), «Как и я, молода» (№ 32), слышится в его песнях: «Ах, зачем меня силой выдали...», «Деревенская беда» (1838), «Без ума, без разума...» (1839) и т. д. Сюжетное совпадение (и то неполное) обнаруживается только в стихотворении Кольцова «Хуторок» (1839) и в песне «Милые дружки, целовальнички» (№ 8).

Общие для песен Кольцова и его фольклорных записей темы разработаны в характерных для народной песни образах: молодец удалой «соловьем засвищет» (ср. параллелизм молодец-соловей в песне «Ты воспой, ты воспой, душа соловьюшек», (№ 9), образы волжских удалых песен (в «Стеньке Разине») и др. Однако прямого заимствования стилистических средств из записанных материалов обнаружить нельзя.

Важнее отметить другое. Непосредственное знакомство Кольцова с народной песней во время ее собирания в 1837 г., несомненно, плодотворно сказалось на развитии в его собственном творчестве жанра песни. Число произведений, написанных Кольцовым в этом жанре после 1837 г., неизмеримо возросло по сравнению с первыми восемью годами. За период 1831—1836 гг., когда Кольцов, по словам Белинского, от подражаний другим поэтам обратился к народной песне, им было создано всего три песни («Ты не пой, соловей...», 1832; «Удалец», 1833; «Не шуми ты, рожь...», 1834) и несколько прославивших его имя стихотворений о крестьянском быте и труде, написанных в стиле народной песни («Сельская пирушка», 1830; «Песня пахаря», 1831; «Размышление поселянина», 1832; «Урожай», 1835; «Косарь», «Молодая жница», «Женитьба Павла», 1836); за последующие пять лет (1837—1841) число произведений, написанных поэтом, непосредственно по мотивам и в стиле народной песни, резко возросло и достигло нескольких десятков. При этом по содержанию и по форме они стали ближе к народной лирике, развивали темы любовных, удалых, семейных песен народа, те темы, которые звучали и в песнях, записанных самим поэтом.

Публикуемые песни в записях Кольцова представляют большой интерес. Они расширяют репертуар русской лирической народной песни первой половины XIX в., обогащают его текстами, записанными точно, нередко с голоса, с указанием на особенности исполнения, а в ряде случаев и на условия бытования песни.

Однако подражателем народной песни Кольцов не стал. Развивая темы народной лирики, восприняв ее общий дух и стиль, Кольцов остался поэтом самобытным. Это именно и определило оценку его таланта, данную Белинским, отметившим в его поэзии не сюжетную близость к фольклорным образцам, но способность выразить все главнейшие элементы народного духа: «страшную силу в страдании и в наслаждении, способность бешено предаваться и печали и веселию и, вместо того чтобы падать под бременем самого отчаяния, способность находить в нем какое-то буйное, удалое, размашистое упоение», народность в «чувстве», в «выражении» и вместе с тем большой такт в отборе стилистических средств, «единство, полноту, оконченность и выдержанность мысли и формы», ставшие основой оригинальности творчества поэта [31]. Эта оригинальность была замечена и другими критиками демократического направления — Добролюбовым и Салтыковым,— писавшими о Кольцове в 1856 г. В 1861 г. В. И. Водовозов в статье «Кольцов как народный поэт» пытался восстановить ту оценку творчества поэта и то освещение вопроса о его связях с фольклором, которое давалось революционно-демократической критикой. Он показал не только близость Кольцова к народной лирике в изображении страсти, горемычной любви, порывистой удали, но и то, чем отличается поэзия Кольцова от народной песни (анализ чувства, изображение сво-

бодной силы, созидающей семейную жизнь на новых, разумных началах труда и равенства и др.) [32]

Непонимание этого своеобразия поэзии Кольцова приводило некоторых исследователей его творчества к постановке неправильных задач: найти сюжетные совпадения его лирики с фольклором. Отсутствие же таких совпадений создавало ложные выводы о пренебрежении поэта к фольклору и даже о ненародности его произведений.

Публикуемый материал вносит ясность в разрешение и этого вопроса.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «О жизни и сочинениях Кольцова».— Белинский, т. IX, стр. 497—542.

[2] «А. В. Кольцов, его жизнь и сочинения».— Н. А. Добролюбов. Собр. соч., т. I. М., Гослитиздат, 1961, стр. 396—451; «Стихотворения Кольцова».— М. Е. Салтыков-Щедрин. Собр. соч. М., Гослитиздат, т. 5, стр. 21—38 (ср. «Лит. наследство», т. 67, 1959, стр. 281—314); В. И. Водовозов. Кольцов как народный поэт.— «Журнал Министерства народного просвещения», 1861, № 12, отд. VI, стр. 35; В. М. Сидельников. Песни Кольцова и народная поэзия.— «Томский альманах», кн. 9, 1956, стр. 125—133; В. А. Тонков. А. В. Кольцов. Воронеж, 1958, стр. 184—197; П. Д. Ухов. А. Кольцов — собиратель народных песен.— «Подъем» (Воронеж), 1958, № 6, стр. 93—96.

[3] М. де Пуле. А. В. Кольцов в его житейских и литературных делах и в семейной обстановке. СПб., 1878, стр. 92.

[4] В. В. Данилов. Очерки поэзии Кольцова.— «Русский филологический вестник», 1910, № 1, стр. 22—23.

[5] А. И. Некрасов. Кольцов и народная лирика. (Опыт параллельного анализа).— «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», 1911, т. XVI, кн. 2, стр. 23—39.

[6] П. М. Соболев. А. В. Кольцов и устная лирика. Смоленск, 1934, стр. 6, 12, 20, 47, 51, 58 и др.

[7] А. М. Юдин. Поэт Кольцов и его стихотворения.— «Опыты о сочинениях студентов Харьковского университета». Харьков, 1846, стр. 224.

[8] Сведения эти подтверждаются письмами Кольцова к Краевскому. Жалуясь на трудность собирания песен, поэт сообщал, как он их записывает (письмо от 16 июля 1837 г.).— А. В. Кольцов. Сочинения в двух томах, т. II. М, изд-во «Советская Россия», 1961, стр. 33—34.— В дальнейшем сокращено: Кольцов).

[9] «Чтения», стр. VI.— Здесь в инициалы Кольцова вкралась опечатка: А. Н.

[10] *СС*, в. 7. Приложения и дополнения, стр. 155.

[11] *НС*, в. II, ч. 2, стр. IX.

[12] Кольцов, стр. 33, 35.

[13] Там же, стр. 29, 31, 106, 123.

[14] В памятной книжке 1836 г.— см. В. М. Сидельников. Указ. статья, стр. 125—133.

[15] Письмо к Белинскому от 28 сентября 1839 г.— Кольцов, стр. 95.

[16] Кольцов, стр. 137.

[17] Н. А. Янчук. Литературные заметки.— «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», 1907, т. XII, кн. 4, стр. 240—241.

[18] «Отчет имп. Публичной библиотеки за 1889 г.» СПб., 1893, стр. 72—73.

[19] А. В. Кольцов. Полн. собр. соч. СПб., 1911, стр. 305—308 и 293—304.

[20] Р. Б. Заборова. Белинский и сборник народных песен, собранных Кольцовым.— «Белинский. Статьи и материалы». Изд-во ЛГУ. 1949, стр. 126—146. Ее же. Две неопубликованные рукописи В. Г. Белинского.— Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Сборник II. Л., 1954, стр. 89.

[21] Белинский, т. V, стр. 363—369, 378—379, 426—427, 445, 442.

[22] Белинский, т. IX, стр. 525—526.

[23] Там же, стр. 532—533.

[24] Кольцов, стр. 29, 33.

[25] Белинский, т. V, стр. 438 и 447.

[26] Б. И. Богомолов. Борьба В. Г. Белинского за научное собирание и издание народной поэзии.— «Советская этнография», 1949, № 1, стр. 133—135.

[27] Кольцов, стр. 36.

[28] П. Д. Ухов. Указ. статья, стр. 95—96.

[29] Кольцов, стр. 35—36.

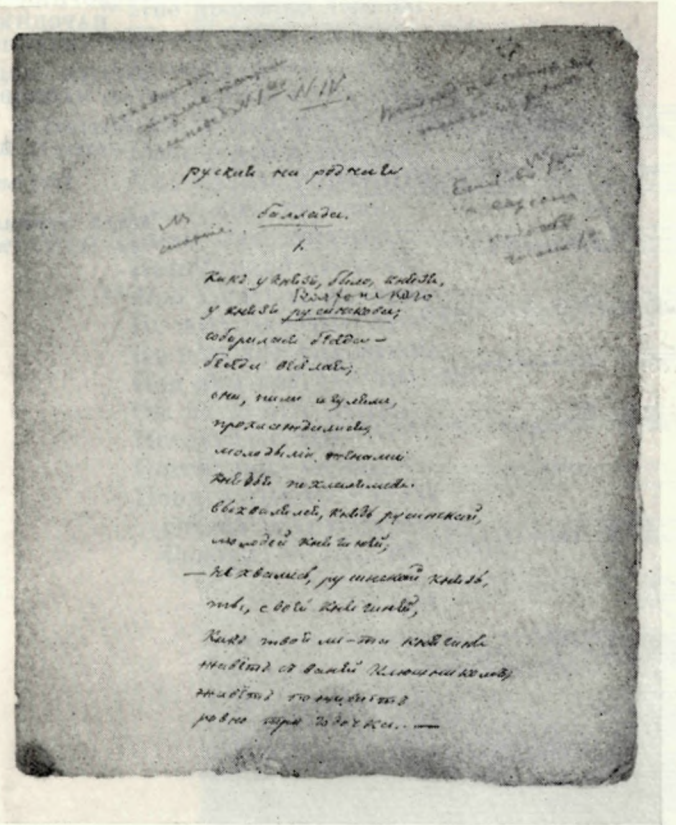
[30] А. И. Некрасов. Указ. статья, стр. 83—84.

[31] Белинский, т. IX, стр. 533, 535, 536.

[32] В. И. Водовозов. Указ. статья, стр. 35.

№ 1

Как у князя было, князя,
У князя Волконского,
Собиралася беседа,
Беседа веселая;
Они пили и гуляли,
Прохлаждалися,
Молодыми женами
Князья похвалялися.
Выхвалялся князь Волконской
10 Молодой княгинею.
— Не хвались, Волконской князь
Ты своей княгиней.
Как твоя ли та княгиня
Живет с Ваней клюшничком.
Живет-поживает
Ровно три годочка.
На четвертой на годочик
Князечик доведался,
20 Как взошел Волконской князь
На свой на высок балкон
Закричал Волконской князь
Своим громким голосом:
— Уж вы, слуги мои, слуги,
Слуги мои верныя!
Вы послы мои, послочки,
Послы мои скорыя!
Вы пойдите приведите
Ко мне Ваню клюшника.
30 Уж как стану я Ваню,
Ванюшку допрашивать:
Ты скажи-скажи, Ванюша,
Скажи, варвар мой,
Со которой поры-времени
Ты живешь с княгинею?
— Уж я знать тово не знаю,
Ведать, князь, не ведаю,
Со которой поры-времени
Живу я с княгинею.
40 Закричал Волконской князь
Своим громким голосом:
— Уж вы, слуги мои, слуги,
Слуги мои верныя!
Вы послы мои, послочки,
Послы мои скорыя!
Вы берите лопатки,
Лопатки железныя,
[Вы берите веревки,
Веревки куровыя],
50 Ройте вы, копайте
Ямочки глубокия,
Становите столбики,
Столбики точеныя,
Да кладите переклады,
Перекладины дубовыя,



«КАК У КНЯЗЯ БЫЛО, КНЯЗЯ, У КНЯЗЯ ВОЛКОНСКОГО...»
ЗАПИСЬ А. В. КОЛЬЦОВА

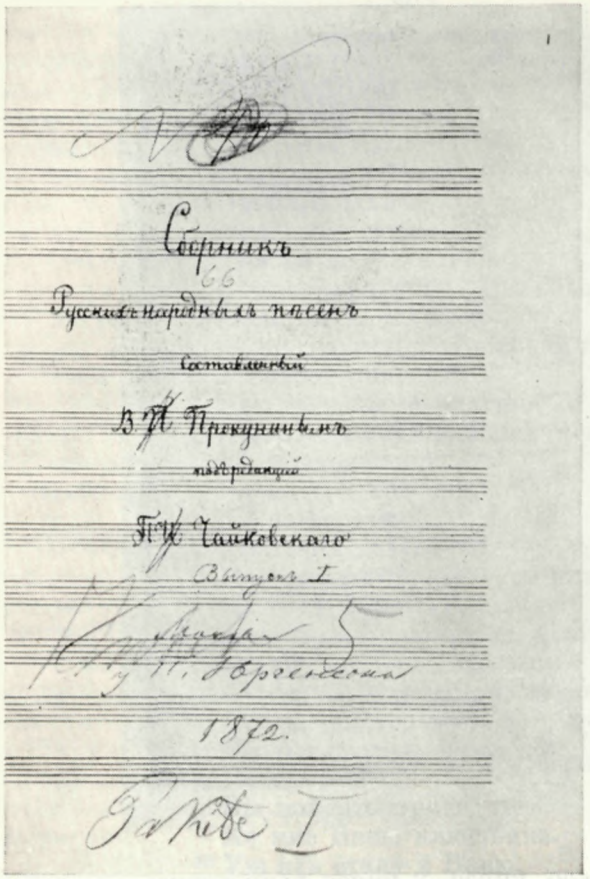
Автограф, 1837

Лист из тетради с песнями, переписанными поэтом для В. Г. Белинского

Зачин песни

Исторический музей, Москва

Берите-вяжите
Петелку куровую.
Вешайте-цепляйте
Ванюшку за шеюшку.
60 Как возговорит Ванюша
Своим тихим голосом:
— Прикажи ж ты мне,
Волконской князь,
При смертной кончине
Заиграть в последний раз
Любимую песню:
«Во саду ли, во садочке,
В садику зеленом
С молодой княгиней
Было там погуляно,
70 И во сахарны уста
Было поцеловано».
Как со вечера Ванюшу,



«СБОРНИК 66 РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН, СОСТАВЛЕННЫЙ В. ПРОКУНИНЫМ. ПОД РЕДАКЦИЕЙ П. ЧАЙКОВСКОГО», 1872

Автограф К. Альбрехта (?)
Правка П. И. Чайковского

Титульный лист

Музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки, Москва

Ванюшку повесили,
Сы полуночи Ванюша,
Ванюшка качается.
Молодая же княгиня
В постели кончается

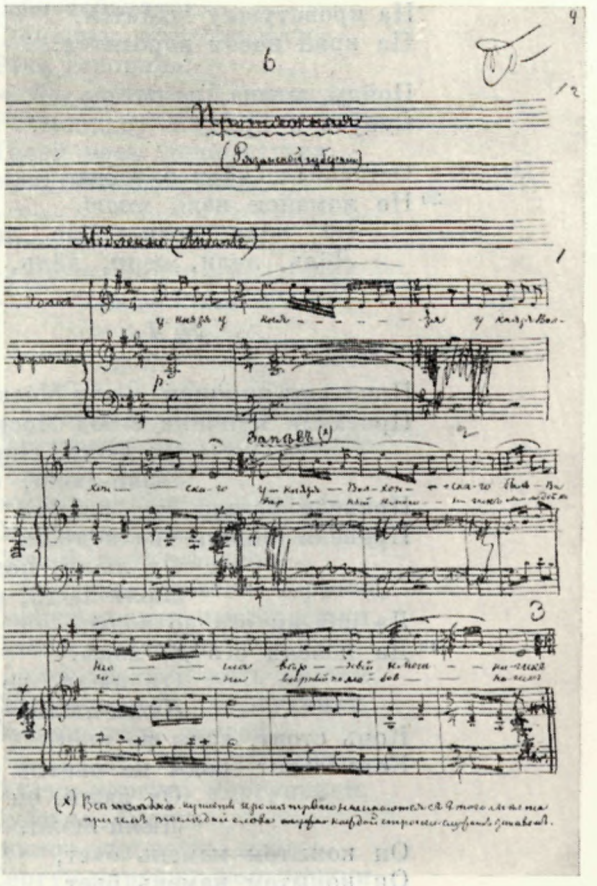
№ 2

Ой Иван, ой Иван,
Иван — девичий обман!
Ой що ж, ну да що ж,
Говори, милай, що хошь.
Ох, што ж ты, Иван,
Вчера в гости не бывал?
Ой що ж и прочее.

Под каждым куплетом писать все припевы.

Сударушка ты моя,
Мне времечко заняла,

10 Мне времечко заняла:
Жена сына родила.
Я сам банюшку топил,
Сам за бабушкой ходил,
Сам за бабушкой ходил,
Попа в дом приводил.
Поп молитву прочитал,
Сыну имя нарекал,
Сыну имя нарекал,
Пантелюхой называл.
20 Мой Пантюха невелик —
Во всю лавочку лежит.
Во всю лавочку лежит,
Под ним лавочка дрожит.
Он на дыбки встал,
Потолок достал,
Потолочина упала.
Попу в голову попала
Ой що ж, ну да що ж,
Говори, милай, що хошь.



ПЕСНЯ «У КНЯЗЯ, У КНЯЗЯ, У КНЯЗЯ ВОЛКОНСКОГО...». —«СБОРНИК 66 РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН, СОСТАВЛЕННЫЙ В. ПРОКУНИНЫМ, ПОД РЕДАКЦИЕЙ П. ЧАЙКОВСКОГО», 1872

Автограф К. Альбрехта (?)
Правка П. И. Чайковского
Нотный лист с зачином песни
Музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки, Москва

№ 3

Попляшите, девушки,
Да попляшите, молодушки.
Ой, лёль, лёли, лёли, лели;
Лёль, лели, лели, лёль, лели, ле.
Молодушки, попляшите,
Меня, младу, повеселите.

И протчие у каждого куплета припев писать весь.

У меня ли муж ревнивой,
Муж ревнивой, кропотливой.

Долго с вечера гуляет,
Поздно дома не бывает.

Поздно вечером приходит,
В страх меня, младу, приводит.

Заставляет разувати,
Постелюшку стлати.

На кроватушку ложится,
На край носом воротится.

Пойду, млада, за водою,
Сунусь в пролубь головою.

Оставайся, чёрт с тобою,
Не ломайся надо мною.
Ой, лёль, лели, лёли, лели;
Лёль, лели, лели, лёль, лели, ле.

№ 4

Приехали купчики с-под Москвы,
Приехали купчики с-под Москвы.
Ох люли, с-под Москвы,
Люли-люли, с-под Москвы.
Привели коника под ковром,
Привели коника под ковром.
Ох люли, под ковром,
Люли-люли, под ковром.
Да повели его до воды,
Да повели его до воды.
Ох люли, до воды,
Люли-люли, до воды.
Конь стоит, воды не пьет,
Конь стоит, воды не пьет.
Ох люли, он не пьет,
Люли-люли, он не пьет.
Он копытом камень бьет,
Он копытом камень бьет.
Ох люли, камень бьет,
Люли-люли, камень бьет.

С тово камня огня нет,
С тово камня огня нет.
Ох люли, огня нет,
Люли-люли, огня нет.
В моем милом правды нет,
В моем милом правды нет.
Ох люли, правды нет,
Люли-люли, правды нет.

№ 5

Как на сосне, на елине,
На самой вершине,
Как на самой на вершине
Стоял нов домик.
Во том ли во домике
Высокой балконик.
Как на том ли на балконе
Капитан гуляет,
Капитан гуляет,
В гитару играет,
Он в гитару-то играет,
Себя забавляет.
Степанида приходи⟨ла⟩,
Речи говорила:
— Ты, послушай, капитан,
Рассуди, пожалуй,
Твоей роты подпорутчик
Мою дочь обидел.
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .[1*]

№ 6

Матушка, матушка, головка болит,
Сергун-моргун, моргунчики,
Головка болит.
Дитятко милое, свяжи хоть платком,
Сергун-моргун, моргунчики,
Свяжи хоть платком.
Матушка, матушка, платок короток,
Сергун-моргун, моргунчики,
Платок короток.
Дитятко милое, возьми хоть другой,
Сергун-моргун, моргунчики,
Возьми хоть другой.
Матушка, матушка, головка болит,
Сергун-моргун, моргунчики,
Головка болит.
Дитятко милое, на печку полезь.
Сергун-моргун, моргунчики,
На печку полезь.

1* *Точки поставлены Кольцовым.— Ред.*

Матушка, матушка, сноха на печи,
20 Сергун-моргун, моргунчики,
Сноха на печи.
Дитятко милое, сноха там одна.
Сергун-моргун, моргунчики,
Сноха там одна.
Матушка, матушка, ведь я родила,
Сергун-моргун, моргунчики,
Ведь я родила.
. . . . . .
Сергун-моргун, моргунчики,
. . . . . .
Матушка, матушка, сходи за попом,
30 Сергун-моргун, моргунчики,
Сходи за попом.
. . . . ведь поп не пойдет.
Сергун-моргун, моргунчики,
Ведь поп не пойдет.
Матушка, матушка, сули пять холстов,
Сергун-моргун, моргунчики,
Сули пять холстов.
. . . . да он не возмет.
Сергун-моргун, моргунчики,
40 Да он не возмет.

№ 7

Ты взойди, ты взойди, красно солнушко
Взойди над горою,
Взойди над высокой.
Обогрей нас, добрых молодцов,
Добрых молодцов,
Удалых бурлак,
Удалых бурлак, бездомовников.
Мы не воры ведь,
Не разбойнички,
10 Атаманы все мы, охотнички,
Уж мы души, души
Мы не губливали.
Через три поля, на синем море
Плывут два кораблика,
Два кораблика,
Третья лоточка.
Хорошо лоточка изукрашена,
Кругом гребцами
Лотка остановлена,
20 Белым парусом наряжена,
Царскою казною
Сресь насыпана.
На корме сидит есаул с веслом,
На носу сидит
Атаман с ружьем,
На казне сидит красна девушка,
Атаманова
Полюбовница.

Слезно девушка, слезно плакала,
30 На духу попу
Она каилась:
— Я зарезала своево брата роднова,
На ножу его
Сердце вынула.
На ножу сердце встрепенулося,
Альни девица
Усмехнулася.

№ 8

Милые дружки-целовальнички,
Они пьют-едят чужое,
Носят краденое.
Они день сидят толкают,
Вечер денежки щитают,
Вечер денежки щитают,
Ночь по девушкам гуляют.
Ой, нет таких воров,
Что портных мастеров.
10 Они платьеце кроят
И лоскутики таят.
По подворью девушка идет
И водицу несет.
Коромыслицы кипаресовые,
Ведерцы дубовые,
Коромыслица гнется,
Свежа-свежа, свежа вода льется,
Девушка смеется.
Молодой детинка
20 В окошичко смотрит,
Тяжело вздыхает,
Сам плачет-рыдает.
Ты б, моя милая,
Пореже ходила,
Иных не любила.
Сушит-крушит молодца
Чужа дальня сторона.
За рекою слободка стоит,
В слободушке домик,
30 Во домике вдовушка,
У вдовушки девушка,
Зовут ее Аннушка,
Белая лебедушка.
Она меня иссушила,
Она сокрушила,
Вынула румянец
Из белова из лица
Удалова молодца.
Уж не милы мне без ней
40 Ни болоты, ни луга.
Веселила лишь одна
Сударушка моя
На питейные дома.

№ 9

Ты воспой, ты воспой, душа соловьюшек,
Весной при долине,
И- и— при долине.
Взвеселишь меня, раздоброва молодца,
При горе-кручине,
И- и — при кручине.
Да я сам тебе, душа соловьюшек,
Я сам пригожуся,
И- и— пригожуся.
Я срублю тебе, душа соловьюшек,
Клетку кленовую,
И- и— кленовую.
Я поделаю тебе, душа соловьюшек,
Снасти золотыя,
И- и— золотыя.
Я сплету тебе, душа соловьюшек,
Сетку шелковую,
И- и— шелковую.
Я насыплю тебе, душа соловьюшек,
Яровой пшеницы,
И- и— пшеницы.
Рассычу я тебе, душа соловьюшек,
Сахарной сытицы,
И- и— сытицы.
— Не мила твоя, раздобрыя-т молодец,
Клетка кленовая,
И- и— кленовая.
Не милы твои, раздобрыя-т молодец,
Снасти золотыя,
И- и— золотыя.
Не светлы твои, раздобрыя-т молодец,
Сетки шелковыя,
И- и— шелковыя.
Не скусна твоя, раздобрыя-т молодец,
Ярова пшеница,
И- и— пшеница.
Не сладка твоя, раздобрыя-т молодец,
Сахарна сытица,
И- и— сытица.
Уж ты выпусти меня, раздобрыя-т молодец
Соловья, на волю,
И- и — на волю.
Я тогда тебе, раздобрыя молодец,
Тогда заиграю,
И- и— заиграю.
Я тогда твою, раздобрыя-т молодец,
Тоску разгуляю,
И- и— разгуляю.

№ 10

Никому так не досталось,
Как мне, горькой сироте,
Съела рыбушку живую —

Трепещится в животе.
Мне морковки захотелось,
Я на рыночек пошла;
Хороша у нас деревня,
Только улица грязна,
Хороши у нас ребяты
10 Только славушка худа.
Называют их ворами
И разбойниками.
— Мы не воры ведь,
Ни разбойнички,
Удальцы-молодцы,
Рыболовнички.
Уж мы рыбушку ловили
По сухим бережкам,
Закидали невода
20 Под богатыя дома,
По анбарам, по клетям,
По конюшинкам.
Мы поймали осетра
У дядюшки у Петра,
Сивую кобылу
Да гнедова жеребца.
Вот как матушка старинка
Нас научивала:
— Если по лесу пойдете,
30 Вы не бойтеся,
Вы не каркайте,
Не шумархайте.
Ко двору ли подойдете,
Вы не бойтеся,
А заборы разбирайте,
Мало стукайте;
А в конюшенку взойдите,
Хозяина вспомяните:
— Уж ты здравствуй, хозяин,
40 Со хозяюшкою!
У них черная собачка
Побрехивает,
Сам хозяин со женою
Покряхтывает.

№ 11

По лужочку гуляла,
По лужочку девушка гуляла;
Злы коренья девушка
Рвала-вырывала.
Накопавши злы коренья,
На Дунай-реку пошла,
На Дунае на реке
Чисто-начисто их мыла;
Перемывши злы коренья,
10 Мелко-намелко крошила;
Искрошивши злы коренья,
Мелко-намелко толкла;

Истолокши злы коренья,
В меду-патоке варила;
Разваривши злы коренья,
В темном погребе томила;
Потомивши злы коренья,
К себе друга позвала,
Друга в гости зазвала,
20 Во спаленку повела,
На кроватку посадила,
Стакан меду поднесла,
Стала милости просить:
— Уж ты выпей, друг мой, выпей,
Выпей, доброй молодец,
Ты почу⟨в⟩ствуешь, дружочик,
Какова моя любовь.
— Ах ты, девушка злодейка,
Твою вижу я любовь,
30 В мое сердце ретивое
Словно камушек упал.
Ты сулилася, злодейка,
С света белова известь,
Так сумей же ты, каналья,
Куда тело схоронить.
Схорони мое ты тело
Между трех больших дорог:
Между Тульской, между Курской
И Тамбовскою большой.
40 Положи ты с моим телом
Сбрую ратную мою,
Положи ты, не забудь,
Золот перстень с вензелём;
Закопай мою могилу
Мелким жолтеньким песком.

№ 12

Уж мне нынешний день скука, 2
Еще скука — что разлука, 2
Разлучает нас неволька,
Чужа дальния сторонка, 2
Питербурская дорожка,
Московская широкая. 2
Сколько раз по ней езжала,
Много горя принимала. 2
В слезах письма я писала.
10 Пишу письма, не доходят,
Слуги верны не доносят,
К буйным ветрам относят.
Уж вы, ветры-ветерочки,
Осенние вихорочки! 2
Не бушуйте вы, буйныя,
Не мутите синя моря, 2
Не пужайте белу рыбу.
Сине море всколыхалось,
Бела рыба испугалась, 2
20 Знать, поехал миленькой жениться

«РУССКИЕ КОСТЮМЫ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ»
Рисунок С. П. Павлова (карандаш, тушь), 1848—1852 годы
Исторический музей, Москва

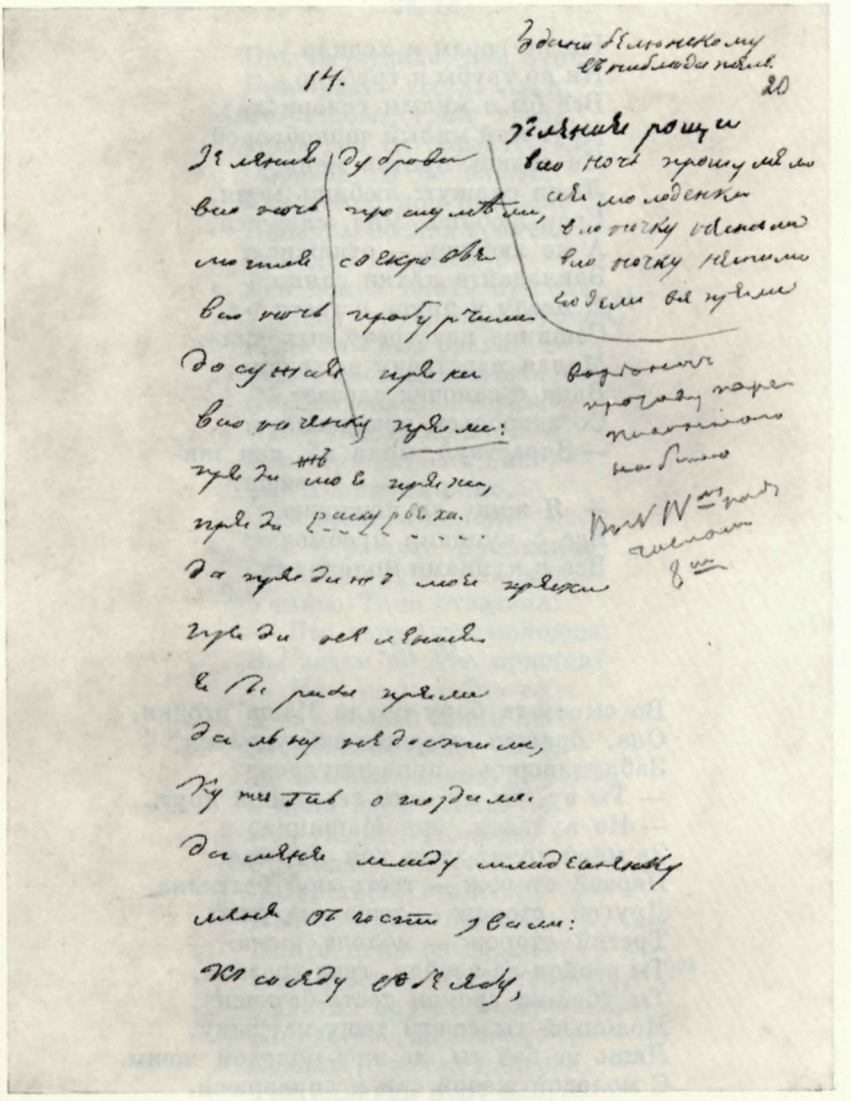
На душе красной девице,
На названой на сестрице. 2
Она тем ли ему лутче,
Что живет поближе. 2
Взойду на гору крутую,
Сломлю травушку-крапиву,
Брошу в быстры реку.
Тонит ли крапивка-травка?
Тужит ли по мне друг милой?
30 Ох, не тонит травушка-крапива,
Знать, не тужит по мне милой.
Нет, нас с милым не разлучит
Матушка родная.
Разве в те поры разлучит,
Когда в гроб меня положут,
Гробовой доской накроют, 2
И в могилушку поставют, 2
И желтым песком засыпют, 2
Резвыми ножками притопчут, 2
40 Зарастай, моя могила, 2
Ты травою-муравою, 2
Полынь горькою крапивой. 2

№ 13

Ты корчма моя, корчма,
Корчма польская,
Королевская!
Как во той ли во корчме
Шинкарочка сидит,
Шинкует шинкарка
Пивом и вином 2
И сладким медком.
Как и шли прошли
10 Чумак да бурлак,
Да третий казак.
Как бурлак-ат пьет,
Серебро кладет;
А чумак-ат пьет,
Червонцы кладет;
А казак-ат пьет,
Нечево не кладет,
Не кладет, не дает,
Шинкарочку манит:
20 — Шинкарочка, шинкарочка,
Пойдем со мной на Дон,
На тихой Дунай.
Как у нас ли на Дону
Да не ткут, не прядут
И не ткут, не прядут,
Хорошо живут,
Горилочку пьют.

№ 14

Зеленая роща
Всю ночь прошумела,
А я, молоденка,
Всю ночку не спала,
Всю ночку не спала,
Сидела все пряла.
Пряди ж, моя пряха,
Пряди, раскурваха,
Да пряди ж, моя пряха,
10 Пряди не ленися.
Я бы рада пряла,
Да льну не достала,
Купить опоздала.
Да меня, младу-младешенку,
Меня в гости звали
Ко соседу в беседу.
Сосед свою дочку,
Сосед свою дочку
Замуж выдавает.
20 Приехали к соседу,
Приехали двое,
Да приехали двое
На вороных конях
В белых балахонах,
В белых балахонах,



«ЗЕЛЕНАЯ РОЩА ВСЮ НОЧЬ ПРОШУМЕЛА...». ЗАПИСЬ А. В. КОЛЬЦОВА

Песни, собранные поэтом. Тетрадь I

Автограф, 1837. Лист с зачином песни

В верхнем правом углу помета Кольцова о посылке записи В. Г. Белинскому для напечатания

Исторический музей, Москва]

Шапочки с углами,
Молодцы с усами,
Молодцы с усами,
Они стоят перед нами,
30 Словно пред князьями,
Один парень холост,
Холост-неженатой,
Белой кудреватой.
То-то мой милой,
То-то мой любезной.

№ 15

Ни по горам я ходила,
Ни во трубы я трубила,
Всё бы с милым говори⟨ла⟩.
Друг мой милый чернобровой,
Не садись против меня,
Люди скажут: любишь меня,
Если любишь, мил, скажися,
А не любишь — откажися.
Закладайте лёхки санки,
Я поеду к другу в гости.
Сашинка навстречу выходила,
Милая навстречу выходила,
Ваня с саночек слезает,
Со здоровьем поздравляет:
— Здраствуй, мила⟨я⟩, как живеши?
— Я живу ли поживаю,
Все с купцами пребываю,
Все с купцами молодцами.

№ 16

Во сыром-та бору брала Маша ягодки,
Она, бравши ягодки, заблудилася,
Заблудившись, приаукнулась:
— Ты ау, ты ау, мил сердечной друг...
— Не аукайся, моя Машинка,
За мной ходят здесь три сторожа:
Первой сторож — тесть мой батюшка,
Другой сторож — теща матушка,
Третий сторож — молода жена.
Ты взойди-ка взойди, туча грозная,
Ты убей-ка громом тестя-батюшку,
Молоньей ты сожги тещу-матушку,
Лишь не бей ты, не жги молодой жены
С молодой женой сам я справлюся,
Я слезами ее — слезьми вымочу,
Я кручинушкой жену высушу,
Во сыру землю положу ее,
А тебя, Машинка, за себя возму.

№ 17

. . . . . .
А подруженки ожидать,
Будет миленкой пенять.
Пойду с горя за водою,
Возму перстень я с собою,
Пущу перстень по воде,
Он не мокнет, не плывет,
Прочь от девушки нейдет.

№ 18

Поп ты чудила, поп буян
Безобразно всегда пьян,
Разбессовес⟨т⟩ны глаза,
Куда дел ты образа?
Образов ты не нашел,
Так домой поп пришел,
Попадью послал искать.
Попадья не нашла,
Так домой опять пришла,
К попу грубо приступила,
Попа за косы рвала.
Поп с досады побежал
Ко Танюшки во терем.
Как увидели попа
Три сержанта из окна,
Они хлопнули окно,
Побежали за попом.
Три сержанта приходили,
С Таней грубо говорили.
Учливо Таня отвечала:
— Вы, сержанты молодцы,
Вы зачем ко мне пришли?
— Нам не надобно тебя,
А нам выдай лишь попа,
За молебен денег дать,
За молебен заплачу,
С попа рясу сколочу.
Поп увидел, что беда,
Он кидается с окна
Из третьего этажа.
Поп по улице бежал,
Никто попа не держал.
Поп увидел, что не время,
Ухватил портки в беремя,
Ко заставе подбежал,
Солдат ружьем удержал,
Три оплеухи попу дал.

№ 19

Танюшка, Татьяна,
Соседка моя!
Почему же, Татьянушка,
По мыслям пришла,
По моему разуму
Молодецкому?
По горенке Таня ходит,
Головку чешет,
Чешет Таня головушку
И косу плетет,
Букетову алу ленту
В косу вплетает,
А другую, голубую,
На шею кладет,

Третью, разноцветну,
Подпоясывает.
Иванушка Танюшку
Стал спрашивати:
— Скажи, скажи, Танюша,
Кто ленты купил?
— Букетову алу ленту
Мой батюшка купил,
А другую, голубую,
Милой подарил,
Третью, разноцветну,
Сама нажила.
Иванушка Танюшку
Зовет в темный лес:
— Пойдем, пойдем, Танюша,
В темной лес гулять.
Вырыем черемушку
Что молодинкую,
Посадим черемушку
У себя во саду,
У себя в саду-садочке
Под красным окном,
Будем мы черемушку
Чаще поливать.
Нельзя черемушку
Зелену ломать,
Не выбравши красну девку,
Нельзя замуж брать.
Я выберу-повысмотрю,
Возьму за себя.
Поил-кормил сударышку,
Все прочил себе,
Досталась любезная
Иному, не мне,
Иному, немилому,
Злодею моему.

№ 20

От еды младу отбило
Бражка в горлушко нейдет,
Ай люли, ай люли,
Бражка в горлушко нейдет,
Все мерещится детинка
Наяву мне и во сне,
Где не встретится со мною,
Взбудоражится все во мне.
Как мил пройдит да не взглянит
То морозом подерет.
Вдоль спины он перпояшит
Хворостиной аль кнутом,
А мне за чисть [1*] и не больно,
Хоть малиной не корми.
Одно слово милой скажит:

[1*] Честь.— *Ред.*

— Окаянна лихорадка,
Привязалася, отстань!
Захотелось мне марковки,
Я на рыночик пошла.
20 Все Петровки исходила,
Я марковки не нашла
Ни в Тихинки, ни в Полянки,
Ни в Охотном ряду нет.
Я дождуся той поры,
Как наедут торгаши, *2*
Молодчики хороши,
Накуплю шелку белова,
Я краснова кумачу,
Ширинoчек настрочу.
30 Я дождуся тово парня,
Как овин пойдет сушить.
Он подарочик примёт,
Он погуторит со мной.
Если хочешь разгуляти,
Были б денежки с тобой.
Когда пьян будешь валяться,
Возьми Губкина с собой.
Играл Губкин на гитаре,
А Тритон белой плясал,
40 А Петрушка косолапой
Наливал пива стакан,
Павел с рыжей бородою,
Взявши скрыпку, заиграл,
Развернулся, топнул он ногою,
Себя за бороду рвал.
Что такое за собранье
Появилось ныне здесь,
Все народное гулянье,
Без цыганок негде сесть,
50 Торбанисты с торбанами,
Будто черти с кистенями,
Подойти к ним не велят.
А цыганки, рожи сморщив,
На них издали глядят.

№ 21

Пойду выду на крыльцо,
Не увижу ль милую в лицо.
Перед молодцом девчонка
Призадумавшись стоит. *2*
Не ты ль меня, сударушка,
Повысушила,
Без лютова мороза
Сердце вызнобила.
Пустила сухоту
10 По белому животу,
Рассыпала печаль
По моим по очам,
Заставила знать

И чужую сто́рону.
Приневолила любить
Чужу-мужнию жену.

№ 22

Чтой-то за сердце
Все во мне изныло.
Ляли, лёли, лели,
Все во мне изныло.
Сердечново друга
Верно полюбила.
Чтой-то за милой,
Что за любезной:
Не дает покою
10 Ночною порою,
Принуждает милой
Всегда быть с собою.
Не смутить бы очи,
Сидеть до полночи.
Видишь, я страдаю,
А ты лицемеришь,
Милой, лицемеришь,
Сушишь, не жалеешь.
Али позабыл,
20 Как прежде-та любил,
А ныниче, радость,
Любовь перменил,
Любовь перменил,
Других полюбил.
А иная-то милая,
Чем меня полутче?
Лицом не белее,
Бровью не чернее.
Разве тем полутче,
30 Что живет поближе,
Что живет поближе,
Ходит поснарядней,
Ходит поснарядней
Да глядит почище,
Да глядит почище,
Да целует послаще.

№ 23

Мучаюсь, мальчик, я страдаю,
о, ай Что далеко милая живет,
а Живет, радость, за горами
а, ой Между двух гор высоких.
Между двух гор высоких
а Там слободушка стоит,
ой В этой новой во слободке
Там сударушка живет.
Как бы знал я про нещастье,
10 *а* Сам бы в гости к ней сходил,
ой Всеё правду *ой* расспросил:

— Скажи, радость ты *ой* моя,
Верно любишь ли меня?
Если, радость, верно любишь,
а Возьму замуж за себя, *ой*,
а Если, радость, ты не любишь,
ай Убью, мальчик, сам *а* себя *ой*.
Подпишу я свое *аа* имя,
Что я, мальчик, верен был,
Одноё тебя любил.
Со восточной со сторонки
Воздух повевает,
Знать, моя любезная
Под окошечком *ай* сидит,
ой Таки речи говорит:
— Как и что это за годы
За тяжелыя пришли,
Что это за люди
Неразгадливыя.
Будто эти сами люди
Молоды не бывливали *ии*
Никакой они любов⟨и⟩
Аль не важивали?

№ 24

Не могу я разгуляться,
Тоски-горя разогнать.
Слышит мое сердце,
Долго мне уж не видаться
Со любезным со своим.
Пойду с горя на быструю речку,
Сяду я, сяду на крутой бережок,
Я сидела, девушка, глядела,
Увидала тень свою в воде,
Тень сухая, тень моя холодна,
Со мной нету никаво, *оо*.
Из лесочка было полегонку
Выезжает мой милой,
Он на вороном на коне,
На черкасском на седле:
— Здравствуй, милая моя забава,
Я прощаюся с тобой,
Я теперя отъезжаю
В славен город Питербург.
Я недолго там пробуду,
Назад скоро ворочусь, *2*
Подарочков тебе привезу.
А первой ли подарок —
На голову алинкой платок,
А другой тебе подарок —
На шеюшку жемчушку,
Третий ли подарок —
На руку золот перстенек.
Как на этом перстенечки
Вся написана наша любовь.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ДЕВУШКА ЗА ВЫШИВАНИЕМ
Картина А. Г. Венецианова (масло), 1843
Третьяковская галерея, Москва

№ 25

Ни под свет заря занималася,
Ай люли, люли, занималася.
Ни красно солнце выкаталося,
Мой распостылой муж во постелю слёх,
Во постелю слёх, постель мяхкую,
На перинушку на пуховую.
На кроватушку на тесовую.
Захотел пострел ключевой воды,
Ключевой воды со Дунай-реки,
Приказал постыл в три часа сходить,
В три часа сходить в три минуточки.
В первой час я туда дошла,
А в другой час воду черпала,
А во третий час ко двору пришла.
Мой высок терем растворен стоит,
Все окошечки прираскрытыя,
Разнегодный муж во гробу лежит,
Отец с матерью в головах стоят,
Молода жена во ногах стоит,
Во ногах стоит, думу думает,
Думу думает, думу крепкую:
— Как не плакати — вся исплачуся,
А не плакати — от людей стыдно.
Как одна слеза покатилася,
Да и та назад воротилася.
Мой негодный муж из мертвых востал,
Из мертвых востал, целовать начал.

В хороводе молодой парень ложится наземь. В головах стоят вместо отца и матери парень с девушкой, а в ногах вместо жены — девушка. Хоровод поет песню. Девушка, заменяющая жену, в конце песни плачет. Мертвый встает, целуется с ней. Весь хоровод грохочет наповал.

№ 26

Я сажу-сажу капустку,
Сажу белинкую — ай ли-ли-люли,
Сажу белинкую.
У кого нет капусты,
Иди к нам в огород,
Иди к нам в огород
Да капустку полоть.
Ваня взял тычину,
Пришел к нам в огород,
10 Пришел к нам в огород
Да капустку полоть.
Он капусты не ломал,
Красных девок выбирал,
Выбирал он, выбирал,
За белыя руки брал,
За белыя руки брал,
За себя становил,
За себя становил,
С собой спать положил.
20 В небе белая заря,
Пора, милой, со двора,
На улице белой свет,

КОСАРЬ

Картина А. Г. Венецианова (?) (масло), 1820-е годы

Фототека Третьяковской галереи, Москва

Местонахождение оригинала неизвестно

Погляжу за милым вслед:
Куда ж миленкой пошел,
Куда скоро побежал?
Он зашел, пострел, зашел
Ко Дуняше вдовиной.

№ 27

Как под лесом под темным
Шелкова трава,
Ай люли, ай люшинки
Шелкова трава.
По травушки по муравушки
Девок хоровод.
Ходил-гулял донской казак,
В гудочик играл,
Играл-играл, выигрывал,
Невест выбирал.
Выходила девчоночка
Тонка, высока,
Танёшинка, равнешинка,
Собой высока.
— Хорошая-пригожая,
Поди за меня!
А не пойдешь, вспокаешься,
Вспомянешь меня.
— Пойти сперва к соседушкам
Спросить про тебя:
Соседушки-шабровушки,
Каков человек?
Соседушки-шабровушки
Не хвалят тебя.
Ой, под лесом под темным
Шелкова трава,
По травушки по муравушки
Девок хоровод.
Ходил-гулял донской казак,
В гудочик играл,
Играл-играл, выигрывал,
Невест выбирал.
Выходила девчоночка
Тонка, высока,
Танёшинька, равнешинка,
Собой хороша.
— Хорошая-пригожая,
Поди за меня!
А не пойдешь, вспокаешься,
Вспомнишь меня.
— Пойду сперва к соседушкам
Спрошу про тебя:
Соседушки-шабровушки,
Каков человек?
Соседушки-шабровушки
Не хвалят тебя:
— Он пьяница-пропоица,
Пропьет и тебя.

Ой, под лесом под темным
50 Шелкова трава,
По травушки, муравушки
Девок хоровод.
Ходил-гулял донской казак,
В гудочик играл,
Играл-играл, выигрывал,
Невест выбирал.
Выходила девчоночка
Тонка, высока,
Танёшинка, равнёшинка,
60 Собой хороша.
— Хорошая-пригожая,
Пойди за меня!
А не пойдешь, вспокаишься,
Вспомянишь меня.
— Пойтить сперва к соседушкам
Спросить про тебя:
Соседушки-шабровушки,
Каков человек?
Соседушки-шабровушки
70 Все хвалят тебя,
Соседушки-шабровушки:
Доброй сосед.

№ 28

В селе, селе Измайлове,
Калина, малина,
В приселочке Черкесове,
У дуба ли у сырова
Сидит девушка красавица.
Не так сидит —
Тачот пояс,
Тачот пояс
Разных шелков
10 Семи цветов,
Семи цветов
Рассыпчатых.
Она точот,
Слезно плачит:
— Кому ж я достануся?
Достанусь ли я старому,
Как старой муж —
Неровня мне,
Не под ровню, не по росту
20 Он спать идет —
Кахи, кахи!
Вставаючи, перхаючи.
Меня, младу, горе берет,
Кручинушка великая.
В селе, селе Измайлове,
В приселочке Черкесове,
У дуба ли у сырова
Сидит девка красавица.
Не так сидит —

30 Тачот пояс,
Тачот пояс
Разных шелков,
Разных шелков
Семи цветов,
Семи цветов
Рассыпчатых.
Сама точот,
Слезно плачит:
— Кому же я достануся?
40 Достанусь ли я малому,
Как малой муж —
Неровня мне,
Недровню не по росту.
Он спать идет,
Сам слезы льет,
Вставаючи, рыдаючи.
Меня, младу, горе берет,
Кручинушка великая.
В селе, селе Измайлове,
50 В приселочки Черкизове,
У дуба ли у сырова
Сидит девка, что ягода.
Не так сидит —
Тачот пояс,
Тачот пояс
Разных шелков,
Разных шелков
Семи цветов,
Семи цветов
60 Рассыпчатых.
Она тачот,
Песни поет:
— Кому же я достануся?
Достанусь я ровнюшки.
Он спать идет,
Песни поет,
Вставаючи, играючи.

№ 29

Винной мой колодесь,
Винной мой глубокой,
А что в тебе воды нет? 2
— Конь воду выпивал, 2
Копытами выбивал. 2
Нашева Ивана 2
Дома не случилось, 2
Поехал наш Иван 2
В Казань-город погулять. 2
10 Приехал наш Иван 2
Из Казани-города́, 2
Привез наш Иван 2
Казанскую умницу. 2
— Казанская умница, 2
Стели ты постелюшку. 2

Винной мой колодесь,
Винной мой глубокой,
А что в тебе воды нет? *2*
— Конь воду выпивал, *2*
20 Копытами выбивал. *2*
Нашева Ивана *2*
Дома не случилось, *2*
Поехал наш Иван *2*
В Каширу погулять. *2*
Приехал наш Иван *2*
Из Каширы-города́, *2*
Привез наш Иван *2*
Каширскую умницу. *2*
— Каширская умница, *2*
30 Клади изголовьеце. *2*
Винной наш колодесь,
Винной наш глубокой,
А что в тебе воды нет? *2*
— Конь воду выпивал, *2*
Копытами выливал. *2*
Нашева Ивана *2*
Дома не случилось, *2*
Поехал наш Иван *2*
В Москву-город погулять. *2*
40 Привез наш Иван *2*
Московскую умницу. *2*
— Московская умница, *2*
Ложись со мной спать. *2*

№ 30

Течет речка
Вниз по камушкам,
Ай люли-люли
Вниз по камушкам.
По новым сеням,
По чистым ступеням
Кто охоч гулять,
Передайся к нам,
У нас молодцы
10 Есть хорошие:
Первой молодец —
Алексей сударь,
Другой молодец —
Ларион сударь,
Третий молодец —
Что Иван сударь.
Течет речка
Вниз по камушкам.
По новым сеням,
20 По чистым ступеням
Кто охоч гулять,
Передайся к нам,
У нас девушки
Есть хорошие:
Перва девушка

У нас Аннушка,
Друга девушка
Есть Агафьюшка,
Третья девушка —
30 Что Авдотьюшка.
Кто охоч гулять,
Передайся к нам.

№ 31

Что за диво за такое,
Офицер молодой,
Офицер молодой,
Под ним конь вороной,
Офицер молодой,
Под ним конь вороной. *2*
Черна шляпа со пером,
Под ним конь вороной,
Черна шляпа со пером, *2*
10 Аполеты с серебром,
Черна шляпа со пером,
Аполеты с серебром.
На нем шляпа-та смеется,
Аполеты говорят,
На нем шляпа-та смеется,
Аполеты говорят,
Золотая портупея
Улыбается на нем,
Золотая портупея
20 Улыбается на нем.
Черну шляпу скидаёт
Саши честь отдает:
— Здраствуй, Сашинка моя,
Дома ль матушка твоя?
Здраствуй, Сашинка моя,
Дома ль матушка твоя?
— Ни батюшки, ни матушки
Ни бывало никово,
Ни батюшки, ни матушки
30 Ни бывало никово, *2*
Полезай ко мне в окно!
Ни бывало никово,
Полезай, сударь, в окно!
Офицер молодой
В окно руку протянул,
Казак плеткою стегнул,
Он лишь руку протянул,
Казак плеткою стегнул:
— Не боярска, сударь, честь
40 В окно к девушке лезть,
Не боярска, сударь, честь
В окно к девушке лезть.

№ 32

Как и я, молода,
И бела и румяна.
  Ай що ж, ну да що ж,
  Ну що ж, ягодка моя!
И бела и румяна,
Черноброва хороша,
Черноброва хороша
Чернобыль-траву рвала,
Гусей-лебедей гнала,
Гусей-лебедей гнала
Приговаривала:
— Привыкайте, мои гуси,
Ко студеной ко воде,
Ко студеной ко воде,
Ко Воронежу-реке,
Как и я молода —
Ко чужой семье,
Ко чужой ко семье,
Ко свёкрову ко двору,
Ко свёкрову ко двору,

«КАК ЗА РЕЧКОЮ, КАК ЗА БЫСТРОЮ...»
Лубок (гравюра на меди). М., 1850
Музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки, Москва

Ходит свёкор во двору
Ходит свёкор по двору,
Расчесавши голову,
Расчесавши голову,
Разбумашавши бороду́,
А свекровья па пече,
Как борзая на чепе,
Что борзая на чепе,
Держит гребень на плече.
30 А деверья, что кобелья,
По залавочью лежать,
По залавочью лежать,
По-собачьи говорять.
А золовки-колотовки
Под окошечком сидят,
Под окошечком сидят
Перешептывают,
Перешептывают,
Перговаривают.
40 — Вы, золовки-колотовки,
Не кутите, не мутите,
Не ку⟨ти⟩те, не мутите,
Сами в людях будете,
Сами в людях будете
И мне разумеете,
И мне разумеете,
Про меня вспомя⟨не⟩те.
Ой що ж, ну да що ж,
Ну що ж, ягодка моя!

№ 33

Весенняя песня

ио ой Ты стой, моя роща,
оой Ты стой, моя роща,
Стой, не расцветай,
Стой, не расцветай!
ой Стой, мил хороводец,
ой Стой, мил хороводец,
Стой, не расходись,
Стой, не расходись!
а ой Я в том хороводи,
10 *а ой* Я в том хороводи,
Молодчик, плясал,
Молодчик, плясал.
а ой Плясал я, молодчик,
а ой Плясал я, молодчик,
Водил я таночик,
Водил я таночик;
а ой Водил я таночик,
а ой Водил я таночик,
Сронил я веночик,
20 *а ой* Сронил я веночик,
а ой Сронил я веночик;
Против батюшки,
Против батюшки.

а ой Ты, батюшка, поди,
а ой Родимый, поди
Венок подыми,
Венок подыми!
а ой Батюшка нейдет,
Родимый нейдет,
30 Венка не несет,
Венка не несет.
То горе мое,
а ой То горе мое,
Гореваньице,
Гореваньице.
а ой Головка моя,
а ой Головка моя,
Победненькая,
Победненькая,
40 Сердечко мое,
Сердечко мое
Занывчатое,
Занывчатое,
а ой Занывчатое,
а ой Занывчатое,
Надрывчатое,
Надрывчатое.

а ой Ты стой, моя роща,
а ой Ты стой, моя роща,
50 Стой, не расцветай,
Стой, не расцветай!
Стой, мил хараводец,
Стой, мил хараводец,
Стой, не расходись,
Стой, не расходись!
Я в том хараводе,
а ой Я в том хараводе
Скакал я, плясал,
а ой Скакал я, плясал;
60 *а ой* Скакал я, плясал,
Таночик водил,
Таночик водил,
а ой Таночик водил.
Водил я таночик,
Сронил я веночик,
Сронил я веночик,
а ой Сронил я веночик
Против матушки,
Против матушки.
70 *а ой* Матушка, поди,
Родимая, поди,
Венок подыми,
Венок подыми.
а ой Матушка нейдет,
Родима нейдет,
Венка не несет,
Венка не несет.
а ой То горе мое,

а ой То горе мое,
80 Горевaньеце!
Головка моя,
Головка моя
Победненькая,
Победненькая,
а ой Сердечко мое,
Сердечко мое
Занывчатое,
а ой Занывчатое;
а ой Занывчатое,
90 Надрывчатое,
Надрывчатое.

а ой Стой ты, моя роща,
а ой Стой ты, моя роща,
Стой, не расцветай,
Стой не расцветай,
а ой Стой, мил хараводец,
а ой Стой, мил хараводец,
Стой, не расходись,
Стой, не расходись!
100 *а ой* Я в том хараводе,
а ой Я в том хараводе
Скакал я, плясал,
Скакал я, плясал,
а ой Скакал я, плясал,
а ой Скакал я, плясал;
Скакал и плясал,
Таночик водил,
Таночик водил,
а ой Таночик водил.
110 *а ой* Водил я таночик,
а ой Водил я таночик,
Сронил я веночик,
Сронил я веночик,
а ой Сронил я веночик,
а ой Сронил я веночик
Против девушки.
а ой Ты, девушка, поди,
а ой Красная, поди
Венок подыми.
120 *а ой* Девушка идет,
а ой Красная идет,
а ой Веночек несет,
а ой Веночек несет,
Веночек несет.
а ой То радость моя
И весельице,
И весельице.

№ 34

Та же

Ты стой, моя роща,
Стой, не расцветай,
Стой, мил хараводец,

Стой, не расходись.
Я в том хараводе,
Молодчик, плясал,
Плясал я, молодчик,
Водил я таночик,
Сронил я веночик
10 Против батюшки,
Против роднова.
Ой ты, батюшка, поди,
Родимой, поди
Венок подыми!
Батюшка нейдет,
Родимой нейдет,
Венка не несет.
То горе мое,
Гореваньеце,
20 Головка моя
Победнинкая,
Сердечко мое
Занывчатое,
Занывчатое,
Надрывчатое!
Ты стой, моя роща,
Стой, не расцветай,
Стой, мил хараводец,
Стой, не расходись.
30 Я в том хараводе,
Молодчик, плясал,
Таночик водил.
Плясал я, молодчик,
Водил я таночик,
Сронил я веночик
Против матушки,
Против роднинкой.
— Ой ты, матушка, поди,
Родима, поди
40 Венок подыми!
Матушка нейдет,
Родима нейдет,
Венка не несет.
То горе мое,
Гореваньеце,
Головка моя
Победнинкая,
Сердечко мое
Занывчатое,
50 Занывчатое,
Надрывчатое!
Ты стой, моя роща,
Стой, не расцветай,
Стой, мил хараводиц,
Стой, не расходись.
Я в том хараводе,
Молодчик, плясал,
Таночик водил.
Скакал я, молодчик,

60 Скакал я, плясал,
Водил я таночик,
Сронил я веночик
Против девушки,
Против краснинкой.
Ой ты, девушка, поди,
Красная, поди
Венок подыми!
Девушка идет,
Красная идет,
70 Веночик несет.
То радость моя *2*
И весельеце.

№ 35

Ай Дуняшка Фомина, Фомина
По бережку ходила, ходила.
Правой ручкой махнула, махнула.
Сердечушком вздохнула, вздохнула:
— Ах свет моя сторона, сторона
Немецкая слобода, слобода,
Знать, мне там не бывать, не бывать
Вина-пива не пивать, не пивать,
Калачиков не едать, не едать.
10 Вдоль улицы, вдоль улицы, улицы
Мимо кузницы, мимо кузницы
Кует кузнец, приговаривает,
Меня, младу, подговаривает:
— Пойдем, Дуня, в огород, в огород.
Сорвем, Дуня, лопушок, лопушок.
Сошьем, Дуня, сарафан, сарафан.
А пуговки— а рипей, а рипей*,
А петилки — павитель, павитель.
Носи, Дуня, не жалей, не жалей.
20 Износишь, Дуня, наживем, наживем.

№ 36

Как у славнова заводчика
У Титова на дворе
Собиралися набойчики
На Яузу погулять.
Они речи говорят,
Все Матюшина бранят: *2*
— Пропадай ты, Матюшин, *2*
Со заводом со своим,
Со заводом со своим,
10 Со товаром со гнилым, *2*
И с приказчиком лихим,
Со товаром со гнилым
И с приказчиком лихим.
Как дай, боже, пожить,
Нам Титову послужить,

---

* репей.— *Ред.*

ЗИМА
Рисунок (гуашь) А. О. Орловского, 1825
Третьяковская галерея, Москва

Как и дай, боже, пожить,
Нам Титову послужить.
На работу посылает,
Вперед денежки дает,
На работу посылает,
Вперед денежки дает.
Обделяет молодцов
Он по сотни по рублей,
Обделяет молодцов
Он по сотни по рублей.
Как мы день-то работали,
Ночь по улицам гуляли,
Как мы день-то работали,
Ночь по улицам гуляли,
Красных девок забавляли,
Ночь по улицам гуляли,
Красных девок забавляли.
Как пропился *моторной*,
Прогулялся удалой,
Как пропился *моторной*,
Прогулялся удалой.
Спонадеялся *моторной*
На добычу на свою,
Спонадеялся моторной
На добычу на свою.
Как большая-то добыча
Хуже маленкой,

Как большая-то добыча
Хуже маленкой,
А с болшим барышом
Находишься-находишься.
А с болшим молодцом
Находишься нагишом.

В Москве поют на фабрике фабришные на семик.

№ 37

Об чем мальчик сумневался,
Век об девушки страдал,
ай Век об девушки страдал, *2*
аа По нещасной воздыхал, *2*
Дён веселых не видал.
а За твою красу прелестну
аа Уродилась хороша, *2*
аа Будто краль, душа моя.
Не от жару цветы вянут,
10 Не с прохладныя росы, *2*
Не узрил твоей красы.
Я не для красы страдал — *2*
Для мученья своего. *2*
— Что твое ли я мученье *2*
Почитала ни за што.
Я за то дружка любила, *2*
Не занялся ни с какой, *2*
Ни с Сашиной красотой.
Уж ты, Сашинка-Сашутка, *2*
20 Саша милая моя, *2*
Не ходи мимо сада,
Саша милая моя,
Не ходи мимо сада, *2*
Не прокладывай следа, *2*
Дороженки не тори,
Молодчика не суши, *2*
Худой славы не клади;
Худа славушка пройдет,—
Никто замуж не возмет.

---

30 Не ходи мимо сада,
Саша милая моя,
Не ходи мимо сада, *2*
Не прокладывай следа,
Дороженку не тори,
Молодчика не суши, *2*
Худой славы не клади. *2*
Худа славушка пройдет,— *2*
Никто замуж не возмет,
Худа славушка пройдет,—
40 Никто замуж не возмет.

№ 38

По морю, по морю, по тихому озеру
Ехал пан, ехал пан, ехал пан,
Ехал пан со князем.

КРЕСТЬЯНСКИЙ ОБОЗ
Рисунок (гуашь) А. О. Орловского, 1820-е годы
Исторический музей, Москва

Увидал-усмотрел
Красных девок во кругу.
Всех дарил, всех дарил, всех дарил,
Дарил девок лентами,
Красных алыми.
Сронил пан, сронил пан, сронил пан
Черную шляпу со пером,
Черную шляпу со пером,
Со пером, со пером, со пером
Павлиньим
Против двух, против двух, против двух,
Против двух красных девушек.
— Девушки красныя, девушки красныя,
Подай шляпы черныя!
— Панушка батюшка, мы твои не служанки,
Мы твои не верныя.
Служанки мы, служанки
Родимому батюшки.
По морю, по морю, по тихому озеру
Ехал пан, ехал пан, ехал пан,
Ехал пан со князем
Увидал-усмотрел
Красных девок, красных девок во кругу,
Красных девок во кругу.
Всех дарил, всех дарил, всех дарил,
Дарил девок лентами,

30 Дарил красных алыми.
Сронил пан, сронил пан, сронил пан
Черную шляпу со пером
Против двух, против двух, против двух
Красных девушек.
— Девушки красныя,
Подай шляпы черныя!
— Панушка батюшка,
Мы ваши не служенки,
Мы ваши не верныя.
40 Служенки, служенки
Родимой матушки.
По морю, но морю, по тихому озеру
Ехал пан, ехал пан, ехал пан,
Ехал пан со князем пьян, *2*
Увидал-усмотрел
Красных девок во кругу.
Всех дарил, всех дарил,
Дарил девок лентами,
Дарил красных алыми.
50 Сронил пан, сронил пан
Черную шляпу со пером,
Со пером павлиным
Против двух, против двух,
Против двух красных девушек.
— Девушки красныя,
Подай шляпы черныя,
Подай шляпы черныя,
Черныя, черныя
Со пером павлиным!
60 — Панушка батюшка,
Мы твои все служанки,
Мы твои все верныи.

Один парень становится на одном месте. Все пары ⟨*1 нрзбр.*⟩, друг дружку беря ⟨*1 нрзбр.*⟩ за руки. Начинают ходить кругом парня и поют песню. «Сронил ленту» — в то время бросит шляпу парень. Хоровод останавливается и поет до «панушки, батюшки». Парень сам поднимает шляпу, ходит среди хоровода и подпевает до «сронил пан шляпу со пером». Он снимает шляпу, бросает на землю и стоит над ней. Хоровод себя останавливает до «панушки, батюшки, мы твои не служанки». Потом хоровод ⟨*1 нрзбр.*⟩ Парень поднимает шляпу в третий ⟨раз⟩; в то же время бросит шляпу и в конце песни: «мы твои служанки». Две девушки входят в середину хоровода, поднимают шляпу, надевают на парня, он их целует.

№ 39

Как по сеням, сеням, сенюшкам,
По новым сеням решотчатым
Тут ходила красна девица душа,
Пробужала удалова молодца:
— Уж ты встань-проснись, удалой молодец,
Пробудись, душа отецкой сын,
Отвязался твой удалой конь
От столба, столба дубовова,
От колечка полужонова;
10 Поломал он весь железной тын,
Прищипал весь зеленый сад
Со калиною, малиною,
С черной ягодой смородиной.

— Не тужи ты, красна девица душа,
Не печаль ты удалова молодца,
Наживем с тобой железный тын,
Разведем с тобой зеленой сад,
С калиною, малиною,
С черной ягодой смородиной.

№ 40

Вейся, вейся, хмелинушка,
Через тын на улицу.
Во моем ли во садику
Раздолье широкое, *2*
Приволье хорошее.
По том по раздольицу
Ходил-гулял молодец,
Связал свою головушку
Фатою зеленою.
Увидала матушка
Из высока терема.
— Дитя ль мое, дитятко,
Дитя-чадо милое,
Что ходишь не весело,
Гуляешь не радостно?
— Родимая матушка,
К чему веселиться мне?
Друзья, братцы женются,
А я неженат хожу.
— Дитя ль мое, дитятко,
Дитя-чадо милое,
Иди в хоровод девичий,
Возьми что ни лутчую *2*
Дочерю соседскую.

№ 41

Чернецкое пиво
Разымчиво было.
Чернечик, чернечик,
Чернечик ты мой,
Горюн молодой.
Вступила хмелина
В буйну голову.
Чернечик, чернечик,
Чернечик ты мой,
Горюн молодой.
Березки я резал,
Метелки вязал.
Березки, березки,
Березки я резал,
Метелки, метелки,
Метелки вязал.
Метелки вязал,
Я возок наклал.
Я возок, я возок,
Я возок, возок наклал.
Я возок наклал,

Буренку впрягал.
Буренку, буренку,
Буренку впрягал.
Буренку впрягал,
В Москву отправлял.
В Москву, в Москву,
В Москву отправлял.
В Москву отправлял,
По метлы кричал,
По метлы, по метлы,
По метлы кричал.
Случилося ехать
Немецкой слободой.
Чернечик ты мой,
Горюн молодой.
Увидел он девчонку,
Сидит под окном,
Сидит, сидит,
Сидит под окном.
Сидит под окном,
Играет цветком.
Играет, играет,
Играет цветком.
Лягонко подкрался,
Тихонко сказал.
Тихонко, тихонко,
Тихонко сказал.
Тихонко сказал:
— Я тебя люблю,
Люблю, люблю,
Люблю, люблю.

№ 42

Как за лесом, за лесочком,
Как за темным за зеленым
Долинка была широкинькая.
Как на этой на долине,
Как на этой на широкой
Осока растет, зелено́ цветет.
Как на этой на осоке,
Как на этой на зеленой
Пастушок овец пасет,
Стадо стережет.
Из тово ли из лесочка,
Из тово ли из темнова
Девушка идет,
Красная идет,
В руках несет два платочка,
В руках несет два веночка:
Себе да ему — милому своему.
— Пастух, пастух, пастушочик
Пастух миленкой дружочик,
Скотинку паси, ночевать ходи.
— Уж, девка красавица,
Дай со стадом управиться,
Стадо соберу, домой погоню

РУССКАЯ ПЛЯСКА

Акварель неизвестного художника, 1820-е годы
Литературный музей, Москва

Через то село Покровски,
Через то село большое,
К жене забегу, про все расскажу:
— Жена ль моя, боярыня,
Московская сударыня,
Не жди ночевать
На стару кровать:
Вечор меня девки звали,
Вечор красны позывали
К себе ночевать
На нову кровать.
Я пошел на ту долину,
Где вечор гонял скотину,
Там девушки нет,
Молоденкой нет.
Знать, девчонка запропала,
За часты кусты запала.
Девчонка услыхала,
Громким голосом вскричала:
— Я, миленкой, здесь, хорошинкой, здесь!
Парень девки взрадовался,
На белы груди бросался,
Начал целовать, целовать,
Начал миловать.
— Отойди ты, пастух мерзкой,
Мужик деревенской!
— Полно, не шути со мной, не дури.
Чем ты мною недовольна,
Чем ты, красна, недовольна?

Позволь говорить,
Я буду дарить
На шеюшку платочик,
На ручку перстенечик,
Аршин кумачу.
Люблю, что хочу.

№ 43

Сохнит в поле травка
И завянит корешок,
Долго-долго дожидался
Тучи грозной со дождем.
Полно, сердце, сокрушатся,
Мил не слышит обо мне.
Было время тосковала,
Когда мил меня любил.
Нынче милой перменился,
Он иную полюбил.
Сколько писем не писала,
Ни одно друг не читал,
Ручьем слезы проливала,
А тово он не видал.
Сколько вздохов испущала,
Ни 'дново [1*] он не слыхал;
Я пойду в леса дремучи,
Там скончаю жизнь мою.
Ничего в лесах не слышно,
Лишь дубровушка шумит,
Ничего в лугах не видно,
Только стадо лебедей.
Все лебедушки попарно
Ходют по лугу они,
А я, горькая, нещасна,
Живу в горе и одна.

№ 44

Чей это садочик
Зеленёшинек стоит?
Чей во садике терем?
Побывал бы я в нем.
Чья во тереме
Кроватушка тесовая?
На кроватушки лежит
Перина пуховая,
На перине одеяло
Соболиное лежит,
Соболиное, тафтяное,
Лежит девушка Татьяна,
Хороша-пригожа,
Взял бы, взял бы за себя,
Приукрасил для себя.
Снаряжу свою сударушку
Полутчее всех,
И полутче, и почище,
И повежливее.

[1*] ни одного. — *Ред.*

20 Я состроил бы сударушки
Червончатой корабль,
Нанял своей сударушки
Гребцов молодцов, *2*
Славных песенников.
Вниз по речинки гребут,
Песни весело поют.
Как один молодец
Он гресть не гребет, *2*
Он и песен не поет,
30 Только с ножки на ножку
Поскакивает,
Да сапог о сапог
Поколачивает,
Приговаривает:
— Как и эти сапоги
Издалече везены
Из матушки из Москвы, *2*
Из Немецкой слободы,
Полтора рубля даны.

№ 45

Ох ли, пропала пропажа
У богатова купца,
Да не сто рублей пропало,
Да не тысяча его,
Да не сто рублей пропало,
Да не тысяча его.
Ох ли, пропала пропажа —
Чадо милое, дитя.
Ох ли, искали пропажу
10 По болотам, по лесам,
Ох ли, нашли эту пропажу
У соседа на саду,
У соседа на дворе,
В новой бани под полком.
Ох ли, буйная головушка
Испробитая лежит,
Ее русая коса —
Растрепаны волоса,
А ее цветное платье
20 На жёрдочки висит,
Миткалитная рубашка
В кровь измаранная.
Ох, вот рассукин сын Гришутка
Под окошечком сидит,
Сам в окошечко глядит:
— Ох, не за мною ль, молодцом, едут,
Не меня ли в гости звать
Ох, на тройки лошадях
Да на новых на санях?
30 Посадили Гришутку
В новы сани на задок,
Повезли Гришутку
К губернатору на двор.
Вот стал губернатор

Его спрашивать:
— Ты скажи, скажи, Гришутка,
Не утай свово греха,
С кем же ты девицу,
С кем ее убил?
40 Кто товарищ тебе был?
— Ох, да не один я был
И товарищ со мной был:
Вот мой первой товарищ —
То моя темная ночь,
Другой мой товарищ —
То булатной нож,
А как третий-то товарищ —
То мой доброй конь,
А четвертый товарищ —
50 Востра сабля наголо.
Потом губернатор Гришу
И домой пустил.
Пошел наш Гришутка
Да и песенку запел.

№ 46

Зимовая стужа
Нам, солдатушкам, служба,
Гонют на ученье,
Очень холодно.
Ножинки озябли
От белова снега,
Ручинки простыли
От *светлова* ружья.
Сума да патроны
10 Плечи обломили,
Тесак, остра сабля
Ножинки отбили,
Бела протупея
Сердце переела.
Господа гуляют,
Ничего не знают.
Капитан наш Разин
Вышел на крылечко,
Он молвил словечко,
20 Вышел на крутое,
Промолвил другое:
— А што ж вы, ребяты,
А што ж приуныли?
Водочки не пили?
— Мы водочки не пили:
В карауле были.

№ 47

Жил я у пана первое лето,
Дали мне у пана курочку за это.
Моя курка ⟨...⟩ по двору ходит,
Ай, курочка, курочка, черной хохолок
Жил я у пана во второе лето,

ВОСКРЕСЕНЬЕ В ДЕРЕВНЕ

Гравюра с акварели Н. Д. Дмитриева, 1850-е годы

Литературный музей, Москва

Дали мне у пана утюшку за это.
Моя утка ⟨...⟩
По двору ходит, хохол раздувает.
Жил я у пана третие лето,
Дали мне у пана гусака за это.
Мой гусак черноус.
Жил я у пана четвертое лето,
Дали мне у пана зайца за это.
Мой заяц о трех ⟨...⟩.
Жил я у пана и пятое лето,
Дали мне у пана теленка за это.
Мой теленок ⟨...⟩.
Жил я у пана на шестое лето,
Дали мне у пана жеребца за это.

№ 48

В гостях Дуня гостила,
Во беседушке сидела.
Я немного посидела,
Много дела сделала:
Что ни лутчива молодчика
Ко любови призвала
И любовником назвала.
Хорош, пригож уродился,
До девушек ласков,
На речах-то говорлив.
Вечор с милым танцевали,
Милый ручку крепко жал,
Проявился в лице жар.

Пойду-выду на крылечко,
Простужу белое лицо.
Неужели лица простудить?
Мил по улице идет,
Он подарочик несет,
Подарок дорогой —
20 С руки перстень золотой.
Мне куда его девать?
Как самой его носить,
Будет матушка бранить.

Песни, записанные А. В. Кольцовым. Автограф. ГИМ, ф. 56 (Бессонов «Песни, собранные Киреевским»), п. 2.

Рукопись состоит из пяти тетрадей формата современной школьной тетради в $^1/_4$ л. Бумага первых трех тетрадей голубовато-серая, выцветшая. Все три тетради пронумерованы римскими цифрами I, II, III, и каждая озаглавлена «Народные песни». Первая тетрадь на л. 2 имеет второе заглавие: «Народные песни, собранные Алексеем Кольцовым. Воронеж, 1837».

Каждая песня писалась Кольцовым с новой страницы. Судя по почерку, это беловые тетради: зачеркнутые и замененные строки и слова встречаются редко, почерк ровный. Листы первой тетради сшиты нитками (20 лл.). В первой тетради содержится 14 песен (пронумерованных *№ 1—14*).

Вторая тетрадь представляет собою непосредственное продолжение первой. Нумерация песен в ней — *15—18*, но пагинация отдельная (лл. 1—4).

Запись песни *№ 17* не имеет начала, по-видимому, одного листа с записью этой песни недостает. На оборотной стороне л. с записью песни *№ 16* — черновой автограф ранее не публиковавшегося стихотворения Кольцова «Прокатился месяц по небу...», написанного в стиле народной песни. На листе стоит цифра «40», очевидно, номер страницы из какой-то тетради Кольцова с его стихотворениями. Страница эта перечеркнута Кольцовым, очевидно, для того, чтобы издатель не спутал его стихотворений с подлинными народными песнями.

На полях каждой из следующих песен первой и второй тетрадей в правом или левом верхнем углу рукою Кольцова чернилами сделана надпись: «Сдано Белинскому в „Наблюдатель“»: № 1 «Как у князя было, князя, у князя Волконского»; № 3 «Попляшите, девушки»; № 4 «Приехали купчики с-под Москвы»; № 7 «Ты взойди, ты взойди, красно солнушко»; № 9 «Ты воспой, ты воспой, душа соловьюшек»; № 10 «Никому так не досталось»; № 11 «По лужочку гуляла»; № 14 «Зеленая роща»; № 15 «Ни по горам я ходила»; № 16 «Во сыром-та бору брала Маша ягодки». Все перечисленные десять песен переписаны Кольцовым набело в особую тетрадь (условно названную нами пятой тетрадью), состоящую из 12 листов серой бумаги. Последний лист тетради чистый; титульного листа нет. На л. 1 начата песня о Ваньке ключнике. Она озаглавлена Кольцовым: «Русская народная баллада» и обозначена цифрой «1». Далее следуют остальные девять песен, но в другой последовательности, нежели в первой и во второй тетрадях. На полях пятой тетради карандашом рукою Бессонова указаны соответствующие номера каждой песни по первой и второй тетрадям, равно как и на полях первой и второй тетрадей в верхнем углу Бессонов карандашом отмечал соответствующий номер данной песни по пятой тетради, которую он везде называет четвертой, обозначая ее «IV» (по-видимому, Бессонов рассматривал первую и вторую тетради, где нумерация песен сплошная, как единое целое).

Вероятно, эта-то пятая (по обозначению Бессонова IV) тетрадь и была отправлена Кольцовым Белинскому, который переписал из нее пять песен, намереваясь напечатать их в «Отечественных записках» (опубликованных в 1954 г. Р. Б. Заборовой по рукописям Белинского из архива А. А. Краевского, см. вступ. заметку, прим. 20. Далее: З а б о р о в а). Цензура воспрепятствовала этому намерению.

По свидетельству Й. А. Бычкова, песня о Ваньке ключнике («Как у князя было, князя, у князя Волконского») не была пропущена цензором и зачеркнута красными чернилами («Отчет имп. Публичной библиотеки за 1889 год». СПб., 1893, стр. 72—73).

В третьей тетради 16 лл. Титульный лист ее с надписью «Народные песни III», как и титульный лист тетради II, разорван. Осталась лишь полоса бумаги примерно в $^1/_3$ страницы, на которой сохраняется надпись. Можно предположить, что титульные листы обеих тетрадей были намеренно оборваны для того, чтобы уничтожить какие-то пометки. Песни в третьей тетради нумеруются заново: 1—14, два последних листа чистые, нумерация листов отсутствует.

Четвертая тетрадь такого же формата, как и первые три, но бумага другая, серая. Тетрадь состоит из 17 лл., сшитых нитками. Титульного листа нет и, очевидно, не было. Наверху первой страницы крупными буквами написано: «Весенняя песня». Под этим

заглавием текст песни «Ты стой, моя роща» (запись с распевом). После нее с названием «Та же» следует текст песни, записанной под диктовку (оба текста не нумерованы). Далее следуют песни под № 2 («Ай Дуняшка Фомина, Фомина»), № 3 («Как у славнова заводчика») и т. д., всего семнадцать песен.

Кроме пяти названных тетрадей, в папке имеется еще одна тетрадь того же формата, представляющая собою копию тетради № 1 (песни *1—14*), в *№ 14* восстановлен вычеркнутый Кольцовым зачин песни — 6 ст. Тексты каллиграфически переписаны набело неизвестной рукой. На титульном листе надпись «Народные песни», на л. 2: «Народные песни, собранные Алексеем Кольцовым. Воронеж, 1837 года».

Песни в записях Кольцова публикуются нами в том порядке, как они переписаны в его тетрадях I—IV, причем вводится порядковая нумерация — 1—48. Две песни, эротические, не печатаются. Очевидно, об этих песнях Кольцов писал Краевскому: «... знаете ли, такая дрянь, что уши вянут; похабщиной битком набиты» (16 июля 1837 г.). Подобные песни входили обычно в репертуар купечества, городского мещанства, дворовых, с которыми Кольцов постоянно сталкивался в повседневной жизни. Сам факт записи этих песен объясняется попыткой следовать новой методике собирания, требующей сплошной записи всего песенного репертуара данной местности.

№ 1. Помещена в I тетради под № 1; в тетради, переписанной Кольцовым для Белинского, песня эта находится под общим заглавием «Русские народные баллады» № 1. Вм. «Волконский» князь везде назван «Русинским».

Запись этой песни была напечатана А. И. Лященко в Полн. собр. соч. Кольцова. Изд. Академии наук. СПб., 1911, стр. 305—306 по автографу Кольцова из архива А. А. Краевского. Текст ее, скопированный рукою Белинского и хранящийся там же («д 20»), был опубликован Р. Б. Заборовой. Разночтения с публикуемым текстом незначительны.

Песня относится к балладам конца XVII — начала XVIII в., встречается в рукописных сборниках XVIII в. До 1860-х годов публикация ее была запрещена, исполнение преследовалось. П. В. Шейн приводит рассказ о том, как в 1850-х годах приближенный царя князь П. М. Волконский, услышав эту песню, приказал высечь певшего ее ямщика («Русская старина», 1885, № 2, стр. 484). Песня была широко популярна в народной традиции; вар.: *СС*, в. 5, стр. 128—163; *НС* № 1929, 1777 (краткие вар.); Соб., т. I, № 25—48.

Без указания имени собирателя (Кольцова) публикуемый текст вошел в *СС*, в. 5, стр. 129; разночтения с публикуемым текстом незначительны. Сюжет песни известен в записи Пушкина (см. настоящ. том, стр. 192), он послужил основой популярного стихотворения В. В. Крестовского, также широко распространенного в устной традиции.

№ 2. Песня лирическая «уличная» (народное название «алелешная»). Соб., т. IV, № 690. Распространена в южных областях (Белгородской, Курской, Орловской и др.). Запись мелодии в книге М. А. Стаховича «Русские народные песни» (переизд. под ред. Н. М. Владыкиной-Бачинской. М., 1964, стр. 40). Текст Кольцова оригинален, в особенности последние строки песни.

№ 3. Лирическая песня. В тетради, переписанной для Белинского, перед текстом заголовок: «Русские народные песни», № 2 (л. 3). Песня развивает широко распространенный в народной традиции сюжет о ревнивом муже-неровне, с деспотизмом которого женщина не хочет мириться. Вар.: Соб., т. II, № 118—128, 373—374.

№ 4 и *15.* Лирические частые песни, иногда сопровождающие пляску. В одном тексте соединяются традиционные образы, фрагменты сюжетных песен и отдельные сюжетные ситуации. В таком сочетании в основных песенных сборниках не встречаются.

№ 5. В др. вар.— лирическая частая. Аналогичного содержания песни — см. Соб., т. VI, № 313—314, 320.

№ 6. Лирическая. Близкий вар.: Соб., т. VII, № 96.

№ 7. Широко распространенная песня о вольных людях. Переписана Кольцовым для Белинского. В тетради Белинского следующие разночтения с публикуемым текстом: ст. 6 — «удалых бурлаков»; ст. 14 повторен дважды; ст. 17 — «хороша лодка изукрашена»; ст. 20 — «лодка обставлена». Текст, переписанный Белинским, опубл.: Заборова, стр. 94. Вар.: *НС* № 1563, 1670, 2480; Соб., т. VI, № 406—418; с упоминанием Разина и разинцев входит в состав разинского цикла. Текст, записанный Кольцовым, отмечен в *СС* как лучший образец, который предполагалось поместить в одном из выпусков «Песен» (в. 7, стр. 155).

Вместо «добрых молодцев людей беглыих» или «сирот бедныих, солдат беглыих беспачпортныих», встречающихся в др. вар., у Кольцова названы «добры молодцы, удалы бурлаки», «бездомовники», в ряды которых также попадали беглые крестьяне и солдаты. Вм. «атамановых помощничков» — атамановы «охотнички». Разработка сюжета в конце песни редкая — введен эпизод о сестре, погубившей брата, что сближает песню с балладами семейно-бытового цикла. В такой редакции см. у Якушкина «Народные стихи и песни», стр. 577 (Соб., т. VI, № 416). В др. вар. девушка в конце песни либо плачет об утраченной воле (Соб., т. VI, № 406), либо рассказывает сон, предрекая гибель атаману, есаулу и др. (там же, № 408, 410, 413 и др.).

№ 8. Лирическая. Соединены несколько мотивов: о портных (ст. 1—11), упреки молодца девице (ст. 12—27) и основной сюжет — о любви молодца к дочери вдовы

(ст. 28—43). Вар.: *НС* № 1362, 1391, 1534, 1924. Образ домика за рекой, где живет вдовушка, использован Кольцовым в стихотворении «Хуторок» (1839). В стихотворении Кольцова характерная для русских песен «слободка» заменена «хуторком», героиней является не дочь вдовушки, а сама вдова.

№ 9. Лирическая. Относится к группе разбойничьих. Аналогичный зачин: Соб., т. VI, № 485—494. В некоторых вар. вм. соловья — жавороночек. Дальнейшая разработка текста в них иная: молодец просит птицу сообщить о своем житье в неволе отцу, матери и вызволить его из неволи (*НС* № 1403, 2482). В таком виде, как у Кольцова (обещание соловьюшке клетки кленовой, сетки шелковой и т. п., отказ соловьюшки и просьба отпустить на волю), песня в сборниках не встречается. Но текст ее был использован Чайковским в опере «Опричник» — «Песня Наташи» (I акт), либретто которой составлено по одноименной трагедии И. И. Лажечникова. В драме текст этой песни отсутствует.

№ 10. По содержанию близка к известной народной балладе «Усы» (текст, переписанный Белинским, опубликован: Заборова, стр. 96). Начало сравнительно позднее. Белинский в статье о народной поэзии называл эту балладу, отмечая в ней элементы социального протеста (Белинский, т. V, стр. 439—440). Он процитировал ст., аналогичные ст. 13—16: «Мы не воры,— мы ⟨не⟩ разбойнички, атамановы мы работнички», встречающиеся также в песнях разинского цикла.

В Собрании Киреевского опубликован небольшой отрывок, соответствующий ст. 7—24 публикуемого текста. Сопоставление его с текстом, переписанным из тетради Кольцова Белинским,— см. Заборова, стр. 91.

№ 11. Текст, переписанный Белинским, опубликован: Заборова, стр. 95. Разночтения с публикуемым в настоящ. томе незначительны. Ст. 10—11 в тексте Белинского отсутствуют.

Песня лирическая, вар. широко распространенного сюжета: *НС* № 1582, 1897, 1982, 2081; Соб., т. I, № 139—146. Из них ряд вар. в записях XVIII — начала XIX вв. Наиболее близок к данному вар.— Соб., т. I, № 146 (из «Отечественных записок», 1848, № 8, Смесь, стр. 27).

Текст Кольцова отличается большей полнотой и поэтичностью.

№ 12. Лирическая. В основе — распространенный сюжет о разлуке с милым, тяжело переживаемой девушкой. Наиболее близкие вар.: Соб., т. V, № 559—564. Текст Кольцова полнее и поэтичнее. В нем встречаются образы бушующих ветров, синего моря, мотив гадания девушки по траве-крапиве, отсутствующие в др. вар.

№ 13. Лирическая, широко распространенная; вар.: Соб., т. I, № 216—225.

№ 14. Игровая. В тетради (II) песня первоначально имела другой зачин (6 ст.), вычеркнутый Кольцовым:

Зеленая дубрава
Всю ночь прошумела,
Лютая свекровь
Всю ночь пробурчала,
Досужая пряха
Всю ноченку пряла (л. 20).

Вычеркнутые стихи заменены ст. 1—6 публикуемой песни. Вар.: Соб., т. IV, № 53—58. В большинстве записей текст песни начинается словами «Пряди, моя пряха», у Кольцова к нему присоединен другой зачин: «Зеленая роща». В 1830-е годы вар. песни «Пряди, моя пряха» был опубликован: Кашин, кн. III, № 109. Вар. Кольцова отличается от него большей полнотой.

№ 16. Лирическая. Текст, переписанный Белинским, опубликован: Заборова, стр. 95. Существенных отличий от публикуемого текста нет.

Песня была широко распространена в первой половине XIX в. Вар.: *НС* № 1389, 1508, 2069 (запись 1831 г.). Вар. Кольцова наиболее полный. В др. вар. отсутствует обещание расправы с тестем, тещей и молодой женой, вм. него — выражение покорности.

Текст Кольцова был опубликован Белинским в приложении к четвертой статье о народной поэзии (Белинский, т. V, стр. 447) в числе других песен, где выражался протест и нежелание покориться обстоятельствам жизни. Для Белинского песни эти были свидетельством силы и несломленности народного духа.

№ 17. Фрагмент неизвестной песни.

№ 18. Антиклерикальный фольклор был широко распространен среди крепостного крестьянства. «Героем всех народных непристойностей,— писал Герцен,— всех уличных песенок, предметом насмешки и презрения всегда являются поп и дьякон или их жены» (Герцен, т. VI, стр. 211). Но исполнители и собиратели фольклора опасались фиксировать такие материалы, и первые записи их, исключая рукописные сборники, встречаются только в Собрании Киреевского.

Текст, записанный Кольцовым, уникален. Отдельные стихи перекликаются с песней, известной по рукописным сборникам, записанной в 1832 г. семинаристом Рагузинским из г. Кашина («Против церкви и религии», № 134, коммент., стр. 275).

№ 19. Лирическая песня. В тетради III под № 1. Вар.: *НС* № 1576; Соб., т. IV, № 799—801. Отклонения публикуемого текста незначительны.

№ 20. Лирическая частая — сочетание разных мотивов (ст. 1—17 — популярный мотив любви к милому, далее со ст. 18 о гулянье с цыганками носит явно городской характер), параллелей обнаружить не удалось.

№ 21. Частая, хороводная, близкий вар.: Соб., т. III, № 468; Варенцов, стр. 130.

№ 22. Сюжет относится к группе лирических частых песен об измене милого. Девушка сравнивает себя со своей соперницей, аналогичный мотив: Соб., т. V, № 304; Якушкин, стр. 596.

№ 23. Лирическая песня из городского репертуара; контаминация ряда популярных мотивов (см. Соб., т. IV, № 261—266, 268—270).

№ 24. Лирическая песня о разлуке с милым. Представляет собою сочетание нескольких мотивов: 1. С горя девушка идет на быструю речку, садится на крутой бережок (ср. «Песни и сказки Ярославской области». Под общ. ред. Э. В. Померанцевой. Ярославль, 1958, стр. 254; запись 1955 г.); 2. Милый выезжает из лесу, прощается с девушкой (ср. Шейн, в. 1, № 756); 3. Милый обещает привезти подарки в знак любви — широко распространенный песенный мотив. См. Студицкий, стр. 25—26.

№ 25—30. Игровые песни. *№ 25.* Вар.: *НС* № 2932; Соб., т. III, № 153, 250; Шейн, в. 1, № 444—446. Ближе к записи Кольцова — Шейн, № 444; др. вар. более отдаленные, имеют иные зачины: «Не сырой-то дуб разгорается» и т. п. *№ 26.* Вар.: *НС* № 2901; Соб., т. IV, № 636—637 (все три вар. очень краткие); Шейн, в. 1, № 290—291 (в прим. указано, что под эту песню производится выбор девицы в хороводе). Наиболее близок к записи Кольцова по полноте и образам вар.: Соб., т. III, № 340 — из Рязанской губ. *№ 27.* Вар.: *НС* № 2731, 2924; Соб., т. II, № 224—232. Вошла во многие сборники начала XIX в.: «Песенник», 1814, ч. IV, стр. 49; «Песенник», 1817, ч. II, стр. 48; «Песенник», 1819, ч. IV, стр. 57; Сахаров, ч. III, № 12, стр. 30; № 2, 3, стр. 50; Терещенко, т. IV, стр. 153. Текст Кольцова типичен, но более полон и строен. *№ 28.* Вар.: *НС* № 2936; Соб., т. II, № 380—382. Зачины во всех вар. другие: «Ай у дуба у сырого» или «Как под дубом, под сырым». *№ 29.* Песня на этот сюжет была опубликована в 1833 г. Кашиным, кн. III, № 114 (вар. краткий). Др. вар.: *НС* № 2668; Соб., т. VII, № 524—530; Шейн, в. 1, № 426—427 — записи из Рязанской, Калужской, Казанской, Орловской и др. губ.; Балакирев, ч. I, № 5.

Шейн описывает игру в хороводе, сопровождавшуюся этой песней: «Во время пения этой песни играющие стоят или сидят, изображая собою круг. В кругу ходит парень-хозяин, который при словах „Питерскую умницу“ указывает рукой на излюбленную им девушку и, выводя ее на улицу, т. е. в круг, целует и ставит посредине. Когда всех их, поставленных рядом, он перецелует, они принимаются за дело: питерская умница стелет постелюшку — рязанская кладет возголовьице, скомкав для этого свой ручной платок» и т. д. В некоторых местностях песня эта бытовала в качестве свадебной. Исследователи считают, что и по происхождению своему она «восходит к игрищам, связанным с народными брачными обычаями» (Балакирев, стр. 290), на это указывает и напев песни.

Балакиревым напев был записан от волжских бурлаков, среди которых песня бытовала в качестве «лямочной». Вар. напева, записанного Балакиревым, был использован Чайковским в опере «Опричник» (IV акт).

№ 31. Лирическая, широко распространена в народной традиции. В роли офицера выступают иногда барин, купец, поп. Вар.: *НС* № 1997, 2646, 2657, 2720; Соб., т. IV, № 410—417. В данном вар. своеобразно описание наряда офицера.

№ 32. Хороводная песня. По содержанию и образам близка к семейным песням (свекор, свекровь, деверья, золовки): Соб., т. II, № 144, и к свадебным: *НС* № 339.

№ 33—34. Обе песни помещены в тетради, не имеющей номера. Тексты также не пронумерованы; перед первой — заглавие: «Весенняя песня», перед второй — «Та же». Оба текста представляют собою запись одной и той же песни. Один (*№ 34*) записан, по-видимому, под диктовку; второй (*№ 33*) — с голоса, при исполнении, с сохранением запева. Он содержит многочисленные запевы: «ио ой, о ой, а ой» и повторы стихов.

Песня эта была послана Кольцовым Краевскому; опубликована А. И. Лященко в Полн. собр. соч. Кольцова. СПб., 1911, стр. 305, коммент., стр. 404. В письме к Краевскому Кольцов сообщал сведения о ее бытовании (см. вступ. заметку, стр. 286). Сведения эти сопровождают текст песни в рукописной тетради (лл. 8 об.— 9). Песня приурочивалась к «семику», весеннему празднику молодой растительности, где связывалась с обрядом свивания венков. В наиболее ранней ее записи: *НС* № 2971 (Звенигородского у. Московской губ.) — песня отнесена к «Подвеночным»; в 1858 г. два вар. ее записал Н. Ф. Щербина. По сообщению Щербины, в Покровском у. Владимирской губ. девушки пели эту песню на семик в роще, стоя в кругу. (Семик — четверг на седьмой неделе после Пасхи.) Напев и слова песни впервые опубликовал в 1860-е годы Балакирев (в разделе «Песни, записанные М. А. Балакиревым и Н. Ф. Щербиной», № 24). Мелодия записана им в исполнении бурлака. М. П. Мусоргский использовал эту мелодию в опере «Хованщина« (д. II). Др. вар. текста песни: Соб., т. IV, № 338—340; Шейн, в. 1, № 1243.

№ 35. Шуточная распространенная песня. Вар.: *НС* № 2321; Соб., т. VII, № 260—270.

№ 36. Одна из ранних записей песен рабочих первой половины XIX в. Песня семицкая. Однако в отличие от крестьянских семицких песен (см. Шейн, в. 1, № 1202—1204, 1245) в ней дано сатирическое изображение хозяина завода и охарактеризовано положение рабочих. Песни такого типа см. Соб., т. VI, № 553—554, 556—559.

№ 37. Частая игровая песня, городского репертуара, контаминирующая ряд популярных мотивов (ср. Соб., т. V, № 151, 374—380).

№ 38. Игровая. Вар.: *НС*, № 1245, 2615, 2898; Соб., т. V, № 779—783; Шейн, в. 1, № 1200; Балакирев, № 14.

В примечании к тексту из Муромского у. Владимирской губ. Шейн указывает, что песня эта исполнялась в Троицын день в хороводе, который водили вокруг березки. В большинстве вар. текст краткий, не имеет поэтического зачина, начинается просто словами «ехал пан», обращение пана — к одной девушке.

№ 39. Широко распространенная свадебная песня. Поется гостям. Вар.: *НС* № 86, 359, 682; Соб., т. IV, № 826—829.

№ 40. Популярная игровая песня, исполнявшаяся в хороводе. Вар.: Соб., т. III, № 274—282. В настоящ. томе в записи Писемского, № 12 (подробнее см. коммент. к этой песне).

№ 41. Шуточная. Представляет собою контаминацию двух песенных сюжетов: первые два куплета с припевом «Чернечик, чернечик, чернечик ты мой, горюн молодой» (вар.: *НС* № 1227; Соб., т. VII, № 640—643; Шейн, в. 1, № 380; во всех вар. этой песни есть первый куплет: «За рекою диво/Чернец варил пиво») и широко известной песни «Метелки».

№ 42. Лирическая. Вар.: *НС* № 2882, с зачином «Как на той на долине». В записи Кольцова — развитый поэтический зачин, рисующий картину природы. Весь текст более распространен. Зачин «Как под лесом, под лесочком шелкова трава» встречается в сочетании с другим песенным сюжетом (Балакирев, № 27; он сочетается с сюжетом песни, рассказывающей о том, как казак предлагает девице выйти за него замуж, а она справляется о нем —«каков человек» — у соседей). См. выше, № 27.

№ 43. Лирическая. Распространенный сюжет — жалоба покинутой девушки на одиночество. Вар.: *НС* № 1273; Соб., т. V, № 61—64.

№ 44. Частая плясовая песня; сочетаются образы сада, терема, тесовой кровати и мотив — обещание снарядить сударушку, см. Соб., т. VII, № 718.

№ 45. Поздняя баллада; первые записи в Собрании Киреевского (*НС* № 1435, Московская губ.); первая публикация — «Отечественные записки», 1841, т. XIII, Смесь, стр. 11 (Костромская губ.). Обычно контаминируется с плясовой песней «Как под яблонью» (Соб., т. I, № 247—252), запись мелодии: Балакирев, № 26. В вар. Кольцова совершенно иная контаминация с песней «Не шуми, мати зеленая дубравушка», которая получает своеобразное развитие и концовку. Следовательно, и мелодия этой песни была иная. Варенцов, записавший балладу в середине прошлого века, писал: «Песня, очень известная на Волге ⟨...⟩ старики еще помнят происшествие, которое рассказывается в ней» (Варенцов, стр. 238). Чернышев высказывал предположение, что она могла быть сложена по какому-то конкретному случаю «в среде ярмарочных певцов, трактирных увеселителей торгового люда» (стр. 469). Гипотеза Варенцова и Чернышева кажется вероятной, однако нельзя не обратить внимание, что в разных вар. баллады, в том числе и в записи Кольцова, названы различные имена участников этого трагического происшествия. Следовательно, баллада запечатлела не случайное, а характерное событие для своего времени и среды, в которой она бытовала.

№ 46. Типично солдатская песня, воссоздающая картину тяжелой солдатской службы. Аналогичного вар. песни обнаружить не удалось. Близкие по содержанию песни, где солдат жалуется на тяжесть службы,— см. Соб., т. VI, № 164—165, 195—197.

№ 47. Популярная в городской среде песня. Вар.: Соб., т. VII, № 481—486.

№ 48. Плясовая песня, в которой сочетаются два мотива: встреча с милым на беседе и подарок милого — широко популярный мотив. Ср.: Шейн, в. 1, № 1148.

Н. М. ЯЗЫКОВ

Публикация П. Д. Ухова

Вступительная статья и комментарии А. Д. Соймонова

«Главное и единственное занятие и удовольствие составляют мне теперь русские песни,— писал Н. М. Языков 12 июля 1831 г. брату Александру. — П. Киреевский и я, мы возымели почтенное желание собирать их и нашли довольно много еще не напечатанных и прекрасных. Замечу мимоходом, что тот, кто соберет сколько можно больше народных наших песен, сличит их между собою, приведет в порядок и проч., тот совершит подвиг великий и издаст книгу, коей нет и быть не может ни у одного народа, положит в казну русской литературы сокровище неоценимое и представит просвещенному миру чистое, верное, золотое зеркало всего русского» [1]. Эти строки можно рассматривать как фольклористическое кредо Языкова, поэта-романтика, ставшего деятельным помощником Киреевского в собирании песен. Письмо было отправлено из Ильинского, подмосковной дачи Елагиных, где Языков провел лето 1831 г. и где он вслед за Киреевским начал записывать народные песни. В этот переломный для творчества Языкова период окончательно формируются его взгляды на фольклор.

Становлению и развитию фольклоризма Языкова уделялось недостаточное внимание в истории литературы [2]. Собирание им народных песен было следствием глубокого интереса поэта к национальной старине и самобытности, характерного для всей русской литературы первой четверти прошлого века.

Проблемы народной словесности волнуют Языкова уже в начале его творческого пути и в особенности в дерптский период (1828—1829 гг.). Непосредственным стимулом к этому явилось увлечение поэта идеями оссианизма. Эти идеи Языков усваивает от своих предшественников и современников поэтов-романтиков, отдавших дань общему увлечению Оссианом, господствовавшему в Западной Европе и в России в конце XVIII — начале XIX вв.

Уже в первом появившемся в печати стихотворении Языков воспевает Оссиана, вдохновенного певца древности:

Какой огонь тогда блистал
В душе моей обвороженной,
Когда я звучный глас внимал,
Твой глас, о бард священный,
Краса певцов, великий Оссиан! [3]

Но древние кельтские сказания, ставшие известными всему миру благодаря поэмам Макферсона, не могли исчерпать интереса Языкова к старине и народным традициям. Он ищет в русской истории и средневековой литературе сюжеты и образы народного эпоса, которые стремится воплотить в своем творчестве. В его произведениях появляется образ древнерусского певца Баяна. Баяну поэт посвящает многие из своих произведений 1820-х годов: «Песнь Баяна» («Война, война! Прощай, Сияна!..»), «Баян к русскому воину», «Песнь Баяна» («Люблю смотреть на месяц ясный...»), песни Баяна в неоконченной поэме «Услад», героем которой должен стать певец и воин. Интерес к национальной старине сказывается и во многих стихотворениях Языкова этого периода. Поэт стремится изобразить

Славян пленительные нравы:
Их доблесть на полях войны,
Их добродушные забавы
И гений русской старины... [4]

В середине 1820-х годов Языков создает целый цикл исторических баллад о борьбе с татаро-монгольскими завоевателями, и в центре его находится образ народного певца. Таковы его произведения: «Песнь барда во время владычества татар в России», «Баян к русскому воину» и другие.

В эти же годы Языков обращается к произведениям народной поэзии. Он заинтересовался скандинавскими сагами и делает вольный перевод одной из них «Песня короля Регнера», выписывает к себе в Дерпт собрание русских сказок Левшина, сборник Кирши Данилова, Цертелева и других [5]. Интерес к русской народной песне сказывается в задуманной им, но неоконченной поэме «Разбойники», где слышатся отголоски волжских песен о вольных людях, песен, которые он слушал у себя на родине в Симбирской губ.

Решающее значение в развитии фольклористических интересов Языкова до его встречи с Киреевским имело его близкое общение с Пушкиным. Эстетические позиции Пушкина и Языкова были различны. Путь, который прошел Пушкин от романтизма своих ранних произведений к реализму, оказался недоступным Языкову. «Я не желал бы сочинять то, что знаю из „Онегина“», — писал Языков, считая, что это «самое худое из произведений Пушкина» [6]. Однако отношение Пушкина к Языкову было, как известно, иным. Пушкин видел в нем своего соратника, талантливого поэта, ценил его вольнолюбивые стихи. Пушкину были понятны и творческие искания Языкова как поэта-романтика.

Для фольклоризма Языкова большое значение имела жизнь в Тригорском летом 1826 г., когда он постоянно встречался с Пушкиным. С пребыванием в Тригорском связаны одни из лучших стихотворений поэта: «А. С. Пушкину», «Тригорское», «К няне А. С. Пушкина», послания П. А. Осиповой, А. Н. Вульфу и другие. В этих произведениях особенно сказывается богатство и своеобразие его стиха, которое высоко ценили современники. Именно в Тригорском во время свободных, дружеских бесед с Пушкиным Языков смог оценить прелесть и красоту народного поэтического творчества не только как памятника старины, но и как живой поэзии народа. В этом отношении встреча с Пушкиным, вечера, проведенные в Михайловском в присутствии няни Пушкина, были для него откровением. Вспоминая о них в стихах, посвященных памяти Арины Родионовны, Языков пишет: «Со мной беседовала ты,/Влекла мое воображенье...» [7] Несомненное влияние на пробуждение его интереса к живым народным традициям оказало то обстоятельство, что Пушкин во время пребывания Языкова в Тригорском записывал фольклор. О хождении Пушкина по ярмаркам, где он слушал народных певцов, Языков мог знать еще раньше от Вульфа. Все это помогло Языкову подойти с новых позиций к проблеме фольклора. Во всяком случае, проведя лето в Тригорском, Языков начинает еще более ценить художественные достоинства русской народной поэзии. Обращаясь к фольклорным сборникам, он ставит перед собой определенные задачи. В одном из писем этого периода он сообщал брату Александру: «Читаю русские сказки: жаль, что это собрание их чрезвычайно глупо, бестолково, неполно и переиначено на новый лад. Из них можно составить предприятие знаменитое — только надобно прежде перечитать все другие собрания сего рода, чтоб узнать истинный дух старины глубокой, напиться им и явить свету произведение самостоятельное, своенародное...» [8]

В 1830-е годы окончательно определяются взгляды Языкова на народную поэзию. Они формируются на основе идеалистических теорий реакционного романтизма. Известное влияние на него оказывает изменившаяся общественно-политическая обстановка в стране, судьба движения декабристов и декабристской идеологии. К этому времени Языков решительно отходит от своей вольнолюбивой поэзии, стремясь занять активную позицию в борьбе за новые идеалы, которые он ищет в русской старине. Это находит отражение в ряде его произведений, имевших для него программное значение. В стихотворении «Ау!» поэт восклицает:

О! проклят будь, кто потревожит
Великолепье старины;
Кто на нее печать наложит
Мимоходящей новизны! [9]

Н. М. ЯЗЫКОВ

Литография с рисунка Г. Корницелиуса, 1841

Литературный музей, Москва

В эти же годы, живя в Москве, Языков продолжает довольно часто встречаться с Пушкиным. «Пушкин у Весселя * часто бывает»,— пишет его брат Александр П. М. Бестужевой[10]. Они видятся у Елагиных и в других литературных салонах Москвы, ездят вместе к цыганам, увлекаясь «поэзией московского житья»[11]. Во время этих встреч Языков, как известно из его переписки, узнает о многих творческих замыслах Пушкина, и в том числе о работе Пушкина и С. А. Соболевского над сборником народных песен. При таких обстоятельствах и именно в 1831 г. у Языкова возникает идея создать свое собрание песен, в котором он надеялся найти «золотое зеркало» русской старины и превзойти начинание Пушкина. К тому времени из Мюнхена в Москву возвращается Киреевский, который был уже привлечен Соболевским к собиранию песен для Пушкина. Участие в этом деле Киреевского, к которому вскоре переходят все фольклорные материалы, собранные Пушкиным и Языковым, решило дальнейшую судьбу задуманного ими собрания песен[12]. Но фольклористическая деятельность Языкова не ограничилась собиранием песен, что ему давалось с большим трудом. «Не могу записывать сам,— писал он брату,— запишу со слов и не все, а потом ничего не разберу»[13]. Языков стал замечательным организатором собирательской работы.

В 1830-е годы передовая интеллигенция областных культурных гнезд проявляет живой интерес к собиранию произведений народного творчества. Внимание к народному поэтическому искусству, которым раньше нередко пренебрегали, было обусловлено ростом национального самосознания, пробуждением глубокого интереса к истории народа и судьбам родины. В центре общественной и культурной жизни стояла проблема народности, которая приобрела особое значение после восстания декабристов. Литературное движение эпохи, борьба вокруг проблемы народности различных литературных направлений стимулировала развитие интереса к народной поэзии.

Семья Языковых была хорошо осведомлена в вопросах литературной и культурной жизни своего времени благодаря широким научным и литературным связям. Старший из братьев — Петр Михайлович, видный ученый, геолог и горячий поборник изучения своего края, был создателем Симбирского губернского естественно-исторического музея, одного из первых областных музеев в России. Большое участие в этом принимал и Александр Михайлович Языков.

К своим братьям и обратился Н. М. Языков в 1831 г., призывая собирать народные песни, и встретил с их стороны горячий отклик. Вскоре в эту работу была втянута вся семья Языковых и их родственники: Н. А. Языкова, Е. П. Языкова, П. М. Бестужева, Ек. М. Хомякова и Д. А. Валуев. Общими усилиями в течение 1830—1840-х годов Языковы создали огромную коллекцию фольклорных записей, главным образом исторических и лирических песен, собранных в Симбирской, Уфимской и Оренбургской губ. С 1833 г. все эти материалы начали поступать в полное распоряжение Киреевского.

Наиболее ценными явились записи обоих братьев Н. М. Языкова. Александр Михайлович Языков (1799—1874) первым среди обширного круга собирателей фольклора, сгруппировавшихся вокруг Киреевского, начал записывать песни в Среднем Поволжье, а также на берегах Камы, Белой и в прочих «местах самых надежных»,— как сообщал об этом Н. М. Языков В. Д. Комовскому[14]. Он открыл в этих местах эпическую поэзию, записал там ценные и редкие варианты былин. Там же была собрана им большая коллекция исторических песен, включающая в себя почти все известные в науке сюжеты, в том числе такие редкие, как «Осада Пскова», интересные тексты разинских песен, песен Отечественной войны 1812 г. и другие. А. М. Языковым была также собрана богатейшая коллекция народной лирики, песен оренбургского казачества, духовные стихи. Часть его записей не сохранилась, некоторые появляются в печати только теперь, в настоящем томе, но и то, что было известно ранее и стало известно теперь, характеризует его как выдающегося собирателя фольклора.

Не менее значительным явился вклад в Собрание песен Киреевского Петра Михайловича Языкова (1798—1851). К изучению и собиранию фольклора П. М. Языков подошел как историк, что способствовало выявлению им ценнейших материалов, в осо-

* Вессель — домашнее прозвище Языкова.— *Ред.*

А. М. ЯЗЫКОВ
Рисунок карандашом А. Б. Гибаля, 9 июня 1837 г.
Литературный музей, Москва

бенности исторических песен. Работу по записи фольклора он начал позднее братьев, но вскоре встал фактически во главе ее. Это нашло отражение в известной «Песенной прокламации» Киреевского, в которой было указано имя П. М. Языкова. «Песенная прокламация» явилась первым в русской фольклористике документом, излагавшим научные принципы записи произведений народной поэзии. В ней были четко сформулированы задачи, стоящие перед собирателями фольклора. Воззвание Киреевского заканчивалось словами: «Надеясь, что соотечественники наши примут участие в этом общественном деле ⟨т. е. в собирании фольклора.— *А. С.*⟩, мы покорнейше просим доставлять стихи и песни в г. Симбирск на имя г. гиттенфервальтера Петра Михайловича Языкова» [15]. Воззвание это было напечатано в апреле 1838 г. в «Симбирских губернских ведомостях» и перепечатано Святославом Раевским в октябре того же года в «Олонецких губернских ведомостях» с сохранением в тексте имени П. М. Языкова [16]. Благодаря этой публикации деятельность Языкова как фольклориста получила широкую известность, и к нему стали поступать материалы не только с Поволжья, но и с севера России.

Как ученый, историк и этнограф, П. М. Языков испытал непосредственное влияние прогрессивных идей. Именно этим объясняется то, что он начал записывать фольклор крестьянских войн и восстаний. Ему принадлежат уникальные записи песен о Пугачеве[17]. Известную роль в этом сыграло его знакомство с Пушкиным. В 1833 г. Пушкин совершил длительное путешествие по Волге и Уралу, собирая материал для «Истории Пугачева». Во время этой поездки Пушкин посетил местных ученых, этнографов и краеведов. В Казани он был у известного знатока края, профессора Казанского университета К. Ф. Фукса, в Симбирске дважды был у Языковых, в Оренбурге его повсюду сопровождал В. И. Даль, служивший тогда чиновником особых поручений при генерал-губернаторе. Беседы с П. М. Языковым произвели большое впечатление на поэта. Пушкин писал из с. Языково (под Симбирском) жене: «Здесь я нашел старшего брата Языкова, человека чрезвычайно замечательного...» [18]. В разговорах с Языковым Пушкин, несомненно, касался материалов о Пугачеве, что составляло глав-

ную цель его поездки. Таким образом, деятельность Языкова как фольклориста проходила в тесной связи с передовым общественным движением эпохи.

Фольклористическая деятельность Языковых особенно интенсивно развивалась в 1832—1838 гг., когда Н. М. Языков, уехав из Москвы, поселился в своем симбирском имении. В то же время это был очень трудный период в жизни и творчестве поэта. Болезнь, подавленное состояние, попытка найти утешение в религии крайне отрицательно сказались на его творчестве. Задумав перед отъездом в деревню работу над большими произведениями, он не только не осуществил своих замыслов, но вообще очень мало писал. Обильные фольклорные материалы, тексты народных песен, которые поступали к нему от братьев, сестер и знакомых, не вдохновляли его. Сказки, написанные им в деревне, имели очень мало общего с народной поэтической традицией [19]. В отличие от Пушкина, который, обращаясь к народной песне, всякий раз видел в ней неиссякаемый источник для своих произведений, Языков все дальше отходил от творческого освоения народной песни. Его восприятие фольклора, основанное на идеалистических концепциях реакционного романтизма, не имело ничего общего с народными идеалами и реальными фольклорными традициями [20].

К лучшим произведениям Языкова этого времени относятся его лирические стихотворения, в особенности поэтические послания. Среди них есть послание П. В. Киреевскому, мимо которого не может пройти ни один фольклорист. Оно начинается словами:

Где бы ни был ты, мой Петр, ты должен знать, где я
Живу и движусь? Как поэзия моя,
Моя любезная, скучает иль играет,
Бездействует иль нет, молчит иль распевает?..

В первой части этого большого послания поэт говорит о своей привольной жизни в деревне, о новом пути в поэтическом творчестве и желании написать «что-нибудь большое», желании, которое так и осталось не выполненным. Поэт зовет к себе друга, его послание написано в возвышенно-лирическом тоне, в нем идеализируется свобода деревенской жизни, что столь характерно для романтической поэзии. Во второй части Языков создает поэтический образ своего друга, образ, который впоследствии стал достоянием литературы о Киреевском:

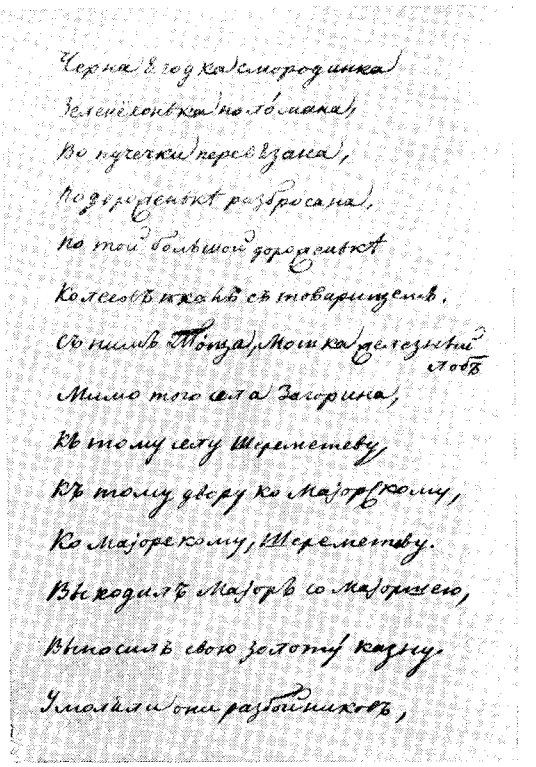
Но где же ты, мой Петр, скажи? Ужели снова
Оставил тишину родительского крова,
И снова на чужих, далеких берегах
Один, у мыслящей Германии в гостях,
Сидишь, препогружен своей послушной думой
Во глубь премудрости туманной и угрюмой?
Или спешишь в Карлсбад здоровье освежать
Бездельем, воздухом, движеньем? Иль опять,
Своенародности подвижник просвещенный,
С ученым фонарем истории, смиренно
Ты древлерусские обходишь города,
Деятелен и мил и одинак всегда?
О! дозовусь ли я тебя, мой несравненный,
В мои края и в мой приют благословенный?.. [21]

Образ Киреевского, созданный Языковым, романтичен. В нем особенно подчеркнут интерес к национальной старине и самобытности. Именно в этом направлении Языков старался повлиять на фольклористическую деятельность Киреевского.

Последние годы жизни Языкова, проведенные главным образом за границей, не оставили заметного следа в его деятельности как фольклориста. Он проявлял большое беспокойство об издании песен Киреевского, но, как теперь стало известно из публикуемых нами материалов и его переписки, это не дало никаких положительных результатов [22]. Языков умер в 1846 г., не дождавшись издания песенного собрания Киреевского. Но вклад его в это Собрание как организатора записи песен Поволжья был очень значительным.

Деятельность Языковых — одна из ярких страниц в истории русской фольклористики первой половины прошлого столетия: Языковы вошли в число главных участников Собрания Киреевского, заложившего основы русской науки о фольк-

«ЧЕРНА ЯГОДКА СМОРОДИНКА ...»
ЗАПИСЬ,
СОХРАНИВШАЯСЯ В КОЛЛЕКЦИИ
ЯЗЫКОВЫХ,
конец 1830-х — начало
1840-х годов
Библиотека СССР им. В. И. Ленина,
Москва


Черна ягодка смородинка
Зеленёхонька полобмана,
Во пучечки перевязана,
По дороженьки разбросана,
По той большой дороженьки
Колесовъ ткань съ товарищенъ,
Съ нимъ Тоня, Моника дегезный
Мимо того села Загорина,
Къ тому селу Шереметеву,
Къ тому двору ко Мажорскому,
Ко Мажорскому, Шереметеву.
Выходилъ Мажоръ со Мажорнею,
Выносилъ свою золоту казну.
Умолялись они разбойниковъ,

лоре. Фольклористические занятия Языковых были связаны с решением больших проблем. Они участвовали в создании научной методики записи фольклора, что нашло отражение в их собирательской работе и в «Песенной прокламации», излагавшей принципы этой работы и сохранившей имена Н. М. и П. М. Языковых как ее организаторов. Обращение Языковых к собиранию фольклора было связано с постановкой проблемы народности, занявшей центральное место в общественной и литературной жизни первой половины XIX в., в особенности после восстания декабристов. Несмотря на идеалистический и романтический подход к решению этой проблемы, Языковы правильно воспринимали фольклор как элемент национальной культуры, как «народную литературу», рассказывающую о жизни и историческом прошлом народа. Уважая «сановитую древность» в фольклоре, Языковы собрали ценнейшие произведения народной поэзии. Эта «древность» звучала современно; она рассказывала о положении народных масс в условиях крепостного режима, выражая протест против рабства и произвола. В этом отношении материалы Языковых представляют особый интерес: ведь они были записаны в таких центрах крестьянского движения, как Оренбургская и Симбирская губернии. Эти произведения народной поэзии по своей идейной направленности были чужды и враждебны существующему строю и не могли получить официального признания.

Запись таких произведений отражала прогрессивные тенденции в науке того времени. И хотя Н. М. Языков в 1840-е годы выступал против передовых кругов русской интеллигенции, его фольклористические занятия 1830-х годов носили прогрессивный характер. В этом нашли отражение противоречия эпохи, наложившие яркий отпечаток на деятельность Языковых.

Как исследователи и собиратели фольклора, Языковы наталкивались на сопротивление царского правительства и реакционных кругов, ставивших всяческие препятствия их деятельности. Именно этим объясняется неудача с изданием песенного Соб-

рания Киреевского, которому Языковы передали свои записи. Даже попытка опубликовать незначительную часть этого Собрания — духовные стихи — встретила противодействие царской цензуры, которая запретила их публикацию (подробнее об этом—см. стр. 56—62 настоящ. тома). Безжалостно обошлась реакционная фольклористика с наследием Языковых. Несмотря на это, вклад Языковых дает им право занять видное место в истории науки о фольклоре.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ИРЛИ, архив Языковых, ф. 348, 19.4.11, л. 22.

[2] Основные работы о фольклоризме Языкова принадлежат М. К. Азадовскому, которого интересовало главным образом участие поэта в Собрании песен Киреевского. Азадовский первый среди советских фольклористов обратился к изучению архива Языковых, опубликовав ряд ценных документов. Однако дальнейшее изучение этого архива и рукописного наследия Киреевского привело к пересмотру некоторых гипотез, выдвинутых Азадовским, в частности, вопроса о начале собирательской деятельности Киреевского и роли Языкова (см. в настоящ. томе, стр. 48—52, 142). Основные работы Азадовского, освещающие деятельность Языкова как фольклориста: Письма П. В. Киреевского к Н. М. Языкову. Ред., вступ. статья и коммент. М. К. Азадовского. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1935, стр. 3—86 (вступительная статья к этим письмам под заглавием «Киреевский и Языков. (Страница из истории русской фольклористики)» вошла в кн.: М. К. Азадовский. Литература и фольклор. Очерки и этюды. Л., Гослитиздат, 1938, стр. 133—153). Коротко касается Азадовский этой проблемы и в своей «Истории русской фольклористики», т. I. М., 1958, стр. 334—335.

[3] Послание к Кулибину.— Н. М. Языков. Полн. собр. стих. Вступ. статья, подготовка текста и прим. К. К. Бухмейер. М.— Л., 1964, стр. 56 (Библиотека поэта. Большая серия). В дальнейшем даются ссылки на это издание.

[4] Посвящение А. М. Языкову.— Там же, стр. 70.

[5] В письмах Языкова к родным дерптского периода постоянно встречаются просьбы и благодарности за высылку фольклорных изданий. «Вульф пишет мне, что ты повез с собою великое множество летописей, сказок, записок о жизни Петра Первого, песенников,— обращается он к брату Александру в одном из писем.— ‹...› благодарю тебя всею душою и всеми помышлениями моими» («Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—1829)». Под ред. и с объяснительными прим. Е. В. Петухова. СПб., 1913, стр. 361).

[6] «Письма Н. М. Языкова к родным...», стр. 156—157.

[7] Н. М. Языков. Полн. собр. стих., стр. 297.

[8] Речь идет, очевидно, о сборнике сказок В. А. Левшина (приписываемом Чулкову), который Н. М. Языков получил от брата («Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие, оставшиеся через пересказывания в памяти, приключения». Соч. М. Чулкова. 10 частей. М., 1780—1783; изд. 3-е, сокращенное: 6 частей. М., 1820).

[9] Н. М. Языков. Полн. собр. стих., стр. 311.

[10] Д. Н. Садовников. Отзывы современников о Пушкине.— «Исторический вестник», 1883, № 12, стр. 529.

[11] Н. М. Языков. Полн. собр. стих., стр. 369 («Весенняя ночь»).

[12] См. об этом в настоящ. томе, стр. 180—181.

[13] ИРЛИ, ф. 348, 19.4.13.

[14] Из неизданной переписки Н. М. Языкова. Публикация М. К. Азадовского.— «Лит. наследство», т. 19-21, 1935, стр. 46.

[15] А. Д. Соймонов. «Песенная прокламация» П. В. Киреевского.— «Советская этнография», 1960, № 4, стр. 148.

[16] «Олонецкие губернские ведомости», 1838, 15 октября. Прибавления.

[17] П. М. Языковым записаны наиболее яркие и редкие песни о Пугачеве: «Судил тут граф Панин...», «В тем сударыня простила...» (*СС*, в. 9, стр. 248, 245—246). В некоторых современных изданиях ввиду отсутствия определенной паспортизации эти песни ошибочно приписаны А. М. Языкову (например, А. Н. Лозанова. Пугачев в Среднем Поволжье и Заволжье. Куйбышев, 1947, стр. 171—173 и др.).

[18] Пушкин, т. XV, стр. 80 (письмо от 12 сентября 1833 г.).

[19] См. И. П. Лупанова. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века. Петрозаводск, 1959, стр. 440—450.

[20] См. об этом выше, стр. 58—60.

[21] Н. М. Языков. Полн. собр. стих., стр. 340—342.

[22] См. стр. 61—63 настоящ. тома.

№ 1

Не шуми, мати зеленая дубрава!
Не мешай ты мне, доброму молодцу, думу думати.
Как заутра мне, доброму молодцу, во допрос идти,
Во допрос идти к самому царю.
И станет меня государь спрашивати:
— Ой ты гой еси, детинушка, крестьянский сын!
Ты скажи мне правду истинну,
С кем ты воровал, с кем разбой держал?
И много ли у тебя было товарищей?
Как возгóворит детинушка, крестьянский сын:
— Я скажу тебе, надёжа, правду истинну:
Первой мой товарищ — ночка темная,
Другой товарищ — конь-добрá лошадь,
Третий мой товарищ — сабля острая,
А четвертой мой товарищ — булатной нож,
Пятой мой товарищ — то мой тугий лук,
Калены́я стрелы на рассылочках.
Куда их пошлю, и сам туда нейду.
Как возговорит надёжа православный царь:
—Исполать тебе, детинушка, крестьянский сын!
Умел ты воровать и умел ответ держать.
Я пожалую тебя хоромцами,
Хоромцами некрытыми,
Об двух столбах с перекладинкой.

№ 2

Не шуми ты, мать зеленая дубровушка!
Не мешай ты мне, доброму молодцу, думу думати,
И так мне крепка думушка с ума нейдет,
Со великого с крепка разума.
Что заутра мне, доброму молодцу, во допросе быть,
Во допросе быть, пред судьею стоять,
Пред грозным судьей, пред самим царем.
Станет же православный царь меня крепко спрашивать:
— Ты скажи, скажи, детинушка, крестьянский сын!
Ах, ты с кем воровал, с кем разбой держал?
— Воровало нас, разбивало всего пятеро:
Первой товарищ — ружье цельное,
Другой-то товарищ — копье вострое,
А третий товарищ — калена стрела,
Четвертой товарищ — сабля вострая.
— Исполать тебе, детинушка, крестьянский сын!
Ты горазд воровать, горазд разбой держать.
Стану я тебя, детинушка, много жаловать.
Я пожалую тебя, детинушка, красными релями,
Петлями шелковыми.

№ 3

Не шуми, мати зеленая дубрава!
Не мешай ты мне, доброму молодцу, думу думати.
Как заутра мне, доброму молодцу, в допросе быть,
Пред судом стоять перед самим царем.

Еще как же мне, доброму мóлодцу, ответ держать?
Еще станет меня государь-царь допрашивать:
— Ты скажи, не утай, добрый мóлодец,
С кем воровал, с кем разбой держал?
Еще кто у тебя, добрый мóлодец, товарищ был?
— Было у меня, у молодца, три товарища:
Первый товарищ — конь-добрá лошадь,
А другой товарищ — сабля вострая,
Третий товарищ — борзóй кобель.

№ 4

Не сон-то клонит головушку, не дрема валит,
А валит-клонит кручинушка со двора меня.
Почуило у молодца ретиво сердце:
Заутро мне, доброму молодцу, во допросе быть,
Стоять-стоять доброму молодцу
Пред грозной судьей — пред самим царем.
Поймали же добра молодца в зеленым саду
И брали доброго молодца за белы руки,
Повели в полаты белокаменны,
— Во те же полаты в гронавитыя
В одной тоненькой сорочке без пояса,
В одних чулках без чоботов.
Становили добра молодца на дубовой пол.
Стоит добрый молодец, сам не тряхнется,
Русы кудерушки не шалохнутся,
Он и речь-то говорит, не ужахнется.
Оне стали доброго молодца крепко спрашивать:
— Ты скажи-скажи, удалой доброй молодец,
С кем ты воровал, с кем разбой держал?
— Ой еси, князья, боярюшки,
Главнейшие московские сенаторушки,
Не вам бы меня судить, добра молодца,
Не вам спрашивать,
А спрашивать меня, добра молодца, самому царю.
Воровал-то я, доброй молодец, сам собой,
Атаманушка был булатный нож,
А есаулушка — сабля вострая,
А скоры послы — кленовы стрелы.

№ 5

Не шуми, мати зеленая дубрава!
Уж я рада бы, дубровушка, не шумела,
Шумят-то, гремят разбумажные мои листочки.
Не мешайте мне, доброму молодцу, думу думати.
Еще был я, добрый молодец, вор-разбойничек.
Заутра мне, доброму молодцу, в допросе быть,
Стоять-то мне, доброму молодцу, перед самим царем
Перед самим царем, перед его лицом.
Станет меня царь спрашивати:
— Ах ты ой еси, вор-разбойничек!
Где воровал, где разбой держал?
— Воровал-то я во чистом поле,
Разбой держал на синем море.

— Еще кто у тебя, у доброго молодца, был атаманушкой?
— Атаманушкой у молодца была сабля вострая.
— Еще кто у тебя, у доброго молодца, был есаулушкой?
— Есаулушкой у доброго молодца было ружье огненно.
— Кто у тебя, добрый молодец, был рассыльщиком?
— Рассыльщиком — мелки пушечки,
20 Мелки пушечки, свинцовыя ядрышки.

№ 6

Над горой, горой было над высокою,
Над долинушкой над широкой,
Над дубровушкой над зеленой.
Взойди, взойди, красно солнышко,
Взойди, солнце, высокохонько,
Обогрей ты нас, добрых мóлодцов,
Добрых молодцов, сирот бедныих,
Сирот бедных, солдат беглыих,
Безодежныих, беспачпортных.
10 Как повыше села Лыскова,
А пониже города Нижнего

ПОЮЩИЕ СЛЕПЦЫ
Акварель И. А. Ерменева, 2-я половина XVIII в.
Русский музей, Ленинград

Протекала тут быстра реченька,
Быстра реченька Волга-матушка.
Выбегала тут легка лодка,
Разлегкая лодка воровска.
Да всем лодка изукрашена,
Молодцами изусажена.
Молодцы-гребцы весёлые,
Мы не воры, не разбойнички,—
Государевы охотнички.
На корму-то сидел атаман с веслом,
На носу-то сидел есаул с ружьем,
А гребцы, добры молодцы, по краям сидят,
Посерéд лодки красна девица,
Атаманова полюбовница,
Есаулова родная сестрица.
Не хорош-то ей сон привиделся во сне:
Атаману быть повешену,
Есаулу быть расстреляну,
Молодцам-гребцам во тюрьме сидеть,
А мне, девушке, быть на волюшке,
На родимой на сторонушке,
У родимого у батюшки.
Добры молодцы испугалися,
В разны стороны разбежалися *.

№ 7

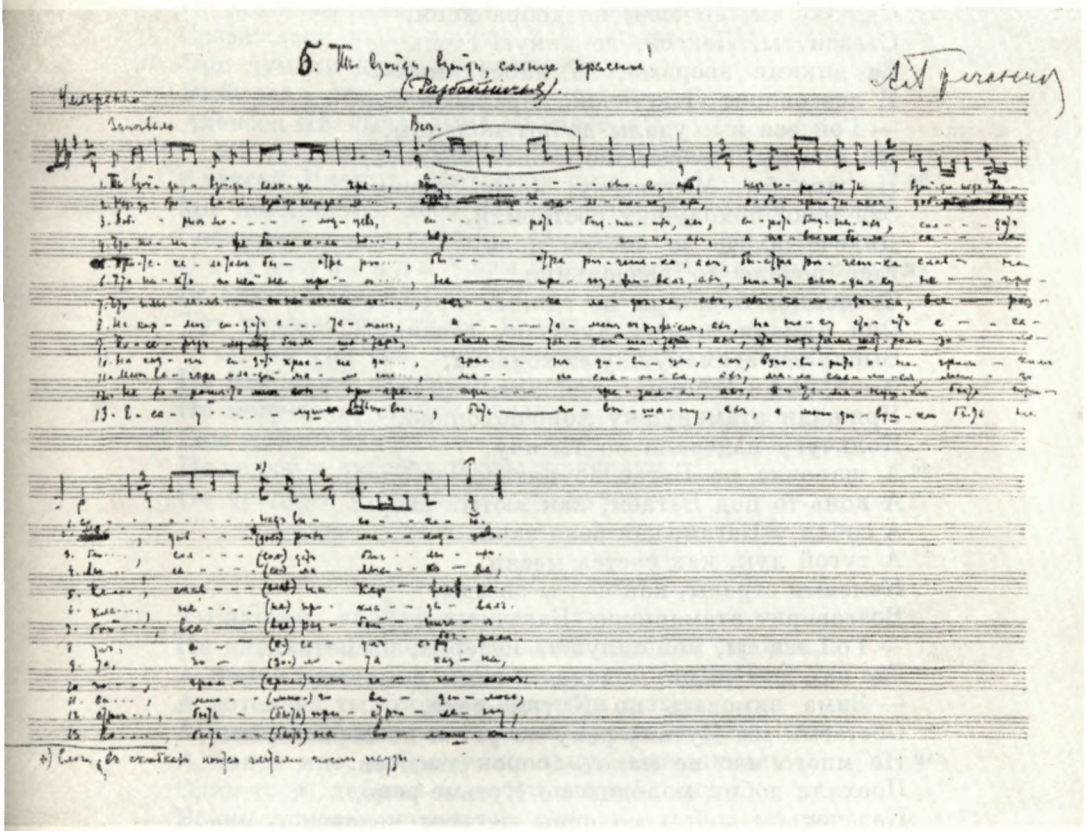
Как по морю, морю синему
Тут бегут-плывут два кораблика,
Два кораблика, третья лодочка,
А на лодочке восемь мóлодцев,
А девятый-то атаманушка,
А десятая красна девица.
Она плачет, как река льется,
Слезы катятся, как валы бьются,
Возрыдает она, как ключи шумят.

№ 8

Не белая лебедь со степи летит,
Душечка девушка с полону бежит.
Что бежит девушка, не оглянется,
На ней кунья шуба раздувается,
Жерелочик на ней чернеется.
За ней-то гонят в погонюшки,
В погонюшки двое молодцев,
Двое молодца, оба не русские,
Оба не русские, они турецкия.
Не догнавши девушку, похвалялися:
— Мы догоним ее среди степи,

---

* Примечание. Село Лысково, которое поминается в этой песне, лежит в 3 верстах от Волги, на ее нагорном берегу, при устье речки Сундовики, почти против самого города Макарьева. Оно замечательно как по числу жителей, так и по значительным торгам, которое оно ведет мукою и тамошним так называемым макарьевским полотном (см. Щекатова Геогр. слов. Росс. имп.). В Лыскове есть также хорошая пристань. ⟨*Прим. Киреевского.*⟩



«ТЫ ВЗОЙДИ, ВЗОЙДИ, СОЛНЦЕ КРАСНОЕ...»
Запись мелодии для хора А. Т. Гречанинова. Автограф
Музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки, Москва

Среди-то степи Саратовской,
Мы изрубим ее тело белое,
Тело белое в мелки ча́сточки,
Мы раскидаем его по чисту́ полю.
Растерзают тело черны во́роны.

№ 9

Далече-далече во чистом поле,
Еще подале во раздольице,
Во славном было во городе Уральскиим,
У той же у церкви у соборной,
У того же креста позлаченого
Соходились казаки-братцы во единый круг,
Они думали крепку думушку заединую.
— Гой еси,— возговорит главный старшинушка.—
Гой еси вы, удалы добры молодцы,
Станим же Ляксеюшке поклонимся,
Станем же Митрасову покучимся:
— Гой еси ты, Алексеюшка Митрасов сын,
Сослужи ты службу великую,

Сядь-ка ты, Лексей, на добра коня,
Съезди ты, Лексей, во дикую степь
За дикими зверями, за карсаками.—
И возговорит Лексеюшка Митрасов сын:
— Гой еси вы, удалы добры молодцы,
Не мне бы, Лексеюшке, конем владать,
Не мне бы, Митрасову, поход держать,
Эти меня походушки состарили.
Далече-далече во чистом поле,
Еще подале во раздольице,
Сходились башкиры во единый круг,
Они думали крепку думушку заединую,
Выбирали атаманушку походнова,
Выбирамши атамана, уряжать стали,
Уряжали атаманушку хорошехонько,
Кольчугу надевали во тысячу,
А шапочка на Багае во пятьсот рублей,
А конь-то под Багаем, как лютый зверь,
А сабля у Багая, как бела заря,
А тугой лук, как светел месяц,
Каленыя стрелы, как часты звезды.
Возговорит атаманушка Багаюшка:
— Гой еси ты, моя силушка неверна, несметная,
Где нам до Крыма, молодцам, зима́ зимовать?
— Зима зимовать по Кутьме-реке,
Обставим мы Кутьму-реку из устья до вершинушки,
Не много нас не мало — сорок тысячев.
Поехали добры молодцы по Кутьме-реке,
Казаченьки добры молодцы пятьсот человек.
Стали подъезжать ко Кутьме-реке —
Навстречу добрым молодцам сизой орел, птица вещая,
Провещует человеческим голосом:
— Гой еси вы, удалы добры молодцы,
Не ездите ко Кутьме-реке,
Стоит силушка неверная, неверная, несметная.—
Не послушали добры молодцы птицы вещия,
Стали подъезжать ко Кутьме-реке,
Задернули решеточки железныя.
Они билися-рубилися трое суточки,
Не пиваючи, не едаючи, со добрых коней не слезаючи.
Побили силушку неверную, несметную,
Остается один атаманушка Багаюшка.
Возговорит атаманушка:
— Гой еси ты, казачий атаманушка,
Покинь хоть на семяны,
Что хошь бери с нас цветна платья и золотой казны.—
И возговорит казачий атаманушка:
— Не надо нам ни цветна платья, ни золотой казны,
С тебя, с собаки, голова долой!

№ 10

У нас-то было, братцы, на Яи́ке на Горыниче,
На государевой большой площади,
У собора было, братцы, у церкви,
У чу́дного креста позоло́ченного.

Не ясные соколы в место слеталися,
Соезжалося наше войско всё яицкое.
Они думали думу крепкую заединое,
Выбирали они атаманушку походного,
Алексея Иваныча, сына Митрясова:
10 — Ой ты гой еси, старинушка, старый казак,
Алексей Иваныч, Митрясов сын!
Мы поклонимся тебе белым лицом ко сырой земле,
Сослужи-ка нам службу немалую,
О х т ы с ъ е з д и * нам в запольную дальнюю сторону
За дикими зверями за к о р с á к а м и *.
Тут возговорит старой казак:
— Ох вы гой еси, козáченьки, добрые молодцы,
Не можно ли вам меня, братцы, оставить?
Не могу-то я, старой казак,
20 Сам конем владеть:
Не ходют у старова резвы нóженьки,
Не владеют у старова белы рученьки.

№ 11

Ты злодей, злодей, земляна тюрьма,
Не для меня, добрава молодца, крепко строена,
А нонче мне, доброму молодцу, пригодилась.
А дотолева ты, тюрьма, людьми людна,
А нонче ты, земляна тюрьма, пустым-пуста,
А нонче мне, доброму молодцу, пригодилась,
Один-то я, добрый молодец, во тебе сижу
Ровно тридцать лет и три года.
Проявилась во русых кудрях сединушка,
10 А бородушка у молодца ровно белой лен.
По двору, по дворочку государеву
И ходит-гуляет тут православный царь
Петр Алексеевич.
Он увидел невольничка во неволюшке:
— О гой еси, все мои затюремные
Главные сторожи,
Что ето гуляет за невольничек?
И возговорит удалой доброй молодец:
— Я сижу во неволюшке и тридцать лет и три года,
20 И появилась во моих во русых кудрях сединушка,
Бородушка ровно белый лен.
И возговорит православной царь Петр Алексеевич:
— И воля тебе прощает, сударь жалует,
Выпусти доброго молодца из неволюшки.

№ 12

Далече-далече во чистом поле,
Еще тово подале во раздольице
Пролегала тут широкая дороженька,
Широким она, дороженька, не широка,
Боем-то она, дороженька, пробóиста.
По той ли по широкой по дорожиньке

* Слова, выделенные разрядкой, вписаны Киреевским.— *Ред.*

Бежить тут, выезжат конь-добра́ лошадь,
Черкаское седеличко на боку несет,
Серебряны стремяночки по земле тащит,
10 А тесмяную уздечку на́ ухе несет,
Он шелковый поводочек во ногах топчет.
За конем-то бежит удалый добрый молодец,
Не кричит-то он, не гаркает,
Черною шляпой помахивает,
Кричит:— Стой-постой, конь-добра лошадь,
Уносил ты меня, добрый конь, от двух смертей,
Унеси меня, удалова, от третией,
От тово ли от хана бусурманского.

№ 13

У князя Володимера
Пированьицо было че́стное,
Честно́, хвально́, больно радошно.
Пили, ели, прохлаждалися,
Промежду себя похвалялися.
Богатый хвалится богачеством,
А сильный хвалится силою,
Адин похвалился молодой женой:
— У меня, братцы, жена умная,
умна́-разу́мная,
10 Спустя мужа, пиво ва́рила,
Пиво варила, вино ку́рила,
Звала в гости князей-бо́яр без боярышнев,
Попов-дьяков без дьяконицев.
Тут в глаза мо́лодцы насмеялися.
За досаду мо́лодцу показалося,
Из беседы вон подымаетца,
Пошел молодец на конюший двор,
Обра́тывал коня доброго,
Садился молодец на добра коня,
20 Поехал молодец вдоль по улице,
Подъезжат молодец к широ́кому двору,
Уткнул копье в дубовы́ столбы,
Дубовы́ столбы пошаталися,
Сосновы́ до́ски рассыпались.
Встречат ево молода жена
В одних чулочках без чо́ботов,
В одной сорочке без пояса.
Берет молодец саблю вострую,
Срубил жене буйну голову.
30 Покатилась головушка ее
К коню под ноги, под копытичко,
Под правое, под переднее.
Кинулся молодец во пола́тушку,
Во полату белокаменну,
В полатушке колыбель висит,
В колыбели лежит чадо милое.
Он стал качать-прибау́кивать:
— Бау, бау, чадо милое!
Не стало у тебя родной матушки,
40 У меня, молодца, молодой жены,

П. М. ЯЗЫКОВ
Рисунок неизвестного художника (сепия), конец 1840-х годов
Литературный музей, Москва

Хоть возьму молоду жену,
И будет она тебе не родная мать,
Не родная мать, лиха мачиха.

№ 14

Как во городе было во Астрахани,
Тут жила-была молода вдова;
Как у этой-то у вдовы
Было восемь сынов, а девятая дочь.
Братцы сестрицу возлелеяли,
Возлелеявши, замуж выдали
Уж как за море-то за морянина,
Сами-то в разбой пошли.
Жила их сестрица
10 Ровно девять лет за морянином;
Поживши она за морем,
Сыночка родила,
С морянчиком в гости поехала к матушке;
Поехавши, она встретилась
Со своим братцам, с разбойникам.
Они же, не узнав ее,
Морянчика в воду бросили,
А морянушку в полон взяли.
Семь же разбойников спать легло,

20 Старшему же спать не хочется,
Он стоит да богу молится.
Стал выспрашивать он морянушку:
— Ты скажи, скажи, морянушка,
Чиего ты отца-матери?
Сказала же морянушка разбойникам,
Чиего она роду-племени.
Старший брат стал будить разбойников:
— Вы вставайте, братцы милые!
Убили мы зятя милого, морянина,
30 Племянничка же в воду бросили,
Сестрицу же родную в полон взяли!
Все братцы созналися,
Расплакались-разрыдалися,
Все вместе собралися,
Разбой бросили, сами в монастырь пошли
С сестрой же милой распрощалися.

№ 15

Во селе было Воскресенским,
Гостила тут гостья дальняя,
Гостья дальняя, чужестранняя,
Чужестранняя из Симбирского.
Не сгостя, гостья стосковалася,
Из гостей рано подымалася.
Как заранье́це ее сердце чуило,
Что просватал ее сударь батюшка,
Запору́чила родимая матушка
10 Как не за князя, не за барина,
Не за того ли сына гостиного,
Как за того ли вора-разбойника,
За того ли плута-мошенника.
Как со вечера вор коня седлает,
Ко полуночи вор со двора съезжает,
Ко белой заре вор на двор въезжает:
— Ты встречай меня, встречай, мо́лода,
Принимай коня умочёного,
Меня, доброго молодца, утомлённого.
20 Цветно платьице перкровлённое
Ты поди мыти на Дунай-реку,
Ох, мой платье, не развертывай!
Дунай-река всколыхну́лася,
Цветное платье развернулося,
А я, млада, испужалася.
Рубашечка пестреди́ная
Моего братца родимого,
Золот перстень-то невестушкин.
Я пришла домой, слезно заплакала,
0 Во слезах-то я слова не промолвила.
— Ох, душечка, мил сердечной друг!
Али в лесе тебе лесу не было?
Или в людях тебе людей не было?
Срубил ты дерево любимое,
Потерял шурина милого,
Моего братца родимого!

— Ох, глупая молода жена,
Молода жена, неразумная!
Первая встреча не встречается,
40 Отцу и матери не спускается.

№ 16

Перепелка-пташечка
Примахала крылышки
По полю летаючи,
Сокола искаючи.
Душа красна девица
Приплакала глазыньки
По милыем по дружке.
Молодец казанец,
Душа астраханец,
10 Молодец красной девице
Смеяться стал:
— Не сиди, красна девица,
Позд⟨н⟩о в тереме одна
На кровати у окна,
Не шей, красна девица,
Полотняны пологá:
Мне в этих пологах
Не спать, не сыпать.
Спать мне, доброму молодцу,
20 На Волге-реке,
Целовать-миловать
Волгу-матушку реку.
Трепать доброму молодцу
Веслом по воде.
Красна девица на это прогневалась:
— Ах ты, сукин сын, каналья молодец!
Я сама тебе эту насмешку отсмею.
Возьмите его, шельму, приведите ко мне
Я из рук, из ног кровать сделаю,
30 Из могучих костей его стул согну,
Из горячей его крови вина насижу,
Из буйной головы серéбряну ендовý,
Из ясных очей позолóчены чары,
Из белого тела пирогов напеку,
Из ярого сала свеч налью.
Созову-то я, девушка, подруженек своих.
Созвавши, я их буду потчивать,
Буду потчивать, приговаривать:
— Покушайте, девушки, подруженки мои!
40 Загану́ я вам загадку не хитрý, не мудрý,
Не хитру, не мудру, не отгадливую:
Я на милыем сплю и на милыем сижу,
Из милого пью, милым потчиваю,
Милой свечкой горит.
Одна девица, родна сестрица его, догадалася,
Залилась-заплакала.
Как я тебе, братец, говаривала:
— Оставь, братец, свои худыя дела.

№ 17

Черна ягодка смородинка
Зеленёхонька поло́мана,
Во пучечки перевязана,
По дороженьке разбросана.
По той большой дороженьке
Колесов ехал с товарищем,
С ним Тоща, Мошка железный лоб,
Мимо того села Загорина,
К тому селу Шереметеву,
К тому двору ко майорскому,
Ко майорскому, Шереметеву.
Выходил майор со майоршею,
Выносил свою золоту́ казну.
Умоляли они разбойников,
Умоляли и слезно плакали:
— Ох вы гой еси, наши батюшки!
Не жалеем свою золоту казну,
Отдаем вам все богатство,
Вы пустите нас на волен свет!
— Господа вы, господа грозные!
Хотелось было нам вашу кровь испить,
Еще бог-то вас прощает всех.

№ 18

Мы пропилися, ребятушки, промоталися,
И в карточки и в косточки проигралися.
Пойдемте-ка мы, ребятушки, на сине море,
На сине море, на Черниговское.
Мы станемте, ребятушки, на пристанище корабельное.
Плывут-выплывают два корабличка,
На корабличках удалые добрые молодцы,
Добрые молодцы, все разбойнички.
Мы вскликнем-взгаркнем громкиим голосом:
— Вы возьмите нас, братцы, во товарищи.
У нас не стало атаманушки.
— Нам нельзя вас взять во товарищи.
Мы выберем из вас атаманушку!
Тихохонько сине море становилося,
Оно тоненьким ледочком покрывалося.

№ 19

Ах ты, батюшка Яик-река,
Яик-река пребогатая!
Ты быстро бежишь, глубоко копашь,
Посреди себя становишь славные островы.
На славных на островах
Козаки дуванушки раздуванили.
Доставалось добрым молодцам по пятисот рублей.
Одного доброго молодца задуванили:
Доставалась доброму молодцу красная девица,
На дѐвице кунья шуба во пятьсот рублей,
Жемчужное ожерельеце во тысячу.
Сама я, красна девица, в барышах пришла.

№ 20

Запромыл да пробил батюшка Урал-река все горы высокия,
Он до самого до синя моря, до моря Скарпицкого,
Посередь-то тебя, Урал-речка, лежит бел-горюч камень,
А под камешком под горючием живут добры молодцы,
Всё воры, всё разбойнички.
А на камешке на горючием постлан шелковóй ковер,
А на коврике на шелковыем лежит золотá казна,
На казне-то сидит на серебряной красна девица.
А со вечера разбойнички думу думали.
На бою-то я, добрый молодец, у вас первый был,
На делу-то меня, добра молодца, приобидели.
Вы возьмите всеё золоту казну,
А отдайте мне красну девицу.

№ 21

Кукушечка соловушка журила-бранила:
— Ах ты глупая, неразумная птичка соловейко!
Ты не вей, ты не вей тепла гнезда при большой дороге,
Ты свей, ты свей тепло гнездо при большой долине,
Там никто твово тепла гнезда не разорит,
Никто малых детушек твоих не разгонит.
У Троицы у Сергия было под горою,
Стояла тут срублена темная темница,
Никто-то к той темнице не зайдет и не заедет.
Одна-то заехала ко мне матушка родима,
Поплакала-потужила и добра молодца благословила.

№ 22

Все мои леса порублены,
Все мои братцы на волюшке живут,
Один я, Вáнюшка, в неволюшке,
В белой каменной тюрьме
За немецкими цепьми,
За железными дверьми!
Стало солнышко на всход,
Повели Ванюшку на сход.
Наперед-то Ванюшки палач с плетьми,
Позади Ванюшки жена с детьми,
По правую сторонку
Отец с матерью идет.
Возговорит Ванюшка
Своим громким голоском:
— Ах ты, матушка родна!
Снимай с меня ключи,
Отпирай-ка, матушка,
Дубовы ларцы.
Вынимай-ка, матушка,
Золотой казны.
Подари-ка ты, матушка,
Злого Дмитрия палача.
Злой-то Дмитрий сечет,
С спины кровь ключом течет.

№ 23

Ох ты, братец, мой братец, родной батюшка!
Либо выкупи меня, братец, либо выручи.
Не жалей ты мне, братец, золотой казны.
Как на камешке было, братец, на горючием,
Не огонь горит не смола кипит,
Закипело у молодца сердечушко.
Сбереги ты мне, братец, малых детушек.

№ 24

Не могли на молодца
Отец и мать наглядетися
И род-племя на удалова насмотретися.
А ноньчи молодцу не стало времечка,
Сбивают молодца
Отец и мать со двора долой.
Заплакал жа доброй молодец
Таково горько,
Берет доброй молодец
10 Уздечку шелковую,
Пошел же добрай молодец
На конюшей двор
Во тое ли конюшню во середнюю,
Обратал он конечка что не лучшева,
Садится он на добра коня,
На добра коня богатырского.
Возговорит ему родна сестрица:
— Ах ты гой еси, родимой брат,
Подъедишь ты ко быстрой реке,
20 К Черной реке к Сомородине
Уж и есть ли на речушки три моста,
Три моста калиновы.
На первой мост тебе ехати —
И тут тебе не проехати,
Обронишь ты шляпу черную с алой лентою.
На другой мост ехати —
И тут тебе не проехати,
Обронишь ты саблю вострую.
На третий мост ехати —
30 И тут тебе не проехати,
Обронишь ты, добрай молодец,
Свою буйну голову.
Заплакал добрай молодец
Каково горько,
Поехал он, добрай молодец,
К своему родимому батюшки
И к родной матушки на широкой двор
И стал просить у них великое благословленьеце:
— Ох ты гой еси, родимой батюшка,
40 И ты, сударыня матушка,
Дайте великое благословленьице.
— Бог благословит тебя, доброго молодца.
Поехал добрай молодец во чистое поле
К черной реке Сомородине,

КАЗАЧИЙ ЛАГЕРЬ
Акварель А. О. Орловского, 1820-е годы
Картинная галерея, г. Краков

Ответ держит черна речушка добру молодцу:
Переедишь ты, добрай молодец, во чистое поле.

№ 25

Растужутся-расплачутся добры молодцы, донски казаки,
По своей-то, братцы, по сторонушке:
Сторона ль ты наша, сторонушка, славный Тихий Дон!
Еще как-то нам свою сторону забывать будет?
Оставалося на Тихом Дону у нас три зазнобушки:
Еще перва-то зазнобушка — родной батюшка,
А другая-то зазнобушка — родна матушка,
А третья-то зазнобушка — молода жена
С малыми с детками оставалася.

№ 26

Мимо моего раззеленого садочка,
Что козацкого развысокого теремочка,
Пролегала тут дороженька небольшая.
Вдоль дороженьки бежит речунька слезова́я,
А по речушке бежит струинька.
По большой же по дороженьке все едут казаки,
Они старые и середние слезно плачут,
Один из них млад казаченька, он не плачет,
Всех казаченьков утешает,
10 Про фатерушку казаченька поминает:
— Ты, фатерушка новонанятая!
На фатерушке стоит матушка моя родная.
Возле речушки той слезовой

Вырастало тут деревцо кипарисное,
А на деревце кипарисовом
Разунывная сидит пташечка соловушек,
Он казаченьков утешает,
Он в своих песнях казаченьков выспрашивает:
— Господа донски козаченьки! А где у вас домы?
— Наши домы — круты горы, широки раздолья.
— Господа только казаченьки, а где ваши сестры?
— Наши сестры сабли востры, с нами во походе.

№ 27

Мимо батюшкиного раззелененького было садочка,
Мимо матушкиного высокого теремочка,
Протекала тут быстра реченька, речка слезовая.
Как на реченьке бежит струюшка кровавая.
Тут шли-прошли казаченьки молодые.
На конях сидят добры молодцы, сами плачут:
Один-то, един добрый молодец-от не плачет,
Тяжелехонько воздыхает,
Про фатерушку добрый молодец вспоминает:
Ты фатера моя, фатерушка нова нанятая!
Я стоял на тебе на фатерушке ровно три годочка,
Показалось мне, доброму молодцу, за три денечка.

№ 28

Как у нас то было во городе Астраханском,
Собиралася-снаряжалася грозная тученька,
Грозная тученька и грозная высылка,
Что круг славного круглого острова.
В острову́ добрые мо́лодцы догадалися,
И в легкия красныя лодочки покидалися.
Что из них один добрый молодец оставаться стал,
Что есть лучшего из войска атаманского,
Ото сна-то добрый молодец просыпается,
Со великого похмельица пробуждается.
Берет он свою турочку-ружейце, на плечо кладет.
Пошедши добрый молодец вдоль острова,
Заливается он горючьми́ слезми́,
Вынимает он из карману гарнитуровый платок,
И утирает горючие слезы.
И возговорит громким голосом своим товарищам:
— Не покиньте вы меня, молодца, при бедности
Заменю я ваши головушки животом своим,
Животом своим, грудью белою,
Грудью белою молодецкою.

№ 29

Как далеченке-далече в чистом поле,
Что еще того подале во раздольице,
Как не белая березынька к земле клонится,
Не шелковая ковыль-тра́вынька расстилается;
Как не ясен огонечик загорается,
Как у огничка разостлан бел шелко́в ковер;

Как на ковричке лежит удалый добрый мóлодец,
Избит и израненный,
Припекает свои раночки кровавыя.
10 В головах стоит у молодца его чуден крест.
По правую рученьку лежит у него сабля острая,
А по левую руку булатный нож.
На груди-то лежит у него тугий лук,
А ко четырем сторонушкам кленовы́я стрелы;
А в ногах стоит у мóлодца его добрый конь.
Задумал добрый мóлодец женитися,
Дру́женькой был у мóлодца его чуден крест,
А свахынькой у молодца сабля острая,
Тысяцким был у молодца его булатный нож,
20 В поезду-то был у молодца его тугий лук,
Его тугий лук и каленыя стрелы.
И закладывает добрый молодец своего добрá коня.
Что возговорит конь-лошадь добрая:
— Ой ты гой еси, удáлый добрый молодец!
Ой, ты встань, проснись-пробудись, отецкий сын!
Я бегу-лечу на твою родимую сторонушку.
Ты скажи своему батюшке поклон,
А родимой матушке низкой поклон до земли.

№ 30

Туманы мои, туманушки!
Не сойдти-та вам, туманушки,
Со синя моря долой,
Не сойти тоске-кручинушке
С ретива сердца долой.
Что вечор-то мне, добру молодцу,
Мне малым-мало спалось,
Мне малым-мало спалось,
Много виделось во сне.
10 Будто я лежу, добрый молодец,
На Саратовской степи,
Сквозь ребер и суставчиков моих
Шелкова трава растет,
Сквозь ретивого сердечушка
Лазорев цвет цветет.
Прилетали ко мне
Трое черны ворона,
Хотят клевать
Тело белое мое.
20 Вы не клюйте, черны вороны,
Тело белое мое,
И так мое тело
Завалялось по степи
Полетите, вороны,
На родиму сторону,
Скажите моему батюшке
Нижайший поклон,
Сударыне матушке
Челобитье от меня.
30 Еще ей скажите,
Что женился молодец,

Уж взял я, добрый молодец.
Чисто поле за себя,
Я в приданое взял
Все зеленые лузья.

№ 31

Дуброва моя зеленая!
Ничем ты, дубровушка, не поро́чена,
Всем ты, зелена, изукрашена:
И долами и всеми раздольями.
Во тебе, дубровушка, есть полянушка,
Во той во полянушке част ракитов куст,
Во том ли во кустике кубанчик стоит,
Во том ли во кубанчике огонек горит,
Он горит-горит, вон выпыхивает.
Под теми ли под кусточками молодец лежит,
Он лежит убит, весь израненный,
Пятьдесят ран с одной раною.
В головах стоит конь-добра лошадь,
Копытечком бьет, сама прочь нейдет.
— Ох, ты встань-проснись, хозяин мой ласковый,
Пробудись, мой расприветливый!
Ты пусти меня в зелены́ лузья,
В зелены лузья, в шелкову́ траву,
Шелкову траву есть, ключеву́ воду пить.

№ 32

Не былинушка во чистом поле зашаталася,
Зашатался-загулялся добрый молодец,
На своем ли я на добром коне богатырскием,
Я на войлочке на бумажныем,
На седеличке на черкаскием.
Ах, подъехал добрый молодец ко синю морю,
Закричал он громким голосом:
— Еще есть ли у нас на синем море перевощики?
Перевезите меня, доброго молодца, на свою сторону,
На свою меня на сторонушку, на святую Русь,
Схороните меня, доброго молодца, между трех дорог,
Промеж Питерской, Московской, третьей Киевской!

№ 33

Не былинушка в чистом поле зашаталася,
Зашатался-загулялся добрый молодец.
Пришатнулся добрый молодец ко синю морю,
Он возгаркнул, он воскликнул громким голосом:
— Есть ли же на синем море перевощички?
Перевезли бы меня, молодца, на ту сторону,
На ту сторону, на святую Русь,
Причастили бы молодца и исповедали,
Схоронили бы доброго молодца промеж трех дорог,
Против Питерской да Московской, третьей Киевской.
В головах бы положили золот чуден крест,

В ногах бы поставили ворона коня.
Старый поедет, помолится,
Молодой поедет, потешится.

№ 34

Как далеченько-далече в чистом поле,
А еще того подале в раздольице,
Как не белые снежечки забелелися,
Забелелися солдатские палатушки.
Соезжалися генералы и фельдмаршалы,
Молодые полковые полковнички.
Оне думали думу крепкую заединое.
Один у них добрый молодец отшибался,
Заслужённый князь.
10 Уже вздумал добрый молодец на свою сторону.
Приезжает добрый молодец ко Неве-реке.
Он вскричал-взгаркнул громким голосом:
— Есть ли на Неве-реке перевощики?
Перевезли бы меня, доброго молодца, на тоё сторону.
За перевоз с меня возьмите пятьдесят рублей,
Если мало вам покажется, отдам сто рублей,
Я еще отдам со правой руки свой золот перстень,
С дорогим камешком со яхонтом.
Переехавши, добрый молодец стал кончатися,
20 Перед кончиной стал наказывать:
— Положите меня, братцы, между трех дорог,
Между Киевской, Московской да Черниговской,
В головах моих поставьте страшен чуден крест,
По праву руку положите мой тугий лук,
По левую сторонушку калену́ю стрелу,
Во резвых ногах поставьте коня доброго,
На белую грудь положите знамя царское.
Он на знамя царское насмотрится.
Воевал-служил добрый молодец
30 Ровно тридцать лет.
Естьли кто пойдет гулять в чисто поле,
На чуден крест богу намолится,
На моем ли на добрым коне нагуляется,
Моим тугим луком настреляется.

№ 35

Зашатался-загулялся добрый молодец
На своем ли на добром коне богатырскием,
На седеличке на черкаскием,
На войлочке на пуховыем,
На стременичке позолоченном;
А подпруги все шелковыя.
Пришатнулся-прикачнулся добрый молодец
Ко синю морю ко Хвалынскому.
Он воскрикнул и возгаркнул громким голосом:
10 — Ой вы гой еси, братцы перевощички!
Перевезите вы меня, молодца, на ту сторону,
Вы возьмите с меня, молодца, ровно пять рублев,
Коли мало вам, добрые молодцы, покажется,

Вы возьмите со правой руки мой золот перстень,
Вы преставьте меня на свою сторону,
Ко свому ли отцу-матери.

№ 36

Шел молодец дорогою,
Шел дорогою, шел широкою,
Пристигала молодца темна ноченька.
— Где мне ноченьку ночевать будет?
Ночевать ночку во темном лесу,
Во темном лесу, во сыром бору,
Во сыром бору под со́сною,
Ах, под со́сною под зеленою,
Под зеленою, под кудрявою.
Припаду я ко сырой земле,
Припаду я, послушаю,
Не стонет ли мать-сыра земля,
Не гонят ли погоню за мной,
Во погонюшке родной батюшка,
Не плачет ли родна матушка,
Не тужит ли молода жена,
Молода жена, малы детушки.

№ 37

Корчемка, корчемка, корчма тонкая,
Корчма тонкая, польская!
Стоишь ты на крутой горе,
На крутой горе, на всей кро́соте.
Во той во корчемке шинковка сидит,
Шинкует шинковка пивом и вином,
Пивом и вином и третьим медом.
У той у шинковки три молодца пьют:
Туляк, да поляк, да третий казак.
Поляк пиво пьет, червонцы кладет,
Туляк мёды пьет, монисты кладет,
Казак вино пьет, ничего не кладет.
Зовет он шинковку с собой на Дон жить:
— Пойдем ты, шинковка, со мной на Дон жить.
У нас на Дону не по-вашему,
Не ткут, не прядут, хорошо ходют.
Повел он шинковку во темны леса,
Привязал шинковку ко сухой сосне,
Зажигат сосенку со вершинушки.
Сосенка горит, шинковка кричит:
— Ах, ты батюшка, млад донской казак!
Ты не жги меня, пойду за тебя.

№ 38

Из-за леса, леса темного
Не бела заря занималася,
Не красно солнце закаталося,
А бежит-спешит скорый посол,
Скорый посол, молодой солдат,

НА КРАЮ ДЕРЕВНИ

Картина неизвестного художника (масло), 1-я половина XIX в.
Третьяковская галерея, Москва

Молодой солдат, пóлковой сержант.
На головушке он указ несет,
Во правой руке челобитьице.
У ключа было у гремучего,
У колодезя у студеного,
Красна девица воду черпала,
Тут донской казак коня поил,
Он коня поил, речь возгóворил
Про родимую про сторонушку.
Красна девица речь возговорила:
— Ты, раздушенька, донской козак!
Ты возьми-возьми за себя меня!
—Мне нельзя тебя за себя взяти.
Мы вечор поздно со бою пришли,
Уж мы билися-рубилися,
Сабли вострыя притупилися,
Белы ручушки опустилися,
Троя суточки не пиваючи, не едаючи,
Со добрых коней не слезаючи.

№ 39

Говорил милый, наказывал,
Наказывал-приказывал:
Живи, любушка, смирнехонько,
Смирнехонько-тихохонько.
Я наказа его не послушала,
Со иным с дружком поводилася.

Поводёмши, разбранилася,
Разбранёмши, стала плакати,
Во слезах я слово молвила:
10 — Ты взойди-взойди, милый, в горенку,
Погляди, милый, в окошечко,
В окошечко во косящето.
У нас де на дворе есть несчастьице,
Есть несчастьице — туман с росой,
Есть туман с росой, со частым дождем.
Есть у девушки, есть зазнобушка,
Зазнобушка детинушка,
Детинушка солдатский сын
Зазнобил сердце у девушки,
20 Зазнобив сердце, сам в поход пошел,
Да в поход пошел в ину землю,
Он в ину землю, в шведскую,
Во шведскую, во турецкую.

№ 40

Шел детинушка дорогою, шел широкою,
Пристигает его темна ноченька,
Темна ноченька осенняя,
Осенняя, распоследняя.
— Где мне ноченьку ночевать будет?
Ночевать мне, молодцу, во сыром бору,
Во сыром бору под сосною,
Под сосною под кудрявою.
Не дубравушка шумит-шумит,
10 Зеленая сосна шатается,
Добрый молодец печалится,
Он печалится-кручинится,
Горючьми слезми заливается.
— Не шатайся ты, моя зелена сосна,
Не печаль ты меня, доброго молодца!
Не сам-то я под тебя зашел,
Занесла-то меня неволюшка,
Неволюшка — служба царская.
Нет-то на службу охотничков, все невольнички

№ 41

Горька-то, горька в чистом поле полынь-трава,
Еще горчее солдатушкам служба царская.
Что ни день-то, ни ночь нам угомону нет.
Пристоялися наши ноженьки ко сырой земле,
Пригляделися наши глазыньки на сине море.

№ 42

Мурталитка-вор нерусской,
Он состроил корабль русской,
В Петербурге планы снял,
Ему дорог корабль встал.
Он и строил против башни,
Постановил на три мачты,
Чисто, хватско приластил,

Корабль на воду пустил,
Каталаж весь наложил,
10 Блоки медью обливал,
Нас, мазуров, нанимал.
Скоро хваты собрались,
Чисто корабль убирали,
Чисто корабль убирали,
Мы хозяину сказали.
Нам хозяин говорил:
— Да не полно ли вам вино пить?
— Пьем мы водку, пьем мы ром,
Сами в Персию пойдем.
20 Нам лоцман говорил:
— Вы садитесь, богу молитесь.
Мы по парускам садились,
На восход богу молились,
Мы за аншпили брались,
Мы за аншпили брались,
Скоро с якоря снялись.
Сейчас лоцман к рулю встал,
Музуров к парусам послал,
На носу Музура был вечной,
30 Он увидел ветер встречной,
Кричит дяде голосом,
Видит песок под носом:
— Уж ты, дядя, долгой нос!
Прикажи подать завоз.
Подашничком работали,
В году праздничков не знали,
Домой в Персию пошли,
У нас празднички пришли.

№ 43

Как вольная пташечка перепёлка,
Куды она захотела, туды полетела.
Садилася вольна пташечка при долине
На белую березу.
Сломлю я, сломлю со березы вершиночку,
Приложу я вершиночку ко белóй груди.
Не батюшка, не матушка меня замуж отдали,
Что сама-то я, красна девица, замуж вышла,
За вольного за детинушку за бурлака.
10 Сказали, у бурлачиньки денег много,
А только у бурлачиньки денег три полушки.
Бурлак-ат пашню не пашет, а сыт бывает.
А только у бурлачиньки и веселья,
Что вязовая дубиночка на ремешке.

№ 44

Слобода ль ты моя, слободушка!
Слобода ль ты моя новая,
Моя новая, подмосковная,
Подмосковная, разореная!
Не сама ты, моя слободушка, разорилася,

Разорил-то тебя лихой староста,
Лихой староста с вором выборным,
С вором выборным и со прикащиком.
Не за сто рублей, не за тысячу,
10 За одноё-то только за безделицу,
За безделицу — красну девицу,
Красну девицу Катеринушку.
Катеринушка собой была умна,
Всё именьице принимать была смела,
А после стала насмехатися:
— Каково ваше именьице?
Казне я своей дивовалася,
Объявить миру опасалася,
От кого такая казна доставалася.
20 Доставалась казна от лихова старосты,
От старосты и вора выборного,
Вора выборнова, от шельмы прикащика.

№ 45

Бежит речка по песку
у! у! у!
Во матушку во Москву,
Ко фабричному двору.
А фабричные ребята,
Хоть голы, удалы:
На ногах кандалы.
Люди мудреные,
Принапудренные.
10 Они ткут платки-салфетки
На разныя клетки, клетки,
Они сукны ткут
Во двенадесять штук, штук;
У них денежки в кармане,
А рубли-то по мошнам
С нами, с нами.
По ночам деньги гремят,
Они спать не велят,
Во кабак идти велят.
20 Мы подходим к кабаку,
Целовальник на боку,
Целовальник-маркитант,
А по отчеству Иван.
Отворяй новый кабак!
Мы идем к тебе не так:
Тесем шубу под заклад;
Ны бери шубу скорее,
Наливай вина полнее!
Мы ударим брата в ухо,
30 Наберемся его духа.

№ 46

Найди горюшко на того тоска, на мово дружка,
На мово дружка, на сердечного,
На сердечного, не на здешнего,

Не на здешнего, на зарецкого,
На зарецкого, кого я люблю.
Кого я люблю, с тем гулять пойду.
С тем гулять пойду, на завод зайду.
Вы, заводы мои, заводушки,
Вы, заводы мои, тобольские,
10 Вы, тобольские заводы, московские!
Завела завод, не докончила,
Не докончимши, за гульбой пошла,
За гульбой пошла, себе чадо вынесла,
Чадо вынесла, сына-мальчика!

№ 47

Как во келийке монашинка спасается,
По три раза в день напивается.
Как к обедни зазвонят,
Так чернец идет в кабак,
Он и рясу пропивает,
И каблук свой закладает.
Целовальник не примает,
Чернеца в шею толкает:
— Поди, поди, кавалер,
10 Казначей пить не велел.

МОНАХ, НЕСУЩИЙ В СНОПЕ ДЕВУШКУ
Скульптура (фарфор завода Храпунова), 1830-е годы
Исторический музей, Москва

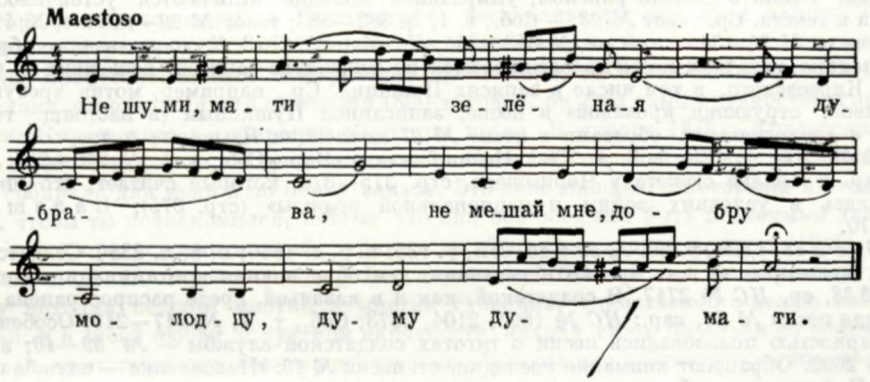
Поди, в келийку пора,
Не запёрты ворота.
— Я в келью не пойду,
Лучше в рощицу зайду.
В роще девки грибы брали,
Чернеца там не видали.
Доходили до конца.
Увидали чернеца
Девки песенку запели,
20 А чернец пошел плясать.
С ноги на ногу монашинка попрыгивает,
Про свое житье-бытье рассказывает:
— Да не дай, боже, спасаться молодому чернецу.
Не велят-то чернецу в кабак часто ходить,
А еще же не велят красных девушек любить.

№ 48

Против солнца на востоке
Монастырь в роще стоит с новой келейкой.
Тут во келейке монашинька спасается,
В день по двожди, по трожди напивается.
Как к обедни зазвонят,
А монашинька в кабак идет,
Целовальник не при⟨ни⟩мат,
Чернеца в шею толкат.
— Поди прочь, калувер,
10 Казначей пить не велел.
Поди, в келейку пора,
Не заперты ворота́.
Чернец говорит,
Свою келейку бранит:
— Чем мне в келейку идти,
Лучше в рощицу зайти.
В роще девки грибы брали,
Чернеца в глаз не видали.
Сходилися девки в круг,
20 И монах с ними тут.
Девки песенки запели,
А чернец плясать пошел.
С ноги на ногу монашенька попрыгиват,
Про свое житье-бытье рассказыват.
— Распроклятое житье монашеское,
Распрекрасное житье красным девицам,
Красным девицам и молодушкам.

Коллекция песен Н. М. Языкова, его братьев и сестер является одной из самых богатых в Собрании Киреевского. В нее входят материалы, записанные в Симбирской и Оренбургской губ., в местах, где в XVII—XVIII вв. развертывались грозные события крестьянских войн под руководством Разина и Пугачева. Это наложило известный отпечаток на все Собрание, в котором значительное место занимают представленные в настоящем томе песни о вольных людях, казачьи, солдатские, бурлацкие, а также баллады. Многие из этих произведений, устойчивых по своему сюжетному составу, отличаются высокими художественными достоинствами. К ним относится знаменитая песня «Не шуми, мати зеленая дубравушка», которой открывается данная публикация. Приводим все варианты ее, сохранившиеся в записях Языковых, для того чтобы показать популярность песни и своеобразие разработки этого сюжета в народной традиции.

№ 1—5. ЛБ, ф. 125, п. 7, л. 2233; п. 55, лл. 2482 об.— 2483; ГИМ, ф. 56, св. 2а, лл. 1445, 1447, 1448. Песня упоминается В. К. Тредиаковским в «Мнении о начале поэзии» (1752), первая публикация: Чулков, ч. I, № 131; идентичный *№ 2* текст найден в рукописном сборнике, датируемом 1767 г. Этот же текст у Пушкина в «Капитанской дочке» (гл. VIII) и первые две строки в «Дубровском» (гл. XIX). Часто встречается в песенниках начала XIX в. с приурочением к имени известного вора XVIII в. Ваньки Каина. Так она опубликована Бессоновым в *СС*, в. 9, стр. 73—75; *НС* № 2028. Однако это приурочивание песни встретило возражение в научной литературе: Лопатин — Прокунин, стр. 177—183; Чернышев, стр. 411—413; Соб., т. VI, № 424—427. Принадлежность песни к народной традиции подтверждает ее широкая популярность в XVIII — первой половине XIX вв. в различных слоях русского общества. Записи Языковых показывают своеобразие вариаций песни. Особенно обращает внимание текст *№ 4*, развивающий основной сюжет, и текст *№ 5*, в котором традиционные калены стрелы, сабля, копья заменены «ружьем огненным», «мелкими пушечками», «свинцовыми ядрышками». Такая замена позволяет отнести этот текст к разинским или пугачевским песням. Приводим напев по первой публикации в сборнике Рупина:



№ 6—7. ЛБ, ф. 125, п. 7, л. 2241; ГИМ, ф. 56, св. 2в, л. 797. Песня-баллада (Чернышев, стр. 114—117; Соб., т. VI, № 403—408). Исследователи отмечают ее популярность и наличие нескольких редакций; одна из ранних — см. «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. III. М.— Л., 1958, стр. 361; Балашов, стр. 266.

№ 8. ЛБ, ф. 125, п. 5, л. 1710. Относится к циклу песен о русских девушках-полонянках. Близкий вар. обнаружен в архиве Шейна («Исторические песни XIII—XVI вв.», № 20). Там же с таким зачином, но иным развитием сюжета вар., записанный Б. Потаниным (№ 19), засвидетельствовавшим распространение песни по всему Иртышу до Семипалатинска. Своеобразие данного текста в том, что турки (в других вар. преследователи не названы) не могут догнать девушку, хотя и похваляются, что растерзают ее.

№ 9—10. ЛБ, ф. 125, п. 55, лл. 2483—2484 об.; ГИМ, ф. 56, св. 2б, л. 542. Первый текст записан П. М. Языковым в с. Головине Симбирской губ., о чем он сообщает в письме к брату Александру 25 июля 1838 г. (ИРЛИ, ф. 348, 19.4.138). В основе песни — исторический факт столкновения казаков с башкирами; записана от талантливого сказителя, умело использовавшего общие места эпической поэзии, как видно из сравнения с другими вар.: *НС* № 2408, 2423, 2457. Все указанные тексты — из собрания Языковых, что свидетельствует о распространенности песни в Поволжье и в Оренбургском крае.

№ 11. ЛБ, ф. 125, п. 55, л. 2486 об. Из тетради песен, записанных П. М. Языковым в с. Головине Симбирской губ. Оригинальная песня об освобождении Петром I молодца из неволи.

№ 12. Там же, лл. 2499 об.— 2500. Из той же тетради П. М. Языкова. Редкий вар. песни, сохранившей отголосок борьбы казачества на восточных рубежах русской земли.

№ 13. Там же, л. 2476—2476 об. Текст интересен зачином, обычным для былины о Ставре Годиновиче, до сих пор не известной в записях из средней и южной полосы России. Контаминируется с балладой о муже, погубившем жену, популярной в народной традиции. См. Чернышев, коммент., стр. 444—447; Балашов, стр. 381—384.

№ 14. ЛБ, ф. 125, п. 44, лл. 1168 об.— 1169. Баллада, известная до нашего времени во многих вар. Встречается среди записей Пушкина (настоящ. том, № 3). Обзор вар.— Астахова. Былины Севера, стр. 553—555.

№ 15. ЛБ, ф. 125, п. 7, л. 2168. Баллада. Впервые: Чулков, ч. I, № 139; Соб., т. I, № 196—213. Обзор вар.: Чернышев, стр. 406; Балашов, стр. 391. Последние строки баллады указывают на старинный обычай разбойников убивать первую встретившуюся жертву («первую встречу»).

№ 16. ЛБ, ф. 125, п. 19, л. 4844. Песня-баллада, известная во многих вар.: Соб., т. I, № 154—162; т. VII, № 737; *НС* № 2110.

№ 17. ЛБ, ф. 125, п. 7, л. 2245. Очень редкая песня, имеющая в основе исторические события крестьянской войны. В сборниках не встречается.

№ 18—20. ЛБ, ф. 125, п. 7, лл. 2193, 2166, 2167. Песни волжской вольницы; две последние балладного характера. Вар.: Соб., т. VI, № 372—378. Чернышев отмечает сюжетную близость этих песен-баллад к сказкам (Чернышев, стр. 409).

№ 21—23. ГИМ, ф. 56, св. 2, л. 587; ЛБ, ф. 125, п. 7, лл. 2209 и б. н. с пометой «XXV». Песни тюремные. Вар.: *НС* № 1618; Соб., т. VI, № 482, 483, 494, 520—526.

№ 24. ЛБ, ф. 125, п. 55, л. 2457. Запись П. М. Языкова. Наиболее ранний и полный вар. этой песни в сб. Кирши Данилова (по изд. 1958 г., стр. 202—206 — «Когда было молодцу пора-время»). Там же обзор основных вар., стр. 619—620; см. также Соб., т. I, № 280—283. Текст из сб. Кирши Данилова цитировал Белинский, отметивший «поэтически унылый тон» песни (Белинский, т. V, стр. 400).

№ 25—28. ГИМ, ф. 56. *№ 29—36*. ЛБ, ф. 125, п. 5, лл. 1786—1788; п. 7, лл. 2231, 2233—2234, 2236; п. 8, л. 2388. Большая группа песен посвящена воинской жизни казачества: сборам в поход, прощанию с семьей, бегству из плена и в особенности гибели молодца. Песни о тяжело раненом, умирающем молодце отличаются устойчивостью сюжета и текста. Ср. текст *№ 28* — Соб., т. I, № 382—383; текст *№ 29*—там же, № 412—419; тексты *№ 31—35* — там же, № 343—344; *НС* № 1895, 2873. Художественные образы и символика казачьих песен прослеживаются во множестве записей, вошедших в Собрание Киреевского, в том числе в записях Пушкина. Ср., например, мотив «речушки слезливой, струюшки кровавой» в песне, записанной Пушкиным (в настоящ. томе, № 14) с аналогичными образами в песне *№ 27* коллекции Языковых и др.

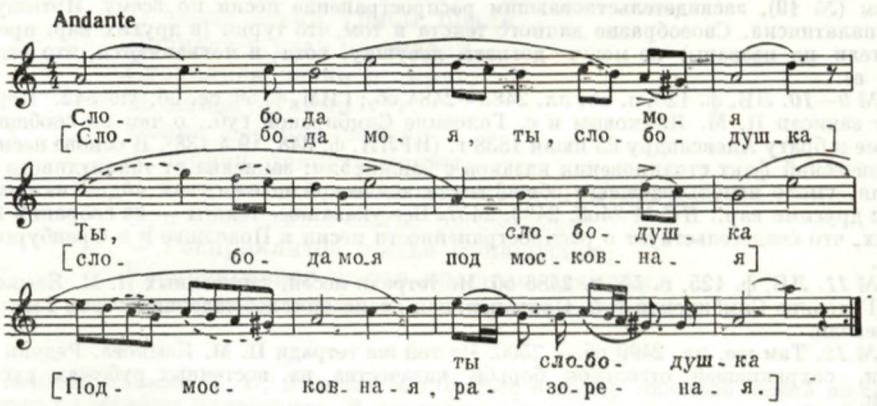
№ 37. *ЛБ*, ф. 125, п. 8, л. 2383. Песня-баллада. Вар.: Соб., т. I, № 216—225. Обзор вар. и анализ сюжета у Чернышева, стр. 375—376, который считает, что «песня сложилась в условиях войны и национальной вражды» (стр. 375); Балашов, стр. 270.

№ 38 и *41*. ГИМ, ф. 56. *№ 39* и *40*. ЛБ, ф. 125, п. 5, л. 1866; п. 8, л. 2386. Солдатские песни; некоторые из них близки к казачьим, чем объясняются контаминации, например, *№ 38*, ср. *НС* № 2717. В солдатской, как и в казачьей, среде распространена лирическая песня *№ 38*, вар.: *НС* № 1696, 2104, 2873; Соб., т. V, № 217—219. Особенной популярностью пользовались песни о тяготах солдатской службы — *№ 39—40*; вар.: *НС* № 2692. Обращают внимание последние ст. песни *№ 40*: «Неволюшка — служба царская. Нет-то на службу охотничков, все невольнички».

№ 42. ГИМ, ф. 56, св. 2а, л. 1370. Матросская песня. Ср. Соб., т. VI, № 345—346.

№ 43. ЛБ, ф. 125, п. 7, л. 2205. Волжская бурлацкая песня. Первая публикация: Чулков, ч. II, № 174; Соб., т. II, № 396—397.

№ 44. ЛБ, ф. 125, п. 5, л. 1747. Песня известна была только начальными ст., полный вар. встречается впервые. Приводим напев по сборнику Кашина, кн. II, № 5 (Соб., т. II, № 392):



№ 45. ЛБ, ф. 125, п. 6, л. 2017. Вар.: Соб., т. VI, № 556—559. Одна из ранних записей песни рабочих мануфактур.

№ 46. ЛБ, ф. 125, п. 19, л. 4781. Распространенная песня, известная во многих вар.: *НС* № 1526, 1638, 1749; Соб., т. VI, № 238—241.

№ 47—48. ЛБ, ф. 125, п. 6, л. 2014. Сатирические песни. Вар.: сб. «Против церкви и религии», № 227—228; Соб., т. VII, № 345—348.

П. И. ЯКУШКИН

Публикация П. Д. Ухова

Вступительная статья и комментарии А. И. Баландина

Среди корреспондентов Киреевского, доставлявших ему свои записи, Павел Иванович *Якушкин* (1822—1872) занимает особое место. Один из первых в истории науки профессиональных собирателей фольклора, писатель-демократ, активный участник революционного движения 1860-х годов, он был самым ревностным помощником Киреевского в собирании народных песен. В январе 1846 г. Киреевский писал Н. М. Языкову: «...Якушкин и князь Костров собрали множество песен ⟨...⟩ они собирали для меня и по моему заказу. Это двое юношей, с которыми я очень желал, чтобы ты познакомился, потому что они оба обещают быть полезными деятелями» [1]. А в предисловии к своей публикации «Русские народные стихи» (1848) он заявлял: «...*П. И. Якушкин*, который с неутомимой благородной ревностью к этому делу исходил пешком многие и многие губернии, единственно с целью собирать песни, и в своей любви к русской народности находя силы бороться со всеми трудами и препятствиями, весьма значительно обогатил мое собрание песнями костромскими, тверскими, рязанскими, тульскими, калужскими и орловскими» [2]. По словам самого Якушкина, он занимался собиранием песен для Киреевского более двадцати лет [3]. Его материалы вошли не только в Собрание песен Киреевского, но и в собрания сказок и легенд А. Н. Афанасьева, и в собрание пословиц и поговорок Даля. Его собственный сборник народных песен (1860) до сих пор является настольной книгой каждого фольклориста. Фольклорными материалами насыщены очерки и рассказы Якушкина, пользовавшиеся среди демократических читателей 1860-х годов большой популярностью. Деятельность Якушкина-фольклориста и писателя заслуживает серьезного изучения.

Как собиратель фольклора, Якушкин сформировался довольно рано, и этим он во многом обязан той среде, в которой родился и вырос. Сын небогатого помещика и крепостной крестьянки, он прошел в детстве суровую школу жизни. Уже в Орловской гимназии, где Якушкин получил первоначальное образование, у него, по словам Лескова, начало формироваться то «направление к простонародности» [4], которое вскоре переросло в страстное желание узнать жизнь народа, познакомиться с его самобытным творчеством. Тогда же и были сделаны им первые записи народных песен, до нас не дошедшие. Став студентом Московского университета (1840), Якушкин продолжал собирание фольклора, чем обратил на себя внимание Киреевского. По его совету Якушкин начинает уже систематически собирать произведения народного творчества.

Киреевский вводит Якушкина-студента в дом Аксаковых, где ему оказывают самый радушный прием. Вскоре Погодин привлекает Якушкина к сотрудничеству в «Москвитянине». В декабрьской книжке журнала за 1844 г. был напечатан его первый рассказ «Народные сказания о кладах, разбойниках, колдунах и их действиях», написанный в форме беседы между стариком рассказчиком и двумя собирателями.

Публикация рассказа сопровождалась примечанием Погодина. Сообщая о том, что Якушкин намерен отправиться в длительное путешествие по всей России «для собирания остатков нашей народности», Погодин писал: «Усердно желаем ему успеха и в следующих номерах познакомим читателей еще более с целью его

путешествия, которое может принести великую пользу, *если будет совершено, как должно»* [5]. Издатель «Москвитянина» имел тут в виду специально написанное им «наставление» Якушкину — своеобразную программу для собирания фольклорно-этнографических материалов [6]. В наставлении Погодина есть замечательные страницы. Требование записывать песни «как они пропоются», «без всяких поправок», советы использовать торговлю офенским товаром в качестве предлога для знакомства с сельскими певцами — все это Якушкин хорошо усвоил еще на студенческой скамье. Однако в наставлении Погодина встречаются требования, которые, в сущности, уводили молодого собирателя в сторону от намечавшейся столбовой дороги в русской фольклористике. Это прежде всего ориентация на предметы старины и архаики. Как увидим ниже, Якушкин мало следовал этим указаниям. Деятельность Киреевского и, надо полагать, знакомство со статьями Белинского оказали на творческое развитие Якушкина куда большее влияние, нежели советы Погодина.

После окончания университета в 1845 г. [7] Якушкин некоторое время живет в Москве, совершая кратковременные походы за песнями. Вскоре Киреевский отправляет его в более длительное путешествие по центральным губерниям России. Якушкин становится «корреспондентом» знаменитого собирателя.

Выход Якушкина за песнями — явление для того времени исключительное. И. П. Сахаров, И. М. Снегирев и другие его предшественники собирали народные песни между делом, «при исполнении других служебных обязанностей». Якушкин же впервые в истории науки становится профессиональным собирателем, и в этом его историческое значение. Принципы собирания народных песен, выработанные Якушкиным во второй половине 1840-х годов, не утратили своего научного значения и в наши дни. Точность записи — один из важнейших принципов собирательской деятельности Якушкина. Эта точность достигалась прежде всего тем, что Якушкин записывал непосредственно с голоса. Он стремился передать своеобразие песенного напева, используя для этой цели всевозможные повторы, усилительные частицы и т. п. Бережное отношение к тексту сказалось, между прочим, и в том, что Якушкин широко пользовался фонетической записью. Рассмотрим с этой точки зрения песни, записанные им в с. Кобылянка Ефремовского у. Тульской губ. Эти песни (*НС* № 1726—1747) — типичный образчик якушкинских записей. Собиратель отметил многие черты, характерные для южновеликорусских говоров:

1) мягкое *-т'* в третьем лице глаголов (и в единственном и во множественном числе):

К нам весна скоро придеть...
Сгонить снежки, весь мороз (№ 1727);

2) отсутствие глухого губного фикативного согласного *ф*;

3) отсутствие цоканья, т. е. различие согласных *ц* и *ч*:

Было у ней счастьице —
Ни могла в руках держать:
Любила молодчика —
Не могла любовь признать (№ 1726);

4) окончание *-е* в родительном — винительном падеже личных местоимений единственного числа:

Маладой жине распичатано письмо,
Малым детушкам баславенья от мине (№ 1730).

Тульская группа говоров, входящая в состав южновеликорусского наречия, характеризуется, как известно, умеренным яканьем, т. е. зависимостью гласного первого предударного слога от твердости или мягкости следующего за этим гласным согласного. Если согласный твердый, то на месте *е*, *о*, *а* в первом предударном слоге после мягкого согласного является *а*, если же этот согласный мягкий — *и* или *е*, например: *б'ада*, *е'асна*, но *в'ид'и*, *н'ис'и* или *в'ед'и*, *н'ес'и*. Эту особенность тульской группы говоров отметил в своих записях и Якушкин:

Прилятал сакол домой, домой,
Он ложилси, мальчик, на спокой (№ 1733).

П. И. ЯКУШКИН

Фотография. Н.-Новгород, конец 1860-х годов

Литературный музей, Москва

Но:

Сказала ему девушка
Ни радостнаю весть,
Всё да пичальную (№ 1734).

В южновеликорусских говорах шире, чем на севере, наблюдается отсутствие у глаголов третьего лица согласного *-т*:

К нам весна скоро придеть,
Весна прийде, сонцо взойде (№ 1727).

Родительный падеж единственного числа мужского и среднего рода прилагательных и различных неличных местоимений в южновеликорусских говорах имеет в окончании согласные γ и *в*. В записях Якушкина представлен лишь *в*:

Остаютца ево дети
Горькии сироты (№ 1732).

Однако указанные выше черты южновеликорусских говоров в записях Якушкина отмечены крайне непоследовательно. Так, наряду с типичным для южновеликорусских говоров окончанием *-т'* в третьем лице глаголов встречается *-т*:

На той речки, на той быстрой
Куст малинушки растет (№ 1727).

Наиболее характерная черта южновеликорусских говоров — *аканье*, т. е. неразличение в безударном положении гласных *о* и *а*, в записях Якушкина не отмечена:

Ты, соловьюшко маленькей,
Голосочек тоненькей,
Ты ни пой, ни свищи —
Мово дружка ни грусти (№ 1728) и т. д.

Все это наводит на мысль, что рассматриваемые песни Якушкин записывал от какого-нибудь жителя северных губерний, но уже продолжительное время живущего в Тульской губ. Возможно также, что Якушкин сам не до конца выдерживал фонетический принцип записи: на полях его тетрадей нередко можно встретить такие, например, заметки: «Не могу решить: как говорят *а*? Что-то среднее между *а*, *я* и *и*».

К необходимости фонетической записи Якушкин пришел не сразу. В начале 1840-х годов методика его записи, например, еще ничем не отличалась от методики записи его современников. Однако уже в середине 1840-х годов он начинает весьма тщательно сохранять все особенности народной речи. В его публикуемом ниже фольклорном дневнике 1846 г. читаем: «Несмотря на все мое желание удержать выговор при записывании песен, я здесь скоро решусь писать простонародно. Выговор первоначальный ужасно путается. Недалеко от Зарайска, следовательно, народ модный... один житель произносит *лидок*, другой — *лядок*, *ледок*»[8].

Другим важным принципом собирательской деятельности Якушкина является фронтальное обследование фольклора определенной местности. Так, им был записан, например, почти весь репертуар жителей д. Андроновки Лихвинского у. Калужской губ. Принцип фронтальной записи, выработанный Якушкиным в середине 1840-х годов, имеет выдающееся научное значение. Он позволяет нагляднее представить весь репертуар жителей того или иного села, области, края. Собранный материал в свою очередь позволяет сделать важные выводы о художественных вкусах народа, об исторических судьбах народной поэзии (особенно при повторных записях).

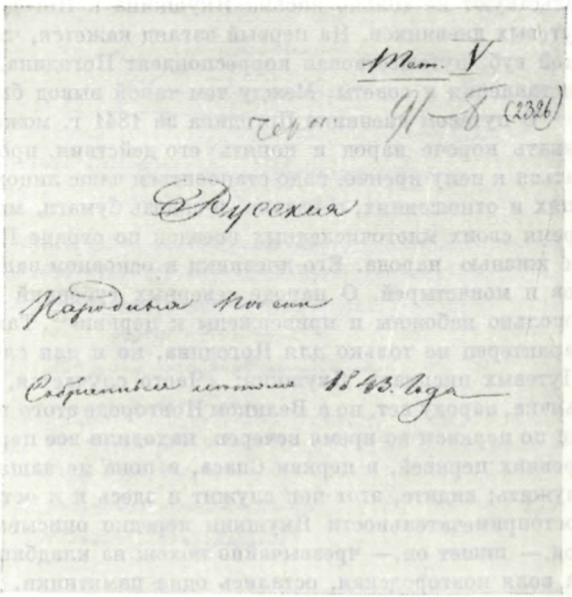
Важным открытием собирателя явилось также ведение фольклорного дневника. Дневник давал возможность охарактеризовать ту обстановку, в которой бытуют народные произведения. Это как раз то, чего позднее требовал от собирателей фольклора Добролюбов[9]. К сожалению, дневники Якушкина, предвосхитившие высказывания Добролюбова, в свое время не были напечатаны и лишь только теперь становятся достоянием науки[10].

ТЕТРАДЬ С КОПИЯМИ ПЕСЕН, ЗАПИСАННЫХ П. И. ЯКУШКИНЫМ (Орловская губерния,)1843

Обложка

Индекс рукою Якушкина

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва



В начале 1840-х годов Якушкин записывает преимущественно лишь традиционные крестьянские песни, однако очень скоро он начинает записывать и «новые» песни, хотя и не ценит их. Записав, например, песню «Вдоль по улицы мителица митеть», он, обращаясь к Киреевскому, отмечает: «Вот вам, почтеннейший Петр Васильевич, пишу песню, в которой *тирван* играет важную роль. Мне ее пел мальчик лет 10: что же споют большие? Верно, песни еще молодые... Сижу в липовой роще и жду главного песельника сельца Гололобова: он говорит, что знает много старинных песен. Дай-то бог!» [11]. По-видимому, в это время Якушкин записывал только народные песни. Позднее он обратился ко всем жанрам фольклора.

Якушкина интересовали не только материалы фольклора. В его рязанских тетрадях 1847 г. сохранился, например, интересный набросок этнографического беллетризованного очерка (помеченный 6 апреля). В этом незаконченном очерке проявилась самая характерная, пожалуй, черта Якушкина-фольклориста: пристальное внимание не только к историческому прошлому русского народа, но и к современной народной жизни, к нуждам и запросам простых людей.

Якушкин путешествовал на средства Киреевского, но их явно не хватало. Попытка Даля ввести Якушкина в круг научных интересов Русского географического общества (это освободило бы собирателя от многочисленных полицейских придирок и упрочило бы его материальное положение) окончилась неудачно. И в 1849 г. Якушкин вынужден был приступить к педагогической деятельности. Занимая должность учителя истории и географии в уездных училищах Харьковской губ., он продолжал собирать народные песни. В Харькове он изучал солдатский быт, следя за рекрутскими наборами, «толкаясь» среди раненых в открывшемся там во время Крымской войны военном госпитале. Весной 1856 г. он выходит в отставку, переезжает в орловское имение своей матери — Сабурово и вскоре, согласно завещанию умершего в этом году Киреевского, приступает к подготовке его Собрания песен к печати. В начале 1858 г. Якушкина, однако, отстраняют от издания песен Киреевского (см. об этом выше, на стр. 85—91 настоящ. тома), и в конце года он отправляется в путешествие по северным губерниям России в качестве корреспондента журнала «Русская беседа».

О своей поездке на Север Якушкин рассказал впоследствии в «Путевых письмах из Новгородской губернии» [12]. Разыскания старинных печатных книг и предметов древнего обихода занимали значительную часть его времени. Об этом свиде-

тельствуют не только письма Якушкина к Погодину [13], но и многие страницы его путевых дневников. На первый взгляд кажется, что по городам и селам Новгородской губ. путешествовал корреспондент Погодина, ревностно исполняющий все его наставления и советы. Между тем такой вывод был бы совершенно неправильным.

В путевом дневнике Погодина за 1841 г. можно встретить такие строки: «Чтоб узнать короче народ и понять его действия, прошедшее и настоящее, чтоб привязаться к нему крепче, надо становиться чаще лицом к лицу с ним, в разных положениях и отношениях, а издали, и сквозь бумаги, многое кажется иначе»[14]. Однако во время своих многочисленных поездок по стране Погодин меньше всего интересовался жизнью народа. Его дневники в основном заполнены описанием церквей, соборов и монастырей. О народе северных губерний Погодин писал: «Жители вообще довольно набожны и привержены к церкви»[15]. Такой взгляд на русский народ был характерен не только для Погодина, но и для славянофилов. Но вот что пишет в «Путевых письмах» Якушкин: «Часто случается, что в церкви, кроме попа да дьячка, народу нет, но в Великом Новгороде этого не хотелось бы видеть. Мы, ездивши по церквам во время вечерен, находили все церкви пустыми, а в одной из самых древних церквей, в церкви Спаса, и попа не нашли: поп пошел, кажется, в острог служить; видите, этот поп служит и здесь и к острогу *прикомандирован*». Местные достопримечательности Якушкин нередко описывает без всякого пиетета. «Новгород,— пишет он,— чрезвычайно похож на кладбище, усеянное памятниками. Умерла воля новгородская, остались одни памятники, да и те по возможности испорчены» [16]. А в главе о Старой Руссе он прямо заявляет: «Военные поселения ⟨...⟩ заслонили собою память о старине» [17].

Жизнь простых людей, их настроения и мысли интересуют Якушкина прежде всего. С большой теплотой рассказывает он о нелегком труде рыболовецкой артели, о деревенских посиделках и хороводах, о своем посещении новгородского уездного училища и т. д. Эту сторону его «Путевых писем» отметил «Современник» [18]. Рецензент «Современника» (А. Н. Пыпин) отметил и другую особенность «Путевых писем» Якушкина — их насыщенность историческими преданиями и легендами. Якушкин приводит народные предания и легенды о конце Новгорода, о Перуне, Ольге-перевозчице, Иване Грозном, Петре I и другие. Значение их для истории науки весьма велико.

И. А. Худяков, например, на основе якушкинских записей создал специальную работу «Народные исторические сказки», в которой указал на ряд фольклорных и летописных параллелей к ним [19]. Обращение Якушкина к историческим преданиям и легендам, казалось бы, соответствовало установкам Погодина и славянофилов на пристальное внимание к памятникам старины. Между тем это далеко не так. Приведем для подтверждения сказанного один пример, относящийся к историческим преданиям и легендам об Иване Грозном.

Идеологи официальной народности и славянофилы неоднократно заявляли о том, что народ «забыл» жестокости Грозного. По их мнению, в фольклоре нашли отражение лишь государственные преобразования царя, направленные на укрепление и расширение России. А то, что эти преобразования, так же как впоследствии и преобразования Петра I, ложились тяжелым бременем на плечи народа, в фольклоре будто бы не оставило никакого следа. Замалчивание произведений фольклора, в которых эта сторона деятельности Грозного нашла свое отражение, преследовало, разумеется, определенные политические цели. Отсутствие в фольклоре таких произведений должно было иллюстрировать основное положение славянофилов о смирении и покорности как самых характерных чертах русского народа. Народ незлобив и кроток, он «забыл», что Грозный, разоряя, скажем, Новгород, жестоко расправился с его жителями. Записи же Якушкина свидетельствовали о том, что народ прекрасно помнит не только завоевательные походы Грозного, но и его крутой и вспыльчивый нрав, его жестокое обращение с подданными, многочисленные казни и т. д. Более того, якушкинские записи свидетельствовали о том, что мнительность и жестокость Грозного подвергались в народе резкому осуждению. В одном из записанных Якушкиным преданий рассказывается, например, как Грозный усмиряет свой гнев уничтожением в реке Волхове жителей Новгорода; однако получает

ТЕТРАДЬ СВАДЕБНЫХ ПЕСЕН, ЗАПИСАННЫХ П. И. ЯКУШКИНЫМ

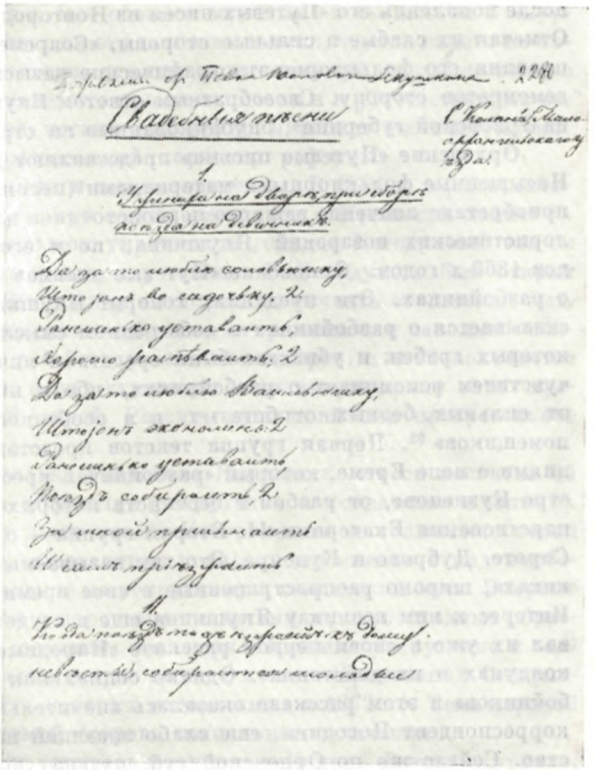
(село Колпна, Малоархангельского уезда Орловской губернии), 1843

Копия

Лист первый

Сверху помета рукою П. В. Киреевского: «Доставлены от Павла Ивановича Якушкина»

Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва



Свадебныя песни

О Колпнах Малоархангельскаго уѣзда

Примѣрна для дворянъ при выборѣ невѣсты на дѣвичникѣ.

Да за то люблю сомлѣвшину,
Что умѣ во гадочку,
Ранешнего уставаить,
Хорошо расправаить.
Да за то люблю Ванюшину,
Что умѣ экономическо,
Ранешнего уставаить,
Всегда собираить.
За мной привыкаить
Меня прiучаить.

II.

Что на поѣздъ то ужь не прайдетъ къ дому.
невѣстушка собираетъ молодые

возмездие от народа, потому что народ такая сила, с которой не справиться никакому царю. Заметим, что в исторических преданиях о Петре I жестокая, насильственная сторона его деятельности вскрывается не менее отчетливо [20].

Славянофилы, как известно, рассматривали исторические предания и легенды прежде всего в плане архаики. Для Якушкина же они — неотъемлемая часть духовной культуры современного народа. Отсюда его интерес не только к историческим преданиям, но и к сказаниям о событиях недавнего прошлого: об Аракчееве, о гр. А. А. Орловой и ее духовном наставнике архимандрите Фотии. Народные рассказы об Аракчееве, содержащиеся в «Путевых письмах» Якушкина, явились для современников настоящим открытием. Оказалось, что народ все еще с ужасом вспоминает о временах аракчеевщины.

Большое место в «Путевых письмах» Якушкина занимают вопросы современного ему народного творчества. Якушкин отмечает, что в народе хорошо сохраняются традиционные песни. В то же время он с сожалением пишет о том, что в репертуаре молодежи большое место занимают романсы. Внимание Якушкина привлекают прежде всего такие песни, социальная направленность которых очевидна. Не только исторические предания и сказания о недавнем прошлом, но и современное Якушкину народное творчество рассматривается в его «Путевых письмах» под определенным социальным углом зрения. Якушкин настойчиво проводил крамольную для того времени мысль о том, что исторические предания звучат в народе так же современно, как и песни о царской солдатчине. Фольклор для Якушкина такой же материал для характеристики народной жизни, как, скажем, данные по экономике и этнографии. Слушая рассказы крестьян об Аракчееве, он тут же замечает, например, что нововведения этого ненавистного народу временщика разоряли крестьянское хозяйство, пагубно сказывались на сохранности памятников культуры.

Незаурядные способности Якушкина-фольклориста и этнографа и демократизм его взглядов обратили на себя внимание руководителей «Современника» сразу же

после появления его «Путевых писем из Новгородской и Псковской губерний» (1859). Отмечая их слабые и сильные стороны, «Современник» боролся за Якушкина, направляя его фольклорно-этнографические разыскания в нужную для революционных демократов сторону. Своеобразным ответом Якушкина явились его «Путевые письма из Орловской губернии», опубликованные на страницах «Современника» в 1861 г. [22]

Орловские «Путевые письма» представляют для исследователя особый интерес. Насыщенные фольклорными материалами (песнями, преданиями и легендами), они приобретают значение важного первоисточника для характеристики не только фольклористических воззрений Якушкина, но и его общественно-политических взглядов 1860-х годов. Орловские «Путевые письма» посвящены, в сущности, преданиям о разбойниках. Эти предания, говорит Якушкин, бывают разные. В одних рассказывается о разбойниках в собственном смысле этого слова, о разбойниках, для которых грабеж и убийство были средством личной наживы. В других народ с сочувствием вспоминает о разбойниках, ибо в них «есть *одно*: это защита слабых от сильных, бедных от богатых, и в особенности господских крестьян от злых помещиков» [22]. Первая группа текстов представлена в «Путевых письмах» преданиями о попе Ереме, который «разбойничал крестом», о купце Давыдове и бургомистре Кузнецове, от разбоя и бесчинств которых жители Орла страдали еще в годы царствования Екатерины II. Вторая группа — о Тришке Сибиряке, Федьке Рытике, Сироте, Дуброве и Кудеяре. Это так называемые предания о «благородных разбойниках», широко распространенные в свое время в центральных губерниях России. Интерес к ним возник у Якушкина еще в студенческие годы: он широко использовал их уже в своем первом рассказе «Народные сказания о кладах, разбойниках, колдунах и их действиях». Однако социальная характеристика «благородных разбойников» в этом рассказе оказалась значительно сниженной: предания записывал корреспондент Погодина, еще слабо знающий народную жизнь и народное творчество. Сейчас же по Орловской губ. путешествовал корреспондент «Современника», разделяющий взгляды революционных демократов на социальную природу разбойничьих песен и преданий.

Пыпин в статье «Историческая объективность» писал: «Разбойник наших песен есть прямой союзник Стеньки Разина, человек, оставивший общество потому, что оно угнетало и лишало его свободы...» [23]. Легенды и предания о «благородных разбойниках», записанные Якушкиным в Орловской губ., являются прекрасным доказательством справедливости этих слов. Во многих преданиях, например, встречаются мотивы чародейства, характерные прежде всего для преданий о Разине (плавание на кошме, чудесное избавление из тюрьмы, лодка, начерченная на стене мелом и т. д.). «Народным заступником» выступает в орловских преданиях Тришка Сибиряк.

Северным «Путевым письмам» Якушкина была присуща, как мы видели, еще некоторая ориентация на описание памятников старины. В орловских же «Путевых письмах» Якушкин прямо отказывается от этого. «О постройках церквей, часовен, воеводских домов,— заявляет он,— я говорить не буду; я думаю, для читателей, не знающих положения Орла, это не занимательно» [24]. Картины из жизни крестьян здесь выдвигаются на первый план.

На жгучие вопросы современности откликается Якушкин и в своих очерках и рассказах, появившихся вскоре после выхода в свет его орловских «Путевых писем». Крестьянский вопрос в то время был наиболее злободневный. Отношение крестьян к реформе 1861 г. Якушкин избирает темой своего первого художественного очерка «Велик бог земли русской!», напечатанного в 1863 г. в некрасовском «Современнике» [25]. В этом очерке, написанном по горячим следам событий, мы находим немало сцен, раскрывающих и предреформенные настроения различных слоев населения, вызванные высочайшими рескриптами Александра II, и отношение крестьян к царскому манифесту, и крутую расправу властей с крестьянами во время проведения реформы. Заявить открыто о грабительском характере реформы Якушкин, конечно, не мог. Однако, пользуясь эзоповым языком, он выражал свое резко отрицательное отношение к реформе. В сущности, весь его очерк «Велик бог земли русской!» написан этим эзоповым языком. Приведем лишь один пример. Помещик М***, «прогнавший

большую часть своих людей на волю», был обвинен мировым посредником в «дурном обращении» с крестьянами. В ответ на это помещик заявил, что «он ничего не боится, никакой там выдуманной гласности, что про него, пожалуй, пиши не только на колоколе, а хоть на всей колокольне, что про него писали и в „Отечественных записках"...»[26]. Как видим, Якушкин весьма прозрачно намекает на выступление «Колокола», разоблачавшего крепостнический характер реформы.

Якушкин разрабатывает в эти годы и тему солдатчины. В 1864 г. в «Современнике» же был напечатан другой его очерк — «Из рассказов о Крымской войне» [27]. Крымская война застала его в небольшом украинском городке Богодухове, где он преподавал историю и географию в уездном училище. В Богодухове был открыт временный госпиталь, что давало Якушкину возможность изучать солдатский быт. Очерк его и состоит из небольших рассказов о беседах с горожанами и ранеными солдатами. Здесь мы найдем рассказы и о бездарности командиров, и о казнокрадстве чиновников. Читатели усматривали в них страшную социальную драму того времени: прогнивший крепостнический строй России, душивший все прогрессивное и передовое.

Тема царской солдатчины настолько волновала Якушкина, что он посвятил ей специальное исследование — очерк «Прежняя рекрутчина и солдатская жизнь» [28]. Очерк написан на материалах народных песен. Исторические и солдатские песни Якушкин рассматривает совместно, справедливо полагая, что именно в них наиболее полно «выразил народ свое воззрение на рекрутчину и солдатский быт». Впервые после Радищева Якушкин обратился к народным причитаниям, превосходные образцы которых привел в своем очерке (заметим, что очерк «Прежняя рекрутчина и солдатская жизнь» был написан за восемь лет до выхода в свет «Причитаний Северного края» Е. В. Барсова, первая часть которых издана лишь в 1872 г.). Тема царской солдатчины была для Якушкина темой острого социального значения.

С 1864 г. Якушкин начинает сотрудничать в журнале «Искра». В этом журнале, а также в «Современнике», он опубликовал ряд очерков под общим названием «Небывальщина» [29]. Очерки этого цикла по содержанию и форме близки к «Путевым письмам». Якушкин рассказал в них о тех злоключениях, которые выпадали на его долю во время многочисленных походов за песнями.

Социальная направленность рассказов и очерков Якушкина, появившихся в начале 1860-х годов на страницах «Современника» и «Искры», вполне очевидна. Суровое осуждение уродливых явлений крепостнической действительности, горячее сочувствие забитым и задавленным нуждой мужикам — все это свидетельствовало о революционно-демократических симпатиях Якушкина, зрелости его мировоззрения.

Еще в конце 1850-х годов Якушкин обратил на себя внимание полицейских властей как революционный агитатор, распространяющий «возмутительные» прокламации. Агенты полиции, подозрительность которых после нашумевшего на всю Россию ареста Якушкина в Пскове в 1859 г. чрезвычайно возросла, все чаще сообщали о том, что он занимается революционной пропагандой среди народа, действует по заданию неведомых им тайных обществ. Политической полиции стало известно, например, что в мае 1862 г. «Якушкин и проезжавший с ним вместе через Тульскую губернию какой-то студент распространяли печатные возмутительные воззвания и заезжали в имение графа Толстого» [30]. В 1864 г. полиции удалось перехватить у Якушкина черновой набросок его письма к Герцену, после чего над ним нависла реальная угроза заточения в Петропавловскую крепость. Якушкин избежал ареста совершенно случайно: во время выяснения подробностей о связях его с Герценом он выехал на Нижегородскую ярмарку [31]. В Нижнем-Новгороде он был вновь уличен в пропагандистской деятельности, арестован и выслан сначала в Петербург, а затем в орловское имени матери — Сабурово под строгий надзор полиции [32].

Ссылка оказалась суровым испытанием для дальнейшего общественно-политического и литературного развития Якушкина. И он выдержал это испытание. Ни реакция, ни мещанская действительность провинциального захолустья, ни нравственные муки и физические страдания (Якушкин прибыл в Сабурово серьезно боль-

ным) не могли сломить его упорство и волю. И в Сабурове он продолжает заниматься литературным трудом, отстаивая те реалистические принципы изображения действительности, которые были выработаны им в пору общения с революционными демократами.

Для характеристики идейных позиций Якушкина в период орловской ссылки литературные произведения его имеют значение важного первоисточника. В первую очередь это относится к рассказу «Бунты на Руси», опубликованному в 1866 г. в «Современнике» [33]. В этом рассказе Якушкин коснулся едва ли не самой актуальной для того времени темы, а именно крестьянских волнений и расправы над бунтовщиками.

Социальный характер крестьянских бунтов, царистские иллюзии бунтовщиков, стремление властей в ряде случаев спровоцировать столкновение крестьян с помещиками — все эти и некоторые другие особенности пореформенной эпохи отмечены в рассказе Якушкина исторически верно.

В 1868 г. Якушкин был выслан в Астраханскую губ. Правительство преследовало в данном случае вполне определенные цели: «отрезвляющая» сила глухого провинциального быта, гнилой и нездоровый климат Нижнего Поволжья должны были,

РЕДКОСТЬ

НАРОДНЫЯ

РУССКІЯ ЛЕГЕНДЫ,

собранныя

А. Н. АѲАНАСЬЕВЫМЪ.

Изданіе Н. Щепкина и К. Солдатенкова.

Цѣна 1 руб. сер.

Николай Семенович

ЛѢСКОВЪ.

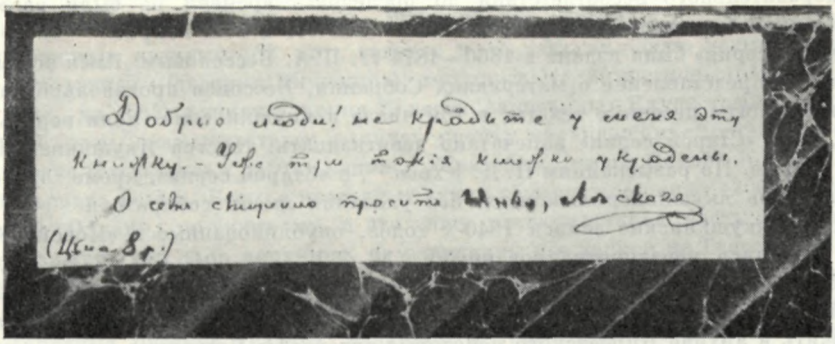
Фурштатская 50, кв. 4.

МОСКВА.

Въ типографіи В. Гречева и Комп.

1859.

«НАРОДНЫЕ РУССКИЕ ЛЕГЕНДЫ, СОБРАННЫЕ А. Н. АФАНАСЬЕВЫМ»
(М., 1859)
ЭКЗЕМПЛЯР, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ Н. С. ЛЕСКОВУ
Титульный лист
Музей И. С. Тургенева, Орел
Сборник включает ряд материалов, полученных составителем от П. И. Якушкина



НАДПИСЬ Н. С. ЛЕСКОВА НА ЭКЗЕМПЛЯРЕ «НАРОДНЫХ РУССКИХ ЛЕГЕНД» А. Н. АФАНАСЬЕВА:
«Добрые люди! не крадьте у меня эту книжку.— Уже три такие книжки украдены.
О сем смиренно просит Никол. Лесков (цена 8 р.)»
Обложка
Музей И. С. Тургенева, Орел

по мнению властей, исправить «заблуждения» Якушкина, сломить его упорство и волю, убить в нем стремление к общественно-литературной деятельности. Однако и в новой ссылке Якушкин продолжал заниматься литературным трудом. В том же году в «Отечественных записках», перешедших в руки Некрасова и Салтыкова-Щедрина, были опубликованы его «Путевые письма из Астраханской губернии», насыщенные фольклорными материалами, главным образом народными преданиями о Разине и Пугачеве [34]. Эти предания отличаются глубоким демократизмом. Образ Пугачева, например, выглядит в записанных Якушкиным текстах совершенно иным, нежели в официальной его интерпретации. «Человек был добрый...» — вот общее мнение рассказчиков. Из преданий о Разине Якушкин приводит наиболее распространенные: о сынке Разина, о воеводе, о персидской княжне. Примечательно, что казаки не решаются спеть песню о Разине, а рассказывают ее словами, так как убеждены, что за исполнение ее «на голос» «дадут по шапке».

Обращение Якушкина к пугачевско-разинскому фольклору сыграло выдающуюся роль в истории науки. После Пушкина произведения о Разине и Пугачеве фактически находились под запретом. И заслугой Якушкина является как раз то, что он, вопреки официальному запрещению, смело ввел их в свои «Путевые письма». Предания о Разине и Пугачеве свидетельствовали о том, что вольнолюбивые устремления этих защитников бедноты находят в народе самый живой отклик.

В истории русской литературы едва ли найдется другой писатель, в произведениях которого фольклор занимал бы столь же значительное место, как у Якушкина. В сущности, все его «Путевые письма», рассказы и очерки представляют собой ту фольклоризованную прозу, в которой трудно определить, где кончается фольклор и где начинается собственное творчество писателя.

В 1871 г. тяжело больной Якушкин получил разрешение переехать на жительство в Самарскую губ. Однако дни его были сочтены. 8 января 1872 г. Якушкин умер в Самарской земской больнице.

Уже из этого краткого очерка жизни и деятельности Якушкина видно, какой заметный след оставил он в истории науки, русской литературы и русского освободительного движения. В то же время вполне очевидно поразительное несоответствие между титаническим трудом этого человека и результатом этого труда. В первую очередь это относится к его собирательской деятельности.

Якушкин, как уже было сказано, путешествовал на средства Киреевского, доставляя ему все свои материалы. Однако в изданиях «Старой» и «Новой» серий, в которых, казалось бы, должно было быть опубликовано все собранное Якушкиным для Киреевского, напечатано лишь около 200 якушкинских записей. Причины

этого поразительного несоответствия до последнего времени не были известны. И лишь теперь мы имеем возможность внести ясность в этот вопрос.

«Старая серия» была издана в 1860—1874 гг. П. А. Бессоновым. Имея весьма поверхностное представление о материалах Собрания, Бессонов произвольно паспортизировал многие песенные тексты, в том числе и якушкинские. Если верить Бессонову, то в «Старой серии» напечатано девятнадцать текстов Якушкина. Между тем их больше. По разысканиям П. Д. Ухова [35], в «Старой серии», кроме того, опубликовано семь якушкинских записей без указания имени собирателя.

Многие якушкинские записи 1840-х годов, опубликованные в «Новой серии», также оказались непаспортизированными (№ 450—472, 604—613, 771, 773, 775, 776, 798, 810, 824, 825, 835—840, 1815, 1816, 2031—2083 и др.). Принадлежность этих записей Якушкину была установлена также П. Д. Уховым. Исследователю удалось обнаружить в архиве Киреевского некоторые автографы Якушкина, а следовательно и паспортизировать соответствующие опубликованные тексты. Приведем лишь один пример.

М. Н. Сперанский в свое время обнаружил в архиве Киреевского коллекцию песен, о которой во вступительной статье к первому выпуску «Новой серии» сообщил следующее: «...обращают на себя внимание тетради, озаглавленные: „Песни, записанные летом 1843 года“, рассеянные теперь в разных местах собрания; этих тетрадей было, по крайней мере, одиннадцать; писаны все одной рукой: ясно, Киреевский получил зараз целую коллекцию. Чья она? — остается неизвестным» [36]. В действительности точное заглавие коллекции — «Русские народные песни, собранные летом 1843 г.» и состоит она не из одиннадцати, а из десяти тетрадей, пронумерованных римскими цифрами. В настоящее время коллекция разбросана по различным папкам архива Киреевского (тетради III и VII обнаружить не удалось). Почерк этих тетрадей не похож на почерк Якушкина конца 1840-х годов (на что, по-видимому, прежде всего и обратил внимание Сперанский). Между тем изучение коллекции позволило П. Д. Ухову отнести содержащиеся в ней записи к Якушкину.

Принадлежность ему тетрадей коллекции 1843 г. подтверждается прежде всего черновой описью Собрания Киреевского, составленной в свое время Якушкиным, М. А. Стаховичем и братьями Елагиными. Паспорта-индексы черновой описи (она опубликована в последнем выпуске *НС*) полностью соответствуют индексам тетрадей коллекции. Так, на тетради I карандашом помечено: «98-б» (здесь содержатся песни, записанные Якушкиным в с. Сабурове Малоархангельского у. Орловской губ.), на тетради IV (ошибочно написано: VIII) — «90-б» (песни, записанные Якушкиным и Кудашевым [37] без указания места записи), на тетради V—«91-б» (песни, записанные Якушкиным в Орловской губ.), на тетради VIII — «104-б» (песни, записанные Якушкиным в Лихвинском у.) и т. д. На обложке первой тетради имеется надпись: «Русские народные песни» (тем же почерком, что и тексты песен), далее почерк Якушкина: «Собранные летом 1843 г.» — и тут же приписка Киреевского: «Малоарх. уезда, сельцо Сабурово» [38]. Подобные пометы можно встретить и на других тетрадях. Они полностью совпадают с цифровым паспортом. Многие тексты коллекции, переписанные самыми разными лицами, подвергались правке рукою Якушкина (по-видимому, во время подготовки их к изданию). Это еще раз свидетельствует о том, что Якушкин считал их своими: тексты других собирателей он, как правило, не изменял [39]. Большинство песен из этой коллекции вошло в «Новую серию» (№ 629—673, 1993—2003-б). Часть песен была не опубликована по недосмотру издателей, часть же песен была им недоступна — отдельные листы этих тетрадей находились в других хранилищах.

Всего в «Старой» и «Новой» сериях опубликовано, по подсчетам П. Д. Ухова, около 500 песен, записанных Якушкиным. Однако и это лишь часть богатейшего наследия собирателя. Об этом свидетельствуют многочисленные автографы Якушкина, хранящиеся в различных архивах страны. Почти все они были впервые найдены и описаны П. Д. Уховым. Назовем поэтому лишь самые значительные из них. Это прежде всего автографы, хранящиеся в Отделе рукописей ЛБ: тетрадь в $^1/_2$, 12 лл. (ф. 125, п. 54); 9 отдельных листов в $^1/_2$ (там же, п. 44, лл. 1148—1154); 26 разроз-

ненных листов (там же, п. 57, лл. 2886—2911) и другие. Далее, автографы, хранящиеся в отделе письменных источников ГИМа (ф. 56): тетрадь в $^1/_2$, 10 лл.; две тетради в $^1/_4$, сшитые нитками, 83 лл.; тетрадь в $^1/_2$, 35 лл. (так называемый «Журнал пешеходца» — дневник Якушкина); тетрадь в $^1/_4$, 22 лл. и др. В ЦГАЛИ (ф. 236, оп. 1, ед. хр. 682) хранятся копии 29 песен, записанных Якушкиным в Орловской губ. Об этом свидетельствует надпись сверху карандашом: «Доставлены от Павла Ивановича Якушкина» и другая надпись: «Свадебные песни. С⟨ело⟩ Колпна, Малоархангельского уезда». Всего в настоящее время обнаружено около 1200 якушкинских записей. Однако, по-видимому, и это лишь незначительная часть собранного им материала. До сих пор, например, не разысканы его записи из Тверской, Новгородской, Нижегородской, Черниговской, Харьковской, Астраханской и других губерний.

Якушкинские записи сказок были опубликованы А. Н. Афанасьевым в сборнике «Народные русские сказки», изданном в 1855—1863 гг. Собранные пословицы Якушкин передал Далю, который и включил их в свой сборник.

В настоящем томе представлены тексты, извлеченные из наиболее значительных песенных коллекций Якушкина. Это прежде всего записи песен, входящие в два фольклорных дневника собирателя. Некоторые записи из этих дневников были опубликованы издателями «Новой серии» по копиям, сохранившимся в архиве Киреевского. Сами же дневники были им недоступны. Представляют несомненный интерес неизданные записи рабочих песен, сохранившиеся в автографах Якушкина. Они были известны издателям «Новой серии», но не были напечатаны.

Ряд текстов Якушкина, не включенных нами, опубликован З. И. Власовой в упомянутой выше статье «Ранний период фольклорно-этнографической деятельности П. И. Якушкина», стр. 24—28.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Письма Киреевского к Языкову, стр. 80—81.

[2] «Чтения», стр. VI.

[3] Якушкин, стр. 463.

[4] Н. С. Лесков. Товарищеские воспоминания о Якушкине.— Там же, стр. XLVIII.

[5] В последующих номерах «Москвитянина» никаких сведений о путешествии Якушкина, однако, не сообщалось.

[6] Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. X. СПб., 1896, стр. 23—25.

[7] Вопрос о том, окончил ли Якушкин полный курс университета или, согласно общепринятому мнению, оставил его на четвертом курсе и отправился собирать произведения народного творчества, до сих пор был неясен. Приводим документ, свидетельствующий, что Якушкин окончил Московский университет. В протоколе заседания Совета университета от 8 марта 1845 г. имеется следующая, весьма любопытная запись:

«Присутствию Совета г-н ректор объявил, что губернскому секретарю князю Николаю Алексеевичу Кострову, согласно прошению его, при котором представил он доверенность действительного студента Якушкина на получение аттестата на означенное звание и документов его, выданы ему, Кострову, тот аттестат и документы Якушкина с распискою.

Приказали: Сделанное г-м ректором распоряжение принять к сведению, а прошение и доверенность приобщить к делу» (Архив МГУ, ф. Журналы Совета Московского университета 1845 г., оп. 33, л. 56 об.).

В 1840-е гг. в Московском университете, кроме Павла Якушкина, учились еще двое Якушкиных — Александр и Вячеслав. Первый приходился родным братом Павлу, а второй был сыном декабриста И. Д. Якушкина. И так как в приведенном документе инициалы не указаны, то допустимо, казалось бы, предположение, что речь идет о другом Якушкине — Александре или Вячеславе. Однако это предположение отпадает. Александр Якушкин окончил юридический факультет Московского университета еще в декабре 1843 г. (Архив МГУ, ф. Журналы Совета Московского университета 1844 г., оп. 32, лл. 7—9). После окончания университета он поступил на службу чиновником особых поручений при орловском генерал-губернаторе. Трудно допустить, чтобы аттестат, дававший право занять эту должность, был получен им год спустя после выхода из университета. Вячеслав Якушкин в это время учился на 3-м курсе 2-го отделения философского факультета (см. «Именную ведомость об учащихся», приложенную к «Отчету» Московского университета за 1845 г.). Таким образом, в приведенном выше документе речь идет о Павле Якушкине, тем более, что именно он был приятелем Ко-

строва. Этот документ свидетельствует о том, что Якушкин окончил полный курс Московского университета. Легенда о «недоучившемся Якушкине» должна быть отвергнута.

[8] См. настоящ. том, стр. 394.

[9] Рецензия Добролюбова на сборник сказок А. Н. Афанасьева. — Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений в девяти томах, т. 3. М.— Л., 1962, стр. 232—238.

[10] См. настоящ. том, стр. 389 и след.

[11] ГИМ, ф. 56, п. 27-ж.

[12] Впервые были напечатаны в «Русской беседе», 1859, кн. IV, Смесь, стр. 1—76.

[13] ЛБ, ф. 231, Пог/II, п. 38, ед. хр. 67.

[14] «Москвитянин», 1841, № 9, стр. 282—283.

[15] «Москвитянин», 1848, № 12, стр. 100.

[16] Якушкин, стр. 180.

[17] Там же, стр. 203.

[18] «Современник», 1860, № 7, стр. 63 (рецензия А. Н. Пыпина).

[19] «Журнал Министерства народного просвещения», 1862, март, стр. 43—69.

[20] Якушкин, стр. 283.

[21] «Современник», 1861, № 5, отд. I, стр. 190—206; № 8, отд. I, стр. 259—280.

[22] Якушкин, стр. 290.

[23] «Современник», 1864, № 4, стр. 268.

[24] Якушкин, стр. 289.

[25] «Современник», 1863, № 1-2, отд. I, стр. 5—54.

[26] Якушкин, стр. 23.

[27] «Современник», 1864, № 11-12, стр. 499—506.

[28] «„Прибавления“ к „Русскому инвалиду“», 1864, № 8.

[29] «Искра», 1865, № 5; «Современник», 1865, № 11-12, стр. 1—21.

[30] ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., 1859 г., ед. хр. 84, л. 41 об.

При расследовании власти не нашли прямых доказательств, что Якушкин и Николай фон Болль (о нем шла речь в приведенном документе) распространяли печатные прокламации. Однако во время жандармского обыска в Ясной Поляне в июле 1862 г. у фон Болля найдено было «несколько выписок из „Колокола“, писанных не его рукою и оставшихся у него, как он показал, после одного студента, застрелившегося в прошедшем году в Москве» (ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., ед. хр. 230, ч. 39, л. 25—25 об.). Следует отметить, что в Ясной Поляне Якушкин бывал дважды: второй раз — в конце августа 1862 г. (см. Л. Н Толстой. Собр. соч. Юбилейное издание, т. 48-49. М., 1952, стр. 42).

[31] См. нашу статью «П. И. Якушкин и А. И. Герцен».— «Советская этнография», 1962, № 4, стр. 150—157.

[32] См. нашу статью «П. И. Якушкин в Нижнем-Новгороде».— «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1962, № 4, стр. 164—174.

[33] «Современник», 1866, № 3, отд. I, стр. 73—91.— Вторая часть рассказа была написана Якушкиным в Енотаевске и опубликована после его смерти, в 1880 г., в газете «Новое время» (№ 1626 и 1628).

[34] «Отечественные записки», 1868, № 10, стр. 125—167; 1870, № 1, стр. 1—17.

[35] Здесь и далее мы ссылаемся на рукопись монографии П. Д. Ухова «Вопросы атрибуции русских народных песен». В издательстве Московского гос. университета подготовлена к печати первая часть монографии, под ред. проф. П. Г. Богатырева.

[36] *НС*, в. I, 1911, стр. XXIII.

[37] По-видимому, А. С. Кудашев, в то время служивший юнкером (его записи находятся во II—IV тетрадях коллекции 1843 г.). П. Д. Ухов читал «Кудинов», что, видимо, неправильно.

[38] Заметим, что З. И. Власова в статье «Ранний период фольклорно-этнографической деятельности П. И. Якушкина» («Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», в. II. М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 19) дает неправильное описание титульного листа этой тетради: приведенную приписку Киреевского она считает якушкинской.

[39] В конце первой тетради имеется, между прочим, подпись: «В. Якушкин». Эта же фамилия встречается и на обрывке почтового листа бумаги с надписью: «Русские народные песни, собранные летом 1843 года. Малоархангельского уезда сельцо Сабурово, тетрадь I. В. Якушкин» (ЛБ, ф. 125, п. 66, № 15). З. И. Власова, исследуя эти материалы в указанной выше статье «Ранний период фольклорно-этнографической деятельности П. И. Якушкина», высказала предположение, что «песни первой тетради были записаны Виктором Ивановичем Якушкиным, братом Павла Ивановича» (стр. 19). Однако это предположение не убедительно. В. И. Якушкин был на семь лет моложе Павла Ивановича и в пору, когда Якушкин записывал эти песни, учился в Орловской гимназии. Павел Иванович, по-видимому, поручал ему переписывать свои черновые записи, что тот весьма старательно и делал. Так, им была переписана, например, песня «Ой, по морю, морю синему», начинающаяся словами: «Ту кровь пила бела рыбица» (см. оборотную сторону этого же листа бумаги в п. 66). Эта песня полностью была опубликована в *НС* (№ 2356) среди материалов, полученных от Погодина. Предположение З. И. Власовой о том, что В. И. Якушкин являлся корреспондентом Погодина, не соответствует действительности.

⟨ФОЛЬКЛОРНЫЙ ДНЕВНИК⟩

Итак, прощай, моя матушка Москва белокаменная! Много горя перенес, много и радостей было в тебе. Неужели Орел мой родимый город? Нет — Москва! В Москве я начал жить жизнию человека, в Москве я начал понимать назначение человека,— в Орле я родился, но в Москве я ожил, в Москве я нашел приятелей и *друга*... Правда, нашел и врагов — но в эту минуту хочу забыть все горькие московские минуты — помню одно счастье. Помню, узнал я в Москве, что могу *любить*, могу иметь и друзей. Не знаю, скоро ли буду в Москве, но какое-то страшно сладкое предчувствие уверяет меня, что скоро опять засияют эти золотые маковки сорока сороков церквей московских, которые сияют ⟨?⟩[1*] теперь предо мною будто вечером ⟨?⟩ солнце. Вполне чувствую обязательства ⟨?⟩ перед П. В. ⟨Киреевским⟩, без него бы я не с таким чувством простился бы с Москвой, имея в кармане четвертак и впереди 360 верст пути — не думаю, чтобы кто-нибудь мог быть так долго счастливо-весел, как я теперь, хоть одна тяжкая мысль об моей бедной матери тревожит меня...

Простясь с Мацневым, я вышел на Коломенку, просил проезжего подвезти меня. Тот хотел за четвертак посадить меня и подвезти за 10 верст до Бронниц, да побоялся, что *недобрый я человек*. На пути нашел попутчика, он говорит, что он человек из с. Григорьевского. Бог его знает ⟨2 *нрзбр.*⟩ Он мне сказал, что не в последний раз видим Москву. Я сел под белою березою и записал это.

Люберцы. 15 верст от Москвы, трактир

Последний раз слышал звон московский в Подосиновках, пройдя 13 верст от Москвы. Надолго простился с Москвой, но не прощально отозвался в душе моей этот звон, а радушно призывая скорее вернуться в город, который я так люблю ⟨?⟩. Прощай, до свиданья, моя белокаменная! Выпил здесь рюмку водки, поднес товарищу и съели с ним в четвертак ячницу. Все стало недорого, всего 1—20.

Август 2, понедельник, с. Городня Зарайского уезда

Третьего дня мы с товарищем прошли Островцы и в версте от них ночевали в поле. Владимир (так звали товарища) развязал снопа три ржаных, которые вытащил из копны, постлал под тою же копною, и мы, накрывшись моим пальто, выспались чудесно — до самого света. Хорошо, что вчера был праздник (Спас первый), а то пришли бы мужики за снопами и верно нас выпроводили бы не честью. Я хоть уговаривал Владимира не трогать снопов, но он их все-таки растрепал донельзя, уверяя, что мужики непременно их свяжут опять, когда приедут за ними.

Прошедши Москву-реку и гору (всего версты полторы от ночлега), мы сели по гривеннику до Бронниц.

В Бронницах не остановились, а я послал только купить чаю и сахару на 15 к. сер.

С нами же ехал до Коломны петербургский приказчик, крепостной человек кн. Черкасского из деревни Черкизовки. Я с ним познакомился следующим образом.

Я сказал, что я сел за гривенник до Бронниц, но забыл сказать, куда сел: я сел на курятник, т. е. на телегу, в которой везли кур в Москву, телегу, разделенную на три этажа. Разумеется, мой извозчик оставил в третьем этаже место для себя: но как мы дали ему по гривеннику, то он с нами и разделил свое место.

[1*] Значительное число неразобранных или предположительно прочитанных слов объясняется тем, что текст написан Якушкиным карандашом, который от времени стерся.— *Ред.*

Итак, мы сидим на курятнике; дорога идет в гору; правда, мы и под гору не скачем... Рядом с нами идет молодец лет за 20. Я сказал молодец: и правду сказать, был молодец: вершков 9 ростом ⟨1 *нрзбр.*⟩, брюха совершенно нет, лицо круглое, брови дугой, густые, глаза карие, веселые, кудри лежат словно на картинке, в плечах сажень...

— Кудай-то едете, барин? — спросил он меня.

— В Зарайск, почтеннейший, а вас куда бог несет?

— В Коломну.

— Откуда? — спросил я машинально, потому что, в полном значении этого слова, засмотрелся на него.

— Из Питера: а там жил около Смольного...

Ну, просто сказать, он там сортировал лес; кажется был приказчиком у какого-то лесного торговца...

Завязался разговор, не знаю, как он перешел к кулачным боям.

— Жил я еще в Коломне,— начал рассказывать мой новый знакомец,— вот и пронесся слух, что есть какой-то извозчик — молодец на кулачки биться: так что супротивника себе не находил. Как быть? Коломенские бойцы исстари славятся бойцами,— а тут как нарочно из Лищовска какой-то боец? Самих себя стыдно. Э! была не была — пойду на него!.. Сказано — сделано: вышли с ним. Я на одну штуку — молодец! Он размахнулся — а я как сунусь ⟨1 *нрзбр.*⟩ него — да грудью в грудь! Ну он и попал в скуло вот этим местом (тут он показал на плечи) по *заушью.* Ну, разумеется,— ничего эдак не сделаешь, я стал опять — как ни в чем не бывало,— а тот побледнел... Вот я изловчился — да как хвачу его по заушью — тот с ног долой...Правда, и мне тут досталось в зубы, две недели ничего не мог есть.

— Да когда же он тебя ударил?

— Сам не знаю: вошел в азарт, ничего не помню. А верно когда-нибудь да ударил: ни перед, ни после зубы не болели.

— Ну а тот встал?

— Встать-то встал, да только часа два лежал на *земи.*

— Это что за бой,— сказал мой Владимир.— Вот как был бой в Коломне об нонешнем заговенье на масленице — так бой! Человек 1000 билось. Городских стали одолевать, а калашник (имени его я не помню, положим) NN и вывел своих работников человек 15. Те было сначала и забились далеко: народ свежий! Да после те как попятили: выгнали опять в город, да и давай крошить полки NNa. Насилу их унял NN 2-й; он, вишь, ихний, а NN 2-го упросил NN.

— Да я не умею биться на кулачки, а бороться — с кем хочешь, — прибавил Владимир,— особливо по-цыгански — с кем хочешь!

— Как это по-цыгански?

— А видите: один лежит головой сюда, а другой туда, а бока вместе. Вот и начнут, сперва, заплетя рука за руку, болтать ногой. Вот и надо задеть ногой за ногу, да и притянуть его к себе. А как притянешь — то все кто тут ни есть и давай его кулаками колотить в ⟨...⟩ или в ⟨*нрзбр.*⟩ навык-от, ловко!

Тут он начал рассказывать свои подвиги, но как в них видна была одна только ложь, то они и не интересны.

С извозчиком своим я поехал до Зарайска, проехали Коломну, в которой я напился только чаю, напоил извозчика и приехал сюда, т.е. в Городню.

3 августа. Сельцо Гололобово Зарайского уезда

Вчера при закате солнечном я пришел в Зарайск, простившись еще у заставы с своими спутниками. Я пошел отыскивать Акулова. Спрашивал человек у пяти, где он живет, но как он недавно приехал из Москвы, то насилу мог узнать, что он живет в двух верстах от города в Гололобове.

СТРАННИЦЫ
Фотография, 1860-е годы
Литературный музей, Москва
В 1860-х годах с этого снимка была выполнена и выпущена литография работы А. Т. Скино

Здесь принят я довольно радушно, что дальше будет, я не знаю, но наверно можно положить, что путного сделать здесь нельзя: мой хозяин живет здесь отшельником, и, ежели я пойду странствовать по окружным деревням, никто их не уверит, что я хожу не для баб,— для песен.

Вчера вечером написал записку к Мацневу и отправил ноне. Просил у хозяина мальчика Васю, не расскажет ли он мне чего? Пришел и Вася, он выбирает песню, которая получше.

№ 1

Ах и чей это садок зилёшунек стоит?
Как во садушке кроватушка тесовенькая,
На кроватушке перинушка пуховенькая,
На перине Катерина хороша-пригожа,

Хороша-пригожа, раскрасавица моя,
Раскрасавица моя, ах и взял бы за себя,
Ах и взял бы за себя, изукрашу для себя.
Изукрашу сударушку получше я всех,
Я получше, покраше, я повежливяе,
10 Я сострою сударушке червончатой корабль,
Я найму своей сударушке гребцов-молодцов,
Гребцов-молодцов, славных песенничков[1*].
Как один из них он гресть ни гребет,
Он гресть ни гребет, он и песен ни поет,
Только с ножки на ножку поскакивает,
Сапог об сапог поколачивает.
Уж и эти сапожки *издалечи визены*
Издалеча визены из-за матушки Москвы.
Их и шили-пошивали,
20 В новом городе тачали.

№ 2

Я по травке шла, по муравке шла,
По муравке я тижало несла:
Карамысла да и валёк, еще милого платок.
Наступила на бел камень — *проломила туфля*,
Замарала чулок белый.
Мне не жаль туфля, а жаль белого чулка.
Туфель батюшка купил, чулок милый подарил,
Чулок беленькой, дружок миленькой.
Душа я, душа я, душа ягода моя,
10 Не садись против мине,
Не садись против мине, не гляди на меня.
Я бы рад не глядел, да глаза мои глядят,
Да глаза мои глядят, говорить с тобой хотят[1*].
Мой друг ни такой:
Приубране — по новей,
Черна шляпа сы пиром,
Перчаточки с сиребром.

Там же, 4 августа

Вот повел я жизнь самую оригинальную: нонче встал я в три часа пополудни, прошу не думать, что я лег поздно, лег я часа в два, следовательно, проспал я часов 13 или около того. Вчера я ходил с своим хозяином в поле смотреть как жнут. После зашли в ригу — там молотили. Акулов спрашивал, нет ли у кого нового хлеба? Один из них отвечал, что у него посажен в печь — но еще не готов. Староста, который тут был, прибавил, что мука теперь очень бела, потому что хлеб еще не брошен в землю (т. е. еще не посеян), а как бросят, то и мука почернеет.

Ввечеру хозяин мой производил суд и расправу над одним из своих людей, и как ему не хотелось, кажется, быть одному судьею, он созвал нечто вроде сходки. Все единодушно обвинили подсудимого. Он не находил слов к оправданию. Теща его сказала только: *На кого Спас, на того и Спасская сторона.*

№ 3

Вдоль по улицы мителица метёть,
За мителицей мой миленький идет⟨ь⟩,
За собою ворона коня видёть,

[1*] Нижеследующие строки записаны 5 августа.— *П. У.*

А навстречу ему красна девушка идеть.
— Ах ты девица, девица,
Перведи ты мово ворона коня —
Сиделица нова-кованое,
Струмена-то позолоченое.
Без тебя постелюшка холодна,
Адеялушка заиндевело,
Подушечка потонула во слезах,
Тебя, мой друг, дожидаючи,
Свое горе проклинаючи.
Несчастливая моя доля рождена:
И в какова я *тирэана* влюблена.

№ 4

5 августа. Там же

Што это за сердце во мне все изныло,
Што это за милый не дает покою,
Не дает покою ношною порою.
Летния вичирочки гулять вы садочке.
Видишь, я страдаю, а ты лицемеришь,
А ты лицемеришь, сушишь, не жалеишь,
Ни можно ли, радость, на вздохи помириться,
На вздохи помириться — людям поклониться?
Аль вы забыли, как прежде вы меня любили?
А нынче, радость, любовь изменила,
Любовь изменила, сердце мое повредила.
Сердце повредила, иную полюбила.
Иная милая, чем же меня лучше,
Только тем она получше, что живет поближе,
Что живет поближе да ходит почаще,
Ходит почаще, целует послаще.

Павел Лаврентьевич Филиппов, который тоже гостит у моего приятеля Акулова, собрал маленьких девочек, которые хотят мне петь. Начинается:

№ 5

На заре-то было ей на зорюшки,
На заре-то было на утринай,
На вика́ти светла́ва месица,
На высходи краснава солнушка,
Йю нас сделалась, братцы, несчастьица,
Што большая-то безвременьица:
Што жина мужа пото́рила,
Вострым ножичком зарезала,
Вы холодный погриб бросила,
Ду́бавой доской прихлопнула,
Што желтым песком засыпала,
Правой ножинькой притопнула,
А сама пошла в нову горенку,
Яна села под окошечки,
Под красная, под ясюлушки.
Из-под лесу, лесу темнава,
Вылетали тут два сокола,
Што два сокола, два лебедя,
Што два лебедя, два деверя.

20 — Ты, сноха, наша невестушка,
Да и где-жа наш большой-от брат?
— На Дунай-реку коней повел.
— Да ни правда твоё, невестушка,
Што ни правда, да ни истина,
Да с чего это крыльцо в крови?
— Я зарезала сизова голубя,
Вы халодный погреб бросила.

№ 6

По горенки похожу,
Платком голову свижу,
По миленьким потужу (*а*),
В окошичка поглижу (*!*),
Тужить-плачить девушка,
Заливаица слизьми,
Заливала-та девушка
Все дорожки и лужки,
Круты славны бережки.
10 С бережка на камушки
Течеть речка не шумить,
Лишь по камушкам стучит.
Возли этой речушки
Зелен садик вырастал,
Во этом во садике
Соловей громко поеть.
Ты не пой, соловушек,
Ты не пой рано весной,
Не давай назолушкю
20 Сердеченькю моему.
Мое-то сердечунько
Надорвалась плакучи,
В чужих людях живучи.

Несмотря на все мое желание удержать выговор при записывании песен, я здесь скоро решусь писать простонародно. Выговор первоначальный ужасно путается. Недалеко от Зарайска, следовательно, народ модный... один житель произносит *лидок*, другой — *лядок*, *ледок*.

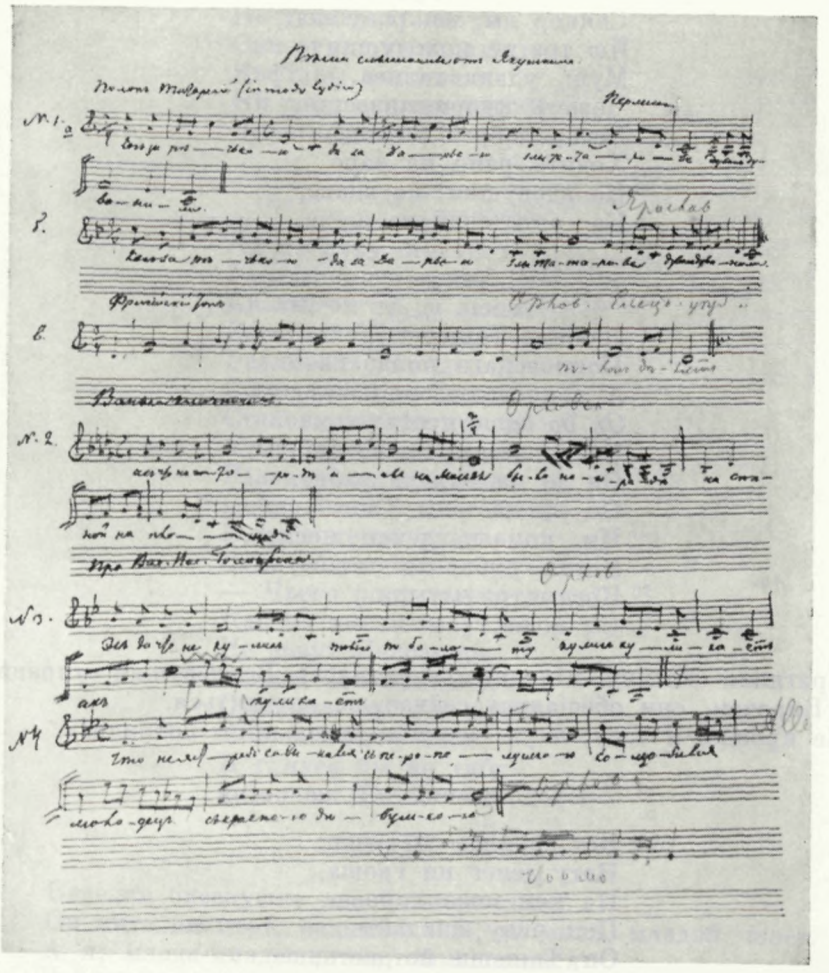
6 августа. Там же

Опять мои добрые хозяева собирают мальчиков и девочек — для моего утешения. Сейчас они придут, и я начинаю списывать,— что будут петь — с ряду!

Пришли на балкон, уселись вокруг меня и начинают:

№ 7

Девчоначка лисам шла,
Красавица тёмным шла,
Сибе дружка ни нашла,
Заплака⟨ла⟩ ды й пышла.
С горя ножиньки нийдут⟨ь⟩,
Са слез глазки ни глядять.
Оглянулася назад —
Вы лесу листья шумять,
Про бирёзу гаварять:



ЧЕТЫРЕ ПЕСНИ, ЗАПИСАННЫЕ М. А. БАЛАКИРЕВЫМ ОТ П. И. ЯКУШКИНА

Автограф

Песни Ярославской (вариант «б» песни «Про полон татарский») и Орловской губерний

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

— Бирёза-бирезунькя,
Прикланя к земле стоишь.
Йю этай бирёзушки
Салетались пташички,
Все горьки кукушички.
Кукуить кукушичка.
Ва сваем теплом гнезде:
— А свет мое гнездушка
Разорёно — теплая.
Йу этай березушки
Стоять три молодушки:
У первай малодушки
Четыря заботушки,
У другой молодушки

Свякор ды свякровушка,
Йю третий молодушки
Муж, удала галава,
Чешеть кудри нивсегда.
Вечор добрый молодец
Ходить рано на заре
30 Ка вдовушки, ка вдаве,
Ка салдатскай ка жине.

№ 8

Любила Танюша
Покровскаго попа,
А покровский поп
Он до девок прост,
Он до девок, он до баб,
Он до малаих да рабят.
Он ни часта к Тани ходить,
Ни помалу денег носить,
Когды рубь, когды два,
10 Когды три-чатыря
Сы ножа.

Пригнали скотину, и пение прекратилось. Все девушки отправились к ней. Впрочем, они обещались сейчас же воротиться.

Не прошло и часу, а уж все мои песельницы собрались.

Продолжение той же песни

Вот дабилса этат поп:
Нету денег ни гроша,
На нем риза хороша.
Поп ризу скидаёть,
Он Танюши йотдаеть,
А Танюша ни биреть,
За собой попа видёть:
— Уж ты, батюшка-попок,
Пойдем со мной в тиремок.
20 Йювидали два лакея,
Йювидали из окна,
Они хлопнули йякном,
Побежали за попом.
Подходят ко двору,
Ходит поп по двору.
— Вы лакеи, вы злодеи,
Вы зачем ко мне пришли?
Я одна в терему
Я попа стирягу!
30 Увидал поп, что беда,
Ен кидался из окна,
Пробежал мимо села,
Он деревней бежал,
Никто ево ни юдержал,
Поп к будки подбежал,
Солдат ружьем удержал.
Вот ткачи — рыбачи,

Они сукны ткут
На двенадцать штук.
40 Они сукна вытыкали
Кафтаны вышивали.
Ни дороги наши кафтаны
Дороги деньги в кармане.

№ 9

Ай пó лугу, лугу,
Расстилалася трава.
Ай ли, ой ли да люли,
Расстилалася трава,
Разливалася вада,
Соезжались гаспода,
Становились ва кругу.
Красны девки хороши,
Разлапушки пригожи,
10 Одна девка лучше всех,
В косе лента алая,
Сама девка бравая.
— Чьего роду, чьего дому?
Как по имени зовут?
Ие зовут Лександра
Васильевна купца дочь.
Отайдитя вы все прочь,
Я стоял бы у тибя,
Я глядел бы на тибя.

№ 10

Виселая биседушка, где батюшка пьет,
Он пить ни пьет, радимый мой, за мной, младой, шлет.
А я, млада-младешинька, замешкалася
За утками, за гусями, за лебидями,
За мелкаю за пташкаю за журушкаю.
Как журушка по берижку похаживает,
Шелковую ковыль-травку защипывает,
Стюденаю водицаю захлебывает.
За речькаю за быстраю селенье мало,
10 Мало 'но * малешинька — чатыря двора,
Во этих во дворики чатыря кумы.
Вы кумушки-голубушки, подружки мои,
Кумитися-любитися, любитя мине,
Ступайте в зеленый сад, возьмите мине.
Вы станите цветочки брать, сорвитя вы мне,
Вы станите вяночки плесть, сплятите вы мне,
Вы станите венки пускать, пуститя вы мой,
А все венки посверх воды, а мой потонул.
А все мужья с Москвы пришли, а мой ни пришол,
20 Он сам нийдет, письма ни шлет — знать сам пропал.

---

* 'но — оно.— *Ред.*

№ 11

ВЕЛИЧАЛЬНАЯ

У нас свата
Росла в саду мята,
А вся поломата,
В пучки повязата,
В терим побросата.
А кто у нас любчик,
Сизинький голубчик?
— Павел-то любчик,
Лавр⟨ыч⟩ голубчик.
Он по двору ходит,
Манежно ступаит,
Сапог ни ломаить,
Чулок ни мараить,
На коня садитса,—
Конь под ним гордится,
Он плеточкай машет,
А конь под ним запляшет,
Со двора съезжаить,
Конь под ним играить,
К саду подъизжаить,
А сад расцветаить,
К лугам подъизжаить,
Луга зеленеют,
К морю подъезжаить,
Моря разливають,
К двору подъезжаить,
Матушка стричаить:
Поди, поди, любчик,
Сизенький голубчик,
⟨1 *нрзбр.*⟩ тибе, голубчик,
Жить вот тут ⟨1 *нрзбр.*⟩
Спать-то холодненько.

Под новый год авсени кличут

Наряженные бабы, мужики, девки. Наряженные ходят по дворам и поют или, как здесь говорят, грают:

№ 12

Мы ходили, мы гуляли,
По святым вечерам.
Ей авсень, ей авсень...
Мы искали, мы искали
Мы Ульянова двора.
Ой авсень...
Сиреди яво двора
Стоить горинка нова.
Ой авсень...
А у этай ва горенке
Ай три окна.
Ой авсень...

А и первое окно —
Светёл месяц в окне,
А другое окно —
Красна солнушка,
Ай третье окно —
Часты звёздушки.
Как светёл-от месяц —
Так сам-от Ульян.
Ой овсень...
Што и красно солнушка —
Што Авдотьюшка.
Ей овсень...
Часты звездушки
Яго детушки.
Ой авсень, ай овсень.
Дайте нам ножку
На краснаю ложку!
Ой ав⟨сень⟩...
Ни дадите пирога,—
Мы корову за рага,
Ни дадите пышки,—
Хозяйку за сиськи.
Кишки да желудки
В печи-та сидели,
На нас-то глядели.
Авсень каледу
Павалял на льду,
Валачил-валачил,
Сарафан намочил.
Ей авсень, ей авсень.

№ 13

На Троицын день девки и бабы в рощу идучи поют:

Девки пò лагу гуляли
Цветы алы сорывали,
Вяночки завивали,
На галовку надявали,
Дамой иттить апаздали,
Пад кустиком начивали.
Злы собаки набижали,
Мине, младу, испужали.
На ту пору, на тот час
Сам охотник наезжал,
Са добра коня слезал,
Хорошо девке сказал:
— Иди ко мне, девка, смело.
Смотри мое тело бело,
Мое тело распотело,
Разгуляться захотело.
Пойду я во горенку,
Сяду я на лавочку,
Возьму балалаичку,
Стану я играть,
Бро́вими моргать.
Гололобовским ребятам

В Москве пожилосе,
Прибагатиласи.
Вечор по тыргу́ гуляли,
Сирябро на медь миняли,
Муку солыд закупали,
Бражку пьяную варили,
Мине, младу, напаили.

№ 14

Ты не пой, не пой, душа соловей,
Не буди-ка-ся мойво дружка,
Я сама дойду — дружка разбужу,
Про все тайности дружку расскажу:
— Ты восстань, мой друг, пробудись, душа.
— Ни могу я встать, головы поднять,
Да болит больна буйна голова
Со вчерашнява с горькава с вина,
Са надвешнява са пахмельица.
А и все полки вы паход пошли,
Ай один-от полк убирается,
Маява дружка дажидаица,
Новы ружьицы на возу вязут,
Самаво дружка под ручки вядут.

В заключение нонешнего довольно удачного для меня дня вечером хозяин угощал меня...

7 августа. Там же

Говорят 12 часов, а я только сейчас встал и отправил Васю за девочками,— опять примусь за песни.

Вчера мне не удалось дописать начатой фразы, окончу теперь. Вчера был я угощен фейверком. Акулов, П. и я сидели на балконе и перед нами горели потешные огни, а в двух шагах от нас эти же самые девочки кричали очень усердно: «нашего хозяина дома не случилося» с продолжением.

Я было забыл сказать, кто был главным фейверк-мастером. Прокофий, который как-то и когда-то видел, как делал фейверки один знакомый Акулова. Этот же Прокофий славно женат и хороший кучер. Он же сработал и потешные огни, да еще какие. ⟨1 *нрзбр.*⟩ вас, Дмитрий Павлович, я отплачу присылкою чернилами свой дневник — хотите, читайте, не хотите, передайте Киреевскому не читая. ⟨*Далее четыре строки нрзбр.— все стерлись.— П. У.*⟩

№ 15

Заводы мои фабричныи,
Еще горемычныи!
Уж и хто эта завод завел?
Завела этот заводик
Красна девушка,
Красна девушка, душа Палагеюшка.
Не достроивши завод, сама в лес пошла,
В лесу-то девушка заблудилася,
На рябинушку она загляделася.
— Ты рябина моя, рябина кудрявая,
Еще кучерявая.

КИРПИЧНЫЙ ЗАВОД
Акварель Карла Кнаппе, 1790-е годы
Исторический музей, Москва

Ты когда росла, когда выросла?
Ты когда твела? Когда вытвела?
— Уж я весной твела, летом вытвела.
Ты не стой, рябина, не стой на крутой горе!

№ 16

Суздальцы! Владимирцы!
Когда ваши жены имянинницы?
— В середу Арины,
В пятницу Салмониды,
А в субботу —
На работу.
На барщину гонют рана,
А хлебушка дают мала.
Вот, хто шь тебе нёс
На дырявый мост?
Тебе надобна держаться за собачай хвост.
За собачий хвост держалась
Туды-сюды маталась,
Оборвалась!

№ 17

Я по бережку пахаживала,
Я па крутому пагуливала,
Чернобыльничик заламывала,
Гусей-лебедей заганивала.

Ужли гуси наплавались?
Я на вас глядя, наплакалась.
Навстречу мне молоденькой,
Молодой сержант, молоденькой,
Каламениц — добрый молодец-душа
10 Он стал со мной заигрывати,
На резвы ноги наступывати,
В белы руки похватывати,
За белы́ руки,
За бело лицо.
Мое личинько разгарчивое,
Ретиво сердце распальчивое,
Моя матушка дагадливая:
Приду домой — дагадаится,
С чево лицо разгараится,
20 С чево лицо, с чево белое мое.
Я у речушки не стаивала,
Я и суп, каши не варивала,
Я большой семьи не кармливала.

№ 18

Ночки темны,
Тучки грозны,
Из поднебесья идут.
Наши храбрые драгуны
Тихим маршицем идут.
Они идут, маршируют,
Промеж себя говорят:
Трудно-трудно нам, рибятам,
Аршав город взять,
10 А трудней тово ни будит
Нам под пушки подбижать.
Мы пад пушки подбежали,
Закричали усе: ура!
Граф наш Паксеев
Громким голосом кричал:
Нуте, братцы, бейте, не робейте!
Подается сила нам!
Вы, праклятыи паляки,
Пакаритися вы нам.
20 Ни пакаритеся вы нам —
Всех парубим вас, пабьем,
Точно травку подсикем,
Вы полон вас заберем.

№ 19

У Калуцкова купца,
Стоял фабричек новой.
Ва этом фабрички́
Фабришны мастера
Все па лавычкам сидят,
Между сибя говорят,
Хозяина бронят:
⟨...⟩
Сы заводом сы твоим,
10 Сы струментом сы стальным,

Сы товаром сы гнилым!
Сабиремтись, рабяты,
К хозяину самому
За ращот дениг просить.
Наш хозяин догадался,
На крылечко выходил,
В карман ручки апустил,
За расшот дениг вынял (!!!)
По цилковому рублю.
Мы пайдемти-ка, рабята,
Вы царев кабак взойдем,
За пичатью штоф возьмем,
Уж мы выпьем па рюмачки,
Уж мы выпьим по другой.
Из трахтира вон пойдем,
Уж мы станем вкруговую,
Грянем песню удалую:
— Как под дожжичком трава,
То солдацка голова!

№ 20

Во городи, люли, вы Казани, *4**
Середи торгу на базари, *4*
Молодой чернец подстригси, *4*
Молодинькой побрилси, *4*
И во черную ризу нарядилси. *4*
Захотелось чернецу погуляти, *4*
За новым вороти вы городы, *4*
Навстречу чернецу стары бабы, *4*
Чернец каблук надвинул, *4*
На старых баб ни взглянул, *4*
Навстречу чернецу красны девки. *4*

№ 21

Ни шум шумит,
Ни гро́м греми́т,—
Младый турчанин
Вы палон берет.
Даставалась теща зятю,
Павез он ее ка турчанычки.
— Турчаночка! На вот тебе полоняночку!
Заставь ты ее трех дел делати:
Резвым ногам — дитя качать,
Белым рукам — гужель вертеть,
Ясным очам — гусей стеречь.
Заставила турчаночка
Полоняночку дитя качать:
— Ты качай дитя, прибаюкивай:
Ай бай, люлю, молодой турчанин!
Взяла полоняночка турчанёнычка,
Положила в люлёчку,
Стала качать, прибаюкивать:
— А баю, люлю, малодой турчанин,
Мне тибе барином звать ни хочется,

Последнее слово повторяется четыре раза.— *Ред.*

А унучиком — веры не имитца,
Твоя-то мать, да моя дочь была,
Ва полон семи лет взята,
Ва полону́ живет 33 года.
Посылает турчаночка своих нянюшак:
— Уж вы, нянюшки-мамушки,
Вы подити послушайте,
Качает ли полоняночка
Маво турчаниночка?
Качает ли, при⟨баюкивает⟩ ли?
Пришли нянюшки и мамушки,
Стали сказывать турчаночки:
— Качает она ево, приговаривает:
А бае, люлю, молодой турчанин,
Мне тебя барином звать не хочется,
А унучиком — веры не имитца,
Твоя-то мать да моя дочь была,
Ва поло́н семи лет взята,
Ва полону́ живет 33 года! —
Пошла турчаночка к полоняночки,
Пала ей на коленочки.
— А матушка моя родимая!
Што ты мне прежде всево не призналася?
Не заставила б я тебе трех дел делати,
Не надела б я на тебя шубу сыромятную,
Надела б я на тебя шубу соболиную,
Взяла бы я тебя во высок терём.
— Дитятко мое милое!
Не сниму я шубу сыромятную,
Не надену шубу соболиную,
Не пойду я ва высок тирём,
Лучше пусти мине на Святую Русь
К маем-то ли малым детушкам.—
— Кучера вы фалетуры!!!!
Запрягайте моих вороных коней
Ва залотую каретушку,
Везите мою матушку
На Святую Русь
К ее ль-та ли малым детушкам.

№ 22

Что ты, батюшка Ярослав-город!
Хорошо ж ты, город, сам построенен!
Лутчи Питера, лутчи Киева,
Лутчи матушки каменной Москвы!
Што у три ряда стены каменные,
Четвертой ряд — все купечество, маладечество
Ни туман с моря подымается,
Ярослав-город загорается,
С одной лавочки занимается.
Во той лавочки — дорогой товар,
Дорогой товар — драгоцен камень,
Драгоцен камень — молодой там купец,
Разудалый молодец.

ДЕРЕВНЯ В ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ
(на дороге между Ярославлем и Костромой)
Автолитография А. Дюрана, 1843
Литературный музей, Москва

№ 23

Разаренный путь-дорожка
От Можая до Москвы.
Разорил эту дорожку
Неприятель вор-француз.
Разоривши этот путь-дорожку,
Во свою землю жить пошел.
Ко Парижу подашел,
Под ⟨Парижем?⟩ постоял,
Сам головкой покачал:
— Ты Париж, мой Парижок,
Париж новый городок!
На ту пору случилися
Здесь донские козаки:
— Ни хвалися, вор-француз,
Своим славным Парижо́м,—
У нашева царя
Есть полутчи городок,
Есть полутчи, покрасней
Распрекрасна жизнь-Москва.

№ 24

Вниз па матушки па Волги,
Па широкому раздолью
Подымалась незгода,
Незгодушка немала́я,
Волнова́я.
Ничево валны не видна,

Только видна адна красная лотычка:
Красная лотычка краснеитца,
На ней парусы белеютца,
На гребцах черныя шляпы чернеютца,
Сам хазяин вы наряди,
В каришневам кавтане,
В тонкем белам балахоне,
На им картузок,
Питенбурскай казырек,
Он купеческай сынок.
Возговорил-та нам хозяин:
— Уж вы, братцы-ребятушки!
Мы паедимте вниз по матушки по Волге,
Уж мы станем дли Анюшинова подворья.
Анюшинька выходила
С им речи говорила:
— Не прагневайся, милай дружочик,
В чем ходила, в том и вышла:
На головушки платочик,
Словно алинькай цветочик.

25 апр⟨еля⟩ с. Архангельское

Латынино тоже Чернского уезда ото Мценска 38 верст, от Ефремова 73.

Вчера, выехавши из Яблонина, попался мне какой-то мужик. Разговорившись со мною, он рассказал, что у них есть верх Синий камень, где Кудеяр зарыл клад, и огонь там видают, да только клад там не находят, а верстах в 4-х от Синего камня в Муравке (около Муравского шляха), когда господа велели копать пруд, находили монеты, которые прожили не один десяток годов. В этом же верху, по его словам, есть кладбище, на котором Кудеяр-разбойник хоронил зарезанных. — Да барин не приказывает копать, а то, может быть, и вырыли бы, — прибавил он.

№ 25

Ты заной, ⟨заной⟩, моё сердечушко,
Заной, ретивое!
Ты заслышь-ка-ся, заслышь, моя разлюбезная,
Заслышь галасочик!
Што ва чистом-та полю-полю, при дорожуньки
Сняги забилелися,
Забилелися у маво, маво разлюбезнова
Каменны полаты,
За полатами стоять, стоять два шатерчика,
Шатры шалковыя,
За шатрами стоять, стоять да два столика,
Столы дубовыя.
На столах-то висять скатерти белыя,
Скатерти белыя.
На столах-то стоять, стоять два горнилица,
Края золотыя.
За столами сидять два молодчика,
Парни молодыя.
Они пишут письмо на белой бумажуньки,
На белой бумаги,
Пирид ними вот стоять две краснаи девушки,
Слезна плачуть.

ЖУРНАЛ ПЕШЕХОДЦА

30 генваря ‹1847 г.› Гурьев. Дневник

Слава богу, наконец, мое путешествие приведено в дело. Когда я выехал за заставу, отпустил извозчика, который вывез меня за заставу, взял за плечи свой страннический короб и отправился на *цуфускане*[1*]. Тут шли извозчики, к которым и я пристал. Мне очень хотелось с ними поговорить, и потому я не стал курить; думал, что они старообрядцы; один из них увидал у меня трубку, которая было выскочила из-за пазухи, и речь завязалась об трубке, табаке... Мой товарищ был не раскольник, говорил, что Дмитрий Ростовский и курил и нюхал. «Да и водку пить не грех,— говорил разговорившийся мой спутник[2*],— ежели пить умеренно. Раз один пьяница пришел в рай, где стоял Петр и Павел с ключми от рая.— Пусти, брат, меня в рай,— говорит пришедший.— Ах, ведь ты пьяница!— Не стыдно ли тебе?— говор‹ит› пьян‹ица›,— ты сам был кто? Клял господа бога, а теперь по милости его держишь ключ от рая.— Нечего делать было Петру-Павлу, пустил пьяницу в рай — он не клял бога и не отрекался от него. Только что хотел я расспросить еще кое про что, кто такой был Петр-Павел, как один из извозчиков закричал:

Москва горит! Мой рассказчик посмотрел на них, засмеялся:

— Это за нас богу свечку поставили, чтоб счастливый путь был.

— Как бы не так,— говорил другой,— свечку поставили богу за то, что вы выбрались из Москвы, а завтра молебен будут служить! Который прав, Николай?

Поговорили еще кой об чем, я присел на сани к одному из порожних извозчиков, заснул и очутился за 36 верст от Москвы в *Красной Пахре*.

На другой день сел к другому извозчику, который взялся меня везти за полштофа водки хоть до самой Калуги. Один из моих товарищей сказал мне присказку:

«Едет мужик в город.

— Куда, брат, едешь? — вспрашивают его ребята.

— В город! Матушка третий день ни ‹...› в рот не брала, *дык* купить калач да образ.

— А много денег?

— 40 копеек!

— Ну, хорош будет образ!

— *Годится ‹молиться›, а не годится молиться* — горшки накрывать!»

Ответ его вошел в пословицу.

Сколько едят мои товарищи! Надо заметить — и я с ними!

Еще есть песни три, да переписывать не хочется: уморился — спать буду.

31 генваря. Андроновское. Дневник

Приехавши в Калугу, пошел искать Гиля, он уехал куда-то на свадьбу и приедет не ближе недели. Сыскал прежнего своего товарища Ватолина — потолковали об прошлом, хотелось мне у него побыть подолже, а нельзя было: я нашел себе приятеля Федора Афанасьева из сельца Андроновского, с которым и пришел в Андроновское.

Пришел в Андроновское. Здесь меня, кажется, полюбили. Вчера вечером лег, стал думать об моем путешествии; вспомнил про Тарутинский памятник, я долго не мог отнять от него глаз. Он стоит за деревнею, и, ежели

[1*] Вероятно, шуточное слово, образованное самим Якушкиным из немецкого zu fuss (gehen) — пешком (идти).— *Ред.*

[2*] *Против этой строки на полях отмечено:* Про Павла, Петра и пьяницу.

глядеть из Москвы, то он тогда только виден, когда к нему подойдешь. Осмотрел его вблизи, потом долго на него смотрел издали. Теперь я сижу в избе. Мне поют песни портные из Хроловскаго села Мищевскаго уезда (кстати, они пришли в избу и спросили, есть ли *шитва*).

Поселился я жить в с. Андроновском у Афанасия Жидкова. Сын его Федор со мной пришел из Москвы. Нонче я завтракал и обедал тут. За обедом узнал, что *за трубку и за табак грех говорить спасибо*.

Замечательно, что жители Недельного называются *недельницы*. Кстати: *Недельницы* известные коноводы; не коннозаводчики, а *воры лошадиные* (выражение Баршева).

В Стретенье метель — подберет кормок — зима долго будет.

1 февраля, вечер

Пишу при свете светца. Верно, вы знаете, что за штука светец.

Нонче, кажется, я довольно записал. Только этим я недоволен. Хочется очень уйти отсюда, но одному страшно. Мои собеседники — портные (мужики — ходебщики). Они здесь поработают дня два, а потом пойдут в *Гремучий колодезь*.

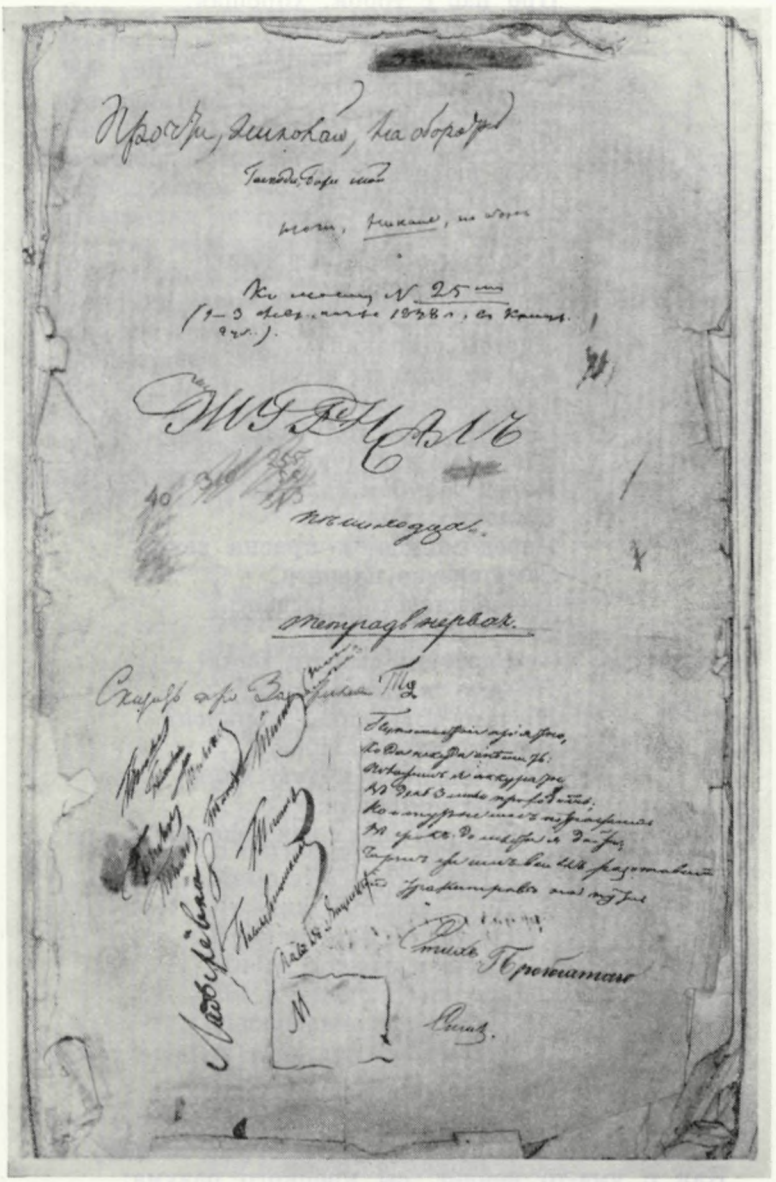
№ 26

Кулик куликает, ни молоденькой князь Голицын по лужку гуляет,
Он ни один князь гуляет с своими полками,
Со любезными сы полками, больше с козаками.
Да он думает князь гадает, про все размышляет.
Вот и где князю Голицыну во Москву проехать?
Вот и полем князю ехать,— полем было пыльно,
Вот и лесом князю ехать,— ему было страшно,
Вот и полем ехать князю, да ⟨на⟩ ем былья,
Вот Москвою ехать князю,— ему больно стыдно.
10 Отчего же князю стыдно? — Что первый изменщик!
Вот и ехал князь Голицын улицей Тверскою,
Да все улицей Тверскою, слободой Ямскою,
Слободою все Ямскою к новому собору.
Он скидает князь Голицын шапочку соболью,
Шапочку соболью несет он с собою.
Он снял князь Голицын, стал богу молиться.
Вот и богу князь помолился, да всем поклонился:
— Уж ты здрастуй, царь-государь, со своей царицей,
Уж ты жалуй, царь, господ разными чинами,
20 А меня, князя Голицына, малым городочком,
Да вот малым городочком — славным Ярославом.

Меня здесь подозревают: здешняя помещица присылала узнать обиняком, зачем мне песни. Угостил *приличным образом* посланного. Хотелось пробыть воскресенье — опасно. Думаю завтра ехать в Калугу. В это время, когда я пишу, рассказывается анекдот, как поймали одного *Ванюшу*, который выдавал себя за правую руку царя. Правда, я не заношусь так высоко — что будет до завтра!

№ 27

Только я выйду за вороты,—
Всё луги, болоты.
Как вы этих вы лужочках
Ковыль-травка вьетца,
В молодца, у парничка
Живот-сердце бьетца,



«ЖУРНАЛ ПЕШЕХОДЦА»

Путевые записи П. И. Якушкина. Автограф

Село Андроновское, Лихвинского уезда, Калужской губернии, 1847

Тетрадь I. Обложка

Исторический музей, Москва

На единой на часочик,
На час не воймется.
Про нас с тобой, хорошая,
10 Лихия люди судють.
Пущай судють, пущай рядють,
Что я тебя люблю[1*].
Люблю хорошую,
Любить долго буду,
Тебя любить буду,
Поколь сам отстану,
Любить перестану.
В чистом поле при вдолине
Стояла там древа [2*],
20 Тонкая, высокая,
Листом широкая.
Как на этом на древе
Сидит сиз голубчик,
Сизинькой-то голубчик,
Завдалой молодчик.
Перед голубом голубка
Жалобно гуркуеть,
Перед молодцем красна девка
Сама слезно плачеть,
30 Девка плачеть и рыдаеть,
Все Ваню ругаеть:
— Рассукин сын ты, Ваня! —
На што ж ты женился?
На што, Ванюшка, женился?
На што ж кабалился?
Кабы знала я худую долю,
Замуж не ходила,
Я бы в девушках век сидела,
Косаньку растила,
40 Батюшке служила.

№ 28

Уж вы ночи ль вы мои,
Ночи мои темнаи!
Усе-то я ночи-ночушки просиживала,
Как усе-то я, усе думушки прадумала.
Как одна-то мне дума-думушка с ума нейдет,
Как с ума-то нейдет, сы крепкого разума:
Кабы были у меня, у молодца, крылушки,
Я взвился полетел на свою сторонушку,
А еще б я поглядел на свой на *высок* терём,—
10 Как во тереме сидит молода жина,
Что ни одна она сидит — сы малыми *детками*.
— Уж вы дети ль мои, дети маи малаи!
Уж и хто ж вас, дети, да воспоил-кормил?
— Воскормил-вскормил — да нас православный мир,
Воспоила да нас Волга матушка.

1* *Эти две строки вписаны позднее другими чернилами.— П. У.*
2* *Против этого стиха помета Якушкина:* Среднего рода, кажется, нет.

№ 29

Выду я во горенку, сяду на лавку,
Сяду я на лавочку, погляжу в окно,
Гляну я в окошечко — на улице *дошь*,
На улице сильный дошь, во поле туман.
Во поле большой туман растуманился,
Вот мой-то любезный друг распечалился.
Печальна была вестушка, весть нерадостна,
Нерадостная весточка, невеселая,
Невеселая вестушка про мила дружка.
10 За что мил убит лежит,— во девушек был.
Во девушек милый был на беседушке.
Вспомни-вспомни, милый мой, прежнюю любовь,
Где мы с тобой, милый друг, совыкалеса,
Совыкалеса, милый друг, во чистом полю,
Во чистом-то во полюшку под березою.
Да на этом местечку трава не ростет,
Трава не ростет,— тама ракитовый куст,
Да на этом на кустику кукушка сидит.

№ 30

Уж ты воля, моя воля,
Воля дорогая!
Эта воля дорогая,
Девка молодая.
Девченочка молодая,
Разумом глупая,
Девка, разумом глупая,
По саду гуляла,
Красоту теряла,
10 В острог жить попала.
Мимо этого острожка
Лежала дорожка.
Вниз по этой по дорожке
Много ходють и ездють
Ни купцы ли, ни бояре,
Московские дворяне.
А мово дружка, Ванюши,
Его здеся нету.
За рекой Ваня гуляет,
20 За быстрой шатает,
Он с иною со милою,
Сы красною девчонкой,
С купечецкой дочкой.

№ 31

Во прошлом во году
Завродилась сильно ягода в бору,
Облудилася красная девка в зеленом саду
Облудившись, выходила на Дунай-реку;
Присадилася на крутеньком девка бережку
Расстила⟨ла⟩ полушолковый алый платок,
Выставляла сладки водки полуштоф,

На закуску бел крупичатый девка пирог,
Она кликала перевозчичка-парня к себе:
— Перевозчик! Перевозчик! Парень молодой!
Перевези меня на ту сторону, девку, домой!
За работу ты, что хочешь ты, с меня возьми.
— Ничего я, красная девка, с тебя не хочу,—
Поди, девка, поди, красная, замуж за меня!
— В этом воля, перевозчик, воля ни моя,—
Эта воля, перевозчик, воля батюшки,
А еще ли, еще — родной матушки.

№ 32

Вы туманы мои, туманушки,
Разосенние мелкие дождички!
Не пора ли вам, туманушки,
Со синя моря долой?
Вам не время ли, ребятушки,
Со гуляньица домой?
Прошло время дорогое,
Прошла красная весна,
Наступило время злое
К нам холодная зима.
Все реченьки призастыли,
Ручеечки не текут,
В саду листики опали,
Песни пташки не поют.
Соловей гнезда не вьет,
Ко мне миленький нейдет.
Нынче с миленьким разлука —
По нем плакать не велят,
Не велят плакать-тужить,
Не велят его любить.
Ты вздохни-вздохни, голубчик,
В⟨з⟩дохни, вздумай обо мне!
Как меня ты оставляешь
На проклятой стороне?!

№ 33

Что за горе, за беда
На доброго молодца!
Уж я улицей иду —
Меня сон клонит,
Переулочком иду —
Дрёма с ног валит.
Я пойду ли, молодец,
Вдоль по улице новой,
Я зайду ли, молодец,
На почтовой двор.
На почтовом на дворе
Растворены ворота,
Распечатаны стоят.
Я взойду ли, молодец,
На высок красен крылец;
Закричу я, молодец,

ПРИЕЗД КОРОБЕЙНИКА В ДЕРЕВНЮ
Акварель неизвестного художника, 1860-е годы
Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

Громким голосом своим:
— Уж вы, слуги, мои слуги,
Слуги-верны кучера!
20 Вы подите-ко сюда,
Приведите мне коня.
Я пойду ли, молодец,
Во чисто поле гулять.
Уж я полем шел,
За собою коня вел,
Коня воронова,
Кругом кованова,
Приоседланного,
Приобратанного,
30 Серебрены удила,
Шелковые повода,
У черкасского седла
Булатные стремена.
Как во чистыим во поле
Растет сыренькой дубок,
На нем сухонький сучок.
Как под этим под дубом
Шелкова трава росла,
Трава шелковая,
40 Цветики лазоревы.
Уж я выкормлю коня,
Уж я выглажу добра,
Привяжу свово коня,
Я за сыренькой дубок,
За сухонький за сучок.
Как под этим под дубком

Я раскину бел шатер,
Постелюшку постелю —
Подседельный войлочок,
50 В изголовье положу
Я черкасское седло,
Я с собою положу
Красну девицу-душу,
А сам лягу молодец
На правой ея руке,
На белой ея груди.
Проспал-проспал молодец —
При мне нету ничего:
Ни коня нет, ни седла,
60 Ни девушки, ни шатра.
Я пойду ли, молодец,
Вдоль зелена луга гулять.
Лишь навстречу молодцу
Злой турчин скоро бежит,
Он кричит, он и свистит,
Что коней гонит поить;
На моем же на коне
Красна девица сидит;
Прираспущена у ней
70 Ея русая коса,
Призаплаканы у ней
Очи ясныя-глаза.

№ 34

Я вечор, добрый молодец, загулялся,
С разлапушкой красной девицей застоялся,
Как про все-то с разлапушкой перебаял,
Я одно-то тайное словечушко позабыл сказати.
— Ты не плачь, моя любезная, не плачь не печалься.
— Как велел-то мне мил сердечной друг нарядиться:
Нарядись-ка ты, моя сударушка, во цветное платье,
Набелись-ка ты, моя сударушка, нарумянься,
Ты возьми-ка, моя сударушка, с собой зелена вина,
10 Ты и выдь-ка, выдь, моя сударушка, в чисто поле.
Ты и стань-ка, стань, моя сударушка, под белой березой!
Со стояньица мои резвы ноженьки подломились,
Со маханьица мои белы рученьки опустились,
Со гляденьица мои очи ясныя помутились,
С огорченьица моя буйная головушка с плеч скатилась.

№ 35

Не пой, не пой, соловушек, не пой, молодой,
Не давай тоски-назолушки ретиву сердцу,
И так тошно-грустнехонько сердцу моему.
Вспомни-вспомни, дорогая, прежнюю любовь,
Как мы с тобой, дорогая, съизмалехоньку росли,
Короткии летни ноченьки прогуливали,
Осеннии темны ноченьки просиживали,
Забавныя тайны речи говаривали:
— Тебе, мой друг, не жениться, а мне замуж не итти

10 — Тебе, мой друг, нет невесты, а мне нету жениха!
Из-под камушка горючаго вода не течет,
Из-под кустика ракитова речка протекла,
За речушкой за быстрою зелен сад растет,
Во садике в зеленом нов терем стоит,
Во тереме во новыим девушки сидят,
Тихохонько, хорошохонько песенки поют.
Знать, там мою любезную сговаривают.
За речушкой за быстрою в цимбалики бьют:
Знать, там мою любезную замуж отдают.
20 Поил-кормил милую, прочил за себя;
Досталась красавица иному, не мне,
Иному-то она, не мне — лакею-свинье!
С того крыльца ведут к венцу красну девицу,
Жених ведет за рученьку, дружка за другу,
Третий стоит, сердце болит — сам речь говорит:
— Красавица-забавница, простимся с тобой;
— Я рада бы простилася, кони не стоят,
Извощички молоденьки — не могут держать;
Возжей тронут, кони дрогнут — земля задрожит!
30 Я рада бы махнула бы — платка в руках нет!
— Красавица-забавница! Взгляни хоть глазком!
— Я рада бы взглянула бы — закрыты глаза,
Закрыты ли мои глаза черною фатой.

№ 36

Ах как цвели-то цвели в поле алы цветики,
Цвели да поблекли,
Как любил-то любил, любил парень девушку,
Любил да покинул.
Он не год-то любил, любил не неделюшку,
Ровно три годочка.
На четвертый-то на год парень с красной девушкой
Стали расставаться,
Что задумал-то задумал добрый молодец,
10 Задумал жениться;
Как покинул-то красну девушку,
В глаза надсмеялся.
Он при всем-то мире, при всем при народе,
В большом хороводе,
Он и снял-то сорвал, сорвал с красавицы
Шалевой платочик,
А еще-то он снял-сорвал с красавицы
Янтарный борочик,
А еще-то он снял-сорвал с красавицы
20 Золот перстенечик.
За то стало девушке, за то раскрасавице
Стало ей обидно.
Душа красна девушка, душа красна Аннушка
С хороводу вышла;
Что было по городе, городу Саратову,
Во горести, в печали Аннушка гуляла,
Она себе, красная, гербовой бумаженьки
Листик покупала,
Молодого-то она писаря, писаря искала,

30 Писать нанимала.
Астраханскому[1*] она новому губернатору
Просьбу подавала.
— Ах ты, батюшка астраханский наш новый губернатор,
Прими мою просьбу,
Рассуди ты нас, батюшка губернатор,
С милым по закону;
Не рассудишь ты нас, не рассудишь по закону,
Дойду до Сенату.
— Уж ты глупая, неразумная
40 Красная девица!
Ты подумай-ка, раскрасавица,
Что я тебе скажу:
Не сама ли ты, красна девица,
Будешь виновата?
Без красныя-то без зореньки
Солнышко не взойдет,
Без прилуки-то добрый молодец
К тебе не подойдет.

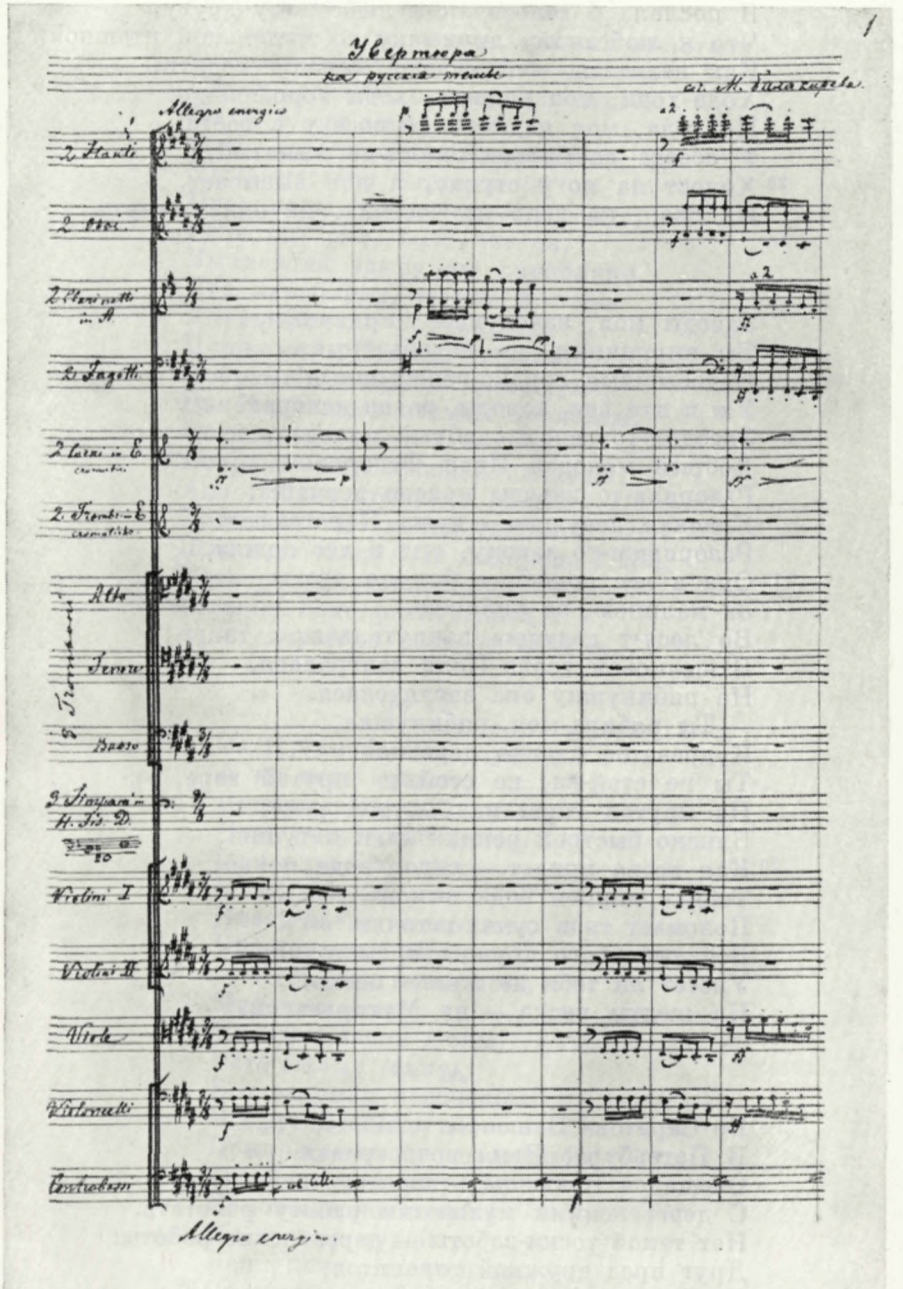
№ 37

Кровать моя, кроватушка, кровать тесовая,
Срублена кроватушка из бессчастного дерева,
Поставлена тесовая на разлучшем месте,
Где девица с молодцом в беседи сидела,
Красная с дорогим речи говорила:
— Молодец-мое сердце, хороший-пригожий,
Хороший-пригожий, белый, кудреватый,
Белый, кудреватый, холост-неженатый!
Загану я загадочку,— изволь отгадати:
10 Сшей ты мне шлафрок из макова цвета!
— Девица-девица! Напряди мне нитей,
Напряди мне нитей из белого снегу,
Чтоб нити не рвалися, шлафрок не поролся!
— Молодец-молодец! Сошей мне башмачки,
Сошей мне башмачки из желта песочка!
— Девица-девица! Наряди мне дратвы,
Наряди мне дратвы из дождевых капель,
Чтоб дратва не рвалась, башмак не поролся.

№ 38

Я посею ль, млада-молоденька, цветиков маленько,
Стали цветы расцветати, сердце обмирати;
Я на цветики взирала, сердце обмирало,
Сердечушком обмирала, дружка поджидала.
Идет-идет моя радость, идет, да нескоро,
Вижу-вижу моя радость не хочет пойти.
Люби-люби, моя радость, кого ты захочешь,
Я довольна, друг, тобою — простился со мною,
Уж я с горя, со кручины пойду во светлицу.
10 У девицы во светлице поют разны птицы.
Они пели-распевали резвым голосами,
Я б списала голос-голосочик на тонкий листочик,

1* *Слово* астраханскому *написано сверху вм. зачеркнутого* саратовскому.— *Ред.*



М. А. БАЛАКИРЕВ. «УВЕРТЮРА НА РУССКИЕ ТЕМЫ», ИЮНЬ 1858 Г.

Партитура. Автограф

Первый лист

Музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки, Москва

Что на тоненький листочик, на белу бумажку,
Я послала б голосочик к любезному другу,
Что к любезному дружечку со маленькой пташкой:
Как велит ли мой надежа хорошо ходити.
Ходи-ходи, моя радость, ходи хорошенько!
Не ходи, моя надежа, ко соседу в гости.
У соседа во беседе холост-не женатый,
Холост на ногу ступает и вон вызывает,
На двор, на двор на часочик, на одну минуту.

№ 39

Заводы мои, заводушки кирпичныя,
Вы кирпичныя, вы недобышныя,
Недобышныя горько-горемышныя!
Уж и кто вас, заводы, завел исперва?
Заводил-то заводы добрый молодец,
Добрый молодец Иван Федорович.
Разоряла-то заводы красна девушка,
Красная девушка — душа Пелагеюшка.
Разоривши-то заводы, она в лес пошла,
Она в лес пошла, в бор по ягоды,
За малиною, за рябиною.
Во лесу-т девушка заплуталася,
В шелковой траве Поля заигралася,
На рябинушку она загляделася.
— Ты рябина моя, рябинушка,
Кудреватое славно деревцо!
Ты не стой-ка, не стой на крутой горе,
На крутой горе, на быстрой реке,
Близко быстрой реки, Волги матушки.
Как весна придет — с гор вода пойдет,
Тебя с корнем вода вымоет,
Поломает твои сучки-веточки.
Все любезного дружка приметочки,
Унесет ли тебя на желты пески,
На желты пески — на Макарьевски.

№ 40

Во Саратове Ванюшка родился,
В Петербурге Ваня возростился.
Обещался Ванюшка в деревню жить итти,
С деревенскими мужиками работу роботать.
Нет такой тоски-заботы — деревенские роботы!
Друг пред дружкой торопятся,
Чтоб с поля скорей убраться,
Покуль туча не взошла,
Покуль тучка не всходила,
Частым дождем хлеба не мочила.

№ 41

Ты взойди-ка-ся, взойди, красная солнушка!
Над долиною над широкаю,
Над горою над высокаю,

Над дубраваю над зилёнаю,
Йябагрей-ка-ся ты нас, добрых молотцав,
Добрых молотцев, сирот беднаих,
Сирот беднаих, салдат беглаих.
Нама ехати мима города,
Мима города, мима Сарезнева,
10 Мима частава бирезничка,
Протякала тут речка быстрая,
Река быстрая, вада чистая,
Выплавали здесь два карабляки,
Два караблика, третия лотачка,
Хараша лотка изукрашина
Пушками, ружьями изукладина,
Добрами моладцами йюсажина,
Впереди сидит атаман с вяслом,
Позади ево есаул с багром,
20 Всириди сиди красная девушка,
Ана плачи, что река льетси,
Возрыдае, что вална бьетца.
Што приснилси мне нихарошай сон:
Каса русая разплятаици,
Шалков пояс разпаясалси,
Залот перстень разпаён лижить.

№ 42

За Кубаном огни гарять,
А по полю дымно,
Пошли наши казачуньки,
Чуть росыньки видно.
Они идут маладыя,
Назад поглядают,
Назад-назад поглядают,
Чижало вздыхают:
— Астаются наши дома
10 Маладыя жоны,
Маладыя наши жоны,
Есть малыи дети.
Вот задумал казаченька
В Грузей померети,
Помир-помир наш палковник
Своей скорой смертью.
Положили козаченьку
На травку-муравку
Лежи-лежи, казаченька,
20 Со вечира до йютра,
Мы доложим полковничку,
Выраим магилу.
Лишь пазволь, граф Паскевич,
Сделаим грабницу,
Мы исделаем грабницу,
Тёмною тимницу.
Тела несуть, каня ведуть,
Конь головку клонить.
— Проржи-ироржи, конь вороный,
30 Против маво дома.

Йюслышала ево мати
В каминной палати.
— Как была бы я кукушка,
Были б сизыя крылья,
Возлитела-полителa
В турецкую землю,
На крайню границу.

№ 43

Ох, да слабада ли ты моя, слабодушка,
Слабада ты ли моя, сяло новая,
Сяло новая, разоряная!
Разорил-та сяло степной стараста,
Стяпной стараста, горький пьяница:
Ён вина-та ни пьёть, с кабаку нийдё,
С кабаку-то ён нийдё, всегды пьян живё.
На кабак-та идё,— пьян шатаеца,
С кабака-та идё,— ён валяица,
10 За шалковай-то ён травушку, мил, хватаица

№ 44

Я мала была — горя не было,
Выростать стала, горе прибыло.
Как замуж вышла я за старого,
Я за старого, за ревнивого.
Он ложится спать не по-людскому,
Не по-людскому, по-дурацкому,
По-дурацкому: ко мне спиной.
Промежду-то нас змея лютая,
В головах у нас, что сугроб снегу.
10 Ты взойди-взойди, туча грозная,
Убей ты, убей змею лютую.
Воссияй-воссияй, солнце красное,
Разогрей-разогрей тот сугроб снегу.

№ 45

Ты воспой-ка, воспой,
Воспой, жавороночек,
Воспой, жавороночек,
Весной на проталинке!
Ты утешь-ка, утешь
Меня, добра молодца,
Меня в каменной Москве,
Меня в каменной Москве,
Меня в крепкой крепости.
10 Я не год-то сижу,
Сижу и не два года,

РЫНОК В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ
Картина П. П. Верещагина (масло), 1872
Третьяковская галерея, Москва

Я сижу-то сижу,
Сижу ровно три года.
Отец с матерью от меня отказалися,
И все сроднички от меня отрекалися.
Напишу я письмо
К душе красной девице:
— Ты бери-ка-сь бери
Свои золоты ключи,
Отпирай-отпирай
Свои золоты ларцы,
Вынимай-вынимай
Свою золоту казну,
Выкупай-ка, выкупай
Меня, добра молодца.

№ 46

Анюшинька по сеничкам ходила,
Васильевна по новым гуляла,
Анюшинька Ванюшиньку будила:
— Встань-ка, Ванюшка, встань, послушайся меня,
Встань, умойся ключевой, свежей водой,
Утрись, Ванюшка, тонким белым полотном.
Ты послушай, Ваня, что я стану говорить:
Все школьнички принапудривши сидят,
Один Ванюшка не напудрен, не убран.
На нас, Ванюшка, невзгодушка пришла,

Невзгодушка — небыльныя словеса.
Как у новых ворот десяцкие стоят,
Хотят Ванюшку во солдатушки отдать.
— Подай, Аннушка, подай пудру — весь убор,
А еще подай чернилицу со пером,
А еще подай лист бумажки почтовой.
Разбирает Ваня свои письменны дела,
Добирается он до Анюшина письма.
Напишу я своеручное письмо,
Отошлю я в славный Вышний Волочек.
Во вышним подворье хорошо,
У Анюшиньки изголовье высоко.

№ 47

Говорил-то мне сердечный друг,
Говорил, крепко наказывал:
— Посмирнее живи, моя любушка,
Моя сизая голубушка.
Я наказу его не послушалась,
Со иным дружком поводилася,
Со иным дружком побранилася.
Как у нас на дворе туман-туман,
В чистом полюшке погодушка,
Есть у девушки зазнобушка.
Зазнобил сердце детинушка,
Зазнобивши сердце, во поход пошел,
Во поход пошел в ину землю,
Во ину землю, во Турецкую.

№ 48

Как за реченькой было за Невагою,
За другой рекой было перед Прагою.
Не ковыль-трава, травушка шатается,
Зашатался тут добрый молодец,
Он служил царю, царю белому,
Царю белому, Петру Первому.

Все записи П. И. Якушкина печатаются по автографам собирателя, хранящимся в ЛБ, ф. 125 и ГИМе, ф. 56.

‹ФОЛЬКЛОРНЫЙ ДНЕВНИК›

Рукопись представляет собою тетрадь в 10 лл., сшитых суровыми нитками (ГИМ, ф. 56, п. 27-ж). Запись карандашная, полевая, от времени стершаяся, едва различимая. Титульного листа нет. На л. 1 поставлена дата: «1846 г., июля 31». А ниже: «7 верст от Москвы по Коло‹менке›». Сверху чернилами: «Прощай!» На последнем листе указан индекс-паспорт — 114-б. В свое время песни из этой тетради были переписаны Киреевским (на листочках-восьмушках), часть из них сохранилась до нашего времени, некоторые тексты были напечатаны. Находка этой тетради-дневника дает возможность точнее выяснить методику записи песен Якушкиным, ту обстановку, в которой они бытовали, и певцов, от которых они записаны. Песни не пронумерованы. Всего 34 песни.

№ 1. Старинная семейная лирическая песня. Встречается в песенниках начала XIX в. (см., например, «Новейший российский избранный песенник», ч. II. М., 1817, стр. 58). В некоторых вар. начало песни более развернуто: Соб., т. III, № 300.

№ 2. Хороводная песня. Известна, впрочем, и как «круговая» («Этнографический сборник», в. VI, 1866, стр. 72). Встречаются более распространенные вар. ее: «Народ-

ные песни, собранные в Чердынском узде, Пермской губернии, Василием Поповым». М., 1880, стр. 30; Соб., т. IV, № 711; т. V, № 437.

№ 3. Контаминированный текст. В *НС* (№ 2429) опубликован вар., в котором молодец «песенку поет», а «сударушка» зовет его в терем, где хочет напоить «пивом допьяна», а потом спросить:

Ты скажи, скажи, миленький дружок,
Одноё ль любишь меня?

№ 4. Своеобразный вар. распространенной любовной лирической песни (см. *НС* № 2297). «*Там же*» — т. е. в с. Гололобове Зарайского у. Записана, очевидно, от того же мальчика Васи.

№ 5. Распространенная песня-баллада. Имеется множество вар. в самых различных фольклорных сборниках (*СС*, в. 7, № 33; *НС* № 1509, 1698, 2552; Соб., т. I, № 117, 126—128). Наиболее сходный вар., только более полный, был записан в Саратовской губ. (см. «Русские народные песни, собранные в Саратовской губернии А. Н. Мордовцевой и Н. И. Костомаровым».— «Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихонравовым», т. IV. СПб., 1862, стр. 54).

№ 6. Семейная лирическая песня. Вар.: *НС* № 1667, 1694. Буква «а» в ст. 3, очевидно, относится к слову «потужу»: Якушкин сомневался, правильно ли он записал произношение этого слова певцом. Знак «(!)», в ст. 4, означает подтверждение в правильности записи слова «поглижу».

№ 7. Текст контаминирован. Вар. первой половины песни: *НС* № 1854, 1929, 2004. Контаминация этой песни с другими песнями — обычное явление (см., например, *НС* № 1778, 2664).

№ 8. Песня сатирически изображает нравы духовенства. Близкий к этому текст записан Кольцовым (см. настоящ. том, № 18).

№ 9. Хороводная песня. Припев «Ай ли, ой ли да люли», вписанный Якушкиным на полях справа, по-видимому, повторяется после каждых двух строк с повторением предыдущей строки.

№ 10. Весьма распространенная семейная лирическая песня, известная почти во всех губерниях России (*НС* № 1309, 1419, 1481, 1665, 1680, 1853, 1905, 2519, 2664; Соб., т. II, № 262—269; т. III, № 1241—1242). Во многих вар. последний ст. «Он сам нийдет, письма ни шлет — знать сам пропал» отсутствует. Обычно эта песня имеет зачины, эмоционально предваряющие все содержание песни: «Калинушка с малинушкой, лазоревый цвет» (см., например, «40 народных песен, собранных Т. И. Филипповым и гармонизированных Н. А. Римским-Корсаковым». М., 1882, № 15), «Подуй, подуй, мать погодушка низовенькая,/Раздуй, раздуй, мать погодушка, калину в саду,/Калинушку с малинушкой, лазоревый цвет!» (Пальчиков, № 53) и др.

№ 11. Величальная песня. Первые пять ст. обычно с данной песней несвязываются.

№ 12—14. Величальные песни.

№ 15. Эта песня, как и печатаемые ниже под № 16—24, находится в черновой тетради (ГИМ, ф. 56). Таких тетрадей две. Все песни идут в них одна за другой без всяких пояснений. Песни пронумерованы (всего 83 текста). Поскольку песня № 83 не закончена, то, надо полагать, ее продолжение было в следующей, третьей тетради, которая не сохранилась. Никаких помет о месте и времени записей нет. С текстов песен из этих тетрадей были сняты копии рукою П. И. Бартенева. Многие из них сохранились и находятся в фонде Киреевского в ЛБ. Они были известны издателям *НС*, но ни одна из песен не была напечатана. Исторические песни были изданы в *СС*. Бессонов печатал тексты по копиям. Поскольку на копиях Бартенева поставлен паспорт-индекс — 5-б, то, следовательно, все эти песни записаны Якушкиным в Данковском у. Бессонов же, печатая исторические песни, не счел нужным обратиться к подлинным записям (как и в большинстве случаев), а воспользовался копиями и допустил ряд ошибок в паспортизации текстов.

О времени записи песен можно сделать лишь некоторые предположения. Судя по характеру тетрадей (относительно аккуратный почерк, небольшое количество поправок в текстах и т. п.), перед нами не полевые записи, а переписанные и систематизированные (исключены другие жанры фольклора, которые в полевых записях Якушкина перемежаются с песнями), они предназначались, должно быть, для отсылки в Собрание Киреевского. Очевидно, переписку песен собиратель производил в месте их сбора, где он пользовался карандашом. Поскольку перед нами беловые тетради, то естественно ожидать находки и их чернового дублета (черновые записи собиратель также отправлял в Собрание Киреевского). Действительно, в архиве Киреевского находится полевая тетрадь, датированная 1847 г., с записями песен в Данковском у. (тексты из этой тетради напечатаны М. Н. Сперанским в *НС* № 1838—1849). Однако среди этих песен не нашлось ни одной, которая бы входила в состав разбираемых нами тетрадей. Значит песни эти были собраны в Данковском у. не в 1847 г., а в другое время, но когда? Раньше или позднее? Судя по почерку (он кажется несколько крупнее почерка 1847 г. и с годами становился все мельче и мельче), можно полагать, что раньше. Очевидно, в 1846 г. Якушкин, расставаясь с Москвой, держал путь именно на Данков

(ему предстояло, как он заявлял в дневнике, 360 верст пути, что и равно, приблизительно, расстоянию от Москвы до Данкова). По дороге он заходил в различные места (в том числе и в Зарайск) с целью записи песен. Следовательно, эти две тетради, по-видимому, являются продолжением зарайской тетради-дневника и относятся к тому же 1846 г. Публикуемая песня представляет собой контаминацию песенных мотивов. В тетради помещена под № 8.

№ 16. Контаминация песенных мотивов. В тетради под № 21.

№ 17. В тетради под № 26. Весьма распространенная любовная лирическая песня. Встречается в записях XVIII в. («Новое и полное собрание российских песен», ч. III. М., 1780, стр. 113). Известна как «проголосная» («Круговые игры и песни в селе Ушаковском Пермской губернии, Шадринского уезда. Собраны В. Я. Кокосовым».— «Записки ими. Русского географического общества по Отделению этнографии», т. II. СПб., 1868, стр. 410), «хороводная» («Песни крестьян Владимирской и Костромской губерний. Собраны и изданы Александром Смирновым». М., 1847, стр. 136). Вар.: *НС* № 1126, 2926; Соб., т. II, № 49—58; т. III, № 567—568.

№ 18. В тетради под № 27. Солдатская песня. Очень близкий к этому текст напечатан в *СС*, в. 10, стр. 464 и перепеч. в *НС* № 2086 (записанный также Якушкиным в с. Сабурове Малоархангельского у. Орловской губ.).

№ 19. В тетради под № 37. Одна из ранних рабочих песен.

№ 20. В тетради под № 39. Широко распространенная хороводная плясовая песня, сатирически изображающая монастырские нравы. Известна в записях XVIII в. («Новое и полное собрание российских песен», ч. IV. М., 1780, стр. 133). Вар.: Соб., т. VII, № 337—342. В тетради под № 15 помещен очень близкий к этому текст (возможно, другая его запись).

№ 21. В тетради под № 45. Один из полных вар. исторической песни о татарском полоне. Вар.: *СС*, в. 7, стр. 188—213.

№ 22. В тетради под № 55. Конец песни сокращен. Обычно в других вар. купец просит спасти его лавочку.

№ 23. В тетради под № 63. Солдатская песня.

№ 24. В тетради под № 71. Бурлацкая песня. Известна в записях XVIII в. («Новое и полное собрание российских песен», ч. II. М., 1780, стр. 195). Встречается с обозначением: «протяжная», «полупротяжная» (Кашин, кн. II № 20). Вар.: *НС* № 1561; Соб., т. IV, № 550—553.

№ 25. Эта песня взята из отдельной тетради в 12 лл. (последние 6 лл.— чистые). Хранится в ЛБ (ф. 125, п. 54). Тетрадь могла быть известна издателям *НС*, но напечатана из нее всего лишь одна песня (№ 2760 — без указания имени собирателя) о Скопине. На л. 1 (2261) помета Якушкина: «Языково, Ефремовского уезда, 1847, апр. 24». Несколько ниже надпись его же рукою: «Д. Орлик, Чернского уезда от Ефр⟨емова⟩ 57 верст». На последнем листе — паспорт-индекс — 1-б, что и означает: песни, записанные Якушкиным в Чернском и в Ефремовском уездах Тульской губ. На первом же листе стоит помета Киреевского: «Доставлена от П. И. Якушкина». Как и во всех полевых рукописях, здесь встречаются и произведения других жанров: предание, сказка. Записи велись в различных местах (они указаны в рукописи) Ефремовского и Чернского у. Дата записи собирателем обозначалась. Обычно прибавляется концовка:

Ты не плачь, красна девица, не печалься,
Не оставим тебя, красна девица, на чужой стороне.

Вар.: *НС* № 2849.

«ЖУРНАЛ ПЕШЕХОДЦА»

Рукопись представляет собой отдельную, сшитую суровыми нитками, тетрадь в 36 лл. (ГИМ, ф. 56, п. 44-а). Полевые карандашные записи. Тетрадь имеет титульный лист, в верхнем правом углу которого надпись чернилами: «Господи, боже мой» и заглавие, написанное чернилами же: «Журнал пешеходца. Тетрадь первая». Ниже заглавия — шуточный эпиграф:

Путешествие приятно,
Когда некуда спешить:
Положил я аккуратно
В день три мили проходить;
Но и тут не мог потрафить —
В срок до места я дойти;
Черт же им велел расставить
Сто трактиров на пути.

Под эпиграфом подпись: «Стих Пробогатого» (должно быть, стихотворение самого Якушкина). В нижнем левом углу дважды написано: «Павел Якушкин». На титульном же листе следующее обращение: «Прочти, Николай, на обороте». А на обороте: «Про-

глядывай, ежели у тебя не достанет терпения всю тетрадь прочесть, просматривай, Николай, заметки на полях *.

Сказки все отдать Луганскому и просить его возвратить мне в Орел,— адрес знаешь, переписать сходу и мои подчеркнутые слова подчеркнуть, с тем же примечанием.

Посылаю эту тетрадь и М. П. Погодину — не знаю, где тебя отыскать.

Скажи, пожалуйста, доволен ли ты моими трудами; ты говорил, что в месяц не напишу тетрадь, а видишь — в три дни.

Стихов не отдавай Киреевскому: я надеюсь их собрать в скором времени порядочную коллекцию: я подружился с одним слепым.

Скажи Петьке про мое житье-бытье».

Можно думать, что *Николай*, к которому обращается Якушкин,— Н. А. Костров. Далю (Луганскому) Якушкин передавал записанные им сказки. Эти сказки были переданы Далем А. Н. Афанасьеву и напечатаны в его сборнике. *Петька* — должно быть, Киреевский.

Вся тетрадь составлена из текстов, записанных в с. Андроновском Лихвинского у. Калужской губ. Песни же с. Гремучий колодец, которые встречаются здесь, очевидно, тоже записывались в с. Андроновском от бродячих крестьян-портных. От них же записан и словарь офеней. В с. Андроновском (иногда оно называется Андроновкой) Якушкин записал множество текстов, в «Дневник пешеходца» вошла лишь некоторая их часть (надо полагать, за первой тетрадью дневника следовали другие; подлинники их не сохранились). В *НС* из Андроновского напечатано довольно много, частично и из настоящего дневника. Весь же дневник издателям был недоступен, и печатание велось по другому источнику. Песни из этого дневника, должно быть по поручению Якушкина, были кем-то переписаны в отдельные тетради. Так, в ЛБ хранятся две тетради (лл. 1496—1503 и 1504—1509) с индексом-паспортом — 109-б. Они были описаны М. Н. Сперанским, но напечатаны из них были лишь единичные тексты (очевидно, также по другим источникам).

№ 26. Во время работы Якушкина над Собранием Киреевского в его распоряжении было восемь вар. этой исторической песни (см. ее публикацию в «Русской беседе», 1857, т. II, кн. 6, стр. 26—27). Данный вар. почему-то не был учтен Якушкиным, не напечатал его и Бессонов, издавая «Старую серию». Наиболее близкий текст в *СС* (в. 8, стр. 41) приписан Якушкину же и отнесен к с. Сабурово Орловской губ. Любопытно отметить, что над этой песней работал еще в 1830-е годы сам Киреевский. В его письме к Н. М. Языкову от 21 февраля 1834 г. читаем: «Да не случится ли тебе где-нибудь встретить объяснение следующим песням, которые и по складу и по содержанию должны быть о чем древнем». И далее Киреевский указывал песни, в числе которых была и такая: «Какой-то *князь Голицын* возвращается с полками в Москву и пробирается переулками, потому что ему *городом ехать стыдно*. Он останавливается против Успенского собора и молится, скинув свою *соболью шапку*; потом упрекает царя, зачем он больших господ жалует, а чернь разоряет; и наконец просит, чтобы царь ему пожаловал город *Малый Ярославец*. Царь ему отвечает:

Я тебя, князь Голицын, жалую
Двумя столбами с перекладиной,
На шею на твою шелковую петельку»

(Письма Киреевского к Языкову, стр. 63). М. К. Азадовский в связи с этим писал: «Очень любопытно упоминание *песни о князе Голицыне* — имеется в виду В. В. Голицын, сторонник и друг Софьи. Точно такой песни нет среди напечатанных Бессоновым (вып. 8),— очень возможно, что в своем описании Киреевский соединил описание двух песен, записанных им в Московской губ. (с. Воронки, помечено „23 июля“, без года) и в Орловском уезде» (там же, стр. 65).

№ 27. Текст контаминирован.

№ 28. Солдатская песня. Начало ее явно не согласуется с дальнейшим текстом. Как правило, начало песни также идет от лица молодца. Вар.: *НС № 2019*. В ЛБ (ф. 125, п. 48, л. 1505) хранится копия этой песни.

№ 29. Контаминация песенных мотивов. В ЛБ (ф. 125, п. 48, л. 1499) — копия.

№ 30. Контаминированный текст. Вар.: *НС № 1655*. Вар. начала песни: Соб., т. VI, № 512—514. В ЛБ (ф. 125, п. 48, л. 1506) — копия.

№ 31. Свадебная песня. Вар.: *НС № 1827*. В ЛБ (ф. 125, п. 48, л. 1503) — копия.

№ 32. Эта и печатаемые ниже песни под *№ 33—40* взяты из рукописи, представляющей собою 26 разрозненных листов (ЛБ, ф. 125, п. 57, лл. 2886—2911). Рукопись обернута свернутым листом бумаги, на котором неизвестным почерком (должно быть, кем-то из сотрудников Отдела рукописей Библиотеки) написано: «Якушкин».

Анализ рукописи показывает, что за исключением текстов первых двух листов (2886—2887), написанных неизвестной рукою, все остальные тексты записаны характерным почерком Якушкина. К какому времени относится рукопись, сказать трудно, но, судя по почерку и бумаге, она приблизительно может быть датиро-

* На полях рукописи против каждого текста пояснение, раскрывающее его характер: «Дневник», «Сказка», «Песня», «Словарь офеней» и т. п.— *А. Б.*

вана концом 1840-х годов. О месте же записи песен пока сказать ничего нельзя. Ни один из этих текстов напечатан не был. Рукопись сохранилась не вся: она открывается песней № 13 (нумерация Якушкина) и заключается песней № 84, конца которой недостает. Что же касается первых двух листов, то принадлежность их Якушкину может вызвать некоторые сомнения. Никаких надписей, помет или каких-либо других свидетельств, подтверждающих принадлежность их ему, нет. Почерк же более крупный и написание некоторых букв иное, чем в других рукописях Якушкина. Возможно, что рукопись относится к более раннему времени. Об этом, в частности, говорит и карандашная помета (все записи в рукописи сделаны чернилами) почерком уже более похожим на почерк зрелого Якушкина: «Продолжение „Детской поэзии“» (л. 2886). Очевидно, эта надпись произведена позднее текста рукописи.

Вар.: *НС* № 1769; Соб., т. V, № 305—306.

№ 33. В тетради под № 24. Один из самых полных текстов песни. В других вар. исчезновение девицы и коня не объясняется. Здесь же девица оказывается пленницей турка.

№ 34. В тетради под № 34. Вар.: *НС* № 2547.

№ 35. В тетради под № 39. Контаминированный текст. Вар.: *НС* № 1352.

№ 36. В тетради под № 41. Широко распространенная песня. Вар.: Соб., т. II, № 597, 599, 600.

№ 37. Распространенная песня о так называемых «загадках». Вар.: Соб., т. I, № 458—469. Количество загадок, которые молодец задает девушке, варьируется — от одной до семи. В народе известна как «загадочная» (Студитский, стр. 5), «проголосная» («Этнографический сборник», в. VI, 1866, стр. 89) и т. д. Публикуемая песня представляет собой особую разновидность песен о «загадках» — молодец предлагает такие «загадки», которые не выполнимы.

№ 38. В тетради под № 56. Семичная протяжная песня, широко известная в центральных и северных губерниях России (см. Соб., т. II, № 272—273; т. V, № 251—255, 266). Вар. ее встречатся в песенниках 1780, 1810, 1812, 1819, 1821 гг. и в «Этнографическом сборнике» 1861 г. Публиковалась как «науличная», «посиделочная», «круговая». В Тамбовской губ. (Соб., т. V, № 256) была записана как «солдатская». В рассказе И. С. Тургенева «Певцы» эту песню поет рядчик.

№ 39. В тетради под № 65.

№ 40. В тетради под № 78.

№ 41. Эта и печатаемые ниже песни *№ 42—43* находятся в рукописи, представляющей собою девять отдельных листов (ЛБ, ф. 125, п. 44, лл. 1148—1156). На первом листе надпись Якушкина: «Тетрадь 3». Никаких помет о времени и о месте записи песен нет. Предположительно их можно отнести к концу 1840-х годов. С текстов в свое время были сняты копии П. И. Бартеневым; некоторые из них сохранились. На копиях также никаких помет нет (в том числе и индекса-паспорта). Издателями *НС* рукопись была описана, но напечатана из нее только одна песня (№ 2876) по копии, хранящейся в ГИМе. Публикуемая песня помещена на л. 1149. Вар.: *НС* № 1670, 2480.

№ 42. Солдатская песня (л. 1152).

№ 43. Контаминированный текст (л. 1153).

№ 44. Семейно-бытовая песня из отдельной сшитой тетради в 22 лл. (ГИМ, ф. 56, п. 112-б). Начала и конца тетради нет (возможно, она является непосредственным продолжением другой). Рукопись открывается песней № 17 и заканчивается песней № 36. Почерк, должно быть, не Якушкина, а кого-то из его близких, помогавших ему переписывать песни. Никаких помет на тетради нет. Принадлежность ее Якушкину устанавливается по тем песням, с которых были сняты копии. На некоторых из этих копий проставлены паспортные данные. Так, под текстом песни «Девица по садику гуляла» (напечатана в *НС* под № 2699-б; в тетради она числится под № 26) указано: «П. И. Якушкин, Данков, Ряз., 26 апр. 1847». То, что эти сведения верны, подтверждается и самим характером записей. Так, например, к песне под № 29 («Туман, туман на долине») собирателем сделано примечание: «Эта песня взята у Данковских однодворцев в Мязинце». Публикуемая песня в тетради под № 22.

№ 45. Широко распространенная тюремная песня-баллада, по-видимому, сибирского происхождения (см. В. Г. Шомина. Тюремная песня «Ты воспой, воспой, жавороночек».— В сб.: «Фольклор как искусство слова», в. 1. Под ред. Н. И. Кравцова. М., изд-во МГУ, 1967, стр. 95—111). Помещена в тетради в 14 лл. (продолжение предыдущей рукописи). На л. 1—окончание песни под № 21. Текст публикуемой песни под № 23 (ед. хр. 12, л. 2—2 об.). Встречается в рукописных песенниках XVIII в. (см. Чернышев, стр. 132 — текст этой песни из рукописного песенника 1767 г.). Вар.: *НС* № 1403, 2068, 2482; Соб., т. VI, № 485—494.

№ 46. Рекрутская песня. Помещена на отдельных, должно быть вырванных из тетради листах (ед. хр. 10, лл. 3 об. и 4, в рукописи № 8). Общий заголовок: «Песни, замеченные в Тверской губернии». Вар.: *НС* № 2979.

№ 47. В рукописи под № 9. Рекрутская песня. Вар.: *НС* № 1696, 2104.

№ 48. В рукописи под № 10. Солдатская песня об эпохе Петра I. Вар.: *НС* № 1274; Соб., т. VI, № 181—184.

Н. А. КОСТРОВ

Публикация П. Д. Ухова

Вступительная статья и комментарии З. И. Власовой

Николай Алексеевич князь *Костров* (1823—1881) известен как писатель, этнограф и общественный деятель Сибири [1].

В 1923 г., когда Восточносибирский отдел Русского географического общества отмечал столетие со дня рождения Н. А. Кострова, было выявлено около 130 его печатных работ и статей. Однако литература о нем незначительна и сводится лишь к коротким упоминаниям [2]. Исключение представляют небольшие заметки в старых энциклопедических словарях и статья О. А. Зеленикиной в «Этнографическом бюллетене» 1923 года.

Костров происходил из старинного, но обедневшего княжеского рода. В 1843 г. он окончил юридический факультет Московского университета, а в 1846 г. получил службу в Сибири, и вся его дальнейшая разнообразная деятельность связана с этим краем. Он был чиновником особых поручений при енисейском губернаторе, минусинским окружным начальником, секретарем статистического комитета и т. д.

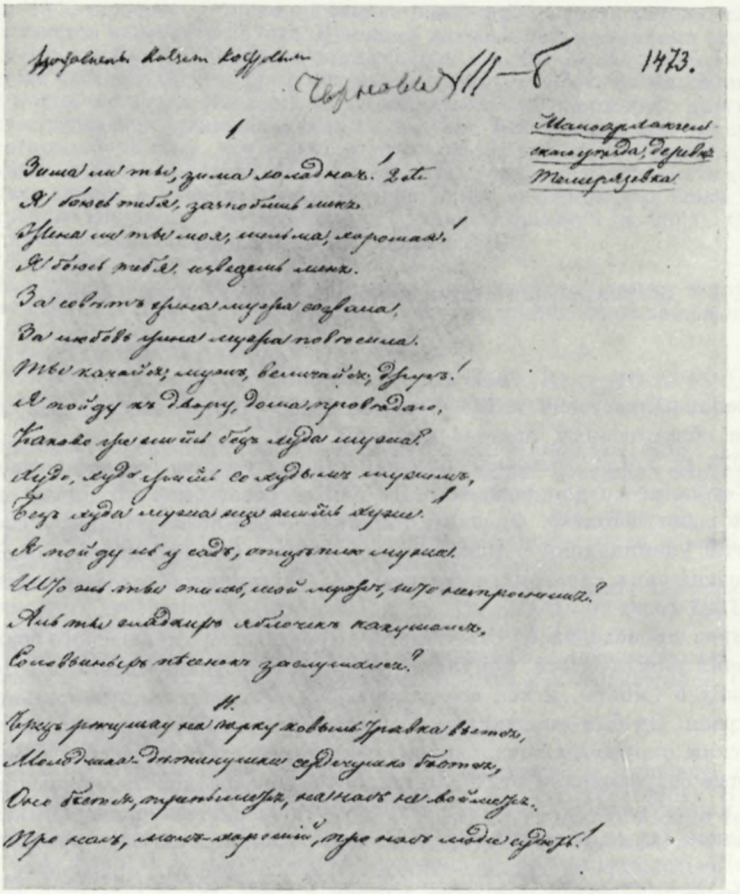
Многие современники отмечали широкую образованность, исключительное трудолюбие и незаурядность натуры Кострова. Этнографические очерки, книги и статьи его касались самых разных вопросов: этнографии и фольклора русского населения Сибири, отдельных сибирских народностей, географии, археологии, статистики, политэкономии, естественных наук, медицины, правоведения и сельского хозяйства. В течение тридцати лет он был деятельным членом Сибирского отдела Русского географического общества.

Деятельность Кострова в короткий «досибирский» период его жизни в науке почти не освещалась, хотя именно к этому времени относится его работа, связанная с участием в собирании песен вместе с П. И. Якушкиным для Киреевского (кратко упоминает об этом в «Истории русской фольклористики» М. К. Азадовский).

С Якушкиным Костров сблизился и, очевидно, подружился в студенческие годы. Он неоднократно участвовал вместе с ним в экспедициях за песнями. У матери Кострова было крошечное имение в Орловской губ., откуда был родом и Якушкин. Вероятно, они встречались и здесь.

В архиве Киреевского сохранились восемь из десяти тетрадей, озаглавленных «Русские народные песни, собранные летом 1843 г.». Бóльшая часть песен записана Якушкиным, но есть среди них тетрадь: «Песни, записанные в Малоархангельском уезде Якушкиным и кн. Костровым» [3]. Слова «записанные» и «кн. Костровым» написаны рукой Якушкина.

Сохранились тетради с записями, сделанными ими в с. Крутое, Красное и Сабурово Малоархангельского уезда. На тетрадях имеется номер — 60, поставленный карандашом. Так были перенумерованы все материалы Киреевского после его смерти, и по ним составлена опись [4]. В ней против № 60 значится: «Малоархангельские. Я⟨кушкин⟩ К⟨остров⟩». Вместе они записывали песни в Жиздринском и Лихвинском у. Калужской губ. (между прочим, с. Долбино, родовое имение Киреевских, входило в Лихвинский уезд). Записи Якушкина и Кострова из этих уездов не датированы, но, по-видимому, относятся к 1840-м годам. В «Новой серии» опубликованы сва-



Доставлены Князем Костровым

Черновые III—8 1473.

Малоархангельск. уезда, Деревня Темерязевка

1

Зима ли ты, зима холодная! 2 раз.
Я бью тебя, заколотив меня.
Весна ли ты моя, мила ма, хороша!
Я бью тебя, изведешь меня.
За совет твоя мудра содрала,
За любовь твоя мудра повесила.
Ты кахайся, мудра, великайся, друг!
Я пойду на двору, дома, провождаю,
Какова грешной бедна муда мудра?
Худо, худо грешной со худыми мудрами,
Бедна муда мудра ищо лишней хуже.
Я пойду на у сад, отцветно мудра.
Что ты, ты спишь, мой мудрой, что растроенна?
Аль ты слушаешь яблочки кахушаешь,
Соловьиных песенок засмушалась?

II.

Через речушку на горку ковыль-травка вьется,
Молодчика-добранушка сердешнаго бьется,
Все бьется, страдимурка, на нас на вой мурка.
Пре нас, мой хороший, пре нас люди судят!

«ЗИМА ЛИ ТЫ, ЗИМА ХОЛОДНАЯ...» и «ЧЕРЕЗ РЕЧУШКУ НА ГОРКУ КОВЫЛЬ-ТРАВКА ВЬЕТСЯ...» (начальные строки) — **ПЕСНИ ИЗ ТЕТРАДИ Н. А. КОСТРОВА**

Копии записей Кострова, сделанных в деревне Темерязевка, Малоархангельского уезда, Орловской губернии, 1843

Сверху на листе помета П. В. Киреевского: «Доставлены князем Костровым» и индекс рукой П. И. Якушкина

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

дебные песни, записанные Костровым в с. Крутое (№ 581—583, 811—820), Красное (№ 584—587), в дер. Темерязевка (№ 588—591) Малоархангельского у.; необрядовые лирические (№ 2023—2030а) без указания его имени и места записи; там же опубликованы № 2378, 2683, 2770, 2875, а также записанные вместе с Якушкиным № 1993—2022, из которых П. Д. Ухов, обнаруживший в Государственном Историческом музее еще одну тетрадь Кострова, считает лично им записанными № 1999, 2013—2015, 2021 (рукопись П. Д. Ухова).

Черновых записей Кострова в архиве Киреевского не сохранилось, они передавались последнему в перебеленном виде, поэтому нельзя судить обо всех качественных сторонах и принципах записи. Песни несомненно как-то редактировались, фонетические особенности говора почти не сохранены. Однако Костров, как и Якушкин, записывал песни с голоса. Об этом свидетельствуют повторения слов, тщательно сохраняемые им, вставки отдельных слогов и частиц, характерные для исполнения протяжных песен:

Ах, да не мила-та ли мне, мила мне, добру молодцу, мила мне здешняя сторонушка...

Общение с Якушкиным и, вероятно, с Киреевским, интерес к фольклору, проявившийся в университете, на всю жизнь определили характер дальнейших научных занятий и всей деятельности Кострова.

По долгу службы ему приходилось немало ездить по разным областям Сибири: Иркутская и Енисейская губ., Туруханский край, Минусинский округ и др. Его этнографические очерки и статьи, печатавшиеся в ряде журналов, возникали нередко на основе личных наблюдений и записей, сделанных во время служебных поездок. Костров сотрудничал в «Москвитянине», в «Записках Сибирского отделения» и «Вестнике» Русского географического общества, в «Журнале Министерства внутренних дел» и других органах 1850—1870-х гг. Отдельными изданиями вышли два его небольших труда: «Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии» (Томск, 1876) и «Очерки юридического быта якутов» (СПб., 1878). Множество статей и заметок фольклорно-этнографического характера публиковал Костров в газетах, выступая популяризатором и пропагандистом достижений науки. В «Сибирской газете», например, помещена одна из такого рода статей — «Народные предания татар о Кучуме и Ермаке» (1881, № 2).

В этнографических очерках об отдельных племенах сибирских народностей он приводит образцы богатырских и лирических песен, сказок, преданий, рассказывает о характере их исполнения. С большой художественностью написана им сцена заклинаний шамана, его беседа с духами, умело показано его незаурядное актерское мастерство в соединении с ловкостью фокусника и хитрым расчетом [5]. В работах Кострова нередко сообщаются общие этнографические и исторические сведения, даются характеристики фольклора местного населения. Особенно важны его труды по русской этнографии: «Онские селения» (1851), «Народные приметы крестьян — старожилов Минусинского округа» (1856), «Свадебные обряды минусинских крестьян» (1861) и др. Он не ограничивался только собственными наблюдениями, а широко привлекал и архивные источники: исторические акты, грамоты, договоры, купчие и т. д. Описывая бытовые условия жизни крестьян в разных местах Сибири, он объясняет положение крестьянства обстоятельствами исторического и социального характера.

Костров был знаком и дружен с самыми различными людьми из разных уголков Сибири. Многие из них были его корреспондентами и доставляли ему значительный и интересный материал. В работах Кострова не всегда даются сведения об исполнителях произведений фольклора и точные ссылки на места, где почерпнут материал, не в его обычае было придавать большое значение точным паспортным данным, но при публикации у него даются общие указания на источник или местность, а также — в какой среде произведена запись.

В свое время труды Кострова вполне отвечали требованиям этнографической науки (он был награжден Русским географическим обществом за свою этнографическую деятельность золотой медалью). Его статьи и очерки и сейчас важны как источник ценного в научном отношении и часто редкого фольклорно-этнографического материала.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. о нем статью: О. А. Зеленикина. Н. А. Костров.— «Этнографический бюллетень». Восточно-Сибирский отдел Русского географического о-ва, 1923, в. 4, стр. 1—4, а также: Азадовский. История русской фольклористики, т. I, стр. 336, 366, 406; т. II, стр. 26, 276.

[2] А. Варсов. Н. А. Костров.— «Отчет Русского географического общества за 1878 год». СПб., 1879, стр. 18—20; А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. IV. СПб., 1892, стр. 446; Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XI. СПб., 1897, стр. 435—436; Д. Д. Языков. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей, в. 1. М., 1903, стр. 32—35; В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. I, кн. 1. Киев, 1909.

[3] ЛБ, ф. 125, п. 54, лл. 2335—2350.

[4] *НС*, в. II, ч. 2, стр. IX—X.

[5] Н. А. Костров. Очерки быта минусинских татар.— «Труды IV археологического съезда в Казани». Казань, 1884, стр. 242—243.

№ 1

Зима ли ты, зима холодная! *2 etc*
Я боюсь тебя, зазнобишь меня.
Жена ли ты моя, шельма хорошая!
Я боюсь тебя, изведешь меня.
За совет жена мужа созвала,
За любовь жена мужа повесила.
Ты качайся, муж, величайся, друг!
Я пойду к двору, дома проведаю,
Каково же жить без худа мужа.
10 Худо, худо жить со худым мужем,
Без худа мужа еще жить хуже!
Я пойду ль у сад, отцеплю мужа.
Што ж ты спишь, мой муж, што не проснешься?
Аль ты сладких яблочек накушался,
Соловьиных песенок заслушался?

№ 2

Через речушку на горку ковыль-травка вьется,
Молодчика-детинушки сердечушка бьется,
Оно бьется-трепыщется, на нас не воймется.
Про нас, мил-хороший, про нас люди судють!
Пущай судють, пущай рядють, што я тебя люблю,
Я до тех пор любить стану, покуль сам отстану.
Возьму свою хорошую за правую ручку,
Поведу жь я, хорошую, во чистое поле.
В чистом поле при раздолье стояла береза*,
10 Што тонкая, высокая, листом широкая,
Как на той же на березе сидел сиз голубчик,
Такой сизенький голубчик, завдалый молодчик**.

№ 3

Соколик мой ясный, высоко ж, сокол, летаешь, меня спокидаешь;
Спокинул же мил на гóре, как корабль на море!
При великой-большой жизни, пиши ко мне письма.
Я пером писать не вмею, а просить не смею,
А просить же я не смею: писарей имею.
Писаря жь мои, зладеи, писем не доставють.

№ 4

Ех, ночи жь мои, ночи жь мои темныя,
Да вечера-та жь ли мои, вечера веселые!
Как усе жь та я думы-думушки передумала,

---

* Кажется, что конец этой песни, именно, начиная со стиха, означенного звездочкою, составляет другую песню, которую я слышал в селе Колпне. ⟨*Прим. Н. А. Кострова.*⟩

** Другая песня, оторванная от конца этой, продолжается так:

Я письма писать не вмею, а просить не смею,
Я пером писать не вмею, писарей имею,
Писаря ж мои, злодеи, письма изнутожуть.

Это же самое окончание встречается и в некоторых других песнях Малоархангельского уезда и на границах Курской губернии. Одну из них прилагаю здесь под № III. ⟨*Прим. Н. А. Кострова.*⟩

Што одна-та дума-думушка с ума нейдеть:
Кабы были у меня, были сизы крылушки,
Полетела бы я на свою сторонушку,
Поглядела бы я на своих деток малых,
Каково ужь они живуть без отца, без матери.

№ 5

На горушке калина, *2*
На возморье малина.
Молодая девчоночка
Молодчика любила,
За всю ночку до светочку
За рученьку водила:
— Пойдем, пойдем, девчоночка,
Пойдем с тобой в огород;
Пойдем, пойдем, девчоночка,
10 Поговорим мы с тобою.

№ 6

Солдатушки молодые,
Офицеры полковые,
Офицеры полковые —
В руках плетки шелковыя;
На плеточках фонаречки,
В фонаречках огулечки.
Выпал, выпал огулечик
На калиновый мосточик.
Подымались ветерочки,
10 Раздували огулечки:
Горят они не сгарають,—
Младца сердце занываить
По душе красной девице,
По названенькой сестрице.
— Подойди ко мне поближе,
Я скажу тебе словечко,
Обомреть твое сердечко:
Хочешь милый друг покинуть,
А другую полюбить,
20 Он восьмую-та — жену,
Да девятую — вдову,
Десятую — солдатку.
У солдатки
Губки сладки,
У солдата
Еще слаже.

№ 7

Как я устану ранешенько,
Приумоюсь белешенько,
Погоню жь я скотину на росу.
Мне сустретился ведмедь на лесу.

Я ведмедюшки испужалася,
За часты кусты металася.
Выпадали жолуди, жолуди,
Оставались одни тросточки.
Рассыпались мои косточки
10 По еловенькой досточки,
На чужих мужей глядючи:
У меня ль, молодешеньки,
Не велик мужичоночка.

Конец этой песни также поется отдельною песнею, начиная с двух последних стихов:

У меня ль, молодешеньки,
Не велик мужичоночка:
Йон весь с кулачоночка.
Надо мною надругается,
Над отецкою дочерью,
Над великою боярыней:
Заставляить разувать, раздевать,
Часты пуговки расстегивати,—
Его станить раздергивати.

№ 8

Ах ты, поле, мое поле, поле чистое!
Ты раздолье ли мое, раздолье широкое!
Да и што же та в поле, што в поле за травинька,
Во чистом поле у нас што да за муравинька?
Ах, ты когда взошла, когда ты выросла?
— Я весной взошла, я летом выросла,
Середь летечка я, ах, да залапушилась,
Што я осенью, травка, да засушилась.
— Ах, да вот и што же в поле, што за алой твет?
10 Да и што было ужь у нас, што за милой ли друг?
Ох, я и спать-та ляжу, да во сне грезится,
Ах, да будто мой-та ли милой предо мною йон стоить.
Ужь и я ли, млада, во сне испужалася.
— Ах, да я не вор к тебе пришел, ни разбойничик,—
А я прежний ли твой полюбовничик.

№ 9

Говорил ты мне, мил, приказывал,
Да честью-лестью, душа, уговаривал меня:
— Постепенней поживи, моя любушка,
Моя беленькая голубушка.
Я приказу твово, друг, мало слушалась:
Со иным я со дружком повадилася,
Поводившись я с другим, я побранилася.

№ 10

Ах, да не мила-та ли мне, мила мне, добру молодцу, мила мне здешняя сторонушка,
А постылее еще того мне, мой разлюбезный-та дружок, московская дорожка;

ДЕРЕВЕНСКИЙ ПРАЗДНИК
Литография П. Русселя, середина XIX в.
Исторический музей, Москва

Ах, да што по той ли, по этой дороженке ли нету ходу-езду,
Да только шел там, прошел удалой добрый молодец, йон прошел, провел красну девицу-душу.
С половины той дороженьки свово любезного дружка я ворочала:
— Воротися ли ты, милый, ужь ты, разголубчик ли ты мой, воротись, надёжа,
Да не воротишься ли ты, ужь ты, разголубчик мой, ступай — бог с тобою.

№ 11

Полынка, ты ли полынка, травка-полынь горькая!
Полынь-травка горькая в поле зародилась.
Не я ль тебя, полынь-травка, не я ль тебя сеяла?
Сама ль ты, злодей-травка, сама зародилася?
Заняла только ты, только в саду местечко,
В садочку-то место вдобное, место хлебородное.
Свети-ка ты, светел месяц, на всю темную ночь,
Штобы только видно было, куда милый мой пошел,
Пошел только разголубчик мой али вдоль да по улице,
Вдоль-та по улице, ах, по широкой йон в конец.

№ 12

Што за мот, за вдал добрый молодец,
Замотал йон свою-та головушку
Ох, да по чужой дальней по сторонушке!
Да сторона ль ты моя, сторонушка,
Ты чужедальняя, незнакомая!
Ах, у нас-то было со полуночи
Сокаталася с неба звездочка;
Ах, перепала ли младцу весточка,
Ему весточка-то нерадостная,
10 Нерадостная, невеселая:
Ах, да померла молодца сударушка,
Сударушка ли, красная девушка;
Што замёр мой у ей подарочик,
Мой подарочик у ей, золот перстень,
Да со правой ручки, со мизиньчика!
Ах, да я пойду жь ли я, добрый молодец,
Я со горюшка на конюший двор,
Замуздаю я коня неезжалого,
Ах, да я поеду я во собор-церкву,
20 Отслужу, молодец, панихидушку
По своей верной сударушке;
Узойду, молодец, на могилушку
Я к душе своей красной девице.
Расступися ты, мать-сыра земля,
Раскалися ты, гробова доска,
Ты проснись-устань, красна девица,
Ну, отдай же ты мой подарочик,
Мой подарочик-золот перстень,
Ну, возьми же ты свой шелков платок.

№ 13

Породила ли меня матушка несчастнаго на горе;
Породивши меня, родная матушка счастья ли, доли она не дала
Не дала мне только счастья-долюшки,— гулять волюшку младцу дала
Гуляй, гуляй, мое дитятко, по всем селам и гарадам,
Гуляй, гуляй, мое дитятко, на своем верном коню,
На своем же ты гуляй добром коню по чужой дальней стороне.

№ 14

— Ты скажи, скажи, моя разлюбезная,
Скажи, с кем стояла, с кем стояла ты?
Ты кого жь, кого жь, моя разлюбезная,
Кого дожидалась, дожидалась ты?
— Ты с чего, с чего, разголубчик мой,
С чего долго не был, долго не был ты?
— Я весной-та, весной, сударушка, не был,
Я не был за дождями сильными, за дождями;
Ужь я летом в тебе, сударушки,
10 Не был за работой, за работою;
Ужь я осенью-та в сударушки
Не был за заботой за великою.
Я зимой-та в тебя, сударушки,

Не был за снегами за глубокими.
Я постом-та в сударушки я не был,
Я не был за говеньем, за говеньем я;
О святой-та ли я в сударушки не был,
Я не был за гуляньем, за гуляньицем.

№ 15

Ужь я старого я мужа как-нибудь обману,
Скажу: по воду ходила, по стюденую воду,
Под елиною стояла, сильна дождя пержидала;
Я немного постояла, с милым дружком настоялась.
Ах ты, верная, манерная сударушка моя!
Ужь не ты ль меня, сударушка, высушила,
Без морозу без лютова сердце вызнобила?
Ты рассыпала печаль по моим ясным очам,
Ты пустила сухоту по мому животу,
10 Присушила русы кудри ко буйной голове!
Ужь 'на[1*] баила, манула на свою-та сторону:
— Перейди, друг, перейди, друг, на мою-та сторону!
— Я бы рад бы перешел, переходу не нашел,
Переходу не нашел, переезду нетути.
Ой ло, ой ли, оло, ло, ло, ло, ло, ло.

Припев этот повторяется за каждым стихом.

№ 16

Летить пава, 'на[1*] ронить перо.
Не жаль павы, жаль перушек,
Не жаль отца, жаль молодца!
Удалой молодец полюбил меня:
Йон и год любил и два любил,
На третий год за себя узял;
Но, взявши, йон на службу ушел.
Йон и год служил и два служил,
На третий год ко двору пришел.
10 Его жена встрела середи поля,
А сестры встрели середи двора,
А мать встрела супротив крыльца
А и мать сыну расплакалась,
'На[1*] расплакалась и разжалилась:
— Уж ты, сын, ты мой сын, сын сукин сын!
Ты возьми, сын, свою саблю вострую,
Отсеки ты жене буйну голову:
Твоя жена, распутница,
Всех коней твоих позаездила,
20 Соколов твоих пораспродала,
Все меды твои пораскушала,
Все сады твои позасушены.
Размахнул молодец свою саблю вострую,
Йон отсек ли жене буйну голову —
Покатилась голова под добра коня.
— Ужь пойду я, молодец, с горя на конюшеньку,—
Ужь кони мои стоять, овес-сено едять;

[1*] 'на—она.— *Ред.*

Ужь пойду я, молодец, с горя в соколенку,—
Соколы мои сидять подчищаются;
30 Ужь пойду я, молодец, с горя в пасику,—
Меды стоят позаплесневели;
Ужь пойду я, молодец, во зеленый сад,—
Зелен сад стоит зеленешунек!
Закричал ли молодец громким голосом:
— Ну, не мать ты мне, не родимая,
А змея ты мне, змея лютая,
Змея лютая, подколодная;
Разлучила ты меня с молодой женой!
Ну, пойду жь я, молодец, в нову горенку,
40 В новой горенке колыбель висить,
В колыбелочке дитё кричить.
Я зальюсь, молодец, горючёй слезой,
Ужь и стану я дитё качать,
Ужь и стану я прибаюкивать:
— Баю, баю, мое дитятко,
Люлю, люлю, мое милое!
У тебя, дитё, нету матушки,
У меня, молодца, молодой жены!

№ 17

Вот далече ли, вот далече ли в поле на раздольицу,
Што не белая-та березонька к сырой земле клонится,
Не шелковая ковыль-травушка в поле расстилается,
Она стелется-расстилается полынь-горькая трава.
Што только горьчей тебя, моя травинька, горьчей во всем поле нет
Горьчей тебя в поле, травушка, одна служба царская,
Служба царская тебя ль, травушка, все государева.
Што не полно ли вам, солдатушки, горько на часах стоять.

№ 18

Разнесчастный удал добрый молодец!
Бесталанная его головушка!
Ни в чем молодцу бог талана не дал,
Што ни в батюшке, ни в матушке,
Ни в товаре, ни в товарищах,
Ни в душе ли красной девушке.
На то горе, на несчастьице,
Навязалася молодцу худа жена,
Што худа жена, некорыстная.
10 Я поеду, молодец, во Казань-город,
Я куплю жене черный кораб;
За кораб, молодец, дам 500 рублей,
Я гребцов найму, дам тысячу.
Я пущу кораб на Волгу́-реку,
Посажу жену на черно́й кораб;
Ужь я сам узойду на крутой берег,
Погляжу, молодец, как кораб плыветь.
Но кораб плыветь, што сокол летить,
Но гребцы гребуть, што крылом машуть,
20 А жена сидить, што боярыня.
Закричу, молодец, громким голосом:
— Воротись, жена, воротись, душа!
— Я бы рада воротилася, сердце камнем обратилося.

№ 19

Ужь ты, молодость моя молодецкая!
Ох, да ни видал ли я тебя ли, молодость,
Ты куда прошла, куда миновалася?
Што женил, женил меня сударь-батюшка,
Ох, да подговорщицей была родная матушка,
На такой женил шельме, на негоднице.
Она спать идеть, што она змея сипить,
На руку кладеть, она цаловать велить,
Цаловать велить, она укусить хочить.

№ 20

Как у Ванюшки заболела голова, голова
Со вчерашнего со зеленого вина, со вина.
Да надокучила нам холодная зима, зима,
Да и обрадуить нас тепло лето и весна, нас весна.
Да поразольются быстры речки, озера, озера,
Да порасстроится широк город Москва, город Москва,
Да пооткроются все трахтиры-погреба, все погреба.

№ 21

Шел мой милый друг рекою, а я крутым бережечком,
Манить правой йон рукою: — Воротись,— сказал,— назад!
Воротись,— сказал,— назад,— я забыл слово сказать.

ПОСИДЕЛКИ

Гравюра с рисунка П. П. Свиньина

Из книги: П. П. Свиньин. Картины России и быт ее разноплеменных народов. СПб., 1839

Скучно жить с милым в разлуке, воздыхать всегда по нем.
Прошло время дорогое, прошло лето и весна.
Друг, настало время злое: осень, хладная зима.
Все местечки обнажились, ручеечки не текуть;
В лужках травка истребилась, алой тветик не тветёть.
Нас с любезным разлучають, по нем плакать не велять,
10 Не велять по милом плакать, велять вздохи посылать.
Уж вы, вздохи, мои вздохи, вы тяжелые мои!
Полетите, мои вздохи, в ту прекрасну сторону,
Вы мне милого сыщите, вы скажите про тоску.

№ 22

Ты приятель, приятель, друг ты мой сердечный!
Позабыл ты, друг, свое прежнее приятство,
Позабыл ты свое прежнее приятство,
Изменил, друг, свое верное словечко.
Ты со всеми у вечери, друг, простился,
Ты со мною ль, красной девкой, со мной постыдился.
Йон велел мне, мил, выходить во чистое поле,
Мил под темную зеленую дуброву,
Под белую под кудрявую березу.
10 Ужь я день, девка, до вечера стояла,
Свои резвыя ножки пристояла,
Свои белыя ручки примахала;
Ужь я голосом ему кричала,— мил не слышить,
Шелковым платком махала,— мил не видить.
Тяжелешенько вздохнула,— мил услышал,
С половины пути милый воротился,
Со мной, красной девкой, распростился.

№ 23

Ты сударушка, ты сударушка ты моя;
Да зажурила ты, забранила меня, молодца,
Ты журишь, ты бранишь, все любовь души к сердцу творишь
Чаешь ли, лапушка, што я иную, мой друг, полюбил?
Я по истинной по правде тобою, друг, побожусь,
Я одноё ли вить тебя, девушку, люблю,
По тебе ли, мой друг, свое здоровье, все здоровьице гублю;
Все селы я, все деревни, мой друг, презошёл,
Чище, краше ли тебя у мире, я милее тебя не нашел.

№ 24

Ты прости, ты прощай, милая,
Прости, лапушка моя дорогая.
Слышно, лапушка, нам с тобой расстаться,
Што нигде же нам с тобою не съезжаться,
Ни в пути ли нам с тобою, ни в дороженьке,
Ни в чужой ли нам с тобою, ни в сторонушке.
Слышно, лапушка, нам с тобой, милая,
Будить скорое нам с тобою расставанье.
Што я чую, молодец, чужую сторонушку,
10 Што не жди же ты, душа, скоро письма от меня.
Уж я сам, удал раздобрый молодец,

Я письма ли сам писать не вмею,
Писарей я в себя не имею,
Переслать к тебе письма, друг, не с кем,
Скорым поштьицем с тобою повидаюсь.

[№ 25

Ты о чем, моя кукушечка,
О чем ты кукуешь?
— Уж и как же мне, кукушечке,
Как не куковати?
Што один-то был у меня зеленой сад,—
И тот засыхаить.
Каки были листики,—
Усе обвалились.
— Што о чем же ты, красна девушка,
10 О чем слезно плачешь?
— Ну и как же мне, красной девушке,
Как слезно не плакать?
Што один-то был у меня мил сердечный друг,—
И тот спокидаить.
Отъезжаить мой сердечный друг
В другую губернию;
Легки писемцы мил сердечный друг
Никогда не пишить,
А словесно он, разлюбезный мой,
20 Никогда не накажить.
Остаюся я теперь несчастная,
Одна остаюся.

№ 26

Пошел молодец по базару гулять,
Да зашел молодец во царев во кабак,
Пóють молодца все его безденежно вином,
Сняли с молодца бел-китайчатый халат,
С разудалова шелков сняли кушак.
Да как доведалася сударушка его,
Запрягала 'на у карету ана лошадей,
Подъезжала 'на кы цареву кабаку,
Выкупала 'на бел-китайчатый халат,
10 Выкупала полушелковый кушак,
С резвых ноженек-та она сапоги.[1]

Коллекция песен, записанных Костровым, хранится в ЛБ, ф. 125, п. 48, лл.1473—1490. Песни записаны в тетрадь школьного формата из плотной, пожелтевшей от времени бумаги. Тетрадь без обложки; на первой странице вверху карандашом помета Киреевского: «Доставлены князем Костровым». Ниже другим почерком, тоже карандашом: «черновая — 111б». На полях указаны места записи песен — дер. Темерязевка и с. Крутое Малоархангельского у. Песни записаны чернилами и пронумерованы римскими цифрами (всего 34 текста). Десять песен из этой коллекции, свадебные и хороводные, опубликованы: *НС* (№ 582, 583, 588—591, 1141—1144, и одна в разделе песен, «не поддающихся точному определению места записи», без ссылки на собирателя — № 2683).

Песни публикуются в том же порядке, в каком они расположены в коллекции, с изъятием текстов, опубликованных ранее и одной нецензурной песни. В скобках после порядкового номера указаны порядковые номера текстов из тетради Кострова. В конце помещены две песни, найденные П. Д. Уховым в ГИМе (ф. 56).

№ 1 (I). Сокращенный вар. песни-баллады, известной с XVIII в. и популярной в центральных русских областях. Исследование сюжета — см. Балашов, стр. 389—390. Близкие и более полные вар.: *НС* № 1448; Шейн, в. 1, № 889; Соб., т. IV, № 585.

№ 2 (II). Лирическая протяжная, представляет контаминацию из двух песен, на что указывает и собиратель. Точных соответствий в печатных изданиях эта песня не имеет. По сюжетным мотивам близка к песне, известной с XVIII в. (Соб., т. III, № 406).

№ 3 (III). Фрагмент лирической протяжной песни. См. Шейн, в. 1, № 716.

№ 4 (IV). Фрагмент лирической частой песни. Точных соответствий в печатных изданиях не найдено. Вар. см.: *НС* № 2073; Соб., т. V, № 815—825.

№ 5 (V). Фрагмент лирической протяжной песни. См. Соб., т. V, № 353.

№ 6 (X). Лирическая частая песня, довольно редкая в печатных фольклорных собраниях. Вар. ее с другой концовкой — см.: Соб., т. VI, № 318.

№ 7 (XI). Широко распространенная плясовая песня, известная с XVIII в. Распространена с запевом «У людей мужовья добры». Вар.: Кашин, № 81; *НС* № 2502; Шейн, в. 1, № 611.

№ 8 (XII). Протяжная лирическая песня с очень распространенным запевом. Отдельные ее части встречаются в других протяжных лирических песнях (*НС* № 2121; Шейн, в. 1, № 804; Соб., т. V, № 721 и др.). Точных соответствий в печатных сборниках не имеет.

№ 9 (XIII). Протяжная лирическая песня, известная в XIX в. во многих вар. Данный текст очень краток. См.: *НС* № 1696, 2104, 2201; Соб., т. V, № 217—219; Листопадов, ч. 2, № 25; Песни Печоры, № 54.

№ 10 (XIV). Протяжная лирическая песня. В печатных песенных собраниях не встречена. Ср.: Соб., т. VI, № 231. Запись производилась с голоса, сохраняются повторения и вставки внутри строки.

№ 11 (XV). Протяжная лирическая песня, не редкая в печатных песенных собраниях. Вар.: *НС* № 1952, 2092 (ср.: № 2442); Шейн, в. 1, № 741.

№ 12 (XVI). Протяжная лирическая песня. В записи Кострова отличается хорошей сохранностью текста. В XIX в. широко распространена в центральных русских областях. Вар.: *НС* № 1640; Шейн, в. 1, № 805.

№ 13 (XVII). Фрагмент протяжной лирической песни, исполнявшейся в быту в качестве рекрутской. Вар.: *НС* № 2316, 2806; ср. также — № 1951, 2253, 2354.

№ 14 (XVIII). Протяжная лирическая песня любовного цикла. В печатных песенных собраниях не встречена.

№ 15 (XIX). Частая лирическая песня; исполнялась как хороводная и как плясовая. Известна с запевом «Верная, манерная сударушка моя». В XIX в. широко распространена с разными запевами и в разных вар.: *НС* № 1709; Соб., т. III, № 462—471.

№ 16 (XXIII). Песня-баллада с широко известным сюжетом «оклеветанная жена». Данный текст сохраняет все особенности старейшей версии этого сюжета (см. Балашов, стр. 382). Вар.: *НС* № 1703; Шейн, в. 1, № 896.

№ 17 (XXIV). Рекрутская песня, в наше время очень редкая. В печатных сборниках близких вар. не найдено. Записана с голоса.

№ 18 (XXV). Песня балладного типа, более распространена с запевом «Ах ты, молодость, моя молодость,/ Молодость моя молодецкая». Известна в публикациях с XVIII в. Вар.: Шейн, в. 1, № 868—871; Соб., т. III, № 515—522; Балашов, стр. 90, 385.

№ 19 (XXVI). Краткий вар. протяжной лирической песни, известной с XVIII в. См. Кашин, № 28.

№ 20 (XXVII). Фрагмент протяжной лирической песни, редкой в печатных песенных собраниях. Вар.: *НС* № 2477.

№ 21 (XXVIII). Протяжная лирическая песня, более распространенная с запевом: «Уж вы, вздохи, мои вздохи». Вар.: Шейн, в. 1, № 718, 719; Соб., т. V, № 102; Песни Печоры, № 26.

№ 22 (XXIX). Протяжная лирическая песня, известная с XVIII в. Вторая часть ее встречается в песнях с другим сюжетом. Точных соответствий в печатных сборниках не встречено. Те же мотивы см.: Кашин, № 19; Истомин — Дютш, стр. 191—192; Песни Печоры, № 43.

№ 23 (XXX). Протяжная лирическая песня, известная с XVIII в. (см. Кашин, № 76); данный текст отличается: в верности клянется молодец, тогда как в тексте XVIII в.— девица. См. также: *НС* № 2263.

№ 24 (XXXI). Протяжная лирическая песня рекрутского цикла. Близких вар. в печатных сборниках не найдено.

№ 25. Протяжная лирическая песня, редкая. Близкий вар. ее записан Якушкиным тоже в Орловской губ. См. *НС* № 2115.

№ 26. Протяжная лирическая песня. Близких вар. в печатных песенных сборниках не найдено.

В. И. ДАЛЬ

Публикация П. Д. Ухова

Вступительная статья Г. Г. Шаповаловой

Комментарии Н. П. Колпаковой и Г. Г. Шаповаловой

В предисловии к изданию «Русских народных песен...» Киреевский, перечисляя тех, кто предоставлял ему материал для его труда, указал: «В. И. Даль — собрание песен уральских» [1]. О том, что Даль передал свои записи народных песен для Собрания Киреевского, упомянуто и Бессоновым в предисловии к выпуску 8 «Песен, собранных П. В. Киреевским»: «Из собрания собственно Киреевского на весь выпуск приходится только 53 номера. Нам помогло несколько вкладов последующего времени: пополнения от В. И. Даля, С. М. Любецкого...» [2]

Наконец и сам Даль писал об этом в «Напутном» к «Пословицам русского народа»: «Песни, коих у меня было впрочем немного, отослал я покойному П. В. Киреевскому; сказки стоп до шести, в том числе и много всякого вздору, А. Н. Афанасьеву; а на свою долю оставил одно: запасы для русского словаря» [3].

Диалектолог. лингвист, этнограф и фольклорист, Даль все силы отдал изучению быта и языка русского народа, собиранию его поэтического творчества — фольклора. «Всю жизнь свою я искал случая,— писал он,— поездить по Руси, знакомиться с бытом народа, почитая народ за ядро и корень, высшее сословие за цвет или плесень ⟨...⟩ Я не пропустил дня, чтобы не записать речь, слово, оборот на пополнение своих запасов» [4]. Интерес Даля к фольклору возник и развивался в пору борьбы философских и литературных течений второй трети XIX в. Воспитанные в традициях декабристской идеологии, представители оппозиционных направлений искали в фольклоре подтверждения сил, вольнолюбия, свободомыслия русского народа. С другой стороны, представители официальной народности и славянофильства пытались на материале фольклора обосновать реакционное представление об особом «духе русской народности». Для этих целей подхватывались и идеализировались как раз те стороны жизни и творчества крестьянских масс, которые являлись следствием многовековой «„бытовой приниженности“ крестьянства, его отсталости, косности и патриархальности» [5]. Отношение Даля к этим противостоящим друг другу направлениям фольклористических интересов в русской общественной мысли было сложно-противоречивым. Если Даль в своих теоретических работах стоял несомненно на консервативных позициях, придерживался реакционных взглядов, воспитанных в нем семьей и средой, в которой он рос, а также привитых ему в морском корпусе, то Даль как общественный деятель, этнограф, писатель, фольклорист, друг Пушкина и В. Ф. Одоевского — человек либерального направления [6]. Тут следует учитывать и его участие в подготовке проекта реформы отмены крепостного права, и соавторство в «Сельском чтении», и участие в Обществе посещения бедных. Не нужно забывать и того, что за «Сказки» Даль был подвергнут аресту, а «Пословицы русского народа» были осуждены цензурой и в течение десяти лет не могли выйти в свет.

Для характеристики Даля-фольклориста необходимо в первую очередь подчеркнуть, что он собирал весь материал, какой ему приходилось встречать, слышать, записывать, принимать от своих корреспондентов, руководствуясь лишь критерием подлинности. В этом его огромная заслуга. Несмотря на то, что Даль воспринимал русского мужика как искренно религиозного и верноподданного, научная честность

В. И. ДАЛЬ
Рисунок неизвестного художника (итальянский карандаш), 1830-е годы
Литературный музей, Москва

не позволяла ему ни прибегать к тенденциозному отбору материалов, ни, тем более, фальсифицировать их. Благодаря этой педантичной честности собирателя-фольклориста-этнографа Даля, мы сейчас располагаем неоценимым богатством — высокохудожественным материалом, отразившим подлинные мысли и чаяния русского народа во всем их многообразии.

Как вспоминает сам Даль, первая запись его относится к 1819 г., когда, по окончании Морского корпуса, он уехал из Петербурга к месту своего назначения в Николаев. По дороге он беседовал с крестьянами, ямщиками, и его поразила разница между тем русским языком, каким разговаривали в Морском корпусе, и тем языком, каким говорил простой народ. Когда везший его ямщик, чтобы как-то ободрить до костей промерзшего молодого мичмана, посмотрев на небо, сказал с надеждой: «Замолаживает!», и на вопрос Даля объяснил значение этого слова, в записной книжке будущего составителя «Толкового русского словаря» появилась первая запись: «Замолаживать — иначе пасмурнеть,— в Новгородской губернии значит заволакиваться тучами, говоря о небе, клониться к ненастью» [7].

Уже через несколько лет записи отдельных слов, оборотов речи, пословиц, поговорок, рассказов, песен занимали несколько объемистых тетрадей, исписанных бисерным почерком Даля. Улавливать на слух и записывать все художественно ценное, своеобразное, оригинальное, что давала речь простого русского народа, стало всепоглощающей страстью Даля.

В турецком походе 1829—1830 гг., в котором Даль, досрочно окончив медицинский факультет Дерптского университета, принимал участие как военный врач, тюки с его записями возил вьючный верблюд. «Беседа с солдатами всех местностей широкой Руси доставляла мне обильные запасы для изучения языка...»,— писал Даль [8]. У Даля — диалектолога и фольклориста — вырабатывается свой метод собирания материала. «Нигде это не было так удобно,— говаривал он,— как в походах. Бывало на дневке где-нибудь соберешь вокруг себя солдат из разных мест, да и начнешь расспрашивать, как такой-то предмет в той губернии зовется, как в другой, в третьей; заглянешь в книжку, а там уже целая вереница областных наречий» [9].

Эту огромную собирательскую работу Даль не прерывал до конца жизни. Различные обстоятельства, заставлявшие его неоднократно изменять место и характер работы, способствовали географически областному разнообразию и широте его фольклорно-лингвистических записей.

Так, находясь в Оренбурге (1833—1841), куда пригласил его на службу в качестве секретаря генерал-губернатор Оренбурга В. А. Перовский, Даль, обследуя положение в Уральском казачьем войске, много ездит по Уралу, не прекращая пристального изучения края, отмечая для себя его этнографические особенности, записывая фольклор. Когда в Оренбург приехал Пушкин (1833 г.), для того, чтобы собирать на месте материал для «Истории Пугачева», Даль уже мог предложить ему краеведческую помощь в этой работе [10].

Даже в Петербурге (1841—1848), служа по удельному ведомству у министра внутренних дел Л. А. Перовского, Даль активно пополнял свой рабочий архив [11]. Было широко известно, что вне служебного кабинета Даль никаких разговоров служебного порядка не вел (по вопросам получения места, награды и т. п.). «Двери его квартиры на четвертом этаже дома за Александринским театром были наглухо закрыты для посетителей, независимо от состояния и родовитости. Зато всякий знатный ли, незнатный ли, всякий совершенно даже безвестный человек, если приносил казаку Луганскому несколько областных слов или несколько пословиц или поговорок, с самым теплым участием был принимаем в его семействе. Но ему там и заикнуться не давали о службе или делах» [12]. В этой же квартире на одном из четвергов, когда у Даля обычно собирались литераторы, ученые, музыканты, люди мысли, слова и искусства, «зародилась и выработалась мысль об учреждении Русского географического общества».

В 1845 г. Л. А. Перовский получил разрешение на учреждение этого Общества. Имя Даля числится среди его членов-учредителей. В архив Общества Даль передал и большое количество фольклорных материалов, присланных и переданных ему его корреспондентами [13].

Не оставлял Даль своей собирательской деятельности и в Нижнем-Новгороде, где он служил (1849—1859) в должности управляющего местной удельной конторой. Служебная работа на этом посту была связана с постоянными разъездами по губернии, что помогло Далю собирать разнообразный этнографический материал [14]. В Нижнем-Новгороде Даль начинает классифицировать свои несметные сокровища записей и приступает к составлению сборника пословиц и «Толкового словаря».

Еще в Дерпте, где Даль учился на медицинском факультете университета, он знакомится с Жуковским [15]. Через Жуковского Даль сближается с Языковым, Дельвигом, Крыловым, В. Ф. Одоевским, братьями Перовскими, Пушкиным. Это окружение сыграло большую роль в формировании философских вглядов Даля и отразилось на занятиях литературой.

Датчанин по происхождению, русский по воспитанию, Даль мыслями и душой был истинно русским человеком. Вспоминая о своей поездке в Копенгаген, которую совершил еще будучи гардемарином Морского корпуса, он рассказывал: «Когда я плыл к берегам Дании, меня сильно занимало то, что увижу я отечество моих предков, мое отечество. Ступив на берег Дании, я на первых же порах окончательно убедился, что отечество мое Россия, что нет у меня ничего общего с отечеством моих предков...» [16]. И это ярко проявилось в устремлениях и интересах Даля. Его неиссякаемая любовь к народному быту и языку глубоко импонировала Пушкину, который сам пристально

наблюдал жизнь народа, записывал отдельные народные слова, песни, сказки, использовал их в своих произведениях. Пушкин деятельно ободрял Даля в намерении собрать словарь живого народного русского языка, «перечитывал вместе с ним его сборник и пополнял своими сообщениями» [17].

В 1832 г. Даль издает свои «Русские сказки из предания изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приноровленные и поговорками ходячими украшенные казаком Луганским. Пяток первый». Пушкин восторженно приветствует эту книжку и вскоре дарит Далю «Сказку о золотом петушке» с надписью: «Твоя от твоих! Сказочнику казаку Луганскому сказочник Александр Пушкин». Духовная близость между Далем и Пушкиным, возникшая на почве литературных интересов, переходит в дружбу.

В трагические для России дни 27—29 января 1837 г. приехавший из Оренбурга в Петербург Даль неотлучно находился у постели Пушкина, принял его последний вздох. Умирающий поэт подарил ему и свой талисман — перстень с изумрудом и завещал «выползину» — как он называл свой сюртук, в котором был ранен.

Если для Пушкина мир сказочной фантастики и народной поэзии открыла Арина Родионовна, то и Далю на всю жизнь привила любовь к фольклору нянька Соломонида [18].

Все беллетристические произведения Даля проникнуты глубоким знанием этнографии и фольклора, быта русского народа, народного языка, пословицами и поговорками. Это внимательное проникновение в народный быт дало себя знать уже в первом произведении Даля, напечатанном в «Московском телеграфе», повести «Цыганка» [19]. Вслед за сказками Даль публикует ряд повестей из русского быта: «Бедовик», «Колбасники и бородачи», «Павел Алексеевич Игривый» [20].

Живя в Оренбурге и изучив быт киргизов и уральских казаков, Даль пишет рассказы: «Бакей и Мауляна», «Майна», «Башкирская русалка», восточную сказку «Бараны». Далее эта традиция писать повести и рассказы на подлинном этнографическом материале проявилась и в ряде других рассказов и повестей — «Болгарка», «Подолянка», «Уральский казак». Различные фольклорные жанры Даль использует в своих беллетристических произведениях по-разному. Он, например, пересказывает содержание известных народных сказок, сохраняя их поэтическую и языковую форму. Сам Даль (говоря о себе, как о писателе, в третьем лице) пояснил: «Не сказки по себе были ему важны, а русское слово, которое у нас в таком загоне, что ему нельзя было показаться в люди без особого предлога и повода,— и сказка послужила предлогом.

Писатель задал себе задачу познакомить земляков своих сколько-нибудь с народным языком, с говором, которому открывался такой вольный разгул и широкий простор в народной сказке» [21]. К сказочным сюжетам и образам Даль обращается и тогда, когда, по настоянию Пушкина, пишет пьесу, «старую бывальщину в лицах»,—«Ночь на распутьи, или Утро вечера мудренее». В этой пьесе соответственно ее фантастическому содержанию действовали Домовой, Оборотень, Леший, Водяной, Русалки и другие сказочные персонажи. Даль рассказывал, что Глинка не раз ему говаривал, «что после „Руслана и Людмилы“ он непременно примется за „Ночь на распутьи“. И какое бы в самом деле прекрасное либретто для русской оперы можно было сделать из этой „старой бывальщины“» [22].

Песни Даль использует в рассказе «Где потеряешь — не чаешь, где найдешь — не знаешь» [23]. Он поставил перед собой задачу показать красоту, искренность русской народной песни, ее глубокую эмоциональность, силу исключительного эстетического воздействия подлинной народной песни на слушателей. Чтобы подчеркнуть эту задачу рассказа, он дал ему подзаголовок — «Ключ, лад и строй песни». Речь в рассказе идет о том, как проезжий барин останавливается в одной из деревень, где все население по случаю праздника «гуляло под релями» (качелями). В одном из кружков затянули песню. «Заправлял» песельниками старик. Указав на группу певцов и певиц, старик заметил, что «из этой семьи уже не один малый попал в придворные певчие». На просьбу барина спеть старинную песню, «старик затянул, а прочие стройно приставали, подхватывали и выносили...» Они спели две песни: 1) Братья берут в полон мо-

ряночку, оказавшуюся их сестрой,— «Как во городе, в царе-Киеве, тут жила была молода вдова...»; 2) Мать попадает в татарский плен и качает внука — «Как за той-то, за той-то за Дарьей рекой». В сноске Даль приводит пояснение: «Обе песни эти списаны со слов как они поются в народе в Оренбургской губернии». Там же приводится и еще одна песня: «Не сизы туманы из-за гор-горы поднималися» [24].

Называя себя «проезжим», Даль в конце еще раз подчеркивает, как очевидец, огромную роль эстетического воздействия песни на слушателей.

В рассказе «Отставной» Даль описывает свадебные причеты [25]. В повести «Павел Алексеевич Игривый» он дает реалистическую картину рассказывания сказки [26].

Пословицы, поговорки, идиоматические выражения обильно уснащают речь героев из простонародья во всех беллетристических произведениях Даля. Использует Даль пословицы и в качестве заглавий («В поле съезжаются — родом не считаются», «Где потеряешь — не чаешь, где найдешь — не знаешь») и в качестве эпиграфов.

Особые подборки загадок и пословиц приводятся Далем в специальных книжках для солдатского и матросского чтения — «Солдатские досуги» (1834) и «Матросские досуги» (1851).

Белинский высоко оценивает этот своеобразный литературный «почерк» Даля. Великолепное знание этнографии, фольклора, быта — это было как раз то, что соответствовало требованиям «натуральной школы»: «...изо всех наших писателей, не исключая и Гоголя, он особенное внимание обращает на простой народ, и видно, что он долго и с участием изучал его, знает его быт до малейших подробностей, знает, чем владимирский крестьянин отличается от тверского, и в отношении к оттенкам нравов и в отношении к способам жизни и промыслам» [27]. Принимая тезис об историческом значении фольклора, об органической связи жизни народа с его фольклором, Белинский понимал и то значение, какое придавало художественному произведению умелое использование в нем фольклора, а Даль этим методом владел в совершенстве. Белинский писал: «После Гоголя это до сих пор решительно первый талант в русской литературе» [28]. Именно поэтому он призывал издать собрание сочинений Даля, наряду с сочинениями Пушкина и Гоголя: «...думаем, что тот затеял бы хорошее дело, кто собрал бы в одну книгу все повести, доныне изданные особо или рассеянные по журналам: Пушкина, Гоголя, Лермонтова, князя Одоевского, графа Соллогуба, Даля, Павлова...» [29].

В 1861 г. издано первое «Полное собрание сочинений Владимира Даля (Казака Луганского)» в двенадцати томах, куда вошли все его беллетристические произведения. Но основными трудами его жизни, прошедшими испытание временем и являющимися и сейчас настольными книгами, базой для работы лингвистов и фольклористов, все же оказались «Толковый словарь живого великорусского языка» (1861—1868) и «Пословицы русского народа» (1862). Для этих двух монументальных трудов Даль накапливал материал в течение всей своей долгой жизни.

В октябре (28-го) 1859 г. Даль переселяется в Москву «...с целью опознаться наконец на досуге с громадным запасом накопленных в течение целой жизни заметок и приступить к их обнародованию» [30]. Он отдает записи песен, сказок и других фольклорных жанров заинтересованным лицам, а себе оставляет лишь все, относящееся к словарю и сборнику пословиц.

К сожалению его личный архив до нас почти не дошел. Есть сведения, что два сундука с рукописями Даля бережно хранились его дочерьми в Нижнем-Новгороде, но сгорели во время пожара. В надежде, что хоть что-либо удастся найти, Горький писал в редакцию «Литературного наследства» (в 1931 или 1932 году), что необходимо «обследовать нижегородский литературный музей, где возможны документы Даля, Боборыкина, Добролюбова» [31]. Но эти поиски не увенчались успехом. Как теперь мы можем себе представить, бумаги Даля оказались рассредоточенными по различным архивохранилищам: Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом), Географическое общество СССР, Центральный государственный исторический архив. Наибольшее же количество именно фольклорных материалов Даля хранится в Рукописном отделе Гос. Библиотеки СССР им. В. И. Ленина и в Гос. Историческом музее. Это материалы, входящие в основном в состав Собрания Киреевского.

Во всем издании «Песен, собранных П. В. Киреевским», включая «Новую серию», опубликовано лишь 150 песен различных жанров, имеющих отношение к Далю. Главным образом это записи из тетради «Уральские песни» (ЛБ, ф. 125, п. 53, лл. 21—31). Эта тетрадь титульного листа не имеет, почерк не Даля. На первом листе надпись: «Песни», а сверху рукою Киреевского приписано: «уральские». Как утверждает Бессонов, эта тетрадь была передана Далем. С указанием имени Даля в Собрание включены былины (10 №), исторические песни (43 №), песни свадебные (51 №), хороводные и плясовые (16 №), лирические (10 №). Помимо личных записей Даля опубликованы записи, сделанные его корреспондентами, наиболее активными из которых были А. Харитонов, Портов, Г. Борисов.

П. Д. Ухов, открывший новые материалы из Собрания Киреевского, излагал свои наблюдения над вкладом Даля в это Собрание следующим образом: в «Песнях, собранных П. В. Киреевским» с именем Даля «напечатано довольно много текстов: „Убиение царевича Дмитрия“ (VII, 1, в разночт.); „Смерть Алексея Михайловича“ (VII, 45); „Казнь стрельцов“ (VIII, 21); „Петр I и драгун“ (VIII, 37); „Казаки под Азовом“ (VIII, 77); „Казак перед царем“ (VIII, 100 и VIII, 103); „Евдокия Лопухина“ (VIII, 107); „Сборы Шведские“ (VIII, 116); „Шереметев“ (VIII, 123 и VIII, 123—124); „Смерть Петра I“ (VIII, 274); „Плач царицы о Петре I“ (VIII, 278); „Плач войска о Петре I“ (VIII, 281 и 292); „Князь Гагарин“ (VIII, 298); „Шведская война“ (IX, 82 и IX, 87); „Краснощеков“ (IX, 150, IX, 153, IX, 172); „Долгоруков“ (IX, 221); „Милиция в войске Яицком“ (IX, 244); „Пугачев“ (IX, 247); „Очаков“ (IX, 256); „Платов“ (X, 50); „Копейкин“ (X, 107); „Аракчеев“ (X, 209) 〈...〉 Под текстами песен, взятыми из этой тетради, в „Песнях, собранных П. В. Киреевским“ обычно сделаны пометы: „Прислано В. И. Далем“, „Сообщено В. И. Далем“, „От В. И. Даля“, „Доставлено В. И. Далем“. Лишь в двух случаях (VIII, 107 и X, 209) указано: „Записано и доставлено В. И. Далем“. Причем при тексте „Плач царицы“ (VIII, 107) Бессонов указывает: „Записано и доставлено нам В. И. Далем в 1861 году“. Действительно, этого текста в составе „Уральских песен“ нет. Характерно, что и в описи Якушкина фамилия В. И. Даля как собирателя песен нигде не значится (он фигурирует обычно как лицо, доставившее чужие записи). Те тексты, которые напечатаны с его именем, в описи обозначены индексом-паспортом „132-Б“, что означает „Уральские“ (без фамилии собирателя).

Однако издатели „Новой серии“ „Песен, собранных П. В. Киреевским“, перепечатав всю тетрадь „Уральских песен“, из которых все тексты, кроме трех, уже были напечатаны в первом собрании песен Киреевского (так называемой „Старой серии“), решительно заявили: „Песни 2520—2530[а] записаны и доставлены В. И. Далем“. Документа, на основании которого сделано столь решительное утверждение, не обнаружено.

Приходится признать, что тетрадь „Уральские песни“ исходила от В. И. Даля, поскольку П. А. Бессонов, числивший ее за ним, мог подтвердить достоверность сведений о ней у самого Даля при его жизни. Но доверяться показаниям Бессонова следует, как известно, с осторожностью: в паспортизации материала он был крайне безответствен, многие из перечисленных выше текстов зачислены Бессоновым за Далем, хотя они ему вовсе не принадлежат. Перечислим эти тексты, отсутствующие в тетради „Уральских песен“: 1. „Казаки под Азовом“ (VIII, 77). Она встречается в списке песен Языковых, и на основании этого списка (см. „Приложение № 3“) можно заключить, что она записана А. М. Языковым в с. Дубровки Мензелинского уезда. 2. „Сборы шведские“ (VIII, 116). Записана в с. Репьевке, Сызранского уезда, возможно П. М. Бестужевой. 3. „Восстание стрельцов“ (VIII, 21). Записана в с. Репьевке, должно быть, П. М. Бестужевой. 4. „Шведская война“ (IX, 82). Записана в с. Новоселки, Уфимского уезда. 5. „Шведская война“ (IX, 87). Записана в с. Языково, Симбирского уезда, очевидно, самим Н. М. Языковым. 6. „Долгоруков“ (IX, 221). Записана в с. Репьевке, Сызранского уезда. Очевидно, П. М. Бестужевой. 7. „Очаков“ (IX, 256). Записана в с. Новоселки Оренбургской губ. 8. „Платов“ (X, 50). Записана в д. Языково, Симбирского уезда, вероятно самим Н. М. Языковым. 9. „Копейкин“ (X, 107). Записана, очевидно, Н. М. Языковым в с. Языково.

В. И. ДАЛЬ В ХИВИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В. А. ПЕРОВСКОГО

Акварель В. И. Штернберга, 1839—1840 годы

Слева направо: татарский мулла, географ П. Чихачев, В. И. Даль, художник В. И. Штернберг этнограф Н. В. Ханыков, географ А. Леман, киргиз Курум-бай

Карандашные надписи на паспарту позднего происхождения

Литературный музей, Москва

Следующие из приписываемых В. И. Далю тексты — „Шереметьев" (VIII, 123 и VIII, 124); „Смерть Петра I" (VIII, 274); „Плач войска по Петре I" (VIII, 278, VIII, 281, VIII, 292, VIII, 298); „Краснощеков" (IX, 150, IX, 161, IX, 172) и „Аракчеев" (X, 209) — также в тетрадь „Уральских песен" не входят; никаких документов, устанавливающих их принадлежность тому или иному собирателю, не найдено; поэтому сказать определенно, принадлежат они Далю или нет, нельзя» (рукопись П. Д. Ухова).

Но еще больший материал остался неопубликованным и до сих пор скрыт в архивах от читателей. Так, в части архива Киреевского, хранящегося в Историческом музее (ф. 56), находится толстая сшитая тетрадь, формат в $^1/_2$ листа, исписанная крупным почерком (не Даля). Титульного листа у тетради нет, но на первом месте вверху надписано: «Свадебные обряды в горных заводах ⟨Урала⟩» (верхний правый угол листа оторван, поэтому слово «Урала» вставлено нами по догадке на основании содержания рукописи). Здесь же рукою Бессонова — «От В. И. Даля». В рукописи описывается свадебный обряд рабочих демидовских заводов с приложением большого количества свадебных песен и причитаний. Собирание творчества рабочих началось у нас довольно поздно; поэтому рукопись имеет особый интерес как одна из первых записей рабочего быта и фольклора в России.

«Свадебный обряд описан тут подробно и обстоятельно,— пишет работавший над этими материалами П. Д. Ухов.— Особенно ценны своеобразные фольклорные тексты. Причитания традиционны по содержанию и поэтике, но представляют собой полноцен-

ные произведения устной народной поэзии. Что же касается песен, то среди них имеется материал разнообразный: одна часть представляет собой варианты известных общерусских лирических и величальных песен свадебного цикла; другая — тексты, в которых традиционные фольклорные свадебные образы следуют друг за другом в необычных сочетаниях и этим создают редкие, малоизвестные (или совсем неизвестные в печати) образцы свадебной народной поэзии, в ряде случаев очень интересные для исследователя своим своеобразием» (рукопись). Это чрезвычайно интересное описание свадебного обряда на горных заводах Урала и предлагается ниже вниманию читателя.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Чтения», стр. V.
[2] *СС*, в. 8, стр. XXII.
[3] Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М., Гослитиздат, 1957, стр. 30.— В дальнейшем: Даль. Пословицы.
[4] А. Н. Пыпин. История русской этнографии. СПб., 1890, т. I, стр. 343—349.
[5] А. П. Скафтымов. Н. А. Добролюбов о фольклоре.— «Лит. критик», 1936, № 2, стр. 97.
[6] См. В. И. Чичеров. Сборник Владимира Даля «Пословицы русского народа».—Предисловие в кн.: «Пословицы русского народа. Сборник В. Даля». М., 1957, стр. VI—VIII; «История русской литературы», т. VII. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 511—571 («Проза сороковых годов»).
[7] П. И. Мельников. Владимир Иванович Даль. Критико-биографический очерк.— Полн. собр. соч. Владимира Даля (Казака Луганского), т. I. СПб.— М., 1897, стр. XVII (в дальнейшем: Мельников).
[8] Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. Часть первая. Напутное слово. М., 1863, стр. III.
[9] Мельников, стр. XX.
[10] См. об этом подробнее комментарий к «Песне пугачевского цикла» (стр. 501—502).
[11] Однако собирательская деятельность Даля не ограничилась лишь фольклорным и лингвистическим материалом. «Немногие из наших изыскателей обладали таким огромным запасом сведений о русском быте, как Даль. У него, между прочим, было едва ли не единственное по своему обилию собрание лубочных картинок...» (А. В. Никитенко. Отчеты ими. Академии наук по Отделению русского языка и литературы за 1866—1891 гг. СПб., 1903, стр. 179).— В настоящее время это собрание Даля находится в ГПБ.
[12] Мельников, стр. LV.
[13] Там же, стр. LV—LVI.
[14] С. Булич. Даль.— Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. X, кн. 19. СПб., 1893, стр. 47.
[15] Жуковский жил в Дерите у А. А. и А. Ф. Воейковых.
[16] Мельников, стр. XV—XVI.
[17] П. И. Бартенев. В. И. Даль.— «Русский архив», 1872, № 10, стб. 2026.— О взаимоотношениях Пушкина и Даля — см. комментарий М. А. Цявловского в РП, стр. 725—726.
[18] Е. Даль. Владимир Иванович Даль. (По воспоминаниям дочери). — «Русский вестник», 1879, июль, стр. 86.— Даль, как пишет его дочь, рассказывая о своей первой поездке в Данию и Швецию, вспоминал, что каменные скалы берегов Балтийского моря представлялись ему чем-то необыкновенным, и ему казалось, что «нянька Соломонида (от которой он бывало слушал столько сказок) унесла его в сказочный мир и, показав ему все волшебство этого мира, снова грубо кинула на землю».
[19] «Московский телеграф», 1830, № 21, стр. 36—57; № 22, стр. 165—185.
[20] «Отечественные записки», 1839, т. III и др.
[21] «Москвитянин», 1842, кн. 1, стр. 549—550.
[22] Мельников, стр. XLVII.
[23] В. И. Даль. Полн. собр. соч., т. I, стр. 180—208.
[24] Там же, стр. 201.
[25] Там же, стр. 315—323.
[26] Там же, стр. 5.
[27] Белинский, т. X, стр. 260.
[28] Белинский, т. IX, стр. 399.
[29] Белинский, т. V, стр. 158.
[30] П. И. Бартенев. Указ. статья, стб. 2030.
[31] М. Горький. Письма о литературе. М., «Сов. писатель», 1957, стр. 429.

⟨ПЕСНЯ ПУГАЧЕВСКОГО ЦИКЛА⟩

Яицки казаки-бунтовщики,
Дураки же большая была их часть,
Задумала в один час —
Генерала они убили.
В том их немало судили,
Государыня их простила,
Жить по-прежнему пустила.
Они, сердце разъяря,
Пошли искать себе царя.
Они полгода страдали,
Всё царя себе искали.
Нашли себе царя —
Донского казака
Емельяна Пугача.
Ко Гурьеву он подходил,
Ничего не ученил,
От Гурьева воротился,
Он тут силою скопился,
К Яику подходил,
Он из пушечек палил.
Илекские казаки —
Изменщики-дураки,
Без боя они и без драки передались...
В Илецке побывал,

ЕМЕЛЬЯН ПУГАЧЕВ
Гравюра Ш. Л. Руотта, 1784
Исторический музей, Москва

Антилерию заберал,
Рассыпную разбивал.
Из крепости Озерной
На помогу Рассыпной
Того месяца сентября
30 21 числа
В 1771 году
В Оренбурге-городу
Тогда приходили к нам новы вести,
Не бывать-то нам на месте.
Енерал-полковник сам
На коня он садился,
Он по полкам разъезжал,
Всем драгунам подтверждал:
— Господа драгуны,
40 Вы стреляйте не робейте,
Свинцу-пороху не жалейте,
Мы злодея изгубим,
Похвалу себе получим!
Емельян помолчал,
Громким голосом вскричал:
— Сказать тебе, боярин,
Что ты храбро поступил!
Закачались круты горы,
Затряслась мать-сыра земля,
50 Побежала рыба в глуби,
И в лесе птица из гнезда.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ В ГОРНЫХ ЗАВОДАХ ⟨УРАЛА⟩*

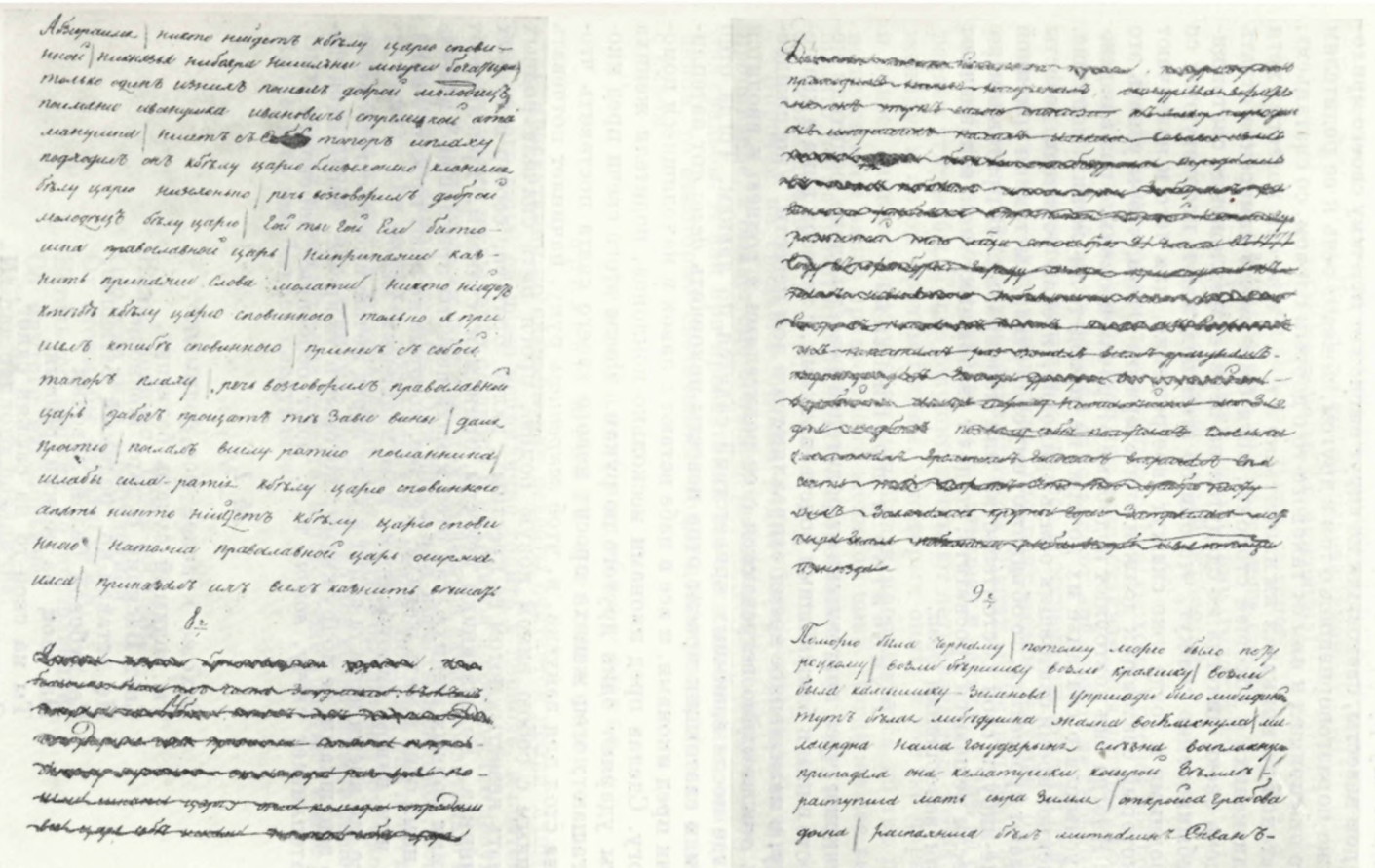
Ныне при свадьбах исполня⟨ется⟩* небольшая часть тех старинных обрядов, признаки коих сохраняются в преданиях и в свадебном вытье. Да и самые обряды эти, сохраняя общий характер, представляют много оттенков, смотря по достатку жениха и невесты и по их положению в обществе, которое делится здесь на два класса: на класс служащих и на класс мастеровых. Если родители жениха и невесты принадлежат к классу служащих и особенно если имеют порядочный достаток, тут свадьбы делаются более на барскую руку. Если же вступающие в брак принадлежат к классу мастеровых, то тут свадебные обычаи...* заключают в себе более материалов для этнографии, в которых слышны отголоски нашей старины. Поэтому и опишем здесь свадебные обряды, бывающие у мастеровых в Суксунском заводе.

1. СВАТАНЬЕ

Молодые люди, женихи и невесты, имеют случаи узнавать друг друга и знакомиться на свадебных девичниках, на святочных вечерах, на копотихах, супрядках, при весенних играх на улицах.

Родители сына, достигшего способного к вступлению в брак возраста, посоветовавшись между собою и с ближайшими родственниками, делают выбор невесты для своего сына, разумеется сообразившись с желанием жениха и принявши в счет состояние отца невесты, поведение, характер, рукодельно⟨сть⟩ и приданое, какое она может принести за собою. Выбрав невесту, решают, кого послать сватовщиком к ее родителям. Свататься посылают одного или двух из ближайших родственников жениха, преимущественно его крестного отца или крестную мать, а иногда ходит свататься

* *Здесь лист оборван.— Ред.*



«ЯИЦКИ КАЗАКИ-БУНТОВЩИКИ...» ПЕСНЯ ПУГАЧЕВСКОГО ЦИКЛА ИЗ ТЕТРАДИ В. И. ДАЛЯ, ПЕРЕДАННОЙ ИМ П. В. КИРЕЕВСКОМУ

Копия с записи Даля, относящейся, по всей вероятности, ко времени его пребывания в Оренбурге в 1830-х годах

Текст песни зачеркнут. Кем, когда и с какой целью это было сделано — не установлено.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

и сам отец жениха или мать. При отходе сватовщика к родителям невесты жених подает ему руку, чем и уполномочивает его начать сватанье. Пришедши в дом невесты, сватовщик не вдруг выскажет причину своего прихода, но, уже поразговорившись о том и другом, поведет речь к ее родителям о том, что он «пришел к ним от такового-то с добрым словом, со сватаньем», или что «такой-то приказал им кланяться» и т. д. Родители невесты, хотя бы и знали жениха с хорошей стороны, хотя бы и имели намерение отдать за него дочь свою, никогда не сдадутся на первое предложение сватовщиков, но обыкновенно скажут, что они об этом подумают, посоветуются со своими родными и тогда уже скажут свое решение, для чего и назначают день, в который сватовщик должен опять придти к ним, чтобы узнать это решение. Иногда они повторяют подобные отсрочки несколько раз в надежде, что, услышав о сватанье их дочери, не приедет ли жених получше. В назначенное время сватовщик опять приходит, и если родители невесты не вздумают просватать, то объявляют ему свой отказ, выставляя причиной его какие-нибудь свои обстоятельства или непоправки. В противном же случае, если решаются просватать, то дают сватовщику *слово* и назначают время для завершения *дела*.

Рукобитье и пропиванье

Получивши чрез сватовщика от родителей невесты слово, родители жениха вместе с ним и ближайшими родственниками, с запасом вина и квашеного меду, в назначенное время отправляются в дом невесты. Уже ожидаемые там, они вежливо встречаются с ее родителями и роднею и вводятся в избу, где после взаимных приветствий садятся по лавкам. Тогда отец жениха или сватовщик просит отца невесты покончить *дело*; тот затепливает свечи пред иконами, и все в избе встают с лавок и находящиеся помолятся богу. Сделав пред иконами несколько поклонов, родители жениха и невесты ударяют один другого по рукам. После этого свечи пред иконами загашают; отец жениха просит нового своего свата поставить что-нибудь на стол для закуски, и, чтоб *закрепить* руку, начинает потчевать принесенным с собою вином новую родню, прося пить сначала родных отца и мать невесты, потом ее крестных, далее братьев, сестер и прочих родственников. Родственники невесты, принимая стаканы, приглашают пить с ними родных жениха, так отец и мать невесты приглашают выпить вместе с ними отца и мать жениха. Тех же, которые не пьют простого вина, потчуют или вином виноградным, или квашеным медом.

Во все это время невеста сидит в углу перед печью вместе с приглашенными ею девушками, ее подружками, которые в то время, когда отец невесты затепливает свечу, *воют*, т. е. поют особенным напевом:

№ 1

Всхоже красное мое солнышко,
Ты родимый сударь батюшко,
Свет Василий сударь Иванович!
Не вставай-ко, родимый батюшко,
Со дубовой белой лавочки
На свои на ножки резвыя,
Ты на свой-то на сафьян сапог,
Середи пола дубового,
По конец стола кленового,
10 Перед чудного Спаса образа;
Не затепляй, родимый батюшко,
Ты свечи воскояровой,

Не давай-ко, родимый батюшко,
Свою правую рученьку
Ты чужому-то чуженину;
Не принимай, родимый батюшко,
Ты чару-то да зелена вина
От чужого-то от чуженина!
Не вино ты пьешь зеленое:
20 Ты мои-то пьешь горючи слезы;
Пропиваешь мою буйну головушку
Со хорошей девьей кра́сотой.

Это же самое воют матери, только слова: «всхоже красное мое солнышко» заменяют словами: «ты падкая моя, жалостливая, моя матушка родимая», и вместо: «на свой-то на сафьян сапог», поют: «на свой-то на сафьян башмак».

Когда окончится вытье и когда все родственники невесты будут попотчеваны, жених идет перед печь, где поит медом девушек, окружающих невесту, которая дарит жениха платком. Жених, приняв платок от невесты и поцеловав ее, потом отводит ее от девушек и садится с нею за стол в переднем углу избы. Тогда девушки начинают петь свадебные песни, сначала жениху, а потом прочим гостям, у которых опять в том же порядке, как и ранее, начинается круговая попойка и продолжается до тех пор, пока не истощится запас принесенного женихом вина. Когда же все вино будет выпито, тогда гости, простившись с хозяевами и друг с другом, расходятся по своим домам.

Впрочем на свадьбах бедных редко бывает при просватании особое пропиванье, а бывает оно большею частью вместе с обручением, накануне дня свадьбы. А как при просватании все-таки необходимо закрепить руку вином, то некоторые сватовщики ходят досватывать вместе с женихом и с вином.

Девичник. Свадебное вытье, приходы жениха с гостинцами

С просватания до свадьбы для невесты считается неприличным бывать вне своего дома, ей даже неприлично ходить в церковь, и поэтому она во все это время не выходит со двора и находится в сообществе девушек, подружек и родственниц, которые приглашаются ею к просватанью и остаются у ней до самой свадьбы. Они шьют для невесты приданое, состоящее в рубашках для жениха, полотенцах и прочем; по дням они поют проголосные песни и воют, а по вечерам играют. Вытье бывает по утру, около обеда, когда приходит какая-нибудь гостья, когда под вечер невеста чешет голову. Выть всегда начинает сама невеста, а потом уже пристают к ней девушки. Вытье в будни бывает следующее:

№ 2

По утру

Благослови-ко, боже-господи,
Ото сна мне пробудитися,
От стены бы откати⟨ти⟩ся,
Встать со мягкия со постелюшки,
Со крутого изголовьица,
Из-под теплого одеяличка;
Прогневить бы ретиво сердце,
Прослезить бы очи ясныя,
Пропустить бы реки слезныя,

10 Потопить бы мягку постелюшку
Со крутым изголовьицом,
С соболиным одеялечком,
Со кумами да со подружками!
Вы вставайте, мои голубушки!
Не пора вам спать,
Да вам пора вставать:
Закатился млад светел месяц,
Высоко взошло красно солнышко.
Я спала, млада, высыпалася,
20 Я ждала, млада, дожидалася
Я от батюшки побужденьица,
Я от матушки покликаньица.
Не побудит родимый батюшко
На работушку на тяжелую,
На страду, страду сенокосную;
Не покличет родимая матушка
На стряпню, стряпню суетливую,
На стряпню на ежеденную;
Не нарядит братец миленький
30 На Дунай-реку коня поить;
Не пошлет родимая сестрица
На Дунай-реку по свежу воду,—
Не знать-то, они меня жалеючи,
Не знать, вовсе избываючи.
Избывает родимый батюшко,
Будто ворога меня со города,
Избывает родимая матушка,
Как малу пташку из тепла гнезда,
Избывает братец миленький,
40 Как люта зверя из темна леса;
Избывает любезна сношенька,
Как худу траву со чиста поля,
Как худу траву подкошёную,
Подкошёную, да несгребеную!
Избывши, да меня хватятся,
Не во времечко догадаются,
Как попадет родимый батюшко
На страду, страду сенокосную.
Они вперед-то едут,— не хватятся,
50 Они взад-то поедут, меня хватятся,
Не во времечко догадаются:
«Как не стало у нас работницы,
Самолучшия сенокосницы!»

№ 3

Вытье в полдень

Что я, что я засиделася?
На кого я загляделася?
Веселых речей заслушалась?
Я сижу, млада, да посижу,
Я гляжу, млада, да погляжу
По высокому нову терему,
Я— по лавочкам, по скамеечкам,
Я— по кумушкам, по подруженькам.

Они все-то сидят по-старому,
10 Что по-старому да по-прежнему:
Буйны головы у них учесаны,
Трубчаты косы приуплетены,
В косах ввязаны алы ленточки,
Золоты ленты наложены.
Только я, млада, не по-старому,
Не по-старому да не по-прежнему:
Буйная голова не учесана;
Хоть учесана буйная голова,
Да учесана не гладешенько;
20 Хоть заплетена трубчата коса,
Да не мелкохонько она уплетена;
Хоть ввязана алая ленточка,
Да по конец моей трубчатой косы;
Хоть наложена золота лента,
Да поверх моей буйной головы!

№ 4

Вытье под вечер

На дворе-то да вечеряется,
День ко вечеру приближается,
Красное солнышко закатается,
Девий век мой коротается,
Трубчата коса расплетается,
Русы волосы рассыпаются
По моим-то по крутым плечам!
Как вечор было об эту пору,
Да малехонько поранее,
10 На закате красна солнышка,
На восходе светла месяца
Тут летел-летел млад ясен сокол,
Он махнул-махнул правым крылышком,
Черканул своим сизым перышком
По моему-то лицу белому,
Не велел он мне тужить-плакати,
По чужой дальней по сторонушке:
— Ты не плачь, не плачь, красна девица,
Не тужи ты, дочь отецкая,
20 Об чужой дальней сторонушке:
Как чужая-то дальня сторонушка
На красе стоит, на крутой горе,
Она задом стоит к лесу темному,
Передом стоит к красну солнышку,
Она весельицом огорожена,
Радостями испосеяна,
Медом, патокой исполевана.
Как вечор было об эту пору,
Да малехонько поранее,
30 На закате красна солнышка,
На восходе светла месяца
Тут летела бела лебедушка,
Она махнула правым крылышком,
Черканула сизым перышком
По моему ретиву сердцу,

Она велела мне тужить-плакати
По чужой дальней сторонушке:
— Ты поплачь-поплачь, красна девица,
Потужи ты, дочь отецкая,
40 По чужой-то дальней сторонушке.
Как чужая-то дальня сторонушка
По край стоит света белого,
По конец мира крещеного,
Она задом стоит к красну солнышку,
Передом стоит к лесу темному,
Она тоскою огорожена,
Она печалью испосеяна,
Она слезами исполевана.

№ 5

Вытье вечером накануне какого-нибудь праздника

Завтра, завтра большой праздничек,
Завтра светлое воскресеньицо;
Уж как выпустит судья праведный
Из тюрьмы потюремщичков,
Из приказов посидельщичков:
Не отпустит родимый батюшко
Меня во матушку во божью церковь!

№ 6

Вытье в праздник поутру

Сизыя вы мои голубушки,
Белыя вы мои лебедушки!
Не пора вам спать,
Да вам пора вставать:
Что пропели ранние петухи,
Что прошел-прошел колокольный звон;
Ото сна люди пробудилися,
Ко заутрене собиралися.
Уж как мне-то, молодешенькой,
10 Укоротал родимый батюшко
Все пути мне, дороженьки,
Пешеходные тропочки:
Мне первую-то путь-дороженьку —
Мне во матушку во божью церковь,
Мне другую-то путь-дороженьку —
Ко кумам ходить, ко подруженькам,
Мне третью-то путь-дороженьку —
Во торга ходить, во базарички
Покупать алыя ленточки,
20 Украшать свою девью красоту.

№ 7

Когда невеста чешет голову, вытье обращается к матери и незамужним сестрам

Падкая моя, жалостливая,
Моя матушка родимая,
Свет Авдотья Алексеевна!

КРЕСТЬЯНСКИЙ СВАДЕБНЫЙ СГОВОР

Картина неизвестного художника (масло), вторая половина XVIII в.

Исторический музей, Москва

Заплети-ко, родима матушка,
Ты мою-то трубчату косу,
На роду-то хоша не впервые,
Девьей кра́соте во последние.

№ 8

Сестрам воют то же самое, только обращение начинается словами:

Сизая моя голубушка,
Белая ты моя лебедушка,
Сестричка моя родимая,
Свет Анна Васильевна!

№ 9

Если к невесте или ее родителям придет какая-нибудь гостья, близкая родственница и знакомая невесте, то к ней воют:

Что идет-то, ко мне жалует
Небывалая честна гостьюшка,
Моя тетушка родимая
Свет Татьяна душа Андреевна!
⟨Вот⟩* спасибо, моя голубушка,
Что ты пришла не поспесивилась,

* *Здесь лист оборван.— Ред.*

Но на том тебе не спасибо,
Что по поздну в гости гостишь.
Ты пришла бы, моя голубушка,
10 Попереж людей, поранее,
Попереж бы злых разлучников,
Ты бы села, моя голубушка,
Возле батюшка родимого,
Возле матушки родимыя,
Ты пытала бы их разговаривать,
Чтоб не просватал меня батюшко
За чужого-то за чуженина,
Не запоручила бы родима матушка
За поруки меня за крепкия.

№ 10

А иногда к гостье воют следующее:

Уж я во горе не услышала,
В горючих слезах не увидела,
Не вышла гостью не встретила,
Не взяла гостью за белы руки,
Не ввела гостью во высок терем,
Не . . . . . .*
Сизая ты моя голубушка!
Я что-то у тебя хочу спросить;
Я спрошу у тебя, надеючи:
10 — Ты скажи мне, меня жалеючи,
Ты скажи мне, моя голубушка,
Про чужую-то дальню сторонушку!

(*Здесь гостья, если умеет, и сама начинает выть вместе с девушками.*)

На чужой-то дальней сторонушке
Надо жить-то умеючи,
Что умеючи, да разумеючи;
Голову-то иметь низкопоклонную,
Ретиво-то сердце покорное;
Надо каждому поклонитися,
Старому, малому покоритися.
20 Как чужой-то родимый батюшко —
Ровно зимонька студеная,
Как чужая-то родима матушка —
Как морозы люты крещенские,
Как чужие-то братец и сестрица —
Середи земли заметелица,
Как чужой-то чуженин —
Как шипика колючая.

№ 11

В те дни, сидя за работою, еще воют следующее:

Сизыя вы мои голубушки,
Белыя вы мои лебедушки!
Как пройдет-то зима студеная,
У зимы будет весна красная,
У весны будет лето теплое,

---

* *Здесь лист оборван.— Ред.*

У летичка — божьи празднички.
Вы пойдете, мои голубушки,
Во луга гулять во зеленые,
Вы зайдите, мои голубушки,
10 Ко батюшку под окошечко,
Вы покличьте меня, погаркайте:
Уж вы дайте назолушку
Моему родимому батюшку!

Во время девичника, т. е. от просватанья до свадьбы, жених почти каждый вечер ходит к невесте с гостинцами. Для этого он приглашает с собой своих холостых приятелей и, взяв с собою орехов и пряников для гостинцев невесте и девушкам, идет в дом невесты. По приходе туда жених отдает гостинцы девушкам и невесте, с которою, поцеловавшись, садится рядом. Товарищи его также садятся. Тогда девушки, если день не праздничный, то, занимаясь шитьем, поют жениху и невесте две свадебные песни. По окончании первой песни жених целует невесту, а по окончании другой он, тоже поцеловавшись с невестою, подозвав к себе которого-нибудь из своих товарищей, дает ему денег и просит рассчитаться за песни с девушками. Тот, положив эти деньги на стол, у которого шьют девушки, или отдав одной из них, подходит к девушкам и целует их, а за ним и прочие товарищи жениха также подходят к девушкам и целуют их. Потом девушки поют песни всем пришедшим с женихом, и те также рассчитываются с ними за песни деньгами и поцелуями. Когда по соображению невесты окажется, что девушки для того дня уже достаточно поработали, она позволяет им оставить шитье и поиграть. Девушки не дожидаются повторений этого обещания, но суетливо свертывают и убирают шитье и начинают играть. Игры эти продолжаются далеко за полночь, а часто и чуть не до утра, особенно если играют в отдельной комнате и не мешают спать хозяевам. Жених и невеста в играх участия не принимают и сидят особо, пока жених, насидевшись, не уйдет домой; тогда невеста, проводив его до ворот и простившись с ним поцелуем, ложится спать. Кроме приятелей жениха, на девичники ходят играть и другие холостые ребята. Вход на девичник никому не воспрещается: всякий холостой может приходить и играть но, разумеется, под условием прилично вести себя. Девичьи игры на свадьбах суть те же самые, что и на святочных вечерах; они доставляют девушкам величайшее удовольствие, представляя им случай понравиться молодым ребятам, а свадебные девичники самые вернейшие пути к достижению этой цели. Конечно, хороши для этого и святочные вечера, но свадебные девичники лучше, потому что, продолжаясь несколько дней, они дают девушкам-невестам более возможности показать свою красоту, наряды и любезность. Поэтому-то девушки с удовольствием принимают приглашения невест сидеть на их девичниках и безропотно корпят за шитьем иногда недели по две, не получая за труды свои никакого вознаграждения ни от невесты, ни от ее родителей, и пользуясь только откладываемыми им за песни деньгами, которые они, по окончании девичника, разделяют между собою или по равной части, или соразмерно трудам по шитью, или по уменью петь свадебные песни. Но это вознаграждение далеко ниже трудов их, потому что они гораздо более в это время могли бы приобрести работою дома. Они знают это и не жалеют, так им дорого сидеть на девичнике.

‹2.› СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ

Свадебные песни можно, по их содержанию и напевам, разделить на песни жениху и невесте, песни женатым и песни холостым.

Первые отличаются своим томным напевом и тем, что в них проглядывает грусть невесты по оставляемом ею девическом быте и сожаление о ней ее подружек. Песни женатым поются более веселым напевом, а песни холостым составляют по напеву своему средину между песнями жениху и песнями женатым. Достоинство последних для того, кому поют, заключается в том, какую ему припоют невесту. Женихи знают наперечет всех невест в заводе и, смотря по тому, каких им приписывают, заключают о том, какое мнение имеют поющие об их женишеских достоинствах, девушки же знают, чем польстить самолюбию слушающих и потому всегда припевают таких невест, чтобы песня понравилась слушателю, и им бы отложили за нее поболее денег. Впрочем у девушек принято за правило не припевать тех, которые сидят тут на девичнике, что⟨бы⟩ не остыдить их.

Все эти песни следуют здесь.

Песни жениху и невесте

№ 12

Ты, коса моя, косонька,
Ты, коса, русые волосы!
Расплеталась трубчата коса
У души у красной девицы
У Натальи Алексеевны;
Выплетался шелковый приплет,
Выпадала алая ленточка
Из ее трубчатой косы;
Рассыпались русые волосы
10 По ее по крутым плечам.
Во саду было, в садичке,
Во садочке зелененьком,
Тут ходил-гулял молодец,
Свет Григорий Матвеевич,
Он ходил, сам голову часал,
Русые кудерцы завивал,
Ко кудрям сам приговаривал:
— Прилегайте вы, русы кудри,
Ко моему лицу белому,
20 Лицу белому, румяному;
Привыкай, красная девица,
Свет Наталья Алексеевна,
К моему уму-разуму,
Что ко нраву молодецкому!
На заре было, зореньке,
На заре было утренней,
Что кричит лебедь белая,
Горько плачет красная девица,
Свет Наталья Алексеевна:
30 — Посмотри, родимая матушка,
Парасковья Антоновна,
Ты во свой во зеленый сад!
Как на твой-то зеленый сад
Налетели гуси серые,
Поклевали грушу зелену,
Пощипали сладки яблочки!
Посмотри, родимый батюшко,
Ты во свой во широкий двор!

Широки ворота росперты,
40 Изуставлен двор каретами,
А красно крыльцо лакеями,
Новыя сенечки боярами,
А столовая новая горница
Вся столами изуставлена.
За столами дороги гости,
Гости званые, жданые!
Ты, родимая матушка,
Свет Парасковья Антоновна,
Ты дари дорогих гостей,
50 Ты дари дарами немалыми,
Все платочками алыми,—
Ты моего-то обручного
Душой красною девицей,
Свет Натальей Алексеевной!

№ 13

Не было ветру — вдруг навенуло,
Не было гостей — вдруг наехали,
Подломили сени новыя,
Расступили чару золоту,
Выпустили соловья из саду.
Расплачется красна девица душа,
Свет же Наталья Алексеевна.
Потешили ее князья-бояра,
Пуще всех тешил удалый молодец,
10 Свет же Григорий Матвеич сударь:
— Не плачь, не тужи, красна девица душа,
Свет Наталья Алексеевна!
Мы новыя сени переделать велим,
Твою золоту чару перелить отдадим,
А вместо соловья буду я у тебя!

Песни эти поются в пропиванье и в обрученье. Кроме этого, если невеста сирота, если ее отец уже умер, то поют еще следующую песню:

№ 14

Уж ты, яблонь ли, яблонь кудрявая моя!
Я садила тебя, полевала тебя;
Я на яблони цветичков не видывала,
Я сахарных-сладких яблочков не кушивала.
Моя милая дочь, Наталья душа Алексеевна!
Я родила тебя, полюбила тебя,
А ныне тебя, дитятко, замуж отдаю
За удалого добра молодца, за Григорья Матвеича.

№ 15

Возле реки,
На крутом берегу,
Стоял тут
Сад зелененькой.

В том во саду
Висит клеточка,
Во той во клеточке
Канареечка
Малая пташечка.
10 Слетались к ней
Малыя пташечки,
Канареечки,
Пели они
Жалобнешенько:
— Свет ты наша
Канареечка,
Малая пташечка!
Знать, нам с тобою
Вместе не летывати,
20 Пшенки, горошку
Не клевывати.
Возле реки,
На крутом берегу,
Стоял тут
Нов высок терем.
В том терему
Красная девица сидит,
Свет Наталья Алексеевна.
Сходились к ней
30 Все кумушки,
Все подруженьки,
Выли они жалобнешенько:
— Свет ты наша
Красная девица душа!
Знать, нам с тобою
Вместе не сиживати,
Крепкия думы
Не думывати,
Тайных речей
40 Не говаривати:
Крепкая дума —
Григорий у тебя,
Тайныя речи —
Матвеич господин.

№ 16

Вы цветы мои, цветики,
Вы цветочки лазоревы!
Вас немного было сеяно,
Что вас много уродилося?
Вы, души красны девицы!
Вас немного было в тереме,
Что вас много очутилося?
Из вас не было изменщицы
Души красныя девицы,
10 Свет Натальи Алексеевны;
Не хотела она замуж идти,
А хотела в монастырь пойти
Нас, девиц, за собой вести:

Как одну из нас в ключницы,
А другую в варильщицы,
Еще третью на собор звонить.
Уж как ныне красная девица
Собирается замуж идти
За удалого добра молодца
20 За Григорья Матвеича.
На что душа прельстилася?
На что согласилася?
Что прельстилась красна девица,
Свет Наталья Алексеевна,
На орешки, на прянички,
На удала добра молодца,
Свет Григорья Матвеича.

№ 17

Во поле, во поле, во поличке
Устлана дороженька ковричком,
Увита широкая шитьем.
Кто эту дороженьку устлал-устилал?
Кто эту широкую увил-увивал?
Устлал дороженьку удалый молодец,
Свет же Григорий Матвеич сударь,
Часто ко тестюшку езжучи,
Дороги подарочки вожучи:
10 Первый-то подарочек — сахарец,
Другой-то подарочек — конфетец,
Третий-то подарочек — сам молодец.
За то его тестюшко полюбил,
Душей красной девицей наделил,
Свет Натальей Алексеевной.
Садилась Наташенька выше всех,
Клонила головушку ниже плеч
Думала думушку крепче всех:
Как-то мне жить на чу́жой стороне?
20 Как будет назвать свекра батюшком?
Как будет назвать свекровку матушкой?
Как будет назвать деверьев братцами?
Как будет назвать золовок сестрицами?
Я убавлю, молода, спеси-гордости,
Я прибавлю, молода, ума-разума:
Назову я свекра батюшком,
Назову свекровку матушкой,
Назову деверьев братцами,
Назову золовок сестрицами,
30 Назову я ладу-то ладушкой,
Свет же Григорьем Матвеичем.

Песня женатым

№ 18

В огороде трава зеленая была,
Зеленым она зеленешенька,
Мы такой зеленой мало видывали.

Мало видывали, редко слыхивали.
У Андрея жена молодая была,
У Петровича молодешенька,
Свет Федосья душа да Ивановна,
Мы такой молодой мало видывали,
Мало видывали, редко слыхивали.
10 А Андрей-то сударь так жене говорил,
А Петрович-то своей барыне,
Свет Федосье душе да Ивановне:
— Породи мне, жена, сына — ясна сокола,
Отдадим мы его в Казань грамоте учить,
Мы не ради учебы, ради чести-хвалы,
Ради чести-хвалы, ради всей красоты.

или:

— Породи мне, жена, мне милую дочь,
Мне милую дочь — лебедь белую,
Отдадим мы ее в Москву золотом шить,
20 Мы не ради учебы, ради чести-хвалы,
Ради чести-хвалы, ради всей красоты.

№ 19

По полю-полю, по широкому полю
Летал-вылетал сизокрылый голубок;
Кликал-выкликал он голубушку свою:
— Ты лети-лети сюда, голубушка моя!
Я тебя люблю за полеточку твою.
По двору-двору, по широкому двору
Ходил тут, гулял удалый молодец,
Свет же Василий Степаныч сударь,
Звал он, вызывал жену барыню свою:
10 — Подь-иди сюда, жена барыня моя!
Я тебя люблю за походочку твою:
По двору идешь, как лебедушка плывешь,
Речи говоришь, как соловышек поешь.

№ 20

Как у чарочки у серебреныя
Золотой ее веночик,
У Василья молодца у Иваныча
Дорогой его ум-разум:
Где ни ходит, ни гуляет,
Домой едет ночевати,
Он велит жене встречати:
— Уж ты, Марьюшка, встречай,
Ты, Андреевна, встречай!
10 — Мне не времечко встречати,
Надо сына мне качати.
Уж я сына-то качаю,—
Себе сношеньку качаю,
Сноху, сноху молодую,
Заменушку вековую.

ДЕВИЧНИК

Картина неизвестного художника (масло), вторая половина XVIII в.
Исторический музей, Москва

или:

Уж я дочь-то качаю,—
Себе зятюшка качаю,
Зятя, зятя молодого,
Гостя дорогого.

№ 21

В тереме свечка ясненько горит,
Ярого воску притаивает;
Нянюшки-мамушки припадывают
К тому шитому, браному положку:
— Спишь ли, не спишь ли, Анна душа?
Спишь ли, не спишь ли, Сергеевна?
— Сплю я, не сплю я, а так все лежу.
Нянюшки-мамушки, ложитесь спать,
Ложитесь спать, вам некого ждать.
10 Мне ли, молодешеньке, всю ночку не спать,
Всю ночку не спать, мила друга ждать!
Ближе-поближе Игнатий ко двору,
Ближе-поближе Андреич к широку;

Вскокнул на крылечко на крашеное,
Брякнул за колечко серебряное,
Дрогнуло сердечко Аннушкино,
Дрогнуло ретиво Сергеевнино.
— Где ты, мой душечка, был-побывал?
— Был я тестя у ласкового,
Был я у тещи приветливыя,
Был у шуринов у ясных соколов,
Был у своячин белых лебедей.
— Чем тебя тестюшко дарил-подарил?
— Дарил меня тестюшко вороным конем,
Теща дарила шитым ковром,
Шурин дарил черкасским седлом,
Своячина дарила ширинкою,
А ты, моя душечка, милым сыном,
Свет Александром Игнатьичем.

№ 22

В огороде не трава,
На болоте не вода.
Около куста, около куста около ивенького,
Вился голубь, вился сизый со голубушкой;
У голубя у сизого золотая голова,
У голубушки головушка серебряная.
Голубь стукается, сам и слушается,
Что в тереме говорят, что в высоком глаголят.
А Дмитрий сударь так жене говорил,
А Степанович своей барыне,
Александре душе да Савельевне:
— Породи ты мне, жена, сына ясна сокола!
Я за эту за услугу сарафан тебе сошью,
Сарафан тебе сошью штофный на золоте,
Вкруг подола обошью золотою бахрамой.
Все товарищи его позавидовали:
Как бы мне, как бы мне хороша такая жена,
Как Александра душа да Савельевна!
Я бы в лете, я бы в лете в карете ее катал,
Я бы в зиме, я бы в зиме в новых писаных санях;
Я бы в неге, я бы в неге калачом с медом кормил;
Я бы в воле, я бы в воле на руках ее носил —
Свою хорошу жену, Александру душу да Савельевну

№ 23

Грановитая палата становита,
Как во той во палате будет свадьба,
Будет свадебка да веселая.
Как при той при кампанье будет гостья,
Будет гостьюшка да дорогая,
Будет свашенька да молодая,
Свет Марья душа да Максимовна.
При беседушке она не сидела,
У ней головушка заболела;
К утру, ко дню она сына породила,
Сына ясненького соколочка,
Свет Егора-то да Никитича.

Бегут нянюшки, бегут мамушки со свечами,
Одна нянюшка, одна мамушка со дитею:
— Тебе не надо ли, Никита, не надо ли, Семеныч, милого сына?
— Еще как мне не надо милого сына!
Мне при младости его на потеху,
Мне при старости на замену.

№ 24

Как по сеням, по сеничкам
По новым по решетчатым,
Тут ходила и гуляла
Молодая молодушка,
Дорогая боярыня
Катерина Абрамовна;
За правую руку водила
Своего сына милого,
Евгенья Прокопьича,
10 За левую руку водила
Дочь белую лебедушку,
Свою Дарью Степановну;
Она будила-будила
Своего друга милого,
Свет Степана Еремеича:
— Уж ты встань, душа, пробудись,
Пробудись, душа отецкий сын,
Свет Степан Еремеич сударь!
Мимо наш-то широкий двор,
20 Мимо широких воротичек
Пролегала дороженька,
Московская широкая.
Как по той по дороженьке,
Как по той по широкой,
Государь-царь в поход пошел
Со своей силой-армией,
Со князьями, со боярами,
Со детьми княженецкими.
— Ты не плачь, моя умная,
30 Не тужи, моя разумная:
У нас все будет исправлено,
У нас все изготовлено:
Комони приоседланы,
Молодцы приснаряжены,
Только сесть да поехати.
Уж заднего настижем,
Мы переднего обстижем,
Мы к царю-государю пойдем,
Мы коня в поводу поведем,
40 Сокола на руке понесем,
Сокола — сына милого,
Мы еще на руке понесем
Дочь белую лебедушку.
Нечто бог нас помилует,
Государь-царь пожалует
Тремя городами вольными,
Что Казанью и Астраханью,
И Москвою богатою.

№ 25

На дворе-дворичке, стоит кипарис-то древичко,
На том кипарис-те древичке
Висит колыбель золота,
А петельки шелковыя,
Колечки серебреныя;
В той колыбели золотой
Лежит удалый молодец,
Свет Артемий Егорыч сударь.
— Ой нянюшки-мамушки мои,
Качайте меня, молодца,
Раскачните повыше того,
Не увижу ли я лапушку свою,
Свет Татьяну Кирилловну.
Ах, лапушка, лапушка моя,
Свет Татьяна Кирилловна душа!
Ты мне сына родила,
Лицом белым во себя, во себя,
Очами ясными в сокола, в сокола,
Бровями черными в соболя, в соболя,
Умом-разумом во меня, во меня,
Во меня, во удала молодца,
Во Артемья Егорыча!

№ 26

Плавала чарочка в сладком меду,
Плавала серебреная в сырчатом,
Никто за чару не примется,
Взялся-принялся удалый молодец,
Свет Анисим Антоныч сударь;
Носит-подносит жене молодой,
Свет Палагее Кирилловне:
— Выкушай, надежда, выпей, радость моя!
— Право, друг, мне не хочется,
Видит бог,— мало можется.
Ночесь мне, душенька, мало спалось,
Мало спалось, много виделося:
Как бы у нас во широком дворе
Выросла травонька шелковая,
Расцвели цветички аленькие,
Аленькие и лазоревые;
По той травоньке ходил павлин
С сизой павушкою.
— Я тебе, душенька, сон рассужу,
Сон рассужу, все словесно скажу:
Шелкова травонька — люди при нас,
Аленькие цветички — дети у нас,
Аленький цветичек — милый сын,
Свет Николай Анисимыч,
Лазоревый цветичек — милая дочь,
Свет Аграфена Анисимовна,
Сиз павлин — я у тебя,
Сизая павушка — ты у меня,
Ты у меня — молодая жена,
Свет Палагея Кирилловна.

№ 27

Не летай ты, сокол, высоко,
Не маши ты крылом широко!
Много-много бояр на Руси,
Того больше князей в Москве,
А нет такова молодца
Ни в Казани, ни в Астрахани,
Ни в Усолье, нове городе.
Проявился такой молодец,
На заводе у Демидова,
10 Что богатая богатина,
Да Василий сударь Федорыч:
Он с гривны на гривну ступал,
Он рублем ворота отпирал,
А полуторым запирал;
Выкупал же такой молодец
Из тюрьмы потюремщичков,
Из приказов посидельщичков.
За него богу молятся,
За удала доброго молодца,
20 За Василья-то Федорыча:
— Тебе дай, боже, здравствовати
Да на многая лета!
Да еще богу молятся
За его жену милую,
За Дарью Ивановну;
Да еще богу молятся
За его сына милого,
За Ивана Васильича;
Да еще богу молятся
30 За его дочь любезную,
Свет за Анну Васильевну.

№ 28

Мимо наш-то широкий двор,
Мимо широких воротичек
Пролегала дороженька,
Московская широкая.
Как по той по дороженьке,
Как по той по широкой
Никто не прохаживал,
Никто не проезживал,
Проезжал добрый молодец,
10 Свет Григорий Васильевич.
Он конем поворачивает,
Сам в окошко заглядывает,
Он душу заповедывает,
Он — душу молодую жену
Степаниду Егоровну.
С кем сидит моя барыня?
Со какими дорогими гостям?
С генералами, полковниками?
С офицерами, поручиками?
20 — Не того поля ягода,

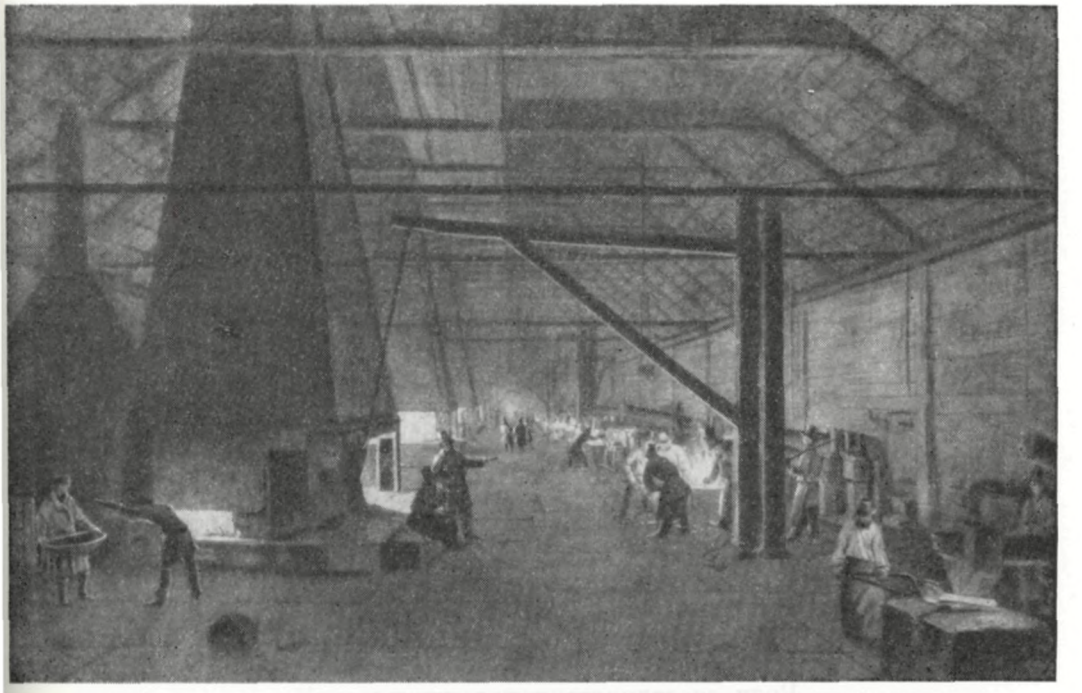
Не того отца дочь я была,
Чтоб сидеть с дорогими гостям,
С генералами, полковниками,
С офицерами, поручиками!
Я того поля ягода,
Я того отца дочь была —
Мне сидеть со милым другом,
Со Григорьем Иванычем,
Мне и с ним дума думати,
30 Мне с ним речь говорити.
Мне еще дума думати,
Мне еще речь говорити —
Со своим со милым сыном,
Со Иваном Григорьичем;
Мне еще дума думати,
Мне еще речь говорити —
Со своей милой дочерью,
Да со Анной Григорьевной.

№ 29

Не разбушуй, холоден ветер,
Не раскачай звонки колокола,
Не разбуди у Ивана жену у Демидыча,
Свет душу Анну Григорьевну!
Вечор она во пиру была,
Поутру она сына родила,
За то ее очень царь полюбил,
А царица ее много жаловала —
Тремя городами с пригородками.
10 Во первом городу пиво варили,
Во другом городу вино курили,
Во третьем городу водки двоили,
В пригородочке сына крестили.
Кум-то был генеральский сын,
Кумушка была генеральша сама.
Кум крест клал в пять сот рублей,
Кумушка ризки в тысячу.

№ 30

Летит-летит голубок,
Летит-летит, воркует:
На терем сядет, припадет,
Припадет, послушает,
Что в тереме говорят,
Что в высоком говорят.
А во тереме говорит
Муж с женой боярыней,
Свет Артемий Павлыч господин
10 С Александрой Ивановной душой.
Муж-то жене говорил:
— Жена, моя боярыня,
По имени Александра Ивановна!
Породила ты мне, жена,
Сына ясного сокола,



НИЖНЕ-ТАГИЛЬСКИЙ ЗАВОД
Картина В. Е. Раева (масло), 1850-е годы
Исторический музей, Москва

По имени Петра Артемыча,
За то тебя жалую:
Куплю тебе сарафан
Дорогой люстриновой,
С алой лентой, голубой,
Со уборкой флеровой.

№ 31

Аленькая-аленькая веточка,
Что ты не цветешь, не лазоревеешь?
Рада бы цвела и лазоревела,
Студена зима всю пожала меня.
Летел-полетел сокол высоко,—
Едет, вот едет, наш барин домой,
Свет же Григорий Алексеевич,
Ведет он, ведет всю силу с собой:
По правую руку пятьдесят человек,
По левую руку и все шестьдесят.
Он по двору едет,— лакеи стоят.
— Слуги вы, слуги, лакеи мои!
Дома ли, дома ли жена молода,
Свет душа Татьяна Михайловна?
— Дома она в новой спальне спала.
— Подите, слуги, разбудите ее!
Нет, слуги, не будите ее;

Я сам пойду, я сам разбужу,
Я сам разбужу молодую жену,
20 Свет душу Татьяну Михайловну.
— Вечор я, душенька, ночь не спала,
Ночь не спала, ковер вышила,
Ковер вышила, узду вынизала —
Твоему коню на всю красоту,
Тебе молодцу на честь, на хвалу.

№ 32

Летел соловей из зеленых лузей;
Сел-сел соловей на зеленый сад.
Он пел-воспевал, выговаривал:
— Кто здесь у нас во совете живет?
Еще кто-то у нас в великом?
А Яков у нас в совете живет,
Еремеич у нас в великом.
С хорошей своей женой, с Анной душой
С Анной душой с Александровной.
10 А Яков сударь так жене говорил,
Еремеич сударь своей барыне:
— Породи мне, жена, милого сына,
Мне хорошего роди, роди счастливого,
Роди счастливого и талантливого:
Чтобы при городе он городничим был,
Чтобы при полку был полковником,
При заводе был бы он приказчиком.

Песни холостым

№ 33

Уж как по морю,
По синю морю Хвалынскому
Плыла утка, плыла серая;
Плывши она укурнулася;
Под ней вода всколыбалася,
По лужечкам разливалася.
По бережку, вдоль по крутому
Ходил-гулял добрый молодец,
Свет Василий Иваныч сударь,
10 Он убил-подшиб утку серую;
Он пух пущал по поднебесью,
Крылья-перья по чисту полю бросал.
Не где взялась красна девица душа,
Свет Александра Алексеевна,
Брала перья, приговаривала:
— Судьбе моей на перинушку,
Судьбе моей на пуховую,
Разудалому-удалому добру молодцу,
Свет Василью Михайлычу.

№ 34

Не разливайся, мой тихий Дунай,
Не потопляй свои зелены луга!

В тех лужочках ходит олень,
Ходит олень — золотые рога;
Мимо тут ездит удалый молодец,
Свет Афанасий Григорьич сударь:
— Я те, олень, из ружья застрелю!
— Не бей, не стреляй, удалый молодец,
Свет Афанасий Васильич сударь!
10 В некое время сгожусь я тебе:
Станешь жениться, на свадьбу приду,
Широкий двор весь коврами устелю,
Новыя сени рогами освечу,
Во новой горнице сам попляшу,
Всех гостей взвеселю,
Пуще всех — невесту твою
Душечку красну девицу,
Свет Степаниду Андреевну,
Чтобы она не тужила ни о чем,
20 Чтобы она и не плакала,
Не лила слезы по белому лицу,
По белому лицу, по румяным щекам.

№ 35

Уж как на горе-горе,
На высокой, на крутой,
На прикрасе на таком,
Тут стоял городок,
Город каменный;
Как во этом городу
Сила-армия стоит.
Еще кто во этой силе
Воеводою гуляет?
10 Гуляет воеводой удалый молодец,
Свет же Михайло
Андреич господин.
Он силою силен,
Своей волею волен;
Он всю силу полонил,
Да одну заполонил
Душу красную девицу,
Свет же Марью Ивановну.
Как возговорит Марья Ивановна:
20 — Ой батюшка мой,
Уж ты свет родной!
Выкупи меня
Да и выручи меня!
— Ах, дитятко мое,
Ты родимое мое!
Им не надо за тебя
И не ста, и не два,
И не тысячу рублей,
Только надо молодцу
30 Душу красну девицу,
Свет же и Марью Ивановну.

№ 36

У сахарного древичка
Одна была веточка,
У родимого тятеньки
У Григорья Иваныча
Один был милый сын,
Свет Иван Григорьич сударь.
Его любили-лелеяли,
По головушке гладили.
Говорила же ему матушка:
10 — Ты дитя мое, дитятко,
Ты дитя, мой милый сын!
Ты поедешь женитися
И приедешь на широкий двор,
Не пущай коня по двору,
А отдай коня конюху,
Пусть сведет его на конюший двор,
Пусть поставит во стойлышко,
Пусть накормит пшеницею,
Напоит медом, патокою.
20 Ты взойдешь на красно крыльцо,—
Вытирай ножки резвыя,
Не марай полы белые.
Ты взойдешь в новы сенички,—
Ты снимай шляпу черную,
Ты бери ее в ручку левую.
Ты взойдешь в нову горницу,—
Ты не долго богу молися,
Ты не низко тестю кланяйся,
А пониже теще-матушке:
30 Докупайся до суженыя,
До души красной девицы
До Катерины Алексеевны.

№ 37

Вкруг Казани, вкруг города,
Вкруг стены белокаменной
Ездил-гулял добрый молодец,
Свет Алексей Тимофеич сударь
На своем на добром коне,
На своем черкасском седле,
На своем на шитом ковре.
Из высока нова терема
Его завидела сестрица,
10 Сестричка родимая, душа красная девица,
Парасковья да Тимофеевна:
— Тебе полно, брат, ездити,
Тебе полно, брат, гуляти;
Притомил ты добра коня,
Износил черкасско седло,
Припотил ты шитый ковер!
— Ты сестра моя, сестрица,
Ты сестричка родимая!
Мне не тятенька коня купил,

20 Мне не маменька ковер кроила,
Мне не ты, сестра, вышила:
Мне тестюшко коня купил,
Мне теща ковер кроила,
Мне своячина вышила,
Мне суженая дарила —
Душа красная девица,
Свет Ольга Егоровна!

№ 38

Уж как у броду-броду,
У калинова мосту,
Тут стояли две роты,
Да две роты полевыя.
Как по этим по ротам
Воеводой гуляет
Удалый добрый молодец,
Свет Осип Антоныч;
На нем шуба соболина,
10 На нем шапка боброва,
В руках трость камышова.
А бояре-то молвят.
Господа речь говорят:
— Удалый добрый молодец.
Свет Осип Антоныч!
Тебя кто шубой дарил?
Али тесть, али теща?
— Уж вы глупые бояре,
Господа неразумны!
20 Дарил меня шубой
И не тесть и не теща;
А дарил меня шубой
Господин сам Демидов,
Свет Павел Григорьич,
За мою службу верну,
За мою неизменну,
За хороший ум-разум
Да за нрав молодецкий.
Он еще меня дарил,
30 Душой красной девицей,
Свет Еленой Петровной.

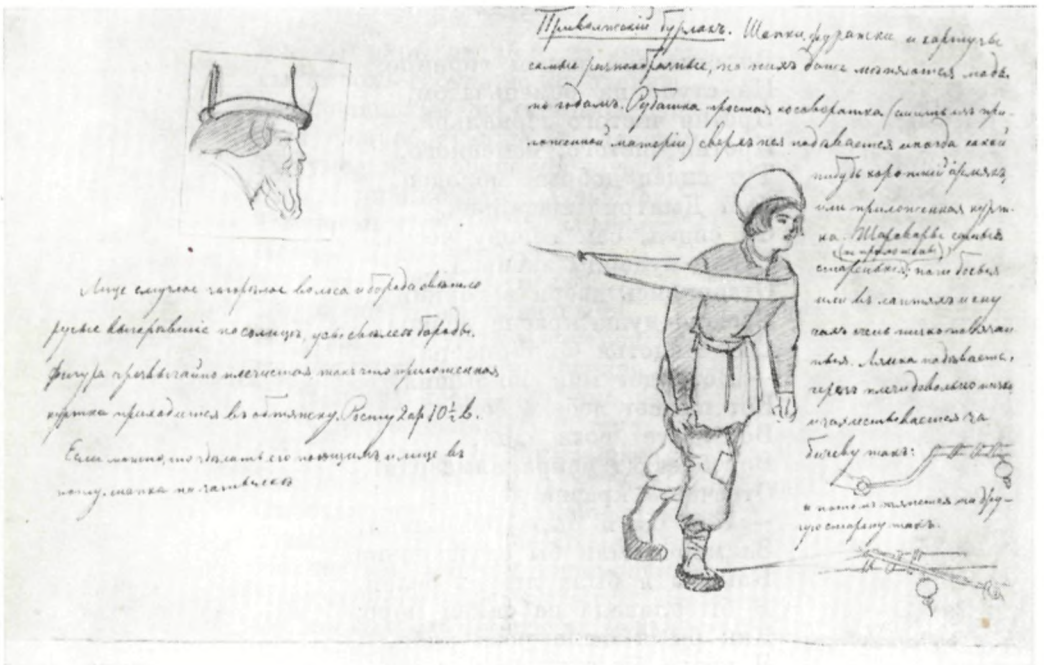
№ 39

Что не винная река протекла,
Что не винная, не сахарная,
Она все города прошла,
Что Казань-город, Астрахань,
Что Сибирь-город, богатую Москву.
Как по той по винной по реке
Тут бежит-плывет суденышко,
На суденышке хозяин молодой,
Удалый добрый молодец,
10 Свет Петр Алексеич сударь.

Он по суденышку похаживает,
Он работничков наряживает:
— Вы работнички, работнички мои,
Вы работнички, удалые молодцы!
Пригребайтесь ко крутому бережку,
Ко желту мелку сыпучему песку,
Опущайте в воду якори;
Уж мы выйдем на зеленый на лужок,
Мы раскинем бел полотняный шатер,
20 Мы расставим белодубовы столы,
Мы расстелем гранетуровый платок,
Мы разрежем бел-круписчатый калач,
Станем девушек приманивать!
Не где взялась красная девица,
Свет Лизавета Васильевна.
— Тебе бог помощь, удалый молодец!
Я пришла к тебе не шатричка смотреть
Не калачика кушати,
Я пришла к тебе во карточки играть.
30 Она играла день одиннадцать часов,
Проигралась красная девица душа,
Проиграла свою русую косу
Со алыми со ленточками.
Проигрался удалый молодец,
Свет Осип Антоныч сударь,
Проиграл свои карманные часы
Со цепочкой серебреною,
Того больше он выиграл —
Душу красную девицу,
40 Свет Лизавету Васильевну.

№ 40

На лугу было лужочке,
На крутом на бережочке,
Тут стояла же сила,
Да немалая, большая.
Еще кто во этой силе
Воеводою гуляет?
Да гуляет воеводой
Удалый добрый молодец
Свет Никита Семеныч.
10 Он водит коня
По зеленым лужочкам,
Он кормит коня
Белояровой пшеницой,
Он поит коня
Медяною сытою,
Он треплет коня
По крутым его по бедрам:
— Уж ты конь-лошадь добра!
Сослужи ты мне три службы:
20 Мне первую службу —
Во Казань по белила,
Мне другую-то службу —



БУРЛАКИ
Рисунки В. И. Даля (?), 1840-е годы
Исторический музей, Москва

В Астрахань по румяна,
Мне третью-то службу —
На Суксун по невесту,
По душу красну девицу
Свет по Марью Гавриловну.

№ 41

Как по край было синего моря,
Тут стояло древо кудряво;
На том древичке на кудрявом
Веселая сидит птица соловейко.
Она песни поет соловьины,
Словеса говорит все премудры:
— Еще кто у нас в беседе богаче?
Еще кто у нас всех справнее?
— Холост молодец, неженатой,
Свет Егор сударь да Михайлыч.
— Вы подите, его приведите,
Посадите его всех повыше,
Его на три подушки пуховы,
Еще бы мы на него поглядели,
Мы бы невесте его похвалили,
Что хорошей невесте, богатой,
Душе красной девице,
Свет Парасковье Петровне.

№ 42

Во столовой новой горнице,
На стуле на ременьчатом,
Против чистого зеркальца,
Против чистого, немецкого,
Тут сидел добрый молодец,
Свет Дмитрий Васильич.
Он сидел, сам голову чесал,
Русые кудерцы завивал.
Отворились двери в горницу,
Взошла душа красна девица,
Свет Авдотья Филипповна.
— Вот идет моя боярышня,
Вот плывет лебедь белая,
Вот цветет роза алая,
Вот блестит искра алмазная!
Отвечает красна девица:
— Как бы я была боярышня,
За мной были бы служаночки;
Как бы я была лебедь белая,
Я бы плавала на синем море;
Как бы я была роза алая,
Я цвела бы в зеленом саду;
Как бы я была искра алмазная,
Я вилась бы золотым перстнем
У тебя бы на правой руке,
У удала добра молодца,
У Дмитрия Васильича.

№ 43

Как на матушке Волге-реке
Мощены мосты калиновые,
Переходы воложеные.
Как никто тут не ходил, не гулял,
Ни стрельцы — удалы молодцы,
Тут ходил-гулял добрый молодец,
Свет Григорий Петрович сударь.
За собой ведет суженую,
За собой ведет ряженую,
Душу красную девицу,
Свет Марью Игнатьевну;
Он ведет, сам наказывает:
— Уж ты, Машенька, не оступись,
Ты, Игнатьевна, не упади!
— Я, хоша, сударь, оступлюсь,
Я за вас сохватаюся,
Я за вашу правую руку,
За удала добра молодца,
За Григорья Петровича.

№ 44

Уж ты царь ли мой да царевич,
Ты король-государь королевич,
Разудаленький добрый молодец,
Свет Андрей сударь да Степаныч!
Ты умел же хорош уродиться:
Белым личиком ты белешенек,
Ты ясными очами веселешенек.
Поносила тебя матушка
Во марте тебя во месяце,
10 Породила тебя государыня
Во христовскую во заутреню,
Берегла она тебя и лелеяла
И от ветру тебя и от вихоря,
От частого мелка дождичка,
От бела снега от крупищата.
Уж как стал вырастать добрый молодец,
Он стал же владеть добрым конем,
Стал по улочкам часто гуляти,
По частым, мелким переулочкам.
20 Из высокого нова терема,
Из косящетого окошечка
Его завидела красная девица,
Свет Анна душа Степановна;
Говорила же красная девица:
— Как бы этот лошадь-добрый конь.
Он к тятеньке на широкий двор,
Как бы этот добрый молодец,
Свет Андрей сударь да Степаныч.
Он к маменьке во высок терем;
30 Как его-то русы кудерцы
На мои-то бы ручки белыя:
Я чесала бы эти кудерцы
Черепаховым частым гребешком.
Унизала бы эти русые
Я скамчатным мелким жемчугом,
Я на каждую волосиночку
Да по скатней бы по жемчужинке!

№ 45

Прилегайте, ветви, ко сырой земле!
Прилегли кудри ко белому лицу,
Ко удалу добру молодцу
Ко Семену Данилычу.
Его личики — беленький снежок,
Щечки алы — в саду розовый цветок!
Он цветочку любуется,
Красоте своей дивуется:
— Был я, был я в Петербурге и в Москве,
10 Не нашел я невесты по себе!
Нынче, молодец, получше снаряжусь,
Во собор схожу, богу помолюсь,
На все стороны четыре поклонюсь.
Попрошу судьбу хорошую,

Что хорошую, богатую,
Душу красную девицу
Александру Леонтьевну,
Мне со многим приданым:
Мне село ново со церковью,
Мне Суксун-завод с конторою,
Мне мальчишка-разувальщичка,
Красную девицу постелю убирать.

№ 46

Во столовой новой горнице
У любимого боярина,
У удала добра молодца
У Василья Васильича
Столовали князья-бояре,
Они хотели поженить его,
Взять душу красную девицу
Свет Марью Максимовну.
От него красна девица,
От него, от добра молодца,
Во чисто поле травонькой.
Добрый молодец хвалится
Похвальбою молодецкою:
— Уж я подберу-подберу
Себе братью хорошую,
Удалых добрых молодцев
Со косами со острыми,
Уж я подкошу-подкошу
Во чистом поле травоньку:
Уж я дойду и доступлю
До души красной девицы,
До Марьи Максимовны!
Во столовой новой горнице
У любимого боярина,
У удала добра молодца
У Василия Васильича
Столовали князья-бояре,
Они хотели поженить его,
Взять душу красну девицу
Свет Марью Максимовну.
От него красная девица,
От него, от добра молодца,
Во сине море рыбицей.
Добрый молодец хвалится
Похвальбою молодецкою:
— Уж я подберу-подберу
Себе братью хорошую,
Удалых добрых молодцев
С неводами шелковыми,
Уж я выловлю-выловлю
Во синем море рыбицу,
Уж я доступлю-доступлю
До души красной девицы,
До Марьи Максимовны!

Во столовой новой горнице
У любимого боярина,
У удала добра молодца
У Василья Васильича
Столовали князья-бояре,
50 Они хотели поженить его,
Взять душу красную девицу
Свет Марью Максимовну.
От него красная девица,
От него, добра молодца,
К себе в куть за занавесу.
Добрый молодец хвалится
Похвальбою молодецкою:
— Уж я подъеду-подъеду
Со князьями, со боярами,
60 Со княжими большими свахами,
Уж я выведу-выведу
Душу красную девицу,
Свет Марью Максимовну!

Песни девушкам

№ 47

Уж ты винная ягодка,
Виноградная веточка,
Наливной хорош яблочек,
Душа красная девица
Александра Алексеевна!
У тебя лицо белое,
Белее снегу, белее белого;
У тебя щечки алыя,
Алее маку, алее алого;
10 У тебя очи ясныя,
Как у ясного сокола;
У тебя брови черныя,
Как у черного соболя!
Тебе кто голову чесал?
Тебе кто косу заплетал?
— Мне чесала головушку
Родимая матушка;
Заплетала русу косу
Сестричка родимая,
20 Заплетала, приговаривала:
— Ты расти, моя сестрица,
Добрым людям на похвальбу,
Лихим людям на завидость,
Чтобы добрые люди хвалили,
Лихи люди завидовали,
А пуще всех бы завидовал
Удалый добрый молодец,
Свет Дмитрий Иванович.

№ 48

Уж вы выходы, выходы!
Золоты были выходы,
Золотые-позолочены.
По тем по выходам
Шла душа красна девица,
Свет Авдотья Ивановна,
В встречу ей добрый молодец,
Свет Семен Егорыч сударь.
Он пути у ней спрашивал,
10 Все дорожки выведывал:
— Ты, душа красна девица,
Свет Авдотья Ивановна!
Ты скажи путь-дороженьку
Во Казань-город ехати
Со атласом, со бархатом!
— Удалый добрый молодец,
Свет Семен Егорыч сударь!
От ума ли спрашиваешь?
От разумья ли выведываешь?
20 Во полях все пути лежат,
Во полях все дороженьки,
Во реках — броды мелкие,
На красно крыльцо — лесенка,
В новые сенечки — дверечки,
В новой горенке — коврички
Ко мне в кут за занавесу
Ко душе красной девице,
К Авдотье Ивановне.

Песни вдовам

№ 49

Чье это поле негороженое?
Чей это терем недостроенный?
Чей это перстень без вставочки?
Чье это колечко без позолоточки?
Чья это вдова без мила друга?
— Свет Степанида Васильевна.
Надо бы полю огородочку,
Надо бы терем достроити,
Надо бы перстню вставочку,
10 Надо бы колечку позолоточку:
Надо бы вдове друга милого,
Свет Никиту Николаича!

№ 50

— Уточка, покупайся,
Серая, полощися!
— Уж я рада бы покупалась,
Я рада бы полоскалась,
Нету сизого селезенька:
Он за синими за морями,
Он за черными за грязями.

— Степанида душа, умывайся,
Ты, Ивановна, снаряжайся.
10 — Уж я рада бы умывалась,
Я рада бы снаряжалась,
Нет у меня мила друга,
Свет Андрея-то Николаича:
Он за темными за лесами,
За высокими за горами.

№ 51

(Эта песня поется, если жених или невеста сирота.)

Как у дуба, у сыра дуба
Много ветвей и паветвей,
Много листу лаврового,
Только нет у сыра дуба
Золотыя вершиночки;
Ее надо бы, надо бы
На всю весну на красную,
На все летичко теплое.
У удала добра молодца
10 У Михайла Семеныча
Много роду и племени,
Много дядюшек, тетушек,
Только нет у добра молодца
Его родимого батюшка,
Свет Семена Михайлыча;
Его надо бы, надо бы
Да на эту пору-времечко,
Ко его ко обрученью:
Снарядить-то есть кому —
20 Есть родимая матушка
Аграфена Васильевна,
Благословить-то его некому —
Нет родимого батюшка
Семена Михайлыча!

№ 52

Из-за лесу, лесу,
Из темна перелесу
Выбегала карета,
Карета золотая,
Под ней кони вороные,
Кучера молодые,
Шафера холостые.
Как во той во карете,
Как во той золотою
10 Сидит красна девица,
Свет Анна Григорьевна.
Она плачет-рыдает,
Ко карете припадает,
Свою волю поминает:
— Свет моя воля!
Свет моя нега!

У батюшка родного
Я жила, красовалась:
Я пойду — не спрошуся,
20 А приду — не доложуся.
Из-за лесу, лесу,
Из темна перелесу
Не сокол вылетает,
Молодец выезжает,
Свет Василий Матвеич,
Ко карете подъезжает,
Девицу утешает:
— Не плачь, не плачь, девица!
Ты не плачь, красавица!
30 Уж я дам тебе волю,
Уж я дам тебе негу:
Ты пойдешь, так спросися,
А придешь, доложися.
Того пуще заплачет,
Того пуще зарыдает
Душа красна девица:
— Мне это не воля,
Мне это не нега.
Я у батюшка родного
40 Жила, красовалась:
Я пойду — не спрошуся,
А приду — не доложуся!

№ 53

Из-за лесу, лесу темного
Вылетает стадо серых гусей,
А другое белых лебедушек.
Отставала лебедь белая
Что от стада лебединого,
Приставала лебедь белая
Ко стаду ко серым гусям.
Ее стали гуси щипати,
А лебедушка кричати:
10 — Не щиплите, гуси серые,
Меня, белую лебедушку:
Не сама я к вам залетела,
Занесла меня погодушка,
Что погодушка-невзгодушка.
Отставала красна девица,
Свет Александра Васильевна,
Она от кумушек-подруженек.
Приставала красна девица
Ко удалу добру молодцу,
20 Ко Григорью Васильичу.
Не умеет красна девица
На головушке поправити;
Ее стали журить-бранити.
— Не браните, люди добрые!
Не сама я к вам заехала,
Завезли меня кони вороны,
Кони вороны Григорьевы,
Что Григория Васильича.

КРЕСТЬЯНСКИЙ СВАДЕБНЫЙ СГОВОР
Картина неизвестного художника (масло), вторая половина XVIII в.
Исторический музей, Москва

Варение пива в доме невесты. Посещение невесты матерью жениха

День свадьбы назначается, смотря по тому, как невеста успеет приготовить приданое. С приближением этого дня как у жениха, так и у невесты начинаются приготовления к пированью, варят пиво и травник, покупают съестные припасы и обихаживают в домах. В доме невесты постановление в печь пива для варки сопровождается следующим вытьем девушек:

№ 54

Падкая моя, жалостливая,
Моя матушка родимая,
Свет Татьяна Васильевна!
Я что-то у тебя хочу спросить;

Я спрошу у тебя, надеючи,
Ты скажи мне, меня жалеючи.
Ты на что, родимая матушка,
Ты варишь-то пиво пьяное?
Ты на что куришь зелено вино?
10 Суетишься да шибко стряпаешь?
Ты какой ждешь больший праздничек?
Али ждешь к себе дорогих гостей?
Угостить хочешь свой род-племя,
Что своих-то ближних сродников?
Я сама-то знаю и ведаю,
Во кручинушке догадалася:
Уж ты ждешь к себе дорогих гостей,
Ты моих-то ждешь разлучников!

За день до свадьбы или накануне ее мать жениха в сопровождении своих родственниц как замужних, так и девушек, которые, если сидят у невесты, нарочно для этого уходят оттуда, посещает свою будущую сноху. Собираясь сделать это посещение, она заблаговременно уведомляет родителей невесты о времени своего прихода, приглашает родственниц и стряпает два пирога: один для гостинцев невесте, а другой девушкам. Пироги эти начиняются, смотря по достатку, или изюмом, или малиной, или рыбою. Родственницы, отправляющиеся с матерью жениха, снарядившись по-праздничному и запасшись каждая большим пряником, собираются в дом жениха и оттуда с пирогами и пряниками идут в дом невесты, где между тем все уже приготовлено к их принятию.

Когда заметят в доме невесты, что гостьи приближаются, то родители ее и собранные на этот случай родственницы выходят за ворота ее встретить, а девушки начинают следующее вытье:

№ 55

Со синя моря Хвалынского
Поднималися белы лебедушки,
Высокошенько они воздымалися,
Да низешенько опускалися;
Что садилися белы лебедушки,
Они на снеги, снеги белые,
На суметы на глубокие.
[Но] тут им снежно показалося,
Да опять они воздымалися,
10 Того выше возвивалися,
Того ниже опускалися,
Садилися белы лебедушки,
Они к батюшку на широкий двор.
Не атласы и не бархаты
По широку двору расстилалися;
Не скатний жемчуг сыплется
По лесенкам частоступчатым,
Не золот перстень катится
По красному по крылечушку;
20 Не ласточки, не касаточки
Во новы сени залетели,
Не от ветру, не от вихоря
Избные дверечки отворилися,
На пяту двери становилися,

На пяту двери да на хрустальную,
Не гвоздьё, гвоздьё полуженое,
Что не вербы, вербы золоты
Во высок терем вклонялися,
Становились вербы золоты
30 Середи пола дубового
Перед чудного Спаса образа,

(*В это время гостьи входят в избу и молятся богу.*)

Они крест кладут по-писаному,
Покланяются по-ученому
Да на все четыре стороны:
Моему батюшку и матушке,
Моим кумушкам-подруженькам,
Еще мне, младой, на особицу.
По чему гостий узнавать стану?
По приходу ли тихосмирному?
40 По платью ли по цветному?
По крестам ли их по писанным?
По поклонам ли по низеньким?

(*Гостьи здороваются с невестою и отдают принесенные ей гостинцы, пироги и пряники, а она передает их одной из девушек.*)

Слава, слава тебе господи,
Опознала честных гостьюшек!
Еще первая честна гостьюшка —
Богоданная родима матушка,
Свет Анна Михайловна;
Как другая-то честна гостьюшка —
Богоданная родна сестрица,
50 Свет Ольга Васильевна;
Еще третья-то ... (*и так припевают всех гостей*).

Когда кончается это вытье, гостьи, по приглашению хозяев, садятся за стол, который бывает накрыт еще до их прихода. Садясь за стол, гости занимают места сообразно степени родства с женихом. Так, первое место принадлежит его родной матери, другое — крестной, третье — его сестрам и т. д.

Гостья, будучи посажена за стол на низшее, по ее мнению, место, почтет себя сильно оскорбленною. Последние места принадлежат родственницам невесты. Сами же хозяева за стол не садятся; их дело подавать кушанье и, кланяясь, просить гостьюшек не брезговать их хлебом-солью и более кушать. Во время стола бывает следующее вытье:

№ 56

Падкая моя, жалостливая,
Моя матушка родимая,
Свет Настасья Васильевна!
Ты сади, моя матушка,
Ты сади дорогих гостий
За столы белы дубовые,
За скатерти шиты-браныя,
За ествы сладки-сахарныя,
За питья за медъяныя.
10 Уж ты потчуй, родима матушка,

Ты гусями их и лебедям,
Еще серыми малыми утицам,
Чтобы оне не огневались,
Чтоб мне не было покорбища
На чужой дальней сторонушке.
Отпирай, родимая матушка,
Золоты ларцы кованые,
Вынимай из них дороги дары.
Ты дари их, родимая матушка,
20 Ты дари платочками алыми,
Кисеями наборными.

После этого девушки поют гостям свадебные песни. В конце же стола невеста дарит свою будущую родню кисеею или холстом на рубашки, поднося эти подарки на тарелке, и каждая гостья, взяв из рук невесты тарелку с подарком и сняв с нее подарок, кладет на его место сколько-нибудь денег. Впрочем в подобных случаях матери женихов чаще откладывают за дары не деньги, а какую-нибудь вещь, например серьги, или что-нибудь подобное.

Вскоре по выходе из-за стола гости собираются домой, благодарят хозяев за угощение и начинают прощаться со своими новыми сватушками, сватьюшками, с последними целуясь (как это здесь принято у женщин и девушек при встрече и прощанье), также и с невестою. Это последнее прощание опять сопровождается вытьем:

№ 57

Вот идет-то, ко мне жалует
Богоданная родима матушка,
Свет Анна Ивановна!

(*Невеста кланяется своей будущей свекрови в ноги.*)

Я об чем-то тебе побью челом:
Как я буду, родимая матушка,
Во вашем во честном дому,
Уж я буду, родимая матушка,
Во твоей-то воле-большине:
Поимей меня, родима матушка,
10 Вместо дочери любезныя
Свет Ольги Егоровны!
Поучи меня, родима матушка,
Ко уму-то меня, ко разуму:
Я дитя была неученое,
Я дитя была нестромленое;
Не учил меня родимый батюшко,
Не стромила родимая матушка!

По окончании этого вытья гостьи отправляются домой, провожаемые до ворот на улицу хозяевами, извиняющимися в своем худом угощении и просящими не осуждать их за это.

Баня в последний день перед свадьбою. Обрученье

В последний день перед свадьбою невеста, вместе с сидящими у ней на девичнике девушками, ходит в баню, которую истопить она просит сестру следующим вытьем:

№ 58

Сизая ты моя голубушка,
Белая ты моя лебедушка,
Ты сестренка моя родимая,
Александра душа Григорьевна,
Истопи-ка, моя голубушка,
Истопи мне баню-парушу,
Теплую, мыльную, да неугарную;
Чтоб не смыть мне, не спарити
Хорошей своей девьей кра́соты,
10 Не намыть бы, не напарити
Мне злодейки кийки шитыя.

Под именем «кийки шитыя» здесь разумеется кокошник или повойник. Откуда взято это выражение — неизвестно; впрочем, Кийка есть имя женское, уничижительное от имени Евдокия.

В бане, после мытья и паренья, воют еще следующее:

№ 59

После моего-то бываньица,
После девьего красованьица
Ты рассыпься, баня-паруша,
По единому по бревешечку,
Ты рассыпься, мелка каменка,
По единому камешечику.

Вечером накануне свадьбы в доме невесты бывает пир, называемый обрученьем. Это почти то же, что и пропиванье, только здесь пируют гораздо более и больше бывает гостей.

Здесь также затепливают свечи, также бьют по рукам, пропивают невесту и бывает то же вытье. Если же невеста сирота и не имеет которого-нибудь из родителей или из ближайших родных, то пред началом пропиванья воют еще следующее:

№ 60

Падкая моя, жалостливая,
Моя матушка родимая,
Свет Марья Васильевна!
Все ли, все ли во собраньице?
Все ли дядюшки-тетушки?
Все ли братцы, все ли сестрицы?
Я сама про то знаю-ведаю,
Во кручинушке догадалася:
Нету-нету во собраньице
10 Да родимого батюшка,
Свет Матвея Иваныча,
А сегодня бы его надобно,—
Ко сегодняшнему вечеру,
Ко моему-то обрученью.
Я что-то у те хочу спросить,
О чем-то, млада, я попечалуюсь,
Я спрошу у тебя надеючи,
Ты скажи мне, меня жалеючи.

По окончании рукобитья и пропиванья гости садятся по местам, и им поют свадебные песни. Потом садятся за стол, занимая места по степени родства, причем родня жениха занимает места выше родни невесты.

Стол бывает накрыт чистою белою скатертью; по краям его кладутся ложки и вилки и небольшие булки, разрезанные чрез центр на четыре части, и все это накрывается белыми полотенцами, которые гости, севши за стол, кладут себе на колени, чтобы не запачкать платья кушаньем.

Ужин почти обыкновенно составляют следующие *ествы*: пирог с рыбою, студень, коровий язык и окорок под хреном, щи молосные (скоромные), лапша со свининой, похлебка из курицы или утки, жаркое из телятины или баранины, из поросенка и гуся; потом следуют каравайцы, селянки и оладьи, и наконец ужин оканчивается сладким пирогом с малиною или с кышмышем. Во время ужина почти беспрестанно подносят гостям вино, пиво, травник и мед, с начала ужина до подания на стол гуся, вино и мед идут от жениха, а с этого времени до самого конца вечера от отца невесты. В конце ужина невеста дарит гостей — мужчин платками, женщин кисеею или холстом, а незамужних — ленточками в косу или тоже кисеею. Дары подносит не сама невеста, а кто-нибудь из ее родственниц, положив их на тарелку, а невеста в это время стоит на ногах и только просит даримого, если он отбивается от подарка, не спесивиться и принять его. Девушки же тогда поют невесте следующую песню:

№ 61

Уж как на горе, горе,
Да в полукосогоре,
Тут стоял новый терем
Со новыми сенями,
Со красным крылечком,
Со крутыми переходам.
Как по тем же по сеням,
Как по тем же по новым
Тут ходила-гуляла
10 Душа красна девица,
Свет Анна Петровна;
Она ходила-гуляла,
Сундуки отворяла,
Все дары вынимала,
Ко дарам говорила:
— Вы дары мои, дары,
Вы дары дорогие!
Я не год вас копила,
Я не два сподобляла:
20 Я копила дарочки
Ровно * двадцать годочков,
Раздарила дарочки
Я единым часочком,
Я единой минутой.

Обычай требует от принимающего дары отдарка. Жених обыкновенно отдаривает невесту куском ситца или какой-нибудь материи на сарафан, свекровь — платком, а прочие откладывают деньгами.

По окончании ужина столы убираются, гости садятся по лавкам, и начинается либо пение проголосных песен, либо пляска, особенно когда

* Сколько лет невесте.— *Прим. Даля.*

СЕЛЬСКИЙ ПРАЗДНИК
Литография с рисунка Ф. Фероглио, середина XIX в.
Музей изобразительных искусств, Москва

есть под рукою какой-нибудь музыкальный инструмент — бандура, балалайка или гармоника. Пляшут и вообще больше и буйнее веселятся мужчины, нежели женщины, оттого что первые пьют водку и пиво, а последние только мед и травник, а потому они больше занимаются между собою беседою о своих хозяйственных занятиях, пряже, пече, огородах и прочем, а чаще занимаются пересудами и сплетнями.

Наконец, далеко за полночь, жених, его родители и прочие гости расходятся по своим домам.

Когда все гости разойдутся, невеста вместе с девушками садится за стол в последний раз ужинать в доме своих родителей. После ужина, еще сидя за столом, начинается вытье, коим невеста выражает своему отцу благодарность за воспитание. Вытье это таково:

№ 62

Не осудите, мои голубушки,
Меня на хлебе, на соли
Да на серой малой утице:
У нас некому за стрельбой ходить!
Тебе покорно благодарствую,
Мой родимый сударь-батюшко,
Тебе — на хлебе, на соли,
На серой малой утице,
На премногих сладких кушаньях!

Отпила-то я, откушала
Со кумами, со подружками
У родимого батюшка!
Как моя-то красна ложечка
На столах она затерялася,
В скатертях она завертелася!
Ты ходил ли, родимый батюшко,
Ты по рыночкам, по базаричкам?
Ты спросил ли, родимый батюшко,
У чужих-то людей добрыех
Про чужого-то про чуженина?
Он не ходит ли во царев кабак?
Он не носит ли золоту казну?
Он не пьет ли зелено вино?
Не прохаживает ли темны ноченьки?
Не сидеть бы мне темной ноченьки
И не лить бы мне горючи слезы.

Последнее утро невесты. Отданье девьей кра́соты

Последний день в доме родителей невеста начинает следующим вытьем:

№ 63

Сизыя вы мои голубушки,
Белыя вы мои лебедушки!
Я что-то у вас хочу спросить:
Вам спалась ли темна ноченька?
Вам мягка ли была постелюшка?
Вам круто ли было изголовьицо?
Уж как мне-то, молодешенькой,
Не спалася темна ноченька,
Не мягка была постелюшка,
Не круто было изголовьицо,
Не хороший мне сон привиделся:
Как моя-то бы мягка постелюшка
Она плавала по синю морю,
Приплывала бы к круту бережку,
И я хваталась бы и ловилася
За кустички, за ракитовы,
Я схватилась бы, молодешенька,
За чужую дальню сторонушку!

После этого вытья невеста отдает свою девью кра́соту — оплакивает свое девство и разлуку с девическою жизнию. Она, надев на голову ленту, садится на лавку и начинает с девушками выть, как при расплетании косы (см. выше); привывает к матери, к сестрам и ко всем находящимся тут девушкам. Потом девушки снимают с нее ленту, расплетают ей косу и связывают распущенные волоса ленточкой. После этого невеста, надев снова ленту на голову, подходит к иконам, затепляет пред ними свечку и, сняв с волос ленточку, которою они связаны, весит ее чрез свечу на божницу, потом, положив пред иконами начал, отходит от них, садится на лавку и начинает выть:

№ 64

Падкая моя, жалостливая,
Моя матушка родимая,
Свет Наталья Алексеевна!
Благослови-ко, родимая матушка,
Мне отдать свою девью кра́соту.
Я отдам свою девью кра́соту
Запрестольной богородице,
Я отдам свою девью кра́соту
Своим кумушкам-подруженькам:
10 Александре душе Григорьевне,
Да Матрене душе Егоровне.

(*Привывает всем девушкам.*)

Берегите, мои голубушки,
Вы мою-то да девью кра́соту
И от ветру ее и от вихорю,
От бела снега от круписчата,
От дыму да от кудрявого,
Что от чаду да от зеленого!
Еще вы, мои голубушки,
На великих своих возрастах,
20 Вы на скорых на отдаваньях;
Вас станут сваты свататься,
Женихи станут засылатися,—
Не сдавайтесь, мои голубушки,
Вы на сватовы слова ласковы:
Уж как сватовы слова ласковы,
Слова ласковы, да обманчивы!
Я возьму свою девью кра́соту
На свои ручки белыя,
На перстни да злаченыя,
30 Опущу свою девью кра́соту
Ниже пояса шелкового;
Я прижму свою девью кра́соту
Ко своему ретиву сердцу!
Пошла моя девья кра́сота
По высокому нову терему,
Пошла она, воротилася,
За меня, младу, сохватилася:
— Ты прости, моя красна девица,
Прости, умная-разумная,
40 Прощай, вежлива-очестлива!

(При словах «я возьму свою девью кра́соту» невеста снимает с головы ленту, опускает ее ниже пояса и потом прижимает к груди, далее, поставя на пол, потихоньку отодвигает ее от себя, потом опять придвигает к себе, берет ее с полу, поднимает выше головы и снова ставит ее на пол. Это повторяется четыре раза, когда воют, что кра́сота пошла по терему, по сеням, по крыльцу и на улицу.)

Воздыму свою девью кра́соту
Выше плеч, своей буйной головы,
Пошла моя девья кра́сота
По новым сеням решетчатым;
Пошла она, воротилася,

За меня, младу, сохватилася:
— Ты прости, моя красна девица,
Прости, умная-разумная,
Прощай, вежлива-очестлива!
50 Пошла моя девья кра́сота
По красну по крылечушку;
Пошла она, воротилася,
За меня, младу, сохватилася:
— Ты прости, моя красна девица,
Прости, умная-разумная,
Прощай, вежлива-очестлива!
Пошла моя девья кра́сота
На широкую на улочку,
Да еще она воротилася,
60 Под окошечком колотилася:
— Ты прости, моя красна девица,
Прости, умная-разумная,
Прощай, вежлива-очестлива!
Нам век с тобой не видатися,
Нам на встрече с тобой не встретиться,
Во божьей церкви не увидеться!
Пошла моя девья кра́сота
По широкой по улочке,
По раскатней по дороженьке;
70 В встречу, в встречу девьей кра́соте
Злодейка кийка шитая.
Она спор держит с девьей кра́сотой:
— Остыжу тебя, девья кра́сота,
Во матушке во божьей церкви,
При попах тебя, при дьяконах!
Сизыя вы мои голубушки,
Белыя вы мои лебедушки!
Посмотрите, мои голубушки,
За моей-то девьей кра́сотой:
80 Куда сядет девья кра́сота,
Куда сядет-опоместится.
Буде сядет девья кра́сота
На горькую на осинушку,—
Ей житье будет горе-горькое;
Буде сядет девья кра́сота
На белую на березоньку,—
Ей житье будет по-среднему;
Буде сядет девья кра́сота
На яблонь на кудрявую,—
90 Ей житье будет красованье.

По окончании вытья свечка пред иконами гасится, но ленточка остается на божнице; ее увозят свахи со свадьбой в церковь, где и оставляют на закладки в книги!

Впрочем кра́соту отдают только невесты безукоризненного поведения: невеста же, у которой на совести есть какие-нибудь пятна, не посмеет отдавать кра́соты богородице. Она в то время притворится так жалеющею о своей девической жизни, так встревоженною предстоящею переменою своего положения, и так расплачется о разлуке с родителями, что будто она от горя вовсе уж не может выполнить этого обряда. Иногда эту роль

принимает на себя сама мать невесты, притворившись до такой степени расстроенною разлукою с дочерью и все смешавши своими воплями, выручает дочь из такого неловкого положения.

Отдавши кра́соту, невеста, если она сирота, воет еще следующее:

№ 65

Сизыя вы мои голубушки,
Белыя вы мои лебедушки!
Уж вы сядьте, мои голубушки,
На дубовую лавочку,
Под кутнее под окошечко;
Посмотрите, мои голубушки,
По раскатистой по дороженьке
На матушку на круту гору:
Что не идет ли родимый батюшко
10 Со матушки со крутой горы,
Не несет ли родимый батюшко
Во левой руке цветна платьица,
Во правой руке Спаса образа,
Во устах-то благословеньица?

Свадебный поезд жениха. Лица, его составляющие. Отъезд дружек к невесте. Благословение жениха. Отъезд его за невестою

Еще прежде дня свадьбы родители жениха решают, с общего с ним согласия, кому из родных участвовать в его поезде, и просят их принять на себя нетрудные обязанности поезжан, хотя отказы в подобных случаях случаются редко, потому что участвовать в поезде считается большою честию, и нередко неприглашение в поезд какого-нибудь честолюбивого родственника и замещение его другим, имеющим, по мнению первого, меньшее право быть поезжанином, бывают между родными причиною непримиримой вражды, особенно между женщинами.

Поезд составляют: тысяцкий — самое почетное лицо в поезде; за ним следуют большие бояре, княжие свахи, поезжане, каждых по два или по три человека. Тысяцким бывает крестный отец или старший брат жениха, а большими боярами — старшие братья жениха или его дяди; княжими свахами — крестная мать жениха или жена крестного отца и старшие сестры жениха или жены его братьев; поезжанами или подружьями — женатые, а дружками холостые родные или сродные братья жениха.

В день свадьбы все родственники жениха собираются к нему в дом, где некоторые из них разделяют с хозяевами хлопоты приготовления к свадьбе. Когда все приготовления придут к концу, тогда от жениха посылают к невесте дружек известить ее, что жених готов ехать к венцу.

Дружки возят от жениха к невесте подарки: мыло, гребень, зеркало, чулки и башмаки, значение которых — показать невесте, что она должна собираться в дорогу.

По возвращении дружек от невесты отец, а потом мать благословляют иконой сына, который им кланяется в ноги. Икону эту отдают большим боярам довезти с собой в церковь. Если у жениха нет родных отца или матери, то их обязанности исправляют старшие родственники, отец и мать посаженые. После благословения все присутствующие, как поезжане, так и прочие, садятся на короткое время на лавки, а потом, вставши и помолясь богу, с благословениями и добрыми пожеланиями сопутствующих отправляется поезд за невестою. В поезде наперед идут дружки, за ними жених с тысяцким, потом большие бояре, свахи и поселяне.

Приезд дружек к невесте. Благословение невесты. Приезд жениха в дом невесты. Отъезд свадьбы в церковь. Старинное вытье. Приданое невесты

Между тем как в доме жениха хлопочут, приготовляясь к поезду, и в доме невесты не сидят сложа руки. Там тоже суетятся, снаряжая невесту к венцу и укладывая в сундук ее приданое. Суетливость эта еще более увеличивается с приездом дружек. Лишь только увидят, что дружки едут, начинают выть:

№ 66

Приутихните, гуси, на море,
Приумолкните, гости, в тереме,
Дайте-дайте расслушати,
Кто-то стукается-колотится
Под моим кутним окошечком.
Ой вы дружки, дружки храбрые!
Ты не хробоско, дружка, стукайся,
Ты не громко, дружка, говори:
Со твоего-то, дружка, голосу
10 Потряслася мать-сыра земля;
Со твоего-то, дружка, голосу
У моего родимого батюшка
Пошатался нов высок терем;
Со твоего-то, дружка, голосу
У родимой моей матушки
Во буйной ее головушке
Помешался ум со разумом;
У меня ли, молодешеньки,
Опустились ручки белыя,
20 Подогнулись ножки резвыя!

Дружки, вошедши в избу, подают невесте подарки, приговаривая, что такой-то, дескать, приказал ей поклониться, и сообщают ее родителям о том, что у жениха все уже готово к поезду. Девушки, окончив вытье, поют дружкам по свадебной песне и прикладывают им на грудь по кустику (бантик) из какой-нибудь шелковой ленточки.

Отложив девушкам за песни и кустики деньги, дружки, гордясь своими кустиками, уезжают к жениху с вестью о том, скоро ли невеста будет готова ехать к венцу.

В прежнее время по отъезде девушек еще выли следующее:

№ 67

Пала-пала с неба звездочка;
Перепала ко мне весточка
От чужого-то от чуженина.
Хочет-хочет чужой чуженин
Грабежом ограбить родимого батюшка,
А меня, младу, во полон взяти.

Но ныне вытье это оставлено.

Когда после дружек невесту совсем снарядят, начинают выть:

№ 68

Уж вы, ножки, ножки резвыя,
Вы идите — не подогнитеся!
Уж вы, очи, очи ясныя,
Вы смотрите — не прослезитеся!
Дайте-дайте узнать-усмотреть
Мие родимого батюшка,
Свет Ивана Григорьича,
Попросите его благословеньица!
Благослови-ко, родимый батюшко,
10 На чужую дальню сторонушку
Великим своим благословеньицем,
От желанья ретива сердца!
Как твое-то благословеньицо
Великая оборонушка
На чужой дальней сторонушке:
Изо дна-то моря оно вынесет,
Изо дна-то моря Хвалынского,
Из-под крутого бережечика,
Из-под серого камешечика!

Потом это же самое воют матери, только обращение начинается словами: «падкая моя, жалостливая моя, моя матушка родимая!» После вытья невеста кланяется отцу своему и матери в ноги, и они благословляют ее иконою.

После благословения невеста воет еще к братьям:

№ 69

Уж ты гой еси, млад ясен сокол!
Ты родимый мой братец миленький,
Свет Григорий Васильевич!
Проводи меня, братец миленький,
На чужую дальню сторонушку;
Отопчи мне, братец миленький,
Уж ты место мне, местечко,
Чтобы кровелька не прокапала;
Чтобы жить бы мене — не проплакати!

Когда поезд жениха будет уже близко от дома невесты, начинают опять следующее вытье:

№ 70

Что не пыль в поле запылелася,
Что не чернь в поле зачернелася,
Что не синь в поле засинелася,
Что не аль в поле заалелася,—
Запылелася путь-дороженька,
Зачернелися кони вороны,
Засинелися князья бояре,
Заалелися свахи княжии.
Заливалася вода вешняя
10 Ко батюшку во широкий двор,
Ко матушке во высок терем,

Ко мне, младой, за занавесу,
Потопляла вода вешняя
Со кумами меня, со подружками,
Со душами красными девицам!

В избу идут наперед дружки, расчищая жениху и поезжанам дорогу между любопытными соседками, которые в это время сбегаются в дом невесты со всей улицы посмотреть, не случится ли чего такого, о чем бы им после можно было и посудить и порядить между собою. За дружками следуют тысяцкий с женихом, свахи и другие поезжане; все они, кроме дружек, заходят за накрытый в переднем углу стол, на котором бывает поставлен пирог. Невеста в это время — за занавесою перед печью, вместе с девушками. К ней входят туда княжие свахи, расплетают ей косу и надевают на голову платок, подвязав его под горлышко, и в этом виде отец невесты выводит ее из занавесы и подводит к жениху. Девушки же между тем воют:

№ 71

Ой вы свахи, свахи княжия!
Не давно вы, свахи, приехали,
Скоро, свашеньки, опознались,
За русу косу принималися.
Во моей-то во русой косе
Есть два ножичка булатные,
Да две сабельки острые:
Вы обрежете ручки белыя,
Замараете платье цветное,
10 А у вас платье-то прошеное,
Что прошеное, кортомленое!
Падкая моя, жалостливая,
Моя матушка родимая,
Свет Анна душа Ивановна!
Подойди-ко, родимая матушка,
Ко мне в куть за занавесу,
Уж ты вскрой-ко, родимая матушка,
Слезенное с меня полотенечко;
Посмотри-ко, родимая матушка,
20 На мою-то трубчату косу:
Расплели мою трубчату косу,
Расчесали русые волосы,
На роду-то хотя не впервыя,
Девьей кра́соте во последныя.
Ты прости, мое место-местичко,
Прости, кутнее окошечко!
Я любила тебя, место-местичко,
Я по будням тебя, по праздничкам,
По частым светлым воскресеньицам.

Впрочем вытье это бывает не всегда или, если бывает, то редко оканчивается, потому что торопятся поскорее отправить свадьбу в церковь.

Когда подведут невесту к жениху, то поезжане выходят из-за стола, и тысяцкий просит родителей невесты благословить ее и жениха, и те благословляют их тою же иконою, которою прежде уже благословляли невесту. Икону эту отдают большим боярам, которые ее, вместе с иконою из дома жениха, возят с собою в церковь. После благословения, помолившись богу, поезд, увеличенный двумя свахами от невесты, отправляется в церковь.

Невеста садится вместе с женихом и тысяцким; все девушки, сидевшие на девичнике, провожают в церковь, где остаются до того времени, пока на невесту не наденут венец; а тогда они уезжают из церкви в дом невесты и оттуда расходятся по своим домам.

В прежнее время при отдаче невесты из дома родительского было более вытья и обычаев, которые ныне вышли из употребления и которые сохраняются только в памяти старух. Так, например, прежде невесту приводил из кути за стол к жениху не отец, но две девушки, и невеста, прежде чем подойдет к жениху, молилась богу, кланяясь в землю, при следующем вытье девушек:

№ 72

Расступитесь, князья-бояре,
Что на все четыре стороны,
Дайте-дайте узреть-усмотреть
Мне пресвятую богородицу!
Я первый-то поклон положу
Я за батюшка за родимого,
Я другой-то поклон положу
За родимую свою матушку,
Я третий-то поклон положу
10 За себя, молодешеньку,
Слезенной поклон положу
За хорошую девью кра́соту!

Так прежде еще выли, когда жених выводил невесту из избы:

№ 73

Уж вы сени, сени новыя,
Сени новыя, решетчаты!
Я не долго по вам ходила,
Много-много я потеряла:
Потеряла я, молодешенька,
Хорошу свою девью кра́соту.
Отпусти-ко, чужой чуженин,
Ты мою-то ручку белую,
Не води-ко меня, чуженин,
10 Ко своему ко добру коню:
Я не знаю, молодешенька,
У твоего у добра коня
Ни обычая, ни норова.

Когда свадьба выезжала из двора:

№ 74

После моего-то бываньица,
После девьего красованьица
У родимого батюшка,—
Во его широком дворе
Вырастай-ко, част ракитов куст,
Со яблонью со кудрявою!
Солетайтесь, птицы певчия,
Дайте-дайте назолушку
Моему родимому батюшку!

Выли дорогою:

№ 75

Отставала лебедь белая,
Она от стада белых лебедушек,
Приставала лебедь белая
Ко стаду ко серым гусям;
Не щиплите, гуси серыя,
Нашу белую лебедушку:
Наша белая лебедушка
Не кричит-то да по-гусиному,
Говорит она по-лебединому.

И наконец еще выли, подъезжая к церкви:

№ 76

Ты постой-постой, лошадь-добрый конь!
Дайте-дайте мне проститися
Со кумами да со подружками,
Со душами красными девицам!
Сизыя вы мои голубушки,
Белыя вы мои лебедушки,
Мои кумушки-подруженьки!
Вы скажите, мои голубушки,
Моему родимому батюшку,
10 Не искал бы меня батюшко
Во тереме за занавесой,
Во кумушках, во подруженьках,
Что искал бы меня батюшко
Во матушке во божьей церкви,
Откупал бы меня батюшко
От попов меня и от дьяконов!

По отъезде свадьбы из дома невесты в церковь двое невестиных родственников, называемых в этом случае поезжанами, отвозят в дом жениха ее приданое, которое обыкновенно составляют: платье невесты, постеля (перина или войлок с подушками, одеялом и занавесом), холсты, столовое белье (скатерти и полотенцы), рубахи и исподнее платье для мужа.

Возвращение свадьбы из церкви. Окрученье молодых. Ужин. Подклет. Баня. Большой и пирожный столы. Хлебины

По возвращении свадьбы из церкви родители жениха встречают молодых с хлебом и солью и благословляют их тою же иконою, которою уже благословляли жениха ехать к венцу. Потом княжие свахи молодую окручивают, то есть заплетают ей две косы и надевают на голову косынку или платок, как обыкновенно носят здесь женщины. После окрученья молодых и поезжан приглашают за стол и угощают ужином, после которого поезжане, кроме дружек, расходятся по своим домам, а дружки стелют в отдельной избе молодым постелю, и они ложатся спать. Во время сна их дружки топят баню, в которую молодые, вставши с постели, ходят мыться. Дружки запирают у бани двери и не выпускают из нее молодых, пока молода не подарит им по платку.

На другой день дружки приглашают всю старую и новую родню к молодым к обеду, на так называемый большой стол, а по вечеру на пирожный. Во время большого стола молодая дарит свекровь и свекора рубахами, деверьев платками, а золовок холстом или полотенцами.

Все свадебные череды заключаются хлебинами, или пирушкой родственников той и другой стороны в доме тестя, где за столом последним блюдом бывают блины, при постановлении коих на стол молодой зять дарит тестя сапогами, а тещу башмаками.

‹ПЕСНЯ ПУГАЧЕВСКОГО ЦИКЛА›*

ЛБ, ф. 125, ед. хр. 53, лл. 2133 об.— 2134 (в тетради, переданной Киреевскому Далем). В рукописи текст песни густо зачеркнут, в ряде строчек дважды (продольной полосой и зигзагообразной), теми же чернилами, которыми написана вся рукопись. Вследствие этого песня оставалась непрочитанной более ста лет. Нам этот текст удалось прочесть полностью. Кто и почему зачеркнул песню — неизвестно. Возможно, что это сделал переписчик, которому не понравилось ее содержание, а возможно по каким-то соображениям сам Даль.

Песня пугачевского цикла о волнении на Яике в 1771—1772 гг. и убийстве генерала Траубенберга (А. Н. Лозанова. Песни и сказания о Разине и Пугачеве. М.— Л., «Academia», 1935, стр. 382; в дальнейшем: Лозанова).

Впервые песня стала известна по обрывочной записи Пушкина (см. настоящ. том, № 5). В 1833 г., начав работать над «Историей Пугачева», Пушкин едет по местам, связанным с крестьянским движением и именами Разина и Пугачева. Он посещает Казань, Симбирск, Оренбург. В Оренбурге Пушкина встречает Даль, который знакомит его с достопримечательностями города и уезда, в частности везет его в станицу Берды, «бывшую столицу Пугача». В воспоминаниях о Пушкине Даль писал: «...мы отыскали старуху, которая знала, видела и помнила Пугачева. Пушкин разговаривал с нею целое утро; ему указали, где стояла изба, обращенная в золотой дворец, где разбойник казнил несколько верных долгу своему сынов отечества; указали на гребни, где, по преданию, лежит огромный клад Пугача ‹...› Старуха спела также несколько песен, относившихся к тому же предмету, и Пушкин дал ей на прощанье червонец» (Л. Майков. Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899, стр. 416—417).

Все увиденное и услышанное Пушкиным в станице произвело на него неизгладимое впечатление. 2 октября 1833 г. он писал жене: «В деревне Берде, где Пугачев простоял 6 месяцев, имел я une bonne fortune** — нашел 75-летнюю казачку, которая помнит это время, как мы с тобою помним 1830 год. Я от нее не отставал, виноват: и про тебя не подумал» (Пушкин, т. XV, стр. 83). Возможно, что Даль в это же время сделал записи кое-каких песен, в том числе публикуемой.

Через 25 лет, в 1858 г., вар. этой песни записал И. И. Железнов от старого казака Ивана Михайловича Бакирова. Характерно, что Бакиров сослался на нее как на неоспоримый авторитетный источник в споре с Железновым о дате «прихода царя Петра III» на Яик. «Как же так? — говорил с недоумением старик.— Ведь насчет него и песня есть. И, не дождавшись моей просьбы,— вспоминает Железнов,— Иван Михайлович тотчас же запел:

Того месяца сентября,
Двадцать пятого числа
В семьдесят первыим году
Во Яике-городу...

Последними он спел строчки:

Когда вора поимам,
Похвалу себе получим...

Дальше запамятовал,— сказал Иван Михайлович, кончив пение,— да и с молоду-то я не любил петь ее: солдатска она! Солдаты же, чтоб их драло,— прибавил рассказчик,— солдаты же, знамо, и приплели тут:

Донского казака
Емельяна Пугача!

---

* Комментарий к этой песне принадлежит Г. Г. Шаповаловой; к «Свадебным обрядам» — Н. П. Колпаковой.

** удачу (франц.).

А по-нашему,— продолжал старик,— по-нашему, он был не Пугач, а настоящий Петр Федорович!» (Лозанова, стр. 257—258). Как предполагает А. Н. Лозанова, песня была сложена в «старшинской партии» яицких казаков, т. е. тех, кто стоял за подчинение требованиям правительства (стр. 382). Последнее же в 20-е годы XVIII в. все больше начало вмешиваться во внутренние дела казаков. Между «войсковой стороной» казаков и «старшинской» вспыхивают конфликты, для разбора которых правительство присылает комиссии. Наконец, незадолго до пугачевщины, правительство решило составить московский легион, как новое отборное войско, в которое должны были войти и яицкие казаки (там же). Это еще больше усилило волнение среди казаков, в Петербург было отправлено прошение об оставлении казачества на месте. Все эти события и нашли отклик в песне.

И несмотря на то, что автор песни не одобряет яицких казаков-бунтовщиков, прямо называя их «дураками» и «изменщиками», он не может устоять перед величием и силой Пугачева, пиетет перед ним оказывается выше. Даже в глазах «старшинского казачества» Емельян Пугач — богатырь, обладающий сверхчеловеческой волшебной силой, от голоса которого «закачались круты горы, затряслась мать-сыра земля, побежала рыба в глуби...» и т. д. Пугачев представлен лицом, обладающим верховной властью, что давало ему возможность снисходительно-критически оценивать поступки генерала, посланного Екатериной II для его же, Пугачева, поимки: «Сказать тебе, боярин, что ты храбро поступил...»,— говорит он в песне генералу, призывавшему солдат-драгунов «свинцу-пороху не жалеть».

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ В ГОРНЫХ ЗАВОДАХ ⟨УРАЛА⟩

ГИМ, ф. 56, п. 119-а. Тетрадь с песнями, написанными неизвестной рукой. Каждый цикл песен в рукописи имеет свою нумерацию. Мы для удобства пользования даем единую нумерацию всех песен.

⟨*Вступление*⟩. *Суксунский завод* — крупнейший железоделательный завод, основанный Демидовым в Красноуфимском у. Пермской губ.

№ 1. Причет невесты на рукобитье. Как у всякого причета-импровизации здесь и у последующих причетов (№ 2—11) точная библиография указана быть не может.

№ 2—11. Причеты невесты на предсвадебной неделе с традиционным содержанием. *№ 2.* Интересно указание об исполнении этого причета «по утру» (как в последующих причетах — «в полдень», «под вечер» и пр.): обычно прикрепления причетов к отдельным моментам суток исполнители не указывают, называя только место данного причета в общем ходе обряда («на рукобитье», «на девишнике» и т. п.). *№ 4.* Причет с поэтическими образами (пролетающий сокол предсказывает невесте счастье на чужбине, пролетающая лебедь, наоборот, предостерегает ее от чужой стороны), которые приближают данный текст по композиции и поэтике к лирическим-свадебным песням. *№ 5.* В этом причете с традиционным содержанием — жалобами невесты на отца — своеобразно сопоставление девушки, не смеющей преступить волю родителей, с заключенными «потюремщичками». *№ 10.* Подобные причеты обычно относятся к старшим замужним сестрам, теткам и т. п. и нередко превращаются в причеты-диалоги между невестой и гостьей, которая описывает в безрадостных тонах уже знакомую ей замужнюю жизнь на чужбине. *№ 11.* Причет, обращенный к подругам.

№ 12. Величальная свадебная песня жениху и невесте, представляющая собой как бы контаминацию нескольких песенных сюжетов (ст. 1—10, 11—24, 25—54), соединенных вместе без обобщающего сюжетного стержня. Второй по порядку сюжетный мотив (ст. 11—24) — широко известная величальная песня жениху, записанная во многих областях (*НС* № 284, 333, 435, 440, 765, 794; Шейн, в. 1, № 1503, 1916; Соб., т. II, № 604). Перед этой песней в рукописи поставлена звездочка и сбоку приписано: «Песни свадебные написать после, в конце» и выше: «Эти песни написать в конце статьи». Очевидно, эти замечания относятся к песням № 12—17, связанным с данным обрядовым моментом.

№ 13. Свадебная песня, исполняемая обычно при приезде жениха к невесте на рукобитье и обрученье. Известна по записям из разных районов. Вар.: *НС* № 567.

№ 14. Свадебная песня, обращенная к невесте от лица матери. Вар. со сходными образами и содержанием, но с несколько иным эмоциональным характером — см. Песни Поволжья, № 77. Особенностью данной записи является предваряющее ее примечание собирателя о том, что песня поется невесте-сироте, потерявшей отца.

№ 15—16. Лирические-свадебные, обращенные к невесте от лица подруг. *№ 15.* По образам и композиции типична для свадебной лирики, но редкая. В основных песенных сборниках близких вар. не встречается. *№ 16.* Известна во многих близких вар. (*НС* № 119, 236, 327, 659, 737).

№ 17. Лирическая-свадебная, представляющая собой контаминацию двух самостоятельных свадебных песен, известных порознь по многим записям и публикациям (*НС* № 5, 129). Любопытно, что данная контаминация очень органично соединяет оба текста и наводит на предположение — не был ли весь этот текст когда-то действительно единой стройной песней и не является ли распадение его на две самостоятельные

песни уже позднейшим образованием. В конце текста примечание: «Есть еще песни ниже вдовьих, их написать здесь же». Очевидно, речь идет о тех величальных свадебных песнях, которые пелись на свадебном пиру холостым парням, девушкам и другим гостям.

№ 18—26. Величальные-свадебные женатой паре гостей на пиру. *№ 18.* Основная тема — просьба мужа к жене родить сына-сокола и лебедь-дочь и намерение вырастить их грамотными и учеными — традиционна для величальных песен, обращаемых к данной категории гостей; особенно разрабатывается она в известной песне «Во горнице во новой», имеющей множество вар. Основная библиогр.: Песни Печоры, № 295. Публикуемый текст является редким и своеобразным по сочетанию образов. Близкие вар. в основных печатных сборниках не найдены. *№ 19.* Построена на традиционных символических образах и сопоставлениях (любящая пара — голубь и голубка), но в целом текст своеобразен и редок. *№ 20.* Известна в близких вар. по многим записям и публикациям (Песни Поволжья, № 85). *№ 21.* Основное содержание в вар. известно по ряду записей и публикаций (*НС* № 52, 900; Истомин — Дютш, № 14, и др.). Данный текст оригинален образом своего зачина (два первых ст.), которым обычно начинается другая свадебная песня, рассказывающая о предсвадебной тоске невесты («Жарко в тереме свеча горит», «Ясно в тереме свечи горят» и т. п.). *№ 22.* Своеобразная контаминация известной величальной песни «Летал голубь, летал сиз со голубушкой» (библиогр. и вар.: Песни Поволжья, № 75; Песни Печоры, № 81) с отдельными образами песни «Во горнице во новой». В таком сочетании и с данным зачином песня в других записях и публикациях не встречается. *№ 23.* Редкая. Зачин перекликается с другой свадебной песней «Белокаменны палаты грановиты», бытующей в северных районах, посвященной невесте и изображающей пышный свадебный пир, на котором ее величают. Центральная тема — рождение сына, проходящая в данном тексте, характерна для песен-величаний свадебной паре. *№ 24.* Очень своеобразна и редка. Обычный текст с этим зачином — жена будит мужа известием о том, что конь потоптал их ягодный сад, муж успокаивает ее надеждами восстановить все испорченное. В данном тексте тема семейная уступает место теме общественной — изображается военный поход, высказываются надежды на царскую награду. Близких вар. в основных печатных сборниках не найдено. *№ 25.* Более обычен вар., посвященный жениху и невесте (или новобрачным) без упоминания о детях. В данном тексте последние 7 ст. очень близки к тексту песни «Во горнице во новой» (см. выше, прим. к № 18). *№ 26.* В близких вар. известна по ряду записей и публикаций (*НС* № 84, 348; Шейн, в. 1, № 1618).

№ 27. Величальная женатому гостю на пиру. В вар. с несколько иной концовкой известна по записям и публикациям в ряде изданий. Вар.: Соб., т. IV, № 99. Данный текст любопытен упоминанием о заводах Демидова, придающем песне особый локальный колорит.

№ 28—32. Величальные-свадебные женатой паре гостей на пиру. *№ 28.* Зачин (первые 8 ст.) в других записях имеет иное продолжение (описание солдатского похода). Данный текст может считаться оригинальным и редким. *№ 29.* Текст интересен по образам (подарок царицы — три города, в которых по-разному готовились к крестинам сына, родившегося у величаемой пары, описание крестин). Близких вар. в основных печатных сборниках не найдено. *№ 30.* Вар. песни «Во горнице во новой» (см. выше). Близкий текст: *НС* № 268. *Люстрин* — шерстяная ткань с блеском; *флер* — шелковая ткань. *№ 31.* Образ жены (невесты), вышивающей для мужа (жениха) всю ночь ковер или узду его коню, традиционен в свадебной лирике, но в целом данный текст является редким и в основных печатных сборниках не встречается. *№ 32.* Центральная тема (просьба мужа к жене родить сына) традиционна; обычно при этом высказываются пожелания видеть сына грамотным, ученым, счастливо женатым, иногда — купцом; в данном тексте интересны образы городничего и полковника как идеалы для судьбы будущего сына и особенно — образ приказчика при заводе, подчеркивающий локальный характер песни. При наличии ряда традиционных образов текст в целом своеобразен и малоизвестен.

№ 33—46. Величальные-свадебные холостому гостю на пиру. *№ 33.* Своеобразный вар. известной игровой песни «Вдоль по морю, морю синему», из которой взяты только радостные образы взаимной любви молодца и девушки и опущены обычные угрозы молодца и т. п. В основных печатных сборниках текст в подобном вар. не встречается. Разночтения в отчестве молодца («Иваныч» — «Михайлыч»), очевидно, допущены по ошибке исполнителя или собирателя. *№ 34.* Известна по многим записям и публикациям. Вар.: *НС* № 356, 430, 593, 756, 757. *№ 35.* Образы традиционны (молодец — воин, девушка — полонянка; жених не согласен на выкуп девушки из плена), но в данном сочетании создается текст, не встречающийся в основных печатных сборниках. *№ 36.* Вар. известной песни, часто исполняемой в честь жениха на рукобитье, просватанье и в другие моменты предсвадебной недели. Близкий тип — *НС* № 267. *№ 37.* В печатных сборниках встречается сравнительно редко и в далеких вар. (например, сб. «Крестьянское искусство СССР. 2. Искусство Севера». Л., «Academia», 1928, стр. 151, «У ворот было на улице»). *№ 38.* Редкая, построенная на традиционных фольклорных образах, но в основных печатных сборниках в таком вар. не встречается. Интерес-

на упоминанием о П. Г. Демидове, подарившем молодцу шубу. Демидов выступает тут вместо традиционных дарителей — родителей, царя и пр. *№ 39*. Редкая. Известен далекий вар. (игра девушки с молодцем в шахматы, проигрывание девичьей косы и молодецкой воли). Данный текст интересен более новыми образами (игра в карты, молодец проигрывает «карманные часы со цепочкой серебреною»). В основных печатных сборниках песня в таком вар. не встречается. *№ 40—41*. Основные образы традиционны, но в целом текст малоизвестен. *№ 42*. Зачин (расчесывание молодцем кудрей перед зеркалом) традиционен для величаний холостому парню или жениху, но вторая половина текста своеобразна, и в целом песня малоизвестна. *№ 43*. Типичен свадебный величальный мотив — переход парня и девушки через речку. Имеется много вар. в записях и публикациях (*НС* № 1, 57, 81, 367, 618, 754, 779, 981; Песни Поволжья, № 132, и мн. др.). *№ 44*. Характерны величально-свадебные образы (рождение молодца в счастливый день, красота его, намерение невесты чесать его кудри, убирать их жемчугом), но в целом текст редкий и малоизвестный. *№ 45*. Образы традиционны для свадебных величаний; интересна локальная деталь — «Суксун завод с конторою», который молодец желает получить в приданое за невестой и образ «мальчишки-разувальщичка», взятый, очевидно, из быта заводских хозяев. Текст редкий. *№ 46*. Тема молодца-победителя, добивающегося невесты, традиционна и типична для свадебной лирики, но очень интересны лирико-эпические образы, обычно в свадебных песнях не встречающиеся: девица спасается от молодца путем оборотничества, превращаясь в траву, в рыбу. Текст редкий.

№ 47—48. Величальные-свадебные девушке-гостье на пиру. *№ 47*. Традиционна по образам (красота девушки — белизна, румянец и пр., коса, которую убирают родные и по которой страдает молодец); но в целом текст малоизвестный. *№ 48*. Текст полон традиционных фольклорных свадебных образов (встреча с молодцем, поездка в Казань-город за подарками, пути через поля, броды и пр.), но — редкий, вар. имеет мало (*НС* № 310).

№ 49. Величальная-свадебная вдовым на пиру. Вар. встречаются редко (только среди песен северных районов и обычно с несколько иными образами: *НС* № 21).

№ 50. Величальная-свадебная на пиру. Символические образы любящей пары — утки и селезня — традиционны, и под текстом имеется пометка: «Ж» и «Н», что очевидно должно обозначать «Жениху» и «Невесте». Но сама песня противоречит такому толкованию и скорее напоминает величание вдовым (утка остается без селезня, величаемая женщина — без мужа). Текст редкий.

№ 51. Величальная-свадебная жениху или невесте-сиротам. Очень широко распространена по различным областям, известна по многим записям и публикациям. Библиогр. и вар.: Песни Печоры, № 292. Данный текст интересен ст. 6—8 и 16—18, в других вар. обычно не встречающимися. В рукописи обозначена № 4, а не 3. Листы не вырваны, так что пропуск № 3, очевидно, случайная ошибка собирателя, или же собиратель намеревался дать какой-то иной порядок песен, не сохранившийся в рукописи.

№ 52. Величальная-свадебная, обычно исполняемая жениху и невесте. Текст известен по многим записям и публикациям. Библиогр. и вар.: Песни Пинежья, № 121.

№ 53. Величальная-свадебная невесте. Чаще встречается с зачином «Отставала лебедушка». Очень широко распространена и известна во многих записях и публикациях. Библиогр.: Песни Пинежья, № 76.

№ 54—60, 62—74 и *76*. Причеты-импровизации, построенные на традиционных образах, характерных для этого фольклорного жанра, разрабатывающие традиционную тематику предсвадебной недели. Близких текстовых совпадений в печатных сборниках не найдено.

№ 61. Лирическая-свадебная песня, широко известная, исполняемая обычно при одарении невестой на обрученьи всех гостей. Вар.: *НС* № 88, 337; Шейн, в. 1, № 1523 и др.

№ 63. Причет невесты утром в день свадьбы, обращенный к подругам, с рассказом об ее вещем сне. Тема сна своеобразна и обычно в других причитаниях невесты не встречается.

№ 70. Причет невесты при встрече жениха перед венцом. Известен текст лирической-свадебной песни с этими же образами и содержанием, записанный в Архангельской обл. (ИРЛИ, Р. V, колл. 216, № 3349).

№ 71—74. Причеты невесты при отъезде из родного дома.

№ 75. Фрагмент очень известной свадебной песни о лебеди, обиженной гусями (см. выше № 53), использованный в данном обряде в качестве причета подруг невесты («выли» дорогой) при отъезде невесты в церковь.

№ 76. Последний причет невесты, исполнявшийся при приближении к церкви.

А. М. ТУРГЕНЕВ

Вступительная заметка и публикация П. Д. Ухова

Комментарии А. И. Баландина

Александр Михайлович *Тургенев* (1772—1862), родственник И. С. Тургенева, родился в Москве, учился в Геттингенском университете, затем служил на военной службе, участвовал в Бородинском сражении и был ранен. Позднее занимал должность губернатора в Тобольске и Казани. Выступал активным сторонником освобождения крестьян. Автор «Записок», опубликованных после его смерти в «Русской старине» в 1885—1887 и 1889 гг.

Несмотря на то, что служебная деятельность Тургенева была далека от литературы, он был близок со многими писателями. У него бывали и выступали с чтением своих произведений его друг В. А. Жуковский, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, И. А. Гончаров, Я. П. Полонский и др. Был он близок и с братьями Киреевскими (см. его письма к И. В. Киреевскому.— ЦГАЛИ, ф. 236).

Имя его как собирателя песен и корреспондента Киреевского в науке неизвестно. Материалы А. М. Тургенева, доставленные Киреевскому, напечатаны в «Новой серии» № 1148, 1435—1437, 2922—2933 — это преимущественно игровые и хороводные песни, идущие из Московской губ. Оригиналы песен переписаны разными лицами, чаще всего полуграмотными, на отдельных разрозненных листах, на которых обычно стоит помета Киреевского: «Доставлено от А. М. Тургенева» (см., например, ЛБ, ф. 125, п. 35, лл. 186, 188, 189 и др.). Все это говорит о том, что не все песни Тургенев записывал сам; большая часть из дошедших до нас песен, доставленных им, записаны его корреспондентами. Кто они, свидетельств не сохранилось.

Вероятно, какая-то часть текстов исчезла, но в целом вклад А. М. Тургенева в Собрание Киреевского был весьма скромным. До нас дошла только одна неизданная песня за его именем.

№ 1

Красно лето подоспело,
Соловьи с моря слетели,
Соловьи с моря слетели,
Молодым гулять велели *2*
На зеленом на лугу, *2*
На крутом берегу.
Тамо девушки танцуют
И молодушки горцуют.
Танцовали, горцовали,
10 Молодцов всех призывали:
— Вы придите, молодцы,
Посмотрите наши танцы.
Наши танцы веселые,
У нас девки молодые
На них шубы голевые *2*
Соболем опушены.

А. М. ТУРГЕНЕВ

Рисунок пером В. А. Жуковского, 9 октября 1839 г.

Исторический музей, Москва

Одна девушка кручинна,
На ней шуба-то зайчина *2*
И хорьком опушена,
20 Что хорьком опушена,
Кумачом обложена.
Потому она кручинна:
Она криночку разбила *2*
И сметану пролила.
Не тужи, наша сестрица,
Что потеряна вещица,
И мы пошлем по Степана,
По старова черепана,
Он нам криночку починит
30 И сметанушкой нальет.
Не спасибо-то отцу,
Твому старому глупцу:
Не в руках девку держал,
Девке волюшку давал, *2*
В чужи люди отпускал *2*
На крутой на бережок, *2*
На желтой на лужок
Танцовати, горцовати,
Молодцов к себе сзывати.

№ 1. Копия. ЛБ, ф. 125, п. 17, л. 4437. Возможно, что это оригинал одного из корреспондентов А. М. Тургенева. Под текстом помета Киреевского: «дост. от А. М. Тургенева». Хороводная песня.

А. Х. ВОСТОКОВ

Вступительная заметка и публикация П. Д. Ухова

Комментарии А. И. Баландина

Собирательская деятельность Александра Христофоровича *Востокова* (1781—1864) в области народного творчества проходила в основном в первые два десятилетия XIX в., т. е. еще до начала собирательской работы Киреевского. Деятельность эта возникла в связи с намерением Востокова издать своеобразный свод фольклора «Цвет русской поэзии», в который должны были войти песни и пословицы как из печатных источников, так и из уст народа собранные [1]. Сам Востоков по этому поводу заявлял: «...песни ⟨обрядовые⟩ заслуживают быть сохранены, хотя бы для одного любопытства. Прочие разряды предполагаемого мною русского песенника, как-то: разряд любовных, свадебных, застольных, шуточных, былевых и страннических, разбойницких и военных песен, ожидают равномерно пополнения и обогащения неизданными еще в печати памятниками сего рода, которых можно набрать довольное количество по деревням и по областным городам России» [2].

Однако следует думать, что непосредственно из уст народа Востоков записывал мало. Основное свое внимание он устремлял на книжные и в особенности на рукописные источники. Вот почему при жизни Киреевского Востоков передал ему только списки духовных стихов, сделанные с архивных источников. «А. Х. Востоков,— писал Киреевский,— сообщил мне список с любопытного рукописного собрания народных стихов, хранящихся в Румянцевском музее» [3].

В архиве Собрания нашлась небольшая стопочка бумаги форматом в $^1/_8$ л. (ГИМ, ф. 56). Вся стопочка обернута листом бумаги, на котором неизвестным почерком написано: «Из полученных от Востокова и Н. Полевого». На листках Востокова его собственною рукою чернилами переписано шесть песен, пять из которых напечатаны в 8 в. «Старой серии», шестая — «Отдавала меня матушка» — нигде до сих пор не публиковалась и воспроизводится впервые. Укажем напечатанные тексты (в порядке их следования в тетрадке Востокова): «Не спала млада — не думала» (№ 322), «За горою за высокою» (№ 323), «Как спасибо тебе, муравленому кувшину» (№ 309), «Во селе, селе во Верейском» (№ 220), «У нас на дворе туман, туман» (№ 225).

Несомненно об этих песнях пишет Бессонов в своей «Заметке» в 8 в. Он сообщает, что Н. А. Цертелев при письме от 12 марта 1869 г. передал ему, Бессонову, свои бумаги, в которых «большею частью оказались списки с печатных, разбросанных прежде песней: но нашлось несколько замечательных новых, записанных А. Хр. Востоковым и Н. А. Полевым» (стр. LXXIII).

Как сообщил Цертелев, он передал Бессонову свои записи пятидесятилетней давности. Следовательно, такую же давность имеют и бумаги Востокова. Значит, запись этих песен, в том числе и публикуемой нами, была произведена не позднее конца 10-х годов XIX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Азадовский. История русской фольклористики, т. I, стр. 152—155.
[2] «Журнал Министерства народного просвещения», 1890, март, стр. 103.
[3] «Чтения», стр. V.

А. Х. ВОСТОКОВ

Рисунок неизвестного художника (итальянский карандаш), май 1820 г.

Литературный музей, Москва

№ 1

Отдавала меня матушка
За три горы высокия,
За три города за каменных,
Не велела мне сударыня
Не тужить-то мне, не плакати,
Не почасту в гости ездити,
Не почасту, через двадцать лет.
Уж как я-то, горька-бедная,
В три недельки стосковалася.
10 Уж я выйду, горька-бедная,
На красно-то на крылечушко,
На красно крыльцо перильчато,
Обопрусь я о перилечки,

Обольюсь я горячми слезми,
Посмотрю я в свою сторону,
Не летит ли оттоль ласточка,
Сизокрылая косаточка.
Попрошу я у ней крылышков,
У перепелочки перышков,
20 У кокушечки голосу;
Полечу я в свою сторону.
Уж я сяду, горька-бедная,
К родну батюшке в зеленой сад,
К родной матушке на вишенье,
Я слезами сад повытоплю,
Я кручиною весь повыгублю.
Как родимой-то мой брателко
По широкому двору похаживат,
Он свой тугой лук натягиват,
30 Калену стрелу натравливат,
Сам ко стрелке приговариват:
— Полети, моя калена стрела,
Ты убей в саду пташечку,
Сизокрылую косаточку.
Как родимая моя матушка
Увидала из окошечка косящета,
Своего сына уговариват:
— Ох ты гой еси, мое дитятко,
Не стреляй ты в саду пташечку,
40 Сизокрылую косаточку.
Уж как это моя мила дочь
Со чужой дальной сторонушки.

№ 1. Автограф. ГИМ, ф. 56. Широко распространенная семейно-бытовая песня (вар.: Соб., т. III, № 19—35; *НС* № 1281, 1580, 2253, 2497; Шейн, в. 1, № 846—852, 2321). Известна как «свадебная» («Отечественные записки», 1841, т. XIX, Критика, стр. 92), «посиделочная» (Лаговский, стр. 16) и т. д. Наиболее полный вар.: Н. И. Костомаров и А. Н. Мордовцева. Русские народные песни, собранные в Саратовской губернии («Летописи русской литературы и древности», изд. Н. Тихонравовым, т. IV. М., 1862, стр. 45). Публикуемый вар. примечателен тем, что в нем отсутствуют традиционные для этой песни зачины «Калину с малиной вода поняла», «Калинушка с малинушкой рано расцвела» и др.

С. П. ШЕВЫРЕВ

Вступительная заметка и публикация П. Д. Ухова

Комментарии А. И. Баландина

Собирание фольклора в деятельности Степана Петровича *Шевырева* (1806—1864) было делом эпизодическим. Киреевский в предисловии к «Русским народным стихам» глухо сообщал, что Шевырев доставил ему «Собрание песен, записанных им в Саратовской губернии». Вклад Шевырева в Собрание Киреевского был, очевидно, весьма скудным.

В «Старой серии» опубликовано лишь четыре собранных им текста («Мастрюк» — в. 6, стр. 129; «Степан Разин» — в. 8, стр. 34; «Поездка Петра I в Шлиссельбург» — в. 8, стр. 158). Все они отнесены к с. Даниловке Петровского у. Саратовской губ. (родное село Шевырева). Четвертый текст — «Илья Муромец на Соколе корабле» (в. 1, стр. 22) — за Шевыревым не числится, но судя по тому, что он доставлен из той же Даниловки Петровского у., принадлежность его Шевыреву сомнений не вызывает. В «Новой серии» с его именем напечатаны только три текста (№ 2511—2513). Четвертый текст напечатан без указания имени Шевырева (№ 1101).

Автографы собирателя в Собрании Киреевского не сохранились.

Из числа неопубликованных в архиве найден только один оригинальный текст песни «Не шуми, мати зеленая дубрава». Принадлежность ее Шевыреву определяется по примечанию, находящемуся под текстом песни: «Саратовской губ., Петровского уезда, с. Даниловка. Запис⟨ал⟩ С. П. Шевырев».

Никаких помет о времени записи песен Шевыревым мы не нашли. Надо полагать, все песни были записаны им в 1830-х годах и во всяком случае не позднее 1848 г.— времени выхода «Стихов» Киреевского.

№ 1

Не шуми, мати зеленая дубрава,
Не мешай мне, доброму молодцу, думу думати.
Как заутро мне, доброму молодцу, во допрос итти,
Перед грозного судью — самого царя.
Уж как станет царь-государь меня крепко спрашивати:
— Ты скажи, скажи, детинушка, крестьянский сын,
Где ты воровал, где разбой держал?
— Воровал-то я по Троицкой по дороженьке
И разбой держал под зеленой под сосною.
— Еще много ль у тебя было товарищей?
— У меня было товарищей всего пятеро:
Как первой мой товарищ — мой добрый конь,
А другой-от товарищ — острый булатный нож,
А третий-ат товарищ — каленый тугой лук,
На посылочках у молодца калены стрелы.
— Как умел ты воровать, умел ответ держать,

Я за то тебя, детинушка, пожалую
Во чистом поле хоромами немшонами, —
Двумя столбами с перекладиной.

№ 1. Копия. ГИМ, ф. 56. Текст неполный: разбойник называет трех товарищей, хотя выше говорит, что их у него было пятеро.

Одна из популярнейших песен на «разбойничьи» темы, известна в записях XVIII в. (Чулков, ч. I, № 135). Широко представлена и в более поздних песенных сборниках (Соб., т. VI, № 424—427). В *НС* № 2028 опубликован вар., записанный Н. А. Костровым в с. Красное Малоархангельского у. Орловской губ. Пушкин дважды ввел эту песню в свои произведения (в «Капитанскую дочку» и «Дубровского»). Долгое время предание необоснованно приписывало ее Ваньке Каину, известному вору и провокатору времен имп. Анны Иоанновны. Ею открывалось «Собрание Каиновых песен», включенное Матвеем Комаровым в свое жизнеописание Ваньки Канна. Позднее она печаталась как «песня известного Каина, которую пел он накануне своего допроса» («Новый полный всеобщий песенник». СПб., 1820, стр. 541). Заслуживает внимания свидетельство П. А. Бессонова о популярности этой песни в высших слоях московского общества: «Не можем забыть впечатлений нашей ранней молодости, как старик Д. Н. С — в, человек в высшей степени почтенный, лучших сфер нашего общества, семейный, литературный, богатый, певал нам эту „Каинову“ песню одушевленным и растроганным голосом, с пылавшими взорами ⟨...⟩ Мы и после встречали то же самое чувство, и глубину взволнованной души, и безотрадную грусть, и некоторую восторженность напева от многих других» (*СС*, в. 9, стр. 73).

Д. П. ОЗНОБИШИН

Публикация С. И. Минц

Вступительная статья Т. Г. Динесман*

Комментарии З. И. Власовой и С. И. Минц,
при участии М. Е. Роговской

Дмитрий Петрович *Ознобишин* (1804—1877) принадлежит к числу тех собирателей-фольклористов 30-х годов прошлого века, деятельность которых в силу различных причин осталась совершенно неизвестной не только современникам, но и позднейшим исследователям. Поэт, чьи стихотворения постоянно встречаются на страницах журналов и альманахов 1820—1830-х годов, переводчик, впервые познакомивший русскую публику со многими шедеврами западноевропейской и восточной поэзии, Ознобишин вместе с тем долгие годы работал над собиранием русских народных песен. Однако до сих пор имя его не занимало самостоятельного места в истории русской фольклористики — он был известен только как один из корреспондентов Киреевского, передавший ему небольшое собрание из 15 свадебных песен, записанных в Торопецком у. Псковской губ. [1] К этому следует прибавить несколько чувашских песен, посланных им в 1833 г. А. А. Фукс, которая вскоре опубликовала их в своих путевых заметках [2]. Легко можно было бы сделать вывод, что записи, переданные Ознобишиным Киреевскому и Фукс, носят случайный характер, что это своего рода «дань моде», если бы не сообщение Б. Л. Модзалевского о том, что в личном архиве Ознобишина сохранилось обширное собрание народных песен, записанных им в Симбирской губ.[3] До самого недавнего времени архив этот не был известен исследователям [4], поэтому оставалась неизвестной и роль Ознобишина как самостоятельного собирателя. В 1938 г. часть его архива поступила в Государственный литературный музей [5] из собрания П. К. Симони, к которому, по всей вероятности, перешла от Д. И. Ознобишина — внука поэта [6]. В нем содержатся фольклорные записи, сделанные разными почерками, в том числе и почерком самого собирателя. При первом же знакомстве с архивом становится очевидным, что это остатки большого собрания, значительная часть которого утеряна. Однако и то немногое, что осталось,— 229 записей — дает некоторое представление о характере собирательской деятельности Ознобишина.

Ознобишин был сыном симбирского помещика. Двадцати лет он окончил Московский университетский благородный пансион, в стенах которого началась его поэтическая деятельность: в 1820 г. в альманахе «Каллиопа» впервые появилось стихотворение, подписанное его именем [7]. Одаренный лингвист, прекрасный знаток западноевропейских и восточных языков, Ознобишин в молодости много работал над поэтическими переводами. Он обращается не только к французским и немецким, итальянским и греческим поэтам, но главным образом к произведениям арабских и персидских лириков. Уже в начале 1820-х годов имя Ознобишина приобрело некоторую популярность, его стихи и переводы появляются на страницах наиболее прогрессивных изданий — он печатается в таких журналах, как «Вестник Европы» (1821), «Соревнова-

* Софья Исааковна Минц, которая готовила публикацию песен Ознобишина, скончалась 25 марта 1965 г., не успев довести до конца свой труд. Редакция поручила завершение комментария З. И. Власовой и М. Е. Роговской, а написание статьи — Т. Г. Динесман. При работе над статьей были использованы некоторые материалы, собранные С. И. Минц.— *Ред.*

тель просвещения и благотворения» (1823), «Московский вестник» (1827—1830), «Телескоп» (1835), «Московский наблюдатель» (1835—1838), «Отечественные записки» (1839—1840), «Москвитянин» (1841—1845). Его имя можно встретить в «Северных цветах» А. А. Дельвига (1826—1827), в «Урании» М. П. Погодина (1826), в «Денница» М. А. Максимовича (1830—1834), оно значится в оглавлении не увидевшего свет альманаха К. Ф. Рылеева «Звездочка».

Современники довольно высоко оценивали поэтическую деятельность Ознобишина, называли его «одной из звезд плеяды Пушкина» [8]. В действительности его дарование было более чем скромным. Поэзия его отмечена печатью эпигонства, замкнута в кругу отвлеченных образов, чужда современных проблем. Неудивительно, что когда в 1840-х годах Ознобишин отошел от литературной деятельности, его забыли очень скоро. В истории русской литературы он известен не столько как поэт, имеющий свой самостоятельный голос, сколько как переводчик, заслуга которого состоит в том, что он один из первых открыл русскому читателю мир персидской и арабской лирики [9]. Незначительное место, которое Ознобишин занимает в истории русской поэзии, было причиной того, что исследователи почти не обращались к изучению его творчества и совсем не интересовались другими сторонами его деятельности. Поэтому сведения о нем, которыми мы располагаем, чрезвычайно скудны и касаются главным образом раннего периода его жизни [10].

В первые годы после окончания пансиона Ознобишин жил в Москве, находясь на службе в Московском почтамте. В это время он был тесно связан с кружком любомудров, участники которого — Д. В. Веневитинов, В. Ф. Одоевский, И. В. Киреевский, С. П. Шевырев, М. П. Погодин, М. А. Максимович,— были ближайшими его друзьями еще со времен пансиона [11]. Естественно, что ему не могли остаться чуждыми философские взгляды любомудров, в том числе и понимание народности как «идеи нации», «идеи национального духа» [12]. Характерна в этом отношении его обширная статья «О духе поэзии восточных народов», написанная в 1826 г. Ознобишин не был склонен к разработке теоретических проблем, однако некоторые мысли, высказанные в этой статье, близки к теоретическим положениям Д. В. Веневитинова и И. В. Киреевского. «Характер *поэзии турок*, а вместе с тем и главные причины богатства их языка должно искать в истории сего народа; и наоборот его историю узнаем легко из свойств самого языка»,— писал Ознобишин [13]. Эта мысль варьирует одно из важнейших положений любомудров о взаимосвязи исторического процесса и народного творчества [14].

Статья «О духе поэзии восточных народов» содержит и некоторые другие положения, подтверждающие общность взглядов Ознобишина и его друзей в области изучения народной поэзии. Так, в предисловии к своему сборнику «Малороссийские песни» (1827) Максимович рассматривает народное поэтическое творчество как полноценный исторический источник, в котором содержатся «поверья, обычаи, нравы и нередко события действительные, кои в других памятниках не сохранились» [15]. Подобным же образом оценивает народную поэзию Шевырев, который видит в песнях «памятник старинной поэзии и свидетельство образа мысли тогдашнего времени» [16]. Ознобишин подходит к народному творчеству с таких же позиций. Доказательство этому — сочувственный отзыв о трудах Лейдена, рассматривавшего народную поэзию как источник для изучения истории народов, населяющих Малайские острова [17].

Когда в 1827 г. члены бывшего кружка любомудров (кружок перестал существовать в 1825 г.) начали издавать журнал «Московский вестник», во главе которого стал Погодин, Ознобишин принял в нем самое непосредственное участие как поэт и переводчик. Одним из деятельных организаторов этого журнала в первый год его существования был Пушкин, недавно возвратившийся из ссылки. «...Погодин не что иное, как *имя*, *звук пустой* — дух же я...»,— так оценивал Пушкин в то время свою роль в издании «Московского вестника» [18]. В ту пору Ознобишин не встречался с Пушкиным — он познакомился с ним много позже, уже в Петербурге [19]. И все же влияние Пушкина не могло пройти для него бесследно: ближайшие друзья Ознобишина — ведущие сотрудники «Московского вестника» Погодин и Шевырев, а также поэт Языков были тесно связаны с Пушкиным и во многом разделяли его взгляды. Очевидно, и тот живой интерес к памятникам народной поэзии, которым отличался круг авторов «Москов-

Д. П. ОЗНОБИШИН (справа) и И. Ф. БАЗИЛЕВСКИЙ
Дагерротип, 1840-е годы
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

ского вестника», сложился не без его влияния. Ведь именно Пушкин первый высказал и реализовал мысль о необходимости собирания народных песен, для него делал записи Шевырев. Понятно, что журнал, в котором Пушкин играл значительную роль, один из первых обратился к читателям с призывом собирать памятники народного творчества и настойчиво пропагандировал необходимость изучения народной песни, утверждая ее эстетическую, научную и общественную ценность [20]. Ближайший сотрудник «Московского вестника», Ознобишин не мог не сочувствовать этим взглядам, не мог остаться равнодушным и к такому программному документу, напечатанному в этом журнале, как рецензия Шевырева на сборник «Малороссийских песен», изданный Максимовичем: «Наши филологи должны смотреть на всякое подобное издание как на упрек себе в бездейственности,— писал Шевырев. — Как до сих пор мы не спешим уловить русские песни, столь родные нашему сердцу, которые, может быть, скоро унесет с собою навеки старое поколение?» [21]

Друг Шевырева, Погодина и Максимовича, Ознобишин был хорошо знаком не только с их теоретическими взглядами. Безусловно, он был также в курсе их работы над теми довольно многочисленными фольклорными публикациями, которые помещались в «Московском вестнике» [22]. Не случайно в его собственном издании — альманахе «Северная лира на 1827 год» опубликованы две малороссийские песни, вошедшие вскоре в сборник Максимовича [23]. Очень важным для формирования взглядов Ознобишина было также и то обстоятельство, что в 1828 г. он вместе с Погодиным принял участие в издании журнала К. Ф. Калайдовича «Русский зритель». Задумав свой журнал как издание, посвященное публикации исторических и этнографических документов, Калайдович собрал обширный материал, но тяжелая болезнь прервала его деятельность. Его друзья — Погодин, Максимович, Иван Киреевский и др. — решили продолжить издание и выпустить в свет все, собранное Калайдовичем. Ознобишин принял в этом деле самое непосредственное участие, что также способствовало формированию его этнографических интересов [24]

Даже эти немногие данные дают представление о той обстановке, в которой складывались взгляды Ознобишина как фольклориста. К этому необходимо добавить, что в числе его друзей, еще по кружку любомудров, был Иван Киреевский. Известно, что знакомство их продолжалось и в дальнейшем, причем Ознобишин бывал в его доме и хорошо знал всю семью, в том числе и П. В. Киреевского [25]. Самая тесная дружба связывала его также с Н. М. Языковым — товарищем юности и ближайшим соседом по симбирскому имению. Все это дает основание полагать, что замысел Собрания русских народных песен, возникший у Киреевского и Языкова, вероятно, стал известен Ознобишину в самом начале. Несомненно, что были ему известны и те практические положения, которые Киреевский изложил в своей «Песенной прокламации» (см. о ней на стр. 48—49 настоящ. тома).

Надо сказать, что все эти дружеские связи Ознобишин сохранял в течение долгих лет. В 1835—1838 гг. он был участником журнала «Московский наблюдатель», который издавала группа в составе Погодина, Шевырева, А. С. Хомякова, Н. М. Языкова и др. Когда в 1841 г. было предпринято издание «Москвитянина», Ознобишин стал его активным сотрудником, несмотря на то, что к этому времени уже начал отходить от литературной деятельности. И как в свое время, в годы издания «Московского вестника», так и теперь, он был в курсе той усиленной пропагандистской и организационной работы, которую Погодин вел на страницах «Москвитянина», сумев объединить в своем журнале значительные кадры собирателей и исследователей фольклора [26].

Трудно сказать, когда именно Ознобишин начал свою собирательскую деятельность. Вероятно, это произошло еще в середине 1820-х годов под влиянием будущего издателя «Московского вестника». Во всяком случае уже в 1826 г. он впервые выступил в печати как собиратель: в альманахе Погодина «Урания» напечатана «малороссийская песня» «Веют ветры, веют буйны», которая была, как это видно из примечания, «доставлена к издателю Д. П. Ознобишиным» [27]. Кроме того, в архиве Ознобишина сохранилось одиннадцать записей «малороссийских песен», причем почти все они относятся к 1820-м годам, так как сделаны на бумаге выпуска 1821 г. [28]

Неизвестно, каким образом попали эти песни в его собрание — мы не располагаем сведениями о том, что Ознобишин бывал на Украине, и тем более о том, что он вел там собирательскую работу. Остается предположить, что его «малороссийские песни» записаны в Симбирской губ., в отдельных уездах которой (например, в Сызранском) украинцы составляли значительную часть населения [29]. Но где бы ни были сделаны эти записи, внимание Ознобишина к украинскому фольклору, проявившееся в самом начале его собирательской деятельности, очень знаменательно. Обращение писателей-декабристов к героическим страницам прошлого Украины (вспомним «Думы» Рылеева) сыграло свою роль в возникновении того интереса к украинской истории и украинской народной поэзии, который отличал наиболее прогрессивных литераторов и собирателей 1820-х годов. Украинские записи Ознобишина свидетельствуют о том, что он разделял эти интересы. Возможно, что часть его записей связана с собирательской деятельностью Максимовича,— они совпадают с некоторыми песнями, включенными в его сборник «малороссийских песен». Так, песня «Веют ветры, веют буйны» вошла в сборник Максимовича без разночтений с записью Ознобишина, помещенной в «Урании», а песни «Ехав казак за Дунай» и «Ой, из ряда кари очи» имеют в записях Ознобишина очень незначительные отклонения по сравнению с текстами, приведенными Максимовичем [30].

В собрании Ознобишина сохранилось еще несколько записей безусловно раннего происхождения, сделанных на бумаге выпуска 1820-х годов. Эти записи носят довольно случайный характер: здесь есть заговоры, сказки, обряды, свадебные песни [31]. Все они сделаны разными почерками, видимо Ознобишин в то время сам не записывал, а начинал со сбора чужих записей. Среди этих ранних записей заслуживают особого внимания «Крестьянские обычаи Торопецкого уезда, церемонии, песни и поговорки, соблюдаемые на свадьбах». Запись эта сделана во второй половине 1820-х годов (бумага с филигранью «1825») родственником и близким другом Ознобишина И. Ф. Базилевским [32]. Часть вошедших в нее песен и обрядов отмечена знаком * на полях — именно они были впоследствии переданы Киреевскому и вошли в его Собрани

В 1828 г. Ознобишин оставил службу [34]. Это был переломный момент в его деятельности: прожив еще около года в Москве, он начинает ту кочевую жизнь, о которой пишет в своем послании к нему Языков:

Где ты странствуешь? Где ныне,
Мой поэт и полиглот,
Поверяешь длинный счет?
Чать, в какой-нибудь пустыне,
На брегу бесславных вод... [35]

Установить все маршруты поездок Ознобишина не представляется возможным. Однако из беглых свидетельств, разбросанных в документах, письмах и воспоминаниях современников, можно с уверенностью сказать, что он подолгу жил в своем имении Троицком в Симбирской губ., ездил в Торопец, не раз посещал Северный Кавказ, длительное время провел в Чебоксарах, бывал в Казани, несколько лет прожил в Смоленске и при этом постоянно наезжал в Москву и Петербург [36].

Материалы его архива позволяют предположить, что он бывал также во Владимирской и Олонецкой губ. [37] Все эти поездки и особенно жизнь в симбирском имении дали богатый материал для его собрания.

В 1833 г. Ознобишин вторично выступает в печати как собиратель: в казанском журнале «Заволжский муравей» была опубликована его запись чувашской песни «Чирт турныча куку авдеть» и стихотворный перевод ее («Кукушка кукует на елке») [38]. В начале 1834 г. А. А. Фукс повторила ее в своих путевых записках, дополнив еще двумя чувашскими песнями, присланными ей Ознобишиным. Основываясь на пояснениях самого собирателя, Фукс рассказывает историю возникновения этих записей: Ознобишин сделал их с голоса чувашина Феди — автора и исполнителя песен. Он записывал их по ходу исполнения, передавая транскрипцию чувашских слов русскими буквами, поскольку чуваши не имели своей письменности. Запись сопровождалась подстрочным переводом. «Нешлифованный алмаз» — так называл Ознобишин «этот отрывок чувашской словесности, который надобно было подслушать и написать со слов певца, не знающего грамоты» [39]. Значение этой работы Ознобишина трудно переоценить — это первая запись произведений чувашского фольклора, благодаря которой стал известен самый факт существования чувашского народного поэтического творчества в первой трети прошлого столетия [40].

Чувашскими песнями не ограничиваются записи фольклора народов Поволжья, которые делал Ознобишин. В его собрании сохранились еще три песни — мордовская и две татарских [41]. Возможно, что таких записей было гораздо больше.

К середине 1830-х годов Ознобишин был уже настолько хорошо знаком с народной песенной традицией, что сам успешно работал над созданием стилизаций народных песен. Одна из них — «Чудная бандура» («Гуляет по Дону казак молодой.. »), напечатанная в 1836 г. в «Московском наблюдателе» [42], вскоре в свою очередь превратилась в народную песню. Начиная с 1850-х годов она встречается в различных песенниках и широко бытует в многочисленных вариантах вплоть до 20-х годов нынешнего века [43].

Именно в это время собирательская работа Ознобишина начала приобретать систематический и целеустремленный характер. Если раньше, как уже говорилось, его записи были случайны и бессистемны, то к середине 1830-х годов они посвящены уже исключительно народной песне. Вероятно, здесь сказалось влияние деятельности Киреевского и Н. М. Языкова. В 1833—1834 гг., когда Ознобишин жил в Симбирской губ., Языков поселился по соседству с ним в своем имении [44]. И сам он, и вся его семья были заняты собиранием народных песен для задуманного Киреевским и Языковым издания. Ознобишин часто виделся с ним в то время, был в курсе этого огромного труда и, в свою очередь, начал систематически записывать народные песни. Вероятно, первоначально его работа была предназначена для пополнения Собрания Киреевского [45], которому он уже передал записи торопецких свадебных песен (см. выше, стр. 513).

К сожалению, Ознобишин не датировал свои записи, поэтому хронологизация их представляет значительную трудность. Однако анализ палеографических данных (филиграней и фабричных штемпелей на бумаге) позволяет сделать вывод, что большая часть их производилась в 1830—1840-х годах [46].

Как видно из состава собрания, Ознобишин пользовался помощью многочисленных добровольных корреспондентов — целый ряд записей сделан самыми различными почерками. Кроме того, сохранилось несколько писем, подтверждающих, что ему помогали разные лица. Так, Н. Т. Аксаков прислал ему шесть песен; в 1833 г. И. Ф. Базилевский сообщает о своем намерении записать свадебный обряд; «обещанную песню» прилагает к своему письму неизвестный корреспондент [47] и, наконец, очень любопытный документ проливает некоторый свет на то, каковы были организационные методы Ознобишина. Приведем его полный текст:

«В Самарскую питейную контору
поверенного Иванова
Рапорт

При сем прилагаю списанные мною четыре песни жителей в селениях Березовом Гае, Колыване и Дубовом умете, о чем оной конторе честь имею донести

Поверенный Иванов
16 апреля 1846 года»

Видимо, поверенный Иванов сделал эти записи по распоряжению своего начальника, поэтому он и облек их в форму рапорта. В формулярном списке Ознобишина нет сведений о его причастности к питейной конторе, однако и рапорт и записи находятся в его архиве (ед. хр. 40). Известно, что позднее Ознобишин занялся откупами [48]. Возможно, что и в 1846 г. он уже был близок к этому делу. Тогда необычное содержание рапорта поверенного питейной конторы получает объяснение — связанный с конторой деловыми отношениями, Ознобишин мог просить, чтобы разъездные агенты записывали во время своих поездок народные песни. Во всяком случае, приведенный документ свидетельствует об очень важном обстоятельстве: Ознобишин понимал, что один он не много сможет сделать, и, перенимая опыт Киреевского, пользовался широкой помощью энтузиастов из народа, охотно шедших ему навстречу. Это подтверждается также рядом других записей, сделанных неуверенной рукой, со множеством орфографических ошибок и без учета тех элементарных правил фольклорной записи, которые были уже выработаны собирателями того времени.

Анализ собрания Ознобишина позволяет сделать некоторые выводы по поводу избранных им приемов обработки полученного материала. По характеру записей собрание делится на две части: 1) черновые записи и 2) песни, переписанные набело и объединенные в сборники («Муромские бредни», «Народные песни», «Песенник», «Русские песни» и две тетради без названия — ед. хр. 12, 16, 18, 23, 5, 27). По содержанию эти две части никак не совпадают: ни один из черновиков не вошел в беловые рукописи и, следовательно, песни, переписанные набело, не имеют черновика (исключение составляют две олонецкие песни [49]). Из этого можно сделать вывод, что Ознобишин не считал нужным хранить свои черновые записи после того, как они были переписаны набело. Те же черновики, которые сохранились в его собрании, уцелели постольку, поскольку он не успел их обработать.

В ряде случаев Ознобишин сопровождал переписанные песни комментариями по поводу их происхождения, содержания, обстоятельств записи. Так, из десяти песен, составляющих «Муромские бредни», три имеют пояснения. Таков комментарий к исторической песне об Иване Грозном и Марии Темрюковне («Что женился наш батюшка царь-государь»): собиратель не только поясняет в нем событие, о котором поется, но и сообщает о примечательной личности исполнителя песни: «Переложена на бумагу со слов 136-летнего старца Муромского уезда в селе Борисоглебском» (ед. хр. 12, запись 7).

В архиве Ознобишина хранятся песни, записанные в самых различных местах,— песни торопецкие и муромские, олонецкие и украинские [50]. Однако основную часть собрания составляют песни, записанные в Симбирской губ. [51], где он не только часто бывал, но и подолгу жил, особенно в 1830—1840-х годах [52].

Итогом собирательской деятельности Ознобишина должен был стать сборник народных песен, который он начал готовить к печати. Рукопись этого сборника под наз-

ванием «Русские песни» (ед. хр. 23) состоит из шести тетрадей, сшитых из плотной серой бумаги с филигранью, относящейся к 1841—1846 гг.

Палеографические данные и содержание сборника помогают приблизительно определить время его создания. Ознобишин мог начать свою работу не ранее 1841 г., поскольку бумага сборника относится к выпуску 1841—1846 гг. Название последнего раздела сборника — «Песни Симбирской губернии Самарского уезда» — позволяет установить, что работа была прекращена не позже 1850 г.: в этом году Самарский уезд был исключен из состава Симбирской губ. [53] Содержание остальной части архива дает возможность уточнить эту дату: четыре записи, приложенные к рапорту Иванова (см. выше, стр. 518), сделаны в Самарском у. в 1846 г. (ед. хр. 40), однако в сборник они не вошли, несмотря на наличие в нем специального раздела песен Самарского у. Видимо, к 1846 г. Ознобишин по каким-то причинам прекратил свою работу над составлением сборника. Это подтверждается и наличием в его собрании других записей, сделанных в Симбирской губ. в середине 1840-х годов, которые тоже остались в черновом виде и не попали в состав «Русских песен» (ед. хр. 6, 20, 21, 28).

В сборник включено 88 песен, тщательно переписанных набело рукой Ознобишина. Весь материал расположен по географическому принципу: песни Оренбургской губ. (№ 1—6), «Песни Симбирские», которые «поются в Ардатовском и Курмышском уездах» (№ 7—38), «Песни Олонецкие» (№ 39—56) и «Песни Симбирской губернии Самарского уезда» (№ 57—88). Многие тексты сопровождаются комментариями и вариантами. Каждый текст расположен на отдельном листе и имеет свой порядковый номер. В конце прилагается алфавитный указатель песен со ссылкой на эти номера. Все это свидетельствует о том, что Ознобишин готовил свой сборник к печати. Необходимо отметить, что работа по комментированию текстов, проделанная им, выполнена на уровне современной ему научной фольклористики и ставит его рукопись в один ряд с наиболее тщательно составленными фольклорными публикациями той поры. Так, например, в географическом принципе расположения материала и в характере комментариев Ознобишин следует методике Киреевского, который таким же образом расположил песни в изданном им сборнике и обещал в предисловии, что в примечаниях «об каждой песне указано будет, откуда она взята, в каком уезде и часто даже в какой деревне поется» [54].

То же делает и Ознобишин. Кроме того, в ряде случаев к сведениям о том, где записан основной текст песни, прибавляются многочисленные варианты, нередко с указанием, в каких селах эти варианты исполняются [55] (см., например, № 21, 30—32 и др.*). Есть все основания полагать, что в характере комментария Ознобишин сознательно следовал примеру Киреевского, «Духовные стихи» которого безусловно были ему хорошо известны задолго до их опубликования: рукописным экземпляром этого сборника владел Языков, получивший его, как видно из владельческой надписи на переплете, в 1845 г., т. е. как раз в то время, когда Ознобишин работал над своими «Русскими песнями» (см. стр. 617). Постоянно общаясь с Языковым, он должен был хорошо знать этот сборник. Знал он безусловно и «Свадебные песни», подготовленные Киреевским к печати еще в 1838 г., но не увидевшие света (см. стр. 51—52),— комментарии Ознобишина очень напоминают по своему характеру комментарии этого сборника.

Вариантами и сведениями о географическом происхождении текстов не исчерпывается содержание примечаний Ознобишина. В ряде случаев он указывает на искажения текста в том или ином варианте, отмечает изменения напева, иногда комментирует содержание (см. его примечания к песням № 2, 41, 50, 53, 65, 66, 80, 81). В этом также находят отражение принципы, разработанные Киреевским. В своей «Прокламации» Киреевский указывает, что «песни, которые поются в народе, должны быть записываемы слово в слово все, без изъятия и разбора, не обращая внимания на их содержание, краткость, нескладность и даже кажущееся бессмыслие; иногда поющий смешивает части нескольких песен в одну, и настоящая песня открывается только при сличении многих списков, собранных в различных местах» [56].

---

* Здесь и ниже при ссылке на тексты и комментарии Ознобишина из его сборника «Русские песни» дается нумерация текстов, принятая самим собирателем.

Этому принципу Киреевского следует в своих записях и комментариях к ним и Ознобишин. Так, например, комментируя песню «Вот не полно ль нам, ребята, чужо вино нити?» (№ 83), он отмечает: «Песня № 83 поется во многих местах вместе с № 82, но очевидно, что она составляет особую песню». В других случаях Ознобишин приводит песни, дошедшие в явно искаженном виде, а в комментарии поясняет характер этих искажений: о песне «Ай молодость, молодость» (№ 2) говорится, что она «дошла до нас в испорченном виде, что показывает странная перемена ударений в иных словах...»; в комментарии к песне «Не вечерняя заря потухала, братцы» (№ 81) указывается, что «эта песнь в напеве своем в разных местах весьма испорчена, так что и восстановить ее совершенно трудно». В некоторых случаях Ознобишин все же вносит изменения в текст, исправляя ритм, но каждый раз тщательно оговаривает эти изменения (например, песни № 5, 9, 49, 51, 53—56).

Последовательно отмечая географическое происхождение своих текстов, Ознобишин нигде не указывает, от кого они получены. Исключение составляют песни Оренбургской губ., о которых сказано, что они «доставлены Н. Т. Аксаковым». Не совсем ясным остается происхождение восемнадцати олонецких песен. В архиве сохранились черновые записи двух из них, сделанные рукою Ознобишина [57]. Это позволяет думать, что олонецкие песни записаны им самим. Однако комментарий, заключающий этот раздел сборника, содержит чрезвычайно интересную подробность: «Этим 56 №,— пишет Ознобишин,— *заключаются олонецкие песни, которых богатейшее собрание предполагает издать Св. А. Раевский*» (курсив наш.— *Т. Д.*). Текст комментария сформулирован не совсем точно — его можно понять и просто как указание на работу Раевского, и как ссылку на источник, откуда взяты в сборнике Ознобишина олонецкие песни.

Знал ли Ознобишин Раевского лично или ему стало известно о его собрании через третьих лиц, остается пока невыясненным. Однако можно предположить, что личное знакомство между ними не только существовало, но что Ознобишин был своего рода связующим звеном между Раевским и Киреевским. В статье «О простонародной литературе» Раевский сообщает о подготовленном к печати Собрании Языкова и Киреевского (в это время «Свадебные песни» последнего находились в цензуре — см. выше), перепечатывает «Песенную прокламацию» (незадолго до этого она была опубликована в «Симбирских губ. ведомостях») и рекомендует олонецким собирателям посылать свои записи в Симбирск, на имя П. М. Языкова [58]. Все это свидетельствует о том, что Раевский не только был в курсе собирательской деятельности Киреевского, но знал даже о таких подробностях, как отъезд Н. М. Языкова за границу, последовавший весной 1838 г.: он адресует собирателей в Симбирск не к нему, а к его брату Петру. Такая осведомленность предполагает существование тесных связей между Раевским и кругом Киреевского. Однако до сих пор об этом ничего не было известно. Упоминание о Раевском и его собрании в комментарии Ознобишина — первое, хотя и косвенное, подтверждение этих связей. Возникает предположение, что осуществлялись они именно через Ознобишина — быть может, это он информировал Раевского о деятельности Киреевского и доставил ему из Симбирска «Песенную прокламацию». Как бы то ни было, из его комментария мы узнаем впервые, что С. А. Раевский не ограничился пропагандой необходимости собирания фольклора Олонецкой губ. и публикацией «Причитаний» [59], но действительно составил большое собрание олонецких песен, существование которого исследователи могли до сих пор только предполагать [60].

Ознобишин не закончил работу над сборником «Русские песни». Об этом свидетельствуют и наличие в его архиве записей симбирских песен, не вошедших в сборник (36 текстов — ед. хр. 6, 20, 21, 28, 40), и то обстоятельство, что в алфавитном указателе оставлены места для будущих записей, и, наконец, фрагменты выписок, которые Ознобишин делал «для предисловия к русским сказкам и песням» (ед. хр. 39). Последний документ содержит очень важное указание: песенными текстами, сохранившимися в архиве, не ограничивается круг собирательской деятельности Ознобишина — видимо, в его собрании были и сказки, которые тоже готовились к печати. Этот вывод подтверждается тем, что в его архиве сохранились записи двух сказок (ед. хр. 37 и 38).

Песни, тексты которых должны были войти в «сборник», сохранились тоже далеко не полностью. Об этом свидетельствует сделанный рукой Ознобишина беловой спи-

ПОЧТОВЫЙ ТРАКТ

Акварель неизвестного художника. Первая половина XIX в.

Всесоюзный музей А. С. Пушкина, г. Пушкин

сок двух песен — «О Прутцком короле» и «О походе на царство Казанское» (ед. хр. 28). Список предназначался для публикации в журнале, как это видно из примечания к нему: «Обе эти песни из неизданного большого собрания песен, собранных по Симбирской губернии Ознобишиным». В рукописный сборник ни одна из них не вошла. Очевидно, «большое собрание песен» было значительно шире этого сборника и должно было влиться в него. В собрании Ознобишина сохранился ряд песен, записанных в середине 1840-х годов в Ставропольском, Сызранском, Самарском и Ардатовском у. Симбирской губ. (ед. хр. 6, 20, 21, 28), не вошедших в состав сборника «Русские песни».

Причины, по которым Ознобишин прекратил работу над сборником и отказался от мысли опубликовать свои записи, остаются неизвестными. Можно предполагать, что это связано с его отъездом из Симбирской губ.: в конце 1840-х годов он надолго уехал за границу для лечения [61], а затем несколько лет жил в Смоленске [62], занимаясь финансовыми операциями по откупам [63]. Возможно, что именно эта новая деятельность была одной из причин его отхода от всякого рода литературной работы: ни в эти годы, ни позднее Ознобишин уже не пытался довести до конца свой замысел.

Подводя итоги обзору деятельности Ознобишина-фольклориста, можно сказать, что среди собирателей круга Киреевского он занимает свое самостоятельное и далеко не последнее место. Сохранившаяся часть его архива содержит целый ряд первоклассных записей лирических, обрядовых и исторических песен, которые дают новые варианты текстов, ранее известных, а в некоторых случаях вводят в научный оборот совершенно новые тексты. Фрагментарный характер сохранившейся части архива не позволяет оценить собирательскую деятельность Ознобишина во всем ее объеме. Однако совершенно очевидно, что в Гослитмузей поступила лишь небольшая часть обширного и очень ценного собрания, которое заслуживает того, чтобы были предприняты его дальнейшие розыски [64].

Один из первых корреспондентов Киреевского, чей вклад в свое Собрание Киреевский отметил в предисловии к изданию «Русских народных песен», Ознобишин и в своей самостоятельной работе был его последователем и учеником. Он использовал разработанную Киреевским методику записи песен, а также его принципы комментирования и расположения материала. Все это дает основание включить записи Ознобишина в том, посвященный Собранию Киреевского, хотя они и не входят непосредственно в это Собрание.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Чтения», стр. V.

[2] Александра Фукс. Поездка из Казани в Чебоксары. Казань, 1834, стр. 69—76.

[3] «Русский биографический словарь», т. 12. СПб., 1905, стр. 199.

[4] Исключение составляет В. И. Чернышев, имевший доступ к собранию Ознобишина в начале 1930-х годов, в то время, когда оно находилось в руках П. К. Симони. Чернышев опубликовал пять песен из этого собрания (Чернышев, стр. VII, 237—239, 269—271, № 225, 226, 247—249).

[5] ГЛМ, отдел фольклора, ф. 5636.

[6] О том, что собрание находилось в руках Д. И. Ознобишина, сообщил Б. Л. Модзалевский («Русский биографический словарь», т. 12, стр. 199).

[7] «Трубадур».— «Каллиопа», 1820, ч. IV, стр. 245—247.

[8] См. об этом в статье Н. Державина «Забытые поэты» («Исторический вестник», 1910, № 9, стр. 864).

[9] Этой стороне деятельности Ознобишина посвящен очерк Татьяны Гольц «Сердце брата». Душанбе, 1964.

[10] См. Н. В. Гербель. Русские поэты. СПб., 1880, стр. 349—357; Н. Державин. Указ. статья, стр. 861—869; «Биография Д. П. Ознобишина». СПб., 1878; «Русский биографический словарь», т. 12, стр. 197—199.

[11] Ознобишин так же, как и любомудры, был членом литературного «Общества друзей», основанного преподавателем Университетского пансиона С. Е. Раичем. См. об этом: Записки А. И. Кошелева. Берлин, 1884, стр. 11; ⟨Н. П. Колюпанов.⟩ Биография А. И. Кошелева, т. I, кн. II. М., 1889, стр. 61—64 и далее.

[12] Азадовский. История русской фольклористики, т. I, стр. 219.

[13] «Сын отечества», 1826, № 5, стр. 63.

[14] Ср. мысль И. В. Киреевского о том, что для развития словесности необходимо «*свое* семя, *своя* почва, удобренная богатыми знаниями, деятельной и доблестной жизнью — Историей...» («Московский вестник», 1827, № 5, стр. 69).

[15] «Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем». М., 1827, стр. II.

[16] «Московский вестник», 1827, № 24, стр. 389.

[17] «Сын отечества», 1826, № 8, стр. 360—361.

[18] Письмо к В. И. Туманскому от середины февраля 1827 г.— Пушкин, т. XIII, стр. 320.

[19] В. Юрлов. Воспоминания об А. С. Пушкине.— «Симбирские губ. ведомости», 1899, № 37.

[20] Ср. «Московский вестник», 1827, № 11, стр. 371—380.

[21] «Московский вестник», 1827, № 23, стр. 310.

[22] Подробное описание фольклорных материалов, опубликованных в «Московском вестнике»,— см. Азадовский. История русской фольклористики, т. I, стр. 223.

[23] «Северная лира на 1827 год». М., стр. 158—159.

[24] ⟨Н. П. Колюпанов.⟩ Биография А. И. Кошелева, т. I, кн. I, стр. 573—575.

[25] «Из писем Н. П. Барсукова к М. А. Максимовичу».— «Русский архив», 1908, № 5, стр. 103; Татьяна Гольц. Сердце брата, стр. 77—82.

[26] П. И. Бартенев. Указатель статей и материалов по истории, словесности, статистике и этнографии России, помещенных в «Москвитянине» за 1841—1853 годы. Б. г., б. м.

[27] «Урания». М., 1826, стр. 148—150.

[28] ГЛМ, отд. фольклора, ф. 5636, ед. хр. 14 и 15 (на бумаге с филигранью «1821»), 19 (бумага без филиграней, но почерк и тип бумаги носят еще более ранний характер, чем № 14 и 15).

[29] «Сборник исторических и статистических материалов Симбирской губернии». Симбирск, 1868, стр. 21.

[30] «Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем». М., 1827, № 26, 48, 98. Ср. записи Ознобишина — ГЛМ, отд. фольклора, ф. 5636, ед. хр. 14 и 15.

[31] Записи «малороссийских» песен на бумаге с филигранью «1821» (ед. хр. 14, 15, 19), «Сказка про Ивана дурака» на бумаге выпуска 1826 г. (№ 38), свадебные обряды и песни Торопецкого у. на бумаге с филигранью «1825» (№ 10), две записи заговоров на бумаге с филигранью «1828» и «1829» (№ 35 и 32).— Мы указываем только те записи, бумага которых поддается точному определению. Кроме них, в архиве есть еще несколько записей безусловно ранних: сказки, заговоры и свадебные песни.

[32] Принадлежность записи И. Ф. Базилевскому установлена путем сличения почерка с письмами Базилевского к В. Н. Латкину (ЦГАЛИ, ф. 1691, оп. 2, ед. хр. 14).— О личности Базилевского сведений почти не сохранилось. Известно только, что он был мужем сестры Ознобишина и был очень дружен с Ознобишиным.

[33] «Чтения», стр. V.

[34] Ознобишин был уволен от службы в Московском почтамте 24 октября 1828 г. («Формулярный список» Д. П. Ознобишина.— ЦГАЛИ, ф. 1121, оп. 1, ед. хр. 4).

[35] Н. М. Языков. Полное собрание стихотворений. Ред., вступ. статья и коммент. М. К. Азадовского. М.— Л., «Academia», 1934, стр. 404—405, 682—683 и 820 (ответ Ознобишина). Впервые — «Московский наблюдатель», 1835, № 2, стр. 194.

[36] «Формулярный список» Д. П. Ознобишина; письмо И. Ф. Базилевского к Ознобишину от 20 марта 1833 г. (ИРЛИ, ф. 213, № 121); А. А. Фукс. Поездка из Казани в Чебоксары, стр. 69—76; Е. А. Бобров. А. А. Фукс и казанские литераторы 1830—40-х годов.— «Русская старина», 1904, № 7, стр. 8; «Отечественные записки», 1840, № 3, стр. 151—152 и № 6, стр. 281; «Памятная книжка Смоленской губернии на 1856 год». Смоленск, 1856, стр. 4; то же на 1858 год, стр. 4.

[37] Ед. хр. 12 и 31, письмо к Н. С. Вагину от 9 января 1846 г. (ИРЛИ, ф. 213, № 81).

[38] «Заволжский муравей», 1833, № 21, стр. 1204—1208.

[39] А. А. Фукс. Поездка из Казани в Чебоксары, стр. 69—76.

[40] Подробно о значении этих записей Ознобишина см.: Е. В. Владимиров. Русские писатели в Чувашии. Чебоксары, 1959, стр. 57—72.

[41] Ед. хр. 11, 23 (запись № 66) и 30.

[42] «Московский наблюдатель», 1836, ч. VII, № 5, стр. 46 (сообщено Э. В. Померанцевой).

[43] «Песни и романсы русских поэтов». М.— Л., 1965, стр. 1014.

[44] См. «Формулярный список» Д. П. Ознобишина; Письма Киреевского к Языкову, стр. 32 и далее; «Чтения», стр. III—V (предисловие).

[45] Азадовский. История русской фольклористики, т. I, стр. 365.

[46] Бумага, на которой записаны «Муромские бредни» (ед. хр. 12), относится к 1833 г.; ед. хр. 20 — к 1843 г.; ед. хр. 5, 21, 29 — к 1844 г.; ед. хр. 40 — к 1846 г.; ед. хр. 23 — к 1841—1846 гг. и т. д.

[47] См. ед. хр. 23 (запись № 1—6); письмо Базилевского от 20 марта 1833 г. (ИРЛИ, ф. 213, № 121) и письмо неизвестного 1852 г. (ГЛМ, ф. 5685, ед. хр. 41). Вспомним, что Базилевский еще раньше передал Ознобишину записи свадебных песен Торопецкого у. В архиве Ознобишина сохранилось еще несколько аналогичных записей, сделанных рукой Базилевского, которые нет возможности датировать (ед. хр. 13, записи № 1—3).

[48] См. письма Ознобишина к И. П. Бобылеву за 1850 г. (ИРЛИ, ф. 213) и к Н. В. Путяте от 26 апреля 1854 г.— ЦГАЛИ, ф. 394, оп. 1, ед. хр. 119, л. 1.

[49] Эти песни (ед. хр. 31) сохранились в черновой записи, несмотря на то, что были переписаны набело и включены в сборник «Русские песни» (ед. хр. 23, записи № 49 и 50). Однако это случайность — на обороте черновика записан «Заговор, или Волхование олончан», который Ознобишин не подверг обработке и потому сохранил; сами же песни зачеркнуты как ненужные.

[50] Песни торопецкие — ед. хр. 10, 13, 24 (первые две сделаны рукой Базилевского; последняя — рукой Ознобишина); муромские песни — ед. хр. 12; олонецкие песни — ед. хр. 23 (записи № 39—56) и 31; «малороссийские» песни — ед. хр. 14, 15; оренбургские песни — ед. хр. 23 (записи № 1—6).

[51] Ед. хр. 14, 15, 19, 21, 23 (записи № 7—38, 57—88), 28, 40.

[52] «Формулярный список» Д. П. Ознобишина. Ознобишин владел в Корсунском у. Симбирской губ. двумя имениями — Троицкое и Красная Сосна.

[53] «Сборник исторических и статистических материалов о Симбирской губернии». Симбирск, 1868, стр. 9, 118.

[54] «Чтения», стр. VII.

[55] Это сделано в отношении песен, записанных в Симбирской губ.; оренбургские и олонецкие песни такого комментария не имеют.

[56] «Прокламация» цит. по статье С. А. Раевского «О простонародной литературе».— «Лит. наследство», т. 45-46, 1948, стр. 317 (ср.: Азадовский. История русской фольклористики, т. I, стр. 350).

[57] См. выше, прим. 49.

[58] Уезжая весной 1839 г. из Петрозаводска, Раевский сообщил в «Прибавлениях» к «Олонецким губ. ведомостям», что собранные песни можно посылать не только в редакцию «Ведомостей», но и в г. Симбирск, на имя П. М. Языкова («Лит. наследство», т. 45-46, стр. 316; там же см. о деятельности Раевского-фольклориста — стр. 313—319).

[59] См. «Прибавления» к «Олонецким губ. ведомостям» от 4 июня, 8 октября, 15 и 26 ноября, 17 декабря 1838 г. (№ I-II, XII, XIII, XIX, XXI).

[60] Азадовский. История русской фольклористики, т. I, стр. 350.

[61] См. письма Ознобишина к С. А. Соболевскому за 1848 г. (ЦГАЛИ, ф. 450, альбом Соболевского, лл. 267, 269) и письмо к М. П. Погодину от 5 июня 1851 г. (ЛБ, ф. 231, II, карт. 22, № 83).

[62] См. письма Ознобишина к М. П. Погодину от 1 сентября 1853 г. и 5 марта 1854 г. (ЛБ, ф. 231, II, к. 22, № 83); «Формулярный список» Ознобишина; «Памятная книжка Смоленской губ. на 1856 год», стр. 3—4; то же на 1858 год, стр. 4.

[63] См. прим. 48.

[64] Нами была сделана попытка разыскать собрание Ознобишина в Ульяновске, однако ни в Ульяновском областном архиве, ни в рукописном отделе ульяновского «Дворца книги» ничего не было обнаружено. Возможно, что архив Ознобишина остался в Смоленске, где он жил в конце 1840—1850-х годов.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

№ 1

Как за речинькой, как за быстрою
Не огонь горит и не поломя,
Тут горит-болит ретиво сердце,
Ретиво сердце, сердце девушки,
Не по батюшке, не по матушке, —
По милом дружке по сердешненьком.
Злы татарынька города берут,
Города берут, думу думают,
Чтó кому из них там достанется:
10 Золотой кому, кому сребряный,
Кому добрый конь, красна ль девица.

№ 2

Уж вы, горы, мои горы,
Вы круты горы, высоки!
Прикажите-ка вы, горы,
Под собою ночевать.
Что не год нам годовать,—
Одну ночку ночевать.
Уж мы взойдемте, ребяты,
На круту гору, высоку,
Мы посмотрим-те, ребяты,
10 Вниз по матушке по Волге.
Еще что у нас на быстрой
Не черным-то зачернелось,
Не белым-то забелелось,—
Зачернелися на Волге
Черноморские стружочки,
Забелелися на матке
Тонки белы парусочки.
Как не черный ворон взгаркнет,
Вор Гаврюшка слово скажет:
20 — Уж вы гой еси, ребяты,
Мое вольное собранье!
Уж вы гряньте не робейте,
Белых рук не жалейте,
Что б к заутрене нам, ребяты,
В Казань-город поспеть.

№ 3

2-я песня в том же селе

Ах ты, ягодка самородинка,
Молодехонька в саду выросла, *2 раза*
Зеленехонька позаломана, *2*
Во три прутика в пучок вязана, *2*
Вдоль дороженьки поразбросана *2*
До того ли села, села Нового, *2*
До того ли дворца государева, *2*
До того ли крыльца, крыльца красного. *2*
Как на том ли крыльце не огонь горит, *2*

«СЕМЕЙСТВО РУССКИХ КРЕСТЬЯН»
Картина В. Эриксена (пастель), 1768
Русский музей, Ленинград

10 Не огонь горит, майор стоит, 2
Майор стоит со майоршею. 2
У майора-то ноги скованы, 2
У майорши-то руки связаны. 2
На часах стоял млад донской казак, 2
Перед ним стоит красна девушка, 2
Красна девушка, дочь майорская. 2
— Ох ты гей еси, млад донской казак, 2
Ты за что сковал мого батюшку? 2
Ты за что связал мою матушку? 2
20 — Ах ты, глупая красна девушка, 2
Неразумная дочь майорская! 2
Я не сам собой сковал батюшку, 2
Я не сам собой связал матушку, — 2
По указу сковал государева, 2
По приказу связал генеральскова. 2

№ 4

ПЕСНЯ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ПЕРВОГО

Как во светло было во Христово воскресеньице
Стоял наш государь-царь у заутрени
Во черном платье государь-царь во кручинном.
Позади его стояли князья-бояре,
Промеж собой бояре слово молвили:
— Мы князья-бояре в платье цветном,
А наш государь-царь в платье черном и в кручинном.
Свирепо государь-царь оглянулся на бояр:
— Ох вы, глупые бояре, неразумные,

10 Вы не знаете моей кручины и не ведаете.
Изменил мене изменник большой боярин,
Артамон Головин сын Михайлович.
Потерял он три полка, три любимые:
Первый полк потерял Измайловской,
Второй полк потерял Ермолаевской,
Третий полк потерял донских казаков.
Не жаль мне столь двух полков,
Как жаль донских казаков, славных воинов.

№ 5

О ПРУТЦКОМ КОРОЛЕ

Что никто, братцы, не знает и не ведает,
Мы стоим на карауле государевом,
Смотрючи и глядючи в землю Прутцскую,
Хвалится-похваляется прутцкий король:
— Святорусскую землюшку всю насквозь пройду,
Уж я Ладанское озеро суднами загружу,
Я Нов славный город мимоход возьму,
Я Кодинский славный монастырь выжгу, выпленю,
Я во славную каменну Москву ночевать приду,
10 Благоверного государя во слуги возьму,
Благоверную государыню во рассыльщики.
Перепалася скора весточка в каменну Москву.
Ко славному ко воину к Шереметеву
Середи ли самой ночи, ночи темныя.
Ото сна князь Шереметев пробуждается,
Надевает сафьянны чёботы на босу ногу,
Надевает кунью шубу на одно плечо.
Выходил наш князь на красен крылец
И кричал князь Шереметев громким голосом:
20 — Ой вы гой еси, солдатушки слуги верные,
Собирайтеся в поход идти скоро-наскоро!
Со вечера солдатушкам приказ отдали,
Со полуночи солдатушки ружья чистили,
Ко белу свету солдатушки во поход пошли,
Во славную во землюшку во Прутцкую.

№ 6

За рекой было, за Невагою,
За другой рекой перед Прагою
Не полынушка в поле зашаталася,
Зашатался удал добрый молодец.
Он не сам зашел, не охотою,
Занесло молодца неволею;
Что неволюшка — нужда крайняя,
Жизнь боярская, служба царская,
Царя белого, Петра Первого,
10 Со всей армией, с конной гвардией.

Эта же песня в Самарском уезде поется иначе:

Как за речинькою за Невагою,
За другой рекой Перебрагою,
В луговой было во сторонушке,

За большой было за дороженькой,
Не ковыль-трава зашаталася,
Зашатался тут добрый молодец.
Он не сам зашел, не охотою,
Занесла его тут неволюшка,
Что неволюшка — нужда крайняя,
10 Служба царская, жизнь боярская!
Тяжело житье в егерях служить,
В егерях служить царю белому,
Царю белому — Петру Первому.

В Липовке

Был за реченькой, за Невагой,
За другой рекой, переправою,
Я не сам-то зашел, не своей охотою,
Занесла-то меня большая неволюшка,
Чужая сторонушка, нужда крайняя,
Жизнь боярская — служба царская,
Царя белого, Петра Первого,
Во-вторых, служба Николая Павлыча.
Я служил-то, служил день до вечера,
10 До глухой полуночи,
С полуночи часу до девятого.
Не по небушку звезды рассыпалися,
Рассыпалася наша сила-армия,
Конна гвардия.
По лужкам зеленым, по кустам ракитовым,
По цветам лазоревым.

№ 7

Из-за лесу, лесу темного,
Из-за гор ли, гор высокиих,
Выступала сила войнская,
Сила войнская царя белого.
Тридцать три полка царя белого,
Царя белого — гусары Петра Первого,
Петра Первого гусары со знаменами.
В барабаны бьют гусары по веселому,
А указы прочитали по печальному:
10 — Как у нас ли вот, гусары, урон сделался,
Урон сделался, гусары, генерал помер.
Генеральского конечка в поводу ведут,
Самово-та генерала на главах несут.
— Вы несите тело бело на сине море,
Вы обмойте тело белое морской водой,
Схороните тело бело промеж трех дорог,
Промеж питерской, московской, третьей — киевской.

№ 8

КАЗНЬ ДОЛГОРУКОВА

По большой-то дороженьке
Не купца-то ведут и не барина —
Самого-то князя Долгорукова.
Наперед идет сам грозный палач.

По бокам-то идут два полка солдат,
Оба тысячные;
Позади-то идет сама барыня,
Она идет-то, идет, как река льется,
Слезы катятся, как волна бьется.
10 Как назад-то князь оглянулся:
— Ты не плачь-ка, не плачь, моя барыня!
— Уж как-то мне не плакаться!
Все крестьянушки приописаны,
В золотой-то казне нам воли нет,
Только есть-то у меня золото кольцо
От родимой матушки,
Уж я тем-то кольцом буду палача дарить.

№ 9

ПЕСНИ ГОСУДАРЫНИ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ

Пишет письмы король прутской
Государыне во дворец:
— Всероссийская государыня,
Бы не огневалась на меня,
Очищала бы квартиры,
Постоялые дворы,
Генералам-кавалерам
По боярам бы стоять,
Моим прутским бы солдатам
10 По посадским мужикам,
Самому мне, королю, быть
У государыни во дворце.
Наша матушка государыня
Закручинилась весьма
И запечалилася.
Повесила буйну голову
Из могучих своих плеч,
Потупила очи ясны
В белодубов славный пол.
20 По правую руку сидел
Краснощеков генерал,
Краснощеков генерал,
Как клеит, говорит:
— Наша матушка государыня,
Не кручинься ни о чем,
Не печалуйся ни в чем!
Я умею гостя встретить
И потчевать его.
Я со честью гостя встречу
30 И со радостью такой:
Не со пушечной пальбой, —
Из мелких ружьев со стрельбой.
Не прогневайся, прутской король,
Призачерствели они:
Эти сухари в Туле крошены,
В Москве высушены.
У нас есть пироги
Черным маком чинены,
На раскатье сушены.

№ 10

ПЕСНЯ О ПУГАЧЕВСКОМ БОЕ

Из уральского городка
Протекла кровью река!
Сколыбались долы, горы,
Потряслась мать сыра земля,
Помутилася вода,
Покатилась рыба вниз,
Полетела птица с гнезд,
Побежали звери в лес.
В семьдесят третьем году
10 В Оренбурге-городу
Приходили новые вести:
Не бывать, братцы, на месте.
Майор Шкобский господин
Ордерар он получил
И поход нам объявил.
Мы походу не боялись,
Больше радовались.
Мы походом скоро шли,
В Озерну крепость пришли.
20 В Озерную приходили,
Нас по фасам становили;

СОЛДАТЫ У КОСТРА
Картина К. Ф. Кукевича (масло), 1839
Третьяковская галерея, Москва

Мы по фасам-то стояли,
Много нужды принимали,
Горячих слез проливали,
Пугачева в гости ждали.
Пугачев-ат приходил,
В нас из пушечек палил.
Пальба была престрашна,
Нам, солдатам, не ужасна.
30 Демарин полковник смел,
На коня он скоро сел,
На коня скоро садился,
Он по фасам разъезжал,
Всем приказ нам подтверждал:
— Ох, вы слушайте, ребята,
Государевы солдаты!
Вы палите не робейте,
Своих ручек не жалейте.
Пугачева победим,
40 Себе славу получим.
Пугачев-ат злодеян
Громко закричал:
— Исполать те, Демарин,
Больно храбро поступил,
Моих слуг победил:
Полковников до пяти,
Атаманов до шести,
Рядовых до семи.
Отступать будем на Бердо
50 Мы на Бердо-то придем,
Много силы наберем,
По Уралу вверх пойдем,
Мы во Троицку взойдем
Наделим вас серебром,
Кабаки все разобьем,
И вино будет свое.

№ 11

ПЕСНЯ О ТУРЕЦКОМ КОРОЛЕ

Поле, поле чистое,
Ты раздольицо широкое!
Когда, поле, перейдем тебя,
Долы-горы перевалимся,
Все дорожки перекатимся,
Быстры речки переправимся,
Мы дойдем-дойдем до лагеря,
До лагеря до Очакова.
В декабре-то было месяце,
10 На Николу было Зимнего.
Не спеши, зима, с морозами,
Не бушуйте, ветры буйные,
Не защита вы Очакову,
Не спасенье врагам нашиим
Середь поля чистого.
Выступал тут Потемкин князь,

Князь Потемкин, предводитель наш,
Говорил он таковы слова:
— Ох вы гой еси, солдатушки,
20 Солдатушки, мои детушки!
Нам пришла пора Очаков взять,
Час приблизился Луну сорвать
Со окопов белокаменных,
Разметать башни турецкие,
Погубить врага мечу русскому.
Возговорит турецкий хан:
— Скипетр мудрая государыня
Покорила наш Очаков-град.

№ 12

На святой Руси, в каменнóй Москве,
В главной улице, в новой крепости,
У собора было у Успенского
Молодой солдат на часах стоял,
На часах стоял с строевым ружьем.
Он ударил ружьем бел-горюч камень:
— Ты рассыпься-рассыпься, бел-горюч камень,
Расступись-расступись, мать сыра земля,
Ты раскройся-раскройся, гробова доска,
10 Развернися-развернися, золота парча,
Расстелись с тела, тонкий бел саван,
Ты восстань-восстань, наша матушка,
Катерина свет Алексеевна!
Все полки твои во строю стоят,
Во строю стоят, в одну линию,
Пребраженский полк во поход пошел
Во ину землю, землю Шведскую,
Во ину землю, во Турецкую.

№ 13

Разоренная путь-дороженька!
От Можая до Москвы!
Разорил ту путь-дороженьку
Неприятель, вор-француз.
Разоривши путь-дороженьку,
В свою землю жить пошел,
Ко Парижу подошел;
Там недолго постоял,
Три словечушка сказал,
10 Париж-город выхвалял.
Не хвались-ка ты своим
Ты Парижем дорогим!
Есть у белого царя
Есть получше города,
Как первые города
Есть там Питер и Москва,
Распрекрасная Москва —
Всей России красота.
Белым камнем складена,

20 Дикаречком услана,
Песочком усыпана;
На бумажке списана
В Симбирск-город прислана.

№ 14

Как на горочке-то был я, на горе,
На высокой-то я был ли, на крутой,
Тут построена где матушка Москва,
Москва-матушка губерний всех краса,
Всей Россиюшки и честь и похвала.
Восхвалил Москву француз Наполеон,
Полеонщичек был парень молодой.
Нет заботушки за парнем никакой,
Есть заботушка небольшинькая,
10 Заботушка — красна девушка,
Красна девка душа Машенька,
Из конца в конец Москву он всю прошел,
Лучше Машеньки нигде он не нашел.
Середи Москвы он силу становил;
Становив силу, он начал тут смекать.
Смекнул силушку полков уж сорок пять.
Закричали тут солдатушки: ура!
Что ура! ура! — солдатская беда!
Солдатушки мои бедные!
20 Заряжайте пушки медные,
Вы стреляйте в каменну стену!
Каменна стена пошатилася,
Бела глинушка повалилася.

Прим. Песнь, сочиненная в насмешку Наполеону и в которой разыгрался простонародный русский юмор.

⟨Варианты⟩

ст. 4. Москва всем губернюшкам красота.
⟨ст. 5.⟩ Всей Россиюшки честь и хвала.
⟨ст.⟩ 6. Восхвалил Москву франиц Палион.

№ 15

Как у нас ли во Россеюшке
Лучше нет еще каменной Москвы;
Что во той Москве белокаменной
Вдруг ударили в большой колокол
Во услышанье всему городу,
Во известие всей Россеюшке,
Что случилось в ней несчастьице,
Что несчастьице, безвремениице:
Будто помер царь у нас батюшка,
10 Помер царь Александр Павлович.
Схоронили его за Невой-рекой,
На крутой горе, на желтом песку,
На цветах ли на лазоревых.
В головах его стал донской казак,
Во ногах стоит часовой солдат,
У него в руках строево ружье,
Заряженое, припыженое.

№ 16

Собирался император
Свою армию смотреть,
Обещался император
К рождеству ли домой быть.
Все празднички проходят,
Александра дома нет.
Его матушка родима
Стосковалася об нем,
Молода его супруга
10 Что ни день, ни ночь не спит.
Вот пойду-пойду на башню,
Которая выше всех,
Погляжу я в ту сторону,
Где Александр должен быть.
По питерской по дорожке
Что не пыль в поле пылит,
По московской по широкой
Младой курьер бежит.
— Ты скажи, курьер,
20 Какую весть несешь?
— Вы кидайте шали алы,
Стирайте с лица красоту,
Надевайте черный травур,
Я всю правду вам скажу:
Александр император
В Таганроге кончил жизнь.
Что двенадцать генералов
На главах его несли,
Что четыре гранадера
30 Ворона коня вели.

№ 17

Как на рубеже государевом,
Что стоит-растет сыр матéрой дуб,
На дубу сидит млад ясен сокол,
Под дубом стоит сивый добрый конь.
Он и спор держит с ясным соколом,
Не об ста рублях, не об тысячи,
Об своих буйных головушках.
Соколу летать по поднебесью,
А коню бежать по сырой земле
10 До того ль места до урочного,
До того ль ключа до гремучего,
До холодного, до студеного.
Как сокóл летит — колокол звенит,
А как конь бежит, лишь земля дрожит.
Прибегает конь прежде сокола
До того места до урочного,
До того ключа до гремучего,
До холодного, до студеного.
Шелковой травы наедается,
20 Ключевой воды напивается;
Он и час стоит, и другой стоит,

А на третий час и сокóл летит,
Как сокóл летит, колокол звенит.
Он упал коню во резвы ноги:
— Ты прости, прости, сивый добрый конь!
Я не сам, сокóл, позамешкался,
Залетел, сокóл, в тихи заводи,
Еще бил сокóл гусей-лебедей,
Гусей-лебедей, серых уточек.

После стиха 27 иногда поются стихи:

Глазки завидливые, крылышки замашистые,

но это явно вставка из другой песни.

№ 18

Ты крапива ли моя, крапивушка,
Зелье лютое!
Одолела ты, крапивушка,
Поле чистое,
Что ни конному, ни пешему
Проходу нет.
Проходил тут, проезжал
Добрый молодец.
Загулял-то я, молодчик,
10 Во ину землю,
Во ину землю, чужую,
К королю в Литву.
Как король-то молодца
Любил-жаловал;
Короля дочь с молодцом
Во любви жила;
Уж я, молодец, пьян
Напиваться стал,
Небылыми словесами
20 Похваляться стал.
Уж как были на молодчика
Злы-лихи люди;
Доложили-доносили
Самому королю.
Как король-то на молодчика
Прогневался.
Приказал он палачам
Казнить-вешати.
Уж я сам палачам
30 По червонцу дал:
— Не ведите вы меня
Позади двора,
Поведите вы меня
Впереди дворца,
Запоемте, братцы, песню,
Песню новую:
Ах вы сени, мои сени,
Сени новые!
Уж как знать мне по вас, сени,
40 Не похаживать.

№ 19

Голос протяжный

Не черной ворон по горам летал —
Молодой турок по полям езжал.
Он смотрел-то глядел силушку российскую,
Он, высмотремши, стал насмехатися,
Над донскими казаками надругатися,
Еще называл силушку вороною:
— Ты, ворона-воронушка, силушка российская,
Нет в тебе, силушка, против меня спорщика,
Нету поединщика.
10 Выбирался один молодой казак,
Выходил казак на ясен крылец,
Закричал казак своим громким голосом:
— Вы подайте-ка, братцы, коня мне неезженного,
Оседлайте-ка седельчико неседланное,
Вы наденьте-ка уздечку ненадевану,
Вы дайте-ка в руку нехлыстану,
Дайте-ка саблю вострую и копье булатное.
Садился казак на доброго коня,
Он и кланялся на все четыре стороны:
20 — Прости, батюшка и матушка,
Да еще прости, мать сыра земля,
Прости меня, вольный свет,
Прости, донское войско!
Поехал казак во чистое поле,
Он съехался с турком, поздоровался,
Разъехались с турком, распростилися,
Они соскакались на тупых концах,
Он ударил турка во белую грудь,
Он вышиб турка с коня долой,
30 Отсек ему буйну голову.
Возвратился к своему отцу-матери в донское войско.

№ 20

В Студенце

Лишь солнце закатилось за темные леса,
Умолкли в саду пташки, неслышно голоса.
Под деревом ветвистым тут хижина была.
Вдруг топают в долине, и пыль в поле пылит,
Два храбрые героя с оружием бегут,
Один во младых летах, другой как белый лунь,
Вдруг к хижине подходят, вдову находят тут;
— Любезная хозяйка, пусти нас ночевать!
Хозяйка отвечала: — О бог меня храни!
10 Я сегодня перед богом всю правду вам скажу,
Я хату не топила и щи не варены.
— Любезная хозяйка, не думай ни о чем,
Мы завтра вместе с светом в поход скоро пойдем.
В хижину всходили и садились по местам,
А вдова встала у печки и плакать начала.
Один герой постарше младому говорит:
— Спроси, спроси, Ванюша, о чем она грустит

БАЛАЛАЕЧНИК

Рисунок неизвестного художника (карандаш), 1840-е годы

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

И горючи слезы льет.
Младый герой, вставши, к хозяйке подходил:
— Скажи ты нам, пожалуй, о чем ты так грустишь?
Хозяйка отвечала, залившися слезами:
— Любезные герои, всю правду вам скажу.
Как сделалась невзгода, открылася война,
Тут мужа я лишилась и сына своего.
Младый герой заплакал, хозяйке отвечал,
Сам правою рукою на старшего указал:
— Познай, познай, хозяйка, ты мужа своего.
Прижми к ретиву сердцу сына своего.

№ 21

Как во поле, чистом поле, в широком раздолье
Тут стояло чистое древо, березынька бела.
Как на той же на березе сидит птица пава,
Кричит пава: Запропала солдатская слава!
Господа вы солдатушки, что вы худы-бледны?
— Оттого мы худы-бледны, что завсегда в походе,
Что всегда во походе, в казенной работе;
Мы работушку работали, ружья заряжали,
Ружья заряжали, во Францию стреляли,
Силу истеряли, службу проклинали:
Что проклятая такая служба царская;
Кто в службе не бывает, тот горя не знает,
А мы в службе побывали, все горя спознали.
— Господа вы служивы, где ваши домы?
— Наши дома — круты горы, широкие раздолья,

Что широкие раздольи — наши подворья.
— Господа служивы, а где ваши жены?
— Наши жены — пушки заряжены.
— Господа вы служивы, а где ваши сестры?
20 — Наши сестры — сабли востры.
— Господа служивы, где ваши матушки родимы?
— Наши матушки родимы — штыки припасены.

Из 229 записей народных песен, сохранившихся в архиве Ознобишина, выборочно публикуется 50 текстов *. Значительная часть их (38) взята из сборника «Русские песни» (см. о нем стр. 518 настоящ. тома), остальные — из разрозненных черновых записей, не обработанных собирателем (см. о них стр. 516 настоящ. тома).

Первый раздел публикации составляют исторические песни. В собрании Ознобишина их сохранилось более 30. 9 песен собиратель включил в свой сборник, однако, руководствуясь при его составлении географическим принципом расположения материала, он не выделил их в особый раздел, а ограничился краткой пометой «истор⟨ическая⟩» в соответствующих местах оглавления. Большая же часть их не вошла в состав «Русских песен» и осталась в числе необработанных черновых записей. Мы публикуем не только те исторические песни, которые Ознобишин включил в свой сборник, но также и наиболее интересные черновые тексты его собрания. Всего в раздел «Исторические песни» входит 21 запись — 9 взято из сборника «Русские песни» (№ 1, 6, 7, 12—15, 17, 18), в том числе 6 из числа записанных в Ардатовском и Курмышском уездах, 2 — в Самарском у. и 1 олонецкая песня. Остальные 12 записей содержатся в черновой части собрания (ед. хр. 21, 22, 26, 28, 40). Песни располагаются в порядке хронологии событий, о которых в них поется, независимо от их места в собрании.

Второй раздел публикации — «Русские песни» — содержит 29 текстов и состоит целиком из песен, включенных Ознобишиным в его сборник. Это записи, сделанные Н. Т. Аксаковым в Оренбургской губ. (публикуются три песни из шести — № 1—3), и песни, собранные самим Ознобишиным в Ардатовском и Курмышском уездах Симбирской губ. (26 песен из 32 — № 4—29; остальные 6 вошли в первый раздел публикации). «Олонецкие песни» и «Песни Самарского уезда Симбирской губернии», составляющие остальное содержание сборника (50 песен), не публикуются (за исключением трех песен, вошедших в первый раздел). В публикации сохраняются все комментарии Ознобишина и наиболее интересные варианты, включенные им в сборник «Русские песни». Варианты, сохранившиеся в черновых записях и не использованные при составлении сборника, приводятся только в отдельных случаях (см. № 2, 7, 12, 26).

№ 1. Записано в Самарском у. Симбирской губ. Отрывок песни о татарском полоне. Вар.: *СС*, в. 7; Соб., т. VI, № 372, 375. Анализ сюжета, вар. и комментарии к ним см.: Исторические песни XIII — XVI вв., стр. 628—631.

№ 2. Записано в Ставропольском у. Симбирской губ. Песня разбойничьего цикла, в некоторых вар. связана с именем Ермака («Исторические песни на Тереке». Подготовка текстов, статья и прим. Б. Н. Путилова. Грозный, 1948, стр. 371—376; Исторические песни XIII — XVI вв., стр. 523, № 358), Разина (*СС*, в. 7, стр. 33, 148; Миллер. Исторические песни, стр. 325, 326), Пугачева (Народные исторические песни, стр. 266—267).

Вор Гаврюшка — Гаврила Лаврентьевич (Б. Н. Путилов. Указ. изд., стр. 372), Гаврюшка, сын Лаврентьевич (Миллер. Исторические песни, стр. 166), чаще Асташка, сын Лаврентьевич (см. указ. вар.), есаул Ермака, принимал участие во взятии Казани. Другие объяснения см.: Народные исторические песни, стр. 374.

№ 3. Записано 16 апреля 1846 г. в с. Березовый Гай Самарского у. Вар.: *СС*, в. 9, стр. 2—5; «Сборник донских народных песен». Составил А. Савельев. СПб., 1866, стр. 149; Народные исторические песни, стр. 235. Относительно данного текста допустима гипотеза, что традиционная по запеву и образам песня была приурочена к пугачевскому времени: майорская дочь просит за родителей донского казака, сковавшего их «по указу государева» ⟨Петра III? — *З. В.*⟩. Дворец государя находится в «Новом селе», дорога к нему украшена пучками смородины. В пугачевском песенном цикле вар. этой песни нет. В толковании других ее вар. исследователи затрудняются. Б. Н. Путилов, например, пишет, что «вопрос о реальной основе песни остается открытым» (Народные исторические песни, стр. 364).

№ 4. Песня петровского времени. По-видимому, связана с битвой при Нарве (1700 г.), где дивизия А. М. Головина обратилась в бегство, а сам он был взят в плен. В публикациях вар. данного текста не найдено.

---

* Комментарии к историческим песням написаны З. И. Власовой при участии М. Е. Роговской; к «Русским песням» — С. И. Минц.

№ 5. Записано в Ставропольском у. Симбирской губ. Песня относится к петровским временам, к периоду шведской войны. Об участии в ней гр. Бориса Петровича Шереметева в русском фольклоре существует целый цикл песен: *СС*, в. 8, стр. 125—136, 169—173; *НС* № 1774; «Былины и песни из Южной Сибири. Записи С. И. Гуляева». Новосибирск, 1939, № 16; Народные исторические песни, стр. 223—227. Исследование сюжета и вар. — там же, стр. 360—361. Близких вар. данного текста в публикациях не найдено. «*Прутский*» («Прутцкий») король, очевидно, появился в песне позднее, заменив шведского короля. *Ладанское озеро* — по-видимому, искаженное название Ладожского озера. *Кодинский монастырь* — возможно, имеется в виду Троицко-Кодинский или Кодинский (неправильно — Колоцкий) мужской монастырь Березовского у. Тобольской губ. Расположен при с. Кодинском, в 215 верстах от г. Березова, места ссылки А. Д. Меншикова.

№ 6. Публикуются три вар. песни: 1) без указания места; 2) записанный в Самарском у. Симбирской губ.; 3) записанный в д. Липовке Ардатовского у. той же губ. Старинная солдатская песня, относимая иногда к рекрутским. Возникла в петровское время в связи с введением рекрутской повинности и 25-летним сроком службы в армии. Известна во множестве вар. с XVIII в. В некоторых (Иваницкий, № 580) приурочена к походу на Полтаву. В XIX в. к имени Петра нередко прибавляется в песне имя Николая I (см. 3-й вар.). Вар.: *СС*, в. 9, прилож., стр. XXVI — XXXI; *НС* № 1274, 1917; Соб., т. VI, № 181 — 184; записывается нередко и в наши дни, см., например, Песни Печоры, № 335.

Невага, вероятно, искаженное название рек Невы или Ваги. Однако в «Толковом словаре» В. И. Даля оно объяснено как слово, в тверском говоре означающее: несчастье, невзгоду, безвременье (т. II, стр. 1090). Вторая часть ст. обычно поется иначе, чем понято собирателем: «за другой рекой Перебрагою» (см. указ. вар.). Возможно, что и «*Перебрага*» — забытое имя существительное, однокоренное с глаголом «перебраживать» — бродить, шататься, кочевать («Толковый словарь живого великорусского языка», т. III, стр. 28). К содержанию данной рекрутской песни Прага не имеет отношения.

№ 7. Записано в Симбирской губ. Очень распространенная в XIX в. и известная во многих вар. песня петровского времени. Нередко относится к историческим в связи с упоминанием «гусар» Петра I и его имени. В ряде вар. вм. «генерал» — «полковник». В близких, более поздних текстах упоминаются Суворов и Рыжков. Вар.: *СС*, в. 8, стр. 147—152, 222—223; Листопадов, № 130; Иваницкий, № 584; *СС*, в. 9, прилож., стр. XIV—XXI; *НС* № 2095.

№ 8. Историческая песня о казни одного из четырех Долгоруких в Новгороде в 1739 г. по обвинению в заговоре против имп. Анны Иоанновны. В публикациях XIX в. довольно редко встречается, в наше время забыта. Иногда в вар. объясняется смысл подарка палачу — «чтобы придал скорую смерть» (казнь была жестокой, и по древнему обычаю дарили палача, чтобы он ускорил смерть). Вар.: *СС*, в. 9, стр. 8; коммент. к данному сюжету — см.: Народные исторические песни, стр. 364.

№ 9. Один из вар. обширного цикла песен с запевом «Пишет, пишет король...» Возможно, что впервые песня появляется во время шведской семилетней войны, в царствование Елизаветы Петровны (1756—1763). Б. Н. Путилов считает, что события, излагаемые в песне, «относятся скорее всего к 1780 г. Шведский король предъявил правительству Екатерины II требование — уступить часть территорий, приобретенных Россией по Ништадтскому и Абосскому мирным договорам, а также разоружить флот» (Народные исторические песни, стр. 372). Данный вар. относится несомненно ко временам Екатерины II. В песню нередко вводятся другие исторические лица: вм. шведского — прусский король, султан турецкий, король французский, а также имена Краснощекова, Суворова, Румянцева, Екатерины II, Потемкина, Кутузова, в зависимости от тех исторических событий, к которым приурочивалась песня. Вар.: *СС*, в. 9, стр. 80; в. 10, стр. 459—462; *НС* № 1782; Народные исторические песни, стр. 262—264; Листопадов, № 168.

№ 10. Уникальная солдатская песня, записанная в Ставропольском у. Симбирской губ. В 1833 г. Пушкин записал отрывок этой песни (см. настоящ. том, № 5). В данном вар. изображены подлинные исторические факты (борьба за крепость Верхне-Озерную). Упоминаются города Оренбург, Бердо, Троицк; фамилии офицеров правительственных войск, боровшихся с Пугачевым, — Демарин, Шкобский. Вар.: *СС*, в. 9, стр. 245 (запись Языкова); близкий текст: Народные исторические песни, стр. 372 (запись И. И. Железнова). См. также запись Даля — настоящ. том, № 1.

№ 11. Очень популярная до наших дней историческая песня с распространенным зачином «Поле чистое, турецкое». Возможно, входила в песенный репертуар солдат в XVIII в., глубоко патриотична по содержанию и относится к событиям периода турецкой войны (взятие Очакова 6 декабря 1788 г. при участии Суворова). Вар.: *СС*, в. 9, стр. 255; Иваницкий, № 583; Песни Печоры, № 136; там же ссылки на другие вар. песни, опубликованные в советское время.

№ 12. Записано в Симбирской губ. Плач по Екатерине II — традиционная форма причитания, используемая как плач войска по государю, «равно относимая устным народным творчеством к Иоанну IV, Петру I, Петру II, Петру III, Екатерине (вероятно, II),

к Павлу I и Александру I. Эпические формы остаются те же, но прилагаются к разным лицам» («Русские песни, собранные П. Якушкиным». — «Отечественные записки», 1860, № 4-5, стр. 13). Вар.: Шейн — «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1859, № 3, стр. 14—15; Соб., т. VI, № 255; *СС*, в. 8, стр. 276, 287—288 (плач по Петре I, текстуально совпадающий с публикуемым, записанный Киреевским в Московской губ.); *НС* № 1279.

№ 13. Записано в Симбирской губ. Приводится один из двух вар., имеющихся в собрании Ознобишина. Популярная в XIX в. песня о нашествии Наполеона на Москву. Песня проникнута глубоким патриотическим чувством и была широко распространена. Вар.: *СС*, в. 10, стр. 7—12; В. Шишонко. Отрывки из народного творчества Пермской губернии. Пермь, 1882, стр. 223; Магнитский, стр. 85; В. Н. Гартевельд. Песни каторги. СПб., 1908, № 4: Чернышев, № 149; В. И. Чичеров — в кн. Исторические песни (Б-ка поэта. Малая серия). Л., 1956, стр. 277. Упоминание Симбирска в публикуемом вар. очевидно принадлежит местной традиции.

№ 14. Записано в Самарском у. Симбирской губ. В песне отразилось пребывание Наполеона и французской армии в Москве, как и в некоторых других вар. песни. В публикуемом тексте дается картина взрыва древней кремлевской стены, произведенного французами 21 октября 1812 г. В данный вар. внесены черты бытовой рекрутской песни, что нередко и в др. вар.: *СС*, в. 10, стр. 6; С. И. Гуляев. Былины и исторические песни из Южной Сибири. Новосибирск, 1939, № 8; Листопадов, № 203; В. П. Бирюков. Урал в его живом слове. Свердловск, 1953, стр. 14; В. И. Чичеров. Указ. изд., стр. 279; И. Г. Парилов. Русский фольклор Нарыма. Новосибирск, 1948, стр. 166 и др. В прим. к песне Ознобишин приводит разночтения из других вар. (без указания источников).

№ 15. Записано в Симбирской губ. Песня представляет собою один из вар. плача войска по Александру I, распространенного в XIX в. Она близка по форме традиционным плачам о кончине императора или военачальника, отсутствует лишь запев «Уж ты, батюшка, светел месяц». Вар.: *СС*, в. 10, стр. 200—204; Н. Е. Ончуков. Печорские былины. СПб., 1904, стр. 158, 401.

№ 16. Записано в Ставропольском у. Симбирской губ. Наиболее популярная и до нашего времени дошедшая в устном бытовании песня, вызванная известием о внезапной смерти Александра I в Таганроге. Похоронная процессия двигалась через Харьков, Тулу, Москву, порождая в народе толки, еще более усилившиеся в связи с восстанием декабристов, отказом от престола Константина и коронацией Николая I. Вар.: *СС*, в. 10, стр. 197; Шейн — «Чтения...», 1859, № 3, стр. 147—148; Иваницкий, № 587; Васнецов, стр. 26—27; Якушкин. Народные русские песни. СПб., 1865, стр. 545; Лаговский, № 167; Мякутин, стр. 107—109 и др.

№ 17. Записано в Самарском у. Симбирской губ. Песня о коне и соколе известна также в записях, сделанных в Уральской, Терской, Донской обл. и Уфимской губ. (Соб., т. I, № 492—495). В более поздних записях не встречается. В настоящем вар. точно указано место действия — «на рубеже государевом», т. е. на границе страны. Возможно, что публикуемая песня — первая часть эпической песни об охране границ, построенной на психологическом параллелизме и утерявшей вторую часть параллели (ср.: сокол, встретивший гусей-лебедей; Сухман, встретивший врагов-татар, и т. д.). Не потому ли и отнес Ознобишин эту песню к историческим?

Собиратель ошибается, считая строки, иногда поющиеся после 27 ст., чужеродными, — в одном из вар. сокол, оправдываясь, говорит:

Соколиные мои крылушки залетные,
Глазушки у меня, сокола, завидущие... (Соб., т. I, № 494).

№ 18. Записано в Олонецкой губ. Текст восходит к балладе «Молодец у короля на службе» (Соб., т. I, № 1—24). Вар., близкие публикуемому: *НС* № 1999, 2183. В данном тексте концовкой является цитата из песни «Ах вы, сени, мои сени». В др. вар. в конце: «песню новую, хорошую», «... умильную» (Соб., т. I, № 8—9).

№ 19. Песня о поединке донского казака с турком несомненно примыкает к циклу исторических и отражает одно из нередких в XVI — XVII вв. столкновений донского казачества с турками или крымскими татарами. Существует цикл народных исторических песен о борьбе казаков с турками, в них нередко упоминается и Ермак (см. Исторические песни XIII — XVI вв., стр. 687). Вар.: *СС*, в. 1, стр. 18, 91. Вар., близких данному, в др. публикациях не найдено.

№ 20. Записано в д. Студенце Сызранского у. Симбирской губ. Текст взят из тетради, озаглавленной: «Песни простонародные, какие поются в с. Елани, Студенце, д. Липовке и Судьбищах», и представляет собой литературную переделку широко распространенной солдатской и бытовой лирической песни, дошедшей в устном бытовании до наших дней (Песни Печоры, № 4). Вар.: Соб., т. I, № 339—340; *НС* № 1258, 1338, 1339, 1991, 2688, 2828, 2907, 2937, 2974.

№ 21. Старинная, очень популярная солдатская песня, известная в конце XIX в. с запевом «Солдатушки, бравы ребятушки». Художественно полноценный и сравнительно ранний ее вар. записан Киреевским (*НС* № 2910). Данный текст интересен для исследователя упоминанием войны с французами.

ИЗ СБОРНИКА «РУССКИЕ ПЕСНИ»

№ 1

— Молодец, побывай ты у меня!
Сердца радость, повидаемся со мной!
— Время будет, побываю у тебя,
Время было б, посидел бы я с тобой,
Насмотрелся б, нагляделся б на тебя,
На твое ли на прекрасное лицо.
Ты прекрасная красавица моя,
Красавица, красная девица душа!
Красота твоя с ума меня свела,
А походочка из мыслей вон нейдёт.
Вижу, матушка, сердита на меня,
Что не пишешь, моя радость, никогда,
О здоровьи не приказываешь ни с кем?

№ 2

Ай молодость, молодость,
Да чем тебя вспо̀мянуть? *2*
Ай мой люли, ай люли,
Да чем тебя вспомянуть?
Вспо̀мяну я молодость
Тоскою-кручиною, *2*
Ай мой люли, ай люли —
и проч.
Тоскою-кручиною,
Великой печалию. *2*
Ай мой люли — *и проч.*
Пойду млада по воду,
Скачу ведра под гору, *2*
Ай мой люли — *и проч.*
Скачу ведра под гору,
Сама взойду на гору,
Ай мой люли — *и проч.*
Сама взойду на гору,
Раскинуся яблонью,
Ай мой люли — *и проч.*
Раскинуся яблонью,
Яблонью кудрявою.
Ай мой люли — *и проч.*
Тут ехали бо́яре
С семидесять городов.
Ай мой люли — *и проч*
Колют в доски тонкия
Делать гусли звонкия,
Ай мой люли — *и проч.*
Кому в гусли по́играть?
Кому под них по́плясать?
Ай мой люли, ай люли!
Кому под них поплясать?

ДЕРЕВЕНСКИЙ ПРАЗДНИК

Картина неизвестного художника (масло), первая половина XVIII в.

Третьяковская галерея, Москва

Варианты

По всем признакам песнь эта дошла до нас в испорченном виде, что показывает странная перемена ударений в иных словах: *вспдмянуть* вместо *вспомянуть*; *бдяри* вместо *бояре*; *с семидесять городов* вместо *с семидесятй городдв*; *пдиграть* вместо *поиграть*; *пдплясать* вместо *поплясать*.

Все эти неправильности весьма легко устранить, но тогда потеряется грациозная простота этой песни.

Помещаю только одни варианты: в 4-м двустишии

Пойду млада по воду,
Покачу ведра под гору.

В 9-м двустишии:

Кололи доски тонкия, Колют доски тонкия,
Делали гусли звонкия Ладют гусли звонкия

В 10-м двустишии:

Кому в гусли поиграть,
Кому по них поплясать.

Эта перемена ударений в словах вышеприведенных мною, вероятно, была незаметна при искусном пении, обыкновенно сопровождаемым или игрой на инструментах, или каким-либо выразительным телодвижением, как мы это видим и ныне в песнях у цыган, или наконец пляскою кого-либо из лиц, участвующих в хоре.

№ 3

Ах как нониче для молодца беспокойны ночи!
Ах, не вы ли заразили, приятныя очи!
Где хожу, где ни гуляю, тебя вспоминаю,

Повсечасно, дорогой, твой вид воображаю.
Сделай, милая, глазами вид, что меня любишь,
Ты скажи, хотя притворно, что ты по мне тужишь.
— Не умею, мой батюшка, в любви лицемерить,
Всем, милой, тебе божуся, чему можешь верить.
— Ах, ты вольность, моя вольность, вольность дорогая!
10 Ты к чему меня приводишь? — К вечному мученью.
В первый раз тебя увидел, вольности лишился,
Ах, я вольности лишился, покою не знаю!

№ 4

Отлетает мой соколик из моих ясных очей,
Отлетает мой любезный в отдаленны города,
В отдаленный, в незнакомый, в славный город Петербург.
Я не мало слез роняла об тебе, любезный мой,
Во слезах дружка просила: — Хоть немножко поживем!
— Мне нельзя-нельзя немножко с тобой, лапушка, пожить,
Нас с тобою разлучают, велят бросить-позабыть.
Я тогда тебя забуду, когда скроются глаза,
Принакроют тело бело белым тонким полотном,
10 И засыплют ясны очи желтым, мелким с гор песком.
— Я на камушке срисую, на картинке напишу;
Написавши на картинке, всем подружкам расскажу:
«Ах вы, девушки-подружки, не любите так, как я!
Как от этой от любви приключается беда:
Я от этой от любови во постелюшку слегла».

№ 5

Беседушка шла,
Сударка была,
Рядом сидела,
Чай с водкой пила.
Сделалась пьяна,
Пару слов дала:
— Я буду твоя
Неразлучная,
Ввечеру позднешенько
10 Сговоренная,
Поутру ранешенько
Увезенная.
Жалко мне, сударушка,
Что замуж идет,
Большая досадушка:
Товарищ берет.
Товарищ берет,
Сам рядом живет:
Чрез один забор
20 Окошком на двор,
Окошком на двор,
Под одно крыльцо.
Погляжу в окно —
Сударка пройдет,
Сударка пройдет,
Сердечко замрет.

№ 6

Ах, ты, Дунюшка-Авдотьюшка душа!
В кого, Дуня, уродилась хороша?
Или Дуня в удалого молодца?
Куда с Дунюшки девалась красота?
С твоего, Дуня, со белого лица
Распропала вся девичья красота!
Брови черныя теперь уж не в холе.
Я из горенки во горенку хожу,
По-манехоньку на вольный свет гляжу.
10 Уж я выйду ли за новы ворота,
Стану, Дуня, у притворного столба,
Погляжу я на четыре стороны,
Где бы, где бы мне милого увидать,
Во глаза его разбестией назвать.
Ты разбестия, каналья, дружок мой!
От какой ты от красавицы отстал,
Ты какую негодяйку любить стал,
От мерзавки чужу сторону спознал.
Ты злодей-злодей чужая сторона!
20 Разлучила с отцом с матерью меня:
Разлучила с молодой верной женой.
А грустней того со девицей душой.
Я пойду с горя во зелен сад гулять,
Я нарву в саду любимыих цветков,
Совью милому прелестнейший венок;
Я пойду ли во высок новый терём,
Там я сяду на тесовую кровать,
Стану плакать я, об милом тосковать.
Не придет ли ко мне миленькой в ночи,
30 Не пришлет ли мне он ласковы слова,
Помирилась бы я с милым навсегда.

№ 7

Мил по улице гуляет, на окошечко не взглянет,
Друг иную возлюбляет, меня покидает.
Покидает-оставляет, как голубь голубку,
Оставляет на чужой ли на дальней сторонке.
. . . . . .
Мне сказали, что в Казани очень дорог перевоз,
Я свою-то сударушку на рученьках перенес.
Ничего не измочил, лишь башмак с ноги сронил,
Заплакала-залилась: очень жалко башмачка.
— Ты не плачь, моя милая, не плачь, дорогая!
10 Башмачки куплю другия, верхи голубыя,
Верхи голубыя с лентами, с цветами,
С лентами, с цветами и из лент пучками,
Чулки со стрелами, фартук со орлами,
Платок со кошмами, перстень со словами.
Носи, Саша милая, а мной не хвалися,
Если будешь похваляться, я не буду с тобой знаться;
Пристыжу тогда тебя при всем при народе,
Когда девки все сойдутся в большом хороводе.

Эта песня поется во многих деревнях Симбирской губернии и поется с изменениями; приведу главнейшие.

ст. 2. На окошечко не взглянет, он иную возлюбляет,
Он иную-та милую, меня покидает,
Покидает-оставляет, как голубь голубку,
Покидает-оставляет молодец девчонку.
Оставляет на чужой ли на дальней сторонке.
. . . . . .
Как во городе Казани очень дорог перевоз,
Я свою-та Сашеньку на ручушках перенес.
Перенесть-то перенес, я ничего не обмочил,
Обмочить не обмочил я, башмачок с ножки сронил.
Тужит-плачит красна девка: очень жалко башмачка.
— Ты не плачь, Саша милая, не плачь, дорогая!
Я куплю тебе иныя, верхи голубыя,
Вершечики голубыя с лентами, с пучками,
Что со лентами, с пучками, чулки со стрелами.
Ты носи, моя милая, носи не хвалися,
Если будешь восхваляться, я с тобой не буду знаться,
А не будешь восхваляться, не могу с тобой расстаться,
ст. 13. Чулки со узорами, запон с кружевами,
Платок со цветами, серги со звездами, кольцо со словами.

№ 8

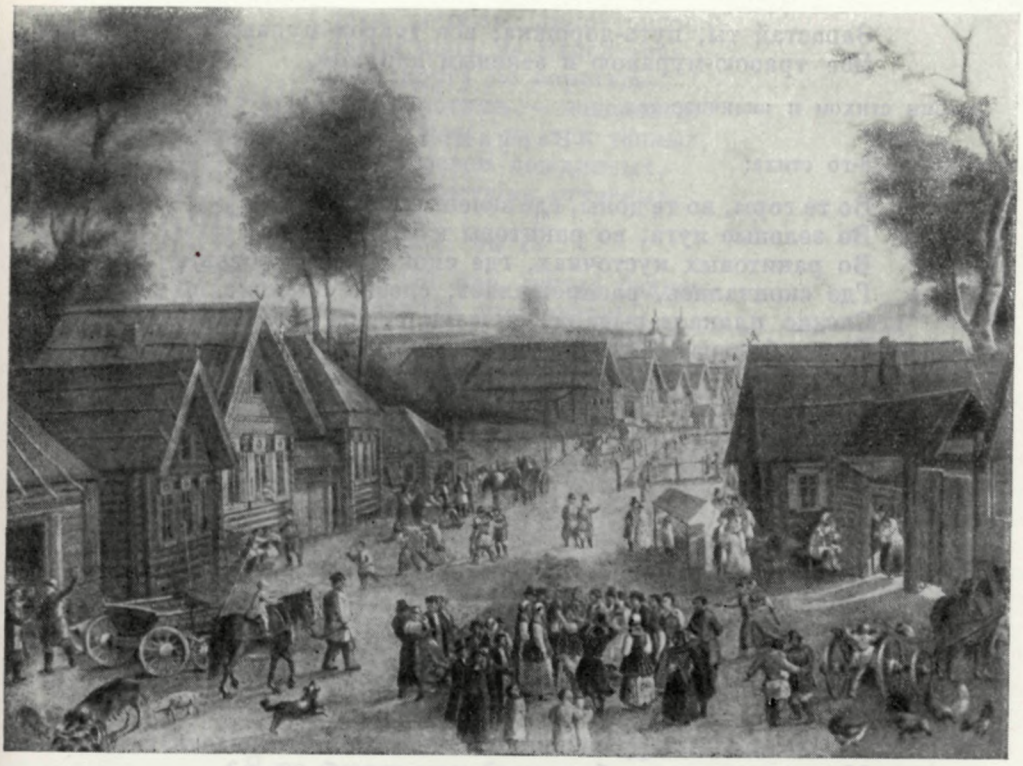
Не повадно наше времечко, жарок сенокос;
Не пущают меня, молодца, во всю ночь гулять.
Хоть и пустют разудалого, я сушусь-крушусь,
Сушусь-крушусь, добрый молодец, слезами зальюсь.
Зальюсь-зальюсь разгорючми, сам знаю по ком;
Знаю-знаю, вспоминаю, кого я люблю;
Люблю-люблю свою любушку, ее при мне нет,
Она ж, моя любушка, далеко живет,
На той, на той на сторонушке, меж гор высоко.
10 Между гор ли, гор высокиих выстроен терём,
Как во этом новом тереме любушка живет,
Она часто, моя любушка, песенки поет,
Поет песни она грустные, голос подает.

Варианты

ст. 4. Сушусь-крушусь, разгорююся, слезами зальюсь.
⟨ст.⟩ 8. Она за морем далечинько на той стороне.
На той дальней на сторонушке волости стоят,
Как во этих новых волостях выстроен терем,
Как во этом новом тереме девушки сидят,
Под открытым под окошечком рубашечки шьют,
Коленкоровы рубашечки, песенки поют.
А мне добру молодцу голос подают.

№ 9

Выходила девчоночка за новые ворота,
Становилась красавица у притворного столба,
Опущала красавица белы руки во карман,
Из кармашка вынимала белый шелковый платок,
Платком слезы утирала любезному своему,
Как утерши горьки слезы, на горы́ гулять пошли,
На те горы, на те долы, где скончалася любовь,
Где скончалась, распрощалась; жизнь в разлуке тяжела.
Зарастут пути-дорожки все травою-муравой,



ПРАЗДНИК В ДЕРЕВНЕ

Картина неизвестного художника (масло), первая половина XIX в. Исторический музей, Москва

10 Частым, мелким ковылом, всё широким лапушком.
Как из этих лапушков постелюшку постелю,
А пос⟨т⟩лавши постелюшку, подушечку положу;
Сама лягу полежу, друга милого пожду.

Прим. В некоторых селах поется после первого стиха:

За новыя кленовыя, за решетчатыя;

После 2-го стиха:

У притворного столбочка, у точеной вереи.

Вместо 7-го:

На те горы, на те долы, где разлука тяжела,
Разлучает нас неволя, чужа дальня сторона,
На чужой дальней сторонке девчоночка молода.
Взял девчонку за ручонку, сказал: — Лапушка, прощай!
Зарастут наши следочки все травою-муравой,
Все травою-муравою, большим свежим лапухом.
Я с тоски и со досады слезно плакала по нем,
Слезно плакала-рыдала, со слез речка протекла,
Течет речинька глубока, злой течет она струей.

Прим. В некоторых деревнях эта песнь поется иначе, после стиха 7-го:

Где скончалась, распрощалась. Жизнь в разлуке тяжела,
Растяжелая разлука чужа дальня сторона!

Зарастай ты, путь-дорожка, все травою-муравой,
Все травою-муравою и зеленым лапухом.

Сим стихом и оканчивается.

Варианты

После 6-го стиха:

Во те горы, во те долы, где зеленые луга,
Во зеленые луга, во ракитовы кусты.
Во ракитовых кусточках, где скончалася любовь;
Где скончалась, распрощалась, слезно плакала по нем,
Слезно плакала-рыдала, со слез речка протекла.
Речка быстрая Казанка побежала по лугам,
Не широка, не глубока, с берегами наравне.
Возле речки, возле мосту тут дорожка прилегла.
Как на это⟨й⟩ на дорожиньке разлука тяжела,
Зарастут пути *и проч.*

№ 10

Несчастная девушка с горя пошутила,
Молодого мальчика она полюбила;
Полюбивши, девушка заботу имела,
Имевши заботу, стала по нем сохнуть.
Долго сохла девушка по милом дружочке,
Любимым подруженькам она говорила:
— Скажите, подруженьки, что мне с милым делать?
Мне должно ль любить его или вовсе бросить?
Полюблю я, девушка, инова милова,
10 Я с этим со милым ли стану вечно жити,
А старому другу тем сделаю досаду.

№ 11

Что ты, Ванюшка, не весел,
Буйну голову повесил,
Черной шляпою накрылся,
Горючми слезми залился?
Провожал свою сударку
На чужу дальну сторонку
Не в согласную семейку,
Там никто ее не любит,
Ни свекор и ни свекровка,
10 Ни большой деверь, золовка.
. . . . . .
Уж вы, ночи мои, ночи,
Вы осенние, последни!
Ничего в ночах не слышно,
Ничего в темных не видно,
Только слышно, только видно —
Шел Иванушка горою,
Мимо садика тропою,
Пронес гусли под полою.
Сам во гуслицы играет,
20 Душу Дуню потешает:
— Ты не плачь, душа Дуняша,
Не рони слезы напрасно!

Слезы ронишь, лицо портишь,
Слезми моря не наполнишь,
Свово друга не воротишь.
Хоть воротишь,— ненадолго:
На три лета, на три теплых,
На три осени дождливых,
На три зимушки студеных.

№ 12

Ах, житье ли мое, житье бедное,
Одиночество ты проклятое!
Уж куда ты мне надокучило
Во младых летах горе мыкати!
Да к тому ж горько, все несчастие:
Оставлят меня душа девица.
Уж давно мне нет от ней весточки!
Прилетала ко мне ласточка,
Что со милой ли со сторонушки,
10 Приносила ко мне весточку,
Что тое ли всё невеселую:
Сговорили уж мою милую.
Как заныло вдруг тут сердечушко,
Охладела кровь в пламенной груди,
Перервался мой истомленный дух.
Во письме пишет красна девица:
— Не крушись по мне, ты душа моя!
Я по смерть мою буду вся твоя,
Во всю жизнь мою буду верною!
20 Ах, житье ль мое, житье бедное,
Одиночество ты проклятое!
Я изныла свой век не как человек,
В горе живучи, беды терпючи.
Люди все живут, как цветы цветут,
Голова ж моя вянет, как трава.
С кем ни посижу, вкруг себя свяжу;
Сложу ль с кем совет, — ни в чем толку нет,
Говорить лишь стал, — в дураки попал.
Ах, беда-скуде, места нет нигде!
30 Если б был богат, всяк бы был мне брат,
Всяк родня бы был, всяк бы чтил-любил;
А то чтут людей, ты ж стой у дверей,
Люди сидя пьют, меня в шею бьют.
. . . . . .
Ах, беда-скуде, места нет нигде!
Как корабль в море, так и я в горе:
Тот всегда в волнах, я всегда в слезах.
Иль глаза зажать да в леса бежать, —
Да и там найдут, за зверя убьют.
40 Иль оставить мир, идти в монастырь,—
Да и там скуда, не иметь труда.
Ах, беда-скуде, места нет в воде,
Вытащут оттоль, иссушат как моль,
Почнут потрошить, чтоб кости сушить,
Да тем чередом и в убогий дом.
. . . . . .

Вар.

ст. 34. Пошел, не теснись, а коль пьян,— проспись.
Ах, беда-скуда, нет ей и суда.
С ней и в суд пойдешь, правды не найдешь,
Хоть и прав, — винют, прибьют, прибранят:
— Черт тебя принес; врылся б ты в навоз;
Там бы ты сидел, мы б не знали дел.

ст. 46. Там ночь велика...

№ 13

Как шел Ваня из гостей
Со великих радостей.
Идет Ванюшка, спешит,
За ним девушка бежит,
Что бежит она, бежит,
Громким голосом кричит:
— Уж ты стой-постой, Ванюша,
Раскрасавчик, любчик мой!
Подивися надо мной,
Над моей русой косой!
Моя русая коса
До шелкова пояса,
До шелкова пояса,
Всему городу краса!

№ 14

Из-под славного под города, города Кубана,
Протекала быстра речушка, речка слезовая,
По речушке бегут струйки, струи кровавыя,
По струйкам шли некрутики, некруты младые.
Как с восточной со сторонки ветры подувают,
Прижимают нас, некрутиков, ко одной сторонке,
Ко одной нас сторонушке и то к островочку,
К желтому рассыпчатому мелкому песочку.
На песочке рассыпчатом рябинка стояла,
Всё разными цветочками она расцветала.
На рябинке кукушечка грустно куковала,
Жалобно кукушечка, слезно причитала:
— Видно к горю матушка меня породила,
Всё горькими участками меня наделила,
Дальной чуждой сторонушкой в путь благословила.
На чужой дальней сторонушке змея прошипела,
Не змея то прошипела — свинцовая пуля,
Пролетела в поле чистом, нигде не упала,
Ни на землю, ни на воду пуля не садилась,
Упала свинцовая пуля во заднюю роту;
Во задней во ротушке убила майора,
Отшибла майорику что правую руку,
Что правую ручиньку да левую ногу.
Заливался майорик наш горькими слезами:
— Дайте, братцы-товарищи, мне вы скорой смерти
Рвите с меня головушку по самые плечи.

№ 15

Подуй-подуй, погодушка, со восточной стороны,
Раздуй-раздуй, погодушка, калину в саду!
Калинушка с малинушкой лазоревый цвет!
Не вызревши калинушку, нельзя заломать,
Не выбравши красну девушку, нельзя замуж взять.
Уж я выберу, по выбору возьму за себя.
Несчастна та беседушка, где милого нет!
Веселая компаньица, где миленькой пьет.
Он пить не пьет, голубчик мой, за мной, младой, шлет.
А я, млада-младешенька, спесива была,
Спесивая-гордливая, замешкалася,
За утками, за гусями, за лебедями,
За вольною за пташечкой за журынькою.
Журавлюшка по бережку похаживает,
Шелковую ковыль-травку пощипывает,
Холодною речной водой прихлебывает,
За речушку за быструю поглядывает.
За речкою за быстрою крутая гора,
На горочке на крутинькой слободка стоит,
Не малая слободушка, четыре двора;
Во каждом во дворике по кумушке есть.
Вы, кумушки-голубушки, подружки мои!

«БЛАГОСЛОВЕНИЕ ПРИ СГОВОРЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ СВАДЬБЫ»
Гравюра А. П. Екимова с рисунка И. А. Акимова, 1810-е годы
Исторический музей, Москва

Кумитеся-любитеся, любите меня;
Вы пойдете в зеленый сад, возьмите меня;
Вы станете цветочки рвать, нарвите и мне;
Вы станете венки плести, сплетите и мне;
Вы станете в реку бросать, забросьте и мой.
Чужи венки все сверьх воды, а мой потонул.
Чужи мужья все из Москвы, а мой не бывал.

№ 16

Ох ты, Дунюшка, прежня любушка!
Не сиди, Дуня, ты поздно́ одна,
Не свети огня до белого дня,
Что до красного светла солнышка.
Взойдет солнышко, роса высохнет.
На белой заре легла Дунюшка,
Спать ложилася и забылася,
Нехорош то ей сон привиделся:
Что с своим дружком во дали живет,
В славном Питере дружок дом кладет,
Разным камнем дом он выкладыват,
Не шлет милинькой, не шлет весточки.
Прислал милинькой к ней посылочку,
Прислал шалеву ей косыночку,
Прислал милинькой к ней рубашечку,
Заношеную, припотливую:
Мой рубашечку в ключевой воде,
Высушай на красном солнышке.
Слезми горькими ее вымою,
На белой груди ее высушу.

№ 17

Ничего в саду не видно, никого там не слыхать,—
Только видно, только слышно, ходит стая лебедей.
Все лебедушки попарно, а я, бедная, одна,
Ужь я, бедная бедняжка, сокрушаюсь без дружка.
Было время таковое, когда мил меня ласкал.
А теперь переменился, он любить иную стал,
Меня, бедную-несчастну, он покинул-позабыл.

№ 18

По неволюшке женил сынка батюшка,
Присоветывала сударыня матушка,
Разговаривала его любушка-сударушка:
— Не женись-ка ты, дружочик, друг мой миленькой!
Если женишься, дружок, ты воспокаешься!
Что со мною, красной девушкой, расстанешься;
Ты возьмешь себе женушку угрюмую,
Ты возьмешь себе угрюмую, небасливую.
Она день тебя бранит, ночь уснуть не даст,
На руке твоей лежит, целовать тебе велит.
— Целовать-то ее мне не хочется,
Ретивое мое сердце не воротится,
Поворотится, — всё кровию обольется.

№ 19

Приустали мои ножиньки со дороженьки,
Приустали белы ручушки со работушки,
Болит мое сердечушко со заботушки.
Вечер-то я, молодец, у девушки был,
Сказала мне любушка весть нерадостную,
Нерадостную вестыньку, весть печальную:
—'Когда ты, мой миленькой, такой друг бывал?
А нонче жениться ты, знать, думать уж стал.
Женись-женись, мой миленькой, женись, вольный свет!
10 Возьми-возьми, мой миленькой, кого я велю:
Велю я взять, миленькой, подружку мою;
Моя-то подружинька не хуже меня,
Лицо у нее белое, щечки алыя,
Глаза у ней черныя, развеселыя.
У моего милого кудри русыя,
Русы его кудерушки по плечам лежат,
По плечам кудерушки ровно жар горят.

№ 20

Я вечер ли, молодец, позднехонько загулялся,
У чужих ворот я, молодец, застоялся,
У чужих ворот, воротичек у вдовиных,
У вдовиных ли воротичек, сиротиных.
Я не так стоял, словечушка дожидался,
Вот не выйдет ли любушка на красное крылечко,
Не промолвит ли со мной любушка ласкова словечка.
Без привету ко мне любушка на шею бросалась,
Горючми слезми, сударушка, она заливалась.
10 — Не ходи ты, миленькой, вдоль по улице, не славься,
Из подарычков, дружочик мой, ты не траться.

№ 21

Вор мальчишка молодой,
Что смеешься надо мной,
Над девчонкою простой?
Злодогадлива была:
Без морозу без крутова
Сердце вызнобила.
Я со этой со тоски
Расчешу кудри-виски,
Во дремучий лес пойду,
10 Разгуляю грусть-тоску.
Кой день с другом пробыла,
Весь денек я весела;
В кой денек не угляжу,
На постеле пролежу.
По улице по новой
Офицер шел молодой,
Сам он шпорами стучит,
На высок терем глядит,
С девкой речи говорит:
20 — Здраствуй, лапушка моя!

В доме ль матушка твоя?
— В доме нету никого,
Полезай скорей в окно.
Он лишь ручку протянул,
Коза́к плетию стегнул:
— Офицерска ль, сударь, честь
По ночам в окошко лезть.
Прикалиток на то есть.

№ 22

Цвели в саду два цветочка,
Цвели да опали;
Любил меня друг мой милый,
Любил да покинул;
За что, про что меня, милый,
За что покидаешь?
Иль чего за мной, друг милый,
Ты худое знаешь?
Счастливая путь-дорожка,
10 Куда милый вздумал!
— Я задумал, моя радость,
Во чистое поле.
В чистом поле при долине
Растет куст калины,
Я сломаю ту калину
К батюшке в домочик,
Посажу я ту калину
В саду, пред окошком.
Посадивши калинушку,
20 Вставать буду раньше,
Вставать буду раньше,
Поливать почаще.
Ты расти, моя калина,
Расти, расстилайся,
Живи в доме, любезная,
Живи не печалься,
Белись да румянься!

Прим. Эта песня поется в селе Карамзине Симбирской губернии.

№ 23

Стоит бурлак под горой,
Держит гусли под полой.
Разыграйтесь, гусли с мысли,
Распотешьте молодца,
Распотешьте молодца,
Что один сын у купца.
При долине во лужках
Стоят девки во кружках.
Две девушки танцевали,
10 Два молодца приезжали,
Приезжали для того —
Полюбить бы им кого.
Полюбил парень Анюту,

ИГРА В БАБКИ

Цветная гравюра К. Вагнера с рисунка Е. М. Карнеева

Из книги: «Les Peuples de la Russie ou description des moeurs et costumes des diverses nations de Russie...» Paris, 1812

Анютынька хороша,
В косе лента широка,
В косе лента широка,
Издалече везена,
Из города Питера,
Из царева кабака.
20 Во царевом кабаке
Зеленое вино пьем;
Не успели вина пить,
В барабаны стали бить,
Они били-выбивали,
Нас молодцев вызывали...

Эта песня в селе Карамзине после стиха 25 продолжается:

Вызывали для того,
Полюбить бы им кого.
Полюбил парень Анюту,
Анютынька хороша,
Анютынька хороша,
В косе лента широка,
Издалече везена.
Из того нас выбивали,
Девки шляпы надевали,

С генералами гуляли;
Генеральчик молодой
Дал подарчик дорогой.

№ 24

Шла Дуняша из лесочку, гнала стадо лебедей,
А навстречу шел Дуняше детинушка молодой.
Он в трактир зовет Дуняшу, чтобы с нею погулять:
— Ты пойдем, душа Дуняша, я там пивом угощу,
Пивом, медом напою, виноградом накормлю.
— Ты не льсти, милый, словами, не обманывай в глаза,
Ты почувствуй, друг любезный, за что я тебя люблю,
От тебя я, мой любезный, всё лишь горести терплю,
Всё я горести терпела, все досады пернесла,
10 Я с младых-то лет, девчоночка, при матери взросла,
Я от солнца и от ветра лицо бело сберегла;
А ты, варвар, так смеешься над девчонкой, надо мной,
И за что ты так тиранишь, невиновна я ни в чем;
Я жила с тобой полгода, а с батюшкой двадцать лет;
Не видала я мученья, как с тобою, милый мой!
Ты прости-прости, любезный, не увижусь я с тобой!

№ 25

Прошло лето, прошла осень, прошла красная весна,
Наступает злое время, зла холодная зима.
Все реченьки призастыли, ручеечки не текут,
В поле травушка посохла и цветочки не цветут,
В саду листики опали, вольны пташки не поют.
Жалко с милым мне расстаться, стану плакать и тужить:
— Ты клялся, варвар, божился, хотел вечно со мной жить,
А нониче, друг любезный, оставляешь ты меня,
Оставляешь-покидаешь на несчастной стороне,
0 На несчастной на сторонке жить тошнехонько одной,
Жить тошнешенько одной, без матушки без родной.

№ 26

По лужкам, лужкам зеленым,
По шелковой по траве
Тут гулял с седлом черкасским
Приобротанный конек.
На коня того садился
Удал добрый молодец,
Удал добрый молодец,
Офицерский сынок.
Он садился на коня,
10 Призадумывался,
Призадумывался,
Припечаливался,
Разгорючими слезами
Заливаючися:
— Вы отдайте, добры люди,
Поклон батюшке,
Вы отдайте-ка поклон мой

Моей матушке.
Вы скажите им: пропал я
20 Не от батюшки,
Не от батюшки пропал я,
Не от матушки.
Я пропал-таки пропал
От сударушки,
От сударушки пропал
Со кроватушки,
Со кроватушки пропал,
Со перинушки,
Со перинушки пропал
30 Со пуховыя,
Со подушечки пропал
Со парчевыя.

ст. 1. Песня эта имеет и другое начало:

Как во матушке было,
В каменной Москве,
На широкой ли
Конной площади;
Там стоял с утра
Иноходный конь,
Иноходный конь,
Крепко взнузданный.
Как садился там
На добра коня,
На добра коня
Офицерский сын;
Он садившися,
Слезми залился,
Парусным платком
Утирается,
Тот от слез платок
Разгорается.
ст. 15. Вы скажите-ка, скажите
Мому батюшке,
Мому батюшке поклон
Да моей матушке.
Не от батюшки пропал,
Не от матушки.

ст. 32. Окончание этой песни также поется иным образом; после стиха 32 *со парч выя* прибавляется:

Нам по утру, робятушки,
Рано вставать,
Уж как рано вставать,
И в ширингу вступать.

№ 27

Как в Москве было или в Питере,
Во проезжей в главной улице,
Жила Аннушка, душа лапушка.
Как повадилась Анюта во царев кабак ходить,
С дураками, с бурлаками сидя, в карты играть,
Козырями козырять, подкозыривать.

Как увидела ее матушка,
Как увидела ее свет родной:
— Полно, Аннушка, душа лапушка,
10 Во царев кабак ходить, зеленое вино пить,
С дураками, с бурлаками сидя, в карты играть.
— Полно, матушка, душа лапушка,
Еще конь-то вороной,
А бурлак мой молодой,
Как притопаю ногой
И прищелкаю рукой,
Пробежит, разбежится,
Мое сердце взвеселит,
Мое сердце взвеселит
20 И обрадует меня.

№ 28

Как под яблонькой
Под зеленою,
Под зеленою,
Под кудрявою,
Сидел молодец такой,
Неженатый-холостой,
Держит гусли под полой.
— Ах вы гусли, мои гусли,
Разыграйте вы мне мысли,
10 А я песенку спою
Про женитьбу про свою.
Как женила молодца
Чужа дальня сторона,
Макарьевска ярмарка.
Становились мы тогда
Близ гостиного двора.
Близ гостиного двора
Приключилася беда,
Пропадали у купца
20 Что не сто рублей,
Что не сто рублей
И не тысяча.
Пропадала у купца
Дочь любимая.
Отыскали ту пропажу
По большим лесам,
По большим лесам,
По калиновым кустам.

№ 29

Ах вы ночи, ночи темные,
Ночи темные осенние,
Вечера наши развеселые!
Я всю ночь не сплю, всё в ногах стою
Дружка милого у кроватушки,
У кроватушки у тесовыя,
Прошу милости друга милого:
— Умились ко мне, мой сердечный друг!

Ты пусти меня на кроватушку,
10 Положи, злодей, ты на ручушку,
Ты прижми меня ко сердечушку.
Как у милого сердце каменно,
Золотым замком сердце заперто,
Белы груди запечатаны,
От замка ключи порастеряны.
Потеряла те ключи ключница,
Супротивная мне разлучница.
Находила ключи девица,
Друга милого полюбовница.

Первые шесть песен, как пишет Ознобишин, доставлены ему «от Н. Т. Аксакова из Оренбургской губернии». Из этих шести песен публикуются первые три *, так как остальные совпадают с текстами сб. Чулкова (ч. II, № 126; ч. III, № 71, 200).

№ 1. Представляет контаминацию двух песен: плясовой «Куманек (молодец), побывай у меня» (первая публикация в «Отечественных записках», 1861, т. CXXXIX, стр. 477) и протяжной «Скучно, матушка, весною жить одной», особенно популярной во второй части — «Вдоль по улице метелица метет» (Соб., т. IV, № 279, 450—451).

№ 2. Песня о проходящей молодости; известны мужская и женская редакции: 1) о молодце и худой жене, о молодце на царской службе (*НС* № 2298, 2549; Соб., т. III, № 424—425; т. VII, № 12); 2) о девушке, превращающейся в яблоню. Вар. наиболее близкие к публикуемому — *НС* № 2750; Соб., т. II, № 164—166. В данном тексте пропущены строки о том, как срубили дерево, чтобы сделать гусли. Примечание Ознобишина к песне показывает, в каком направлении производилась им редакторская работа с текстами.

№ 3. Наиболее близкие вар.: *НС* № 1541, 2932.

Тексты из раздела, озаглавленного в сборнике Ознобишина «Песни Симбирской губернии». В конце последней песни собиратель сделал примечание: «Начиная от 7-й до 38-й песни ** включительно, все эти песни поются в Симбирской губернии, в Ардатовском и Курмышском уездах».

№ 4. Текст близок к списку XVIII в. (Соб., т. V, № 519); от позднейших вар. отличается полнотой: Соб., т. III, № 333; т. V, № 518—529; *НС* № 1307, 1717.

№ 5. Известна в публикациях XVIII в.: Прач, 1780, стр. 35. Наиболее близкий вар.: Соб., т. V, № 680—692. Наиболее близкий вар. из Симбирской губ. — *НС* № 2599; см. также № 1731, 1764, 2162, 2478.

№ 6. Ознобишин в своей рукописи исключил из текста песни, начиная с 14 ст., 9 ст. и заменил их многоточием, очевидно, его смутили бранные слова («разбестия», «каналья», «негодяйка», «мерзавка»), однако он целиком привел их в «варианте». Некоторые строки он исправил в отношении ритма, утяжеляя их произношение (*НС* № 2605).

№ 7. Песня слагается из двух различных песенных сюжетов. Вторая часть — перенос милой через реку встречается в других сочетаниях (Соб., т. I, № 163). С публикуемым совпадает почти совершенно текст, записанный в Поволжье: *НС* № 2619. В обоих текстах обращает на себя внимание описание женского, не крестьянского, костюма.

№ 8. По свидетельствам отдельных собирателей, — проголосная, протяжная песня, поющаяся «во время страды» (Соб., т. III, № 347). В собрании Ознобишина есть более полный текст, не вошедший в сборник. Близки к публикуемым вар., записанные в Вологодской губ. (Соб., т. III, № 343) и в Менэелинском у. Уфимской губ. Пальчиковым в 1880-х годах (Соб., т. III, № 344).

№ 9. Как показывают многочисленные вар., приводимые Ознобишиным в его примечаниях, песня была широко распространена в Симбирской губ. Об ее популярности свидетельствуют и вар. в Собрании Киреевского (*НС* № 1740, 1760, 2033, 2174, 2218, 2605). Последняя, записанная в Поволжских губ. Лахутиным, наиболее близка к публикуемым. В собрании Ознобишина — № 244 (33) и № 247, по-видимому, полученные собирателем позже и неиспользованные в его примечаниях (см., например, ст.: «Течет реченка *Фонтанка*,/Бежит она злой струей» в № 244.

№ 10. Соб., т. V, № 257—259 (наиболее полный вар. — № 258); *НС* № 1353, 2341, 2505. В коллекции Ознобишина есть еще один вар., не включенный им в сборник.

№ 11. В песне соединены два песенных сюжета. В Собрании Киреевского находится несколько песен такого типа, записанных в Поволжье. Вар. очень близкий к публикуемому — *НС* № 2598 (Поволжье от Лихутина); в Саратовской губ., совпадающий со второй частью песни, — *НС* № 2506; в Симбирской губ., два текста с тем же

* № *1—3* настоящей публикации.— *Ред.*
** № *4—29* настоящей публикации.— *Ред.*

зачином: *НС* № 2370 и 2380. Вторая часть песни встречается как самостоятельная: *НС* № 1295 или в других сочетаниях: № 1588; Соб., т. III № 87 и 566.

№ 12. Книжная песня, созданная, по-видимому, в городской среде в 1710—1720 гг. (см. А. В. Позднеева. Рукописные песенники XVII — XVIII вв. — Учен. зап. Моск. гос. заочного пед. ин-та, т. I, 1958, стр. 90—91). Разговоры о том, что Елизавета Петровна пела ее перед 25 ноября 1741 г., стали предметом судебного дела. Дошло свыше сорока рукописных вар. песни в записях от 1730-х годов до конца XVIII в. Наиболее краткие — 16 ст., наиболее распространенная редакция — 42 ст. Настоящ. вар. — самый развернутый из всех известных. Песня о неудачной жизни контаминирована здесь с литературной песней XVIII в. о несчастной любви (Чулков, ч. II, № 183, а также Песенники 1780 и 1788 гг.). В песне дан образ маленького человека, подчеркнута безвыходность положения в обществе «скуды» — бедняка: без денег нет ни правосудия, ни места в монастыре; не легко даже утопиться. В песне встречаются пословицы о бедности. Характерно использование ст. о неудачной жизни в качестве зачина «тюремной» песни «Ты воспой, воспой, жавороночек» (Соб., т. VI, № 493). Песня о неудавшейся жизни пелась и от лица женщины (*НС* № 1684).

№ 13. Песня характеризуется собирателями как «вечериночная», «беседная», «проголосная» (*НС* № 1504, 2047, 2327, 2759, 2783, 2799; Соб., т. V, № 275—276, 414—415). Публикуемый текст не имеет развязки, характерной почти для всех опубликованных ее вар.: узнав, что девушка любит не одного его, молодец бьет ее по лицу.

№ 14. Соединение песенных сюжетов: о горькой судьбе рекрута и о смерти майора на чужой стороне. Первые (начиная со 2-го ст.) двенадцать ст. совпадают с текстом, записанным Пушкиным (см. настоящ. том, № 14). Описание полета пули и смерти офицера — общее место многих казачьих песен. См., например, первые 16 ст. песни, опубликованной А. О. Корниловичем (Соб., т. VI, № 291—295).

№ 15. Принадлежит к числу старейших народных лирических песен, сохраняет черты свадебного обряда — пропой невесты, весенней, семицкой и троицкой обрядности. Была широко распространена в Поволжье (*НС* № 1419, 1481, 2519; Соб., т. II, № 264—267).

№ 16. Симбирские вар. в печати не известны. Соб., т. V, № 175—176; № 175 — совпадения почти текстуальные (запись Якушкина).

№ 17. Настоящий текст, записанный собирателем как законченная песня, встречается обычно как часть песни о разлуке с милым «Сохнет-вянет в поле травка» (Соб., т. V, № 64, 65, 325).

№ 18. Одна из версий широко распространенных песен о худой жене. Очень близкий вар. Владимирской губ.: *НС* № 2572; более далекий, Ярославской губ.: *НС* № 1427. О бытовании песни в 1830—1840-х годах в Симбирской губ. свидетельствует запись ее в Сызранском у.: *НС* № 244.

№ 19. Начиная с 8 ст. (разрешение жениться и совет взять подругу любушки) — традиционное окончание широко распространенной песни «Отъезжает мой любезный в путь дороженьку», известной в записях XIX в. (*НС* № 1348, 1493, 2099; Соб., т. III, № 354—367). В настоящем вар. как самостоятельная песня не обнаружена.

№ 20. В Собрании Киреевского (*НС* № 2878) дан вар. без указания места записи, в распеве и текстуально совпадающий с публикуемым. Заключительные строки раскрывают связь данного песенного сюжета с рекрутскими песнями. То же: *НС* № 2666 б. м. Из поволжских вар. см. запись Пушкина (в настоящ. томе № 20).

№ 21. Контаминация двух песенных сюжетов, вторую половину песни — см. в записи Кольцова (настоящ. том, № 31); там же указаны вар.

№ 22. Протяжная лирическая песня об отъезде милого, пользовавшаяся популярностью в конце XVIII и в XIX вв. в деревне и в городе (*НС* № 536, 2210, 2542).

№ 23. Запев «Стоит бурлак» типичен для плясовых песен Поволжья (см. Балакирев, № 26, стр. 75—76). Вар. Ознобишина характерны для песен, в которых героем является рекрут — солдат (Соб., т. VI, № 36).

№ 24. В записях XIX в. известна как «протяжная», «проголосная», «посиделочная». Близкий вар. из Симбирской губ. записан А. М. Языковым (*НС* № 2481, 2618).

№ 25. Части этой песни, построенной на параллелизме, встречаются и в других сюжетных сочетаниях (*НС* № 1325, 1656, 1719, 1769, 2165; Соб., т. V, № 102, 323, 539).

№ 26. Известны несколько вар. Симбирской губ., близких к публикуемым: в с. Ст. Ярыкла Сенгилеевского у. (*НС* № 2499), в с. Усть-Урень Корсунского у. (Шейн, 1859, стр. 40 — «Кручина молодца»), в с. Головине, записанный Языковым (*НС* № 4010 или *СС*, в. 8, стр. 229) с историческим приурочением: «Што погиб-пропал добрый молодец. Што под армией под шведскою,/Што под армией под турецкою» (с тем же приурочением: Соб., т. I, № 354; *СС*, в. 8, стр. 228). Конец песни — прощанье с родителями и обвинение жены — см. в Песеннике 1791 г., ч. 1, стр. 99 (Соб., т. VI, № 119).

№ 27. Бурлацкая песня, контаминирующая ряд мотивов; близких вар. не обнаружено.

№ 28. Начало баллады, получившей широкое распространение в XIX в. (*НС* № 1435). См. настоящ. том, прим. к записям Кольцова, № 45.

№ 29. Очень близка к публикуемому вар., записанному в Симбирской губ. (Соб., т. VII, доп. ко II тому, № 749), а также вар. Владимирской губ. (Соб., т. II, № 479).

К. Д. КАВЕЛИН

Публикация П. Д. Ухова

Вступительная заметка и комментарии А. И. Баландина и П. Д. Ухова

Константин Дмитриевич *Кавелин* (1818—1885), известный историк, юрист, философ и общественный деятель, был одним из активных собирателей группы Киреевского. В предисловии к «Русским народным стихам» Киреевский указал, что Кавелин доставил ему материалы из Тульской и Нижегородской губерний.

Кавелин происходил из дворянской среды, получил хорошее домашнее образование. В 1835 г. он поступил на историко-филологический факультет Московского университета, куда его готовили видные педагоги того времени. По истории русской словесности Кавелина готовил к поступлению в университет Белинский. Став студентом, Кавелин сразу же окунулся в атмосферу напряженной умственной жизни. Он посещает литературный салон А. П. Елагиной, где знакомится с Киреевским и под его влиянием начинает собирать произведения устного народного творчества.

Материалы Кавелина сохранились в архиве Киреевского. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что одни и те же тексты переписаны разными почерками: почерком Кавелина и почерками неизвестных лиц (см., например, в ЛБ, ф. 125, п.38, лл. 192—193 и в ГИМ, ф. 56). По-видимому, не все тексты, доставленные Кавелиным в Собрание Киреевского, были записаны лично им; некоторые из них он получал от своих корреспондентов.

В *СС* с именем Кавелина напечатаны шесть текстов (в. 7, стр. 25; прилож., стр. 195; в. 9, стр. 109; в. 10, стр. 25, 39, 89). Все они отнесены к тульским с указанием, что записаны (а не доставлены) Кавелиным. В *НС* с его именем опубликованы только нижегородские песни (№ 2537—2544). Предположительно за ним зачислены и песни № 1632—1661, между тем оснований для сомнений у издателей никаких не было: под каждым текстом копий этих песен (ЛБ, ф. 125, п. 18) проставлено имя Кавелина. Песни же № 1670—1680 приписаны его отцу Д. А. Кавелину, хотя напечатаны они с автографа К. Д. Кавелина. Значительное количество записей Кавелина опубликовано без указания его имени: № 352—373 (сказано, что эти песни записаны неизвестным лицом в 1840 г.), 1161—1163, 1630, 1631, 1662—1669, 1848, 1849 и др.

В настоящем томе представлены шесть неопубликованных текстов Кавелина.

№ 1

Как у нас было в зеленом саду,
Под грушею, под зеленою,
Под яблоней, под кудрявою,
Стругал стружки добрый молодец,
Подбирала стружки красная девушка,
Брамши стружки, она в костер клала и змею пекла,
Пепел сбила, зелье делала,
Настойку делала в зеленом вине:
Ждала в гости себе друга милого, братца родимаво.
10 Едит брат, что сокол летит,
А к нему сестра, что змея сипит,

Встрела брата среди двора,
Чару зелена вина наливала она:
— Выпей, братец, чару моего зелена вина!
— Выпей, сестрица, поперед сама.
— Пила, братец, тебя дожидаючи,
Свою участь проклинаючи.
Капнула капля коню на гриву,
У коня грива загоралася,
20 Уста брата кровью запекалися,
Успел брат только сестре сказать:
— Умела, сестра, ты извести меня,
Умей схоронить брата!
Схорони меня между трех дорог,
В головах поставь поклонный крест,
В ногах привяжи ворона коня,
Обсей меня цветочками.
Стар пойдет — богу помолится,
Млад пойдет — на коне наездится,
30 А девушки пойдут — нагуляются.
Вечор ко мне милый пришел:
— Ты ходи, мой друг, теперь смелей:
Извела я твоего недруга, своего брата родимого.
— Когда ж ты извела брата своего,
Немудрено ж тебе и меня известь,
Оставайся ты, друг, теперь одна.
При том девушка слезна плакала:
— Извела я брата своего родного
И лишилася своего друга милого.

№ 2

Лучина-лучинушка березовая,
Ах, что ж ты, лучинушка, не жарко горишь?
Не жарко горишь, отсвечиваишь?
Или ты, лучинушка, в печи не была?
— Была я в печи вчерашней ночи,
Меня злая свекровушка водой подлила,
И мне, красной девушке, и спать не дала.
Сестрицы-подруженьки, ложитеся спать,
Ложитеся спать, ведь некого ждать,
10 А мне, красной девушке, во всю ночь не спать,
Во всю ночь не спать, постель убирать,
Убравши кроватушку, мила друга ждать.
Скрыпнули воротички дубовинькия,
Звякнули колеченки серебряныя,
На самой на зорюшке мой милай пришел,
На нем кунья шубушка
. . . . . .
Сапожки на ножках поскрыпывают:
— Чего ты, мой сердечный друг, так поздно пришел?
20 — Сударушка-деушка, не время была
Со угрюмой женой у нас побранка была,
Журила-бранила тебя и меня.
— Не бей, не бей, милой друг, угрюму жену,
Тебе с нею, милай друг, весь век вековать,
А со мной, с красной деушкой, один час часовать.

«ГОРИ, ГОРИ, ЛУЧИНУШКА...»

Лубок (гравюра на меди). Москва, 1850

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

№ 3

Как отдал меня батюшка замуж
Он далече-далече в иной город,
Он в иной город замуж за солдата,
Как солдатская горькая женитьба:
Ни одной ночки дома не ночуить,
А когда и ночуить, всю ночь протаскуить,
Он из горинки в горинку проходит,
На московскую дорожиньку присмотрит:
Ох, нейдут ли солдаты новобранцы?
Ох, как старые солдаты идут-пляшут,
Молодые новобранцы горько плачут.
— Вы не плачьте, солдаты новобранцы!
— Ой, как же нам, братцы, не плакать:
Наши домики новые запустели,
Молодые наши жены завдовели,
Малые детушки наши осиротели,
Батюшка с матушкой наши остарели.

№ 4

Мы, бывалоца, были богатые,
Имели у себя пять коров да девять лошадей.
Одна корова бура,
А другая дура,
А третья пестра,
А четверта востра,
А пятая-та вовсе безумна.

Эта пестра
Доила с мосту
10 Вёдер по сту
И то мы никогда не хлебали молока,
А все хлебали квас с водой,
И то бы лошадей водили
На реку поит,
И то у нас оцинь лошади были справныя,
Но никак с ними сладить одному поить,
То мы их водили по шестера:
Цетыри-та под бока ведут,
А пятой в поводу ведет,
20 А шестой с дубинкой идет.
(Есть) — како пустить ее без хомута,
Да напороть ли бока
По цетыре кнута,
То она маненько с горки побежит.
Имели мы у себя достаток велик,
И мы лавки соимали
Да пец-ту с полатими засевали.
И потому хлеба уродились очень хороши:
Колос от колосу —
30 Не слышно голосу,
А сноп от снопа —
День е́зду,
Потому мы поедим
На деветиром
И (вдрук) привезем мы с пецы сотою
И склали мы копну
На пешныем столбе,
И тут она у нас маненько свалилась.
И была у нас больша ложка,
40 И мы ей копну подперли.
И завелась в копне мышь,
И был у нас (чорный) большой кот,
И, взявши копну, и свалил в (лохань).
И мы таскали рожь сухую на хлебы,
А мокрую — на солоду,
И сварили два пива:
Одно-то, как вода, густое,
А другое-то пожиже,
Есть — как ковшик поднести,
50 Еще же бы дубинкой поплести,
То ты и до дому не дойдешь.

№ 5

Ты взойди-ка, взойди, солнце красное,
Над горою ты взойди, над высокою,
Над дубравушкою взойди, над зеленою,
Обогрей ты нас, добрых молодцов,
Добрых молодцов, все воров-разбойников,
Солдат бедных, рекрут беглых.
Протекала тут река, речка быстрая,
Как на этой на реке плывет лодочка,
Изукрашена эта лодочка все ворами-разбойниками

10 На корме сидит атаман с веслом,
На мысу сидит есаул с ружьем.
Среди лодочки стоит бел шатер,
Под шатром стоит дубовый стол,
За столом сидит красна девица,
Есаулова сестра ро́дная,
Атаманова полюбовница,
Перед ней стоит золота казна.
— Нехороший мне сегодня привиделся ⟨сон⟩
Как с правой-то с ручки спал золот перстень,
20 Из левого из уха золота серьга, —
Есаулу-то быть застреленному,
Атаману-то быть повешенному
Во чистом поле на трех столбиках,
На трех столбиках на дубовыих,
На трех петелках на шелковыих.

№ 6

Ох ты, батюшка светел месяц,
Что ты светишь не по-прежнему,
Не по-прежнему, не по-старому?
Как во матушке в каменно́й Москве,
Во соборе во Успенском,
Молодой солдат на часах стоит,
На часах стоит, богу молится,
К сырой земле преклоняючи,
Тебя, царь, вспоминаючи.
10 И ты встань-проснись, православный царь,
Православный царь, Петр Федорович!
Как твоя сила собрана стоит,
Собрана стоит, дожидается,
Млад полковничек надругается...

Песни, записанные Кавелиным, сохранились в следующих основных коллекциях собирателя:

1. Отдельная тетрадь в 17 лл. (ЦГАЛИ, ф. 141, оп. 2, ед. хр. 16). На л. 1 надпись рукою Киреевского: «Песни, записанные в сельце Иванове, Тульской губ. Белевского уезда. 1839». Здесь же надпись Бессонова: «Две тетради, от М. В. К⟨иреевск⟩ой. Помнится, собр. ⟨2 *нрзбр.*⟩ Андреем Елагиным.

Собрание П. В. К⟨иреевско⟩го.

а) 1—18 в Ивановке

б) Конец и 12—17 в с. Савелове Белевского уезда».

Показания Киреевского и Бессонова очень важны: они раскрывают судьбу данных записей. Поскольку бумаги нашлись в архиве Ф. Н. Глинки, то принадлежность текстов к Собранию Киреевского могла бы быть поставлена под сомнение. Надпись же Киреевского, уточняющая место и время записи песен, свидетельствует о том, что эти бумаги находились в его Собрании. Бессонов же не разобрался, кем записаны тексты, и приписал их Андрею Елагину. На самом же деле все тексты тетради переписаны рукою Кавелина и относятся к селам Иваново и Сныхово Белевского у. Тульской губ. Свидетельство же Бессонова о том, что бумаги были получены от М. В. Киреевской, показывает, что они не находились среди других в Собрании Киреевского, а были переданы в него позднее (должно быть, после смерти собирателя), но как они попали в собрание Ф. Н. Глинки — неизвестно (в этом же фонде находятся и другие бумаги Бессонова). Неправильно указал Бессонов и на то, что песни 12—17 записаны в селе Савелове. Под текстом песни № 17 (нумерация Кавелина) рукою Кавелина приписано: «Тульской губернии, Белевского уезда, в селе Сныхове». Таким образом, Бессонов неправильно прочел слово: Сныхово — Савелово (записи песен в с. Сныхове Кавелин вел неоднократно).

2. Отдельный лист в $^1/_2$ (ЛБ, ф. 125, п. 44), почерк Кавелина. Часть песен напечатана в *НС* (№ 1670—1679). К песне «Ты потмись, потмись, день полуденной» Кавелин

сделал примечание: «Эти две песни, как кажется, записаны в Калужской губ. Козельского уезда в селе Борьяшево». Это примечание относится и к песне «Вспомни, вспомни, любезный друг» (*НС* № 1672), с указанием на то, что она доставлена Д. А. Кавелиным (отнесена к с. Сныхово Белевского у.). Примечание Кавелина является подтверждением того, что не все переписанные им тексты записаны лично им.

3. Отдельные листы в $^1/_2$, хранящиеся в различных папках архива Киреевского в ЛБ (п. 40, 48, 50, 53). Записи малограмотные, часто встречающиеся в бумагах Кавелина.

Некоторые тексты нашлись в копиях. Принадлежность их Кавелину устанавливается по подписи под текстами песен: «Кавелин». На многих текстах стоит помета — 1839 год. Очевидно, к этому времени относятся и другие его записи.

№ 1. Автограф. ГИМ, ф. 56 (в стопке выцветшей зеленой бумаги со знаком 1832 г.). На л. 1 надпись: «Тульской губ., Белевского уезда, сельцо Иваново 1839 г.». В рукописи стоит под № 2. Эта же песня находится и в другой тетради Кавелина, хранящейся в ЛБ, ф. 125, п. 38. Широко распространенная песня-баллада, примыкающая к сказкам бытового содержания (ср. сказку «Звериное молоко»). Вар.: Соб., т. I, № 134—138; *НС* № 1930. В данном вар. указано на причину отравления: брат мешает связи с милым.

№ 2. Автограф. Там же. В рукописи под № 3. Популярная лирическая песня, встречается во многих сборниках, начиная с XVIII в. Известна в записи Пушкина, см. настоящ. том, № 20; *НС* № 685, 1589, 1654; Соб., т. II, № 557—559; т. VII, № 760. Обзор вар.: С. Г. Лазутин. Русские народные песни. М., изд-во «Просвещение», 1965, стр. 67—68.

№ 3. Автограф. Там же. В рукописи под № 10. Один из вар. семейной песни. Близкий к этому текст напечатан: *НС* № 2631.

№ 4. Автограф. ЛБ, ф. 125, п. 50, л. 1782. Редкий вар. сатирической песни.

№ 5. Популярная разбойничья песня, известная в записях XVIII в. (Чулков, ч. III, стр. 126). Вар.: Соб., т. VI, № 403—408.

№ 6. Историческая песня «Плач войска о Петре I», известная во многих вар., см. *СС*, в. 8, стр. 278—291, № 1—15. В данном тексте вм. Петра Алексеевича назван Петр III, имя которого никак не отразилось в народной поэзии. Однако за царя Петра Федоровича выдавал себя Пугачев, что дает основание отнести этот текст к песням пугачевского цикла.

А. В. МАРКОВИЧ

Публикация П. Д. Ухова

Вступительная заметка и комментарии А. И. Баландина

В истории Собрания песен Киреевского должна быть отмечена роль его орловского корреспондента Афанасия Васильевича *Марковича* (1822—1867), известного украинского этнографа и фольклориста. Интерес к устному народному творчеству возник у него еще в Киевском университете. Тогда же были сделаны и его первые записи, до нас не дошедшие. Знакомство с Н. И. Костомаровым привело Марковича в Кирилло-Мефодиевское тайное общество, за принадлежность к которому он был выслан в 1847 г. в Орел. В правительственном распоряжении было сказано, что Маркович «находился в сношении с участниками сего общества и сам в письмах своих выражал неумеренную любовь к Малороссии» [1]. В Орле Маркович должен был находиться под непосредственным наблюдением губернатора П. И. Трубецкого. Чтобы удобнее было за ним наблюдать, губернатор определил его на службу помощником правителя своей канцелярии. Маркович скоро знакомится с А. И. Якушкиным, служившим в то время чиновником особых поручений при губернаторе, а позднее с Н. С. Лесковым и Н. И. Якушкиным, служившими в орловской палате уголовного суда, и, таким образом, входит в орловский дом Якушкиных [2]. Здесь Маркович познакомился с Киреевским. Впоследствии он вспоминал: «В 1849 г., служа в Орле, я познакомился у одного из своих товарищей по службе с Петром Васильевичем, езжавшим к брату, собирателю народных песен, П. И. Якушкину» [3]. Знакомство с Киреевским вскоре перешло в тесную дружбу. «Нечего и говорить,— писал Маркович,— что я ездил к нему в Слободку (в 7 верстах от Орла) и по целым дням упивался его возвышенной беседой» [4]. По свидетельству Марковича, Киреевский «горячо сочувствовал истории и этнографии Малороссии» [5], и это обстоятельство, надо полагать, сыграло решающую роль в их сближении.

Позднее Маркович был принят в доме орловской помещицы Е. П. Мордовиной, где познакомился с М. А. Вилинской (Марко Вовчком), ставшей впоследствии его женой. Дом Мордовиных в конце 40 — начале 50-х годов был местом сбора культурных сил Орла. Там бывали братья Якушкины, Н. С. Лесков, П. В. Киреевский. В 1848 г. туда переехала из Харькова М. А. Вилинская (Мордовина приходилась ей теткой по матери). В доме Мордовиных нередко бывал М. А. Стахович. Довольно часто молодежь собиралась и в доме Якушкиных.

По убеждениям и склонностям это были разные люди, однако всех их объединяла любовь к народу и его творчеству. Собиранием фольклора занимались не только Киреевский и Якушкин, но и Маркович, Вилинская, Стахович и другие члены этого своеобразного кружка. Настоящий культ украинского народного творчества господствовал в семье Мордовиных [6].

Приобщению Вилинской к украинскому фольклору во многом помог, разумеется, Маркович. Он же, надо полагать, способствовал возникновению интереса к фольклору и украинской литературе и у Лескова. Лесков впоследствии писал, что он обязан Марковичу всем своим «направлением и страстью к литературе» [7].

Собиранием фольклора Маркович продолжал заниматься и на Украине, куда он выехал вместе с женой в 1851 г. В письме к одному из своих знакомых (в сентябре 1862 г.) он, например, писал: «Чи не набралося присливья трохи, щоб гостинчика мини

прислать. Я коло пословиць мордуюсь и вже мов бы й начисто иде. Як скинчу, за музику писень визьмуся» [8]. Свое собрание пословиц Маркович передал впоследствии М. Т. Симонову (Номису), который включил их в свой сборник «Українські приказки, прислів'я й таке інше» (СПб., 1864). Это первое наиболее полное собрание украинских народных пословиц и поговорок.

Записи русских народных песен, относящихся к орловскому периоду его жизни, Маркович передал Киреевскому. В «Старой» и «Новой» сериях за ним числится около 20 текстов: в *СС* напечатана одна его песня (в. 10, стр. 52; она же перепечатана и в *НС* № 1723), в *НС* — 17 (№ 391—396, 1718—1724 и 2349—2352). П. Д. Ухову удалось разыскать автографы собирателя и установить, что Марковичем записаны и песни под № 1708—1717.

В настоящем томе печатаются еще две песни, записанные Марковичем в Орловской губ. Они были обнаружены П. Д. Уховым в копиях, имеющих паспорт-индекс «19-б», значит поступления песен от него были неоднократными. Песен этих нет в автографах Марковича. Возможно, что некоторая часть доставленных Марковичем песен была записана его женой — Марко Вовчок.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., 1847 г., ед. хр. 81, ч. 11, л. 102 об.

[2] Семье Якушкиных в Орле принадлежал одноэтажный каменный дом на углу теперешних улиц 7 ноября и Салтыкова-Щедрина. Этот дом сохранился до наших дней (см. Н. Чернов. Литературные места Орловского края. Изд. 2-е, доп. Орел, 1961, стр. 27).

[3] Афанасий Маркович. Воспоминание о Петре Васильевиче Киреевском. — «Русская беседа», 1857, кн. 6, стр. 17.

[4] Там же, стр. 18.

[5] Там же, стр. 23.

[6] Н. И. Петров в «Очерках по истории украинской литературы XIX столетия» (Киев, 1884) говорит о «сильных малороссийских симпатиях» у членов семьи Мордовиных (стр. 374).

[7] А. И. Фаресов. Против течений. СПб., 1904, стр. 164.

[8] А. Л. Памяти А. В. Марковича. — «Киевская старина», 1892, сентябрь, стр. 408

№ 1

Уж вы, горы мои,
Горы крутыя!
Ничего вы горы,
Горы не породили,
Породили вы горы,
Один ⟨бел-горюч камень⟩.
Из-под камушка течет,
Течет речка быстрая,
Речка быстрая,
10 Еще бережистая,
Как на той ли речке
Стоит част ракитов куст,
Как на том ли на кусту
Сидит млад сизой орел,
Во когтях он держит,
Держит сизова ворона,
А еще он держит,
Держит сиза голубя,
Он не щипит, не дерет,
20 Только в нево спрашивает:
— Уж ты где, ворон, был,
Где сизой погуливал?

—Уж я был-побывал,
Был я на донских степях,
Уж я видел там,
Видел диво дивное,
А еще там видел,
Видел чудо чудное,
Что лежит там тело,
30 Лежит тело белое,
Что никто-то к телу,
Никто не приступится,
Приступились к телу,
К телу да три ласточки,
Да три ласточки,
Три белы касатушки:
Первая ластушка —
Его родная матушка,
Другая ластушка —
40 Его родная сестра,
Третья ластушка —
Его молодая жена.
Вот как мать-то плачет,
Плачет, как река течет,
А сестра-то плачет,
Плачет, как ручей бежит,
А жена-то плачет,
Плачет, как роса падет.

«ХОРОВОД В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ»
Картина К. А. Трутовского (масло), 1860
Третьяковская галерея, Москва

№ 2

На улице то дождь, то снег,
Вью-вью то дождь, то снег,
То дождь, то снег, то вьялица,
То вьялица-мятелица,
Крутит-мутит, в глаза несет,
Меня, младу, свекор кличет,
Для свекрушка, для батюшки,
Сама с места не тронуся,
Не тронуся, не ворохнуся.
На улице то дождь, то снег,
То дождь, то снег, то вьялица,
То вьялица-мятелица,
Крутит-мутит, в глаза несет.
Меня, младу, свекровь кличет.
Для свекрови, для матушки,
Сама с места не тронуся,
Не тронуся, не ворохнуся.
На улице то дождь, то снег,
То дождь, то снег, то вьялица,
То вьялица-мятелица,
Крутит-мутит, в глаза несет.
Меня, младу, мил друг кличет,
Для милого для дружочка
Иду-иду скорешенько,
Скорешенько, торопнешенько,
Вью-вью торопнешенько.

№ 1. **Копия.** ЛБ, ф. 125, п. 8, л. 2488. Один из полных текстов широко распространенной рекрутской песни, известной в записях XVIII в. (Чулков, ч. I, стр. 176). Вар.: Соб., т. I, № 361—369; *НС* № 1266, 1282, 1293, 1354, 1499, 1550, 1636, 1914, 1948, 2507, 2641. Встречаются вар. с иной концовкой:

Молодая жена плачет, что роса падет,
Что роса падет, роса утренняя.
Красно солнышко взошло — роса высохла.
Молодая жена забывать стала,
Забывать стала, за гульбой пошла.

(«Русские народные песни, собранные в Саратовской губернии А. Н. Мордовцевой и Н. И. Костомаровым».— «Летописи русской литературы и древностей, изд. Н. Тихонравовым», т. IV. М., 1862, стр. 78). Эту песню упоминает Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского» (т. X, гл. IV, стр. 264—267, изд. 1824 г.), относя ее к XVI в.

№ 2. Копия. ГИМ, ф. 56. На копии помета Якушкина: «19-б». Один из стройных и полных текстов хороводной песни. Вар.: Всеволодский, стр. 172 (игры семейные).

Ю. В. ЖАДОВСКАЯ

Вступительная заметка и публикация П. Д. Ухова

Комментарии А. И. Баландина

Имя Юлии Валериановны *Жадовской* (1824—1883) в числе корреспондентов Киреевского никогда и никем не упоминалось. Ни в «Старой», ни в «Новой» сериях ни один текст не подписан ее именем. Однако в «Черновой описи», напечатанной М. Н. Сперанским, под № 56/1 значится: «Жаховская — Ярославль»; значится также, что материалы этой корреспондентки вместе с материалами других корреспондентов переданы в Собрание Киреевского через некоего «Долг» (*НС*, в. II, ч. 2, стр. IX). Заметим, что издатель «Новой серии», опубликовавший опись, как и в ряде других случаев, допустил неточности. В подлиннике «Черновой описи» фамилия собирательницы, идущей под № 56/1, написана не очень ясно; но все же ее нужно читать не «Жаховская», а Жадовская, а материалы ее поступили не через неизвестного «Долг», а через известного Даля.

Подлинных рукописей Жадовской в архиве не обнаружено, но нашлось два текста в списках с пометами 56/1. Один из этих текстов напечатан в «Новой серии» без имени собирательницы. Но несмотря на отсутствие автографов, есть все основания полагать, что неизвестная корреспондентка Киреевского Жадовская — это известная поэтесса Ю. В. Жадовская.

Интерес Жадовской к народной поэзии возник, возможно, не без влияния П. М. Перевлесского, преподавателя Ярославской гимназии (1838—1843), одного из активных собирателей, знатоков и ценителей народного творчества. Человек этот, как известно, сыграл большую роль в личной судьбе поэтессы (ее трагическая любовь к нему) [1].

Во время поездки в Москву в 1840 г. Жадовская через Ю. Н. Бартенева сблизилась со многими славянофилами — И. С. Аксаковым, А. С. Хомяковым и в особенности с Погодиным, в журнале которого «Москвитянин» она и начала свою литературную деятельность. Вся эта группа литераторов, как известно, в деле Киреевского принимала самое активное участие.

Лирика Жадовской тесно связана с народно-песенной традицией. Такие ее стихотворения как «Водяной», «Русалка», «Я люблю смотреть...», «Всё бы я сидела да глядела...», «Грустная картина», «Нива» и др. являются или прямой переработкой народно-поэтических произведений или же написаны в духе и стиле народного творчества.

Жадовская часто говорит в стихах о своей любви к поэзии народа:

Я вновь полна чудесных звуков
И сладких песен старины [2].

И в другом стихотворении:

Как мне вечером скучно одной,
Да при том же не в шутку больной!
Я б охотно послушала сказки,
Дождалась бы и глупой развязки;
А уж если бы песню кто спел,
Мой недуг бы как раз отлетел... [3]

В свете этого понятны причины возникновения интереса Жадовской к попыткам самостоятельных записей творений народа. Однако из-за своего постоянного недуга она

Ю. В. ЖАДОВСКАЯ
Портрет маслом работы Н. А. Лаврова, 1845
Литературный музей, Москва

не могла заняться серьезным и систематическим их собиранием. Вероятно, она записывала народные песни лишь для себя и только в кругу своих постоянных собеседников. Когда же представился случай, она передала свои записи в Собрание Киреевского. Сколько всего текстов было передано ею, сейчас определить трудно; ясно лишь одно — их было немного.

Не удалось определить и когда были записаны переданные ею тексты. Вот о том, когда они были переданы, можно высказать некоторые предположения. Несмотря на то, что вклад Жадовской в Собрание был незначительным, все же обязательный Киреевский не мог бы не упомянуть ее в известном предисловии в «Чтениях» 1848 г. К этому времени первый сборник ее стихов (1846 г.) был уже издан, и поэтесса получила широкое признание. На тексте ее песни стоит помета П. И. Якушкина: «56/1-Б — А. А. Потехин», которую мы расшифровываем так: Жадовская передала свои записи писателю А. А. Потехину, от которого они в свою очередь через Даля и были переданы Киреевскому. Потехин выступил на литературную арену в начале 1850-х годов (первые его очерки из народного быта стали печататься в «Современнике» с 1852 г.); в 1855 г. он вместе с другими писателями принял участие в экспедиции по сбору этнографических материалов для «Морского сборника» по заданию в. к. Константина Николаевича. Следовательно, передача материалов Жадовской Потехиным могла быть осуществлена в период с 1848 по 1856 г. (год смерти Киреевского). Если бы записи Жадовской

поступили в Собрание позднее 1856 г., тогда бы они не попали в опись П. И. Якушкина и не были переписаны (копии с оригиналов песен снимались под руководством и по заданию Киреевского).

Поскольку до нас дошли лишь единичные записи Жадовской (и те в копиях), то судить о принципах ее собирания крайне трудно. Можно лишь сказать, что ее интересовали произведения необычные, редкие и те, которые отвечали складу ее души.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В биографии Жадовской, написанной П. В. Быковым, вкралась ошибка. Быков заявляет: «По желанию отца, Юлия Валериановна поступила в Костромской пансион Прибытковой, где училась прекрасно, но особенные успехи оказывала в русской словесности. Предмет этот преподавал в пансионе молодой талантливый педагог Петр Миронович Перевлесский...» (Ю. В. Жадовская. Полн. собр. соч., т. I. СПб., 1885, стр. VIII). На самом деле Жадовская оставила костромской пансион и возвратилась в Ярославль, где и встретилась с Перевлесским.

[2] Ю. В. Жадовская. Полн. собр. соч., т. I, стр. 61.

[3] Там же, стр. 96.

№ 1

— Не сиди, красна девица,
Поздно вечером одна,
Ты не жги, не жги, девица,
Белояровой свечи,
Ты не тки, не тки, девица,
Тонко бело полотно,
Ты не жди, не жди, девица,
До полуночи меня:
Завтра еду я в моря,
10 Во чужие города.
Уж мне с тобой не сыпати,
По твоим белым грудям не трепати,
Твои сахарны уста не целовати.
Уж мне спать-ночевать
На Черном море,
Мне трепать да трепать
По синю морю веслом,
Целовать-миловать
Морску горькую волну́.
20 — Зачем рано, молодец, похваляешься,
Надо мной, красной девицей, насмехаешься?
Я велю тебя поймати,
Чтоб поймать — извести,
Душу с телом развести.
Я из крупного костья
Высок терем построю,
Я из мелкого костья
Кровать, стулья поставлю,
Из буйной твоей головы
30 Чару выточу,
Из ясных твоих очей
Чару вызолочу,
Из горячей твоей крови
Сильной водки насижу.
Из белого тела
Пирогов напеку.
Созову ж я голубушек,

Подружек моих,
Загадаю им загадку,
40 Хитру и мудрý,
Что хитру и мудрý,
Не отгадливую:
Я по миленьком хожу,
Я на миленьком сижу,
Милым потчиваю.
Уж все красны девицы призадумались,
А одна красна девица призаплакалась,
Призаплакавшись, слово молвила:
— Уж ты девка-супостатка, извела молодца,
50 Извела ты молодца, моего братца.
Я доселева братцу говаривала:
Перестань, братец, шалить!
Уж как девка-супостатка
Изведет, братец, тебя.

№ 2

Ах, ты вейся, капустка моя!
Ах, ты вейся, бела и вила,
Бела и вила,
Со тыном ровна.
Кому надобно капустки,
Приходите торговать,
А я буду продавать.
Как не где взялся детинка,
Точно ягодка-малинка,
10 Вошел к девке в огород,
Он капусты не торгует,
Красну девушку целует,
Красну девку обнимает,
Крепко к сердцу прижимает.
Он капустки не купил,
Красну девку полюбил,
За себя он становил.
На дворе бела заря,
Пора милой со двора.
20 На улице белой снег,
Пойду милому во след.
Я за миленьким бежала,
Его следик затирала.
Не домой пошел милой,
Ко Афроське вдовиной,
А Афроська вдовина
Чем же лучше меня?
Чем же вежливее?
Она костью не складней,
30 Она лицом не белей
И румянцем не алей.

№ 1. Копия. ЛБ, ф. 125, п. 16, л. 4353. Имеется помета Якушкина: «56/1-Б». Контаминированный текст широко распространенной песни-баллады о «каннибаловом угощении» (вар.: Соб., т. I, № 154—163; Шейн, в. 1, № 750—753). Появляется в песенных сборниках с начала XIX в.

№ 2. Копия. ГИМ, ф. 56. Имеется помета Якушкина: «56/1-Б — А. А. Потехин». Контаминированный текст хороводной песни.

А. Ф. ПИСЕМСКИЙ

Публикация П. Д. Ухова

Вступительная заметка и комментарии И. М. Колесницкой

Публикуемые двенадцать песен, поступившие в Собрание Киреевского от А. Ф. Писемского, были, как это явствует из пометки на полях рукописей (см. примечания), записаны в Костромской губ. По-видимому, песни эти попали в руки Писемского во время его пребывания в тех местах, а именно в 1849—1853 гг. Период этот характеризуется близостью писателя к кружку «молодой редакции» «Москвитянина». Члены этого кружка, группировавшиеся вокруг А. Н. Островского и А. А. Григорьева, были увлеченными поклонниками самобытных форм народной жизни и поэзии.

В произведениях Писемского, где изображаются те или иные стороны жизни народа, нередко встречаются песни. В «Плотничьей артели» приведены приговор дружки (в то время один из редких текстов этого жанра), текст причета невесты и описание хороводной игры. В романах «Люди сороковых годов» и «Масоны» находим лирические песни: «Я вечер, млада, во пиру была», «Ехали бояре из Нова-города», «Грибборовик всем грибам полковник».

Включая произведения народного творчества в свою прозу, Писемский бережно относился к фольклорным текстам. А когда эти тексты предназначались не только для чтения, но и для исполнения со сцены, то уточнял особенности их исполнения и музыкального сопровождения. В письме к А. Н. Майкову от 18 мая 1854 г. Писемский сообщал о «драматическом очерке», написанном им по поводу «настоящих событий» (т. е. начавшейся Крымской войны), который он хотел поставить на сцене. В текст «Очерка» вошла солдатская песня «Молодка молодая», на которую писатель собирался «прислать музыку». 29 мая того же года он писал Майкову из Роменья: «Посылаю при сем песню, присланную мне из Москвы, потрудись ее поместить в мою пиесу вместо написанной там, в которой я наврал, и поместить таким образом, пускай Савельич один поет со слова „молодка“ до слова„ не нажити“ ,а потом хором пускай поют всю до конца», далее приводится текст песни (А. Ф. Писемский. Письма. М.— Л., 1936, стр. 68, 73—74).

Весьма возможно, что и публикуемые тексты были записаны не самим писателем, а по его просьбе и присланы ему кем-либо из знакомых, близко общавшихся с крестьянами. В материалах, относящихся к биографии и творчеству писателя, мы не нашли сведений, которые указывали бы на активную собирательскую деятельность Писемского в области фольклора или этнографии.

Но публикуемые тексты свидетельствуют об интересе Писемского к фольклору, преимущественно обрядовому — к хороводным, свадебным песням и приговорам.

№ 1

Хороводная

Сидит Олень под кореньями,
Сидит под дубовыми.
— А тепло ль тебе, Олень,
Холодно ли, молодой?
— Мне не так тепло,
Не так холодно!

— Выбирай себе, Олень,
Выбирай, молодой,
Коя лучше всех,
Коя вежливее.

№ 2

Как пошла наша Параша
С горы на гору гулять,
Яровое жито жать.
Она первый сноп нажала,
Голубой лентой связала,
А другой сноп нажала,
Алой лентой завязала,
А третий связала —
К ретиву сердцу прижала
Оглянулася назад,—
Стоит озеро воды.
Молодец коня поил,
К воротичкам подводил,
К вереюшке привязал,
Красной девушке сказал:
— Красна девушка-душа,
Сбереги моего коня!
Вот как девушка идет,
Точно паванька плывет,
Как на паве-то перо
Пятьдесят рублей дано,
На павлине-то другое —
Полтораста заплачён!

№ 3

Вот я улицой шла,
Клубок ленты нашла.
Клубок катится,
Лента тянется,
Клубок дале, дале,
Лента доле, доле!
Зайка белинькая,
Зайка серинькая!
Ушки вострингькия,
Ножки коротинькия!
Зайка в сторону скочила,
Много солоду купила.
Тут река глубока,
Речка тиновата
И ребиновата.
Тут ребинушка часта,
Целуй девушку в уста!

№ 4

Жил я в Польше,
Не было меня больше,
Только пришел я в Русь,

А. Ф. ПИСЕМСКИЙ
Фотография, 1850-е годы, с дарственной надписью В. И. Ишутину
Литературный музей, Москва

Всякой меня в ус.
Прислан указ из Польши,
Нет его больше,
Другой из Костромы —
Из блудливой стороны.
Создай, господи,
Лето теплое,
Весну красную!
Народи нам, господи.
Всякого хлеба,
Всякого жита,
Конопли и поскони,

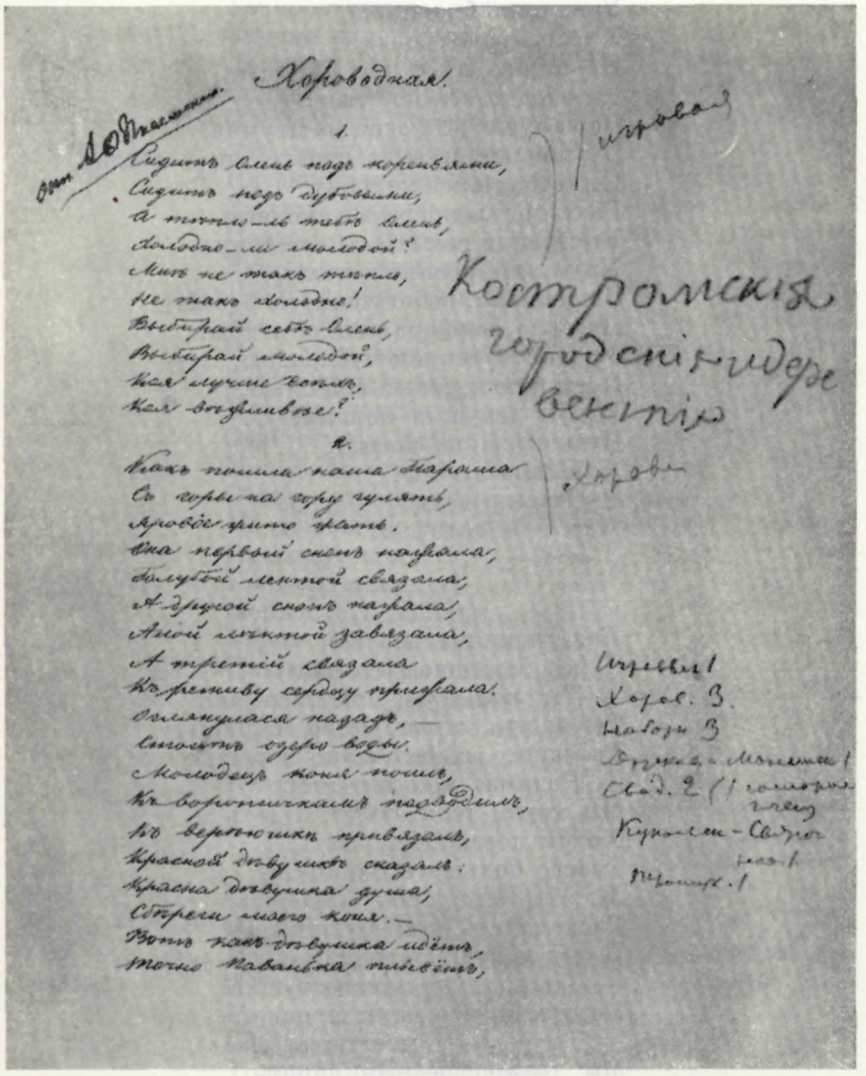
Льну и гороху,
Овса и ячмени!
Рожь-то колосиста,
Пшеница круписта,
20 Лён головнистой,
Горох стручистой[1*],
Овес бронистой,
Ячмень осистой.
Летали галки,
Летали касатки,
Летали стадами,
Садились рядами
На траву-былинку.
— Скажи, летошка,
30 Скажи, соловей:
Кто на море больше?
Кто на море меньше?
— Царь белокрылой,
Царица-крупица,
Старчики-гальчики,
Сыч высобровой,
Сычиха-дьячиха;
Журавль долгоногой —
Староста церковной,
40 Ястреб пестрой
Высоко летает,
Куриц таскает,
По курице на день,
В сутки по две;
Ворона-воровка
Не продаст, не купит,
Чистоту любит;
Сорока белобока
По дворьям летает,
50 Гнезда примечает,
Яица таскает.
Тут барышник
В Петров пост-говенье,
Скотину скупает,
Хвосты залупает,
На двор загоняет.
Волк-костыльник,
А медведь-постыльник
Поехали по снопы
60 На высокой лошади,
Увидали зайца,
Коротиньки ножки,
Сафьянны сапожки.
Пойду я, пойду
В кленовую рощу,
Вырублю-вырублю
Кленовую доску,
Сделаю-сделаю
Звончатыя гусли.

1* *В рукописи*: струючистистой

70 Два брата,
Два Кондрата,
Новую баню устроили,
Две сестрицы,
Две лисицы,
Новую баньку крыли,
Журавли долгоноги
Полки-то мостили.
Мушка банюшку топила,
Гнидка щёлок щёлочила,
80 Комар воду носит,
В грязи ноги завязил:
Долги были!
Его вошь вынимала,
Живот-сердце надрывала.
Вошка парилась,
Не сдопарилась,
Не с допару
Вошь упала,
На ушат ребром попала,
90 Изуродовалась-изувечилась:
Без пальца нога,
Без мизинца рука,
Без ума свет-голова.
Посылала вошка блошку
К судье за лекарством.
Судья-воевода!
Пожалуй лекарства
Полечить мне вошку!
Лечил-лечил вошку,
100 В третий день — в могилку.
Попы — клопы,
Сверчки — дьячки.
Тараканы погребали,
Свинья в гусли играла,
Боров песни поет,
Мухи голосом кричат:
— Помяни же, бог, рабу,
Как и вошь во гробу.
Слава богу околела,
110 Всему миру надоела!
Шел я путем-дорогою,
Нашел я шильцо,
Ни мало не велико —
С игольныя ушки,
Сковал я себе топор,
Не мал не велик —
С комарово плечище.
Пошел я в огород в Ертеп
Сухое дерево рубити — крапиву,
120 Чуть меня крапива не задавила.
Три ангела подспешили:
Первый из застолья,
Другой из подполья,
Третий из-под мельницы,
Ухватили, на колеса положили,

Под небеса потащили,
На небесах не по-нашему:
Стоит часовня,
В часовне сорока обедню служит
130 Ворона придакивает:
— Так, моя сударыня!
Сегодня Вознесеньев день!
— Спасибо тебе, ворона,
Что ты мне сказала,
Я совсем не знала!
Шел я путем-дорогою,
Нашел я церковь,
Из лепешек складена,
Блином покрыта,
140 Калачом заперта,
Пирогом подперта.
Тут я догадался,
Калачик перекусил
И пирог переломил,
Вошел я в божью церковь,
Во божьей церкве
Образа-то прянишные,
Свечи-то морковные,
Кадило-то репиное,
150 Поп — толоконный лоб.
Ударил попа в лоб,
Поп присел,—
Сделался кисель,
Я голоден был и съел.
Варвара с Любовью бранилась,
Заряжали горшки плошками,
Стреляли-палили
Во город, во к⟨р⟩упник,
Однакоже тут ничего не убили,
160 А в решете блины ранили.
А лепешки маслены догадались,
Все по пазухам расскакались.
Из печи крупичитыя пироги
Клюкой вынимали,
На шес⟨т⟩ке яишницу
В полон брали,
Мир всем,
Духу твоему,
Филатьевичу!
170 Мир тебе, Агафья,
Сала тебе на голову!
По вино сходи,
За пивом ступай!
Мир всем!
Св ... [1*] горелка.
Мы те, горелка, испиваем,
Мы те, горелка, проклинаем,
Горе пьянице без похмельица!
Руки, ноги не осядут,

[1*] Пропуск в рукописи.— *Ред.*



от А. Ф. Писемского

Хороводная.

1.

Сидитъ олень подъ кореньями,
Сидитъ подъ дубовыми,
А тонко-ль тебѣ олень,
Холодно-ли молодой?
Мнѣ не тако тонко,
Не тако холодно!
Выбирай себѣ олень,
Выбирай молодой,
Кая лучше тебѣ,
Кая возлюбилась?

2.

Какъ пошла наша Параша
Съ горы на гору гулять,
Красна дѣвица гулять.
Она первой снопъ назвала,
Голубой лентой связала,
А другой снопъ назвала,
Алой лѣнтой завязала,
А третій связала
Кручинну сердцу горевала.
Оглянулася назадъ, —
Сидитъ сѣдо воды.
Молодецъ конь поилъ,
Къ воротничкамъ подходилъ,
Къ верхонькамъ привязалъ,
Красной дѣвицѣ сказалъ:
Красна дѣвушка душа,
Сберегу твоего коня.—
Вотъ какъ дѣвушка идетъ,
Точно павушка плыветъ,

Костромская губернія Нерехтскій уѣздъ

Хоров.

Изрѣзы!
Хорол. 3.
Набоги 3
Бруна-Мѣлница!
Свад. 2 (! голосъ)
Кострома-Свадьба
Пѣсн. 1
Пѣсн. 1

ДВЕ ХОРОВОДНЫЕ ПЕСНИ: «СИДИТ ОЛЕНЬ ПОД КОРЕНЬЯМИ...» и «КАК ПОШЛА НАША ПАРАША...»
ИЗ СОБРАНИЯ А. Ф. ПИСЕМСКОГО

Записи сделаны в Костромской губернии, 1849—1853 годы

Тетрадь рукописных копий

Лист первый

Сверху помета П. А. Бессонова: «от А. Ф. Писемского»

Исторический музей, Москва

180 Буйна голова плеч не покроет.
Выбрали строителя-раззорителя
Учажника-бражника,
Хлебодара скупова.
Не оттого ли у нас, братцы,
На обед хлеба не стает?
Пожалуемся на отца на игумна,
Не пойдем ни к заутрене, ни к обедне,
Ни к честному молебну.
Растворили погреба холодные,
190 Выставили петыя яства медяныя,
Упустили ковши медныя,
Поддевайте, ребятушки, не робейте!
Посеяла Варвара лен за рекою!
Уродился старик с бородою.
Поставлю я келью под елью,
Чтобы девушки ходили,
Печеныя яйца носили,
Я больно люблю!
Ну, и мир всем!
200 Мир тебе, Агафья!

№ 5

Как расплакалась
Перед батюшком стоючи:
— Ты, кормилец мой, батюшко,
Ты нашто, нашто пиво варишь,
Ты нашто, нашто вино берешь?
— Родимое мое дитятко!
Мы хотим тебя замуж отдать,
Хотим поезжан кормить,
Твоего большого барина.
10 *N. N.*
Раскачалась, как грушица, *N*
Перед матушкой своей:
— Ты родимая моя матушка,
Нашто, пошто дары кроишь?
— Ты родимое мое дитятко!
Мы хотим поезжан дарить,
Твоего большого барина.
NN

№ 6

Подпили-пили две невестушки,
Подкуликали две голубушки,
Наши лапушки, дружки,
Заунывныя снежки,
Подопьемте еще с нам,
Подкуликаем еще с нам!
Есть другие мудреныя,
Подавай разогревай,
Хорошенько испить,
10 Горяченько не пролить,
Аннушки, наши лапушки,
Сальныя красныя девушки.

Обернись не ленись,
Точно съизнова родись.
Скучно нам, братцы,
Ленивым быть.
Скучно нам, братцы,
С дураками говорить,
Что на них воды возить,
20 На снегу квашню творить.
Зажжем фонари,
Поедем со двора,
Ручки в ручки поберем,
Друг на дружку поведем.
Все честные господа
Не с долальныя князья,
Вы не всех сряду любите,
Душеньку губите.
Стук-стук у ворот кольцом,
30 Называла старика молодцом,
Отопри-отвори, на морозе не зноби,
На дожжичке не мочи,
Квартеру покажи,
Постелю постели,
Меня спать положи.
Утром день вечеряется,
Наша невестка охмеляется,
Душа наша Параша,
Поди скрой-ко окошко,
40 Скажи, что полночь,
Гуляй как хошь.

№ 7

Соловейко молодой,
Не пой громко в саду,
Не пой громко, шибко, звонко,
Нешто скучно мне, молодцу,
Нешто скучно, очень грус⟨т⟩но,
Сам не знаю почему.
Только знаю что по чем:
По любезной по своей.
Как моя-то любезная
10 Отдалела от меня,
Отдалела, отлетала
За четыре ровно ста.
За четыре с половиной —
До матушки до Москвы.
Во Москве мальчик гулял,
Извощичков нанимал,
Ко товарищу зашел:
— Ты товарищ, дружок мой,
Подумаем со мной,
20 Кого к девушкам послать.
Ежли младого послать,
Млад не знает, что сказать;
Ежли старого послать,
Стар не дойдет до двора,

Не отворит ворота,
Ежели ровного послать,
Ровной сам любит ее.
Так видно доброму молодцу
Собираться самому,
30 Собираться-снаряжаться
Ко любезной ко своей.

№ 8

Девки пива наварили,
Зеленова вина накурили,
За ковром посылали.
Здесь ковру не бывать,
Пива, вина не пивать,
Сладкого меду не кушать,
Ты останься, ковер,
Не ломайся, дорогой,
Ты не венькайся,
10 Не коверкайся,
Я ломливея тебя,
Щеголивея тебя,
Переброшу я ковра,
Я ковра через себя,
Через тын монастырь,
Через верьх городок.
Я засыплю, засыплю,
Желтым песком,
Я затопчу, затопчу
20 Черным чеботом.
Кого я люблю,
Того я возьму,
Кого не люблю,
Того не возьму.

№ 9

Как на горке, на горе,
Цветы розовыя,
Цветы лазоревыя.
Я сорву ли цветок,
Совью милому венок.
Я веночик совью,
Алым лентом уберу,
И бралиантом унижу.
Как у моего милова
10 Есть три сада зеленыя.
В первом саде у милова
Росла трава-роза,
Любил меня любезной,
Хоть я не пригожа.
В котором саде у милова
Росла трава-мята,
Любил меня любезный,
Хоть я не богата.

В третьем саде росла у милова
земляничка,
Любил меня любезной, хоть я
невеличка.

№ 10

Слушайте-прислушайте,
Православныя христиане!
Батюшко и матушка!
Благословляйте князя молодого
На коня садиться,
В путь-дорожку пуститься.
Княгине молодой
Приедет,— здравствуйте,
Сватушка и свахонька молодой.
Сватушка и свахонька,
Благословляйте князя молодого
В дом взойти,
К невесте подойти,
С молодой невестой поздороваться.
Батюшка и матушка!
Благословляйте князя молодого
На подклет вести
Под шубкой спать,
Прорубку прорубить,
Коня напоить.
Малыя ребята,
Косыя заплаты,
Из кути по лавке,
Вдоль по скамейке
По́ полу валяться,
Под лавкам ломаться.
Благословляйте князя молодого
На подклет вести,
За хохол трясти,
Под шубкой спать,
Под куньей спать,
Прорубку прорубить,
Коня напоить.
Красныя девицы,
Пирожныя мастерицы,
Горшечныя пагубницы
У матери сметану воровали,
Колобья месили,
Дружей кормили,
Под навоз хоронили.
Благословляйте князя молодого
На подклет вести,
За хохол трясти.
Тетушки Федоры об ⟨...⟩ подолы,
Обитыя хвосты,
Благословляйте князя молодого
На подклет вести,
За хохол трясти,
Под шубкой спать,

50 Под куньей спать,
Прорубку прорубить,
Коня напоить,
Ковра поправить,
Коня погладить.
И Христос воскресей
Принимайтесь, г⟨оспода⟩ поезжан⟨е⟩,
За хлеб, за соль,
Как дружка, так и все.

№ 11

Батюшка родимой,
Матушка родимая,
Батюшка прибеседной!
Прикажите хлеб с хлебом сложить,
Соль с солью ссыпати,
Воск с воском слипати.
Веселая компаньица,
Где миленькой пьет.
Он пить не пьет,
10 Голубчик мой,
За мной, младой, шлеть,
А я, млада-младенька,
Замешкалася,
В высоком новом тереме
Засиделася,
Соловьюшковых песенок
Заслушалася.
Соловьюшко вдоль берегу
Похаживает,
20 Не липовый лист, травинушку
Ощипывает,
Холодной ключевой водой
Захлебывает.
За реченькой за быстрой
Слободка стоит,
Не малая слободушка —
Четыре двора,
На всяким подворьице
Четыре кумы.
30 Вы, кумушки голубушки,
Подружки мои,
Кумитеся-дружитеся,
Любите меня!
Вы пойдете в зеленый сад,
Возьмите меня.
Сорвете по цветику,
Сорвите и мне.
Сплетете по венчику,
Сплетите и мне.
40 Пойдете на Касть-реку,
Возьмите меня.
Бросите венки на воду,
Бросьте и мои.
Все венки поверх воды,

А мой потонул.
Все дружки из Москвы пришли,
А мой не бывал,
Все дружки женилися,
А мой холостой.
50 Прислал письмо нерадостное.—
Остался зимовать.
Не ты меня, не я тебя
Не станем любить,
Ни ты ко мне, ни я к тебе
Не будем ходить.

№ 12

Перевейся, хмелюшка,
Через тын на улицу,
Во мой во зеленый сад!
Во моем во садике
Приволье хорошее,
Раздолье широкое.
Ходил-гулял молодец
Не весел-не радошен,
Повесил головушку

ХОРОВОД
Акварель А. М. Стрелковского, 1871
Третьяковская галерея, Москва

10 На праву сторонушку,
К красному солнушку,
Увидела матушка
С высокова терема.
— Родимое дитятко,
Что ходишь невесело,
Гуляешь нерадостно,
Повесил головушку
На праву сторонушку?
— Родимая матушка!
20 Все друзья-товарищи
Поженилися,
А я у вас, матушка,
Холост-не женат.

Записи песен коллекции Писемского хранятся в ГИМ, ф. 56, п. 119 Б; в тетради без обложки, формат 1/4. Тетрадь не озаглавлена, открывается записью хороводной песни, обозначенной № 1. В левом углу л. 1 рукою Бессонова написано: «От А. Ф. Писемского», сбоку карандашом: «Костромские, городские и деревенские». Никаких указаний на то, кем, когда были записаны песни, когда и при каких обстоятельствах были они переданы Киреевскому, в архивных материалах нет. Состав песен разнообразен. Несколько из них относятся к группе хороводных «наборных» или «разборных»; несколько — к числу лирических, исполнявшихся и в хороводе.

№ 1. Озаглавленная в рукописи как «хороводная», принадлежит к числу «наборных» песен, которыми начинались обычно хороводные игры. «Когда сельская молодежь обоего пола собирается хороводы водить ⟨...⟩, то девушки сперва запоют небольшую песенку — пригласительную, весьма скудную содержанием и зауряд оканчивающуюся словами: Размолодчик молодой,/Бери девицу с собой» (Шейн, в. 1, стр. 53).

Шейн приводит значительное количество вар. подобных песен из разных губерний России, высказывая при этом сожаление, что в первой половине XIX в., «во времена Сахарова», когда «сборных, предхороводных песен было, вероятно, немало в обращении среди народа», собиратели недостаточно представили их в своих собраниях: у Сахарова («Сказания») их только две, у Студицкого — четыре песни из Вологодской губ.

Записи коллекции Писемского, относящиеся к первой половине прошлого века, подтверждают предположение Шейна о распространенности «наборных» песен и дополняют материалы Сахарова и Студицкого. Окончание песни № 1 — предложение выбирать девушку самую хорошую, типично для всех наборных песен (ср. Шейн: «Размолодчик молоденькой,/Бери девушку хорошенькую»; в. 1, стр. 55); образ оленя, распространенный вообще в песенном фольклоре (главным образом в свадебных песнях), в др. вар. «наборных» песен не встречается.

№ 2. Один из типичных вар. песни о молодце, который просит девушку сохранить коня (Соб., т. IV, № 168 и 169. К № 168 прим.: «полупротяжная»; к № 169, из Архангельской губ.: «вечериночная»). Аналогичного зачина — до слов «Стоит озеро воды» в др. вар. у Соболевского нет.

№ 3. Относится к числу «наборных». В ней характерны для некоторых наборных песен образы: заиньки («один из молодых парней,— пишет Шейн,— при первых звуках песни выбегает на середину избы, представляя собой заиньку») и рябины (Шейн, в. 1, № 333, 312). Наиболее близок к записи Писемского вар. Шейна (№ 339), где сочетаются все образы: клубок, ленты, заинька, речка и рябинушка. В примечаниях Шейн указывает: «Эта песня поется все время, пока набирается хоровод» (стр. 62). Но она же встречается у Шейна и в числе «разборных» песен (№ 514 — Вологодской губ. и № 513 — Новгородской губ.).

№ 4. Представляет собою сочетание нескольких, совершенно различных отрывков: шуточного приговора — ст. 1—8; веснянки, содержащей пожелание «красной весны», теплого лета, хорошего урожая и всяческого довольства — ст. 9—23; сокращенного вар. эпической песни «Птицы» (Соб., т. I, № 496 — «Слеталися птицы стадами, слеталися птицы рядами») — ст. 24—39, где под именем птиц изображаются представители разных сословий. Ст. 35 и следующие имеют аналогии в шуточных песнях, близких к публикуемому тексту (Шейн, в. 1, № 987 — «Сватовство и свадьба совы», вар. из Твери и Москвы, записи 1860 г.). Ст. 78—99 соответствуют текстам детских «потешек» (Шейн, в. 1, стр. 19—20). К ст. 101 и далее до конца параллелей обнаружить не удалось. По-видимому, такого рода шуточные песни с упоминанием духовных лиц (попов, дьячков), часовни на небесах, где «сорока обедню служит», церкви с прянишными об-

разами, с морковными свечами и попом толоконным лбом, которого превращают в кисель, слов из молитв («мир всем», «помяни же бог рабу») в сочетании с вином, пивом и горелкой не могли быть пропущены цензурой и в дореволюционные сборники не вошли. В последней части текста слышатся сатирические ноты по адресу духовенства, произносящего молитвословия, но услаждающегося пьянством и обжорством:

Мир тебе, Агафья,
Сала тебе на голову!
По вино сходи,
За пивом ступай!
Мир всем!
Св... горелка.

Весьма вероятно, что такого рода стихи могли быть сложены в среде самой «монашествующей братии» (упоминание учажников-бражников, хлебодара скупого, стихи: «Пожалуемся на отца на игумна, не пойдем ни к заутрене, ни к обедне»). Сочетание всех этих разнородных текстов под одним номером могло быть следствием недоразумения, ошибки переписчика, несведущего в фольклоре, не понявшего смысла и соединившего в одну песню совершенно различные тексты.

№ 5. Свадебная, исполняемая во время сговора. Близкие мотивы: Шейн, в. 1, № 1337 (вопросы невесты) и № 1554 (песня девушки, когда жених приезжает в дом ее отца).

№ 6. Близкого вар. обнаружить не удалось.

№ 7. Имеет близкие вар. (Соб., т. IV, № 680, 681 из Вологодской губ.; к последнему вар., почерпнутому Соболевским из сборника Студицкого, прим.: «семейная протяжная» из Орловской губ.— № 682, 683).

№ 8. Относится к «разборным» песням, завершавшим хороводные игры и заканчивавшимся обычно поцелуями (у Шейна, стр. 117 и след. «разборные» песни № 473 и др. все содержат заключительные стихи о поцелуях). К этой устойчивой концовке в начале песни присоединялись самые различные образы. Полного соответствия этой песне в др. вар. нет.

№ 9. Имеет параллели (с другими зачинами) из песенника 1791 г. и в записях из Пермской губ. Растения названы другие: «трава лебеда», «трава личка» (Соб., т. IV, № 212, 213).

№ 10. Отнесена составителями к числу свадебных песен (*НС* № 775), однако по складу и содержанию представляет собою приговор дружки на свадьбе перед отправлением молодых в подклет. Параллелей к тексту обнаружить не удалось.

№ 11. НС № 774, также помещена в раздел свадебных песен. Но по существу является сочетанием двух разных текстов: свадебного приговора дружки (ст. 1—6) и популярной лирической песни «Веселая компаньица, где миленькой пьет» (Соб., т. II, № 267, 268 и др. вар. из Тверской и Архангельской губ., к последнему прим.:«хороводная»), начинающейся большей частью словами: «Калинушка со малинушкой, лазоревый цвет».

Последняя часть песни (ст. 26—46) восходит к «троицким» и «семицким» песням, утратившим свою обрядовую функцию. В них часты мотивы кумления и гадания по венкам (ср. Н. А. Римский-Корсаков, № 50; *НС* № 1067; Соб.,т. V, № 8).

№ 12. Относится к числу очень распространенных русских песен о выборе молодцом суженой (вар.: Соб., т. III, № 274, 276, 277, 279, 281, 282). Обычно за сетованием молодца: «А я у вас, матушка, холост, не женат» — следует диалог сына с матерью о том, какую выбрать невесту. Сын говорит, что ему «показалась» «купеческа дочка», но мать отвечает: «купеческа доченька в доме не работница, тебе не помощница» (там же, т. III, № 277 — Саратовская губ.), или, напротив, мать советует взять «воеводскую дочь», но сын не соглашается:

То мне не жена будет,
А вам не невестушка,
В поле не работница,
В доме не кукобница (там же, № 274. Курская губ.)

В др. вар. мать просто советует взять «девушку соседушку»:

Она в поле работница,
А в доме кукобница,
Гостям твоим приветница,
А тебе будет советница (там же, № 276. Курская губ.)

или:

Умную, разумную,
Счастливу, таланную,
Кроткую, смиренную (там же, № 279. Пермская губ.).

Зачины в песнях разные. Аналогичный зачин имеет вар. (Соб., т. III, № 281 «Хмель ты мой, хмель» из Пермской губ., с примечанием: «хороводная»; № 282 «Вьется, вьется хмелюшка» из Орловской губ. в записи П. И. Якушкина с прим.: «величальная»). Шейн относит эту песню к хороводным (в. 1, № 419—421 — из Орловской, Тульской, Тверской губ.). В *НС* песня «Перевейся, хмелюшка», из коллекции Писемского, напечатана в разделе свадебных под рубрикой Аа, № 773, которая снабжена примечанием издателей: «Следующие далее песни свадебные, обозначенные этой рубрикой, составляют отдельную группу; местность, где они записаны, точно не определяется на основании материалов, собранных П. В. Киреевским». В данном случае издатели *НС*, видимо, не обратили внимания на приписку на полях рукописи «Костромские, городские и деревенские» и на то, что записи эти были сделаны Писемским. В этом же разделе *НС* под № 776 опубликована без отклонений песня *№ 5* «Как расплакалась перед батюшком стоючи», действительно относящаяся к числу свадебных.

П. И. МЕЛЬНИКОВ-ПЕЧЕРСКИЙ

Публикация П. Д. Ухова

Вступительная заметка и комментарии И. М. Колесницкой

Фольклор органически входил в круг интересов П. И. Мельникова (А. Печерского), сочетавшего работу писателя с деятельностью историка, этнографа, краеведа. Начало интенсивного собирания писателем исторических, этнографических и фольклорных материалов относится к 1840-м годам, продолжалось оно до середины 1850-х.

Мельников писал в своих заметках: «Преимущественно изучал я историю и древности Нижнего и вообще бывшего Суздальского великого княжества»[1], собирал рукописи, занимался в архивах. В 1841 г. писатель стал корреспондентом Археографической комиссии; в том же году в Нижнем-Новгороде он познакомился с М. П. Погодиным, по просьбе которого начал собирать «редкостные вещи». В мае 1852 г. в Петербурге Мельников сблизился с активными сотрудниками этнографической комиссии Русского географического общества Н. А. Милютиным и Н. И. Надеждиным. Тогда же, назначенный «начальствующим статистической экспедицией в Нижегородской губернии», он составил полное статистическое описание губернии.

В 1849 г. произошло первое знакомство Мельникова с В. И. Далем, тесная дружба с которым продолжалась всю его жизнь. Живой интерес к народному быту, языку, истории, фольклору связывал их. Мельников считал себя учеником Даля, почти каждый день целые вечера просиживал с ним над актами археографической комиссии и другими документами, «отыскивая в них по крохам старинные слова и объясняя их остатками сохранившихся по разным закоулкам русской земли» [2]. По свидетельству сына, Мельников принимал участие в составлении «Словаря живого великорусского языка». В 1852—1853 гг., собирая по составленной им и Милютиным (под руководством Надеждина) программе статистические сведения и объехав для этого 3700 населенных мест Нижегородской губ., Мельников и другие члены комиссии записывали, по просьбе Даля, местные говоры, и у него накопился значительный материал [3]. Под влиянием Даля были написаны и первые беллетристические произведения Мельникова [4], близкие по языку к литературным опытам самого Казака Луганского. По-видимому, в это же время собирал Мельников и фольклорные материалы, незначительная часть которых публикуется в настоящем томе.

Однако интерес к народной поэзии возник у писателя еще в самом начале 1840-х годов в связи с его славянофильскими симпатиями. В письме к А. А. Краевскому (январь 1841 г.) Мельников сообщал о своем увлечении «всем русским», о намерении заказать мебель в русском стиле и по выходе в отставку ходить в русском платье; при этом письме он посылал редактору «Отечественных записок» семь отрывков из беллетристического сочинения «Владимир красно солнышко», в котором намеревался представить былинного Владимира в окружении Ильи, Чурилы и других богатырей, «утверждающего в Руси славянизм». В этом произведении он употребил «старинный размер, старинные выражения», а для усиления славянского колорита «вывел чехиню и заставил ее пропеть чешские песни», сюда же должны были войти образы русско-славянской мифологии и демонологии [5] (произведение это опубликовано не было). Одновременно Мельников предлагал Краевскому свой перевод части «Краледворской рукописи». В письме к Погодину (того же периода) он приветствовал начало издания «Москвитянина» и сообщал о начатом «исследовании, какими местами проходил царь Иван

Васильевич в 1552 году», посылал для публикации три перевода с чешского русским размером и «простонародную песню, подслушанную здесь мною» [6].

С января 1845 г. Мельников становится редактором неофициальной части «Нижегородских губернских ведомостей», что сразу же сказывается на притоке в газету материалов исторических, археологических (большей частью публикуемых самим писателем), а также этнографических и фольклорных. Особенно интересовали редактора исторические жанры фольклора, главным образом местные предания и песни, связанные с историей края. В № 34 газеты 1847 г. Мельников пересказал сообщенное одним из корреспондентов, Рачковым, предание о крестьянине Калейке, провожавшем Грозного с его войском через леса к Казани; здесь же упоминалось о существовании песни об этом герое; в примечании редактор просил Рачкова «о доставлении» списка этой песни, замечая, что подобное же предание о проводнике Иоаннова войска, мордвине Ардатке, сохранилось в Ардатове: «Редакция собирает теперь подобные предания и поместит их со временем в газете вместе с исследованием о том, какими местами проходил царь Иоанн Васильевич во время похода своего на Казань в 1552 г.» [7] Третье упоминание о замысле — написать историю похода Грозного к Казани через Нижегородские леса по документальным и фольклорным материалам относится к 1851 г. «Приготовляю вам статью „Путь Иоанна Грозного в 1552 году" по летописям, курганам, преданиям и песням», — писал он 22 января 1851 г. из Арзамаса Погодину[8]. Обещание свое Мельников выполнил, хотя в печати его работа о походе Грозного не появилась. Рукопись ее, куда включен был ряд фольклорных текстов, сохранилась в архиве ИРЛИ. В ней содержатся ценные сведения о бытовании фольклора в Нижегородской губ., свидетельствующие о знакомстве Мельникова с этим предметом: «В Нижегородской, Казанской и многих местностях Симбирской губернии живо в народе воспоминание о грозном завоевателе Казанского царства. Здесь триста лет поются былевые песни об Иоанне, до сих пор в арзамасских и ардатовских деревнях старики любят петь: „Как года-то были старые" ⟨следует четверостишие песни⟩. До сих пор памятен лихой удалец князь Михаил Темрюкович и жалобная песня о казни его нередко слышится на широких полянах арзамасских. Нередко удается, проезжая летним вечером по холмистой дороге Симбирской ⟨...⟩ или где-нибудь в глуши Выксунского леса, услышать песню про взятие Казани, про Калейку мужика, который провел Грозного ⟨...⟩ И если покороче познакомитесь со здешним народом, то услышите и ту былевую песню о несчастной кончине царевича Иоанна Иоанновича, спасенного князем Пожарским». «Так в народной песне,— заключает писатель,— соединилась повесть о спасении русского царства Пожарским с именем Грозного — единственного из царей допетровской России, которого живо помнит здешний народ» [9]. Далее приводится начало песни: «Грозен был воин-царь наш батюшка» (29 ст.), где Иван Грозный призывает слуг идти на Казань. Заканчивается песня словами:

И пошел воин-царь наш батюшка,
Первый царь Иван Васильевич
Сквозь дремучий лес с войском силою
Через всю землю мордовскую.
Себе царство взял Казанское —
Мимоходом Астраханское [10].

Далее Мельников приводит в пересказах ряд местных преданий о походе на Казань Ивана Грозного, о курганах, им насыпанных, церквах, им построенных, о его проводниках по лесам, чередуемых с летописными отрывками[11]. Здесь же приведен полностью публикуемый вариант песни о Сашайке, записанный, по-видимому, самим Мельниковым из уст сказителя или кем-либо из близких писателю лиц в Нижегородской губ., занимавшихся собиранием местного фольклора.

Таким образом эта рукопись и другие помещенные ниже материалы частично восполняют тот пробел, о котором сожалел А. В. Марков, впервые в 1908 г. заинтересовавшийся этнографическими и фольклорными записями Мельникова и высказавший пожелание, чтобы люди, имеющие доступ к бумагам писателя, «дали сведения о том, сохранились ли собранные им этнографические материалы» [12]. Вместе с тем публикуемые материалы опровергают мнение Г. С. Виноградова, изучавшего фольклорные ис-

точники романа «В лесах» и распространившего верные в общем наблюдения над источником фольклорных текстов, помещенных *в этом романе*, на всю деятельность Мельникова как собирателя. Г. С. Виноградов сделал выводы, что сам Мельников, будучи историком и археографом, не был собирателем фольклора, будто бы мало интересовался фольклорными записями непосредственно из уст народа, ограничиваясь тем, что заимствовал их из письменных источников, от других лиц или воспроизводил по памяти случайно слышанное во время своих поездок [13]. Рукопись ИРЛИ, публикуемые записи и письма писателя не подтверждают этих выводов. В рукописи о походе Грозного перед текстом «Грозен был воин-царь наш батюшка» Мельников сообщил сведения о характере исполнения песни: «сначала поется она громко, скоро, как победный клик, но потом, когда речь пойдет о царевиче, переходит в плачевную, заунывную» [14].

Перед песней «В деревне Тоторшеве» о Сашайке также есть примечание о том, как песня поется. Естественно, что такого рода комментарий мог сделать только человек, непосредственно слышавший исполнение фольклорных произведений из уст народа. Среди бумаг Мельникова, хранящихся в ИРЛИ, есть также записи нескольких раскольничьих стихов, представляющих собою переделки популярных народных песен — «Кто бы кто моему горю помог», «Ты взойди, взойди, красно солнышко», «Как повыше было Юрьевца» [15] и др., сделанные, вероятно, самим писателем в Нижегородской губ. В «Очерках мордвы» приводятся мордовские предания и песни [16]. Вот почему вполне достоверным можно считать сообщение писателя в письме к Погодину от 22 января 1851 г.: «Есть у меня сотня, другая песен (местных) все такие б⟨ольшей⟩ ч⟨астью⟩, которые не напечатаны и впервые мною слышаны. Киреевский стал, кажется, издавать их во Временнике. Посылать ли к нему те песни — ведь не сели бы так, а у меня один экземпляр» [17]. Публикуемые шесть записей Мельникова, обнаруженные в архиве Киреевского, свидетельствуют, что по крайней мере какая-то часть песен была послана. Можно предположить, что при дальнейшем изучении архива Киреевского будут найдены и другие материалы из коллекции Мельникова.

Как видно из материалов, приведенных в комментариях, обряд колядования, который писатель неоднократно изучал (по русским и мордовским источникам), был включен им в текст его романа «В лесах».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] П. С. Усов. Этнограф-беллетрист (Мельников).— «Исторический вестник», 1884, № 10, стр. 30.

[2] А. П. Мельников. К биографии П. И. Мельникова.— «Сборник памяти П. И. Мельникова» («Действия Нижегородской ученой архивной комиссии», т. IX), 1910, стр. 23.

[3] Там же, стр. 24.

[4] Там же, стр. 25.

[5] Письмо П. И. Мельникова к А. А. Краевскому от 12 января 1841 г.— Там же, стр. 132.

[6] Письмо П. И. Мельникова к М. П. Погодину от 1 февраля 1842 г.— Там же, стр. 152.

[7] «Нижегородские губернские ведомости», часть неофиц., 1847, № 34, 31 мая, стр. 136.

[8] «Сборник памяти П. И. Мельникова», стр. 157.

[9] П. И. Мельников. Путь Иоанна Грозного. Рукопись (вторая редакция).— ИРЛИ, ф. 95, оп. 1, ед. хр. 7, л. 115.

[10] Восемь стихов из этой песни воспроизведены были Мельниковым в «Очерках мордвы» (Полн. собр. соч., т. 12. СПб.— М., 1898, стр. 25).

[11] «Путь Иоанна Грозного», лл. 123—124.

[12] А. В. Марков. Мельников-Печерский как собиратель былин.— «Этнографическое обозрение», 1908, № 4, стр. 135.

[13] Г. С. Виноградов. Опыт выяснения фольклорных источников романа Мельникова-Печерского «В лесах».— «Советский фольклор», № 2-3, 1936, стр. 343, 346—347.

[14] ИРЛИ, ф. 95, оп. 1, ед. хр. 7, л. 115 об.

[15] Там же, лл. 12—16.

[16] П. И. Мельников. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 8—16.

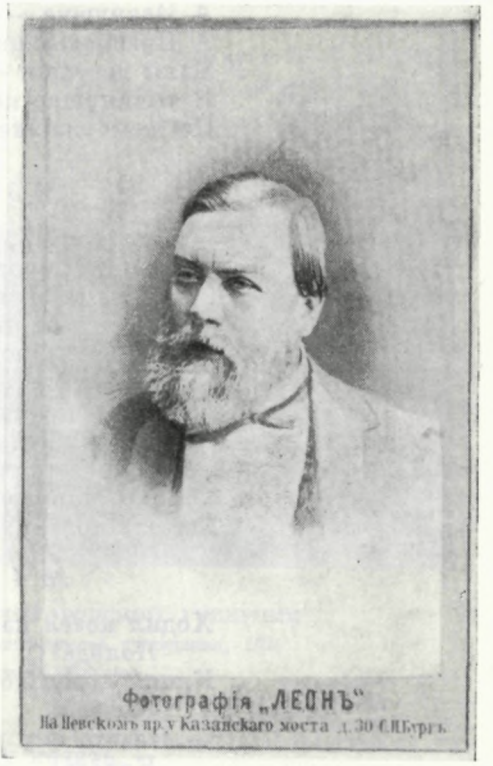
[17] «Сборник памяти П. И. Мельникова», стр. 158.

№ 1

Поется или, лучше сказать, говорится нараспев песня-сказка, известная не только здесь, но и в Нижегородском уезде. В ней взятие Казани приписывается дочери Торша по имени Сашайке. Вот этот рассказ, списанный по словам одного старика.

В деревне Тоторшеве жил мужик богатой,
Сгребал он деньги лопатой,
Имя ему Торш, званье Вашайка.
Дочь у него была Сашайка,
Сама собой маленька, лицом беленька, волосом русенька.
Сидела Сашайка со своим подружкам в теплой бане.
Коя хвалилась одёжой, коя хвалилась работой.
— Ох вы, красные девушеньки, мои подруженьки,
Нашли чем хвалиться, нашли чем величаться!
10 Я бы, красная девушка, Казань-город взяла,
В три часа в свои руки подобрала.
Какой есть там царь, какой есть государь?
Семь лет Казань берет, а все не возмет!
Я бы, Сашайка, своим девичьим умом в три часа взяла,
Взяла бы не хитростью, не мудростью, а своим умом девичьим.
Через трои сутки царь Иван за Сашайкой посылает,
За ней шестнадцать троек присылает.
Едут к Торшеву двору высокие повозки,
Становятся у вашайкиных ворот зеленые колёски.
20 Сидит Сашайка у красного у окна,
Шьет красным шёлком узорья-калканы.
— Ох тятяй, тятяй, батюшка Торш Вашайка!
Поди к своей дочке Сашайке.
Царски солдаты к нам едут,
Повозки-колёски у наших ворот ставят.
Говорят царски солдаты мужику Торшу Вашайке:
— Давай к великому государю твою дочку Сашайку:
Она собой хвалилась, над царем насмеялась.
— Тятяй, тятяй Вашайка, давай им два ста, а мало, так три ста.
30 — Дурак мужик Вашайка, мы триста возьмем,
А дочку твою Сашайку с собой увезем.
Срядилась Сашайка, сели в колёску, в зелену повозку,
Сашайку привозят, к царю приводят.
— Ох ты гой еси, красна девка Сашайка, богатого отца дочь,
Собой хвалилась, надо мной смеялась— голова с тебя прочь!
— Батюшка Иван царь, великий государь!
Ты мою голову девичью руби,
Теперь же хоть на плахе с плеч отвали,
А дай мне лучше пятьдесят человек с человеком,
40 Да с порохом пятьдесят бочонков с бочонком.
Вот Сашайка под Казань бочонки накатала,
Восковые свечки в бочонки втыкала,
Себе взяла свечку, царю Ивану дала другую.
— Ох ты, красная девка Сашайка!
Коли свечки не сгорят под землей,
Голова твоя с могучих плеч долой.
— Батюшка царь Иван, не гневись!
Пади на восток да богу молись.
У царя да у Сашайки свечки сгорели,
50 А Казань-города взять не успели.
— Ох ты, девка Сашайка! голову долой,

П. И. МЕЛЬНИКОВ-ПЕЧЕРСКИЙ
Фотография, 1860-е годы
Литературный музей, Москва



Что ты насмеялась надо мной!
А тут свечки дошли до каждого бочонка,—
И взяло Казань рвать, и взяло стену метать.
И сказал царь Иван красной девке Сашайке:
— Чем тебя мне миловать, чем тебя мне жаловать?
— Великий царь Иван! меня помилуй,
Ничем, государь, меня не жалуй,
А позволь нам лице твое колоти
60 Да на своих лбах носити [1*]
К отцу к матери меня отпусти,
В Торгшево вели меня отвезти.

КОЛЯДА В НИЖ‹ЕГОРОДСКОЙ› ГУБ.

№ 2

Колёда-молёда!
Походила колёда
По святым вечерам.
Блин да лепешка
На красном окошке!
Свина ножка качепёшка [2*]
Подавайте-ка.

[1*] Мордовки прокалывают серебряные монеты и носят их на лбу (кумбо). Повсеместно у мордвы предание, что Иоанн Грозный во время Казанского похода за службу мордвы дозволил женам их прокалывать монеты и носить на себе.

Хитрое дело «Розмысла» не забыто народом. Есть русское сказание в стихах об этом, есть такое же сказание и у мордвы. ⟨*Прим. П. И. Мельникова.*⟩

[2*] Слово без смысла. ⟨*Прим. П. И. Мельникова.*⟩

А Иванушка — светел месяц [1*],
А Прасковьюшка — красно солнышко [2*],
Малы детушки — часты звездушки,
К тычинушке по тычинушке,
По жемчужинке.

№ 3

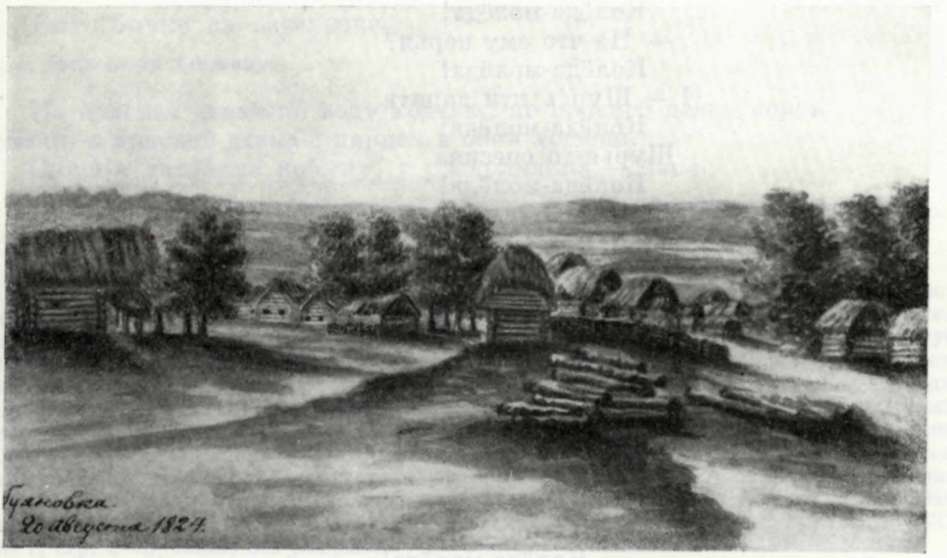
Коль-колёда́,
Золотая борода!
Ходим по нужде своей:
Кто не даст пирога,
Мы об⟨...⟩ ворота;
Кто не даст лепешки
Об⟨...⟩ окошки.
Коль-колёда́!
Кто не даст пышки,
Тому старушечьи мышки.
Коль-колёда́!

№ 4

Ходил козел на базар,
Колёда́!
Купил козел косу,
Колёда́!
— На что ему косу?
Колёда́!

ДЕРЕВНЯ ЖДАНОВО НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ
Рисунок (сепия) из альбома неизвестного художника, 1824
Литературный музей, Москва

1* Хозяин. ⟨*Прим. П. И. Мельникова.*⟩
2* Хозяйка. ⟨*Прим. П. И. Мельникова.*⟩



ДЕРЕВНЯ БУЯНОВКА НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ
Рисунок (сепия) из альбома неизвестного художника, 1824
Литературный музей, Москва

— Мураву-траву косить.
Колёда́!
— На что мураву-траву косить?
Колёда́!
— Добра коня выкормить.
Колёда́!
— На что добра коня кормить?
Колёда́!
— Дубовый лес возить.
Колёда́!
— На что дубовый лес возить?
Колёда́!
— Мосты мостить.
Колёда́!
— На что мосты мостить?
Колёда́!
— Христу ходить.
Колёда́!

№ 5

Колёда-молёда![1*]
Летела же пава,
Колёда-молёда!
Роняла же перья,
Колёда-молёда!
Трофимушке братцу[2*]

1* Хозяину. ⟨*Прим. П. И. Мельникова.*⟩
2* Имя хозяина. ⟨*Прим. П. И. Мельникова.*⟩

Колёда-молёда!
— На что ему перья?
Колёда-молёда!
10 — Шур⟨ь⟩ити дарити;
Колёда-молёда!
Шурья-то спесива
Колёда-молёда!
Людей насмешила.

№ 6

Колёда-молёда! [1*]
Летел соколок,
Колёда-молёда!
Через батюшкин дворок,
Колёда-молёда!
Уронил сапожок,
Колёда-молёда!
— Катерина, подыми! [2*]
Колёда-молёда!
10 — Недосуг поднять!
Колёда-молёда!
Я головушку чешу,
Колёда-молёда!
Я русу косу плету,
Колёда-молёда!
Я к обедне спешу,
Колёда-молёда!
Я коровошку дою,
Колёда-молёда!
20 Я лепешечки пеку,
Колёда-молёда!

После каждой песни припев.

Давате кокурки!
Пойдемте домой!

Колядуют под Новый год, а не 24 декабря.

№ 7

ПОСЛОВИЦЫ

И у сусека наплачешься и у сухой корки напляшешься.

Равносильна: и по золоту слезы текут.

Богат бог милостью, скуден да бес.

Нечем платить долгу — ступай на Волгу.

О бурлаках, а прежде о волжских разбойниках.

Сергачский барин —

ученый медведь. В Сергачском уезде учат медведей, и сергáчские поводильщики в восточной части Европейской России то же, что в западной сморгоньские.

Барин — татарин: кошку ожарил.

Насмешка над господами, которые едят всякую всячину.

Кабы мужик на печи не лежал, корабли бы зá море снаряжал.

Не возьмет теснота, не взяла бы лихота.

Говорится в том смысле, что можно с хорошим человеком и тесно жить.

[1*] Хозяйке. ⟨*Прим. П. И. Мельникова.*⟩
[2*] Имя хозяйки. ⟨*Прим. П. И. Мельникова.*⟩

Сама себя раба бьет, коли не чисто жнет.
Быть бычку на веревочке,

т. е. быть вору пойману.

Не красней девка пó воду ходючи, не красней девка коров доючи, а красней девка с парнем в овин ходючи.
Сыщи у татарина кобылу, у раскольника — попа.

Татары крадут лошадей и искусно их прячут, раскольники тайно держат беглых попов.

№ 1. Песня, мордовская по происхождению, была до сих пор известна (по записи XIX в.) в одном вар. В 1848 г. она была записана местным священником от обрусевшей мордвы в с. Сиухи (Новорождественское) Нижегородского у. Нижегородской губ. и передана им управлявшему нижегородской епархией Иакову, собиравшему образцы фольклора. Запись была включена, без разделения на стихи, в тетрадь «О мордве с. Новорождественского или Сиухи», содержащую этнографическое описание быта мордвы села, вслед за свадебными и похоронными обрядами. Героиня песни носила имя Саманька. Вся рукопись 1848 г. была получена Мельниковым от архиепископа Иакова и находилась в библиотеке писателя, откуда перешла в руки А. А. Титова, занимавшегося историей Верхнего Поволжья (она хранится в ГПБ, ф. А. А. Титова, оп. 2340, лл. 34—35). Титов опубликовал песню о Саманьке в «Нижегородских губ. вед.», 1887, № 7, стр. 2—3, также без разделения на стихи.

Тот же текст был опубликован В. Ф. Миллером (без упоминания о публикации Титова) в «Очерках по истории русской народной словесности» (т. III, М.— Л., 1924, стр. 227—229) на основании разделенного на стихи списка этой песни, найденного Г. З. Кунцевичем в архиве И. Д. Беляева в Румянцевском музее (№ 67/1576), вместе с другой песней и примечанием: «Две сии песни поются басистым протяжным голосом от обрусевшей мордвы — терюхан ⟨...⟩ сообщ. из Н. Новгор. от I. М. 28 авг. 1850 г.». Миллер предполагает, что под инициалами I. М. нужно разуметь иеромонаха Макария, упомянувшего об этой песне в присланной им в Географическое общество (1853) рукописи: «Предания о последнем походе против Казани Иоанна Васильевича Грозного через Ардатовский и Арзамасский уезды Нижегородской губ.» (архив Рус. географического об-ва, к. XXIII, № 42).

Текст публикуемой песни, включенный Мельниковым в рукопись его статьи о походе Ивана Грозного на Казань, обнаруженный нами в Рукописном отделе ИРЛИ (ф. 95, оп. 1, ед. хр. 7, лл. 126—127), отличается рядом особенностей от вар., опубликованного Титовым и Миллером, хотя по общему содержанию близок к нему; героиня называется Сашайка (у Титова в «Нижегородских губ. вед.» — Сашенька, у Миллера — Саманька), отец ее — Вашайка. Имеются и другие разночтения.

Рукопись Мельникова (песни *№ 2—6*) находится в ГИМ, ф. 56, ед. хр. 119 б, л. 568. Все тексты переписаны на одном листе формата $^1/_2$.

Песни *№ 2—6* относятся к числу обрядовых. Это тексты колядок, исполнявшихся на святках, с 24 декабря по 6 января, в Нижегородской губ. и там же записанных, как это явствует, в частности, из заглавия рукописи «Коляда в Нижегородской губернии» (л. 1). Сопоставление их с вар., имеющимися в печатных сборниках фольклора, свидетельствует об их типичности и вообще об устойчивости текстов колядных песен.

№ 2. Имеет соответствие у Шейна (в. 1, № 1633, Черниговская губ.), последних трех ст. первой части у Шейна нет. Вторая часть записи «А Иванушка-светел месяц» является частью величальной песни-колядки (вар.: Шейн, в. 1, № 1030, Псковская губ., № 1036).

№ 3. Относится к числу «овсеней», песен с припевом: «Овсень таусень», исполнявшихся в средней полосе России и Поволжье (В. И. Чичеров. Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX вв. М., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 115—165). У Шейна есть целый ряд близких вар., имеющих припев: «Таусень! Таусинь» (№ 1038, Саратовская губ.), или «Баусин, баусин» (№ 308, Тульская губ.), «Таусень, баусень!» (№ 1044, Оренбургская губ.). Большинство имеет окончание — угрозу; в ряде случаев, как и в публикуемом тексте, пропущены непечатные слова (№ 1042, Рязанская губ., текст соединяется с величанием).

№ 4. Имеет ряд соответствий (Шейн, в. 1, № 1035, Московская губ.). В конце содержит другие ответы: «Кутью варить», «Колёду принять»; примечание: «кличут коледу парни вечером накануне рождества» (№ 1038, Саратовская губ.) с припевом «Таусень, таусень», в последней строчке — «Василию по ним ходить» — более поздний вар. (вместо языческой Коледы здесь назван святой Василий, день которого праздновался в первый день Нового года — 1 января). Примечание: «поется мальчиками перед каждым домом».

№ 5—6. Параллелей среди других колядок не обнаружено. Образ павы, роняющей перья, часто встречается в свадебной поэзии (Шейн, в. 2, № 1615, Вятская губ.— «И то не пава по сеням ходила, не павины пёрушки ронила»).

Рукопись Мельникова заканчивается примечанием: «Колядуют под Новый год, а не 24 декабря», свидетельствующим о хорошем знании писателем материала о колядовании. Другие материалы подтверждают то же.

В № 32 «Нижегородских губ. вед.», 1847, часть неофиц. (стр. 118—119), их редактор, Мельников, поместил анонимную статью «Коляда». Он сообщал о распространении колядования в Малороссии (ссылаясь на «Очерки России» В. В. Пассека), об аналогичных обрядах у словаков в праздник «трех царей», у сербов и болгар перед Новым годом, ставил вопрос о происхождении названия «коляда», предполагая, что празднование произошло от западных и южных славянских племен и т. д. В статье содержится и замечание о колядных песнях, являющееся результатом их сравнительного анализа: «... некоторые из песен великороссийских облечены всеми признаками старины; в малороссийских же много утратился торжественный характер ⟨...⟩ празднования».

В примечании к статье Мельников указывал: «... в следующих №№ мы поговорим о коляде Нижегородской губернии и сообщим самые песни, употребляемые в разных деревнях при колядовании» (стр. 119). Обещание это не было выполнено. По-видимому, эти песни и передал Мельников Киреевскому.

В «Очерках мордвы» Мельников снова вернулся к колядкам. Произведение это наполнено этнографическим и фольклорным материалом, собирателем которого был в значительной мере сам писатель. Здесь подробно описываются верования, праздники и обряды мордвы (древние языческие и возникшие после христианизации, в их числе и заимствованные у русских). Мельников описывает зимние праздники в честь богини Анге-Патяй, «Кёляденяк», исполняемый детьми до 14 лет, обычай колядования накануне рождества. Приводятся два текста колядок, среди них первый — очень близкий к публикуемому здесь *№ 3*:

Кёль, Кёляда,
Золотая борода,
Ходим по нужде своей,
Приходила Кёляда,
Растворяй ворота,
Давай Кёляде
Кишки да ножки,
Бабьи лепешки.
Кёль, Кёляда,
Золотая борода!

(П. И. Мельников. Полн. собр. соч., т. 12. СПб., 1898, стр. 117—118).

Описывая обряды и приводя мордовские песни, Мельников постоянно сопоставлял их с русскими: «Вечером под Новый год у мордвы справляется Таунсяй, что значит свиной праздник. Отсюда, кажется, произошел и русский таусень или овсень, обряды которого очень сходны с обрядами мордовского таунсяя. Русский таусень едва ли не старинный мордовский обряд, перешедший к русским. По крайней мере, он справляется только в тех местностях Великой Руси, где и издревле обитала мордва» (там же, стр. 129).

Мельников выступал не только собирателем, но и исследователем, давшим первые образцы сравнительного анализа русского и мордовского фольклора.

Обычай колядования и тексты русских колядок воспроизведены писателем во второй главе романа «В лесах».

П. В. КИРЕЕВСКИЙ

Публикация П. Д. Ухова

Вступительная статья А. Д. Соймонова*

Комментарии Н. П. Колпаковой

Путь Киреевского как собирателя песен начался в 30-е годы, когда в науке были поставлены задачи изучения поэзии крепостной деревни в ее подлинном, неприкрашенном виде. Борьба с крепостничеством, составлявшая главное содержание общественной и литературной жизни того времени, получила отражение и в фольклористике. Высоко оценив историческое значение народной поэзии, заключавшей в себе и памятники древней поэтической культуры и современные произведения, Киреевский и другие собиратели, сгруппировавшиеся вокруг него, стремились сделать ее достоянием литературы. В конечном итоге их деятельность была направлена на то, чтобы в литературе зазвучал голос крепостного крестьянина.

Основные записи Киреевского начала 30-х годов относятся к Подмосковью. С 1831 по 1833 г., живя в Москве, он каждое лето выезжает на дачу в с. Ильинское и расположенное рядом Архангельское (имение Юсуповых). Здесь среди местных жителей он собирает песни, посещая с этой же целью близлежащую деревню Воронки. По свидетельству самого собирателя, им было записано в то время триста песен [1]. Значительная часть этого материала сохранилась и опубликована. Из неопубликованных в настоящем томе печатается 57 песен. По своему составу и содержанию они очень типичны для поэзии крепостной деревни начала прошлого века, испытавшей известное влияние городской культуры.

В 30-е годы Киреевский записал песни о рекрутчине и солдатской службе, песни семейные, главным образом о неравном браке, бытовые и свадебные. Среди записей Киреевского этого времени, опубликованных в «Новой серии», рекрутские и солдатские песни составляют почти половину. Это показывает, насколько чутко уловил собиратель одну из центральных тем песенной поэзии крепостной деревни. Рекрутчина и 25-летняя служба в николаевской армии была одной из самых тяжелых повинностей, ложившихся на народные массы. В 1831 г., когда Киреевский начал записывать песни, как раз были введены ежегодные рекрутские наборы. Все это получило яркое отражение в народной поэзии.

Значительную часть записей, собранных в те годы Киреевским, составляли свадебные и семейно-бытовые песни. Тема семьи и брака, всегда занимавшая центральное место в крестьянской поэзии, привлекает внимание ученых и писателей; свадебными песнями интересовался и Пушкин [2]. Собранные материалы имеют большую научную и художественную ценность как поэзия, дающая правдивую, реалистическую картину жизни крепостной деревни.

Научное значение деятельности Киреевского начала 30-х годов заключалось также в том, что им впервые в русской фольклористике было осуществлено систематическое изучение песенной традиции определенных населенных пунктов. На этой основе в процессе работы он первым среди собирателей фольклора начал разрабатывать методику паспортизации текстов. В его материалах находим данные о том, когда и где записаны песни, и первоначальные сведения об их исполнителях. Кроме того, он старался указывать, откуда исполнители. Так под текстами песен, записанных в 1831 г.

---

* Общую характеристику места и значения П. В. Киреевского в истории русской фольклористики и оценку его деятельности по созданию Собрания см. выше, в статье А. Д. Соймонова и Г. Н. Париловой (стр. 9—76).—*Ред.*

в Ильинском, встречаются пометки: «Алена из с. Петровского». Когда же ему не удавалось узнать что-либо об исполнителях, он помечал: «извозчик», «солдат», «цыганка» и т. п.

Запись песен в Подмосковье помогает Киреевскому накопить значительный опыт. Но это было лишь начало его деятельности. Собранные материалы, ограниченные преимущественно семейно-бытовой лирикой, не могли удовлетворить Киреевского, так как его особенно интересовал исторический эпос народа. С этой целью он задумывает и осуществляет летом 1834 г. специальную поездку, которую можно назвать первой фольклорной экспедицией. Местом для экспедиции он избрал Новгород и близлежащие уезды и деревни (г. Осташков, погост Рогоза, дер. Острицы и др.). Великий Новгород в представлении передовой русской интеллигенции того времени олицетворял свободу и демократию древней Руси. Киреевский надеялся, что здесь могли сохраниться песни о новгородской вольнице. Но его ожидало жестокое разочарование. Никаких песен о новгородской старине он не нашел; к тому же собирание песен вызвало подозрение полиции и местных помещиков, которые приняли его за «шпиона и карбонара» [3]. Он писал из Новгорода: «Ездить отсюда некуда, кроме разве некоторых монастырей, и предания здесь только одни могилы и камни, а все живое забито военными поселениями, с которыми даже и тень поэзии несовместна...» [4]

Можно предположить, что если бы Киреевский поехал не в Новгород, а в Олонецкую губ., на территорию бывшей Обонежской пятины Великого Новгорода, то он нашел бы там произведения народной поэзии об историческом прошлом: былины о Василии Буслаевиче, о Садко и многие другие. Выдвинутая им идея собирания песен в новгородских землях продолжала волновать многих исследователей, пока, наконец, П. Н. Рыбникову, сосланному в Петрозаводск, удалось открыть подлинную сокровищницу русского народного эпоса в районах, принадлежавших когда-то Великому Новгороду. Киреевский первый предвидел возможность такого открытия, но не смог осуществить его. Однако за время пребывания в Новгороде и близлежащих районах он все же собрал довольно большое количество песен. Главное место среди них заняли семейные, бытовые, солдатские, бурлацкие, разбойничьи. Были записаны и исторические песни. Киреевский разыскал интересных исполнительниц, например мещанку Феклу Евстигнееву, от которой 3 сентября 1834 г. в Новгороде он записал былину, исторические и солдатские песни. Некоторые из его новгородских записей, ранее не публиковавшиеся, вошли в настоящий том.

После экспедиции в Новгород интерес Киреевского к историческому эпосу народа возрастает, и он все шире развертывает собирательскую работу. Приехав в Москву, он начинает там разыскивать местных старожилов — исполнителей песен, этим же он систематически занимается, выезжая в свои имения в Калужскую и впоследствии в Орловскую губ. В результате ему удается записать былины, баллады эпического содержания и большое количество исторических песен (свыше двухсот). Характерно, что бóльшую часть его записей составляют исторические песни XVIII — начала XIX в., т. е. произведения фольклора, являющиеся для того времени или недавним прошлым, или современностью. Это полностью опровергает существующее в литературе мнение о том, что Киреевского интересовали песни только допетровской эпохи. В действительности, большая часть записанных им исторических песен — это песни послепетровского времени.

В середине 30-х годов Киреевский уезжает за границу, но, возвратившись оттуда, вновь занимается собиранием песен. Весной 1838 г. он проводит около двух месяцев в имении Языковых под Симбирском и в самом Симбирске, продолжая там свои занятия. Из переписки Языковых становится известно, что это оказывает самое благотворное влияние на окружающих, побуждая и других обратиться к собиранию народных песен [5].

С конца 30-х и в 40-е годы Киреевский продолжает записывать песни, живя в Москве и в своем имении под Орлом, в Киреевской Слободке. В эти годы его внимание особенно привлекают духовные стихи, которые он предполагает издать. Однако центральное место среди его записей по-прежнему занимают песни, характеризующие жизнь и быт крепостной деревни. Показательны в этом отношении материалы, собранные в Киреевской Слободке (*НС* № 1971—1980). Среди них выделяются песни Никитушки. Судя по сохранившейся рукописи, их записал, вероятно, сам исполнитель по просьбе

П. В. КИРЕЕВСКИЙ
Портрет маслом работы
Э. А. Дмитриева-Мамонова, 1840-е годы
Исторический музей, Москва
Портрет определен М. Ю. Барановской

Киреевского [6]. Следует отметить еще одну особенность собирательской деятельности Киреевского — это стремление привлечь к записи песен не только своих знакомых из среды дворянской интеллигенции, но и грамотных крепостных, в особенности дворовых. Так, первые записи песен были сделаны для Киреевского в 1830 г. его дядькой-камердинером Родионом, с которым он жил тогда в Мюнхене [7]. Родион переписал все песни, которые помнил; так же, вероятно, поступали и другие корреспонденты Киреевского из крепостных, в том числе Никитушка. Каких-либо подробных сведений о Никитушке пока не обнаружено, но его песни носят ярко выраженный антикрепостнический характер. Такова, например, песня «Как нынешняя весна» (*НС* № 1976), где говорится о крестьянах, которые умирают с голоду, потому что баре гонят их на работу и не дают хлеба, антиклерикальные песни и другие. Все эти материалы свидетельствуют о дальнейшем развитии того направления в работе, которое формировалось при участии Пушкина в начале 30-х годов.

Из неопубликованных материалов Киреевского для настоящего тома отобраны образцы записей разных лет, начиная с июля 1831 г. В большинстве своем это произведения народной бытовой лирики, которые систематизированы нами по жанровому признаку: календарно-обрядовые, игровые и т. п. Здесь есть песни, ставшие впоследствии очень популярными, но есть и редкие тексты, например, № 50, 52—54 и др. Заслуживают особенного внимания антиклерикальные и антикрепостнические песни (№ 36—37, 56) и одна из ранних записей песни рабочих (№ 57). Все эти тексты, представляя научную и художественную ценность, характеризуют отношение Киреевского к изучению песенной поэзии народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Основную часть этих текстов «с лишком 200, не считая ⟨духовных⟩ стихов», Киреевский записал в дер. Воронки (Письма Киреевского к Языкову, стр. 47).

[2] Соймонов, стр. 143—153.

[3] Н. П. Павлов. Русские писатели в нашем крае. Калинин, 1956, стр. 31—34; Письма Киреевского к Языкову, стр. 67—68.

[4] «Русский архив», 1905, № 2, стр. 146.

[5] См. настоящ. том, стр. 51—53.

[6] ЛБ, ф. 125, п. 49, л. 1556.

[7] Соймонов, стр. 149.

№ 1

ПОДБЛЮДНАЯ

Я поставлю квашонку на донушке,
Я покрою квашонку алыим бархатом,
Подвяжу я квашонку черныим соболём,
Я поставлю квашонку на печном столбе.
Ты взойди, моя квашонка, полны́м-полна,
Ты полным-полна, со краями ровна.
Кому же мы спели, тому добро.
Кому вынется, тому скоро сбудется, не минуется.

М⟨осковская⟩ мещ⟨анка⟩ З. Д. Л.

№ 2

ПОДБЛЮДНАЯ

Я на корыте сижу, корысти жду,
Я еще посижу, я еще подожду.
Уж как погодя маленько корысть на двор,
Корысть на двор и со радостью.
Кому же мы спели, тому добро,
Кому вынется, тому скоро сбудется, не минуется.

Моск⟨овская⟩ мещ⟨анка⟩ З. Д. М.

№ 3

ПОДБЛЮДНАЯ

У Спаса в Чигасах за Яузою
Там живут мужики все богатые,
Они деньги гребут все лопатою.
Кому же мы спели, тому добро,
Кому вынется, тому скоро сбудется, не минуется.

М⟨осковская⟩ мещ⟨анка⟩ З. Д. М.

№ 4

ПОДБЛЮДНАЯ

Идет кузнец из кузницы.
— Ты кузнец, ты кузнец!
И ты скуй мне венец,
Из остаточков мне золо́т перстень,
Из обрезочков мне булавочек.
Уж и тем-то мне венцом венчатися,
Уж и тем мне кольцом обручатися,
Уж и теми булавкам притыка̀тися.
Уж кому же мы спели, тому добро.
10 Кому вынется, скоро сбудется, не минуется.

М⟨осковская⟩ мещ⟨анка⟩ З. Д. М.
Из остаточков.

№ 5

ПОДБЛЮДНАЯ

Сидит воробей на пе́регороде,
Как глядит воробей на чужу́ сторону.
Куды погляжу, туды полечу,
Кому же спели, тому же добро,
Кому вынется, скоро сбудется, не минуется.

М⟨осковская⟩ мещ⟨анка⟩ З. Д. М.

№ 6

Выходила коляда
Накануне рождества.
Жирь, вирь, вирь,
При (далох) тах, тах!
При долине рукоцень
Вино зелененько!
Окны скачут.
Причелинья пляшут
Столы раздымаются
10 Печи подвигаются
Печь, печь!
Перебор берет.

70-летн⟨яя⟩ стар⟨ая⟩ моск⟨овская⟩ мещ⟨анка⟩

№ 7

ПОЕТСЯ ПОД ИВАНОВ ДЕНЬ

Еще что кому до нас, когда праздничек у нас!
Завтра праздничек у нас — Иванов день!
Уж как все люди капустку заламывали.
Уж как я ли, молода, в огороде не была.
Уж как я за кочан, а кочан закричал,
Уж как я качан ломить, а качан в борозду валить:
— Хочь бороздушка узенька — уляжемся!
— Хочь и ночушка маленька — понабаемся!

Новгород, 11 сентября 1834, Акулина

№ 8

Туча с громом сговаривалась:
— Пойдем, гром, погуляем со мной
В то село Языково,
Там живут мужики богатые:
Деньги сгребают лопатами,
Меряют пудовиками.
Девушки там нарядные:
Носят они всё кумачное,
Рукава на них всё бумажные,
10 Ленты всё жемчужные,
Фаты всё на них коноватные.

№ 9

Скакал чижик-воробей
Ко Иванову двору.
— Я Ивана упою, упою!
И я Марфу уведу, уведу,
Ивановну, уведу, уведу
Ко Марине во снохи, во снохи,
К Григорьевне во снохи,
Ко Алексею на руки, на руки,
На долгие на веки, на веки.

Воронки, 1833, Августа 26

№ 10

Не теки, вода, с гор по камушкам,
С гор по камушкам, по ступенечкам,
Кто охочь гулять, передайся к нам:
У нас девушки всё хорошие.
Хороша девка — то Аннушка,
Получше есть — то Матренушка,
Красота им всем — то Оленушка.
Аннушка тонкопрядюшка,
А Матренушка — люта ткалюшка,
10 А Оленушка — шелкошвеюшка.
Не теки, вода, с гор по камушкам,
С гор по камушкам, по ступенечкам,
Кто охочь гулять, передайся к нам:
У нас молодцы всё хорошие.
Хорош молодец — то Александрушка,
Получше его — то Михайлушка,
Красота им всем — то Иванушка,
Иванушка Харламович,
Александрушка стрелять горазд,
20 А Михайлушка-то писать горазд,
А Иванушка-то читать горазд.

Воронки, 1833, Август 26

№ 11

Слетались голуби, слетались сизые
На один двор, *2*
Садились женихи, садились соколы
За один стол. *2*
— Выбирай, Федосьюшка, выбирай, Платоновна,
Кой жених твой,
Кой вековой.
— Сидит на окошке ⟨в⟩ сафьянных сапожках —
Тот жених мой,
10 Тот вековой.
Слеталися голуби *и проч.*
— Выбирай, Дарьюшка, выбирай, Ивановна,
Кой жених твой,
Кой вековой.
— Сидит на березке — Шлёнские волоски —
Тот жених мой,
Тот вековой.

Лезет из-под ели, всего вши изъели,
Сидит на латочке считает платочки,
Лезет из-под дубу — нет ни одного зубу.
Сидит на стакане, грызет таракана,
Сидит на повете в золотой карете,
Сидит на оконничке, считает рублевички,
Сидит на березке, кудрявые волоски.

Воронки, 1833, Август 26

№ 12

ПЕСНЯ ВЕЧЕРИНОЧНАЯ

— Ты хрен, ты мой хрен,
Садовой, зеленой,
Уж и кто тебя садил?
— Филимон, Селиван,
Филимонова жена.
Максим подносил,
Степан кланялся.
— Ты, хренушка-братец,
Об чем же ты плачешь?
— Уж как мне не плакать:
Жена молодая
Поехала за дровами,
Задела за пенёк,
Простояла весь денёк.

Воронки, 1833, Сентябрь 3

№ 13

ИГРАЛЬНАЯ

Уж я хрен рощу,
Молодой рощу,
Молоды коренья
Выращиваю.
Поидтить было к бабушке,
Попросить бы редички.
Она бабушка добра,
У ней редичка сладка,
Пирожки мяконьки,
Кашка масляная,
Перемасляная.
— Бабушка, бабушка, дай редички!
(*бабушка спрашивает*:)
— Зачем тебе редичка?
(*отвечают*:)
— Попадья с печи упала,
Два кота задавила,
Да редички запросила.

Одну девушку выбирают в бабушки, она садится на земь и обхватывает столб, к ней на колени садится другая и за нее держится, к этой третья и т. д. А две ходят и поют. После последнего слова песни бабушка говорит: «Ну вот вам, дергайте с конца!» Тогда все ходившие девушки выдернут крайнюю девушку и бросят ее на бабушку. Потом сначала.

Воронки, 1833, сентябрь 13

№ 14

Из лугу, лугу зелено́ва
Ясён сокол вылетает,
Белую лебедь выкликает:
— Белая лебедь, выдь за мною.
— Ясён соко́л, не в чем выйтить.
— Белая лебедь, чего нету?
— Ясён соко́л, шубки нету.
— Лебедь люблю, шубку куплю.

Из лугу, лугу зелено́ва
Ясён сокол вылетает,
Белую лебедь выкликает:
— Белая лебедь, выдь за мною.
— Ясён соко́л, не в чем выйтить.
— Белая лебедь, чего нету?
— Ясён соко́л, платка нету.
— Лебедь люблю, платок куплю.

Из лугу, лугу зелено́ва
Ясён сокол вылетает,
Белую лебедь выкликает:
— Белая лебедь, выдь за мною.
— Ясён соко́л, не в чем выйтить.
— Белая лебедь, чего нету?
— Ясён соко́л, серёг нету.
— Лебедь люблю, серьги куплю.

Воронки, 31 июля 1833

№ 15

По морю синему
Плывет лебедь со лебедушкой,
Со малыми со детушками.
Где не́ взялся млад ясен сокол,
Ушиб-расшиб лебеди́ну стаю
И кровь пустил во сыру́ землю,
Пух пустил по синю́ морю,
Легки́ перья по чисту́ полю.
Собиралися красны девушки
Перья сбирать лебединыя.
Где не́ взялся добрый молодец:
— Бог помочь вам, красны девушки
Перья сбирать лебеди́ныя.
Все девки поклонилися,
Одна девушка не кла́няется.
Грозил парень красной девушке:
— Добро ж ты, красна девица,
Я тебя за себя возьму!
Станешь стоять у кроватушки,
Станешь ронять горючи слезы.
— Я думала, что не ты идешь,
Не ты идешь, не мне кланяешься.

СВЯТОЧНАЯ СУББОТКА

Рисунок А. Шохина (перо), 1843

На полях листа надписи: «Древний обычай жителей города Торопца. Святочная ночная субботка»; «Песню поют: „Дунай, Дунай, многолетно здравствуй со своей полюбовницей“»

Исторический музей, Москва

№ 16

В ДОМЕ У НАС ХОРОВОДНАЯ

Ой, по́д лесом под тёмным шелкова трава.
По той траве донской казак погуливает,
В звонча́тые гусе́люшки поигрывает,
Выбирает донской казак невесту себе.
Выходила красна девка, тонка́, высока́,
Тонёхонька, высо́конька, собой хороша.
Пойти было к суседушкам спросить про нее:
— Суседушки-голубушки, каков человек?
Суседушки-голубушки не хвалят ее.
— Спасибо вам, суседушки, что не женили вы меня!
Ой, под лесом под темным шелко́вая трава.
По той траве донской казак погуливает,
В звончатые гуселюшки поигрывает,
Выбирает донской казак невесту себе.
Выходила красна девка, тонка, высока,
Тонехонька, высоконька, собой хороша.
Пойти было к суседушкам спросить про нее:
— Суседушки-голубушки, каков человек?
Суседушки-голубушки всхвалили ее.
— Спасибо вам, суседушки, что женили вы меня,
Приходите, суседушки, на свадьбу ко мне.
Пиво варил, вино курил, меды становил.

с. Ильинское, 1832, авг⟨уста⟩ 4

№ 17

ХОРОВОДНАЯ

Ох ты, милый друг, научи меня,
Научи меня, как домой прийти.
— Ты пойди домой широким двором.
— Мой широ́к терем растворён стоит,
А мой милый друг за столом сидит,
Гуся ру́шает, хлеба кушает,
Ох ты, хлеб да соль, ты, мой милый друг,
Хлеба кушати, молода жена.
Мой высок терём растворяется,
А мой милый друг подымается,
За шелко́ву плеть принимается.
Муж жену учил, муж угрюмую,
Муж угрюмую, нелюбовную.
Уж и тут я дружку не корилася,
Свекру-батюшке поклонилася:
— Свёкор-батюшка, отыми меня
От постылого, от негодного.
Свёкор-батюшка велит больно бить,
Свёкор-батюшка велит слушаться.
И тут я дружку не корилася,
Я свекровушке поклонилася:
— Свекровь-матушка, отыми меня
От негодного, от постылого.
Свекровь-матушка велит больно бить,
Свекровь-матушка велит слушаться

Уж и тут я дружку не корилася,
Деверьку-братцу поклонилася:
— Деверёк-братец, отыми меня,
Отыми меня от негодного,
30 От негодного, от постылого.
Деверёк-братец велит больно бить,
Деверёк-братец велит слушаться.
И тут я дружку не корилася,
И золовушке поклонилася:
— Ты, золовушка, отними меня
От негодного, от постылого.
Как золовушка сильно сердилась,
Отняла меня от негодного,
От негодного, от постылого.

с. Ильинское, 1832, июля 31

№ 18

Вдоль по улице репе́нь,
Вдоль по ши́рокой репе́нь,
Репень стелется-расстилается,
Расстилается, первивается.
Как по этому репню две сестрицы шли,
Они шли-прошли, становилися,
Становилися, споклонилися.
Что сестра-то сестре стала спрашивать:
— Каково тебе, сестрица, за старым жить?
10 — Мне за старым жить, только век дожить:
Не белиться мне, не румяниться
И мне черными чернилами не сурмливаться.
Вдоль по улице репень,
Вдоль по широкой репень,
Репень стелется-расстилается,
Расстилается, первивается.
Как по этому репью две сестрицы шли.
Они шли-прошли, становилися,
Становилися, поклонилися.
20 — Каково тебе, сестрица, за малым жить?
— Мне за малым жить, только век дожить:
Не белиться мне, не румяниться
И мне черными сурмилами не сурмливаться.
Вдоль по улице репень,
Вдоль по широкой репень,
Репень стелется-расстилается,
Расстилается, первивается.
Как по этому репню две сестрицы шли,
Они шли-прошли, становилися,
30 Становилися, поклонилися.
Что сестра-то сестре стала спрашивать:
— Каково тебе, сестрица, за ровней жить?
— Мне за ровней жить только ра́дучи:
И белиться мне, и румяниться,
И мне черными сурмилами сурмливаться.

с. Ильинское, 25 июля 1832

№ 19

Двóй кочéта пели,
Двой двух скрыпели.
Ко мне к молодéньке
Весточка приходи́ла:
Свекровь умирала.
Я по сéням ходила
И лакеев будила:
— Вы вставайте, вставайте,
Люди вéрны, лакеи!
Вы велите заложите
Водовозных кóней.
Покуда впрягают,
Набелюсь я, нарумянюсь,
Цвéтно платье надену.
Сколь я не мешкала,
Я живу свекровь застала,
В головах настоялась,
В ногах насиделась,
Во глаза нагляделась.
— Лютáя свекровка,
Ты чем подавилась?
Киселем подавилась,
Молоком захлебнулась.
Двое кочета пели и т. д.
Матушка умирала.
Я по сéням ходила,
Я лакеев будила:
— Вставайте, вставайте,
Слуги вéрны лакеи!
Велите впрягать
Вороных коней пару.
Покуда впрягают,
Середи я пути́ буду.
Я сколь ни спешила,
Матушку не застала,
В головах не сидела,
Во ногах не стояла,
Во глаза не глядела.

№ 20

На горе сосна расшаталася,
Я давно с милым не видалася,
Я увиделась — взрадовалася.
Мой-ат миленький он горазд-то был,
Он горазд-та был корабли снастить.
Корабли снастил, сам на них поплыл
Ко тому селу ко Архангельску,
Ко той ко деревне ко Ивановской.
Что в Ивановском мужики живут,
Мужики живут небогатые,
Мужики живут, бобыли слывут.
Там старушеньки — все барушеньки,
А молодушки — как воронушки,

ВЕЧЕРИНА У ЖЕНИХА

Рисунок А. Шохина (перо), 1843

На полях листа надписи: «Торопецкого уезда брачная вечерина в жениха; крестьянская»; «Дружка. Колдун пирогом колотит и песню поют: „Пошли нам, боженька, боже. свадьбу сыграть“»

Исторический музей, Москва

Красны девушки — ротозеюшки.
На горе сосна расшаталася, *и проч.*
Во тое деревню в Воронковскую
В Воронках-та мужички живуть,
Мужички живут все богатые,
А старушеньки — говорушеньки,
20 А молодушки — бел-лебёдушки,
Красны девушки — шелкошвеюшки.
Добры молодцы — всё извозчики.

Воронки, 1833. Август 26

№ 21

У голубя, у голубя золотая голова,
У голубки, у голубки позолоченая,
Чёрным шелком, чёрным шелком перестроченная
Алой лентой, алой лентой перевязанная,
Булавочкой, булавочкой прибураленная.
Дивовался, дивовался уж и Петр господин,
Уж и Петр господин, Петрович свет:
— Уж и взять ли, не взять ли Авдотьюшку,
Уж и взять ли, не взять ли Ивановну?
10 Я бы летом, я бы летом во колясочке катал,
Я зимою, я зимою я на лаковых санях,
Я на лаковых санях, на ямских лошадях.
Приударьте-ка, ребята, по ямским лошадям,
Чтоб шибче шли да Авдотьюшку везли,
Да Авдотьюшку везли, да Ивановну везли.

Воронки, 1833. Август 26

№ 22

— Научить ли тя, Ванюша,
Как ко мне ходить?
Ты не улицей ходи,
Не широкою гуляй —
Переулочками;
Не в калиточку скрыпи —
В подворотенку;
Ты не голосом кричи —
Соловьем свищи;
10 Чтобы я, красна девица,
Догадалася:
Со пиру бы, из беседы
Подымалася.
Скажу батюшке:
— Голова болит!
Скажу матушке,
Что я вся больна.
Я подруженькам скажу:
— Я гулять пойду.
20 Ко милу дружку прийду
Здоровехонька,
Веселехонька.

В⟨оронки⟩, 21 июня

№ 23

ХОРОВОДНАЯ

Возле речки Москва-речки,
Возле тихого Дунаю
Добрый мóлодец гуляеть;
Ничего девкам не скажет,
Только шляпою махаеть:
— Догадайся, догадайся,
Моя прежняя подружка,
Семёонова дочýшка.
Сама замуж захотела
За Ефимова Трофима.
Уж Ефимов-то Трофим
Горазд пó-лесу гуляти.
Перепелычек ловити.
Уж поймал он перепелку
Со руками, со ногами,
Со буйною головою,
Со русóю со косою,
Со деви́чьей красотою.

Воронки, 31 июля 1833

№ 24

Не беги, не беги,
Крáсна девица душа!
Естьли ты меня полюбишь,
Будешь счастливая:
Полюблю тебя душой,
Наделю тебя казной.
Кáжну нóченьку с обновкой
Буду, милая, ходить:
Я персидскими тафтам,
Я немецкими парчáм,
Я турецкими шаля́ми
Буду милую дарить.
На гулянье, на пиры
Буду милую водить,
Пляски-танцы и музы́ки
Будут радость веселить.
Красны мебели, кровати
На коврах будут стоять,
И на бархатной перине
Будешь, радость, почивать,
Тут к тебе я прилечу,
Тут тебя я обниму,
Тут тебя я расцелую,
Свою радость дорогую.
Сидит птица, сидит птица,
Сидит птица на дубу,
Кричит: «мать», кричит «мать»,
Кричит: «Мать твою люблю!»
А под дубом молодéнька
Красна девица сидит.
Потихоньку-полегоньку

Приближался молодец.
Увидела испужалась,
Побежала от его́.
Я за нею,— побежала
К суседке молодой,
Я достиг — она упала
Эдин ⟨?⟩ под пол головой.

№ 25

Денечик проходит,
Вечер наступает,
Заря потухает.
Мой милый гуляет,
За мной присылает,
И сам приезжает,
С коня не слезает,
Меня вызывает.
Я ли, молоденька,
10 Была торовата,
На звук выходила,
С милым говорила,
Про ево здоровье
Всё я распросила,
Про свое несчастье
Ему рассказала:
— Не велят ходити,
С тобой говорити,
С тобой говорити,
20 Тебя любити.
Всплеснул мил руками,
Залился слезами:
— Какой я несчастный
На свете родился,
В несчастну влюбился.

№ 26

На коня парень садится,
Девка шляпу подает,
Калина моя!
Малина моя!
Девка шляпу падает,
Все наказывает:
Калина *и пр.*
— Ты поедешь во деревню
Не заглядывайся!
10 Калина *и пр.*
На хороших, на пригожих,
Не засматривайся!
Калина *и пр.*
Что хорошие, пригожи
Тебя высушили.
Калина *и пр.*
Тебя высушили,
Меня сокрушили.
Калина *и пр.*

20 На дворе-то черна грязь —
Стары бабы у нас.
Калина *и пр.*
В огороде-то капуста —
То молодушки у нас.
Душа аленький цветочик —
Красны девушки у нас.
А гнилая-то солома —
Удалые молодцы.
На гнилую-то солому
30 Да и честь пришла:
Что гнилая-то солома
Нынче женится,
Душа аленький цветочик
За него замуж идет.
Что гнилая-то солома
На кроватушке лежит,
Душа аленький цветочик
У кровати стоит.
Как гнилая-то солома
40 Поворотится,
Душа аленький цветочик
Поклонится:
— Государь, прости,
На кровать пусти!
— Я тогда пущу,
Когда плеть сыщу, *2*
Шкуры две спущу.
— Хоть и три спусти,
На кровать пусти.

Воронки, 17 июля 1833

№ 27

Сиз голубчик, душа мой
Молодчик молодой!
Жаль расстаться мне с тобой,
Жаль расстаться, распрощаться.
Мил, навеки от тебя
Уйду в темные леса;
Уйду в темны, во дремучи,
Где мой миленький гулял,
Где приятно целовал,
10 Разлапушкой называл:
— Разлапушка, девушка,
Белая лебёдушка,
Тошнехонько без тебя!
Растерзаю грусть- оску,
Во зеленый сад пойду,
Со травы цветов нарву,
Венок мил му навью,
Венок милому навью,
На головку положу.

17 июля, Алёна, из Петровскаго 1831

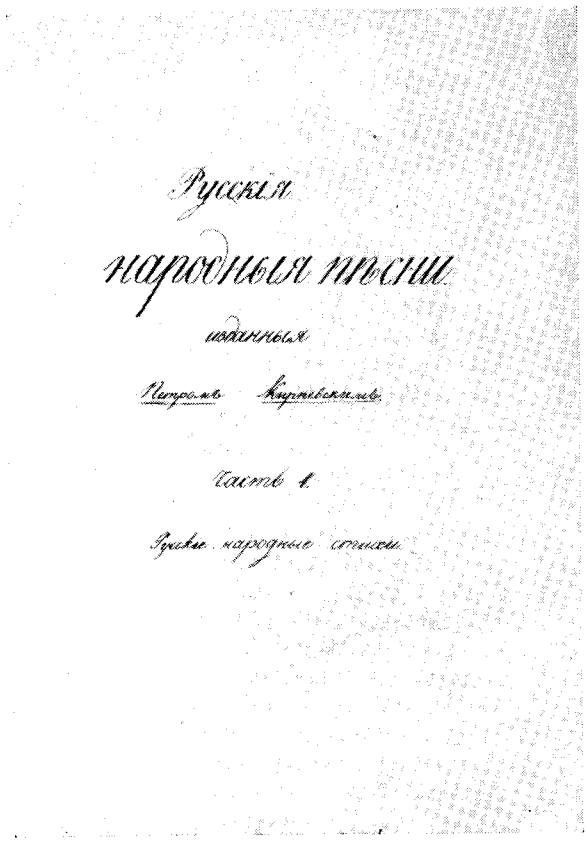
№ 28

Чернобровый, черноглазый, молодец душа хороший!
Вложил мысли в мое сердце — не могу забыти!
Не могу дружка забыти, стану-буду говорити.
Пресчастливая дорожка, куда миленький задумал!
Как задумал, моя радость, в иной дальний городочик,
В иной дальний городочик, в славный Бронницкий ямочик,
В славный Бронницкий ямочик, на почтовый на дворочик.
Что на этом на дворочке летал сизый голубочик,
Он летает и воркует, голубушку ищет:
10 — Ох вы, сваты, бронницки ребята, не видали ль голубки?
Что моя сизая голубка всем добрым людям приметна:
Через пёрушки рябеньки, со головушки гладенька,
Со головушки гладенька, с ясных очей веселенька!
Полетела моя голубка что на синее на море,
Что садилася моя голубка на горючий белый камень,
Умывалася сизая голубка славной невской водой,
Утиралася сизая голубка своей русою косою.
Полетела сизая голубка зеленый в садочик,
Что садилася сизая голубка на частую на рябину.
20 Стой, рябинушка, не шатайся! Стой, девушка, не печалься!
Если будет тебе скучно, пиши ко мне письма.
Я писать-то, девушка, не умела, вора-писаря не смела,
Хоть и писаря я смела, родного батюшки боюся,
Родного батюшки боюся, родной матушки стыжуся.

Новгород, 10 сент⟨ября⟩ 1834, Фёкла

№ 29

Грушица, грушица моя,
Грушица зелена садова,
Что ты не рано расцвела?
Или на тя дождичка не шло,
Или морозы убили,
Или студеная зима?
Под грушею светлица стоит,
Во светлице де́вица сидит,
Во слезах она речи говорит:
10 — Сядь, сонце, за́ лес, не свети,
Полно глаза мои печи́,
Полно ли из глаз слезам течи́.
Со́ горя с кручины молода
Пойду в зеленый сад гулять,
Нарву я со травоньки цветов,
Совью на головушку венок,
Другой на правую руку́,
Пойду с ним на речку, на реку́,
Стану я на кру́том берегу́,
20 Брошу веночик на́ воду.
Тонет ли не тонет ли венок,
Помнит ли не помнит ли дружок.
Вижу, мой веночик потонул,
Знать, меня милый помянул,
Знать, что я ми́лому мила
Знать, я на свете дорога!


Русскія
народныя пѣсни
изданныя
Петромъ Киреевскимъ
Часть 1.
Русскіе народные стихи

СБОРНИК ПЕСЕН, ПОДГОТОВЛЕННЫЙ К ПЕЧАТИ П. В. КИРЕЕВСКИМ
Рукописная копия из архива Языковых, 1845
Титульный лист
«Дворец книги», г. Ульяновск

№ 30

Ой молодость, молодость, девичья красота,
Ой люли, ой люли.
Чем мне тебя, молодость, при старости вспомянуть?
Вспомяну тебя, молодость, тоскою-кручиною,
Тоскою-кручиною, печалью великою.
Пойду, млада, по воду с ушатами-ведрами,
С ушатами-ведрами, с дубовыми веслами.
Ведра пущу под гору, сама взойду нá гору,
Сама взойду нá гору, раскинуся яблонью,
10 Яблонью кудрявою да грушей зеленою.
Тут ехали господá семидесять городá,
Срубили ту яблоньку по сам был корешок;
Тесали из яблоньки доски тонки, дóлги,
Делали из яблоньки гусли, гусли звонки.
Кому в гусли поиграть, под гуслями поплясать?
Играть было мóлодцу, плясать было девице.

с. Ильинское, 1831

№ 31

Сватался вор Яшка
Семь лет по Устиньи,
Наряжался вор Яшка
Во девичье платье,
Выходил же вор Яшка
На улицу гуляти,
В хороводе плясати,
— Вы, девушки-подружки,
Сходите за Устиньей.
На ту́ пору Устинья
Скорехонько соряжалась,
На улицу выходила,
В короводе плясала.
Схватил же вор Яшка
За русую ко́су.
— Ты, девушка Устинья,
Пойдешь ли за меня замуж?
— Либо пойду, либо нету,
Либо я постригуся.
Вы, девушки-подружки,
Скажите моей мати,
Искала бы меня мати
Во Марьиной роще
Под красной под сосной.
Я кровью венчалась,
Ножом обручалась.

№ 32

ПРОТЯЖНАЯ

Пойду в полюшко гулять,
Чёрну бы́линьку заламывать,
Я серы́х гусей заганивать:
— Ти́го, гуси, ти́го, гуси, ти́го, серые,
Уж и вы ль, гуси, наплавалися,
Я, на вас глядя, наплакалася.
Погоню ли я гусей на росу́,
Мне навстречу офицер молодой.
— Офицер, офицер молодой,
Не хватай меня за белое лицо:
Мое личико разгаристо,
Разгорится, не у́ймется,
Прийду домой, догадаются,
С чего лицо разгорается:
Либо с винца, либо с по́лпивца,
Либо с сладких пряничков,
С орешков, одних ядрушков.

Прибавляют: «Сладка водочка анисовая, у меня ⟨*1 нрзбр.*⟩ расписанная».

с. Ильинское, 1832, 25 июля

№ 33

Я по́ лугу похаживала,
Гусей-лебедей заманивала:
— Тиго, гуси, тиго, серые, домой

Вы, чать, гуси, наплавалися,
А я, хо́дючи, наплакалася.
Живучи я на чужой стороне
У чужова отца-матери,
Изжила я свово милого дружка,
Нажила я себе мужа-дурака.
10 Ах, он матушка, дурак, совсем дурак,
Сударыня, дурацкий сын,
От дурачества в солдаты он пошел,
С половины пути письмецо прислал,
Во письме прислал червонец золотой:
— Ах ты, душечка, жена молода,
Заплати, жена, долги за меня,
На остаток сладкой водочки купи,
Созови ты всех друзьев, братьев моих,
Всех друзьев, братьев, товарищев,
20 Напой их пьяна до́пьяна.
Помяни ты меня, мужа-дурака.

№ 34

Ах ты, матушка родимая,
Начто на́ горе родила,
Зачем, глупого, женила?
Жена шельма невзлюбила,
Со кроватушки столкнула.
Я пойду пожить на Волгу
На легкую на работу,
На легкую на работу,
На легкую струговую.
10 Куплю рыбий гребешечик,
Сяду я под окошко,
Стану голову чесати,
Я оческу клал на окошко,
Со восточной сторонки
Подымались буйны ветры,
Уносили русы кудри
Вниз по матушке по Волге.
Выходила молодица
С новым кубом по водицу,
20 Размахнула, почерпнула,
Русы кудри зачерпнула,
Зачерпнумши, говорила:
— Эти ли кудерцы
За одним столом сидели,
Под одним венцом стояли,
Закон божий принимали?

№ 35

Девка по́ двору ходила,
Рукавом девка махала,
О, о охохо охохо *и т. д.*
К себе милого ждала
Не просто́го, холосто́го,

Казаченьку молодо́го,
Что майора полевого.
Майор по торгу гулял,
Закупочки закупал,
10 Пистолеты заряжал,
За Неву-реку стрелял
В мужика-то бобыля
Ни скота нет, ни двора,
Ни живота, ни кола,
Один серенький коток,
На нем аленький платок.
Как повадился коток
Во слободку на краёк,
Ко барыне, ко вдове,
20 Ко сержан⟨т⟩ской жене.
Увидали-то кота
Два сержанта из окна,
Они хлопнули окном,
Побежали за котом,
— Ох ты, котинька-коток,
Котик, серенький хвосток,
Полна, котинька, ходить,
Полна, серенький, дурить.
— Таки буду дурить.
30 Таки стану ходить,
Таки буду дурить.
— Потерять тебе, коток,
С шейки аленький платок.
— Таки буду ходить,
Буду только шалить.

Воронки, 1833, сентября 2

№ 36

Против солнца на восхо́де
Монастырь в роще стоял.
В тем монастыре ма́ла ке́лейка,
Во ке́лейке мона́шенко спасается,
По́ утрам он каждый день напивается.
Как в колкол зазвонят, а чернец пройдет в кабак
Чернец рясу пропивает,
Коблук в заклад дает.
Целовальник не берет,
10 Целовальник не примает,
Чернеца в шею толкает:
— Поди вон ты, кавалер,
Казначей пить не велел,
Поди в келейку, пора,
Запрут скоро ворота.
— Чем мне в келейку идти,
Лучше в рощицу зайти.
Девки в роще грибы брали,
Чернеца в глаз не видали,
20 Доходили до конца, увидали чернеца.
Стоит чернец на тропе

Во высоким коблуке.
Девки песенку запели,
Чернецу плясать велели.
Стал же наш черне́ченько похаживати,
С ноги на ногу, моло́денький, попрядывати,
Про свое житье монашенско рассказывати.
Не живи в свете — тошнее молодому в старцах быть,
Не велят мне, молодому, во царев кабак ходить,
Зелено́е вино пить, красных девушек любить.

№ 37

Во лугах, лугах, лугах, во зелёныих лугах
Там ходила, там гуляла тёлка беленькая,
Телка беленькая, вымя черненькое.
Как увидел эту телку игумен из окна,
Посылает, снаряжает свово рыжего дьячка:
Ты поди, моя слуга, приведи телку сюда,
Не хватай за бока́, не попорть молока.
К молоку телка добра, к маслу выгодна,
Ухвати за рога, приведи телку сюда.
Эта телочка по келейке похаживает,
А игумен-ат на телочку поглядывает.
Посажу телку — сидит, положу телку — лежит,
Положу телку — лежит, у ней вымечко дрожит,
Ножки ко́рчатся, глазки мо́рщатся.
Скину, скину каблучок, подвалюся под бочок.

Воронки, 7 авг⟨уста⟩ 1833

№ 38

Стенька Чувашенин по́ лесу гулял
Ай, ай, ай, ай,
Залым, залым,
Залым тухталым.
По́ лесу гулял, лубочки сымал
Ай, ай — *и проч.*
Лубочки сымал, сани загибал,
Сани загибал, муки насыпал,
Муки насыпал, на базар тащил,
На базар тащил, муки продавал,
Муки продавал, много деньга брал,
Много деньга брал, в мешок деньга клал,
В мешок деньга клал, некто деньга крал.
Приехал домой, бачкам-то сказал.
Бачкам-то плачет, мачкам-то скажет,
Мачкам-то плачет, жёнкам-то скажет,
Жёнкам-то плачет, робёнкам скажет,
Робёнкам плачет, калача просит.
Кабы деньга был, калач бы купил.

№ 39

Что у нас в поле за пыль пылит,
Пыль пылит и война стоит?
Там огни горят, русских полонят.
Доставалась теща зятюшке.
Он привел тещу к широку́ дворý:
— Ты встречай, жена, встречай, барыня,
Я привел тебе бабу старую,
Бабу старую, полонёную.
Ты заставь ее трех дел делати:
10 Ру́ченьками бел кудель прясти,
Гла́зоньками гусей пасти,
Ноженьками дитя качать.
Качает дитя, прибаюкивает:
— Ты баю-баю, дитя милое,
Ты по батюшке роду турского,
А по матушке роду русского.
Твоя-то мать моя дочь родна,
Полонили ее девяти годов,
Девяти годов по десятому.
20 Услыхали ее няньки-мамушки,
Прибежали они к своей барыне:
— Ах ты, барыня, наша сударыня,
Что говорит баба старая.
Качает дитя прибаюкивает:
«Ты баю-баю, дитя милое,
Ты по батюшке роду турского,
Ты по матушке роду русского.
Твоя-то мать моя дочь родна,
Полонили ее девяти годов,
30 Девяти годов по десятому».
— Государыня моя, матушка!
Вот тебе золоты ключи,
Отпирай кованы ларцы,
Ты бери казны сколько надобно,
Ты поди, мати, в святую Русь.

№ 40

Не шуми, мати зелена дубровушка,
Не мешай мне, молодчику, думу думати!
Заутра мне, молодчику, допрос будет:
Государь-ат меня батюшка будет спрашивать,
Из уму меня, молодчика, все будет выпытывать:
— Ты скажи, скажи, удаленький добрый молодец,
И ты где же воровал, ты куда добро девал?
— Воровал-то я на Троицкой на дороженьке,
А притон я держал в роще Марьиной,
10 Добро-то я носил к красной девице.
— Уж и где эта красная девица?
— Уж и этой красной девицы давно в живе нет.
— Много ли вас было товарищей?
— Товарищей было нас семеро:
Первый-ат товарищ — ночка темная,
Другой-ат товарищ был конь-добра лошадь,

«РУССКАЯ ПЕСНЯ»
Лубок (гравюра на меди). Москва, 1851
Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

Третий-ат товарищ был пистолет с ружьем,
Четвертый товарищ был булатный нож,
Пятый-ат товарищ был дубинушка толстая,
Шестой-ат товарищ был сабля вострая,
Седьмой-ат товарищ был сам я, молодец.
— Горазд ты, детинушка, воровать,
Горазд ты, детинушка, и ответ держать.

Воронки, авг⟨уст⟩ 1833

№ 41

Как по Питерской по дороженьке
Пишет миленький ко мне грáмотку,
Ко мне грáмотку, весть нерадостну:
— Не сиди, Дуняша, поздно вечером,
Поздно вечером под окошечком,
Ты не жги, не жги свечи сальныя,
Свечи сальныя воску ярого.
Ты не жди в гости дорога гостя,
Дорога гостя, дружка милого.

10 Я не гость прийду, не гоститель твой,
Я пришел к тебе, Дунюшка, спроситися,
Твоей милости доложитися,
Ты позволишь ли мне женитися?
— Ты женись-женись, разбессовестный,
Ты возьми-возьми соседку свою,
Соседку свою, подружку мою,
Подружку мою задушевную.
— Мне подружку взять, будешь гнев держать
Уж мне взять ли не взять ли самоё тебя,
20 Самоё тебя, Дуню милую.

Воронки, 29 июля 1833 г.

№ 42

Уж как строил мне батюшка высок терём
Со серебряными переходами,
Что с теми с залачёными,
А лиха-злая мачеха
Она строит мне келью новую
Из того лесу кленового.
Уж шьет же мне батюшка
Под венец платье цветное,
А лиха-злая мачеха
10 Шьет мне платье черное.
Уж как льет же мне батюшка
Золот перстень с бралиантами, —
Уж как тем перстнем обручатися.
А лиха-злая мачеха
Она льет вострыя ножницы, —
Уж мне теми ножницами постригатися.
Уж поехал-то мой батюшка
За молодым за князевичем,
А лиха-злая мачеха
20 За старой за игуменьёй.
Уж я ль, красна девушка,
Я пойду разгуляюся
По тем полям по чистыим,
По лугам по зеленыим,
По лесам по дремучиим.
А я по лесу хожу,
Тень мне алеется,
А я по полю хожу,
Тень мне всё белеется,
30 А по лугам-то я хожу,
Тень мне всё чернеется.
Уж, знать же, мне, девушке,
Постриженой быть,
Посхимницей слыть.
Уж пойду ли я, красна девушка,
Во свой нов высок терём,
Погляжу я в окошечко
Уж на тоё дорогу широкую:
Нейдет ли мой батюшка
40 С молодым со князевичем?
Уж нету, нету мово батюшки

А уж идет злая мачеха
Со старой со игуменьей:
— Ты, дитё ль мое, дитятко!
Ты дитё ль мое, чадо милое!
Ты садись на золотой стул,
На золотой стул постригатися,
— Государыня родная матушка!
Уж ты дай же мне, матушка,
50 Белильцы смыть,
Белильцы смыть,
Румяньчики стереть.
— Смоешь, мое дитятко,
Горючми слезми,
Сотрешь румяницу
Черной рясой своей.
— Матушка родная!
Дай с подружками прощусь.
— Простись, мое дитятко,
60 Заочно с ними.—
Мимо моей келийки
Дорожка лежит,
По той по дороженьке
Батюшка шел
С молодым со князевичем.
Становились они,
На мою келью любовались:
— Чтой-то за кельинка новехонька?
Чтой-то пострижена старочка молодехонька?
70 Не мое ли это дитятко,
Не мое ли чадо милое?
— Батюшко родной!
Зайди в келийку ко мне к одной,
Молодого-то князя по дорожке домой.

70-лет⟨няя⟩ стар⟨ая⟩ моск⟨овская⟩ мещ⟨анка⟩

№ 43

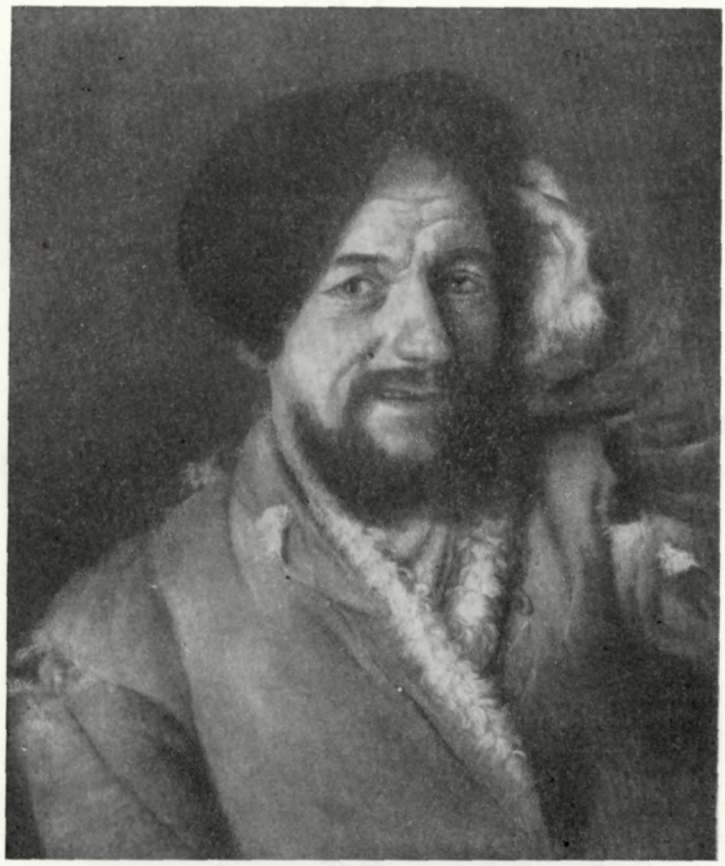
Вянет-вянет в поле травка,
Засыхает корешок,
Что завяла и заблёкла,
Да не может отдохнуть;
Когда дождичком помочит,
Вся травушка отдохнёт.
Было время совыканья,
Когда мил меня ласкал,
А нонеча перменилося:
10 Он не мыслит обо мне.
Сколько вздохов я вздыхала,
Мой миленький не слыхал!
Сколько слез я проливала,
Мой миленький не видал!
Пойду с горя в лес дремучий,
Разгуляюсь, молода.
Ничего в лесу не видно,
Ничего и не слыхать,
Только видно было, слышно

Одно стадо лебедей;
Все лебедушки попарно,
А мне, младой, пары нет!
Я по садику гуляла,
Злы коренья копала,
Накопавши злых кореньев,
На Дунай-реку пошла;
И я мыла злы коренья
Бело-набело я их,
Я сушила злы коренья,
Сухо-насухо я их,
Я молола злы коренья
Мелко-намелко я их,
Я варила злы коренья
В меду, в патоке я их.
Наварёмши злых кореньев,
За милым дружком пошла;
Я сажала размилова
За дубовый стол его,
Подносила я милому
Стакан патоки ему;
Поднесёмши я милому,
Стала спрашивать его:
— Ты скажи, скажи, любезный,
Что на сердце на твоем?
— На моем ли на сердечке
Словно камышек лежит!
Ты умела, размилая,
К себе в гости залучить,
Ты умела, размилая,
Сладким медом напоить,
Ты умей, моя милая,
Тело бело схоронить!
Схорони, моя милая,
Промеж трёх больших дорог:
Промеж Киевской, Московской,
Промеж Питерской большой.—
Как по Питерской дорожке
Мово милого несут.

Воронки, 21 июля

№ 44

Хорошо тому на свете жить,
У кого нету стыда в глазах,
Нет стыда в глазах, ни совести:
Нет у мо́лодца заботушки,
В ретиво́м сердце зазнобушки!
Зазнобил меня любезный друг,
Зазнобил, сердце повысушил;
Без красно́ва солнца высушил,
Без морозу сердце вызнобил.
Я сама дружка повысушу!
Не зелья́ми, не кореньями,
Без морозу сердце вызноблю,
Без красно́ва солнца высушу,



КАЛУЖСКИЙ КРЕСТЬЯНИН

Портрет работы художника-самоучки Щелачилина (масло), 1843

Литературный музей, Москва

На обороте надпись: «Картина сия, изображающая крестьянина, масляными красками рисована с натуры государственным крестьянином ⟨...⟩ Щелачилиным без малейшего постороннего указания ⟨...⟩ под наблюдением членов Совета калужской гимназии, в чем члены оного совета подписом ему свидетельствуют. Декабря ⟨...⟩ 1843 года». Далее следуют подписи попечителя гимназии, инспектора и преподавателей

Схороню тебя, мой ми́ленький,
В зеленом саду под грушею;
Я сама сяду, послушаю,
Не стонет ли мать-сыра земля,
Не раскрывается гробова́ доска,
Не встает ли мой сердечный друг.
Зарости, моя могилушка,
Ты травушкою, муравушкой!
Не доставайся, мой любезный друг,
Ни девушкам, ни молодушкам,
Ни своей курве-полюбовнице!
Ты достанься, мой любезный друг,
Сырой земле, гробово́й доске.

Воронки, 1833, августа 10

№ 45

Голубчик, голубчик, голубь сизенький,
Голубь сизенький, сизокрыленький!
Что ты, голубчик, не весел сидишь,
Не весел сидишь и не радостен?
— Чему веселиться-радоваться?
Вечор у меня голубка была,
Голубка была, со мной сидела,
Крылом обняла, другим прижала.
Поутру я слышу, голубушки нет,
10 Убита лежит, подстреленная.
Убил-застрелил купеческий сын:
Охотничек был, с ружьецом ходил,
Ружьи́це нажал ⟨?⟩, — в голубку попал
Под право крыло в сердце ретиво.
— Молодчик, молодчик молоденький!
Что ты, молодчик, не весел сидишь?
— Чему веселиться-радоваться?
Вечор у меня Машенька была,
Со мной сидела, рукой обняла,
20 Рукой обняла, другой прижала.
Поутру я слышу: помолвлена,
Помолвлена и замуж идет.
Не то мне досадно, что замуж идет,
А то мне досадно — товарищ берет.
Поблизу живет он, двор обо двор,
Он двор обо двор, забор об забор,
Забор об забор, калитка на двор.

№ 46

И я батюшке говорила,
Света свово как проси́ла:
— Не отдавай меня, батюшка, замуж,
Ты не льстись, государь, на богатство,
Не с богатством мне жить — с человеком,
Не с высокими хоромами — с советом.
Богатство у свекора в сусе́ке,
Золотая казна в кабинете.
Придет моя лада домо́ю,
10 Она велит себя разувати.
Я за сапог, а он в щеку,
Я за другой, а он в другую.
Отвернусь, молода, сама плачу:
— Никак-то, каналья взбесился,
Что на мне, молоденьке, женился.

№ 47

Ох вы, кумушки-голубушки, подружки мои
Вы которому святителю молилися,
Что у вас-то мужья молодые?
У меня ли, у младеньки, старичище.
Не пущает старичище на игрище.
Я уходом от старого уходила,
Под полою цветно платье уносила.

У суседа во беседе снарядилась.
Я немножко-маленько поиграла,
10 И я с вечера до бела дня прогуляла.
Я не знаю, как старому появиться,
Подхожу я ко широкому подворью,
И я стук-стук под окошко,
И я бряк-бряк во колечко.
Что не лютые медведи заревели,
Не борзые кобели заскучали,
Уж и лезет старичище со печищи,
За собой тащит большу плетищу.
И я старому мужу взмолилась:
20 — Государь, старый муж, виновата,
И я впредь такова, сударь, не буду,
Я опять пойду гулять, к тебе, сударь, не буду.

Воронки, 31 июля 1833

№ 48

Я сижу, молода, возле реченьки,
Меня реченька утопить хочет.
Я сижу, молода, возле полымя,
Меня полымя обжечь хочет.
Я сижу, молода, возле милого,
Меня миленький журит-бранит.
Он журит-бранит и прибить хочет:
— Постригись ты, моя немилая!
Постригись, моя постылая!
10 На постриженье тебе дам сто рублей,
На посхименье — тысячу.
Я сострою тебе келью новую,
И я вырублю в келье три окошечка:
Уж как первое окошко во божью церковь,
А другое окошко во зелен ли сад,
А третье окошко на синё море.
Уж я в первое окошко погляжу, богу помолюсь,
А ⟨в⟩ другое погляжу, сердце взвеселю,
А в третье погляжу, слезами зальюсь.
20 Уж не мне, младой, спасатися,
Уж не младой душу спасти.

70-лет⟨няя⟩ стар⟨ая⟩ моск⟨овская⟩ мещ⟨анка⟩

№ 49

Знать, меня матушка в горе носила.
В горе носила, несча́стну роди́ла.
Отдала матушка не за мило́ва,
Не за милова, за посты́лова.
Хотела матушка часто езжати,
Часто езжати, подо́лгу гостити.
Лето проходит, матушки нету,
Друго проходит, сударыни нету,
Третье настало — матушка едет.
10 Встречу я матушку се́реди поля.
Се́реди поля, середи чисто́ва.
Тут меня матушка не узнава́ла
— Что это за баба, что за старуха?—

КРЕСТЬЯНКА
Рисунок А. А. Попова (карандаш), ноябрь 1860 г.
Третьяковская галерея, Москва

Подойду ближе, поклонюсь ниже:
— Я не баба, я не старуха,
Я твоя, матушка, милая дочка!
— Ах, мое дитятко, ах, мое мило!
Куды девалося белое тело?
Куды пропали алые румяны?
20 — Белое тело на шелковой плети!
Плетка свис⟨т⟩нет, слезы-то брызнут,
Слезы-то брызнут, румяна-то смоют.

№ 50

Ахти, горе привязалося,
Привязалось горе к красной де́вице.
Нигде от горя мне уходу нет,
Уходу нет, ухотоны ⟨?⟩ нет.
Я от горя во темны́ леса́,
А горе со мной с топором идет:

— Я темны леса повырублю,
Красну девицу на Русь выведу.
Ахти, горе привязалося,
Я от горя во камыш-траву́,
Горе за мной со косо́й идет:
— Я камыш-траву всеё выкошу,
Красну девицу на Русь выведу.
Ахти, горе привязалося,
Я от горя в быстру́ реку́,
А горе за мной со ведром идет:
— Я быстру реку всю высушу,
Красну девицу на Русь выведу.
Ахти, горе привязалося,
Я от горя во сыру́ зе́млю,
А горе за мной со лопатою.
Зарымши, горе насмеялося:
— Исполать тебе, красна девица,
Как умела ты горе мыкати.

№ 51

Пошли де́вицы во лу́зь гуляти,
Калину ломати, малину щипати.
Все девушки ягод набралися,
Одна девушка в лесу заплуталася.
Наехал на девицу Иван-дворянин.
— Стой, девица, ты стой, красная!
— Хочу я стою, хочу я не стою.
— Скажи, девица, какова ты роду.
— Хочу я скажу, хочу я не скажу.
Я, сударь, роду Сокольникова,
Было у батюшки девять сыновей,
Я, красна девица, десятая дочь,
Четыре брата государю служут,
Еще четыре во послах посланы,
Девятый брат соколо́м во́ поле.
Вскочил молодец схватил девицу:
— Ах, бог суди батюшку с матушкой,
Пущают деви́цу единую в лес.
Не я бы наехал, а мой товарищ,
Мой товарищ, лихой злой татарин.

№ 52

Как на горке, на горе
Стоял новой кабачок.
Во том новом кабаке
Пьет голой-ат горелку.
Богатые дивуют:
На что голой пирует?
— Не дивуйте, богачи,
Я свои деньги плачу.
Поверь, поверь, шинкарушка,
Поверь пива и вина,
Поверь вина на меру,
Пиши гроши на стену.

Когда стенку размелёшь,
Тогда грошики сберешь.
— Ах ты, милой мой пан,
Скидывай с себя жупан.
—Ах, на што тебе жупан?
У меня есть грошей жбан.
— Когда у тебя есть грошей жбан,
20 Возьми дочку за себя,
Возьми дочку, наймочку,
Прекрасную дамочку.
Во субботу взмолвили,
В воскресенье взвенчали.
Как ехали до венца,
Не молвили ни словца.
Приехали от венца,
Стали они пить, гулять,
По имени ее называть.
30 — Скажи, скажи милой пан,
Как по имени зовут?
— Из мещан я мещанин,
По прозванью Карпов сын.
— Скажи, скажи мила панья,
Как по имени зовут?
— Зовут меня Катерина,
По прозванью Карповна.
— Наша мати Богданья
Брата с сестрой взвенчала.
40 Еще бог меня сберег,
Что я с тобой спать не лег.

Мещане Рогож. ч⟨асти⟩

№ 53

Что на горке на горе, на высокой, на крутой,
На высокой, на крутой, стаял новый кобачок.
Уж во етом кабачке удалые вино пьют,
Удалые вино пьют, богатые дивуют.
— Не дивуйте, богачи, за всё деньги заплачу.
Во кармане гро́ша с два, разменяю да отдам.
Поверь, поверь, шинкарочка, поверь пивца и винца.
— Верю, верю, младой пан, на тебе есть синь кафтан,
На тебе есть синь кафтан, за тебя дочку отдам.
10 Я не дочку панночку, прелестную кралечку.
В субботушку молвили, в воскресенье ко венцу,
В воскресенье ко венцу, не сказалися отцу.
Приехали от венца, не сказали ни словца,
Не сказали ни словца, давай пивца и винца,
Давай пить и гулять, по имени называть:
— Скажи, скажи, младой пан, ⟨как⟩ по имени назвать?
— По имени дворянин, по прозванью Карпов сын.
— Скажи, скажи, панночка, как по имени зовут?
— Мое имя Катерина, по отечеству Карповна.
20 И брат сестру не узнал, за себя он замуж взял.
— Пойди, Катя, в монастырь, а я пойду в темный лес,
А пойду в темный лес, авось меня съест бес.

Воронки, 18 июля 1833

№ 54

Не соловушек по лесам летал —
Добрый молодец по Москве гулял,
По Москве гулял, тяжело вздыхал:
— Мне не жаль-то своей сторонушки,
Только жаль мне свово зелена́ сада.
Во садике есть три дѐревца:
Первое дѐревце — древо кипарисное,
Другое дѐревце — зелена груша,
Третье дѐревце — сладко вишенье.
10 Кипарисное древо — родимый мой батюшка,
Сладко вишенье — родимая матушка,
Зелена груша — молода жена,
Сучки-веточки — малы детушки.

Воронки, 1 августа 1833

№ 55

Мать сына поро́дила,
Отец сына не во́злюбил,
Ссылат сына с двора долой:
— Ты мне, сын, не надобен.

СЕМИК
Автолитография Л. С. Плахова, 1840-е годы
Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

Больша сестра коня вывела,
Серéдняя коня сéдлала,
Меньшá сестра плеть пóдала,
Подамши плеть, слово молвила:
— Когда, братец, домой будеши?
10 — Я тогда, сестры́, домой буду,
Как синё море всколыхается,
Бел-горюч камень наверьх всплывет,
На камешке кустик вы́растет,
На кустике соловей вспоет.
Синё море всколыхнулося,
Бел-горюч камень наверьх выплыл,
На камешке кустик вы́растал,
На кустике соловей воспел.
Пошли сестры́ брата искать.
20 Большá сестра — щукой в море.
Середняя — звездой в небо,
Меньша сестра — цветом в поле.
Больша сестра брата не нашла,
Середняя мельком видела,
Меньша сестра брата нашла
Под кустиком под ракитовым:
Убит лежит добрый молодец,
Белая грудь возрезана,
В черных кудрях мышь гнездо свила.

№ 56

Ну-тко сядемте, робята,
Посидимте, господа,
Споем песню про себя,
Мы не сами про себя,
Про лакейское житье.
Хорошо жить в⟨о⟩ лакеях
Во боярскием дворе,
Они подати не платят
И подушных не дают.
10 Ах вы, глупые крестьяне,
Вахлаки вы, мужики,
Кабы пожили вы с нами,
Обо всем бы вы узнали.
Господа наши такие,
Нерассу́дливы, благие:
Поутру нас будят рано,
Одеваться велят браво,
На работу гонят скоро,
Чтобы дело было споро.
20 Они есть не запрещают,
Всегда хлебом попрекают,
На работу им не ложно,
С нас и пот, как вода, льет,
Нас работушка неймет.
У нас праздники приходят,
Мы не смеем погулять:
Попроситься — не отпустят,
Так уйти — не смеем.

Мы дождемся вечера́,
30 Пойдем гулять, не спросясь,
Погуляем всеё ночь
До белыя до зари.
Мы подходим ко двору,
Сготовлено по кнуту.
Мы станем оправдаться,
Велят скоро раздеваться,
Рубашонки тащат с плеч,
Начинают больно сечь.
Хоша бита спина больно,
40 Да погуляно довольно.

№ 57

Во селе было Крашинском,
На дворе фабричном,
Молодец кросна́ сбирает,
Тяжело вздыхает,
На подножки наступает,
Слезно возрыдает.
Полотно-то то́нко, бе́ло,
А бердечко медно,
Полотно берды подводит,
10 Нитки подсекает,
Нитки, нитки подсекает,
Бли́зны натыкает.
Мастера приходили,
Бли́зны рассмотри́ли,
Молодца́ журили:
— Не пора ль тебе, молодчик,
Забывать сторонку,
Не пора ль тебе, удалый,
Покинуть девóньку.
20 — Сторонушку не забуду,
Девку не покину.
Мила́, как мне ми́ла
Роди́ма сторонка,
А еще того милее
Красная девóнька.
Потому она миле́нька,
Что ходит беле́нько:
Чулок белый, башмак красный,
Сарафан кумачный,
30 Рубашечка то́нка, бе́ла,
Вечóр только вздела.

Песни, записанные Киреевским, публикуются в следующем порядке: подблюдные *№ 1—8*, игровые *№ 9—20*, лирические-частые *№ 21—38*, лирические-протяжные, включая песни балладного и исторического характера, *№ 39—57*.

Записи Киреевского хранятся в ГИМ, ф. 56 (песни *1—23*, *25—26*, *28—36*, *38—40*, *42*, *45—57*) и в ЛБ, ф. 125. Песни, находящиеся в ЛБ, распределены по разным папкам: *№ 24* (п. 11, л. 2940), *27* (п. 19, л. 4765), *37* (п. 11, л. 2914), *41* (п. 5, л. 1894), *43* (п. 5, л. 1805), *44* (п. 6, л. 1908).

№ 1—4. Календарно-святочные песни, известны с XVIII в. См. Чулков, ч. I, № 61, 63, 64, 79. Символика первых трех песен связана с представлениями о бо-

гатстве и благополучии, символика четвертой песни предвещает девушке замужество. Фрагмент этой песни — *НС* № 1079. Во второй песне слово «корысть» означает прибыль, приобретение; фрагмент песни — там же, № 1089 (ст. 1-й написан в две строки).

№ 5. Календарная святочная. Символика — предвещание отъезда на чужбину (для девушки — замужество). Близкие вар.: *НС* № 1074, 1081. Ст. 1-й данного текста, очевидно, искажен: в публикации (№ 1081) он звучит иначе: «Сидит воробей на Белегороде». См. также Шейн, в. 1, № 1104.

№ 6. Колядка с традиционным зачином (два первых ст.), после которого идет случайный подбор слов и образов. Близких печатных вар. не найдено.

№ 7. Весенняя игровая. 2-й ст. встречается во многих коротеньких календарных «ивановских» песнях — обычно каждый раз с другим контекстом. Наиболее распространенное содержание — два голубя беседуют между собой о гулянье, на котором девушки встретятся с молодцами. См. Соб., т. IV, № 623—626; Лаговский, № 84 и др. Данный вар. дает иные образы и в печати неизвестен.

№ 8. Календарная, связываемая зачином — образами грозы — с весенними праздниками семика и троицы. Исполнялась во время завивания венков (*НС* № 1093; Соколов, № 12). После двух вступительных строк текст обычно варьируется, давая в каждой местности свои образы. Упоминание «села Языкова» и включение в текст образов величальной подблюдной поэзии (деньги, наряды, жемчуга и пр.), символизирующих богатство, придают данной записи импровизационный локальный характер. В этом вар. песня в печати не встречена.

№ 9—10. По типу напоминают «наборную» для сбора хоровода или для образования пары (при парных играх). Наличие величальных мотивов роднит текст *№ 10* с игровыми величальными «припевками», восхваляющими участников «вечорки».

№ 11. По типу близка к «наборным» игровым. Возможно, что последние семь ст. относятся уже непосредственно к хороводной игре, в процессе которой девушки, сначала набравшие молодцов себе в пары, затем выталкивали их из круга.

№ 12. Известная игровая песня аграрного цикла, к которой прибавлены ст. из других песен. В вар. (см. Шейн, в. 1, № 276; Соб., т. III, № 614; Всеволодский, стр. 115 и др.) после сходного начала идут текстовые расхождения.

№ 13. Игровая аграрного цикла с контаминацией игровых образов.

№ 14. Игровая (любовный цикл) с трехкратным варьированием при повторе основного сюжетного мотива. Редкая, в печатных сборниках не встречена. Перед текстом помета Бессонова: «Хороводная».

№ 15. Игровая (семейно-бытовой цикл), очень широко известная по многим устным и печатным вар. См. *НС* № 2891; Соб., т. II, № 245—256 и др. Данный текст по сравнению с другими записями укорочен. Судя по структуре и синтаксису, очевидно, запись сделана не во время пения, а с устной передачи.

№ 16. Известная игровая (семейно-бытовой цикл). Вар. и библ. см. Песни Печоры, № 283.

№ 17. Известная игровая (семейно-бытовой цикл). Чаще встречается с зачином «Как под белою под березою». Вар.: Соб., т. II, № 524, 525, 531—537; Всеволодский, № 644. Особенностью данной записи является концовка с мотивом защиты молодки от побоев мужа (за молодку вступается золовка).

№ 18. Известная игровая (семейно-бытовой цикл). Обычный зачин «Вдоль по улице репей». Вар.: *НС* № 2662; Можаровский, стр. 62, перепеч.: Соб., т. II, № 372. В тексте очевидная ошибка: в ст. 5, 17 и 28 должно стоять не «две» сестры, а «три», поскольку основной сюжетный мотив повторяется в песне, варьируясь не два, а три раза.

№ 19. По общему характеру и композиции — игровая (семейно-бытовой цикл). Редкая. Близких вар. в печати не найдено.

№ 20. Игровая. Противопоставление двух деревень друг другу с подчеркиванием недостатков одной и достоинств другой очень традиционно в народных шуточных и сатирических песнях. Как правило, подобные песни носят импровизационный характер.

№ 21. Очень широко известная лирическая-частая песня, в записях из многих районов. См. *НС* № 47, 681; Соб., т. III, № 304—318; Лаговский, № 107; Песни Печоры, № 81, и др. Имеет черты песен-величаний и в быту употребляется не только как плясовая, но и как игровая вечериночная «припевка».

№ 22. Очень популярная старая лирическая-частая песня, обычно употребляемая в быту в качестве плясовой. В разных записях имеет вар. зачинов. Данный зачин — наиболее традиционный. Вар.: Соб., т. IV, № 404—409. Публикуемый текст несколько укорочен.

№ 23. По ритму — типичная лирическая-частая с набором отдельных образов, характерных для плясовой лирики. Последние пять ст. совпадают с концовкой песни «Таня по полю ходила», известной в записях и публикациях с XVIII в. (см. Чулков, ч. I, № 155). В целом текст редкий, в основных печатных сборниках не встречается. В помете: «Воронки 31 июля 1833» явная описка: «июня».

№ 24. Лирическая-частая, известная по многим записям и публикациям дореволюционного и советского времени. См. Соб., т. IV, № 262—264. В записи Ефименко (стр. 71) имеется помета: «вечериночная». В зачине встречается вар. «Не беги, догоню,

красна девица душа». Начиная с 13-го ст. данный текст, очевидно, контаминируется с какой-то другой песней.

№ 25. Лирическая-частая, известная в записях с XVIII в., опубликована в ряде песенников 1790—1820-х годов. Переп.: Соб., т. V, № 542—547. Как правило, у всех текстов во второй половине расхождения друг с другом.

№ 26. Лирическая-частая типа плясовой с традиционными образами, характерными для этой разновидности народных песен. Перед текстом рукой Бессонова надписано: «Хороводная».

№ 27. Лирическая-частая типа плясовой. Отдельные традиционные образы подобраны на основе плясового ритма без стройной сюжетной схемы.

№ 28. Лирическая-частая типа плясовой с набором отдельных образов, встречающихся в различных плясовых. Как и в других подобных случаях, при отсутствии определенной сюжетной схемы носит импровизированный характер и не имеет точных соответствий в печатных изданиях.

№ 29. Лирическая-частая типа плясовой, известная в записях и публикациях в основном из районов Терской обл. Близкие вар. (более распространенные): Соб., т. IV, № 27—28. См. там же вар. № 25—26. Упоминание о гаданье на венках дает возможность связать исполнение данной песни с фольклором троицы и духова дня. В публикации «Терского сборника», в. 1, стр. 118, имеется указание: «поется в духов день».

№ 30. Издавна широко популярная лирическая-частая типа плясовой, известная в очень многих записях и публикациях. Вар. и библ. см.: Песни Печоры, № 214. Данный вар. по сравнению с другими известными текстами значительно сокращен.

№ 31. Песня по типу лирическая-частая. Старая, очень редкая. Известна по публикациям первой половины XIX в. (см. Древние русские стихотворения, служащие в дополнение к Кирше Данилову, собр. М. Сухановым. СПб., 1840; вар. переп.: Соб., т. I, № 171, с прим.: «сомнительная»). Данная запись дает укороченный текст.

№ 32. Очень широко и издавна известная лирическая-частая типа плясовых (возможно, исполнялась в хороводах с медленным напевом). Вар.: *НС* № 2926; Соб., т. II, № 49—56; Лаговский, № 111, и мн. др. Обычно все вар. имеют в последней части разночтения. Данный текст укорочен. В других текстах на месте неразобранного слова в примечании собирателя стоит слово «кровать».

№ 33. Зачин — первые пять ст.— вар. зачина предыдущей, после чего идет другой, малоизвестный текст. В такой контаминации текст в основных печатных сборниках не встречен.

№ 34. Лирическая-частая типа плясовых, в традиции бытовых песен о муже-недоростке. Вар. первой части текста — см. Соб., т. III, № 563—565. После ст. 10 стоял 11-й: «Стану голову чесати», зачеркнутый собирателем, очевидно как ошибочно вписанный раньше ст. «Сяду я под окошко».

№ 35. Лирическая-частая, контаминирующая отдельные традиционные образы плясовых и шуточных песен.

№ 36. Лирическая-частая, близкая к вар., записанным в Симбирской губ. Языковым (настоящ. том, № 47 и 48) и Д. А. Валуевым, а также к публикации Магнитского (№ 18). По содержанию приближается к игровым песням о чернеце, критикующем монастырскую жизнь.

№ 37. Лирическая-частая, типа антиклерикальных сатирических. Вар.— ИРЛИ, Р. V, колл. 216, № 1860; запись 1954 г. в Куйбышевской обл. от хора стариков, с более распространенным текстом.

№ 38. Лирическая-частая типа шуточных. См. Магнитский, стр. 78 (переп.: Соб., т. VII, № 429), в разделе «обыденных», с более длинным текстом и несколько иным припевом. Магнитский дает примечание: «Песня эта сочинена и поется крестьянкою села Беловолжского Натальей Савиной, муж коей ведет обширное знакомство с чувашами, часто навещающими его. Припев к песне — бессодержательный набор слов, созвучных с чувашскими». Текст редкий.

№ 39. Известная историческая баллада. Исследование и библ. см. «Исторические песни XIII—XVI вв.», тексты № 24—38, коммент., стр. 628—629. Данный вар. укорочен против обычного.

№ 40. Вар. лиро-эпической песни, цикл «удалых», имеющейся в записях и публикациях уже в XVIII в. См. Соб., т. VI, № 424—427, а также: Лопатин — Прокунин, стр. 164—170. Ср. записи Языковых, настоящ. том, № 1—5. Исследование близкого сюжета о царском «правеже», примыкающего к сюжету данной песни, см. «Исторические песни XIII—XVI вв.», стр. 672—673. Особенности данного вар.: 1) признание молодца в том, что он «держал притон», «носил добро красной девице», расспросы царя о ней; 2) действие приурочено к Москве, что придает песне локальный характер; 3) вм. традиционных «четырех товарищей» (ножа, коня, ночи, лука) молодец называет семерых помощников; 4) отсутствует обычная концовка о виселице, обещаемой молодцу царем. Возможно, что текст не закончен.

№ 41. Первые три ст. написаны Киреевским, остальное — неустановленным почерком. Лирическая-протяжная (любовный цикл), очень широко известная по множеству записей и печатных вар. Основные см. Соб., т. III, № 364—369. Обычный зачин

«Не сиди, Дуня, поздно вечером». В других записях имеется много разночтений в конце (героиня отчаивается, хочет покончить с собой, герои расстаются и др.). Данный текст представляет укороченный вар.

№ 42. Лирическая семейно-бытовая баллада. Редкая. Вар.: Соб., т. I, № 294—297. Исследование сюжета — Балашов, стр. 386. Данный текст длиннее и распространеннее других известных вар.

№ 43. Лирическая-протяжная (любовный цикл), контаминация двух песен: 1) начало — вар. известной протяжной песни «Сохнет травка без дождя»; 2) начиная со ст. 23 — известная протяжная балладного типа, имеющаяся в записи и публикации уже в XVIII в. (см. Чулков, ч. I, стр. 437, № 150). Более близкие вар. и библ.: Песни Печоры, № 23.

№ 44. Лирическая-протяжная (любовный цикл). Широко известна с устойчивым текстом. Вар.: Соб., т. V, № 225—232, записи из разных губерний.

№ 45. Лирическая-протяжная (любовный цикл), очень старая (известна в записи и публикации с XVIII в. См. Прач, № 18; Трутовский, ч. I, № 5, Собр. русских песен, 1792, № 11). Очевидно, городского происхождения. Обычный зачин: «Что ж ты, голубчик, невесел сидишь», совпадающий с зачином стихотворения Мерзлякова «Ах, что ж ты, голубчик, невесел сидишь». Вар.: *НС* № 1278, 1390, 1731, 1764, 2051; Соб., т. V, № 681—690, и мн. др.

№ 46. Лирическая-протяжная (семейно-бытовой цикл). Широко известная, бытующая и как свадебная (*НС* № 677, 1166), и как внеобрядовая (там же, № 1965, 2017, 2237, 2413, 2433; Соб., т. III, № 6—8, 14—18). Данный текст против других вар. укорочен.

№ 47. Лирическая-протяжная (семейно-бытовой цикл), очень популярная во многих районах и часто исполняемая при хождениях в хороводах (без драматургического разыгрывания). Перед текстом помета Бессонова: «Святочная». Вар.: Соб., т. II, № 433—438.

№ 48. Первые 11 ст.— лирическая-протяжная (семейно-бытовой цикл), приписываемая Евдокии Лопухиной, первой жене Петра I, насильственно постриженной им в монастырь. До 1917 г. считалась запретной. Известна на русском севере в районах старообрядческих поселений (по притокам реки Печоры). Вар. и библ. см.: Песни Печоры, № 64. Редкая. Начиная с 12-го ст. публикуемого текста — вар. фрагмента песни XVIII в. «Все люди живут как цветы цветут» (Песни Печоры, № 3). Два последние ст. настоящего текста — импровизация.

№ 49. Лирическая-протяжная (семейно-бытовой цикл). Один из полных, развитых текстов старой песни, известной уже в XVIII в. См. Соб., т. III, № 44—45.

№ 50. Вар. лиро-эпической песни о горе, преследующем человека. Сходное содержание и образы — см. Соб., т. I, № 440—448. Наиболее близкий вар.: запись Рыбникова из Олонецкой губ. (переп.: Соб., т. I, № 442). Редкая.

№ 51. Лирическая-протяжная типа баллады. В сюжете намечается сходство с былиной-балладой о Мих. Козарине (см. Балашов, тексты, стр. 187—192, исследование сюжета — стр. 399). Данный текст очень сокращен.

№ 52. Лирическая типа баллады. Редкая, вар. известно относительно немного. См. Варенцов, стр. 71—72; Магнитский, стр. 63 (переп.: Соб., т. I, № 292—293). Все известные вар. устойчивы и сходны между собой.

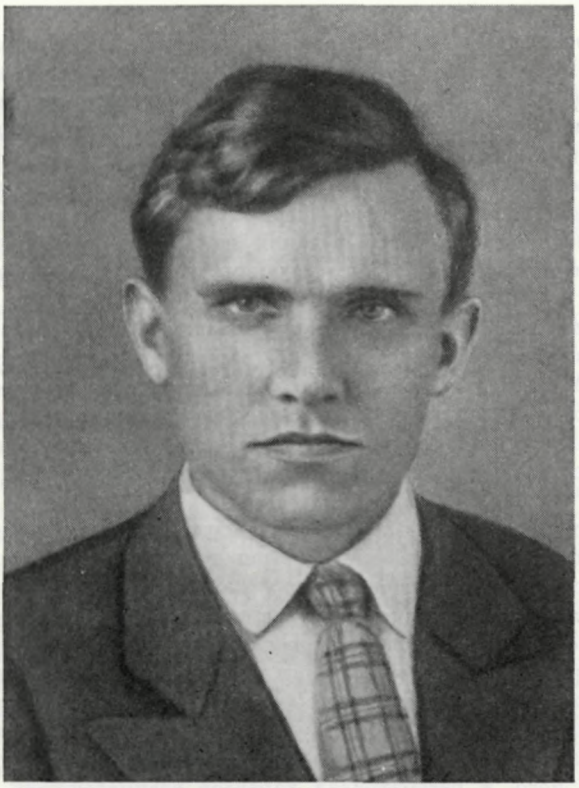
№ 53. Вар. предыдущей с несколько иными образами.

№ 54. Лирическая-протяжная (возможно — рекрутского цикла). Образы типичны для традиционных лирических и величальных песен. Редкая.

№ 55. Лирическая-протяжная (семейно-бытовой цикл), балладного характера. Редкая. Вар.: Соб., т. I, № 256—258. В данном тексте интересны ст. 15—18 (неисполнимые условия выполнены, но брат все-таки не вернулся, и сестры только после этого идут искать брата). Текст сжат, но строен по композиции.

№ 56. Антикрепостническая песня, сложена в среде дворовых. Вар.: *НС* № 2372. Настоящий текст более строен композиционно, чем опубликованный в *НС*.

№ 57. Лирическая (любовный цикл); тема фабричного труда, намечаемая в зачине, очень быстро растворяется в теме любовной лирики, поданной в традиционных образах крестьянского песенного фольклора. Однако упоминания о фабричном дворе, мастерах и работе молодца на полотняной мануфактуре позволяют считать данную песню одной из ранних записей фабричной поэзии.



ПЕТР ДМИТРИЕВИЧ УХОВ

НЕКРОЛОГ

Публикация архивных материалов в настоящем томе «Литературного наследства» связана с именем скончавшегося 9 декабря 1962 г. доцента филологического факультета Московского университета, талантливого и неутомимого исследователя русского народного творчества Петра Дмитриевича Ухова. Безвременная смерть в результате тяжелой продолжительной болезни постигла ученого в возрасте 48 лет, в полном расцвете творческих сил. Многие замыслы П. Д. Ухова в области избранной им науки остались незавершенными. Но и то, что он успел сделать в течение своего недолгого научного пути, очень значительно.

Научная деятельность П. Д. Ухова началась после Великой Отечественной войны, участником которой он был. Поступив в аспирантуру МГУ по кафедре фольклора, П. Д. Ухов в 1950 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Былины об Илье Муромце. (Опыт литературоведческого анализа)». С этих пор проблемы героического эпоса стали одной из магистральных линий в его научных изысканиях. Главным образом его интересовало изучение былинной поэтики, причем разработка ее всегда связывалась у него с важнейшими проблемами теории и истории фольклора. Таковы его работы «Из наблюдений над стилем сборника Кирши Данилова» и «Типические места (loci communes) как средство паспортизации былин». П. Д. Ухова привлекали также в исследовании былин отдельные спорные вопросы. Так, он снова обращался к изучению происхождения термина «былина» и убедительно аргументировал положение о народности этого термина в применении его к песенным эпическим произведениям; заново пересмотрел и версию о подлинности текста былины о гибели русских богатырей, записанной поэтом Л. А. Меем. Неразрешенный еще до конца вопрос о перво-

начальных намерениях П. Н. Рыбникова относительно принципов публикации его собрания привел П. Д. Ухова к внимательному изучению архива Рыбникова, в итоге чего удалось убедительно доказать, что Рыбников действительно намеревался (как о том глухо сообщил О. Ф. Миллер в четвертом томе первого издания «Песен») расположить былины в сборнике не по сюжетам, а по исполнителям и что редактор издания П. А. Бессонов нарушил эту волю собирателя. П. Д. Ухов вскрыл ряд недостатков первого издания, а также многие ошибки второго, что поставило неотложную задачу нового, подлинно научного издания замечательного собрания. Ценнейший материал для осуществления такого издания и подготовлен был разысканиями П. Д. Ухова.

В области былинного эпоса П. Д. Ухову принадлежат также содержательные обобщающие очерки в разных изданиях (Русское народное поэтическое творчество. Пособие для вузов. М., 1954; 2-е изд.— 1956; Эпос славянских народов. М., 1959). Им составлена антология «Былины» (1957), предназначенная главным образом для студентов, с вступительной статьей и обстоятельными комментариями. Он принял деятельное участие в составлении антологии для школьного возраста — «Русские народные былины» (1958).

Помимо былин, П. Д. Ухов обращался к изучению и некоторых других фольклорных жанров: он изучал композицию и стиль традиционных лирических песен, обращался к вопросу о времени возникновения жанра частушки. Он всегда был в гуще научной жизни, являлся постоянным участником фольклорных конференций и дискуссий, откликаясь на поднимавшиеся в фольклористике теоретические и конкретно-исторические споры. Когда в 1959 г. журнал «Вопросы литературы» открыл на страницах декабрьского номера обсуждение проблем современного фольклора, П. Д. Ухов выступил со статьей «Кто и как сочиняет частушки в советское время?», в которой решал вопрос, создаются ли частушки по законам индивидуального творчества или по законам фольклорного, и рассматривал характер взаимодействия коллективного и индивидуального в жанре частушки. На IV Международном съезде славистов П. Д. Ухов выступал в прениях по докладам и с сообщением о своих архивных разысканиях (см. кн.: IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. I. М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 496, 504—505, 522—523).

Архивные разыскания явились самой блестящей стороной научной деятельности П. Д. Ухова. После архива Рыбникова он обратился к изучению архивов, хранивших рукописное наследие выдающегося деятеля русской культуры, организатора собирания фольклора силами многих видных представителей русской литературы и филологической науки XIX в. — П. В. Киреевского. И тут, одни за другими последовали ценнейшие находки и открытия. Обнаружилось, что оба издания «Песен, собранных П. В. Киреевским»,— и старое, 1860 — 1870-х годов, и новое, первой четверти XX в., далеко не исчерпали всего замечательного Собрания. Наоборот, бóльшая часть его оказалась неизданной. К 1958 г. Уховым было уже выявлено более 3000 неизданных текстов, о чем он и сообщил на IV Международном съезде славистов. Среди выявленных имеются два текста, записанные А. С. Пушкиным (в копиях П. В. Киреевского) и ранее неизвестные, около 300 текстов в записях членов семьи Языковых, много записей Даля и Якушкина, записи Писемского, Мельникова-Печерского и др. Найдены были тетради с собственноручными записями Кольцова пятидесяти народных песен, из которых лишь несколько было ранее опубликовано. Теперь Кольцов предстал как один из крупнейших собирателей 1830-х годов. Замечательной находкой явилась обнаруженная в архиве художника А. А. Иванова тетрадь с украинскими думами и историческими песнями из коллекции Гоголя, видимо подготовленная им к печати. Интересны также архивные находки, уже не связанные с Собранием Киреевского, но обнаруженные Уховым попутно. В архиве П. А. Бессонова найдена им тетрадь известного собирателя начала XX в. А. В. Маркова с записями детского фольклора и два неизвестных письма И. С. Тургенева к Бессонову.

Последние годы своей жизни П. Д. Ухов упорно работал над изучением Собрания Киреевского. Разработка найденных материалов шла в двух основных планах. Во-первых, он выяснял принадлежность ряда записей определенным собирателям и

таким образом устанавливал сеть корреспондентов Киреевского и их помощников. На материале Собрания Ухов глубже разработал проблему атрибуции, и это составило основное содержание подготовленной им докторской диссертации, принятой в настоящее время к печати Московским университетом. Уховым были раскрыты организационные формы и основные этапы собирательской деятельности Киреевского, внесены решительные поправки в прежние представления о ней, в частности установлена большая роль разночинцев-демократов в собирании, а в подготовке Собрания к печати — огромная роль П. И. Якушкина и участие А. Н. Афанасьева, и вместе с этим вскрыты недостатки редакторской работы П. А. Бессонова. Во-вторых, П. Д. Уховым подготовлялась публикация ценнейших частей найденных писательских записей, но эту работу он не успел завершить (см. предисловие «От редакции»).

П. Д. Уховым систематически выпускались «Методические указания» по курсу русского народного творчества для студентов и филологов государственных университетов и педагогических институтов, создано специальное методическое пособие для студентов-заочников, составлялись и редактировались программы по русскому фольклору, выпускаемые Министерством высшей школы. Сам Ухов был превосходным лектором и организатором самостоятельных работ студентов, умевшим увлечь молодежь, заинтересовать содержанием и проблематикой народного поэтического творчества и науки о нем.

Знакомство с деятельностью П. Д. Ухова как исследователя и пропагандиста народного творчества вырисовывает перед нами образ ученого и педагога, глубоко, энтузиастически преданного науке, горячо любящего народ и его творчество, проявившего изумительное трудолюбие, работоспособность и настойчивость в своих научных поисках. Все это обусловило создание Уховым всего лишь за двенадцать лет многих работ, явившихся ценным вкладом в советскую филологию и культуру.

Некрологи, которыми научная общественность откликнулась на тяжелую потерю *, полны глубочайшего уважения к Петру Дмитриевичу Ухову и горячей признательности за его труды.

А. М. Астахова

СПИСОК ТРУДОВ П. Д. УХОВА

1. Былины об Илье Муромце. (Опыт литературоведческого анализа). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук. М., 1950. 12 стр. (МГУ).

2. К истории термина «былина».— «Вестник МГУ», 1953, № 4 (Серия общественных наук, в. 2), стр. 129—135.

3. Былины.— В кн.: «Русское народное поэтическое творчество. Пособие для вузов». М., Учпедгиз, 1954, стр. 257—291. 2-е изд.— 1956, стр. 324—366.

4. Из наблюдений над стилем сборника Кирши Данилова.— В кн.: «Русский фольклор. Материалы и исследования», I. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 97—115.

5. В. Я. Пропп. Русский героический эпос. ⟨Рецензия.⟩ — «Сов. этнография», 1956, № 2, стр. 147—150.

6. Былины. М., изд-во МГУ, 1957. 515 стр. ⟨составление и вступ. статья⟩.

7. О типических местах (loci communes) в русских народных традиционных песнях.— «Вестник МГУ», 1957, Историко-филол. серия, № 1, стр. 94—103.

8. Типические места (loci communes) как средство паспортизации былин.— В кн.: «Русский фольклор. Материалы и исследования», II. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 129—154.

9. Забытые тексты былин середины XIX века.— «Вестник МГУ», 1958, № 1, стр. 159—167.

10. А. Кольцов — собиратель народных песен.— «Подъем» (Воронеж), 1958, № 6, стр. 90—100.

11. Найдены тексты 2000 народных песен.— «Литература и жизнь», 1958, № 13, 7 мая.

12. Неизвестные материалы из собрания П. В. Киреевского. М., Изд-во АН СССР, 1958. 24 стр.

* «Литературная газета», 11 декабря 1962 г.; «Научные доклады Высшей школы. Филологические науки», 1963, № 2; «Вестник МГУ. Филология, журналистика», 1963, № 2; «Известия АН СССР. Отд-ние литературы и языка», 1963, т. XXII, в. 3; «Советская этнография», 1963, № 3.

13. О подлинности текста былины, записанной Меем.— «Филологические науки», 1958, № 1, стр. 86—89.

14. Постоянные эпитеты в былинах как средство типизации и создания образа.— В кн.: «Основные проблемы эпоса восточных славян». М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 158—171.

15. Русские народные былины. М., Детгиз, 1958. 318 стр. ⟨прим. и вступ. статья⟩.

16. Ценная находка. (Записи народных песен, сделанные А. В. Кольцовым).— «Комсомольская правда», 1958, № 58, 9 марта.

17. Н. В. Гоголь — собиратель дум и украинских исторических песен.— «Известия АН СССР, Отд-ние литературы и языка», 1959, т. XVIII, в. 1, стр. 27—39.

18. Кто и как сочиняет частушки в советское время? — «Вопросы литературы», 1959, № 12, стр. 174—179.

19. Неизвестные письма И. С. Тургенева ⟨к П. А. Бессонову⟩.— «Москва», 1959, № 9, стр. 223—224.

20. Неожиданная находка. (Записи украинских исторических песен, сделанные Н. В. Гоголем).— «Смена», 1959, № 6, стр. 8.

21. Об издании «Песен» П. Н. Рыбникова П. А. Бессоновым и А. Е. Грузинским.— В кн.: «Русский фольклор. Материалы и исследования», IV. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 155—167.

22. Русский эпос.— В кн.: «Эпос славянских народов». Хрестоматия. М., Учпедгиз, 1959, стр. 7—23.

23. П. И. Якушкин и А. Н. Афанасьев — издатели «Старой серии» песен П. В. Киреевского.— «Филологические науки», 1959, № 4, стр. 169—173.

24. Неизвестные материалы из собрания П. В. Киреевского.— В кн.: «Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике. Доклады советских ученых на IV Международном съезде славистов». М., 1960, стр. 325—341.

25. Раннее свидетельство о бытовании частушек.— «Вестник МГУ», 1960, Серия VII. Филология, журналистика, № 4, стр. 67—70.

26. Детские песни, записанные А. Марковым в центральных губерниях в 1892—1896 годах.— «Вестник МГУ», 1961, Серия VII. Филология, журналистика, № 4, стр. 71—86; № 5, стр. 71—86.

27. Загадка Пушкина.— «Москва», 1961, № 1, стр. 213—215.

28. С. Г. Лазутин. Русская частушка. Вопросы происхождения и формирования. ⟨Рецензия.⟩ — «Сов. этнография», 1961, № 3, стр. 118—119.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Азадовский. История русской фольклористики — М. К. Азадовский. История русской фольклористики. М., Учпедгиз, т. I, 1958; т. II, 1963.

Астахова. Былины Севера — Былины Севера, т. I. Мезень и Печора. Запись, вступ. статья и прим. А. М. Астаховой. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1938.

Балакирев — М. Балакирев. Русские народные песни для одного голоса с сопровождением фортепиано. Ред., пред., исследование и прим. Е. В. Гиппиуса. М., Музгиз, 1957.

Балашов — Народные баллады. Вступ. статья, подготовка текста и прим. Д. М. Балашова. Общ. ред. А. М. Астаховой. М.— Л., «Сов. писатель», 1963 (Б-ка поэта. Большая серия).

Белинский — В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. I—XIII. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1953—1959.

Бернард — Песни русского народа, собранные и аранжированные для одного голоса с аккомпанементом фортепиано, М. Бернардом, ч. I—IV. СПб., 1866.

Бугославский — С. А. Бугославский. Русские народные песни в записи Пушкина.— В кн.: «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», VI. М.— Л., 1941, стр. 183—210.

В.— выпуск.

Вар.— вариант, варианты.

Варенцов — Сборник песен Самарского края, сост. В. Варенцовым. СПб., 1862.

Васнецов — А. Васнецов. Песни северо-восточной России, записанные в Вятской губернии в 1868—1894 гг. Изд. 2-е. Киров, Обл. книжное изд-во, 1949.

Веселая Эрата — Веселая Эрата на русской свадьбе, или Новейшее и полное собрание всех доныне известных свадебных 130 песен, употребляемых как в столицах, так и в других городах. М., тип. А. Решетникова, 1801.

Всеволодский — Игры народов СССР. Сборник материалов, сост. В. Н. Всеволодским-Гернгросс, В. С. Ковалевой и Е. И. Степановой. М.—Л., «Academia», 1933.

Герцен — А. И. Герцен. Собрание сочинений в тридцати томах, т. I—XXX. М., Изд-во АН СССР, 1954—1965.

Гоголь — Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч., т. I—XIV. ⟨М.— Л.⟩, Изд-во АН СССР, 1940—1952.

Григорьев — А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, т. I. М., 1904; т. II. Прага, 1939; т. III. М., 1910.

Дашков — В. А. Дашков. Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношениях. СПб., 1842.

Ефименко — Материалы по этнографии русского населения Архангельской губ., собр. П. С. Ефименком, ч. 2. Народная словесность. М., 1878.

ЗС — И. Срезневский. Запорожская старина. Харьков, ч. I, в. 1—3. 1833; ч. II, в. 4—6. 1834; ч. III. 1835.

Иваницкий — Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губернии. Подготовка текстов, вступ. статья и прим. Н. В. Новикова. Вологда, 1960.

Истомин — Дютш — Песни русского народа. Собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г. Записали: слова Ф. М. Истомин, напевы Г. О. Дютш. СПб., 1894.

Истомин — Ляпунов — Песни русского народа. Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 году. Записали: слова Ф. М. Истомин, напевы С. М. Ляпунов. СПб., 1899.

Исторические песни XIII—XVI вв. — Исторические песни XIII—XVI веков. Изд. подготовили Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1960.

кар. — картон.

Кашин — Русские народные песни, собранные и изданные для пения и фортепиано Даниилом Кашиным, кн. I. М., 1833; кн. II и III. М., 1834 (переизд.: М., Музгиз, 1959).

Колотилова — Северные русские народные песни. Собрала А. Я. Колотилова. Вологда, 1936.

Котикова — Н. Котикова. Народные песни Псковской области. Под общ. ред. С. В. Аксюка. М., «Музыка», 1966.

Лаговский — Ф. Н. Лаговский. Народные песни Костромской, Вологодской, Новгородской, Нижегородской и Ярославской губ.— «Третий этногр. сборник». Кострома, 1923.

Линева — Великорусские песни в народной гармонизации. Записаны Е. Линевой. СПб., Изд. Акад. наук, в. 1, 1904; в. 2, 1909.

Листопадов — А. М. Листопадов. Песни донских казаков. Под общ. ред. Г. Сердюченко, т. I, ч. 2. М., Музгиз, 1949.

Лопатин — Прокунин — Сборник русских народных лирических песен Н. М. Лопатина и В. П. Прокунина, ч. 1—2. М., 1889. Переизд. под ред. В. Беляева. М., Музгиз, 1956.

Лукашевич — Малороссийские и чарвонорусские народные думы и песни. СПб., 1836.

Лядов — 50 песен русского народа для одного голоса из собранных в 1894—1899 и 1901 годах И. В. Некрасовым, Ф. М. Истоминым и Ф. И. Покровским. Переложил А. Лядов. Лейпциг, б. г.

М. 1827 — Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем. М., 1827.

М. 1834 — Украинские народные песни, изданные Михаилом Максимовичем. М., 1834.

Магнитский — Песни крестьян села Беловолжского Чебоксарского у. Казанской губ. В. Магнитского. Казань, 1877.

Миллер — Вс. Миллер. Пушкин как поэт-этнограф. С приложением неизданных народных песен, записанных А. С. Пушкиным. М., 1899.

Миллер. Исторические песни — В. Ф. Миллер. Исторические песни русского народа XVI—XVII века.— Сборник Отделения русского языка и словесности Акад. наук, т. 93. Пг., 1915.

Можаровский — Святочные песни, игры и гадания Казанской губ. А. Можаровского. Казань, 1873.

Мякутин — Песни оренбургских казаков. Собрал сотник А. И. Мякутин, т. I. Оренбург, 1904.

НС — Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. Изд. Об-ва любителей российской словесности при Московском ун-те, в. I. М., 1911 ⟨песни № 1—1172⟩; в. II, ч. 1. М., 1918 ⟨№ 1173—1611⟩; ч. 2. М., 1929 ⟨№ 1612—2988⟩.

Народные исторические песни — Народные исторические песни. Вступ. статья, подготовка текста и прим. Б. Н. Путилова. М.— Л., «Сов. писатель», 1962 (Б-ка поэта. Большая серия. 2-е изд.).

Новиков — ⟨Н. И. Новиков⟩. Новое и полное собрание российских песен, содержащее в себе песни любовные, пастушеские, шутливые, простонародные, хоральные, свадебные, святочные, с присовокуплением песен из разных российских комедий и опер, ч. I—VI. М., 1780—1781.

п. — папка.

ПС — «Пушкин и его современники. Материалы и исследования», в. I—XXXIX. СПб.— Л., 1903—1930.

Пальчиков — Крестьянские песни, записанные в селе Николаевка Мензелинского уезда Уфимской губернии Н. Е. Пальчиковым. СПб., 1888.

Песни Печоры — Песни Печоры. Издание подготовили Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Б. М. Добровольский. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1963 («Памятники русского фольклора»).

Песни Пинежья — Песни Пинежья. Материалы фонограмм-архива, собранные и разработанные Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд. Под общ. ред. Е. В. Гиппиуса, кн. II. М., 1937 (АН СССР. Труды Ин-та антропологии, этнографии и археологии, т. VII. Фольклорная серия, № 2).

Песни Поволжья — Русские народные песни Поволжья, в. 1. Песни, записанные в Куйбышевской обл. Сост. Б. М. Добровольский, Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Г. Г. Шаповалова. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1959.

Письма Киреевского к Языкову — Письма П. В. Киреевского к Н. М. Языкову. Ред., вступ. статья и коммент. М. К. Азадовского. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1935 (Труды Ин-та антропологии, этнографии и археологии АН СССР, т. I, в. 4).

Прач — Львов — Собрание народных русских песен с их голосами на музыку положил Иван Прач. ⟨СПб.⟩, 1790. Переизд.: М., Музгиз, 1955.

Прокунин — Чайковский — Русские народные песни для одного голоса с сопровождением фортепиано, собранные и переложенные В. Прокуниным. Под ред. П. Чайковского (1872—1873).— В кн.: П. Чайковский. Полн. собр. соч. Общ. ред. Б. В. Асафьева, т. 61. М.— Л., Музгиз, 1949, стр. 61—168.

Против церкви и религии — Русское народно-поэтическое творчество против церкви и религии. Составление, вступ. статья и прим. Л. В. Домановского и Н. В. Новикова. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1961.

Пушкин — А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. I—XVI. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1937—1949.

РП — «Рукою Пушкина». Несобранные и неопубликованные тексты. Подготовили к печати и комментировали М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. М.— Л., «Academia», 1935.

Римский-Корсаков — Сборник русских народных песен. — В кн.: Н. А. Римский-Корсаков. Собр. соч., т. 48. М., Музгиз, 1952.

Российская Эрата — Российская Эрата, или Выбор наилучших российских песен. Собрал и частью сочинил М. Попов. Три части. СПб., 1792.

Русские плачи — Русские плачи (причитания). Вступ. статья Н. П. Андреева и Г. С. Виноградова. Ред. текстов и прим. Г. С. Виноградова. Л., «Сов. писатель», 1937 (Б-ка поэта. Большая серия).

Рыбников — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2-е. Под ред. А. Е. Грузинского, т. III. М., 1910.

СС — Песни, собранные П. В. Киреевским. (Старая серия). Изд. Об-ва любителей российской словесности при Московском ун-те, т. I, в. 1—4. М., 1860—1862; т. II, в. 5—7. М., 1863—1868; т. III, в. 8—10. М., 1870—1874.

Сахаров — Песни русского народа, собр. И. П. Сахаровым, ч. I.—V. СПб., 1838—1839.

Сахаров. Сказания — Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым, т. I.—II. СПб., 1841.

Соб. — Великорусские народные песни, изд. А. И. Соболевским, т. I—VII. СПб., 1895—1902.

Соймонов — А. Д. Соймонов. Новые материалы о Пушкине и П. В. Киреевском. — «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», 1961, т. XV, в. 2, стр. 143—153.

Соколов — М. Е. Соколов. Великорусские весенние и хороводные песни, записанные в Саратовской губ.— «Труды 3-го обл. историко-археологич. съезда во Владимире 1906 г.» Владимир, 1909.

ст. — стих, стихи.

Студицкий — Народные песни Вологодской и Олонецкой губерний, собранные Ф. Студицким. СПб., 1841.

Терещенко — А. Терещенко. Быт русского народа, т. I—VII. СПб., 1848.

Трутовский — Собрание русских простых песен с нотами В. Ф. Трутовского, ч. 1—4. СПб., 1776—1795. Переизд.: М., Музгиз, 1953.

у.— уезд.

Чернышев — Русская баллада. Предисловие, ред. и прим. В. И. Чернышева. Вступ. статья Н. П. Андреева. Л., «Сов. писатель», 1936 (Б-ка поэта. Большая серия).

Чернышев. Slavia — В. Чернышев. Стихотворения А. С. Пушкина, написанные в стиле русских народных песен. — «Slavia Časopis pro slovanskou filologii. S podporou ministerstva školstvi a narodni osvěty vydávaji O. Hujera a M. Murko», Ročnik VIII, Sešit 3. Tiskem a nakladem České graficke Unie a. s. v Praze, 1929 (zvláštni otisk), стр. 585—596.

«Чтения» — «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1848, № 9, отд. IV.

Чулков — Собрание разных песен, части I—IV с прибавлением. 1770—1773. Переизд.: Сочинения М. Д. Чулкова, т. I. СПб., Изд. Акад. наук, 1913.

Шейн — Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Материалы собраны и приведены в порядок П. В. Шейном, т. I, в. 1. СПб., 1898; в. 2. СПб., 1900.

Якушкин — Сочинения П. И. Якушкина. СПб., изд. Вл. Михневича, 1884.

Якушкин. Русские песни — Русские песни из собрания П. И. Якушкина. М., 1860.

Elsa Mahler — Elsa Mahler. Altrussische Volkslieder aus dem Pečoryland. Bärenreiter-Verlag. Basel, 1951.

ВМП — Всесоюзный музей А. С. Пушкина (г. Пушкин).

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).

ГЛМ — Государственный литературный музей (Москва).

ГПБ — Государственная публичная библиотека РСФСР им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

ГРМ — Государственный русский музей (Ленинград).

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (Ленинград).

ЛБ — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина (Москва).

МИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (Москва).

ММК — Государственный музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки (Москва).

МТ — Государственный музей И. С. Тургенева (Орел).

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

ОБЪЯСНЕНИЯ ОБЛАСТНЫХ И МАЛОПОНЯТНЫХ СЛОВ

Альни — так что; даже.
Аншпиль — вероятно, из аншпуг. Аншпуг, ганшпуг — ворот, воротило, на который (путем его вращения) наматывается канат.
Беремя — охапка.
Большина — старшинство, власть в семье, в доме.
Борóк, борочик — ожерелье из бус, янтарей и т. п.
Венькаться — упрямиться, ломаться, привередничать.
Виски — волосы.
Вьялица — вьюга, метель.
Гарнитуровый — то же что гранетуровый.
Горнилице, горнéц — сосуд, глиняный, оловянный, медный, а также оловянный стакан, кружка.
Гранетуровый — вм. гродетуровый. Гродетур — плотная шелковая ткань.
Гужель (кужель) — сверток, пучок расчесанного льна, который привязывается к прялке для прядения из него нити.
Гурковать — ворковать.
Двоить водку, вино — перегонять вторично.
Дуван дуванить — делить добычу.
Жерелочик — 1) ожерелье; 2) воротничок; 3) шейный платок.
Завоз — небольшой якорь, который завозится вперед по ходу судна, чтобы оно двигалось при помощи выбирания каната.
Запон — передник, фартук.
Исполёвана — вместо исполивана, то есть залита.
Каблук — вместо клобук — монашеская камилавка с покрывалом поверх нее.
Калувер — вместо колугер — монах.
Камчатный — из камки. Камка — плотная, тканая в узор китайская ткань.
Карсак (корсак) — вид лисицы, которая водится в степях (Canis corsac L. или Vulpus corsac L.).
Каталаж — вместо такелаж.
Кийка, кика — род повойника, бабий головной убор.
Кокурка — лепешка или булочка с яйцом.
Коноватный — из коновата. Коноват — род шелковой персидской ткани, из которой делались фаты, покрывала и т. д.
Кортомленый — взятый в кортому, то есть «в аренду», здесь — взятый на подержание.
Кутить — сплетничать, поселять раздор.
Кутнее окошко — окно против устья печи в избе. Куть — та часть избы, где находится печь.
Манежный — манерный, жеманный, щеголеватый.
Мануть — манить, заманивать; заманить, поманить.
Морянин — житель приморья, тот, кто ездит по морям, занимаясь торговлей.
Моторный — 1) проворный, ловкий, живой; 2) расточительный, тороватый.
Назола — грусть, тоска; досада, огорчение.
Небасливый — неразговорчивый, несловоохотливый, неприветливый.
Обротать, обратывать — надевать на лошадь недоуздок, уздечку. Оброть — конская узда без удил, недоуздок.
Падкий — мягкосердный, склонный к состраданию, жалости.
Поветь — верхнее помещение над хлевами для сена, для повозок, хозяйственной утвари и т. п.
Погорушка — вероятно, ветер с гор, непогода, приносимая с гор ветром.

Подашничек — опытный бурлак при «завозе» (см. завоз), при подаче каната.
Подклет — нижнее жилье избы. В подклете устраивалось брачное ложе. Если в избе не было подклета, то брачное ложе устраивалось в клети (клеть — холодное, летнее жилье или кладовая над двором).
Покорбище, покор — упреки, укоризна; поношение.
Поку́читься — попросить убедительно, жалуясь на что-то.
Потерять — сгубить, убить, лишить жизни.
Прилащивать, приластить — наводить лоск, придавать блеск.
Прилука — действие по глаг. прилучить, прилучать — приманить, завлечь.
Приобротанный — см. Обротать.
Присошек — подпорка, представляющая собой палку с развилкой сверху. Присох или присоха — подпорка, поддерживающая «сошку», «рассоху» (в сохе) или подпорка у старинных ружей, чтобы стрелять с этой подпорки.
Пролубку пролубить — прорубь прорубить (пролуб — прорубь).
Рассырить (сыру) — подсластить или развести подслащенной водой.
Рель — виселица.
Скуда, скудость — нищета, нужда.
Сресь — вероятно, вместо всрезь, то есть до самых краев, доверху.
Стромить (страмить) — срамить, позорить, бесчестить.
Сыта, сытица — вода, подслащенная медом или сахаром.
Танок, таночик — хоровод, игровые пляски.
Тирзан —вероятно, контаминация из тиран и терзать на основе народной этимологии.
Турчин — турок.
Укурнуться — окунуться.
Фалетор — форейтор.
Хро́боско — очень громко; сильно и резко.
Хурта́ — сильная метель, буран.
Чеиь — цепь.
Черепан — горшечник, гончар.
Шабер — сосед; шабровушка — соседка.
Шитва — шитье.
Ям, ямочик — почтовый стан, почтовая станция, а также и само селение, жители которого отправляли ямскую гоньбу.

УКАЗАТЕЛЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Составила Т. Г. Динесман

I. ПОРТРЕТЫ

И. Ф. Базилевский — см. Д. П. Ознобишин и И. Ф. Базилевский
А. Х. Востоков. Рис. (итал. карандаш) неизв. художника, май 1820 г. ГЛМ — 509
Н. В. Гоголь. Рис. (карандаш) Э. А. Дмитриева-Мамонова, 1839. ИРЛИ — 233
Н. В. Гоголь. Силуэт (апликация) неизв. художника, 1840-е гг. ЛБ—139
В. И. Даль. Рис. (итал. карандаш) неизв. художника, 1830-е гг. ГЛМ—442
В. И. Даль в Хивинской экспедиции В. А. Перовского. Раскраш. литогр. с рис. неизв. художника, 1839—1840 гг. Изображены: В. И. Даль, полк. Кузьминский, неизв. казачий офицер, В. А. Перовский, Н. В. Ханыков, ген. М. Циолковский. ГЛМ — 67
В. И. Даль в Хивинской экспедиции В. А. Перовского. Акв. В. И. Штернберга, 1839—1840 гг. Изображены: В. И. Даль, киргиз Курум-бай, А. Леман, татарский мулла, Н. В. Ханыков, П. А. Чихачев, В. И. Штернберг. Расшифровка изображенных лиц — позднего происхождения, сделана на паспарту рисунка. ГЛМ — 447
В. А. Елагин. Акв. К. А. Горбунова, 1839. ЛБ — 95
А. П. Елагина — см. А. П. Киреевская
Е. А. Елагина — см. М. В. Киреевская и Е. А. Елагина
Ю. В. Жадовская. Масло Н. А. Лаврова, 1845. ГЛМ — 570
В. А. Жуковский. Акв. А. А. Воейковой, Орел, 1820. С дарств. надписью художницы, адресованной А. П. Елагиной. ГЛМ — 27
А. П. Киреевская (по второму браку Елагина). Миниатюра неизв. художника, 1812. Местонахожд. оригинала неизвестно. Воспр. с репродукции: «Уткинский сборник». М., 1904 — 20
М. В. Киреевская и Е. А. Елагина. Рис. (перо) В. А. Жуковского, 10 октября 1839 г. ГИМ — 55
П. В. Киреевский. Рис. А. С. Пушкина — см. раздел IV («Рисунки писателей»)
П. В. Киреевский. Литогр. с портрета неизв. художника, 1830-е гг. ЦГАЛИ — 11
П. В. Киреевский. Фототипия с портрета неизв. художника, 1830-е гг. ГЛМ — 37
П. В. Киреевский. Масло Э. А. Дмитриева-Мамонова, 1840-е гг. ВМП — 79
П. В. Киреевский. Масло Э. А. Дмитриева-Мамонова, 1840-е гг. (портрет определен М. Ю. Барановской). ГИМ — 601
П. В. Киреевский. Акв. неизв. художника, 1840-е гг. ИРЛИ — 123
П. В. Киреевский. Фото с дагерротипа 1840-х гг. ЦГАЛИ — вклейка между стр. 8—9.
А. В. Кольцов. Литогр. Д. В. Трунова с рис. А. Н. Мокрицкого, Петербург, 1836.— «Древняя и новая Россия», т. I, 1878 — 283
П. И. Мельников-Печерский. Фото, 1860-е гг. ГЛМ — 593
Д. П. Ознобишин и И. Ф. Базилевский. Дагерротип, 1840-е гг. ИРЛИ — 515
А. Ф. Писемский. Фото, 1850-е гг. С дарств. надписью В. И. Ишутину. ГЛМ — 575
Е. И. Пугачев. Гравюра Ш.-Л. Руотта, 1784. ГИМ — 449
А. С. Пушкин. Масло В. А. Тропинина, 1827. Был подарен Пушкиным С. А. Соболевскому. В 1828 г., уезжая за границу, Соболевский оставил портрет у Киреевских — Елагиных; в их московском доме он находился долгое время. А. П. Елагина сделала с портрета уменьшенную копию (теперь в музее А. С. Пушкина в Москве). ВМП — 173
С. А. Соболевский. Рис. (карандаш) С. А. Соймоновой, 1830-е гг. (обнаружен и определен М. Ю. Барановской). ГИМ — 133
М. А. Стахович. Рис. (карандаш) Э. А. Дмитриева-Мамонова, 1840-е гг. ГТГ — 161
А. М. Тургенев. Рис. (перо) В. А. Жуковского, 9 октября 1839 г. ГИМ — 506
Богдан Хмельницкий. Гравюра П. Фюрста, 1650-е гг. ГИМ — 247
А. М. Языков. Рис. (карандаш) А. Б. Гибаля, 9 июня 1837 г. ГЛМ — 343
Н. М. Языков. Литогр. с рис. Г. Корницелиуса, 1841. ГЛМ — 341
П. М. Языков. Рис. (сепия) неизв. художника, конец 1840-х гг. ГЛМ — 355
П. И. Якушкин. Фото, Н.-Новгород, конец 1860-х гг. ГЛМ — 377

II. АВТОГРАФЫ УЧАСТНИКОВ СОБРАНИЯ П. В. КИРЕЕВСКОГО. ЗАПИСИ НЕУСТАНОВЛЕННЫХ ЛИЦ И ПЕРЕПИСЧИКОВ

Н. В. ГОГОЛЬ

Две песни «Про гетмана Наливайка». Запись в тетради, принадлежавшей Гоголю. Автограф неустановленного лица. Заголовок—рукою писателя, 1836—1842. ЛБ—241

Песня «Про козака Сагайдачного». Автограф, 1836—1842. ЛБ — 253

Адрес письма к А. С. Пушкину, май 1834 г. Автограф — см. Пушкин «Черна роля заорана...»

В. И. ДАЛЬ

«Яицки казаки — бунтовщики...» Песня пугачевского цикла из тетради Даля, переданной им Киреевскому. Копия рукой переписчика; текст песни зачеркнут, 1830-е гг. ЛБ — 451

П. В. КИРЕЕВСКИЙ

Титул. лист цензурного экземпляра сборника русских народных песен, часть I (Песни свадебные), подготовленного Киреевским к печати (первая «Зеленая тетрадь»). Автограф, 1838. ЛБ — 16

«Береза белая...» — из того же сборника. Текст — рукою переписчика. Пометы и примечания — автограф. ЛБ — 17

Свадебная песня «Что при вечере вечерничке...» и комментарий к ней—из того же сборника. Автограф, 1838. ЛБ — 86—87

«Правила как писать». Инструкция, разработанная Киреевским для записей песен. Автограф неустановленного лица, 1830-е гг. ЛБ — 46

Титул. лист сборника русских народных песен (ч. I — «Русские народные стихи»), подготовленного Киреевским к печати. Рукописная копия из архива Языковых. На обложке сборника владельческая надпись П. М. Языкова, 1845. «Дворец книги», Ульяновск — 617

Песня «Ой вы рощи, рощи зеленые...». Автограф, б. г. ЛБ — 101

А. В. КОЛЬЦОВ

Титул. лист первой тетради народных песен, собранных поэтом, 1837. ГИМ — 285

«Как у князя было, князя, у князя Волконского...». Запись в тетради с песнями, переписанными поэтом для В. Г. Белинского. Автограф, 1837. ГИМ — 291

«Зеленая роща всю ночь прошумела...». Запись песни с пометой о посылке ее В. Г. Белинскому для напечатания. Автограф, 1837. ГИМ — 303

Н. А. КОСТРОВ

«Зима ли ты, зима холодная!..» и «Через реченьку на горку ковыль-травка вьется...». Копии рукою переписчика, в тетради, принадлежавшей Кострову, 1843. На листе — помета Киреевского и индекс, проставленный П. И. Якушкиным. ЛБ—428

А. Ф. ПИСЕМСКИЙ

«Сидит олень под кореньями...» и «Как пошла наша Параша...». Песни из коллекции Писемского. Копии рукою переписчика, 1849—1853 гг. ГИМ — 579

А. С. ПУШКИН

«Песня о сыне Сеньки Разина»; «Как на утренней заре...»; «Во славном городе во Киеве...» (заключительные стихи); «Как за церковью, за немецкою...». Автографы. Записи песен, сделанные Пушкиным в Михайловском в конце 1824 — начале 1825 гг. ИРЛИ — 184—185; 185; 187; 188

План статьи о русских песнях, предназначавшейся для сборника песен Киреевского. Автограф, 1833. ИРЛИ — 217

«Черна роля заорана...». Украинская песня, записанная Пушкиным на обороте письма к нему Гоголя. Автограф, май 1834 г. ИРЛИ — 137

ЯЗЫКОВЫ

«Черна ягодка смородинка...». Запись рукой неустановленного лица, сохранившаяся в коллекции песен, принадлежавшей Языковым, конец 1830 — начало 1840-х гг. ЛБ — 345

П. И. ЯКУШКИН

Обложка тетради, озаглавленной «Русские народные песни, собранные летом 1843 года», с копиями песен, записанных Якушкиным. Автограф неустановленного лица, индекс — рукою собирателя. ЛБ — 379

Лист из тетради с копиями свадебных песен, записанных Якушкиным, 1843. На листе помета рукою Киреевского, удостоверяющая принадлежность записей Якушкину. ЦГАЛИ — 381

Обложка тетради путевых записей Якушкина — «Журнал пешеходца». Тетрадь I. Автограф, 1847. ГИМ — 409

III. НОТНЫЕ АВТОГРАФЫ КОМПОЗИТОРОВ И СОБИРАТЕЛЕЙ ПЕСЕН

М. А. Балакирев. «Увертюра на русские темы». Партитура, лист первый, июнь 1858 г. ММК — 417

«Песни, слышанные от Якушкина». Лист с записями песен: «Полон татарский», «Ванька ключник» и др., б. г. ГПБ — 395

А. Т. Гречанинов. «Ты взойди, взойди, солнце красное...» Запись мелодии для хора, б. г. ММК — 351

М. П. Мусоргский. Опера «Борис Годунов». Сцена в корчме. Вступление и песня хозяйки: «Поймала я сиза селезня...». Клавир, 1874. ММК — 213

Материалы к опере «Сорочинская ярмарка»: запись мелодий украинских народных песен «Чайка», «Про Сагайдачного» и др., 1870-е гг. ММК — 255

Н. А. Римский-Корсаков. «Сборник русских народных песен, составленный Н. Римским-Корсаковым». Титул. лист цензурного экземпляра, 1876. Сборник вышел в свет в 1877 г. ММК — 150

«Три песни про татарский полон», песнь первая. Лист того же сборника, 1876. ММК —151

«Как при вечере, вечере...». Свадебная песня, обработка для женского хора, 1870-е гг. ММК — 205

П. И. Чайковский. «Сборник 66 русских народных песен, составленный В. Прокуниным под редакцией П. Чайковского». Титул. лист и лист того же сборника с песней «У князя, у князя, у князя Волконского...». Правка Чайковского, текст и ноты рукой К. Альбрехта (?), 1872. (Сборник вышел в свет под названием: «Русские народные песни для одного голоса с сопровождением фортепьяно, собранные и переложенные Прокуниным под редакцией профессора П. Чайковского», тетр. I и II. М.—СПб., 1872—1873). ММК — 292—293

ЗАПИСИ НЕУСТАНОВЛЕННЫХ ЛИЦ

Нотный лист с двумя украинскими песнями «Да йшла вдова долыною...» и «Ой сон маты...» и дарственной надписью собирателя Киреевскому, 1839. ЛБ — 105

Нотные листы из тетради, сохранившейся в архиве Киреевского, с обработками для гитары мелодий песен «Тошно, матушка...», «Вспомни, вспомни, Любушка...», «Лучина, лучинушка...», «Что же ты, лучинушка...», б. г. ЛБ — 115

IV. РИСУНКИ ПИСАТЕЛЕЙ

В. И. Даль (?). Бурлаки. Рис. (карандаш), 1840-е гг. ГИМ — 477

П. В. Киреевский. Сельский пейзаж. Апликация (бумага). Лист из альбома Елагиных, 1830-е гг. ГЛМ — 25

А. С. Пушкин. Портрет П. В. Киреевского. Рис. (карандаш) на листе черновой рукописи «Полтавы», октябрь 1828 г. ИРЛИ — 129

А. С. Пушкин. Пейзаж. Рис. (перо), 1833. ИРЛИ — 179

V. ДОКУМЕНТЫ

«Клятвенное обещание», данное П. В. Киреевским при поступлении в Мюнхенский университет, 26 октября 1829 г. ЛБ — 32

Свидетельство, выданное П. В. Киреевскому при оставлении им Мюнхенского университета, 28 октября 1830 г. ЛБ — 33

VI. КНИГИ, ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ, НОТЫ

С. Т. Аксаков. Записки об уженье. М., 1847. Титул. лист и форзац с дарств. надписью автора Киреевскому. МТ — 69

«Народные русские легенды, собранные А. Н. Афанасьевым». М., 1859. Экземпляр, принадлежавший Н. С. Лескову. Титул. лист и надпись Лескова на обложке книги. МТ — 384—385

«Русские народные песни, записанные с народного напева и аранжированные для одного голоса с аккомпаниментом фортепьяно К. Вильбоа». СПб., 1860. Обложка и страница со свадебной песней «Много у сыра дуба веток...» — 147

«Между-делье, или Собрание образцовых русских и других пиес для семиструнной гитары, состоящих в 100 номерах. Изданное в пользу господ любителей и охотников сего инструмента А. Ф. Дмитревским». СПб., б. г. Экземпляр, принадлежавший П. В. Киреевскому. Титул. лист и страница с песнями «Я вечор в лугах гуляла...» и «Во селе, селе Покровском...». МТ — 63

«Русские народные песни, собранные Петром Киреевским». Часть I («Русские народные стихи»). М., 1848. Титул. лист —59

«О собирании русских народных песен и стихов» («Песенная прокламация» П. В. Киреевского, Н. М. Языкова и А. С. Хомякова). Первая публикация.— «Прибавление к № 15 Симбирских губернских ведомостей», 1838. Текст статьи и заголовок газеты. ГПБ — 48—49

«Голоса украинских песен, изданные Михаилом Максимовичем». Тетрадь I. М., 1834. Титул. лист — 235

«Украинские народные песни, изданные Михаилом Максимовичем».Часть I. М., 1834. Титул. лист с дарств. надписью Максимовича А. С. Пушкину. ИРЛИ—177

«Собрание русских народных песен. Текст и мелодии собрал и музыку аранжировал для фортепиано и семиструнной гитары Михаил Стахович». СПб., 1854. Обложка первой тетради с дарств. надписью составителя П. М. Садовскому и пометой С. К. Булича; страница с посвящением П. В. Киреевскому. ИРЛИ —160

VII. НАРОДНЫЙ БЫТ В КАРТИНАХ И РИСУНКАХ ХУДОЖНИКОВ

1. ВИДЫ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ

Сельский пейзаж. Картина (масло) Т. А. Васильева, 1820. ГТГ —191

Деревня в Ярославской губернии (на дороге между Ярославлем и Костромой). Автолитогр. А. Дюрана.— В изд.: A. Durand. Voyage pittoresque et archéologique en Russie... Paris, 1843. ГЛМ — 405

Деревня Буяновка Нижегородской губернии. Рис. (сепия) из альбома неизв. художника, 1824. ГЛМ — 595

Деревня Жданово Нижегородской губернии. Рис. (сепия) из альбома неизв. художника, 1824. ГЛМ — 594

На краю деревни. Картина (масло) неизв. художника, 1-я полов. XIX в. ГТГ — 367

Почтовый тракт. Акв. неизв. художника, 1-я полов. XIX в. ВМП — 521

Приезд коробейника в деревню. Акв. неизв. художника, 1860-е гг. МИИ — 413

Зима. Рис. (гуашь) А. О. Орловского, 1825. ГТГ — 323

Крестьянский обоз. Рис. (гуашь) А. О. Орловского, 1820-е гг. ГИМ — 325

2. КРЕСТЬЯНСКИЕ ТИПЫ

Девушка-украинка. Картина (масло) М. В. Брянского, 1850-е гг. Фототека ГТГ (местонахождение оригинала неизвестно) — 265

Косарь. Картина (масло) А. Г. Венецианова (?), 1820-е гг. Фототека ГТГ (местонахождение оригинала неизвестно) — 311

Крестьянская девушка за вышиванием. Картина (масло) А. Г. Венецианова, 1843. ГТГ — 310

Крестьянин. Скульптура (фарфор завода Гарднера), 1820-е гг. ГИМ — 215

Поющие слепцы. Акв. И. А. Ерменева, 2-я полов. XVIII в. ГРМ — 349

Плачущая крестьянка. Рис. (карандаш) А. П. Лосенко, 2-я полов. XVIII в. Частное собр., Москва — 198

Балалаечник. Рис. (карандаш) неизв. художника, 1840-е гг. МИИ — 536

Русские костюмы Воронежской губернии. Рис. (карандаш, тушь) С. П. Павлова, 1848—1852 гг. ГИМ — 301

Крестьянка. Скульптура С. С. Пименова (фарфор Императорского завода) по рис. А. Г. Венецианова, 1830-е гг. ГИМ — 214

Крестьянка. Рис. (карандаш) А. А. Попова, 1860. ГТГ — 630

Крестьянин. Рис. (цветн. карандаш) П. П. Свиньина (?), 1815. МИИ — 193

Странницы. Фото, 1860-е гг. (В 1860-х гг. была выпущена литография, выполненная с этого снимка А. Т. Скино). ГЛМ — 391
Старик-украинец. Этюд (масло) В. А. Тропинина, 1820-е гг. ГТГ — 245
Слепой кобзарь. Рис. (акв., карандаш) И. П. Трутнева, 1860-е гг. ГТГ—239
Монах, несущий девушку в снопе. Скульптура (фарфор завода Храпунова), 1830-е гг. ГИМ — 371
Калужский крестьянин. Портрет (масло) раб. художника-самоучки, калужского крестьянина Щелачилина, 1843. ГЛМ — 627
«Семейство русских крестьян». Картина (пастель) В. Эриксена, 1768. ГРМ — 525

3. ОБРЯДЫ. ИГРЫ. ПРАЗДНИКИ

Возвращение новобрачных из церкви. Цветн. гравюра К. Будеуса.— Из альбома: «Volksgemälde und Charakter-Köpfe des russischen Volks». Leipzig, 1820 — 208
Крестьянские девушки на качелях. Цветн. гравюра К. Будеуса.— Из альбома: «Volksgemälde und Charakter-Köpfe des russischen Volks». Leipzig, 1820 — 209
Игра в бабки. Цветн. гравюра К. Вагнера с рис. Е. М. Карнеева.— Из кн.: «Les peuples de la Russie ou description des moeurs, usages et costumes des diverses nations de L'Empire de Russie...». Paris, 1812 — 553
Воскресенье в деревне. Гравюра с акв. Н. Д. Дмитриева-Оренбургского, 1850-е гг. ГЛМ — 333
Благословение при сговоре крестьянской свадьбы. Гравюра А. П. Екимова с рис. И. А. Акимова, 1810-е гг. ГИМ — 549
Русская пляска. Цветн. гравюра И. Когерета с рис. Е. М. Карнеева. — Из кн.:«Les peuples de la Russie ou description des moeurs, usages et costumes des diverses nations de L'Empire de Russie...» Paris, 1812 — 199
Девичник. Картина (масло) неизв. художника, 2-я полов. XVIII в. ГИМ — 465
Деревенский праздник. Картина (масло) неизв. художника, 1-я полов. XVIII в. ГТГ — 541
Крестьянский свадебный сговор. Картина (масло) неизв. художника, 2-я полов. XVIII в. ГИМ — 457
Крестьянский свадебный сговор. Картина (масло) неизв. художника, 2-я полов. XVIII в. ГИМ — 485
Праздник в деревне. Картина (масло) неизв. художника, 1-н полов. XIX в. ГИМ — 545
Русская пляска. Акв. неизв. художника, 1820-е гг. ГЛМ — 329
Семик. Автолитогр. Л. С. Плахова, 1840-е гг. МИИ — 633
Деревенский праздник. Литогр. П. Русселя, середина XIX в. ГИМ — 433
Посиделки. Гравюра с рис. П. П. Свиньина.— Из кн.: П. П. Свиньин. Картины России и быт ее разноплеменных народов. СПб., 1839 — 437
Хоровод. Акв. А. И. Стрелковского, 1871. ГТГ — 585
Свадьба в Кукавке. Картина (масло) В. А. Тропинина, 1810-е гг. ГТГ — 259
Хоровод в Курской губернии. Картина (масло) К. А. Трутовского, 1860. ГТГ — 567
Сельский праздник. Литогр. с рис. Ф. Фероглио, середина XIX в. МИИ — 491
Празднество свадебного договора. Картина (масло) М. Шибанова, 1777. ГТГ — 201
Вечерина у жениха («Торопецкого уезда брачная вечерина у жениха, крестьянская»). Рис. (перо) А. Шохина, 1843. ГИМ — 611
Святочная субботка («Древний обычай жителей города Торопца»). Рис. (перо) А. Шохина, 1843. ГИМ — 607

4. ИЗОБРАЖЕНИЯ СОЛДАТ И РАБОЧИХ

Кирпичный завод. Акв. К. Кнапне, 1790-е гг. ГИМ — 401
Солдаты у костра. Картина (масло) К. Ф. Кукевича, 1839. ГТГ — 529
Казачий лагерь. Акв. А. О. Орловского, 1820-е гг. Картинная галерея, г. Краков — 361
Нижне-Тагильский завод. Картина (масло) В. Е. Раева, 1850-е гг. ГИМ — 471
Проводы рекрутов. Картина (масло) И. И. Соколова, 1851. Музей украинского искусства, Киев — 269

VIII. ЛУБОК

«Гори, гори, лучинушка...» Лубок (гравюра на меди). М., 1850. ГПБ — 561
«Как за речкою, как за быстрою...» Лубок (гравюра на меди), изд. А. Белянкина. М., 1850. ММК — 317
«Русская песня» («Как у наших у ворот...»). Лубок (гравюра на меди). М., 1851. ГПБ — 623

IX. ПАМЯТНЫЕ МЕСТА И ВИДЫ

Воронеж. Литогр. В. Ф. Тимма.— «Русский художественный листок», 1852, № 18 — 287
«Киреевская Слободка». Вид с холма, на котором находилась усадьба П. В. Киреевского и где он жил в 1837—1856 гг. (усадьба не сохранилась). Фото А. Д. Соймонова, 1956 — 71
Дом Киреевских — Елагиных в Хоромном тупике у Красных ворот (ныне площадь Лермонтова) в Москве. Вид со двора. Фото А. Д. Соймонова, 1966 — 43
Рынок в Нижнем-Новгороде. Картина (масло) П. П. Вещагина, 1872. ГТГ — 421

* * *

При некрологе П. Д. Ухова, помещенном в томе, воспроизведена его фотография — 639

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Составила Е. М. Львова *

А. Л. — см. Лазаревский А. М.
Абрамович Григорий Львович — 236
Авдотья Рязаночка — 96
Адамович (Волочай, Джеджеля, Чичай) — 275
Азадовский Марк Константинович —9, 48, 54, 74, 75, 81, 102, 106, 117, 119, 127, 128, 143, 149, 157, 163—166, 174, 180—182, 230, 346, 425, 427, 429, 508, 522, 523, 643, 645
Азбукин Василий Андреевич —24
Азбукина Екатерина Петровна — см. Юшкова Е. П.
Айзеншток Иеремия Яковлевич — 6, 231, 236, 270
Акимов Иван Акимович — 549
Акимова Татьяна Михайловна — 182, 225
Аксаков Иван Сергеевич — 72, 88, 90, 91, 136, 157, 569
Аксаков Константин Сергеевич — 54, 57, 58, 65, 84, 85, 91, 92, 118, 136, 156—158, 161, 162, 166
Аксаков Николай Тимофеевич — 518, 520, 537, 557
Аксаков Сергей Тимофеевич — 68, 69, 136, 153
Аксакова Вера Сергеевна — 77, 84
Аксаковы, семья — 84, 89, 90, 375
Аксюк Сергей Васильевич — 644
Акулина, исполнительница песен — 603
Акулов, знакомый П. И. Якушкина — 390, 392—394, 400
Александр I — 15, 164, 171, 181, 531—533, 539
Александр II — 69, 382
Алексей Михайлович, царь — 446
Алёна, исполнительница песен — 600, 615
Аллиоли Жозеф Франсуа — 32
Альбрехт Константин Карлович — 292(?), 293 (?)
Альфонский Аркадий Алексеевич — 387
Алябьев Александр Алексеевич — 279
Андреев Николай Петрович — 645, 646
Аника-воин — 95
Анна Иоанновна, имп.— 512, 538
Анненков Павел Васильевич — 129, 164, 171, 172, 181, 219, 221
Антонович Владимир Вонифатьевич — 273—275, 278
Апостол Даниил — 257, 276
Аракчеев Алексей Андреевич — 175, 176, 191, 192, 224, 381, 446, 447
Арбенева Наталья Петровна— см. Киреевская Н. П.
Арбеневы, семья — 23
Ардатка, мордвин — 590
Аренский Антоний Степанович — 148
Арина Родионовна (Яковлева), няня Пушкина — 174, 340, 444
Армянин Ивоня (Иоанн) — 273
Архангельская Вера Константиновна — 182, 219, 230
Архимед — 26
Асафьев Борис Владимирович — 645
Астахова Анна Михайловна — 220, 373, 641, 643
Афанасьев Александр Николаевич — 16, 67, 96, 117, 118, 375, 384, 385, 387, 388, 425, 441, 641, 642
Афанасьев Федор, знакомый П. И. Якушкина — 407
Ахмед Коприлу, турецкий султан —275

Бабарыкин — см. Боборыкин А. (?)
Багай, атаман — 352
Базилевская (рожд. Ознобишина) Варвара Петровна — 522
Базилевский Иван Федорович — 515, 516, 518, 522, 523
Байда Дмитрий — 238, 239, 273
Байрон Джордж Ноэль Гордон — 21, 74
Бакиров Иван Михайлович — 501
Балакирев Милий Алексеевич — 146, 148, 152, 337, 338, 395, 417, 558, 643
Баландин Аркадий Иванович —6, 77, 158, 163, 375, 388, 505, 508, 511, 559, 565, 569
Балашов Дмитрий Михайлович — 224 373, 374, 440, 638, 643
Барановская Мария Юрьевна — 133, 601
Баратынский Евгений Абрамович— 53, 142
Барсов Алексей Васильевич — 429
Барсов Елпидифор Васильевич — 114, 383
Барсуков Николай Платонович — 85, 117, 163, 387, 429, 522
Бартенев Петр Иванович — 43, 75, 97, 100, 171, 172, 181, 223, 423, 448, 522

* В указатель включены имена основных персонажей произведений фольклора.— *Ред.*

Бартенев Юрий Никитич — 569
Баршев, знакомый П. И. Якушкина —408
Батеньков Гавриил Степанович — 18, 23, 70 126
Батолин, знакомый П. И. Якушкина — 407
Батюшков Константин Николаевич —15, 124, 125, 163
Белинский Виссарион Григорьевич — 58, 124, 130, 132, 134, 136, 139—144, 160, 161, 163—166, 176, 178, 182, 281, 282, 284—286, 288, 289, 291, 303, 334—336, 374, 376, 445, 448, 559, 643
Белозерский Николай Данилович —234
Беляев Виктор Михайлович — 644
Беляев Иван Дмитриевич — 84, 597
Беляев Илья Васильевич — 65, 84
Бенедиктов Владимир Григорьевич — 53
Берецкий Иван Иванович — 53, 54
Берецкий, брат И. И. — 54
Бернард Матвей (Мориц) Иванович —643
Бессонов Петр Алексеевич — 72, 78, 80, 81, 83—86, 90—99, 101, 102, 112—120, 162, 163, 172, 224, 281, 334, 373, 386, 423, 425, 441, 445, 447, 508, 512, 559, 563, 579, 586, 637, 638, 640—642
Бестужев (псевд. Марлинский) Александр Александрович — 125, 126
Бестужева (рожд. Языкова) Прасковья Михайловна — 342, 446
Беэр, семья — 103
Бида Иван — 250
Бирюков Владимир Павлович — 539
Благой Дмитрий Дмитриевич — 164
Блудов Дмитрий Николаевич — 52
Боборыкин А. (?) — 57, 58
Боборыкин Петр Дмитриевич — 445
Бобров Евгений Александрович — 523
Бобылев Иван Петрович — 523
Богаевская Ксения Петровна — 6
Богатырев Петр Григорьевич — 166, 388
Богач Георгий Феодосьевич — 164
Богданов-Березовский Валериан Михайлович — 165
Богданович Ипполит Федорович — 282
Богомолов Борис Иванович — 289
Бодянский Осип Максимович — 62—66, 114
Болль фон Николай, студент — 388
Болощин — см. Волошин Веремий
Борисов А., сотрудник «Саратовских губернских ведомостей» — 270
Борисов Никифор, собиратель песен — 108, 446
Брентано Клеменс — 128
Брокгауз Фридрих Арнольд — 448
Броневский Владимир Богданович —163
Брюховецкий Иван Мартынович — 277
Брянский Михаил Васильевич — 265
Бугославский Сергей Алексеевич —174, 178, 182, 224, 227—229, 643
Будеус Карл — 208, 209
Буйе (Булье) Франсуа Клод — 34
Булгарин Фаддей Венедиктович — 42
Булич Сергей Константинович—147,160,448
Булье Франсуа — см. Буйе Ф. К.
Бунин Алексей Сергеевич — 13, 74
Бунин Афанасий Иванович — 10
Бунина (рожд. Безобразова) Мария Григорьевна — 10, 11
Буслаев Федор Иванович — 84, 85, 102, 164, 172, 181, 223
Бутурлин Дмитрий Петрович — 64
Бухмейер Ксения Константиновна — 346
Быков Петр Васильевич — 571
Быкова Елизавета Васильевна — см. Гоголь Е. В.
Бычков Иван Афанасьевич — 221, 282, 334

Вагин Николай Симеонович — 523
Вагнер Карл — 553
Валленштейн (Вальдштейн) Альбрехт Венцеслав Евсарий — 15
Валуев Дмитрий Александрович — 50, 116, 157, 342, 636
Ванька Каин (Иван Осипов) — 373, 512
Ванька ключник — 175, 176, 192, 284, 290—292
Варенцов Виктор Гаврилович — 337, 338, 638, 643
Василий Буслаев — 96, 600
Василий Казимирович — 111, 116
Васильев Тимофей Алексеевич — 191
Васильевич Г., собиратель песен — 114
Васнецов Александр Михайлович — 539, 643
Вася, мальчик, исполнитель песен — 391, 400, 423
Вашингтон Джордж — 34
Вебер Карл Мари — 30
Веловский Иван — 221
Вельтман Александр Фомич — 115, 116
Вельяминов, бригадир — 278
Венгеров Семен Афанасьевич — 163, 172, 221, 225
Веневитинов Алексей Владимирович — 44, 57
Веневитинов Дмитрий Владимирович — 143, 514
Венелин Юрий Иванович — 117
Венецианов Алексей Гаврилович — 214, 310, 311 (?)
Верещагин Иван Ильич (?) — 118
Верещагин Петр Петрович — 421
Верховский Юрий Никандрович — 165
Вигель Филипп Филиппович — 59
Викторов Алексей Егорович — 114
Вилинская Мария Александровна — см. Маркович М. А.
Вилинская (рожд. Данилова) Прасковья Петровна — 565
Вильбоа Константин Петрович — 146, 165
Виноградов Анатолий Корнелиевич —163
Виноградов Георгий Семенович — 270, 590, 591, 645
Вишневецкий Дмитрий — 273
Владимир, князь Киевский — 92, 186, 187, 354, 589
Владимиров Евстафий Владимирович — 523
Владыкина-Бачинская Нина Михайловна — 335
Власова Зоя Ивановна — 6, 387, 388, 427, 513, 537
Водовозов Василий Иванович—281, 288, 289

Воейков Александр Федорович — 24, 448
Воейкова (рожд. Протасова) Александра Андреевна — 15, 27, 448
Воздвиженский Дмитрий Г., собиратель песен — 113
Волконский Петр Михайлович — 335
Волконский, князь — 175, 176, 192, 282, 284, 290, 291, 293, 334, 335
Волочай — см. Адамович
Волошин (Болощин) Веремий — 265 (?), 278
Вольтер (Мари Франсуа Аруэ) — 17
Вольф Маврикий Осипович — 165
Воронцовы, семья — 138, 179
Востоков Александр Христофорович — 5, 124, 134, 223, 508—510
Всеволодский-Гернгросс Всеволод Николаевич — 568, 636, 643
Вульф Алексей Николаевич — 182, 340, 346
Выговский Иван — 251, 252, 275
Вяземский Петр Андреевич — 44, 125, 174, 219

Гаврила Лаврентьевич, есаул Ермака (вор Гаврюшка. Гаврюшка, сын Лаврентьевич, Асташка, сын Лаврентьевич) — 524, 537
Гагарин, князь — 224, 446
Гагарина, знакомая Елагиных — 23
Галаган Григорий Павлович — 279
Галахов Алексей Дмитриевич — 57, 58
Ганка Вацлав — 44, 163
Гарднер Франц Яковлевич — 215
Гартевельд Вильгельм Наполеонович — 539
Гегель Георг Вильгельм Фридрих — 58
Гельвеций Клод Адриан — 18
Георгиевский Григорий Петрович — 136, 164, 270
Гербель Николай Васильевич — 522
Герцен Александр Иванович — 18, 56—60, 65—66, 70, 75, 76, 121, 125, 127, 135, 140, 143, 161—166, 336, 383, 388, 643
Герцен (рожд. Захарьина) Наталья Александровна — 57
Гершензон Михаил Осипович — 23, 103, 157, 166
Гибаль Александр Богданович — 343
Гиль, знакомый П. И. Якушкина — 407
Гильтебрандт Петр Андреевич — 101—102
Гильфердинг Александр Федорович — 95, 118
Гиляров-Платонов Никита Петрович — 85, 91
Гиппиус Василий Васильевич — 236
Гиппиус Евгений Владимирович — 643, 645
Глазунов Иван Петрович — 107, 226
Глинка (рожд. Голенищева-Кутузова) Авдотья Петровна — 59
Глинка Михаил Иванович — 138, 139, 146, 148, 165, 444
Глинка Федор Николаевич — 59, 114, 563
Глумов Александр Николаевич — 182
Гнедич Николай Иванович — 125, 174
Гоголь Василий Афанасьевич — 231
Гоголь (по мужу Быкова) Елизавета Васильевна — 232
Гоголь (по мужу Трушковская) Мария Васильевна — 232
Гоголь (рожд. Косяровская) Мария Ивановна — 231, 232
Гоголь Николай Васильевич — 5, 6, 29, 56, 58, 65, 111, 112, 116, 128, 134—139, 141, 143, 157, 161, 164, 182, 231—280, 445, 640, 642, 643
Гоголь Ольга Васильевна — см. Головня О. В.
Гоголь, семья Н. В. Гоголя — 135
Годунов Борис Федорович — 132, 176, 213
Голенищев-Кутузов Михаил Илларионович — 538
Голий Игнат — 240 (?), 244, 245, 247 (?), 248 (?)
Голицын Василий Васильевич — 82, 254, 275, 276, 408, 424
Головин Артамон Михайлович — 526, 537
Головня Василий Яковлевич — 236
Головня (рожд. Гоголь) Ольга Васильевна — 236
Голохвастов Павел Дмитриевич — 223
Гольц Татьяна — 522
Гомер — 136
Гончаров Иван Александрович — 505
Гораций Квинт Флакк — 131
Горбунов Кирилл Антонович — 95
Гордиенко Константин — 252, 275
Горленко, казак — 237
Горский Александр Васильевич — 64
Горький (Пешков) Алексей Максимович — 130, 144, 164, 445, 448
Грановский Тимофей Николаевич — 57, 59, 60, 70
Гречанинов Александр Тихонович — 148, 351
Гречко, казак — 256
Григорьев Александр Дмитриевич — 220, 643
Григорьев Аполлон Александрович — 118, 146, 150, 573
Гримм Вильгельм — 51, 121, 122, 128
Гримм Якоб—51, 121, 122, 128
Гриц — см. Потемкин Г. А. (?)
Грузинский Алексей Евгеньевич — 74, 102, 119, 642, 645
Грушевська Катерина — 274
Гудвилович Ю. П., собиратель песен — 111, 115
Гуковский Григорий Александрович — 130, 164
Гуляев Спиридон Иванович — 54, 118, 539
Гуляницкий Григорий — 275
Гуляницкий Трофим (Трофим Сорока) — 251 (?), 252 (?), 275
Гумбольдт Александр Фридрих Генрих — 18
Гурьянов Иван, издатель песенников — 107
Гусев Виктор Евгеньевич — 163
Густав II Адольф, шведский король — 15

Давыдов, купец — 382
Д'Аламбер Жан Лерон — 34
Даль (псевд. Казак Луганский) Владимир Иванович — 5, 9, 65—68, 85, 91,

107, 109, 116, 143—146, 153, 165, 221, 282, 343, 375, 379, 387, 425, 441—504, 538, 569, 570, 589, 640
Даль Екатерина Владимировна — 441, 443, 445, 448
Даль, семья — 441, 443, 445
Данилевский Александр Семенович —231
Данилов Владимир Валерьянович — 236, 281
Данилов Кирша — 94, 95, 123, 180, 340, 374, 637, 639, 641
Дашков Василий Андреевич — 227—229, 643
Девянатов Николай — 42
Декарт Рене (Ренат Картезий) — 34
Дельвиг Антон Антонович — 443, 514
Демарин — см. Марин де О. Х.
Демидов Павел Григорьевич — 469, 475, 502—504
Державин Гавриил Романович — 123
Державин Николай Александрович —522
Державина Ольга Александровна — 236
Джеджеля — см. Адамович
Динесман Татьяна Георгиевна — 6, 513, 649
Диоген — 23
Дмитриев Иван Иванович — 96
Дмитриев-Мамонов Эммануил Александрович — 57, 59 (?), 79, 103, 161, 233, 602
Дмитриев-Оренбургский Николай Дмитриевич — 333
Дмитрий, царевич — 446
Добровольский Борис Михайлович — 6, 119, 149, 644, 645
Добролюбов Николай Александрович — 144, 153, 154, 166, 281, 288, 289, 381, 382, 388, 445, 448
Добрыня Никитич — 96, 116
Долгов Семен Осипович — 102, 172, 221
Долгоруков Василий Лукич — 446 (?), 527—528 (?), 538
Долгоруков Иван Алексеевич — 446 (?), 527—528 (?), 538
Долгоруков Иван Григорьевич — 446 (?), 527—528 (?), 538
Долгоруков Сергей Григорьевич — 446(?), 527—528 (?), 538
Долгорукова, жена одного из казненных в 1739 г.— 528
Доленга-Ходаковский Зориан Яковлевич (Адам Чарноцкий) — 19, 20, 99, 234, 278
Домановский Леонид Владимирович — 645
Дорошенко Михаил — 254, 276
Дорошенко Петр Дорофеевич — 126
Драгоманов Михаил Петрович — 273—275, 278
Дуброва, разбойник — 382
Дюран Андре — 405
Дютш Георгий Оттонович — 440, 503, 644

Евгеньева Анастасия Петровна — 6, 169
Евстигнеева Фекла, исполнительница песен — 98, 108, 600, 617
Екатерина I — 446
Екатерина II — 267, 278, 382, 449, 502, 528, 531, 538
Екимов Андрей Петрович — 549
Елагин Алексей Андреевич — 16, 18, 19, 22, 39, 40, 44, 46, 56—60
Елагин Андрей Алексеевич — 563
Елагин Василий Алексеевич — 50, 52—53, 56, 70—72, 77, 78, 80, 83, 84, 87—89, 91—93, 95, 96, 115, 117, 118, 281, 386
Елагин Николай Алексеевич — 68—72, 78, 88—90, 117, 157, 386
Елагина Авдотья Петровна — см. Киреевская А. П.
Елагина (рожд. Мойер) Екатерина Ивановна — 65—73, 77, 84, 90, 91, 97, 112
Елагина Елизавета Алексеевна — 55—60, 89
Елагины, семья — 19, 22, 23, 25, 39, 43, 45, 57, 59, 70, 72, 77, 86, 88—90, 92, 97, 114, 165, 339, 342
Елеонская Елена Николаевна — 102, 104
Елизавета Алексеевна, имп. — 533
Елизавета Петровна, имп. — 538, 558
Ерёма, поп — 382
Ермак Тимофеевич — 126, 429, 537, 539
Ерменев Иван Алексеевич — 349
Ефименко Петр Саввич — 636, 643
Ефрон Илья Абрамович — 448

Жадовская (по мужу Савен) Юлия Валериановна — 569—572
Жадовский Валериан Никандрович — 571
Жадченко Степан — 258, 273, 277
Жах или Шах, гетман — 248, 274
Железнов Иосиф Игнатьевич — 221, 222, 501, 538
Жидков Афанасий — 408
Жидков Федор — 408
Жуковский Василий Андреевич — 9, 10, 12—20, 22—25, 27, 39, 43, 44, 55, 74, 123—125, 140, 163, 164, 219, 270, 443, 448, 505, 506
Журавлев, собиратель песен — 115
Жученко Трофим — 275

З. Д. М., московская мещанка, исполнительница песен — 602, 603
Забелин Иван Егорович — 84
Заборова Роза Борисовна — 282, 289, 334—336
Загоскин Михаил Николаевич — 136
Залесский Вацлав — 136, 234
Зборовский, казак — 237
Зейдлиц Карл Карлович — 10
Зеленикина Ольга А. — 427, 429
Землянова Лидия Михайловна — 86
Зенгер Татьяна Григорьевна — см. Цяловская Т. Г.
Зонтаг (рожд. Юшкова) Анна Петровна — 15, 16

Иаков (Осип Иванович Вечерков), архиепископ нижегородский — 597
Иван III — 277
Иван IV (Грозный) — 45, 92, 96, 120, 176, 180, 218, 380, 381, 518, 538, 589—593, 597
Иваницкий Николай Александрович — 538, 539, 643

Иваницкий Николай Иванович — 138, 164, 279
Иванов Александр Андреевич — 5, 234, 640
Иванов, поверенный — 518, 519
Иванова Лариса Максимовна — 270
Иванова М. Е., исполнительница песен — 228
Иезуитова Раиса Владимировна — 163
Измайлов Николай Васильевич — 221
Иконников Владимир Степанович — 429
Илья Муромец — 50, 93—96, 111, 116, 511, 589, 639, 641
Иоанн Иоаннович, царевич — 590, 591
Ипсиланти Александр — 24
Ипсиланти Дмитрий — 24
Искра Иван Иванович — 255, 257, 276
Ислам Гирей III, хан — 266, 277, 278
Истомин Федор Михайлович — 222, 230, 440, 503, 644
Ишутин Виктор Иванович — 575

Кавелин Дмитрий Александрович — 108, 559, 564
Кавелин Константин Дмитриевич — 52, 53, 88, 89, 108, 109, 114, 116, 117, 559—564
Кайсаров Андрей Сергеевич — 163
Калайдович Константин Федорович — 515
Калачев Николай Васильевич — 96, 114
Калейка, крестьянин — 590
Калин, царь — 94
Каллаш Владимир Владимирович — 102
Калнышевский Петро — 267
Кальдерон де ла Барка Педро — 21, 74
Кант Иммануил — 18
Караджич Вук Стефанович — 121
Карамзин Николай Михайлович — 17, 116, 123, 125, 568
Карл Великий, французский король — 34
Карл XII, шведский король — 255—256, 275, 276
Карнаухов Николай, собиратель песен — 108
Карнеев Емельян Михайлович — 199, 553
Карпенко Алексей Иванович — 236, 273
Катенин Павел Александрович — 124
Катеринич Василий Семенович — 31
Катранов Николай Дмитриевич — 117
Кашин Даниил Никитич — 220, 223—225, 336, 374, 424, 440, 644
Керн (рожд. Полторацкая; во 2-м браке Маркова-Виноградская) Анна Петровна — 139, 165
Кетчер Николай Христофорович — 57
Кипренский Орест Адамович — 14
Киреевская (рожд. Юшкова; во 2-м браке Елагина) Авдотья Петровна — 9, 10, 12—22, 24, 25, 27, 29, 30, 39, 40, 43—46, 52, 56, 58, 61, 67—70, 72, 74, 77, 80, 88—91, 117, 126, 559
Киреевская Мария Васильевна — 10, 12, 16, 17, 21, 23, 29, 30, 44, 45, 47, 52, 53, 55, 67, 68, 70, 73, 84, 97, 100, 112, 563
Киреевская (рожд. Арбенева) Наталья Петровна — 31, 77
Киреевские, семья — 12, 15, 18, 20, 31, 43—45, 57, 70, 72, 89, 97, 114
Киреевские, семья И. В. Киреевского — 73
Киреевский Василий Иванович — 10, 12
Киреевский Василий Иванович (младший) — 71, 72, 77, 91
Киреевский Иван Васильевич — 10, 12, 14, 16—24, 30, 31, 39, 43, 44, 46, 52, 56—58, 68, 70—73, 77, 91, 143, 157, 162, 166, 505, 514—516, 522
Киреевский Николай Иванович — 71, 72, 77, 91
Киреевский Сергей Иванович — 71, 72, 77, 91
Клементьев И. М., собиратель песен — 115
Кнаппе Карл — 401
Ковалева В. С. — 643
Когерт И., художник — 199
Козмин Николай Кирыч — 230
Кокосов Владимир Яковлевич — 424
Колесницкая Ирина Михайловна — 6, 281, 573, 589
Колотилова Антонина Яковлевна — 224, 228, 644
Колпакова Наталья Павловна — 6, 441, 501, 599, 645
Колумб Христофор — 124
Кольбе, издатель песенников — 222
Кольберг Оскар — 121
Кольцов Алексей Васильевич — 5, 98, 100, 106, 112, 114, 116, 140—143, 153, 156, 157, 165, 166, 170, 172, 176, 224, 281—338, 423, 558, 640—642
Колюпанов Нил Петрович — 20, 74, 117, 164, 522
Комаров Матвей — 512
Комаров Николай Иванович — 52
Комовский Василий Дмитриевич — 44, 47, 50, 51, 56, 58—66, 342
Конашевич Петр — см. Сагайдачный П.
Конисский Георгий — 273, 274, 278
Константин Николаевич, в. к. — 570
Константин Павлович, в. к. — 539
Копейкин — 446
Кораблев Степан Петрович — 114
Корнилович Александр Осипович — 126, 175, 222, 558
Корницелиус Георг — 341
Косинский Криштоф — 277
Костомаров Николай Иванович — 118, 274, 277, 423, 510, 565, 568
Костров Николай Алексеевич — 5, 100, 108, 170, 375, 387, 424 (?), 425, 427—440, 512
Котикова Наталья Львовна — 220, 224, 644
Котляревский Александр Александрович — 80, 117
Котляревский Иван Петрович — 231
Кохановская Надежда Степановна — см. Соханская Н. С.
Кочубей Василий Леонтьевич — 255, 257, 276
Кошелев Александр Иванович — 20, 24, 74, 78, 81, 89, 117, 156, 157, 163, 164, 522
Кошелева (рожд. Петрово-Соловово) Ольга Федоровна — 24
Кравцов Николай Иванович — 426
Краевский Андрей Александрович — 93, 140—142, 165, 221, 281, 282, 285, 286, 289, 334, 335, 337, 589, 591

Красильников Сергей Алексеевич — 236, 270
Краснощеков, генерал — 446, 447, 528, 538
Крестовский Всеволод Владимирович — 335
Кривонос (Перебийнос) Максим — 250—251, 273, 275
Кроткова (рожд. Новосильцева) Прасковья Петровна — 175, 223
Крылов Иван Андреевич — 443
Крюков Дмитрий Львович — 58
Кудашев Алексей Сергеевич — 386, 388
Кудеяр, разбойник — 382, 406
Кузнецов, бургомистр — 382
Кузьминский, полковник — 67
Кузьмищев Павел Федорович — 67, 116
Кукевич Константин Фаддеевич — 529
Кулибин Александр Иванович — 346
Кулиш (псевд. Николай М.) Пантелеймон Александрович — 232, 236, 279
Кунцевич Георгий Захарович — 597
Курум-бай, киргиз — 447
Кутузов Михаил Илларионович — см. Голенищев-Кутузов М. И.
Кучерика С. Е., сказительница — 227
Кучум, сибирский хан — 429
Кюхельбекер Вильгельм Карлович — 20, 74, 125

Лавров Николай Андреевич — 570
Лаговский Федор Никанорович (?) — 510, 539, 636, 644
Лажечников Иван Иванович — 336
Лазаревский (псевд. А. Л.) Александр Матвеевич — 566
Лазутин Сергей Георгиевич — 564, 642
Ламанский Владимир Иванович — 95
Латкин Василий Николаевич — 522
Лёве-Веймар Франсуа Адольф — 176, 181, 219
Левшин Василий Алексеевич — 340, 346
Лейбниц Готфрид Вильгельм — 70
Лейден Джон — 514
Леман Александр, географ — 447
Лемке Михаил Константинович — 166
Ленин Владимир Ильич — 121, 144, 163, 165
Лёнрот Элиас — 121
Лермонтов Михаил Юрьевич — 57, 65, 140, 445
Лернер Николай Осипович — 172, 175, 182, 221, 223, 225
Лесков Николай Семенович — 375, 384, 385, 387, 565
Линева (рожд. Паприц) Евгения Эдуардовна — 225, 644
Линин Анатолий Михайлович — 163
Лисенко Вовгуря — 249
Лисицын Михаил Петрович — 118
Листопадов Александр Михайлович — 440, 538, 539, 644
Лихонин Михаил Николаевич — 42
Лихутин, собиратель песен — 557
Лобода Иван, полковник — 262, 263, 277
Лозанова Александра Николаевна — 221, 346, 501, 502
Локк Джон — 18
Ломоносов Михаил Васильевич — 116, 123
Лопатин Николай Михайлович — 373, 637, 644
Лопухин — 85
Лопухина Евдокия Федоровна (первая жена Петра I) — 446, 638
Лосенко Антон Павлович — 198
Лукашевич Платон Акимович — 136, 234, 270—272, 275, 276, 278, 644
Лупу (Лупула) Василий — 278
Львов Николай Александрович — 107, 108, 645
Любецкий Сергей Михайлович — 441
Людовик, король Баварии — 31
Лютер Мартин — 34, 37
Лядов Анатолий Константинович — 229, 644
Ляпунов Сергей Михайлович — 222, 230, 644
Ляпуновы, знакомые Елагиных — 23
Лященко Аркадий Иоакимович — 282, 335, 337

М. — см. Семевский М.И.
М. Николай — см. Кулиш П. А.
М., помещик — 382—383
Магнитский Василий Константинович — 539, 637, 638, 644
Мазепа Иван Степанович — 126, 176, 254—257, 275, 276
Майдель Иван Филиппович — 70—73, 76
Майков Аполлон Николаевич — 573
Майков Леонид Николаевич — 182, 501
Макарий (Михаил Добряков), иеромонах — 597
Макашин Сергей Александрович — 6, 153, 166
Маколей Томас Бамингтон — 73
Максимов Сергей Васильевич — 118
Максимович Михаил Александрович — 9, 23, 24, 29, 42, 53, 54, 65, 111, 115, 135, 164, 176, 177, 179, 182, 232, 234, 235, 264, 271—279, 514—516, 522, 644
Максимович, сестра М. А. Максимовича — 53
Макферсон Джемс — 339
Малышев Андрей Иванович — 70
Мамай — 94
Марин де Отто Христофорович — 530, 538
Мария Александровна, имп. — 69
Мария Темрюковна (жена Ивана IV) — 518
Мария Федоровна, имп. (жена Павла I) — 533
Маркевич Андрей Николаевич — 279
Маркевич Николай Андреевич — 139, 279
Маркевич, семья — 279
Марков Алексей Владимирович — 85, 102, 104, 172, 590, 591, 640, 642
Маркович Афанасий Васильевич — 100, 117, 228, 565—568
Маркович (рожд. Вилинская; во 2-м браке Лобач-Жученко; псевд. Марко Вовчок) Мария Александровна — 117, 565, 566
Марлинский Александр Александрович — см. Бестужев А. А.
Мартынов Михаил Николаевич — 221

Мастрюк Темрюкович — 218, 511
Матюшин, заводчик — 322
Матюшкин Федор Федорович (?) — 24
Мацнев, знакомый П. И. Якушкина — 389, 391
Межов Владимир Измайлович — 163
Мезьер Августа Владимировна — 163
Мей Лев Александрович — 639, 642
Мельгунов Николай Александрович —24
Мельников Андрей Павлович — 589, 591
Мельников-Печерский (псевд. Андрей Печерский) Павел Иванович — 5, 6, 116, 149—153, 165, 448, 589—598, 640
Меншиков Александр Данилович — 180, 181, 218, 538
Мерзляков Алексей Федорович — 15, 19, 74, 116, 124, 638
Мериме Проспер — 122, 163
Мертваго Дмитрий Борисович — 18
Метлинский Амвросий Лукьянович —234
Миллер Всеволод Федорович — 102—104, 106, 117, 134, 172, 181, 224, 228, 537, 597, 640
Милютин Николай Алексеевич — 589
Минаев, собиратель песен — 52
Минц Софья Исааковна — 5, 6, 513, 537
Митрасов Алексей Иванович — 351—353
Митрофанова Вера Викторовна — 6, 231, 270
Михаил Темрюкович — 590
Михайло, князь — 116
Михайло Козарин—638
Михайлов Михаил Ларионович — 150, 163
Михневич Владимир Осипович — 646
Мицкевич Адам — 18, 22, 24, 31, 221
Модзалевский Лев Борисович — 230, 513, 522, 645
Можаровский А. А. — 636, 644
Мойер Екатерина Ивановна — см. Елагина Е. И.
Мокрицкий Аполлон Николаевич — 283
Мордовина Екатерина Петровна — 565
Мордовины, семья — 565, 566
Мордовцева (рожд. Залетаева; в 1-м браке Пасхалова) Анна Никаноровна — 118, 423, 510, 568
Морозенко, казак — 237, 249, 250, 259—262, 273, 277, 279
Морозенко, семья казака — 260, 261
Мур Томас — 17
Муравьев Михаил Николаевич — 65
Мусоргский Модест Петрович — 213, 255, 337
Мякутин Александр Иванович — 220, 539, 644
Мякушин Н. Г. — 222

Нагая Мария Федоровна (жена Ивана IV) — 116, 120
Надеждин Николай Иванович — 589
Назаревский Александр Адрианович — 236
Наливайко Северин — 240, 241, 262, 273, 277
Наполеон I Бонапарт — 10, 34, 405, 531, 532, 539
Нарышкин — 69
Небаба Трофим — 275
Небольсин Павел Иванович — 222
Некрасов А. И. — 281, 287, 289
Некрасов Илья Васильевич — 644
Некрасов Николай Алексеевич — 144, 151, 162, 381, 382, 385
Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович — 116
Нерулос Ризос Якобс — 38, 74
Нефедьев И., собиратель песен — 286
Нечай Данило — 126, 266, 274
Никитенко Александр Васильевич — 61, 448
Никитин, собиратель песен — 107, 108
Никитушка, собиратель и исполнитель песен — 98, 109, 600, 601
Николай I — 38, 54, 57, 60, 62, 65, 69, 70, 121, 127, 224, 335, 408, 538, 539
Новиков Николай Владимирович — 643—645
Новиков Николай Иванович — 107, 108, 219, 220
Норов Абрам Сергеевич — 23
Ньютон Исаак — 34

Оболенский Василий Иванович — 19
Огарев Николай Платонович — 127
Одоевский Владимир Федорович — 23, 44, 441, 443, 445, 514
Ознобишин Дмитрий Иванович — 513, 522
Ознобишин Дмитрий Петрович — 5, 6, 143, 170, 227, 513—558
Ознобишин Петр Никанорович — 513
Ознобишина Варвара Петровна — см. Базилевская В. П.
Ольга-перевозчица — 380
Омельченко Стефан — см. Сулима Стефан (?)
Онегин (Отто) Александр Федорович — 230
Ончуков Николай Ефимович — 539
Орлова-Чесменская Анна Алексеевна — 381
Орловский Александр Осипович — 323, 325, 361
Осипова (рожд. Вындомская; в 1-м браке Вульф) Прасковья Александровна — 340
Оссиан — 338
Оссовецкий Иосиф Антонович — 6
Остраница Степан — 243, 274
Островский Александр Николаевич —84, 148, 150, 151, 162, 165, 166, 573
Офросимов Александр Михайлович — 24
Офросимова (рожд. Юшкова) Мария Петровна — 24
Очкин Амплий Николаевич — 61, 62

Павел I — 539
Павлов Иван Васильевич — 70—73, 84, 166
Павлов Николай Павлович — 74, 601
Павлов Николай Филиппович — 42, 59, 445
Павлов Сергей Павлович — 301
Павлова Каролина Карловна — см. Яниш К. К.
Павлюк (Карл Павлович Гудзан) — 277
Паганини Никколо — 30
Палей (Палий) Семен — 126, 254—256, 276

Пальчиков Николай Евграфович — 228, 423, 557, 645
Панин Петр Иванович — 346
Парилов И. Г. —539
Парилова Галина Николаевна — 6, 9, 599
Паскевич Иван Федорович — 402, 419
Пассек Вадим Васильевич — 248, 267, 269, 271, 274, 598
Пасхалов Вячеслав Викторович — 102
Пасхалова Анна Никаноровна — см. Мордовцева А. Н.
Пауль И. Б., собиратель песен — 114
Пашков Виталий — 236
Перебийнос — см. Кривонос Максим
Перевлесский Петр Миронович — 100, 108, 286, 569, 571
Перетц Владимир Николаевич — 276
Перовский (псевд. Погорельский) Алексей Алексеевич — 443
Перовский Василий Алексеевич — 67, 343, 443, 447
Перовский Лев Алексеевич — 443
Перси Томас — 128
Пестель Павел Иванович — 60
Петерсон Александр Петрович — 11, 12, 24, 74
Петр I — 84, 96, 159, 180, 218, 252, 254, 256—258, 276—278, 346, 353, 373, 380, 381, 422, 426, 446, 447, 511, 525—527, 537—539, 564, 590, 600, 638
Петр II — 583
Петр III — 501, 502, 537, 538, 563, 564
Петров Николай Иванович — 236, 566
Петухов Евгений Вячеславович — 346
Печерин Владимир Сергеевич — 65
Печерский Андрей — см. Мельников-Печерский П. И.
Пименов Степан Семенович — 214
Писемский Алексей Феофилактович — 5, 6, 116, 149—152, 165, 338, 573—588, 640
Платов Матвей Иванович — 446
Платонова Надежда Николаевна — 166
Плахов Лавр Степанович — 633
Плетнев Петр Александрович — 219
Плещеевы, семья — 13, 74
Погодин Михаил Петрович — 19, 23, 24, 41, 42, 66, 72, 85, 99, 106, 114, 117, 126, 136, 162, 163, 178, 219, 232, 235, 274, 375, 376, 380, 382, 387, 388, 425, 514—516, 523, 569, 589—591
Подберезский, знакомый П. В. Киреевского — 56
Подкова Ган (Иван Серпяга) — 248, 274
Пожарский Дмитрий Михайлович —590
Позднеев Александр Владимирович — 558
Покровский Федор Иванович — 644
Полевой Николай Алексеевич — 23, 42, 118, 508
Полищук Ф. — 236
Полонский Яков Петрович — 505
Полтов, калужский помещик — 82
Полуботок Павел Леонтьевич — 268, 278
Померанцев, домовладелец — 18
Померанцева Эрна Васильевна — 337, 523
Попов Александр Николаевич — 113
Попов Андрей Андреевич — 630
Попов Василий, собиратель песен — 423
Попов М. И. — 181, 645
Портовов Г., собиратель песен — 108, 446
Потанин Б., собиратель песен — 373
Потебня Александр Афанасьевич — 228
Потемкин-Таврический Григорий Александрович — 267 (?), 278, 530, 531, 538
Потехин Алексей Антипович — 150, 570, 572
Потоцкий Николай — 262
Прач Иоганн (Иван) — 107, 108, 557, 638, 645
Прибыткова, содержательница костромского пансиона — 571
Прозоровский, астраханский воевода — 184, 186, 385
Прокунин Василий Павлович — 229, 292, 293, 373, 637, 645
Пропп Владимир Яковлевич — 641
Протасов Николай Александрович — 56
Протасова (рожд. Бунина) Екатерина Афанасьевна — 10, 74
Протасова (по мужу Мойер) Мария Андреевна — 13, 14, 74
Пугачев Емельян Иванович — 5, 41, 138, 159, 175, 176, 221, 343, 346, 372, 373, 385, 443, 446, 449—451, 501, 502, 524, 525, 529, 530, 537, 564
Пуле де Михаил Федорович — 281, 289
Путилов Борис Николаевич — 537, 538, 644
Путята Николай Васильевич — 523
Пушешникова С. В. — 427
Пушкарь Мартин — 251, 252, 275
Пушкин Александр Сергеевич — 5, 6, 10, 17, 18, 20, 21, 30, 39—44, 47—49, 62, 65, 75, 81, 83, 113, 115, 116, 121, 124—126, 128—139, 142—144, 147—149, 153, 156, 157, 159, 161—164, 166, 169—230, 232, 270, 335, 340, 342—344, 346, 373, 374, 385, 441, 443—445, 501, 512, 514, 515, 522, 524, 538, 558, 564, 599, 601, 640, 642—646
Пушкин Лев Сергеевич — 174, 219
Пушкина (рожд. Гончарова) Наталья Николаевна — 221, 343, 501
Пыпин Александр Николаевич — 158, 166, 380, 382, 387, 429, 448
Пятницкий Андрей Васильевич — 427

Рагузинский, семинарист — 336
Радищев Александр Николаевич — 126, 154, 161, 166, 175, 181, 383
Раев Василий Егорович — 471
Раевский Владимир Федосеевич — 130, 164
Раевский Иван Васильевич — 90
Раевский Николай Николаевич, отец — 130
Раевский Николай Николаевич, сын — 126, 176
Раевский Святослав Афанасьевич — 343, 520, 523
Разин Степан Тимофеевич — 84, 96, 111, 126, 130, 131, 138, 141, 159, 174—176, 180, 183—186, 218—220, 288, 332, 335, 342, 372, 373, 382, 385, 501, 511, 537
Разин, сынок — 111, 159, 176, 183—186, 219, 220, 385
Раич Семен Егорович — 143, 522

Ракитнянский Максим — 250
Рачков, корреспондент «Нижегородских губернских ведомостей» — 590
Регнер (Рагнер) Лодброк — 340
Редем фон, граф — 34
Резанов Владимир Иванович — 106
Решетников Андрей Гордиевич — 643
Ржевицкий, собиратель песен — 109, 115
Римский-Корсаков Николай Андреевич— 146, 148, 150, 152, 165, 205, 227, 228, 423, 587, 645
Рис Фердинанд — 17
Робертсон Вильям — 22
Рогелевский — 275
Роговская Марианна Евгеньевна — 6, 513, 537
Родион, слуга П. В. Киреевского — 30, 179, 601
Рожалин Николай Матвеевич — 24, 25, 30, 115, 179
Романец О. С. — 270, 272, 273
Россет Александра Осиповна—см. Смирнова А. О.
Ружный Богданка — 263—264, 278
Румянцев-Задунайский Петр Александрович — 95, 538
Руотт Шарль Луи — 449
Рупин (Рупини) Иван Алексеевич — 373
Руссель Поль — 433
Рыбников Павел Николаевич — 101, 112, 118, 119, 228, 229, 600, 638, 640, 642, 645
Рыжков, генерал — 527 (?), 538
Рылеев Кондратий Федорович — 125, 126, 163, 514, 516

С—в Д. Н.— 512
Савваитов Павел Иванович — 118
Савельев Андроник Минаевич — 537
Савин Стефан — 42
Савина Наталья, исполнительница песен — 637
Сагайдачный (Конашевич) Петр — 126, 254, 255, 276, 279
Садко — 96, 600
Садовников Дмитрий Николаевич —346
Садовский Пров Михайлович — 147, 160
Сакулин Павел Никитич — 110, 112, 162
Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович— 70, 144, 153—156, 166, 281, 288, 289, 384
Самарин Юрий Федорович — 157
Сахаров Иван Петрович — 50, 51, 53, 54, 136, 222, 227, 229, 282, 286, 337, 376, 586, 645
Свербеев Дмитрий Николаевич — 56—58, 512 (?)
Свербеева (рожд. Щербатова) Екатерина Александровна — 56
Сверчовский (Свирговский) Иван — 237—238, 273
Свиньин Павел Петрович — 193, 437
Свирговский Иван — см. Сверчовский И.
Селивановский Николай Семенович —113
Семевский (псевд. М.) Михаил Иванович— 182
Семенов Петр Петрович — 109
Сен-Симон Клод Анри де — 6, 33—38
Сервантес де Сааведра Мигель — 179
Сердюченко Георгий Петрович — 644
Серебрянников Алексей — 42
Серпяга Иван — см. Подкова Ган
Сидельников Виктор Михайлович —164, 281, 289
Симони Павел Константинович — 513, 522
Симонов (Номис) Матвей Терентьевич — 566
Сирота, разбойник — 382
Сисмонди Жан Шарль Леонар де — 17
Скафтымов Александр Павлович — 448
Скино Александр Трофимович — 391
Скопин-Шуйский Михаил Васильевич — 424
Скоропадский Иван Ильич — 258, 277
Смирнов Александр Петрович — 424
Смирнова (рожд. Россет) Александра Осиповна — 69
Снегирев Иван Михайлович — 19, 41, 47, 53, 74, 115, 226, 270, 282, 286, 376
Соболев Павел Михайлович — 281, 289
Соболевский Алексей Иванович — 107, 108, 222, 224, 225, 287, 335—338, 373, 374, 422—426, 440, 502, 503, 510, 512, 537—539, 557, 558, 564, 568, 572, 586—588, 635—638, 645
Соболевский Сергей Александрович — 23, 30, 39, 40, 44, 47, 48, 85, 89, 91, 94, 96, 118, 122, 124, 132, 133, 135, 138, 147, 163, 173, 179—182, 223, 226, 342, 523
Соймонов Алексей Дмитриевич — 6, 9, 43, 71, 74, 118, 121, 163, 164, 171, 181, 182, 223, 224, 281, 339, 346, 599, 601, 645
Соймонова (по мужу Мертваго) Сусанна Александровна — 133
Соколов Борис Матвеевич — 236, 635
Соколов Д. П., собиратель песен — 118
Соколов Иван Иванович — 269
Соколов Михаил Евгеньевич — 636, 646
Соколов Флавий Васильевич — 645
Соколова Вера Константиновна — 236
Сократ — 17, 24, 46
Соллогуб Владимир Александрович — 445
Соловьев Сергей Михайлович — 66
Соломонида, няня В. И. Даля — 445, 448
Сомов Орест Михайлович — 125, 139, 232
Сорока Трофим — см. Гуляницкий Трофим (?)
Софья Алексеевна, царица — 425
Соханская (псевд. Кохановская) Надежда Степановна — 118, 156, 158, 166
Сперанский Михаил Нестерович — 81, 85, 91, 99, 102—104, 106, 110—114, 117—119, 172, 223, 225, 226, 234, 236, 270, 386, 423, 425, 569, 588
Срезневская (рожд. Кускова) Елена Ивановна — 274
Срезневский Измаил Иванович — 88, 89, 117, 164, 233, 234, 271—279, 643
Ставр Годинович — 373
Станкевич Александр Владимирович — 74
Станкевич Николай Владимирович — 42, 74, 140
Стахович Михаил Александрович — 78, 83, 95, 114, 146—148, 150, 160, 161, 165, 335, 386, 565
Стенька Чувашенин — 621
Степанова Екатерина Ивановна — 643
Стефан Баторий (Стецко) — 42, 263, 278

Стецко — см. Стефан Баторий
Стороженко Николай Ильич — 102
Стоус, казак — 256
Стрелковский Алексей Иванович — 585
Строганов Сергей Григорьевич — 90
Строев Павел Михайлович — 64, 65
Студитский Федор Дмитриевич — 118, 286, 337, 426, 586, 587, 646
Суворов Александр Васильевич — 159, 176, 181, 218, 527 (?), 538
Сулима Иван — 262, 277
Сулима (Омельченко) Стефан — 251 (?), 252 (?), 275
Сумароков Александр Петрович — 123, 181, 218, 230
Сумцов Николай Федорович — 102, 119
Сурин, капитан — 189, 221
Суровец-Суздалец — 95
Суровцев Григорий Степанович — 152
Сусанин Иван — 139
Суханов Михаил Дмитриевич — 286, 637
Сухман — 539
Сухобрус Галина Семеновна — 164
Сухоруков Василий Дмитриевич — 126, 163
Сьомуха, казак — 249

Тассо Торквато — 125
Татьяна Андреевна, исполнительница песен — 98
Текелли (или Текелий) Петр Абрамович — 278, 279
Теребенина Римма Ефремовна — 218
Терентий, гость — 96
Терещенко Александр Васильевич —107, 226, 227, 337, 646
Тетера (Тетеря-Моржковский) Павел — 242, 274
Тетеренко Федор — 242, 243, 273, 274
Тик Людвиг — 24
Тимм Василий Федорович — 287
Тимофеев Константин Акимович — 182
Тирш Фридерик — 31, 32
Титов Андрей Александрович — 74, 597
Титов Владимир Павлович — 23, 44, 57, 58
Титов, заводчик — 322, 323
Титовы, семья — 57
Тихонравов Николай Саввич — 423, 510, 568
Толстой Александр Петрович — 41
Толстой Лев Николаевич — 383, 388, 505
Толычева Т., мемуаристка — 10, 11, 74
Томашевский Борис Викторович — 182, 219, 220, 225
Тонков Вячеслав Алексеевич — 281, 289
Траубенберг, генерал — 501
Тредиаковский Василий Кириллович — 373
Тришка Сибиряк, разбойник — 382
Тропинин Василий Андреевич — 173, 245, 259
Трощинский Дмитрий Прокофьевич — 231
Трубецкой Петр Иванович — 387, 565
Трубицын Николай Николаевич — 172, 224, 228, 230
Трунов Дмитрий Васильевич — 283
Трутнев Иван Петрович — 239
Трутовский Василий Федорович — 220, 638, 646
Трутовский Константин Александрович — 567
Трушковская Мария Васильевна — см. Гоголь М. В.
Туманский Василий Иванович — 522
Тургенев Александр Иванович — 58, 59
Тургенев Александр Михайлович — 505—507
Тургенев Андрей Иванович — 123, 124, 163
Тургенев Иван Сергеевич — 68, 70, 76, 148, 149, 165, 426, 505, 640, 642
Тютчев Иван Николаевич — 25
Тютчев Федор Иванович — 25, 29
Тютчевы, семья поэта — 25

Уваров Сергей Семенович — 50, 56, 61, 62, 182
Улыбышева П. А., собирательница песен —108, 109
Ундольский Вукол Михайлович — 84
Урбен, книгопродавец — 22
Усов Павел Степанович — 165, 591
Ухов Петр Дмитриевич — 5, 6, 77, 93, 99, 112, 116—120, 158, 163, 223, 226, 227, 231, 270, 272—274, 281, 282, 284—286, 289, 339, 375, 386, 388, 392, 400, 410, 427, 428, 439, 441, 446—448, 505, 508, 511, 559, 565, 566, 569, 573, 589, 599, 639—642
Ухова Любовь Семеновна — 6
Ушакова Софья Андреевна — 175, 182
Ушаковы, семья — 182

Фаворский Е., собиратель песен — 118
Фаресов Анатолий Иванович — 566
Федор Рытик (Федька) — 382
Федя, чуваш, автор песен — 517
Фенелон Франсуа де Салиньяк де ла Мот — 17
Фердинанд VII, король Испании — 39
Фермор Вилим Вилимович — 181, 218
Фероглио Фортюне — 491
Филиппов Павел Лаврентьевич — 393
Филиппов Тертий Иванович — 78, 81, 84, 150, 423
Флетчер Джильс — 64
Фомин Александр Александрович — 163
Фонвизин Иван Александрович — 24
Фонвизин Михаил Александрович — 126
Фонвизины, семья декабриста — 126
Фориэль Клод — 174
Фотий, архимандрит — 381
Франко Иван Яковлевич — 273
Фукс (рожд. Апехтина) Александра Андреевна — 513, 517, 522, 523
Фукс Карл Федорович — 343
Фюрст Пауль — 247

Халанский Михаил Георгиевич — 273
Ханыков Николай Владимирович — 67, 447
Харитонов Алексей, собиратель песен — 95, 111, 116, 446
Харлов Захар — 221
Харченко Гайчура (?) — 249
Херасков Михаил Матвеевич — 123

Хмельницкий Богдан — 247, 249, 264—267, 272—275, 277, 278
Хмельницкий Тимофей — 275, 278
Хмельниченко Юрий — 251, 275
Ходаковский Зориан — см. Доленга-Ходаковский З. Я.
Ходаревская Екатерина Ивановна — 231, 232
Хомяков Алексей Степанович — 41, 48, 49, 53, 54, 57, 58, 60, 65, 69, 84, 89—91, 118, 156—158, 166, 516, 569
Хомякова Екатерина Михайловна — см. Языкова Е. М.
Храпунов, заводчик — 371
Хрипков Александр Дмитриевич — 59, 60
Худяков Иван Александрович — 163, 380

Цветаев Лев Алексеевич — 19
Цертелев Николай Андреевич — 114, 116, 118, 231, 340, 508
Циолковский М., генерал — 67
Цыклер Иван Елисеевич — 180, 218
Цявловская (Зенгер-Цявловская) Татьяна Григорьевна — 174, 219, 645
Цявловский Мстислав Александрович — 43, 75, 172, 174, 175, 181, 182, 219, 221, 223, 225, 230, 448, 645

Чаадаев Петр Яковлевич — 18, 38, 56, 57, 59, 60
Чайковский Петр Ильич — 148, 229, 292, 293, 336, 337, 645
Чалый Сава — 244—248, 273, 274, 279
Чалые, семья Савы Чалого — 244—248
Черкасовы, семья — 13, 74
Черкасский Владимир Алексеевич (?) — 389
Чернов Николай Михайлович — 566
Чернышев Василий Ильич — 220, 222, 224, 225, 338, 373, 374, 426, 522, 539, 646
Чернышевский Николай Гаврилович — 9, 140, 144, 153, 165, 381, 382
Чертков Александр Дмитриевич — 65
Чертков Алексей Николаевич — 282
Чихачев Платон Александрович — 447
Чичай — см. Адамович
Чичеров Владимир Иванович — 448, 539, 597
Чулков Михаил Дмитриевич — 53, 75, 96, 107, 108, 124, 128, 181, 220, 225, 346, 373, 374, 512, 557, 558, 564, 568, 635, 636, 638, 646
Чумаков Федор Иванович — 19
Чурай, есаул — 243, 274
Чурила, богатырь — 589

Шамрай Агапий Филиппович — 273
Шаповалова Галина Григорьевна — 6, 441, 501, 645
Шармуа Франсуа Бернар — 278
Шафарик Павел Иосиф — 44, 53, 163
Шварц Дмитрий Максимович — 219
Швачка Микита — 257, 276
Шевырев Степан Петрович — 5, 24, 30, 39, 62, 115, 116, 134, 179, 182, 223, 235, 511, 512, 514—516
Шейн Павел Васильевич — 94, 222, 225—229, 335, 337, 338, 373, 440, 502—504, 510, 539, 558, 572, 586—588, 597, 598, 636, 646
Шекспир Вильям — 21, 39, 40, 74, 171
Шеллинг Фридрих Вильгельм Иосиф — 18
Шенрок Владимир Иванович — 270
Шереметев Борис Петрович — 84—85, 180, 218, 446, 447, 526, 538
Шибанов Михаил, художник — 201
Шиллер Фридрих Иоганн Кристофор — 15
Шишков Александр Семенович — 125
Шишонко Василий Никифорович — 539
Шкапской Федор, майор — 529, 538
Шкобский — см. Шкапской Ф.
Шлегель Фридрих В. — 50
Шмидт В. В. — 220
Шомина Валентина Георгиевна — 426
Шохин Алексей, художник — 607, 611
Штернберг Василий Иванович — 447

Щедрин Н. — см. Салтыков-Щедрин М. Е.
Щекатов Афанасий — 350
Щелачилин, художник-самоучка — 627
Щелкан Дудентьевич — 96
Щепкин Михаил Семенович — 58
Щербина Николай Федорович — 337
Щукин Петр Иванович — 114

Эвальд Зинаида Викторовна — 645
Эйгес Иосиф Романович — 182
Энгельгардт Анна Николаевна — 228
Эриксен Вигилиус — 525
Эфрос Наталья Давыдовна — 6

Юдин Александр Митрофанович — 281, 289
Юнгман Иосеф — 44, 163
Юрлов В. П. — 522
Юсуповы, семья — 599
Юшков Петр Николаевич — 10, 74
Юшкова Авдотья Петровна — см. Киреевская А. П.
Юшкова Анна Петровна — см. Зонтаг А. П.
Юшкова (по мужу Азбукина) Екатерина Петровна (Като) — 16
Юшковы, семья — 10

Языков Александр Михайлович — 44, 47, 49—52, 56—58, 60—66, 75, 116, 140, 158, 163, 165, 175, 179—181, 339, 342—346, 372, 373, 446, 558
Языков Дмитрий Дмитриевич — 429
Языков Николай Михайлович — 5, 9, 18, 39, 40, 43, 44, 47—53, 56—64, 75, 83, 100, 108, 116, 117, 121, 124, 128, 140, 142, 143, 149, 157, 158, 163—166, 174, 175, 179—182, 221, 223, 339—375, 425, 443, 446, 514, 516, 517, 519, 520, 523, 538, 558, 601, 637, 645
Языков Петр Михайлович — 9, 24, 47, 49—52, 58, 60—64, 75, 116, 140, 158, 163, 165, 179, 180, 221, 270, 342—346, 355, 372—374, 520, 523
Языкова (по мужу Хомякова) Екатерина Михайловна — 52, 342, 344, 372
Языкова (рожд. Ивашева) Елизавета Петровна — 342

Языкова (рожд. Хомякова) Наталья Алексеевна — 342
Языкова Прасковья Михайловна — см. Бестужева П. М.
Языковы, семья — 342—344, 346, 372, 446, 517, 600, 617, 637, 640
Яковлев Василий Васильевич — 182
Якушкин Александр Иванович — 387, 565
Якушкин Виктор Иванович — 388
Якушкин Вячеслав Евгеньевич — 219, 221
Якушкин Вячеслав Иванович — 387
Якушкин Иван Андреевич — 375
Якушкин Иван Дмитриевич — 126, 387
Якушкин Николай Иванович — 565
Якушкин Павел Иванович — 5, 70—72, 77, 78, 80—93, 95—102, 107—109, 112—118, 140, 144—147, 152, 159, 165, 170, 174, 226—228, 281, 335, 337, 375—429, 440, 446, 539, 558, 565, 568, 571, 572, 588, 640—642, 646
Якушкин Семен Иванович — 88, 91
Якушкина Прасковья Фалеевна — 375, 379, 383, 389
Якушкины, семья декабриста — 126
Якушкины, семья фольклориста — 565, 566
Ян Казимир, польский король — 263, 265, 266, 278
Яниш Карл Андреевич — 23
Яниш (по мужу Павлова) Каролина Карловна — 23, 24, 59
Янчук Николай Андреевич — 282, 289

Hyjer O. — 646

Mahler Elsa — 224, 227, 230, 646
Murko M. — 646

УКАЗАТЕЛЬ ТЕКСТОВ*

Составила Е. М. Львова

«...А подруженки ожидать...» — 304
(Кольц. № 17)

«А у свата сводника...» — 208
(Пушк. № 45)

«Авдотья вдовина...» — 200
(Пушк. № 24)

«Ай Дуняшка Фомина, Фомина...» — 322
(Кольц. № 35).

«Ай молодость, молодость...» — 540
(Озн. Рус. песни № 2)

«Ай пó лугу, лугу...» — 397
(Як. № 9)

«Аленькая-аленькая веточка...» — 471
(Даль № 31)

«Анюшинька по сеничкам ходила...» — 421
(Як. № 46)

«Ах вы ночи, ночи темные...» — 556
(Озн. Рус. песни № 29)

«Ах, да не мила-та ли мне, мила мне, добру молодцу, мила мне, здешняя сторонушка...» — 432
(Костр. № 10)

«Ах, житье ли мое, житье бедное...» — 547
(Озн. Рус. песни № 12)

«Ах и чей это садок зилёшунек стоит?..»— 391
(Як. № 1)

«Ах как нониче для молодца беспокойны ночи!..» — 541
(Озн. Рус. песни № 3)

«Ах как цвели-то цвели в поле алы цветики...» — 415
(Як. № 36)

«Ах ты, батюшка Яик-река...» — 358
(Яз. № 19)

«Ах, ты вейся, капустка моя!..» — 572
(Жад. № 2)

«Ах, ты Дунюшка-Авдотьюшка душа!..» — 543
(Озн. Рус. песни № 6)

«Ах ты, матушка родимая...» — 619
(Кир. № 34)

«Ах ты, молодость моя, молодость...» — 196
(Пушк. № 19)

«Ах ты, поле, мое поле, поле чистое!..» — 432
(Костр. № 8)

«Ах ты, ягодка самородинка...» — 524
(Озн. № 3)

«Ахти, горе привязалося...» — 630
(Кир. № 50)

«Батюшка родимой...» — 584
(Пис. № 11)

«Бежит речка по песку...» — 191
(Пушк. № 11)

«Бежит речка по песку...» — 370
(Яз. № 45)

«Бежит речушка слезовáя...» — 193
(Пушк. № 14)

«Береза белая...» — 202
(Пушк. № 29)

«Беседа моя, беседушка, беседа смирна!..» — 196
(Пушк. № 20)

«Беседушка шла...» — 542
(Озн. Рус. песни № 5)

«Бестолковый сватушко!..» — 208
(Пушк. № 44)

«Благослови-ко, боже-господи...» — 453
(Даль № 2)

«Боже, благослови, Христос...» — 202
(Пушк. № 28)

«В городе-то было в Астрахане...» — см. Песня о сыне Сеньки Разина

«В гостях Дуня гостила...» — 333
(Кольц. № 48)

«В деревне Тоторшеве жил мужик богатой...» — 592
(Мельн. № 1)

В доме у нас хороводная («Ой, пóд лесом тёмным шелкова трава...») — 608
(Кир. № 16)

«В огороде не трава...» — 466
(Даль № 22)

«В огороде трава зеленая была...» — 463
(Даль № 16)

«В одно врем'я під єлисаветом много орлів ізліталось...» — см. На послідне поруйнування Січі

«В селе, селе Измайлове...» — 313
(Кольц. № 28)

«В тереме свечка ясненько горит...» — 465
(Даль № 21)

«Вдоль по улице по Шведской...» — 197
(Пушк. № 21)

* В указателе приняты сокращения: Вост.— А. Х. Востоков; Гог.— Н. В. Гоголь; Жад.— Ю. В. Жадовская; Кав. — К. Д. Кавелин; Кир. — П. В. Киреевский; Кольц.— А. В. Кольцов; Костр.— Н. А. Костров; Мельн.— П. И. Мельников-Печерский; Озн.— Д. П. Ознобишин; Пис.— А. Ф. Писемский; Пушк.— А. С. Пушкин; Тург.— А. М. Тургенев; Шев.— С. П. Шевырев; Яз.— Н. М. Языков; Як.— П. И. Якушкин.— *Ред.*

«Вдоль по улице репе́нь...» — 609
(Кир. № 18)
«Вдоль по улицы мителица метёть...» — 392
(Як. № 3)
«Вейся, вейся, хмелинушка...» — 327
(Кольц. № 40)
«Велик світ наша мати, що нас породила...» — см. Про Гриця
Весенняя песня
(«Ты стой, моя роща...») — 318
(Кольц. № 33)
«Виїзжали пани полонці не ввечері, вранці...» — 268
(Гог. № 50)
«Винной мой колодесь...» — 314
(Кольц. № 29)
«Виселая биседушка, где батюшка пьет...» — 397
(Як. № 10)
«Висит колыбель на шелку́...» — 206
(Пушк. № 39)
«Високо сонце сходить, низенько ложиться...» — см. Про полковника Палія
«Вкруг Казани, вкруг города...» — 474
(Даль № 37)
«Вниз па матушки па Волги...» — 405
(Як. № 24)
«Во городи, люли, вы Казани...» — 403
(Як. № 20)
«Во лесах во дремучиих...» — 189
(Пушк. № 7)
«Во лугах, лугах, лугах, во зелённыих лугах...» — 621
(Кир. № 37)
«Во поле, во поле, во поличке...» — 463
(Даль № 17)
«Во прошлом во году...» — 411
(Як. № 31)
«Во Саратове Ванюшка родился...» — 418
(Як. № 40)
«Во селе было Воскресенским...» — 356
(Яз. № 15)
«Во селе было Крашинском...» — 635
(Кир. № 57)
«Во славном городе во ⟨Киеве⟩...» — 186
(Пушк. № 3)
«Во столовой новой горнице...» — 478
(Даль № 42)
«Во столовой новой горнице...» — 480
(Даль № 46)
«Во сыро́м бору́ на клену́...» — 206
(Пушк. № 40)
«Во сыром-та бору брала Маша ягодки...» — 304
(Кольц. № 16)
«Возле реки...» — 461
(Даль № 15)
«Возле речки Москва-речки...» — см. Хороводная
«Вор мальчишка молодой...» — 551
(Озн. Рус. песни № 21)
«Вот вам, красные девушки!..» — 216
(Пушк. № 58)
«Вот далече ли, вот далече ли в поле на раздольицу...» — 436
(Костр. № 17)
«Вот идет-то, ко мне жалует...» — 488
(Даль № 57)
«Вот я улицой шла...» — 574
(Пис. № 3)
«Все мои леса порублены...» — 359
(Яз. № 22)
«Все песни перепели...» — 207
(Пушк. № 43)
«Всхоже красное мое солнышко...» —452
(Даль № 1)
«Вы туманы мои, туманушки...» — 412
(Як. № 32)
«Вы цветы мои, цветики...» — 462
(Даль № 16)
«Выду я во горенку, сяду на лавку...» — 411
(Як. № 29)
«Выходила девчоночка за новые ворота...»—544
(Озн. Рус. песни № 9)
«Выходила коляда...» — 603
(Кир. № 6)
«Вянет-вянет в поле травка...» — 625
(Кир. № 43)

«Говорил милый, наказывал...» — 367
(Яз. № 39)
«Говорил-то мне сердечный друг...» — 422
(Як. № 47)
«Говорил ты мне, мил, приказывал...»— 432
(Костр. № 9)
«Голубчик, голубчик, голубь сизенький...» — 628
(Кир. № 45)
«Горька-то, горька в чистом поле полынь-трава...» — 368
(Яз. № 41)
«Грановитая палата становита...» — 466
(Даль № 23)
«Грушица, грушица моя...» — 616
(Кир. № 29)

«Далече-далече во чистом поле...» — 351
(Яз. № 9)
«Далече-далече во чистом поле...» — 353
(Яз. № 12)
«Двой кочёта пели. .» — 610
(Кир. № 19)
«Девка по́ двору ходила...» — 619
(Кир. № 35)
«Девки пива наварили...» — 582
(Пис. № 8)
«Девки по́ лагу гуляли...» — 399
(Як. № 13)
«Девушка крапивушку жала...» — 194
(Пушк. № 15)
«Девчоначка лисам шла...» — 394
(Як. № 7)
«Денечик проходит...» — 614
(Кир. № 25)
«Долина, долинушка...» — 194
(Пушк. № 16)
«Друг мой милый, красно солнышко мое...» — 188
(Пушк. № 6)
«Дуброва моя зеленая!..» — 364
(Яз. № 31)

«Ех, ночи жь мои, ночи жь мои темныя...»— 430
(Костр. № 4)

«Еще что кому до нас, когда праздничек у нас!..» — 603
(Кир. № 7)

«Жил я в Польше. .» — 574
(Пис. № 4)
«Жил я у пана первое лето...» — 332
(Кольц. № 47)
«Журнал пешеходца» — 407—422
(Як.)

«За Кубаном огни гарять...» — 419
(Як. № 42)
«За рекой было, за Невагою...» — 526
(Озн. № 6)
«Заводы мои, заводушки кирпичныя...» — 418
(Як. № 39)
«Заводы мои фабричныи...» — 400
(Як. № 15)
«Завтра, завтра большой праздничек...» — 456
(Даль № 5)
«Зажурилася Украйна, що нігде прожити...» — см. Про козака Швачку
«Запорожці небожата! Пшениця нежата...» — см. Про атамана Гордієнка
«Запромыл да пробил батюшка Уралрека все горы высокия...» — 359
(Яз. № 20)
«Затопися, ба́ненька...» — 203
(Пушк. № 31)
«Зашатался-загулялся добрый молодец...» — 365
(Яз. № 35)
«Зеленая роща...» — 302
(Кольц. № 14)
«Зима ли ты, зима холодная...» — 430
(Костр. № 1)
«Зимовая стужа...» — 332
(Кольц. № 46)
«Знать, меня матушка в горе носила...» — 629
(Кир. № 49)

«И я батюшке говорила...» — 628
(Кир. № 46)
Игральная («Уж я хрен рощу...») — 605
(Кир. № 13)
«Идет кузнец из кузницы...» — см. Подблюдная
«Из Гурьева городка...» — 188
(Пушк. № 5)
«Из-за леса, леса темного...» — 366
(Яз. № 38)
«Из-за лесу, лесу...» — 483
(Даль № 52)
«Из-за лесу, лесу темного...» — 484
(Даль № 53)
«Из-за лесу, лесу темного...» — 527
(Озн. № 7)
«Из лугу, лугу зелено́ва...» — 606
(Кир. № 14)
«Из-под славного под города, города Кубана...» — 548
(Озн. Рус. песни № 14)
«Из уральского городка...» — см. Песня о пугачевском бое

Казнь Долгорукова («По большой-то дороженьке...») — 527
(Озн. № 8)
Как в долу́-то берёзынька белёхонька стои́т...» — 206
(Пушк. № 38)
«Как в Москве было или в Питере...» — 555
(Озн. Рус. песни № 27)
«Как во городе было во Астрахани...» — 354
(Яз. № 14)
«Как во келийке монашинка спасается...» — 371
(Яз. № 47)
«Как во поле, чистом поле, в широком раздолье...» — 536
(Озн. № 21)
«Как во светло было во Христово воскресеньице...» — см. Песня императора Петра Первого
«Как вольная пташечка перепёлка...» — 369
(Яз. № 43)
«Как далеченке-далече в чистом поле...» — 362
(Яз. № 29)
«Как далеченько-далече в чистом поле...» — 365
(Яз. № 34)
«Как за лесом, за лесочком.. » — 328
(Кольц. № 42)
«Как за реченькой было за Невагою...» — 422
(Як. № 48)
«Как за речинькой, как за быстрою...» — 524
(Озн. № 1)
«Как за церковью, за немецкою...» — 188
(Пушк. № 4)
«Как и я, молода...» — 317
(Кольц. № 32)
«Как на горке, на горе...» — 631
(Кир. № 52)
«Как на горке, на горе...» — 582
(Пис. № 9)
«Как на горочке-то был я, на горе...» — 532
(Озн. № 14)
«Как на матушке Волге-реке...» — 478
(Даль № 43)
«Как на рубеже государевом...» — 533
(Озн. № 17)
«Как на сосне, на елине...» — 295
(Кольц. № 5)
«Как на утренней заре вдоль по Каме по реке...» — 183
(Пушк. № 2)
«Как но́нече куры...» — 202
(Пушк. № 27)
«Как отдал меня батюшка замуж...» — 561
(Кав. № 3)
«Как по край было синего моря...» — 477
(Даль № 41)
«Как по морю, морю синему...» — 350
(Яз. № 7)
«Как по Питерской по дороженьке...» — 623
(Кир. № 41)

«Как по селам спят, по дерéвням спят...» — 197
(Пушк. № 22)
«Как по сеням, по сеничкам...» — 467
(Даль № 24)
«Как по сеням, сеням, сенюшкам...» — 326
(Кольц. № 39)
«Как под лесом под темным...» — 312
(Кольц. № 27)
«Как под яблонькой...» — 556
(Озн. Рус. песни № 28)
«Как пошла наша Параша...» — 574
(Пис. № 2)
«Как при вечере, вечере...» — 204
(Пушк. № 34)
«Как расплакалась...» — 580
(Пис. № 5)
«Как сказали-то, Иванушко хорош да хорош!..» — 205
(Пушк. № 36)
«Как-то мне будет в чужие люди итти?..» — 203
(Пушк. № 32)
«Как у Ванюшки заболела голова, голова...» — 437
(Костр. № 20)
«Как у дуба, у сыра дуба...» — 483
(Даль № 51)
«Как у князя было, князя...» — 290
(Кольц. № 1)
«Как у нас было в зеленом саду...» — 559
(Кав. № 1)
«Как у нас было на улице...» — 190
(Пушк. № 10)
«Как у нас ли во Россеюшке...» — 532
(Озн. № 15)
«Как у нас то было во городе Астраханском...» — 362
(Яз. № 28)
«Как у нашего князя...» — 212
(Пушк. № 53)
«Как у славнова заводчика...» — 322
(Кольц. № 36)
«Как у чарочки у серебреныя...» — 464
(Даль № 20)
«Как шел Ваня из гостей...» — 548
(Озн. Рус. песни № 13)
«Как я устану ранешенько...» — 431
(Костр. № 7)
«Калина, малина...» — 198
(Пушк. № 23)
«Княгиня-душенька!..» — 215
(Пушк. № 56)
«Княгиня-душенька!..» — 216
(Пушк. № 59)
«Князёк молоденький...» — 216
(Пушк. № 57)
«Колёда-молёда!..» — 593
(Мельн. № 2)
«Колёда-молёда!..» — 595
(Мельн. № 5)
«Колёда-молёда!..» — 596
(Мельн. № 6)
«Коль-колёдá...» — 594
(Мельн. № 3)
«Корчемка, корчемка, корчма тонкая...» — 366
(Яз. № 37)
«Красно лето подоспело...» — 505
(Тург. № 1)
«Кровать моя, кроватушка, кровать тесовая...» — 416
(Як. № 37)
«Кукушечка соловушка журила-бранила...» — 359
(Яз. № 21)
«Кулик куликает, ни молоденькой князь Голицын по лужку гуляет...» — 408
(Як. № 26)

«Летел соловей из зеленых лузей...» — 472
(Даль № 32)
«Летит-летит голубок...» — 470
(Даль № 30)
«Летить пава, 'на ронить перо...» — 435
(Костр. № 16)
«Лишь солнце закатилось за темные леса...» — 535
(Озн. № 20)
«Лучина-лучинушка березовая...» — 560
(Кав. № 2)
«Любила Танюша...» — 396
(Як. № 8)
«Ляхи кажуть, турки кажуть: Україна плаче...» — см. Про козака Морозенка

«Мазепо, гетьмане, ізрадливий пане!..» — см. Про гетьмана Мазепу
«Матушка, матушка, головка болит...» — 295
(Кольц. № 6)
«Мать сына порóдила...» — 633
(Кир. № 55)
«Между гор по кáменью...» — 212
(Пушк. № 52)
«Мил по улице гуляет, на окошечко не взглянет...» — 543
(Озн. Рус. песни № 7)
«Милые дружки-целовальнички...» — 297
(Кольц. № 8)
«Мимо батюшкиного раззелененького было садочка...» — 362
(Яз. № 27)
«Мимо дворика батюшкина...» — 204
(Пушк. № 35)
«Мимо моего раззеленого садочка...» — 361
(Яз. № 26)
«Мимо наш-то широкий двор...» — 469
(Даль № 28)
«Много, много у сырá дубá...» — 210
(Пушк. № 49)
«Молодец, побывай ты у меня!..» — 540
(Озн. Рус. песни № 1)
«Мурталитка-вор нерусской...» — 368
(Яз. № 42)
«Мучаюсь, мальчик, я страдаю...» — 308
(Кольц. № 23)
«Мы, бывалоца, были богатые...» — 561
(Кав. № 4)
«Мы все песенки перепели...» — 207
(Пушк. № 41)
«Мы пропилися, ребятушки, промотались...» — 358
(Яз. № 18)
«Мы ходили, мы гуляли...» — 398
(Як. № 12)

«На горе сосна расшаталася...» — 610
(Кир. № 20)

«На горушке калина...» — 431
(Костр. № 5)
«На дворе-дворичке, стоит кипарис-то древичко...» — 468
(Даль № 25)
«На дворе-то да вечеряется...» — 455
(Даль № 4)
«На заре-то было ей на зорюшки...» — 393
(Як. № 5)
«На зоре-то было, на зорюшке...» — 192
(Пушк. № 13)
«На коня парень садится...» — 614
(Кир. № 26)
«На лугу было лужочке...» — 476
(Даль № 40)
На послідне поруйнування Січі («В одно врем'я під Єлисаветом много орлів ізліталось...») — 269
(Гог. № 53)
«На святой Руси, в каменной Москве...» — 531
(Озн. № 12)
«На улице то дождь, то снег...» — 568
(Марк. № 2)
«Над горой, горой было над высокою...» — 349
(Яз. № 6)
«Найди горюшко на того тоска, на мово дружка...» — 370
(Яз. № 46)
«Научить ли тя, Ванюша...» — 612
(Кир. № 22)
«Не беги, не беги...» — 613
(Кир. № 24)
«Не белая лебедь со степи летит...» — 350
(Яз. № 8)
«Не белинька березанька к земле клонится...» — 189
(Пушк. № 8)
«Не былинушка в чистом поле зашаталася...» — 364
(Яз. № 33)
«Не былинушка во чистом поле зашаталася...» — 364
(Яз. № 32)
«Не было ветру — вдруг навенуло...» — 461
(Даль № 13)
«Не день, не два Виговський гетьман до Полтави сучив...» — см. Про полковника Пушкаря
«Не летай, мой соловей...» — 200
(Пушк. № 25)
«Не летай ты, сокол, высоко...» — 469
(Даль № 27)
«Не могли на молодца...» — 360
(Яз. № 24)
«Не могу я разгуляться...» — 309
(Кольц. № 24)
«Не осудите, мои голубушки...» — 491
(Даль № 62)
«Не повадно наше времечко, жарок сенокос...» — 544
(Озн. Рус. песни № 8)
«Не пой, не пой, соловушек, не пой, молодой...» — 414
(Як. № 35)
«Не разбушуй, холоден ветер...» — 470
(Даль № 29)
«Не разливайся, мой тихий Дунай...» — 472
(Даль № 34)
«Не сиди, красна девица...» — 571
(Жад. № 1)
«Не соловушек по лесам летал...» — 633
(Кир. № 54)
«Не сон-то клонит головушку, не дрема валит...» — 348
(Яз. № 4)
«Не стыдно ли вам, бояры...» — 209
(Пушк. № 47)
«Не теки, вода, с гор по камушкам...» — 604
(Кир. № 10)
«Не черной ворон по горам летал...» — 535
(Озн. № 19)
«Не шуми, мати зелена дубровушка...» — 622
(Кир. № 40)
«Не шуми, мати зеленая дубрава...» — 511
(Шев. № 1)
«Не шуми, мати зеленая дубрава!..» — 347
(Яз. № 1)
«Не шуми, мати зеленая дубрава!..» — 347
(Яз. № 3)
«Не шуми, мати зеленая дубрава!..» — 348
(Яз. № 5)
«Не шуми ты, мать зеленая дубровушка!..» — 347
(Яз. № 2)
«Несчастная девушка с горя пошутила...» — 546
(Озн. Рус. песни № 10)
«Ни по горам я ходила...» — 304
(Кольц. № 15)
«Ни под свет заря занималася...» — 310
(Кольц. № 25)
«Ни шум шумит...» — 403
(Як. № 21)
«Никому так не досталось...» — 298
(Кольц. № 10)
«Ничего в саду не видно, никого там не слыхать...» — 550
(Озн. Рус. песни № 17)
«Ночки темны...» — 402
(Як. № 18)
«Ну-тко сядемте, робята...» — 634
(Кир. № 56)
«О горе, горе!..» — 211
(Пушк. № 51)
О прутцком короле («Что никто, братцы, не знает и не ведает...») — 526
(Озн. № 5)
«Об чем мальчик сумневался...» — 324
(Кольц. № 37)
«Один-то был у отца у матери, единый сын...» — 190
(Пушк. № 9)
«Ой, Богдане, Богдане, запорожський гетьмане...» — см. Про гетьмана Богданка
«Ой, боже наш, боже милостивий..» — 268
(Гог. № 52)
«Ой, був в Січі старий сідий, на прозванье Чалий...» — см. Про Саву Чалого

«Ой, був у Січі старий козак прозванієм Чалий...» — см. Про Саву Чалого

«Ой, будеш, будеш, пане гетьмане, та нас шанувати...» — см. Про гетьмана Хмельницького

«Ой, в містечку славнім Берестечку...» — см. Про атамана Байду

«Ой ви, Ясси, Ясси, Ясси, були колись барзо ясні...» — см. Про Ясси

«Ой вы свахи, свахи княжия!..» — 498
(Даль № 71)

«Ой, з волохами турчин дереться...» — см. Про гетьмана Свирговського

«Ой, з города, з Немирова хмара вихожала...» — см. Про гетьмана Хмельницького

«Ой, з города що з Полтави виїзжали козаки...» — см. Про поход під Пиляву

«Ой, з-за гори, з-за кручі риплять вози ідучи...» — см. Про козака Морозенка

«Ой, з-за гори та з-за кручі горде військо виступає...» — см. Про козака Морозенка

«Ой, з-за гори та з-за кручі чорна хмарка виступає...» — см. Про козака Морозенка

«Ой, і сила, сила, сила силу подоліла...»— см. Про гетьмана Серпягу

«Ой Иван, ой Иван...» — 292
(Кольц. № 2)

«Ой, кому ж тоє, кому ж тоє знати, що треба починати?..» — см. Про гетьмана Хмельницького

«Ой,лугами та берегами та зеленії віти...» — см. Про полковника Перебійноса

«Ой молодость, молодость, девичья красота!..» — 617
(Кир. № 30)

«Ой, Морозе-Морозенку! найславний козак!..» — см. Про козака Морозенка

«Ой, на горі та женці жнуть...» — см. Про козака Сагайдачного

«Ой, пане Хмельниченку, Юроньку Юру!..» — см. Про гетмана Хмельниченка

«Ой під городом Бендером покопані шанці...» — см. Про козака Морозенка

«Ой, по горі вітер віє, віє-завіває...» — см. Про асаула Тетеренка

«Ой, пóд лесом под тёмным шелкова трава...» — см. В доме у нас хороводная

«Ой, прощай, прощай, світ біла Росія, тобі вольность зоставляєм...» — см. Пісня, яку співали тії запорожці, що відойшли до турка

«Ой, став пугач на могилі, та й крикнув він: пугу!..» — см. Про гетьмана Хмельницького

«Ой, степом, степом буйний вітер віє, сонце хмара вкрила...» — см. Про гетьмана Хмельницького

«Ой, Сьомуха волоцюга в Немиров ступає...» — см. Про поход під Пиляву

«Ой, ти гадаєш, пане Мазепо, гадаєш зміняти...»— см. Про полковника Палія

«Ой, трапилось проклятому Мазепі та коржики їсти...» — см. Про гетьмана Мазепу

«Ой, у городі Могилеві димом потягнуло...» — см. Про гетмана Наливайка

«Ой, у городі, то у городі у Бендері вернивода, вернивода з кручі...» — см. Про гетьмана Хмельницького

«Ой, у городі у Батурині дзвони задзвонили...» — см. Про полковника Лободу

«Ой, у городі у Львові зашуміли верби...» — см. Про гетьмана Серпягу

«Ой, у городі у Терехтемирьовому дзвони дзвонили...» — см. Про гетьмана Богданка

«Ой, хто в Криму не бував, той і дива не видав...» — см. Про козака Жадченка

«Ой, чи довго вам, панове, під Пилявой стояти?..» — см. Про поход під Пиляву

«Орлику, сизий орлику, молодий Чураю!..» — см. Про асаула Чурая

«От еды младу отбило...» — 306
(Кольц. № 20)

«Отдавала меня матушка...» — 509
(Вост. № 1)

«Отлетает мой соколик из моих ясных очей...» — 542
(Озн. Рус. песни № 4)

«Отставала лебедь белая...» — 500
(Даль № 75)

«Ох вы, кумушки-голубушки, подружки мои...» — 628
(Кир. № 47)

«Ох, да слабада ли ты моя, слабодушка...» — 420
(Як. № 43)

«Ох ли, пропала пропажа...» — 331
(Кольц. № 45)

«Ох ты, батюшка светел месяц...» — 563
(Кав. № 6)

«Ох ты, братец, мой братец, родной батюшка!..» — 360
(Яз. № 23)

«Ох ты, Дунюшка, прежня любушка!..»— 550
(Озн. Рус. песни № 16)

«Ох ты, милый друг, научи меня...» — см. Хороводная

«Падкая моя, жалостливая...» — 457
(Даль № 7)

«Падкая моя, жалостливая...» — 485
(Даль № 54)

«Падкая моя, жалостливая...» — 487
(Даль № 56)

«Падкая моя, жалостливая...» — 489
(Даль № 60)

«Падкая моя, жалостливая...» — 493
(Даль № 64)

«Пала-пала с неба звездочка...» — 496
(Даль № 67)

«Перевейся, хмелюшка...» — 585
(Пис. № 12)

«Перепелка-пташечка...» — 357
(Яз. № 16)

Песня вечериночная («Ты хрен, ты мой хрен...») — 605
(Кир. № 12)

Песня государыни Екатерины Алексеевны («Пишет письмы король прутской...») — 528
(Озн. № 9)

Песня императора Петра Первого («Как во светло было во Христово воскресеньице...») — 525
(Озн. № 4)

Песня о пугачевском бое («Из уральского городка...») — 529
(Озн. № 10)

Песня о сыне Сеньки Разина («В городе-то было во Астрахане...») — 183
(Пушк. № 1)

Песня о турецком короле («Поле, поле чистое...») — 530
(Озн. № 11)

Пісня, яку співали тії запорожці, що відойшли до турка («Ой, прощай, прощай, світ біла Росія, тобі вольность зоставляем...») — 268
(Гог. № 51)

«Пишет письмы король прутской...»— см. Песня государыни Екатерины Алексеевны

«Плавала чарочка в сладком меду...» — 468
(Даль № 26)

‹План статьи о русских песнях› («Вступление...») — 218
(Пушк.)

«По большой-то дороженьке...» — см. Казнь Долгорукова

«По горенки похожу...» — 394
(Як. № 6)

«По лужкам, лужкам зеленым...» — 554
(Озн. Рус. песни № 26)

«По лужочку гуляла...» — 299
(Кольц. № 11)

«По́ меду-мёду по па́точному...» — 217
(Пушк. № 60)

«По морю, по морю, по тихому озеру...» —324
(Кольц. № 38)

«По морю синему...» — 606
(Кир. № 15)

«По неволюшке женил сынка батюшка...» — 550
(Озн. Рус. песни № 18)

«По полю-полю, по широкому полю...»— 464
(Даль № 19)

Подблюдная («Идет кузнец из кузницы...») — 602
(Кир. № 4)

Подблюдная («Сидит воробей на пе́регороде...») — 603
(Кир. № 5)

Подблюдная («У Спаса в Чигасах за Яузою...») — 602
(Кир. № 3)

Подблюдная («Я на корыте сижу, корысти жду...») — 602
(Кир. № 2)

Подблюдная («Я поставлю квашонку на донушке...») — 602
(Кир. № 1)

«Подпили-пили две невестушки...» — 580
(Пис. № 6)

«Подуй-подуй, погодушка, со восточной стороны...» — 549
(Озн. Рус. песни № 15)

«Пойду в полюшко гулять...» — см. Протяжная

«Пойду выду на крыльцо...» — 307
(Кольц. № 21)

«Поле, поле чистое...» — см. Песня о турецком короле

«Полынка, ты ли полынка, травка-полынь горькая!..» — 433
(Костр. № 11)

«Поп ты чудила, поп буян...» — 305
(Кольц. № 18)

«Попляшите, девушки...» — 294
(Кольц. № 3)

«Породила ли меня матушка несчастного на горе...»— 434
(Костр. № 13)

«После моего-то бываньица...» — 489
(Даль № 59)

«После моего-то бываньица...» — 499
(Даль № 74)

Пословицы — 596—597
(Мельн. № 7)

«Пошел молодец по базару гулять...»— 439
(Костр. № 26)

«Пошли де́вицы во лу́зь гуляти...» — 631
(Кир. № 51)

«Приехали купчики с-под Москвы...» — 294
(Кольц. № 4)

«Прилегайте, ветви, ко сырой земле!..» — 479
(Даль № 45)

«Приустали мои ножиньки со дороженьки...» — 551
(Озн. Рус. песни № 19)

«Приутихните, гуси, на море...» — 496
(Даль № 66)

Про асаула Тетеренка
1. «Ой, по горі вітер віє, віє-завіває...»
2. «Славна стала, славна стала та Чигринська рада...» — 242—243
(Гог. № 6—7)

Про асаула Чурая («Орлику, сизий орлику, молодий Чураю!..») — 243
(Гог. № 8)

Про атамана Байду («Ой, в містечку славнім Берестечку...») — 238
(Гог. № 3)

Про атамана Гордієнка («Запорожці небожата! Пшениця нежата...») — 252
(Гог. № 21)

Про гетмана Наливайка
1. «Ой, у городі Могилеві димом потягнуло...»
2. «Славна стала та кравчина, як на Польшу стала...» — 240
(Гог. № 4—5)

Про гетмана Хмельниченка («Ой, пане Хмельниченку, Юроньку Юру!..») — 251
(Гог. № 18)

Про гетьмана Богданка
1. «Ой, у городі у Терехтемирьовому дзвони дзвонили...»
2. «Ой, Богдане, Богдане, запорожський гетьмане...» — 263
(Гог. № 38—39)

Про гетьмана Мазепу
1. «Мазепо, гетьмане, ізрадливий пане!..»
2. «Ой, трапилось проклятому Мазепі та коржики їсти...» — 257
(Гог. № 26—27)

Про гетьмана Свирговського
1. «Ой, з волохами турчин дереться...»
2. «Як того пана Йвана...» — 237—238
(Гог. № 1—2)

Про гетьмана Серпягу
1. «Ой, у городі у Львові зашуміли верби...»
2. «Ой, і сила, сила, сила силу подоліла...» — 248
(Гог. № 11—12)

Про гетьмана Хмельницького
1. «Чи не той то хміль, що коло тичин в'ється?..»
2. «Ой, кому ж тоє, кому тоє знати, що треба починати?..»
3. «Ой, з города, з Немирова хмара вихожала...»
4. «Ой, будеш, будеш, пане гетьмане, та нас шанувати...»
5. «Ой, став пугач на могилі, та й крикнув він: пугу!..»
6. «Ой, степом, степом буйний вітер віє, сонце хмара вкрила...»
7. «Ой, у городі, то у городі у Бендері вернивода, вернивода з кручі...»— 264—266
(Гог. № 40—46)

Про Гриця
1. «Та встань, батьку, та встань, Грицю, кличуть тебе люди...»
2. «Велик світ наша мати, що нас породила...» — 267
(Гог. № 47—48)

Про козака Жадченка («Ой, хто в Криму не бував, той і дива не видав...») — 258
(Гог. № 30)

Про козака Морозенка
1. «Ой, з-за гори, з-за кручі риплять вози ідучи...»
2. «Ой під городом Бендером покопані шанці...»
3. «Ляхи кажуть, турки кажуть: Україна плаче...»
4. «Ой, з-за гори та з-за кручі горде військо виступає...»
5. «Ой, з-за гори та з-за кручі чорна хмарка виступає...»
6. «Ой, Морозе-Морозенку! найславний козак!..» — 258—261
(Гог. № 31—36)

Про козака Сагайдачного («Ой, на горі та женці жнуть...») — 254
(Гог. № 22)

Про козака Швачку («Зажурилася Україна, що нігде прожити...») — 257
(Гог. № 28)

Про полковника Лободу («Ой, у городі у Батурині дзвони задзвонили...») — 262
(Гог. № 37)

Про полковника Палія
1. «Ой, ти гадаєш, пане Мазепо, гадаєш зміняти...»
2. «Високо сонце сходить, низенько ложиться...»
3. «Та ще хмілю, хмілю та ще зелененький на тичину не звівся...» — 254—256
(Гог. № 23—25)

Про полковника Перебійноса («Ой, лугами та берегами та зеленії віти...») — 250
(Гог. № 17)

Про полковника Пушкаря
1. «Не день, не два Виговський гетьман до Полтави сучив...»
2. «Тече річка невеличка, Ворсклом називають...» — 251—252
(Гог. № 19—20)

Про полубітковську недолю («У неділю рано-порану...») — 268
(Гог. № 49)

Про поход на Ліпію («У Глухові у городі у всі дзвони дзвонють...»)— 257
(Гог. № 29)

Про поход під Пиляву
1. «Ой, з города що з Полтави виїзжали козаки...»
2. «Ой, Сьомуха волоцюга в Немиров ступає...»
3. «Ой, чи довго вам, панове, під Пилявой стояти?..» — 249—250
(Гог. № 13—15)

Про Саву Чалого
1. «Ой, був у Січі старий козак прозванієм Чалий...»
2. «Ой, був в Січі старий сідий, на прозванье Чалий..» — 244—248
(Гог. № 9—10)

Про Ясси («Ой ви, Ясси, Ясси, Ясси, були колись барзо ясні...») — 250
(Гог. № 16)

«Против солнца на востоке...» — 372
(Яз. № 48)

«Против солнца на восхóде...» — 620
(Кир. № 36)

Протяжная («Пойду в полюшко гулять...») — 618
(Кир. № 32)

«Прошло лето, прошла осень, прошла красная весна...» — 554
(Озн. Рус. песни № 25)

«Разаренный путь-дорожка...» — 405
(Як. № 23)

«Разнесчастный удал добрый молодец!..» — 436
(Костр. № 18)

«Разоренная путь-дороженька!..» — 531
(Озн. № 13)

«Расступитесь, князья-бояре...» — 499
(Даль № 72)

«Растужутся - расплачутся добры молодцы, донски казаки...» — 361
(Яз. № 25)

Свадебные обряды в горных заводах ⟨Урала⟩ — 450—501
(Даль)

«Сват, сват молодой!..» — 209
(Пушк. № 46)

«Сватался вор Яшка...» — 618
(Кир. № 31)

«Сватушка — гость богатый, торова́тый...» — 207
(Пушк. № 42)
«Сидит воробей на перегороде...» — см. Подблюдная
«Сидит Олень под кореньями...» — см. Хороводная
«Сиз голубчик, душа мой...» — 615
(Кир. № 27)
«Сизая моя голубушка...»—457
(Даль № 8)
«Сизая ты моя голубушка...» — 489
(Даль № 58)
«Сизыя вы мои голубушки...» — 456
(Даль № 6)
«Сизыя вы мои голубушки...» — 458
(Даль № 11)
«Сизыя вы мои голубушки...» — 492
(Даль № 63)
«Сизыя вы мои голубушки...» — 495
(Даль № 65)
«Скакал чижик-воробей...» — 604
(Кир. № 9)
«Славна стала, славна стала та Чигринська рада...» — см. Про асаула Тетеренка
«Славна стала та кравчина, як на Польшу стала...» — см. Про гетмана Наливайка
«Слетались голуби, слетались сизые...»— 604
(Кир. № 11)
«Слобода ль ты моя, слободушка!..» — 369
(Яз. № 44)
«Слушайте-прислушайте...» — 583
(Пис. № 10)
«Со синя моря Хвалынского...» — 486
(Даль № 55)
«Собирался император...» — 533
(Озн. № 16)
«Собрала невеста подружек...» — 203
(Пушк. № 33)
«Соколик мой ясный, высоко ж, сокол, летаешь, меня спокидаешь...» — 430
(Костр. № 3)
«Солдатушки молодые...» — 431
(Костр. № 6)
«Соловейко молодой...»— 581
(Пис. № 7)
«Сохнит в поле травка...» — 330
(Кольц. № 43)
«Стенька Чувашенин по́ лесу гулял...» — 621
(Кир. № 38)
«Стоит бурлак под горой...» — 552
(Озн. Рус. песни № 23)
«Суздальцы! Владимирцы!..» — 401
(Як. № 16)

«Та встань, батьку, та встань, Грицю, кличуть тебе люди...» — см. Про Гриця
«Та ще хмілю, хмілю та ще зелененький на тичину не звівся...» — см. Про полковника Палія
«Танюшка, Татьяна...» — 305
(Кольц. № 19)
«Тече річка невеличка, Ворсклом називають...» — см. Про полковника Пушкаря
«Течет речка...» — 315
(Кольц. № 30)
«Тёща про зятюшку сдобничала...» — 218
(Пушк. № 61)
«Только я выйду за вороты...» — 408
(Як. № 27)
«Трубчи́стая коса...» — 203
(Пушк. № 30)
«Туманы мои, туманушки!..» — 363
(Яз. № 30)
«Туто жил-поживал господин Волконский князь...» — 192
(Пушк. № 12)
«Туча с громом сговаривалась...» — 603
(Кир. № 8)
«Ты взойди-ка, взойди, солнце красное...» — 562
(Кав. № 5)
«Ты взойди-ка-ся, взойди, красная солнушка!..» — 418
(Як. № 41)
«Ты взойди, ты взойди, красно солнушко...» — 296
(Кольц. № 7)
«Ты воспой-ка, воспой...» — 420
(Як. № 45)
«Ты воспой, ты воспой, душа соловьюшек...» — 298
(Кольц. № 9)
«Ты заной, ⟨заной⟩, моё сердечушко...»— 406
(Як. № 25)
«Ты злодей, злодей, земляна тюрьма...»— 353
(Яз. № 11)
«Ты корчма моя, корчма...» — 302
(Кольц. № 13)
«Ты, коса моя, косонька...» — 460
(Даль № 12)
«Ты крапива ли моя, крапивушка...» — 534
(Озн. № 18)
«Ты не пой, не пой, душа соловей...» — 400
(Як. № 14)
«Ты, невеста, перед кем стойшь...» — 206
(Пушк. № 37)
«Ты о чем, моя кукушечка...» — 439
(Костр. № 25)
«Ты постой-постой, лошадь-добрый конь!..» — 500
(Даль № 76)
«Ты приятель, приятель, друг ты мой сердечный!..» — 438
(Костр. № 22)
«Ты прости, ты прощай, милая...» — 438
(Костр. № 24)
«Ты река ли моя, реченька...» — 209
(Пушк. № 48)
«Ты скажи, скажи, моя разлюбезная...»— 434
(Костр. № 14)
«Ты стой, моя роща...» — 320
(Кольц. № 34)
«Ты стой, моя роща...» — см. Весенняя песня
«Ты сударушка, ты сударушка ты моя...» — 438
(Костр. № 23)
«Ты хрен, ты мой хрен...» — см. Песня вечериночная

«У Глухові у городі у всі дзвони дзвонють...» — см. Про поход на Лінію
«У голубя, у голубя золотая голова...»— 612
(Кир. № 21)
«У Калуцкова купца...» — 402
(Як. № 19)
«У князя Володимера...» — 355
(Яз. № 14)
«У нас свата...» — 398
(Як. № 11)
«У нас-то было, братцы, на Яйке на Горыниче...» — 352
(Яз. № 10)
«У неділю рано-порану...» — см. Про полубітковську недолю
«У попа у батюшки...» — 214
(Пушк. № 55)
«У сахарного древичка...» — 474
(Даль № 36)
«У Спаса в Чигасах за Яузою...» — см. Подблюдная
«Уж вы выходы, выходы!..» — 482
(Даль № 48)
«Уж вы, горы мои...» — 566
(Марк. № 1)
«Уж вы, горы, мои горы...» — 524
(Озн. № 2)
«Уж вы, ножки, ножки резвыя...» — 497
(Даль № 68)
«Уж вы ночи ль вы мои...» — 410
(Як. № 28)
«Уж вы сени, сени новыя...» — 499
(Даль № 73)
«Уж как на горе-горе...» — 473
(Даль № 35)
«Уж как на горе, горе...» — 490
(Даль № 61)
«Уж как нóнешние люди...» — 201
(Пушк. № 26)
«Уж как по морю...» — 472
(Даль № 33)
«Уж как строил мне батюшка высок терём...» — 624
(Кир. № 42)
«Уж как у броду-броду...» — 475
(Даль № 38)
«Уж мне нынешний день скука...» — 300
(Кольц. № 12)
«Уж ты винная ягодка...» — 481
(Даль № 47)
«Уж ты воля, моя воля...» — 411
(Як. № 30)
«Уж ты гой еси, млад ясен сокол!..»— 497
(Даль № 69)
«Уж ты царь ли мой да царевич...» — 479
(Даль № 44)
«Уж ты, яблонь ли, яблонь кудрявая моя!..» — 461
(Даль № 14)
«Уж я во горе не услышала...» — 458
(Даль № 10)
«Уж я хрен рощу...» — см. Игральная
«Уже вéчер на дворе, вечереется...» — 210
(Пушк. № 50)
«Ужь ты, молодость моя молодецкая!..» 437
(Костр. № 19)
«Ужь я старого я мужа как-нибудь обману...» — 435
(Костр. № 15)
«Уродился я несчастлив, бесталанлив...»— 195
(Пушк. № 18)
«Уточка, покупайся...» — 482
(Даль № 50)
Фольклорный дневник — 389—406
(Як.)
«Ходил козел на базар...» — 594
(Мельн. № 4)
Хороводная («Возле речки Москва-речки...») — 613
(Кир. № 23)
Хороводная («Ох ты, милый друг, научи меня...») — 608
(Кир. № 17)
Хороводная («Сидит Олень под кореньями...») — 573
(Пис. № 1)
«Хорошо тому на свете жить...» — 626
(Кир. № 44)
«Цвели в саду два цветочка...» — 552
(Озн. Рус. песни № 22)
«Чей это садочик...» — 330
(Кольц. № 44)
«Через речушку на горку ковыль-травка вьется...» — 430
(Костр. № 2)
«Черна ягодка смородинка...» — 358
(Яз. № 17)
«Чернецкое пиво...» — 327
(Кольц. № 41)
«Чернобровый, черноглазый, молодец душа хороший!..» — 616
(Кир. № 28)
«Чи не той то хміль, що коло тичин в'ється?..» — см. Про гетьмана Хмельницького
«Что за горе, за беда...» — 412
(Як. № 33)
«Что за диво за такое...» — 316
(Кольц. № 31)
«Что идет-то, ко мне жалует...» — 457
(Даль № 9)
«Что на горке на горе, на высокой, на крутой...» — 632
(Кир. № 53)
«Что не винная река протекла...» — 475
(Даль № 39)
«Что не пыль в поле запылелася...» — 497
(Даль № 70)
«Что никто, братцы, не знает и не ведает...» — см. О прутцком короле
«Что ты, батюшка Ярослав-город!..» — 404
(Як. № 22)
«Что ты, Ванюшка, не весел...» — 546
(Озн. Рус. песни № 11)
«Что у нас в поле за пыль пылит...» — 622
(Кир. № 39)
«Что я, что я засиделася?..» — 454
(Даль № 3)
«Чтой-то за сердце...» — 308
(Кольц. № 22)
«Чье это поле негороженое?..» — 482
(Даль № 49)

«Шел детинушка дорогою, шел широкою...» — 368
(Яз. № 40)
«Шел мой милый друг рекою, а я крутым бережечком...» — 437
(Костр. № 21)
«Шел молодец дорогою...» — 366
(Яз. № 36)
«Шла Дуняша из лесочку, гнала стадо лебедей...» — 554
(Озн. Рус. песни № 24)
«Што за мот, за вдал добрый молодец...» 434
(Костр. № 12)
«Што это за сердце во мне все изныло...»— 393
(Як. № 4)

«Я вечер ли, молодец, позднехонько загулялся...» — 551
(Озн. Рус. песни № 20)
«Я вечор, вечор, добрый молодец...» — 195
(Пушк. № 17)
«Я вечор, добрый молодец, загулялся...»— 414
(Як. № 34)
«Я мала была — горя не было...» — 420
(Як. № 44)
«Я на корыте сижу, корысти жду...» — см. Подблюдная
«Я по бережку нахаживала...» — 401
(Як. № 17)
«Я пó лугу похаживала...» — 618
(Кир. № 33)
«Я по травке шла, по муравке шла...» — 392
(Як. № 2)
«Я посею-ль, млада-молоденька, цветиков маленько...» — 416
(Як. № 38)
«Я поставлю квашонку на донушке...» — см. Подблюдная
«Я сажу-сажу капустку...» — 311
(Кольц. № 26)
«Я сижу, молода, возле реченьки...» — 629
(Кир. № 48)
«Ягода с ягодой сокатилася!..» — 214
(Пушк. № 54)
«Яицки казаки-бунтовщики...» — 449
(Даль)
«Як того пана Йвана...» — см. Про гетьмана Свирговського

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ 5

СТАТЬИ

П. В. КИРЕЕВСКИЙ И СОБРАННЫЕ ИМ ПЕСНИ
Статья Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова 9

СУДЬБА ПЕСЕН, СОБРАННЫХ П. В. КИРЕЕВСКИМ (история публикации)
Статья А. И. Баландина и П. Д. Ухова 77

ФОЛЬКЛОРНОЕ СОБРАНИЕ П. В. КИРЕЕВСКОГО И РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ
Статья А. Д. Соймонова 121

ПУБЛИКАЦИИ

ПРИНЦИПЫ ПУБЛИКАЦИИ ТЕКСТОВ ПЕСЕН, ПРИНЯТЫЕ В НАСТОЯЩЕМ ТОМЕ
Текстологическая справка А. П. Евгеньевой 169

А. С. ПУШКИН

Публикация А. Д. Соймонова
Вступительная статья и комментарии А. Д. Соймонова . . 171

Н. В. ГОГОЛЬ

Публикация И. Я. Айзенштока и П. Д. Ухова
Вступительная статья И. Я. Айзенштока
Комментарии И. Я. Айзенштока и В. В. Митрофановой 231

А. В. КОЛЬЦОВ

Публикация П. Д. Ухова
Вступительная статья И. М. Колесницкой
Комментарии И. М. Колесницкой и А. Д. Соймонова 281

Н. М. ЯЗЫКОВ

Публикация П. Д. Ухова
Вступительная статья и комментарии А. Д. Соймонова . . 339

П. И. ЯКУШКИН

Публикация П. Д. Ухова
Вступительная статья и комментарии А. И. Баландина . . 375

Н. А. КОСТРОВ

Публикация П. Д. Ухова
Вступительная статья и комментарии З. И. Власовой . . . 427

В. И. ДАЛЬ

Публикация П. Д. Ухова
Вступительная статья Г. Г. Шаповаловой
Комментарии Н. П. Колпаковой и Г. Г. Шаповаловой 441

А. М. ТУРГЕНЕВ

Вступительная заметка и публикация П. Д. Ухова
Комментарии А. И. Баландина 505

А. Х. ВОСТОКОВ

Вступительная заметка и публикация П. Д. Ухова
Комментарии А. И. Баландина 508

С. П. ШЕВЫРЕВ

Вступительная заметка и публикация П. Д. Ухова
Комментарии А. И. Баландина 511

Д. П. ОЗНОБИШИН

Публикация С. И. Минц
Вступительная статья Т. Г. Динесман
Комментарии З. И. Власовой и С. И. Минц при участии М. Е. Роговской 513

К. Д. КАВЕЛИН

Публикация П. Д. Ухова
Вступительная заметка и комментарии А. И. Баландина и П. Д. Ухова 559

А. В. МАРКОВИЧ

Публикация П. Д. Ухова
Вступительная заметка и комментарии А. И. Баландина 565

Ю. В. ЖАДОВСКАЯ

Вступительная заметка и публикация П. Д. Ухова
Комментарии А. И. Баландина 569

А. Ф. ПИСЕМСКИЙ

Публикация П. Д. Ухова
Вступительная заметка и комментарии И. М. Колесницкой 573

П. И. МЕЛЬНИКОВ-ПЕЧЕРСКИЙ

Публикация П. Д. Ухова
Вступительная заметка и комментарии И. М. Колесницкой 589

П. В. КИРЕЕВСКИЙ

Публикация П. Д. Ухова
Вступительная статья А. Д. Соймонова
Комментарии Н. П. Колпаковой 599

ПЕТР ДМИТРИЕВИЧ УХОВ

Некролог 639

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ 643

ОБЪЯСНЕНИЯ ОБЛАСТНЫХ И МАЛОПОНЯТНЫХ СЛОВ 647

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ
Составила Т. Г. Динесман 649

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ
Составила Е. М. Львова 655

УКАЗАТЕЛЬ ТЕКСТОВ
Составила Е. М. Львова 667

В томе 152 иллюстрации и одна вклейка

Литературное наследство,
том 79

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А. М. Горького
Академии наук СССР

Редактор *А. Т. Лифшиц*
Технический редактор *Л. Н. Золотухина*
Корректоры *В. Г. Безсловский* и *Т. А. Пономарева*

Сдано в набор 18/V 1967 г. Подписано к печати 30/XI 1967 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Усл. печ. л. 59,65.
Уч.-изд. л. 56,4. Бумага № 1. А13533. Тираж 4000.
Тип. зак. 2787. Цена 3 р. 60 коп.

Издательство «Наука».
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука».
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

3 р. 60 к.

Вышел в свет 76-й том «Литературного наследства» — «И. С. Тургенев. Новые материалы и исследования». Центральное место в нем занимают исследования и публикации, объединенные общей темой «Тургенев и русское революционное движение».

Эта тема разрабатывается в статьях, составляющих первый раздел тома, который посвящен изучению романов Тургенева и вопроса о его взаимоотношениях с революционными демократами 1850—1860-х годов и с народническими революционерами 1870-х годов.

Во втором разделе публикуются материалы, содержащие неизвестные высказывания о Тургеневе и его творчестве видных деятелей русского революционного движения. Здесь печатаются: лекция землевольца С. С. Рымаренко об «Отцах и детях», статьи П. Л. Лаврова, Г. А. Лопатина, С. М. Степняка-Кравчинского и др.

В третьем разделе собраны воспоминания и дневниковые записи о Тургеневе его современников, в том числе дневники П. А. Васильчикова, в которых записаны подробные рассказы Тургенева о революционном Париже 1848 г., дневники и письма художника Боголюбова, связанного с Тургеневым близкими отношениями в 1870—1880-е годы, дневниковые записи дочери декабриста Н. И. Тургенева, Фанни Тургеневой, воспоминания о встречах с Тургеневым в последние годы его жизни Ж. Кларти, Э. Липгарта, И. Е. Цветкова и др.

Четвертый раздел содержит обзоры и сообщения, в которых освещены различные темы, представляющие интерес для изучения великого писателя: Тургенев и М. С. Щепкин, А. И. Эртель о Тургеневе, Спасское-Лутовиново в пейзажных этюдах Я. П. Полонского.

В томе более двухсот иллюстраций и одна вклейка (автографы писателя, неизвестные его портреты, рисунки и проч.).

Книгу можно приобрести в магазинах «Академкнига»: Москва, ул. Горького, 8; Ленинград, Литейный проспект, 57.

Для получения книги почтой заказы направлять по адресу: Москва — Центр, Б. Черкасский пер., 2/10, контора «Академкнига», или в ближайший магазин «Академкнига».

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·